

ГОДЪ

ШЕСТЫЙ

# РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ.

1.

П Р И

1868.

## ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

### СОДЕРЖАНИЕ:

1. Письма государыни императрицы *Маріи Теодоровны* къ князю С. П. Гагарину.
2. 1807-й годъ. Письма съ дороги отъ князя *А. Б. Куракина* къ государынѣ императрицѣ *Маріи Теодоровнѣ*, въ видѣ дневника. I—VII (Рига, Мемель и Тильзитъ).
3. Существуютъ ли Записки графа М. А. Мамонова? Замѣтка *Н. С. Киселева*.
4. Графъ М. А. Мамоновъ. Разсказъ изъ семейной памяти *П. Г. Кичеева*.
5. Одинъ изъ собственноручныхъ указовъ *Петра Великаго*, какъ бить зорю.
6. Письмо *Петра Великаго* къ князю М. М. Голицыну о разведеніи буковыхъ деревьевъ.
7. Письмо великой княжны *Александры Николаевны* къ В. А. Жуковскому.
8. Генераль Бонапартъ — оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія, съ предисловіемъ князя *М. А. Оболенскаго*.
9. О возстановленіи новаго Славяносербскаго государства. Записка митрополита *Стратиміровича* 1804 года.
10. Письмо Сербскаго патріарха *Радича* къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ. 1848.
11. Дополненія къ Запискамъ *Д. Б. Мертваго*. (Два разсказа и Завѣщаніе).
12. Четыре письма высокопреосвященнѣйшаго *Филарета*, митрополита Московскаго: а) къ А. А. Полторацкой, б) Д. Б. Мертваго, в) В. М. Мертваго.
13. Замѣтка на „Воспоминанія“ В. И. Панаева, *Н. В. Путяты*.
14. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ В. А. Жуковскому.
15. Письма *В. А. Жуковскаго* къ князю А. Н. Голицыну о Баратынскомъ.
16. Общая роспись статьямъ „Русскаго Архива“ за первые пять лѣтъ сего изданія.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милковой.

1868.

# ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА.

## І. І Е З У И Т Ы

### И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

ПИСЬМА Ю. Θ. САМАРИНА КЪ ОЦУ МАРТЫНОВУ.

Осталось въ небольшомъ количествѣ.

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи. М. 1866.  
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

### 2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Исслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. (8°. IV, 384 и 176 стр.) съ примѣчаніями и указателемъ. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

### 3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА І-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII 240 и VIII стр.) Цѣна  
1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе **ВСЪ ТРИ КНИГИ ВМѢСТѢ**, обращаясь въ Москву, въ  
Чертковскую библіотеку, не платятъ ничего за пересылку.

У КНИГОПРОДАВЦА **И. Г. СОЛОВЬЕВА** на Страстномъ бульварѣ въ д.  
Загряжскаго.

### ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитриева.  
Москва 1866. 8°. 113 стр. Цѣна 2 р. с. съ пер. 2 р. 50 к.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

**ГОДЪ ШЕСТЫЙ.**





# РУССКОЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ

БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ.



МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСТЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.

1869.



# СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА

## ЗА ПЕРВЫЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ СЕГО ИЗДАНІЯ.

(1863. 1864. 1865. 1866 и 1867.)

Указанія страницъ на 1863, 1864 и 1865 годы сдѣланы по вторымъ, болѣе распространеннымъ изданіямъ этихъ годовъ.

### ДО ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614 года), съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина. **1863, 42—82.**

Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. Л. П. Яковлева. **1863, 82—84.**

Списокъ съ челобитной Василя Васильева сына Полозова. **1865, 19—24.**

### ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЕКАТЕРИНА I.

Хозяйственныя распоряженія Екатерины Иоанновны и Прасковьи Иоанновны. **1865, 323—330.**

Первая супруга Петра I, Евдокія Феодоровна. Статья И. М. Снегирева. **1863, 114—125.**

Старинная пѣсня о царицѣ Евдокии Феодоровнѣ, съ нотами и замѣткою кн. В. Ѳ. Одоевскаго. **1863, 125—129.**

Письма Петра Великаго къ кн. Федору Юрьевичу Ромодановскому. **1865, 25—62.**

Шуточный патентъ Петра Великаго думному дворянину Прокопію Ушакову. **1865, 61—62.**

Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣч. П. Алексѣева. **1863, 92—102.**

О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга. **1863, 103—114.**

Пункты о Петергофѣ, Петра Великаго. **1863, 333—334.**

Петръ Великій въ Парижѣ, статья М. П. Полуденскаго. **1865, 63—90.**

Просьба Петра Апраксина и рѣшеніе Петра Великаго. **1863, 334—337.**

Письмо Якова Брюса къ Петру Великому о крѣпостныхъ строеніяхъ. **1867, 1185—1186.**

Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя Стефана Рамбурха. **1867, 1187—1188.**

Свѣдѣнія о Васильѣ Киприановѣ, бібліотекарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I, съ предисловіемъ М. Д. Хмырова. **1866, 1291—1300.**

Путешествіе въ святую землю священника Іоанна Лукьянова. **1863, 129—332.**

Замѣтка о путешествіи Лукьянова, П. И. Бартенева. **1863, 332—333.**

Еще о путешествіи Лукьянова, Г. А. Милорадовича **1864, 1167—1168.**

Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великому. **1864, 141—143.**

Малоизвѣстный анекдотъ о Петрѣ Великому. **1867, 1341—1342.**

Письмо Спафарія къ боярину Головину. **1867, 308—309.**

Письма (гр.) П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому. **1864, 144—160.**

Письмо Теофана Прокоповича къ Киевскому архіепископу о Братскомъ Училищномъ монастырѣ. **1865, 329—336.**

- Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. М. Н. Лонгинова. **1864**, 218—232.
- Контръ-адмиралъ Никита Петровичъ Вильбуа (автобіографическія показанія). **1867**, 1188—1203.
- Записки графа Бассевича, служація къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725). Перев. съ французскаго И. О. Аммона. **1865**, 92—274.
- Письма и выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генералъ-полицеймейстера Девіера къ князю А. Д. Меншикову (числомъ 65). **1865**, 274—318.
- Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровской церковью, въ Переяславль, статья А. В. Терещенки. **1865**, 317—322.
- Похв. слово Софронія Лихуды Екатерины I, съ замѣткою В. М. Ундольскаго. **1863**, 337—356.
- Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Θεодосія. **1864**, 160—207.
- Письмо Θεофана Прокоповича къ импер. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ. **1863**, 357—362.
- Докладъ импер. Аннѣ кн. Шаховскаго. **1866**, 48—50 (объ отношеніяхъ Нѣмцевъ къ Русскимъ въ службѣ).
- Донесеніе Московскаго генералъ-губернатора гр. С. А. Салтыкова къ импер. Аннѣ о кн. Долгорукихъ. **1866**, 46—48.
- Изъ жизни государыни-невѣсты княжны Е. А. Долгорукой, статья Р. Г. Игнатъева. **1866**, 38—46.
- Памятныя записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. **1867**, 1—64.
- Челобитная княгини Н. Б. Долгорукой. **1867**, 1167—1168.
- Бисмаркъ на русской службѣ, статья кн. А. П. Голицына. **1867**, 904—911.
- Для біографіи герцога Бирона (сообщено С. М. Соловьевымъ). **1867**, 469—473.
- Письмо придворнаго шута Петра Мира къ Флорентинскому герцогу. **1864**, 232—235.
- Подлинныя бумаги по дѣлу о убіеніи Синклера, съ предисловіемъ Ю. В. Толстаго. **1866**, 674—685.

## П Е Т Р Ъ II-Й.

- Прошеніе Малороссійанъ императору Петру II. **1864**, 207—217.
- Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ 1721 и 1727 гг. **1867**, 321—332.
- Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866**, 273—284.

## АННА ІОАННОВНА.

- Царствованіе Анны Іоанновны (изъ Германа), переводъ съ нѣмецкаго. **1866**, 1—38, 137—171, 661—674, 1349—1374, 1508—1538.
- Диспозиція и церемоніалъ торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16 Генваря 1732 года. **1867**, 332—341.
- Шесть писемъ А. П. Волынскаго къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. **1865**, 337—344.
- Черты изъ жизни имп. Елизаветы Петровны въ царствованіе Анны. **1865**, 343—346.
- Письмо Шотландцевъ къ имп. Елизаветѣ Петровнѣ. **1865**, 347—352.

## ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

\*\*\*

Царствованіе Іоанна VI Антоновича (изъ сочиненія Германа). Переводъ съ нѣмецкаго **1867**, 161—189.

Совѣтъ Фридриха Великаго имп. Елизаветѣ Петровнѣ (объ угнетеніи Брауншвейгской фамиліи). **1866**, 1541—1544.

Русскіе солдаты въ Пруссіи. **1866**, 1539—1541.

Два письма Арсенія Мацѣвича къ имп. Елизаветѣ. **1866**, 50—52.

Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣвича (его мѣры по Ярославской епархіи). **1863**, 376—380.

Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**, 227—274.

Письмо канцлера Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патриарху о скоромной пищѣ въ посты. **1865**, 351—354.

Письмо принца Августа Голштинскаго съ замѣчаніями имп. Елизаветы и канцлера гр. Бестужева-Рюмина. **1863**, 362—367.

Допросы гр. Миниху, гр. Головкину, гр. Остерману 1742 года. **1864**, 235—272.

Фельдмаршалъ Минихъ изъ Сибири. (Письма его къ имп. Елизаветѣ). **1865**, 353—382.

Еще письмо гр. Миниха изъ Сибири. **1866**, 171—185.

Для біографіи графа Іоанна Эрнста Миниха. **1866**, 1544—1567.

Къ исторіи семилѣтней войны, записки пастора Теге. **1864**, 274—336.

Письма гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина къ Ивану Ивановичу Шувалову. **1863**, 367—375.

Письма гр. М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову. **1864**, 336—400.

Бумаги кн. М. Н. Волконскаго. **1865**, 681—722.

Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ. М. О. Шугурова. **1866**, 304—324.

Салтычиха. Статья П. Г. Кичѣва. **1865**, 641—652.

## П Е Т Р Ъ III.

Письма имп. Петра III къ И. И. Шувалову. **1866**, 580—583.

Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III, П. К. Щебальскаго. **1866**, 284—304.

## ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И ЕЯ ВѢКЪ.

Разсказы имп. Екатерины II-й о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. **1865**, 479—494.

Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ В. К. Константина Павловича). **1863**, 382—387.

Нравственные идеалы Екатерины II (Ея замѣтка на экземплярѣ Фенелонова Телемака). **1863**, 380—382.

О видахъ добра. (Замѣтка Екатерины II, написанная для гр. А. С. Строганова). **1864**, 404—407.

Распоряженіе Екатерины II (чтобъ дѣти не забавлялись солдатствомъ). **1865**, 624—626.

Духъ Екатерины II-й (Ея отзывы и мнѣнія). **1865**, 495—510.

Записка Екатерины II о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. **1866**, 399—422.

Изъ бумагъ Николая Петровича Архара. Письма къ нему Екатерины II, импер. Павла Петровича и Александра Павловича и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. **1864**, 420—476.

Письма Екатерины II къ А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта. **1866**, 388—398.

Письма Екатерины II къ А. И. Вяземскому. **1865**, 625—632.

Письма импер. Екатерины II-й къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. **1867**, 342—364.

- Письмо Екатерины II къ вн. М. М. Голицыну (о путешествіяхъ въ чужіе края). **1865**, 624.
- Инструкція генераль-поручику Заборовскому, при отправленіи его въ Средиземное море (1788). **1866**, 1373—1394.
- Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву (числомъ 167). **1863**, 391—470.
- Записка Екатерины II къ духовнику ея протоіерю Панфилову. **1864**, 407—410.
- Письмо импер. Екатерины II къ кн. Потемкину (о Зубовѣ). **1864**, 568—570.
- Письма импер. Екатерины II къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796). **1864**, 477—542.
- Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи. 1770 г., два рескрипта Спиридову, письмо гр. Орлова къ Спиридову и письмо Спиридова къ Екатеринѣ II. **1864**, 512—561.
- Письма импер. Екатерины II къ И. И. Шувалову. **1867**, 98—100.
- Два собственноручныхъ письма импер. Екатерины II на имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома. **1867**, 512—516.
- Письма къ разнымъ лицамъ, замѣтки и наброски мыслей Екатерины II. **1866**, 55—75.
- Обращики рѣшеній Екатерины II-й на ежедневныя всеподданнѣйшія просьбы 1788 г. **1864**, 410—418.
- Ученая степень Екатерины II, М. Θ. Шугурова. **1867**, 1262—1263.
- Филологическія занятія Екатерины II-й, съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863**, 388—391.
- Еще о трудахъ Екатерины II, по составленію сравнительнаго словаря. **1864**, 418—420.
- О приложенномъ портретѣ Екатерины II въ траурномъ одѣяніи. **1866**, 132—134.
- Частное письмо въ Москву (Т. П. Кирьяка) отъ 9 Ноября 1796 г. о кончинѣ Екатерины II-й. **1867**, 1266—1275.
- Екатерина Вторая, стихи М. А. Дмитриева. **1866**, 52—56.
- Два анекдота о Екатеринѣ Великой (изъ записной книжки М. М. Евреинова). **1866**, 657—658.
- Описаніе Московскаго бунта 1771 г. П. Алексѣева. **1863**, 491—499.
- Москва въ 1771 году (бумаги А. А. Саблукова). **1866**, 329—339.
- Записка о бунтѣ, произведенномъ Бениовскимъ въ Большерѣдкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. Гр. Д. Н. Блудова. **1865**, 657—677.
- Къ запискѣ о бунтѣ Бениовскаго. Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ нашему резиденту въ Парижѣ Н. К. Хотинскому. **1865**, 677—678.
- Замѣтка о Бениовскомъ, К. П. Побѣдоносцева. **1865**, 678—680.
- Письмо Бецкаго къ имп. Екатеринѣ II. **1865**, 493—494.
- Челобитная И. И. Бецкаго, объ увольненіи его въ отпускъ за границу. **1866**, 1567—1569.
- Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину. **1866**, 377—388.
- Письмо А. И. Бибикова къ М. Н. Волконскому. **1867**, 500—505.
- Письма Я. И. Булгакова къ князю Потемкину. **1866**, 1570—1590.
- Письма Я. И. Булгакову Суворова и кн. М. Н. Волконскаго **1867**, 487—500.
- Два письма изъ переписки Вольтера съ гр. А. П. Шуваловымъ. **1864**, 561—568.
- Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой. **1864**, 571—586.
- Письма гр. А. М. Дмитриева-Мамонова къ Екатеринѣ II. **1865**, 633—641.

- Новые матеріалы для исторіи масонства (записка И. П. Елагина). **1864**, 586—604.
- Баронесса Корфъ и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа въ 1791 году; съ предисловіемъ кн. М. А. Оболенскаго. **1866**, 800—816.
- Жизнь стариннаго русскаго дворянина. Записки Ивана Ѳеодоровича Лукина. **1865**, 443—476.
- Лордъ Мальмсбюри о Россіи. **1866**, 584—600.
- Письмо Гарриса (Мальмсбюри) къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 307—312.
- Изъ семейной памяти. Разсказъ объ А. В. Марковѣ. П. Г. Кичеева (съ письмомъ Екатерины и кн. Потемкина). **1865**, 972—982 и **1866**, 185—203.
- Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ Екатерининскихъ временъ. Статья Л. Н. Трефолева. **1865**, 873—919.
- Замѣтки и дополненія Вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ. Ѳ. Н. Фортунатова. **1865**, 919—952.
- Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала. **1866**, 777—799.
- Сенавъ де Мельянъ, французскій эмигрантъ XVIII вѣка, и его отношенія къ Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. **1866**, 421—459.
- Планъ романа изъ жизни Мировича, Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка). **1863**, 470—481.
- Письмо гр. Н. И. Панина къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 306—307.
- Отрывокъ жизни Василя Пассена, имъ самимъ сочиненный въ С.-Петербургской градской тюрьмѣ въ 1803 г. **1863**, 627—776.
- Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. Разсужденіе А. Я. Полънова, съ замѣткою Я. П. Борзова. **1865**, 509—541.
- А. Я. Полъновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка. Статья Д. В. Полънова. **1865**, 557—614.
- Изъ бумагъ Василя Степановича Попова. **1865**, 771—804.
- Замѣтка для разсказовъ между друзьями. В. С. Попова. **1865**, 642.
- Письмо С. А. Порошина къ гр. Г. Г. Орлову. **1867**, 192—197.
- Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетилловскаго Архива. **1865**, 805—851.
- Собственноручныя бумаги кн. Потемкина-Таврическаго. **1865**, 721—744.
- Жизнь и дѣянія генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Соч. графа А. Н. Самойлова. **1867**, 575—606, 993—1027, 1203—1262.
- Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. **1865**, 745—766.
- Замѣтка (съ письмами кн. Потемкина) П. С. Лебедева. **1865**, 767—772.
- Письмо Петра Алексѣева къ Потемкину. **1863**, 603—605.
- Потемкинскій праздникъ 1791 года. Т. П. Кирьяка. **1867**, 673—694.
- Гробница князя Потемкина. М. Ѳ. Шугурова. **1867**, 203—218.
- Дополненія къ этой статьѣ. **1867**, 1181—1184.
- Подлинныя анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. М. Н. Лонгинова. **1865**, 953—958.
- Письмо гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго къ гр. Панину, по поводу переговоровъ съ Турціею. **1865**, 869—872.
- Два анекдота о гр. П. А. Румянцовѣ. Ѳ. Ѳ. Воропонова. **1863**, 486—491.
- Письмо гр. Н. П. Румянцова къ гр. П. В. Завадовскому. **1867**, 1263—1265.

- Мѣтніе гр. А. Н. Самойлова, относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ въ государство (1794). **1866**, 687—690.
- Донесеніе гр. А. Н. Самойлова о печатаніи Алькорана. **1866**, 685—686.
- О запискахъ графа Сегюра. М. Θ. Шугурова. **1866**, 1590—1615.
- Нѣсколько извѣстій о пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ (изъ записокъ кн. И. М. Долгорукаго). **1865**, 958—964.
- Письма и записки Суворова къ его дочери и къ О. М. Рибасу. **1866**, 929—1030.
- Замѣтка о княжѣ Таракановой по поводу картины Флавицкаго. М. Н. Лонгинова. **1865**, 651—656.
- О запискахъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. **1864**, 1174—1176.
- Замѣтка о Чернышевыхъ. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1004—1009.
- О С. И. Шешковскомъ, письмо къ вдовѣ его генералъ-прокурора гр. Самойлова. **1866**, 263—264.
- Бумаги И. И. Шувалова. **1867**, 65—97.
- Два письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзкову въ Букарештѣ. **1865**, 851—854.
- Первые пособники Екатерины II. **1864**, 401—404.
- Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1762 года. М. Н. Лонгинова. **1867**, 481—486.
- Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Лонгинова, съ примѣчаніями и дополненіями. **1865**, 383—442.
- Замѣтка о Гельбигѣ. **1865**, 443—444.
- Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка къ преосвященному Арсенію. **1864**, 613—629.
- Кое-что о временахъ Екатерины II. (Изъ записокъ Н. В. Сушкова) **1865**, 614—624.
- Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ. **1867**, 189—191.
- О большомъ императорскомъ алмазѣ. **1866**, 644—646.
- Канцеляріи правительствующаго сената приказъ о говѣніи въ великій постъ. **1867**, 365.
- Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка, съ замѣтками А. В. Терещенка. **1865**, 983—988.
- Семейство Робесперовъ. М. Θ. Шугурова. **1867**, 516—520.
- Историческія замѣчанія кн. М. А. Оболенскаго, съ приложеніями. **1865**, 989—1004.
- Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи, 1772—1814. **1863**, 500—603.
- Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученнаго Общества 1782 г., съ предисловіемъ М. П. Полуденскаго. **1863**, 610—620.
- Ода Дружескому Ученому Обществу, Θ. П. Ключарева, **1863**, 621—626.
- Изъ розыскаго дѣла о трагедіи Княгинина „Вадимъ“. **1863**, 605—610.
- О книгѣ Сабатье де Кабра: Catherine II. П. И. Бартенева. **1863**, 481—486.
- Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ 18 вѣкѣ. Н. С. Киселева. **1863**, 626—627.

## ПАВЕЛЪ I-Й.

Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича (изъ записокъ А. Т. Болотова). **1864**, 630—780.

По поводу анекдотовъ Болотова объ имп. Павлѣ I-мъ, Θ. Н. Фортунатова. **1864**, 781.



Письма великаго князя Павла Петровича къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. **1867**, 197—203.

Разказы генерала Кутлубицкаго, о временахъ императора Павла I-го. **1866**, 1301—1331.

Замѣтки А. П. Ермолова, объ его молодости, съ предисловіемъ П. И. Бартенева. **1867**, 366—376.

Письмо Алексѣя Куракина къ кн. Ѳ. Н. Голицыну о Сперанскомъ, съ замѣткою Я. К. Грота. **1863**, 810—812.

Мелочи изъ прошлаго. Ю. В. Толстаго. **1865**, 1375—1376.

### АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

Замѣтки одного изъ русскихъ воспитателей имп. Александра Павловича. **1866**, 94—111.

Ф. Ц. Лагарпъ въ Россіи (изъ его записокъ). **1866**, 75—94.

Учебная тетрадь импер. Александра Павловича. **1866**, 111—113.

Письма и указы импер. Александра Павловича къ Державину. **1863**, 777—783.

Письмо имп. Александра I-го къ Г. П. Милорадовичу. **1864**, 784—785.

Изъ переписки имп. Александра Павловича съ В. С. Поповымъ. **1864**, 782—784.

Изъ письма В. С. Попова къ Александру I. **1864**, 570—571.

Письмо В. С. Ланскаго къ имп. Александру I, о Польшѣ. **1863**, 839—842.

Записки Д. Б. Мертваго. XIV, 336 и 2 нен. стр.—въ особомъ приложеніи къ 1867 году.

Выдержки изъ записокъ Александра Яковлевича Булгакова, 1811 и 1812 г., съ прим. Н. С. Киселева. **1867**, 1361—1384.

Къ исторіи 1812 года. **1866**, 689—735. (Замѣтки А. Я. Булгакова).

Изъ записокъ гр. Василя Алексѣевича Перовскаго, о 1812 годѣ. **1865**, 1031—1058.

Новыя подлинныя черты изъ исторіи отечественной войны 1812 г. **1864**, 786—833.

Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. М. Ѳ. Шугурова. **1867**, 304—307.

Къ исторіи 1812 года. Дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ. **1865**, 1058—1062.

Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года. И. П. Липранди. **1865**, 1061—1072.

Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 году. Разказъ очевидца, штатнаго служителя Семена Климыча. **1864**, 843—858.

Французская афиша 1812 года. **1864**, 835—838.

Росписаніе особамъ, составлявшимъ французское правленіе или муниципалитетъ въ Москвѣ, 1812 года. **1864**, 839—842.

Еще объ исторіи отечественной войны, сочиненной Богдановичемъ. И. П. Липранди. **1865**, 1077—1090.

Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года. **1865**, 1071—1077.

Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ, Н. П. Шишкова. **1866**, 460—474.

Изъ семейнаго архива: 1) Письмо А. И. Архаровой къ М. И. Посниковой изъ Спб. въ Москву; 2) Письмо М. И. Посниковой къ А. И. Архаровой изъ Москвы въ Спб., съ прим. А. А. Васильчикова. **1867**, 1028—1046.

Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, П. И. Бартенева. **1863**, 854—860.

Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ Петру Моис. Погодину. **1864**, 834—835.

- Письмо кн. Адама Чарторижскаго къ гр. Матусевичу, съ объяснительною замѣткою Н. В. Сушкова. **1863**, 824—839.
- Автобіографическія замѣтки гр. Аракчеева, на прокладныхъ листкахъ книги Св. Евангелія. **1866**, 922—927.
- Письмо гр. Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. **1866**, 1047—1049.
- Письмо гр. Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864**, 859—860.
- Письмо С. Броневскаго къ генералу Г. Г. Ломоносову. **1864**, 785—786.
- Очеркъ жизни графа Д. П. Бутурлина. **1867**, 376—386.
- Замѣтка о библіотекѣ гр. Д. П. Бутурлина. С. А. Соболевскаго. **1867**, 479—480.
- О княгинѣ З. А. Волконской. **1867**, 311—313.
- Письма кн. Михаила Петровича Долгорукова. **1865**, 1009—1030.
- Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. **1865**, 1115—1124.
- Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. П. И. Бартеневъ. **1866**, 113—126.
- Изъ записной книжки П. М. Языкова (о графѣ Е. Ф. Канкринѣ). **1867**, 392—395.
- Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 году, по повелѣнію Александра Павловича, гр. Канкринымъ. **1865**, 542—552.
- Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1820). **1865**, 553—558.
- Изъ записокъ генерала-адъютанта графа Е. Ф. Комаровскаго. **1867**; 219—248; 521—575; 748—788; 1276—1330.
- А. Ф. Лабзинъ, статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева. **1866**, 817—860.
- Сонъ въ Грузинѣ, письмо къ гр. Аракчееву М. Л. Магницкаго. **1863**, 842—849.
- Инструкція М. А. Магницкаго Д. М. Макшееву объ осмотрѣ учебныхъ заведеній **1867**, 1643—1646.
- Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницкій, Сперанскій, Дюгуровъ, Словоцовъ, Каразинъ, Макшеевъ, Мошковъ, Трощинскій и пр.). Ф. Н. Фортунатова. **1867**, 1646—1707.
- Два мнѣнія М. Л. Магницкаго. **1864**, 861—868.
- Письмо принца Карла Мекленбургскаго. **1866**, 928.
- Письмо графа Юсефа де Местра къ кн. П. Б. Козловскому. **1866**, 1492—1504.
- Анекдоты Александра Львовича Нарышкина. **1864**, 861.
- Ю. А. Нелединскій - Мелецкій. **1867**, 101—120.
- Анекдотъ о кн. Анд. К. Разумовскомъ. **1864**, 858—859.
- Письма гр. Ф. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву. **1863**, 812—824.
- Письмо Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. **1866**, 1331—1335.
- Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ, въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 году. **1867**. 432—455. (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ).
- Поправка свѣдѣній о Сперанскомъ, Я. К. Грота. **1863**, 812.
- Письмо архим. Фотія къ Д. А. Державиной объ А. И. Тургеневѣ. **1863**, 850—854.
- Анна Григорьевна Хомутова: а) Жизнь ея, составленная г-жею Е. Розе, б) Два отрывка изъ ея записокъ о 1814 годѣ и объ А. С. Пушкинѣ и в) Замѣтка кн. П. А. Вяземскаго. **1867**, 1049—1071.

Два письма (гр.) Д. Н. Блудова къ его супругѣ въ 1826 г. изъ Москвы въ Спб., 1867, 1046—1048.

О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника Софронія Гаврилова 1867, 1375—1384.

Московскій Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1800—1801 году (изъ Записокъ Ф. Ф. Бигеля). 1863, 793—809.

Списокъ членамъ совѣта и справки ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокъ Мобежа. 1865, 1091—1096.

Черты русской политики въ 1819 году. Статья М. Ѡ. Шугурова, съ приложеніемъ дипломатическихъ бумагъ на французскомъ языкѣ и русскаго перевода ихъ. 1867, 861—903.

Историческія замѣчанія. И. П. Липранди. 1866, 1031—1046.

## НИКОЛАЙ I-Й.

Всеподданнѣйшее письмо гр. Аракчеева къ императору Николаю Павловичу. 1866, 1049—1052.

Замѣтки о польскомъ возстаніи 1830 года. И. С. Ульянова. 1867, 695—712.

Письмо гр. А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому. 1866, 1753—1756.

Изъ записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г.) въ переводѣ съ предисловіемъ барона М. А. Корфа. 1865, 1167—1178.

Разказы очевидцевъ (гр. А. Х. Бенкендорфа, кн. А. Ѡ. Орлова, барона М. А. Корфа, А. Р. Барановича, гр. В. Ѡ. Адлерберга и барона Ѡ. И. Мирбаха), о пожарѣ зимняго дворца въ 1837-мъ году. 1865, 1179—1204, съ примѣчаніями барона М. А. Корфа.

Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 г. В. И. Даля. 1867, 402—431; 606—639.

СОДЕРЖАН. ЗА 5 ЛѢТЪ.

Сыскное дѣло 1697 года о дорогѣ въ Хиву. 1867, 395—402.

Начало мюридизма на Кавказѣ (изъ записокъ кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго). 1865, 1153—1166.

Три политическія записки преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго. 1867, 1330—1341.

Биографическое воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ. П. И. Бартенева. 1864, 868—881.

Разсказъ Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ послѣднюю войну. 1863, 1002—1017.

Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ 1854 г. Вадима Романова. 1864, 881—884.

Письмо Истомина къ Лайонсу. 1867, 911—913.

Изъ записокъ Севастопольца. 1867, 1579—1637.

Частное письмо о кончинѣ адмирала Корнилова. 1867, 1639—1643.

На Новый 1855 годъ, стихотвореніе Ѡ. И. Тютчева. 1867. 1638.

## РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни. 1867, 1342—1360 и 1440—1536, съ литогр. портретомъ.

Импровизація Д. В. Веневитинова. 1866, 259—260.

Письма Е. А. Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ. 1867, 263—299.

Баратынскій и его сочиненія. М. Н. Лонгинова. 1867, 248—264.

Парнасскій адресъ-календарь. А. Ѡ. Воейкова. 1866, 760—766.

Письмо А. Х. Востокова къ смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. 1864, 1102—1103.

- Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива. **1866**, 217—254 (Письма 1812 года); 473—512 (Арзамаскія литературныя шалости, письма Д. В. Дашкова, Варнгагена и Сильвіо Пеллико), 859—903 (Письмо Батюшкова, письма въ стихахъ Жуковскаго, письма А. И. Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова); **1065—1088** (бумаги гр. Уварова; письма Плетнева, Жуковскаго, Гоголя и Чадаева).
- Анекдотъ о Гнѣдичѣ. **1863**, 983.
- Письмо Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому. **1865**, 1295—1298.
- Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ по рукописи, найденной въ Римѣ, съ предисловіемъ А. Ѳ. Бычкова. **1865**, 1281—1294.
- Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о Мертвыхъ Душахъ. **1866**, 766—770.
- Шуточное письмо Н. В. Гоголя къ Ел. Гр. Чертовой. **1867**, 473—475.
- Неизданныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ. **1866**, 1730—1747.
- Два письма Гоголя къ Д. К. Малиновскому. **1865**, 1278—1282.
- Изъ записокъ о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. М. П. Погодина. **1865**, 1270—1278.
- Воспоминаніе о Гоголѣ. Я. К. Грота. **1864**, 1065—1068.
- Анекдоты о Грибоѣдовѣ и Загоскинѣ, М. Н. Лонгинова. **1863**, 981—982.
- Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. **1866**, 904—916.
- Два лицейскія стихотворенія барона Дельвига. **1864**, 991—993.
- Десять писемъ Г. Р. Державина къ В. С. Попову. **1865**, 855—869.
- Неизданныя шуточные стихотворенія И. И. Дмитріева. **1867**, 981—990.
- Письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. **1867**, 1072—1138.
- Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву (Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Блудова, кн. Вяземскаго, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя). **1866**, 1616—1730.
- О запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукова и хронологія его стихотвореній. М. Н. Лонгинова. **1865**, 964—971.
- Письмо В. А. Жуковскаго къ П. И. Голубкову о крѣпостныхъ своихъ людяхъ. **1863**, 925—927.
- Долбинскія стихотворенія В. А. Жуковскаго (числомъ 24). **1864**, 903—946.
- Разсказъ В. А. Жуковскаго о первомъ его представленіи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. **1865**, 1297—1300.
- Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма его и А. И. Тургенева. **1864**, 884—903.
- Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. **1867**, 789—819.
- Шуточная записка В. А. Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1867**, 311—312.
- Книжная рѣдкость. (Муравейникъ, изд. Жуковскаго). **1867**, 299—304.
- Письмо В. А. Жуковскаго къ И. В. Попову. **1865**, 1299—1302.
- Изъ письма В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской (о холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ на Сѣнной площади). **1866**, 339—346.
- Неизданные отрывки изъ письма В. А. Жуковскаго о кончинѣ Пушкина. **1864**, 983—989.
- Письма В. А. Жуковскаго къ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену. **1867**, 843—862.
- Письма В. А. Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867**, 820—842.
- Письма В. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу (1840—1851), съ предисловіемъ кн. П. А. Вяземскаго. **1867**, 1385—1439.

- Канцеляристъ. Неизданный рассказ М. Н. Загоскина. **1865**, 1303—1316.
- Извлеченія изъ писемъ А. Д. Илличевскаго къ Фуссу. **1864**, 946—966.
- Вновь найденная эпиграмма кн. А. Д. Кантемира. **1865**, 336.
- Семь писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1863**, 881—898.
- Неизданные отрывки изъ писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1866**, 1736—1763.
- Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу. **1866**, 1763—1766.
- Письма и записки Н. М. Карамзина къ Е. О. Муравьевой. **1867**, 435—466.
- Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ (1801) изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**, 788—793.
- Мое представленіе историографу. М. П. Погодина. **1866**, 1766—1770.
- Письмо В. А. Полѣнова къ И. И. Мартынову (о Карамзинѣ). **1866**, 1763—1765.
- Еще о годѣ рожденія Карамзина. М. О. Шугурова. **1866**, 1504—1507.
- О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина. М. А. Дмитріева. **1865**, 1373—1375.
- Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. М. Н. Лонгинова. **1865**, 1370—1373.
- Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ. М. Н. Лонгинова. **1867**, 467—470.
- Поправка. М. А. Дмитріева. **1863**, 879—880.
- Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова. Статья М. О. де-Пуле. **1864**, 1043—1056.
- Неизданная басня И. А. Крылова (Пестрыя овцы). В. О. Кеневича. **1867**, 386—392.
- Басня Крылова—Прихожанинъ. В. О. Кеневича. **1866**, 255—259.
- Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. В. О. Кеневича. **1866**, 1335—1340.
- О Крыловѣ, изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**, 783—788.
- Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова. М. Н. Лонгинова. **1864**, 1158—1162.
- Хронологія басенъ Крылова. В. О. Кеневича. **1865**, 1323—1340.
- Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. О. Кеневича. **1865**, 1340—1348.
- Разказы объ И. А. Крыловѣ. Н. М. Колмакова. **1865**, 1319—1324.
- Письмо И. А. Крылова къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865**, 1316—1319.
- Неизданныя стихотворенія Лермонтова. **1864**, 1043—1045.
- Письма Лермонтова. **1864**, 1041—1043.
- Письма Лермонтова (числомъ 9). **1863**, 931—966.
- О сочиненіяхъ Лермонтова. М. Н. Лонгинова. **1863**, 966—971.
- Нѣмецкія стихи на Ломоносова. **1865**, 475—478.
- Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1866**, 324—329.
- Письмо Н. И. Надеждина къ Ю. Н. Бартеневу. **1864**, 1058—1065.
- Староста, Молитва въ саду Геосиманскомъ и „Поэту-Обличителю“, стихотворенія И. С. Никитина, съ замѣткою М. О. де Пуле. **1865**, 1353—1367.
- Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина. М. О. де-Пуле. **1863**, 971—981.
- Либераль, рассказъ И. С. Никитина, **1867**, 1169—1175.
- Письма Н. И. Новикова къ Я. И. Булгакову. **1864**, 604—613.
- Новая тяжба о буквѣ Ъ. А. А. Перовскаго. **1865**, 1143—1152.

- Письма А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой. **1867**, 119—153.
- Письма А. С. Пушкина къ А. Н. Вульфу. **1867**, 154—160.
- Два письма А. С. Пушкина къ Н. И. Кривцову, съ очеркомъ жизни Кривцова. **1864**, 972—976.
- Два письма А. С. Пушкина къ гр. А. С. Бенкендорфу. **1864**, 967—971.
- Письмо А. С. Пушкина къ кн. Н. В. Репнину и отвѣтъ кн. Репнина. **1864**, 977—979.
- Письмо А. С. Пушкина къ графу Г. А. Строганову. **1866**, 1748—1749.
- Письмо А. С. Пушкина къ А. И. Тургеневу. **1867**, 671—672.
- Разсказъ А. С. Пушкина о посѣщеніи Ермолова. **1863**, 860—862.
- Городъ Кишеневъ, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863**, 864.
- Изъ рукописей А. С. Пушкина. **1865**, 1351—1354.
- Мадонна, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863**, 862—863.
- Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Ф. Н. Глинки. **1866**, 917—922.
- Письмо И. Н. Инзова о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову. **1863**, 865—868.
- Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ. М. Н. Лонгинова. **1863**, 868—871.
- Пушкинъ въ южной Россіи. (Матеріалы для его біографіи, собираемые П. И. Бартевымъ). **1866**, 1089—1214.
- Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди (Замѣтки о Пушкинѣ). **1866**, 1214—1284, 1393—1491.
- Замѣтки на статью „Пушкинъ въ южной Россіи“. М. Н. Лонгинова. **1866**, 1749—1753.
- Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. М. Сухотина. **1864**, 979—983.
- Изъ воспоминаній гр. В. А. Сологуба (о Пушкинѣ и Гоголѣ). **1865**, 1203—1239.
- Изъ воспоминаній о Пушкинѣ М. П. Погодина. **1865**, 1247—1260.
- Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. **1865**, 1240—1241.
- О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо А. И. Тургенева къ А. Я. Булгакову. **1864**, 989—990.
- Оправданіе іезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина. **1865**, 1241—1246.
- О графинѣ Растопчиной. (Изъ записной книжки Н. В. П.). **1865**, 1349—1350.
- Нѣсколько словъ о В. И. Соколовскомъ. Ф. Н. Фортунатова. **1865**, 1367—1370.
- Собственноручная записка А. П. Сумарокова (сообщено М. М. Евреиннымъ). **1867**, 100.
- Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу. **1866**, 647—657.
- Неизданныя стихотворенія А. С. Хомякова, съ замѣткою П. И. Бвртснева. **1863**, 727—931.
- Неизданное пятистишіе А. С. Хомякова. **1866**, 770—771.
- О сочиненіяхъ П. Я. Чаадаева. М. Н. Лонгинова. **1863**, 871—873.
- Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ. М. П. Погодина. **1865**, 1261—1269.
- Мнѣнія А. С. Шишкова о разсматриваніи книгъ, или о цензурѣ. **1865**, 1097—1116.
- Анекдотъ о Шишковѣ. **1863**, 982—983.
- Н. М. Языковъ 1803—1846. (Новые стихи его и письма). Статья М. И. Семевского. **1867**, 712—748.
- Восемь старинныхъ стихотвореній. **1863**, 875—879.
- Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Д. И. Языкову (стихи). **1863**, 874—875.

Изъ бумагъ князя В. Θ. Одоевскаго. Письма: Д. М. Велланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, кн. В. Θ. Одоевскаго къ А. С. Пушкину, А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Θ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Растопчиной. **1864**, 994—1041.

### БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Д. Чертковъ и его библіотека. П. И. Бартенева. **1863**, 1—19.

Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. П. И. Бартенева. **1864**, 1—11.

О Чертковской библіотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). **1865**, 9—10.

О Чертковской библіотекѣ въ 1865 году. **1866**, 4 нен. стр.

О Чертковской библіотекѣ въ 1866 г. **1867**, 314—320.

Копія съ росписи книгамъ, которые обрѣтаются въ патриаршей ризницѣ (1718 г.). **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Полный указатель къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860), **1863**, 1041—1066.

Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). **1863**, 1025—1040.

Азбучный полный указатель къ Библиографическимъ Запискамъ. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Юрнaлы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библиографическое описаніе С. А. Соболевскаго. **1867**. Въ особомъ прилож.

Указатель къ повременнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815—1865) **1866**. Особое приложеніе.

Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

Объ изданіи памятныхъ записокъ А. В. Храповицкаго. **1867**, 921—952 (Ст. Д. В. Полънова).

Словарь Русскихъ писателѣищъ. Составилъ Николай Книжникъ. **1865**, 1389—1481.

Библиографическій курсъ. П. А. Безсонова. **1864**, 1175—1182.

Библиографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому П. М. Строева. **1865**, 1483—1488.

Объ Юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи. (Письмо къ издателю Русскаго Архива). П. А. Безсонова. **1867**, 914—921.

Юбилейныя изданія Московскаго университета. **1867**, 1177—1180.

Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 гг. Г. Геннади. **1864**, 1068—1102.

Тоже (въ 1863). **1865**, 1377—1388.

Тоже (въ 1864). **1866**, 561—580.

Тоже (въ 1865). **1867**, 953—981.

О палеографическихъ снимкахъ, изд. преосв. Саввою. А. Е. Викторова. **1863**, 84—91.

Псевдо-переводы съ русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библіотеки). **1866**, 204—216.

Замѣтка на статью „Псевдо-переводы съ русскаго“. П. А. Ефремова. **1866**, 512.

Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи. **1865**, 1487—1494.

Новыя, полученныя въ Москвѣ, книги на Славянскихъ нарѣчійяхъ и о Славянахъ. **1863**, 994—999.

Литературная новость. К. И. Жинзифова. **1863**, 1023—1024.

Книжныя заграничныя вѣсти. **1866**, 260—262.

Книжныя вѣсти. **1863**, 999—1001.

Библиографическая лѣтопись. П. А. Гильтебрандта. **1863**, 991—993.

Замѣчательнѣйшія новыя книги. **1863**, 984—991 и 994.

- Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ болгарина Раковского. К. И. Жинзифова. 1863, 1017—1023.
- Книжныя замѣтки. М. Θ. Шугурова. 1866, 771—776.
- Отвѣтъ на библиографическій вопросъ. Я. К. Грота, съ замѣткою А. А. Котляревскаго. 1865, 1481—1484.
- О сборникѣ Муханова, замѣтка А. Θ. Бычкова. 1867, 1180—1181.
- Матеріалы для полнаго собранія сочиненій: 1) И. И. Дмитріева. 1863 898—910.
- 2) Гнѣдича. 1863, 910—916.
- 3) Батюшкова. 1863, 917—924.
- 4) Лермонтова. 1863, 966—971.
- 5) Баратынскаго. 1864, 1103—1111.
- 6) Козлова. 1864, 1111—1114.
- 7) Милонова. 1864, 1114—1122.
- 8) Жуковскаго. 1864, 1123—1133.
- 9) Карамзина. 1864, 1133—1138.
- 10) Кн. И. М. Долгорукаго. 1865, 964—971. Всѣ статьи М. Н. Лонгинова.
- Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. М. Н. Лонгинова. 1866, 1770—1777.
- Дополненіе къ матеріаламъ для изданій сочиненій И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова. 1864, 1162—1166.
- Отвѣтная замѣтка В. И. Соболевскому. П. И. Бартенева. 1864, 1168—1169.
- О стихотвореніи Баратынскаго „Леда.“ Н. В. Путьяты. 1864, 1036—1037.
- Вѣтеръ (изъ Русской Символики). Гр. А. С. Уварова. 1864, 41—67.
- Притчи святаго Кирилла - философа, учителя Славянскаго. С. А. Соболевскаго. 1864, 12—16.
- О притчахъ св. Кирилла. О. И. Коларя. 1864, 17—29.
- Сказаніе, кимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою Д. О. Шепинга. 1863, 31—42.
- Посланія протопопа Аввакума къ боярынѣ Феодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. 1864, 90—99.
- Челобитная протопопа Аввакума. 1864, 83—90.
- Дѣло о дьячкѣ Васильѣ Ефимовѣ, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. 1867, 1708—1720.
- Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. 1864, 104—126.
- Три старообрядческія стихотворенія. 1864, 99—103.
- Подлинныя черты и случаи изъ исторіи раскола 1792—1807. 1864, 127—141.
- Странники (изъ исторіи раскола). Л. Н. Трефолева, съ примѣчаніями И. С. Аксакова. 1866, 602—627.
- Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. И. С. Аксакова. 1866, 627—644.
- Русскія пытки, историческій очеркъ. 1867, 1139—1167.
- Корчма, историческій очеркъ И. Г. Прыжова. 1866, 1033—1064.
- Воспоминанія И. М. Снегирева. 1866, 513—562, 735—760.
- Аника-воинъ. Ил. В. Бѣляева. 1864, 67—70.
- О храбростѣ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи). 1864, 78—80.
- Для исторіи русскаго народнаго театра. А. А. Котляревскаго. 1864, 73—77.

### С М Ъ С Ъ

- Списокъ оберъ-прокурорамъ Св. Синода, съ учрежденія донынѣ. 1866, 601—602.
- Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. Гр. А. Уварова (съ рисункомъ). 1864, 29—41.



- Еще объ Аникѣ-воинѣ. **Ө. Н. Фортуна-**  
**това. 1864, 70—72.**
- Сказка о Шибаршѣ (изъ рукописи, отно-  
сящейся къ 1730 г.), съ замѣткою  
Ил. В. Бѣльева. **1863, 20—32.**
- Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисло-  
віемъ М. **Ө. Шугурова. 1865, 13—18.**
- Савва Влковичъ Филаретовъ. (Некро-  
логъ). П. И. Бартенева. **1864, 1173—**  
**1174.**
- Вукъ Стефановичъ Караджичъ. К. И.  
Жинзифова. **1864, 1169—1173.**
- По поводу кончины гр. Д. Н. Блудова.  
П. И. Бартенева. **1864, 1165—1166.**
- Объясненіе по поводу Записокъ Ф. Ф.  
Вигеля. П. И. Бартенева. **1863,**  
**809—810.**
- О пасторѣ Лонгѣ. П. И. Бартенева.  
**1863, 1024.**
- Замѣтка о родословіи князей Долгору-  
ковыхъ. Н. Фадѣевой. **1866, 1340—**  
**1348.**
- Составъ черниламъ, како составливати  
добрая чернила (изъ рукописи Синод.  
библіотеки XVII в.). **1863, 91—92.**
- Русское письмо (epistola) XVII вѣка.  
**1864, 80—82.**
- Переѣзды съ Александромъ Гумбольд-  
томъ по Сибири (1829). **1865, 1125—**  
**1142.**
- Некрологъ Александра Власьеви-  
ча Терещенко и В. И. Собчакова. **1865,**  
**1515—1516.**
- Любопытное надгробіе. **1865, 983—984.**
- Замѣтки на статьи Русскаго Архива.  
М. Н. Лонгинова. **1865, 1495—1514.**
- Дополненія и поправки. М. Н. Лонги-  
нова. **1865, 1513—1516.**
- Замѣтки. П. И. Бартенева. **1866, 1347—**  
**1348.**
- Дополненія и поправки. **1867. 990—992.**
- Поправки. **1866, 1506—1507.**
- Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ  
земляхъ профессора П. И. Лавров-  
скаго. **1866, 1285—1290.**
- Дополненія, замѣтки и поправки. **1866,**  
**265—272.**
- Изъ матеріаловъ для исторіи и стати-  
стики города Ельца, собранныхъ  
Н. А. Ридингеромъ. **1866, 346—377.**
- О маркизѣ де ла Шетарди. **1867, 309—**  
**310.**
- Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ. Дмохов-  
скаго. **1867, 475—480.**
- Дополненія и поправки. **1867, 671—672.**
- Замѣтки А. Петрова и Мих. Ранга.  
**1867, 1175—1177.**
- Изъ тетради выписокъ, замѣтокъ, во-  
споминаній и пр. Н. В. Путяты.  
**1863, 983—984.**
- Воспоминаніе Лицеиста. **1866, 131.**
- Лицейская годовщина (1865). **1866,**  
**127—131.**

# РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ выходитъ и въ

**1868 ГОДУ,**

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву 1868 года, какъ съ пересылкою въ города такъ и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

**ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Р. Архивъ.

Въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной, въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библиотеку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію 7 р.; во Францію и Бельгію 7 р. 50 к.; въ Англію 8 р.; въ Швейцарію и Италію 9 р.*

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени: 1863 года VI и 1066 стр. (4 р., съ пер. 5 р.) 1864 года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (4 р., съ пер. 5 р.) 1865 года 1550 стр. (5 р., съ пер. 6 р.)

Цѣна Русскому Архиву за 1866 съ портретомъ государыни императрицы Екатерины II-й и съ полнымъ указателемъ къ повременнымъ изданіямъ Моск. общ. Исторіи и Древностей. XXVI, 1777, XII и 134 стр. 3 р., съ пересылкою 6 р.

Цѣна Русскому Архиву за 1867, съ портретомъ К. Н. Батюшкова (съ оригинала работы Кипренскаго) 3 руб., съ пересылкою 6 руб.

Выписывающіе въ города *всѣ пять летъ впередъ* прилагаютъ съ перес. 25 руб. а вмѣстѣ съ тѣмъ подписывающіеся и на 1868 годъ—30 рублей.

Тамъ же изданія „Русскаго Архива“:

## 1. И Е З У И Т Ы

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ.

ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ ОЦУ МАРТЫНОВУ.

Изложено ученіе Іезуитовъ и рассказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8<sup>о</sup>. 304 стр.)

## 2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Исслѣдованіе М. Н. Лонгинова, съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. 8<sup>о</sup>.

IV, 384 и 176 стр. Цѣна 3 р., и съ пересылкою.

## 3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА.

Полный по возможности текстъ.

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. 8<sup>о</sup>. VIII, 240 и VIII стр. Цѣна 1 р.

50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Выписывающіе всѣ три книги вмѣстѣ не платятъ ничего за пересылку.

## ПИСЬМА ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ КЪ КНЯЗЮ СЕРГІЮ ИВАНОВИЧУ ГАГАРИНУ.

1826 годъ.

Письменные сношенія императрицы Маріи Теодоровны съ извѣстнымъ Русскимъ агрономомъ (предсѣдателемъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства) княземъ Сергіемъ Ивановичемъ Гагаринымъ начались въ августѣ мѣсяца 1826 года и продолжались по самую кончину государыни, т. е. по октябрь 1828. Всѣхъ писемъ сохранилось около 300; но эти письма составляютъ лишь самаго малѣйшую часть обширной, почти ежедневной переписки, которую императрица Марія Теодоровна вела, въ теченіи не одного десятка лѣтъ, съ главнѣйшими пособниками своими по неутомимымъ подвигамъ милосердія. Эта необыкновенная женщина, три царствовавшая съ ряду, была истиннымъ *министромъ благотворительности*, какъ выразился о ней одинъ изъ ея современниковъ. Ея секретари (кн. Д. А. Хилковъ, Г. И. Вилламовъ, Н. П. Новосильцовъ, Полетика и др.) работали неутомимо. Она умѣла сдѣлать, что рабочей кабинетъ ея, гдѣ, окруженная бумагами, просиживала она цѣлыя часы на простомъ плетеномъ стулѣ, былъ настоящимъ присутственнымъ мѣстомъ, и отъ пера ея, отъ ея утреннихъ письменныхъ занятій, разливалось благо на тысячи и десятки тысячъ людей. Нельзя довольно удивиться ея дѣятельности въ этомъ отношеніи, ея чрезвычайной, доходящей до самыхъ незначительныхъ подробностей заботливости. И эта заботливость не переходила въ мелочность: свидѣтельствомъ тому служитъ отъи

1

удачный выборъ людей, коимъ императрица поручала свои благотворительныя учрежденія. Въ ея больницахъ, поселеніяхъ и училищахъ водворенъ былъ святой порядокъ и та незатѣйливая простота, которая достигается лишь искренностью побужденій и которой нельзя добиться никакими канцелярскими предписаніями. Московское общество помнитъ достопочтеннѣйшаго кн. С. И. Гагарина, челоѵка въ высокой степени просвѣщеннаго, дѣятельнаго и одушевленнаго самыми благими намереніями на пользу общественную (+ 4 Дек. 1862 на 86 г. отъ роду). Императрица умѣла оцѣнить его высокія нравственныя качества и воспользовалась ими.

Читатели поблагодарятъ вмѣстѣ съ нами *Марію Сергѣевну Бутурлину* за дозволеніе напечатать эти письма, писанныя къ ея родителю. Величавый и въ тоже время утѣшительный для челоѵчества образъ царицы, матери императоровъ, посреди окружавшаго се царственнаго великолѣпія почитательно слѣдищей за нуждами и бѣдными братьями Смоленскихъ и Саратовскихъ поселенцевъ, наглядно выступаетъ изъ этихъ бумагъ, не блестящихъ по содержанию, но исполненныхъ глубокой мысли, и оправдывающихъ стихи Жуковскаго:

Благодаримъ, благодаримъ  
Тебя за жизнь твою межъ нами!

Мы увѣрены, что когда написана будетъ полная біографія императрицы Маріи Теодоровны, въ ней будутъ описаны ея доблести и заслуги.  
РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 1

риѣ Феодоровны (а ея мы не имѣемъ, ибо книжка Шницлера есть только легкой очеркъ), тогда выставлено будетъ значеніе тѣхъ 20 лѣтъ, которыя довелось ей прожить великою княгинею, въ качествѣ близкой свидѣтельницы свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ Екатерининскаго царствованія. Наглядный, завлекательный примѣръ женщины, столь дѣятельной въ смыслѣ государственномъ, не могъ не вызывать на благотѣльное подражаніе въ отвѣденномъ судьбою царствѣ милосердія; и зрѣлище разслабленныхъ нравовъ порождало противодѣйствіе въ чистой душѣ и наводило на мысли о болѣе строгомъ общественномъ воспитаніи. Исторія не знаетъ другой порфирноснои вдовы, которая бы такъ достойно, такъ величаво пользовалась своимъ досугомъ и своимъ положеніемъ, какъ императрица Марія Феодоровна.

То что писано собственноручно въ нижеслѣдующихъ письмахъ, означено у насъ *курсивомъ*. И. Б.

## I.

Князь Сергій Ивановичъ! Въ сходствіе личнаго моего съ вами объясненія и готовности вашей принять на себя управленіе дѣлъ о поселеніи питомцевъ Воспитательнаго Дома и приобрѣтеннаго для того имѣнія, я дала повелѣніе Опекунскому Совѣту о порученіи вамъ сей части, которая имѣетъ быть отдѣлена отъ экспедиціи о воспитанникахъ обоаго пола. Въ слѣдствіе сего я прошу васъ принять оную отъ почетнаго опекуна Саблина, со всѣми къ тому принадлежащими свѣдѣніями. Для завѣдыванія же бумагъ и письмоводства по сей части, вамъ безъ сомнѣнія удобнѣе будетъ употребить одного изъ чиновниковъ помянутой экспедиціи, которой, упражнявшись уже въ сихъ дѣлахъ, безъ затрудненія, при помощи одного писаря, заниматься можетъ оными и подѣ вашимъ управленіемъ, при соблюденіи

также обязанностей своихъ по экспедиціи о воспитанникахъ. Впрочемъ, по сношеніи съ почетнымъ опекуномъ Саблинымъ, вы безъ сомнѣнія найдете легчайшее и удобнѣйшее устройство для теченія дѣлъ, и я, полагаясь съ полнымъ довѣріемъ на ваше усердіе и ревностное стараніе, ввѣряю вашему отеческому попеченію судьбу питомцевъ, въ благосостояніи которыхъ я принимаю живѣйшее участіе. Я увѣрена, что вы будете доставлять мнѣ неоднократные пріятнѣйшіе случаи присовокуплять выраженіе моей признательности къ изъявленію доброжелательства, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. Марія.

въ Москвѣ (1)  
Августа 18-го дня  
1826 года.

## II.

Князь Сергій Ивановичъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣла изъ донесенія вашего отъ 12-го сего мѣсяца о бывшей по пріѣздѣ вашему въ село Горѣново мірской сходкѣ, что всѣ поселяне, какъ старожилы такъ и питомцы, объявили себя столь довольными управляющимъ и прошу васъ увѣдомить его, что таковой объ немъ отзывъ, подкрѣпленный и вашимъ свидѣтельствомъ, мнѣ весьма пріятенъ, оправдывая въ полной мѣрѣ мое объ немъ доброе мнѣніе и мою къ нему довѣренность. Я увѣрена, что онъ всегда усердно старается будетъ заслужить ваше одобреніе. Въ разсужденіи дерзкаго поступка Бѣховскаго старожила, при нарѣзкѣ полей, я ожидаю пред-

(1) Императрица прибыла тогда въ Москву на коронаціе импер. Николая Павловича и жила на Гороховой полѣ въ домѣ гр. Разумовскаго, гдѣ теперь Малолаѣтное Отдѣленіе Восп. Дома. Кн. С. И. Гагаринъ призванъ былъ туда письмомъ секретаря государыни, Г. И. Виллямова.

ставленія Опекунскаго Совѣта по особливому вашему о семь донесенію. Разсмотрѣвъ замѣчанія ваши и князя Хилкова (\*) на разныя статьи рапорта управляющаго имѣніемъ Лоде отъ 15 августа, я нахожу согласно съ вашимъ мнѣніемъ, что полѣсовщикамъ паѣкъ производить слѣдуетъ по объясненнымъ вами причинамъ. О размѣщеніи пожарныхъ инструментовъ по деревнямъ, я прошу васъ представить мнѣ ваше предположеніе для полученія моего разрѣшенія, равно какъ и объ отправленіи въ селеніе недостающихъ еще двухъ паръ питомцевъ съ малолѣтками и двухъ малолѣтковъ на мѣсто отлучившихся изъ имѣнія, которыхъ предоставитъ распоряженію Хозяйственной Экспедиціи и не возвращать уже въ селеніе. Вамъ извѣстно, что доктору Пербанту былъ уже разрѣшенъ пріѣздъ въ Москву для покупки разныхъ потребностей для лазарета, и я охотно позволяю также управляющему пріѣхать въ то же время сюда для другихъ заготовленій, тѣмъ паче, что личное съ вами свиданіе и объясненіе полезно будетъ для дѣла нашего поселенія. Желая между тѣмъ въ теченіи кратковременнаго еще моего здѣсь пребыванія воспользоваться вашимъ усерднымъ попеченіемъ, знаніями и опытностію, я прошу васъ «дѣлать мнѣ удовольствіе заняться нижеслѣдующими предметами для полученія, если возможно, моего разрѣшенія до моего отъѣзда отсюда. Во первыхъ: изъ дѣла по Горѣновскому имѣнію видѣли вы, что были жалобы со стороны питомцевъ на счетъ недостаточнаго и худаго снабженія ихъ разными потребностями при обзаведеніи и что прежній управляющій Хрущовъ обязался

ихъ удовлетворить: я прошу васъ разсмотрѣть сіе дѣло со вниманіемъ и представить ваше мнѣніе, до какой степени требовать отъ Хрущова исполненія по сему важному предмету и какія принять къ тому мѣры; словомъ, какъ привести сіе неприятое дѣло къ окончанію. Во вторыхъ: представить мнѣ ваши мысли на счетъ самага образа управленія имѣніемъ, не нужно ли въ ономъ сдѣлать какія перемѣны и какія имянно. Въ третьихъ: сдѣлать примѣрное исчисленіе потребныхъ еще на сей годъ расходовъ по имѣнію, равно какъ и примѣрное же положеніе денежныхъ отъ Воспитательнаго Дома издержекъ, которыя на будущій годъ предвидятся для имѣнія; если для сего предмета нужно вамъ еще ближайшее соображеніе и объясненіе съ управляющимъ, и потому прежде моего отъѣзда сего послѣдняго изчисленія представить не можете, то прошу васъ прислать оное, коль скоро возможно будетъ. И въ четвертыхъ: представить мнѣ ваши мысли на счетъ ремесленныхъ занятій, которыя бы по недостатку произведеній земледѣлія, могли доставить крестьянамъ, какъ старожиламъ такъ и питомцамъ, пропитаніе и такимъ образомъ дополнить недостающіе теперь къ тому способы. Въ заключеніе я прошу васъ всякіе получаемые изъ Горѣновскаго имѣнія извѣстія и отчеты доводить немедленно до моего свѣдѣнія прямо донесеніями на мое имя съ изображеніемъ въ оныхъ мнѣнія вашего по тѣмъ статьямъ, которыя требуютъ разрѣшенія, и вы видѣли уже на опытѣ, что въ отношеніи къ учрежденіямъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, никакія подробности не считаются мною слишкомъ маловажными и что вниманіе мое на все простирается. Пре-

(\*) Князя Дмитрія Александровича, бывшаго секретаремъ государыни.

поручая все сіе вашему старанію и опытности, я ожидать буду вашихъ представленій и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

въ Москвѣ  
25-го сентября  
1826-го

### III.

Князь Сергій Ивановичъ. Вскорѣ удаляюсь я отсюда, но напередъ удовольствіемъ себѣ поставляю изъяснить вамъ, что сколь ни коротко наше ближайшее знакомство, я однако уже имѣла случай удостовѣриться, колико довѣріе мое оправдано вашимъ рвеніемъ и попечительностію. Я желаю, чтобы приложенный здѣсь перстень напоминалъ вамъ объ оной и от твердой надеждѣ, которую я и впредь полагать буду на ваше усердіе, равно какъ о совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

въ Москвѣ  
5-го октября 1826.

### IV.

Князь Сергій Ивановичъ. Я имѣла удовольствіе получить донесенія ваши отъ 16-го и 17-го сего мѣсяца и поспѣшаю отвѣтствовать вамъ на всѣ статьи оныхъ, дабы въ дѣятельности вашихъ распоряженій съ моей стороны не происходило ни малѣйшей медленности, въ чемъ я надѣюсь, что вы не только теперь уже успѣли удостовѣриться, но и впредь болѣе и болѣе удостовѣритесь. Изъ перваго донесенія отъ 16-го числа усматриваю я, что по трехъ-этажному дому употреблено на штукатурку 550 пудъ алебастру болѣе нежели по смѣтѣ положено было; но какъ тутъ же объ-

ясняется, что причиною тому было стараніе о прочнѣйшей и лучшей отдѣлкѣ и при всемъ томъ управляющій надѣется сохранить большую экономію, то полагаю въ томъ на усердное его, при руководствѣ вашимъ, попеченіе. Весьма пріятно мнѣ при томъ видѣть, что постройка постоялаго двора въ Руднѣ обойдется дешевле нежели предполагалось, и такъ замедленіе оказалось полезнымъ. Я совершенно одобряю сдѣланныя вами распоряженія о поврежденныхъ столбахъ ограды каменнаго дома, о сдѣланіи пожарныхъ ведръ изъ оставшагося листоваго желѣза, о казенныхъ податяхъ за 64 убылыя души, о фундаментахъ подъ клѣти питомцевъ, о покупкѣ лекарствъ изъ Рославльской аптеки съ уступкою 20 процентовъ противъ таксы; но съ тѣмъ чтобы докторъ Пербантъ имѣлъ точнѣйшее наблюденіе за доброю лекарствъ. Что же касается до малолѣтка, который явился самъ изъ бѣговъ, то, одобряя совершенно оставленіе его у того хозяина, гдѣ онъ прежде находился, на счетъ отправления его въ Москву, о которомъ вы упоминаете, прошу васъ сказать мнѣ ваше мнѣніе: не лучше ли оставить его въ селеніи, если тотъ же хозяинъ согласенъ имѣть его у себя по прежнему, какъ онъ самъ добровольно явился, о чемъ и буду ожидать вашего отзыва. Въ разсужденіи удовлетворенія питомцевъ за дурное снабженіе потребностями при обзаведеніи, обѣщаннаго прежнимъ управляющимъ Хрущовымъ, мнѣ кажется, что впервыхъ надобно знать, имѣется ли о семъ обѣщаніи какой либо письменный отъ Хрущова актъ или отзывъ, а потомъ изслѣдовать должно въ возможной точности: до какой степени жалоба питомцевъ основательна; быть мо-

жетъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи не всѣмъ такое вознагражденіе по справедливости слѣдуетъ; что у иныхъ лошади были хорошія, а отъ времени и небрежнаго употребленія или содержанія испорчены и т. п., а по симъ причинамъ можетъ оказаться и не равно всѣмъ причитающееся удовлетвореніе. Вотъ что я препоручаю вашему ревностному попеченію, для представленія потомъ всего на сужденіе Совѣта, желая весьма, чтобы сіе непріятное дѣло было приведено къ концу въ скорѣйшемъ по возможности времени, и на правилахъ строгаго правосудія опредѣлено было, сколько дѣйствительно съ Хруцова взыскать должно. Надѣясь совершенно на вашу дѣятельность и заботливость, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонно.

*Марія.*

Въ С.-Петербургѣ  
22 октября  
1826.

*Какова супруга ваша (3)?*

V.

Князь Сергій Ивановичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваше донесеніе отъ 25-го октября и одобряя совершенно распоряженія, вами сдѣланныя по представленіямъ управляющаго Горѣновскимъ имѣніемъ, прошу васъ увѣдомить объ оныхъ и Опекунскій Совѣтъ. Что касается до стекла для оконъ каменнаго дома, то какъ вы согласно съ управляющимъ почитаете простое стекло довольно хорошимъ для сельскаго заведенія, и я охотно на употребленіе онаго изъясляю мое со-

(3) Кн. Варвара Михайловна, урожд. Пушкина, дочь Мих. Алексѣевича и Натальи Абрамовны (ур. княжны Волконской) Пушкиныхъ и сестра памятнаго Московскому обществу и литераторамъ Алексѣя Михайловича Пушкина.

гласіе; а красивость вида должна уступать пользѣ хозяйства, когда разность въ цѣнѣ такъ значительна. Усердно желая вамъ наилучшаго успѣха въ заведеніи магазейныхъ полей и для сего потребнаго хутора, я съ удовольствіемъ повторяю здѣсь изъясленіе искренняго доброжелательства, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонно.

*Марія.*

въ С. Петербургѣ  
2-го ноября 1826

VI.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 29-го октября съ вѣдомостію о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба по Горѣновскому имѣнію и съ крайнимъ сожалѣніемъ усматриваю бывшій опять въ ономъ неурожаѣ, принуждающій еще къ покупкѣ хлѣба. Если на то потребно прибавленіе денегъ къ отпущенной уже суммѣ, то предоставляю вамъ представить о томъ Опекунскому Совѣту и одобряю впрочемъ ваши распоряженія. Что же касается до замѣчанія вашего, что поселенцы, которымъ наступилъ срокъ платить часть податей, должны быть отъ платежа свободны, пока употребляются въ работу, то какъ въ немъ заключается отмѣна утвержденнаго блаженнаго памяти императоромъ любезнѣйшимъ моимъ сыномъ постановленія, то прошу васъ представить о томъ Опекунскому Совѣту на внимательное разсмотрѣніе и сужденіе для поднесенія потомъ мнѣ его заключенія, тѣмъ болѣе, что я уже слышала здѣсь противное сему мнѣніе. Упоминаемое же вами постановленіе о прекращеніи дачи провіанта малолѣткамъ, при тѣхъ же поселенцахъ находящимся, не измѣняется, но по причинѣ неурожаи надобно будетъ оказывать пособіе въ прокормленіи ихъ, также какъ и са-

михъ хозяевъ. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною. *Марія.*

Въ С.-Петербургѣ  
5-го ноября  
1826.

## VII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 2-го ноября съ краткою вѣдомостію Вспомогательной Кассы. На счетъ малолѣтка, явившагося добровольно изъ бѣговъ, я, какъ уже вамъ написано, совершенно съ вами согласна, чтобы склонить прежняго хозяина на принятіе его обратно въ домъ, ожидая, что въ впредь окажется онъ своимъ поведеніемъ. О назначеніи третьей пары питомцевъ въ деревню Бѣхово: ежели имѣется въ поселеніи малолѣтки обоего пола, пришедшіе въ совершеннолѣтіе и желающіе сочетаться бракомъ, то такую пару можно будетъ водворить на вакантное мѣсто въ Бѣхово, а ихъ замѣнить новые малолѣтки изъ Москвы. Въ деревнѣ Кисловкѣ назначенные два дома подъ старожилонъ, не полезнѣ ли будетъ, вмѣсто переселенія сихъ старожилонъ, кои имѣютъ уже заведенные дома и унавоженные издавна огороды и полевою землю, помѣстить въ сіи дома новыхъ поселенцевъ, тоже изъ достигшихъ надлежащаго возраста, о чемъ ожидать буду вашего мнѣнія.

Желательно мнѣ знать, какой заведенъ порядокъ по части Вспомогательной Кассы, какіе положены сроки возвратамъ и какъ основано обращеніе сего капитала?

Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

Въ С.-Петербургѣ  
12 ноября  
1826-го года.

## VIII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 5-го ноября и полагаю, что экспедиторскій помощникъ титулярный совѣтникъ Быстряковъ, когда будетъ отдѣленъ отъ Хозяйственной Экспедиціи, успѣетъ по обѣимъ должностямъ, письменной и счетной; въ слѣдствіи чего я согласна буду на опредѣленіе его при письмоводствѣ и вести кассу, повѣряя всѣ вообще счеты по имѣнію поселенныхъ питомцевъ съ жалованіемъ по 700 руб. въ годъ, квартирою, освѣщеніемъ и прибавкою пятилѣтій на основаніи повелѣнія моего отъ 11-го іюня 1818 года. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

*Я очень рада, узнавъ, что супруги вашей лучше.*

Въ С.-Петербургѣ  
12 ноября 1826.

## IX.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 5-го ноября и одобряю мнѣніе ваше раздавать награжденіе за отличіе по хозяйству и по нравственности 2-мъ питомцамъ и 2-мъ питомкамъ; но согласиться не могу назначать сіи награжденія деньгами. Напротивъ того, изъ опыту извѣстно мнѣ по здѣшнимъ деревнямъ, какую пользу и сколь много цѣнять крестьяне награжденія сіи вещами, коихъ утратить они не властны и которыя остаются навсегда въ семействахъ лестнымъ памятникомъ трудолюбія и отличной нравственности. На оныхъ надписывается имя удостоившагося такового отличія и буде получившій подпадетъ по важному преступленію уголовному суду, въ такомъ случаѣ подарокъ сей отбирается изъ



его дома и поступаетъ въ церковь. На сей предметъ я буду доставлять къ вамъ ежегодно по 150 р. и снабжу васъ образцами такова роду подарковъ для обоюго пола. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонно.

*Марія.*

*И вамъ доставлю правила ни раздачу сихъ награжденій.*

въ С.-Петербургѣ  
12-го ноября 1826.

### X.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 9 сего мѣсяца съ сообщенными вамъ отъ Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства свѣдѣніями объ имѣніи графа Румянцова сельцѣ Аннинѣ и планомъ онаго, которые разсмотрѣла со всевозможнымъ вниманіемъ. Я вижу, что главная причина, по которой вы и почетный опекунъ Тучковъ почитаете покупку сего имѣнія невыгодною, заключается въ совершенномъ недостаткѣ строевыхъ матеріаловъ и происходящихъ отъ того чрезмѣрныхъ расходахъ на разное строеніе. Почетный опекунъ Кушниковъ полагаетъ, что для благосостоянія водворяемыхъ на хлѣбородной землѣ питомцевъ, не должно останавливаться сими издержками, а почетный опекунъ Саблинъ, что если сего приобрѣтенія не почитать выгоднымъ, то негдѣ будетъ искать таковыхъ мѣстъ. Каждое изъ сихъ мнѣній имѣетъ свое основаніе. Правда, что издержки предвидятся великія; правда, что для благосостоянія питомцевъ (сего главнаго предмета нашихъ заботъ) надобно рѣшиться и на потребные расходы; правда наконецъ, что весьма трудно найти удобныя мѣста для поселенія; но чтобы изъ всего онаго вывести основательное, рѣшительное заключеніе, надобно бы съ од-

ной стороны знать точнѣе, до какой суммы примѣрно простираться могутъ окончательные расходы всего потребнаго для обзаведенія и водворенія питомцевъ и сколько надѣяться можно поселить въ имѣніи семь питомскихъ семей, а съ другой, какія выгоды доставить имѣніе для питомцевъ въ отношеніи къ хлѣбопашеству и скотоводству; и въ слѣдствіе сего, соразмѣрны ли тѣ расходы симъ выгодамъ. Для такого заключенія доставленныя свѣдѣнія и планъ весьма недостаточны; а надобно бы на счетъ расходовъ сдѣлать примѣрное изчисленіе, во что имянно обойдется всякаго рода потребное строеніе, вами упоминаемое, полагая оное либо деревянное изъ покуннаго лѣса, или каменное изъ необожженаго кирпича, или обожженаго соломою (какъ въ тѣхъ странахъ дѣлается), а не дровами; избы же поселенцевъ—изъ такого же кирпича, если дешевле деревянныхъ, крытыя соломою, но съ полами. А на счетъ выгодъ достать точный планъ и описаніе, сколько имянно въ отданныхъ крестьянамъ 5365 десятинахъ земли пахатной, сѣнокосной, солонцевъ и пр.; тоже сколько таковыхъ разныхъ родовъ въ 20 т. десятинахъ, отданныхъ въ аренду купцу Ротину; сколько изъ солонцевъ удобныхъ къ хлѣбопашеству, ибо въ описаніи сказано, что изъ нихъ засѣваются хлѣбомъ? Сверхъ того, какіе способы и удобства поселенцы имѣть могутъ, сбывать излишній свой хлѣбъ и скотъ? Словомъ, собрать такія точныя свѣдѣнія, изъ которыхъ бы съ вѣроятіемъ усмотрѣть можно, имѣется ли основательная надежда видѣть нашихъ поселенцевъ со временемъ въ такомъ изыточномъ состояніи, чтобы стоило употребить на покупку имѣнія и на постройки и водвореніе весьма значительные расходы? И наконецъ, послѣ

всѣхъ сихъ соображеній, если оныя удовлетворительны, — какую сумму можно предложить за сіе имѣніе? Для полученія таковыхъ нужныхъ свѣдѣній, я прошу васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе употребить ваше усердное стараніе. Между доставленными же планомъ и описаніемъ встрѣчаются нѣкоторые несходства, на примѣръ: вмѣсто трехъ рѣчекъ показаны на планѣ четыре; въ описаніи сказано, что всѣ отданныя крестьянамъ 5365 десятинъ находятся по правой сторонѣ рѣчки Мокрой Елани, а по плану рѣчка Елань составляетъ границу, и по правую сторону ея земля чужая и т. п. — Препоручая все сіе вашему ревностному попеченію, я ожидать буду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ свѣдѣній, необходимо нужныхъ для сужденія о выгоды или невыгоды сего приобрѣтенія и возвращая вамъ при семъ планъ, который можетъ быть вамъ нуженъ, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

въ С.-Петербургѣ  
22-го ноября  
1826.

## XI.

Князь Сергій Ивановичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваши донесенія отъ 18-го до 27-го ноября, и мнѣ весьма пріятно было видѣть, что теперь дома для поселенцовъ кончены и они всѣ уже будутъ водворены. Я прошу васъ сказать мнѣ, довольны ли они, что перешли въ свои свои собственные двory и чувствуютъ ли себя счастливыми. Въ разсужденіи снабженія ихъ достальными еще скотомъ и потребностями я совершенно одобряю ваше предположеніе и увѣрена, что при вашемъ попеченіи и стараніемъ управляющаго соблюдена будетъ въ

покупкѣ оныхъ какъ доброта, такъ и хозяйственная бережливость. Что касается до раздачи наградъ отличающимся хозяйствомъ и нравственностію, то вскорѣ я пришлю вамъ правила, предполагаемая для наблюденія при семъ случаѣ и нѣкоторые образцы вещей для раздачи назначаемыхъ. Я нахожу разсужденіе ваше на счетъ поселенія взрослыхъ изъ малолѣтковъ на убылыя мѣста поселенцовъ, вмѣсто перевоза новыхъ изъ деревень Московской губерніи, весьма справедливымъ и въ слѣдствіе сего занятіе таковыми четами изъ малолѣтковъ имѣющихся трехъ вакантныхъ мѣстъ. Равномѣрно кажется мнѣ полезнымъ, чтобы посреди молодыхъ поселенцовъ были семьи старожилковъ благонадежныхъ, могущихъ имѣть нѣкоторое надъ ними вліяніе и быть достойными ихъ довѣрія, и коль скоро вы получите ожидаемая вами дополнительныя свѣдѣнія, я прошу васъ обо всемъ ономъ представить Опекунскому Совѣту для поднесенія мнѣ его мнѣнія и полученія моего утвержденія. Я признаюсь, что, видя въ вѣдомостяхъ о больныхъ одну воспитанницу показанною съ раною отъ укушенія бѣшеною собакою, я не мало встревожилась; но къ удовольствію вижу изъ донесенія вашего отъ 27 ноября, что она поправляется и вредныхъ послѣдствій не предвидится. Весьма пріятно мнѣ, что нарѣзка полей приводится къ концу, и будущаго года можно будетъ довершить размежеваніе совершенно и составить спеціальныя имѣнія. Я желаю, чтобы Руднянскій постоянный дворъ, нынѣ исправленный, доходами не только вознаградилъ издержки, но и оказался выгоднымъ для экономіи. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

*Марія.*

*Что касается до Вспомогательной Кассы, то по первой почтѣ вы получили мое разрѣшеніе.*

въ С.-Петербургѣ  
Декабрь 2-го дня  
1826 года.

## XII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 24-го ноября. Отдавая справедливость заведенному порядку по части Вспомогательной Кассы, въ коемъ положено: необходимо нужные для крестьянъ припасы и вещи (какъ то, соль, деготь, колеса и тому подобныя) покупать съ утвержденія управляющаго и оныя вещи хранить при хозяйствѣ для снабженія ими крестьянъ заимообразно по мѣрѣ ихъ нуждъ, я нахожу покупку сихъ припасовъ отменно благоразумною и совершенно-полезнымъ для крестьянъ снабжать ихъ сими припасами, чрезъ что они не проживаются отъ домовъ своихъ, не проживаются въ городахъ и на дорогахъ и отклоняются отъ пьянства и мотовства нерѣдко бывающихъ при таковыхъ поѣздкахъ, а еще же и покупка въ большемъ количествѣ выгоднѣе частной и мелочной. Но за симъ усматриваю, что можно увеличить кругъ дѣйствій Вспомогательной Кассы, дабы вспоможеніе ея могло простираться на нужды всякаго рода, и благодѣянія для крестьянъ были бы ощутительнѣе, а вмѣстѣ и капиталъ имѣлъ бы надлежащее приращеніе. По симъ причинамъ я полагаю, что можно опредѣлить въ годъ со ста по шести процентовъ, а на мѣсяць поль проц. для удобнѣйшаго сбора. Ссуды можно производить денежныя по мѣрѣ всякаго рода нуждъ и благонадежности заемщика, срокомъ не болѣе одного года и не менѣе одного мѣся-

ца. Ссуды же, отпускаемыя припасами, зачислять по цѣнѣ деньгами съ такими же сроками, но безъ вышеозначенныхъ 6-ти процентовъ, а только съ придачею сверхъ купленной цѣны двухъ процентовъ въ замѣнъ усушки и траты при мелочныхъ отпускахъ, какъ уже заведено. Такимъ образомъ капиталъ сей возымѣетъ должное приращеніе, крестьяне получатъ вспоможеніе во всякомъ случаѣ, а правленіе поселянъ распространить кругъ благодѣяній и извлечь всю пользу, предназначенную при заведеніи Вспомогательной Кассы. Если вы съ таковымъ мнѣніемъ согласны, то препоручаю вамъ представить оное Опекунскому Совѣту на разсмотрѣніе и сужденіе и для поднесенія мнѣ его заключенія. Въ случаѣ же и его на то согласія, я прошу васъ заняться дополненіемъ правилъ для руководства управляющему на сей предметъ и представить мнѣ оныя на утвержденіе. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною. *Марія.*

въ С.-Петербургѣ  
3 декабря 1826.

## XIII.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 3-го декабря и совершенно одобряю вырытіе пруда въ деревнѣ Кисловкѣ на собранную сумму отъ значительнаго пониженія подряда (учиненнаго управляющимъ) на 6-ть колодезей для вновь отстроенныхъ кварталовъ въ Творожковѣ и Кисловкѣ. Весьма пріятно мнѣ знать, что воспитанница, укушенная бѣшеной собакою, использована, весела и никакой въ ней и на будущее время опасности не предвидится. Желая продолженія вся-

каго благосостоянія нашимъ поселянамъ, съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

Въ С.-Петербурѣ  
10 декабря 1826.

#### XIV.

Князь Сергій Ивановичъ! Я получила донесеніе ваше отъ 3-го декабря на счетъ претензіи на бывшаго управляющаго Хрущова за дурное снабженіе питомцевъ разными потребностями при обзаведеніи, а наипаче дурной покупки лошадей и коровъ, не соответствующей плаченной цѣнѣ, за что Хрущовъ при братѣ своемъ и шуринѣ (какъ доносить г. Лоде) словесно обѣщался удовлетворить недовольныхъ питомцевъ; а равно и князю Хилкову, въ бытность его въ поселеніи, далъ Хрущовъ обѣщаніе всѣ его упущенія вполнѣ исправить, какъ только отъ болѣзни получитъ облегченіе, упрашивая, дабы только мнѣ не было представлено формальнаго рапорта, на каковое его убѣдительнѣйшее прошеніе князь Хилковъ и согласился, снисходя на болѣзненное его въ то время состояніе, поручивъ г-ну Лоде представить о принятіи имѣнія во всей исправности подробный рапортъ. Впоследствии же сего при сдачѣ имѣнія г. Хрущовъ отъ долгаго удовольствія питомцевъ отказался. Тогда г. Лоде подалъ формальный рапортъ о дурномъ снабженіи питомцевъ и покупкѣ лошадей и коровъ не соответствующихъ плаченной цѣнѣ, а вмѣстѣ и объ отказѣ Хрущова исправить платежемъ сіи предметы. Отъ г. Хрущова письменныхъ актовъ или обязательствъ въ удовлетвореніи деньгами и не нужно было, а ему Хрущову необходимо слѣдовало и по нынѣ слѣдуетъ отъ г. Лоде получить

квитанцію въ исправной сдачѣ имѣнія, обеспечивающей его отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Такою квитанціею я полагаю, что онъ и по нынѣ не снабженъ, то и остается подѣ справедливой отвѣтственностью, по законамъ. Какъ же не видно во первыхъ, чтобы по объявленіи питомцами неудовольствія сдѣлано было формальное изслѣдованіе и доказательство, если Хрущовымъ розданы были имъ лошади и коровы, не соответствующія плаченной цѣнѣ, а во вторыхъ никакихъ письменныхъ актовъ въ принятіи имъ обязательства въ удовлетвореніи деньгами нѣту, а по сему и взысканіе учинить не почему. Если вы полагаете, что сіи причины достаточны для уничтоженія сей претензіи, то поручаю вамъ представить все сіе на сужденіе Опекунскому Совѣту, отъ котораго и буду я ожидать о семъ представленія. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

*Марія.*

Въ С. Петербургѣ  
Декабря 12 дня  
1826 года.

#### XV.

Князь Сергій Ивановичъ! Изъ донесенія вашего отъ 13 сего мѣсяца я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣла, что при водвореніи остальныхъ питомцевъ нашихъ въ деревнѣ Кисловкѣ каждый изъ нихъ снабженъ всѣмъ для хозяйства нужнымъ. Да благословитъ ихъ Всевышній и одаритъ миромъ и благоденствіемъ! — Если не имѣется въ поселеніи питомцевъ выше 16 лѣтъ (ибо сіи года недостаточны для управления хозяйствомъ и семействомъ) то для укомплектованія трехъ убылыхъ паръ поручаю вамъ избранныхъ изъ Москов-

скихъ деревень отправить въ февралѣ мѣсяцѣ (какъ вы весьма удобно придумали) вмѣстѣ съ обозомъ, имѣющимъ отправиться въ поселеніе съ искупленными управляющимъ вещами. Старожилы по прежнему расположенію остаются въ Кисловкѣ между поселенцами. О производствѣ межеванія не имѣю я донесенія, что по натурѣ оказалось въ отношеніи числа десятинъ противъ числа, означеннаго въ бумагахъ, доставленныхъ ко мнѣ при покупкѣ сего имѣнія. Когда же малолѣтки въ поселеніи достигнуть совершеннолѣтія и время сіе близко, то оживившихся потребно будетъ снабдить землею наравнѣ съ прочими, то есть по двѣ десятины въ каждомъ полѣ. Я полагаю, важная сія статья изъ виду упущена не была и что по сему при надѣленіи питомцевъ землею по разнымъ деревнямъ, землемѣръ имѣлъ въ виду будущее надѣленіе и малолѣтковъ, а равно и старожиловъ на прирастающія тягла, и для сего оставалось въ поляхъ по нѣсколько лишнихъ десятинъ, которыя до того времени служить могутъ магазейными полями. Дабы совершенно опредѣлить сіе обстоятельство, потребно имѣть свѣдѣніе отъ землемѣра, оказалось ли понынѣ достаточно распашной земли во всѣхъ клинахъ для питомцевъ, малолѣтковъ и старожиловъ на умноженіе ихъ тяглъ? Ожидая о семъ донесеній, пребываю впрочемъ съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною.

*Марія.*

Въ С. Петербургѣ.  
Декабря 20 дня  
1826 года.

## XVI.

Князь Сергій Ивановичъ! Сходственно донесенію вашему я согласна

на дѣланіе хорошихъ волосяныхъ тюфяковъ къ штатнымъ тридцати кроватямъ, вмѣсто набивныхъ сѣномъ, если новая сія постройка не превзойдетъ назначенной на сей предметъ по штату суммы; но прошу васъ прежде осмотрѣть тюфяки, которые я видѣла въ бытность мою въ Москвѣ въ военносиротскомъ отдѣленіи набитые молчалкою, которая весьма прочна, не жестка и только переваливается и перебивается разъ въ годъ какъ волосъ. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

*Марія.*

Въ С. Петербургѣ.  
Декабря 20 дня  
1826 года.

## XVII.

Князь Сергій Ивановичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію усмотрѣла я изъ донесенія вашего, что опять въ Горѣновѣ приключился пожаръ, отъ котораго питомецъ Харитонъ Кузьминъ значительно потерпѣлъ. Я одобряю совершенно разрѣшеніе, вами данное, на вспомоствованіе его 50 рублями для покупки взаменъ потерянной пеньки и корму, а на постройку гумна экономическимъ образомъ сдѣлать ему въ семь пособіе. Но вмѣстѣ съ симъ сообщаю вамъ, какъ я слышала, что пеньку никогда мять не должно при огнѣ, ибо въ томъ нужды не состоитъ, а пенька чрезвычайно легко и скоро загорается. Въ случаяхъ же, когда требуется на гумнѣ огонь, то необходимо имѣть его въ фонарѣ, о чемъ вы не упустите дать предписаніе ваше управляющему. Встрѣчается, что въ крестьянскомъ быту не всегда имѣются свѣчи, въ такомъ случаѣ огонь должно приносить въ

горшкѣ, или тому подобной посудѣ. Съ совершеннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благо-склонною.

*Марія.*

*Надобно приказать Лодѣ имѣть большую осторожность въ разсужденіи огня.*

Въ С. Петербургѣ  
27 декабря 1826 года.

## 1807 ГОДЪ.

### ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНѢ-ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИИ ФЕОДОРОВНѢ.

Канцлеръ Россійскихъ орденовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Александръ Борисовъ Куракинъ (род. 1752 ум. 1818), правнукъ того князя Бориса Ивановича, который былъ своякомъ Петру Великому (жены ихъ, Лопухины—родныя сестры) по происхожденію, связямъ и воспитанію былъ настоящій другъ царей. Приходясь внучатнымъ племянникомъ графу Никитѣ Ивановичу Панину, онъ учился подъ его надзоромъ вмѣстѣ съ императоромъ Павломъ, и съ раннихъ лѣтъ возымѣлъ горячую, искреннюю приверженность къ своему царственному соученику—правнуку Петра Великаго. Эта благородная преданность составляетъ главную черту въ политической дѣятельности князя Куракина. Извѣстно по преданію, что въ царствованіе Екатерины, когда Павлу Петровичу случилась нужда въ деньгахъ, кн. Куракинъ закладывалъ свои деревни для того, чтобы доставить помощь великому князю. Извѣстно также, что онъ долженъ былъ долго прожить вдали отъ двора, въ одной изъ Саратовскихъ деревень своихъ (Сердобскаго уѣзда), которую онъ называлъ знаменательнымъ именемъ *Надеждино*. Извѣстно, наконецъ, что надежда не обманула кн. Куракина и что по возшествіи своемъ на престолъ Павелъ Петровичъ удивилъ со-

временниковъ обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, излившихся на преданнаго, благороднаго друга.

Когда скончался Павелъ Петровичъ, кн. Куракину поручено было императоромъ Александромъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги. Въ сердечной приверженности своей къ покойному государю (съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, позднѣе дружеству и наконецъ по масонству) кн. Куракинъ не только сдѣлалъ описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторые изъ нихъ (см. Вѣстникъ Европы, 1867, т. I, стр. 302). Оставшіяся послѣ него архивъ, нынѣ принадлежащій барону М. Н. Сердобину, содержитъ въ себѣ важнѣйшія бумаги.

Это открываетъ намъ любопытную, своеобразную черту въ князѣ Александрѣ Борисовичѣ: при всей роскоши и изысканности, коими обставлена была его жизнь, онъ былъ челоѣкъ письменный. Такъ, еще только кончивши ученіе въ Лейденскомъ университетѣ, онъ велъ журналъ своему путешествію по Голландіи и Англій и въ старости напечаталъ его: *Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre 1770—1772*. St. Pétersb. 1815. 8°. 221 стр. Такъ точно свои благотворительно-хозяйственныя распо-

риженія по селу Надеждину, крестьяне коего были имъ отпущены на волю, онъ издалъ особюю книгою. (Утвержденное положеніе князя А. Б. Куракина. Спб. 1807. 4°. 107 стр.). Объ эти весьма дѣльные книги были напечатаны, разумѣется, не для публики, и потому рѣдки. Онѣ имѣются въ Чертковской библіотекѣ.

Этой же письменности кн. А. Б. Куракина обязана наша историческая литература нижеслѣдующими важными показаніями. Въ 1807 году кн. Куракинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Вѣнскому двору, съ коимъ до того времени (послѣ Аустерлицкой неудачи) мы находились въ нѣкоторой остродѣ. Весною 1807 года, въ самый разгаръ второй войны нашей съ Наполеономъ за угнетаемую Пруссію, было нужно привлечь Австрію на свою сторону, и назначеніе князя Куракина, сановитѣйшаго человѣка въ имперіи, должно было свидѣтельствовать императору Францу о добромъ расположеніи Россіи. Князь Куракинъ собирався на свой постъ весьма медленно; ибо, въ тѣ мѣсяцы 1807 г., война управляла политикою, и вопросъ, какъ обращаться съ сосѣдомъ зависѣлъ отъ того, кто одолѣетъ на войнѣ. Императоръ Александръ Павловичъ самъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій (хотя на этотъ разъ и не принималъ въ нихъ личнаго участія). Князь Куракинъ на пути изъ Петербурга въ Вѣну долженъ былъ свидѣться съ государемъ. Почти ежедневно доносилъ онъ о своемъ путешествіи вдовствовавшей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и по своему обычаю сохранялъ у себя тщательно переписанныя копія своихъ писемъ. Копія эти послѣдствіемъ достались по наслѣдству А. Н. Шеннигу, а отъ него получены нами при обязательномъ посредствѣ кн. Н. С. Оболенскаго. II. Б.

## I.

à Riga, le 14 de mai 1807.

Madame,

Pour abrégér le tems de mon voyage, je n'ai pas couché cette nuit, mais

comme mes pieds en ont été enflés, je ne crois pas que je le fasse souvent. Je suis arrivé ici ce soir; les sables de la Livonie ne m'ont pas permis de venir à Riga plutôt. N'ayant pas trouvé m-r de Beklechew, qui est allé inspecter la milice courlandaise, je ne suis resté ici qu'autant de temps qu'il m'a fallu pour aller porter les lettres dont j'étais chargé pour m-me la duchesse Aléxandre de Wurtemberg, et pour faire mes visites au gouverneur militaire et à m-me d'Elmpt et de Fieltinghow, et quoiqu'il soit près de minuit, je repars dans cet instant pour m'arrêter le reste de la nuit à deux lieues d'ici, à la poste qui est à mi-chemin entre Riga et Mitau. Demain je ferai aussi mon possible pour ne rester également que quelques heures dans la dernière de ces villes.

Monseigneur le duc Aléxandre est retourné de sa campagne pour y conduire ces jours-ci sa famille, et m-me la duchesse son épouse compte y rester jusqu'à l'époque de sa délivrance. L'un et l'autre se portent très-bien et m'ont parlé avec une grande sensibilité des bontés dont v. m-té les a comblés pendant leur dernier séjour près d'elle. J'ai désiré voir leurs enfans; la petite princesse Marie n'est plus aussi vive et gentille, comme elle l'étoit à Gatchina, il y a cinq ans; mais le fils est charmant.

Le vieux c-te Sievers, que j'avais instruit de mon passage, est venu m'attendre à la poste de Wolmarshoff. Une conversation de deux heures, portée sur différens objets et toujours également animée, m'a fait voir, que malgré son âge de soixante seize ans, il a conservé toute sa mémoire et tout le feu de son imagination. Il est bien à regretter que des circonstances imprévues l'ont souvent arraché aux moyens

de rendre des services utiles à son pays. Les communications d'eau continuent à avoir sa plus tendre affection; il ne cesse de s'en occuper dans sa retraite. Il m'a prouvé avec beaucoup de chaleur la grande utilité que retireroit notre commerce d'un canal de réunion entre le Nèmen et la Dwina, qu'il avoit projeté autrefois, et qui alloit être confirmé par feu l'empereur, quand il a dû prendre sa démission. Je crois que son successeur dans cette administration ne pourroit faire mieux que de le consulter souvent, non seulement sur les travaux qui s'y exécutent actuellement, mais aussi sur ceux qu'il avoit conçus, pour les faire exécuter les uns après les autres. M-r de Sievers n'a pas changé aussi extérieurement; il me paroît même plus frais et mieux portant qu'il ne l'étoit il y a neuf ans; et ce qui m'a fait beaucoup de plaisir, c'est qu'il est toujours pénétré envers v. m-té impériale de cette vénération, qu'elle inspire généralement à tous ceux qui ont le bonheur de connaître et d'apprécier ses vertus.

Je ne puis taire à v. m-té que l'état actuel de la Livonie n'est pas du tout agréable. Deux années de mauvaise récolte avoient déjà entamé ses ressources; a présent on peut dire qu'elles sont entièrement épuisées. Les bleds y manquent tout-à-fait; leurs prix sont exorbitants et tels qu'ils n'ont jamais existés: partout où j'ai passé on vend les trois lofs ou le tchetwert de seigle à 15 et 18 roubles et les trois lofs ou le tchetwert d'avoine à 9 ou à 11 roubles. Les grains ensemencés ne donnent aucun espoir. Les embarras et les inquiétudes des habitans sont augmentés par la défense qui doit exister dans le gouvernement de Pleskow, où ils avoient l'habitude de faire des achats de grains, d'en faire sor-

tir ceux qu'ils y ont maintenant achetés et payés: je les sais de m-r de Fietinghow et d'autres; et pour dernière nuance de ce tableau qui est si sombre j'ai à ajouter qu'il n'y a presque pas de propriétaire ou de campagne, qui n'aient perdu quantité de chevaux crevés de la fatigue ou par manque de fourrage, quand ils ont été requis, l'hiver passé, pour le transport des troupes.

Je présente mon hommage à madame la grande duchesse Cathérine, et je suis avec le plus profond respect etc.

P. S. Je me trouve en possession de cette information de votre majesté impériale que j'attendais avec tant d'impatience. Sa lettre qui me la donne, je l'ai recuë au moment que j'entrais chez m-r de Tormazoff. Il me semble que la chose en question prend une très bonne tournure, puisque l'empereur l'abandonne finalement à la volonté et à la décision de votre majesté, et que m-me la grande duchesse Cathérine continue à reconnaître les grands avantages qu'elle lui offre. V. majesté a parfaitement bien fait de n'avoir pas différé d'écrire la lettre qui contient la proposition directe qu'elle fait par amitié et confiance, et de l'avoir envoyée ouverte à l'empereur son fils. Je suis persuadé qu'en l'approuvant il lui donnera cours. Je me trouverai fort heureux d'en être le porteur; car personne certainement ne peut la souhaiter plus vivement et ne pourra mettre à la réussite plus de zèle et d'activité que moi! Votre majesté et madame la grande duchesse ne peuvent pas en douter! Il est impossible que s. m-té l'empereur ne me parle pas de cette affaire. J'ai au contraire la ferme conviction qu'il daignera m'en entretenir de propre mouvement, qu'il me chargera de soigner le succès de la lettre de votre majesté, et qu'en même tems il me munira aus-



si de ses ordres sur tous les objets de son contenu. Mais s'il arrivait, ce que je n'attends pas et ne me permet pas même du supposer, qu'il ne m'en dise pas le mot, alors ce ne sera certainement pas moi à en parler le premier; à cet égard je l'observerai strictement à l'instruction de votre majesté, et dès que je le pourrai je ne lui laisserai rien ignorer de ce que j'aurai fait et de tout ce qui me sera arrivé au quartier-general.

## I.

Рига 14 мая 1807.

Государыня!

Чтобы сократить время путешествія моего, я въхалъ всю послѣднюю ночь; но какъ отъ того у меня распухли ноги, то я не надѣюсь повторять это часто. Я пріѣхалъ въ Ригу нынче вечеромъ: ливонскіе пески помѣшали мнѣ прибыть ранѣе. Не найдя г. Беклешова<sup>(1)</sup>, который отправился осматривать Курляндскую милицію, я здѣсь пробылъ лишь столько времени, сколько понадобилось для передачи писемъ герцогинѣ Александрѣ Виртембергской и для визитовъ военному губернатору и господамъ Эльмптъ и Фитингофъ, и хотя уже скоро полночь, но я все таки сейчасъ ѣду, располагая ночевать въ двухъ миляхъ отсюда на средней станціи между Ригою и Митавою. Завтра я также употребляю всѣ старанія, чтобы остановиться въ Митавѣ лишь на нѣсколько часовъ.

Его высочество герцогъ Александръ возвратился изъ деревни съ тѣмъ, чтобы на дняхъ отвезти туда свое семейство, и герцогиня его супруга предполагаетъ тамъ прожить до времени разрѣшенія отъ своего бремени. Оба они въ самомъ лучшемъ здоровьѣ. Съ большимъ чувствомъ говорили они мнѣ о милостяхъ,

(1) Александръ Андр. Беклешовъ (1743—1808), генераль-прокуроръ при импер. Павлѣ, былъ въ это время главнокомандующимъ второю областью земскаго войска для тогдашней милиціи.

которыми ваше величество ихъ осыпали во время послѣдняго-пребыванія у васъ. Я пожелалъ видѣть ихъ дѣтей: маленькая принцесса Марія уже не такъ жива и мила, какъ была въ Гатчинѣ назадъ тому 5 лѣтъ, но сынокъ восхитителенъ.

Старикъ графъ Сиверсъ, котораго я увѣдомилъ о моемъ проѣздѣ, явился на станцію Вольмарсгофъ ожидать меня. Двухчасовая бесѣда о разныхъ предметахъ, постоянно одинаково-живая, доказала мнѣ, что, не смотря на свои 76 лѣтъ, графъ сохранилъ свѣжесть памяти и живость воображенія. Жаль, что непредвидѣнные обстоятельства поставили его внѣ возможности оказывать полезныя услуги государству<sup>(2)</sup>. Водяныя сообщенія по прежнему очень близки его сердцу: онъ не перестаетъ заниматься ими и въ своемъ удаленіи. Онъ съ жаромъ доказывалъ мнѣ пользу для нашей торговли отъ канала между Нѣманомъ и Двиною, проэктъ котораго онъ нѣкогда составилъ и представилъ на утвержденіе покойнаго императора предъ самымъ выходомъ въ отставку. Я полагаю, что преемнику графа въ этомъ управленіи<sup>(3)</sup> остается лишь слѣдовать по стопамъ своего предшественника, не только въ работахъ, которыя уже исполняются теперь, но и въ работахъ только еще задуманныхъ, и вести ихъ одну за другой. Гр. Сиверсъ не перемѣнился и по наружности; онъ мнѣ показался даже моложе и здоровѣе, чѣмъ 9 лѣтъ назадъ; но особенную радость доставило мнѣ то, что онъ проникнуть къ вашему императорскому величеству глубочайшимъ уваженіемъ, которое вы внушаете всѣмъ, кто имѣлъ счастье узнать и оцѣнить ваши свойства.

Не могу умолчать предъ вашимъ величествомъ, что настоящее положеніе Ливоніи вовсе не утѣшительно. Двух-

(2) Весною 1800 года по неудовольствію имп. Павла гр. Сиверсъ получилъ отставку отъ управленія водяными комунікаціями и опекуства въ Спб. Воспитательномъ домѣ. (См. Блума, Ein russischer Staatsmann, Leipzig, 1858, ч. 4-я, стр. 538—544.)

(3) Де Воланту.

лѣтній неурожаѣ поглощаетъ запасы прежнихъ лѣтъ: можно сказать, что въ настоящее время они уже совершенно истощены. Хлѣба нѣтъ нигдѣ; цѣны на него непомерныя, никогда небывалыя: повсюду, гдѣ я проѣзжалъ, три лофа, т. е. четверть ржи продается по 15—18 рублей, а четверть овса по 9—11 рублей. Выходы посѣяннаго хлѣба ничего хорошаго не обѣщаютъ; безпокойство жителей увеличивается еще запрещеніемъ вывозить хлѣбъ изъ Псковской губерніи, гдѣ они обыкновенно его покупаютъ, почему они не могутъ вывезти даже и тотъ, который ими уже купленъ и оплаченъ: я это знаю отъ г. Фитингофа и другихъ. Къ довершенію этой столь мрачной картины прибавлю, что почти нѣтъ помѣщика или деревни, у которыхъ бы не погибло множества лошадей отъ утомленія или недостатка корма, когда ихъ забирали прошлую зиму для перевозки войскъ.

Свидѣтельству почтеніе ея высочеству великой княгини Екатерины и имѣю счастье съ глубочайшимъ уваженіемъ быть.....

P. S.

Я получилъ теперь отъ вашего императорскаго величества письменное наставленіе, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Ваше письмо съ этимъ наставленіемъ получено мною въ ту минуту, когда я шелъ къ Тормасову. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, кажется мнѣ, принимаетъ очень хорошій оборотъ. Государь оставляетъ его окончательно на волю и рѣшеніе вашего величества, и великая княжна Екатерина по прежнему сознаетъ большія выгоды, ей представляющіяся; ваше величество сдѣлала весьма хорошо, что безотлагательно написала письмо съ прямымъ предложеніемъ, по дружбѣ и довѣренности, и что вы послали это письмо незапечатанное своему сыну-государю. Я убѣжденъ, что онъ его одобритъ и дастъ ему ходъ. Я былъ бы очень счастливъ, еслибъ мнѣ поручили его передать; ибо ужъ конечно никто не можетъ желать этого дѣла

сильнѣе чѣмъ я, и никто не употребить для его успѣха больше ревности и усердія. Ваше величество и ея высочество великая княгиня не можете въ этомъ сомнѣваться! Государь непременно будетъ со мною говорить объ этомъ дѣлѣ. Я имѣю твердую увѣренность, что онъ по собственному побужденію удостоитъ меня бесѣды объ этомъ, поручитъ мнѣ постараться объ успѣхѣ письма вашего величества и снабдитъ подобными приказаніями по всѣмъ пунктамъ письма; но въ случаѣ, котораго я не ожидаю и не позволяю себѣ даже предполагать, если онъ мнѣ не скажетъ объ этомъ ни слова, разумѣется я первый не начну; вообще поступлю во всей точности согласно наставленію вашего величества, и при первой возможности дамъ вамъ подробный отчетъ обо всемъ, что я сдѣлаю и что случится въ главной квартирѣ.

II.

A Memel, le  $\frac{18}{30}$  de mai 1807.

Madame,

Avant de parler de Memel à v. m-té i-le, j'ai encore à lui rendre compte de mon séjour à Mitau.

Au lieu de m'arrêter à la première poste après Riga, comme je le voulais, j'ai voyagé une seconde nuit pour ne pas perdre une journée entière à Mitau. J'y suis arrivé à 9 heures du matin. Apprenant que m-r de Beklecheff étoit sur le point d'en partir, j'ai été d'abord le voir; je l'ai trouvé bien portant et très satisfait de sa milice courlandaise. Il m'a beaucoup parlé de sa grande vénération pour v. m-té; il ne m'a pas caché aussi les inquiétudes que lui donne sa nouvelle maladie. J'ai été éffrayé, quand il m'a fait toucher cette coupe qui s'est formée à son sein gauche et qui le remplit déjà en entier; cette coupe est dure et tout-à fait cartilagineuse, elle croit à vue-d'oeil et est déjà si grande, qu'il n'est

plus possible de l'enlever par une opération; son poids l'incommodé beaucoup et engourdit toujours davantage son bras gauche.

Le roi de France m'ayant envoyé le duc de Grammont pour m'engager à diner chez lui. plutôt que de venir pour le voir seulement, je n'ai pu m'y refuser; et j'ai employé une heure de la matinée pour faire ma visite à m-me la duchesse de Courlande, qui ne se plait nullement dans son pays natal et attend avec impatience le moment de son retour en Allemagne. Le roi m'a reçu avec les plus grandes bontés. Il a causé avec moi à différentes reprises. Il parle fort bien, ses malheurs intéressent encore davantage quand on le voit, et qu'on l'entend; mais il est bien heureux pour lui, que le sentiment de ce qu'il est et l'espérance de recouvrer l'héritage de ses pères, ne l'abandonnent pas d'un instant, et on le remarque à chacune de ses paroles. Il m'a prié d'exprimer à v. m-té impériale que rien ne lui étoit plus précieux que la conservation de son amitié et de son souvenir; il m'a chargé en même tems de lui rappeler, qu'il se reconnoissoit être son chevalier depuis qu'il avoit eu le bonheur de lui baiser sa main en France, et qu'il se flattoit qu'elle ne l'avoit pas oubliée. La reine a extrêmement vieilli et semble avoir renoncé à toute espèce de prétentions: le costume de son habillement dans toutes ses parties est celui qu'avoit autrefois la défunte Cathérine Iwanowna Werre. Je n'ai pu approcher sans émotion de m-me la duchesse d'Angoulême. Le Ciel lui auroit tout accordé, si sa fortune eut été égale à sa naissance; sa beauté, son esprit, ses graces, la rendent une personne accomplie. Très touchée de tout ce que je lui ai dit de la part de v. m-té,

2

elle la prie d'être persuadée qu'elle s'empressera de mériter toujours son suffrage et ses bontés. Elle se souvient parfaitement de v. m-té et ne désire rien tant, que de renouveler sa connoissance. Le duc d'Angoulême est d'une figure assez agréable et paroît être fort bon; la reine et lui m'ont aussi prié de les rappeler au souvenir de v. m-té. La cour du roi est peu nombreuse; j'y ai vu l'archevêque duc de Reims, oncle de Tallayrand qu'il a sacré évêque d'Autin, et qui ne peut pas entendre préférer le nom de son neveu-apos-tat; les ducs de Havéé et de Grammont, les c-tes d'Avarey et d'Agôut, la duchesse de Serrent, la comtesse Narbonne sa fille, et deux autres dames, dont je n'ai pu demander les noms. La veille de mon arrivée le roi et sa famille ont été vivement affligés par la mort de l'abbé Edgévort, dernier confesseur de Louis XVI: il possédoit toute leur confiance et en été reveré comme un saint. Il n'y a pas de gentilhomme campagnard, dont la table ne soit mieux servie que celle du roi: il n'y avoit que six grands plats de fayance, point de plateau, point d'argenterie, point de dessert, point de vins fins. Le roi m'a souvent répété: «quand vous m'avez vu à Versailles, je pouvais vous recevoir mieux qu'à présent»; mais ce qui m'a surpris et ne manquera pas d'étonner v. m-té, c'est que toute l'étiquette de l'ancienne cour de Versailles se trouve strictement observée à la cour infortunée de Mittau. Le roi est devenu plus gros, mais au reste n'a pas changé, il est comme v. m-té l'a connu. Il est enchanté de l'empereur et m'en a parlé avec attendrissement. Il occupe la moitié du château de Mitau, tandis que l'autre moitié y sert de caserne; il seroit assez bien logé, mais ses appartemens sont si sales, si noirs, si dégar-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 2

nis de meubles, que l'empereur n'a pu s'empêcher de le remarquer, et comme on dit qu'il a ordonné de les remeubler, il est à désirer que cet ordre de sa part s'exécute bientôt.

Le marquis d'Autichamp et sa femme que j'ai aussi vû à Mittau, se mettent aux pieds de v. m-té avec l'assurance qu'ils n'oublieront jamais ses bienfaits.

La Courlande est une des plus belles acquisitions de la Russie. Tout y a un air d'ordre et d'aisance; les chemins, les ponts, les forêts, les bâtimens, l'agriculture, l'industrie, y sont en beaucoup meilleurs état encore qu'en Livonie. Je supplie v. m-té de dire à m-me la comtesse de Lieven que c'est là l'impression que mon passage par cette province a produit en moi, et que je la félicite véritablement d'y avoir sa principale propriété.

Quoique je suis arrivé ici ce soir à sept heures, cependant j'ai été faire ma cour à m-es les princesses Guillaume et Louise de Prusse. J'avais entendu parler trop souvent à l'empereur de m-me de Voss, pour me refuser le désir de la connoître; j'ai aussi été chez elle. M-me de Goltz s'y trouvait, elle n'est pas sortie de Memel depuis son départ de Pétersbourg, et ne semble pas avoir ici ce qu'elle a quitté chez nous. M-me la princesse Guillaume n'est que belle, m-me la princesse Louise est on ne peut pas plus aimable. J'ai passé chez cette dernière près de deux heures, et sa conversation a été toujours intéressante et soutenue. Ses enfans sont charmans; son mari est allé depuis peu pour ses affaires en Galicie. La reine est attendue ici demain de Koenisberg, et vient par le Haf. Le roi est dit-on à présent à Pilau, pour y voir les troupes commandées par le général-major comte Kamensky, qui y retournent par mer. On est ici fort af-

fecté du sort et de la capitulation de Danzick, et on prétend, sans le savoir positivement, que l'aile gauche de notre grande armée a fait un mouvement en avant vers Mohrungen.

Demain matin je repars, mais ce n'est pas pour aller à Bartenstein. Je vais droit à Tilsit. Le bonheur d'y revoir après demain l'empereur calme déjà d'avance les inquiétudes que j'ai eues, en apprenant d'hasard en route qu'il avoit quitté Bartenstein pour s'y transporter. Je désire vivement qu'il y reçoive en ma présence la nouvelle d'une grande victoire remportée par ses armes, car en vérité elle est plus nécessaire que jamais.

M-me la grande duchesse Marie écrit à m-me la princesse Louise, qu'elle va s'embarquer incessamment pour la Russie, et je me permets de souhaiter que v. m-té la revoye avant de recevoir cette lettre.

Ce soir les attraits et les belles qualités de m-me la grande duchesse Catherine ont occupé tout le monde chez m-me la princesse Louise; c'étoit pour moi une bien grande jouissance d'être témoin de cette justice méritée, qu'on lui rend même loin d'elle, et j'ose prier v. m-té de daigner l'en instruire en lui demandant qu'elle me continue sa bienveillance.

Je soutiens très bien la fatigue du voyage; je n'ai qu'à me plaindre de l'enflure de mes deux pieds. Celle-là m'incommode et s'augmente chaque soir, au point que j'ai été obligé d'ôter mes bottes de cuir. Jusqu'à présent je ne sens pas de douleurs, et je me croirai fort heureux si je n'aurai que cette seule incommodité pendant les quatre ou cinq semaines, que j'ai encore à être en route. Les infirmités ordinaires de l'âge viennent m'assaillir malgré moi, et je suis forcé de voir à regret qu'il ne

m est plus possible de m'abuser sur le compte de ma santé. Il est donc vrai que, quand on a vécu cinquante cinq ans, on ne peut plus être toujours ce qu'on a été!

Je suis avec un attachement sans bornes et le respect le plus profond etc.

P. S. V. m-té me fera une grace en daignant répéter à m. de Nélidoff l'expression de mon amitié constante pour elle, et mes vœux pour son prompt et parfait rétablissement.

## II.

Мемель 14/20 явя 1807.

Государыни!

Прежде чѣмъ писать в. и. в—ву о Мемелѣ, я долженъ отдать вамъ отчетъ о моемъ пребываніи въ Митавѣ.

Въ противность прежнему намѣренію остановиться на первой станціи за Ригой, я чѣхалъ опять всю ночь, чтобы не потерять цѣлый день въ Митавѣ. Я прибылъ туда въ 9 часовъ утра. Узнавши, что Беклешовъ собирается сейчасъ уѣхать, я отправился прежде всего къ нему. Я нашелъ его здоровымъ и очень довольнымъ Курляндскою милиціею. Онъ мнѣ много говорилъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ в. в—ву. Онъ также не скрылъ отъ меня своего безпокойства о новой его болѣзни: я ужаснулся, когда онъ мнѣ далъ ощупать наростъ, образовавшійся на его лѣвой груди и занимающій уже почти всю ея поверхность. Этотъ наростъ твердъ какъ хрящъ, замѣтно растеть и уже сталъ такъ великъ, что его невозможно снять операціей. Его объемъ очень безпокоитъ Беклешова; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе нѣмьеть у него и лѣвая рука.

Французскій король (4) чрезъ герцога Граммона просилъ меня вмѣсто того, чтобы только явиться къ нему, придти лучше обѣдать, и я не могъ отказаться отъ этого приглашенія; утреннимъ же

временемъ я воспользовался, чтобы поѣхать герцогиню Курляндскую, которую совсѣмъ не любить въ ея странѣ и которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего возвращенія въ Германію. Король принялъ меня чрезвычайно ласково и много разъ вступалъ со мной въ разговоръ. Онъ говоритъ очень хорошо; его несчастія еще больше вызываютъ участіе, когда его видишь и слушаешь; но онъ счастливъ по своему тѣмъ, что сознаніе своего королевскаго достоинства и надежда возвратитъ наследственный престолъ не оставляютъ его ни на минуту и проглядываютъ въ каждомъ словѣ. Онъ просилъ меня передать в. императорскому в—ву, что для него всего дороже неизмѣнность вашей дружбы и памяти о немъ; онъ также поручилъ мнѣ напомнить, что считаетъ себя вашимъ кавалеромъ съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ счастье цѣловать вашу руку во Франціи и льститъ себя надеждою, что ваше в—во его не забыли(5). Королева очень постарѣла и по видимому оставила всевозможныя притязанія; одѣвается она во всѣхъ подробностяхъ совершенно такъ, какъ покойная Екатерина Ивановна Верре(6). Я не могъ подойти безъ душевнаго волненія къ герцогинѣ Ангулемской. Судьба дала бы ей все возможное, еслибъ ея счастье равнялось ея происхожденію; красота, умъ, привлекательность дѣлаетъ ее особою совершенною. Весьма тронутая всѣмъ, что я передалъ ей отъ имени в. в—ва, она проситъ васъ вѣрить, что постарается заслужить ваше доброе мнѣніе и расположеніе. Она очень помнитъ в. в—во и ничего такъ не желаетъ, какъ возобновить съ вами знакомство. Герцогъ Ангулемскій имѣетъ довольно пріятную наружность и, кажется, очень добръ. Королева и онъ также меня просили напомнить о нихъ в. в—ву. Дворъ коро-

(4) Они видѣлись, когда Павелъ Петровичъ и Марія Теодоровна путешествовали по Европѣ подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ.

(6) Каммерфрау Марія Теодоровна еще въ царствованіе Екатерины и подлѣе.

(3) Лудовикъ XVIII.

ля немногочисленъ; я тамъ видѣлъ архі-епископа герцога Реймскаго, дядю Талейрану, котораго онъ поставилъ епископомъ Отенскимъ; дядя не можетъ равнодушно слышать имя своего племянника-отступника. Еще тамъ были герцоги Де-Гаве и Граммонъ, графъ Аварей и Агу, герцогиня Серранъ, ея дочь графиня Нарбонъ и еще двѣ дамы, именъ которыхъ я не могъ спросить. Наканунъ моего пріѣзда король и его семейство были сильно огорчены смертью аббата Эджеворта, послѣдняго духовника Людовика XVI: королевское семейство имѣло къ нему полную довѣренность и чтило его какъ святаго. Не найдется ни одного дворянина-помѣщика, у котораго бы столъ былъ хуже сервированъ, чѣмъ у короля: все его убранство состояло изъ 6 большихъ фаянсовыхъ блюдовъ; не было ни плато, ни серебра, ни десерта, ни хорошихъ винъ. Король часто повторялъ мнѣ: „когда вы меня видѣли въ Версали, я могъ принять васъ лучше, чѣмъ теперь“; но что удивило меня и непременно удивитъ и в. в—во, это соблюденіе при несчастномъ Митавскомъ дворѣ придворнаго Версальскаго этикета во всей строгости. Король пополнилъ, но въ прочемъ не перемѣнился и остался такимъ, какъ вы его знаете; онъ въ восторгѣ отъ нашего государя и говорилъ мнѣ объ этомъ съ чувствомъ. Онъ занимаетъ половину Митавскаго дворца, а другая служитъ казармами. Помѣщеніе короля было бы недурно; но комнаты грязны и закопчены; а мебель такъ безобразна, что государь невольно это замѣтилъ и, какъ говорятъ, приказалъ ее перемѣнить; желательно, чтобы это приказаніе исполнилось поскорѣе.

Маркизь Отишанъ и его супруга, которыхъ я также видѣлъ въ Митавѣ,падаютъ къ стопамъ в. в—ва съ увѣреніемъ, что они никогда не забудутъ вашихъ благодѣній.

Курляндія есть одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній Россіи. Тутъ все имѣетъ видъ порядка и доволства: дороги, мосты, лѣса, строенія, земледѣліе, промышленность, все здѣсь гораздо лучше,

чѣмъ въ Ливоніи. Усерднѣйше прошу в. в—во сказать графинѣ Ливенъ<sup>(?)</sup>, что такое впечатлѣніе вынесъ я изъ своего путешествія по Курляндіи и что я истиннѣй поздравляю съ этимъ графиню, имѣющую тамъ главное свое помѣстье.

Хотя я пріѣхалъ сюда сегодня въ 7 часовъ вечера, однако жъ успѣлъ представиться принцессамъ Вильгельминѣ и Луизѣ Прусскимъ. Императоръ такъ часто говорилъ о г-жѣ Фоссѣ, что я не могъ преодолѣть желанія съ нею познакомиться, поэтому побывалъ и у нея. Тамъ была г. Гольцъ: она не выѣзжала изъ Мемеля со времени своего возвращенія изъ Петербурга и, кажется, не имѣетъ уже того, что оставила у насъ. Принцесса Вильгельмина прекрасна и только; но принцесса Луиза мила какъ нельзя болѣе. Я провелъ у послѣдней около двухъ часовъ, и у насъ не прерывалась постоянно-занимательная бесѣда. Ея дѣти прелестны; мужъ ея отправился по своимъ дѣламъ въ Галицію. Завтра ожидаютъ сюда изъ Кенигсберга королеву, которая пріѣдетъ по Гафу. Король, говорятъ, теперь въ Пилау, для осмотра войскъ, состоящихъ подъ командою генераль-маіора Каменскаго, которыхъ туда возвращаются моремъ. Здѣсь очень озабочены сдачею Данцига и утверждаютъ, не выдавая за несомнѣнное, что лѣвое крыло нашей арміи подвинулось впередъ, къ Морунгену.

Великая княгиня Марія пишетъ принцессѣ Луизѣ, что она сейчасъ отправляется въ Россію; и я позволяю себѣ пожелать, чтобы в. в—во увидѣли ея высочество прежде полученія этого письма.

Нынѣшній вечеръ все общество у принцессы Луизы говорило о прелестяхъ и достоинствахъ великой княжны Екатерины; для меня было великимъ наслажденіемъ видѣть, что ей воздаютъ должную справедливость даже на чужбинѣ, и я осмѣливаюсь просить в. в—во со-

(?) Графиня, поздне княгиня Шарлота Карловна Ливенъ, другъ имп. Маріи Феодоровны и воспитательница дочерей ея.

общить ей объ этомъ вмѣстѣ съ просьбою не измѣнять своего расположенія ко мнѣ.

Я очень хорошо выношу дорожную усталость, могу только пожаловаться на опухоль обѣихъ ногъ. Она меня беспокоитъ и каждый вечеръ прибавляется, такъ что я принужденъ снимать кожаные сапоги. Но никакой болѣзни я до сихъ поръ не чувствую, и счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ впродолженіи четырехъ-пяти недѣль, которыя мнѣ остается еще провести въ разъѣздахъ, я испытывалъ бы только это безпокойство. Обыкновенныя недуги преклонныхъ лѣтъ начинаютъ осаждать меня, и я принужденъ съ сожалѣніемъ сознаться, что мнѣ уже становится невозможнымъ не беречь своего здоровья. Справедливо, что проживши 53 лѣтъ, не можешь всегда быть тѣмъ, чѣмъ былъ.

Съ безпредѣльною преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь бытъ и пр....

Р. S. В. в-во сдѣлаете мнѣ милость, удостоивъ передать г. Нелидовой выраженіе моей постоянной дружбы къ ней и душевное желаніе ей скорого и совершеннаго выздоровленія

### III.

à Tilsit, le  $\frac{22 \text{ de mai}}{3 \text{ de juin}}$  1807.

Madame,

J'ai de nouveau voyagé la nuit entre Memel et Tilsit et j'ai déjà été ici avant hier de grand matin. L'enflure de mes pieds ne m'a pas arrêtée, mais n'en a pas été mieux; quand je suis stimulé par des devoirs, la considération de ma santé est toujours la dernière à agir sur moi; et je me flatte que v. m-té me connoit trop bien pour ne pas en être parfaitement persuadée. S. m-té l'empereur a été fort étonné en me voyant arriver si vite. Je l'ai trouvé, grâces à Dieu, très bien portant, tranquille et gai. Il a daigné m'accueillir avec la plus grande bonté, et m'a or-

donné de rester ici quelques jours jusqu'à ce qu'il ait reçu la reponse cathégorique, qu'il vient de demander à la cour de Vienne.

Je n'ai rien de positif à dire encore à v. m-té sur l'affaire qui regarde m-e la grande duchesse Cathérine. L'Empereur m'a prevenu, dans l'entretien particulier qu'il m'a accordé, qu'il avoit à me remettre une lettre que v. m-té lui avoit envoyée pour moi avec une autre qui l'accompagnait, et qu'il me parlera avec détail de l'objet dont il y est question; mais par le peu qu'il m'en a dit, je puis voir déjà clairement qu'il n'est pas du tout de l'opinion que l'établissement projeté puisse convenir à m-me sa soeur. Il croit que le personnel de l'individu, au quel son sort auroit à être lié, étant peu agréable, ne pourra jamais lui plaire et la rendre heureuse; mais il m'a témoigné aussi qu'il abandonnoit entièrement ses affaires de famille à la décision de v. m-té. J'ai pris la liberté de lui répondre, que selon moi aucun autre parti ne pourroit offrir d'aussi grands avantages, et que m-me la grande duchesse m'avoit paru en être convaincue et le désirer beaucoup elle même.

L'empereur ne pouvoit faire mieux que de quitter son armée, puisqu'il n'a pas jugé à propos de la commander en personne, et qu'il ne voulait pas que sa présence put gêner le général en chef dans ses opérations, ou lui servir de prétexte pour les lui attribuer en cas de non-réussite. Il est venu à Tilsit pour être à portée de donner promptement tous les ordres qu'exigeront les circonstances. Le roi de Prusse et son ministre Hardenberg sont attendus ici, mais il y a des personnes qui croient qu'ils chercheront différer leur arrivée ayant plus de gêne, que de véritable satisfaction à être ensemble avec

l'empereur. Comme il n'y a pas un seul de nos soldats à Tilsit et dans ses environs, j'ose croire que l'empereur au lieu d'être ici seroit beaucoup plus à sa place et d'une manière plus conforme à sa dignité dans son propre pays; et puisque pour rester dans le voisinage du théâtre de la guerre il n'est pas encore intentionné de retourner dans sa capitale, où il est désiré avec tant d'impatience, il me paraît qu'il pourroit aller à Grodno ou à Wilna, et plutôt encore à Grodno, qui est entièrement sur la frontière. M-r de Budberg m'a allegué entr'autres comme une des raisons du séjour de Tilsit l'attente où l'on est d'y voir arriver incessamment le lord Gower, qui doit être revêtu de pouvoirs illimités de sa cour. La conduite de l'Angleterre envers nous et la nullité de son assistance jusqu'à présent, ne peuvent être interprétés favorablement par ses partisans les plus zelés, et on en est mécontent avec justice.

L'empereur me semble revenu de l'idée qu'il avoit des grands talents de Beningsen; cependant il ne le fait pas paroître, et le conservera sans doute dans le commandement qu'il lui a confié par la difficulté de le bien remplacer. Il le trouve rempli d'astuce, et m'a avoué qu'il lui a été fort pénible d'être avec lui à cause des souvenirs du passé. Il m'a dit que ses inferieurs ne le respectoient et ne l'estimoient pas unanimement, que les soldats ne pourroient pas avoir pour lui beaucoup d'attachement et de confiance, parcequ'il n'est pas en état de parler avec eux leur langue, qu'il faisoit observer une très mauvaise discipline, et qu'il la relachoit par des vues à lui personnelles, voulant se faire aimer par là davantage. Le plus grand des reproches qu'on peut lui faire c'est de n'avoir pas songé à se pourvoir des magasins mobi-

les, qui doivent toujours former la première sollicitude du général. C'est le manque de vivres qui a dû la paralyser depuis la bataille de Preussich-Eylau, et qui probablement sera une grande entrave pour elle dans les opérations futures. Les dispositions de Beningsen pour cette bataille doivent avoir été vicieuses, et elle n'a été gagnée que par l'immobilité et la bravoure de nos excellentes troupes. L'esprit qui règne parmi celles-la est parfait; elles ont un sentiment intérieur de supériorité sur l'ennemi, qui à chaque combat leur présege la victoire. Que Dieu les benisse et les assiste! Maintenant Benningsen est livré à son propre genie; rien ne l'empêche d'agir comme il pourra le vouloir, mais pourvu qu'il agisse et qu'il batte! Une victoire encore est indispensable pour nous mener à une paix honorable. Il n'y a personne ici qui ne la désire, mais il n'est pas si facile de l'obtenir telle, qu'elle soit conforme à notre gloire et à nos intérêts. La prise de Dantzig, et le moyen qu'elle donne à Bonaparte de renforcer sa grande armée des trois divisions qui en faisoient le siège, va l'exalter dans ses prétentions. Czartorysky et Novossiltzow m'en ont parlés avec une franchise, qui m'a surprise; ils prétendent que le bon moment d'entamer avec lui une négociation a été perdu, qu'il falloit le faire d'abord après la bataille d'Eylau, quand il n'avoit pas reçu tous ses renforts, quand il manquoit de vivres, et que la résistance que nous lui avons opposée l'avoit étourdi; qu'ils l'avoit représentés alors à l'empereur verbalement et par écrit, mais que leurs representations étoient restées sans effet. Ils désirent tous les deux vivement la paix, et n'augurent pas bien de la continuation de la guerre. Ils regrettent notre grande intimité avec la Prusse, et craignent avec raison que la



reponse attendue de Vienne ne sera qu'évasive, parcequ'on y verra que nous en sommes influencés et que ce que nous y demandons servira beaucoup moins nos intérêts que ceux de la Prusse. Il est très vrai que quand même nous obtiendrons au prix de tous nos sacrifices le rétablissement de la Prusse dans son intégrité, jamais nous ne pourrions compter sur la durée d'un entier dévouement de sa part: la paix une fois faite, elle se remplacera toujours par faiblesse et habitude sous la domination de la France.

M-r de Budberg, les c-tes Tolstoy et de Liewen, Czartorysky et Nowossiltzow sont ici avec l'empereur. Ils souhaitent tous qu'il parte au plutôt de Tilsit, pour retourner à Pétersbourg, ou au moins pour aller s'établir pendant quelque tems dans une des villes de ses propres états; chacun d'eux doit lui en avoir fait ses representations. Czartorysky et Nowossiltzow m'ont même instamment prié de les lui renouveler de mon chef, et comme je les trouve entièrement analogues à ma propre conviction, je ne manquerai pas de saisir la première occasion où je pourrai les lui adresser avec convénance.

On a reçu ici la bonne nouvelle que l'amiral Seniawin s'est emparé du fort de Tenedos, et que son escadre, stationnée à l'entrée des Dardanelles, gêne et inquiète beaucoup Constantinople.

J'ai rencontré hier au diner de l'empereur le b. de Senf de Pilsach, qui avoit été nommé envoyé de Prusse près de la Porte. Il n'y a pas été admis et vient de retourner de Constantinople par Bucharest, Jassi et nos gouvernements méridionaux. Il m'a dit, que le divan et tous les Turcs en général, même dans les provinces, sont fort animés contre la Russie et fort contents de nous faire la guerre, que Sébastiani à force

d'argent et de bassesses s'est emparé de tous les esprits à Constantinople et qu'il y jouit de la permission, innouie jusqu'à présent, de venir dans le serail et d'y voir le sultan toutes les fois qu'il le veut. M-r de Senf est un homme de beaucoup de mérite, et ancien collègue de Koscheleff à Copenhague, qui y a été fort lié avec lui.

Venant d'informer v. m-té i-le de tout ce que j'ai appris et pû juger par moi-même pendant les deux jours que je suis ici, j'ai suivi l'impulsion de mon coeur qui ne lui a jamais rien caché, mais je la supplie de le garder pour elle seule et de n'en faire aucun usage où elle auroit à me nommer.

Hier j'ai reçu la lettre de v. m-té du 16 de mai. J'y ai appris avec chagrin la maladie douloureuse qui l'a fait souffrir pendant quelques jours; mais je remercie aussi le Ciel en même tems qu'elle en est rétablie. Le premier de mes voeux est qu'elle jouit toujours d'une santé inaltérable et que tout contribue constamment à sa tranquillité et à sa satisfaction. Je suppose qu'elle habite déjà le Palais Taurique, et qu'elle a commencé à s'y promener tous les matins à cheval. La convalescence de m-lle de Nélidoff me fait le plus grand plaisir car je l'aime et l'estime sincèrement.

Hier j'ai écrit à monseigneur le grand duc Constantin, avec un courier qui partoît pour l'armée, en lui envoyant les lettres que j'avais à lui remettre de la part de v. m-té et de m-me la grande duchesse.

J'embrasse les genoux de v. m-té et en la suppliant de me rappeler au souvenir de m-me la grande duchesse Cathérine, je suis avec le plus profond respect etc.

## III.

Тильзитъ.  $\frac{22 \text{ мая.}}{3 \text{ июня.}}$  1807.

## Государыня!

Я опять вѣхалъ ночью отъ Мемеля до Тильзита и прибылъ сюда третьяго дня рано утромъ. Опухоль ногъ меня не остановила, но впрочемъ и не уменьшилась отъ того. Когда меня побуждаетъ чувство долга, тогда соображенія о здоровьѣ составляютъ для меня послѣдній вопросъ; и я льщу себя надеждою, что в. имп. в-во знаетъ меня довольно хорошо, чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Его в-во государь императоръ былъ очень удивленъ моимъ столь скорымъ прїѣздомъ. Я нашелъ государя, благодаря Бога, совершенно здоровымъ, покойнымъ и веселымъ. Онъ удостоилъ принять меня чрезвычайно милостиво и приказалъ мнѣ остаться здѣсь нѣскольکو дней, пока получится отъ Вѣнскаго двора рѣшительный отвѣтъ, за которымъ только что послано.

Я еще ничего положительнаго не могу сказать в. в-ву о дѣлѣ, касающемся великой княжны Екатерины. Государь въ особой бесѣдѣ, которой онъ меня удостоилъ, предупредилъ, что онъ имѣетъ передать мнѣ письмо, присланное ему в. в-вомъ и другое, къ нему приложенное, и что онъ будетъ говорить мнѣ подробно о предметѣ, составляющемъ содержание этого письма; но изъ немногихъ словъ, сказанныхъ государемъ, я вижу ясно, что онъ не находитъ предполагаемое положеніе приличнымъ для ея высочества своей сестры. Онъ думаетъ, что личность человѣка, съ которымъ ей предстоитъ соединиться, довольно непрїятна, что человѣкъ этотъ никакъ не можетъ ей понравиться и сдѣлать ее счастливою (\*); но онъ прибавилъ также, что

(\*) Императоръ Австрійскій Францъ 1-й род. 12 севр. 1768, ум. 2 марта 1835 и былъ женатъ четыре раза. Вторая супруга его, Марія Терезія, принцесса обѣихъ Сицилій, скончалась 13 Апрѣля этого 1807 года. 6 июня 1808 года онъ женился въ третій разъ на принцессѣ Моденской Беатрисѣ. Четвертая же его супруга Каролина, принцесса Баварская, вышла за

оставляетъ семейныя дѣла вполне на рѣшеніе в. в-ва. Я осмѣлился отвѣчать, что по моему мнѣнію никакой другой союзъ не представляетъ такихъ выгодъ и что великая княжна, мнѣ кажется, въ этомъ убѣждена и сама того очень желаетъ.

Государь ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ оставить свою армію, такъ какъ онъ не счелъ умѣстнымъ командовать ею лично и своимъ присутствіемъ не хотѣлъ стѣснять главнокомандующаго въ его распоряженіяхъ, или дать ему предлогъ—въ случаѣ неудачъ приписывать ихъ присутствію государя. Онъ переѣхалъ съ Тильзита, чтобы имѣть возможность дѣлать быстрыя распоряженія, когда ихъ потребуютъ обстоятельства. Короли Прусскаго и его министра Гарденберга ожидаютъ сюда; но иные думаютъ, что они постараются замедлить свой прїѣздъ, потому что быть вмѣстѣ съ нашимъ императоромъ они находятъ для себя болѣе стѣснительнымъ, чѣмъ прїятнымъ. Такъ какъ въ Тильзитѣ и окрестностяхъ нѣтъ ни одного нашего солдата, то я смѣю думать, что государю былобы гораздо умѣстнѣй и сообразнѣе съ его достоинствомъ быть не здѣсь, а въ своемъ государствѣ; а какъ, желая оставаться вблизи театра войны, онъ еще не намѣренъ возвратиться въ столицу, гдѣ его ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ: то онъ могъ бы, какъ мнѣ кажется, переѣхать въ Гродну или Вильну, и лучше въ Гродну, лежащую совсѣмъ на границѣ. Г. Будбергъ(†) мнѣ выставлялъ въ числѣ причинъ пребыванія государя въ Тильзитѣ между прочимъ ожиданіе лорда Гауера, который долженъ прибыть въ Тильзитъ, облеченный безграничнымъ полномочіемъ отъ своего двора. Даже самые ревностные защитники Англїи не могутъ объяснить въ хорошую сторону ея поведеніе въ отношеніи насъ и ничтожность

него, разведшись съ Виртембергскимъ королемъ Вильгельмомъ I-мъ, за котораго потомъ вышла за мужъ въ 1815 году великая княгиня Елѣна Павловна.

(†) Тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

пособій которыя она до сихъ поръ выставила, и ея по справедливости всѣ довольны.

Государь, кажется, перемѣнилъ мнѣніе, которое онъ имѣлъ, о великихъ способностяхъ Беннигсена; покрайней мѣрѣ онъ его не принимаетъ къ себѣ и оставляетъ при вѣрѣнномъ ему командованіи безъ сомнѣнія только вслѣдствіе трудности его замѣстить съ выгодною. Онъ его считаетъ весьма коварнымъ и сознался, что ему очень непріятно съ нимъ видѣться вслѣдствіе воспоминаній о прошломъ. Государь сказалъ еще, что подчиненные всѣ единодушно его не уважаютъ, солдаты не могутъ имѣть къ нему много привязанности и довѣрія, потому что онъ не въ состояніи говорить съ ними на ихъ языкѣ; что у него въ войскѣ очень плохая дисциплина и что онъ ослабляетъ ее изъ личныхъ видовъ, думая тѣмъ заслужить больше любви. Величайшій же упрекъ, какой можно ему сдѣлать, это тотъ, что онъ не подумалъ о хорошемъ снабженіи подвижныхъ магазиновъ, которые должны составлять всегда первую заботу командующаго. Послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау наша армія пришла въ разстройство отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, и это вѣроятно сильно стѣснитъ ее въ будущихъ дѣйствіяхъ. Распоряженія Беннигсена въ этой битвѣ были дурны, и она выиграна только вслѣдствіе стойкости и доблести нашихъ превосходныхъ войскъ. Духъ въ войскахъ господствуетъ прекрасный: они одушевлены сознаниемъ своего превосходства надъ непріателемъ, и всякая битва имъ предвѣщаетъ побѣду. Помоги имъ Боже и буди съ ними! Теперь Беннигсенъ предоставленъ самому себѣ; никто не помѣшаетъ ему дѣйствовать, какъ только ему угодно; но дай лишь Богъ, чтобъ онъ дѣйствовалъ и сражался! Еще одна побѣда необходима, чтобы доставить намъ честный миръ. Здѣсь нѣтъ человека, который бы не желалъ мира, но его не такъ легко заключить сообразно съ нашей славой и нашими выгодами. Взятіе Данцига и открывшаяся чрезъ

то возможность усилить свою большую армію тремя дивизіями, занимавшимися осадю этого города, необыкновенно усилили притязанія Бонапарта. Чарторижскій и Новосильцевъ говорили мнѣ объ этомъ съ откровенностью, удивившею меня; они утверждаютъ, что благопріятное время для вступленія въ переговоры съ Бонапартомъ упущено: это слѣдовало сдѣлать тотчасъ послѣ битвы при Эйлау, когда онъ не получилъ еще всѣхъ своихъ покрѣпленій, нуждался въ съѣстныхъ припасахъ и не успѣлъ еще опомниться отъ оказаннаго нами сопротивленія; что они представляли тогда объ этомъ государю словесно и письменно, но что ихъ представленія оставались безъ всякаго дѣйствія. Оба они горячо желаютъ мира и не очень утѣшительно гадаютъ о продолженіи войны. Они жалѣютъ о нашей тѣсной дружбѣ съ Пруссіей и не безъ основанія опасаются, что ожидаемый изъ Вѣны отвѣтъ будетъ уклончивъ: ибо ясно видно, что мы находимся подъ чужимъ вліяніемъ и что условія, которыхъ мы требуемъ, гораздо меньше принесутъ пользы намъ, чѣмъ Пруссіи. Наконецъ, если мы цѣною всѣхъ нашихъ пожертвованій достигнемъ возстановленія Пруссіи во всей ея цѣлости, все таки мы не можемъ рассчитывать на продолжительную полную ея къ намъ приверженность: какъ скоро миръ состоится, приверженность Пруссіи смѣнится слабостью и склонностью подчиниться французскому вліянію.

Г. Будбергъ и графы Толстой и Ливенъ, Чарторижскій и Новосильцевъ находятся здѣсь при государѣ. Всѣ они желаютъ, чтобъ онъ уѣхалъ какъ можно скорѣе изъ Тильзита и возвратился въ Петербургъ, или по крайней мѣрѣ поселился въ какомъ нибудь изъ городовъ своего государства; каждый изъ нихъ, должно быть, дѣлалъ ему объ этомъ представленія. Чарторижскій и Новосильцевъ даже просили меня убѣдительно повторить эти представленія отъ имени моего собственно, и какъ мое личное убѣжденіе совершенно такое же,

то я не премину воспользоваться удобнымъ удобнымъ къ тому случаю.

Я узналъ здѣсь пріятную новость, что адмиралъ Сенявинъ овладѣлъ Тенедосскою гаванью и что его эскадра, стоящая при входѣ въ Дарданеллы, очень беспокоитъ Константинополь.

Вчера на обѣдѣ у государя я встрѣтилъ барона Зенфъ-де-Пильсака, который назначался прусскимъ посланникомъ при Портѣ. Онъ не былъ принятъ турецкимъ правительствомъ и теперь только что вернулся изъ Константинополя чрезъ Бухарестъ, Яссы и наши южныя губерніи. Онъ мнѣ сказалъ, что диванъ и вообще всѣ Турки, даже въ областяхъ, сильно раздражены противъ Россіи и рады войнѣ съ нами; что Себастьяни помощью денегъ и низостей овладѣлъ всѣмъ въ Константинополѣ и получилъ позволеніе, до сихъ поръ неслыханное, входить въ сераль и тамъ видѣться съ султаномъ всякій разъ, какъ пожелаетъ. Г. Зенфъ человѣкъ весьма достойный и по Копенгагену старый товарищъ Кошелева<sup>(10)</sup>, который былъ очень друженъ съ нимъ.

Отдавая отчетъ в. и. в-ву обо всемъ, что я узналъ и что могъ самъ замѣтить въ теченіи моего двухдневнаго здѣсь пребыванія, я слѣдовалъ внушенію моего сердца, которое никогда ничего отъ васъ не скрывало; но я умоляю васъ сохранить все сообщенное единственно для себя и не дѣлать изъ него такого употребленія, которое заставило бы именовать меня.

Вчера я получилъ письмо отъ в. в-ва отъ 16 мая. Изъ него я съ прискорбіемъ узналъ о тяжелой болѣзни, которою вы страдали нѣсколько дней; но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю Небо за ваше выздоровленіе. Первая моя молитва о томъ, чтобы вы всегда наслаждались неизмѣннымъ здоровьемъ и чтобы вы всегда устраивались къ вашему успокоенію и удовольствію. Полагаю, что вы живете

(10) Родіона Александровича Кошелева, близкаго къ императору Павлу по связямъ масонскимъ.

уже въ Таврическомъ Дворцѣ и начали ваши прогулки верхомъ по утрамъ. Выздоровленіе г. Нелидовой доставило мнѣ величайшую радость, потому что я ее искренно люблю и уважаю.

Вчера я писалъ его выс-ву великому князю Константину съ курьеромъ, который отправился въ армію, причемъ послалъ письма отъ вашего в-ва и великой княжны, присланныя мнѣ для передачи великому князю.

Припадаю къ стопамъ в. в-ва, прося при этомъ напомнить обо мнѣ великой княжнѣ Екатеринѣ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть....

#### IV.

à Tilsit, le  $\frac{23 \text{ de mai}}{4 \text{ de juin}}$  1807, à minuit.

Madame,

Je viens de quitter s. m. l'empereur, qui a eu la bonté de me garder tête-à-tête chez lui pendant deux heures. Il m'avoit fait appeler pour m'entretenir sur les deux lettres ouvertes que v. m-té lui avoit envoyée pour moi. Il a daigné me lire et me remettre l'une et l'autre. Je serai déjà le dépositaire de celle que je dois présenter en mains propres à l'empereur François, et pour que je puisse être muni, d'après la manière dont s'eclairciront les circonstances qui intéressent le plus à présent l'empereur, d'une pleine direction sur tout ce que j'aurai à remplir à Vienne, je resterai ici jusqu'à l'arrivée, non seulement de la réponse cathégorique attendue instantanément de l'Autriche, mais aussi des deux réponses de v. m-té, désirées par l'empereur. La 1-re sur ce que lui diront le metropolitite et le sinode quand elle les fera sonder pour savoir d'avance si les rites de la religion grecque peuvent permettre que deux frères épousent deux soeurs, car l'empereur est de l'opinion que v. m-té doit le faire de-

mander et l'apprendre d'eux avant tout, et principalement avant que la lettre dont j'ai à être le porteur ne soit remise, pour que, si elle produit l'effet désiré, notre clergé ne soit plus en état de faire des objections et des remontrances qui alors seroient déplacées et hors de saison; et la 2-de sur ce que v. m-té pourra penser si la réponse de l'Autriche ne sera qu'évasive, ou positivement négative, et si elle ne trouvera pas que ce cas existant suffit pour arrêter la proposition directe qu'elle fait par abandon d'amitié et de confiance à l'empereur François. Puisque continuant à résister aux présentes invitations de la Russie, si favorables à ses véritables intérêts, il l'abandonnera à ses seules forces dans la guerre pénible où elle s'est engagée uniquement pour rétablir le repos et l'équilibre en Europe, et renoncera à la possibilité qu'il a d'y coopérer et de finir promptement, comme nous avons à le désirer, notre lutte actuelle, en forçant l'ennemi commun d'évacuer le Berlin, de repasser la Vistule et peut-être le Rhin. Il est certainement nécessaire à l'empereur d'être instruit de la façon de penser de v. m-té sur ces deux articles, et pressé autant que je le suis de continuer mon voyage, pour le lieu de ma destination, j'ose la supplier de la lui faire connoître avec le moins de délai possible.

L'empereur croit toujours que la personne de l'empereur François ne pourra plaire et convenir à m-me la grande duchesse Cathérine; il le peint comme étant laid, chauve, d'une constitution débile, sans volonté, dénué de toute énergie de l'âme et affaibli de corps et d'esprit par tous les malheurs qu'il a essayés, comme étant accessible à la peur au point de craindre de monter à cheval, de galloper, et de faire

mener son cheval à la lizière. A ce dernier trait je n'ai pu m'empêcher de rire; je me suis écrié: ce ne sont pas là les qualités de m-me la g-de duchesse: elle a un esprit et une âme dignes de sa naissance, elle a de l'énergie dans sa volonté, elle n'est pas faite pour un cercle retreçû, aucune pusillanimité ne trouve accès en elle; le courage et la perfection avec lesquels elle monte à cheval doivent lui être enviés même par les hommes. L'empereur me contredit en ce que ce mariage peut-être utile à nos intérêts politiques; il prétend malgré tout ce que j'ai pu alléguer, que madame sa soeur et la Russie n'ont rien à y gagner et qu'au contraire les égards que celle-là conservera pour elle, la gêneront dans les effets de son ressentiment, toutes les fois que l'Autriche se conduira mal, ainsi qu'elle a si souvent fait. Il soutient aussi que m-me la grande duchesse éprouvera seulement l'ennui et le regret d'être unie à un époux d'un physique et d'un moral aussi nuls que l'empereur François, dès qu'elle l'aura connu, et que jamais elle ne l'influencera dans ses déterminations publiques, parcequ'il est persuadé qu'elle ne voudra pas se servir des moyens qu'employait feu l'impératrice sa femme pour y parvenir.

J'ai pris la liberté de repliquer que le p-ce Georges Dolgorouky et le défunt p-ce Basile son frère ont épousés deux soeurs c-sses Boutourlin, et que le mariage et les enfans du premier sont reconnus comme légitimes; que l'histoire de tous les siècles nous apprenoit que les considérations de famille cédoient toujours chez les souverains au bien et à la cause de leurs empires; qu'il ne pourroit jamais exister d'établissement plus convenable, plus brillant et plus avantageux pour madame la grande duchesse Cathérine

que celui de devenir impératrice, reine de Hongrie et de Bohême; qu'elle en étoit parfaitement persuadée elle-même, et qu'elle étoit la première à le souhaiter. Enfin, non obstant tout ce que je rapporte à v. m-té de ma conversation avec l'empereur, comptant qu'il est de mon devoir de ne lui en rien taire, je crois que dans cette affaire tout est fini au mieux près de lui: il est si bon, il aime si tendrement sa soeur, il respecte tant les droits maternels de v. m-té que quelques soient ses propres sentimens il ne s'opposera certainement pas à son voeu et à celui de m-me la grande duchesse, pourvu qu'il ne change pas, et que v. m-té le satisfasse sur les deux questions qu'il lui fait. Le p-ce Galitzin, premier procureur du sinode, pourra le sonder par ordre de v. m-té sans perte de tems, et en observant le mistère qu'elle lui imposera. Quant à la reponse sur le cas à prévoir que l'Autriche refusera d'accéder à la convention de Bartenstein, celle là me paroît encore plus facile. Je ne sais si v. m-té pensera comme moi, mais j'ai osé dire à l'empereur que, même dans ce cas, nous ferions bien d'entretenir toujours notre intimité avec cette puissance du premier ordre, et que le mariage dont il est question pourra efficacement nous l'attacher davantage en l'empêchant de se jeter dans les bras de la France.

Je dirai sous le secret à v. m-té que les Hongrois opposent dans l'assemblée de leurs états de la résistance, et qu'ils y sont encouragés par l'archiduc Palatin, qui, constamment contraire aux vues de la cour, a déjà empêché que l'insurrection proposée en 1805 se soit formée. L'empereur François doit-être très mécontent de son frère, et cette circonstance est d'autant plus facheuse dans ce moment-ci, qu'elle augmentera

sans doute les motifs qui l'engagent à persister dans son système de neutralité.

J'ai tenté aujourd'hui mes représentations pour porter l'empereur à préférer le séjour d'une des villes voisines de ses propres états. Il m'a répondu, qu'il alloit faire des courses d'inspection dans ses provinces du voisinage, mais qu'il avoit choisi Tilsit pour sa principale résidence par l'avantage combiné qu'il y avoit de surveiller de près la Prusse, et en même tems les opérations de l'armée.

Cette lettre concernant particulièrement m-me la grande duchesse Cathérine, je prie v. m-té de vouloir bien la lui communiquer comme un faible essai du zèle qu'a pour elle le plus dévoué de ses serviteurs.

#### IV.

Тильзитъ,  $\frac{23 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$  1807, полночь.

#### Государыня!

Я сейчасъ только отъ государя, который удостоилъ меня двухчасовой бесѣды съ глазу на глазъ. Онъ призвалъ меня, чтобы переговорить о двухъ открытых письмахъ, которыя в. в—во ему прислали для меня. Онъ соблагволил прочесть ихъ и передать мнѣ оба. Мнѣ уже поручено доставить то изъ нихъ, которое адресовано въ собственныя руки императора Франца; при этомъ я также буду снабженъ полнымъ руководствомъ касательно всего, что я долженъ сдѣлать въ Вѣнѣ для разъясненія обстоятельствъ, наиболѣе занимающихъ теперь государя. Я останусь здѣсь не только до полученія положительнаго отвѣта, ежеминутно ожидаемаго отъ Австрiи, но также до полученія двухъ отвѣтовъ в. в—ва, ожидаемыхъ государемъ. Первый о томъ, что вамъ скажутъ митрополитъ и синодъ, когда прикажете имъ рѣшить, могутъ ли уставы Греческой церкви допу-

стить, чтобы два брата женились на двухъ сестрахъ: государь полагаетъ, что в. в—во должны это вывѣдать отъ нихъ всего прежде, и въ особенности прежде передачи письма, которое поручено мнѣ, дабы въ случаѣ, если оно будетъ имѣть желаемое дѣйствіе, наше духовенство не могло дѣлать возраженій и представленій о неудобствѣ, которые тогда уже будутъ не у мѣста и не въ пору. Второй вопросъ о томъ, что полагаете в. в—во сдѣлать въ случаѣ, если отвѣтъ Австріи будутъ только уклончивый или даже совсѣмъ отрицательный, и не найдете ли вы такого случая достаточнымъ, чтобъ остановить прямое предложеніе, которое вы дѣлаете, полагаясь совершенно на дружбу и благородство императора Франца. Продолжая уклониться отъ настоятельныхъ приглашеній Россіи, столь необходимыхъ для дѣйствительныхъ его выгодъ, онъ предоставитъ ее собственнымъ силамъ въ трудной войнѣ, въ которую она вовлеклась единственно для возстановленія въ Европѣ мира и политическаго равновѣсія, и откажется отъ представляющагося случая помочь намъ и согласно съ нашимъ справедливымъ желаніемъ скорѣе кончить настоящую войну, принудивъ общаго врага оставить Берлинъ и отступить за Рейну. Государю конечно необходимо знать образъ мыслей в. в—ва объ этихъ двухъ пунктахъ, а какъ и долженъ безотлагательно продолжать мое путешествіе къ мѣсту назначенія, то осмѣливаюсь умолять в. в—во сообщить отвѣтъ сколь возможно скорѣе.

Государь все-таки думаетъ, что личность императора Франца не можетъ понравиться и быть подъ парю великой княгинѣ Екатеринѣ. Государь его описываетъ какъ дурнаго, плѣшиваго, тщедушнаго, безъ воли, лишеннаго всякой энергіи духа и расслабленнаго тѣломъ и умомъ отъ всѣхъ несчастій, которые онъ испыталъ, трусливаго до такой степени, что онъ боится ѣздить верхомъ въ галопъ и приказываетъ вести свою

лошадь на поводу<sup>(11)</sup>. При этой послѣдней чертѣ я не удержался отъ смѣха и воскликнулъ, что это вовсе не похоже на качества великой княжны: она обладаетъ умомъ и духомъ, соотвѣтствующими ей роду, имѣетъ силу воли; она создана не для тѣснаго круга; робость совершенно ей несвойственна; смѣлость и совершенство, съ которыми она ѣздитъ верхомъ, способны возбудить зависть даже въ мужчинахъ. Государь несогласенъ со мной и въ томъ, что этотъ бракъ можетъ быть для насъ полезенъ въ политическомъ отношеніи; несмотря на всѣ мои доводы, онъ утверждаетъ, что ея высочество-его сестра и Россія ничего этимъ не выиграютъ, и что напротивъ отношенія, которые начнутся тогда между Россіей и Австріей, будутъ мѣшать намъ выражать какъ слѣдуетъ наше неудовольствіе Австріи всякій разъ, когда она поступитъ дурно, а такъ она часто поступала. Онъ утверждаетъ еще, что великая княжна испытываетъ только скуку и раскаяніе, соединившись съ супругомъ столь ничтожнымъ физически и морально, какъ императоръ Францъ, что она скоро это увидитъ, и что никогда не будетъ имѣть вліяніе на государственныя дѣла Австріи, потому что для достиженія этого не захочетъ, какъ онъ убѣжденъ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя употребила покойная императрица, супруга Франца.

Я осмѣлился возразить, что князь Юрій Долгорукій<sup>(12)</sup> и покойный Василій его братъ были женаты на двухъ сестрахъ графиняхъ Бутурлиныхъ и что бракъ и дѣти перваго были признаны

(11) Все это черты, которыя императоръ Александръ Павловичъ наблюдалъ лично, полтора года назадъ, во время Аустерлицкаго похода.

(12) Знаменитый Юрій Владиміровичъ (1740 — 1830) женатъ на гр. Екатер. Александр. Бутурлиной. Старшій братъ его, генералъ-поручикъ Василій (1738 — 1782) женатъ на гр. Варварѣ Александр. Бутурлиной, — обѣ дочери извѣстнаго Елизаветинскаго фельдмаршала. Сынъ перваго, князь Василій Юрьевичъ (1776 — 1810), пока жила была тетя его, носилъ имя Козловскаго. У князя Василя Владиміровича дѣтей не было.

законными; что семейныя соображенія, какъ показывается намъ исторія всѣхъ вѣковъ, у государей всегда уступали мѣсто благу и нуждамъ ихъ государствъ; что для ея высочества великой княжны Екатерины не можетъ быть положенія приличнѣе, блистательнѣе и выгоднѣе какъ быть императрицею, королевою Венгрии и Богеміи, и что ея высочество первая этого пожелала. Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія государя, которыя я сообщилъ вашему в—ву, считая своимъ долгомъ ни о чемъ предъ вами не умалчивать, я все таки полагаю, что въ этомъ дѣлѣ съ государемъ улажено наилучшимъ образомъ: онъ такъ добръ, такъ нѣжно любитъ свою сестру, такъ почитаетъ материнскія права в. в—ва, что, какія бы ни были его собственныя мнѣнія, онъ конечно не станетъ противиться желанію вашему и великой княжны, если только оно не измѣнится и если в. в—во дадите ему удовлетворительный отвѣтъ на его два вопроса. Князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ свнода, можетъ испытать его по приказанію в. в—ва, не теряя времени и сохраняя ввѣренную ему тайну. Что касается отвѣта на тотъ случай, что Австрія откажется принять участіе въ Бартенштейнской конвенціи, онъ мнѣ кажется еще проще. Я не знаю, раздѣляетъ ли ваше в—во мое мнѣніе, но я осмѣлился сказать государю, что даже въ этомъ случаѣ намъ хорошо поддерживать дружбу съ этою первостепенною державою и что предполагаемый бракъ можетъ дѣйствительно болѣе привязать ее къ намъ, помѣшавъ сблизиться съ Франціею.

Скажу по секрету в. в—ву, что Венгры въ своемъ государственномъ собраніи рѣшили сопротивляться, и ихъ въ этомъ ободряетъ эрдгерцогъ Палатинъ<sup>(13)</sup>, постоянно дѣйствующій вопреки видовъ дво-

(13) Братъ императора Франца, вдовецъ по смерти супруги своей, великой княжны Александры Павловны. Онъ уже вдовцомъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1803 г. (см. Записки гр. Комаровскаго въ Р. Архивѣ 1867 г. стр. 750 и далѣе).

ра и уже помѣшавшій осуществиться ополченію, задуманному въ 1803 году. Императоръ Францъ долженъ быть очень недоволенъ своимъ братомъ, и это обстоятельство тѣмъ непріятнѣе, что оно усилитъ еще основанія, которыя побуждаютъ Франца упорно оставаться нейтральнымъ.

Сегодня я попробовалъ сдѣлать государю представленіе—избрать мѣстопробываніемъ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ собственнаго государства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что отправится на время осматривать сосѣднія губерніи, но что онъ выбралъ Тильзитъ главною своею резиденціею, потому что отсюда ему удобно наблюдать вблизи и за Пруссіею и за дѣйствіями армій.

Говоривъ въ этомъ письмѣ всего больше о ея вы—вѣ великой княжнѣ Екатеринѣ, я прошу в. в—во не отказать сообщить ей оное, какъ слабый опытъ ревности, которою одушевленъ преданнѣйшій изъ вашихъ слугъ.....

## V.

à Tilsit, le  $\frac{30 \text{ de mai}}{11 \text{ de juin}}$  1807.

Madame,

Je suis privé du bonheur d'avoir des nouvelles directes de v. m-té i-le depuis sa lettre du 16 de mai, qui m'est parvenue le lendemain de mon arrivée ici. Quatre de ses couriers sont venus à Tilsit depuis les dix jours que je m'y trouve, et ne m'ont rien apportés de sa part; je ne lui en parle, que pour lui exprimer la peine que j'en ai, et ce désir que je nourris en moi sans cesse de recevoir aussi souvent que possible des témoignages de son souvenir et de ses bontés. J'ai écrit à v. m-té de Riga, de Memel, et déjà deux fois d'ici, en date du 22 et du 23 de mai. C'est sur ces deux dernières lettres que je lui ai adressés, que j'attends à présent sa réponse avec la plus vive impatience, puisque j'ai à en in-



struire s. m-té l'empereur, et qu'elle devra influencer sur le jour et la manière dont j'aurai à continuer mon voyage pour le lieu de ma destination, ne trouvant aucun attrait quelconque dans le séjour de Tilsit: j'avoue que je ne serai pas fâché de le quitter.

Sa m-té l'empereur a daigné signer aujourd'hui l'oukase au cabinet pour y lever la deffense qui y avoit arrêté le paiement de la pension de Dufour. En envoyant cet oukase à m-r de Gourieff, je me fais un devoir d'en informer v. m-té, car ce n'est que par sa protection que cet ancien serviteur de feu l'empereur obtient ce bienfait, et pourra dorénavant achever le reste de sa vie tranquillement et hors de l'indigence.

Le roi de Prusse est ici depuis quatre jours. Le diner des deux souverains, auquel nous assistons, se donne alternativement chez sa m-té l'empereur et chez lui.

Le c-te de Kalkreuth, arrivé avant-hier, a été nommé feld-marechal pour la belle deffense de Dantzic. C'est un militaire fort considéré, qui a beaucoup d'esprit, et au quel le bien des choses et celui de l'humanité tient fortement à coeur.

Le conseiller privé Popoff qui a été pendant un jour ici est reparti hier au soir pour l'armée.

Une frégate anglaise vient d'amener à Memel le lord Gower, accompagné de m-r Stuart, et le comte de Pembrock destiné pour l'ambassade de Vienne. On attend ici le premier, aujourd'hui et le second demain. Le lord Gower va donc finir nos incertitudes sur la coopération, si urgente, de l'Angleterre. Beaucoup de temps précieux est perdu, et il est bien à souhaiter que les déclarations, dont il est chargé, soient satisfaisantes et conformes à la

nécessité des circonstances du moment.

Je supplie v. m-té de réitérer l'hommage de mon sincère attachement à madame la grande duchesse Cathérine, et d'agréer l'assurance du profond respect avec le quel je suis etc.

V.

Тильзитъ  $\frac{30 \text{ мая}}{11 \text{ июня}}$  1807.

Государыня!

Я лишень счастья получать прямыя извѣстія отъ в. и. в.—ва съ самаго письма отъ 16 мая, полученнаго мною наканунѣ моего приѣзда сюда. Впродолженіе 10 дней, которые я здѣсь живу, четыре нашихъ курьера приѣзжали въ Тильзитъ, но ничего не привезли мнѣ отъ в. в.—ва. Я пишу объ этомъ для того только, чтобы упомянуть вамъ о моемъ душевномъ страданіи и моемъ постоянномъ желаніи получать отъ в. в.—ва какъ возможно чаще свидѣтельства вашей памяти о мнѣ и вашей милости. Я писалъ в. в.—ву изъ Риги, изъ Мемеля, и уже два раза отсюда, 22 и 23 мая. На послѣднія два письма я ожидаю теперь отвѣта в. в.—ва съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, потому что долженъ о содержаніи его дать отчетъ его в.—ву государю императору, и отъ этого отвѣта будетъ зависѣть время и способъ продолженія моего путешествія къ мѣсту назначенія; не находя ни съ которой стороны пребываніе въ Тильзитѣ привлекательнымъ, признаюсь я очень огорчусь выѣздомъ изъ него.

Его в.—во государь изволилъ подписать сегодня кабинету указъ, которымъ снимается запрещеніе выдавать пансіонъ Дюфуру. Посылая этотъ указъ г. Гурьеву, долгомъ считаю увѣдомить о томъ в. в.—во, потому что этотъ старый слуга покойнаго императора получаетъ такое благодѣяніе лишь по вашей протекціи, и отнынѣ можетъ провести остатокъ своей жизни покойно и безбѣдно.

Король Пруссій уже пятый день здѣсь. Обѣдъ обоихъ государей, на которомъ и мы присутствуемъ, бываетъ попеременно у императора и у короля.

Графъ Калькрейтъ, прѣхавшій третьяго дня, сдѣланъ фельдмаршаломъ за хорошую защиту Данцига. Это воинъ весьма опытный, обладающій большимъ умомъ и отъ души заботящійся о хорошемъ положеніи дѣлъ и о благѣ человечества.

Тайный совѣтникъ Поновъ <sup>(14)</sup> былъ здѣсь на одинъ день и вчера вечеромъ возвратился въ армію.

Сейчасъ Англійскій фрегатъ привезъ въ Мемель лорда Гауера, сопровождаемаго г. Стюартомъ, и графа Пемброка, назначеннаго посланникомъ въ Вѣну. Перваго ожидаютъ сюда сегодня, втораго завтра. И такъ лордъ Гауеръ разрѣшитъ наше недоумѣніе касательно содѣйствія Англии, столь для насъ необходимаго. Много драгоценнаго времени упущено: желательно, чтобы порученныя лорду объясненія были удовлетворительны и сообразны съ требованіями настоящихъ обстоятельствъ.

Почтительно прошу в. в.—во повторить ея высочеству княжнѣ Екатеринѣ выраженіе моей искренней преданности и принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть...

## VI.

à Tilsit, le 1/13 de juin 1807.

Madame,

Enfin je suis en possession de la lettre de v. m-té i-le du 28 de mai, et j'ai le bonheur d'avoir de ses nouvelles! J'attends avec une grande impatience les ordres que j'espère recevoir de sa part après demain, pour la réponse que j'aurai à dire à s. m-té l'empereur sur ces deux articles, relatifs au projet en question sur lesquels il désire connoître sa façon de penser; v. m-té puisse lui resoudre avant tout. D'après ma conviction il me parroit qu'elle ne sera pas embarrassée à le faire et à lever ses doutes.

<sup>(14)</sup> Василій Степановичъ, знаменитый Потемкинскій дѣлецъ; онъ завѣдывалъ въ это время продовольствіемъ войскъ, но неудачно.

J'ai déjà vû le lord Gower; il a ra-jeuni et est fort content de retourner en Russie. Il a du rendre hier dans l'après-diner sa première visite à m-r de Budberg, ainsi nous ignorons encore le poids de plus qu'il est venu apporter dans la balance de nos calculs. On peut préjuger par les événements de ces derniers mois, qu'il y aura beaucoup d'assurances et de promesses et que ce sera l'enfantement de la montagne. Le comte de Pembrock doit venir au jourd'hui.

Le courier avec la réponse cathégorique de la cour de Vienne n'arrive pas; il est toujours désiré, mais on croit généralement que le sistême pacifique, soutenu par les deux archiducs ainés, et le désir dominant les états de Hongrie, devront rendre cette reponse très négative. Comme c'est aussi de mon opinion, je ne cesse de repeter, que, sans perdre le tems, il faut s'occuper des mesures que les circonstances rendent si nécessaires à nos véritables intérêts. Il n'y a ici qu'un sentiment, qu'un voeu pour la paix. Ceux dont j'ai eu l'honneur de parler à v. m-té, Novosiltzof et Czartorisky, continuent à soutenir que plus on différera, moins on pourra la conclure avantageuse, et je le pense avec eux. La Prusse ne continue la guerre que parceque nous le voulons, et qu'elle nous craint. Les Prussiens, ministres et généraux, diplomates et militaires, désirent unanimement la paix, et s'exhaltent en plaintes de ce que la continuation de la guerre ruine et dévaste de plus en plus, sans aucun but à ce qu'ils disent, les états du roi, et le peu de provinces qu'il a conservées intactes. On se bat, on se livre de nouveau à toutes les chances du sort journalier des armes, on est convenu vaguement d'un congrès, et on ne cherche pas

jusqu'à présent à s'entendre sur les bases qu'il doit avoir. Le maréchal de Kalckreuth assure que Bonaparte désire lui-même de sortir au-plutôt de la lutte où il s'est engagé, et prétend avec raison qu'on ne peut la finir promptement que par un négociateur militaire, chargé de pleins pouvoirs suffisants, et envoyé sous quelque prétexte à Bonaparte, pour en poser directement avec lui les principales conditions. Cette voie seroit certainement à préférer à celle des négociations ordinaires, qui ne peuvent être que très lentes et incertaines par la mauvaise foi reconnue de Talleyrand et de son maître et par la complication des intérêts et des vues de tant de puissances qui ont à y participer.

V. m-té est déjà informée sans doute de l'offensive qu'avoit repris notre armée, et des deux combats près de Gûtstadt, où nos troupes se sont couvertes de gloire. L'ennemi se renforçant, le général Benigsen a dû se replier sur Heilsberg, et hier son fils a apporté la nouvelle qu'il vient de repousser les François, qui ayant à ce qu'on suppose Bonaparte à leur tête, l'avoient attaqués avec des forces supérieures pour le déloger de la position forte qu'il y avoit prise. Comme leur retraite s'est faite avec beaucoup d'ordre, on s'attend à apprendre aujourd'hui l'issuë de la seconde attaque à laquelle ils se sont immanquablement décidés. On s'est battu près de Heilsberg avec acharnement et presque toujours à l'arme blanche, depuis trois heures de l'après midi jusqu'à onze heures du soir. Deux aigles et deux canons sont les fruits de notre victoire. La perte des François doit être plus considérable que la notre, mais notre perte aussi n'est pas indifférente; elle doit être à ce qu'on dit, tant en tués,

qu'en blessés, de douze mille hommes. A cette journée, à celle de Gûtstadt, et dans les autres combats de cette campagne-ci, tandis qu'elle est encore à peine commencée, nous devons avoir déjà perdu, d'après le compte le plus modéré, vingt cinq à trente mille hommes, sans avoir obtenu aucun grand resultat, et quand même nous gagnerions encore une victoire plus décisive, le manque de subsistances et la difficulté de nous en procurer, nous empêchera toujours de suivre l'ennemi et d'avancer beaucoup. Ce que j'en dis, est dit et répété par tout le monde, et par nos militaires les plus versés dans leur matière. Comment donc ne pas souhaiter la fin d'une guerre aussi opiniâtre et aussi sanglante, qui ne peut qu'augmenter les embarras et les sacrifices de toute espèce et ne produire que des pertes et des désastres!

Je donne des regrets particuliers à la mort du général Kogin, de Douka, du capitaine des chasseurs de la garde Wolff et du jeune St. Priest. On a du couper la jambe à St. Priest l'aîné, et on ne sait pas encore s'il se retablira. A la bataille de Heilsberg le p-çe Charles de Meklenbourg a reçu une contusion à la poitrine, les généraux Kogin et Werneck ont été tués, le premier par un boulet de canon au moment où il chargeoit l'ennemi avec son régiment, et le général Passeck, le colonel Borosdin, le p-çe Troubezkoj, le fils du grand chambellan Narichkin, et plusieurs autres sont parmi les blessés. Les régiments des gardes, commandés par m-gr le grand duc, y ont assistés, mais n'ont pas combattus, ainsi qu'une autre division.

J'apprends avec chagrin que la santé de m-lle Nélidoff donne toujours des inquiétudes à Crighton. C'est agraver vivement les miennes sur son compte, car

personne ne peut s'intéresser à sa conservation autant que moi; et je supplie v. m-té de vouloir bien l'en assurer de ma part en me rappelant à son ancienne amitié.

Je renouvelle à m. me la grande duchesse Cathérine l'hommage de mon inviolable attachement pour elle, et je suis avec le plus profond respect etc.

Samedi  $\frac{1}{13}$  de juin, au soir.

P. S.

On dit qu'un chasseur est arrivé cette nuit de Benigsen, avec l'information peu attendue, que son aile droite ayant été tournée il avoit dû prendre le parti de retourner à Bartenstein, où il a pris poste avec son armée pour y attendre celle de l'ennemi et l'y engager au combat; mais il se peut fort bien que Bonaparte voudra y éviter tout engagement et continuera autrement ses opérations agressives. Cette nouvelle n'est pas du tout agréable, et comme on n'en parle pas ici, je supplie v. m-té de n'en pas parler aussi à personne. J'ai encore un autre objet d'inquiétude, c'est que me trouvant retenu par l'attente de l'arrivée du courier de Vienne, et l'empereur voulant partir pour une course d'inspection en Lithuanie, il se pourra que cette course durera dix à quinze jours, que peut-être l'empereur ne reviendra plus à Tilsit et qu'à présent il partira sans m'avoir donné ses derniers ordres pour la continuation de mon voyage. Il en resultera pour moi le grand désagrément de me morfondre ici seul, et ensuite de rester très longtemps sans savoir que faire et où m'adresser.

VI.

Тильзитъ,  $\frac{1}{13}$  июня 1807.

Государыня!

Наконецъ я получилъ письмо в. и. в—ва отъ 28 мая и имѣю счастье чи-

тать извѣстiе отъ васъ! Съ большимъ нетерпѣнiемъ ожидаю приказанiй в. в—ва и надѣюсь получить ихъ послѣ завтра, для отвѣта его в—ву императору, касательно двухъ пунктовъ, относящихся къ извѣстному предположенiю, о которыхъ государь прежде всего желаетъ знать мнѣнiе в. в—ва. По моему убѣжденiю вы не затруднитесь его высказать и разсвѣять сомнѣнiя государя.

Я уже видѣлъ лорда Гауера; онъ помолодѣлъ и очень доволенъ возвращенiемъ въ Россiю. Онъ долженъ былъ сдѣлать свой первый визитъ г. Будбергу вчера послѣ обѣда; такимъ образомъ мы еще не знаемъ, много ли тяжести онъ прибавилъ на вѣсы нашихъ расчетовъ. По ходу событiй послѣднихъ мѣсяцевъ можно предвидѣть, что будетъ много увѣренiй и обѣщанiй и что гора родитъ мышь. Графъ Пемброкъ долженъ прѣхать сегодня.

Курьеръ съ положительнымъ отвѣтомъ Вѣнскаго двора не ѣдетъ; его продолжаютъ ожидать, но вообще думаютъ, что мирное расположенiе, поддерживаемое обоими старшими эрц-герцогами и господствующее желанiе Венгрии поведутъ къ совершенно-отрицательному отвѣту. Такъ какъ и я того же мнѣнiя, то постоянно говорю, что не теряя времени въ (убаюкиванiи) себѣ пустыми надеждами, должно прибѣгнуть къ мѣрамъ, какiя необходимы для нашихъ дѣйствительныхъ выгодъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Здѣсь у всѣхъ одно чувство, одно желанiе — желанiе мира. Новосильцевъ и Чарторижскiй, о которыхъ я имѣлъ честь писать в. в—ву, продолжаютъ говорить, что чѣмъ болѣе будутъ откладывать, тѣмъ менѣе возможенъ выгодный миръ, и я думаю тоже. Пруссiя продолжаетъ войну потому только, что мы этого хотимъ, а она насъ боится. Всѣ Прусаки — министры и генералы, дипломаты и военные — единодушно желаютъ мира и раздражаются жалобами, что продолженiе войны болѣе и болѣе разоряетъ и опустошаетъ, безъ всякой цѣли, какъ они говорятъ, королевство и немногiя

провиндіи, которыя еще остались цѣлыми. Сражаются, подвергають себя ежедневно всѣмъ случайностямъ битвъ, толкуютъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о конгрессѣ, но до сихъ поръ не стараются войти въ соглашеніе объ основаніяхъ, на которыхъ онъ долженъ быть созванъ. Маршалъ Калькрейтъ увѣряетъ, что Бонапартъ и самъ желаетъ какъ можно скорѣе выйти изъ борьбы, въ которую онъ вдался, и справедливо замѣчаетъ, что ее нельзя скоро окончить иначе, какъ чрезъ военнаго посланника, облеченнаго достаточнымъ полномочіемъ, котораго слѣдуетъ подъ какимъ либо предлогомъ отправить къ Бонапарту, чтобы прямо съ нимъ опредѣлить главныя условія мира. Этотъ способъ конечно лучше способа обыкновенныхъ переговоровъ, который непременно будетъ медленъ и невѣренъ, какъ по признанной всѣми недобросовѣстности Талейрана и его государя, такъ и по сложности интересовъ и видовъ столькихъ державъ, участвующихъ въ дѣлѣ.

В. в—во безъ сомнѣнія уже извѣщены о наступательномъ положеніи, которое приняла наша армія и о двухъ сраженіяхъ близъ Гутштадта, въ которыхъ наши войска покрылись славою. Вслѣдствіе усиленія непріятеля генералъ Бенигсенъ долженъ былъ отступить къ Гейльсбергу, и вчера сынъ Бенигсена привезъ извѣстіе, что онъ только что отразилъ Французовъ, которые, подъ начальствомъ, какъ полагаютъ, Бонапарта, атаковали его съ превосходными силами, чтобы сбить съ занятой имъ крѣпкой позиціи. Такъ какъ Французы отступили въ большомъ порядкѣ, то сегодня ожидается извѣстіе объ исходѣ вторичной атаки, которую они не преминутъ сдѣлать. У Гейльсберга бились съ ожесточеніемъ почти постоянно холоднымъ оружіемъ, съ 3 часовъ по полудни до 11 часовъ вечера. Два орла и двѣ пушки были плодами побѣды. Потеря Французовъ должна быть значительнѣйшей, но и наша не маловажна: мы потеряли убитыми и ранеными, какъ говорятъ, 12000 человекъ. Въ этомъ сраженіи, въ

3

битвѣ при Гутштадтѣ и въ другихъ битвахъ этой кампаніи, которая только еще начинается, мы уже потеряли по самому умѣренному счету отъ 25000 до 30000 людей, не достигши никакого важнаго результата; и если бы даже мы одержали побѣду еще болѣе рѣшительную, и тогда недостатокъ продовольствія и трудность его добыванія помѣшали бы намъ преслѣдовать непріятеля и подвинуться далеко впередъ. Чтò я говорю, то говорятъ и повторяютъ всѣ, не исключая военныхъ, наиболѣе свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ. Какъ же не желать конца войны столь упорной и столь кровавой, которая при томъ лишь увеличиваетъ затрудненія и лишенія всякаго рода и приноситъ только гибель и несчастье!

Я особенно жалѣю о смерти генерала Кожина, Де-Дука, капитана гвардейскихъ стрѣлковъ Вольфа, и младшаго Сень-При. Старшему Сень-При найдено нужнымъ отрѣзать ногу, и неизвѣстно еще, выздоровѣетъ ли онъ. Въ сраженіи при Гейльсбергѣ князь Карлъ Мекленбургскій былъ контуженъ въ грудь, генералы Кожинъ и Вернекъ убиты; первый убитъ ядромъ въ ту минуту, какъ онъ ударилъ на непріятеля съ своимъ полкомъ. Ранены генералъ Пассекъ, полковникъ Бороздинъ, князь Трубецкой, сынъ камергера, Нарышкинъ, и много другихъ. Гвардейскіе полки, командуемые его величествомъ великимъ княземъ, присутствовали при сраженіи, но не вступали въ бой, равно какъ и другая дивизія.

Я съ прискорбіемъ узналъ, что здоровье г. Нелидовой все еще озабочиваетъ Крейтона. Это меня сильно огорчаетъ, ибо никто такъ не желаетъ ей добраго здоровья, какъ я, и я усерднѣйше прошу в. в—во не отказать передать ей мое увѣреніе въ этомъ и напомнить о старинной дружбѣ.

Вновь приношу ея величеству великой княжнѣ Екатеринѣ дань моей неизмѣнной преданности и имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ.....

Суббота, 1/13 июня, вечеромъ.

P. S.

Нынѣшнюю ночь, говорятъ, отъ Беннигсена прибылъ курьеръ съ неожиданнымъ извѣстiемъ, что правое его крыло принуждено къ отступленiю, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Бартенштейнъ, гдѣ онъ остановился съ армiею, ожидая непрiятеля, чтобы вовлечь его въ битву; но очень можетъ быть, что Бонапартъ захочетъ избѣжать битвы и продолжить инымъ способомъ свои наступательныя дѣйствiя. Это извѣстiе вовсе непрiятно и какъ здѣсь о немъ не говорятъ, то усерднѣе прошу в. в.—во также никому не говорить объ этомъ. У меня есть еще другой предметъ безпокойства: ожиданiе курьера изъ Вѣны задерживаетъ меня здѣсь. Между тѣмъ государь отправляется на инспекторскiй смотръ въ Литву, гдѣ пробудетъ, пожалуй, дней 10, 15, и можетъ быть не воротится больше въ Тильзитъ; теперь же уѣдетъ, не давъ мнѣ послѣднихъ приказанiй о продолженiи моего путешествiя. Изъ этого выйдетъ для меня большая непрiятность — сидѣть здѣсь одному безъ дѣла и потомъ оставаться долго въ невѣдѣнiи, что дѣлать и къ кому обращаться.

## VII.

à Tilsit, le 3/15 de juin, 1807.

Madame,

S. m-té l'empereur étant parti avant-hier au soir pour inspecter à Olitta (petite ville sur notre frontière entre Kowno et Grodno) la division formée par le p-це Labanoff, qui devoit y passer en se rendant à la grande armée, le courier de Pétersbourg attendu aujourd'hui, et qui probablement étoit chargé pour moi de la réponse de v. m-té i-le à ma seconde lettre d'ici est arrivé ce matin comme je le croyois; mais j'ai à regretter vivement qu'il a passé outre, sans s'informer si j'étois encore ici et sans m'envoyer cette let-

tre, qui m'est de la plus haute importance, puisque sans doute elle doit me mettre en état de rendre compte à l'empereur de ce que v. m-té pense au sujet des deux questions qu'il m'a commandé de soumettre à son examen. A présent je serai très longtems sans la recevoir, ou peut être qu'elle ne me parviendra pas du tout à cause des grands embarras du moment. Comme aussi beaucoup de tems va s'écouler certainement avant que je puisse me retrouver près de s. m-té l'empereur, je lui ai demandé la permission de me rendre d'abord à Wilna pour être à même d'y obtenir plutôt ses derniers ordres sur l'objet qui m'a été confié par v. m-té et sur la continuation de mon voyage à Vienne; mais en daignant me répondre qu'il n'alloit qu'à Olitta, et pas à Wilna, qu'il retourneroit ici en six ou sept jours, il m'a ordonné dans le cas que des circonstances facheuses m'obligeroient de m'éloigner de Tilsit, de me rendre à Yourbourg, qui est à 7 milles de distance d'ici et l'avertir quand j'y serai arrivé. Malheureusement ces circonstances ne se sont que trop réalisées. Hier nous avons seulement la peine et l'inquiétude que nous donnoit la nouvelle de la retraite du général Bennigsen de Heilsberg à Bartenstein et de Bartenstein à Friedland, et de la possibilité qui se présentoit à l'ennemi de s'emparer de Koenigsberg, qui indépendamment du prix qui est à y attacher, comme à la capitale de la Prusse, doit contenir aussi, à ce qu'on dit, nos principaux magasins et plus de neuf mille de nos blessés. Hier au soir les mauvaises nouvelles se sont succédés les unes aux autres, et sans être justement officielles à cause du départ d'ici de l'empereur et du roi à qui elles étoient adressées, elles ont cependant

allarmé tout le monde. On disoit que l'ennemi étoit déjà à Wehlau, que Koenigsberg étoit déjà en son pouvoir, qu'il entourait l'armée de Bennigsen et que Tilsit pouvoit tomber aussi bientôt entre ses mains. On a appris dans la suite que Wehlau et la Pregel sont encore à nous, qu'un détachement de 4 à 5 cent François étoient entrés à Friedland, mais que le régiment d'houlans de m-gr le grand duc les en a chassés; on parle de plusieurs combats de nos troupes sur differents points, où il y a eu de nouveau beaucoup de sang répandu, mais ces bruits ne sont pas avérés et se contredisent. Ce qu'il y a de sûr, c'est que nous avons déjà perdu plusieurs de nos magasins, ce qui en diminuant nos moyens peu abondants de subsistance, n'a fait qu'augmenter ceux de l'ennemi; que Lestock est entré à Koenigsberg avec le corps qu'il commande sans pouvoir cependant servir à sa défense, que les faubourgs de Koenigsberg ont été brûlés, que tout y est en fuite et que ceux qui ne peuvent pas y avoir de chevaux en sortent à pied, tant la consternation et la terreur y sont grandes, et Koenigsberg une fois pris il ne sera guère possible que Memel continue à être l'asile du roi de Prusse avec sa famille et sa cour. On prétend que Bonaparte en fixant l'attention et les forces de Bennigsen dans les environs de Friedland a détaché 25 mille hommes sur Koenigsberg qui ne peut plus être secouru et sauvée, à moins que la bataille générale qui est inmanquable ces jours-ci entre les deux armées ne se décide entièrement en notre faveur. Le maréchal Kalckreuth et tous les militaires auxquels j'ai parlé critiquent Bennigsen d'avoir tenté hors de propos l'expédition de Gûtstadt, qui a produit l'inutile et sanglante bataille de Heilsberg,

d'avoir attiré à lui le corps de nos troupes qui remplissoit notre ligne entre Heilsberg et Braunsberg, où Lestock formait notre aile droite, ce qui fait une lacune dont les François ont profités dès le lendemain de la bataille pour y pénétrer et se placer entre notre armée et Koenigsberg. Bennigsen est généralement blâmé d'avoir fait répandre tant de sang sans nécessité et sans avantage, et de se retirer chaque fois au lieu d'avancer après avoir combattu l'ennemi.

Une partie de la maison de l'empereur est encore ici; mais tous nos Russes et les Prussiens s'empressent de quitter Tilsit. Le roi a rejoint sa famille à Memel; Hardenberg avec tout ses diplomates, Goltz, Senf et Schaden l'y ont suivis. Le maréchal Kalckreuth est allé dans sa terre de Gallicie. M-r de Budberg qui devoit attendre ici le retour de l'empereur s'est décidé subitement par les nouvelles d'hier de partir déjà hier au soir; il va à Taurroggen, l'endroit le plus voisin de notre frontière, et a écrit à l'empereur pour lui demander ses ordres sur l'endroit où il doit se rendre avec sa chancellerie, en proposant de sa part que ce soit à Wilna. Le lord Pembrock est parti cette nuit pour Vienne. Le lord Gower part ce matin par Memel pour Pétersbourg. Nos généraux blessés, le c-te Osterman et Werdelemovsky se sont fait transporter à Memel. M-me de Bennigsen, à qui son mari avoit expédié un exprès pour qu'elle se mette en lieu de sureté et quitte Koenigsberg en toute hâte, et m-me de Manteuffel qui l'a accompagnée, partent ce matin pour rentrer aussi en Russie. Novossiltzow est allé hier au soir en courier à l'armée pour connoître sans doute par ses yeux l'état des choses et pour en ramener Strogonoff. Il doit en revenir

dans deux jours; Czartorisky l'attendra ici, pour aller ensuite avec lui là, où sera l'empereur. Je pars dans quelques heures pour Yourbourg, ainsi que l'empereur me l'a ordonné. C'est une petite ville, appartenante au p-cc Zouboff, qui n'est habitée que par des Juifs assez pauvres et où l'on dit qu'on ne peut pas trouver une seule chambre propre. J'ignore combien j'aurai à y rester; mais que v. m-té daigne m'y suivre avec sa pensée, qu'elle aye la bonté de se représenter tout ce que j'ai à sentir, à éprouver et à supporter depuis quelque tems! L'idée seule qu'elle peut y prendre quelque part me console déjà! Ces deux derniers jours ont véritablement offert ici l'image de la tour de Babel. C'étoit une confusion de langues et de sentimens; on se livroit à la fois à la crainte et à l'espérance; on s'agitoit, on parloit, on se questionnoit, on ne s'entendoit pas, et personne ne savoit que dire, qu'attendre et où aller!

L'arrivée inopinée de m-gr le grand duc a fait une grande sensation. On ne s'est pas trompé en supposant qu'il n'étoit venu que pour tracer avec vérité et énergie le tableau de l'état actuel de notre armée et des ressourcés qui lui restoient encore, et il n'y a eu qu'un voeu pour le succès de ses représentations, quand on a su les regrés qu'il donnoit à la perte inutile de tant de nos braves tant généraux, qu'officiers et soldats, et le désir prononcé qu'il avoit pour le retablisement de la paix. Il a bien voulu m'en parler lui-même. Il est resté une nuit après le départ de l'empereur ayant envoyé un chasseur que les François n'occupent pas le chemin qui conduit d'ici à l'armée et qu'il peut la rejoindre en sureté. Il est parti hier après diner. Il m'a fait l'honneur et à Novossiltzov de nous

faire diner avec lui. Il croit, qu'en conservant l'armée dans l'attitude d'agir du premier instant qui l'exigeroit, on feroit fort bien d'envoyer un parlementaire à Bonaparte pour le sonder sur ses intentions ultérieures, de même que sur les conditions auxquelles on pourroit s'arranger avec lui, et que cette démarche seroit aussi utile à nos intérêts qu'encourageante pour notre armée qui y verroit une preuve de sollicitude pour sa conservation. Il sait que m-r de Budberg est le seul à persister dans l'opinion de continuer la guerre; il regrette beaucoup qu'il peut contribuer à y persuader aussi s. m-té l'empereur. Il m'a conté et a désiré que j'en informe de sa part v. m-té, que m-r de Budberg étant venu hier matin chez lui, qu'il lui a expliqué sa façon de penser sans aucun détour, que Czartorisky, Novossiltzow et Apatchinin étoient présents à cette conversation; que m-r de Budberg pour soutenir ses principes lui a répondu avec chaleur que notre armée n'étoit pas encore battue, que nous avions en outre une grande armée de réserve, que nous pouvions nous reposer sur la fidélité de nos provinces polonaises, que l'empereur avoit à compter sur sa nation; et ils se sont séparés à ce qu'il paroît assez mécontents l'un de l'autre et sans se convaincre mutuellement. Czartorisky doit être intervenu en assurant m-r de Budberg qu'il s'abusoit fortement sur les dispositions de nos sujets polonais, que le germe de l'insurrection couroit parmi eux, et que certainement ils ne manqueraient pas de s'insurger tous dès que Bonaparte auroit franchi nos frontières. M-gr le grand duc a ajouté qu'il n'étoit pas vrai que nous eussions une grande armée de réserve, que tout notre espoir et notre salut reposoient sur la conservation et les succès incertains de



l'armée de Bennigsen, que nous n'avions pas dans ce moment-ci d'autre réserve effective que les deux divisions de Labanoff et de Gortchakoff, qui composoient à peine 35 mille hommes, que nous manquions d'armes, de munitions, d'argent; que quand à notre nation, elle étoit connue par sa bravoure et son entier dévouement pour ses souverains, qu'elle venoit de le prouver de la manière la plus brillante, mais qu'elle devoit-être defendue par des forces militaires réglées et qu'elle ne pouvoit résister à une armée victorieuse, quand celle-là viendrait l'assaillir. Ce n'est que très en raccourci que je rends compte à v. m-té de tout ce que m'a dit m-gr le grand duc; je n'ai pas le tems de le faire avec plus de détail. Les secours promis par l'Angleterre ne peuvent pas s'effectuer avant cinq ou six semaines, par conséquent ils sont très tardifs et tout à fait hors de saison. Le maréchal de Kalckreuth qui a vu beaucoup de généraux françois assure que le projet de Bonaparte, si nous ne pouvions plus le contenir, se borne à atteindre la Dvina, de longer ensuite ce fleuve pour opérer la régénération de la Pologne et donner la main aux Turcs, afin de leur faire recouvrer aussi les provinces que nous leur avons enlevées. Mais s'il pousse jusqu'à la Dvina, ce qu'à Dieu ne plaise, qui peut garantir que son imagination exaltée n'enfante pas alors d'autres idées et d'autres desirs? — D'autres prétendent qu'il doit avoir promis à son armée de s'arrêter à la prise de Koenigsberg, et que ce sera de là qu'il veut dicter les conditions qu'il offrira pour la paix, mais ces conditions ne pourront être que dures et peu acceptables. Je n'ai rien à dire de ma conviction personnelle, elle est connue depuis longtemps à v. m-té. Elle connoit également l'attachement

personnel que j'ai pour l'empereur son fils. J'aime sa personne, je chéris et je vénère la bonté de son coeur. Je m'afflige et je gémis du peu de bonheur qu'il a dans ses vues loyales et magnanimes; enfin j'implore le Très-haut du fond de mon âme, qu'Il ne l'abandonne pas dans cette époque de calamités, qu'Il veille sur sa tranquillité et sur l'intégrité de sa puissance et de son empire.

Au moment où je finissais cette lettre, Czartorisky et Albedil sont entrés chez moi, pour me communiquer qu'un commissaire de cercle Prussien m'avoit dit que Bonaparte avoit attaqué Bennigsen à Friedland, que la bataille avoit été meurtrière, que nous avions eu pendant quelques heures le dessus, mais que de troupes fraîches venues de l'armée françoise, avoient décidé le combat, et que notre armée étoit en déroute; qu'on avoit rencontré sur le chemin d'Insterbourg le régiment des gardes du corps et d'autres régimens en pleine retraite, que les généraux Essen et Steinhel avoient été blessés, que le g. Essen étoit déjà arrivé ici, ayant eu une forte contusion à la tête, mais qu'il avoit dû quitter l'armée au commencement de la bataille et qu'il ignoroit quelle avoit été l'issue; qu'un corps de l'ennemi s'étoit déjà avancé jusqu'à une demi-lieue de Koenigsberg, qu'il y jettoit des bombes qui n'y faisoient pas effet, et que la ville tenoit encore. Peu de tems après eux Popow qui revenoit de l'armée est venu aussi me voir. Il m'a confirmé la bataille de Friedland; il m'a dit que nous avons fait une grande perte en hommes et beaucoup plus considérable qu'à la journée de Heilsberg. Nous devons avoir à regretter le tiers de nos régiments des gardes; il y a quantité de tués et de blessés parmi les généraux et les offi-

ciers; parmi eux il y en a beaucoup que nous connoissons. Le coeur m'en saigne, et je n'ai pas la force de répéter à v. m-té les noms de ceux d'entre eux, dont je me rappelle. Elle les connoitra en son tems d'une manière plus circonstanciée. Après la bataille de Friedland le quartier général de notre armée est à Wehlau, Bennigsen ayant deux buts: celui de couvrir s'il le peut Koenigsberg, ce qui est très douteux, et de se rapprocher de nos frontières, et c'est la direction qu'il a donnée au corps de Tutschkow, commandé à présent par Tolstoy. Popow m'a rassuré sur m-gr le grand duc; il est bien portant à Insterbourg, et il parroit qu'il y attendra les événemens. Popow dit que la paix est généralement souhaitée par notre armée, et que généraux, officiers et soldats, tout en se battant comme des lions, et affrontant la mort comme des héros, sont las de la guerre qu'ils font. Il dit que Bonaparte semble décidé par ses attaques sans relache de détruire notre armée et que Bennigsen a presque perdu la tête. Je supplie v. m-té de garder un profond silence sur toutes ces nouvelles, si peut-être je suis le premier à les lui apprendre: car il est possible qu'elles soient longtems sans lui parvenir par la voie officielle. Popow va trouver l'empereur, et je l'ai prié bien instamment qu'il ne lui cache rien de la situation désastreuse où sont nos affaires, et de tout ce qu'il a vu, entendu et remarqué à l'armée. Je suis inconsolable. Le présent me désole, et l'effet qu'il doit produire sur l'avenir me fait fremir.

## VII.

Тильзитъ, 3/13 июня 1807.

Государыня!

Его величество императоръ уѣхалъ третьяго дня вечеромъ въ Олитту, ма-

ленькій пограничный нашъ городъ между Ковны и Гродны, для осмотра дивизіи, составленной княземъ Лобановымъ, которая должна тамъ проходить на пути къ главной арміи. Курьеръ изъ Петербурга, ожидаемый сегодня и вѣроятно везшій мнѣ отвѣтъ в. и. в—ва на мое второе письмо отсюда, дѣйствительно пріѣхалъ это утро, какъ я и ожидалъ; но къ величайшему сожалѣнію онъ уѣхалъ далѣе, не освѣдомившись, здѣсь ли еще я, и не доставивъ мнѣ этого письма, которое для меня въ высшей степени важно, потому что оно безъ сомнѣнія должно поставить меня въ возможность дать отчетъ государю о мнѣніи в. в—ва касательно двухъ впросовъ, которые онъ приказалъ представить на ваше разсмотрѣніе. Теперь я не скоро получу это письмо, а можетъ быть оно и совсѣмъ не дойдетъ до меня по причинѣ большихъ затрудненій настоящей поры. Такъ какъ я не надѣлся въ скоромъ времени быть близъ его в—ва государя; то при отъѣздѣ его я просилъ дозволенія сперва пріѣхать въ Вильну, чтобы тамъ получить поскорѣе его послѣднія приказанія о дѣлѣ, ввѣренномъ мнѣ в. в—вомъ и о продолженіи моего путешествія въ Вѣну. Государь изволилъ отвѣтить, что онъ поѣдетъ только въ Олитту, а не въ Вильну, и что возвратится чрезъ 6 или 7 дней; при этомъ онъ приказалъ, если неблагопріятныя обстоятельства заставятъ меня удалиться изъ Тильзита, переѣхать въ Юрбургъ, лежащій въ 7 миляхъ отсюда и извѣстить, когда я туда пріѣду. Къ несчастію эти обстоятельства осуществились слишкомъ сильно. Вчера утромъ мы были опечалены и озабочены извѣстіемъ объ отступленіи генерала Бенигсена отъ Гейльсберга къ Бартенштейну, а отъ Бартенштейна къ Фридланду, и представившеюся такимъ образомъ непріятелю возможностью овладѣть Кенигсбергомъ, который дорогъ самъ по себѣ какъ столица Пруссіи и кромѣ того, какъ говорятъ, содержитъ въ себѣ главные наши магазины и бо-

лѣе 9000 нашихъ раненыхъ. Вчера же вечеромъ дурныя извѣстія получались одно за другимъ, и не будучи официальными по причинѣ отсутствія императора и короля, которымъ они были присылаемы, онѣ однакожь встревожили всѣхъ насъ. Говорили, что непріятель уже въ Велу, что Кенигсбергъ въ его рукахъ, что армія Бенигсена окружена и что Тильзитъ можетъ быть также скоро взятъ; впоследствии узнали, что Велу и Прегель еще въ нашихъ рукахъ, что отрядъ изъ 4 или 5 сотенъ Французовъ вошелъ въ Фридландъ, что уланскій полкъ его высочества великаго князя прогналъ ихъ. Говорятъ о многіхъ сраженіяхъ нашихъ войскъ на различныхъ пунктахъ, гдѣ снова пролито много крови; но эти слухи не доказаны и противорѣчатъ одинъ другому. Вѣрно только то, что мы уже потеряли многіе наши магазины, отчего наши и безъ того небогатыя средства продовольствія еще уменьшились, а непріятельскія увеличились; что Лестоку вошелъ въ Кенигсбергъ съ своимъ корпусомъ, но не могъ защитить этотъ городъ. Предмѣстья Кенигсберга сожжены, всѣ бѣгутъ оттуда, у кого нѣтъ лошадей, тѣ уходятъ пѣшкомъ: такъ велики ужасъ и опасность. По взятіи Кенигсберга и Мемель не можетъ продолжать служить убѣжищемъ для короля, его семейства и сестры. Говорятъ, что Бонапартъ, привлекиши вниманіе и всѣ силы Бенигсена къ окрестностямъ Фридланда, отрядилъ 25000 человекъ на Кенигсбергъ, который нельзя уже защитить и спасти иначе, какъ рѣшительною побѣдой въ генеральномъ сраженіи обѣихъ армій, которое неминуемо послѣдуетъ на дняхъ. Маршалъ Калькрейтъ и всѣ военные, съ которыми я говорилъ, осуждаютъ Бенигсена за то, что онъ предпринялъ неумѣстное движеніе къ Гутштадту, вызвавшее бесполезную и кровавую битву при Гейльсбергъ; стянулъ къ нему нашъ корпусъ, занимавшій линію между Гейльсбергомъ и Браунсбергомъ, гдѣ Лестоку составлялъ наше правое крыло, и та-

кимъ образомъ открылъ проходъ, чрезъ который Французы на другой день послѣ битвы и прошли, чтобы стать между нашей арміей и Кенигсбергомъ. Бенигсена вообще прицаютъ, что онъ пролилъ столько крови безъ всякой необходимости и пользы, и что всякій разъ послѣ побѣды надъ непріятелемъ онъ отступаетъ, вмѣсто того, чтобы итти впередъ.

Часть царскаго двора еще здѣсь; но всѣ наши Русскіе и Прусаки спѣшатъ оставить Тильзитъ. Король уѣхалъ къ своему семейству въ Мемель; Гарденбергъ со всѣми дипломатами, Гольдомъ, Зенфомъ и Шаденомъ уѣхали за королемъ туда же. Маршалъ Калькрейтъ отправился въ свое имѣніе въ Галицію. Будбергъ, который долженъ былъ здѣсь дожидаться возвращенія государя, вслѣдствіе вчерашнихъ извѣстій, рѣшился уѣхать вчера же вечеромъ; онъ отправился въ Таурогенъ, самый близкій городъ къ нашей границѣ, и оттуда послалъ императору письмо, прося указать мѣсто, гдѣ должно помѣстить его канцелярію и предлагая съ своей стороны для этого Вильну. Лордъ Пемброкъ уѣхалъ этой ночью въ Вѣну. Лордъ Гауеръ отправился нынче утромъ въ Петербургъ чрезъ Мемель. Наши раненые генералы, графъ Остерманъ и Верделемовскій приказали перевезти себя въ Мемель. Г-жу Бенигсенъ мужъ извѣстилъ чрезъ нарочнаго, чтобы она отправилась въ безопасное мѣсто и оставила Кенигсбергъ какъ можно скорѣе; она ѣдетъ сегодня утромъ въ Россію, въ присутствіи госпожи Мантейфель, которая при ней. Новосильцевъ вчерашній вечеръ отправился курьеромъ въ армію, вѣроятно чтобы собственными глазами увидѣть положеніе дѣлъ и привезти изъ арміи Строганова <sup>(15)</sup>. Онъ долженъ возвратиться чрезъ два дня. Чарторижскій будетъ ожидать его здѣсь, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться къ государю. Я чрезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Юрбургъ, согласно приказанію государя.

(15) Они были двоюродные братья.

Это маленькій городъ, принадлежащій князю Зубову и населенный исключительно довольно бѣдными Евреями; во всемъ городѣ нельзя найти ни одной чистой комнаты. Не знаю, сколько мнѣ придется тамъ прожить; но удостойте, в. в.—во, мысленно послѣдовать туда за мной и представьте все, чтѣ я долженъ чувствовать, испытывать и переносить въ послѣднее время! Мысль, что вы не откажете мнѣ въ нѣкоторомъ участіи, уже утѣшаетъ меня. Въ эти два дня здѣсь было настоящее вавилонское столпотвореніе; это было смѣшеніе языковъ и чувствъ: въ одно время и страшились и надѣялись, волновались, говорили, спрашивали, не понимали другъ друга, и никто не зналъ, чтѣ говорить, чего ожидать, и куда итти!

Внезапный пріѣздъ его выс-ва великаго князя<sup>(16)</sup> произвелъ сильное впечатлѣніе. Предположили и не ошиблись, что онъ прибылъ, чтобъ энергически и вѣрно представить государю картину настоящаго положенія нашей арміи и ея оставшихся ресурсовъ. Мысли всѣхъ соединились въ одно общее желаніе успеха представленіемъ великаго князя, когда узнали, какъ онъ жалѣетъ о безполезной потерѣ столькихъ храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ и когда услыхали высказанное имъ желаніе мира. Онъ остался одну ночь по отъѣздѣ императора, пославъ ему курьера съ извѣстіемъ, что Французы не занимаютъ дорогу отсюда до арміи и что онъ можетъ безопасно къ ней присоединиться. Великій князь уѣхалъ вчера послѣ обѣда. Онъ удостоилъ меня и Новосильцева пригласить къ своему обѣду. Онъ думаетъ, что было бы очень хорошо, поставивъ армію въ готовность тотчасъ дѣйствовать по первому требованію, послать къ Бонапарту парламентаря вывѣдать его дальнѣйшія намѣренія, равно какъ и условія, на которыхъ можно съ нимъ войти въ соглашеніе, и что

такое дѣйствіе было бы какъ полезно нашимъ выгодамъ, такъ и ободрительно для арміи, которая въ этомъ увидѣла бы доказательство заботливости о ея сбереженіи. Онъ знаетъ, что г. Будбергъ есть единственный человѣкъ, настаивающій на продолженіе войны, и очень жалѣетъ, что онъ можетъ содѣйствовать къ убѣжденію въ этомъ и е. в.—ва государя. Его высочество рассказывалъ, что вчера утромъ г. Будбергъ пришелъ къ нему и безъ всякихъ околичностей изложилъ свой образъ мыслей въ присутствіи Чарторижскаго, Новосильцева и Опочинина; для поддержанія своего мнѣнія г. Будбергъ говорилъ съ жаромъ, что наша армія еще не разбита, что у насъ сверхъ того есть большая резервная армія, что мы можемъ опираться на вѣрность нашихъ Польскихъ провинцій, что государь можетъ разсчитывать на свой народъ; они разстались, какъ кажется, недовольные другъ другомъ и каждый при своемъ мнѣніи. Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, утѣряя г. Будберга, что онъ сильно заблуждается касательно настроенія нашихъ польскихъ подданныхъ, что сѣмя возстанія прозябаетъ между ними, и что они безъ сомнѣнія возстанутъ всѣ, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы. Великій князь прибавилъ, что и то неправда, будто у насъ есть большая резервная армія; что вся наша надежда и все наше спасеніе основывались на цѣлости и на нерѣшительныхъ успехахъ арміи Бенигсена; что въ настоящее время резервы состоятъ только изъ двухъ дивизій Лобанова и Горчакова, въ которыхъ едва будетъ 35 т., что у насъ недостатокъ въ оружіи, припасахъ, деньгахъ; чтѣ касается до нашего народа, онъ извѣстенъ своею доблестію и безпредѣльною преданностію своимъ государямъ; онъ это доказалъ еще весьма недавно самымъ блистательнымъ образомъ, но его должно защищать регулярными военными силами; противиться же побѣдоносной арміи, когда она на него нападетъ, народъ не въ состояніи.

(16) Константинъ Павловича.

Я передаю в. в—ву весьма сокращенно все, что мнѣ говорилъ его в—во великій князь; писать это подробнѣе нѣтъ времени. вспоможенія, обѣщанныя Англіею, не могутъ подоспѣть прежде какъ недѣль чрезъ 3 или 6, слѣд. они будутъ слишкомъ запоздалыми и совершенно несвоевременными. Маршалъ Калькрейтъ, видѣвшій много французскихъ генераловъ, говоритъ, что намѣреніе Бонапарта, если мы его не остановимъ, состоитъ только въ томъ, чтобы достигнуть Двины; пройти потомъ вдоль этой рѣки, чтобы совершить возстановленіе Польши; подать помощь Туркамъ и возвратить имъ провинціи, которыми мы овладѣли. Но если Бонапартъ дойдетъ до Двины, отъ чего Боже избави, кто поручится, что его пылкое воображеніе не родитъ тогда другихъ мыслей и другихъ желаній? Другіе говорятъ, что онъ обѣщаль своей арміи ограничиться взятіемъ Кенигсберга, и что онъ отсюда хочетъ продиктовать условія мира, но эти условія будутъ тяжелы и неудобопріемлемы. Мнѣ нечего говорить о своемъ личномъ мнѣніи, оно давно извѣстно в. в—ву. Вы знаете также личную мою преданность государю, вашему сыну. Я люблю его лично, обожаю доброту его сердца, огорчаюсь и страдаю душою, что ему не достаетъ счастья въ его здравыхъ и великодушныхъ предпріятіяхъ; наконецъ я въ глубинѣ души молю Всевышняго, чтобъ Онъ не оставилъ его въ эту эпоху бѣдствій и сохранилъ спокойствіе и цѣлость его владычества и его имперіи!

Когда я дописывалъ это письмо, ко мнѣ пришли Чарторижскій и Альбедиль и сообщили, что одинъ комиссаръ Прусскаго округа привезъ извѣстіе, что Бонапартъ атаковалъ Беннгсена въ Фриландѣ, что произошла кровопролитная битва: сначала впродолженіи нѣсколькихъ часовъ мы одерживали верхъ, но свѣжія подкрѣпленія французской арміи рѣшили участь битвы. Наша армія въ бѣгствѣ; на Инстербургской дорогѣ встрѣтили нѣкоторые полки гвардейскаго корпуса и другіе въ полномъ отступленіи; генералы Эссенъ и Штейнгель

ранены; первый изъ нихъ уже пріѣхалъ сюда. Онъ получилъ въ голову сильную контузію, которая заставила его оставить армію въ началѣ битвы, такъ что онъ не знаетъ ся исхода. Непрiятельскій корпусъ подошелъ уже на разстояніе  $\frac{1}{2}$  мили къ Кенигсбергу и бросаетъ туда бомбы, которыя впрочемъ не производятъ дѣйствія, и городъ еще держится. Немного послѣ нихъ пришелъ ко мнѣ Поповъ, возвратившійся изъ арміи и подтвердилъ извѣстіе о Фриландской битвѣ; мы потеряли очень много людей, гораздо больше, чѣмъ при Гейльсбергѣ. Цѣлой трети нашихъ гвардейскихъ полковъ не стало; множество генераловъ и офицеровъ убито и ранено; въ числѣ ихъ много нашихъ знакомыхъ. Сердце мое обливается кровью, и я не въ силахъ повторить в. в—ву имена тѣхъ, которыхъ помню. Вы о нихъ узнаете въ свое время гораздо обстоятельнѣе. Послѣ Фриланской битвы главную квартиру нашей арміи Беннгсенъ помѣстилъ въ Велау, имѣя двѣ цѣли: прикрывать, если возможно, Кенигсбергъ, что весьма сомнительно, и приблизиться къ нашимъ границамъ. Это же направленіе онъ далъ и корпусу Тучкова, командуемому нынѣ Толстымъ. Поповъ говоритъ, что мира желаетъ вообще вся наша армія, и что генералы, офицеры и солдаты, сражаясь какъ львы и ветрѣчая смерть, какъ герои, угомились войною, которую они ведутъ; что Бонапартъ, кажется, рѣшился безпрерывными атаками разстроить нашу армію, и Беннгсенъ почти потерялъ голову. Умоляю в. в—во сохранить глубокое молчаніе объ этихъ извѣстіяхъ, на случай, если я первый ихъ сообщилъ, ибо официальнымъ путемъ они еще можетъ быть не скоро до вась достигнуть. Поповъ ѣдетъ къ государю, и я убѣдительно просилъ Попова не скрывать отъ государя несчастнаго положенія нашихъ дѣлъ и нечего изъ видѣннаго, слышаннаго и замѣченнаго въ арміи. Я безутѣшенъ: настоящее меня приводитъ въ отчаяніе и вліяніе его на будущее заставляеть содрогаться!

*Продолженіе будетъ.*

## СУЩЕСТВУЮТЪ-ЛИ ЗАПИСКИ ГРАФА М. А. МАМОНОВА?

Года три-четыре тому назадъ, на своей Васильевской дачѣ, близъ Москвы, на Воробьевыхъ Горахъ, умеръ, въ глубокой старости, второй и послѣдній изъ графовъ Дмитріевыхъ - Мамоновыхъ, гр. Матвѣй Александровичъ. Несчастнѣйшій страдалецъ, лишенный разсудка, прожилъ десятки лѣтъ, въ совершенномъ отчужденіи отъ остальнаго міра, возбуждая своей странной судьбой любопытство московскихъ жителей. Разные ходили о немъ слухи, толки и рассказы, поводъ къ которымъ давала въ особенности мрачная таинственность, окружающая этого невольнаго затворника. Говорили о его огромномъ богатствѣ, которымъ онъ не пользовался, о безпредѣльномъ честолюбіи, главной причинѣ его нравственной гибели, о способностяхъ, убитыхъ этимъ честолюбіемъ, о его красотѣ, о богатырской силѣ, опыты которой въ семидесятилѣтнемъ старикѣ удивляли и поражали окружающихъ его приставниковъ. Говорили и о многомъ другомъ, что возбуждало и участіе и сожалѣніе къ судьбѣ умалишеннаго графа. Нѣкоторые даже подвергали сомнѣнію его сумасшествіе и искали объясненія его домашнему заточенію въ какихъ-то темныхъ и злыхъ интригахъ.

Сынъ извѣстнаго любимца императрицы Екатерины II, считавшагося однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ вельможъ своего времени, онъ получилъ прекрасное образованіе. 21-го года онъ уже занималъ важную должность оберъ-прокурора въ сенатѣ, но не долго. Наступилъ 12-й годъ! Богачъ Мамоновъ, долго не думая, оставилъ сенатъ и, по примѣру Демидова и Гагарина, вооружилъ на свой счетъ дѣлѣй гусарскій полкъ, принявъ на себя и полное содержаніе его. Намъ неизвѣстно, какое участіе принималъ въ незабвенныхъ подвигахъ отечественной войны сформированной Мамоновымъ полкъ; но знаемъ, что самъ Мамоновъ съ отличіемъ прослужилъ это славное

для Россіи время. Оскорбленный чѣмъ-то въ своемъ самолюбіи, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-маіора, и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ присталъ къ обширному кружку недовольныхъ: порицалъ, фрондировалъ, бранилъ. Но эта пассивная роль не удовлетворяла жаждающаго дѣятельности честолюбца: онъ сталъ искать этой дѣятельности въ обществахъ масоновъ и мистиковъ, и наконецъ кончилъ тѣмъ, что, признанный въ нездравомъ умѣ, попалъ подъ какую-то полуадминистративную, полуродственную опеку.

Повторяя эти отрывочныя извѣстія со слуховъ, мы имѣли въ виду лишь одно: указать на то обстоятельство, что графъ М. А. Мамоновъ, и по рожденію, и по воспитанію, и по общественному положенію, и по семейнымъ воспоминаніямъ, и по участію въ событіяхъ, отмѣченныхъ исторіей, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, Записки которыхъ достойны стать общественнымъ достояніемъ. Но скажутъ намъ, забывая, что, прежде чѣмъ заболѣть, люди пользуются здоровьемъ: какія Записки могли остаться послѣ сумасшедшаго? И, можетъ быть, съ усмѣшкой укажутъ на вороха исписанныхъ и исчерченныхъ листовъ, на которыхъ несчастный больной ежедневно оставилъ явныя свидѣтельства своего нравственнаго недуга. Мы имѣли случай видѣть такіе листы и конечно не о нихъ ведемъ рѣчь.

Случайно попались намъ въ руки небольшія выписки изъ журнала, веденнаго графомъ Мамоновымъ въ Дубровицахъ<sup>(1)</sup>. Выписки эти, сдѣланныя однимъ изъ многихъ опекуновъ покойнаго графа<sup>(2)</sup>, свидѣтельствуютъ какъ о здравомъ умѣ писавшаго журналъ, такъ и о томъ, что самый журналъ дѣйствительно не лишенъ интереса. Судя по имѣющимся у насъ отрывкамъ, многія мѣста Записокъ, по крайней рѣзкости

(1) Великолѣпное подмосковное имѣніе гр. Мамонова, въ Подольскомъ уѣздѣ.

(2) Александромъ Яковлевичемъ Булгаковымъ.

суждений, не могут явиться въ печати; но для насъ важны не столько личные взгляды *заточеннаго отшельника* (*solitaire banni*), какъ онъ самъ себя называетъ, сколько его рассказы о прошломъ. Надежда, что эти рассказы не погибли, а сохранились въ просвѣщенныхъ рукахъ, побуждаетъ насъ спросить печатно: гдѣ же находятся Записки графа М. А. Мамонова? и кто можетъ познакомить насъ съ ними, хотя въ отрывкахъ, и тѣмъ увеличить запасъ нашихъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ ближайшей къ намъ старины?

Въ ожиданіи отзыва, приводимъ изъ нашихъ выписокъ два рассказа гр. Мамонова, приводимъ ихъ въ переводѣ, такъ какъ журналъ писанъ на французскомъ языкѣ:

..... „Мнѣ наконецъ надоѣло читать всѣ эти трактаты, писанные въ разныхъ времена, чтобы доказать бытіе Бога. Къ несчастію, эти писанія въ пользу Бога сдѣлали болѣе невѣрующихъ, чѣмъ нечестивыхъ твореній безбожниковъ. Не разумнѣе ли было бы меньше говорить и писать, а больше чувствовать, мыслить и главное дѣйствовать такъ, какъ бы мы готовились предстать предъ Бога.....! Но дѣло въ томъ, что вѣдь такъ легко пачкать бумагу..... и такъ трудно быть добродѣтельнымъ..... ради одной добродѣтели! Есть даже что-то неловкое, смѣшное въ тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ эти непрошенные защитники Божества, когда они берутся объяснять предвѣчныя тайны и оправдывать существованіе нравственнаго и физическаго зла. Почти всегда они придаютъ Божеству мелочность своихъ собственныхъ воззрѣній. — Это приводитъ мнѣ на память остроумное замѣчаніе князя Потемкина о Рахмановѣ, съ которымъ онъ любилъ препираться въ вопросахъ отвлеченныхъ и богословскихъ: это была его слабость! — Рахмановъ принадлежалъ къ разряду умовъ узкихъ, тщеславныхъ и своевольныхъ: онъ охотно нападалъ на Божество, когда ему казалось, что земныя дѣла не такъ тво-

рятся, какъ бы слѣдовало; а когда ему случалось говорить въ пользу Бога, онъ принималъ какой-то покровительственный тонъ, безъ сомнѣнія крайне смѣшной. Поэтому Потемкинъ и говорилъ о немъ: — „Когда Рахмановъ былъ бригадиромъ, то Богъ былъ въ его глазахъ „не выше полковника; а съ тѣхъ поръ „какъ, по моему представленію, его про- „извели въ генераль-маіоры, онъ говоритъ „о Богѣ, какъ о бригадирѣ. Увидите, что „онъ только тогда дастъ Богу имя ге- „нераль-маіора, когда императрица сдѣ- „лаетъ его генералиссимусомъ своихъ „армій“.....

..... „Во время путешествія своего въ Крымъ, императрица была поражена невзрачнымъ видомъ зданій въ губерніяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи фельдмаршала графа Румянцова. Въ особенности въ Кіевѣ нашла она, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще — въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Ей досадно было видѣть, что въ Кіевѣ не заботились объ украшеніяхъ, которые она встрѣчала проѣздомъ въ другихъ, менѣе значительныхъ, городахъ. Сама она не захотѣла говорить объ этомъ съ фельдмаршаломъ и поручила моему отцу дать почувствовать ей неудовольствіе<sup>(3)</sup>. Отецъ мой исполнилъ щекотливое порученіе съ возможной осторожностью и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найти такой городъ, какъ Кіевъ, въ лучшемъ состояніи. Герой Кагула почтительно и терпѣливо выслушалъ замѣча-

(3) Со времени этого достопамятнаго путешествія, Мамоновъ сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, чему не мало способствовали ежедневные разговоры съ посланниками, участіе въ бесѣдахъ императрицы съ Потемкинымъ и наконецъ присутствіе его при свиданіяхъ Екатерины съ императоромъ Іосифомъ и королемъ Станиславомъ. Въ дорогѣ, онъ постоянно сидѣлъ въ одной каретѣ съ государыней, между тѣмъ какъ остальные ея спутники чередовались. — Существуютъ гравированные портреты Екатерины и Мамонова въ дорожномъ платьѣ, оригиналы которыхъ были писаны, по повелѣнію императрицы, въ память этого путешествія. Оригиналъ портрета Екатерины находился у гр. Мамонова. Н. К.

нія отца моего и отвѣчалъ: „Скажите „ей величеству, что я фельдмаршалъ ея „войскъ, что мое дѣло брать города, а „не строить ихъ, а еще менѣе ихъ укра- „шать!“—Этотъ прекрасный, но грубый отвѣтъ былъ отголоскомъ непріязненнаго чувства, которое онъ питалъ къ князю Потемкину, вредившему ему во мнѣніи государыни. Въ тотъ же вечеръ, слова Румянцева были въ точности переданы императрицѣ. Эта великая монархиня, сначала пораженная смѣлостью отвѣта, приостановилась, на мгновеніе задумалась и сказала своему любимцу: „Онъ правъ! — Но пусть же Румянцевъ „продолжаетъ брать города, а мое дѣло „будетъ ихъ строить!“ — Не будь пословица такъ тривиальна, можно было бы сказать: *tel valet—tel maitre*“.....

Собственно пословица говоритъ наоборотъ, т. е.: каковъ баринъ—таковъ и слуга, и въ этомъ видѣ, примѣненная къ настоящему случаю, она была бы вѣрнѣе.

*Н. Киселевъ.*

## ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ.

Разсказъ второй.

Графъ М. А. Дмитриевъ-Мамоновъ (\*).

Отецъ мой, Г. М. Кичеевъ, былъ учителемъ графа Матвѣя Александровича Дмитриева-Мамонова, по предмету Россійской словесности.

Вмѣстѣ съ графомъ училась у отца моего и сестра его, графиня Марія Александровна.

Отецъ мой сдѣлался учителемъ гр. Мамоновыхъ еще при жизни отца ихъ, генераль-адъютанта графа Александра Матвѣевича.

Графъ Александръ Матвѣевичъ имѣлъ характеръ очень гордый. Такъ, напримѣръ, изъ множества учителей при его дѣтяхъ, онъ приглашалъ садиться въ присутствіи своемъ только

моего отца, да *madame* Ришелье (гувернантку и наставницу молодой графини, нарочно выписанную изъ Франціи). Ришелье получала огромное жалованье, и такая же выговорена была пенсія, по окончаніи воспитанія (¹).

Къ гордости графа относили и то, что во время сельскихъ праздниковъ, въ селѣ Дубровицахъ, Подольскаго уѣзда Московской губ., графъ надѣвалъ парадный мундиръ съ брилліантовыми эполетами и всѣ имѣвшіеся у него регалии.

Графъ Матвѣй Александровичъ былъ единственный сынъ у родителей и первенецъ (род. 14 сент. 1790). Странно, что еще не испытавъ несчастія терять дѣтей, молодые супруги, по рожденіи перваго сына, чтобъ онъ, какъ говорилось, устоялъ, прибѣгли къ предразсудку. Его крестилъ первый встрѣтившійся на улицѣ. Это былъ никто иной, какъ горбатый зеленщикъ-крестьянинъ, по имени Семень, который долго жилъ и нерѣдко навѣщалъ своего крестника, получая по золотому за свой визитъ и подносимые незатѣйливые гостинцы.

Отецъ мой засталъ гр. Александра Матвѣевича уже вдовымъ. Но графъ недолго нажилъ, скончавшись не болѣе 45 лѣтъ отъ роду. (Род. 19 сент. 1758 г. ум. 29 сент. 1803 г.) Онъ былъ женатъ на фрейлинѣ княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой (1762—1801). Бракомъ сочетались они 1 іюля 1789 г. Вліяніе его при дворѣ началось въ 1786 году.

Малолѣтніе графъ и графиня по смерти отца поступили подъ опеку и попечительство роднаго своего дѣда, сенатора Матвѣя Васильевича Дмитриева-Мамонова, челоуѣка очень ску-

(¹) О гордости гр. А. М. Мамонова свидѣтельству-етъ Л. Н. Энгельгардтъ, см. его Записки, изд. Русскаго Архива М. 1867 г. стр. 64.

(\*) См. Р. Архивъ 1866, 183.



паго, что видно даже изъ слѣдующаго примѣра. Вскорѣ по кончинѣ своего сына, онъ присылаетъ къ моему отцу управляющаго съ предложеніемъ, что по круглому-де сиротству его внуковъ<sup>(2)</sup>, не согласится ли отецъ мой брать за урокъ вмѣсто 10, по 5 рублей.

Отецъ отвѣчалъ, что и за эти деньги учить только по старинному знакомству. Тогда Матвѣй Васильевичъ убѣдилъ отца моего пріѣхать къ нему. И что же? сдѣланное отъ него предложеніе онъ назвалъ выдумкой посланнаго отъ него человѣка, будто желавшаго ихъ разсорить.

Такимъ образомъ, отецъ мой оставался учителемъ гр. Мамоновыхъ почти до отъѣзда своего въ Ярославль директоромъ тамошнихъ училищъ. Это было въ январѣ 1808 г.

Молодой графъ Матвѣй Александровичъ, произведенный въ камеръ-юнкеры, не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, опредѣленъ былъ совѣтникомъ Московскаго губернскаго правленія, а вскорѣ переведенъ въ оберъ-прокуроры 6-го уголовного департамента прavitельствующаго сената.

Тутъ во всемъ блескѣ явились способности графа. Въ первый же пріѣздъ его въ сенатъ, ему подали на просмотрѣніе приговоръ по весьма важному уголовному дѣлу. Графъ, прочитавъ приговоръ, не согласился съ резолюціей сената и прямо, на бѣло, написалъ предложеніе, которое и приказалъ оберъ-секретарю прочесть гг. сенаторамъ. Старики-сенаторы съ удивленіемъ выслушали предложеніе молодого оберъ-прокурора, и всѣ единогласно съ нимъ согласились.

Графъ собой былъ красивый мужчина, высокій, стройный и большой щеголь. Напримѣръ, его бобровую шу-

<sup>(2)</sup> Имѣвшихъ 8000 душъ крестьянъ и покрайней мѣрѣ на миллионъ домовъ и движимости.

бу тогда цѣнили въ 15.000 рублей. Характера графъ былъ добраго, но важнаго, сосредоточеннаго и, видно по наслѣдству, гордаго, въ особенности передъ знатными.

Несмотря на молодыя свои лѣта, графъ не принималъ участія въ танцахъ. Такъ, это замѣтилъ даже государь императоръ Александръ Павловичъ, во время бытности въ Московскомъ благородномъ собраніи (декаб. 1809) и когда на вопросъ, почему онъ не танцуетъ, графъ только откланивался, государь изволилъ сказать: «да, я знаю, графъ, вы любите заниматься болѣе дѣлами».

Но самолюбивый и неуступчивый нравъ молодого графа вскорѣ былъ причиною гнѣва на него покойнаго государя императора Александра Павловича, вотъ чрезъ какой случай.

Нѣкто молодой человѣкъ, г. М-новъ, служившій въ сенатѣ подъ начальствомъ графа, въ 1811 году написалъ пасквильные стихи на бульваръ<sup>(3)</sup>. А какъ въ этихъ стихахъ были задѣты почтенныя личности, то бывшій тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ, графъ И. В. Гудовичъ и вѣлѣлъ посадить чиновника М-нова подъ арестъ, не снесаясь о томъ съ его начальникомъ.

Это взорвало графа Мамонова. Дождавшись первой пятницы, т. е. общаго собранія сената, гдѣ присутвовалъ и главнокомандующій,—графъ Мамоновъ, противъ обыкновенія, и самъ пріѣхалъ въ общее собраніе. По окончаніи доклада дѣлъ, когда гр. Гудовичъ всталъ и хотѣлъ выдти изъ собранія, гр. Мамоновъ загородилъ ему собой дорогу у дверей и

<sup>(3)</sup> Тогда въ Москвѣ существовалъ только одинъ Тверской бульваръ, насаженный березами; ихъ замѣнили липами и устроили другіе бульвары уже послѣ непріятеля.

сталъ громко требовать отвѣта: какъ онъ могъ, не снесясь съ нимъ, арестовать его чиновника?

Такой поступокъ гр. Мамонова, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, страшно огорчилъ старика графа Гудовича, и онъ жаловался государю, который, изволивъ сдѣлать гр. Мамонову письменный выговоръ, выразилъ свое мнѣніе, что, достигнувъ лѣтъ гр. Гудовича, онъ, графъ Мамоновъ, и самъ, вѣроятно, захочетъ имѣть къ себѣ болѣе уваженія отъ молодыхъ людей, подобныхъ ему.

Исторія автора пасквильныхъ стиховъ, г. М-нова, окончилась ничѣмъ; онъ отрекся отъ своего сочиненія; уликъ не было, а заступничество такого энергическаго начальника, каковъ, былъ гр. Мамоновъ, вскорѣ освободило его и отъ ареста (\*).

Наступилъ 1812 годъ.

Наполеонъ, со всѣми полчищами своими, уже двинулся въ Россію. Вотъ, 10 іюня, онъ издалъ въ Вильковишкахъ извѣстное хвастливое воззваніе о будущихъ своихъ побѣдахъ и грозилъ принудить Россію къ унижительному миру.

Напротивъ, Александръ I кротко и благочестиво обращался съ воззваніемъ къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ о защитѣ отечества.

Безсмертное его воззваніе, 13 іюня, о коварномъ вторженіи Наполеона въ Россію, потомъ рескриптъ къ гр. Салтыкову и наконецъ манифестъ 6 іюля, коимъ приглашались всѣ сословія къ благородному соревнованію для

спасенія отечества, воспламенили сердца Россіянъ. Московскіе дворяне сказали: все, что имѣемъ, принадлежитъ государю и отечеству! Надо отдать все, предлагаемъ въ ополченіе изъ десяти душъ — одного, обязавшись, кромѣ того, снабдить новобранныхъ ратниковъ одеждою, провіантомъ и по возможности оружіемъ. Купечество же Московское назначило соразмѣрную съ капиталомъ каждаго сумму въ пожертвованіе, и сдѣлало тотчасъ же подписку на полтора милліона рублей.

Государь императоръ изволилъ отозваться, что такія пожертвованія превзошли его ожиданія.

Но гр. Мамонову и эти жертвы казались какъ бы недостаточными. Онъ вызвался сформировать на свой коштъ цѣлый конный полкъ, который бы состоялъ подъ его начальствомъ.

Прежде чѣмъ объявить это намѣреніе, графъ совѣтовался съ своею теткою, фрейлиною Прасковьею Матвѣевною Дмитріевною-Мамоновою (Дѣда графа Мамонова, Матвѣя Васильевича, тогда уже въ живыхъ не было. Онъ род. 1724, а умеръ въ 1810.)

Прасковья Матвѣевна не совсѣмъ одобряла патриотическое намѣреніе племянника. Она говорила, что его воспитывали быть не военачальникомъ, а министромъ, и совѣтовала принести на алтарь отечества миліонъ рублей и даже болѣе.

Однакожь, гр. Матвѣй Александровичъ остался при своемъ намѣреніи: полкъ сформированъ, подъ названіемъ Мамоновскаго казачьяго, и онъ сдѣлался его командиромъ. Изъ камеръ-юнкеровъ его переименовали въ генераль-майоры. Ему было тогда отъ роду 22 года.

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончился походъ Наполеона въ Россію. Наши войска, поражавшія его на ретирадѣ,

(\*) Странно, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, а именно въ апрѣлѣ 1850 г., когда я встрѣтился съ г. М-новымъ на одной изъ Петербургскихъ станцій, и напомнивъ ему, что онъ пріятель и сослуживецъ по сенату моего дяди, спрашивалъ его: онъ ли авторъ извѣстныхъ стиховъ, 1811 года, на бульварѣ, М-новъ, въ удивленію моему, отрекся отъ пресловутаго этого произведенія.

покрыли себя безсмертною славою. Но казацкій полкъ гр. Мамонова не былъ въ дѣйствиі; Мамоновцы отличались только своеволіемъ, слѣдствіемъ котораго было сожженіе одного селенія, гдѣ они стояли.

Не смотря на то, что командиръ полка заплатилъ жителямъ всѣ убытки, происшедшіе отъ пожара, главнокомандующій арміею сдѣлалъ Мамонову столь строгій выговоръ, что гордая душа этого вельможи никакъ не могла перенести того. Онъ по болѣзни просился въ отставку и былъ уволенъ высочайшимъ приказомъ, 19 февраля 1816 г., за границу до излѣченія болѣзни.

Между тѣмъ, Мамоновскій полкъ расформированъ; а графъ въ помянутомъ приказѣ названъ состоящимъ при дивизионномъ начальникѣ 2-ой конноегерской дивизіи, въ чинѣ генераль-маіора. О состояніи въ это время духа гр. М. А. Мамонова можно заключать изъ проектовъ его писемъ къ государю императору Александру Павловичу и великой княгинѣ Екатериинѣ Павловнѣ, помѣщаемыхъ здѣсь въ приложеніи.

По возвращеніи изъ за границы, начинается странная жизнь гр. Матвѣя Александровича. Будучи отъ роду не болѣе 26 лѣтъ, онъ поселился въ подмосковномъ своемъ селѣ Дубровицахъ, и сдѣлался не только совершеннымъ затворникомъ, но даже невидимкой. По отданному одинъ разъ на всегда приказу, въ извѣстные часы, ему подавались чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ; также подавались ему и платьѣ и бѣлье, и все это въ отсутствіи графа убиралось или перемѣнялось. Такой образъ жизни продолжался нѣсколько лѣтъ, безо всякой перемѣны. Управление имѣніями и всѣ распоряженія по дому дѣлались по письмен-

4

нымъ его приказамъ и запискамъ. Только въ 1823 г. заявилъ онъ о своемъ существованіи: по кончинѣ Прасковьи Матвѣевны Дмитріевой-Мамоновой въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 4-го апрѣля 1823 года, графъ, объявивъ себя единственнымъ послѣ нея наслѣдникомъ, просилъ относиться по сему случаю къ уполномоченному отъ него Московск. купцу Негри, въ д. Кампиони, на Кузнецкомъ мосту.

Около этого времени умеръ камердинеръ графскій. На его мѣсто изъ своихъ никого способныхъ не оказалось; наняли вольнаго. Нѣсколько мѣсяцевъ новый камердинеръ исправлялъ свою должность какъ слѣдуетъ; но наконецъ соскучился служить невидимкѣ, и ему захотѣлось посмотрѣть на графа. Для исполненія своего намѣренія, камердинеръ выбралъ обѣденное время и спрятался въ столовой за колонну или за тумбу. Но къ несчастію графъ увидѣлъ его и страшно исколотилъ. Весь избитый, въ крови, камердинеръ бросился въ Москву и явился къ генераль-губернатору, кн. Дм. Вл. Голицыну, съ жалобой на графа.

Для произведенія по этой жалобѣ дознанія, генераль-губернаторъ отправилъ въ Дубровицы одного изъ своихъ адъютантовъ, снабдивъ его предписаніемъ.

Адъютантъ пріѣхалъ въ Дубровицы въ самый обѣдъ графа, безъ доклада прямо явился къ нему и предъявилъ генераль-губернаторское предписаніе.

Графъ пробѣжалъ предписаніе, издралъ его и бросилъ въ чашу съ супомъ, а адъютанта не очень учтиво просилъ удалиться.

Этотъ поступокъ графа отвнесли къ сумасшествію, и поэтому распорядились взять его въ Москву для излѣ-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 4

ченія; помѣстили его въ домъ, принадлежащемъ нынѣ Практической Коммерческой Академіи, около Покровскихъ казармъ.

Однакожь. перемѣщеніе графа изъ Дубровицъ въ Москву сопровождалось слѣдующимъ происшествіемъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на нравственное состояніе больного. Когда за нимъ пріѣхали, чтобы везти его въ Москву, графъ нисколько тому не противился; но вышедши уже на крыльцо и увидя тысячи своихъ крестьянъ, онъ обратился къ нимъ со словами: «Неужели, православные, вы меня выдадите?» Крестьяне тотчасъ окружили графа и хотѣли остановить поѣздъ. Но графъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ пошутитъ и что ему надо ѣхать въ Москву.

Леченіе началось обливаніемъ головы холодною водою, что конечно приводило графа въ изступленіе. Имѣніе его взяли въ опеку. Определенный къ нему опекуномъ сенаторъ князь Михайлъ Дмитріевичъ Циціановъ нашелъ, что помѣщеніе для графа неудобно отъ близости казармъ, такъ какъ барабанный бой и военная музыка производили въ больномъ восторженное состояніе. Имѣніе князя Циціанова раздѣляли и медики; поэтому рѣшились перемѣнить квартиру. Это было въ 1830 году.

Въ то время я завѣдывалъ и управлялъ домомъ шурина моего, по первой женѣ, И. Г. Покровскаго, служившаго тогда въ гвардіи. Домъ г. Покровскаго находился у Колымажнаго двора, между тремя малопроѣзжими переулками, но не выходилъ ни въ одинъ изъ нихъ, и вмѣщалъ въ себѣ всѣ удобства для больного. Кромѣ обширности, отдѣланный наилучшимъ образомъ и отлично обмеллированный, онъ примыкалъ однимъ

фасомъ къ огромному тѣнистому саду. Этотъ-то домъ и нанялъ у меня кн. Циціановъ для графа Мамонова по контракту, цѣною въ годъ по шести тысячъ рублей ассигнаціями<sup>(5)</sup>.

Графъ Мамоновъ прожилъ въ домѣ г. Покровскаго полтора года.

Отъ приставленнаго къ нему офицера, г. Люневича, я слышалъ, что графъ занимался чтеніемъ и что-то писалъ; я видѣлъ нѣкоторыя прочтенныя имъ книги съ собственноручными его замѣтками, и онѣ не показывали отсутствія ума, но видно было раздраженіе. Графъ велъ жизнь совершенно уединенную; кромѣ доктора, кн. М. Д. Циціанова и вышепомянутаго купца Негри,—его никто не посѣщалъ. Къ обѣду своему онъ иногда приглашалъ только сына г. Люневича, мальчика лѣтъ 6—7, да забавлялся кормленіемъ конфектами мышей. На вопросъ мой: не дѣлаетъ ли графъ какихъ нибудь странностей, г. Люневичъ отвѣчалъ, что только одинъ разъ онъ засталъ графа сидящимъ на шкафу, а иногда-де приходитъ въ ражъ; но довольно показать ему длинную рубашку съ такими же рукавами, и онъ утихалъ. Князь же М. Д. Циціановъ говорилъ мнѣ, что во время его посѣщеній, онъ не находилъ никакихъ странностей въ графѣ; но разговоры его обращались всегда къ важнымъ предметамъ. Князь Циціановъ игрывалъ съ графомъ на биллиардѣ и замѣчалъ, что графъ сердился при проигрышѣ, хотя игра была бездснежная. Лѣтомъ графъ нерѣдко выходилъ въ садъ и по словамъ садовника дѣлалъ правильныя заклю-

(5) Домъ этотъ когда то принадлежалъ кн. А. И. Вяземскому, отцу писателя; въ немъ жилъ Карамзинъ, впоследствии онъ достался А. А. Кирьякову. Г. Покровскій продалъ его г. Абязѣ, а нынѣ принадлежитъ онъ г. Столыпину.

ченія въ разсужденіи садоводства. Разъ какъ-то, поздно вечеромъ, полагая, что графъ уже спитъ, я съ семействомъ гг. Покровскихъ вошли въ садъ; но вдругъ явился графъ и страшно на насъ закричалъ. Разумѣется, мы пустились бѣжать со всѣхъ, что называется, ногъ.

Послѣ отказа кн. Циціанова отъ опекунства, новые опекуны перевезли графа на дачу Васильевское, что за Калужской заставой <sup>(6)</sup>.

Здѣсь, въ Васильевскомъ, графъ Мамоновъ прожилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, до самой своей кончины. Жизнь его, по прежнему, была уединенная. Обѣдалъ и ужиналъ онъ въ 3 часа, т. е. пополудни и пополуночи. Ночью весь домъ освѣщался. Чужіе опекуны болѣе старались о приумноженіи капиталовъ, и графъ имѣлъ нѣкоторыя лишеныя. Доказательствомъ тому можетъ служить вотъ какой случай. Разъ какъ-то я заѣхалъ въ одинъ магазинъ и спросилъ десятокъ сигаръ въ 40 коп. Тогда сидѣвшій въ магазинѣ неизвѣстный мнѣ господинъ сказалъ: дайте-ка и мнѣ такихъ же сигаръ для графа. На вопросъ мой: для какаго графа, неизвѣстный отвѣчалъ: для гр. М. А. Мамонова. Я не утерпѣлъ и замѣтилъ, что для графа Матвѣя Александровича можно бы покупать сигары по 40 коп. и за штуку. Но неизвѣстный возразилъ, что къ этимъ-де сигарамъ графъ привыкъ. «Жаль же, что его приучили къ такимъ дешевымъ сигарамъ», сказалъ я эконому.

Но когда графъ поступилъ подъ опекунство своихъ родственниковъ и наслѣдниковъ, то уже не имѣлъ ни

<sup>(6)</sup> Нѣкоторое время была опекуншею сестра графа, дѣвица Марья Александровна; но она скончалась задолго до смерти графа, живя постоянно въ С. Петербургѣ.

въ чемъ недостатка. Малѣйшія его желанія и даже прихоти исполнялись немедленно. Наприм. графъ иногда заказывалъ очень дорогія блюда, или требовалъ въ дорогую пору фруктовъ и тому п., и все это являлось тотчасъ. Даже носились слухи, что родственники - опекуны предлагали снять съ него опеку; но графъ самъ на это не согласился.

\*

Кончина графа Матвѣя Александровича послѣдовала преждевременно отъ собственной его неосторожности. Онъ намочилъ на себѣ сорочку одеколономъ, и вѣроятно уронилъ на нее искру отъ сигары или папиросы. Сорочка вспыхнула, и онъ страшно обжегся. Никакія медицинскія средства не могли спасти его. Онъ скончался 11-го іюня 1863 г., на 73 году отъ рожденія.

Чувствуя приближеніе кончины, графъ Матвѣй Александровичъ сказалъ: «Вотъ я и умираю; ну чтожъ, я довольно пожилъ!»

\*

Конечно, настоящій очеркъ жизни графа Матвѣя Александровича Дмитриева-Мамонова слишкомъ слабъ и не полонъ, а, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и несовсѣмъ вѣренъ; но, считая его благодѣтелемъ отца моего, я рѣшился сказать все, что знаю объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Миръ праху его!<sup>(7)</sup>

*П. Кичеевъ.*

<sup>(7)</sup> Прахъ его похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Собственноручные проекты писемъ покойнаго графа М. А. Дмитріева-Мамонова къ государю-императору Александру Павловичу и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ<sup>(\*)</sup>.

## I.

отъ 20 февраля (1816?)

Всемиловѣйшій государь!

Генераль-адъютантъ Уваровъ, который будетъ имѣть счастье поднести вашему императорскому величеству сіе всеподданнѣйшее писаніе мое, донесетъ вмѣстѣ вашему императорскому величеству о болѣзненномъ и разстроенномъ состояніи здоровья моего, пострадавшаго сіи послѣднія времена отъ оскорбляющей меня мысли, что я и служеніе мое престаи быть угодными вашему императорскому величеству.

Лишенный по одержавшей меня болѣзни возможности не токмо находитья при войскахъ, но нести какую-либо службу, я умоляю ваше императорское величество уволить меня отъ оной, съ ношеніемъ мундира, лишенія коего я, кажется, не заслужилъ.

Будьте увѣрены, всеавгустѣйшій и премилосердый монархъ, что я спѣшу посвятить себя паки службѣ вашего императорскаго величества, wohl скоро получу облегченіе.

Въ милліонахъ подвластныхъ отеческому скипетру вашего императорскаго величества находятся всеконечно тысячи и тысячи преизобилующіе предо мною познаніями и знаменитыми и полезными качествами, но не единъ всеконечно не можетъ похвалиться превосходить меня пламенною

(\*) Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ гр. Мамоновъ могъ сдѣлаться лично извѣстнымъ въ 1812 году, стоя съ полкомъ своимъ въ Ярославской губерніи. *И. Б.*

любовію къ отечеству, благодарностію и приверженностію къ особѣ вашего императорскаго величества. Есмь по гробъ в. и. в. вѣрно подданный.

## II.

Милостивѣйшая государыня, пресвѣтлѣйшая государыня великая княгиня!

Господинъ генераль-адъютантъ Уваровъ обрадовательнымъ письмомъ своимъ извѣстилъ меня, что ваше императорское высочество удостоили принять участіе въ судьбѣ моей, подверженной, я самъ не знаю за что, толикимъ гоненіямъ и оскорбленіямъ, и что даже ваше императорское высочество неоднократно изволили напоминать обо мнѣ государю-императору и поручить г. Уварову отдать мнѣ поклонъ.

Таковыя неожиданныя вашего императорскаго высочества милости дороже мнѣ всего и паче укрѣпляютъ духъ мой сносить все терпѣливо и не колебаться въ приверженности къ августѣйшему императорскому дому. Самъ Богъ свидѣтель, что я не знаю, за что по сіе время не удостоился быть въ числѣ приближенныхъ монаршихъ, и позвольте милостивѣйшая государыня довершить сіе начертаніе несчастнаго моего положенія тѣмъ, что съ отбытіемъ в. и. в-а навсегда въ чуждыя страны лишаюсь я единственной заступницы.

Но такъ какъ Богъ вездѣ присутствуетъ благодѣянiami Своими и печется о усердствующихъ Ему, тако и ваше императорское высочество не престаньте осѣнять меня своимъ покровительствомъ, ибо я отдѣленъ отъ государя толпою злобствующихъ мнѣ и повергающихъ меня въ жестокую грусть и болѣзнь.

### ОДИНЪ ИЗЪ СОБСТВЕННОРУЧ- НЫХЪ УКАЗОВЪ ПЕТРА ВЕЛИ- КАГО.

(Дѣла Арт. Арх. кн. № 108 стр. 11).

„Понеже въ битвѣ зорь великое въ войнѣ дѣло зависить, а имянно цѣ-  
лость всего войска, понеже, когда про-  
бьютъ вечернюю зорю, тогда запрутъ  
ходъ и караулы умножатъ и опасно  
ночь облюдутъ, за которыми все вой-  
ско опочиваетъ безопасно, а когда  
утреннюю битъ стануть, повинны всѣ  
встать и не спать, понеже входъ ото-  
прется, что уже господамъ офицерамъ  
въ коллегіи воинской, яко практи-  
комъ, довольно вѣдомо есть. Но нынѣ  
у насъ оное дѣло въ комплементъ  
вмѣнено, и яко старые бояря и воево-  
ды и стрѣльцы употребляютъ: бьютъ  
въ такихъ городахъ, гдѣ воротъ не  
затворяютъ во всю ночь по дворамъ  
и слободамъ. И такъ людей извадимъ,  
что и у прямова дѣла, какъ и безъ  
дѣла, ни во что оной обычай придетъ.  
Ибо Отче Нашъ, хотя и лутчая мо-  
литва во христіанствѣ есть, понеже  
самимъ Христомъ предана, однакожъ  
ради частаго употребленія въ обычай  
вошло не такъ почестью, какъ дру-  
гія, которыя одинава въ годъ чита-  
ются, хотя и человѣческаго сложения  
суть. Того рода надлежитъ твердо о  
семъ уставить указомъ и въ Регла-  
ментъ внести, дабы туне не чинили“.

Подлинной Его Императорскаго Ве-  
личества указъ писанъ собственною  
Его Величества рукою.

У тогожъ указу Его Величества  
собственною рукою приписано тако:

*Петръ.*

Въ Преображенскомъ въ 11 день  
генваря 1722.

Отдано отъ свѣтлѣйшаго Князи (\*)  
генваря 15 день 1722.

*(Сообщено М. Д. Хмыровымъ).*

(\*) Меншикова.

### ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ КНЯ- ЗЮ (ПОСЛѢ ФЕЛЬДМАРШАЛУ) МИ- ХАЙЛУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫ- НУ-МЛАДШЕМУ.

Господишъ подполковникъ.

Писали мы къ Герцогу съ симъ по-  
сланнымъ куріеромъ, дабы онъ далъ  
вамъ позволеніе около Ростка или  
гдѣ въ другихъ мѣстахъ не далеко  
отъ Ростка накопать буковыхъ мо-  
лодыхъ деревьевъ съ кореньями для  
посылки въ Питербурхъ, о чемъ проси  
и ты, дабы отвели вамъ мѣста немед-  
ленно. И какъ вамъ отвѣдутъ мѣста  
гдѣ копать, то велите накопать де-  
ревьевъ молодыхъ буковыхъ, которыя  
бы были вышиною футовъ по семи и  
по восьми, отрубая верхушки, а тол-  
щиною противъ приложеннаго при-  
семъ рисунка, тысячь пять. Да сверхъ  
того велите накопать буковыхъ же  
кустовъ до тысячи, и для того сыщи  
на то время какогонибудь садовника,  
который бы могъ указать, какъ лут-  
че тѣ деревья изъ земли выкапывать  
и отрубать верхушки. Между тѣмъ  
же старайся, чтобъ для посылки тѣхъ  
деревъ до Питербурха нанять тебѣ  
въ Любекѣ или въ Ростокѣ галіонъ  
или другое какое морское судно по-  
больше, на которое бы могли тѣ де-  
ревья уложиться; а за провозъ уго-  
варивайся ш(к)ипору заплатить въ  
Питербурхъ товарами, какими онъ хо-  
четъ кромѣ только двухъ, юфти и  
смолы.

(собственноручно) *Петръ.*

Изъ Амстердама  
Марта въ 5 день 1717.

Было сложено и надписано: «Господину подполков-  
нику отъ гвардіи князю Голицыну въ Ростокѣ. Печа-  
тано съ подлинника, хранящагося въ Москвѣ, въ  
Голицынскомъ Музеѣ. Получивъ подобное заботливое  
о благѣ общемъ письмо, современникъ Петра Великаго,  
какъ бы ни терпѣль онъ лично отъ его жестокости, не-  
вольноп исполнялся къ нему уваженіемъ и нѣкотораго ро-  
да сочувствіемъ. Съ другой стороны и жители Балтійскаго

побережья, гдѣ такъ долго хозяйничалъ Петръ Великій, должны были съ чувствомъ страха передъ сѣвернымъ варваромъ соединять чувство почтительнаго удивленія: и въ этомъ разгадка Петрова величія.—Герцогъ, о которомъ говорится въ письмѣ, есть конечно герцогъ Мейленбургскій, не задолго передъ тѣмъ женившійся на племянницѣ государя, Елаторинѣ Ивановнѣ. Приложеннаго къ письму рисунка не сохранилось. П. Б.

### ПИСЬМО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Милый, любезный мой Василій Андреевичъ!

Возможно ли, чтобъ прекрасный сонъ мой однажды получить отъ васъ поэму, точно исполнился! Могла ли я думать, что вы точно еще вспомнили обо мнѣ въ вашемъ мирномъ уголкѣ на берегу Рейна, въ первомъ счастіи семейной жизни! Но въ исполненіи вашего обѣщанія узнала я вашу всегдашнюю привязанность къ нашему семейству, и ваше русское сердце. Потому благодарю васъ именемъ Россіи за то, что не забыли насъ и почитаю себя счастливой, что мое радостное восклицаніе, при слухѣ о намѣреніи вашемъ писать эту поэму, могло доставить моей милой родинѣ еще произведеніе ею любимой лиры. Хотя я далека отъ идеала, поразившаго ваши взоры на паланкинѣ, но я постараюсь идти въ слѣдъ ему и постараюсь достигнуть его чистоты сердца, смиренія и получить вмѣстѣ съ тѣмъ удивительный его даръ распространять счастіе вокругъ себя. Ничто не могло быть мнѣ пріятнѣе, какъ увидѣть образъ этого небеснаго существа во главѣ мнѣ посвященной поэмы. Съ неизъяснимою жадностью начала я читать вашу Дамайнти, и въ каждой строкѣ о васъ думала и мысленно благодарила.

Жаль только то, что не могу словесно васъ благодарить, изустно ска-

зать вамъ, какъ мнѣ лестно имѣть отъ Василія Андреевича поэму. Но, надѣюсь, будетъ время, когда желаніе мое исполнится, когда васъ опять увидимъ въ кругу нашемъ съ вашимъ семействомъ.

Что вамъ сказать про насъ? Мы живемъ въ томъ же блаженномъ счастіи, въ которомъ вы насъ оставили. Семья увеличивается, и вмѣстѣ съ ней и семейныя радости. Надѣюсь, что всегда будемъ жить также, т. е. вѣря въ Бога и въ любви между собою. Чего намъ желать больше?

За сообщеніе этого письма мы обязаны князю Петру Андреевичу Виземскому. На письмѣ не означено времени; но оно писано, какъ надо полагать, весною 1843 года, ибо посвященіе поэмы Наалъ и Дамайнти помѣчено Жуковскимъ (въ печатномъ текстѣ): Дюссельдорфъ 16 (28) февраля 1843 года. Въ посвященіи этомъ, принадлежащемъ къ лучшимъ произведеніямъ Жуковского, поэтъ вспоминаетъ Берлинскіе маскарады и живыя картины 1821 г., въ которыхъ императрица Александра Теодоровна, тогда еще великая княгиня, являлась въ сценахъ изъ поэмы Томаса Мура: Лалла-Руль, индѣйскою царевною, проносимою на паланкинѣ.

Великая княгиня Александра Николаевна род. 12 іюня 1825 года, вступила въ супружество съ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ 16 января 1844 и того же года 29 іюля скончалась въ Царскомъ Селѣ отъ продолжительной грудной болѣзни и преждевременныхъ родовъ. Въ этомъ письмѣ отражается плѣнительный образъ рано увянувшей царской дочери, и оно показываетъ наглядно, за что такъ любили и почему такъ горько оплакивали эту женщину. П. Б.

### ГЕНЕРАЛЬ БОНАПАРТЬ — ОБОРОНИТЕЛЬ ГРЕКО-ВОСТОЧНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

Въ газетѣ „Москва“ № 166 (\*), въ любопытной статьѣ г. Косошкина *Уніатская оппозиція на Подляси*, въ выдержкахъ, приведенныхъ изъ циркуля бывшаго г. главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, кн. Черкаскаго, отъ 11 (23) мая 1866 г., за № 74, между прочимъ сказано: „Предписать Холмскому епископу о сдѣланіи имъ распоряженія по своей епархіи, чтобы греко-уніатское духовенство не

(\*) 1867 года.



допускало вмѣшательства латинскаго духовенства въ своихъ церквахъ и приходахъ; чтобы между прочимъ греко-уніатскіе священники ни въ какомъ случаѣ не дозволяли себѣ давать разрѣшенія латинскимъ ксендзамъ отправлять богослуженіе и совершать таинства въ греко-уніатскихъ церквахъ.“

Подобно многимъ другимъ мѣропріятіямъ, вызваннымъ со стороны Русскаго правительства недавними событіями въ царствѣ Польскомъ, это распоряженіе, чтобъ католическіе ксендзы не служили въ греко-уніатскихъ церквахъ,—встрѣчено было враждебнымъ намъ Западомъ, какъ явленіе новое, небывалое и варварское. Но дѣйствительно ли такое распоряженіе есть распоряженіе новое и небывалое въ Европѣ? Конечно нѣтъ.

Еще въ 1798 г. знаменитый родоначальникъ династіи Наполеонидовъ, главнокомандующій итальянской арміи генералъ-Бонапартъ, покоривъ Италію, завоевавъ Венецію и завладѣвъ Мальтою, руководимый мудрою политикою и вмѣстѣ съ тѣмъ высокою справедливостію, призналъ необходимымъ оградить греко-восточныя церкви отъ посягательства на нихъ латинскаго кляра. Приказомъ своимъ изъ главной квартиры въ Мальтѣ, отъ 25 преріала (13 іюня) 1798 г., онъ формально запретилъ латинскимъ священникамъ отправлять богослуженіе и совершать литургію въ церквахъ греко-восточнаго исповѣданія.

Приказъ этотъ хранится въ Парижѣ въ депо военнаго министерства, и напечатанъ въ Correspondance de Napoleon I-er, см. т. IV, стр. 168. № 2687, и значится подѣ 23 преріала VI года (17 іюня 1798 г.). У насъ въ Москвѣ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отыскался современный экземпляръ этого приказа, напечатанный въ національной типографіи въ Корцирѣ; онъ отъ 25 преріала (13 іюня), слѣдственно четырьмя днями ранѣе приказа, хранящагося въ депо французскаго военнаго министерства, и отличается нѣкоторыми вариантами въ тек-

стѣ; а потому мы и приводимъ здѣсь этотъ любопытный приказъ по нашему экземпляру.

*Кн. М. Оболенскій.*

## ПРИКАЗЪ

Генерала Бонапарта, отданный въ Мальтѣ 23 преріала въ VI годъ Французской республики (13 іюня 1798 г.).

Liberté.

Egalité.

Armée d'Angleterre.

Au quartier-général de Malte le 25 prairial, an 6 de la République Française.

Etat-major-général.

Ordre du général en chef.

Article premier.

Dans l'église qui appartient aux Grecs, les prêtres Latins ne pourront pas y officier.

## II.

Les messes que les prêtres latins ont coutume de dire dans les églises Grecques, seront dites dans les autres églises de la Place.

## III.

Il sera accordé protection aux Juifs qui voudraient y établir leur synagogues.

## IV.

Le général-commandant remerciera les Grecs de la bonne conduite qu'ils ont tenue pendant le siège.

## V.

Tous les Grecs des isles de Malte et de Gozo, et ceux des départemens d'Itliaque, Corcyre et de la Mer-Egée, qui conserveraient des relations quelconques avec la Russie, seront condamnés à mort.

## VI.

Tous les navires Grecs qui naviguent sous le pavillon Russe, s'ils sont

Pris par les bâtimens Français, seront coulés bas.

Signé: Bonaparte.

Pour copie conforme.

Le général de division Chef de l'état-major-général

Signé: Alexandre Berthier.

Pour copie conforme.

Le général de division

Signé: Chabot.

De l'Imprimerie Nationale de Coreyre.

### Переводъ:

Свобода.

Равенство.

Англійская армія.

Въ главной квартирѣ, въ Мальтѣ, 25-го преріала, въ 6-й годъ Французской республики.

Главный штабъ.

Приказъ главнокомандующаго.

Статья первая.

Латинскіе священники не должны совершать богослуженія въ церкви, принадлежащей Грекамъ.

### II.

Литургіи, которыя латинскіе священники имѣютъ обыкновеніе совершать въ греческихъ церквахъ, должны быть совершаемы въ другихъ церквахъ острова.

### III.

Евреямъ, которые пожелали бы основать синагогу на островѣ, должно быть оказываемо покровительство.

### IV.

Генераль-коммендантъ долженъ объявить Грекамъ благодарность за хорошее поведеніе во время осады.

### V.

Всѣ Греки, жители острововъ Мальты, Гоцо, Итаки, Корциры и Эгейскаго моря, сохранившіе какія бы то ни было сношенія съ Россією, должны быть приговорены къ смерти.

### VI.

Всѣ греческія суда подъ русскимъ флагомъ, взятыя французскими кораблями, должно опускать ко дну.

Подписаль Бонапартъ.

Свѣрять копію:

Дивизионный генераль, начальникъ главнаго штаба

Подписаль Александръ Бертъе.

Свѣрять копію:

Дивизионный генераль

Подписаль Шабо.

Національная типографія въ Корцирѣ.

## О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ НОВАГО СЛАВЯНОСЕРБСКАГО ГОСУДАРСТВА.

*Записка митрополита Стратимировича, составленная для поднесенія императору Александру Павловичу. Въ Іюль 1804 года.*

Записка эта сохранилась въ бумагахъ знаменитаго протоіерей А. А. Самборскаго и обязательно сообщена въ Русскій Архивъ правнукомъ его А. И. Малиновскимъ. Мы печатаемъ здѣсь соб-

ственно не самую записку въ ея сербскомъ подлинникѣ, а современное русское сокращеніе ея, сдѣланное вѣроятно въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, коимъ тогда завѣдывалъ князь Адамъ Чарторижскій. Какъ подлинная записка, такъ и сокращеніе ея вмѣстѣ съ нижестѣдующими выписками, были возвращены протоіерее Самборскому, такъ что остается неизвѣстнымъ, до-

стигъ ли на этотъ разъ до Русскаго государя этотъ голосъ Сербскаго митрополита. Историческимъ подтвержденіемъ его запискѣ послужило вспыхнувшее черезъ годъ возстаніе Георгія Чернаго, коимъ положено начало нынѣшнему Сербскому княжеству. Известно, что русская дѣятельная помощь и русское заступленіе поддержали Сербовъ въ ихъ героической борьбѣ и даровали имъ въ Бухарештскомъ трактатѣ первыя условія политической самостоятельности. Нѣтъ также сомнѣнія, что, возвратившись въ Россію, протоіерей Самборскій, въ личныхъ бесѣдахъ съ государемъ (бывшимъ ученикомъ своимъ) раскрылъ передъ нимъ положеніе Славянскихъ дѣлъ.

П. Б.

*Выписки изъ писемъ протоіерея Самборскаго изъ Вильны отъ 14 Юня 1804.*

*Въ письмѣ къ его сіятельству князю Чарторижскому проситъ о поднесеніи его императорскому величеству письма своего купно съ приложеннымъ начертаніемъ, которое принялъ онъ, г. Самборскій, отъ Славено-Сербскаго митрополита.*

*Въ письмѣ къ его императорск. величеству. Совершивъ послѣдній долгъ священнослуженія при августѣйшемъ гробѣ безсмертнаго Александры, удостоился получить отъ его королевскаго величества палатина Юсифа благосклоннѣйшее писаніе, которое прилагаетъ вмѣстѣ съ національною газетой, свидѣтельствующей удовольствіе и почтеніе всей публики, равно какъ и эрцъ-герцога, о священнослуженіи и образѣ жизни г-на Самборскаго. Препровождаетъ начертаніе митрополита Сербскаго народа, Стефана Стратимировича, который, повергая себя къ стопамъ императорскаго величества, слезно молить, да не поставится въ вину, что онъ не подписалъ имени своего, опасаясь лишенія*

головы. Г-нъ Самбарскій, зная лично сего митрополита, свидѣтельствуешь, что онъ есть истинный и ревностный пастырь церкви и совершенно преданъ его императорскому величеству.

*Сокращеніе начертанія о возстановленіи новаго Славенс-Сербскаго государства.*

Нѣкоторые недостатки со времени установленія Россійской имперіи исправлены были и исправляются, а именно: 1. Ненадежность въ наслѣдіи престола; 2. Несоразмѣрное населеніе разныхъ частей имперіи и двѣ столицы; 3. Величина и пространство, и разнообразіе языковъ и религій; 4. Неимѣніе вѣрнаго союзника.

Россія—одна во всѣхъ державахъ міра по своему языку и религіи. Лишаются государи ея, въ случаѣ личныхъ несчастій, по примѣру предковъ, надежнаго прибѣжища безопасности и искренняго сопоборствованія въ напастяхъ. Лишаются они радости и утѣшенія—имѣть своего языка, своей религіи, своего образа мыслей и склонностей равныхъ сообщниковъ и взаимныхъ защитителей, съ которыми союзы родства и крови болѣе нежели съ иноязычными творимые превосходятъ по неописуемому, но крѣпко ощущаемому утѣшенія увеселенію.

Всякій Европейскій государь имѣетъ себѣ равнаго сообщника въ религіи или единокровіи, которые имъ полезны бывають въ свое время. Самъ Бонапартъ, сколь ни силенъ, сколь ни великъ, привязанъ по своему рожденію къ Итальянцамъ и Римской религіи. Единъ токмо Россійскій великій и добродѣтельный государь не имѣетъ народомъ и благочестіемъ себѣ равнаго и самымъ подданнымъ его союзнаго, ни друга, ни пріятеля, ни

даже по благодѣтельствуваніи почитателя. Разновѣрные и иноплеменные союзники и други Россіи ненадежны. Поляки одинаго съ Россіянами языка, если бы они были одинаго исповѣданія, то бы государство ихъ существовало до нынѣ. Греки единой религіи, Россія оказала склонность къ возобновленію ихъ государства въ Константинополь; но сіе не соответствовало бы намѣреніямъ Россіи—достать себѣ вѣрныхъ и искреннихъ союзниковъ; ибо народъ сей гордъ и подлѣ вмѣстѣ, дружба его ненадежна: во всѣхъ войнахъ Россіи съ Оттоманской Портой, Греки не показывались вѣрными. Они за малую временную корысть Туркамъ болѣе нежели Христіанскимъ государямъ благоприятствуютъ.

Нѣтъ народа въ поднебесной, который бы имѣлъ толикую любовь и наклопеніе къ Руссамъ и Россійскимъ государямъ, какъ Сербы. Единые языкомъ, благочестіемъ, равные Славяне! Простота ихъ простотѣ Русской подобна; повсюду уважаемы, кромѣ Россіи, они, при всемъ отдаленіи, единую надежду на Россію имѣютъ. Нѣтъ ли способа и не стоитъ ли того, чтобы Россійскіе государи отечески попеклися сей добрый Словенскій народъ, всякому своему государю вѣрный, Россію и Россіянъ всегда любящій, въ политическое бытіе привести, а со временемъ въ желаемое политическое содружество?

Сербы обитаютъ въ Венгріи на обоихъ берегахъ Дуная, въ Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и Приморіи; такъ же отъ сихъ предѣловъ въ Турецкихъ земляхъ до Адриатическаго моря; весь народъ между рѣкой Савой отъ границъ Валахіи до Скутари въ Албаніи, между рѣкою Савою и Унною, есть Славено-Сербскій съ

малѣйшимъ нарѣчія различіемъ, такъ что и всѣ находящіеся тамъ Турки суть рода и языка Славено-Сербскаго.

Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно часть сего народа, подъ игомъ и утѣсненіемъ Турецкимъ стонающаго, въ самобытное политическое состояніе привести.

Еслибъ Всероссійскій великій императоръ изволилъ сдѣлать представленіе султану, чтобы онъ, удержавъ за собою нѣкую умѣренную дань и свободу религіи для обитающихъ тамъ Турокъ, весь Сербами обитаемый предѣлъ, по примѣру Рагузинскія или новыя Греческія Седми Острововъ республики, въ независимость и подъ защищеніемъ Россіи отпустилъ съ такимъ условіемъ, чтобы Россійскій государь провинціи Турецкія въ Азіи, отъ султана нынѣ отторгающіяся, ему гарантировалъ да еще и къ приобрѣтенію новыхъ всяческое вспомоцествованіе и содѣйствіе обѣщаль: то вѣроятно, что султанъ таковому желанію Россіи соответствовать бы не отрекся, потому что кромѣ вышепомянутой онъ получилъ бы еще и ту знатную пользу, что такимъ образомъ всѣ прочіе свои предѣлы, оному пограничныя провинціи, противъ нападенія прочихъ государей безопасными содѣлалъ. Да и такъ, если бы Сербскія оныя провинціи, сами по себѣ отъ султана противъ воли его отторгнувшись, ближайшему христіанскому государству передались (что и легко и скоро послѣдовать можетъ), то султанъ не токмо провинцій своихъ совсѣмъ бы лишился, но и умножилъ бы силы своего сосѣда, а тѣмъ большую бы содѣлалъ себѣ пагубу.

Что касается до Австріи, она должна была бы уступить Боку Катарскую и часть Далмаціи; за то бы

можно ей дать часть нынѣшней Турецкой Кроаціи. А когда бы Австрія и Сирмію уступила Сербской землѣ, то ей въ замѣну предѣлъ Валахійскій до рѣки Олты отдаться бы могъ. Здѣсь представляется Турецкія имперіи паденіе? Но сіе весьма скоро и само по себѣ имѣеть послѣдовать.

Прочіе Европейскіе государи могутъ успокоены быть тѣмъ: 1-ое, что возстановленіе сея новыя державы Сербскія не было бы совершенное предѣла ея отторженіе отъ Турецкой имперіи, но Сербы платили бы дань и, отъ Турецкой Порты считаясь зависимы, относительно къ прочимъ государямъ, какъ въ одномъ и томъ же прежнему состояніи находились бы. 2-е, въ той же прогрессіи, въ которой съ таковымъ заведеніемъ слѣдовало бы Турецкія державы униженіе, возрастала бы новая Сербская держава и награждала безсиліемъ Турецкой имперіи приключенную потерю въ общемъ равновѣсіи Европы.

И такъ, если бы можно было упомянутымъ образомъ предѣлъ оный въ самостоятельную область привести, то для большаго безопасія и вѣчнаго утвержденія таковой державы не недостойно быти видится, дабы Россійскій императорскій домъ отъ своихъ великихъ князей одинаго опредѣлилъ государемъ таковыя державы. Простота, глупость или крайнее суровство подъ Турецкою областью онаго живущаго народа не имѣли бы устрашити или осуетити таковое намѣреніе за то, что Далматическіе Сербы добрые и кроткіе суть, тако жъ и Герцеговинскіе отчасти, а въ Бокъ находящіеся стоятъ уже на нѣкоемъ образованія степени; природою же весьма благоувѣтливъ есть весь народъ сей, какъ и оный въ Сирміи. А кромѣ сего имѣлъ бы таковой новый

обладатель привести нѣсколько Россійскаго войска, и если бы не хотѣлъ самъ туда прійти, то посредствомъ намѣстниковъ своихъ съ тремя или четырьмя тысячами войска можно бы было все управлять и въ благоустройство привести. По грубости народа, республиканская конституція въ самомъ началѣ полезна быть не можетъ, но предпочтительно монархическое правленіе.

Но еслибъ Россійскій государь не хотѣлъ ни одинаго отъ своего дома князей къ тому намѣренію и произведенію опредѣлить, или еслибъ противъ того отъ прочихъ Европейскихъ государей дѣлаемо было препятствіе, въ таковомъ случаѣ нужно бъ было кого нибудь изъ Нѣмецкихъ зятей или шуриновъ, или иныхъ союзныхъ пріятелей своихъ, но нарочито таковаго протестанта опредѣлить, который бы вѣру и благочестіе восточное православное, хотя въ потомствѣ, воспріялъ. И сіе нужно потому, что римско-католикъ не хотѣлъ бы благочестія восточнаго пріяти, развѣ притворно и съ смѣшеніемъ папства и уніятства, и подъ владѣніемъ римско-католическаго государя христіане восточнаго исповѣданія никогда спокойны и отъ утѣсненія и презрѣнія свободны и въ своемъ исповѣданіи безопасны жити не могутъ. Сіе есть явная по исторіи и въ самомъ существѣ папскія іерархіи основанная истина.

Таковое о воздвиженіи новаго Словено-Сербскаго государства понятіе толь живо представляется моему уму и сердцу, такъ полезно Россійскому императорскому дому, толь славно всему Словенскому роду, что никакой величайшій трудъ и никакое величайшее иждивеніе не можетъ быть для пріобрѣтенія того слишкомъ велико; но всякъ истинный, истиннаго

Словенскаго рода и ревности Россіянинъ и своего государя искренній любитель о осуществованіи того всѣми силами подвизатися бы долженствовалъ, которое осуществованіе въ нынѣшнія времена возможно бытъ кажется. Ибо если Бонапартъ самъ противъ толикихъ политическихъ чиновначалій, противъ интереса Европы, иногда и самой Франціи — одного короля уничтожить, другаго тамъ же почти воздвигнуть, одну республику потерять, а другую установить, одинъ предѣлъ сему, другой иному отнять, прибавить, промѣнять, все сіе безъ повода, безъ причины, безъ правды содѣлать могъ, если, говорю, одинъ, такъ сказать, вчерашній Итальянецъ Бонапартъ, безъ союзниковъ и противу всѣхъ почти государей, сіе содѣлать могъ, могъ изнурияти силы и своя и прочихъ державъ за таковыя своелюбныя токмо намѣренія: то развѣ не можетъ добродѣтельный, мудрый и у цѣлыя Европы, по великому сердца и духа своего, характеру, возлюбленный императоръ Всероссійскій за народъ своего исповѣданія, подъ игомъ тиранскимъ толико сотѣлѣтъ стѣнащій, за народъ своего языка, своего Славянскаго рода и крови или невинно угнетенный, или забвенный, а непрестанно съ внутреннимъ воздыханіемъ и горящимъ усердіемъ Ему Единому возвышающій руки и плачущій о осуществованіи своемъ и освобожденіи — при всей Европѣ, съ откровеннымъ лицомъ и намѣреніемъ, дѣлать? Развѣ не можетъ и не хочетъ онъ дѣло явныя правды, дѣло челоуѣчества многочисленнаго и толикими отношеніями къ себѣ сопрягнутаго, мужественно предъ лицомъ неба и земли защищати? Еда ли ужъ забвенна есть любовь Славянскаго рода и языка въ Россіи, и бѣд-

ные Сербы даже отчаяти и подъ Турецкимъ тиранствомъ вѣчно потеряться имуть?

И Волохи уже, и Молдавцы, и отдѣленная Семи Острововъ Греческая область, по единому токмо благочестію и политическому притворному, можетъ, призравнью, ощутили уже, ощутили предъ лицомъ цѣлаго свѣта мужества и мудрости Россійскихъ государей оживотворяющую ихъ мышцу; а бѣдные Сербы, и благочестіемъ и языкомъ, и кровію, и усердіемъ, и всемъ, что златой любви составляетъ союзъ, ближее всѣхъ прочихъ, и — забвенны совсѣмъ!!! Ты, Который сіи союзы и силы имъ внушилъ еси, Ты ли попустиши и забвеннымъ имъ, быти у Александра Великаго и потеряннымъ до конца? Или внуши въ сердце Его тоску плача ихъ, и они уже счастливы. Буди воля Твоя!

### ПИСЬМО СЕРБСКО-АВСТРІЙСКАГО ПАТРІАРХА ЮСИФА РАЯЧИЧА КЪ РУССКОМУ КОНСУЛУ ВЪ БЪЛГРАДѢ.

Извѣстно, что въ 1848 году, когда Мадыры стали исвать полной независимости для Венгрии, венгерскіе Славяне выставили также свои требованія. Сербы собрались 1-го мая въ Карловцѣ и, образовавъ изъ себя народную скупчину, составили списокъ своихъ желаній и требованій, который они хотѣли подать императору Фердинанду. Въместъ съ тѣмъ они провозгласили своего митрополита Юсифа Раячича патриархомъ, а полковника Стефана Шушлика Витежскаго своимъ воеводою. Патриархъ Раячичъ ѣздилъ въ Инспрукъ, вмѣстѣ съ сербскою депутаціей, гдѣ и представилъ императору подписанный на майской скупчинѣ адресъ. Но императоръ ограничился одними обѣщаніями. Тогда Сербы образовали въ Карловцѣ „главный отборъ“ (комитетъ), для вершенія народныхъ дѣлъ подъ предѣдательствомъ

Раяичча, въ большихъ городахъ окружные отборы, а по селамъ под-отборы. Вновь избраннаго воеводы тогда еще не было между Сербами: онъ находился въ Италіи вмѣстѣ съ другими граничарами; а потому вся власть перешла въ руки престарѣлаго патриарха. Раяиччъ былъ человѣкъ суроваго и рѣшительнаго характера: онъ держалъ австрійскихъ Сербовъ въ повиновеніи у церковной власти и неохотно допускалъ вмѣшательство свѣтскихъ правителей въ народныя дѣла. Вскорѣ къ нему примкнули всѣ отдѣльные предводители сербскаго возстанія противъ Мадьяръ, которые засѣли въ крѣпостяхъ. Уже въ юнѣ начались стычки. Только 16-го сентября Шупликацъ, произведенный уже въ генералы, явился среди Сербовъ и образовалъ изъ нихъ особый корпусъ подъ названіемъ „австрійско-сербской армиды“. Въ этомъ корпусѣ находились и Сербы, пришедшіе изъ Сербскаго княжества на помощь своимъ братьямъ, подъ начальствомъ полковника Кичина. 2-го октября произошла битва между Сербами и Мадьярами подъ Кичиндой, окончившаяся счастливо для Сербовъ, вслѣдствіе чего Мадьяры заключили съ ними временное перемиріе. Въ то время, когда Шупликацъ управлялъ военными дѣлами венгерскихъ Сербовъ, патриархъ Раяиччъ завѣдывалъ дѣлами политическими, а „главный отборъ“ экономическими.

Между тѣмъ мадырскія войска одерживали верхъ надъ австрійскими на Сѣверѣ Венгріи и, ободренный тѣмъ южный корпусъ Мадьярской арміи рѣшился ударить на Сербовъ, не дожидаясь конца перемирія. Къ этому-то времени и относится нижеприводимое письмо патриарха Раяичча къ русскому генеральному консулу въ Бѣлградѣ.

*Нилъ Поповъ.*

Ваше высокородіе, милостивый государь!

От дне не день громятся непріятныя вѣсти, яже духъ мой въ край-

нее погружаютъ отчаяніе. Градъ Осѣкъ, въ которомъ повелѣваетъ Г. М. баронъ Іовичъ, по нещастію Сербинъ, воздвигль 5 сего мѣсяца Мадьярскую хоругвь и тѣмъ отверзъ путь Мадьяромъ за наше ледія. Петрова-радинскій командиръ баронъ Благоевичъ отказалъ дальнее примиреніе, которое ради собранія віноградскихъ плодовъ съ нимъ уречено было; генералъ Ротъ капитулировалъ съ 10000 воевъ и 10 комадовъ артилеріи. Банъ-Белачичъ еле спасти можетъ что отъ своея при Віеннѣ сущія арміи. Вся убо тяжесть рати пала на бѣдныя Сербі австрійскія. Въ семъ положеніи я не вижу спасенія за народъ Сербскій, за наше благочестіе.

Что мыслить о насъ великая Россія? Будетъ ли попуститъ истребленіе наше отъ лица земли? Отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы ея, мы насытились бы. Довлѣтъ ей рещи единое слово, и мы спасени есми. Почто не взяла бы насъ она во свое покровительство, егда Австрійскій императоръ тое намъ подати не можетъ, самъ помощи требуя? Лучше намъ есть, на подобіе княжества Сербіи, подъ именнымъ покровительствомъ ея, и турецкое пежели мадырское иго носить.

Сотворите благо, милостивый государь, и предложите его императорскому величеству страданія наша, бездну опасности, въ край коея стоимъ и вопли наша. Скажите ему, что мы въ крайнемъ отчаяніи обрѣтаемся, что чаемъ Бога спасающаго ны, и помощи точію отъ него и отъ Россіи надѣяться можемъ. Да повелитъ княжеству Сербскому, чтобы намъ не яко же до нынѣ, но со всею силою своею въ помощь притекло; да послетъ изъ Валахіи и изъ Бессарабіи ружіи, пушокъ, аммуниціи и денговъ; или по-

не да посредствуетъ, чтобы на основаніи нашихъ древнихъ правъ и привилегій по изреченному и всѣмъ народамъ отъ государя-императора подаренному равенству и свободамъ со Мадьярами примиріе содѣлать могли.

Сіе со слезами пишу и вопію къ благородному сердцу вашему, да не презрите моленія и вопля моего; но да будете скорый помощникъ и заступникъ нашъ въ сихъ безчисленныхъ и несчастныхъ бѣдахъ нашихъ.

Примите въ прочемъ истинное мое высокопочитаніе, имъ же навсегда есмь

Вашего высокородія низжайшій рабъ

*Иосифъ.*

Въ Земуѣ 8 октября 1848.

## ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

Читатели, познакомившіеся въ Русскомъ Архивѣ 1867 года съ Записками Дмитрія Борисовича Мертваго, со вниманіемъ и удовольствіемъ прочтутъ нижеслѣдующія дополненія къ нимъ. Дополненія эти, равно какъ и завѣщаніе, сохранились въ подлинныхъ рукописяхъ, на отдѣльныхъ листкахъ, между бумагами Д. Б. Мертваго, обязательно доставленными въ Чертковскую бібліотеку академикомъ В. П. Безобразовымъ. Въ этихъ же бумагахъ находится и большое собраніе писемъ отъ разныхъ лицъ къ Д. Б. Мертваго и къ его семейству. Извлекаемъ оттуда на первый разъ четыре письма покойнаго митрополита Московскаго Филарета, изъ коихъ послѣднее письмо писано въ самый день кончины Дмитрія Борисовича къ его супругѣ.

### I.

Доселѣ имѣлъ я одолженія, кои чувствуя признаю истинными, единственно отъ чувствъ происходящими:

Отъ *Дмитрія Ивановича Фирсова*, который, будучи подъячимъ въ Алатырѣ, принялъ матушку мою со всею семьею въ свой домъ и, претерпѣвая

многія гоненія и побои отъ воеводы Б... (1), не только что не выгналъ изъ дома, но раздѣлялъ съ нами бѣдный свой кусокъ хлѣба.

Отъ *Ивана Алферьевича Пила*(2), который, будучи бригадиромъ, пришедъ для укрощенія Пугачевскаго бунта въ Алатырь, не только что покровительствовалъ насъ, въ совершенномъ несчастіи бывшихъ, но онъ и жена его Елизавета Ивановна столь были великодушны, что какъ бы ближніе родственники старались умѣрить чрезмѣрное огорченіе матушки моей, до изступленія доходившей.

Отъ *Николая Александровича Чиркова*, который, по родству и дружбѣ матери его съ моею, взявъ меня на свое попеченіе, искуснѣйшимъ образомъ путеводительствовалъ въ молодости моей, воздержалъ отъ подлыхъ пороковъ, къ коимъ живость чувствъ дѣлала меня всегда готовымъ. Наконецъ, движимый великодушіемъ, предлагалъ мнѣ (чтобъ ѣхать лѣчиться къ водамъ) свои всѣ деньги въ такое время, когда отдачею оныхъ могъ лишиться не только всего своего имѣнія, но, можетъ быть, потерять и доброе имя: ибо въ молодости, бывъ вѣтренъ, при займѣ денегъ, закладывавая имѣніе, поступалъ неосмотрительно, число его умножая. Когда я отказался отъ такового благодѣянія, сказавъ, что лучше умереть хочу, нежели сдѣлаюсь причиною его несчастія, то онъ съ наполненными слезъ глазами мнѣ пенялъ, для чего я думаю, будто имѣніе его дороже моей дружбы. Дружба сего человѣка и совѣсть его, на истинной честности ос-

(1) Бѣлоопытова, см. Записки, стр. 20.

(2) См. Записки, стр. 31. Этотъ Пилъ, вѣнчанный для М. А. Дмитріева, былъ впоследствии Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I, 801.



нованныя, возжгли въ сердцѣ моемъ желаніе быть добрымъ судьбою и безкорыстнымъ челоѣкомъ.

Отъ *Сергія Васильевича Беклемишева*, который, по пріязни съ батюшкой мойей и родству жены его, дозволивъ мнѣ входъ въ домъ его, сдѣлался милостивъ ко мнѣ и наконецъ, отзываясь будто гожусь я восходить на степени большіе, взялъ большое о мнѣ участіе; не имѣя успѣха въ скорѣйшемъ доставленіи мнѣ офицерскаго чина въ гвардіи, приказалъ пойти въ отставку и опредѣлилъ прокуроромъ въ самыхъ молодыхъ мѣсахъ лѣтахъ. Слѣдовательно, онъ поставилъ меня на добрый путь по службѣ, а что главное; — первоначальное положилъ основаніе къ полезной амбиціи, говоря: даромъ, что я, будучи прокуроръ, ничего о должности своей не знаю и такъ молодъ, что и уса не брѣю, но увѣренъ, что оправдаю его о мнѣ мнѣніе; чѣмъ вознося душу мою, сильно поощрялъ быть не пресмыкающимся въ свѣтѣ.

Отъ *Гаврилы Романовича Державина*, который, будучи въ знатности и силѣ, принялъ меня малочиновно, ничего не значащаго и отъ начальниковъ своихъ гонимаго въ содружество себѣ; удостоивалъ довѣренности безъ всякаго испытанія, положась на единую лишь склонность души его, вступался за меня всею силою, снисходилъ для меня до униженія, искавъ угодить людямъ ему противнымъ и большой вредъ ему дѣлавшимъ для того только, чтобы, умягча ихъ покорностію своею, расположить въ мою пользу. И все что ни дѣлалъ, дѣлалъ какъ будто другъ, обязанный братъ участіе въ обстоятельствахъ ему равнаго; кажется, даже и по нынѣ не знаетъ онъ цѣны

благодѣянія мнѣ оказаннаго<sup>(3)</sup>. Благородная душа его умѣетъ сочувствовать всему и дѣлаться равною всему. Примѣчая въ разныхъ обстоятельствахъ въ продолженіи многого времени, видѣлъ я и знаю дѣйствительно, что трудно и даже невозможно унижить его и возгордить. Покойная жена его, Екатерина Яковлевна, во всемъ ему подобная, показала мнѣ удивительный примѣръ великодушія: будучи больна при смерти, безъ малодушія зная приближеніе своей кончины, начиная уже слѣпнуть, не только что не удержала своего супруга, коего любила страстно, но присовѣтовала ему поѣхать въ Сарское Село, чтобы провѣдать, какое генераль-прокуроръ получилъ донесеніе о мнѣ, по случаю замужества сестры моей съ челоѣкомъ въ большомъ несчастіи бывшимъ и предупредить важныя послѣдствія, могущія къ несчастію моему случиться. Она такъ ему сказала: — „Ты хотя не случася, но къ тебѣ имѣютъ уваженіе, ты можешь свѣдать и иступить за него, — поѣзжай, мой другъ! Богъ милостивъ! можетъ, проживу я столько, чтобы еще тебя увидѣть.“ Великодушіе по истинѣ, какому примѣра я не знаю!

Отъ *Василія Алексѣевича Злобина*, который, будучи откупщикомъ въ Уфѣ, узнавъ, что уступая притѣсненіямъ начальника и злости чиновниковъ, великія мнѣ оскорбленія дѣлавшихъ, испрося отпускъ, отправляюсь я изъ Уфы съ тѣмъ, чтобы не возвращаться къ прежней моей должности, по которой я былъ ему нуженъ, свѣдая, что начальники мои, желая преградить мнѣ всѣ пути въ Петербургъ, согласили подлыхъ людей, ко-

<sup>(3)</sup> Державинъ скончался въ іюль 1816 года.

торымъ я былъ долженъ, подать векселя мои ко взысканію, дабы за оныя посадить меня въ Петѣбургскую тюрьму, — великодушнѣйшимъ образомъ предложилъ мнѣ свои услуги, не смотря на то, что сѣмъ вооружаетъ противу себя людей, на меня злобствующихъ и въ которыхъ ему есть нужда. Къ довершенію благодаренія, чтобы не унижить меня отдачею денегъ въ руки, отъѣзжая изъ города, ничего мнѣ при прощаніи не сказавъ, прислалъ съ почтою десять тысячъ рублей, бывъ извѣстенъ, что все имѣніе мое состоитъ подъ запрещеніемъ по дѣлу меня притѣснявшему, да хотя бы и свободно было, не стоило той суммы. Наконецъ, когда по первому векселю въ срокъ деньги ему заплачены не были, а я, будучи уже въ отставкѣ, отправляясь изъ Петербурга въ деревню, имѣлъ нужду въ деньгахъ, то, свѣдавъ о томъ, прислалъ мнѣ надобные 500 рублей, приказывая, что послѣдніе посылаетъ, желая, чтобы не нуждался я и не имѣлъ крайности занимать у другихъ. Когда же пріѣхалъ я его благодарить за сіе одолженіе, то при многихъ тутъ случившихся отвѣтствовалъ, что радъ всегда все со мною раздѣлять, поставляя причиною, что не бралъ я съ него взятокъ. Но я отъ роду и ни съ кого не бралъ и, имѣя случай, дѣйствительно многимъ дѣлалъ угодное и полезное гораздо больше нежели ему, поставляя къ тому себя обязаннымъ по должности; но однакожь никто никогда не поступалъ со мной ему подобно.

## II.

1802 года 29 августа былъ я въ Калмыцкой Ордѣ<sup>(\*)</sup>. Главный приставъ,

(\*) См. Записки, стр 157

коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Страховъ показался мнѣ человѣкъ умный, съ просвѣщеніемъ; часа въ четыре хлопотливаго времени много насказалъ, какія полезныя намѣренія имѣеть, что учится по калмыцки, желая сочинить исторію о Калмыкахъ, что нашелъ уже онъ достовѣрные слѣды къ показанію происхожденія ихъ отъ Индійцевъ, причины, для коихъ и когда пришли они въ сіи степи, между Каспійскаго и Чернаго морей простирающіяся, вверху по рѣкамъ Волгѣ и Дону; о законѣ ихъ, о суевѣріяхъ, о наукахъ, художествахъ, о обычаяхъ и прочемъ; что намѣренъ, войдя болѣе въ довѣренность сего простодушнаго и по натуральной склонности добраго народа, вводитъ къ нимъ истинную науку медицины и тѣмъ, сберегая многихъ отъ преждевременной смерти, искоренять суевѣріе, духовными ихъ (кои суть и лекари) распространяемое; хочетъ начать прививаніе коревой оспы, назвавъ ее предохранительнымъ лекарствомъ, для чего и пріучилъ уже къ себѣ одну сироту, малолѣтнюю Калмычку, которая находится безотлучно при жепѣ его. (Ее зовутъ Варвара Даниловна; кажется, не была ли она актрисою Столыпина). Надъ нею вскорѣ сдѣланъ будетъ опытъ чрезъ Сарептскаго доктора. Объявля желаніе видѣть все, что есть любопытнаго въ Ордѣ, по предварительномъ сношеніи, былъ я приглашенъ къ владѣльцу Калмыцкому, именуемому намѣстникомъ. Сей, по имени Чучей, въ народномъ платьѣ, украся шею пожалованною ему отъ государя Александра Павловича медалью, брилліантами осыпанною, на голубой лентѣ, принялъ меня, вставъ съ своего дивана. Видъ его показываетъ человѣка добродушнаго и не

глупаго; разговоръ такъ же. Убранство въ кабинетѣ порядочное. Жена его сидѣла возлѣ него на постелѣ, которую и за диванъ почестъ можно. Насъ, гостей, посадилъ на мягкую лавку. На коврахъ, землю покрывающихъ, сидѣло нѣсколько Калмыкъ почетныхъ; столикъ, шелковою матеріею покрытый, уставленъ божками; множество чашечекъ серебряныхъ съ разными ѣствами изъ зеренъ предъ нихъ поставлены; шитый образъ, какъ знамя, стоитъ на древкѣ, изображаетъ владѣющее міромъ божество. Подчивалъ меня чаемъ. Ему и женѣ его подали по трубкѣ табаку; онъ, раза два курнувъ, поподчивалъ меня и какъ я, слѣдуя ихъ обыкновенію, возвратилъ ему трубку, то, такъ же курнувъ нѣсколько разъ, поподчивалъ онъ г-на Страхова. Лишь всталъ я отъ него идти, то объявилъ онъ, что, узнавъ о намѣреніи моемъ видѣть ихъ богослуженіе, приказалъ собраться духовнымъ монастыря, при немъ находящагося, въ главную церковь. Въ одной изъ кибитокъ, которая нѣсколько другихъ побольше, поставлены литые изъ серебра и позолоченные божки. Одинъ изъ нихъ, кажется, золотой, имѣетъ перевязъ чрезъ плечо, осыпанную алмазами мелкими; передъ ними много серебряныхъ чашечекъ съ зернами, для кушанья имъ поставлены. Нѣсколько образовъ шитыхъ и тканыхъ. Моленіе ихъ состоитъ въ томъ, что загремитъ безпутная музыка—двѣ длинныя трубы изъ дерева составленные, поддерживаемыя на снуркахъ особыми для того стоящими людьми; двѣ серебряныя трубы похожія на кавалерійскія; одинъ бубенъ похожій на барабанъ: въ него бьютъ кривою палочкою съ шишкою на концѣ, и тарелки мѣдныя. Дурацкія лица, благоговѣніе

изъявляющія, такой подняли громъ, что насилиу ихъ уняли. Послѣ того бываетъ чтеніе изъ духовныхъ книгъ. Возлѣ сей главной церкви есть маленькая, гдѣ образа и утварь помельче и похуже. Изъ церкви повели меня къ Ламѣ, то есть первосвященнику. Онъ сидитъ на подушкахъ подъ наметомъ съ офицерской палатки, гдѣ длинная сторона открыта. Къ нему подходятъ Калмыки съ великимъ почтеніемъ; издали начинаютъ поклоненіе; онъ почитается ученѣйшимъ и святымъ; человекъ толстый, хочетъ казаться Европеемъ, безпрестанно поплеываетъ; что ни говоритъ—все вздоръ; посадилъ насъ на подушки, подлѣ него на землѣ положенныя. Монастырь состоитъ числомъ около 400 человекъ; они имѣютъ во владѣніи своемъ нѣсколько кибитокъ Калмыкъ, дань имъ платящихъ, а сверхъ того за леченіе, ворожбу, жертвоприношенія и прочія нелѣпости собираютъ много съ суевѣрныхъ Калмыковъ. Духовные живутъ изобильно, всѣ нарядны и, сказываютъ, часто напиваются до пьяна; женъ не имѣютъ, но, пользуясь довѣренностію Калмыковъ, не довѣряющихъ женъ своихъ никому кромѣ духовныхъ, кое-какъ довольствуются. Чужей имѣетъ дохода деньгами болѣе 200,000 руб.; не только чтобы деньги у него оставались, не можетъ онъ выбиться изъ долговъ. Саркинцы и придворные его Калмыки умѣютъ содержать экономію его въ порядкѣ, чему также вспомошествуютъ и приставы, при немъ находящіяся.

Удивительное дѣло, — и въ степи у Калмыковъ, гдѣ бѣдность во всей суровости представляется, гдѣ люди питаются падалю, малолѣтныя дѣти ходятъ совсѣмъ нагія, жилища ихъ—войлочные кибитки по большей ча-

сти худыя, все что сдѣлается хорошаго продается и все идетъ на подати владѣльцу и на дары божествамъ съ причетниками. Гдѣ по знойнымъ степямъ нѣтъ убѣжища, гдѣ нѣтъ почти воды, чтобъ утолить жажду — солончаки и соленоватая мочажины суть источники Калмыкъ прохлаждающіе, но и тутъ есть дворъ. Владѣлецъ на кого прогнѣвается, на кого посмотреть или побранить, то всѣ отворачиваются отъ него: никто съ нимъ ни въ какое обязательство не входитъ, и онъ, доколѣ возвратитъ къ себѣ милость его, остается изгнанникомъ среди людей <sup>(5)</sup>.

Калмыковъ, дѣйствительно, почитать можно пастухами, Россійскія стада стерегущими. Всѣ избытки урождающагося у нихъ скота они продаютъ. Куря много табаку, нѣсколько попивая вина, не имѣютъ нисколько денегъ: все идетъ на подати владѣльцу, на дары причетникамъ божества, отъ коихъ также всѣ деньги выманиваются. Умные Гернгутеры за тѣмъ-то видно и избрали себѣ для колоній мѣсто къ нимъ поближе, чтобы воображать и не по напрасну, что переселились они въ Индію; все богатство ихъ имѣетъ корень въ торговлѣ съ Калмыками. Калмыки, слѣпо поработанные суевѣрію, полагая въ каждой скотинѣ быть душѣ какаго ни есть изъ родственниковъ ихъ, боятся рѣзать для своего прокормленія, развѣ для принесенія на жертву, но и то бываетъ не часто, слѣдовательно весь скотъ ихъ имъ не принадлежитъ. Занимаемая ими земля ни на что кромѣ скотоводства не годится. Удивительное дѣло, что стѣснили ихъ поселеніями Русскихъ и Татаръ, кои

нищенствуютъ на безводныхъ здѣшнихъ солончакахъ.

Сколько примѣтитъ и слышать могъ,—Калмыки дерзки своровать то, что могутъ съѣсть, трусливы, гдѣ хоть малое сопротивленіе встрѣтитъ дають, раболѣпны и потому вѣрны; легко перенимають, но ничего выдумать не умѣютъ; слѣпо вѣрятъ всѣмъ нелѣпостямъ ихъ духовныхъ, кои такъ же глупы, какъ и они, но думаютъ о себѣ, будто много знаютъ и сдѣлать могутъ; словомъ, если качество Калмыка счислять вѣсомъ, то три пуда скотства, тридцать фунтовъ звѣрства и десять человѣчества найдется. Г-нъ Страховъ, надуваясь деньгами, отъ глупости ихъ получаемами, хочетъ распыжить достоинства ихъ, но, кажется, лишь вздуется карманъ его, а они всегда останутся такъ какъ есть до нынѣ и какъ полезны они въ общемъ составѣ общества.

### III.

#### На случай печальной смерти завѣщаніе мое.

Божуся предъ всѣми Богомъ, Коего чаю увидѣть, что во всю мою жизнь не присвоивалъ я себѣ никогда ничего, ни казеннаго, ни пратиккулярныхъ людей не только дѣломъ, ниже помышленіемъ.

Желаніе, возвышаяся по службѣ, искать доброй славы и любострастіе совращали часто добрую мою волю съ пути, совѣстію указуемаго. Виновъ въ томъ и страшусь за сіе гнѣва Божія.

Жену мою Барвару Марковну благодарю за любовь ея ко мнѣ и уваженіе. Прошу ее и заклинаю именемъ любви, чтобы умѣряла чувства

<sup>(5)</sup> Какъ отзывается въ этихъ словахъ тогдашнее личное положеніе автора!

огорченія. Я надѣюсь, что поведеніе ея удобрить корень моей славы, а попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей оставитъ имя мое на долго въ памяти у людей. Чтобы хорошо воспитывать дочерей, надлежитъ матери такъ учреждать свой поступокъ, чтобы всякое ея дѣйствіе служило имъ урокомъ.

Не ученія наукъ, коими украшаются, или, лучше назвать, блестятъ люди, желаю я дѣтямъ моимъ, но чтобы воспитывались они въ страхъ Божіи, любви отечества и усердной привязанности къ ближнимъ. Сіе сдѣлаетъ ихъ честными и, слѣдовательно, полезными людьми. Нужно научиться тому, что способствуетъ быть годнымъ къ дѣлу каждому по состоянію своему.

Дѣтей моихъ благословляю и умоляю не потемнить доброй славы имени моего, для коей во всю мою жизнь переносилъ я все, что человѣчество сносить можетъ.

Сыновей прошу быть прилежными, учиться полезнымъ наукамъ и отнюдь не прилежать къ тѣмъ, которыя служатъ въ забавѣ только и праздности, ибо онѣ рановременно человѣка дѣлаютъ надобнымъ въ обществѣ бесполезныхъ людей и отвратятъ отъ добраго пути, который при началѣ всегда жестокъ и непріятенъ тѣлеснымъ чувствамъ кажется, но впоследствии, услаждая душу, возвышаетъ ее и даетъ великія преимущества человѣку, почувствующему истинное свое достоинство, никакому силую униженнымъ быть не могущее.

Возмужая, когда вступите въ службу отечеству, совѣтую быть прилежными и въ точности исполнять начальническія приказанія, разумѣется тѣ, кои относятся къ должности.

Нужно непременно стараться уда-

ляться отъ персональнаго знакомства съ начальниками, а наипаче фамиліарства, потому что сіе наконецъ всегда бываетъ для доброй славы подчиненнаго вредно. Хорошо достигать до того, чтобы начальники считали нужными ихъ дѣлами по службѣ. Если случится быть въ командѣ начальника умнаго и честнаго, то надлежитъ беречь его какъ лучъ, посланный отъ Бога. Когда же обстоятельства приведутъ быть въ командѣ начальника злаго, вѣроломнаго, а паче всего корыстолюбиваго, то старайтесъ, хотя бы съ потерю выгодъ, удалиться: ибо злу содѣйствовать грѣшно и опасно, противустоятъ подчиненный не можетъ имѣть силы, а доносить на кого бы то ни было—посрамительно для честнаго человѣка.

Когда угодно будетъ Богу и властямъ, отъ Него установленнымъ, возвести на степень вышнюю, старайся быть хорошимъ столько, сколько придумать можешь и дѣлай точно такъ, какъ думаешь и говоришь. Знай навѣрно, что всякое притворство рано или поздно откроется и посрамить лжеца болѣе, нежели бы посрамленъ онъ быть могъ, являясь въ порокахъ имъ владѣющихъ. Людская зависть и любопытство откроетъ непремѣнно истину и покажетъ прикрываемые пороки въ увеличенномъ видѣ. Когда хочешь наслаждаться довѣренностію и добрымъ мнѣніемъ людей, будь таковъ, какимъ казаться хочешь.

Отличіе женщинъ состоитъ въ Евангельскихъ добродѣтеляхъ. Кротость, снисхожденіе не только къ слабостямъ, но даже и къ порокамъ людей, скромность и строгое поведеніе сначала скучны и горьковаты, но послѣ совершенія полезны и сладостны для самихъ тѣхъ, кои практи-

кують сіи добродѣтели. Искренно совѣтую дочерямъ моимъ быть такими.

Когда выйдете за мужъ, то должны будете войти во всѣ обстоятельства и состояніе вашего мужа, и такъ учредить чувства свои и поступки, чтобы быть его помощницею въ трудахъ и утѣшительницею во время скорби. Почитайте мужей вашихъ, ибо почтеніе ваше и прославленіе его служатъ великими способами къ его чести и доброй славі. Внушайте мужу любовь къ добродѣтели и для того ищите, а найдя берегите ему друзей, избирая, сколь возможно, изъ людей честнѣйшихъ и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Однимъ словомъ, доставляйте мужу покой и счастье, имѣя въ предметъ сію истину: мужъ всегда украшается и славится доброю женою; и жена, почитающая мужа, непремѣнно въ почтеніи у всѣхъ будетъ.

Сыновей и дочерей моихъ прошу стараться всевозможно быть въ дружествѣ съ дѣтьми брата моего, отнюдь не полагать въ цѣну имѣніе, коего у меня мало, но хотя бы и велико было, не стоило бы дружества.

Оставляю я много написаннаго о происшествіяхъ со мною и разсужденій, какія въ праздныя времена мнѣ въ мысль приходили. Лесть и самохвальство не могли тутъ имѣть мѣста, ибо оное никому не показываю. Сіи бумаги познакомятъ меня съ милыми мнѣ дѣтьми моими, если случится мнѣ оставить ихъ въ младенчествѣ.

Молю Всевышняго Бога, да благословитъ дѣтей моихъ быть добрыми людьми, и честь да одушевляетъ мое семейство.

Въ заключеніе совѣтую сохранять спокойствіе совѣсти. Увѣряю, что сіе

единое есть средство быть счастливымъ въ семъ мірѣ. Никогда не радѣть о приумноженіи богатства: оно скоро приучаетъ человѣческія чувства къ признанію его ничтожества, ведетъ къ развращенію, притупляетъ стремленіе къ доброй славі и челоувѣколюбію и потому распространяетъ мѣсто раскаянію, досадѣ на людей завидующихъ и боязни потерять. Я всегда былъ бѣденъ, много нуждался, но всегда строго наблюдалъ за чистотою моего поведенія. Много насмотрѣлся на несчастія разбогатѣвшихъ безчестными прибытками людей, видѣлъ ихъ страданія, видѣлъ многихъ кланяющихся мнѣ, бѣдному. Что въ томъ, что претерпѣвалъ много недостатковъ! Но за то спалъ спокойно, и въ самыя дурныя времена не страшился злобы сильныхъ людей, порочныхъ, вредитъ мнѣ старавшихся.

Прощайте, милые друзья мои—остатокъ тѣла моего и души въ семъ мірѣ! Да благословитъ Богъ и соизволитъ, чтобы съ радостію встрѣтились мы въ будущей жизни и чтобы не могъ я попенять вамъ за неисполненіе моего завѣщанія.

Дмитрій Мертваго.

12 Апрѣля, 1813 года.

Писано въ селѣ Демьяновѣ, въ день страстныхъ субботы.

Тоже подтверждаю 25 марта 1820, приобщась св. Тайнъ въ четвергъ страстной недѣли.

**ПИСЬМА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕН-  
НЬЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПО-  
ЛИТА МОСКОВСКАГО.**

1. Къ А. А. Полторацкой, тещъ Д. Б. Мерт-  
ваго (\*).

Ваше превосходительство!

Милостивая государыня!

Для меня не трудное было дѣло освященіе Старицкаго собора: трудное было дѣло для вашего превосходительства созиданіе сего храма и многія долговременныя заботы, случайно съ симъ дѣломъ соединившіяся. И потому вамъ принадлежитъ благодарность за сіе дѣло; о васъ будутъ молитвы Церкви въ семъ храмѣ. Вы радуется совершенію сего дѣла, и имѣете право радоваться: я, по служенію моему, имѣю долгъ благодарить за сіе; и то, что вы называете посѣщеніемъ болящей, было одно изъ выраженій сей благодарности; почему и въ семъ случаѣ я исполнилъ долгъ, а ни мало не одолжилъ, и еще обязанъ благодарностию за добрый пріемъ.

Что сказать о пріятныхъ надеждахъ, которыя ваше превосходительство подаете благодѣтельными расположеніями вашими къ церкви села Коледина и къ Новоторжскому духовному училищу? Я сказалъ уже вашему превосходительству, что, послѣ того, какъ Господь благословилъ васъ совершеніемъ многихъ богоугодныхъ и благодѣтельныхъ дѣлъ, не нужно связывать себя строгостию объѣта, но лучше просто помышлять о исполненіи добраго желанія въ упованіи на помощь и въ преданности

(\*) Объ Агавоклеѣ Александровѣ Полторацкой см. IV-ю главу Записокъ Мертваго, стр. 164—189, 297 и въ особености 312. Она между прочимъ построила церковь въ одномъ изъ Тверскихъ монастырей, стр. 299.

волѣ Вышняго. Съ моей стороны, елико могу, молю Его благодать, чтобы Онъ благодѣтельныя расположенія ваши велъ въ пути святаго Своего Промысла. О священникѣ вашемъ раннею благодарностию не извольте приводить меня въ замѣшательство: я обѣщалъ изъяснить ему вниманіе начальства, но въ порядкѣ, и такъ, чтобы то было справедливое отличіе, а не случайное или пристрастное дѣйствіе. До сего времени обстоятельство не позволили мнѣ сего такимъ образомъ сдѣлать; на вѣсахъ у меня лежитъ много, многое складывается и накладывается вновь, не всегда скоро открывается, что болѣе тянетъ.

Записка, приложенная при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства, будетъ меня руководствовать, когда я буду въ монастырѣ; не знаю, скоро ли быть успѣю. Изъ Торжка опоздалъ, спѣшу въ Лавру; здѣсь задавленъ дѣлами; время, которое употребляю для сего письма, есть родъ кражи, которую стараюсь оправдывать только справедливостию побужденія.

Отъ всея крѣпости желанія желаю вашему превосходительству мирныхъ дней и преспѣянія во всемъ богоугодномъ; не столько славы человѣческой, которая, естли обманываетъ надежду, огорчаетъ, а если и исполняетъ надежду, только обольщаетъ, а не насыщаетъ: но болѣе, болѣе, болѣе чаянія славы Божіей, которая одна достойна чистаго стремленія высокоаго духа человѣческаго; менѣе изысканныхъ предпріятій, болѣе благословенія въ ихъ исполненіи.

Благословеніе Божіе да будетъ на васъ, да исходитъ изъ сердца вашего, да дѣйствуетъ чрезъ васъ, да распространяется окрестъ васъ, да будетъ твердо въ крѣпкихъ, да про-

цвѣтаеть въ юнѣйшихъ потомства  
вашего. Слава Божія въ храмахъ,  
вами воздвигнутыхъ; миръ въ хижи-  
нахъ, вами покрываемыхъ<sup>(7)</sup>! Съ сими  
искренними чувствованіями есмь и  
долгомъ поставляю пребыть съ глу-  
бокимъ почтеніемъ, милостивая го-  
сударыня! Вашего превосходитель-  
ства покорнѣйшій слуга и богомолецъ  
Филареть А. Тверскій.

Тверь.  
Юля 15. 1820.

## 2. Къ ней же<sup>(8)</sup>.

Ваше превосходительство,  
Милостивая государыня!

Начатое въ домѣ вашемъ, а по слу-  
чаю пребыванія моего въ Москвѣ воз-  
обновленное знакомство съ нѣкото-  
рыми родными вашего превосходитель-  
ства, дало мнѣ случай узнать о  
увеличившейся слабости вашего здра-  
вья, и я узналъ сіе съ искреннимъ  
участіемъ. Нынѣ, узнавъ по тому же  
случаю, что и вы, милостивая госу-  
дарыня, имѣли нѣкоторое обо мнѣ во-  
споминаніе, поспѣшаю просить васъ,  
чтобы изъ сего воспоминанія не из-  
влекали вы для себя никакого безпо-  
койства. Естьли нѣкогда нѣчто писалъ  
я вашему превосходительству по по-  
нятію и чувству, какое имѣлъ въ из-  
вѣстныхъ обстоятельствахъ; то пи-  
салъ изъ желанія способствовать нѣ-  
которому благу, а не для того, что-  
бы послѣ мыслить о комъ либо зло.  
Естьли слова мои вмѣсто того, чтобы  
представить вамъ нѣкоторую полез-  
ную мысль, принесли вамъ огорченіе:  
искренно прошу простить меня въ  
нанесеніи вамъ безпокойства. Естьли  
же вы вините себя въ томъ, что огор-

чились моими словами, искренно про-  
щаю сіе, и молю всемъ сердцемъ Го-  
спода и Спасителя нашего, чтобы Онъ  
простилъ вамъ всякую мысль, или  
слово, или дѣйствіе, которыхъ воспо-  
минаніе можетъ нарушить миръ ду-  
ши вашей, и не оставилъ подкрѣп-  
лять вѣру вашу къ совершенному  
принятію отъ Него сего прощенія.  
Поручайте Ему себя и все, что васъ  
можетъ озабочивать. Принимайте съ  
терпѣніемъ и естьли можно, и съ бла-  
годарностію, въ болѣзни тѣла врачев-  
ство души, какъ поступалъ нѣкій,  
который написалъ: *Скорбь и болѣзнь  
обрѣтохъ, и имя Господне призвахъ.  
Смирися, и спасе мя.* Псал. СХІV.  
Имя Господне да принесетъ вамъ  
утѣшеніе, и силу, и жизнь.

Съ сими чувствованіями и желані-  
емъ, при истинномъ почтеніи, есмь по-  
корнѣйшій слуга и богомолецъ Фила-  
реть Архіепископъ Московскій.

Москва.  
Апрѣли 23. 1822 года.

## 3. Къ Д. Б. Мертваго.

Ваше превосходительство,  
Милостивый государь!

Съ симъ представится вашему пре-  
восходительству новокрещенный, о  
которомъ я представлялъ вамъ сло-  
весно. Дѣло благодѣлителя сотворите,  
естьли дадите ему наставленіе, куда  
и какъ ему себя пристроить. А меня  
простите, что, не умѣя самъ, думаю  
дѣло дѣлать чужими руками.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совер-  
шенною преданностію быть долгъ  
имѣю вашего превосходительства ми-  
лостиваго государя покорнѣйшій слу-  
га и богомолецъ Филареть А. Мо-  
сковскій.

Апр. 28. 1822

<sup>(7)</sup> Выраженіе знаменательное!

<sup>(8)</sup> Содержаніе этого письма намъ непонятно. Оно со-  
хранилось не въ подлинникѣ, а въ современномъ спискѣ.



### 3. Къ Варварѣ Марковѣ Мертнаго, по кончинѣ ея супруга.

Искреннимъ сердцемъ раздѣляю потерю вашего превосходительства и дѣтей вашихъ, и сверхъ того потерю многихъ добрыхъ, и потерю отечества. Жалѣю, что небольшая немощь держитъ однако меня связаннымъ. Не скажу: не скорбите; сіе требованіе было бы слишкомъ велико на сіе время. По крайней мѣрѣ, не предавайтесь скорби; приносите ее предъ Бога, Отца сирыхъ и Судію вдовиць; отдайте Ему въ послушаніи то, что Онъ благоволилъ взять; берегите то, что Онъ оставляетъ вамъ беречь, то есть дѣтей и себя для нихъ.

Покойный много служилъ правдѣ и добру для другихъ: Богъ праведный и благій не оставитъ сущихъ его. Онъ уповалъ на Бога и повиновался Его провидѣнію: подражайте ему въ семь, и споспѣшествуйте миру души его молитвою мирною души вашей. Богъ щедротъ и Отець всякаго утѣшенія да будетъ первымъ утѣшеніемъ вашимъ и вашихъ. Какъ могу, призываю милость Его на васъ.

Вашего превосходительства усердный богомолецъ Филаретъ А. Московскій.

Іюня 23. 1824.

### ЗАМѢТКИ НА ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА.

Съ нѣкотораго времени въ нашей литературѣ часто появляются разныя статьи, въ которыхъ толкуется вкривь и вкосъ о частной жизни историческихъ и всякихъ личностей; приводятся о нихъ анекдоты безъ малѣйшей критической повѣрки и не имѣющіе никакого значенія; произносятся голословные, обидные приговоры ихъ нравственности, и вооб-

ще изыскиваются и натягиваются всякаго рода скандальные рассказы, какъ заманчивое средство для многихъ читателей. Такія явленія особенно прискорбны, когда они встрѣчаются въ книгахъ или журналахъ серьезныхъ, посвященныхъ ученымъ, историческимъ предметамъ и издающихся людьми, извѣстными трудами своими на поприщѣ науки и литературы. — Въ 3-мъ томѣ Вѣстника Европы за нынѣшній 1867 г. помѣщены между прочимъ двѣ главы изъ Воспоминаній В. И. Панаева, которыя только что теперь имѣлъ я случай прочитать. В. И. Панаевъ былъ долгое время директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора, и, какъ писатель первой четверти нынѣшняго столѣтія, извѣстенъ особенно сочиненіемъ Идиллій въ подражаніе Геснеру. Воспоминанія его имѣютъ характеръ авто-біографіи. Онъ подробно описываетъ, какъ слѣдуетъ, невинныя лѣта дѣтства своего и отрочества, семейный кругъ, патриархальныя добродѣтели домашнихъ, красоты сельской природы и съ особеннымъ наслажденіемъ распространяется о первыхъ впечатлѣніяхъ нѣжнаго сердца своего, произведенныхъ прекраснымъ поломъ, о наклонностяхъ и вкусахъ своихъ, вообще о себѣ самомъ: мы узнаемъ даже, что онъ особенно любилъ *блан-мажэ*. Вторая глава содержитъ въ себѣ пребываніе В. И. Панаева въ Казанскомъ университетѣ, а потомъ пріѣздъ его въ Петербургъ, вступленіе въ службу и авторскіе успѣхи. Онъ рассказываетъ о знакомствѣ своемъ съ Державинымъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности внѣшней обстановки его жизни; говоритъ, что познакомился также съ тогдашними литераторами всѣхъ партій и, перечисливъ ихъ отъ Карамзина до Булгарина, продолжаетъ такъ: «Литературное партизанство еще усилилось съ появленіемъ лиценстовъ, къ которымъ примкнули другіе молодые люди, сверстники ихъ по лѣтамъ. Они были (оставя въ сторонѣ гениальнаго Пушкина) по большей части люди съ даро-

ваніями, но и съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣ войти въ кругъ писателей, поравняться съ ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчасъ сталъ на ряду съ своими предшественниками, окружили они нѣкоторыхъ литературныхъ корифеевъ, льстили имъ; а тѣ, съ своей стороны, за это ласкали ихъ, баловали. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ: Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій старались войти со мною въ короткія отношенія: мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ, пристрастіе и *не очень похвальное изъ поведеніи*..... я даже не заплатилъ имъ визита. Они на меня прогнѣвались, и очень ко мнѣ не благоволили. Впослѣдствіи они прогнѣвались на меня еще болѣе, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой опрометчивой женщинѣ — съ ними знакомиться“. Изъ Воспоминаній В. И. Панаева не видно, въ чемъ проявился этотъ гнѣвъ на него литераторовъ-лицеистовъ и ихъ сверстниковъ, точно также какъ не видно, въ чемъ состояло ихъ непохвальное поведеніе и что надобно разумѣть подъ этимъ канцелярскимъ выраженіемъ. Какъ же печатать такъ неосмотрительно подобный отзывъ, ничѣмъ не подтвержденный, о людяхъ, которыхъ безукоризненная жизнь памятна еще многимъ современникамъ, которые пользовались общимъ уваженіемъ и къ тому-же извѣстны своими прекрасными поэтическими произведеніями? Со стороны г. Панаева этотъ отзывъ понятенъ. Въ немъ высказываются надменность и завистливое самолюбіе писателя въ соединеніи, какъ увидимъ далѣе, съ соперничествомъ въ волокитствѣ. Весьма естественно было молодымъ литераторамъ того времени окружать Пушкина; но лицеистамъ не было надобности хвататься за него и льстить. Онъ былъ друженъ съ нами на школьной скамьѣ, горячо любилъ ихъ какъ избранныхъ товарищей юности, а поэзія скрывала еще болѣе эти

узы. Замѣчательный, самобытный талантъ Баратынскаго онъ тотчасъ оцѣнилъ, и сблизился съ нимъ. Эти молодые люди пролагали вмѣстѣ съ Пушкинымъ новые пути въ области нашей поэзіи, освѣжали ея и скоро стали въ ряды писателей, привлекавшихъ читающую публику, которой надоѣдали торжественныя оды и приторно-сентиментальные сочинители. — Теперь обратимся къ опрометчивой молодой женщинѣ, о которой упомянулъ г. Панаевъ. Онъ очень занимательно описываетъ сношенія свои съ нею слѣдующими словами: “Это была та самая, со множествомъ странностей и проказъ, но очаровательная Софья Дмитриевна Пономарева, которую воспоминалъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ, влюбленный въ нее по уши. Да и не мудрено: всякій, кто только зналъ ее, былъ къ ней неравнодушенъ болѣе или менѣе. Въ ней, съ добротою сердца и веселымъ характеромъ, соединилась бездна самага милаго, природнаго кокетства, перемѣшаннаго съ какимъ-то ей только свойственнымъ дѣтскимъ проказничествомъ. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла въ немъ держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодыхъ, блестящихъ людей и литераторовъ; послѣднихъ болѣе изъ тщеславіи. Меня ввелъ къ ней, но ея настоянію, Измайловъ — на свою бѣду. Она тотчасъ обратила на меня побѣдоносное свое вниманіе, но скоро и сама *спустила флагъ*: предпочла меня всѣмъ, даже тремъ, окружавшимъ ее, извѣстнымъ тогдашнимъ красавцамъ: флигель-адъютанту Анрепу, преображенскому капитану Поджіо и сыну португальскаго генеральнаго консула Лопецу. Они должны были удалиться. Я остался ближайшимъ къ ней изъ прочихъ ея обожателей; и вполне дорожилъ счастливымъ своимъ положеніемъ. Я очень любилъ ее, любилъ нѣжно, съ заботливостью мужа или отца (*ей было только 22 года, а мнѣ уже 29 лѣтъ*), остерегалъ, удерживалъ ее отъ излишнихъ шалостей, совѣтовалъ,

какъ и съ кѣмъ должна она держать себя, потому что не всякій могъ оцѣнить ея довѣрчивость, ея милыя дѣтскія дурачества; надѣялся во многомъ ее исправить, требовалъ, чтобы она была внимательнѣе къ мужу, почтительнѣе къ отцу своему, человѣку достойному и умному. Дѣло шло недурно; она во многомъ слушалась меня, въ иномъ нѣтъ; нерѣдко прерывала наставленія и выговоры мои, то выраженіемъ ребяческой досады, впрочемъ мимолетной, то смѣхомъ, прыжками вокругъ меня, или *поцѣлуетъ, зажмуривъ однако узенькіе свои глазки*. Но вдругъ втерся въ домъ ихъ, чрезъ Александра же Ефимовича, тоже литераторъ, Яковлевъ и пр. Тутъ дѣло испортилось. Г. Яковлевъ познакомилъ съ Софьей Дмитріевной пріятелей своихъ Дельвига, Кюхельбекера и Баратынскаго. В. И. Панаевъ вознегодовалъ и покинулъ ее. Болѣе не выписываю. Во мнѣ нѣтъ духа повторить словъ г. Панаева объ исключеніи Баратынскаго изъ пажескаго корпуса. Дѣйствительно, Баратынскій и одинъ изъ товарищей его пажъ X, были исключены изъ корпуса съ запрещеніемъ опредѣлять ихъ въ службу. Увлеченный къ участию въ поступкѣ этого товарища, участію, котораго значенія Баратынскій не сознавалъ въ чадѣ раздраженнаго ребяческаго ображенія, онъ подвергся вмѣстѣ съ нимъ строгому наказанію. Онъ былъ тогда 14-и лѣтнимъ шалуномъ, и вся послѣдующая жизнь его доказала, что сердце его не было причастно сему минутному нравственному омраченію. Несчастіе, столь рано постигшее Баратынскаго, наложило на его характеръ ту глубокую задумчивость и грусть, которыми такъ искренно проникнуты всѣ его произведенія. Онъ всячески старался заставить забыть тяготѣвшій на немъ роковой приговоръ; и наконецъ рѣшился вступить солдатомъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, а весною 1825 г. въ

офицеры. Люди почтенные и вліятельные, князь А. Н. Голицынъ, В. А. Жуковскій, графъ А. А. Закревскій, принимали участіе въ судьбѣ его и ходатайствовали за него. Начальники его и товарищи по службѣ любили его и почитали. Онъ пользовался дружбою князя Виземскаго, Пушкина, Плетнева, Хомякова, и мн. др. Человѣкъ такой строгой правдивости и честности, какъ Л. Н. Энгельгардтъ, не задумался отдать ему руку дочери своей. Въ обществѣ, въ частной, семейной жизни, онъ пріобрѣлъ уваженіе, сочувствіе, возбудилъ горячія привязанности и оставилъ по себѣ честное имя. Многіе современники, изъ большаго числа знавшихъ его, могутъ подтвердить свидѣтельство мое въ этомъ отношеніи. Высокій талантъ его признанъ неоспоримо, и поэзія его, столь неподдѣльная, носитъ живой отпечатокъ прекрасной, благородной души. Грубое и жестокое о немъ выраженіе В. И. Панаева отзывается злобою и местию раздраженнаго любовника и чваннаго стихотворца. Нескромное же хвастовство, съ которымъ авторъ воспоминаній излагаетъ отношенія свои къ С. Д. Пономаревой, конечно болѣе вредитъ ея доброму имени, нежели знакомство ея съ молодыми литераторами, отъ которыхъ онъ старался удалить ее. Во всякомъ случаѣ, личное мнѣніе г. Панаева, особенно подъ вліяніемъ — употребимъ его выраженіе — *не очень похвальныя* чувствъ, не можетъ имѣть вѣса и повредить памяти Баратынскаго, Дельвига и другихъ.

### Н. Путьга.

25-го октября 1867 г.  
Село Мураново.

\*

Многоуважаемый авторъ этой замѣтки (\*) — другъ и современникъ покойнаго Е. А. Баратынскаго. Но и мы, принадлежащіе къ младшему по возрасту по-

(\*) Она доставлена къ намъ въ исходѣ прошедшаго ноября мѣсяца

колѣнью и ничѣмъ лично не связанныя съ Е. А. Баратынскимъ, кромѣ признательности за высокія художественныя наслажденія, доставляемыя его поэтическимъ творчествомъ, и мы приведены были въ негодованіе неприличною, вполне эгоистическою выходкою Панаева. Камень, столь грубо брошенный въ прекрасную личность Баратынскаго, не достигъ цѣли: имя Баратынскаго навсегда остается любезно всякому, кто дорожитъ успѣхами Русскаго ума и Русской словесности. Читатели Русскаго Архива знакомы съ Баратынскимъ по его письмамъ и статьѣ о немъ М. Н. Лонгинова, напечатаннымъ у насъ въ Р. Арх. 1867 года. Ребяческій проступокъ его отчасти разсказанъ въ книгѣ Кенига *Literarische Bilder aus Russland*, Stuttgart. 1837, стр. 154 и 155 и въ русскомъ переводѣ его, Спб. 1862, стр. 114—116. Впрочемъ дѣло всего лучше разъясняется нижеслѣдующими, доставленными къ намъ письмами, которыя мы рѣшились напечатать для отстраненія всякихъ дальнѣйшихъ толковъ. *П. Б.*

### ПИСЬМО Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Вы налагаете на меня странную обязанность, почтенный Василій Андреевичъ; сказалъ бы трудную, ежели бы зналъ васъ менѣе. Требуя отъ меня повѣсти безпутной моей жизни, я увѣренъ, что вы приготовились слушать ее съ тѣмъ снисхожденіемъ, на которое, можетъ быть, дать мнѣ право самая готовность моя къ исповѣди, довольно для меня невыгодной.

Въ судьбѣ моей всегда было что-то особенно несчастное, и это служить главнымъ и общимъ моимъ оправданіемъ: все содѣйствовало къ уничтоженію хорошихъ моихъ свойствъ и къ развитію злоупотребительныхъ. Любопытно сцѣпленіе происшествій и впечатлѣній, сдѣлавшихъ меня, право,

изъ очень добраго мальчика почти совершеннымъ негодяемъ.

12 лѣтъ вступилъ я въ Пажескій корпусъ, живо помня послѣднія слезы моей матери и послѣднія ея наставленія, твердо намѣренный свято исполнять ихъ и, какъ говорится въ дѣтскомъ училищѣ, служить примѣромъ прилежанія и добраго поведенія.

Начальникомъ моего отдѣленія былъ тогда нѣкто Кр—вичъ (онъ теперь уже покойникъ, чѣмъ на бѣду мою еще не былъ въ то время) человѣкъ во всемъ ограниченный, кромѣ въ страсти своей къ вину. Онъ не полюбилъ меня съ перваго взгляда, и съ перваго дня вступленія моего въ корпусъ уже обращался со мною какъ съ записнымъ шалуномъ. Ласковый съ другими дѣтьми, онъ былъ особенно грубъ со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дѣти самолюбивы не менѣе взрослыхъ; обиженное самолюбіе требуетъ мщенія, и я рѣшился отместить ему. Большими каллиграфическими буквами (у насъ былъ порядочный учитель каллиграфіи) написалъ я на доскутѣ бумаги слово *тыящи* и прилѣпилъ его къ широкой спинѣ моего непріятеля. Къ несчастію нѣкоторые изъ моихъ товарищей видѣли мою шалость и, какъ по нашему говорится, на меня доказали. Я просидѣлъ три дня подъ арестомъ, сердясь на самаго себя и проклиная Кр—вича.

Первая моя шалость не сдѣлала меня шалуномъ въ самомъ дѣлѣ, но я былъ уже негодяемъ въ мнѣніи моихъ начальниковъ. Я получалъ отъ нихъ безпрестанныя и часто несправедливыя оскорбленія; вмѣсто того, чтобы дать мнѣ всѣ способы снова приобрести ихъ доброе расположеніе, они непреклонною своею суровостію

отняли у меня надежду и желаніе когда нибудь ихъ умилоствитъ.

Между тѣмъ сердце мое влекло къ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, бывшихъ не на лучшемъ счету у начальства; но оно влекло меня къ нимъ не потому, что они были шалунами, но потому, что я въ нихъ чувствовалъ (здѣсь нельзя сказать замѣчалъ) лучшія душевныя качества, нежели въ другихъ. Вы знаете, что рѣзвые мальчики не потому дерутся между собою, не потому дразнятъ своихъ учителей и гувернеровъ, что имъ хочется быть безъ обѣда, но потому, что обладаютъ большею живостію нрава, болѣшимъ безпокойствомъ воображенія, вообще болѣшею пылкостью чувствъ, нежели другія дѣти. Слѣдовательно я не былъ еще извергомъ, когда подружился съ тѣми изъ моихъ сверстниковъ, которые сходны были со мною свойствами; но начальники мои глядѣли на это иначе. Я не сдѣлалъ еще ни одной особенной шалости, а черезъ годъ по вступленіи моемъ въ корпусъ, они почитали меня почти чудовищемъ.

Что скажу вамъ? Я теперь еще живо помню ту минуту, когда, расхаживая взадъ и впередъ по нашей рекреационной залѣ, я сказалъ самъ себѣ: буду же я шуномъ въ самомъ дѣлѣ! Мысль не смотрѣть ни на что, свергнуть съ себя всякое принужденіе, меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу; мнѣ казалось, что я приобрѣлъ новое существованіе.

Я пронущу второй годъ корпусной моей жизни: онъ не содержитъ въ себѣ ничего замѣчательнаго; но долженъ говорить о третьемъ, заключающемъ въ себѣ извѣстную вамъ развязку. Мы имѣли обыкновеніе, послѣ каждаго годоваго экзамена, нѣсколь-

ко недѣль ничего не дѣлать— право, которое мы приобрѣли незнаю какимъ образомъ. Въ это время тѣ изъ насъ, которые имѣли у себя деньги, брали изъ грязной лавки Ступина, находящейся подлѣ самаго корпуса, книги для чтенія и какія книги! Глоріозо, Ринальдо Ринальдони, разбойники во всѣхъ возможныхъ лѣсахъ и подземельяхъ! И я, по несчастію, былъ изъ усерднѣйшихъ читателей! О еслибъ покойная нянька Донъ Кишота была моею нянькою! Съ какою бы рѣшительностію она бросила въ печь весь этотъ разбойничій вздоръ, стоящій рыцарскаго вздора, отъ котораго охладѣлъ несчастный ея хозяинъ! Книги, про которыя я говорилъ, и въ особенности Шиллеровъ Карлъ Мооръ, разгорячили мое воображеніе; разбойничья жизнь казалась для меня завиднѣйшею въ свѣтѣ, и природно-безпокойный и предприимчивый, я задумалъ составить общество мстителей, имѣющее цѣлю сколько возможно мучить нашихъ начальниковъ.

Описаніе нашего общества можетъ быть забавно и занимательно послѣ главной мысли, взятой изъ Шиллера и остальнымъ, совершенно дѣтскимъ, его подробностямъ. Насъ было пятеро. Мы сбирались каждый вечеръ на чердакъ послѣ ужина По общему условію ничего не ѣли за общимъ столомъ, а уносили оттуда всѣ съѣстные припасы, которые возможно было унести въ карманахъ, и потомъ свободно пировали въ нашемъ убѣжищѣ. Тутъ-то оплакивали мы вмѣстѣ судьбу свою, тутъ выдумывали разнаго рода проказы, которыя послѣ рѣшительно приводили въ дѣйствіе. Иногда наши учителя находили свои шляпы прибитыми къ окнамъ, на которыя ихъ клали; иногда офицеры наши приходили домой съ обрѣзанными

шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченыхъ шпанскихъ мухъ въ табакерку, отъ чего у него раздулся носъ; всего пересказать не возможно. Выдумавъ шалость, мы по жеребью выбирали исполнителя: онъ долженъ былъ отвѣчать одинъ, ежели попадется; но самыя смѣлыя я обыкновенно бралъ на себя, какъ начальникъ.

Спустя нѣсколько времени, мы (на бѣду мою) приняли въ наше общество еще одного товарища, а именно сына того камергера, который, я думаю, вамъ извѣстенъ какъ по моему, такъ и по своему несчастію. Мы давно замѣчали, что у него водится что-то слишкомъ много денегъ; намъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ родители его давали 14 лѣтнему мальчику по 100 и по 200 р. каждую недѣлю. Мы вошли къ нему въ довѣренность и узнали, что онъ подобралъ ключъ къ бюро своего отца, гдѣ большими кучами лежатъ казенныя ассигнаціи, и что онъ всякую недѣлю беретъ оттуда по нѣскольку бумажекъ.

Овладевъ его тайною, разумѣется, что мы стали пользоваться и его деньгами. Чердашные наши ужины стали гораздо повкуснѣе прежнихъ: мы ѣли конфеты фунтами; но блаженная эта жизнь недолго продолжалась. Мать нашего товарища, жившая тогда въ Москвѣ, сдѣлалась опасно больна и желала видѣть своего сына. Онъ получилъ отпускъ и въ знакъ своего усердія оставилъ несчастный ключъ мнѣ и родственнику своему Х—ову: «возмите его онъ вамъ пригодится», сказалъ онъ намъ съ самымъ трогательнымъ чувствомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ намъ слишкомъ пригодился!

Отъѣздъ нашего товарища привелъ насъ въ большее уныніе. Прощайте пироги и пирожные, должно ото всего

отказаться. Но это было для насъ слишкомъ трудно: мы уже пріучили себя къ роскоши, надобно было приняться за выдумки; думали и выдумали!

Должно вамъ сказать, что за годъ передъ тѣмъ я нечаянно познакомился съ извѣстнымъ камергеромъ, и этотъ случай принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ моей жизни, на которыхъ я могъ бы основать систему предупрежденія. Я былъ въ больницѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, и въ скучѣ долгого выздоровленія, устроилъ маленькій кукольный театръ. Навѣстивъ однажды моего товарища, онъ очень любовался моею игрушкою и прибавилъ, что давно общалъ такую же маленькой своей дочери, но не могъ еще найти хорошо сдѣланной. Я предложилъ ему свою отъ добраго сердца; онъ принялъ подарокъ, очень обладалъ меня и просилъ когда нибудь пріѣхать къ нему съ его сыномъ; но я не воспользовался его приглашеніемъ.

Между тѣмъ Х—овъ, какъ родственникъ, часто бывалъ въ его домѣ. Намъ пришло на умъ: что возможно одному негодю, возможно и другому. Но Х—овъ объявилъ намъ, что за разные прежніе проказы его уже подозрѣваютъ въ домѣ и будутъ за нимъ присматривать, что ему не премѣнно нуженъ товарищъ, который по крайней мѣрѣ занималъ бы собою домашнихъ и отвлекалъ отъ него вниманіе. Я не былъ, но имѣлъ право быть въ несчастномъ домѣ. Я рѣшился помогать Х—ову. Подошли святки, насъ распускали къ роднымъ. Обманувъ, каждый по своему, дежурныхъ офицеровъ, всѣ пятеро вышли изъ корпуса и собрались у Молиари. Мнѣ и Х—ову положено было идти въ гости къ извѣстной особѣ, исполнить, если можно, наше намѣреніе и придти съ отвѣтомъ къ

нашимъ товарищамъ, — обязаннымъ насъ дожидаться въ лавкѣ.

Мы выпили по рюмкѣ ликеру для смѣлости, и пошли очень весело негоднѣйшею въ свѣтѣ дорогою.

Нужно ли рассказывать остальное? Мы слишкомъ удачно исполнили наше намѣреніе; но по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ я и самъ не могу дать яснаго отчета, похищеніе наше не осталось тайнымъ, и насъ обоихъ выключили изъ корпуса съ тѣмъ, чтобъ не опредѣлять ни въ какую службу, развѣ пожелаемъ вступить въ военную рядовыми.

Не смѣю себя оправдывать; но челоуѣкъ добродушный, и конечно слишкомъ снисходительный, желая уменьшить мой проступокъ въ вашихъ глазахъ, сказалъ бы: вспомните, что въ то время не было ему 15 лѣтъ; вспомните, что въ корпусахъ то только называютъ кражею, что похищается у своихъ, а остальное почитаютъ законнымъ приобрѣтеніемъ (*des bonnes prises*) и что между всѣми своими товарищами едвали нашель бы онъ двухъ или трехъ порицателей, ежели бы счастливо исполнилъ свою шалость; вспомните, сколько обстоятельствъ исподволь познакомили съ нею его воображеніе. Сверхъ того, не болѣе ли своевольства въ его поступкѣ? Истинно порочный слѣдовательно уже нѣсколько опытный и осторожный, онъ бы легко разчелъ, что подвергаетъ себя большой опасности для выгоды довольно маловажной; онъ же не оставилъ у себя ни копѣйки изъ похищенныхъ денегъ, а всѣ ихъ отдалъ своимъ товарищамъ. Что его побудило къ такому негодному дѣлу? Корпусное молодечество и воображеніе, испорченное дурнымъ чтеніемъ. Изъ сего слѣдуетъ то единственно, что онъ способенъ другихъ

принимать всякаго рода впечатлѣнія, и что при другомъ воспитаніи, при другихъ болѣе просвѣщенныхъ и внимательныхъ наставникахъ, самая сія способность, послужившая къ его гибели, помогла бы ему превзойти многихъ изъ своихъ товарищей во всѣмъ полезномъ и благородномъ.

По выключкѣ изъ корпуса, я около года мотался по разнымъ Петербургскимъ пансіонамъ. Содержатели ихъ, узнавая, что я тотъ самой, о которомъ тогда всѣ говорили, не соглашались держать меня. Я сто разъ готовъ былъ лишиться себя жизни. Наконецъ поѣхалъ въ деревню къ моей матери. Никогда не забуду перваго съ нею свиданія! Она отпустила меня свѣжаго и румянаго; я возвращаюсь сухой, блѣдный, съ впалыми глазами, какъ сынъ Евангелія къ отцу своему. *Но еще же ему далеке сущу, узре его Отецъ его, и милъ Ему бысть и текъ нападе на выю его и обლობыза его.* Я ожидалъ укоровъ, но нашель однѣ слезы, бездну нѣжности, которая меня тѣмъ болѣе трогала, чѣмъ я менѣе былъ ея достоинъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ никто не говорилъ съ моимъ сердцемъ: оно сильно встрепатало при живомъ къ нему воззваніи; свѣтъ его разогналъ призраки, омрачившіе мое воображеніе; посреди подробностей существенной гражданской жизни, я короче узналъ ея условія, и ужаснулся какъ моего проступка, такъ и его послѣдствій. Здоровье мое не выдержало сихъ душевныхъ движеній: я впалъ въ жестокою нервическую горячку, и едва успѣли призвать меня къ жизни.

18 лѣтъ вступилъ я рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, по собственному желанію; случайно познакомился съ нѣкоторыми изъ нашихъ

молодыхъ стихотворцевъ, и они сообщили мнѣ любовь свою къ поэзіи. Не знаю, удачны ли были опыты мои для свѣта; но знаю навѣрно, что для души моей они были спасительны. Черезъ годъ, по представленію великаго князя Николая Павловича, былъ я произведенъ въ унтеръ-офицеры и переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, гдѣ нахожусь уже четыре года.

Вы знаете, какъ неуспѣшны были всѣ представленія, дѣлаемые обо мнѣ моимъ начальствомъ. Изъ году въ годъ меня представляли, изъ году въ годъ напрасная надежда на скорое прощеніе меня поддерживала; но теперь, признаюсь вамъ, я начинаю приходить въ отчаяніе.— Не служба моя, къ которой я привыкъ, меня обременяетъ; меня тяготитъ противорѣченіе моего положенія. Я не принадлежу ни къ какому сословію, хотя имѣю какое-то званіе. Ни чьи надежды, ни чьи наслажденія мнѣ не приличны. Я долженъ ожидать въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ душевномъ, переменны судьбы моей, ожидать можетъ быть еще новые годы! Не смѣю подать въ отставку, хотя, вступивъ въ службу по собственной волѣ, долженъ бы имѣть право оставить ее, когда мнѣ заблагоразсудится; но такую рѣшимость могутъ принять за своеволие. Мнѣ остается одно раскаяніе, что добровольно наложилъ на себя слишкомъ тяжелыя цѣпи. Должно сносить терпѣливо заслуженное несчастіе— не спорю; но оно превосходитъ мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разумъ.

Вотъ, почтенный Василій Андреевичъ, моя повѣсть. Благодарю васъ за участіе, которое вы во мнѣ принимаете; оно для меня болѣе нежели

драгоцѣнно. Ваше доброе сердце мнѣ порукою, что мои признанія не ослабятъ вашего расположенія къ тому, который много сдѣлалъ негоднаго по случаю, но всегда любилъ хорошее по склонности.

Всей душой вамъ преданный  
*Баратынскій.*

## ДВА ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ А. П. ГОЛИЦЫНУ ОБЪ Е. А. БАРАТЫНСКОМЪ.

### I.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Я недавно получилъ письмо, тронувшее меня до глубины сердца: молодой человекъ, съ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ, одаренный талантами, но готовый, при началѣ дѣятельной жизни, погибнуть нравственно отъ слѣдствій проступка первой молодости, изъясняетъ въ этомъ письмѣ, просто и искренно, тѣ обстоятельства, которыя довели его до этого проступка. Несчастіе его не унизило и еще не убило, но это послѣднее неминуемо, если во время спасительная помощь къ нему не подоспѣетъ.

Получивъ его письмо, написанное имъ по моему требованію (ибо мнѣ были не извѣстны подробности случившагося съ нимъ несчастія), я долго былъ въ нерѣшимости, что дѣлать и гдѣ искать этой спасительной помощи. Наконецъ естественно мысль моя остановилась на васъ<sup>(1)</sup>. Препровождаю письмо его въ оригиналѣ къ вашему сіятельству. Не оправдываю

(1) Письма эти писаны не за долго до выхода кн. А. П. Голицына изъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Министерствомъ его не было вполне счастливо; но съхъ онъ лично оставилъ по себѣ признательную память въ потомствѣ множествомъ добрыхъ дѣлъ.



свободнаго своего поступка: онъ есть не иное что какъ выраженіе довѣренности моей къ вашему сердцу, всегда готовому на добро; не иное что, какъ выраженіе моей личной, душевной къ вамъ благодарности за то добро, которое вы мнѣ самому сдѣлали<sup>(2)</sup>.

Письмо Баратынскаго есть только исторія его проступка; но онъ не говоритъ въ немъ ни о томъ, что онъ *есть теперь*, ни о томъ, чѣмъ бы *могъ быть послѣ*. Это моя обязанность. Я знаю его лично, и свидѣтельствуюсь всѣми, которые его вмѣстѣ со мною знаютъ, что онъ имѣетъ полное право на уваженіе, какъ по своему благородству, такъ и по скромному поведенію. Если заслуженное несчастіе не унизило его души, то это неоспоримо доказываетъ, что душа его не рождена быть низкою, что ея заблужденіе проистекло не изъ нея самой, а произведено силою обстоятельствъ, и есть нѣчто ей совершенно чуждое. Кто въ лѣтахъ неопытности, оставленный на произволъ собственной пылкости и обольщеній внѣшнихъ, знаетъ, куда онъ влекутъ его, и способенъ угадать послѣдствія, часто рѣшительныя на всю жизнь! И чѣмъ болѣе живости въ душѣ,—то есть именно, чѣмъ болѣе въ ней такого, что могло бы при обстоятельствахъ благоприятныхъ способствовать къ ея усовершенствованію, тѣмъ болѣе для нея опасности, когда нападутъ на нее обольщенія, и никакая чужая, хранительная опытность ея не поддержитъ. Таково мнѣ кажется прошедшее Баратынскаго: онъ споткнулся на той неровной дорогѣ, на которую забѣжалъ потому, что не было хранителя, который бы съ любовію оста-

новилъ его и указалъ ему другую; но онъ *не узналъ!* Убѣдительному этому доказательству служить еще и то, что именно въ такое время, когда онъ былъ угнетаемъ и тягостною участію, и еще болѣе тягостнымъ чувствомъ, что заслужилъ ее, въ немъ пробудилось дарованіе поэзіи. Онъ—поэтъ! И его талантъ не есть одно богатство безпокойнаго воображенія, но вмѣстѣ и чистый огонь души благородной: прекрасными, гармоническими стихами выражаетъ онъ чувства прекрасныя, и простота его слога доказываетъ, что чувства сіи *неподдельныя*, а искренно выходящія изъ сердца. Однимъ словомъ, я смѣло думаю, что въ этомъ несчастномъ, страдающемъ отъ вины, въ которую впалъ онъ тогда, когда еще не былъ знакомъ ни съ собою, ни съ достоинствомъ жизни, ни съ условіями свѣта, скрывается человекъ, уже совершенно понимающій достоинство жизни, и способный занять не послѣднее мѣсто въ свѣтѣ. Но онъ исключенъ изъ этого свѣта. Испытавъ горечь вины, охраняемый высокостію поэзіи, онъ никогда уже не будетъ *порочнымъ* и *низкимъ* (къ тому не готовила его и природа); но что защититъ его отъ безнадежности, расслабляющей и мертвящей душу? Возвратись онъ въ свѣтъ, онъ возвратится въ него *очищенный*; можно даже подумать, что онъ будетъ надежнѣе многихъ чистыхъ: временная, насильственная разлука съ добродѣтелью, въ продолженіе которой онъ могъ узнать и всю ея прелесть, и всю горечь ея утраты, привяжетъ его къ ней можетъ быть, сильнѣе самыхъ тѣхъ, кои никогда не испытали, что значить потерять ее.

Я смѣю думать, что письмо мое не покажется вашему сіятельству слишкомъ длиннымъ: я говорилъ съ вами

(2) Черезъ кн. А. Н. Голицына въ 1816 году Жуковскій получилъ отъ императора Александра Павловича пожизненную пенсію въ 4000 р. См. Р. Архивъ 1867, стр. 816.

тѣмъ языкомъ, который вы лучше другихъ понимать умѣете; и мнѣ было легко съ вами говорить имъ, ибо душевно васъ уважаю и твердо надѣюсь на ваше сердце. Оно научитъ васъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Представьте государю императору письмо Баратынскаго; прочитавъ его, вы убѣдитесь, что оно писано не съ тѣмъ, чтобы быть показаннымъ. Но тѣмъ лучше! Государь узнаетъ истину безъ украшенія. Государь въ судьбѣ Баратынскаго былъ явнымъ орудіемъ Промысла: своею спасительною строгостію онъ пробудилъ чувство добра въ душѣ, созданной для добра. Теперь настала минута примиренія—и государь же будетъ этимъ животворящимъ примирителемъ: онъ довершитъ начатое, и наказаніе *исправляющее* не будетъ наказаніемъ губящимъ. Заклучу, повторивъ здѣсь тѣ святія слова, которыя приводитъ въ письмѣ своемъ Баратынскій: „Еще ему далече сущу, узре его отецъ его, и миль ему бысть, и текъ нападе на выю его и облобыза его!“ Сей отецъ есть государь; послѣдствія найдете въ Святомъ Писаніи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною привязанностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

2 Января 1824 г.

*В. Жуковскій.*

## II.

Я желалъ исполнить приказаніе вашего сіятельства, старался сдѣлать краткое извлеченіе изъ письма Баратынскаго; но признаюсь вамъ, что не умѣлъ его сдѣлать. Въ семь краткомъ извлеченіи были бы представлены одни главныя произшествія, уже извѣстныя государю императору. Но важнѣйшее, то есть изъясненіе причинъ, было бы опущено. Б. въ письмѣ своемъ ничего не утаиваетъ, ничего не укра-

шаетъ: это письмо есть искренняя исповѣдь. Чтобы получить объ немъ самомъ настоящее понятіе, чтобы, не извиняя вины, принять участіе въ виновномъ и увидѣть возможность его нравственнаго исправленія, необходимо нужно слышать его самого. Смѣю думать, что государь, знающій человѣческое сердце, легко распознаетъ языкъ истины, если удостоить своего милостиваго вниманія строки Баратынскаго, котораго вся будущая жизнь, можно сказать, зависитъ теперь отъ тѣхъ немногихъ минутъ, которыя его величество употребитъ на прочтеніе прилагаемаго здѣсь письма его. Прибавлю: отъ этихъ минутъ зависитъ, можетъ быть, и жизнь его матери. Нынче поутру еще услышала я отъ дяди Баратынскаго, что мать его отъ горести, произведенной въ ней судьбою ея сына, лежитъ на одрѣ болѣзни; а она имѣетъ еще шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ нашъ несчастный старшій. И такъ государева милость, возвращая нравственное достоинство раскаявшемуся преступнику, можетъ быть въ то же время спасеніемъ и его матери, и такъ уже довольно пострадавшей.

Исполняя однако волю вашего сіятельства, присовокупляю здѣсь краткое свѣдѣніе о Баратынскомъ.

Баратынскій выписанъ изъ пажескаго корпуса въ 1815 году съ тѣмъ, чтобы его никуда иначе не опредѣлять, какъ въ солдаты. Онъ вступилъ солдатомъ въ лейбъ-егерскій полкъ въ мартѣ 1818 года. Черезъ восемь мѣсяцевъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и съ того времени служить въ Нейшлотскомъ полку.

Начальство неоднократно представляло его къ чину. *В. Жуковскій.*

10 Февраля 1824 г.

Ходатайство было успешно: Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры еще при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. *П. Б.*

# ВИЛЕНСКІИ ВѢСТНИКЪ,

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ

въ 1868 году

ТОЮ ЖЕ РЕДАКЦІЕЙ, ВЪ ТѢ ЖЕ СРОКИ И ПО ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ, КАКЪ ВЪ 1867 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты та же, т. е.:

За годъ . . . 8 р.; съ пересылкою и доставкою . . . 10 р.  
За полгода . . . 5 р.; съ пересылкою и доставкою . . . 6 р.  
Отдѣльный номеръ, безъ пересылки и доставки . . . — „ 10 к.

*Православное духовенство и народныя училища въ Сѣверо-Западномъ краѣ платятъ за годовое изданіе Виленскаго Вѣстника, съ пересылкою . . . . . 6 р.*

Подписка принимается: 1) въ Вильнѣ, въ конторѣ редакціи, на Благотѣщенской улицѣ, въ домѣ Квятковскаго. Контора открыта ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 2-хъ по полудни; 2) въ Вильнѣ же, въ книжномъ и нотномъ магазинѣ Г. И. Феннера, на Большой улицѣ, въ домѣ учебнаго округа. Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, отдѣльные номера продаются въ книжномъ магазинѣ г. Феннера.

Гг. иногородные подписчики, выславшіе въ этомъ году за газету 12 р., благоволятъ присылать на будущій годъ только 8 р. Иногородные съ своими требованіями адресуются: *въ Редакцію „Виленскаго Вѣстника“, въ Вильну.*

# ПОДПИСКА

НА

# РУССКІЙ АРХИВЪ

## 1868

(ГОДЪ ШЕСТОЙ)

принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ у А. Ѳ. Баунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **ШЕСТЬ** рублей.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1863 и 1864 по 5 р., 1865, 1866 и 1867 по 6 р. съ пересылкою. Желаящіе получить *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* высылають 25 рублей, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ,—платять съ пересылкою 30 р.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылають на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Англію* 8 р.; *въ Швейцарію и Италію* 9 р.

ГОДЪ

ШЕСТЫЙ

# РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

2.

П Р И

1868.

## ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

### СОДЕРЖАНИЕ:

1. 1807-й годъ. Письма съ дороги отъ князя *А. Б. Куракина* къ государыни императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, въ видѣ дневника. VIII—XIX. (Фриландскій разгромъ. Заключение Тильзитскаго мира. Дальнѣйшее путешествіе въ Вѣну).
2. Левъ Андреевичъ Крыловъ, братъ баснописца и его переписка съ Иваномъ Андреевичемъ (1799—1823). *В. Ѡ. Кеневича*.
3. Забѣтки о самозванцахъ въ Россіи (и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII вѣка). *профессора С. М. Соловьева*.
4. Письмо *графа Аракчеева* къ графинѣ *Е. З. Канкринной*, съ замѣткою князя *П. А. Вяземскаго*.
5. Предсмертныя дни и кончина графа Аракчеева (со словъ очевидца, *Е. М. Ромашовича*).
6. Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу *графа Аракчеева* и *Н. М. Карамзина*, съ замѣткою *Г. Н. Александрова*.
7. Воззваніе къ Грекамъ князя *Александра Нпсиланти* въ 1821.
8. *Н. А. Райко*, біографическій очеркъ *В. М. Маркевича*.
9. Письмо *Н. А. Райка* къ гр. *А. Х. Бенкендорфу*.
10. Письмо *графа П. А. Каподистрии* къ гр. *А. Х. Бенкендорфу* о *Н. А. Райкѣ*.
11. Книжныя заграничныя вѣсти.
12. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ, замѣтка *С. А. Соболевскаго*.
13. Дополненія, замѣтки и поправки.
14. Отъ издателя.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милановой

1868.

# ЗІДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА.

## І. І Е З У И Т Ы

### И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

ПИСЬМА Ю. О. САМАРИНА КЪ ОЦУ МАРТЫНОВУ.

Осталось въ небольшомъ количествѣ.

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи. М. 1866.  
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

## 2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Исслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. (8°. IV, 384 и 176 стр.) съ примѣчаніями и указателемъ. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

## 3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА І-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII 240 и VIII стр.) Цѣна  
1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75к.

Выписывающіе **ВСЪ ТРИ КНИГИ ВМѢСТѢ**, обращающіе въ Москву. въ  
Чертковскую бібліотеку, не платятъ ничего за пересылку.

У КНИГОПРОДАВЦА **И. Г. СОЛОВЬЕВА** на Страстномъ бульварѣ въ д.  
Загряжскаго.

## ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева.  
Москва 1866. 8°. 113 стр. Цѣна 2 р. с. съ пер. 2 р. 50 к.

## 1807 ГОДЪ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНЪ  
ИМПЕРАТРИЦЪ МАРИИ ФЕОДОРОВНЪ (\*).

Читатели конечно уже оцѣнили живое содержаніе и важность историческихъ показаній въ этихъ откровенныхъ письмахъ. Теперь они увидятъ яркую картину бѣдствія, предтечу Тильзитскаго мира, и услышатъ разсказъ того самаго человѣка, который участвовалъ въ подписаніи злосчастнаго трактата 25 Іюня 1807 года. Тильзитъ, послѣдовавшій черезъ 19 мѣсяцевъ за Аустерлицомъ, произвелъ, какъ слышали мы отъ старыхъ людей, до того тяжкое дѣйствіе на весь Русскій народъ, что съ этой поры наши простолюдины замѣтно меньше стали пѣть пѣсней. Лишь грозкою и славою 1812 года искупилась и сгладилась эта скорбная память. П. Б.

### VIII.

à Schawel, le 20 de juin 1807.

Madame,

J'ai le bonheur de me trouver en possession de trois lettres de v. m-té i-le du 1-r, du 2-d et du 5 de juin. J'ai reçu la première à Yourbourg, la seconde à Tauroggen et la dernière ce soir à Schawel, en y arrivant.

Au moment où je quittois Tilsit je voulus voir le général Essen retenu au lit par sa blessure. On vint me dire que m-gr le grand duc étoit subite-

ment retourné. D'après les inquiétudes que j'en eus, j'allai d'abord chez lui, et il m'apprit qu'étant parvenu à Insterbouurg, il ne lui avoit plus été possible de réjoindre de là l'armée, parceque les François en infestoient les environs, et qu'il étoit revenu à Tilsit pour y attendre les événemens. J'arrivai le lendemain d'assez bonne heure à Yourbourg. Le pont sur le Nièmen (devenu indispensable par les malheureuses circonstances du moment, ayant à servir de communication avec le principal point de retraite pour nos troupes et surtout pour nos blessés) n'étoit pas encore prêt et ne pouvoit l'être que dans une quinzaine de jours, quoique l'empereur, en reconnoissant combien ce pont étoit nécessaire, l'avoit commandé lui-même à la fin de l'hiver. Quatre chétifs radeaux étoient uniquement employés au passage de la rivière et ne pouvoient suffire à la quantité d'individus qu'ils devoient transporter. Je trouvai toute la rive Prussienne obstruée de nos blessés de tous les grades venant de Friedland, les uns immobiles sur leurs charettes, les autres à pied. Ils n'ont cessé d'y venir pendant plusieurs jours de suite, la plupart d'entr'eux forcés d'attendre des journées entières, sans aucun abri, sans aucun secours et ex-

(\*) См. выше, стр. 23—86.

posés à l'ardeur du soleil et à la fraîcheur de la nuit, qu'on les passe à Yourbourg, situé sur l'autre bord du Nièmen. Yourbourg, petite ville, habitée par des Juifs, assez riches, n'a pû contenir tous nos blessés: tant leur nombre grossissoit à vue d'oeuil. Le commandant étoit obligé à mesure qu'ils se présentoient chez lui de les faire repartir dans les hameaux du voisinage. J'ai parlé à des colonels, des officiers de l'état-major couchés sur leurs charettes dans les rues de la ville, qui n'avoient pas été pansés, depuis la bataille. Il y en avoit avec des blessures très graves. Tous et principalement les officiers sans fortune se plaignoient de n'avoir pas été payés de deux tièrs aux de leurs modiques appointemens, et de ne pas avoir un sol en poche pour acheter un morceau de pain. Ils disoient tous que l'armée manquoit de chirurgiens, et les deux ou trois qui étoient à Yourbourg, ne suffisoient pas à la quantité de malades qu'ils avoient à panser et à soigner. Tous unanimement accusoient Bennigsen d'avoir perdu la bataille de Friedland et d'y avoir sacrifié l'élite de nos troupes par ses mauvaises dispositions, tout à fait contraires aux premiers principes de l'art de la guerre. Notre armée avoit derrière elle la rivière et la ville et devant elle un bois, qui masquoit les batteries de l'ennemi et ses véritables forces. Notre feu ne l'atteignoit pas, ou lui faisait peu de mal, et quand celui-là commença à se ralentir, alors il nous foudroya par des boulets à ricochets et ses batteries, qui dit-on, avoient jusqu'à des canons de siège. Bennigsen crut pendant long-tems n'avoir qu'une affaire de tirailleurs avec un corps de douze mille hommes; mais l'armée Françoise, cachée par le bois, renouvelant sans cesse par des troupes fraîches celles qui combattoient,

nous força enfin de lui céder la victoire. Quoiqu'en disent les rapports officiels, nos blessés soutiennent que notre déroute a été complète, et que nous devons avoir perdu en tués et en blessés près de 20000 hommes. Bennigsen cependant n'évalue sa perte qu'à la moitié, mais avoue aussi que nous avons eu presque autant de marodeurs, si ce n'est davantage. En réunissant ceux-là aux tués et aux blessés annoncés par Bennigsen, la véritable perte de notre armée est toujours fort considérable, et n'est pas au dessous de celle qu'indiquent nos blessés. Les suites de cette funeste journée ne permettent pas de la croire douteuse: Koenigsberg a été évacué et pris. Bennigsen a du rappeler tous ses corps détachés près de lui, et sans cesse talonné par l'ennemi a du se retirer toujours; il n'a pu se maintenir à Welau, ni derrière la Prégel; il a du se replier sur Tilsit. En y passant le pont, il l'a brûlé, et doit se trouver maintenant vis-à-vis de Tilsit, de ce côté-ci du Nièmen. Ses forces actuelles n'outrepassent pas à ce qu'on prétend les 60000 hommes; ce nombre suffit à peine pour la défensive. Après la perte de tous nos magasins, avec la difficulté de les renouveler, avec le peu d'envie que doivent avoir généralement nos troupes de continuer à se battre, il n'est plus possible de reprendre l'offensive. Comment pourrions nous donc y songer, quand nous avons tout à craindre, même pour le succès de notre défensive contre un ennemi, fier de ses victoires, fier du bonheur et des talents de ses chefs, et qui nous attaque avec des forces de beaucoup supérieures aux nôtres. Les débris de la grande armée de Bennigsen, le corps de Tolstoy, si Massena lui accorde la facilité de se retirer, et les deux divisions nouvellement formées



par Labanoff et Gortchakoff, doivent seules maintenant défendre nos frontières et leur intégrité. Nous n'avons point d'armée de réserve; nos milices ne sont pas encore armées et exercées; la nouvelle levée de recrues n'est ni rassemblée, ni même ordonnée encore. Jamais notre situation n'a été plus critique: nous n'avons plus à attendre notre salut que de Dieu et de cet attachement que notre bonne nation porte d'une manière aussi prononcée à sa patrie et à ses souverains. La marque signalée de confiance que l'empereur vient d'accorder au prince Dmitri Labanow, est déjà sans doute connue à v. m-té. Je souhaite vivement que la réponse qu'il pourra obtenir, nous parvienne au plutôt et qu'elle soit telle, qu'elle ne nous révolte pas et puisse servir de premier rapprochement pour la paix. Les circonstances au milieu desquelles nous avons à y travailler à présent, nous sont trop désavantageuses, pour que nous puissions persister à vouloir ce que nous voulions. En faisant la paix, si on peut y parvenir encore convenablement, il ne peut être question par malheur d'autre chose que de la faire la moins onéreuse que possible. Voilà, où nous en sommes! L'agitation et la douleur que j'en éprouve ne sont pas à exprimer, et en y ajoutant le sentiment pénible, dont j'ai été ému en voyant tous nos blessés à Yourbourg, je puis dire, que jamais encore je n'ai passé par une épreuve aussi forte et aussi douloureuse. J'ai oublié de marquer à v. m-té que m-gr le grand duc, pour ne pas augmenter les trophées de l'ennemi, a eu la précaution d'envoyer en dépôt à Yourbourg sous une bonne escorte tous les étendarts qu'il avoit à conserver. Ses deux régimens des gardes à cheval et des houlans se sont distingués et ont beaucoup souffert à Friedland.

Yankowitch étant malade, c'est Adam Chartorisky qui y a commandé les gardes à cheval.

Mon coeur trop plein de ce qui l'affecte m'a forcé d'entretenir v. m-té d'objets qui appartiennent au bien général et ne me touchent qu'indirectement. Pour en revenir à ceux qui me regardent personnellement, je vais reprendre du jour de mon arrivée à Yourbourg. J'y suis rentré sur un bateau, en devant abandonner mes équipages de l'autre côté du Nièmen; ceux-là n'ont pu m'y rejoindre que pendant la nuit. S. m-té l'empereur y a passé pendant que j'y étais: car ayant appris la bataille de Friedland à Olitta, il n'a eu que le tems de voir deux regimens de la division de Labanow et s'est empressé de se rendre à Tauroggen pour y être plus à la portée du théâtre de la guerre. Quand je le vis à Yourbourg j'en reçus l'ordre de le suivre à Tauroggen. Arrivé à Tauroggen le surlendemain de grand matin, j'y appris avec surprise que les chevaux de l'empereur étoient déjà attelés et qu'il alloit à Chawel, où il devoit-etre joint par le roi de Prusse. Quand je me présentais à l'empereur à Tauroggen, il me prévint que v. m-té venoit de lui répondre sur les observations que je lui avois fait parvenir de sa part, qu'il m'en parleroit ici et m'ordonna de le suivre. Je partis donc sur le champ, et me voilà à Chawel. J'ai fait dix milles d'Allemagne de Tilsit à Yourbourg, sept de Yourbourg à Tauroggen et 16 de Tauroggen ici. Si je vais encore à Vienne, j'aurai fait d'emblée 100 mille d'Allemagne, pardessus le chemin que j'avais à faire. Celui de Yourbourg par Tauroggen ici n'est qu'un chemin de traverse abominable au milieu d'une contrée de sables, de bois et de collines. Aujourd'hui je me suis tiré assez heureusement d'un acci-

dent qui auroit pu me coûter fort cher. Impatienté par les mauvais chemins, afin d'arriver plus vite, je quittais ma voiture pour me placer dans le petit britchka de mon courrier et par l'inadvertance du paysan qui me conduisoit, le britchka versa de façon que les quatre roues furent en l'air. Sans dormir j'avais les yeux fermés, quand je fus versé et je ne pus employer mes mains pour me rendre ma chute moins sensible. Mon bonnet tomba, et je reçus un coup violent au front, audessus de l'oeil droit; la douleur fut si vive que je crus au premier instant le crâne endommagé, mais heureusement j'en suis quitte pour une égratignure et une grande bosse au front. Le britchka et tout ce qui s'y trouvoit me couvrit entièrement; j'étois loin de mes autres voitures, seul sur le grand chemin, n'ayant avec moi qu'un laquais assis à côté du postillon, qui l'un et l'autre n'avoient pas su regarder devant eux. Ils eurent beaucoup de peine à me débarasser du fardeau que j'avais sur moi, et j'en eus autant à me remettre sur mes jambes qui ne m'obéissent pas encore et qui dans la chute n'avoient pas été non plus ménagées. J'ai le front bandé, et la bonté d'acier est le seul remède que j'emploie, espérant qu'elle me facilitera le moyen de paroître du moins demain chez l'empereur. C'est demain qu'arrive ici le roi de Prusse. Il ne sera accompagné que de son ministre Hardenberg et de son aide de camp Yago. Je ne sais encore rien de la reine et de ses enfans, si elle est encore à Memel, si elle compte y rester ce qui n'est pas à supposer, et où elle doit aller de là.

Je me suis acquitté des ordres de v. m-té près du comte de Tolstoy; elle peut deviner la réponse qu'il m'a faite. Il m'a dit qu'il ne possédoit pas l'art de bien écrire, qu'il étoit embarrassé du

contenu à donner à ses lettres et qu'il n'avoit pas voulu lui parler d'évenemens qu'elle avoit à apprendre sans lui. Le petit cheval gris, qu'il doit aux bontés de v. m-té, est une bonne et jolie bête; il le monte journellement, et en me le faisant remarquer, il m'a prié de le lui faire savoir.

V. m-té s'étonne que je me suis presque vu vis-à-vis d'elle sur les premiers succès de notre armée après la reprise des hostilités; mais c'est que je ne pouvais pas les envisager comme on le faisoit à Pétersbourg, et ne pouvais pas m'abuser sur leur compte; puisque je regrettois que nous avions constamment perdu l'àpropos de tout ce que nous aurions du faire. Il ne m'a pas été possible de partager la joie que ces succès causoient dans l'éloignement, et leurs suites n'ont que trop prouvé que je n'avais pas tort.

Je ne sais comment témoigner à v. m-té toute ma reconnaissance pour l'extrême bonté qu'elle a eue, en daignant se charger d'une lettre de m-me de Litta pour moi. M-me de Litta l'a remplie en grande partie de sa profonde vénération pour elle et de son grand désir que v. m-té sache, combien elle est sensible à toutes ses bontés et combien elle lui est attachée de tout son coeur. Quoique v. m-té se plaigne du chaud qu'elle endure dans son appartement du palais de la Tauride, mais l'air qu'elle y respire et la vue dont elle y jouit, valent mieux que ceux du château d'hiver; et en mon particulier je suis bien aise qu'elle y est déjà. Comme après tout il paroît à présent que l'empereur s'achemine imperceptiblement vers l'époque de son retour à Pétersbourg, je me flatte que v. m-té va y gagner aussi l'agrément de pouvoir passer encore deux mois de cet été à Pawlovskoié.

Je prends la liberté de supplier v. m-té de faire envoyer l'incluse au p-се J. Labanoff; elle contient une autre de son fils que j'ai vu sain et sauf à Yourbourg, où il a conduit les étendards de son régiment, et il se préparoit à retourner à l'armée le jour même que j'en suis parti.

En priant v. m-té de témoigner à m-me la grande duchesse Cathérine, que je suis parfaitement heureux de savoir qu'elle ne m'oublie pas, je finis par l'assurance du profond respect avec lequel je suis etc.

P. S. J'espère que v. m-té aura bien reçu la dernière de Tilsit, № 9 du  $\frac{3}{15}$  de juin que j'ai expédiée par estafette sous l'enveloppe de mes banquiers de Memel et de Pétersbourg. Je lui demande la grâce de me rappeler au souvenir de mon ancienne amie m-lle de Nélidoff et de m-me la c-esse de Liewen.

### VIII.

Шавля,  $\frac{8}{20}$  Юня 1807 г.

Государыня,

Я имѣлъ счастье получить три письма отъ в. имп. величества отъ 1, 2 го и 5 Юня. Первое я получилъ въ Юрбургѣ, второе въ Таурогенѣ, а послѣднее сегодня вечеромъ здѣсь въ Шавляхъ.

Оставляя Тильзитъ, я пожелалъ видѣться съ генераломъ Эссенномъ, не покидавшимъ постели вслѣдствіе своей раны. Тутъ сказали мнѣ, что великій князь (') внезапно вернулся. Это меня встревожило, и я тотчасъ же къ нему отправился; онъ сообщилъ мнѣ, что доѣхавъ до Инстербурга, онъ уже потерялъ возможность соединиться съ арміей, такъ какъ Французы опустошали окрестности и что онъ вернулся въ Тильзитъ, чтобы тамъ ожидать событій. Я пріѣхалъ въ Юрбургъ на другой день довольно рано; мостъ на Нѣманѣ (сдѣ-

лавнѣйшаго необходимымъ по труднымъ обстоятельствамъ настоящаго времени, чтобы служить сообщеніемъ съ главнымъ убѣжищемъ для нашихъ войскъ и въ особенности для нашихъ раненыхъ) былъ еще не готовъ и не могъ быть готовъ скорѣе, какъ чрезъ пятнадцать дней, хотя государь, сознавая всю необходимость этого моста, самъ приказалъ его построить въ концѣ зимы. Четыре плохихъ парома служили единственнымъ средствомъ переправы черезъ рѣку и конечно не были достаточны для множества людей, нуждавшихся въ перевозѣ. Весь Прусскій берегъ былъ загроможденъ нашими ранеными всѣхъ чиновъ, прибывшими изъ подъ Фридланда: одни лежа неподвижно на повозкахъ, другіе пѣшкомъ, они прибывали сюда постоянно въ теченіи нѣсколькихъ дней, и большая часть ихъ принуждена была, безъ всякой помощи и защиты отъ солнечнаго зноя и ночнаго холода, ждать цѣлые дни, пока ихъ перевезутъ въ Юрбургъ, лежащій на другомъ берегу Нѣмана. Юрбургъ небольшою городокъ, населенный Евреями довольно богатыми, не могъ вмѣстить всѣхъ нашихъ раненыхъ: такъ замѣтно число ихъ возрастало. Комендантъ принужденъ былъ по мѣрѣ ихъ прибытія размѣщать ихъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Я говорилъ съ полковниками и офицерами главнаго штаба, лежавшими на телѣгахъ среди городскихъ улицъ; имъ со времени битвы еще не были сдѣланы перевязки, хотя многіе изъ нихъ получили весьма опасныя раны. Всѣ они, а особенно небогатыя офицеры, жаловались, что имъ не выдано за двѣ трети ихъ скромно жалованье и что у нихъ нѣтъ ни гроша въ карманѣ, чтобы купить кусокъ хлѣба. Всѣ говорили, что въ арміи недостаточно медиковъ и что двухъ или трехъ хирурговъ, бывшихъ въ Юрбургѣ, слишкомъ мало по числу больныхъ, которые требуютъ перевязи и леченья. Всѣ единодушно обвиняли Беннигсена въ томъ, что онъ проигралъ битву при Фридландѣ и погубилъ наши лучшія войска вслѣдствіе своихъ дурныхъ распоряженій, несо-

(') Константинъ Павловичъ.

образныхъ съ самыми основными правилами военнаго искусства. Наша армія имѣла позади себя рѣку и городъ, а спереди лѣсъ, скрывавшій батареи непріятеля и дѣйствительныя его силы. Наши выстрѣлы или вовсе не доставали до непріятеля или дѣлали ему мало вреда; когда же они перемежались, непріятель громилъ насъ рикошетными пулями и батареями, на которыхъ, какъ говорятъ, были даже осадныя орудія. Беннигсенъ долго полагалъ, что онъ имѣетъ лишь перестрѣлку съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ; но французская армія, скрытая лѣсомъ, постольно подкрѣпляла сражавшіяся войска свѣжими силами и принудила насъ наконецъ уступить ей побѣду. Что бы ни говорили оффиціальныя донесенія, но наши раненые утверждаютъ, что пораженіе наше было полное и что мы должны были потерять убитыми и ранеными около 20000 человекъ. Беннигсенъ же опредѣляетъ нашу потерю только въ половину; но онъ сознается однакожъ, что у насъ было почти столько же, если не болѣе мародеровъ. Если прибавить ихъ къ убитымъ и раненымъ, какъ ихъ объявляетъ Беннигсенъ, то настоящая потеря нашей арміи все таки оказывается весьма значительна и не ниже той, какую показываютъ наши раненые. Послѣдствія этого пагубнаго дня не позволяютъ считать его сомнительнымъ: Кенигсбергъ очищенъ и взятъ. Беннигсенъ вынужденъ былъ стянуть всѣ отдѣльные корпуса къ себѣ и, преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ, постоянно отступать. Онъ не могъ удержаться ни при Велау, ни за Прегелемъ и долженъ былъ своротить на Тильзитъ; тамъ, перейдя мостъ, онъ сжегъ его, и теперь онъ, вѣроятно, стоитъ противъ Тильзита по сю сторону Нѣмана. Полагаютъ, что силы его въ настоящее время не превышаютъ 60,000 человекъ; такое количество едва достаточно для оборонительныхъ дѣйствій. Потерявши всѣ наши запасы, при трудности возобновить ихъ, при общемъ нерасположеніи нашихъ войскъ къ новымъ бит-

вамъ, мы уже не имѣемъ никакой возможности перейти снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ; да какъ намъ объ этомъ и мечтать, когда мы должны за все опасаться, даже и за успѣхъ нашей обороны отъ непріятеля, гордаго своими побѣдами, гордаго счастіемъ и талантами своихъ полководцевъ и нападающаго на насъ съ силами гораздо большими чѣмъ наши! Остатки большой арміи Беннигсена, корпусъ Толстого, если только Массена дастъ ему возможность ретироваться, да двѣ вновь сформированныя дивизіи Лобанова и Горчакова должны одни теперь охранять наши границы и ихъ цѣлость. У насъ нѣтъ резервной арміи, наша милиція еще не вооружена и не обучена, новый наборъ рекрутъ не только еще не сдѣланъ, но даже и не объявленъ. Никогда положеніе наше не было такъ затруднительно; намъ остается ожидать спасенія только отъ Бога и отъ этой преданности отечеству и государю, которою въ такой высокой степени одушевленъ нашъ добрый народъ. Отмѣнный знакъ довѣрія оказанный государемъ кн. Димитрію Лобанову (\*), конечно, уже извѣстенъ в. им. в-ву. Искренно желаю, чтобъ отвѣтъ, который онъ получитъ, дошелъ бы до насъ какъ можно скорѣе и чтобъ отвѣтъ этотъ не возбудилъ нашего негодованія, напротивъ могъ бы послужить первымъ шагомъ къ миру. Обязательства, въ которыхъ мы въ настоящее время должны его заключить, слишкомъ неблагоприятны, чтобы мы могли еще упорствовать въ требованіи того, чего требовали прежде. Заключая миръ, если только есть еще возможность заключить его

(\* ) Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ Ростовскій (1758-1838), двоюродный братъ князя Александра Борисовича Куракина, впоследствии министр юстиціи. Онъ уже тогда славенъ былъ своею храбростію и прямою правдою. Это былъ одинъ изъ героевъ Очакова и Измаила, весь израильтинъ, но бодрый и дѣятельный. Подробное жизнеописаніе его у Бантыша-Каменскаго, въ Словарѣ изд. 1847 г., составленное отчасти по разсказамъ самаго князя Лобанова о Тильзитскомъ мирѣ.

приличнымъ образомъ, мы, къ несчастью, можемъ позаботиться лишь о томъ, чтобы заключить его на условіяхъ по возможности менѣе тяжелыхъ. Вотъ до чего мы дошли! Волненіе и скорбь, ощущаемыя мною, выше всякаго выраженія, а прибавивъ къ этому тяжелое чувство, испытанное мною при видѣ нашихъ раненыхъ въ Юрбургъ, я могу сказать, что никогда еще и не имѣлъ испытанія столь сильнаго и столь тяжкаго. Я забылъ упомянуть что его выс-во, великій князь, не желая увеличивать трофеи непріятеля, имѣлъ предосторожность отправить въ Юрбургское депо подъ хорошимъ прикрытіемъ всѣ знамена, порученныя его храненію. Два его полка конногвардейцевъ и уланъ отличились, но много потерпѣли при Фридландѣ. По болѣзни Яковича конною гвардіею командовалъ Адамъ Чарторижскій.

Сердце мое, переполненное горестью, заставило меня говорить в. и. в-ву о событіяхъ, относящихся къ государственному благу и только косвенно касающихся меня самого. Чтобы перейти къ тому, что относится лично ко мнѣ, я долженъ возвратиться ко дню моего пріѣзда въ Юрбургъ. Я туда пріѣхалъ въ лодкѣ, экипажи же свои долженъ былъ оставить по ту сторону Шмана, и они прибыли только ночью. Е. и. вел. — во, государь императоръ, былъ проездомъ въ Юрбургъ въ то время, какъ я пріѣхалъ: потому что, узнавъ въ Олиттѣ о Фридландской битвѣ, онъ успѣлъ только осмотрѣть два полка изъ дивизіи Лабанова и поспѣшилъ прибыть въ Таурогенъ, чтобъ быть ближе къ театру войны. При свиданіи съ государемъ въ Юрбургъ, я получилъ отъ него приказаніе слѣдовать за нимъ въ Таурогенъ; пріѣхавши на третій день рано утромъ въ Таурогенъ, я съ удивленіемъ узналъ, что лошади для государя были уже готовы и что онъ ѣдетъ въ Шавли, гдѣ къ нему долженъ присоединиться король Пруссій. Во время представленія моего государю въ Тау-

рогенъ онъ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ получилъ отвѣтъ в. и. в-ва на замѣчанія, переданныя вамъ мною отъ имени его вел., что онъ поговоритъ со мною объ этомъ здѣсь и чтобы и за нимъ слѣдовалъ. Я тотчасъ же поѣхалъ, и вотъ я въ Шавляхъ. Я проѣхалъ десять нѣмецкихъ миль изъ Тильзита въ Юрбургъ, семь изъ Юрбурга въ Таурогенъ и 16 изъ Таурогена сюда. Если и еще поѣду въ Вѣну, то я съ разу проѣду еще 100 нѣмецкихъ миль сверхъ того, что уже проѣхалъ. Дорога сюда отъ Юрбурга чрезъ Таурогенъ есть не что иное, какъ отвратительный проселокъ, проходящій по пескамъ и холмамъ. Сегодня я довольно счастливо отдѣлался отъ приключенія, которос могло бы мнѣ стоить очень дорого. Приведенный въ въ нетерпѣніе дурною дорогой, чтобы пріѣхать поскорѣе, я оставилъ карету и пересѣлъ въ маленькую бричку моего курьера; но по оплошности крестьянина, правившаго лошадами, бричка опрокинулась всѣми четырьмя колесами къ верху. Хоть я и не спалъ, но ѣхалъ съ закрытыми глазами и не успѣлъ воспользоваться руками, чтобы сдѣлать паденіе менѣе чувствительнымъ. Шапка моя свалилась, и я получилъ сильный ударъ въ лобъ, повыше праваго глаза; боль была такъ сильна, что въ первую минуту я опасался поврежденія черепа, но къ счастью я отдѣлался только ссадиной да большою шишкой на лбу. Бричка и все что въ ней лежало накрыли меня совершенно; я былъ далеко отъ другихъ моихъ экипажей, одинъ на большой дорогѣ, имѣя при себѣ лишь одного слугу, сидѣвшаго рядомъ съ ящичкомъ; оба они не сумѣли разсмотрѣть лежавшей передъ ними дороги. Съ большимъ трудомъ высвободили они меня изъ-подъ лежавшей на мнѣ тяжести; не менѣе труда стоило мнѣ также подняться на ноги, которыя все еще не повинуются мнѣ и во время паденія не были пощажены. Я перевязалъ лобъ и, не прибѣгая ни къ какимъ лекарствамъ, кромѣ давле-

нія стали, надѣюсь, что она поможетъ мнѣ представиться завтра государю<sup>(3)</sup>. Завтра прїѣдетъ сюда король Прусскій. Его будутъ сопровождать только министръ его Гарденбергъ и адъютантъ Яго; я еще ничего не знаю о королевѣ и ея дѣтяхъ, въ Мемелѣ они или нѣтъ, думаетъ ли она тамъ остаться, что впрочемъ сомнительно, или нѣтъ, и куда она поѣдетъ оттуда.

Я исполнилъ приказанія в. в.-ва касательно графа Толстаго<sup>(4)</sup>. Вы можете отгадать отвѣтъ, который онъ мнѣ далъ. Онъ сказалъ мнѣ, что не обладаетъ искусствомъ красно писать, что затрудняется сочиненіемъ писемъ и не хотѣлъ говорить вамъ о тѣхъ событіяхъ, которыми вы могли узнать безъ него. Сѣрая лошадка, милостиво пожалованная ему в. и. в.-вомъ, очень доброе и красивое животное: онъ ѣздитъ на ней ежедневно, и обративъ на это мое вниманіе, просилъ меня сообщить объ этомъ в. и. в.-ву.

Вы удивляетесь, что я почти умолчалъ передъ в. и. в. о первыхъ успѣхахъ нашей арміи по возобновеніи военныхъ дѣйствій. Но я не могъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрятъ въ Петербургѣ, такъ какъ не могъ обманываться въ этомъ отношеніи; я жалѣлъ о томъ, что мы постоянно упускали удобный случай сдѣлать то, что слѣдовало, а потому и не могъ раздѣлять радость, возбуждаемую этими успѣхами вдали; ихъ послѣдствія слишкомъ ясно доказали, что я не ошибался.

Не нахожу словъ выразить мою признательность в. в.-ву за милостивое доставленіе письма отъ г-жи Литты. Письмо это преимущественно содержитъ выраженія глубокаго къ вамъ почтенія и желаніе, чтобы в. и. в.-во знали, какъ

<sup>(3)</sup> Передрага должна была быть тѣмъ чувствительнѣе, что ее потерпѣлъ человекъ, привыкшій къ самому утопченному образу жизни, обыкновенно ходившій въ бархатѣ, весь усыпанный брилліантами и разѣжавшій по Петербургу на шестеряхъ съ полонами изъ леопардовыхъ шкуръ!

<sup>(4)</sup> Вѣроятно, обергофмаршала графа Николая Александровича, находившагося тогда при государѣ.

сильно она чувствуетъ всѣ ваши благодѣянія и въ какой степени она предана вамъ всѣмъ сердцемъ. Хотя в. в.-во жалуется, что въ вашихъ комнатахъ Таврическаго дворца вы терпите отъ излишней жары, но воздухъ, которымъ вы дышите, и виды, которыми пользуетесь, гораздо лучше чѣмъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и я съ своей стороны очень радъ, что вы уже тамъ. По всему видно, что государь незамѣтно приближается къ эпохѣ своего возвращенія въ Петербургъ, а потому я льщу себя надеждою, что при этомъ ваше в.-во будете имѣть удовольствіе провести еще два мѣсяца нынѣшняго лѣта въ Павловскомъ.

Осмѣливаю просить в. в.-во отправить прилагаемое письмо князю Як. Лобанову; тамъ есть еще письмо къ нему отъ его сына, котораго я видѣлъ здрава и невредима въ Юрбургѣ, куда онъ провожалъ знамена своего полка; онъ готовился вернуться въ армію въ тотъ самый день, какъ я выѣхалъ изъ Юрбурга.

Прося в. и. в.-во заявить великой княжнѣ Екатеринѣ, что я вполне счастливъ узнать, что она не забыла меня, оканчиваю увѣреніемъ въ моемъ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть и пр.

P. S. Надѣюсь, что в. в.-во получили послѣднее мое письмо изъ Тильзита, № 9 отъ <sup>3</sup>/<sub>15</sub> іюня, которое я отправилъ съ эстафетою въ конвертѣ моихъ банкировъ Мемельскаго и Петербургскаго. Прошу в. в.-во, благоволите напомнить обо мнѣ старому моему другу г-жѣ Нелидовой и графинѣ Ливенъ.

## IX.

à Schawel le <sup>10</sup>/<sub>22</sub> de juin, 1807.

Je dois encore rendre compte à v. m-té, également par ordre de l'empereur, d'un entretien particulier que j'ai eu ce soir avec lui, avant qu'il eut appris la conclusion de l'armistice. En l'informant de la lettre de v. m-té du 7 que j'avais reçu aujourd'hui, je lui

ai dit les inquiétudes qu'elle avoit eue, ayant resté quatre jours sans nouvelles de sa part, tandis que les bruits de la ville annoncoient qu'une bataille sanglante avoit eu lieu. Il me repondit que ces bruits qui regardoient la bataille de Heilsberg n'avoient pu venir que d'Oserow, aide de camp de m-gr le grand duc qui sachant sa femme en couche avoit obtenu la permission du grand duc d'aller la voir; que le grand duc le lui avoit permis de son propre chef; que des permissions et des absences de ce genre étoient du plus mauvais exemple pour l'armée, et que quand elles avoient été accordées une fois, qu'il étoit difficile de les refuser ensuite à d'autres officiers qui pouvaient être aussi dans le cas de faire des demandes pareilles. Il ajouta qu'il écrivoit toujours très exactement à v. m-té, et ne manquoit pas de lui communiquer en originaux tous les rapports qu'il recevoit sur nos succès un peu conséquents, et même qu'il lui avoit envoyé le rapport de Bennigsen sur la bataille de Heilsberg le lendemain du jour qu'il l'avoit eu. A cette occasion il me récapitula toutes les raisons qui l'engageoient à désirer la paix, et qui depuis longtems sont si profondément gravées dans mon coeur, en disant que nous avions perdu un nombre effrayant d'officiers et de soldats, que presque tous nos généraux, et surtout les meilleurs d'entr'eux étoient blessés ou malades; qu'il n'y avoit plus à l'armée que cinq à six lieutenants-généraux, lesquels Gortschakoff, Ouvarow, Gallitzin, qui n'avoient ni expérience, ni talens militaires, et par conséquent qu'il manquoit à présent de chefs instruits, capables de commander les troupes et des corps détachés; qu'il lui étoit impossible (ce qui est une vérité incontestable) de continuer la guerre seul, et n'étant pas soutenu par

ses alliés; que l'Angleterre s'étoit mal conduite dès le commencement, et qu'à présent elle venoit de donner la promesse insignifiante beaucoup d'un corps auxiliaire de dix à douze mille hommes sans déterminer au juste le tems où elle le feroit, et quand que ce corps arriveroit ce seroit déjà trop tard; que le lord Gower, chargé de cette assurance, avoit aussi expliqué que l'Angleterre n'étoit pas en état de disposer de plus de deux millions deux cent mille livres sterling par an en faveur de ses liaisons sur le continent et que cette somme devoit être partagée entre la Russie, la Prusse et l'Autriche; qu'un secours pecuniaire d'aussi peu de valeur ne pouvoit pas l'aider dans les grandes dépenses qu'il avoit à supporter; qu'il se flattoit que la France ne voudroit pas entamer ses frontières, et que pour faire restituer à la Prusse ses possessions il avoit à offrir des équivalents par la Moldavie, la Walachie et les sept îles Ionniennes; enfin qu'il y avoit des circonstances, où il falloit songer de préférence à sa propre conservation, et ne suivre d'autres règles que le bien de l'état: ce qui est aussi une bien grande vérité. J'osai lui parler des plaintes des officiers blessés que j'avois vu à Yourbourg, qu'eux et l'armée en général n'avoient pas été payés depuis deux tièrsaux. Il s'écria que cet abus n'aurait jamais du exister, qu'il avoit toujours fait passer à l'armée des sommes considérables et suffisantes et que c'étoit une preuve de plus de la mauvaise gession des employés et des malversations du général Bennigsen, qui formoit une fortune aux dépenses de la caisse de l'armée, en favorisant aveuglement un livrancier-Juif, nommé Mérowitsch, dont le frère voulu suborner le secrétaire du c-te Liewen l'hiver dernier; que m-me de Bennigsen portoit

son mari à toutes ses mesures d'avarice et que Merowitsch captivoit sa protection par des présents continuels et avérés; qu'il ne pouvoit comprendre comment on avoit une si grande opinion de Bennigsen dans la capitale; qu'il n'étoit nullement considéré à l'armée, et qu'un chacun le trouvoit mou et sans énergie dans le commandement; qu'il ne faisoit que reculer après ses batailles, au lieu d'avancer comme le soldat russe y étoit accoutumé et comme Souworoff le faisoit toujours; et que ce n'étoit pas à lui et à ses prétendus talents, mais uniquement à l'intrépidité de nos troupes que nous devons nos victoires à Pultusk et à Eylau.

L'empereur avoit pris la résolution de retourner à Tauroggen pour faciliter la négociation de l'armistice. A présent que l'armistice est conclu, il y est toujours allé, et c'est pour diriger et presser mieux la négociation du traité de paix définitif. Il ne s'est fait accompagner que de Budberg, de Tolstoy, et de Liewen. Le reste de la suite reste ici; et il m'a ordonné de faire sans lui les honneurs de sa table au lord Gower, qui a demandé avec importunité de venir ici de Memel, et qui va nous arriver bien mal-à-propos pour lui. L'empereur compte revenir ici dans peu; probablement ce ne sera que pour passer en retournant à Pétersbourg; il m'a dit que ce sera alors qu'il me munira de ses derniers ordres pour Vienne.

Notre armée a passé le pont sur le Nièmen près de Tilsit, et après l'avoir brûlé elle s'est portée sur l'autre bord de la rivière. Mais l'activité de Bonaparte est si grande, qu'il est déjà avec toutes ses forces à Tilsit, où il loge dans la même maison qu'y occupoit l'empereur; et plusieurs de ses corps se sont avancés sur différents points jusqu'au Nièmen, et entr'autres, à ce

qu'on dit, jusqu'à Kedoullen qui est vis-à-vis de Yourbourg. Ce dernier endroit est sans aucune défense et se trouve être à présent le dépôt de tous nos blessés à la funeste journée de Friedland. Que de raisons donc pour faire cesser notre état de guerre et nous arranger au plutôt avec la France!

Le roi de Prusse, ayant à sa suite le maréchal de Kalckreuth, son ministre Hardenberg et son aide de camp Yago, part demain de grand matin pour rejoindre l'empereur à Tauroggen. Ce sera le maréchal de Kalckreuth qui négociera pour son maître avec Bonaparte.

## IX.

Шавли, 10<sup>1/2</sup> Июня 1807.

Я долженъ еще донести в. вел-ву., то же по приказанію государя, о конфиденціальномъ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ нынѣшній вечеръ, прежде чѣмъ было извѣстно о заключеніи перемирія. Сообщая государю о письмѣ в. в-ва отъ 7 числа, полученномъ мною сегодня, я ему сказала, что вы безпокоитесь, не получая четыре дня отъ него никакого извѣстія, между тѣмъ какъ, по городскимъ слухамъ, битва была кровопролитная. Государь отвѣчалъ, что слухи о Гейльбергерской битвѣ не могли быть распущены никѣмъ, кромѣ какъ адъютантомъ великаго князя Озеровымъ<sup>(3)</sup>, который выпросилъ себѣ у в.к. позволеніе повидаться съ женою по случаю ея родовъ; что великій князь далъ Озерову это позволеніе самовольно; что позволенія и отлучки подобнаго рода даютъ самый дурной примѣръ войску: если они ужь однажды допущены, то потомъ трудно отказать другимъ офицерамъ, которые могутъ обращаться съ подобною же просьбою. Государь прибавилъ, что онъ всегда извѣщалъ в. в-во весьма точно обо всемъ и сообщалъ даже въ подлинникѣ получаемыя имъ донесенія о нашихъ

(3) Ср. Р. Архивъ 1867, стр. 521, 558 и 782, въ Запискахъ гр. Комаровскаго.



наиболѣе важныхъ успѣхахъ и даже послалъ вамъ донесеніе Бенигсена о Гейльсбергской битвѣ на другой день по полученіи. При этомъ случаѣ государь исчислилъ мнѣ всѣ основанія, заставляющія его желать мира, и которыя давно уже глубоко начертаны въ моемъ сердцѣ; онъ говорилъ, что мы потеряли ужасающее число офицеровъ и солдатъ, что всѣ наши генералы, и въ особенности лучшіе, ранены или больны; что въ арміи только пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, которые напр. Горчаковъ, Уваровъ и Голицинъ не имѣютъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ, и что слѣдовательно у насъ нѣтъ свѣдущихъ начальниковъ, способныхъ командовать войсками и отдѣльными корпусами, и ему невозможно, что совершенно неоспоримо, продолжать войну одному, безъ помощи союзниковъ; что Англія ведетъ себя дурно съ самаго начала и теперь дала весьма незначительное обѣщаніе выставить войско въ 10—12 тысячъ, не опредѣляя съ точностію къ какому сроку, и это войско прійдетъ уже слишкомъ поздно; что лордъ Гауеръ, уполномоченный на это обѣщаніе, прибавилъ также, что Англія въ состояніи располагать лишь 2 мил. 200 тыс. фунтовъ стерлинговъ въ годъ для поддержки своихъ связей на материкѣ, и что эту сумму должно распределить между Россіей, Пруссіей и Австріей; что такое незначительное денежное пособіе не облегчитъ государя въ большихъ издержкахъ, которыя онъ долженъ принять на себя; что онъ льститъ себя надеждою, что Франція не захочетъ измѣнять наши границы и что для вознагражденія Пруссіи за ея владѣнія онъ полагаетъ предложить равносильныя въ видѣ Молдавіи, Валахій и 7 Ионическихъ острововъ; что наконецъ бывають обстоятельства, въ которыхъ нужно думать преимущественно о самосохраненіи и не руководствоваться никакими правилами кромѣ мысли о благѣ государства: это также величайшая истина. — Я осмѣлился передать

государю жалобы раненыхъ офицеровъ, видѣнныхъ мною въ Юрбургѣ<sup>(6)</sup>, на неплату имъ и вообще всей арміи жалованья за 2 трети. Государь воскликнулъ, что этого никогда бы не должно быть, что онъ всегда препровождалъ въ армію значительныя суммы, достаточныя на ея нужды, и что это служить новымъ доказательствомъ дурнаго управления чиновниковъ<sup>(7)</sup> и казнокрадства ген. Бенигсена, который богатѣлъ на счетъ военныхъ суммъ, слѣпо покровительствуя поставщика изъ Евреевъ Меровича, братъ котораго прошлою зимою хотѣлъ подкупить секретаря графа Ливена; что г-жа Бенигсенъ<sup>(8)</sup> подвигаетъ своего мужа на всѣ любостижательныя дѣйствія и что Меровичъ приобрѣлъ ея протекцію, какъ это доказано, непрерывными подарками; что онъ понять не можетъ, какимъ образомъ о Бенигсенѣ имѣютъ въ столицѣ такое высокое мнѣніе; что его ни мало не уважаютъ въ арміи, всѣ находятъ вялымъ и слабымъ въ управленіи; что онъ послѣ каждой битвы только все отступаетъ, вмѣсто того, чтобы итти впередъ, какъ привыкъ Русскій солдатъ и какъ это всегда дѣлалъ Суворовъ, и что нашими побѣдами при Пултускѣ и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимымъ талантамъ, а единственно доблести нашихъ войскъ.

Государь прінялъ рѣшеніе возвратиться въ Таурогенъ, чтобъ облегчить заключеніе перемирія; теперь, когда перемиріе уже заключено, онъ все таки отправился туда, для того, чтобы лучше направить и ускорить составленіе окончательнаго мирнаго трактата. Онъ взялъ съ собою только Будберга, Толстаго и Ливена. Остальная часть свиты осталась здѣсь. Государь поручилъ мнѣ въ свое отсутствіе пригласить къ царскому обѣду

<sup>(6)</sup> Слича показаніе К. Н. Батюшкова въ Р. Архивѣ 1867 стр. 1356.

<sup>(7)</sup> Извѣстно, что послѣ Тильзита провіантскіе чиновники лишены были мундира, ср. въ Запискахъ Мертваго, стр. 239 (Р. Архивъ 1867 года)

<sup>(8)</sup> Екатерина Фаддеевна дочь, дворянина гродненской губерніи Фаддея Романовича Андржейковича.

лорда Гауера, который безотвязно напрашивался приѣхать сюда изъ Мемеля и приѣдетъ очень въ невыгодную для себя пору. Государь располагаетъ скоро вернуться сюда, вѣроятно только проѣздомъ въ Петербургъ; онъ сказалъ, что тогда онъ и снабдитъ меня послѣдними приказаніями для Вѣны.

Наша армія перешла мостъ на Нѣманѣ близъ Тильзита, и сжегши мостъ, стала на другомъ берегу рѣки. Но быстрота Бонапарта такъ велика, что онъ уже въ Тильзитѣ со всѣми своими силами и помѣстился въ томъ самомъ домѣ, который занималъ государь<sup>(6)</sup>; многіе изъ его корпусовъ выступили впередъ на разныхъ пунктахъ даже до Нѣмана, и между прочимъ, какъ говорятъ, до Кедуллена, лежащаго противъ Юрбурга, который остается безъ всякой защиты, а между тѣмъ въ настоящее время служить убѣжищемъ всѣхъ нашихъ, раненныхъ въ гибельный Фриландскій день. И такъ сколько оснований прекратить военныя дѣйствія и уладить съ Франціей какъ можно скорѣе!

Король Прусскій со свитою, состояшею изъ маршала Калькрейта и министра Гарденберга, съ его адъютантомъ Яго, уѣзжаетъ завтра рано утромъ, чтобы встрѣтиться въ Таурогенѣ съ государемъ. Вести переговоры съ Бонапартомъ отъ лица своего государя будетъ маршалъ Калькрейтъ.

### Х.

à Schawel, le 10<sup>1/2</sup> de juin, 1807.

Madame,

Au milieu des angoisses que nous donnoit notre situation politique après les derniers désastres de notre armée, du sein des plus cruelles inquiétudes, nous voilà transportés dans la plus grande joie! Dieu a veillé sur la Russie, sur la personne et la gloire de l'empereur votre fils! Le sang ne coulera plus, les calamités qui affligeoient l'humanité

(6) Точно также, какъ въ іюль 1812 года въ Вильнѣ.

et l'Europe entière vont cesser; la Russie n'aura qu'à regretter les braves troupes qu'elle a perdu, mais leur bravoure lui a acquis une gloire nouvelle, et en recouvrant sa tranquillité elle conserve toute sa puissance et toutes ses frontières. Personne ne peut y prendre plus de part que v. m-té i-le: qu'elle me permette donc de lui en adresser mes vives félicitations.

C'est par ordre exprés de s. m-té l'empereur, que je l'informe qu'il y a une heure, quand il alloit monter déjà en voiture pour se rendre de nouveau pour quelques jours à Tauroggen, qu'un officier des gardes de Semenofski, expédié en courier par le p-cc Dmitrey Lobanoff lui a apporté l'agréable et heureuse nouvelle qu'il vient de signer à Tilsit avec le maréchal Berthier un armistice pour la durée d'un mois, pendant lequel on doit travailler à la confection du traité de paix définitif. La convention de l'armistice est absolument telle que nous pouvions la souhaiter: il n'y est question d'aucune garantie pour la France, d'aucune cession des trois forteresses Prussiennes qu'elle avoit commencé à demander pour sa sureté; le Niemen et la Narew sont indiquées pour limites aux contrées occupées par les deux armées. Le roi de Prusse doit envoyer son plénipotentiaire pour traiter séparément. L'empereur m'a aussi ordonné de marquer à v. m-té qu'il lui écrira avec détail sur cet événement, si peu attendu et si important, et qu'il lui enverra tous les papiers qui le concernent, d'abord après son arrivée à Tauroggen.

Il n'y a sorte de prévenances et de politesses qu'on n'ait temoignées au p-cc Labanoff au quartier-général françois, dès la première fois qu'il y a été. Berthier lui a dit sans hésiter que Bonaparte ne désiroit rien tant que de

faire la paix avec la Russie et de vivre toujours en paix et en alliance avec l'empereur. Labanoff y repondit que l'empereur par ses sentimens d'humanité désiroit aussi lui-même la paix, mais qu'elle dépendoit des conditions qui avoient à l'établir et que si celles-là n'étoient pas acceptables, qu'alors il préféreroit de continuer à employer toutes les forces que la Providence lui a confiées pour soutenir sa dignité et celle de sa couronne. Berthier repliqua, qu'il ne devoit pas se permettre une idée pareille, qu'il devoit l'éloigner entièrement de son esprit en traitant avec lui, que Bonaparte et toute la France savoient respecter une nation aussi brave que la nation Russe, et que la Russie n'auroit aucun sacrifice à faire. Enfin l'armistice a été conclû. Votre majesté en sera certainement contente! Il est un prélude propice et certain du traité de paix qui va le suivre.

Labanoff marque aujourd'hui entr'autres à l'empereur que Bonaparte l'a appelé chez lui, qu'il l'a admis à son diner, qu'il l'a gardé plus de cinq heures en l'entretenant toujours avec beaucoup de feu et de gaieté, et que pendant le diner il a versé du champagne dans son verre et le sien en lui proposant de boire ensemble à la santé de notre empereur, et qu'en en faisant les plus grands éloges il a ajouté qu'il l'avoit toujours estimé, qu'il avoit toujours désiré son amitié, et qu'il ne demandoit pas mieux que de la lui prouver en faisant avec lui une aillance utile aux deux empires et nécessaire au repos de l'Europe.

V. m-té daignera convenir que rien de plus heureux ne pouvoit nous arriver. Le Ciel nous accorde Sa bénédiction, et cette faveur dans l'époque la plus critique où se soit jamais trouvée

la Russie! Abandonnés, ou pas du tout soutenus autant que nous devons l'être, par nos alliés, nous avons à soutenir seuls tout le fardeau d'une guerre que nous ne pouvions faire qu'avec le concours efficace de l'Angleterre et de l'Autriche: nous manquons d'argent, de provisions, d'armes; nos troupes après les pertes qu'elles avoient subi ne pouvoient être renouvelées qu'aux dépens de notre population et encore les nouvelles recrues n'auroient-elles pas d'abord remplacés nos vieux soldats; nous avons devant nous, sur nos frontières, un ennemi victorieux, avec des forces trois fois plus considérables que les nôtres, qui n'avoient à faire qu'un pas en avant pour entrer dans nos provinces polonaises, où couve le feu de l'insurrection, et qui étoient toutes prêtes à le recevoir et à s'insurger! Qu'avions nous à lui opposer? Les débris d'une grande armée, découragée par tout ce que les généraux lui ont fait souffrir; une désorganisation parfaite dans nos moyens et nos ressources; aucun espoir de succès, et aucune utilité quelconque dans tous les sacrifices aux quels nous aurions pu encore nous obstiner! Ce tableau, exactement vrai, où rien n'est partial ou exagéré, suffit pour nous faire sentir combien nous sommes heureux de sortir aussi avantageusement de cette lutte pénible et dangereuse, où nous étions engagés. Je ne puis douter que v. m-té n'en partage avec moi la conviction.

Ayant trouvé m-r de Budberg à mon arrivée ici, pénétré des revers qu'avoient essayés nos armes et de ceux que nous redoutions à la suite de ceux-là, j'aime à croire qu'il est intérieurement revenu de cette tenacité en faveur de la continuation de la guerre que je regrettois tant en lui, et qu'il ne voudra pas entraver notre prompt réconcilia-

tion avec la France si bien commencée par Labanoff.

Comme je connois les sentimens de m-me la grande duchesse Cathérine, je suis persuadé du bonheur qu'elle éprouvera en apprenant la bonne nouvelle que je donne à v. m-té et par attachement pour elle, j'en jouis d'avance.

La paix que nous allons conclure, puisse-t-elle être aussi longue et durable que tout semble le présager? Il n'y a pas un mot encore des Turcs, mais il est probable qu'un des articles de notre paix avec la France les regardera, et ne manquera pas de les faire renoncer à leurs dispositions hostiles contre nous.

### X.

Шавлв, 10<sup>го</sup>/<sub>22</sub> Іюня, 1807.

Государыня,

Среди душевныхъ страданій, причиненныхъ нашимъ политическимъ положеніемъ послѣ послѣднихъ несчастій нашей арміи, вдругъ мы переходимъ отъ самаго тяжкаго безпокойства къ самой сильной радости. Богъ бодрствовалъ надъ Россіею, надъ особою и славою царя, вашего сына! Кровь не будетъ больше литься, бѣдствія, удручавшія челоѣчество во всей Европѣ, прекращаются; Россіи остается только сожалѣть о погубленныхъ храбрыхъ войскахъ, но ихъ доблесть доставила ей новую славу и, приобрѣтая миръ, она сохраняетъ свое могущество и неприкосновенность границъ. Никто не можетъ принимать въ этомъ болѣе участія, какъ ваше и. в-во, почему позвольте мнѣ принести вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе.

Я извѣщаю васъ объ этомъ по особому приказанію его в-ва государя императора. Назадъ тому часъ, когда государь уже садился въ экипажъ, чтобы снова отправиться на нѣсколько дней въ Таурогенъ, одинъ офицеръ Семеновской гвардіи, посланный курьеромъ отъ князя Димитрія Лобанова, привезъ пріят-

ное и счастливое извѣстіе, что князь и маршалъ Бертье подписали въ Тильзитѣ перемиріе на мѣсяць, въ продолженіи котораго будутъ работать надъ составленіемъ окончательнаго мирнаго трактата. Условія перемирія таковы, лучше какихъ мы не могли бы и желать: отъ Россіи не требуютъ никакихъ обезпеченій для Франціи, ни уступки трехъ Прусскихъ крѣпостей, которыхъ Франція начинала было требовать для своей безопасности; Нѣманъ и Наревъ назначены границами раіоновъ, занимаемыхъ обѣими арміями. Прусскій король долженъ прислать своего полномочнаго посланника для отдѣльныхъ переговоровъ. Государь приказалъ мнѣ также прибавить, что онъ будетъ в. в-ву писать подробно объ этомъ столь мало ожидаемомъ и столь важномъ событіи и пришлетъ вамъ всѣ бумаги, къ оному относящіяся, тотчасъ по возвращеніи въ Таурогенъ.

Князя Лобанова осыпали всѣми родами предупредительности и учтивостей въ главной французской квартирѣ, какъ только онъ туда прибылъ. Бертье сказало ему прямо, что Бонапартъ ничего такъ не желаетъ, какъ заключить миръ съ Россіею и жить всегда въ мирѣ и союзѣ съ государемъ. Лобановъ отвѣчалъ, что государь, по чувству челоѣколюбія, и самъ тоже желаетъ мира; но оный зависить отъ условій, на которыхъ его заключать, и если они будутъ неудобопріемлемы, то государь предпочтетъ употребить всѣ силы, въренныя ему Провидѣніемъ, для поддержанія достоинства своего и своей короны. Бертье отвѣчалъ, что не должно допускать къ себѣ и мысли объ этомъ, что князь долженъ удалить ее совершенно изъ головы при разговорѣ съ нимъ, что Бонапартъ и вся Франція умѣютъ уважать столь доблестный народъ, какъ народъ Русскій и что Россіи не должна будетъ дѣлать никакихъ жертвъ. Наконецъ перемиріе было заключено. В. вел-во навѣрно будете имъ довольны. Это благопріятный и вѣрный

предвѣстникъ мирнаго трактата, который за нимъ послѣдуетъ.

Лобановъ сегодня рассказывалъ между прочимъ государю, что Бонапартъ пригласилъ его къ обѣду и удержалъ его у себя пять часовъ слишкомъ, ведя постоянно бесѣду съ большимъ одушевлениемъ и веселостью; во время обѣда налилъ шампанскаго себѣ и ему и предложилъ выпить за здоровье нашего государя и, говоря о немъ съ величайшею похвалою, прибавилъ, что онъ всегда уважалъ его, всегда искалъ его дружбы и союза, полезнаго для обѣихъ имперій и необходимаго для спокойствія Европы.

В. в.—во согласитесь, что ничего болѣе счастливаго для насъ не могло случиться. Небо послало намъ благословеніе и оказало покровительство въ самую трудную пору, въ какой только Россія находилась когда либо. Оставленные или неподдержанные нашими союзниками, какъ это было, мы должны были одни нести всю тяжесть войны, которую мы могли бы вести лишь при дѣятельномъ пособіи Англіи и Австріи; у насъ не было ни денегъ, ни продовольствія, ни оружія; наши войска, послѣ испытанныхъ ими потерь, могли быть пополнены только насчетъ нашего народонаселенія, и рекруты на первой разъ не могли бы замѣнить нашихъ старыхъ солдатъ; мы имѣли передъ собою, у нашихъ границъ, побѣдоноснаго непріятеля, съ силами втрое большими, чѣмъ наши собственныя; ему оставалось сдѣлать одинъ шагъ впередъ, чтобы вступить въ наши Польскія провинціи, гдѣ тлѣетъ огонь возстанія и которыя совершенно готовы принять непріятеля и отложиться! А мы что могли ему противопоставить? Остатки большой арміи, лишенные всякой бодрости вслѣдствіе всего, что армія должна была вытерпѣть отъ ошибокъ ея предводителей; совершенное разстройство средствъ и субсидій; полную безнадежность успѣха и совершенную безпомощность всякихъ пожертвованій, къ

какимъ бы мы ни продолжали прибѣгать! Эта картина, совершенно вѣрная, въ которой ничего не преувеличено, достаточно убѣждаетъ, какъ мы счастливы, что вышли съ такою выгодною изъ этой трудной и опасной борьбы, въ которую вовлеклись. Не сомнѣваюсь, что ваше в—во раздѣляетъ мое убѣжденіе.

По пріѣздѣ моемъ сюда я нашелъ Будберга <sup>(10)</sup> вполне озабоченнымъ тѣми неудачами, которыя испытало наше оружіе, и тѣми, которыхъ мы должны вслѣдствіе того еще опасаться въ будущемъ; почему я охотно думаю, что Будбергъ совершенно отказался отъ упорнаго мнѣнія въ пользу войны, которое мнѣ было такъ жаль въ немъ видѣть, и что онъ не будетъ перечить нашему внезапному сближенію съ Франціей, которое такъ хорошо начато Лобановымъ.

Зная образъ мыслей великой княжны Екатерины, я увѣренъ, что извѣстіе, сообщаемое мною в. в-ву, принесетъ и ей большое удовольствіе, и по моей къ пей преданности я заранѣе этому радуюсь.

Миръ, который мы заключимъ, будетъ ли такъ продолжителенъ и проченъ, какъ это кажется? Еще ничего не говорено о Турціи; но вѣроятно одинъ изъ пунктовъ мирнаго трактата съ Франціей будетъ касаться и Турціи и конечно принудитъ ее оставить враждебныя отношенія къ намъ.

## XI.

à Schawel, le 14 juin, 1807.

Madame,

Je n'ai pas à me reprocher de ne pas m'être acquitté de mon devoir envers v. m—té i—le. Je m'en suis fidèlement acquitté d'après tous les sentimens sacrés qui m'attachent à elle. Je ne lui ai rien tu de tout ce que j'ai entendu et pu juger moi même de l'état où j'ai trouvé nos affaires, de la situa-

(10) Тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ.

tion de notre armée, des tristes événements auxquels ces dernières opérations ont donné lieu; des suites qui pouvoient en resuller, des moyens et des ressources qui nous restoiént pour continuer la guerre, des considérations multipliées à l'infini et des puissantes raisons qui nous faisoient un besoin urgent de la paix, et nous en commandoient le désir. Je ne puis rien ajouter à tout ce que j'en ai dit, j'en ai tracé à v. m-té à différentes reprises le tableau le plus énergique. Elle a pu voir que ma conviction étoit celle des personnes à qui j'avois à parler, et que la leur sur l'objet majeur qui doit nous occuper tous maintenant étoit la mienne. Je dois croire que mes dernières lettres n'étoient pas entre les mains de v. m-té i-le, quand elle m'a fait l'honneur d'écrire le 11 du courant: puisque je vois avec peine, que les nouvelles qui lui étoient parvenues alors contribuaient encore à l'induire en erreur. Je suppose qu'alors elle ne savoit que la bataille de Geilsberg, qu'elle ignoroit que le lendemain Bennigsen tourné par l'ennemi a été continuellement forcé par lui à des marches retrogrades, à des pertes sensibles, enfin à la funeste bataille de Friedland, où il est inculpé avec justice dans toutes les dispositions qu'il y avoit faites, et ensuite à sa retraite par Tilsit, audelà du Nièmen. Elle se livre à l'espérance par le contenu du rapport de Bennigsen, mais tous ses rapports à l'empereur étoient fallacieux, conçus en termes généraux et n'apprenant rien de positif et de détaillé sur ce qu'il avoit à lui faire connoître du nombre effectif de ses troupes et de la perte qu'elles subissoient graduellement en tués, en blessés et en marodeurs. Il a le reproche général d'être trop indifférent à la tenue, à la conservation et à l'em-

ploi der troupes qui lui sont confiées. Je ne sais comment on a pu dire à v. m-té que Koenigsberg a été incendié; ce que nous savons de cette malheureuse ville, c'est que l'ennemi, après l'avoir prise, en a exigé une contribution de deux millions d'écus, et ne s'y est porté au reste à aucun excès. Je ne puis cacher à v. m-té que les François ne dévastent pas les contrées où ils font la guerre, et que les Prussiens, même ceux qui ne s'entendent pas du tout à la politique, s'en plaignoient beaucoup moins que de nous.

Après l'heureuse nouvelle de l'armistice et le départ de l'empereur pour Taurroggen, nous ne savons rien ici de tout ce qui se passe. Nous vivons à Schawel, Czartoriski, Novossillzow, Hagarin, Albedil et moi, dans une parfaite ignorance sur l'importante négociation qui doit être maintenant sur le tapis. Nous attendons avec une vive impatience le retour de l'empereur et la conclusion de la paix, en désirant que celle-là soit honorable et avantageuse à la Russie. Il paroît qu'elle le sera, et qu'on peut l'espérer d'après les procédés et toutes les paroles de Bonaparte et de ses généraux connues jusqu'à présent. — Nous avons eu ici hier Beklescheff qui avoit obtenu la permission de l'empereur de venir prendre en personne ses ordres sur des mesures qu'il jugeoit nécessaires pour garantir dans ce moment nos ports de la Baltique contre toute entreprise de l'ennemi entreprenant que nous avions à combattre. Il a continué son voyage jusqu'à Taurroggen et comme il est probable que l'empereur daignera l'entretenir en particulier, Beklescheff ne manquera pas de lui faire connoître toute la plénitude de ses inquiétudes sur la continuation de la guerre et de ses desirs les plus motivés et les plus per-

suasifs de la paix. Il pense aussi, et il le pense hautement, qu'il est bien tems, que nous ne songions qu'à nous seuls, que nous nous appercevions combien nos fautes en politique nous ont déjà été nuisibles, et que nous cessions de nous sacrifier aveuglement aux uniques intérêts d'alliés, qui, au lieu de nous assister, autant qu'ils l'auroient du, ne songent qu'à leurs propres convenances et sont toujours prêts à nous abandonner à notre propre sort. C'est l'opinion de Beklescheff, et elle doit être du plus grand poids, quand on se rappelle de son attachement pour son pays et des preuves qu'il a données de son caractère ferme et loyal.

La manière dont j'existe depuis plus de trois semaines est en vérité plus pénible à supporter, que toutes les douleurs de la goutte dont j'ai eu à souffrir pendant plus de trois mois de cet hiver. Je suis consumé d'ennui, d'angoisses, d'inquiétudes, d'impatience, et j'éprouve que des toutes les souffrances, aux quelles les pauvres humains sont assujétis, les souffrances morales sont les plus cruelles. Ici nous ne faisons que dormir, manger et jouer au boston; nous ne pouvons pas même nous promener et nous donner de l'exercice, parcequ'il fait froid et qu'il pleut tous les jours.

Je me mets aux pieds de m-me la grande duchesse Cathérine et je suis avec le plus profond respect etc.

## XI.

Шавли, 14 іюня 1807

Государыня,

Не могу упрекнуть себя, что я не исполнилъ своей обязанности предъ в. и. в.: я ее исполнилъ вѣрно, сообразно съ священными чувствами, которыя я къ вамъ питаю. Я ничего не утаилъ отъ васъ изъ всего что я слышалъ и

II. 2.

что могъ самъ сообразить о положеніи нашихъ дѣлъ и нашей арміи, о печальныхъ произшествіяхъ, вызванныхъ ея послѣдними дѣйствіями; я объяснилъ послѣдствія, которыя могли изъ нихъ выйти, средства и ресурсы, остававшіеся намъ для продолженія войны, безконечно разнообразныя соображенія и сильныя причины, которыя дѣлали миръ настоятельно-необходимымъ и усиливали въ насъ желаніе этого мира. Мнѣ нечего прибавить къ тому что я писалъ; я въ нѣсколькихъ письмахъ представилъ в. в-ву картину самую вѣрную и самую сильную. Вы видѣли, что моимъ убѣжденіемъ было убѣжденіе тѣхъ лицъ, съ которыми я говорилъ, и что ихъ мнѣніе о большей части предметовъ, насъ теперь занимающихъ, сходно съ моимъ. Я долженъ полагать, что мои письма еще не были въ рукахъ в. и. в.—ва, когда вы меня почтили письмомъ отъ 11 сего мѣсяца: ибо я съ сожалѣніемъ вижу, что дошедшія до васъ тогда новости клонились къ тому, чтобы ввести васъ въ заблужденіе. Я полагаю, что вы тогда знали только еще объ одной Гейльсбергской битвѣ; вы еще не знали, что на слѣдующій день Бенингсень, опрокинутый непріятелемъ, былъ постоянно принуждаемъ къ попятнымъ движеніямъ и испытывалъ чувствительныя потери; что наконецъ онъ былъ вовлеченъ въ Фридландскую битву, гдѣ на него падаетъ справедливое обвиненіе за всѣ имъ сдѣланныя распоряженія, и затѣмъ отступилъ чрезъ Тильзитъ на другую сторону Нѣмана. Вы предаетесь надеждамъ на основаніи донесеній Бенингсена; но всѣ его донесенія государю лживы, состоятъ изъ общихъ мѣстъ и не говорятъ ничего тако-го что бы дало государю положительное и обстоятельное показаніе о дѣйствительномъ числѣ его войскъ и о ихъ постепенной убыли убитыми, ранеными и бѣжавшими. Бенингсена всѣ упрекаютъ въ излишнемъ равнодушіи къ содержанію ввѣренныхъ ему войскъ, ихъ сохраненію и употребленію. Не понимаю, какъ могли сообщить в. в-ву, что Кенигсбергъ сож-

РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 6

женъ; мы знаемъ объ этомъ несчастномъ городѣ только то, что непріитель, взявши его, потребовалъ контрибуціи въ 2 милліона гал., но впрочемъ не доходилъ ни до какихъ крайностей. Не могу скрыть отъ в. в-ва, что Французы не опустошаютъ тѣ страны, гдѣ они ведутъ войну, и что Прусаки, даже тѣ, которые ничего не понимаютъ въ политикѣ, жалуются на Французовъ меньше, чѣмъ на насъ.

Послѣ счастливаго извѣстія о перемиріи и отъѣзда государя въ Таурогенъ, мы здѣсь совершенно ничего не знаемъ о томъ, что происходитъ въ арміи. Мы живемъ въ Шавляхъ, Чарторижскій, Новосильцевъ, Гагаринъ, Альбедиль и я, въ совершенномъ невѣдѣніи о важныхъ перемѣнахъ, которые теперь ведутся. Ожидаемъ съ живымъ нетерпѣніемъ возвращенія государя и заключенія мира, желая притомъ, чтобъ онъ былъ честенъ и выгоденъ для Россіи. Кажется, онъ таковъ и будетъ; этого можно ожидать по всему ходу дѣлъ, по словамъ Бонапарта и его генераловъ, которые до сихъ поръ извѣстны. — Вчера у насъ былъ здѣсь Беклешовъ, который получилъ отъ государя позволеніе пріѣхать, чтобы принять лично его приказанія касательно мѣръ, признаваемыхъ необходимыми, чтобъ обезопасить наши Балтійскіе порты противъ всѣхъ покушеній предприимчиваго непріятели, съ которымъ мы имѣли войну. Беклешовъ продолжалъ свое путешествіе до Таурогена, и какъ государь вѣроятно удостоитъ его конфиденціального разговора, то Беклешовъ не преминетъ сообщить ему во всей силѣ свои опасенія, чтобы война не продолжилась и свои самыя основательныя и убѣдительныя желанія мира. Онъ думаетъ также, и думаетъ открыто, что пора намъ начать заботиться только о себѣ, пора увидѣть, сколько намъ повредили наши политическія ошибки, пора перестать слѣпо жертвовать собою выгодамъ союзниковъ, которые вмѣсто того, чтобы помогать намъ какъ бы то слѣдовало, думаютъ только о своихъ удобствахъ и всегда готовы предоставить

насъ нашей собственной участи. Таково мнѣніе Беклешова, и оно получаетъ сильный вѣсъ, когда вспомнишь о его преданности отечеству и явленныхъ имъ доказательствахъ твердаго и честнаго характера.

Образъ моей жизни въ послѣдніе три недѣли по истинѣ несноснѣе подагры, которою я страдалъ три мѣсяца въ эту зиму. Скука, тоска, безпокойство, нетерпѣніе одолѣваютъ меня, и я по себѣ испытываю, что изъ всѣхъ страданій, которымъ подвержено слабое человечество, душевныя страданія самыя невыносимыя. Мы здѣсь только снимаемъ, ѣдимъ и играемъ въ бостонъ; не можемъ даже гулять и дѣлать движеніе, потому что погода холодная и каждый день идетъ дождь.

Припадаю къ стопамъ ея высочества великой княжны Екатерины и остаюсь съ глубочайшею преданностію и пр.

## XII.

à Tilsit le 18<sup>o</sup>/<sub>30</sub> de juin 1807

Madame,

J'étais à Schawel, où j'attendais le retour et les derniers ordres de s. m-té l'empereur, pour me rendre de là directement au lieu de ma destination, quand je reçus vendredi passé une lettre de sa part qui me prescrivait de venir le joindre sans delai parcequ'il avoit besoin de moi. Je partis sur le champ; j'abandonnai ma voiture et mes équipages pour arriver plus vite; je me mis dans le petit britschka de mon courrier où j'avais déjà versé. Je passai deux nuits sans dormir et deux jours sans diner. Jamais je ne me suis moins ménagé que dans cette course; et malgré mon peu d'habitude à le faire et les inquiétudes que me donnoient ma santé et l'état valétudinaire de mes pieds, le Ciel m'a soutenu, et je suis arrivé heureusement ici avant-hier dans l'après diner. Je me suis d'abord présenté



chez l'empereur, qui fut très content de mon empressement à remplir l'ordre qu'il m'avoit donné. Après m'avoit instruit de sa première entrevue sur le Nièmen et des termes d'amitié et de bonne intelligence, où il en étoit déjà avec l'empereur Napoléon, il me prévint qu'il m'avoit appelé pour travailler conjointement avec le p-cc Dmitrey Labanoff à la confection du traité de paix avec la France, et que Napoléon, dès la première fois qu'il l'avoit vû, lui avoit demandé de mes nouvelles avec beaucoup d'intérêt. Je lui fus présenté des le même soir par s. m-té l'empereur. Napoléon m'a reçu de la manière la plus distinguée en me disant en présence de l'empereur et de leurs deux suites, qu'il s'étoit toujours souvenu avec plaisir et reconnaissance de l'époque où j'avois été à la tête des affaires comme vice-chancelier, et des soins que j'avois eû de consolider les liaisons qui s'étoient rétablies entre la Russie et la France. Je fus accueilli par Talleyrand, Berthier et le grand duc de Berg avec les mêmes souvenirs et les mêmes expressions. Duroc et Caulaincourt me remercièrent pour la reception que je leur avoit faite à Pétersbourg. Tous, en commençant par Napoléon, ne tarrissent pas en eloges sur la personne de l'empereur, et témoignent hautement leur grande satisfaction que les mésentendus qui désunissoient nos deux empires sont dissipés, et que leur union va enfin accorder à l'humanité souffrante le bienfait de la paix, dont la France et la Russie et toute l'Europe ont un si grand besoin! Ils répètent tous, et c'est une vérité incontestable, que notre alliance avec eux peut seule contribuer au retour et assurer à l'avenir la durée de la tranquillité générale en Europe. Napoléon a déjà donné des preuves à l'empereur de son desir de le pre-

venir en tout: il a envoyé par lui l'ordre à son général Laval d'évacuer le duché de Meklembourg-Schwerin et d'y retablir le duc dans tous ses droits; il a écrit au grand visir et à Sebastiani par le p-cc Nikita Wolkonsky qui a été réexpédié avant-hier d'ici au général Michelson pour faire cesser d'abord toutes les hostilités des Turcs contre nous; il lui a annoncé qu'il lui restituait tous les prisonniers Russes avec uniformes et armes complètes. Enfin il n'y a pas d'attentions et de prévenances qu' il ne lui témoigne.

Le Dieu des Russes veille et répand Ses bénédictions sur eux toujours! La Russie sort de cette guerre avec gloire et un bonheur inattendu; elle est recherchée par la puissance qu'elle avoit combattue, quand celle-là se voyoit avec une supériorité décidée de forces et avoit obtenu sur nous les plus grands avantages par la malheureuse bataille de Friedland, donnée hors de propos et si inutilement, quand nous ne pouvions plus agir que défensivement, et que nous avions à nous attendre aux grandes et penibles suites qui devoient en resulter; et au lieu de voir ses frontières reculées elle les étend. Sans rien perdre de ses possessions, elle en acquiert de nouvelles: elle gagne pour ses provinces Polonaises une nouvelle frontière militaire qui les lui assure à jamais, elle devient l'ange tutelaire du roi de Prusse qui trouve dans l'empereur son sauveur et va recevoir de ses mains la restitution d'une grande partie de ses états, qu'il n'a su ni conserver, ni défendre. Je ne me permets pas d'impiéter (?) sur tout ce que v. m-té ne manquera pas d'apprendre de l'empereur son fils de toutes les propositions que lui avoit faites Napoléon. Elle en sera informée sans doute par lui avec détail, et saura que sa loyauté, sa dé-

licatesse, la modération qui est une de ses grandes vertus, l'ont empêché d'en profiter. Il lui a répugné de partager les dépouilles d'un allié abbattu et sans ressources. Il ne dépendoit que de lui de réunir à ses vastes états toutes les provinces Polonaises de la Prusse, et de prendre le titre de roi de Pologne — Napoléon les lui a offerts; mais il a eu la grandeur d'âme de ne pas le vouloir. Ce ne sera qu'après la confection de l'oeuvre salutaire à laquelle je vais travailler qu'il me sera possible de parler à v. m-té des acquisitions que nous allons faire et des autres avantages que l'alliance de la France va nous procurer dans peu. Je ne puis exprimer combien je me sens heureux de vous annoncer que l'expérience et les évènements de ces cinq dernières années ont conduit l'empereur à retourner au système et aux principes que j'avois adopté par conviction comme les plus convenables à ses intérêts, dont j'ai été il y a cinq ans l'innocente victime, et desquels cependant rien ne m'a fait devier.

Je ne puis taire à v. m-té que Talleyrand et son maître ont déjà eû le tems de me dire combien ils souhaitoient que l'empereur m'employe de préférence à Paris. Je ne leur ai répondu chaque fois qu'en termes très vagues, car ce n'est pas ce que je désire. Je me borne au bonheur que j'ai de devenir un des instrumens du rétablissement de la paix et de cette considération influente où se trouvera toujours à l'avenir la Russie, et j'ai déjà pris la liberté de prévenir l'empereur que je déclinai d'avance l'ambassade de Paris, quelque flatteuse qu'elle put m'être dans les circonstances actuelles, et que je ne souhoitais et ne lui demandois que d'aller toujours à Vienne dès que j'aurai tout fini

ici. Je lui ai avoué sans détour, que je ne pouvai me décider à accepter ce poste, parceque prisant les bontés de v. m-té pardessus tout, je ne pouvois oublier que même en plaisantant elle n'avoit jamais voulu que j'aïlle à Paris; que j'étois trop vieux pour vouloir m'exposer à toutes les fausses interprétations que ceux qui sont à Pétersbourg d'un système opposé au mien n'auroient pas manqués de donner à toutes mes démarches quand même elles n'auroient été animées que par le zèle le plus pûr pour le service et le bien de ma patrie; et puis qu'ayant déjà fait de très grandes dépenses pour mon établissement à Vienne, où tout étoit prêt pour le séjour que j'avois à y faire, d'après la vocation spontanée qu'il m'y avoit donnée depuis si longtems, l'état de mes finances me défendoit de songer et de consentir à un déplacement aussi ruineux.

A cette occasion, j'ai osé prier l'empereur de m'instruire déjà à présent préliminairement des dispositions que m'avoit inspirée la réponse de v. m-té par rapport à l'affaire de confiance qu'elle m'avoit chargée de soigner à Vienne. En me disant la reponse de v. m-té qui étoit entièrement conforme à l'attente que j'en avois eu, il me déclara que je recevrai ses derniers ordres de Pétersbourg, qu'il me les enverroit par un courier qui m'atteindroit en chemin avant que je n'arrive à Vienne, qu'il vouloit parler encore à v. m-té, qu'il aimoit trop sa soeur pour ne pas s'intéresser vivement à son sort et à son bonheur, qu'il étoit toujours persuadé que le mariage projeté, par les qualités desagréables de l'individu auquel elle seroit unie, ne la rendroit pas heureuse; qu'en attendant les ordres dont il ne manqueroit pas de me munir d'abord après son entrevue avec v. m-té,

je ne devais faire aucun usage de la lettre dont j'étois le dépositaire, et qu'il auroit souhaité que v. m-té puisse au moins attendre le compte que j'aurai à lui rendre de l'impression produite sur moi par la personne en question. Il a ajouté aussi que les affaires générales et la situation de la Russie venoient de changer tellement, qu'il seroit facile de trouver un autre établissement pour m-me la grande duchesse Cathérine, plus assortissant et plus convenable. Je repliquai qu'entre tous les partis qu'on pouvoit choisir pour elle, il me sembloit qu'il n'y en avoit aucun après celui-là qui lui offroit autant d'avantages que celui qui lui avoit déjà été destiné autrefois, c'est de celui la p-cc royale de Bavière, et que si elle n'avoit pas à devenir impératrice d'Autriche qu'elle devienne au moins reine de Bavière, mais que la Bavière s'étoit si mal conduite envers la Russie depuis deux ans, et que v. m-té et m-me la grande duchesse avoient été si indignées de savoir le p-cc royal servir dans l'armée française contre nous, qu'elle l'avoit déjà jugé indigne d'obtenir la main de m-me la grande duchesse. C'est à vous deux à décider sa m-té l'empereur; quand à moi je continue à souhaiter avec vivacité les moyens de pouvoir contribuer activement à fixer le sort et le bonheur futur de m-me la g-de duchesse Cathérine, à qui je suis attaché pour la vie de coeur et d'âme!

Les deux empereurs, le roi de Prusse, m-gr le grand duc et le grand duc de Berg ont diné tous les jours seuls dusqu'à présent chez Napoléon. La suite à l'empereur est invitée ordinairement à diner chez un des maréchaux de France. Hier nous avons diné chez le prince de Neuchatel, et après que le diner de Napoléon fut fini, on se pré-

sente dans son antichambre où il parroit. Il vient lui-même tous les jours chez l'empereur, et reste avec lui tête-à-tête des heures entières; il a fait sa visite hier au roi de Prusse et n'y est resté que quelques minutes.

Hardenberg n'est pas ici, et on dit qu'il ne gardera pas sa place. Le p-cc Dmitrey Labanoff vénère v. m-té comme sa bienfaitrice, et m'a instamment prié de le mettre à ses pieds.

Tous les François et principalement Caulaincourt m'ont beaucoup parlé de la bienfaisance et des vertus de v. m-té et de l'état florissant auquel elle avoit portée les établissemens qui étoient sous ses auspices.

Comme je numerotte mes lettres pour être sûr de leur exacte reception, je supplie v. m-té de vouloir bien m'indiquer toujours les N<sup>o</sup> qui lui en parviennent et auxquels elle me répond.

Que v. m-té daigne me rappeler à la memoire de m-me la grande duchesse, et agréer l'hommage du profond respect avec lequel je suis etc.

## XII.

Тильзитъ 18  
30 июня 1807.

Государыня.

Я жилъ въ Шавляхъ, ожидая возвращенія и послѣднихъ приказаній его величества государя императора, чтобы оттуда прямо отправиться къ мѣсту моего назначенія; но въ прошлую пятницу я получилъ отъ государя письмо, въ которомъ онъ приказываетъ мнѣ немедленно прѣхать къ нему, такъ какъ я ему нуженъ. Я тотчасъ же выѣхалъ; оставивъ карету и багажъ, чтобы доѣхать поскорѣе, я сѣлъ въ небольшую бричку моего курьера, въ которой я ужъ разъ опрокинулся. Я провель двѣ ночи безъ сна и два дня безъ пищи; никогда я не берегъ себя меньше, чѣмъ въ эту поѣздку; и, не смотря на мою непри-

вычку къ этому и на безпокойство отъ общаго нездоровья и болѣзни ногъ, Богъ мнѣ помогъ, и я благополучно пріѣхалъ сюда третьяго дня послѣ обѣда. Я прежде всего явился къ государю, который былъ очень доволенъ моею поспѣшностью въ исполненіи его приказанія. Сообщивъ мнѣ о своемъ первомъ свиданіи на Нѣманѣ и о дружескихъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ уже находился съ императоромъ Наполеономъ, государь предупредилъ меня, что онъ призвалъ меня, чтобы поручить мнѣ вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Лобановымъ составленіе мирнаго трактата съ Франціей. Государь сообщилъ еще, что Наполеонъ при первомъ же свиданіи освѣдомился съ большимъ участіемъ обо мнѣ. Я тотъ же вечеръ былъ ему представленъ государемъ. Наполеонъ принялъ меня самымъ откровеннымъ образомъ, сказалъ мнѣ въ присутствіи государя и обѣихъ свитѣ, что онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ и признательностію о той порѣ, когда я стоялъ во главѣ дѣлъ, какъ вице-канцлеръ, и о моихъ стараніяхъ укрѣпить добрыя отношенія, установившіяся между Россіей и Франціей. Талейранъ, Бертье и вел. герцогъ Бергскій <sup>(1)</sup> приняли меня съ такими же воспоминаніями и выраженіями. Дюрокъ и Коленкуръ благодарили меня за пріемъ, мною сдѣланный имъ въ Петербургѣ. Всѣ, начиная съ Наполеона, неистощимы въ похвалахъ государю и громко выражаютъ великое удовольствіе, что недоразумѣнія, разъединившія наши государства, прекратились и что ихъ согласіе принесетъ наконецъ страждущему человечеству благодѣтельный миръ, въ которомъ Франція, Россія и вся Европа ощущаютъ такую сильную нужду! Всѣ они повторяютъ, и это совершенная истина, что только нашъ союзъ съ ними и можетъ возстановить общее спокойствіе Европы и ручаться за его продолженіе въ будущемъ. Наполеонъ доказалъ уже государю свое желаніе быть во всемъ предупредительнымъ: онъ послалъ чрезъ него

(1) Мюратъ.

приказъ своему генералу Лавалю очистить герцогство Мекленбургъ-Шверинское и возстановить тамъ герцога во всѣхъ его правахъ; онъ писалъ великому визирю и Себастьяни чрезъ князя Никиту Волконскаго, который былъ обратно посланъ отсюда третьяго дня къ генералу Михельсону, о прекращеніи всякихъ неприязненныхъ дѣйствій Турокъ противъ насъ; онъ объявилъ государю, что возвращаетъ ему всѣхъ русскихъ плѣнныхъ съ мундирами и полнымъ оружіемъ. Словомъ, Наполеонъ оказываетъ государю всевозможное вниманіе и предупредительность.

Русскій Богъ бодрствуетъ надъ нами и посылаетъ Свое благословеніе на насъ! Россія выходитъ изъ этой войны съ неожиданною славою и счастьемъ. Государство, съ которымъ она боролась, заноситъ ея расположенія, въ то время, когда на его сторонѣ было рѣшительное превосходство силъ, когда оно получило надъ нами величайшій перевѣсъ вслѣдствіе несчастнаго Фриланскаго сраженія, даннаго не кстати и такъ бесполезно; когда мы могли дѣйствовать лишь оборонительно и должны были ожидать оттого весьма грустныхъ послѣдствій; и вотъ вмѣсто сокращенія своихъ границъ, Россія видитъ ихъ расширеніе; ничего не теряя изъ своихъ владѣній, она пріобрѣтаетъ новыя; она пріобрѣтаетъ для своихъ Польскихъ провинцій новую военную границу, которая ихъ обезпечиваетъ для нея навсегда; она дѣлается Ангеломъ-хранителемъ короля Прусскаго, который въ нашемъ государѣ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть своихъ владѣній, которыхъ онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить. Я не позволю себѣ впередъ судить о томъ, что в. в-во не преминетъ узнать отъ государя-вашего сына касательно всѣхъ предложеній, которыя ему дѣлалъ Наполеонъ. Вы будете безъ сомнѣнія извѣщены объ этомъ подробно самимъ государемъ и узнаете, что его честность, деликат-

ность и умѣренность, составляющая одну изъ величайшихъ его добродѣтелей, не позволили ему воспользоваться этими предложеніями. Онъ отказался раздѣлить владѣнія побѣжденнаго и разореннаго союзника. Отъ него самого зависѣло присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ Польскія провинціи Пруссіи и принять титулъ короля Польскаго. Наполеонъ предлагалъ это государю, но онъ имѣлъ великодушіе не пожелать этого. Говорить в. в-ву о предстоящихъ намъ приобрѣтеніяхъ и другихъ выгодахъ, которыя въ скоромъ времени принесетъ намъ союзъ съ Франціей, мнѣ можно будетъ только по окончаніи благодѣтельнаго трактата, надъ которымъ я теперь тружусь. Не умѣю выразить, какъ я чувствую себя счастливымъ, сообщая вамъ слѣдующее извѣстіе: опыты и событія послѣднихъ пяти лѣтъ возвратили государя опять къ той системѣ и принципамъ, которые и по своему убѣжденію признаю за наиболее сообразныя съ его интересами, и невинною жертвою которыхъ я былъ назадъ тому пять лѣтъ, но отъ которыхъ однако ничто не могло меня отклонить.

Не могу умолчать предъ в. в-мъ, что Талейранъ и его государь успѣли уже сказать мнѣ, какъ они желаютъ, чтобъ государь послалъ въ Парижъ меня, а не другаго кого; я имъ отвѣчалъ всякій разъ весьма неопредѣленно, потому что я вовсе того не желаю. Я довольно счастливъ ужъ тѣмъ, что сдѣлался однимъ изъ орудій возстановленія мира и того вліятельнаго значенія, которое Россія сохранитъ навсегда въ будущемъ; я осмѣлился предупредить государя, что заранѣе уклоняюсь отъ посольства въ Парижъ, какъ оно ни лестно для меня въ настоящихъ обстоятельствахъ, и что я ничего не желаю болѣе и ни о чемъ не прошу, какъ только приказанія ѣхать въ Вѣну, когда здѣсь все кончу. Я сознался государю откровенно, что не могу рѣшиться принять этотъ постъ, потому что, стави милости в. в-ва выше всего, я не могу забыть, что вы, даже шутя,

всегда выражали нежеланіе, чтобъ я поѣхалъ въ Парижъ; что я слишкомъ старъ, чтобы подвергать себя ложнымъ толкованіямъ, которыя люди противоположной системы въ Петербургѣ не преминули бы дать всѣмъ моимъ дѣйствіямъ, хотя бы они были внушены самою чистою ревностью къ службѣ и стремленіемъ къ благу Россіи; наконецъ, что сдѣлавъ уже весьма большія издержки для моего пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ все уже приготовлено для моего тамъ жительства, на основаніи назначенія, которое государь изволилъ самъ мнѣ дать уже такъ давно, и не могу по моимъ денежнымъ обстоятельствамъ думать о столь разорительномъ перемѣщеніи въ Парижъ и согласиться на оное (12).

При этомъ случаѣ я осмѣлился просить государя дать мнѣ теперь же предварительныя приказанія, какъ я долженъ поступать въ вѣдствіе отвѣта вашего в-ва относительно семейнаго дѣла, которое вы мнѣ поручили устроить въ Вѣнѣ. Сообщая мнѣ отвѣтъ в. в-ва, совершенно согласный съ моимъ ожиданіемъ, государь объявилъ, что я получу его послѣднія приказанія изъ Петербурга, что онъ пришлетъ ихъ мнѣ съ курьеромъ, который догонитъ меня на дорогѣ прежде, чѣмъ я доѣду до Вѣны. Онъ желаетъ еще переговорить съ в. в-мъ; онъ слишкомъ любитъ свою сестру для того, чтобы не принимать въ ся судьбу и счастья живаго участія; онъ всегда былъ убѣжденъ, что предполагаемый бракъ, по неприятнымъ качествамъ челоуѣка, съ которымъ она должна соединиться, не сдѣлаетъ ее счастливою. Въ ожиданіи его приказаній, которыми онъ не преминетъ меня снабдить послѣ свиданія съ в. в-мъ, я не долженъ дѣлать никакого употребленія изъ ввѣреннаго мнѣ письма; онъ бы желалъ, чтобъ в. в-во подождали по крайней мѣрѣ

(12) Въ послѣдствіи князь А. Б. Куракинъ долженъ былъ покоряться обстоятельствамъ и довольно долго занималъ постъ нашего посла въ Парижѣ.

моего отчета о впечатлѣніи, которое на меня произведетъ извѣстная особа. Государь прибавилъ, что вообще дѣла и положеніе Россіи недавно измѣнились въ такой степени, что для ея в-ва великой княжны Екатерины можно найти другое положеніе, болѣе приличное и выгодное. Я отвѣчалъ, что между всѣми партіями, которыя можно для нея выбрать, послѣ этой, мнѣ кажется, не остается другой, столь выгодной, какъ та, которая была для нея предположена прежде,—это бракъ съ принцемъ Баварскимъ, и если ей не придется сдѣлаться императрицею Австрійскою, то пусть она сдѣлается королевою Баварскою; но Баварія въ послѣдніе два года держала себя такъ дурно въ отношеніи Россіи, в. в-во и ея в-во в. княжна такъ были недовольны извѣстіемъ, что Баварскій принцъ служитъ во франц. арміи, противъ насъ, что вы считаете принца уже недостойнымъ получить руку ея высочества великой княжны. Отъ васъ обѣихъ зависитъ расположить е. в. государя императора къ тому или другому рѣшенію; что касается до меня, я продолжаю усердно желать найти средство дѣйствительно упрочить участь и будущее счастье ея выс-ва великой княжны Екатерины, которой я преданъ душею и сердцемъ на всю жизнь!

Оба императора, король Прусскій, великій князь и великій герцогъ Бергскій до сихъ поръ обѣдали у Наполеона одни. Свита государя обыкновенно была приглашаема на обѣдъ къ одному изъ французскихъ маршаловъ. Вчера мы обѣдали у князя Невшательскаго <sup>(13)</sup>. Послѣ того какъ обѣдъ Наполеона окончится, ему представляются въ приемной, куда онъ выходитъ. Самъ онъ посѣщаетъ государя ежедневно и остается съ нимъ цѣлые часы съ глазу на глазъ; вчера онъ посѣтилъ короля Прусскаго и оставался у него лишь нѣсколько минутъ.

Гарденберга здѣсь нѣтъ и, говорятъ, онъ не останется на своемъ мѣстѣ. Князь Дм. Лобановъ читаетъ в. в-во какъ бла-

(13) Бертье.

годѣтельница и настоятельно меня проситъ написать, что онъ припадаетъ къ стопамъ вашимъ.

Всѣ Французы, особенно Коленкуръ, много говорили мнѣ о благотворительности и добродѣтеляхъ в. в-ва и о цвѣтушемъ положеніи, до котораго вы довели состоящія подъ вашимъ покровительствомъ заведенія.

Такъ какъ я нумерую мои письма, чтобъ быть убѣжденнымъ въ ихъ точномъ полученіи, то умоляю в. в-во не отказать указывать всегда № письма, которое вамъ доставлено и на которое вы отвѣчаете.

Удостойте, в. в-во, напомнить обо мнѣ ея в-ву великой княжнѣ и пріймите дань глубокаго уваженія, съ которымъ имѣю счастье быть и пр.

### XIII.

à Tilsit le 20 juin 1807.  
2 juillet

Madame,

Je ne suis pas en état d'écrire aujourd'hui de main propre à v. m-té i-le; je suis malade depuis le jour que j'ai expédié à v. m-té ma dernière, № 12. Jamais je n'ai fait de maladie plus douloureuse que celle dont je souffre à présent. Je l'attribue à un refroidissement en venant-ici en toute hâte, dans la petite voiture ouverte de mon courrier. Ce refroidissement attaqua principalement l'estomac qui cessa de digérer. Il m'est impossible de décrire les angoisses et les souffrances qui m'ont donnée des vomissemens violens qui se sont renouvelés jusqu'à treize fois de suite, des nausées perpétuelles et une douleur aiguë qui s'étoit fixée dans le bas-ventre. Cette douleur dans le bas-ventre est intérieure et en même tems extérieure; tant les efforts que j'ai dû faire m'ont affectés. Et elle est encore si forte qu'elle m'empêche presque de me mouvoir. A ces symptômes se sont réunis de grands maux de tête,

une forte chaleur continue et une inquiétude générale cruelle. Hier pour surcroit de désagrément, j'ai eü un violent accès de fièvre; c'est la journée de demain qui va m'apprendre si j'aurai à lutter contre ce mal de plus. J'ai dû garder le lit sans pouvoir m'y remuer pendant deux jours. Aujourd'hui, me trouvant un peu soulagé des nausées et des douleurs dans le bas-ventre, mais ayant toujours de la chaleur et des maux de tête, je me suis décidé cependant à quitter mon lit et à m'habiller pour recevoir un peu plus convenablement le p-cc de Bénévent qui va venir chez moi pour une conférence. Ma maladie n'a mis aucun retard et aucune entrave à la besogne pour laquelle j'ai été appelé ici: je m'en suis également occupé dans mon lit. Sa marche n'en a pas été interrompue, elle va bien, et je me flatte que dans peu j'aurai la satisfaction de la conduire à sa conclusion, et que celle-là sera aussi honorable et avantageuse à la Russie qu'utile au reste de l'Europe. L'empereur Napoléon, dès qu'il apprit que j'étois malade, a eu la bonté de m'envoyer son premier medecin Boyer, qui me traite conjointement avec un fameux opérateur d'ici nommé Morgan, auquel nos g-aux et officiers blessés doivent beaucoup; il m'assure que je serai en état de sortir dans deux jours, c. à. d. si la fièvre n'augmente et ne se renouvelle pas. Cette année-ci est funeste à ma santé; après tout ce que j'ai dû souffrir pendant plusieurs mois avant mon départ de Pétersbourg, me voilà exposé, et de nouveau bien à contre-tems pour moi, à de nouvelles souffrances qui, je le jure à votre majesté, me sont infiniment plus pénibles à supporter que les douleurs de la goutte. Je supplie v. m-té d'apprendre à Crighton tous ces détails qui me

regardent, et s'il lui est possible de m'instruire aussi du jugement qu'il en portera.

J'ai mis sous les yeux de s. m-té l'empereur la lettre de v. m-té du 15 de juin; j'ai crü ne pouvoir faire mieux pour l'informer du vif intérêt qu'elle m'y exprime si bien pour lui, pour son bonheur et pour sa gloire. J'ai profité de cette occasion pour le prier qu'il ordonne de me communiquer une liste nominative de nos tués et de nos blessés parmi nos officiers d'un grade supérieur dans les sanglans combats qui ont eü dernièrement lieu. Je lui dit que v. m-té m'en a renouvelé la demande, mais que j'avois été hors d'état de la satisfaire à cet égard; il m'a repondu qu'il lui étoit tout aussi peu possible qu'à moi de remplir ce désir de v. m-té parceque le desordre dans notre armée étoit si grand qu'il ne les avoit pas encore reçus lui-même.

Je présente ici joint à v. m-té la copie d'une lettre au g-al de Budberg de m-r Ziennner conseiller de collége dans notre departement des affaires étrangères qui accompagnoit m-r de Bennigsen pour soigner sa correspondance étrangère. Elle la recevra fort-à-propos pour appuyer devant elle tout ce que j'ai déjà eü l'honneur de lui dire au sujet du contenu du premier rapport fait à l'empereur par le général en-chef-de son armée de l'issue qu'avoit eue la malheureuse journée de Friedland.

Nous ne savons rien ici de la santé de l'archiduc Palatin qui donne tant d'inquiétudes à v. m-té, et s'il est resté plus d'un mois sans lui écrire, je crois qu'il faut l'attribuer à ses grandes occupations pendant la tenue des Etats de Hongrie, où cette fois-ci il a été beaucoup plus influant et actif qu'autrefois. Je suppose que dans ce moment-ci v.

m-té a pû déjà vérifier que rien n'étoit plus faux que la nouvelle repandue par des marchands que Blûcher à la tête de quelques troupes prussiennes et suédoises s'étoit emparé de Berlin. Il n'y est jamais entré, et en vérité il ne pouvoit pas le faire.

Je supplie v. m-té d'exprimer de ma part à madame la grande duchesse Cathérine mes plus vifs regrets de ce qu'elle ne m'a pas honoré jusqu'à présent d'une seule ligne de sa main, tandis que Bagation m'a dit avoir reçu d'elle trois lettres. Je n'ai pû l'apprendre sans éprouver un sentiment de jalousie, qu'il m'est impossible de ne pas lui manifester par l'organe de votre majesté.

Dans ce moment-ci le comte de Lieven vient d'avoir été chez moi. Il m'a appris à ma plus grande peine que le courrier arrive ce matin de Pétersbourg avec la désagréable nouvelle que votre majesté étoit malade et avoit la fièvre. J'adresse mes ferventes prières au Ciel, pour qu'elle se rétablisse au plutôt et que rien ne l'empêche d'aller profiter pendant le reste de la belle saison de toutes les jouissances que lui offre son beau Pavlovsk. D'abord après le retour de l'empereur qui semble ne plus être éloigné, connaissant autant que je le sais l'extrême sensibilité de v. m-té, je ne m'étonne pas du tout que les derniers événemens ont eu à influencer sur sa santé.

J'apprends avec la plus grande satisfaction que la santé de m-lle de Nélidoff va de mieux en mieux, car il n'y a personne qui désire plus vivement sa conservation que moi, parceque je l'aime et que je lui suis attaché bien sincèrement, que je sais apprécier son grand mérite, et que je connais parfaitement, combien son intéressante société est agréable et nécessaire à v.

m-té. Je suis avec le plus profond respect etc.

## XIII.

Тяльзитъ  $\frac{20 \text{ июня}}{2 \text{ июля}}$  1807.

Государыня,

Я не въ состояннн сегодня писать в. и. в-ву собственноручно: я болѣнъ съ самого дня отправки къ в. в-ву моего послѣдняго письма, № 12. Никогда я не испытывалъ болѣзни столь мучительной, какъ настоящая. Я отношу ее къ тому, что я простудился, ѣхавши сюда со всею поспѣшностью въ маленькой открытой бричкѣ моего курьера. Простуда поразила преимущественно желудокъ, который пересталъ переваривать. Не умѣю описать томленія и страданій, причиненныхъ мнѣ сильною рвотою, повторившеюся до тринадцати разъ сряду, постоянною тошнотою и острою болью, развившеюся внизу живота. Это боль внутренняя и вмѣстѣ виѣшняя: такъ меня измучили усилія, которыя я долженъ былъ дѣлать. Она до сихъ поръ еще такъ сильна, что я почти не могу двинуться. Къ этимъ принадлежкамъ присоединилась сильная головная боль, постоянный жаръ и общее безпокойство въ высшей степени. Къ довершенію неприятности, вчера у меня былъ сильный пароксизмъ лихорадки; завтрашній день покажетъ, предстоить ли мнѣ бороться еще съ этою болѣзнію. Два дня я долженъ былъ пролежать въ постели неподвижно. Сегодня чувствую себя немного легче въ отношеніи тошноты и боли живота; но, все еще страдаю жаромъ и головною болью, и все же рѣшился встать съ постели и одѣться, чтобы принять по приличію кн. Беневентскаго (14), который долженъ прійти ко мнѣ для переговоровъ. Моя болѣзнь не сдѣлала никакой задержки и помѣхи въ дѣлѣ, для котораго я сюда призванъ: я имъ равно занимался и въ постели, ходъ его не прерывался, оно идетъ хорошо, и я льщу себя надеждою, что въ скоромъ времени я буду

(14) Талейрана.



имѣть удовольствіе привести его къ концу и что этотъ конецъ будетъ столько же почетенъ и выгоденъ для Россіи, сколько полезенъ для остальной Европы. Императоръ Наполеонъ, какъ только узналъ о моей болѣзни, былъ такъ добрѣ, прислалъ мнѣ своего перваго медика Буайе, который лечитъ меня вмѣстѣ съ знаменитымъ здѣшнимъ операторомъ Морганомъ, которому наши раненые генералы и офицеры многимъ обязаны; онъ меня увѣряетъ, что дня чрезъ два я буду въ состояніи выходить, разумѣется, если лихорадка не возобновится и не усилится. Этотъ годъ тяжелъ для моего здоровья: пристрадавши нѣсколько мѣсяцевъ предъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга, вотъ я подвергся, и опять въ неудобную для меня пору, новымъ страданіямъ, которыя, клянусь вашему величеству, мнѣ несравненно труднѣе выносить, чѣмъ мученія подагры. Умоляю в. в-во передать всѣ эти подробности обо мнѣ Крейтону<sup>(15)</sup>: пусть онъ, если можно, сообщить мнѣ свое заключеніе объ этомъ.

Я представилъ его в-ву государю императору письмо в. в-ва отъ 15 іюня; полагаю, что я ничего не могъ лучше сдѣлать, чтобы показать ему наше живое участіе, такъ хорошо вамъ выражаемое къ его особѣ, его счастью и славѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ и попросилъ государя приказать сообщить мнѣ именной списокъ нашихъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ высшихъ чиновъ, во время послѣднихъ сраженій. Я сказалъ государю, что в. в-во не разъ меня спрашивали объ этомъ, но я не имѣлъ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что и ему самому такъ же трудно, какъ и мнѣ, исполнить это желаніе в. в-ва, потому что безпорядокъ въ нашей арміи такъ великъ, что онъ самъ не получилъ еще до сихъ поръ означенныхъ списковъ.

Прилагаю при семъ в. в-ву копию письма къ генералу Будбергу отъ господина Циннера, коллежскаго совѣтника

(15) Известному лейбъ-медику нашего двора.

въ нашемъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшаго г. Бенгсена, чтобы вести его иностранную переписку. Вы получите эту копию очень кстати, чтобы удостовѣриться въ справедливости всего того что я уже имѣлъ честь сообщить вамъ касательно содержанія перваго донесенія главнокомандующаго арміею государю объ исходѣ несчастной Фриланской битвы.

Мы не знаемъ здѣсь ничего о здоровьѣ эрцгерцога Палатина, которое такъ беспокоитъ в. в-во, и если онъ больше мѣсяца намъ не пишетъ, то это должно приписать, я полагаю, его усиленнымъ занятіямъ во время засѣданій Венгерскаго Сейма, гдѣ на этотъ разъ онъ былъ дѣятельнѣе и вліятельнѣе чѣмъ въ прежнія времена. Я полагаю, в. в-во въ настоящую минуту уже удостовѣрились, что ничего нѣтъ живнѣе извѣстія, расцущеннаго купцами, будто бы Блюхеръ, предводительствуя отрядомъ прусскихъ и шведскихъ войскъ, овладѣлъ Берлиномъ. Блюхеръ никогда туда не входилъ и по истинѣ не могъ этого сдѣлать.

Умоляю в. в-во выразить отъ меня ей выс-ву великой княжнѣ Екатеринѣ мое крайнее огорченіе о томъ, что она до сихъ поръ не почтила меня ни одной строчкой, между тѣмъ какъ Багратионъ получилъ отъ нея, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже три письма. Узнавъ это, я не могъ преодолѣть чувство зависти, которое не могу не высказать ей чрезъ ваше величество.

Сейчасъ у меня былъ графъ Ливенъ. Онъ сообщилъ, къ величайшему моему огорченію, что нынѣшнее утро пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга съ неприятнымъ извѣстіемъ, что ваше величество болны лихорадкою. Возношу мои усерднѣйшія молитвы къ Богу о скорѣйшемъ выздоровленіи в. в-ва, дабы ничто не помѣшало вамъ воспользоваться въ остальную часть лѣта всѣми удовольствіями, которыя представить вамъ прекраснѣйшій Павловскъ, тотчасъ по возвращеніи государя, которое, кажется, уже не далеко. Зная такъ хорошо крайнюю

чувствительность в. в-ва, я совсѣмъ не удивляюсь, что послѣднія событія имѣли вліяніе на ваше здоровье.

Съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ, что здоровье г-жи Нелидовой постоянно поправляется, ибо никто такъ не желаетъ ей выздоровленія, какъ я, потому что я ее люблю, привязался къ ней искренно, умѣю цѣнить ея достоинства и весьма хорошо знаю, какъ ея интересная бесѣда пріятна и необходима в. в-ву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

#### XIV.

à Tilsit, le <sup>28 de juin</sup>  
<sub>10 de juillet</sub> 1807.

Madame,

Avant-hier j'ai signé conjointement avec le p-се Labanoff d'une part, et le p-се de Bénévent de l'autre, l'acte définitif de notre traité de paix avec la France. Je n'ai qu'à en éprouver la plus grande satisfaction, sans en avoir la moindre comptabilité: car tous les articles qui le composent ont été formés, ordonnés, revus et approuvés après leur rédaction par s. m-té l'empereur lui-même. Cette paix, devenue indispensable, a été conclue d'une manière aussi honorable qu'avantageuse pour la Russie; et il est un devoir pour moi d'en adresser à v. m-té i-le mes vives et sincères félicitations. Hier à deux heures après midi d'abord après l'échange des ratifications entre les plénipotentiaires, l'empereur accompagné depuis la maison qu'il habitoit par l'emper. Napoléon et toute sa suite jusques aux bords de la rivière, s'est mis en route pour Tauroggen, où il se propose de rester un ou deux jours pour achever différentes expéditions dont il n'avoit pû s'occuper pendant son séjour ici; et Napoleon après avoir diné et eû sa dernière entrevue avec le roi de Prusse est parti

avant sept heures du soir pour Koenigsberg, où il s'arreteera quelques jours pour regler la rentrée de son armée en France et l'évacuation des provinces Prussiennes. Il m'a dit qu'en partant de Koenigsberg il ne passera qu'un jour à Dresde et se rendra de là sans s'arreteer nulle autre part droit à Paris.

Hier les deux empereurs étant convenus d'accepter mutuellement l'un de l'autre leurs ordres, ce matin j'ai dû porter de la part de l'empereur à Napoléon cinq décorations de l'ordre de St. André pour l'empereur Napoléon lui-même, pour le p-се Jérôme son frère, roi de Westphalie, pour le grand duc de Berg et les p-ces de Neuchatel et de Bénévent; dans le même tems le grand maréchal Duroc étoit venu remettre à s. m-té l'empereur de la part de Napoléon cinq décorations du grand-cordon de la Legion d'honneur pour l'empereur, pour m-gr le grand duc Constantin, le général Budberg et les deux plénipotentiaires russes.

Les acquisitions actuelles de la Russie consistent dans de nouvelles frontières militaires et naturelles, au lieu de son ancienne frontière sèche et ouverte, en commençant du Nièmen près de Grodno et suivant les Thal-Wegs des rivières Lossosna, Bobra et Narew jusqu'à Suratz, et de là par le Nurtzeck jusqu'au Bog. Cette contrée qui nous est cedée maintenant à toute perpetuité contient entr'autres les villes de Bialystock, de Bielsk, de Briansk, et d'une population de 160 à 200 mille âmes.

Demain je continue mon voyage pour Vienne par Gumbinen, Bialystock et Brzescz. Je me trouve fort heureux de pouvoir le faire et surtout d'avoir rencontré l'idée de v. m-té et d'avoir pû mériter son approbation en déclinant la proposition qui m'avoit été faite de me charger d'une autre destination. Ce n'est

plus ce qui pouvoit me convenir à mon âge, avec les dispositions qui m'avoient fait désirer, dans un climat plus temperé que le notre, une retraite douce et tranquille.

La lettre de v. m-té i-le du 22 de juin est venue fort à propos pour calmer mes inquiétudes, car j'avois appris du c-te de Lieven qu'elle étoit malade assez sérieusement de la fièvre. Je rends grâces à Dieu de savoir que l'habileté et les soins de Crighton l'ont déjà entièrement soulagée. La belle saison et les jouissances qu'elle va bientôt se procurer à Pavlovsk, lui seront encore plus salutaires que ses remèdes et ne manqueront pas d'avancer son parfait retablissement. En mon particulier j'attribue le plus cette maladie à la sollicitude et aux agitations qu'on dû lui donner la malheureuse bataille de Friedland et les événemens importants qui en ont été la suite et auxquels elle n'étoit pas préparée; mais à présent qu'elle doit voir avec conviction que la Providence a visiblement veillée sur la gloire de son auguste fils et le sort de la Russie, j'espère que son âme est tranquille et ne connoit plus que le seul contentement.

J'ai encore à rendre compte à v. m-té que ces jours-ci j'ai fait à la fois la connoissance, dans la maison de l'empereur Napoléon, du p-ce royal de Bavière et du p-ce Henri de Prusse. Ils m'ont prevenus tous les deux par beaucoup de politesses, et tous les deux sont bégues. Le p-ce Henri plus grand et d'une figure plus agréable, c'est moins que le p-ce royal. Quant à ce dernier, son extérieur est très désavantageux; avec une taille moyenne, il est roux, marqué de petite verole, bégue, et à ce qu'on assure d'une ouïe dure, mais il parroit fort doux, fort bon et d'un caractère ferme et excellent: justice

qui lui est renduë même par les François. Il m'a accosté le plus qu'il a pû et est venu me chercher chez moi deux fois. Toutefois j'avoue franchement à v. m-té que selon moi, aucun d'eux n'est digne d'obtenir la main de m-me la grande duchesse Cathérine, et qu'elle ne peut-être heureuse, ni avec l'un, ni avec l'autre. J'attends avec impatience l'effet de la conversation de s. m-té l'empereur avec v. m-té sur le compte de sa soeur d'abord après son retour, et le courrier qu'il a voulu m'envoyer sans delai pour me joindre avant mon arrivée à Vienne, afin de me prescrire alors finalement ce que j'aurai à observer par rapport à la lettre en question, dont il m'a rendu jusqu'à ce tems le dépositaire.

Hier, ce jour destiné à faire époque dans ma vie, où j'ai signé notre traité de paix avec la France, ce qui devoit m'être si flatteur et si agréable, je n'ai pu en jouir comme je l'aurais dû. Il a plu au Ciel de me pénétrer, au milieu de cet événement, de la douleur la plus vive par la mort de mon secrétaire Johell. Il a expiré cette nuit d'une fièvre chaude nerveuse, le huitième jour de sa maladie, après avoir eû passé quatre dans le délire, et sans qu'aucune ressource de l'art ait pu le soulager. C'étoit un jeune homme d'esprit, de bonne conduite, des qualités les plus distinguées, auquel je m'étois accoutumé depuis trois ans, que je chérissais comme mon enfant et que je regrette comme tel. Ma douleur m'a d'autant plus affecté, que les grands intérêts et les personnes qui m'occupaient, la contraignoient et m'en arrachioient sans cesse. Je suis inconsolable de cette nouvelle perte, que je fais si mal-à-propos pour moi cette année. L'ayant perdu, je restais seul pour achever mon voyage, et j'ai été obligé de de-

mander à l'empereur le conseiller de cour Freygang, fils du medecin, qui se trouvoit d'hazard ici en message de la part du général Michelson, et qui avoit autrefois servi dans ma chancellerie. C'est un bon garçon, mais il ne remplacera jamais près de moi celui que je pleure. Sur tout ce que mon affliction me fait éprouver dans ce moment-ci, je m'en réfère à v. m-té, qui connoit et sait apprecier si bien les peines et les souffrances de l'âme.

## XIV.

Тильзитъ,  $\frac{28 \text{ июня}}{10 \text{ июля}}$  1807.

Государыня,

Третьяго дня мы подписали окончательный актъ нашего мирнаго трактата съ Франціей, съ одной стороны я и кн. Лобановъ, съ другой кн. Беневентъ <sup>(16)</sup>. Мнѣ остается лишь предаваться величайшему удовольствію, не опасаясь никакой отвѣтственности: ибо всѣ статьи трактата составлены, приказаны, просмотрѣны и послѣ ихъ изложенія одобрены самимъ е. в-мъ государемъ императоромъ. Этотъ миръ, сдѣлавшійся необходимымъ, заключенъ на условіяхъ сколько почетныхъ, столько же и выгодныхъ для Россіи; долгомъ считаю принести в. и. в-ву по этому поводу мое усердное и искреннее поздравленіе. Вчера въ 2 часа по полудни, по развѣнъ ратификаціей полномочными послами, государь, провожаемый ими. Наполеономъ и всею его свитою отъ своей квартиры почти до берега рѣвки, отправился въ Таурогенъ, гдѣ онъ предполагаетъ остаться день или два, чтобы окончить отправку различныхъ денешъ, которую онъ не могъ заняться во время пребыванія здѣсь; а Наполеонъ, пообѣдавъ и повидавшись въ послѣдній разъ съ королемъ Прусскимъ, уѣхалъ въ 7 часу въ Кѣнигсбергъ, гдѣ останется нѣсколько дней, чтобы распо-

<sup>(16)</sup> См. Полное Собр. Законовъ № 22 584. Трактатъ подписанъ 25 іюня, а ратикованъ 27-го, въ самый день Полтавской битвы, черезъ 98 лѣтъ.

рядиться о возвращеніи своей арміи въ Францію и объ очищеніи Прусскихъ провинцій. Онъ сказалъ мнѣ, что по выѣздѣ изъ Кѣнигсберга онъ проведетъ не болѣе дня въ Дрезденъ и оттуда отправится, нигдѣ не останавливаясь, прямо въ Парижъ.

Вчера оба императора согласились принять взаимно другъ отъ друга ордена, и сегодня я поднесъ Наполеону отъ имени государя пять знаковъ ордена святаго Андрея - для самаго императора Наполеона, для его брата принца Геронима, короля Вестфальскаго, для великаго герцога Берга, и для князей Невшательскаго и Беневентскаго. Въ то же время обергофмаршалъ Дюррокъ передалъ его в-ву государю императору отъ Наполеона пять знаковъ Почетнаго Легіона съ большаго лентою для самаго государя, для великаго князя Константина, генерала Будберга и обоихъ Русскихъ уполномоченныхъ.

Настоящія приобрѣтенія Россіи состоятъ въ новыхъ военныхъ и естественныхъ границахъ вмѣсто прежнихъ, сухихъ и открытыхъ, начиная отъ Нѣмана близъ Гродно серединою теченія Лососны, Бобра и Нарва до Сурагца, а оттуда по Пурчеку до Буга. Эта страна, уступленная намъ теперь на вѣчныя времена, заключаетъ въ себѣ между прочимъ города Бѣлостокъ, Бѣльскъ, Брянскъ и народонаселеніе отъ 160 до 200 тысячъ душъ.

Завтра я продолжаю мое путешествіе въ Вѣну чрезъ Гумбиненъ, Бѣлостокъ и Брестъ. Я чувствую себя счастливымъ, что могу это сдѣлать и въ особенности, что я угадалъ мысль в. в-ва и могъ заслужить ваше одобреніе, отклонивши сдѣланное мнѣ предложеніе о другомъ назначеніи. Это назначеніе не соответствуетъ моимъ годамъ и моему расположенію духа, заставляющему искать тихой и покойной жизни въ болѣе умѣренномъ климатѣ, чѣмъ нашъ.

Письмо в. в-ва отъ 22 іюня получено очень кетати, чтобъ меня успокоить, ибо гр. Ливенъ сказалъ, что вы довольно серьезно больны лихорадкою. Благо-

даря Бога, я узнаю, что искусство и заботы Крейтона совершенно ее прекратили. Прекрасная погода и удовольствія, которыми вы скоро воспользуетесь въ Павловскѣ, будутъ для васъ еще благодѣтельныѣ, чѣмъ лекарства и безъ сомнѣнія принесутъ вамъ совершенное выздоровленіе. Съ своей стороны я приписываю эту болѣзнь всего болѣе безпокойству и волненію, причиненнымъ в. в-ву несчастною Фридландскою битвою и важными событіями, бывшими ея слѣдствіемъ, къ которымъ вы не были приготовлены; но теперь, когда вы убѣждаетесь, что Провидѣніе видимо пеклось о славу вашего августѣйшаго сына и объ участи Россіи, я надѣюсь, что душа ваша покойца и испытываетъ одно лишь чувство довольства.

Я долженъ еще донести в. в-ву, что на дняхъ я познакомился въ домѣ императора Наполеона за одинъ разъ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Они оба оказали мнѣ множество учтивостей; оба они заки. Принцъ Генрихъ, больше ростомъ и красивѣе, записывается мнѣ чѣмъ наслѣдный принцъ. Что касается до послѣдняго, его наружность весьма невыгодна; ростъ его средній; онъ рыжеволосъ, рябъ, заика, и какъ увѣряютъ, тугъ на ухо; но онъ кажется весьма кротокъ, добръ, твердаго и превосходнаго характера; въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже Французы. Онъ ко мнѣ былъ внимателенъ, какъ только могъ и два раза приходилъ ко мнѣ. Все таки я откровенно сознаюсь в. в-ву, что, по моему, ни одинъ изъ этихъ принцевъ не достоинъ руки ея в-ва великой княжны Екатерины и что она не можетъ быть счастлива ни съ тѣмъ ни съ другимъ. Съ нетерпѣніемъ жду результата переговоровъ государя императора по его возвращеніи съ в. в-мъ о его сестрѣ, и курьера, котораго онъ обѣщалъ немедленно отправить догнать меня на пути въ Вѣну, чтобы сообщить мнѣ окончательныя приказанія, какъ я долженъ поступать съ извѣстнымъ письмомъ, которое доселѣ у меня хранится.

Вчерашній день, когда я подписалъ нашъ мирный трактатъ съ Франціею, что мнѣ такъ лестно и пріятно—составляетъ эпоху въ моей жизни, но я не могъ этимъ насладиться какъ слѣдовало. Богу угодно было въ самое время этого событія послать мнѣ живѣйшее огорченіе, именно смерть моего секретаря Тогеля. Онъ умеръ въ эту ночь отъ нервной горячки на 8-й день болѣзни, проведя 4 дня въ бреду; никакое искусство медиковъ не могло спасти его. Это былъ умный молодой человекъ, отличнаго поведенія и превосходныхъ качествъ; онъ былъ при мнѣ три года; я полюбилъ его какъ собственнаго сына и жалю о немъ какъ о сынѣ. Моя печаль тѣмъ тягостнѣе, что важныя дѣла и лица, меня занимавшія, постоянно заставляли меня дѣлать усиліе надъ собою и отвлекали отъ моей печали. Я не могу утѣшиться послѣ этой новой потери, столь несвоевременной для меня въ этомъ году. Послѣ этой потери мнѣ приходилось продолжать мое путешествіе одному, и я вынужденъ былъ просить у государя дать мнѣ надворнаго совѣтника Фрейганга, сына медика, который случайно былъ тутъ, присланный отъ генерала Михельсона, и который нѣкогда служилъ въ моей канцеляріи. Это хорошій молодой человекъ, но онъ для меня никогда не замѣнитъ того, кого я оплакиваю. Все, что мое горе заставляеть меня ощущать, легко поймется в. в-мъ: вы такъ умѣете понимать горестъ и душевныя страданія.

## XV.

à Bialystock, le 20<sup>e</sup> de juillet 1807.

Madame,

En partant de Pétersbourg, je portais déjà sans doute en moi le germe de cette maladie, qui depuis a cherché à se produire sous différentes formes; j'ai longtems lutté contre elle, enfin j'y ai succombé. Le jour de mon départ de Tilsit, où je me croyois déjà parfaitement retabli de l'indisposition, que j'y avois eu, je tombais serieusement ma-

lade. Je commençai à avoir une forte chaleur, de violens maux de tête, un dégoût parfait de tout aliment, et les douleurs extrêmes du bas-ventre, provoquées par les secousses continuelles, que me faisoient éprouver dans ma voiture les abominables chemins pierreux de la Prusse, se renouvelèrent avec vivacité. Tous ces symptômes, sans changer en rien, ne faisoient qu'augmenter, et les quatres premiers jours je croyois que j'allois avoir une fièvre chaude; mais le cinquième, sans que je fusse autrement soulagé, je me rassurai cependant, en voyant que la goutte, qui m'a fait tant souffrir l'hiver passé, se retablissoit de nouveau dans le genou et le pied gauche. Alors ne pouvant plus rester assis, je fus obligé de me coucher, tant bien que mal, dans ma voiture. V. m-té ne peut pas se faire d'idée de l'inconvénient et des douleurs, que j'ai eu à essayer toutes les fois, qu'on avoit à m'y faire entrer, ou à m'en faire sortir. Tout autre peut-être se seroit d'abord arrêté, mais pour ne pas rester dans une petite ville, où mal logé et dénué de tout, j'aurois manqué de tout, je me suis fait violence, et j'ai continué mon chemin, ayant pour but de parvenir à Bialystock, dont je n'étois plus éloigné, et où j'espérois de trouver chez m-me de Krakovie un asile convenable et un bon medecin. Sur ces deux articles mon espérance a été parfaitement remplie. Je suis traité par le s-r Dunker, son medecin habituel depuis 15 ans, qui a été autrefois medecin-praticien à Berlin; il s'énonce fort bien, et m'a inspiré de la confiance; par les soins qu'il m'a donné depuis trois jours, je me sens déjà mieux. L'unique remède qu'il me fait avaler à présent à quatre cuilleres par jour, c'est le guajaque en infusion, melé avec un peu de cannelle, pour en masquer le

goût; je l'ai beaucoup désiré, et en ai souvent parlé en vain à m-r Crighton l'hiver passé. V. m-té sait sans doute que le guajaque est un spécifique depuis longtems généralement reconnu par son utilité et ses prompts effets contre la goutte. C'est le seul remède, qui, à ce qu'on dit, peut la maitriser, et je ne sais, en vérité, pourquoi les medecins de Pétersbourg n'ont jamais voulu que je l'employe, en ne me faisant faire que de legères évacuations d'un jour à l'autre; et en abandonnant, pour ainsi dire, le mal et à son cours ordinaire, et à la force de mon tempérament, ma maladie n'en a été que prolongée et n'en a pas été déracinée. Je garde encore le lit et comme je ne puis pas marcher, ce n'est qu'à deux heures l'après midi que je me fais porter sur un fauteuil, pour manger ma soupe et y rester, jusqu'à ce que je me couche. Je n'ai d'autre désir à présent, que celui de pouvoir soutenir de nouveau la fatigue du voyage, de pouvoir voyager assis et non couché, et d'être en état de me mettre en route dimanche ou mardi prochain.

Je n'ai pas encore vu m-me de Krakovie, ni ne pourrai la voir, jusqu'à ce que je pourrai venir moi-même chez elle, et je l'en ai déjà fait prévenir. Elle me comble de soins et d'attentions, et c'est sa cuisine qui me nourrit, moi et mes gens.

Le quartier-général du corps d'armée jadis sous les ordres du g-l Tutschkow et maintenant sous ceux du c-te Tolstoy, est actuellement ici, et j'ai la satisfaction de voir déjà plusieurs de nos généraux, comme Tutschkow, Tolstoy, Muller-Sakamelsky, Gortschakow, Souworow, Larion Wassiltschikoff &c. Ce matin le jeune Benkendorf est venu me voir, et je puis assurer v. m-té qu'il se forme beaucoup; j'ai été parti-

culièrement content de sa conversation; il est très inquiet sur le mécontentement que v. m-té lui a témoigné la dernière fois, qu'il a été à Pétersbourg, et craint d'avoir perdu sa bienveillance; mais j'ose espérer pour lui, qu'elle ne la lui retirera pas: car les derniers événemens de notre guerre, et leurs causes et leurs suites, se réunissent pour le justifier.

Je supplie v. m-té de me rappeler au souvenir et aux bontés de m-me la grande duchesse Cathérine; je suis persuadé, qu'elle me plaindra beaucoup, en apprenant mes nouvelles souffrances.

Je désire, que v. m-té reçoive cette lettre à Pavlovsk, dans un de ces momens de l'après diner que j'avois ordinairement le bonheur de passer près d'elle, et qu'elle contribue à lui rappeler principalement ces trois derniers étés, que j'ai tous passés près d'elle et sous ses yeux. Ils resteront à jamais gravés dans ma mémoire, comme le profond respect, avec le quel je suis etc.

### XV.

Бѣлостокъ, 8/20 іюля 1807.

Государыня,

Безъ сомнѣнія, выѣзжая изъ Петербурга, я носилъ уже въ себѣ зародышъ болѣзни, которая впоследствии искала проявиться въ различныхъ видахъ; я долго противился ей, но наконецъ она меня одолѣла. Въ день моего выѣзда изъ Гильзита, когда я считалъ себя уже совершенно оправившимся отъ нездоровья, я заболѣлъ серьезно. Началось съ большого жара, сильной головной боли и совершеннаго отвращенія отъ всякой пищи; страшная боль внизу живота, вызванная постоянною тряскою, которую меня заставляли испытывать въ каретѣ отвратительныя Прусскія каменистыя дороги, возобновилась съ новою силою. Всѣ эти припадки, ни въ чемъ не мѣняясь, продолжали усиливаться,

II. 3.

и первые 4 дня я думалъ, что у меня горячка; но на 5-й день, нечувствуя впрочемъ никакого облегченія, я въ этомъ разъувѣрился, замѣтивъ, что подагра, причинявшая мнѣ такія страданія прошлую зиму, снова появилась въ колѣнѣ и ступнѣ лѣвой ноги. Тогда я уже не могъ сидѣть и принужденъ былъ, худо ли, хорошо ли, лежать въ каретѣ. В. в-во не можете представить неудобства и боли, которыя мнѣ приходилось испытывать каждый разъ, какъ мнѣ надобно входить въ карету или выходить изъ нея. Другой бы на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, не поѣхалъ бы дальше; но чтобы не останавливаться въ маленькомъ городкѣ, гдѣ, дурно помѣщенный и всего лишенный, я во всемъ нуждался бы, я сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ дорогу, имѣя въ виду доѣхать до Бѣлостока, до котораго было уже не далеко, и гдѣ я надѣялся найти у г-жи Краковской удобное помѣщеніе и хорошаго медика. Надежда на эти два пункта совершенно оправдалась. Меня лечитъ сэръ Дункеръ, ея постоянный уже впродолженіи 15 лѣтъ медикъ, который прежде былъ вольнопрактикующимъ врачомъ въ Берлинѣ; онъ объясняется очень хорошо и внушилъ мнѣ довѣріе; послѣ трехдневнаго его леченія я чувствую себя уже лучше. Единственное лекарство, которое онъ заставляеть меня теперь принимать по четыре ложки въ день, это гуаяковый отваръ, подмѣшанный немного корицею для заглушенія вкуса; я этого давно желалъ и часто говорилъ объ этомъ Крейтону прошлую зиму, но напрасно. В. в-во безъ сомнѣнія знаете, что гуаякъ есть специфическое средство противъ подагры, давно всѣми признанное за полезное и быстро дѣйствующее. Это есть, какъ говорятъ, единственное лекарство, которое можетъ ее изгнать, и я, право, не знаю, почему Петербургскіе медики никогда не хотѣли, чтобы я его употреблялъ; заставляли меня принимать каждый день легкія очистительныя и оставляли, такъ сказать, болѣзнь итти своимъ обыкновеннымъ путемъ, они

русскій архіеп. 6

при моемъ темпераментѣ только дили болѣзнь, а не истребляли ее съ корнемъ. Я еще не оставляю постели и, какъ я не могу ходить, то въ два часа пополудни я приказываю сажать себя въ кресло, чтобы съѣсть тарелку супу и остаюсь такъ, пока лягу спать. Теперь я ничего болѣе не желаю, какъ только быть снова въ состоянїи выдерживать дорожную усталость, вѣхать сидя, а не лежа, и отправиться въ ближайшее воскресенье или вторникъ.

Я еще не видалъ г-жу Краковскую и не увижу ея, пока не буду въ силахъ прийти къ ней, о чемъ я уже предупредилъ ее. Она меня осыпаетъ заботами и вниманіемъ и присылаетъ кушанье съ своей кухни мнѣ и моимъ людямъ.

Здѣсь находится въ настоящее время главная квартира корпуса арміи, нѣкогда бывшаго подъ командою генерала Тучкова, а нынѣ состоящаго подъ командою графа Толстаго, и я имѣлъ уже удовольствіе видѣть многихъ изъ нашихъ генераловъ, какъ то: Тучкова, Толстаго, Меллера-Закомельскаго, Горчакова, Суворова, Иларіона Васильчикова и пр. Нынѣшнее утро ко мнѣ приходилъ молодой Бенкендорфъ<sup>(17)</sup>; могу увѣрить в. в-во, что онъ замѣтно образуется; я былъ особенно доволенъ его разговоромъ. Онъ очень безпокоится о неудовольствїи в. в-ва, выраженномъ ему въ послѣдній разъ и боится, что онъ потерялъ ваше благоволеніе; но я смѣю за него надѣяться, что вы его не лишите онаго, ибо послѣднія событія нашей войны, ихъ причины и послѣдствія, все служитъ къ оправданію Бенкендорфа.

Умоляю в. в-во напомнить обо мнѣ ея в-ву великой княжнѣ Екаторинѣ; я увѣренъ, что она очень меня пожалѣетъ, узнавъ о моихъ новыхъ страданіяхъ.

Желаю, чтобы это письмо ваше в-во получили въ Павловскѣ, въ одинъ изъ тѣхъ послѣобѣденныхъ часовъ, которые я обыкновенно имѣлъ счастье проводить подлѣ васъ, и чтобы оно напомнило вамъ

(17) Гр. Александръ Христофоровичъ, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ императрицы Марїи Феодоровны.

преимущественно послѣднія три лѣта, которыя я провелъ при васъ и предъ вашими глазами. Они останутся навсегда запечатлѣнными въ моей душѣ вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ, съ которымъ имѣютъ честь быть и пр.

## XVI.

à Biaystock, le 13/25 de juillet, 1807.

Madame,

En envoyant l'assesseur Freygang comme courrier à Pétersbourg pour y porter à m-r le général de Budberg des paquets à son adresse de la part du comte du Razoumovsky, qui le croyoit encore au quartier-général, je profite de cette occasion pour me mettre aux pieds de votre majesté impériale, et pour l'informer que par les soins qu'on m'a donnés ici, je me rétablis mieux, et plus vite, que je ne l'ai cru. Je n'ai plus de fièvre, la goutte me quitte aussi, et dans deux jours, mardi prochain, le medecin consent que je puisse partir et continuer mon voyage.

## XVI.

Бѣлостокъ 13/25 іюля 1807.

Государыня,

Посылая ассесора Фрейганга курьеромъ въ Петербургъ, чтобы передать генералу Будбергу адресованные ему пакеты отъ графа Разумовскаго, который считалъ его еще неуѣхавшимъ изъ главной квартиры, пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы припасть къ ногамъ вашего императорскаго величества и извѣстить васъ, что, благодаря здѣшнему леченію, я себя чувствую лучше, и притомъ раньше чѣмъ я ожидалъ. Лихорадка прошла, подагра также проходитъ, и чрезъ два дня, въ слѣдующій вторникъ, докторъ соглашается отпустить меня въ дальнѣйшій путь.

## XVII.

à Bialystock, le 15/27 de juillet, 1807.

Madame,

Parmi les lettres qui m'attendoient à Vienne et que Bogoluboff vient de



m'apporter ici hier, j'en ai reçu une de m-gr le duc Louis, frère de v. m-té i-le. J'ai l'honneur de la mettre ci-joint en original sous ses yeux, en la suppliant de vouloir bien me la restituer après en avoir pris lecture; j'ai aussi celui de présenter à v. m-té les deux incluses que s. a. r-le m'a confié de la part de m-me la d-sse son épouse pour elle et pour m-me la grande duchesse Cathérine.

L'empereur d'Autriche doit être vivement affecté par la mort du jeune archiduc, son second fils, qui donnoit de grandes espérances et qu'il aimoit beaucoup; et l'état de mariage étant pour lui un état d'habitude on pretend qu'il s'occupe déjà du projet de se remarier, en tournant ses idées vers la p-sse, fille unique du roi de Saxe.

Graces au guajaque, ma santé va de mieux en mieux, et demain matin je compte partir pour continuer mon voyage.

Je prie monseigneur le grand duc Constantin et m-me la grande duchesse Cathérine d'agréer mon sincère et très respectueux hommage, et en me rappelant au souvenir et à l'ancienne amitié de m-lle de Nélidoff, qui à ce que j'espère aura pû suivre v. m-té à Pavlovsk, je suis avec le plus profond respect etc.

#### XVII.

Вѣлюстовъ 15/27 июля 1807.

Государыня,

Въ числѣ писемъ, ожидавшихъ меня въ Вѣнѣ, которыя Боголюбовъ<sup>(18)</sup> привезъ мнѣ вчера сюда, есть одно отъ его в-ва герцога Людовика, брата в. и. в-ва. Имѣю честь представить его при семъ въ подлинникъ в. в-ву, умоляя не

(18) Варооломей Филиповичъ Боголюбовъ, домашній чловѣкъ князей Курикиныхъ, состоявшій при Вѣнской миссіи. Онъ исполнялъ частныя порученія князя Александра Борисовича, между прочимъ по дѣламъ о воспитаніи его дѣтей.

отказать возвратитъ мнѣ его по прочтеніи; имѣю также честь представить в. в-ву два прилагаемыя письма, которыя е. королевское в. прислать мнѣ отъ герцогини своей супруги для передачи в. в-ву и ея в-ву великой княжнѣ Екатерины.

Императоръ Австрійскій долженъ быть сильно пораженъ смертію молодого эрцгерцога, своего втораго сына, подававшего большія надежды и очень имъ любимаго; а какъ онъ привыкъ жить въ бракѣ, то, говорятъ, онъ занятъ проэктами новаго союза, обращая свои виды на принцессу, единственную дочь короля Саксонскаго.

Благодаря гуаяку, мое здоровье становится лучше и лучше, и завтра утромъ я рассчитываю выѣхать для продолженія моего путешествія.

Прошу его в-во великаго князя Константина и ея в-во великую княжну Екатерину принять мою искреннюю и почтительнѣйшую дань уваженія; напоминая о себѣ и о нашей давней дружбѣ г-жѣ Нелидовой, которая, надѣюсь могла сопровождать в. в-во въ Павловскъ, остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр.

#### XVIII.

à Merzericza, le 17/29 de juillet, 1807.

Madame,

Pour informer au plutôt v. m-té i-le que la lettre dont elle a daigné m'honorer en date du 11 du courant, en y joignant une incluse de la part de s. m-té l'empereur, m'est bien parvenue, je lui réexpédie sur le champ le courrier qui vient de me l'apporter ici. Merzericza appartient à présent au p-cø Constantin Czartoryski, qui y a bâti un très joli pavillon, et j'y passe la nuit. Ma santé allant de mieux en mieux, je continue mon voyage pour le lieu de ma destination espérant d'y arriver dans la quinzaine. Après y être resté une huitaine de jours, je me flatte que je serai en état de m'acquitter d'après

ma conscience, et d'après tous les devoirs sacrés que j'ai à remplir vis-à-vis de v. m-té, de la tâche pénible, mais très flatteuse, qu'elle m'impose. Je lui dirai la vérité telle que je la verrai; je ne lui tairai pas l'impression que l'extérieur et les qualités de l'empereur François produiront sur moi; je ne lui déguiserai rien de tout ce que j'apprendrai de lui et de sa vie privée, et certainement je ferai tout ce que je pourrai pour en parler avec connoissance de cause. M'intéressant du fond de mon coeur au sort et au bonheur futur de m-me la grande duchesse Cathérine, j'ai été un des premiers à croire que cet établissement étoit le plus avantageux pour elle; peut-être ne l'ai-je jugé ainsi que par les accessoires brillans dont il est environné, et il est très vrai que ce ne sont pas ceux-là qui ont à la rendre heureuse, autant qu'elle le mérite, et pendant le long cours de la vie. Je suis encore dans les ténèbres sur le personnel de l'individu, que j'ai à faire connoître à v. m-té, mais dès que je l'aurai vû, je ne manquerai pas de le lui depeindre tel qu'il est.

Je ne savais pas qu'il fut déjà question de deux projets de mariage pour lui; on m'a conté seulement d'hazard qu'il avoit des vues sur la p-cc fille unique du roi de Saxe, et je me suis empressé de le marquer à v. m-té.

Ayant fait à Tilsit la connoissance du p-cc royal de Bavière et du p-cc Henri de Prusse, j'ai déjà osé écrire à v. m-té, que selon moi, ni l'un, ni l'autre, ne convenoient pas à m-me la grande duchesse et n'étoient pas dignes d'obtenir sa main, par conséquent ne changeant pas d'opinion je n'ai plus à revenir sur leur compte.

Quand je quittai avant-hier Bialystock, m-me de Cracovie qui m'a comblée de

tant de soins et d'attentions pendant les douze jours que j'y ai été malade, m'exprima avec beaucoup de sensibilité la crainte qu'elle avoit d'avoir perdu les bonnes grâces de v. m-té, puisqu'elle n'a pas jugée à propos de lui répondre à cette lettre qu'elle lui a adressée il y a deux ans; et en même tems il m'a été impossible de ne pas lui promettre que je prendrai la liberté d'implorer la générosité de v. m-té en faveur de m-lle de Bassompierre, fille d'un émigré de beaucoup de mérite auquel elle accorde un asile chez elle, et que le b. de Pahlen, officier de nos gardes du corps, a demandé en mariage. M-me de Cracovie, qui est la femme la plus respectable que je connoisse, m'a prié de mettre sous les yeux de v. m-té la note ci-jointe, qui l'instruira de ce quelle se permet de désirer de ses bontés et de sa bienfaisance. Si v. m-té pourroit sans se gêner faire la grâce à cette bonne vieille, qui ne lutte que contre des chagrins depuis tant d'années, de lui envoyer 1500 ou 2000 rbl. pour la dot de cette jeune personne à laquelle elle prend une si grande part, elle les rendroit à la fois toutes les deux parfaitement heureuses, et s'en feroit bénir

## XVIII.

Межерица, 17/28 июля 1807.

Государыня,

Чтобъ уведомить какъ можно скорѣе в. и. в-во, что письмо, которымъ вы удостоили меня почтить со вложеніемъ письма отъ е. в. государя императора, дошло до меня, и тотчасъ же отираваю назадъ курьера, который привезъ мнѣ это письмо. Межерица принадлежитъ теперь кн. Константину Чарторижскому, который выстроилъ здѣсь прехорошенькій павильонъ, гдѣ я провожу эту ночь. Мое здоровье становится лучше и лучше, и я продолжаю поѣздку къ мѣсту назна-

ченія, разсчитывая прїѣхать туда чрезъ 2 недѣли. Лѣшусь надеждою, что проживши тамъ дней 8, я успѣю добросовѣстно и сообразно съ священнымъ долгомъ исполнить трудное, но весьма лестное, порученіе, которое в. в-во на меня возложили. Я вамъ скажу истину, какъ ее увижу; не умолчу предъ вами о впечатлѣніи, которое наружность и качества императора Франца на меня произведутъ; я не скрою ничего, что узнаю о немъ и его частной жизни, и конечно я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы добыть объ этомъ самыя точныя свѣденія. Интересуюсь до глубины сердца судьбою и будущимъ счастьемъ е. в. великой княжны Екатерины, я былъ одинъ изъ первыхъ, почитавшихъ этотъ союзъ самымъ для нея выгоднымъ; можетъ быть, я такъ судилъ только по блестящей его обстановкѣ; но конечно эта обстановка не можетъ сдѣлать великую князю столь счастливою, сколько она того заслуживаетъ, притомъ на всю жизнь. Я еще нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи о личности чловѣка, съ которымъ и долженъ познакомиться в. в-во; но какъ только я его увижу, я не премину описать его такъ, какъ онъ есть.

Я не зналъ, что было уже два проекта о его бракѣ; мнѣ случайно сказали только, что онъ имѣлъ виды на пр-су, единственную дочь короля Саксонскаго, и я поспѣшилъ замѣтить объ этомъ въ письмѣ къ в. в-ву. Познакомившись въ Тильзитѣ съ Баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и пр-мъ Генрихомъ Прусскимъ, я уже осмѣлился написать в. в-у, что, по моему, ни тотъ, ни другой не соотвѣтствуютъ е. в. великой княжнѣ Екатеринѣ и недостойны ея руки; слѣдов. оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, и не буду больше возвращаться къ этому предмету.

Когда я уѣзжалъ изъ Бѣлостока, г. Краковская, оказавшая мнѣ столько заботъ и вниманія впродолженіе моей 12 дневной болѣзни, выражала мнѣ съ большимъ чувствомъ опасеніе, что она лишилась благоволенія в. в-ва, потому что вы не

соизволили отвѣтить ей на письмо ея, посланное вамъ назадъ тому два года; мнѣ нельзя было при этомъ не пообѣщать ей, что я буду умолять в. в-во о великодушіи въ пользу м-Не Бассомпьеръ, дочери одного весьма заслуженнаго эмигранта, которую она пріютила у себя и за которую сватался б. Паленъ, офицеръ нашей лейбгвардіи. Г-жа Краковская, почтеннѣйшая женщина, какую я только знаю, просила меня представить вниманію в. в-ва прилагаемую записку, изъ которой видно, чего она осмѣливается надѣяться и желать отъ вашей милости и благотворительности. Если в. в-во можете, не стѣсняя себя, оказать благодѣяніе этой доброй старушкѣ, которая уже столько лѣтъ проводитъ лишь въ борьбѣ с огорченіями, приславъ ей тысячи 1½ или 2 рублей на приданое этой дѣвицѣ, въ которой она принимаетъ такое живое участіе, то вы разомъ совершенно осчастливите ихъ обѣихъ и заставите благословлять васъ.

## XIX.

à Cracovic, le 1807  $\frac{24 \text{ de juillet}}{3 \text{ d'août}}$

Madame,

Aujourd'hui j'ai à informer seulement v. m-té que je suis parvenu jusqu'à Cracovie. Je suis arrivé ici hier au soir, et après que des reparations nécessaires à mes équipages seront achevées, je repartirai cet après diner voulant coucher demain à Teshen. J'ai beaucoup souffert depuis Bialystock des grandes chaleurs et des mauvais chemins, mais au reste ma convalescence s'est très bien soutenue pendant cette pénible route, moyennant le soin que j'avois de suivre strictement les conseils du docteur Dunker en avalant une poudre de guajacque chaque matin, et en tenant mes jambes horizontalement placées dans ma voiture. Je crois avoir surmonté à présent tous les désagremens de mon très long voyage, car après demain j'entre

en Allemagne et d'ici je n'aurai plus à voyager que sur une chaussée assez bien entretenue qui doit être réparée depuis deux ans.

Me trouvant à Kozk à cinq milles de Demblin, campagne de m-me de Mniszeck, nièce du feu roi de Pologne, et sachant que je pouvais regagner de là le grand chemin sans avoir fait aucun détour, je n'ai pu résister au désir d'aller la voir. J'ai passé chez elle un jour. Tout m'a plu à Demblin: la maison nouvellement bâtie est aussi élégante que bien distribuée; le jardin, rempli de beaux arbres est parfaitement bien dessiné, et en le parcourant j'ai songé à v. m-té en me représentant combien elle auroit été contente de posséder à Pavlovsk dans la même quantité les superbes peupliers et les beaux orangers que j'y ai vus! M-me de Mniszek qui se rappelle avec la plus grande reconnaissance des bontés de v. m-té ne peut se consoler de la perte de son mari, et vit depuis son veuvage dans une retraite profonde. Je l'ai trouvée seule avec sa fille cadette Pauline, née à Pétersbourg, et filleule de feu l'empereur. Elle donne Demblin en dot à sa fille aînée Isabelle, qui est dit-on une beauté, et qui vient d'épouser à l'âge de 15 ans le p-ce Dominique Radzivil, et souhaitant que sa fille et son gendre, devenu chambellan de l'empereur, aillent se présenter à notre cour, elle compte les y accompagner le printemps prochain.

J'avais trop entendu parler de Pulawy, qui n'est qu'à deux petites milles de Demblin, pour ne pas y aller aussi. Je l'ai fait quoique le p-ce Adam Czartoriski et sa femme en étoient absents: lui étoit allé prendre les bains sur les frontières de la Hongrie, où il va régulièrement tous les ans, et elle se trouvoit pareillement à des eaux mi-

nerales en Hallicie dans les environs de Lemberg. Ce que j'ai le plus admiré à Pulawy c'est sa belle situation sur les bords de la Vistule, les superbes perspectives de peupliers qui l'entourent, la perfection avec laquelle la p-sse qui s'occupe beaucoup du jardinage a su transformer l'ancien jardin régulier en jardin anglais, et le temple de la Sybille qui est une preuve de plus de son gout et de ses qualités intéressantes, qui lui ont toujours été connues, qui est consacré au dépôt d'une collection précieuse d'antiquités dans tous les genres, qui appartiennent à l'histoire et aux anciens rois de Pologne.

À Sumiatyze, une certaine dame Wetterling, femme de l'inspecteur des douanes prussiennes est venue me voir en disant qu'elle avoit été élevée avec v. m-té et avoit été honorée de sa bienveillance pendant sa première jeunesse, et maintenant comme Sumiatyze passe sous la domination de la Russie, supposant que son mari ne pourra plus garder sa place, elle désire de devoir à la protection de v. m-té que son mari puisse être employé dans la partie des forêts en Courlande, et qu'elle même puisse devenir dame de classes dans un de ses instituts. Je lui ai conseillé d'en écrire directement à v. m-té. Je prends la liberté de mettre ci-joint sous ses yeux la nôte qu'elle m'a remise et en attendant pour la renouveler dans sa mémoire.

Il m'est impossible d'exprimer tous les droits que possède s. m-té l'empereur sur mon attachement et sur tous mes sentimens. Je le chéris du fond de mon cœur; il n'y a personne qui prenne plus de part que moi à sa gloire et à sa constante prospérité, et en me mettant à ses pieds, je supplie v. m-té de vouloir bien l'en assurer le plus souvent qu'elle pourra.

Je présente mon respectueux hommage à m-gr le grand duc Constantin et à m-me la grande duchesse Cathérine et j'ose me flatter qu'ils daigneront ne pas m'oublier comme un de leurs plus dévoués serviteurs.

Je salue mon ancienne amie à qui j'écrirai de Vienne et m-me la c-ssc de Lieven, et je suis avec le respect le plus profond etc.

## XIX

Краковъ  $\frac{24 \text{ июля}}{5 \text{ августа}}$  1807.

Государыня,

Сегодня я имѣю сообщить в. и. в-ву только то, что я добѣхалъ до Кракова. Я прибылъ сюда вчера вечеромъ и какъ только окончатъ починки, потребовавшіяся для моихъ экипажей, то есть сегодня послѣ обѣда, я поѣду дальше, желая завтра ночевать въ Тешенѣ. Послѣ выѣзда изъ Бѣлостока я много терпѣлъ отъ сильныхъ жаровъ и дурныхъ дорогъ, но впрочемъ мое выздоровленіе идетъ очень хорошо, потому что, строго слѣдуя совѣтамъ доктора Дункера, я каждое утро принимаю порошокъ гуанка, и держу ноги въ каретѣ въ горизонтальномъ положеніи. Кажется, и преодолѣлъ теперь всѣ трудности моего долгаго путешествія, ибо завтра я вступлю въ Германію, и тамъ мнѣ предстоитъ вхлѣть уже по довольно хорошо содержимому шоссе, которое только два года тому назадъ поновлено.

Прѣзжая черезъ Кодезь, въ пяти миляхъ отъ Демблина, деревни г-жи Мнишекъ, племянницы покойнаго короля Польскаго, извая при томъ, что изъ Демблина можно выѣхать на большую дорогу безъ всякаго крюку, и не устоялъ противъ желанія захватить къ ней. Я провелъ у нея одинъ день. Въ Демблинѣ мнѣ все понравилось: вновь выстроенный домъ и изысканъ, и хорошо расположенъ; садъ, обильный прекрасными деревьями, разбитъ очень хорошо; прогуливаясь по немъ, и думалъ о в. в-вѣ

и воображалъ, какъ вы были бы довольны, еслибъ имѣли въ Павловскѣ въ такомъ же множествѣ превосходные тополи и красивыя померанцевыя деревья! Г-жа Мнишекъ, которая вспоминаетъ съ величайшею признательностію милости в. в-ва, не можетъ утѣшиться послѣ потери мужа и со времени вдовства живетъ въ совершенномъ уединеніи. Я нашелъ ее одну съ меньшою дочерью Полиною, рожденною въ Петербургѣ, крестницею покойнаго государя. Г-жа Мнишекъ отдаетъ Демблинъ въ приданое за своею старшею дочерью Изабеллою, которая, говорить, красавица и недавно вышла 15-ти лѣтъ за кн. Доминика Радзивила; г-жа Мнишекъ желаетъ также, чтобы ея дочь изытъ, сдѣлавшійся теперь камергеромъ государя, представились при нашемъ дворѣ и рассчитываетъ отправиться туда вмѣстѣ съ ними будущей весною

Я слишкомъ много слышалъ о Пулавахъ, отстоящихъ всего на 2 мили отъ Демблина, чтобъ не отправиться и туда. Я сдѣлалъ это, хотя князя Адама Чарторижскаго и жены его тамъ не было: онъ отправился на границу Венгріи для купаній, куда онъ ѣздитъ регулярно каждый годъ, а она также уѣхала на минеральныя воды въ Галицію, въ окрестности Львова. Всего больше я любовался въ Пулавахъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ на берегу Вислы, великолѣпными тополевыми аллеями, ихъ окружающими, искусствомъ, съ какимъ княгиня, занимающаяся много садоводствомъ, сумѣла преобразовать прежній регулярный садъ въ англійскій, и храмомъ Сивиллы, который служитъ новымъ доказательствомъ вкуса и интересныхъ качествъ, которыми княгиня всегда была извѣстна: въ храмѣ этомъ помѣщено драгоценное собраніе древностей всѣхъ родовъ, относящихся до исторіи и до древнихъ Польскихъ королей.

Въ Сумятицахъ, нѣкто г-жа Веттерлингъ, жена смотрителя Прусскихъ таможенъ, приходила ко мнѣ и сказала, что она была воспитана вмѣстѣ съ в. в-мъ и пользовалась вашимъ благоволеніемъ

въ своей ранней молодости, а какъ теперь Сумятицы переходятъ во владѣніе Россіи, то, полагая, что мужъ ея не можетъ сохранить свое мѣсто, она желаетъ, чтобы чрезъ милостивое покровительство в-ва мужъ ея былъ назначенъ на службу по лѣсной части въ Курляндіи, а она сама чтобы получила мѣсто класной дамы въ какомъ нибудь изъ вашихъ заведеній. Я посовѣтовалъ ей написать объ этомъ прямо в. в-ву; осмѣливаюсь при семъ представить вашему вниманію записку, которую она мнѣ передала, и которая въ ожиданіи будущаго, напомнитъ вамъ объ этой особѣ.

Не умѣю исчислить всѣ права е. в. государя императора на мою преданность и всѣ мои чувства. Я люблю его отъ глу-

бины души; никто въ мірѣ больше моего не принимаетъ участія въ его славѣ и его постоянномъ благополучіи, и, повергаясь къ стопамъ вашимъ, и умоляю в. в-во не отказать передавать ему мои увѣренія въ этомъ какъ возможно чаще.

Приношу дань истиннаго уваженія его в-ву великому князю Константину и ея в-ву великой княжнѣ Екатерины и смѣю надѣяться, что они удостоятъ не забыть меня, какъ одного изъ ихъ преданныхъ слугъ.

Кланяюсь моему старинному другу (Нелидовой) которой я буду писать изъ Вѣны, и графинѣ Ливенъ, и съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.,

*(Продолженіе будетъ).*

## ЛЕВЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

*(Братъ баснописца).*

\*

2 Февраля сего 1868 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Ивана Андреевича Крылова. Читатели Русскаго Архива почтутъ его дорогую для Россіи память, прочитавъ нижеслѣдующую статью, содержащую въ себѣ свидѣтельства его добраго братскаго сердца. *И. Б.*

\*

Левъ Андреевичъ Крыловъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли, и умираютъ, не оставивъ даже слѣда своего существованія. О такихъ людяхъ исторія не говоритъ, человѣчество о нихъ ничего не знаетъ, и даже близкіе къ нимъ, ихъ товарищи, забываютъ о нихъ чуть ли не на самой могилѣ. Если о нихъ иногда и упоминаютъ, то они этимъ обязаны своимъ невольнымъ отношеніямъ къ людямъ гениальнымъ, озаряющимъ все, что ни соприкасается съ ними.

Всѣ наши свѣдѣнія о немъ мы черпаемъ изъ его писемъ къ брату, которыхъ сохранились въ бумагахъ послѣд-

няго, принадлежащихъ нынѣ К. С. Савельеву.

Л. А. началъ службу въ гвардіи и жилъ въ Петербургѣ, когда его братъ вмѣстѣ съ Клушинымъ издавалъ журналъ; потомъ онъ перешелъ въ армію, по какой причинѣ, изъ писемъ не видно. Время и разлука съ братомъ не ослабили въ немъ нѣжной, почти сыновней привязанности къ нему. „Любезный батюшка“, „братецъ Иванъ Андреевичъ“, „милый тятенька“, „голубчикъ-тятенька“, — вотъ постоянныя обращенія, встрѣчающіяся въ каждомъ письмѣ. Въ своихъ письмахъ Л. А. дѣлится съ гениальнымъ братомъ и радостями, и горемъ, навѣщавшимъ его не разъ. Конечно, такіа отношенія могутъ сохраняться только тогда, когда они взаимны. Иванъ Андреевичъ Крыловъ до послѣдней минуты жизни своего брата, умершаго гораздо ранѣе его, былъ его другомъ, покровителемъ и товарищемъ; постоянно входилъ въ мельчайшія его нужды, интересовался его служебнымъ положеніемъ, его знакомствами, образомъ жизни, занятіями, расходами, и помогалъ ему и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Оtvѣты Л. А. на его вопросы рисуютъ до мельчайшей подробности

бѣдную картину жизни сначала армейскаго, потомъ гарнизоннаго, а наконецъ инвалиднаго офицера, потому что Л. А. прошелъ всѣ эти роды службы.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы удерживаемся отъ напечатанія всѣхъ писемъ, которыхъ сохранилось 96, и ограничиваемся только извлечениями и небольшими выдержками изъ нихъ (разумѣется, возстановляя правописаніе).

Первое письмо по времени написано 11 янв. 1799 года и получено И. А. (какъ видно изъ его собственноручной надписи) „1799 г. генвари 17 дня“. Приводимъ начало его:

„Богу одному извѣстно, сколько сердце мое чувствуетъ радости, читая твое пріятное письмо, которое я получилъ сего генваря 11 дня, со вложеніемъ ста рублей ассигн.; и сколько я ни думалъ описать тебѣ мою благодарность, но наконецъ увидѣлъ, что слабый умъ мой никогда не можетъ сыскать словъ, чтобы живо изобразить оную. Мнѣ кажется, что сильныя движенія сердца только можно чувствовать, а описывать никогда... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволенъ своимъ состояніемъ, по милости князи Сергія Федоровича Голицына. Слава Богу! Желаю тебѣ отъ всего моего сердца и прошу Бога, чтобы ты и всю свою жизнь провелъ весело. Увѣряю тебя, любезный мой, что меня ничто не можетъ больше веселить, какъ твое доброе состояніе... Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ брата, требовавшего, чтобы Л. А. описалъ ему весь свой „экипажъ“, онъ перечисляетъ свое скудное имущество, въ которомъ книги занимаютъ первое и весьма замѣтное мѣсто; скрипка, взятая И. А. у какого-то Сафонова, также „много прогоняла скуку“ Л. А.-ча. За тѣмъ слѣдуетъ счетъ денегъ, заключающийся слѣдующимъ восклицаніемъ: „И такъ видишь ты, любезный тятенька, имѣю я болѣе 200 р., чего у меня никогда не было, и которыхъ, думаю, на долго хватитъ, ибо я въ карты не

играю, столъ имѣю всегда хорошей... передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ рюмка водки, по утру чай...». Въ слѣд. письмѣ Л. А. рассказываетъ о своемъ походѣ. 12-го января 1799 г., войска, находившіяся въ Херсонѣ, получили приказаніе отъ генерала Германа немедленно выступать въ походъ; но какъ была нѣкоторая неисправность въ разсужденіи обоза, да и у офицеровъ у многихъ ни лошадей, ни повозокъ, то и промѣшались до 22-го. Сего числа поутру въ 8 часовъ съ помощью Божью выступили. Надобно сказать тебѣ напередъ, что у меня передъ этимъ временемъ не было ни полушки денегъ, а кормили меня товарищи, съ которыми я жилъ въ одной казармѣ. Хотя у меня и была маленькая повозченка, но ни лошади и ничего больше; а безъ денегъ въ походѣ пренеодно. Занялъ я 30 р. у баталіоннаго начальника въ счетъ жалованія и, такимъ образомъ к е какъ собравшись, потащился, самъ пѣшкомъ и во весь походъ шелъ пѣшіи... Вообрази себя, любезный тятенька, что я, не ходивши никогда и 20 верстъ пѣшкомъ,—а тутъ съ утра была оттепель, вышло снѣгу по колѣно... потомъ наступилъ жестокий морозъ, „я же шелъ въ штиблетахъ, повозки всѣ отправили впередъ; мнѣ кажется, я бы совсѣмъ околѣлъ, если бы къ счастью моему повозка моя не остановилась. Однакожь я такъ сильно отморозилъ ноги, что до самого Бару болѣли цѣлый мѣсяцъ“. Въ Бару генералъ Германъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, послѣ чего они продолжали путь до Гуситина и здѣсь расположились по деревнямъ. Отдохнувъ нѣкоторое время, они продолжали путь. Авторъ письма останавливается на описаніи городовъ Львова, потомъ Пешта, гдѣ наши войска были встрѣчены принцемъ Іосифомъ и гдѣ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Изъ слѣдующихъ писемъ видно, что Л. А. велъ журналъ во время всего Итальянскаго похода и по частямъ доставлялъ его брату; но изъ него сохранился только небольшой отрывокъ,

который однакожь даетъ понятіе о томъ, въ какомъ родѣ былъ этотъ журналъ. Онъ по содержанию и изложенію напоминаетъ хожденіе Игумена Даніила. Въ сохранившемся отрывкѣ — весь маршрутъ отъ Нови, гдѣ происходило 16-часовое сраженіе (въ которомъ Л. А. не участвовалъ, потому что ихъ войска опоздали, отправившись не тою дорогою), до Кастель-Флорентино, „небольшаго селенія на высокой горѣ“. Л. А. означаетъ время всѣхъ переходовъ, мѣстечки, селенія, города, бросаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего, чтó бы могло занять читателя.

Слѣдующее письмо, отъ 26 дек. 1800 г., написано, какъ видно, изъ-подъ Серпухова, вокругъ котораго расположились войска, возвратившіяся изъ похода. Въ немъ Л. А. поздравляетъ брата съ новымъ годомъ и благодаритъ за присланныя 50 р. асс.

Писемъ изъ Серпухова 1802 г., сохранилось только два. Первое (безъ означенія числа), несмотря на краткость, не лишено интереса. Поблагодаривъ И. А. за письмо, полученное 24 янв., Л. А. продолжаетъ: „сказка твоя о Марѳушкѣ(?) меня удивила. Я, право, полагалъ, что она давно на волѣ, а она бѣдная терпѣла черезъ твою безопасность. Однакожь теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградила; по крайней мѣрѣ она теперь сыщеть гдѣ нибудь пристанище и не будетъ бояться тюрьмы, которой прежде всякій разъ ожидала.“ Пожалѣвъ, что не имѣетъ свѣдѣній о своихъ прежнихъ товарищахъ, Л. А. восклицаетъ: „Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и съ такимъ богатымъ приданымъ, и вѣрно, на актрисѣ. Я бы никогда отъ него этого не ожидалъ!“ „Конечно вы съ нимъ не въ ладахъ, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, а не имѣете переписки“. Дѣйствительно ли И. А. разошелся съ Клушинымъ, или развели ихъ обстоятельства, этого мы не имѣли

возможности узнать. Л. А. удалось въ Серпуховѣ открыть родственницу — „дядюшки Якова Юдича родную сестру, вдову, которая имѣла тамъ свой домъ и жила съ дѣтьми, изъ коихъ одинъ сынъ подъячій. Въ заключеніе Л. А. пишетъ: „Ты заботишься и не знаешь, какъ побить моей скукѣ, и пишешь, что если бы Татищевъ былъ въ Москвѣ, то бы библиотеку ко мнѣ переслалъ. Но ты подумай, не смѣшно ли было бы возить цѣлый возъ книгъ и имѣть тройку лошадей для нихъ? Я думаю, если бы ты ко мнѣ пожаловалъ, чего я нетерпѣливо ожидаю, то хотя бы книгъ 30 или 40 привезъ, да одолжилъ бы до безконечности, если бы привезъ скрипку: она бы много скуку отгонила.“ — Въ другомъ письмѣ находимъ упреки въ лѣни, сожалѣніе о томъ, что нѣтъ возможности находить сюжеты для писемъ, когда на нихъ не отвѣчаютъ. „Еще разъ прошу тебя, голубчикъ мой, пиши ко мнѣ, не лѣнись, пиши о своемъ здоровьи, которое мнѣ всего на свѣтѣ милѣе, и какъ ты живешь. Я сердечно желаю тебя видѣть. Ахъ! какъ мнѣ скучно, что тебя такъ долго не вижу: ты у меня всегда въ мысляхъ.“

Послѣ единственнаго письма 1803 года (отъ 5 марта), не заключающаго въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ выраженія никогда не осуществившейся надежды, что И. А. соберется въ Серпуховъ, слѣдуетъ длинный перерывъ, — до февраля 1816 года. По всей вѣроятности письма эти утрачены; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по тону послѣдующихъ писемъ.

Первое письмо, относящееся къ 1816 г., (отъ 26 февр.), начинается выраженіемъ благодарности за присланныя 200 р., которые были особенно кетати, потому что у Л. А. былъ „одинъ мундиръ, да и тотъ съ плечъ слѣзалъ, а рубашки хоть и три, но и тѣ въ дыркахъ.“ „Изъ этого“ продолжаетъ онъ, „можешь судить, любезный тятенька, что у меня и самыхъ нужныхъ вещей нѣтъ, а о прочемъ и говорить нечего.“ Эти 200 рубл. должны



были казаться Л. А. особенно дорогими, ибо И. А. писалъ къ нему, что самъ находится въ хлопотахъ и нуждается. „Но что дѣлать, утѣшалъ его братъ; я часто вспоминаю твою пословицу: бываетъ хуже, бываетъ и лучше, а также стараго твоего друга, Александра Ивановича Клушина: все пройдетъ! И подлинно, п худое и хорошее, все проходить.“ Въ 1816 году Л. А. былъ уже гарнизоннымъ офицеромъ, а потому остальную часть письма посвящаетъ описанію своего состоянія: „Жалованіи мнѣ 80 р. въ треть, что составляетъ серебромъ 17 р., а мундиръ, какъ ни дѣлай бѣдно, менѣе 25 р. сдѣлать нельзя; рубашка одна стоитъ, не мудренаго холста, 2 р. 50 к. сер. Между тѣмъ, если бы я и вздумалъ что сдѣлать, такъ прежде думать надобно о сапогахъ, которые стоятъ, самые простые, 4 р. сер.; а ѣсть также надобно, да и не одному, а кормить двухъ деньщиковъ, которые провіантъ хотя и получаютъ, но ужъ больше ничего.“ Къ такой нуждѣ присоединились болѣзни: „Я здоровьемъ такъ слабъ сталъ, продолжаетъ Л. А., а особливо глазами, что почти и въ гарнизонѣ служить не могу, и желалъ бы имѣть покой; но видно судьбѣ угодно, чтобы до гроба влачилъ я жизнь въ безпокойствахъ и горестяхъ“. Письмо свое онъ заключаетъ просьбою, чтобы братъ писалъ къ нему какъ можно чаще, ибо въ его письмахъ онъ находитъ единственное утѣшеніе.

Слѣдующее письмо (отъ 10 мая 1816 г.) заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно болѣе другихъ выясняетъ отношенія между братьями въ ту эпоху, когда старшій изъ нихъ сдѣлался человекомъ знаменитымъ и въ матеріальномъ отношеніи вполне независимымъ; съ другой стороны оно рисуетъ положеніе Л. А. „Ни разуму моего, ни словъ не доставитъ довольно (пишетъ онъ) выразить тебѣ мою благодарность за твои ко мнѣ милости. Письмо твое отъ 26-го марта со 150 р. ас. я получилъ съ превеликою радостію.“ Это же письмо дало Л.

А-чу и другой поводъ радоваться: братъ писалъ къ нему, что надѣется поправить свои обстоятельства и положительно спрашивалъ, сколько ему нужно, чтобы выдти изъ бѣдственнаго положенія. Л. А. отвѣчалъ, что всего труднѣе поддерживать гардеробъ, что „сюртука у него нѣтъ, мундиръ изнашивается, а шинель хотя и есть, но въ ней не всегда можно быть,“ а потому онъ проситъ брата прислать денегъ на обмундировку. Май мѣсяцъ былъ самый тягостный для Л. А.: баталіону предстояло въ лѣтнее время занимать караулы; „къ тому же командиръ — человекъ молодой, строгій, подполковникъ Бурнашевъ, все воображаетъ, что онъ въ арміи, забывая, что въ гарнизонѣ одни калѣки и старые люди.“ Отсюда же узнаемъ, что Л. А. въ 806 году произведенъ въ капитаны „и успѣлъ под Туркою быть въ пяти сраженіяхъ, но не раненъ; а за болѣзнію въ 808 году переведенъ въ гарнизонъ.“ Въ концѣ письма онъ проситъ брата прислать ему свои сочиненія, которыя онъ „весьма желалъ бы прочесть, а особливо басни, которыя и здѣсь (въ Каменцѣ-Подольскомъ) въ славѣ.“

Но на свои письма Л. А. долго не получалъ никакого отвѣта и въ письмѣ отъ 19 авг. (1816 г) теряетъ въ предположеніяхъ, что бы могло означать это молчаніе. Онъ извѣщаетъ брата, что назначенъ ассессоромъ въ комиссіи военнаго суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что онъ „не выходитъ изъ мундира, который самъ съ плечъ валится“, а новый сшить онъ не рѣшается, потому что „хоть и есть у него немного деньжонокъ, но онъ боится, что израсходовать ихъ, ему ѣсть нечего будетъ“.

Въ мартѣ 1817 г. И. А. исполнилъ наконецъ просьбу брата, неоднократно повторявшуюся въ его письмахъ: послалъ ему экземпляръ своихъ басенъ, двѣ комедіи и, какъ водится, 150 р. с. Вотъ что по этому поводу пишетъ Л. А. (отъ 7 марта): „Благодарю тебя любезный мой тятенька, что ты меня не

позабылъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ, и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и государь императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобъ ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели. Повѣрь, любезный тятенька, что примѣры твоей добродѣтели и всѣ твои слова, слышанныя мною еще въ младенчествѣ, въ сердцѣ моемъ останутся неизгладимы до конца жизни". — Къ экземпляру, посланному Л. А., былъ приложенъ портретъ автора. Л. А. нашелъ его вовсе не похожимъ и не вѣрнѣе, чтобы человѣкъ могъ такъ перемѣниться — помолодѣть, сравнительно съ прежнимъ портретомъ (1).

Отъ разсужденія о портретѣ Л. А. переходитъ къ разсказу о томъ, какъ проводитъ время и какъ живетъ, о чемъ спрашивалъ его И. А. Отъ 5 час. утра до 9 онъ занимался дѣлами своей роты: читалъ бумаги, составлялъ отчеты, бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ; съ 9 до часу исполнялъ обязанности судьи; въ часъ обѣдалъ „ѣлъ щи да кашу, по праздникамъ и жаркое, и рюмку водки выпивалъ". Время до 7 часовъ опять посвящалъ ротѣ. Только вечеръ принадлежалъ ему. Тогда онъ весь придавался своей скрипкѣ. „Изъ этого, продолжаетъ онъ, ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностию, а если бы ты, любезной тятенька, былъ со мною, такъ я бы полагалъ себя наисчастливейшимъ изъ смертныхъ... Знакомыхъ здѣсь я никого не имѣю, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить пріятно время. Да и городъ здѣсь маленькій, набить жидами и поляками, а

съ поляками мнѣ не совсѣмъ свойственно дружитья". Но онъ умѣлъ быть и этимъ довольнымъ: „Живу я по своему состоянію довольно хорошо", заключаетъ онъ. Изъ этого же письма узнаемъ, что Л. А., тоже находясь въ гарнизонѣ, участвовалъ въ 1813 г. въ походѣ въ Пруссію; „а теперь, говоритъ онъ, сижу уже на мѣстѣ, какъ ракъ на мели. Вотъ теперь меня можно назвать сивымъ старцемъ, какъ въ молодости друзья называли".

Спустя мѣсяць (11 го апрѣля 1817) Л. А. пространно сѣтуетъ на брата, что онъ, требуя отъ него подробныхъ отчетовъ, молчитъ о себѣ и ничего не сообщаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Среди скуки и однообразія жизни онъ теперь находитъ новое развлеченіе въ его басняхъ: „Скажу тебѣ, любезный тятенька, басни твои меня такъ утѣшаютъ, что я многія изъ нихъ наизусть вытвердилъ, и читать ихъ никогда не наскучить". Изъ всѣхъ басенъ особенно понравилась ему *Сочинитель и Разбойникъ*, и онъ сознается, что „въ жизни ничего лучшаго не читывалъ". „Да и всѣ твои басни, прибавляетъ онъ, безпримѣрны". — „Я бы желалъ прочесть и другія твои сочиненія, и я увѣренъ, что они должны быть неподобны". Но Л. А. не зналъ, какъ желаніе его неисполнимо. Письмо заключается слѣдующею весьма часто повторяющеюся просьбою: „прошу тебя, голубчикъ мой, пожалуйста, удѣли полчаса времени, не полѣнись, напиши ко мнѣ по-пространнѣе".

Но и сентябрь наступилъ, и Л. А. еще разъ послалъ брату 6 ф. турецкаго табаку, и онъ все молчитъ; наконецъ въ октябрѣ Л. А. дѣлаетъ предположеніе, не вздумалось ли И. А. прокатиться въ Москву, куда, какъ слышно было и въ Каменцѣ, отправлялся государь и гвардія.

Какъ ни страннымъ должно было показаться И. А.-чу такое предположеніе, однакожь онъ сохранилъ молчаніе до самаго декабря. Между тѣмъ Л. А. успѣлъ написать и четвертое письмо, въ которомъ умолялъ брата написать хоть пять строкъ, ибо, говорилъ онъ, „я все таки

(1) Подъ прежнимъ портретомъ здѣсь, конечно, разумѣется тотъ, который былъ приложенъ при первомъ изданіи басенъ; но въ сохранившихся экземплярахъ этого изданія, равно какъ и въ экземплярахъ изданія 1815—1816, портретовъ вовсе нѣтъ.

не думаю, что ты меня забылъ, я полагаю, что все откладываешь за лѣнью, чѣмъ меня крайне беспокоишь. " Тутъ же Л. А. извѣщаетъ брата, что есть слухъ, будто государь прѣдетъ въ Каменецъ въ апрѣлѣ будущаго года, а онъ промотался, сшилъ себѣ сюртукъ, за который долженъ былъ заплатить 80 р. ас.; между тѣмъ у него нѣтъ серебрянаго шарфа и витишкетовъ къ смотру. " Деньгами же я, продолжаетъ онъ, до назначеннаго отъ тебя, голубчикъ мой, жалованія, какъ нибудь перебыюсь. "

И. А. предупредилъ просьбу брата: 5-го декабря онъ отослалъ къ нему письмо со вложеніемъ 250 р. ас. Отвѣтъ на это письмо (отъ 15 янв. 1818 г.) открываетъ еще одну черту въ отношеніяхъ И. А. къ брату. Онъ не ограничивался высылкою денегъ къ назначенному сроку; онъ желалъ быть поближе къ брату и, какъ видно, серьезно о томъ подумывалъ. Но на эти мечты его пусть лучше отвѣчаетъ самъ Л. А.: " Ты меня, голубчикъ мой, весьма много обрадовалъ, что желаешь какъ нибудь перетащить меня поближе къ себѣ. Я не могу изъяснить, сколь велико желаніе мое быть съ тобою вмѣстѣ, или хотя въ недалекомъ разстояніи отъ тебя; но ума не приберу, какимъ образомъ можно бы это сдѣлать. Ты нишешь, что твои пріятели могутъ сыскать или достать мнѣ мѣсто комендантское или плацъ-маіорское въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ поблизости Петербурга; но эти мѣста штабъ-офицерскія, а я только капитанъ. Плацъ-адъютантомъ хотя бы я и могъ быть, но это мѣсто весьма хлопотливо, да „и надобно знать по бумагамъ“; а я при огнѣ даже читать, а особливо рукопись, совсѣмъ не могу; ибо глазами я очень слабъ, и потому сколько мнѣ ни желательно быть чаще съ тобою вмѣстѣ, но остаюсь безъ всякой надежды на своему здоровью. Развѣ ты, голубчикъ, посоветуешься съ твоими почтенными пріятелями: можетъ быть, они что нибудь придумаютъ. И если они найдутъ спокойное и не суетливое мѣсто, сверхъ моего чаянія по

моему слабому и безоружному здоровью, и могутъ мнѣ достать, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорѣе. Въ разсужденіи же статскихъ должностей, я никакъ не сроденъ и не способенъ, служба съ малолѣтства вотъ уже 32-й годъ въ военной службѣ... „Ахъ, какъ, голубчикъ мой, заключаетъ Л. А., желаю тебя видѣть и обнять тебя, и лично поблагодарить за твои ко мнѣ благодѣянія. Клянусь тебѣ, что все мое благополучіе поставлю въ томъ, еслибы я могъ съ тобою вмѣстѣ жить или хотя часто тебѣ видѣть. "

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 13 февр. 1818) опять повторяются укоризны брату, что онъ залѣнился и опять со дня на день откладываетъ, между тѣмъ какъ Л. А. нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта на его послѣднія просьбы, тѣмъ болѣе, что И. А. самъ подалъ къ нимъ поводъ: " Я нетерпѣливо желаю тебя видѣть, говоритъ онъ; мы никогда не были столь долго съ тобою въ разлукѣ. Вотъ уже 12 съ половиною лѣтъ, какъ мы съ тобою разстались, а у насъ никого болѣе родни нѣтъ. Божусь тебѣ, любезный тятенька, меня это весьма крушить, что мнѣ кажется, что я умру, не видѣвши тебя. Далѣе, по обыкновенію Л. А. доносить, что, по милости брата, ни въ чемъ нужды не терпимъ и всѣмъ совершенно доволенъ, а въ заключеніе просить прислать свои сочиненія, если есть новыя.

Но мечты объ этомъ свиданіи съ братомъ были прерваны совершенно неожиданнымъ происшествіемъ, причинившимъ Л. А-чу много заботъ. Вотъ какъ о немъ пишетъ Л. А. (отъ 27 марта 1818 г.): " Мы теперь, любезный тятенька, имѣемъ уже маршрутъ государя императора. Онъ сюда прибудетъ непременно 25-го апрѣля на ночь, 26-го здѣсь будетъ обѣдать, уже дѣлаютъ приготовленія для угощенія государя. Мы также приготовляемъ. Но бѣда не въ томъ, а вотъ въ чемъ: „нашъ гарнизонный караулъ ему будетъ, и для того баталіонный командиръ всѣмъ офице-

рамъ въ счетъ жалованія купилъ весь приборъ серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строить всѣмъ новые мундиры съ панталонами единообразное, что все будетъ стоить около 250 р. ас. на каждого.... а если хорошій приборъ, то и въ 400 не вогнаги бы. И такъ теперь я долженъ быть почти цѣлый годъ безъ жалованія. Ноя надѣюсь на тебя, голубчикъ-тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчикъ тятенька, помоги!"

Слѣдующее письмо (отъ 4 мая 1818), какъ должно ожидать, заключаетъ разсказъ о пребываніи государя въ Каменецъ-Подольскомъ. Описавъ обычную встрѣчу государя духовенствомъ и дворянствомъ. Л. А. продолжаетъ: „Скажу тебѣ, любезный тятенька, государь во все время присутствія тутъ былъ весьма веселъ, любезенъ и доволенъ; многихъ наградилъ. Баталіономъ нашимъ былъ весьма доволенъ, ибо нашъ баталіонъ во время государева пріѣзда стоялъ въ караулѣ. Баталіоннаго нашего начальника, подполковника Бурнашева, на другой же день, произвелъ въ полковники и приказъ подписалъ. И могу сказать, что баталіонъ былъ одѣтъ очень хорошо; офицеры всѣ въ новыхъ мундирахъ и серебрянномъ приборѣ, что для насъ немножко неприятно, въ разсужденіи, что цѣлый годъ или болѣе должны выплачивать: каждый мундиръ съ серебрянымъ приборомъ стоитъ 234 р. ассигн. Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчикъ! Я на тебя надѣюсь, какъ на каменную гору. Да и на кого же мнѣ болѣе и надѣяться?"

Само собою разумѣется, что Ив. А. не заставилъ брата повторять эту просьбу. 18 мая 1818 г. Л. А. писалъ къ нему въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ нашель 250 р. ас.: „Тысячу разъ благодарю тебя, голубчикъ мой, за твои ко мнѣ отеческія милости. Рѣдкіе и отцы столь щедры къ своимъ дѣтямъ, какъ ты ко мнѣ.“ Между тѣмъ И. А. все еще помышлялъ о переводѣ брата куда нибудь поближе къ Петербургу. Въ этомъ

же письмѣ находимъ слѣдующее замѣчаніе Л. А.: „Мнѣ весьма пріятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемѣщеніи меня къ себѣ поближе. Божусь тебѣ, голубчикъ, что я нетерпѣливо желаю тебя видѣть и обнять тебя“.

Въ іюль тогоже года Л. А. и безъ участія брата попалъ въ инвалиды, по распоряженію баталіоннаго командира, который назначилъ его начальникомъ Винницкой инвалидной команды и вмѣстѣ въ тѣмъ депутатомъ при слѣдствіи надъ контрабандистами. Такимъ образомъ Л. А. получилъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное положеніе, съ которымъ, конечно, сопрягалось много заботъ и пропасть писемъ (письмо отъ 22 іюля, 1818, изъ Винницы).

Изъ письма, отъ 24 сент. 1818, видно, что И. А. самъ былъ въ затруднительномъ положеніи и жаловался на петербургскую дороговизну. „Радуюсь, писалъ Л. А. въ отвѣтъ на это письмо (отъ 11 сент. 1818), что ты, любезный тятенька, здоровъ, только жаль, что ты обезденежѣлъ. Но Богъ милостивъ, опять будутъ деньги, лишь бы Богъ далъ здоровья.“ За тѣмъ онъ сравниваетъ Винницкія цѣны съ петербургск. на съѣстные припасы и заключаетъ: „Богъ тебя надоумилъ, что ты меня не перевелъ въ Ораніенбаумъ, а то бы, кромѣ безпокойства, и дѣйствительно большую нужду съ этими деньгами могъ претерпѣвать.“ Между тѣмъ въ надеждѣ на будущія блага Л. А., не дожидаясь пособія отъ брата, купилъ за 100 р. ас. хуторокъ, чтобы впоследствии обзавестись на немъ хозяйствомъ. Къ этому подстрекало его, во первыхъ, то, что масло, молоко, сыръ будутъ свои; во вторыхъ, птицы и яйца будутъ тоже не купленные, а для птицъ приволье большое, потому что хуторъ окруженъ водою; къ тому же огородъ такъ великъ, что зелени и овощей съ него на цѣлый годъ станетъ, да и работника не искать стать; „деньшика и имѣю женатаго, шисеть онъ, который еще вьять мною изъ арміи; онъ у меня живеть уже 11 лѣтъ, и его довольно

знаю, и надѣюсь на него“... „Теперь задумалъ я, живучи совершенно на мѣстѣ, завестись хозяйствомъ; мало по малу и птица свиваетъ себѣ гнѣздо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будешь у тебя деньги, не оставь въ теперешнемъ моемъ положеніи: жалованія я получилъ только 17 р. асс., а прочее все вычи за обмундировку.“

Высочайшій приказъ объ утвержденіи Л. А. въ должности командира Винницкой инвалидной команды придавъ ему еще болѣе охоты заняться своимъ хозяйствомъ и утвердилъ его въ намѣреніи остаться на всегда въ Винницѣ. Онъ проситъ брата (п. отъ 25 янв. 1819 г.) познакомиться съ его начальникомъ, полковникомъ Бурнашевымъ, уѣзжавшимъ въ то время въ Петербургъ. Хозяйство его постепенно разширилось: онъ купилъ лошадь и подумывалъ о коровѣ; но не рѣшался покупать, потому что къ пасхѣ могъ остаться безъ денегъ, „а этотъ праздникъ любить деньги.“ Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ брату, что всѣ его басни вытвердилъ наизусть и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, и повторяетъ просьбу прислать ему *Инвалида*: „это ты для меня выиграй въ боетонъ,“ советуетъ Л. А.

Въ письмѣ отъ 26 апр. 1819, онъ уже благодаритъ его за присылку *Инвалида*, который вмѣстѣ со скрипкою и хуторомъ увеселили его и занимали. Хозяйство на хуторѣ съ наступленіемъ весны значительно расширилось: „Я купилъ, пишетъ Л. А., двѣ коровы за 100 р. асс., цыплятъ у меня и гусенятъ до 50, огородъ огородилъ и вскопалъ, деревья въ саду распускаются, —будетъ чѣмъ потѣшиться!“

Заботы о хозяйствѣ, наполнявшія жизнь Л. А., И. А. одобрилъ; не хвалилъ только покупки лошади; а потому письмо отъ 27 мая (1819) наполнено доказательствами, что лошадь въ хозяйствѣ необходима и содержаніе ея не дорого обходится. И. А. выслалъ брату экземпляръ басенъ, вышедшихъ тогда новымъ изданіемъ. „А басни, пишетъ по этому по-

воду Л. А., тѣже, что ты прежде мнѣ присылалъ съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ новыхъ; а я полагалъ, что покрайней мѣрѣ еще столько же ихъ написалъ. Однакожь хотя не много, зато прекрасныя!“

Въ 1820 году Л. А. постигли два несчастія. Вотъ какъ онъ рассказываетъ о первомъ изъ нихъ (въ п. отъ 24 янв.): „Пожалѣй обо мнѣ: хуторъ мой сгорѣлъ сего января 15 дня, въ 7 часовъ вечера. Деньщицынъ дочь, 9-ти лѣтъ, ходила въ сѣни съ огнемъ взять прядева и нечаянно зажгла. При этомъ сгорѣло: двѣ повозки, куръ 15 и гусей 10; а коровы и лошадь успѣли вывести; двѣ коровы немного опалились, а сѣно хотя и подлѣ самой хаты стояло, —уцѣлѣло. Теперь деньщикъ живетъ въ чужой хатѣ... Лѣтомъ надо стараться поставить новую хатишку“. За тѣмъ Л. А. извѣщаетъ брата, что постоянно занятъ бумагами, потому что съ часу на часъ ожидаетъ баталіоннаго начальника, который намѣревается смотрѣть его команду.

И. А. отвѣчалъ на это извѣстіе выраженіемъ соболѣзнованія не только словомъ, но и дѣломъ. Слѣдующее письмо Л. А. (отъ 23 марта 1820) начинается такъ: „Здравствуй, голубчикъ тятенька! цѣлую тебя мысленно тысячу разъ... Письмо твое получилъ 20-го сего марта съ 300 р. асс. Благодарность мою за отеческія твои ко мнѣ милости можно только чувствовать, но не описать. Мнѣ весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всемъ твоемъ недостаткѣ, какъ ты пишешь, прислалъ мнѣ 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнял послѣднее или занялъ, хотя я не писалъ тебѣ о недостаткѣ своемъ, ибо я дѣйствительно, по милости твоей, до крайности не доходилъ, да и писалъ тебѣ отъ 9 сего мѣсяца, что я купилъ хату за 50 р. асс. Но теперь я сдѣлался богачемъ и прошу тебя обо мнѣ не беспокоиться“. За тѣмъ, отвѣчая на вопросъ брата, Л. А. продолжалъ: „Мнѣ странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владѣю

хуторомъ безъ всякихъ на него бумагъ. Я купилъ его формально и утвердилъ крѣпостію на гербовой бумагѣ, за подписомъ магистрата; слѣдовательно, онъ и потомству нашему принадлежать будетъ, котораго, видно, у насъ никогда не будетъ. По желанію твоему, планъ хутора я пришлю тебѣ, миленькій тятенька, только не прежде, какъ на Өоминой недѣлѣ, потому что теперь очень грязно и черезъ рѣку Бугъ не можно переѣхать... Ты увидишь, что мѣстоположеніе хутора очаровательно. — Въ припискѣ Л. А. просить брата извѣстить его, не произведенъ ли онъ въ чинъ и не получилъ ли какого ордена. Объ этомъ Л. А. и прежде спрашивалъ нѣсколько разъ, но не получалъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Любопытство его вскорѣ было удовлетворено: въ апрѣлѣ 1820 г. онъ прочелъ въ *Инвалидѣ*, что И. А-чъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст., и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія написалъ слѣдующее (отъ 24 апр. 1820): „Я до безпамятства обрадовался, увидя въ *Инвалидѣ*, что ты награжденъ... Дай Богъ, отъ всего сердца тебѣ желаю, чтобы и увидѣлъ тебя въ голубой лентѣ. Умъ и добродѣтель твоя заслуживаютъ всѣхъ почестей въ свѣтѣ.“

Въ письмѣ отъ 5-го мая, Л. А. поздравляетъ брата съ новою наградою: „Твое письмо, пишетъ онъ отъ 15 апр., меня до крайности обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, съ великою монаршею милостью. Теперь, я увѣренъ, ты не будешь больше имѣть нужды...“ Эта награда состояла въ удвоеніи пансіона, который Крыловъ получалъ съ 1812 года изъ кабинета его величества.

Почти ровно черезъ мѣсяцъ сбылись опасенія Л. А. и притомъ самымъ несприятнымъ образомъ. Это второе несчастіе постигшее его въ этомъ году: „1-го іюня смотрѣлъ баталіонный командиръ, полковникъ Бурнашевъ и меня такъ огорчилъ, что я и теперь хожу, какъ сумашедшій“, писалъ онъ 15-го іюля. Ему не показалось, что люди не такъ доведе-

ны въ обученіи, какъ въ арміи: но людей старыхъ, изувѣченныхъ, поступающихъ въ инвалидъ совершенно ни къ какой службѣ негодныхъ, мучить ученіемъ кажется все равно, что убивать и укрощать послѣдній остатокъ изъ жизни; да и я самъ не въ силахъ доводить до совершенства, котораго требуютъ. Нѣкоторые мундиры, построенные мною, показались командиру не хороши. Они довольно просторны, и я ни мало не имѣлъ намѣренія на счетъ покройки интересоваться какими нибудь 10 или 15 аршинами толстаго сѣраго сукна. Къ тому же, какъ сукно присылается изъ баталіона, то я полагаю, что оно моченое, и по спросѣ моему старые унтеръ-офицеры отвѣчали, что суконъ при командѣ не мочатъ, а такъ кроютъ, какъ присылаютъ изъ баталіона. Потому баталіонный командиръ отказалъ мнѣ отъ командованія и поручилъ прапорщику другой команды. Изъ этого ты можешь судить, любезный тятенька, въ какомъ я теперь нахожусь огорченіи. Божусь, что насилу собрался къ тебѣ написать. Баталіонный командиръ думаетъ, что я весьма много интересуюсь отъ команды; но я клянусь тебѣ, голубчикъ-тятенька, какъ брату, отцу и другу, что кромѣ жалованія ни на грошъ никогда не интересовался отъ команды. За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю чѣмъ нибудь невольнительнымъ пользоваться, черезъ что могъ бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я по твоей милости нужды ни въ чемъ не терплю. Прости, голубчикъ, силъ моихъ болѣе не достаетъ писать. Будь здоровъ и счастливъ. Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи отъ тебя отвѣта.“

И. А. на сей разъ не замедлилъ отвѣтомъ. Чтобы читатели могли составить понятіе о смыслѣ этого отвѣта, приводимъ съ небольшими пропусками письмо Л. А. отъ 24 іюля 1820 г.: „Письмо твое, отъ 4 іюля, получилъ я, мой милый тятенька, сего іюля 23 дня, и весьма жалѣю, что я писалъ тебѣ о моемъ неудовольствіи, которое тебя такъ огорчило. Ты мнѣ

пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не училъ людей экзерцици; но я божусь тебя, что ученіе происходило, только много было препятствій: армейскіе стояли въ то время въ лагерь, а инвалидные занимали по всему городу караулы; къ тому же арестантовъ провожали инвалидные же, такъ что людей очень мало на лицо оставалось. Что же касается до немоченія суконъ, то во всѣхъ командахъ сукно не моченое, и я здѣсь первый разъ дѣлалъ постройку мундировъ; со всѣмъ тѣмъ мундиры очень хороши, и г. полковникъ приказалъ сдѣлать пробу—намочить одинъ мундиръ, который, какъ высохъ, то почти непримѣтно, чтобъ сѣлся.—Я надѣюсь, голубчикъ тятенька, что меня г. полковникъ проститъ... Я увѣренъ, что онъ обо мнѣ худыхъ мнѣній сердечно не имѣетъ. Я ему всегда былъ покоренъ, да и служба 34 года, съ малолѣтства научилъ повиноваться и всегда былъ начальниками любимъ, какъ ты и самъ былъ очевидецъ, когда пріѣзжалъ ко мнѣ въ полкъ; и въ Каменцѣ командовалъ ротой при немъ три года безотлучно... Ты мнѣ пишешь, голубчикъ тятенька, чтобы я сѣзидилъ къ г. полковнику извиниться. Но онъ службу мою знаетъ, и я ему изъяснялся въ своей неумышленной винѣ. Я увѣренъ, что это все пройдетъ. Горячіе люди вообще добры, и онъ меня проститъ съ временемъ. Прошу тебя, голубчикъ мой, не безпокойся обо мнѣ: твое безпокойство болѣе меня будетъ мучить. Богъ милостивъ!" *и проч.* Нѣкто майоръ Колтовской совѣтовалъ ему перейти въ неслужащій инвалидъ. Мысль эта очень понравилась Л. А-чу „Хотя мнѣ, пишетъ онъ отъ 7 авг., полковникъ и отдастъ команду, но кромѣ хлопотъ, я ежедневно долженъ бояться подпасть подъ штрафъ; нынѣ же весьма строго взыскиваютъ за самую малость, особливо за побѣги арестантовъ. Неслужащимъ же офицерамъ жалованіе тоже, что и служащимъ... И такъ я ожидать буду отъ тебя, любез-

II. 4.

ный тятенька, совѣта, подать ли мнѣ въ неслужащіе и въ какой городъ“.

Слѣдующее письмо (отъ 21 авг.) принесло И. А. утѣшительное извѣстіе: 10 августа государь посѣтилъ Винницу и былъ весьма доволенъ состояніемъ команды. Въроятно, это было причиною, что полковникъ „умилостивился“ и возвратилъ команду Л. А-чу, о чемъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ брату.

19-го декабря И. А. послалъ брату 150 р. ас. при письмѣ, содержаніе котораго отчасти опредѣляется отвѣтомъ Л. А. (отъ 7 янв. 1821): „Съ великимъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма, что ты имѣешь такого добраго начальника, который такъ къ тебѣ расположенъ, какъ къ родному. Желаю ему и всему его семейству всѣхъ благъ, которыми человекъ можетъ насладиться въ здѣшней и въ будущей жизни... Мнѣ весьма пріятно слышать, что императрицы къ тебѣ такъ благосклонны; но не удивляюсь, зная твой разумъ, добродѣтель и счастливый характеръ. Я увѣренъ, что кто тебя разъ увидитъ и насладится твоимъ разговоромъ, тотъ, конечно, всѣмъ сердцемъ къ тебѣ прильбится и пожелаетъ быть съ тобою неразлучно. Только жалѣю очень, любезной тятенька, что твоя Муза такая сопливая и лѣнивая“..

6-го января 1823 г. Л. А. снова получилъ письмо отъ брата и снова 200 р. ас. „Я несказанно радуюсь, писалъ онъ въ отвѣтъ на это письмо (10 янв.) увѣренію твоему дѣлиться со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Да наградитъ тебя Всевышній долгодѣтнимъ здравіемъ и благополучіемъ. Ты, подлинно, говоришь, какъ великодушный человекъ, что насъ только двое и послѣ насъ наслѣдниковъ никого не останется; но только не всѣ такъ думаютъ, а однѣ высокія, благороднѣйшія души. Мы же теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятень-

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1868. 9

на, 54 скоро минеть, и въ разлукѣ мы уже 17 съ половиною лѣтъ“. Далѣе Л. А. пишетъ: „Прошу тебя со слезами, попроси гр. Комаровскаго или дежурнаго при немъ генераль-маіора Мухина, чтобы сдѣлали предписаніе г. полковнику Бурнашеву удалить меня отъ командованія; ибо есть молодые люди въ гарнизонѣ и въ инвалидѣ совершенно праздные, а старому, слабому и трудами изнуренному человѣку покою нѣтъ“...

„Я вчера начиталъ въ Инвалидѣ, пишетъ Л. А. (отъ 3-го февр.), что истекшаго января 14-го было въ Академіи большое собраніе и съ неизрѣченной радостью увидѣлъ, что тебѣ и г. Карамзину за отличныя ваши сочиненія всѣ единодушно согласились поднести золотыя медали; а особливо тебѣ, голубчикъ-тятенька, самъ президентъ поднесъ медаль и съ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ, что мнѣ тѣмъ болѣе радостно и лестно слышать, что всѣ ученые люди сердечно признали тебя достойнымъ. Теперь мнѣ желательно знать, кто такой президентъ, а также и другіе... Пожалуйста, увѣдомь меня, голубчикъ, какое изображеніе на медали и на какой лентѣ, и не полѣнись, срисуй мнѣ ее и пришли, чѣмъ много меня обрадуешь“... И. А. въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предупредилъ просьбу брата въ своемъ письмѣ отъ 28 января. Вотъ отвѣтъ Л. А. на это письмо: „Письмо твое получилъ я съ живѣйшимъ чувствомъ восторга и радости, съ благодареніемъ Всевышнему за Его къ тебѣ великія милости, и молю Его, да наградитъ тебя по твоей истинной добродѣтели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннѣйшею публикою. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не могъ не прослезиться, получая чисто-сердечныя признанія твоего достоинства отъ всей публики. И дѣйствительно, какое бы каменное сердце могло удержаться отъ волненія и чувства благодарности, которое ты въ то время чувствовалъ... Ты предупредилъ меня, любезный тятенька, объясненіемъ церемоніи и исчисле-

ніемъ присутствующихъ важныхъ особъ, а также и присылкою снимка съ полученной тобою медали“... Далѣе Л. А. благодаритъ брата за намѣреніе перевести его въ неслужащій инвалидъ, которое онъ думалъ привести въ исполненіе при содѣйствіи какого то стараго пріятели Щуленникова. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ полковникъ Бурнашевъ получилъ изъ Петербурга письмо, вслѣдствіе котораго предложилъ Л. А. подать прошеніе на высочайшее имя о переводѣ въ неслужащій инвалидъ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1823 г. онъ благодаритъ брата за содѣйствіе и проситъ поторопить дѣло, если оно пойдетъ по начальству и дойдетъ до главнаго начальника гр. Комаровскаго.

Въ маѣ И. А-чъ исполнилъ просьбу брата о книгахъ, а потому письмо отъ 9 го іюня 1823 г. посвящено преимущественно сужденіямъ о присланныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, полагая, что въ этихъ сужденіяхъ обнаруженъ не одинъ личный взглядъ Л. А., но взглядъ огромнаго большинства, къ которому онъ принадлежалъ: „Читалъ я, пишетъ онъ, басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностію можетъ читать, хотя не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый... Читалъ и сочиненія г. Жуковскаго; но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, лишишь,—это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простаго, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои—это не басни, а апостоль“... Въ числѣ книгъ, присланныхъ И. А., былъ французскій переводъ его басень. О самомъ переводѣ Л. А. отзывается су-



хо; но ему особенно пріятно было прочесть предисловіе. „Оно привело меня въ восторгъ, говоритъ онъ: авторъ сердечно признается, что ты самыхъ отличныхъ талантовъ, и всякая просвѣщенная нація за честь себя поставила бы имѣть тебя своимъ соотечественникомъ. Этого, я думаю, еще никогда никто въ Россіи не слыхивалъ“.

Почти весь іюнь Л. А. проболѣлъ и обязанъ былъ выздоровленіемъ доброму пріятелю своему и сосѣду, уздному доктору Прокоповичу. Доноси объ этомъ (20 іюля) И. А-чу, онъ укорилъ его за то, что онъ не отвѣчаетъ на его письма. Но Л. А. не зналъ, что И. А. былъ въ то время боленъ, и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностію сначала семейства Олениныхъ, а потомъ императрицы Маріи Федоровны. Оправившись отъ болѣзни, И. А. немедленно сообщилъ брату о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, извѣстныхъ читателю изъ біографіи, написанной Плетневымъ. Извѣстіе это возбудило въ Л. А. какое-то смѣшанное чувство: „Письмо твое отъ 17 августа, пишетъ онъ, несказанно меня обрадовало. Благодарю Всевышняго Творца, что ты теперь, по милости Его и попеченіями милосердой нашей императрицы, выздоровѣлъ. Мнѣ пріятно и лестно государыни нашей и всего августѣйшаго дома къ тебѣ благорасположеніе. Молю Создателя о здравіи твоёмъ и всей царской фамиліи, а также о твоёмъ почтеннѣйшемъ начальникѣ г. Оленинѣ. Болѣзнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава Богу, я теперь спокоенъ“. Къ письму, какъ видно, былъ приложенъ списокъ б. *Василекъ*, о которой Л. А. выразился такимъ образомъ: „Басня твоя *Василекъ*, которую я вытвердилъ наизусть, безприквѣрна и очень кстати написана: въ ней ты умѣлъ весьма тонко и сердечно изъяснить свою благодарность великой нашей императрицѣ... Басню эту я считаю въ родѣ оды, весьма тонкой и хит-

рой, не имѣющей въ себѣ ни почерка грубой и постыдной лести, что во многихъ одахъ примѣтно“. — И. А. въ своемъ письмѣ рассказывалъ, какъ проводилъ время въ Павловскѣ; это подало поводъ къ забавному недоразумѣнію: „Ты пишешь, любезный тятенька, продолжаетъ Л. А., что ты былъ всегда за столомъ императрицы и участвовалъ во всѣхъ играхъ, игралъ роль въ твоей баснѣ *Юка*, а князь Голицынъ Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчикъ, объясни мнѣ: развѣ сдѣлалъ ты изъ басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я объ этомъ нигдѣ не находилъ нигдѣ въ газетахъ. Сдѣлай милость, если ты изъ басни сдѣлалъ оперу, пришли мнѣ ее, голубчикъ, Она должна быть чрезвычайна“...

Въ апрѣлѣ 1823: „Письмо твое, отъ 20 марта я получилъ 2-го сего мѣсяца съ неизрѣченною радостью. Благодарю Бога, что ты здоровъ и что онъ наградила тебя такимъ почтеннѣйшимъ, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, каковъ твой благодѣтель г. Оленинъ. Докладъ его государю о наградѣ тебѣ, любезный тятенька, я читалъ съ великимъ восхищеніемъ. И подлинно, неудивительно, что твой почтенный благодѣтель умѣетъ быть любимымъ государемъ. Докладъ написанъ чрезвычайно хорошо“.

11 августа И. А. увѣдомилъ брата, что ѣздилъ въ Ревель, да еще и моремъ. Поездку эту Крыловъ предпринялъ совершенно случайно. Проходя однажды по набережной, онъ встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, предложилъ ему навѣстить командира Ревельскаго порта Спафаріева, знакомаго Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Крыловъ, не долго думая, сѣлъ на пароходъ. Объ этомъ случаѣ всѣ лица, знавшія Крылова, рассказываютъ совершенно одинаково. Это весьма обезпостило стараго воина: „Благодарю Бога, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, и радуюсь сердечно, что ты здоровъ. Но еслибы я прежде узналъ, то бы мнѣ это не дало спокойствія,

покажеть не узналъ бы о твоёмъ благополучномъ возвращеніи, ибо я, какъ тебѣ извѣстно, испыталъ сію непостоянную стихію: шесть мѣсяцевъ не сходилъ съ корабля и видѣлъ всё ея проказы. И такъ ты теперь, любезный тятенка, можешь назваться мореходцемъ, только совѣтую впередъ безъ нужды не отдаваться прелестямъ сей обманчивой стихіи. — Миѣ весьма пріятно и лестно слышать, любезный тятенка, о благоположеніи къ тебѣ нашей государыни и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними всегда благодать Божья“. Въ заключеніе письма онъ проситъ прислать ему новый портретъ, который въ то время печатался по просьбѣ книгопродавца Сленина.

Ровно черезъ мѣсяцъ И. А-ъ снова получилъ изъ Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. „Съ душевнымъ прискорбіемъ, писалъ авторъ этого письма, ближайшій начальникъ его брата, майоръ Колтовской, — беру съ перо, чтобы начертать вамъ нѣсколько строкъ о потери брата вашего Льва Андреевича. Онъ оставилъ сей свѣтъ по кратковременной болѣзни, ноября 25-го, поутру въ 8 часовъ. Пять дней былъ онъ боленъ сильною горячкою, а въ шестой скончался. Послѣднее письмо ваше онъ получилъ 22 ноября, но не могъ уже онаго читать и попросилъ прочесть оное находящагося при немъ штабъ-лекаря уфимскаго подка, и наконецъ, поцѣловавъ портретъ вашъ, сказалъ: „Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ!“

За тѣмъ Колтовской сообщаетъ, что тѣло покойнаго предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ отдана ему послѣдняя воинская почесть тремя ружейными выстрѣлами, „возвѣстившими конецъ всѣмъ мірскимъ суетамъ“. Послѣ похоронъ Колтовской опросилъ команду, которая не изъявила никакихъ претензій на бывшаго своего командира, и передалъ ее старшему въ командѣ офицеру. „Съ наличными оной команды господами офи-

церами, продолжаетъ онъ, сдѣлалъ я опись всѣмъ вещамъ и деньгамъ<sup>(2)</sup>, оставшимся послѣ его смерти, которую на разсмотрѣніе и распоряженіе ваше при семъ препровождаю. Подъ священною клятвою доношу вамъ, что болѣе показанныхъ въ реестрѣ вещей и денегъ ничего не осталось. Я только осмѣлился взять себѣ одну изъ книгъ, Римскую исторію, для своего сына и портретъ вашъ, присланный при послѣднемъ письмѣ, въ знакъ памяти, и тотъ не иначе оставлю себѣ, какъ съ позволенія вашего“. По благодарственнымъ письмамъ, полученнымъ Крыловымъ изъ Винницы, видно, что хуторъ со всѣмъ строеніемъ и принадлежностями къ хозяйству вещами, а также двѣ коровы съ телятами и 75 р. ас., онъ отдалъ деньщику; всю рухлядь — унтеръ-офицеру Усатову; сверхъ того женѣ офицера инвалидной команды, Марьѣ Михайловнѣ Ступиковой, въ память о своемъ братѣ, при которомъ она находилась во время болѣзни, нѣсколько серебрянныхъ вещей.

Теперь читателямъ интересно будетъ узнать, какъ принялъ Крыловъ извѣстіе о кончинѣ брата. Смерть, постигающая хотя и родного, но вдали живущаго и давно не видѣннаго человѣка, разлука съ которымъ уже вошла въ привычку, конечно, не можетъ такъ поразить, какъ утрата тѣхъ, съ кѣмъ сближаютъ ежедневныя личныя сношенія и одинаковые интересы. Однакожь отъ Варвары Алексѣевны Олениной мы слышали, что внезапное извѣстіе о смерти брата сильно подѣйствовало на И. А-ча. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, хотя ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни: попрежнему посѣщалъ клубъ и проводилъ вечера у Олениныхъ. Друзья его терялись въ предположеніяхъ, но не рѣшались спрашивать. Елисавета Марковна одна имѣла право на его откровенность, но и она выжидала удобнаго случая. Такъ прошло недѣли три. Наконецъ И. А. повидимому сталъ

(2) Эта опись сохранилась.

приходить въ свое нормальное состояніе. Елисавета Марковна, улучивъ минуту, спросила его: «Что съ вами было, Крылочка? Вы на себя не походили». — «У меня, отвѣчалъ Крыловъ, былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ». Елисавета Марковна постаралась утѣшить его, и съ тѣхъ поръ разговоръ объ этомъ предметѣ не возобновлялся.

Отношенія къ брату открываютъ новую, нетронутую біографіи сторону въ жизни Крылова и много способствующую къ возстановленію правильнаго взгляда на него, какъ человѣка. Характеристика его, написанная Вигелемъ, — произведеніе, по нашему мнѣнію, столь же блестящее, какъ и требующее строгой повѣрки, — не могло не оказать своихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что авторъ ея, отдавъ, справедливость уму баснописца

и сознавшись, «что если самъ имѣеть, сколько нибудь ума, то много около него набрался», заставляетъ читателя вѣрить ему безусловно. Даже П. А. Плетневъ, лично знавшій поэта и глубоко его уважавшій, не могъ не увлечься этой характеристикой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи намекаетъ на тѣ черты, которые такъ рѣзко очерчены Вигелемъ. Смѣемъ думать, что изложенные здѣсь факты значительно измѣняютъ то понятіе, которое составляетъ о Крыловѣ по Запискамъ Вигеля. Мы же съ своей стороны, ни сколько не колеблясь, рѣшаемся примѣнить къ нему его же собственные слова въ полной ихъ силѣ:

Кто добръ поистинѣ, не распломя слова.  
Въ молчаньи тотъ добро творить.

*В. Кеневичъ.*

Слб.  
3 Окт.  
1866.

## ЗАМѢТКИ О САМОЗВАНЦАХЪ ВЪ РОССИИ.

Явленіе самозванства встрѣчается въ разные вѣка, у разныхъ народовъ, начиная отъ древняго Смердиса Персидскаго; но нигдѣ не встрѣчается оно такъ часто и не имѣеть такого значенія, какъ въ Русской исторіи XVII и XVIII вѣковъ. Это, разумѣется, должно обратить на себя вниманіе и, кромѣ частныхъ объясненій отдѣльных случаевъ, заставить отыскивать общія причины явленія, повторяющагося, болѣе или менѣе виднымъ образомъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ. Нѣкоторые, отыскивая общую, основную причину, останавливаются обыкновенно на сильномъ неудовольствіи, господствовавшемъ въ эти два вѣка преимущественно въ низшемъ земледѣльческомъ, прикрѣпленномъ къ землѣ, народонаселеніи. Но всякое внутреннее волненіе во всякой странѣ получаетъ пищу отъ накопившагося

неудовольствія, отъ извѣстнаго неудобства положенія въ томъ или другомъ общественномъ кругу; всякій «заводчикъ смуты», по старинному выраженію, обращается къ недовольнымъ, сулитъ имъ выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія и этимъ поднимаетъ ихъ противъ существующаго порядка. Накопленіемъ неудобствъ и неудовольствій въ тѣхъ или другихъ классахъ общества и волненіями, отсюда происходящими, богата исторія и другихъ государствъ Европейскихъ; и здѣсь были времена, когда земледѣльческое сословіе сильно волновалось, требуя свободы и льготы: извѣстны страшныя волненія его въ Англіи въ продолженіе второй половины XIV вѣка; извѣстна французская Жакерія и Крестьянскія войны въ Германіи. Причина движеній вездѣ одна и таже — неудовольствіе, стрем-

леніе выйти изъ извѣстнаго неудобнаго положенія. Для насъ, слѣдовательно, важна здѣсь не общая причина, но особенныя формы, какія принимало движеніе въ той или другой странѣ: ибо только эти формы характеризуютъ общество, условія его развитія въ извѣстное время.

Въ большинствѣ случаевъ самозванство въ Россіи являлось неразлучнымъ съ козачествомъ. Вотъ уже и особенная форма, которая и заслуживаетъ прежде всего вниманія. Крестьяне и вообще чернь нашихъ украинъ поднималась только тогда, когда среди нихъ появлялась вооруженная сила, призывавшая ихъ къ волѣ подъ знаменемъ ложнаго царя. Слѣдовательно движеніе условливается присутствіемъ этой вооруженной силы, которая называется козаками. Въ другихъ странахъ видимъ ли мы что-нибудь подобное этому явленію? Вездѣ мы видимъ выдѣленіе изъ общества людей недовольныхъ существующимъ порядкомъ или нѣкоторыми его сторонами, также людей безпокойныхъ, которымъ тѣсно въ извѣстномъ обществѣ. Выдѣленіе это бываетъ вольное или невольное: они удаляются сами, ища новой, болѣе удобной для себя почвы, или бываютъ удаляемы государствомъ, причемъ государство или удаляетъ ихъ за собственные предѣлы или удаляетъ ихъ въ отдаленныя мѣстности собственныхъ владѣній, не отнимая отъ нихъ своей руки, заставляя ихъ вести образъ жизни, соотвѣтственный его цѣлямъ. То и другое зависитъ отъ степени силы государства: во времена младенчества и безсилія государства употребляется обыкновенно первый способъ; при болѣшемъ развитіи, болѣшей крѣпости государственной, употребляется второй. Прослѣдить исторію этихъ выдѣленій,

ихъ различныхъ формъ, причинъ и слѣдствій, значитъ прослѣдить исторію человѣческихъ обществъ по одной изъ самыхъ важныхъ ея сторонъ. Въ отдаленной древности изъ этихъ выдѣленій составляются дружины, которыя своимъ движеніемъ, своими подвигами начинаютъ исторію: это героическій или богатырскій ея періодъ. И послѣ, когда государства образуются и крѣпнутъ, это выдѣленіе недовольныхъ, свободно, въ слѣдствіе матеріальныхъ и нравственныхъ побужденій, удаляющихся или насильственно изгоняемыхъ, не перестаетъ имѣть важнаго значенія. Достаточно одного, что это выдѣленіе служитъ причиною вывода колоній; одинъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ древней Греческой исторіи характеризуется названіемъ *возвращенія* изгнанныхъ Гераклидовъ. Въ послѣдствіи, борьба партій въ Греческихъ городахъ постоянно увеличиваетъ число изгнанниковъ; они возвращаются при удобномъ случаѣ, но до этого удобнаго случая какое будетъ ихъ занятіе? Они образуютъ дружины, изъ которыхъ составляются *наемныя* войска, играющія такую роль въ исторіи Греціи и Персіи передъ Македонскимъ владычествомъ. Въ началѣ Римской исторіи встрѣчаемся съ «позорнымъ убижищемъ» (*infame asylum*), куда стекаются изгнанники, и видимъ, какъ идетъ долгая борьба между этими безродными пришельцами и родовитыми людьми, отецкими дѣтьми (патриціями). Въ новой, христіанской Европѣ извѣстна дѣятельность дружинъ въ разрушеніи Римской имперіи и основаніи новыхъ государствъ. Когда движеніе дружинъ прекратилось на сухомъ пути въ слѣдствіе окончательнаго и прочнаго образованія новыхъ государствъ, дружины, составленныя

изъ людей, которымъ не было доли въ родной землѣ, рыщутъ по морямъ подъ именемъ Нормановъ и Варяговъ. Потомъ Западная Европа отдала много беспокойныхъ силъ своихъ въ то знаменитое движеніе на Азію, которое извѣстно подъ именемъ Крестовыхъ походовъ, и слѣдствія схлынутія этихъ силъ оказались немедленно въ новомъ порядкѣ вещей, утвердившемся послѣ Крестовыхъ походовъ. Съ другой стороны выдѣленіе этихъ силъ повело къ образованію дружинъ, изъ которыхъ начали составляться наемныя войска, служившія, по дружинной привычкѣ «въ семи ордахъ семи королямъ». Франція изъ своихъ дружинъ, такъ называемыхъ Арминаковъ, приобрѣвшихъ печальную извѣстность въ смутное время царствованія Карла VI и VII, образовала постоянныя войска; эти войска, вводясь и въ другихъ государствахъ и увеличиваясь вмѣстѣ съ увеличеніемъ финансовыхъ средствъ государствъ, поглощали много силъ, которыя не могли быть употреблены въ мирныхъ занятіяхъ. Нѣкоторые государства должны выбирать между войною въ обширныхъ размѣрахъ или внутренними волненіями, приготовляющимися чрезъ накопленіе беспокойныхъ силъ. Наконецъ Западная Европа получила средство выдѣленія беспокойныхъ силъ посредствомъ колонизаціи, благодаря открытію Новаго Свѣта и открытію удобныхъ путей въ отдаленныя части Стараго. Извѣстно, какъ обыкновенно усиливается переселеніе изъ Европы въ Америку послѣ неудавшихся или не вполнѣ удавшихся переворотовъ.

Обратимся къ Восточной Европѣ. Здѣсь, съ незапамятныхъ поръ, мы видимъ также выдѣленіе людей, которымъ тѣсно, неудобно въ обществѣ и которые оставляютъ его для дру-

гой жизни, болѣе соответствующей ихъ природѣ, образуя дружины или военныя братства. Въ Западной и Южной Европѣ для людей, разсорившихся съ обществомъ и живущихъ на его счетъ, большое удобство представляло море, которое потому, съ древнѣйшихъ временъ, было обильно пиратами, пока наконецъ въ новыя времена сильное развитіе торговли и увеличеніе морскихъ силъ государствъ не очистили море отъ разбойниковъ. Восточная Европа имѣла своего рода море, широкую степь, которая также наполнялась «добывателями зипуновъ». Въ старину богатыри, позднѣе казаки, тянулись въ степь, гдѣ могли размять свое плечо богатырское, „поляковать, козаковать“ свободно. Какъ прибрежныя государства Западной Европы терпѣли пиратовъ во время своей слабости, но, пришедши въ силу, очистили отъ нихъ моря: такъ и государство Восточной Европы, Россія, когда была слаба, терпѣла самостоятельное существованіе козачества подлѣ себя въ степи; когда же стала усиливаться, начала стремиться привести его, какъ военную силу, въ полныя служебныя отношенія къ государству, и достигла своей цѣли. Козачество не подчинилось скоро и добровольно, и въ борьбѣ съ государствомъ употребляетъ самозванцевъ, ими волнуется и мирное, невооруженное населеніе страны.

Первый самозванецъ былъ подставленъ не казаками, но въ нихъ немедленно нашель сильныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ. Казаки повяли, какая это выгодная для нихъ выдумка, и второй самозванецъ Лжепетръ былъ уже козацкой фабрикаціи. Въ слѣдъ за тѣмъ была выставлена казаками цѣлая толпа самозванцевъ, и самозванцы, не ими выставленные, опи-

рались на нихъ. Большое козацкое возстаніе, Разинское, не обошлось безъ двухъ самозванцевъ, царевича и патриарха. При Петрѣ Великомъ козаки съ Булавинымъ встали безъ самозванца, но возстаніе и ограничилось одною козацкою областью; послѣднее козацкое возстаніе было поднято съ самозванцемъ. Тѣ самозванцы, которыя являлись не между козаками или не могли опираться на нихъ, не успѣвали возбуждать волненій.

Такимъ образомъ главное условіе для появленія самозванцевъ и успѣха ихъ заключалось въ козачествѣ, какъ оно существовало прежде. Но теперь предстоитъ другой вопросъ: зачѣмъ козакамъ были нужны самозванцы и какъ самозванцы были возможны въ такомъ числѣ? Первый вопросъ рѣшается легко, когда вспомнимъ, что монархическая власть утвердилась въ Россіи за исключеніемъ всякой другой силы, которая могла бы вступить съ нею въ борьбу въ свое собственное имя, во имя своихъ правъ, существующихъ въ народномъ сознаніи: вступить въ борьбу съ монархическою властію можно было во имя той же власти, заступившись за право настоящаго, законнаго царя или царевича, лишеннаго этихъ правъ, спасагося отъ смерти, однимъ словомъ, выставляя самозванца. Другой вопросъ: какъ самозванцы были возможны? рѣшается, когда обратимъ вниманіе на состояніе общества, на степень образованія. Образованіе даетъ привычку критически относиться къ каждому явленію, обсуждать его, тогда какъ человекъ необразованный, встрѣтясь съ необыкновеннымъ, важнымъ явленіемъ, преклоняется предъ нимъ, подчиняясь вполне первому впечатлѣнію; ему скажутъ: вотъ царь! и его первое дѣло пасть предъ нимъ

на колѣни, не разсуждая, настоящій ли это царь; чѣмъ страннѣе, чудеснѣе разсказъ, тѣмъ больше ему вѣрилось. Вотъ почему нельзя объяснять причину явленія однимъ неудовольствіемъ, тягостію положенія извѣстнаго класса народонаселенія: шли за самозванцемъ не потому только, что надѣялись лучшаго, но прежде всего потому, что считали своею обязанностію идти; никто не станетъ отрицать, что многіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинство было обмануто, вѣрило, что защищаетъ права законнаго царя.

Что касается самозванцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ сознательно принимали на себя роль обманщиковъ, приходила ли имъ первымъ мысль о самозванствѣ, или внушена другими. Но нѣкоторые были подставлены такъ, что сами были убѣждены въ своемъ высокомъ происхожденіи: таковъ былъ первый Лжедмитрій (Отрепьевъ), Луба, котораго воспитывали въ Польшѣ какъ сына Тушинскаго царя, въ XVIII вѣкѣ та несчастная женщина, которая выдавала себя за дочь императрицы Елисаветы, была схвачена въ Италіи и кончила жизнь въ Петропавловской крѣпости. Относительно перваго Лжедмитрія противъ нашего взгляда высказано такое возраженіе. «Несообразность характера названнаго Дмитрія съ званіемъ обманщика побудила С. М. Соловьева прибѣгнуть къ предположенію, что, не будучи Дмитріемъ, онъ былъ обманутъ, а обманутый и самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Это предположеніе имѣло бы за собою большое вѣроятіе, если бы названному Дмитрію внушили, что его спасли въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ себя еще не помнилъ. Но изъ современныхъ свидѣтельствъ и, меж-

ду прочимъ, изъ писемъ короля Сигизмунда, видно, что онъ разсказывалъ, будто его спасли въ Угличѣ тогда, когда пришли убійцы его умертвить, — тогда, когда Димитрію было уже восемь лѣтъ; каждый изъ насъ помнитъ ясно себя въ такомъ возрастѣ при такихъ же дѣлахъ. Едвали возможно кого-нибудь увѣрить, что онъ въ восемь лѣтъ былъ обставленъ такими обстоятельствами и вещами, какихъ онъ не помнитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выбить изъ его памяти впечатлѣнія, которыя у него остаются отъ дѣтскихъ лѣтъ» (\*).

Это возраженіе имѣло бы силу, еслибы дѣло шло о человѣкѣ намъ современномъ и изъ нашего круга, о человѣкѣ, по нашему, образованномъ. Кого-нибудь изъ насъ теперь трудно увѣрить, что съ нимъ случилось, когда ему было 8 лѣтъ, важное происшествіе, котораго онъ не помнитъ. Почему трудно? Потому что онъ знаетъ, сколько ему лѣтъ, въ которомъ году и котораго числа, мѣсяца онъ именно родился. Помня извѣстныя событія, зная, когда они случились и зная годъ своего рожденія, мы дѣлаемъ соображенія, и выводимъ, что помнимъ событія, случившіяся когда намъ было 8 лѣтъ, слѣдовательно и другіе люди должны помнитъ, что случилось съ ними въ этомъ возрастѣ. Но если годъ рожденія неизвѣстенъ, если человѣкъ не можетъ опредѣлить точно, сколько ему лѣтъ, то основаніе соображеній рушится. Спросите нашего крестьянина, сколько ему лѣтъ? «Годовъ сорокъ будетъ», отвѣтитъ онъ, и кто поручится, что онъ немного ошибся? А въ XVI вѣкѣ не только сынъ какого-нибудь ничтожнаго Галицкаго сына бояр-

скаго, но и люди позначительнѣе, не знали, сколько имъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ какой-нибудь Отрепьевъ могъ дѣлать только слѣдующія соображенія и выводы: «люди старые и знающіе говорятъ, что, когда мнѣ было 8 лѣтъ, меня хотѣли убить; я этого не помню, значитъ я помню только то, что случилось со мною уже послѣ 8 лѣтъ». Еслибы не было метрическихъ свидѣтельствъ, и еслибы въ школѣ мы не могли узнать вѣрныхъ хронологическихъ опредѣленій для событій, памятныхъ намъ изъ дѣтства, то конечно люди старые и знающіе могли бы увѣрить насъ во всемъ, въ чемъ имъ угодно. Намъ эти соображенія, съ какого года человѣкъ начинаетъ помнитъ событія своей жизни, понадобились потому, что мы пишемъ изслѣдованіе о самозванцахъ; но зачѣмъ они могли понадобиться молодому Русскому человѣку XVI или XVII вѣка, при сильномъ воображеніи, не допускающемъ холодной работы ума?

Не одна извѣстная самозванка выдавала себя за дочь императрицы Елисаветы: былъ у нея и родной братъ. Въ 1768 году лѣкарь Лебедевъ донесъ, что адъютантъ Опочининъ, сынъ генераль-маіора, выдаетъ себя за сына императрицы Елисаветы отъ Англійскаго короля, и составляетъ заговоръ для сверженія императрицы Екатерины II въ пользу великаго князя Павла Петровича, распространяя слухъ, что императрица хочетъ подѣлить Россію между Орловыми. И Опочининъ, подобно своей сестрицѣ, не самъ выдумалъ себя происхожденіе. Корнетъ Батюшковъ внушалъ ему: „сказывала мнѣ покойная бабка моя Анна Пребышевская, что когда былъ здѣсь Англійскій посолъ, то въ его свитѣ былъ, подъ именемъ кав-

(\* ) Вѣстникъ Европы, Сентябрь 1867, стр. 64.

лера посольства, самъ король Англійскій, отъ котораго ты и родился и Опочинину отданъ на воспитаніе“. Судъ призналъ, что преступленіе Батюшкова произошло отъ пьянства и помѣшательства въ умѣ, и приговорилъ: «лишить его дворянства и чиновъ и послать въ Мангазею и производить по двѣ копейки на день; и когда будетъ въ здоровомъ умѣ, то употреблять на работы». Опочинина, «по молодости лѣтъ (ему было только 18), по раскаянію и службѣ отцовской, послать тѣмъ же чиномъ въ гарнизонъ на линію» (1).

Рядъ самованцевъ, выдававшихъ себя за Петра III, появляется съ 1765 года: бѣглый солдатъ Гаврила Кремневъ назвался Петромъ III, возмутилъ народъ въ Воронежской и Бѣлгородской губерніяхъ, особенно при помощи попа Льва Евдокимова, который немедленно призналъ въ немъ государя и началъ свидѣтельствовать, что онъ, попъ, будучи дворцовымъ пѣвчимъ, Петра III видалъ и маленькаго на рукахъ нашивалъ. Императрица изъ дѣла увидѣла, что преступленіе Кремнева произошло «безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества, что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось», и потому освободила отъ смертной казни. Его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавши къ груди доску съ надписью: бѣглецъ и самованецъ; на лбу выжгли Б. С. и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную

работу. Въ томъ же году армянинъ Асланбековъ, взятый за фальшивый паспортъ, объявилъ себя Петромъ III. Его били плетью и сослали въ Нерчинскъ. По произведенному въ 1765 году въ Слободской Украинской губернской канцеляріи слѣдствію открылось, что бѣглый Брянскаго полка солдатъ Петръ Чернышевъ Изюмской провинціи въ слободѣ Купенкѣ разглашалъ о себѣ, якобы онъ бывшій государь Петръ Ѳедоровичъ, чему повѣря, той слободы бывшій, попъ Семенъ Иваницкій, по желанію его, пѣлъ всеобщую и молебень, упоминая его на ектеніяхъ такимъ, какимъ онъ ему сказывался. Учинено имъ публичное наказаніе кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, попъ на житіе, а Чернышевъ на работу. Главный командиръ Нерчинскихъ заводовъ, генераль-майоръ Суворовъ прислалъ рапортъ, что Чернышевъ и тамъ чинилъ о себѣ тоже разглашеніе, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣря, давали ему многіе подарки. Въ 1767 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ, по дорогѣ въ Астрахань, разглашалъ, что Петръ III живъ, «приметь опять царство и будетъ льготить крестьянъ».

Въ 1768 году о Петрѣ III началъ толковать заключенный въ Шлюссельбургъ подпоручикъ Іоасафъ Батуринъ. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость за то, что при императрицѣ Елисаветѣ имѣлъ «злодѣйственное намѣреніе къ бунту» склонивъ на свою сторону прапорщика Тимофея Ржевскаго, вахмистра Александра Урнежевскаго, дворцовой псовой охоты двухъ пикѣровъ, суконщика Кенжина, Воронежскаго батальона подпоручика Тыртова, гренадеровъ Худышкина и Кетова. Батуринъ подговаривалъ пикѣровъ доложить наслѣднику, великому князю Петру Ѳедоровичу, что Бату-

(1) Сличъ въ Р. Архивѣ 1864 (изд. 2—е, стр. 428) распоряженіе, подписанное 15 Дек. 1775: «Майору Патриѣву» бывшаго гвардіи корнета Батюшкова сестрѣ Марьи Кропотовой во всю ихъ жизнь въ резиденціи на дѣи чего не вѣзжать, а жить имъ въ своихъ деревняхъ. Кто Патриѣвъ, мы незнаемъ. П. Б.



ринъ можетъ подговорить къ бунту всѣхъ фабричныхъ, и находящійся въ Москвѣ Преображенскій батальонъ, и Лейбъ-Кампанцевъ: „если наслѣдникъ дастъ намъ знатную сумму денегъ, говорилъ Батуринъ, то мы заарестуемъ весь дворецъ, и Алексѣя Разумовскаго съ его соумышленниками, гдѣ ни найдемъ, всѣхъ въ мелкіе части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ наслѣднику; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока Петръ Ѳедоровичъ не будетъ коронованъ; если архіереи коронаціи не захотятъ, то ихъ вытащимъ и силою принудимъ. Я привезу великаго князя въ церковь и велю его короновать, и если архіерей будетъ противиться, то отрублю ему голову; если не бунтомъ идти, то коронаціи никогда не бывать по милости Разумовскаго. Поэтому я хочу, набравши хотя малую партію и нарядя всѣхъ въ маски, побхать верхами и, улуча Разумовскаго на охотѣ, изрубить. У меня уже набрано людей съ 30.000; будутъ помогать и большія лица, графъ Бестужевъ, генераль Степанъ Апраксинъ“.

Кенжина Батуринъ уговаривалъ внушать фабричнымъ, будто онъ, Батуринъ отъ наслѣдника посланъ къ одному купцу для взятія 5000 рублей на раздачу имъ, фабричнымъ, для начатія бунта. Тыртову объявилъ именной указъ наслѣдника — убить Разумовскаго. Гренадеровъ Худышкина и Кетова научилъ разглашать между гренадерами, что если кто изъ нихъ склонится къ дѣлу, того Петръ Ѳедоровичъ пожалуетъ капитанскимъ рангомъ, по примѣру Лейбъ-Кампанцевъ. Батуринъ, Урнежевскій, Тыртовъ и гренадеры прикладывались къ складнямъ <sup>(2)</sup>, клялись не открывать

намѣренія, если кто-нибудь изъ нихъ попадетсѣ. Потомъ Батуринъ ходилъ къ Московскому купцу Ефиму Лукину, назвавшись оберъ-кабинетъ-курьеромъ, говорилъ, что присланъ отъ великаго князя съ приказаніемъ взять 5000 рублей. Лукинъ отвѣчалъ, что, не выдавъ великаго князя, денегъ не дастъ; тогда Батуринъ написалъ наслѣднику латинскими буквами записку, что у него приготовлено 50.000 человекъ для возведенія его на престолъ, и эту записку отдалъ Лукину, чтобы тотъ вручилъ ее великому князю: такимъ образомъ онъ нашелъ средство извѣстить Петра о своемъ намѣреніи. Когда намѣреніе открылось и произведено было слѣдствіе, то, «за невоспослѣдованіемъ резолюціи» императрицы, Худышкина и Кетова сослали въ Рогервикъ на работу; Батурина, Тыртова и Кенжина въ Шлюссельбургъ. По возшествіи на престолъ Петра III, Сенатъ возобновилъ дѣло и приговорилъ сослать Батурина въ Нерчинскъ на работу; но императоръ велѣлъ оставить его въ Шлюссельбургѣ и давать лучшее содержаніе. О Батуринѣ забыли; уже пять лѣтъ царствовала императрица Екатерина II, когда въ началѣ 1768 года къ солдату Ушакову пришелъ другой солдатъ Сорокинъ, вынулъ изъ кармана двѣ бумажки и началъ говорить: «Я былъ въ Шлюшинѣ у одного колодника, который называетъ себя полковникомъ, у Іосифа Андреевича Батурина; онъ далъ мнѣ эти двѣ бумажки и просилъ, чтобъ я одну, маленькую подалъ государынѣ, а другую Петру Ѳедоровичу, и говорилъ мнѣ этотъ Батуринъ, что ежели я бумажки подамъ, то мнѣ будетъ великое награжденіе». Ушаковъ развернулъ сперва большую бумажку, и увидя, что она написана къ бывшему государю, говорилъ Сорокину:

(2) Т. е. въ складнымъ вклянь. II. Б.

«Пустое! вѣдь онъ давно уже умеръ; вѣдь ты помнишь: еще мы были въ походѣ, такъ тамъ это было уже извѣстно, что онъ подлинно умеръ». Сорокинъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, братъ, Батуринъ знаетъ планеты; онъ, смотря въ окошко изъ казармы на небо, указывалъ государеву планету и сказывалъ, что онъ живъ и теперь гуляетъ, и чрезъ годъ или два сюда прійдетъ». Батуринъ разказывалъ караульнымъ, что онъ хотѣлъ Петра Ѳедоровича возвести на престолъ; караульные возражали ему: «Еслибы ты такую услугу Петру Ѳедоровичу показалъ, такъ для чего онъ тебя, покуда живъ былъ, отсюда не свободилъ?»—Врете вы, отвѣчалъ Батуринъ: государь не умеръ, а живъ, поѣхалъ гулять, а меня здѣсь оставилъ подъ видомъ; я по планетамъ знаю, что онъ живъ, планету вижу, и увидите, что онъ года черезъ два въ Россію возвратится».

Всѣ подобныя толки и появленія самозванцевъ здѣсь и тамъ не могли повести ни къ чему важному до тѣхъ поръ, пока сѣмя не попало на удобную почву, пока самозванецъ не явился въ степи, среди недовольныхъ, волнующихся козаковъ Яицкихъ. Но то были уже послѣдніе, крайніе козаки, и возстаніе ихъ съ самозванцемъ было послѣднимъ возстаніемъ. Козаки и послѣ, по старой привычкѣ, продолжали содѣйствовать крестьянскимъ побѣгамъ, но это не имѣло послѣдствій. Въ 1783 году дворяне Кіевской губерніи подали просьбу императрицѣ: «Побѣги крестьянъ безпрестанно умножаются, находя себѣ пристанище съ одной стороны въ Донскихъ станицахъ, а съ другой въ предѣлахъ Таврической области и наиболѣе въ Екатеринославской губерніи. Они бѣгутъ туда единственно

въ чаяніи найти тамъ свободу въ личной ни отъ кого независимости и въ избѣжаніе платежа всякихъ податей. Сими то самыми видами льстятъ ихъ подвѣзжающіе и подсылаемые съ тѣхъ мѣстъ подговорщики, производя сіе въ скрытомъ образѣ столь удачно и столь оболъстительными о вольности обнадеживаніями, что и самыя примѣрные въ достаточномъ и порядочномъ хозяйствѣ крестьяне, такъ сказать, изъ вѣдръ изобилія и пріятной жизни, слѣдуютъ за обманщиками, уже не по одиночкѣ и не семьями, но величайшими скопищами поднимаются и уходятъ не только тайнымъ, но и явнымъ образомъ, отваживаются противостоятъ каждому, кто бы ни задумалъ преграждать имъ путь. Нѣтъ почти между насъ помѣщика, который не потерялъъ бы знатнаго ущерба въ людяхъ, бывъ еще притомъ во всегдашней опасности, что и послѣдніе крестьяне ихъ оставлять, ибо по случаю столь дерзкаго чрезъ подсылщиковъ подговору къ побѣгу ихъ и приему изъ вышеозначенныхъ мѣстъ, разсѣваются между простолюдинами слухи, что будто вообще всѣмъ крестьянамъ дана уже совершенная вольность переходить, куда кто изъ нихъ пожелаетъ» (\*). Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, 13 марта 1796 года, депутатъ Воронежскаго дворянства Астафьевъ подалъ просьбу о томъ же: «Мало того, что крестьяне бѣгутъ, приводя тѣмъ помѣщиковъ въ разстройство: они еще нерѣдко присоединяютъ къ побѣгамъ своимъ и насильственное

(\*). Вотъ одинъ изъ поводовъ такъ называемаго введенія въ Малороссіи крѣпостнаго права. Что введеніе это основано было на соображеніяхъ хозяйственныхъ, видно изъ 77-го письма императрицы Екатерины къ А. В. Олсуфьеву въ Р. Архивѣ 1863, изд. 2—е, стр. 433. П. Б.

разграбленіе имѣнія помѣщиковъ своихъ. Побѣги устремлены наипаче въ Донское войско. Отъ стороны козаковъ употребляемы бывають къ подговору бѣглецовъ какъ скрытыя обольстительныя средства, обнадеживающія освобожденіемъ отъ платежа податей, увольненіемъ отъ рекрутскаго набора и достиженіемъ независимости, такъ и явныя пособія уводовъ подъ прикрытіемъ конвоя».

*С. Соловьевъ.*

### ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ ГРАФИНѢ КАНКРИНОЙ (\*)

Милостивая государыня графиня почтенная кума Екатерина Захаровна.

На канунъ великаго праздника, я получилъ отъ вашего сіятельства прекрасной подарокъ, коверъ вашей работы, за которой приношу вамъ, милостивая государыня, мою истинную благодарность, что вы такъ добры и любите деревенскаго больнова старика, за что да наградить Господь Богъ все ваше почтенное семейство Божією благодатію.

Приказаніе вашего сіятельства я не исполнилъ: труды ваши не могутъ лежать подъ моими креслами, а я оной коверъ употребилъ въ спальнѣ нашего общаго благодѣтеля покойнаго императора Александра Благословеннаго, у того стола подъ его стулъ, гдѣ онъ изволилъ всегда въ Грузинѣ 10-ть лѣтъ работать дѣла отечества нашего со свойственною его милостію. — Да пребудетъ сей вашъ подарокъ у меня, между прочими для моего воспоминанія приятными вѣщами.

(\*) Подлинникъ сохранился въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго и полученъ былъ княземъ отъ графини Е. З. Канкриной. П. Б.

Поздравляю ваше сіятельство съ наступающимъ великимъ праздникомъ, съ коимъ прошу принять трудъ поздравить отъ меня и почтеннаго графа Егора Францовича.

Обѣщаніе ваше посѣтить наступающимъ лѣтомъ меня старика въ моемъ монастырѣ, я приѣмлю съ благодарностію и буду ожидать вашего объ иномъ увѣдомленія.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть на всегда

Вашего сіятельства, милостивой государыни, покорный слуга

*Графъ Аракчеевъ.*

Грузино, 1 апрѣля 1833 г.

*Примѣчаніе.* Какъ строго ни суди о государственной дѣятельности и значеніи графа Аракчеева, но все-же нельзя не признать въ немъ глубокаго и трогательнаго чувства привязанности и преданности къ памяти императоровъ Павла I и Александра I. Это чувство не просто царедворческое, но въ немъ есть даже что-то рыцарское и поэтическое, какъ ни смѣшно и дико можетъ показаться, съ перваго взгляда, сочетаніе подобныхъ прилагательныхъ съ лицомъ, извѣстнымъ современникамъ подъ именемъ: Аракчеевъ. Впрочемъ, это лицо, какъ и многія другія лица современной исторіи, ожидаютъ еще вѣрнаго, строгаго, но и безпристрастнаго суда исторіи потомственной, которая часто провѣряетъ и очищаетъ приговоры и сужденія исторіи современной: ибо въ этой послѣдней нерѣдко имѣютъ слишкомъ большое значеніе сплетни, предубѣжденія, личности и страсти текущаго дня. Разумѣется, изъ этихъ словъ не должно выводить какого либо притязанія на апологію Аракчеева. Мы говоримъ только о необходимости скептической воздержности въ отношеніи къ рѣзкимъ, исключительнымъ и, по большей части, опрочечивымъ оцѣнкамъ такъ назы.

наемаго общественнаго мнѣнія. Если есть поговорка: „Гласъ Божій гласъ народа“, то не слѣдуетъ забывать, что есть и другая: „Людская молва, что морская волна“.

*Князь Вяземскій.*

## ПРЕСМЕРТНЫЕ ДНИ И КОНЧИНА ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Изъ разсказа отставнаго штабъ-капитана Евгенія Михайловича Романовича).

Служа въ Аракчеевскомъ, нынѣ Ростовскомъ, гренадерскомъ принца Фридрида Нидерландскаго, полку, я съ полкомъ своимъ стоялъ въ Новгородской губерніи, въ 60 верстахъ отъ мѣстопребыванія графа Аракчеева т. е. отъ села Грузина, въ такъ называемомъ Граескомъ поселеніи, расположенномъ по берегу рѣки Волхова. Аракчеевъ былъ шефомъ нашего полка, и во время торжественныхъ дней и праздниковъ отъ нашего полка всегда отряжался офицеръ для поздравленія графа. Въ 1834 году, передъ наступленіемъ пасхи, я, въ званіи полковаго адъютанта, назначенъ былъ къ поѣздкѣ въ Грузино для поздравленія графа съ свѣтлымъ праздникомъ. Грузино—это богатое село, расположенное по рѣкѣ Волхову, съ роскошнымъ домомъ и великолѣпнымъ садомъ. Я прибылъ туда въ четвергъ на страстной недѣлѣ; обо мнѣ докладываютъ его сіятельству, который изъявилъ желаніе меня видѣть. Я былъ тогда ловкимъ молодымъ человѣкомъ. Застаю графа сидящимъ въ кабинетѣ; я ему раскланялся и отрапортовалъ о себѣ и о своемъ назначеніи.

— Кто-ты такой? спросилъ графъ нѣсколько въ носъ.

— Романовичъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ я.

— Полякъ!! воскликнулъ какъ будто съ ужасомъ Аракчеевъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сі-ство! Мало-россіянинъ изъ Черниговской губерніи, возразилъ я.

— Это все лучше, отвѣчалъ Аракчеевъ, уже нѣсколько смягченнымъ тономъ, а то Полякъ — подлецъ! (\*)

Тутъ онъ сталъ привѣтливѣе, посадилъ меня, вступилъ въ разговоръ, порицалъ правительство, при чемъ великому князю Михаилу Павловичу также досталось не мало.

— Знаешь-ли-ты К.? спросилъ онъ меня потомъ.

— Имѣю счастье знать, отвѣчалъ я.

— Какое тутъ счастье! съ гнѣвомъ возразилъ онъ мнѣ и при этомъ разсказалъ о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя онъ будто бы оказалъ генералу К-ю, когда тотъ былъ еще въ офицерскихъ чинахъ и горько жаловался, что К. забылъ его и никогда не навѣститъ. За тѣмъ спросилъ меня, не желаю-ли я осмотрѣть его комнаты, и когда я изъявилъ согласіе на его любезное предложеніе— „Смотри, сказалъ онъ, почаще читай, что написано на стѣнкѣ.“ Я, признаться, вначалѣ не понялъ словъ этихъ, смыслъ которыхъ былъ для меня весьма загадоченъ. Камердинеръ повелъ меня по комнатамъ, роскошно отдѣланнымъ; каждая комната имѣла свой инвентарь, гдѣ было вписано все что заключалось въ комнатѣ. Инвентарь этотъ висѣлъ на стѣнѣ, и рукою самого графа было написано: „глазами гляди, а руками воли не давай.“ Тутъ-то сталъ мнѣ понятенъ смыслъ его словъ: почаще читай, что на стѣнкѣ написано. Изъ всѣхъ комнатъ, мною осмотрѣнныхъ, особенно замѣчательна такъ называемая Александровская; называлась она такъ, потому что императоръ, бывая у Аракчеева, тамъ занимался. Въ этой комнатѣ сосредоточено было, такъ сказать, все величіе Аракчеева, все прошедшее его славы, уже померкшей при покойномъ Николаѣ. Такъ, на столѣ стоялъ мраморный бюстъ Александра на литомъ серебряномъ пьедесталѣ, на одной сторонѣ кото-

(\*) Грубое выраженіе это отчасти объясняется тѣмъ, что графъ Аракчеевъ былъ близкимъ свидѣтелемъ благодѣяній, которыя оказывалъ Полякамъ императоръ Александръ Павловичъ. П. Б.

раго выписано было золотыми буквами письмо государя къ Аракчееву изъ Таганрога незадолго до кончины его величества. Въ этомъ письмѣ государь увѣдомлялъ его о разстроенномъ и почти безнадежномъ состояніи своего здоровья и вѣрилъ его въ своей вѣчной дружбѣ и преданности къ нему. На другой сторонѣ — надпись такого содержанія: „кто осмѣлится прикоснуться къ этому бюсту, тотъ да будетъ анаема, проклятъ!“ Тутъ же стояла чернильница и хранилось перо, которымъ писалъ императоръ Александръ; сорочка, въ которой онъ родился, печать имъ употребляемая; въ стеклянномъ ящикѣ берегалась холщевая сорочка, въ которой почилъ Александръ и въ которой Аракчеевъ завѣщевалъ себя похоронить; доскутъ глаза отъ его гроба и множество писемъ и бумагъ. На стѣнѣ висѣли часы, которые однажды въ годъ, а именно: 19 ноября въ 2 часа (въ день и часъ кончины императора) играли: „Со святыми упокой!“ Осмотрѣвши комнаты, я возвратился въ кабинетъ къ гр. Аракчееву. — Пьешь-ли ты водку? спросилъ онъ меня, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, похвалилъ меня, сказавъ, что и онъ ея не употребляетъ, и приказалъ подать вина. Мы выпили.

На другой день въ пятницу, въ 3 часа по полудни, Аракчеевъ почувствовалъ сильную боль въ груди (антоновъ огонь), и тотчасъ потребовалъ медика. При немъ находился тогда въ качествѣ домашняго врача нѣкто г. Левицкій. Тотъ явился и увидалъ, что состояніе графа безнадежно. Аракчеевъ началъ бранить и медиковъ и медицину, требовалъ, чтобы продлили ему жизнь на два мѣсяца, потому уменьшилъ этотъ срокъ на мѣсяцъ, умолялъ, сердился. Наконецъ просилъ, чтобы послали за Арентомъ въ Петербургъ. Я послалъ тотчасъ фельдъегеря, которыхъ приграфѣ находилось 6 человекъ, и тотъ полетѣлъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Аракчеевъ сталъ приходитъ въ бѣшенство. Раздавались проклятія; наконецъ онъ взмахнулъ руками и

одну изъ нихъ всунулъ въ ротъ съ крикомъ: „проклятая смерть!“ и испустилъ духъ въ присутствіи моемъ, въ присутствіи врача и камердинера. Омывши тѣло покойнаго, мы стали одѣвать его: надели на него холщевую рубашку, въ которой умеръ императоръ Александръ, облекли его въ парадный генеральскій мундиръ и положили на столъ. Потомъ я заперъ двери и запечаталъ ихъ своею печатью и печатью бурмистра и отправился во флигель спать. Вдругъ въ четыре часа ночи меня будятъ; говорятъ: „Пожалуйте, пріѣхалъ генералъ К.“ Я тотчасъ всталъ, являюсь. — „Кто такой, и за чѣмъ?“ спросилъ генералъ. Я обьяснию. — „Все-ли благополучно?“ снова спросилъ меня К. — Все благополучно, отвѣчалъ я. Тогда мы пошли въ домъ въ сопровожденіи фельдъегеря, прибывшаго съ генераломъ. Я отпечаталъ и отперъ двери. К. вошелъ въ Александровскую комнату и сталъ прибирать бумаги покойнаго, вынулъ письма изъ пакетовъ, перечиталъ ихъ и другія бумаги въ моемъ присутствіи, вложилъ въ папку, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю, который и отправился съ ними въ Петербургъ.

Въ Свѣтлое Воскресеніе пріѣхали генералы и другія важныя лица изъ Петербурга, а также племянникъ Аракчеева, полковникъ со звѣздой, и Грузино оживилось. Между тѣмъ вызванъ былъ Аракчеевскій полкъ, прибывшій на подводахъ, и батарея артилеріи. Когда нужно было класть тѣло покойнаго въ гробъ, то К. обратился къ намъ офицерамъ съ вопросомъ, не желаетъ-ли кто переложить тѣло покойнаго, но никто неизъявилъ желанія, и тѣло должны были положить священникъ и племянникъ Аракчеева. Ко гробу приставленъ былъ почетный караулъ изъ офицеровъ, которые мѣнялись чрезъ каждые два часа денно и ночью; діаконовъ читалъ псалтырь. Намъ однажды захотѣлось шампанскаго. Подали, конечно, въ другой комнатѣ, куда вышли и мы. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ ко гробу со стаканомъ въ рукахъ. Діаконовъ положительно обмеръ: „Что вы!

сказалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, какъ это можно! Что если да графъ встанетъ? бѣда намъ, всё пропали!“. Вовторникъ совершенно было погребеніе Новгородскимъ архіепископомъ съ участіемъ архимандритовъ и множества духовенства. Тѣло покойнаго положено при находящемъ въ Грузинъ великолѣпно-устроенномъ храмѣ, въ склепѣ, рядомъ съ прахомъ умершей насильственнымъ образомъ его наперницы Анастаси. Надъ могилой поставленъ памятникъ художественной отдѣлки.

Вотъ что разсказывали тогда о исторіи этого памятника. Въ декабрѣ 1833 года пріѣзжаетъ въ Грузию молодой человѣкъ и привозитъ этотъ памятникъ. На вопросъ графа: откуда этотъ памятникъ? молодой человѣкъ отвѣчалъ, что кто-то онъ имени графа заказалъ его, что даже деньги за него, и равно и за провозъ, отданы. На памятникѣ была изготовлена надпись слѣдующаго содержания: здѣсь лежитъ тѣло Новгородскаго дворянина Алексѣя Андреевича Аракчеева, родившагося въ такомъ-то году и умершаго (оставалось вписать только годъ и мѣсяцъ смерти). Это обстоятельство не мало удивило Аракчеева и крайне его смутило. Предполагали что оно имѣло не мало вліянія на ускореніе его смерти. Этотъ-то самый памятникъ и былъ поставленъ надъ могилою его. Другая причина могла быть та, что Аракчеевъ, столько трудовъ положившій на свою любимую идею, на свое созданіе (я говорю о военныхъ поселеніяхъ) замѣчалъ, что онъ годъ отъ году все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и не было уже силъ поддержать ихъ. Жалкое состояніе этихъ поселеній, конечно, не могло не возбуждать крайне и безъ того раздражительнаго темперамента этого причудливаго временщика; оно не могло не поселять грусти въ его сердцѣ при видѣ столь жестоко обманутыхъ ожиданій (\*).

Почти тотчасъ по смерти знаменитаго владѣльца Грузина начались между крестъ-

янами безпорядки: избавившись отъ долго висѣвшаго надъ ними гнета, крестьяне бросились все опустошать. Вслѣдствіе этого въ видѣ военной экзекуціи мы, т. е. нашъ полкъ, долженъ былъ простоять въ Грузинѣ еще нѣсколько времени, и мы простояли тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и отправились оттуда въ Петербургъ. Славно пожили мы тогда! Офицеры и солдаты—все это жило на счетъ Аракчеева, и мы были всѣмъ обезпечены совершенно. Распорядителемъ всего былъ уѣздный предводитель дворянства Тыртовъ, и мы ему, признаться, много надоѣдали нашими требованіями.

Недѣли чрезъ двѣ пріѣхалъ въ Грузию братъ Аракчеева Петръ Андреевичъ съ женою; отдали послѣдній долгъ усопшему и прожили нѣкоторое время въ Грузинѣ; но когда открылось, что Аракчеевъ все имѣніе свое передаетъ Новгородскому корпусу, который потому и названъ былъ Аракчеевскимъ, то эти родственники съ негодованіемъ уѣхали. Замѣчу при этомъ, что поведеніе наше, это веселіе и этотъ разгулъ солдатской жизни въ началѣ сильно не нравились брату Аракчеева, и онъ далъ намъ замѣтить черезъ Тыртова, что подобное поведеніе не прилично, что тѣло покойнаго еще не остыло и что мы живемъ на всемъ содержаніи графа, слѣдовательно должны почестъ его память. Но, какъ я сказалъ, Аракчеевъ-братъ и жена его скоро уѣхали, и разгулъ нашъ не потерпѣлъ перерывовъ....

Странная личность была этотъ покойный Аракчеевъ, скажу я вамъ! Кому неизвѣстна желчность, раздражительность его? Вотъ нѣсколько случаевъ въ дополненіе къ моему разсказу: однихъ я самъ былъ свидѣтелемъ, о другихъ слышалъ отъ лицъ къ нему приближенныхъ. Такъ на примѣръ, графъ не питалъ никакого уваженія къ браку, — онъ, можно сказать, пренебрегалъ имъ. Вотъ что мнѣ разсказывали. Въ огромномъ имѣніи Аракчеева постоянно нарастало значительное число жениховъ и невѣстъ; о нихъ обыкновенно докладывалъ графу бурмистръ,

(\* ) Мы сильно сомнѣваемся въ справедливости сихъ послѣднихъ предположеній разсказчика. П. Б.

и графъ приказывалъ представить ихъ къ себѣ; являлись парни и дѣвицы цѣлою толпою. Графъ разставлялъ ихъ попарно, — жениха съ выбранною имъ невѣстою; Иванъ становился съ Матреною, и Сидоръ съ Целагеею. Когда всѣ такимъ образомъ устаноятся, графъ приказывалъ перейти Целагею къ Ивану, а Матрену отдавать Сидору и такъ прикажетъ повѣнчать ихъ. Отсюда въ семействахъ раздоры, ссоры и развратъ (\*). Въ Грузинѣ былъ большой порядокъ и чистота: главная улица не уступала любому паркету богатаго аристократическаго дома. Это была, т. е. сказать, парадная улица. Хозяйственные и другія принадлежности домашнія крестьяне обязаны были возить по околицѣ, облежавшей задніе дворы селенія. Избави Боже, если кто попадетсѣ изъ крестьянъ съ навозомъ или другимъ чѣмъ на главной улицѣ: тотъ битъ будетъ много! Въ экзекуціяхъ своихъ Аракчеевъ доходилъ до нерононской артистичности: такъ донесли ему однажды, что у крестьянина нашла табакерка съ табакомъ, чего Аракчеевъ терпѣть не могъ. Назначена крестьянину порка: откомандировали хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ молодыхъ красивыхъ дѣвицъ, всѣ въ красныхъ сарафанахъ; разложили мужика съ табакеркой и высыпали ему значительное число горичихъ. Во время экзекуціи пѣвчіе пѣли: „Со свитыми упокой, Господи!“.

*(Сообщено П. А. Мусатовскима)*

## ПИСЬМА КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Вотъ копіи съ собственноручныхъ писемъ двухъ знаменитыхъ Русскихъ лицъ. Оба они весьма извѣстны въ нашей исторіи: одинъ — какъ временщикъ на поприщѣ государственной службы; другой — какъ благородный и честный

(\* Самъ Аракчеевъ былъ женатъ съ 1806 года, но не жилъ съ своею супругою (См. Русскій Архивъ 1866, стр. 923)

II. 5.

человѣкъ, на поприщѣ исторической и литературной дѣятельности. Оба они принесли пользу отечеству, хотя на различныхъ поприщахъ и не въ одинакой степени. Но уже одна форма этихъ писемъ невольно обращаетъ на себя вниманіе: графъ Аракчеевъ писалъ къ цесаревичу Константину Павловичу какъ локкій придворный; исторіографъ Н. М. Карамзинъ какъ истый гражданинъ отечества, дѣяніи равно въ себѣ и въ другихъ человѣческое достоинство. Подлинники тѣхъ и другихъ писемъ случайно находятся рядомъ, одинъ за другимъ, какъ бы для того, чтобы ярче свидѣтельствовать индивидуальную сторону того и другого лица.

*Григорій Александровъ.*

I.

Полученіе отгѣчено: «2 іюня 1821, Варшава.»

Ваше императорское высочество! Приношу вамъ, всемилостивѣйшій государь, мою вѣрнопопданнѣйшую благодарность за присылку ко мнѣ правилъ, наблюдаемыхъ во фронтѣ младшими штабъ-офицерами и адъютантами. Онѣ мнѣ тѣмъ болѣе нужны, что я оное уже исполняю въ корпусѣ поселенныхъ войскъ, по возвращеніи моемъ въ прошлую осень изъ Варшавы. Вашего императорскаго высочества вѣрнопопданный

*Графъ Аракчеевъ.*

С.-Петербургъ  
25 мая 1821.

II.

Полученіе отгѣчено: «9 іюня 1821, Варшава.»

Милостивѣйшій государь! Имѣю счастье представить вашему императорскому высочеству девятый томъ Исторіи Государства Россійскаго и поручаю себя въ вашу милость, для меня драгоцѣнную. Милостивѣйшій

РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 10

государь! вашего императорскаго высочества всенижайшій

*Николай Карамзинъ.*

Царское Село.  
26 мая 1821.

На этомъ письмѣ помѣта рукою Константина Павловича: «Благодарить.»

Отвѣтъ на это письмо, помѣченный 10 июня 1821.

Николай Михайловичъ! Имѣвъ удовольствіе получить трудовъ вашихъ девятый томъ Исторіи Государства Россійскаго, я обязываюсь обратиться къ вамъ за сіе съ моею истинною благодарностію, а за тѣмъ прошу принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

### III.

Помѣта полученія: „9 июля 1821, Варшава.“

Милостивѣйшій государь! Примите искреннѣйшую, усердную благодарность преданнаго вашему императорскому высочеству исторіографа за милостивое письмо, которымъ вы его осчастливили. Милостивѣйшій государь! вашего императорскаго высочества всенижайшій

*Николай Карамзинъ.*

Царское Село  
23 июня 1821.

### IV.

Помѣта полученія: „27 марта 1824. Варшава.“

Милостивѣйшій государь! Примите съ благоволеніемъ сіи два новые тома Исторіи Государства Россійскаго.

Повергаю себя къ вашимъ стопамъ съ чувствомъ вѣчной признательности за милостивое вниманіе, которое ваше императорское высочество изволили оказывать и къ сочиненію и къ сочинителю. Милостивѣйшій государь! вашего императорскаго высоче-

ства преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга.

*Николай Карамзинъ.*

С.-Петербургъ.  
Марта 1824.

Отвѣтъ Константина Павловича отъ 28 марта 1824.

Съ особеннымъ удовольствіемъ и имѣлъ честь получить при письмѣ вашемъ трудовъ вашихъ два новые тома Исторіи Государства Россійскаго. И обращаясь за оныя съ моею къ вамъ совершенною благодарностію, прошу принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

### V.

Полученіе помѣчено: «24 апрѣля 1824, Варшава.»

Ваше императорское высочество, всемилостивѣйшій государь! Скорѣе онаго я никакъ не могъ обратно отправить присланнаго отъ вашего высочества унтеръ-офицера, въ чемъ и прошу извиненія. О дворянахъ представляю къ вашему высочеству особое мое письмо, изъ коего изволите увидѣть мое оправданіе (\*). Всемилоствѣйшій нашъ государь-императоръ, слава Богу, здоровъ и приказалъ мнѣ написать къ вашему высочеству его поклонъ и что онъ скоро и самъ изволитъ къ вамъ писать. При семъ представляю къ вашему высочеству книжку о вновь высочайше утвержденныхъ гусарскихъ мундирахъ, которую вы изволите не скоро еще получить по порядку изъ Сената. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію пребудетъ до конца жизни, вашего императорскаго высочества вѣрноподанный

С.-Петербургъ.  
17 апрѣля 1824.

*Графъ Аракчеевъ.*

(\*) Письма этого нѣтъ.



Отвѣтъ Константина Павловича графу Аракчееву отъ 25 апрѣля 1824.

Графъ Алексѣй Андреевичъ. Я имѣлъ честь получить посланное письмо вашего сіятельства отъ 17 сего апрѣля съ возвратившимся посланнымъ отъ меня лейбъ-казачьимъ унтеръ-офицеромъ, и прошу вашего сіятельства повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностію за всемилостивѣйшее обо мнѣ напоминаніе; при чемъ также обращаюсь къ вашему сіятельству съ моею особенною благодарностію за всѣ ваши увѣдомленія и присылку книжки о вновь высочайше утвержденныхъ гусарскихъ мундирахъ. — При семъ случаѣ прошу вашего сіятельства принять увѣреніе особеннаго моего къ вамъ всегдашняго почтенія и уваженія.

Всѣ выписанныя здѣсь письма цесаревича Константина Павловича списаны съ черновыхъ бумагъ, имѣющихся въ дѣлахъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, при коихъ находятся и письма Карамзина и Аракчеева. Г. А.

## ВОЗЗВАНІЕ КЪ ГРЕКАМЪ КНЯЗЯ ИПСИЛАНТИ. (\*)

Это возваніе, въ современномъ Русскомъ переводѣ, было сообщено великому князю цесаревичу Константину Павловичу при слѣдующемъ письмѣ:

Полѣта получена: «3 апрѣля 1821. Варшава.»

Государь-цесаревичъ!

Здѣсь между Греками появилась изданная 24 февраля 1821 года въ Яссахъ

(\*) Нѣкоторыя подробности о Греческомъ движеніи 1821 г. и объ отношеніяхъ онаго къ Россіи читателя найдутъ въ статьѣ нашей «Пушкинъ въ Южной Россіи», въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1450 и д. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ могъ принимать особенное участіе въ судьбѣ Грековъ, ибо самъ зналъ по гречески и съ дѣтства готовился стать во главѣ ихъ. Ср. въ Р. Арх. 1864 изд. 2—е, стр. 531-я, письмо Николая Пангала, который величаетъ великаго князя вротчайшимъ самодержцемъ Греческимъ, Константиномъ третьимъ. Печатаемое здѣсь Воззваніе получено нами отъ Г. Н. Александрова. И. Б.

отъ Александра Ипсиланти печатная на Греческомъ языкѣ прокламація, съ которою переводъ я имѣю счастье поднести вашему императорскому высочеству и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть себя съ беспредѣльнымъ благоговѣніемъ и вѣрноподданническою преданностію.

Вашего императорскаго высочества вѣрноподданной

*Александръ Шульгинъ*

(Генераль-маіоръ).

Марта 21 дня  
1821 года.

\*

Сражайся за вѣру и отечество! Наступилъ часъ, мужественные Еллины! Давно уже Европейскіе народы, сражаясь за свои права и свободу, приглашали насъ къ подражанію; они хотя и свободные, но старались всѣми силами приумножить свободу и чрезъ нее все свое благополучіе.

Братья наши и друзья вездѣ готовы. Сербы, Суліоты и весь Епиръ съ оружіемъ въ рукахъ насъ ожидаютъ; и такъ соединимся съ энтузіазмомъ. Отечество насъ призываетъ; Европа, устремивши очи свои на насъ, изумляется бездѣйствію нашему, — и такъ да огласятся всѣ горы Еллады звукомъ военныхъ нашей трубы и долины страшнымъ звукомъ оружія нашихъ. Европа удивится доблестямъ, а тираны наши, трепеща и блѣднѣя, побѣгутъ отъ лица нашего.

Просвѣщенные народы Европы занимаются возстановленіемъ собственнаго благополучія и, исполненные признательности за благодѣянія праотцевъ нашихъ къ нимъ, желаютъ свободы Греціи.

Мы, являя себя достойными праотческой добродѣтели и настоящаго вѣка, имѣемъ благія надежды получить отъ нихъ покровительство и помощь. Многие изъ сихъ любителей свободы прійдутъ сражаться вмѣстѣ съ нами. — Начните дѣйствовать, друзья, и вы увидите державную силу, защищающую права наши; вы увидите изъ самыхъ враговъ нашихъ многихъ, которые, будучи

убѣждены справедливою нашею причиною, обратятъ тылъ и соединятся съ нами противу враговъ нашихъ, и отечество наше съ искренностію приметъ ихъ въ объятія свои. И такъ что препятствуетъ мужественнымъ вашимъ мышцамъ? Робкій врагъ нашъ слабъ и безсиленъ, полководцы наши опытны, и всѣ соотечественники наши полны энтузіазма, и такъ соединитесь, мужественные и великодушные Еллины! Да образуются народныя фаланги, да явятся отечественные легіоны, и вы увидите древнихъ оныхъ колоссовъ деспотизма, падающихъ самихъ собою предъ побѣдоносными знаменами; на гласъ трубы нашей всѣ берега Ионическаго и Егейскаго моря отзовутся; Греческіе корабли, кои во время мирное умѣли торговать и сражаться, разсѣять по всѣмъ пристанямъ тирана, огнемъ и мечемъ, страхъ и смерть.

Какая Еллинская душа будетъ равнодушна при приглашеніи отечества! Въ Римѣ одинъ Кесаревъ пріятель, потрясая окровавленную хламидою тирана, возбуждаетъ народъ; какъ же вы поступите, Еллины, коимъ отечество показываетъ обнаженные рапы свои и прерывающимся гласомъ призываетъ на помощь чадъ своихъ! Божественный Промыслъ, любезные соотечественники, умилосердившись нашими несчастіями, соблаговолилъ быть такъ, и мы, при маломъ трудѣ, получимъ свободою все благополучіе; и такъ, если по достохульному неразумію мы еще останемся раздучены, то тираны, содѣлавшись жестокаѣ, гораздо болѣе увеличатъ наши несчастія, и мы дойдемъ до того, что останемся навсегда несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ.

Обратите взоры ваши, соотечественники, и воззрите на жалкое наше состояніе, воззрите здѣсь на храмы попираемые, тамъ на чадъ нашихъ, отъемлемыхъ позорнѣйшимъ сластолюбіемъ варваровъ и тирановъ нашихъ, на домы наши обнаженные, на поля наши расхищенные и на самихъ себя, жалкихъ рабовъ!

Теперь время свергнуть несносное иго сіе, освободить отечество, свергнуть съ облаковъ Полулуніе, возвысить знаменіе, коимъ всегда побѣждаемъ, то есть, Крестъ и такимъ образомъ отмстить за отечество и за православную нашу вѣру нечестивцамъ, за ихъ нечестивое презрѣніе

Между нами тотъ благороднѣйшій, кто мужественнѣе защититъ права отечества и полезнѣе ему будетъ служить. Народъ единодушно избересть своихъ народоправителей и, въ сходственность сему высочайшему совѣту, будутъ соображаться всѣ наши дѣянія. И такъ, начнемъ дѣйствовать въ единомысліи: богатые пусть внесутъ часть своего имущества, священныя настѣры да воодушевляютъ народъ собственнымъ своимъ примѣромъ, просвѣщенные пусть совѣтуютъ полезное, а при чужестранныхъ дворахъ служащіе въ войскѣ и въ статской службѣ соотечественники, возблагодаривъ каждый изъ нихъ той державѣ, которой онъ служилъ, да устремятся всѣ на отверзаемое нынѣ великое и блистательное поприще и да принесутъ отечеству должную дань и яко мужественные да вооружатся всѣ безъ отлагательства времени непреоборимымъ оружіемъ храбрости, и я общаю въ краткомъ времени побѣду, а съ нею все благо.

Какіе наемные и слабосильные рабы посмѣютъ противустать народу, сражающемуся за собственную независимость? Свидѣтелями тому геройскіе подвиги протцевъ нашихъ, свидѣтель Испанія, которая первая и одна побѣдила непобѣдимыя фаланги тирана.

При соединеніи нашемъ, сограждане, при почтеніи нашемъ къ священной религіи, при повиновеніи къ законамъ и полководцамъ, при мужествѣ и постоянствѣ, побѣда наша вѣрная и непремѣнная, — она увѣнчаетъ вѣчно-зеленѣющими лаврами геройскіе подвиги наши, она не изгладимыми буквами начертаетъ имена наши въ храмѣ безсмертія, въ примѣръ грядущимъ племенамъ! Отечество вознаградитъ покорныхъ и родныхъ чадъ

сволхъ наградами славы и чести. непокорныхъ же и не внемлющихъ настоящему приглашенію провозгласить яко изчадіями и сѣменами Азіатскими и предасть имена ихъ анаемѣ и проклятію потомковъ.

И такъ призовемъ снова, мужественные и великодушные Еллины, свободу въ классическую землю Греціи! Сразимся между Мараономъ и Термопилами! Сразимся на гробахъ отцевъ нашихъ, кои, дабы насъ оставить свободными, сражались и пали тамъ; кровь тирана пріятна тѣпи Эпаминонда, Фивейскаго и Аѳинейскаго Тразибула, которые побѣдили тридцать тирановъ, тѣнямъ Армонія и Аристокитона, которые низвергли Пизистратской яремъ, тѣни Тимолеона, которой возстановилъ свободу въ Коринѣ и Сиракузахъ, и наипаче тѣнямъ Мильтіада и Фемистокла, Леонида и Трехъ Сотъ, кои толикократно поражали безчисленныя войска варваровъ Персовъ, коихъ болѣе варварскихъ и менѣе мужественныхъ потомковъ, предложить намъ теперь съ малымъ трудомъ истребить совершенно. И такъ къ оружію, друзья: отечество насъ призываетъ!

*Александръ Ипсиланти.*

24 Февраля 1821 года  
Въ главной квартирѣ Яссахъ.

## Н. А. РАЙКО.

### Биографическій очеркъ.

М. Г. Честь имѣю препроводить къ вамъ находящіяся у меня бумаги Николая Алексѣевича Райка: онѣ обязательно сообщены были мнѣ старшимъ сыномъ покойнаго, Алексѣемъ Николаевичемъ Райкомъ, офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

При нашемъ свиданіи вы просили меня предослать имъ краткій биографическій очеркъ этого превосходнаго и замѣчательнаго человѣка. Къ величайшему мо-

ему сожалѣнію, я могу исполнить это лишь самымъ поверхностнымъ, неудовлетворительнымъ образомъ, такъ какъ за исключеніемъ препровождаемыхъ къ вамъ документовъ, относящихся ко времени пребыванія Николая Алексѣевича въ Греціи, я не имѣю подъ рукою никакихъ другихъ, которые могли-бы послужить мнѣ основаніями для сколько нибудь обстоятельнаго жизнеописанія его. Я долженъ поэтому ограничиться лишь воспоминаніями слышаннаго мною отъ него самаго или отъ моихъ родителей<sup>(1)</sup>, въ пору ранней молодости, когда мы вообще бываемъ гораздо болѣе заняты собою чѣмъ другими, внимаемъ имъ разсѣянно и удерживаемъ въ памяти развѣ лишь крупныя и яркія факты, небрежно упуская числа и подробности, т. е. то именно, что такъ драгоцѣнно для биографа.

Н. А. Райко (какъ видно изъ указа объ его отставкѣ, въ которомъ сказано, что въ 1818 году ему было 24 года) родился въ 1794 г. Отецъ его мало заботился о немъ и поручилъ его попеченію пріятели своего, тайнаго совѣтника Скванчи, Тосканца, состоявшаго въ русской службѣ. Скванчи отправилъ 14-ти лѣтняго Райка и старшаго брата его (онъ утонулъ, по возвращеніи въ Рос-

<sup>1)</sup> Съ семействомъ моимъ Николай Алексѣевичъ находился въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Еще юношею принятый какъ родной въ семействѣ моей бабки, онъ былъ шаферомъ моей матери, когда она выходила за мужа за моего отца, и въ продолженіи сорока лѣтъ оставался искреннѣйшимъ и любимѣйшимъ другомъ ихъ. Когда въ 1835 году, Николай Алексѣевичъ, покинувъ Кавказъ, пріѣхалъ съ молодою женою поселиться въ Одессѣ, туда перѣхало вскорѣ и наше семейство. Въ Одессѣ мы долго жили въ одномъ домѣ, видѣлись каждый день; память о Николаѣ Алексѣевичѣ связана съ лучшими воспоминаніями моей юности. Въ концѣ 1853 года, отецъ мой долженъ былъ, по дѣламъ, пріѣхать въ Петербургъ; матушка на это время поселилась въ деревнѣ, въ 150 верстахъ отъ Одессы. Оттуда, въ февралѣ 1854 года, она писала о скоропостыжной кончинѣ Николая Алексѣевича. Помню, когда прочелъ онъ эту вѣсть, отецъ мой уронилъ письмо, закрылъ лице рукою и тихо промолвилъ: «Райка нѣтъ! И я за нимъ скоро!» И дѣйствительно, въ томъ-же году и его не стало.

сію, 24 лѣтъ) на родину свою, во Флоренцію, гдѣ молодые люди и были воспитаны. Николай Алексѣевичъ, сколько мнѣ помнится, посѣщалъ какія-то лекціи въ Падуаанскомъ университетѣ. Какъ бы то ни было, онъ былъ вовсе не доволенъ своимъ образованіемъ и часто съ невеселой улыбкой повторялъ извѣстный стихъ: „мы всѣ учились по немногу, чему нибудь и какъ-нибудь.“ О дѣтствѣ своемъ и молодости онъ вообще говаривалъ какъ бы неохотно. Помню я только рассказъ, какъ въ 1812 г., когда онъ узналъ о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи, взговорило въ немъ неудержимо чувство любви къ родинѣ, и шестнадцатилѣтній юноша, тайкомъ отъ лицъ, которымъ порученъ былъ надзоръ за нимъ, онъ ушелъ изъ Флоренціи съ намѣреніемъ пробраться въ Россію и вступить въ ряды ея защитниковъ; но безъ средствъ, безъ законнаго вида, онъ не могъ далеко уйти, былъ задержанъ гдѣ-то на границѣ Швейцаріи и отвезенъ обратно во Флоренцію. Въ отечество онъ вернулся только въ 1815 г., а черезъ годъ послѣ того опредѣленъ юнкеромъ въ армейскую конно-артиллерію. Баттарей его стояла въ Юго-Западномъ краѣ, и въ воспоминаніяхъ его сохранилось много забавныхъ рассказовъ о проказахъ военной молодежи того времени. Рассказы эти, бывало, заставляли насъ, юношей и дѣтей, буквально кататься со смѣху. Въ 1818 году онъ былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1824 переведенъ въ Л. Гв. Драгунскій полкъ, что нынѣ Конно-Гренадерскій. Тамъ онъ вскорѣ сдѣлался идоломъ товарищей, высоко цѣнившихъ въ немъ его прямодушіе и благородную независимость характера. Но въ гвардіи ему не послужилось. Вышло такого рода происшествіе, что офицеры его полка, недовольные чѣмъ-то, или *клям-то*, собрались однажды на квартирѣ Н. А. Райко и положили единогласно — подать разомъ всѣмъ въ отставку. Это дошло, разумѣется, до свѣдѣнія начальства, просьбы объ отставкѣ были задержаны, „протестантовъ“ уговорили или запугали; всѣ остались на своихъ

мѣстахъ, кромѣ Николая Алексѣевича, котораго уже ничто не могло заставить измѣнить однажды принятому рѣшенію. Послѣ не малыхъ затрудненій, въ началѣ 1826 года, его наконецъ выпустили въ отставку, „très mal noté, parce que j'étais, il paraît, une fausse note dans le chocur général“, смѣясь говаривалъ по этому случаю Николай Алексѣевичъ, который былъ страшный охотникъ до каламбуровъ (2).

Онъ очутился такимъ образомъ на свободѣ, обеспеченный по состоянію (отца его уже не было на свѣтѣ, а семейство его выдавало Николаю Алексѣев. по 12,000 р. ассигнаціями въ годъ), но не видя передъ собою никакого будущаго, крайне разочарованный всѣмъ тѣмъ, въ чемъ до тѣхъ поръ довелось ему принимать участіе и не зная куда дѣтъ свои силы, на что употребить кипучее желаніе пользы и добра, которымъ онъ и тогда, какъ и до послѣдней минуты своей, былъ весь преисполненъ. Онъ не долго оставался въ Петербургѣ, гдѣ, по выходѣ изъ полка, жилъ очень одиноко, проводя время за чтеніемъ и посѣщая лишь домъ извѣстнаго врача Н. Ѳ. Арендта, съ которымъ былъ онъ очень друженъ. Въ концѣ 1826 или въ началѣ 1827 г., не припомню, онъ уѣхалъ въ Италію. Тамъ въ это время, какъ и во всей Европѣ, но еще пламеннѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ (вслѣдствіе аналог и,

<sup>2)</sup> Независимый и стойкій характеръ Николая Алексѣевича, при чемъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что онъ былъ воспитанъ въ Италіи, былъ причиною того, что въ высшихъ военныхъ сферахъ того времени онъ слылъ за «карбонарія». Командиръ его полка, генералъ, знавшій его ближе и цѣнившій въ немъ весьма способнаго, дѣятельнаго и ревностнаго офицера, постоянно его отстаивалъ и, не желая лишиться его, удерживалъ подъ всякими предлогами его просьбу объ увольненіи, все надѣясь, что Райко одумается и согласится взять ее назадъ. Но когда начался по всѣмъ полкамъ гвардіи пресътъ лицъ, замѣшанныхъ въ несчастномъ дѣлѣ 14 декабря, онъ вспомнилъ объ этомъ прозвищѣ «карбонарія» и заключивъ изъ этого вѣроятно, что человекъ, заслужившій подобное прозвище, могъ и дѣйствительно пожалуй принимать участіе въ заговорѣ противъ правительства, поспѣшилъ дать ходъ лежавшей до того у него безъ движенія просьбѣ, вслѣдствіе чего, говорятъ, увольненіе Н. А. Райко подписано было даже заднимъ числомъ.

быть можетъ, въ чувствахъ прирожденной ненависти къ иноземному владычеству) высказывалось всеобщее сочувствіе къ судьбамъ героическаго племени, которое тогда уже шестой годъ отстаивало противъ Турецкаго варварства свою независимость въ ущельяхъ Пелопонеза и на приморскихъ скалахъ Архипелага. Пѣсни лорда Байрона о Греціи были давно популярны въ Италіи; безпримѣрная защита Миссолонги была свѣжимъ событіемъ, и о немъ съ содроганіемъ ужаса и восторгомъ энтузіазма говорили даже въ простомъ народѣ, которому все, что происходило въ Греціи, было хорошо знакомо черезъ рассказы Италіанскихъ моряковъ (3). Въ высшихъ слояхъ общества всѣ были заняты близкимъ разрѣшеніемъ Греческаго вопроса, которое ожидалось отъ соглашения Россіи, Франціи и Англій, соглашенія, которое, дѣйствительно, привело въ послѣдствіи къ славному дѣлу Наварина. Филлины между тѣмъ на перерывъ стекались въ Италію со всѣхъ концовъ Европы, направляясь въ Грецію черезъ порты Ливорно и Анкону. „И среди всѣхъ этихъ людей, говорилъ потомъ часто Райко, людей великодушно рисковавшихъ своею жизнью изъ-за одной идеи, за свободу народа имъ въ сущности совершенно чуждаго, съ которымъ ихъ ничто не связывало, не было ни одного Русскаго, ни одного представителя того именно народа, который вѣрою своею, своимъ прошедшимъ, наконецъ историческою судьбой своей долженъ бы былъ чувствовать себя наиболѣе близкимъ къ Греціи, а вслѣдствіе того болѣе всѣхъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ ея независимости (4). Эта мысль не покидала меня, мнѣ было и больно и стыдно, до слезъ *никогда было обидно за насъ*, — и наконецъ я рѣшился ѣхать въ Грецію..

(3) Во Флоренціи долго жилъ, занимаясь продажей картинъ, нѣкто Коменъ Апендульевъ (нѣкогда состоявшій при нашемъ послѣ Татищевѣ въ Испаніи), горячій Филеллинъ, сообщавшій Н. А. Райку подробныя свѣдѣнія о ходѣ Греческихъ дѣлъ (Слышано отъ Н. М. Смирнова) П. Б.

(4) Вспоминалъ бѣгство изъ родительскаго дому 17-ти лѣтняго А. С. Хомякова. П. Б.

О его пребываніи въ Греціи и о послѣдствіяхъ онаго говоритъ самъ Николай Алексѣевичъ въ своей Запискѣ (5). Я приведу здѣсь лишь нѣсколько словъ изъ увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему правительствомъ, установленнымъ въ Греціи, подъ предѣлительствомъ графа Августина Каподистрії, послѣ смерти президента, графа Ивана Каподистрії (Н. А. былъ страстно преданъ этому высоко-способному и высоко нравственному государственному челоуѣку; вѣроломное убійство президента глубоко потрясло его. Греція опустылѣла ему, и онъ рѣшился тогда же ее покинуть).

„Правительство (Греціи), говорится въ этомъ документѣ, писанномъ съ теплотою, рѣдко встрѣчающагося въ официальныхъ бумагахъ, никогда не будетъ въ состояніи забыть, что въ продолженіи четырехъ лѣтъ вашей службы вы никогда не соглашались принять ни жалованья, ни награды, между тѣмъ какъ неустаннымъ вашимъ рвеніемъ и преданностью вы оказали этой націи явныя и дѣйствительныя услуги, то командуя крѣпостью Паламиди, то въ продолженіи осьмнадцати мѣсяцевъ исправляя должность военнаго губернатора воскресающаго города Патраса, то наконецъ такъ одстойно занимая мѣсто главнаго начальника артиллеріи въ трудныхъ обстоятельствахъ (dans des circonstances difficiles). Этотъ образъ дѣйствій вашихъ, столь же благородный, сколько и безкорыстный, возлагаетъ на насъ долгъ, съ радостью исполняемый нами, выразить вамъ здѣсь чувства благодарности народной, которой мы бы желали имѣть возможность доставить вамъ болѣе блестящія доказательства (dont nous aurions souhaité pouvoir vous donner des témoignages plus éclatants). Воспоминаніе о васъ, г. полковникъ, будетъ всегда дорого для правительства, равно какъ имя ваше для Греческой арміи, и возвращеніе ваше въ ея ряды осуществило бы самыя рѣши-

(5) Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ напечатать эту Записку. П. Б.

тельные желанія (comblerait les vœux les plus prononcés)“.

Изъ приводимаго нами ниже, въ приложеніи, письма графа Ивана Каподистрія къ графу Бенкендорфу достаточно видно, какъ цѣнилъ графъ Каподистрія „здравый умъ и душевную чистоту человѣка, за котораго онъ, не усомнясь, готовъ былъ отвѣчать государю императору какъ за самаго себя.“ Уваженіе и довѣріе его къ Н. А. Райко свидѣлствуется множествомъ писемъ къ нему президента, изъ которыхъ нѣкоторыя помѣщены въ извѣстномъ Сборникѣ Эйнара, но большая часть, интимныхъ по содержанію своему, осталась не напечатанною (\*). Прирожденная Николаю Алексѣевичу скромность съ одной стороны, съ другой то чувство благоговѣнія, испытываемое нами къ памяти близкихъ намъ людей, которому всякое оглашеніе нашихъ отношеній къ нимъ представляется невольнымъ образомъ какою-то профанацией, побудило его оставить эти письма подъ сцудомъ, дозволивъ напечатать лишь тѣ, которыя могли послужить къ характеристикѣ прези-

\*) Последнее письмо графа Каподистрія, начертанное явъ за нѣсколько часовъ до убіенія его, писано къ Н. А. Райко. Съ этимъ письмомъ случился слѣдующій казусъ. Н. А. отправилъ его вмѣстѣ съ другими письмами президента, которыя онъ назначалъ для помѣщенія въ Сборникъ Эйнара, къ А. С. Стурдзѣ, которому, если не ошибаюсь, Эйнаромъ поручено было собирать письма покойнаго графа. При этомъ, всегда скромный, Н. А. писалъ Стурдзѣ, что онъ не желалъ бы, чтобы въ печати письмо это явилось съ его именемъ. Стурдза исполнилъ его желаніе, но въ такомъ видѣ: въ оголовкѣ напечаталъ «Mon cher N. N.», а подъ этими словами помѣстилъ выноски, гласящую что «ce billet sans adresse fut trouvé sur la table du président, qui l'avait écrit le matin même du jour de sa mort». Въ семействѣ Н. А. сохранился экземпляръ сборника Эйнара и въ концѣ его послѣдняго тома наклеено покойнымъ, рядомъ съ напечатаннымъ, и подлинное послѣднее письмо гр. Каподистрія, въ которомъ онъ (toutes lettres) читается: «mon cher Rayko» а также письмо Эйнара, въ которомъ онъ, прося Н. А. извинить невольную редакцію выноски, помѣщенной въ его Сборникѣ подъ этимъ письмомъ, извѣщаетъ его, что онъ счелъ долгомъ, возстановивъ письмо согласно съ подлинникомъ, напечатать его съ надлежащимъ объясненіемъ въ газетѣ le *Fédéral* въ Маѣ 1842 г. (не припомню, къ сожалѣнію, ни числа, ни номера газеты, обозначенной Эйнаромъ).

дента какъ государственнаго дѣятеля. Въ молодости я имѣлъ не разъ въ рукахъ связки этихъ неизданныхъ писемъ, читалъ многія изъ нихъ, писанныя часто въ шутовскомъ тонѣ, всегда исполненныя чувства теплой, душевной пріязни. Съ глубокимъ сожалѣніемъ узналъ я недавно, что семейство покойнаго Н. А. не можетъ отыскать теперь этихъ писемъ и почитаетъ ихъ окончательно прощавшими.

До конца своей жизни Н. А. имѣлъ угѣшеніе видѣть доказательства той благодарности къ нему Греческаго народа, о которой говорится въ упомянутомъ мною увольнительномъ его свидѣтельствѣ. Не было Еллина сколько нибудь знакомаго съ недавнимъ прошедшимъ своей страны, который, пріѣхавъ въ Одессу, не почелъ бы долгомъ представиться Николаю Алексѣевичу, посѣтить его. Не было Еллина въ Одессѣ, а ихъ тамъ не мало, который, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, не поклонился бы ему съ искреннимъ, радостнымъ привѣтомъ въ глазахъ, въ улыбку (\*). Когда, въ 1841-мъ году, король Оттонъ пожаловалъ его кавалеромъ золотого креста ордена Спасителя, Еллина постоянно извѣждали сожалѣнія о томъ, что награда не соответствовала ни его заслугамъ, ни важнымъ должностямъ, которыя онъ занималъ въ критическія для Греціи минуты, что онъ имѣлъ все права на Командорскій крестъ. При этомъ вспоминалось не разъ, что единственно ему и Португальцу Алмейдѣ, занимавшему должность коменданта Навилии, обязана была Греція предупреденіемъ всеобщей рѣзни и неминуемо долженствовавшей слѣдовать за тѣмъ анархіи, которыя грозили этой несчастной странѣ послѣ убійства президента (\*\*). И останвлены были лишь рѣшительнымъ обра-

\*) Я не могу не вспомнить при этомъ, что Н. А. пользовался вообще необыкновенною популярностью въ Одессѣ.

\*\*) На это, какъ кажется, и рассчитывали покровители Георга и Константина Мавромихали, убійцы графа Каподистрія; оно, по крайней мѣрѣ, весьма логично истекаетъ изъ связи фактовъ, излагаемыхъ въ Запискѣ Н. А. Райко объ убіеніи президента Греціи. Б. М.—Эта Записка появится въ Р. Архивѣ. II. Б.

зомъ дѣйствій этихъ двухъ достойныхъ Филлеллиновъ.

Испросивъ отставку изъ Нижегородскаго драгунскаго полка, куда онъ (какъ значится въ его Запискѣ) опредѣленъ былъ по возвращеніи изъ Греціи, тѣмъ же поручичьимъ чиномъ, которымъ уволенъ онъ былъ изъ гвардіи въ 1826 г., П. А. женился и поселился въ Одессѣ<sup>(3)</sup>. Ему было тогда 39 лѣтъ. Онъ былъ еще полонъ силъ; жажда дѣятельности, желаніе принести пользу родному краю, которому, въ его убѣжденіи, онъ думалъ служить, принимая участіе въ дѣлѣ независимости единовѣрной намъ Греціи, — не иссякали въ немъ, не смотря на всѣ недочеты и разочарованія прошлаго. Но всякое служебное поприще на родинѣ было для него закрыто, — онъ не могъ сомнѣваться въ этомъ, да былъ и далекъ отъ мысли искать официальной службы. Онъ мечталъ о пользѣ на другомъ пути менѣе яркомъ, менѣе приманчивомъ для людскаго тщеславія, но конечная цѣль котораго была, по всѣмъ правамъ, привлечь къ себѣ умъ человѣка просвѣщеннаго и пріобыкшаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ такимъ государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ гр. Каподистрія, къ инымъ возрѣніямъ на могущество и благосостояніе государствъ, чѣмъ тѣ, которыхъ держались вообще въ это время въ Россіи. Еще юношею, въ Италіи, онъ интересовался шелководствомъ и былъ знакомъ съ главнѣйшими пріемами его. Во время пребыванія своего на Кавказѣ, онъ ближе познакомился съ этимъ дѣломъ и тогда еще пораженъ былъ мыслью о той огромной выгодѣ, которую могло бы принести югу Россіи развитіе шелководства въ большихъ размѣрахъ. Съ тѣхъ поръ эта мысль уже не покидала его, и онъ, какъ всегда это бывало съ нимъ, предался ей всѣми силами своими и всѣми способностями. Онъ купилъ, по близости Одессы, два хутора, въ которыхъ нашель нѣсколько тузовыхъ деревьевъ, вывезъ съ Кавказа коконы, нанялъ нѣ-

сколько крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и принялся за работу. Опыты его привели къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ: черви прекрасно переносили зиму въ устроенномъ для нихъ помѣщеніи: посаженные имъ шелковичныя деревья принимались хорошо, размотка коконовъ давала блестящей, доброкачественной шелкъ. Очень можетъ быть, если бы Н. А. смотрѣлъ на это дѣло какъ на предметъ личной спекуляціи, что оно и обогатило бы его. Но онъ объ этомъ и не думалъ; онъ стремился не къ своей личной выгодѣ, а къ тому, чтобы надѣлать дѣлѣй край богатымъ производствомъ, которое должно было привести въ будущемъ къ неслыханному доголѣ процвѣтанію<sup>(10)</sup>.

Быть можетъ, слишкомъ идеально смотрѣлъ онъ на предметъ, недостаточно принималъ во вниманіе тѣ условія жизни и времени, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Но сильные люди менѣе всего заботятся о предстоющихъ имъ пренитствіяхъ. Въ продолженіи 18 лѣтъ онъ неотступно служилъ любимому дѣлу, чувствуя и видя, какъ „всѣ завязываемыя имъ нити порывались одна за другой въ его рукахъ“ и не уставая завязывать ихъ вновь. Имѣя въ виду пріохотить массу народа къ занятію шелководствомъ, онъ постоянно развѣзжалъ по Новороссійскому краю, предлагалъ крестьянамъ деньги за каждое посаженное ими тузовое дерево, дарилъ имъ коконы, заводилъ у себя школы для образованія изъ дѣтей ихъ шелководовъ, раза три извѣздилъ, не смотря на свою тучность<sup>(11)</sup> и немолодые лѣта,

<sup>(10)</sup> Шелководство повсе не такая отрасль промышленности, которая кого бы то ни было могла обогатить (оно составляетъ подсобную отрасль хозяйства и потому обогащаетъ край, доставляя выгоды мелкимъ хозяйствамъ; но оно не фабричное дѣло, не обогащаетъ капиталиста на счетъ труда. Примѣч. Ф. В. Чацова.

<sup>(11)</sup> Н. А. былъ весьма тученъ и высокъ ростомъ; его открытыя, крупныя черты, высокой лобъ, живые глаза напоминали обликъ великаго князя Константина Павловича, чтъ подавало многимъ поводъ весьма ошибочно считать его сыномъ покойнаго великаго князя. Лице его впрочемъ по смыслу общаго выраженія весьма отличалось отъ лица Константина Павловича: оно было весело и привѣтливо.

<sup>(3)</sup> На Ал. Ник. Антроповой, дочери ген. майора Антропова, командовавшаго лѣвыми флангомъ Кавказа.

весь Кавказъ на бѣговыхъ дрожкахъ (такъ какъ этотъ легкій экипажъ давалъ ему возможность проѣзжать всюду, гдѣ только были шелковичныя плантаціи, гдѣ онъ могъ видѣть какой либо новый пріемъ или передать свои наблюденія, подѣлиться добытыми результатами, сообщить о сдѣланныхъ опытахъ). Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, надѣясь чрезъ посредство Департамента Сельскаго Хозяйства успѣть ввести занятіе шелководствомъ среди казенныхъ крестьянъ, писалъ много статей въ „Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи“, входилъ въ сношенія съ Московскими купцами, производящими торговлю Закавказскимъ шелкомъ...

Осымнадцать лѣтъ этихъ энергическихъ стремленій къ общему благу пропали даромъ. Ни одному изъ начинаній Н. А-ча не дано было ни преуспѣть, ни развиться: онъ только потратилъ на нихъ половину своего состоянія. Съ равнымъ недоумѣніемъ отпосились къ нимъ и апатичный народъ южнаго края, и Петербургская бюрократія. Никто не поддержалъ ихъ, никто не сказалъ ему спасибо за его неустанный, безкорыстный трудъ.... За годъ до своей смерти (12) онъ былъ въ Москвѣ и прожилъ у меня недѣли двѣ. Пріѣзжая домой вечеромъ, я его постоянно, заставлялъ за письмомъ. — Вы все о своемъ, Н. А.? говорю я ему однажды. Онъ махнулъ рукой. — „Какъ видишь, любезный мой, все, по прежнему, воду толку. А грустно подумать, примолвилъ онъ, помолчавъ, что такъ вся жизнь прошла! Съ молодю все думалъ сдѣлать что нибудь, принести хоть самую маленькую частичку пользы, — все въ трубу вылетѣло.... И добился я только до того, что смотреть на меня люди, да пожимаютъ плечами: изъ чего, молъ, хлопочетъ человѣкъ! Ничего намъ не падо, ничего мы не хотимъ, оставь насъ кинуть и прозябать, какъ мы издавна привыкли, а онъ тратится, колеситъ, изъ кожи вонъ лѣзетъ,

<sup>12)</sup> Онъ умеръ, какъ уже сказано, въ 1854 году, въ январѣ мѣсяцѣ, отъ апоплексическаго удара.

изъ за чего? для кого! И правы они, — дымомъ пронеслась вся моя жизнь...“

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Многое измѣнилось въ Россіи за эти годы, многое уже просвѣтлѣло въ ней. Въ наше время, съ радостью можно сказать себѣ: такой человѣкъ, какимъ былъ Н. А. Райко, не прошелъ бы незамѣченнымъ въ Русскомъ обществѣ.

*Б. Маркевичъ.*

## ПРИЛОЖЕНІЕ.

### I

*A son excellence monsieur de Bendorff, aide de camp de sa majesté l'empereur.*

Excellence!

Après plus de 4 ans d'absence désirant rentrer dans ma patrie, je me suis présenté chez mr le résident de sa majesté mr. le comte P. pour demander mon passeport, et j'ai reçu un refus. Je ne peux vous exprimer le sentiment qui m'a saisi à cette nouvelle; celui qui aime sa patrie le comprendra aisément, car à mon avis le plus grand des malheurs qui puisse atteindre un homme, est celui de se voir proscrit.

Je me morfonds en conjectures pour deviner la cause qui a pu motiver une semblable rigueur, et je ne trouve rien à ma charge, si ce n'est peut être ma venue en Grèce. C'est dans cette supposition que je prends la liberté de vous importuner afin de fournir quelque éclaircissement que je crois nécessaire pour ma justification, et je ne désespère pas que l'impartialité de votre excellence ne daigne accueillir avec indulgence un exposé succinct de mes actions.

J'ose vous avouer franchement, mon général, qu'une fois que mon projet de venir en Grèce fut bien arrêté, je ne



me dissimulais point que mon apparition dans un pays comme celui-ci m'aurait donné la couleur d'un de ces esprits inquiets et exaltés, dont les véritables éléments sont les troubles et les desordres; mais fort de ma conscience, je ne me laissais point rebuter par une reflexion pareille, espérant que ma conduite aurait fait apprecier mes véritables sentiments, et quant à cela je demande très humblement qu'il me soit permis d'en appeler au témoignage de son excellence monseigneur le comte Capodistrias, qui a été à même dans les relations dont il a daigné m'honorer de connaître ma pensée intime.

Pour remonter aux causes primitives qui me décidèrent à prendre le parti que j'ai pris, je n'ai pas cru dans le temps, et je ne crois pas même à présent, être tenu à publier les secrets de famille qui l'ont provoqué; néanmoins je ne cacherai pas à votre excellence, que la lecture des faits d'arme de nos correligionnaires et l'idée que les individus de toutes les nations civilisées de l'univers eussent pris part à cette guerre intéressante, sans qu'elle vit un seul Russe dans les rangs de ses défenseurs, ne contribua pas peu à enfanter mon projet, que quelques contrariétés que j'essayais dans la carrière militaire que j'avais embrassée dans ma patrie, ne firent qu'affirmer. Le véritable motif donc de ma venue ici (puisque je suis obligé de le dire) a été un sentiment d'amour propre national; c'est-à-dire le désir d'épargner un jour à mes compatriotes le reproche que pas un seul parmi eux ait figuré spontanément dans la cause de leurs frères en Christ, et l'espoir de trouver un terme honorable à une existence à laquelle je ne tiens pas aucun lien.

A l'arrivée de son excellence le président, il me fut offert successivement

le commandement des différents forts de Nauplie-de-Romanie, savoir celui d'Ich-Kale d'abord, plus tard celui de Palamidy que j'acceptais; mais je ne manquais pas sans perte de temps de remplir les formalités prescrites par nos réglemens, et j'adressais à cet effet un office à m-r le conseiller de collège Vlassopoulo (alors seul fonctionnaire public qui se trouvait sur le lieu) dans lequel je le prévenais de ma nomination, et je le priais d'en faire part à qui de droit, en protestant qu'à la moindre marque de desapprobation j'étais prêt à quitter ma charge. Je n'ai jamais reçu de réponse à cet office, et j'ai pris ce silence, si non comme un consentement tacite, du moins comme un signe, qu'on ne donnait aucune conséquence à ma démarche.

Voici, votre excellence, l'exposé bref, mais consciencieux de tout ce qui s'est passé; vous jugerez par là si je mérite la disgrâce qui vient de m'atteindre. Je proteste encore une fois de la pureté et de la droiture de mes sentiments, et j'espère de votre justice, que vous n'éviterez pas la tâche de me protéger contre la calomnie et la malveillance, car ce n'est qu'à elles que j'attribue mon malheur. S'il y a quelque autre grief contre moi, jo désire le savoir, mais je ne désespère pas de me disculper.

Quant à ma gestion et à ma vie si privée que publique, j'en appelle encore au témoignage de son excellence le président, et j'ose espérer après tant de preuves de bienveillance dont il a daigné m'honorer qu'il ne me sera pas défavorable.

J'ai l'honneur de me dire etc. etc.

*N. Rayko.*

Nauplie-de-Romanie  
le <sup>15</sup>/<sub>27</sub> mai 1831.

Письмо Н. А. Райка къ (гр.) А. Х.  
Бенкендорфу.

Его превосходительству, господину Бенкендорфу, генералъ-адъютанту государя императора.

Ваше превосходительство! Желая возвратиться на родину, которую я оставилъ около четырехъ лѣтъ тому назадъ, я обратился къ резиденту его императорскаго величества господину графу П., дабы онъ снабдилъ меня паспортомъ, и—получилъ въ томъ отказъ. Не могу вамъ выразить овладѣннаго мною чувства; всякой, кто любитъ свою родину, легко пойметъ меня: ибо, по моему убѣжденію, изъ всѣхъ несчастій, какія могутъ постигнуть человѣка, наитягчайшее есть изгнаніе.

Теряюсь въ догадкахъ и недоумѣваю, что за причина этого суроваго поступка. Не вѣдаю за собою вины, развѣ, можетъ быть, мое появленіе въ Греціи! Въ семъ послѣднемъ предположеніи, принимаю смѣлость утрудить васъ нѣкоторыми поясненіями, которыя, какъ я полагаю, необходимы для моего оправданія; и, позволяя себѣ надѣяться на безпристрастіе вашего превосходительства, прошу снисходительнаго вниманія къ слѣдующему краткому изложенію дѣйствій моихъ.

Откровенно сознаюсь предъ вашимъ превосходительствомъ, что, рѣшившись ѣхать въ Грецію, я очень хорошо понималъ, какъ можетъ быть истолковано появленіе мое въ такой странѣ; я зналъ, что меня могутъ причислить къ тѣмъ беспокойнымъ и отчаяннымъ людямъ, для которыхъ смуты и беспорядки составляютъ необходимую потребность. Но въ правотѣ моей совѣсти, я не опасался подобнаго нареканія и разсчитывалъ, что моими дѣйствіями обнаружатся истинныя побужденія мои, и въ этомъ отношеніи да позволено мнѣ будетъ сослаться на удостовѣреніе его сіятельства графа Каподистріи, имѣвшаго возможность узнать мои задушев-

ныя мысли по тѣмъ сношеніямъ, кои онъ меня удостоивалъ.

Что касается до первоначальныхъ причинъ, побудившихъ меня ѣхать въ Грецію, то я не находилъ умѣстнымъ, да не нахожу и теперь, разоблачать семейныя тайны, послужившія поводомъ къ моему поступку. Не скрою однако отъ вашего превосходительства, что меня сильно возбуждали вѣсти о воинскихъ подвигахъ нашихъ единовѣрцевъ, и я не былъ равнодушенъ при мысли о томъ, что въ этой завлекательной борьбѣ приняли участіе лица изъ всѣхъ образованныхъ народовъ міра, но не было ни одного ратоборца изъ Русскихъ. Не скрою также, что рѣшеніе мое было ускорено нѣкоторыми несприятностями, мною испытанными на роднѣ въ военной службѣ, на которой я состоялъ. И такъ, настоящимъ побужденіемъ къ моему прибытію въ здѣшнюю страну было (я не долженъ болѣе скромничать) чувство народной чести. Мнѣ хотѣлось избавить мою родину отъ нареканія въ томъ, что ни одинъ изъ сыновъ ея не явился по доброй волѣ на помощь къ своимъ собратіямъ о Христѣ; и, недорожа своимъ существованіемъ, я льстилъ себя надеждою, что кончу его честнымъ образомъ.

По прибытіи его сіятельства г. президента, мнѣ послѣдовательно было поручаемо начальство надъ разными укрѣпленіями Наполи-ди-Романіи, а именно сначала Ичь-Кале, а потомъ Паламиди. Неся эту службу, я не уклонился однако въ должное время отъ формальностей, предписываемыхъ нашими уставленіями и обратился къ г. коллежскому совѣтнику Власопуло (какъ единственному тогда чиновнику въ здѣшнихъ мѣстахъ) съ бумагою, въ которой заявлялъ о принятіи на себя должности, и прося довести о томъ до свѣдѣнія начальства, обязывался въ случаѣ неодобренія съ его стороны оставить эту должность. На эту бумагу я никогда не получилъ отвѣта, и принялъ таковое молчаніе если не за одобреніе, то по

крайней мѣрѣ за знакъ того, что поведенію моему не придаютъ никакого особаго значенія.

Вотъ, ваше превосходительство, краткое, но совѣстливое изложеніе всего случившагося. Извольте судить, заслуживаю ли и постигшей меня немилости. Еще разъ свидѣтельству о чистотѣ и правотѣ моихъ побужденій, и отъ справедливости вашей позволяю себѣ ожидать, что вы не поставите себѣ въ трудъ защитить меня противъ клеветы и недоброжелательства, дѣйствию коихъ и исключительно приписываю мое несчастье. Если же еще въ чемъ либо обвиняютъ меня, я желаю знать о томъ, но не лишая себя надежды оправдаться.

Что касается до поведенія моего и моей жизни, какъ частной, такъ и публичной, то еще разъ ссылаюсь на свидѣтельство его сіятельства г. президента, и по тѣмъ знакамъ благоволенія, коими онъ меня удостоиваетъ, смѣю думать, что свидѣтельство это будетъ въ мою пользу. Имѣю честь быть и пр. Н. Райко. Наполл-ди-Романія 15 (27) мая 1831.

## II.

*Lettre de monsieur le comte Capodistrias, président de la Grèce, à monsieur de Benkendorff, aide-de-camp général de sa majesté l'empereur de Russie.*

Si j'ose, mon général, me rappeler à votre souvenir, et vous adresser la présente, c'est qu'il m'est impossible de me refuser la satisfaction d'exercer un acte de stricte justice envers m-r Rayko, aujourd'hui lieutenant-colonel au service de la Grèce.

Il prend la liberté de vous adresser lui même la lettre ci-jointe, et il est de mon devoir de l'accompagner des vœux que je forme très sincèrement, pour que vous veuillez accueillir ceux qu'il vous exprime, et les porter aux

pieds de l'empereur. J'aime à espérer que s. m. i. daignera les exaucer, et je serais heureux d'y contribuer par le témoignage que je vous donne en bonne conscience de m-r Rayko.

A mon arrivée en Grèce je l'ai trouvé jouissant de l'estime des hommes de bien, et ne se mêlant nullement avec les faiseurs de différens pays, qui ont fait et font encore beaucoup souffrir cette malheureuse nation. Le bon et honnête colonel Heideck, Bavaois qui m'aïda alors en gerant en quelque sorte les fonctions de ministre de la guerre, me proposa m-r Rayko d'abord pour commander Ich-Kalé, plus tard Palamidy, et enfin Patras et le Château-de-Morée. Dans toutes ces situations, et dans l'espace de 3 ans il a complètement justifié l'attente du gouvernement. Les sentiments honorables dont il a fait preuve en différentes occasions, et en général sa noble et sage conduite, lui ont valu aussi la confiance entière du gouvernement et l'affection du pays.

M-r Rayko est un homme doux et ferme qui entend parfaitement bien ce que c'est que le devoir, et qui met infiniment de zèle à remplir ceux qu'il contracte avec loyauté. Je ne lui connois aucun des travers d'esprit et de coeur, qui rendent de nos jours très dangereux les hommes les plus capables, et dans ce dernier temps, j'ai eu assez souvent l'occasion de me convaincre de la justesse de son esprit et de la pureté de son coeur.

S'il pouvait donc lui convenir de se fixer en Grèce, assurément qu'il rendrait un grand service au pays et au gouvernement; cependant des affaires de famille l'appellent en Russie et plus que ces affaires ce qui l'appelle plus particulièrement c'est le besoin qu'il a de savoir qu'il n'est pas exilé.

Veillez donc, mon général, lui procurer cette conviction, et je vous le repète, telle est la bonne opinion que j'ai du caractère de m-r Rayko, que je n'hésite pas à en répondre à s. m. i. comme j'oserais lui répondre de moi-même.

J'espère que vous me ferez honneur de me donner un mot de réponse. J'en dois une à m-r Rayko, qui en attendant, reste auprès de moi.

Je vous prie de mettre aux pieds de s. m. l'hommage de mon respect et de mon dévouement et d'agréer vous même l'expression de tous les sentiments que je vous ai voués.

Nauplie le 19<sup>me</sup> mai 1831.

(Signé: J. A. Capodistrius.)

**Письмо президента Греции графа Каподистрии къ (гр.) Бенкендорфу, генералъ-адъютанту его величества Россійскаго императора.**

Принимая смѣлость напомнить о себѣ вашему превосходительству и посылая къ вамъ настоящія строки, и повинуюсь приятной для меня необходимости воздать должную справедливость господину Райку, состоящему нынѣ подполковникомъ въ Греческой службѣ.

Онъ рѣшается самъ обратиться къ вамъ съ прилагаемымъ письмомъ, и я почитаю своимъ долгомъ сопроводить оное выраженіемъ искреннихъ моихъ пожеланій, чтобы вы изволили обратить вниманіе на его просьбу и повергли ее къ стопамъ императора. Мнѣ пріятно надѣяться, что его императорское величество вонметъ этой просьбѣ, и я былъ бы счастливъ, если бы могъ содѣйствовать тому моимъ, по чистой совѣсти даннымъ, отзывомъ о г-нѣ Райкѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Грецію, онъ уже пользовался уваженіемъ людей благонамѣренныхъ и отнюдь не принималъ

участія въ проискахъ людей, которые появляются изъ разныхъ странъ и которые надѣлали и еще дѣлаютъ столько зла здѣшней несчастной націи. Добрый и честный Баварецъ, полковникъ Гейдекъ, помогавшій мнѣ въ то время и исправлявшій въ нѣкоторомъ родѣ должность военнаго министра, предложилъ мнѣ г-на Райка сначала въ коменданты укрѣпленія Ичь-Кале; въ послѣдствіе ему ввѣрены были Паламиди, а напослѣдокъ Патрасъ и Морейскій замокъ. Во всѣхъ этихъ должностяхъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, онъ вполне оправдалъ ожиданія правительства. Честными свойствами своими, обнаруженными въ различныхъ случаяхъ и вообще благороднымъ и благоразумнымъ поведеніемъ онъ спускалъ себѣ совершенную довѣренность правительства и любовь страны.

Господинъ Райко человекъ смиренный и твердый. Онъ вполне сознаетъ, что такое значить долгъ, и съ чрезвычайнымъ усердіемъ и честностью исполняетъ принятые на себя обязанности. Я вовсе не знаю за нимъ тѣхъ увлеченій ума и сердца, благодаря которымъ въ наши дни самые способные люди бываютъ весьма опасными; а въ послѣднее время представилось нѣсколько случаевъ, убѣдившихъ меня въ его разсудительности и чистосердечіи.

Конечно, если бы онъ счелъ для себя удобнымъ поселиться совсѣмъ въ Греціи, то тѣмъ оказалъ бы великую услугу странѣ и правительству; но семейныя дѣла призываютъ его въ Россію, и кромѣ этихъ дѣлъ, главнѣйшимъ по его словамъ побужденіемъ къ возврату, есть необходимость убѣдиться въ томъ, что онъ не изгнанникъ.

Благоволите, ваше превосходительство, убѣдить его въ томъ. Повторяю: я такъ увѣренъ въ характерѣ г. Райка, что не обинуюсь ручаюсь за него передъ его императорскимъ величествомъ, какъ бы принялъ смѣлость ручаться за самого себя.

Надѣюсь, что вы изволите почтить меня нѣсколькими строками отвѣта. Я

долженъ сообщить ихъ г-ну Райку, который, въ ожиданіи онаго, остается при мнѣ.

Прошу повергнуть къ стонамъ его величества данъ моего почтенія и преданности, и примите сами изъявленіе моихъ чувствъ и пр.

(Подписано: И. А. Каподистрія.)

Навплія, 19 (31) мая 1831.

## КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

### I.

*Мысль въ Россіи во время бракосочетанія Цесаревича*, соч. Диси (A Month in Russia during the Marriage of the Czarevitch by Edward Dicy. London 1867. Macmillan et Co). Авторъ, бывший спеціальнымъ военнымъ корреспондентомъ газеты *Times* въ Даніи, въ Германіи, въ Италіи, въ Польшѣ и въ Америкѣ, отправленъ былъ на сей разъ наблюдать Россію во время церемоній и праздниковъ по случаю бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича. Корреспонденціи его, собранныя потомъ въ отдѣльную книгу, казались особенно интересны для Англійской публики и отличаются, по отзыву критики, особенною живостью разказа и ясностью описаній. На пути въ Петербургъ онъ подробно описываетъ впечатлѣнія, произведенныя на него видами и первыми картинами Русскаго быта. Церемоніи и праздники придворные описаны имъ съ большими подробностями, и подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній. Петербургъ не понравился ему, утомилъ его однообразиемъ; *массивность*, поражающая взглядъ въ этомъ городѣ, по словамъ автора, не внушаетъ довѣрія и не веселитъ сердца. Совсѣмъ пыныя впечатлѣнія принесла ему Москва, отъ которой онъ въ восторгѣ. Кремль и Кремлевскіе виды онъ описываетъ съ энтузіазмомъ.

### II.

*The Land of Thor* (Страна Тора). Подъ этимъ заглавіемъ появилось въ Лондо-

нѣ сочиненіе Брауна (J. Ross Browne. Lond., Sampson Low. 1867) о путешествіи его въ сѣверные края Европы. По заглавію нужно предположить, что главное содержаніе книги относится къ Скандинавіи; но Скандинавія занимаетъ въ ней менѣе мѣста чѣмъ Россія, которая особенно интересовала автора, Американца по рожденію. Всего болѣе занимали его обѣ столицы — Петербургъ и Москва, которыя онъ описываетъ подробно, дѣлая частыя замѣчанія о социальныхъ явленіяхъ Русской жизни и о народномъ характерѣ. Путешественника сильно поражаетъ различіе, замѣченное имъ въ нравахъ и обычаяхъ простаго народа въ Россіи сравнительно съ Германіей, которую онъ передъ тѣмъ проѣхалъ. Въ Петербургѣ ему казалось, что простой народъ въ Россіи болѣе чѣмъ всякой другой, походитъ на Американцевъ своею вольностью въ обращеніи. „Они дѣлаютъ что хотятъ, занимаются торгами и промыслами кому, что полюбится, поднимаютъ шумъ когда вздумаютъ, нерѣдко бьютъ пыны, дерутся между собою, ложатся на траву, подъ деревья, когда чувствуютъ усталость, веселятся не стѣсняясь, сколько душѣ угодно, въ публичныхъ мѣстахъ и нисколько не думаютъ о полиціи, пока полиція оставляетъ ихъ въ покоѣ“. Эти смутныя черты сходства, которыя, по правдѣ сказать, найдешь у какаго угодно народа съ какимъ угодно народомъ, приводятъ автора между прочимъ къ слѣдующему заключенію: „Мнѣ показалось, что въ этомъ народѣ должно быть природное демократическое свойство: нѣтъ никакого сомнѣнія, что у нихъ больше свободы и непринужденности въ обращеніи, больше грубости въ одеждѣ, больше независимости по вышнему виду, чѣмъ у всякаго другаго народа, какой мнѣ удавалось видѣть во время своего путешествія. Въ добавокъ, они не отличаются опрятностью и любятъ пить“. Въ устахъ Американца это похвальный отзывъ; но отъ такихъ похвалъ едва ли всякому поздоровится.

## III.

*Mémoires sur la chevalière d'Eon* par Fred. Guillardet. (Paris, Dentu). Это сочинение, написанное въ видѣ романа и не имѣющее серьезнаго значенія для науки, по содержанію своему относится къ событіямъ, касающимся Русской исторіи XVIII вѣка. Оно повѣствуетъ о походахъ французскаго авантюриста, кавалера д'Эонъ. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ нѣкто де Бомонъ, родившійся въ Бургони въ 1725 году. Въ Парижскомъ Collège Mazarin, гдѣ онъ получилъ образованіе, онъ обратилъ на себя вниманіе блестящими способностями. Отличительнымъ свойствомъ его была необыкновенная женственность фізіономіи, и это свойство дало мысль французскому правительству отправить его, подъ видомъ женщины—*La chevalière d'Eon*—въ Россію, для политическихъ цѣлей. Порученіе, данное ему, было не маловажно—устроить бракъ принца де-Конта съ императрицею Елизаветою. Дѣйствовать онъ долженъ былъ всякими тайными средствами—связями, угощеніемъ, подкупомъ, интригой между придворными и искусною лестью въ отношеніи къ самой императрицѣ. Ловкій авантюристъ, явившись въ Россію, успѣлъ будто бы вскорѣ получить мѣсто лектрисы при императрицѣ и удачно вкрался въ ея довѣренность, дѣйствуя по шифрованнымъ инструкціямъ, получаемымъ отъ французскаго двора; но внутреннія интриги того же двора перервали ходъ дѣла. Всесильная г-жа Помпадуръ, поссорившись съ принцемъ де-Конта, разрушила и планъ, задуманный въ пользу его. Д'Эонъ долженъ былъ оставить Россію. Въ послѣдствіи французское правительство употребляло его въ Анліи для секретныхъ порученій; но вскорѣ отозвало его и изъ Анліи, гдѣ онъ навлекъ на себя подозрѣніе двусмысленными дѣйствіями. Говорятъ, что французское министерство, во избѣжаніе скандала, принудило бывшаго своего агента носить до конца женское платье.

## IV.

*Sketches of Russian Life before and after the Emancipation of the Serfs.* Edited by Prof. Morley. London. 1866. Chapman and Hall. (Очерки Русской жизни прежде и послѣ освобожденія крестьянъ). Подъ этимъ названіемъ професс. Морли издалъ записки одного Англичанина, прожившаго 15 лѣтъ въ Россіи и имѣвшаго возможность ознакомиться со всѣми классами русскаго общества, преимущественно въ столицахъ.—По отзыву критиковъ, сочиненіе очень занимательно, изложеніе отличается живостью, и издатель ручается за добросовѣстность и вѣрность описаній и разсказовъ.

## V.

*The Russian Government in Poland. With a Narrative of the Polist Insurrection of 1863.* By William Anselm Day. Lond. 1866. Longman. (Русское управленіе въ Польшѣ, съ разсказомъ о Польскомъ мятежѣ 1863 года). Авторъ, г. Дз, издалъ эту книгу съ цѣлю высказать англійской публикѣ истину о Польшѣ и о польскомъ возстаніи—истину, которую, какъ извѣстно, немногіе могли и хотѣли высказывать объ этомъ предметѣ, въ иностранной литературѣ. Авторъ принадлежитъ къ защитникамъ русскаго правительства, и сочиненіе его благопріятно для Россіи и для русской политики въ Польшѣ. Оправдывая и объясняя военныя дѣйствія и дѣйствія русской администраціи въ Польшѣ за послѣдніе годы, онъ въ тоже время отзывается съ негодованіемъ о русскомъ управленіи предыдущаго царствованія. Стараясь быть безпристрастнымъ относительно Россіи, онъ выставляетъ дѣйствія повстанцевъ и народоваго жонда въ невыгодномъ свѣтѣ для польскаго дѣла. Поэтому естественно, что книга г. Дз встрѣчена была несовсѣмъ благопріятными отзывами въ журналистикѣ, поставившей себѣ задачей оправдать польское дѣло и осудить русскую политику во что бы то ни стало.

## VI.

*Deux années de Mission à St.-Petersbourg. Manuscrits, lettres et documents historiques écrits de France en 1789.* Par le Comte Hector de la Ferrière. Paris. 1867. (Два года должностнаго пребыванія въ Петербургѣ. Рукописи, письма и историческіе документы, вывезенные изъ Франціи въ 1789 году). Подъ этимъ титуломъ г. Де ла Феррьеръ напечаталъ подробное обзорніе своихъ розысканій въ Императорской Публичной Библиотекѣ по исторіи Франціи, для которой наша библиотека содержитъ въ себѣ много драгоценныхъ матеріаловъ. Г. Феррьеръ нашелъ здѣсь между прочимъ до 500 писемъ Катерины Медичи, 64 письма Жанны д'Альбрэ, 42 письма Маргариты Валуа, много любопытныхъ писемъ Мазарини, письма Монлюка, записки о домашней жизни Елизаветы Валуа, жены Филиппа II, и проч. Копіи со всѣхъ этихъ актовъ отосланы имъ во Францію, а въ настоящей книгѣ онъ помѣстилъ только общее обзорніе трудовъ своихъ и множество выписокъ изъ интересныхъ документовъ. Авторъ оканчиваетъ предисловіе къ своей книгѣ слѣдующими словами: „Le dernier mot n'est pas dit sur la Russie. Si jamais j'en ai la force et la liberté, j'espère bien y retourner une dernière fois. Il y a là des gisements d'or merveilleux à exploiter: il suffit d'avoir la main heureuse, la volonté et la possibilité de chercher“(\*).

## VII.

Другому французскому ученому г. Лескюру посчастливилось найти въ Императорской Публичной библиотекѣ драгоценные матеріалы для исторіи Маріи Антуанеты и французскаго двора при Людовикѣ XVI. Въ концѣ 1866 года онъ издалъ эти матеріалы подъ заглавіемъ: Секретная переписка о Людовикѣ XVI,

(\*). Т. е. о Россіи еще не сказано послѣдняго слова. Еслибы со временемъ у меня достало силъ и свободы, я не лишаю себя надежды возвратиться къ ней напоследокъ. Въ ней можно разрабатывать залежи удивительнаго золота: стоятъ только имѣть для того искусныя руки, волю и возможность.

## II. 6.

Маріи Антуанетъ, о придворной и городской жизни (*Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville. 1777—1792*). Эти документы, состоящіе по большей части изъ писемъ, приобрѣтены были по всей вѣроятности случайно, въ революціонную эпоху, когда множество историческихъ документовъ перешло въ частныя руки, и хранились первоначально въ Варшавской библиотекѣ, а оттуда перевезены въ Петербургскую въ 1795 году. Письма эти большею частью серьезнаго содержанія, писаны повидимому лицомъ, близко знавшимъ политическія обстоятельства, дѣятелей и общественную жизнь тогдашняго времени, и составляютъ, по отзыву знатоковъ, весьма важный матеріалъ для исторіи того времени.

## VIII.

Въ Парижѣ появились три тома рѣчей и проповѣдей митрополита Московскаго Филарета, въ переводѣ г. Серпинѣ (*Choix de sermons et discours de M-gr Philarète, metropolitite de Moscou, traduits du russe par M. Serpinet Paris. Dentu*)

Говорить, что книга эта издана на счетъ одного изъ Русскихъ, высоко чтущихъ краснорѣчіе покойнаго архипастыря; но къ сожалѣнію переводъ нельзя назвать удовлетворительнымъ, такъ что иностранцы едва ли могутъ, руководствуясь имъ, составить себѣ точное понятіе о глубинѣ мысли и силѣ слова, которыми отличаются сочиненія высокопреосв. Филарета. Замѣчательно, что по поводу этой книги извѣстный франц. публицистъ Шарль де Мазадъ, не пропускающій ни одного случая къ нападкамъ на Россію и на все Русское, помѣстилъ въ *Revue de deux Mondes* 1867 года статейку, въ которой глумится надъ нашимъ духовенствомъ, очевидно не давъ себѣ труда познакомиться съ книгою, которую будто бы разбираеть.

\*

—Другой французъ, Г. Шарль Пароэ издалъ въ Парижѣ переводъ Басенъ Крылова, французскими стихами (*Fables Крылова, французскими стихами*)  
русскій архивъ 1868. 11

de Krilof, traduites en vers français par Charles Parfait. Paris, Plon. 1867). Говорятъ, что переводъ сдѣланъ весьма тщательно и изящно.

\*

— Въ Лейпцигѣ напечатанъ у Фосса переводъ диссертациі Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ (Untersuchungen über die Kasimof-schen Zaren und Zarevitsche, uebersetzt von Zenker.)

\*

— Въ Берлинѣ, у Дункера, напечатана книга: Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth Petrowna, nach den Akten des kais. russischen Reichsarchivs. Berl. 1867. (Мнимая дочь императрицы Елисаветы Петровны). Книга эта содержитъ въ себѣ переводъ записки, съ приложеніями, относительно извѣстной княжны Таракановой, записки, помѣщенной въ Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. Россійскихъ, съ добавленіями противъ изданныхъ въ Россіи актовъ. Нѣмецкій переводъ изданъ, какъ объясняетъ переводчикъ въ предисловіи, для того, чтобы положить конецъ за границею всѣмъ баснямъ, которые до сихъ поръ распространялись въ публикѣ писателями, не имѣвшими въ виду историческихъ документовъ.

\*

Въ Готѣ, у Пертеса, напечатаны собранные проф. Германомъ документы дипломатической переписки, относящейся до раздѣла Польши и до коалиціи, которую императрица Екатерина II старалась возбудить противъ Франціи (Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit 1791 — 1797). Эти документы извлечены по большей части изъ Лондонскаго собранія государственныхъ бумагъ — English State-paper-office.

\*

— Въ числѣ бумагъ и писемъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ томахъ извѣстнаго собранія документовъ, оставшихся послѣ Фарнгагена фонъ Энзе (Aus Dem Nachlasse Varnhagens von Ense. 2 Bände Leipzig. 1867) напечатано любопытное письмо графа Палена, бывшаго Петербург-

скимъ генералъ губернаторомъ въ годъ кончины императора Павла I.

## IX.

Съ 1867 года появился во Франціи журналъ, издатель коего носитъ русское имя. Философское ученье Огюста Конта, пріобрѣтшее въ послѣднее время такую извѣстность подъ названіемъ *позитивизма*, не имѣло до сихъ поръ особаго органа въ периодической печати. Органъ этотъ существуетъ наконецъ въ видѣ ежемѣсячнаго изданія подъ титуломъ: *La Philosophie positive*; главнымъ редакторомъ — извѣстный французскій ученый Литтре, а помощникъ его г. Вырубовъ, русскій дворянинъ, проживающій въ Парижѣ (статьи Вырубова о Дж. Ст. Миллѣ появлялись недавно во французскихъ журналахъ).

## X.

Въ послѣднее время появилось въ иностранной литературѣ довольно много переводовъ повѣстей И. С. Тургенева, и критика отзывается объ нихъ съ особенной похвалою. *Дворянское Гильдо* (во франц. переводѣ Une niché de gentilshommes), послѣ Записокъ Охотника — всего болѣе понравилось читателямъ. Въ 1863 году въ Парижѣ изданъ очень хорошій переводъ повѣсти: *Отцы и Дети*, а въ 1867-мъ въ Лондонѣ напечатанъ переводъ той же повѣсти (Fathers and Sons), сдѣланный повидимому съ французскаго перевода, г. Шюйдеромъ. Въ журналѣ Le Correspondant 1867 года появился *Дымъ* — La Fumée. Вообще г. Тургеневу посчастливилось болѣе чѣмъ другимъ русскимъ писателямъ въ хорошихъ переводчикахъ; правда, что въ послѣднее время переводы его повѣстей болѣею частью издаются съ просмотромъ и одобреніемъ автора. *Записки Охотника* имѣются уже въ нѣмецкомъ переводѣ, въ двухъ переводахъ французскихъ, а по англійски изданы въ передѣлкѣ г. Микльджона (Meiklejohn) подъ названіемъ *Russian life in the Interior*. Но одинъ изъ французскихъ переводовъ этой книги,



изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. *Шарриеромъ*, можетъ служить курьознымъ образомъ французской манеры исправлять оригинальный текстъ по вкусу переводчика. Такъ напр. гдѣ у Тургенева сказано просто: я побѣждалъ, переводчикъ его выражается такъ: „je m'enfuis d'une fuite éfarée, échouée, comme si j'eusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres commandée par des sorcières„. Незная русскаго языка, переводчикъ не стѣсняясь своимъ незнаніемъ; но пускалъ въ ходъ фантазію свою тамъ, гдѣ не могъ понять слова или фразы такъ напр. на словѣ *аранникъ*, переводчикъ вспомнилъ *арана*, и ввелъ *чернаго* невольника въ картину русской жизни.

Кстати о Тургеневѣ. Корреспонденты изъ Бадена съ восторгомъ отзываются о представленіи новой оперы, для которой либретто написано Тургеневымъ, а музыка г-жею Віардо. Представленіе это доступно было немногимъ, потому что происходило въ комнатахъ г-жи Віардо, на ея виллѣ близъ Бадена, и зрителями были немногіе приглашенные. Сюжетъ оперы взятъ изъ волшебной сказки, либретто написано, судя по отзывамъ, съ обычнымъ талантомъ Тургенева; говорятъ, въ немъ много чувства, поэзіи и юмору.

### XI.

Въ англійскомъ журналѣ *Athenaeum* за 1867 годъ (4, 11 мая и 15 іюня) помѣщена довольно курьозная переписка о русскомъ языкѣ между анонимными корреспондентами, изъ коихъ одинъ подписывался: *Русскій языкъ*, а другой *Англійскій языкъ*. Нѣкто, — вѣроятно одинъ изъ Русскихъ, проживающихъ въ Лондонѣ, возмущенъ былъ, на одномъ изъ книжныхъ аукціоновъ, титулами русскихъ книгъ, которыя значились въ каталогѣ въ самомъ варварскомъ видѣ; напр. вмѣсто слова „Сочиненіе“ поставлено было *Сочиненіе*; вмѣсто „Чтеніе въ бесѣдѣ“ стояло: *Stehie be Vecsab*—и т. под. Это побудило русскаго человѣка послать въ редакцію *Athenaeum* письмо въ видѣ протеста отъ имени русскаго языка. „Въ вашей просвѣщенной странѣ — говоритъ

Русскій языкъ — меня встрѣчаютъ съ презрѣніемъ, холоднѣе тѣхъ ледяныхъ пустынь, въ которыхъ я обитаю. Между вашими соотечественниками, если только вспоминаютъ обо мнѣ, то съ презрѣніемъ или съ клеветою. Чистота и древность у меня одинаковая съ инеогерманскими источниками, отъ которыхъ я веду происхожденіе, а меня вообще считаютъ у васъ какимъ-то Туранскимъ проходимцемъ, какимъ-то ублюдкомъ Монгольскаго племени. Кто близко знакомъ со мною, знаетъ мое богатство и развитіе, а на меня здѣсь смотрятъ какъ на скудное и необработанное нарѣчіе. Друзья мои знаютъ, какъ я сладкозвученъ, а у васъ называютъ меня грубымъ и суровымъ. Всего хуже, что считаютъ меня безплоднымъ, несмотря на богатую жатву, которую я всякой годъ собираю съ гордостью, считаютъ варварскимъ и необразованнымъ, не смотря на сердечный пріемъ, который я дѣлаю съ давнихъ поръ лучшимъ вашимъ писателямъ, коихъ имена и произведенія нерѣдко пользуются въ Петербургѣ не меньшею извѣстностью, чѣмъ въ Лондонѣ. И совсѣмъ тѣмъ здѣсь у васъ я не только не въ чести, но подвергаюсь оскорбленіямъ“.

На этотъ протестъ появился слѣдующій отвѣтъ отъ имени Англійскаго языка. Русскій языкъ, смѣю сказать, пользуется у насъ въ Англіи пріемомъ соотвѣтствующимъ тому положенію, которое онъ самъ себѣ устроилъ. Развѣ нашъ Англійскій языкъ не самъ прокладывалъ себѣ дорогу, развивая свой нарѣчія, распространяя свои идеи по всему міру въ теченіе столѣтій? У него всѣ входы и выходы оставались незаперты для всякаго. Нашъ языкъ самъ искалъ себѣ извѣстности въ мірѣ, а про Русскій языкъ развѣ можно сказать тоже самое? Ходячее понятіе о Русскомъ языкѣ такое, что онъ языкъ трудный, отличается своей исключительностью и варварскимъ видомъ буквъ. Развѣ не правда, что иностранные языки встрѣчаютъ величайшія затрудненія и всевозможныя препятствія, когда при-

ходится имъ проникать въ Россію? И если теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились, отчего происходитъ общее мнѣніе о существованіи всѣхъ этихъ затрудненій? Пусть Русскій языкъ дѣйствуетъ также какъ дѣйствуютъ Французскій и Англійскіе языки: тогда не будетъ причины жаловаться. Развитие Нѣмецкаго языка замедлилось на множество лѣтъ отъ того, что онъ упорно держался своихъ безобразныхъ и неудобныхъ буквъ, пока наконецъ онъ съ ними разстался. И Англійскому языку будетъ чрезвычайно пріятно, если Русскій братъ его броситъ свою варварскую азбуку\*.

Этотъ отвѣтъ не остался безъ возраженія съ русской стороны. „Языкъ — говорить возражатель — не слѣдуетъ смѣшивать съ надіей, и Русскому языку нельзя поставить въ вину, что онъ не распространяетъ свои идеи по вселенной; — это дѣло не языка, а народа. Русскій языкъ нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ не давалъ у себя гостепріимства иностраннымъ языкамъ: напротивъ того, въ Русскій языкъ вошло до 10000 словъ иностранныхъ, и русское общество, болѣе чѣмъ всякое другое, усваиваетъ себѣ иностранные языки въ разговорной рѣчи“. Эта часть возраженія съ русской стороны очень слаба; но далѣе, возражая противъ отзыва о русской азбукѣ, представитель Русскаго языка справедливо замѣчаетъ, что называть нашу азбуку варварскою можетъ развѣ тотъ, кто не имѣетъ объ ней понятія. „Наши буквы, заимствованныя изъ греческой азбуки и частью изъ армянскихъ и коптскихъ источниковъ, съ удивительною вѣрностью подходятъ подъ звуки народной рѣчи. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ принятъ алфавитъ латинскій; но развѣ это обстоятельство повело къ сближенію англійскаго языка съ польскимъ, чешскимъ, кroatскимъ и пр. и сблизило Англичанъ ближе ознакомиться съ языкомъ этихъ племенъ? Притомъ и для нихъ самихъ очевидны многія невыгоды отъ принятія латинскаго алфавита. Многіе звуки ихъ рѣчи могутъ быть выражены не иначе какъ

посредствомъ страннаго и оскорбительнаго для слуха сочетанія буквъ. Одна русская буква *щ* въ нашей Кириллицѣ выражается въ своемъ тевтонскомъ нарядѣ безобразнымъ сочетаніемъ цѣлыхъ семи буквъ и звуковъ: *schtsch*“.

## XII.

*Русскій Портретъ.* (Un portrait russe, l'oeuvre et le livre d'une femme, de M-me Bagréef Speranski, par Vicor Duret 1867). Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Лейпцигѣ у Брокгауза біографія извѣстной дочери гр. Сперанскаго, Багреевой-Сперанской, жившей съ 1850 года за границей и скончавшейся въ Вѣнѣ въ 1837 г. Авторъ, г. Дюрё, рассказываетъ, въ пяти главахъ, безъ замѣчательнаго таланта, исторію жизни и сочиненій г-жи Багреевой. Остальная часть книги занята подробнымъ описаніемъ сочиненій Багреевой, напечатанныхъ при жизни ея и оставшихся въ рукописи послѣ ея смерти. Вотъ этотъ списокъ, *Христіанскія размышленія* (Meditations chrétiennes) издано въ Вѣнѣ въ 1853 года. Поводомъ къ настроенію писательницы, вызвавшему эти размышленія о молитвѣ и о блаженствахъ Евангельскихъ, послужили огорченія, болѣзни и семейныя разстройства, по случаю коихъ она оставила Россію. Это было первое печатное сочиненіе Багреевой на франц. языкѣ. Ранѣе, именно въ 1828 году, она напечатана въ Россіи, по русски, небольшую книгу: Чтеніе для малолѣтнихъ дѣтей, и къ 1829 году относится небольшая повѣсть ея остающаяся въ рукописи: Un mariage pendant un cobillon. За „Размышленіями“ послѣдовали:

*Русскіе поклонники въ Иерусалимѣ* (Les pelerins russes à Jerusalem), въ 2 томахъ. Врх. 1854 и 2-е изд. 1857 г. Здѣсь помѣщены, въ слѣдъ за пространнымъ введеніемъ, въ которомъ описываются нравы простаго народа въ Россіи двѣ повѣсти: *Ночь на Голгофѣ* (Une nuit au Golgoffa) и *Афонскій Монахъ* (Le moine du mont Athos).

*Воспоминанія о путешествіи на Востоковъ* (Souvenir d'un voyage en Orient. 1854)— рукопись.

*Венгерская корона* (Le couronne de Hongrie. 1854) повѣсть, въ рукописи.

*Письмо о Кіевѣ* (Lettres sur Kieff. 1854) рукопись.

*Козачій Царь* (Un Tzar des Cosaques) Трагедія напечатанная въ Прагѣ, у кнгопр. Гаазе въ 1855 г. Сюжетъ взятъ изъ Пугачевщины.

*Последніе часы жизни импер. Николая I.* (Les dernières heures de L'empereur Nicolas. Leipzig. 1855).

*Дочь старовъра* (La fille du Starower) Повѣсть напечатанная въ журналѣ Revue de deux Mondes 1856 г. и въ томъ же году изданная въ Брюсселѣ, вмѣстѣ съ другой повѣстью: *Хенія* (Henia ou les deux rêves)

*Прина* (Yrène) и *Старушка съ ворономъ* (La vieille et son corbeau) двѣ повѣсти, изданныя въ Брюсселѣ. 1857.

*Восторженные* (Les exaltés) *Влюбленный старикъ* (Le vieillard amoureux) и *Вертящіеся столы* (Les tables tournantes) — повѣсти въ рукописи.

*Невскіе острова* (Les îles de la Nawa) Brux. 1858.

*Тунгузское семейство* (Une famille Tongouse Bruxelles 1856). Повѣсть.

*Le premier Romanoff* (Первый изъ Романовыхъ). Трагедія, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ рукописи.

*Письмо о деревенской жизни помѣщика въ Украинѣ* (Vie de château en Ukraine. Brux. 1857. 1861)

Наконецъ послѣднее сочиненіе Багрѣвой *Книга женщины* (Le livre d'une femme) въ первый разъ напечатано въ приложеніи къ книгѣ Г. Дюрё. Оно содержитъ въ себѣ отдѣльныя мысли, распространенныя по предметамъ философскаго и религіознаго содержанія. Оно дѣлится на 3 части: 1. Aphorismes et pensées détachées. 2. Aperçus philosophiques. 3. Méditations religieuses.

### XIII.

Въ Вѣнѣ вышелъ 3-й томъ издаваемой фонъ Арнетомъ Корреспонденціи императора Іосифа II (Joseph der II und Maria Theresia, Corresp. Herausg. von. Arneth, 3. B. Wien. 1868). Этотъ томъ содержитъ въ

себѣ корреспонденцію, съ 1778 по 1780 годъ. Въ немъ, для Русской исторіи, примѣчательны письма Іосифа II къ матери и къ брату Леопольду, о впечатлѣніяхъ поѣздки его по Россіи съ Екатериною II, о Петербургѣ, Москвѣ, Царск. Селѣ и Петергофѣ. Въ выноскахъ помѣщено нѣсколько писемъ къ Іосифу и къ Маріи Терезіи отъ Екатерины II, отъ цесаревича и цесаревны.

### О

## ВЛІЯНІИ СМОЛЕНСКАГО БУЛЬВАРА

(въ Москвѣ)

## НА ПОРТУГАЛЬСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ

(въ Лисабонѣ).

*Nul n'est prophète dans son pays.*

Въ 1858 году, въ Лисабонѣ, нѣкто Да Силва (da Silva) сталъ издавать полный и подробный біо-библиографической словарь писателей на португальскомъ языкѣ—трудъ замѣчательный по изысканіямъ автора и по его тщательности и добросовѣстности.

Какъ давній любитель этого языка (¹) я подписался немедленно на эту книгу и получилъ постепенно пять томовъ, содержащихъ въ себѣ буквы А—М.

Въ 1861 году произошла остановка въ доставленіи мнѣ дальнѣйшихъ выпусковъ словаря. Не довѣряя отговоркамъ книгопродавцевъ, я написалъ господину Да Силва, лично мнѣ незнакомому, запросъ объ этой остановкѣ. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно изданіе остановилось за неимѣніемъ у него денежныхъ средствъ, что расходы огромны, а продажа идетъ туго, и что въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ ни Португальское, ни Бразильское правительство не оказываютъ ему никакой помощи. На его отвѣтъ послѣдовало отъ меня другое письмо: изложивъ въ общихъ словахъ мое мнѣ-

(¹) Московскій Вѣстникъ за 1827-ой годъ, часть IV-ая, страницы 63—70, статья: *Выписка о Португальской словесности.*

ніе о важности его труда для Португальцевъ и Бразильцевъ, я изъявлялъ удивленіе о холодности и правительствъ и палатъ этихъ двухъ одноязычныхъ странъ къ такому предпріятію.

Письмо мое было помѣщено въ статьѣ, напечатанной въ номерѣ 5895 (отъ 29 декабря 1861 года) газеты *Сентябрьская революція* (Revolução de Setembro). Вотъ какъ авторъ этой статьи, Тейейра де Васконсельсъ (Teixeira de Vasconcellos), приводитъ мое письмо:

„Господину Да Силва пишетъ отъ 21-го мая 1861 года изъ Москвы тамошній филологъ (?) и библиофилъ Соболевскій:

„Я имѣлъ высокое понятіе о просвѣщенной щедрости Португальскаго правительства, которое давало постоянно покойному моему другу Сантаремъ достаточныя способы для прекрасныхъ его изданій<sup>(?)</sup>. По этому примѣру, я доселѣ полагалъ, что оно и съ вами поступаетъ также касательно труда вашего еще болѣе значенія по множеству предметовъ, до которыхъ онъ касается. Нынѣ я удивленъ извѣстіемъ что ни Португалія, ни Бразилія не даютъ вамъ средствъ къ окончанію (безъ разоренія для васъ самихъ) сочиненія столь важнаго для славы и той и другой страны. Но если ни тамъ, ни сямъ инициатива не принята административными лицами, то какъ не изощла она отъ публики? Какъ могло случиться, что въ двухъ парламентахъ, хотя разъединенныхъ океаномъ, но гдѣ собраны преставители одной и той же, по языку, національности—не поднялось ни единого голоса на должную оцѣнку сочиненія, въ которое заносится память о лучшихъ лаврахъ

(?) Сантаремъ (Visconde de Santarem) издавалъ въ Парижѣ сочиненія о географическихъ подвигахъ Португальцевъ въ среднихъ вѣкахъ, изукрашенные картами, что требовало большихъ издержекъ. Въ Чертовской библиотекѣ находится изданная имъ въ facsimile знаменитая Планисфера, сочиненная въ 1460-мъ году по порученію Португальскаго короля Венеціанскимъ монахомъ Ега Маиго, которая весьма важна для насъ по странностямъ для того времени и точнымъ подробностямъ о Россіи и земляхъ, нынѣ Россіи принадлежащихъ.

„этого языка? И если ни одинъ голосъ не потребовалъ награды автору, то, по крайней мѣрѣ, какъ не потребовалъ никто для этого автора способъ окончить дѣло, начатое имъ безъ какихъ либо своекорыстныхъ видовъ и начатое столь удачно на славу всѣхъ тѣхъ, кто съ справедливою гордостію называетъ роднымъ языкомъ — языкъ Камосиша!

„Такое пренебреженіе къ вашему прекрасному труду, продолжаетъ знаменитый (illustre) филологъ Московскій, даетъ жалкое понятіе о вашихъ двухъ правительствахъ; но еще хуже приходится думать объ управляемыхъ ими націяхъ, то есть о патриотизмѣ или даже о степени просвѣщенія тѣхъ лицъ, кои избираются этими націями въ качествѣ своихъ представителей въ палаты.

„Это мнѣніе—мнѣніе ученаго (sabio) иностранца, судящаго о господинѣ Да Силва по его сочиненію, а объ насъ по тому, какъ мы цѣнимъ это сочиненіе. Всего ближе правительству наградить скромное достоинство и стереть съ своего лица и съ вашихъ лицъ слѣды стыда, произведеннаго на нихъ такими упреками, каковы упреки г-а Соболевскаго<sup>(?)</sup>.

Мѣсяца два послѣ напечатанія моего письма (его перепечатали многія тамошнія газеты), а именно 5-го марта 1862 года, въ Нижней Португальской палатѣ Торесъ Алмейда (Torres Almeida) заговорилъ о томъ же предметѣ. Вотъ слова его:

„Недавно извѣстный (distincto) филологъ (?) и библиофилъ, Московитъ Соболевскій, изъявилъ удивленіе о томъ, что въ двухъ парламентахъ, Португальскомъ и Бразильскомъ, не поднялось доселѣ ни одного голоса объ авторѣ *Библиографическаго Словаря писателей на Португальскомъ языкѣ*, если не съ требованіемъ ему награжденія, то по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы ему были даны средства кончить сочиненіе,

(?) Mas ao governo incumbem premiar o mercimento modesto e poupar as nossas faces e as suas a vergonha que causa a leitura de trechos, como os da carta do S-r Sobolewski.

начатое единственно для славы всѣхъ тѣхъ, кому языкъ Камоенша—родной! Наше пренебреженіе въ этомъ случаѣ даетъ ученому (sabio) Московиту жалкое понятіе о лицахъ, избирающихъ насъ своими представителями какъ въ той, такъ и въ другой странѣ. Сколь ни ѣдки его слова и сколь ни больно намъ слышать такой заслуженный упрекъ, но ни мало не берусь противорѣчить оному; а такъ какъ онъ былъ повторенъ во многихъ газетахъ и на обвиненіе не послѣдовало возраженія, — то я попрошу палату выслушать меня по этому предмету“.

Затѣмъ ораторъ краснорѣчиво изложилъ пользу и достоинство Библиографическаго Словаря и требовалъ, чтобы автору даны были средства къ окончанію его труда; рѣчь встрѣтили многими рукоплесканіями.

По окончаніи рѣчи Тореса Амеяда государственный секретарь (недавно опредѣленный къ мѣсту) сложилъ грѣхъ, какъ водится, на своихъ предшественниковъ, и объявилъ, что онъ немедленно исполнитъ желаемое.

Такъ дѣйствительно и случилось. Лисабонская оффиціальная газета (Diário da Lisboa), чуть ли не черезъ два дня, объявила что правительство подписалось на 700 экземпляровъ, какъ вышедшихъ, такъ и будущихъ томовъ Словаря, чѣмъ дава возможность продолжать это изданіе.

При концѣ послѣднихъ двухъ томовъ, шестаго и седьмаго, приложены авторомъ словаря перепечатки статей изъ газетъ и журналовъ Португальскихъ и Бразильскихъ о его книгѣ и ея изданіи; въ нихъ изложено подробно все вышесказанное.

И такъ завершеніе сочиненія: *Dictionario bibliographico portuguez, estudos de Innocencio Francisco da Silva, applicaveis a Portugal e ao Brasil*, заключеннаго нынѣ седьмымъ томомъ, произошло отъ толчка, даннаго этому дѣлу съ Смоленскаго бульвара! На западниковъ, гордящихся изстари своимъ просвѣщеніемъ, по-

дѣйствовалъ упрекъ, сдѣланный варваромъ—Московитомъ!

Какъ не сказать: *Nul n'est prophète dans son pays!*

СС.

8 Ноября 1867.

### ДОПОЛНЕНИЯ, ЗАМѢТКИ, ПОПРАВКИ.

Въ одномъ изъ Петербургскихъ поврежденныхъ изданій, по поводу писемъ В. А. Жуковскаго, напечатанныхъ въ XI-й тетради Русскаго Архива 1867 г., сказано между прочимъ, что въ письмахъ этихъ есть перерывы. Считаемо долгомъ заявить нашимъ читателямъ, что драгоценныя письма эти списаны нами лично, съ собственноручныхъ подлинниковъ и при напечатаніи ихъ не было сдѣлано никакого сокращенія или пропуска.

\*

Въ С. Петербургскихъ газетахъ было напечатано, что новая историческая хроника графа Льва Николаевича Толстаго *Война и Миръ* издана Чертковскою библиотекою. — Мы должны заявить, что это несправедливо. Изданіе этой книги принадлежитъ самому сочинителю, и библиотекарь Чертковской библиотеки (вслѣдствіе того, что сочинитель живетъ въ деревнѣ) завѣдывалъ только печатаніемъ.

\*

Въ русскомъ переводѣ писемъ князя А. Б. Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, напечатанныхъ въ первой тетради Русскаго Архива сего года, встрѣтилось нѣсколько неточностей.

—Стр. 38, строка 2 и 3 вмѣсто «которую вовсе не любятъ въ ея странѣ», слѣдуетъ: «которой вовсе не нравится жить въ ея родной странѣ».

—Стр. 40. Пропущено четыре предложенія противъ подлинника. Вотъ они: «Завтра поутру я снова въ

путь, только не въ Бартенштейнъ: я ѣду прямо въ Тильзитъ. Счастіе увидать тамъ послѣ завтра императора, заранѣе успокоиваетъ мою тревогу, происшедшую отъ полученнаго случайно на дорогѣ извѣстія о томъ, что онъ выѣхалъ изъ Бартенштейна въ Тильзитъ. Какъ бы я желалъ, чтобы въ Тильзитѣ, въ моемъ присутствіи, онъ получилъ извѣстіе о новой побѣдѣ, одержанной его войсками; ибо побѣда эта по истинѣ нужна болѣе чѣмъ когда либо».

\*

Въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній нашей исторической науки, мы должны указать на появившійся не давно «Сборникъ Русскаго историческаго общества». Эта книга, которая цѣлые десятки лѣтъ останется настольною у всякаго, занимающагося исторіею XVIII вѣка и преимущественно Екатерининскаго царствованія. Рядъ писемъ государыни къ графу А. Г. Орлову во время Морейской экспедиціи изображаетъ намъ всѣ подробности этого удивительнаго предпріятія. Письма Екатерины къ госпожѣ Жофренъ и принцу Нассау-Зигенъ, а также бумаги по сношеніямъ съ Римскимъ дворомъ — суть чистое историческое золото. Книга издана изящно и тщательно, съ примѣчаніями, переводами и указателемъ. Такимъ изданіямъ нечего сулить успѣха: они его пріобрѣтаютъ сами собою.

\*

## ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХИВА.

Исторія, по словамъ Карамзина, не любитъ именовать живыхъ, т. е. она не можетъ относиться, съ свойственнымъ ей безпристрастіемъ, къ дѣятелямъ современности. Это несомнѣнная истина. Но въ послѣднее время намъ пришлось убѣдиться на опытъ, что исторія не любитъ также и дѣятелей недавно почившихъ. Напечатанныя въ послѣдней тетради Русскаго Архива 1867 года выдержки изъ Записокъ Севастопольца возбудили — какъ говорятъ и пишутъ намъ съ разныхъ сторонъ — живѣйшее негодованіе. Считаемо не лишнимъ напомнить, что односторонность и исключительность этихъ Записокъ были нами же указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Мы съ своей стороны, обращаясь отъ старины къ современной минутѣ, можемъ только радоваться присылаемымъ заявленіямъ, какъ свидѣтельству живой любви къ народной славѣ. Но читатели помнятъ, что рассказъ Севастопольца оканчивается приготовленіями къ Альмской битвѣ; то что было дальше и что содѣлало особенно дорогими для Русскаго сердца имена Корнилова и Нахимова — остается еще въ рукописи.

**Чертковская библіотека открыта для бесплатнаго чтенія ежедневно отъ XI до III часовъ утра, кромѣ понедѣльника и дней праздничныхъ. Каталоги, предметный, азбучный и перечневой, предлагаются читателямъ.**

# ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

**ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ**

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ

**въ 1868 году**

ТОЮ ЖЕ РЕДАКЦІЕЙ, ВЪ ТѢ ЖЕ СРОКИ И ПО ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ, КАКЪ ВЪ 1867 ГОДУ.

---

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты та же, т. е.:

*За годъ* . . . 8 р.; съ пересылкою и доставкою. . . 10 р.  
*За полгода* . . . 5 р.; съ пересылкою и доставкою. . . 6 р.  
*Отдѣльный номеръ*, безъ пересылки и доставки . . . — „ 10 к.

*Православное духовенство и народныя училища въ Сѣверо-Западномъ краѣ платятъ за годовое изданіе Виленскаго Вѣстника, съ пересылкою* . . . . . 6 р.

Подписка принимается: 1) въ Вильнѣ, въ конторѣ редакціи, на Благовѣщенскій улицѣ, въ домѣ Квятковскаго. Контора открыта ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 2-хъ по полудни; 2) въ Вильнѣ же, въ книжномъ и нотномъ магазинѣ Г. П. Феннера на Большой улицѣ, въ домѣ учебнаго округа. Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, отдѣльные номера продаются въ книжномъ магазинѣ Г. Феннера.

Гг. иногородные подписчики, выславшіе въ этомъ году за газету 12 р., благоволятъ присылать на будущій годъ только 8 р. Иногородные съ своими требованіями адресуются: въ Редакцію „Виленскаго Вѣстника“, въ Вильну.

---

# ПОДПИСКА

НА

# РУССКІЙ АРХИВЪ

## 1868

(ГОДЪ ШЕСТОЙ)

принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ у А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **ШЕСТЬ** рублей.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотечку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1863 и 1864 по 5 р., 1865, 1866 и 1867 по 6 р. съ пересылкою. Желающіе получить *всѣ пять лѣтъ сразу* высылаютъ 25 рублей, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ,—платятъ съ пересылкою 30 р.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотечку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Англію* 8 р.; *въ Швейцарію и Италію* 9 р.

---

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартоновъ.**



ГОДЪ

ШЕСТЫЙ

# РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3.

П Р И

1868.

## ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

### СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма Государыни Императрицы *Маріи Феодоровны* къ двумъ младшимъ сыновьямъ (1814—1816) съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона *М. А. Корфа*.
2. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Біографическій очеркъ, сочиненіе *А. Б. Асланбегова*.
3. Письмо Адмирала *П. С. Нахимова* къ *Е. Т. Лазаревой* (въ Мартѣ 1855).
4. Записка *Инокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго о Римско-католической епархіи въ Херсонѣ, съ примѣчаніями *П. И. Савваитова*.
5. Выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю *П. А. Вяземскому*:
  - а) *В. А. Жуковскаго*.
  - б) *Сильвіо Пелико*.
  - в) Профессора *Баруффи*.
  - г) *Сергія Львовича Пушкина*.
  - д) *А. В. Кольцова*.
  - е) *И. П. Мятлева*, съ объяснительнымъ введеніемъ князя *П. А. Вяземскаго*.
6. Графъ *А. А. де Бальмень* (Русскій приставъ при первомъ Наполеонѣ на островѣ св. Елены), біографическій очеркъ.
7. Письмо императора *Александра Павловича* къ графинѣ Шарлотѣ де Бальмень (1824).
8. Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго*. Поѣздка въ Баку (1857).
9. Нѣсколько объяснительныхъ словъ графа *Л. Н. Толстаго* (по поводу сочиненія его: „Война и Миръ“).

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1868.

# ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ,

## ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

### КНИГА ПЕРВАЯ.

#### СОДЕРЖАНІЕ.

1. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся родителей и пріѣзда въ Россію Екатерины II-й. 1—44
2. Три циркулярныя указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія (о движеніяхъ Хана Крымскаго, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками, и о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ съ новыми свѣдѣніями объ этомъ заговорѣ, по современнымъ бумагамъ). 45—51
3. Переписка Екатерины II-й съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ. 52—162
  - а) Всеподданѣйшее мнѣніе князя Михайлы Волконскаго на данныя отъ Ея Императорскаго В—ства собственноручныя пункты [53 стр.].
  - б) Отвѣтныя письма князя М. Н. Волконскаго (о гр. Панинѣ) [97—98 стр.].
  - в) Отвѣтныя письма кн. М. Н. Волконскаго (о Пугачевѣ). [стр. 100, 103, 104, 105, 112, 115—117, 119, 123—124, 128, 130—131, 135 и 137.].
  - г) Отвѣты князя М. Н. Волконскаго, о разныхъ предметахъ. [стр. 109, 136 и 138.].
  - д) Донесенія князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его. [стр. 123—136].
  - е) Копія съ письма Яицкихъ Казаковъ къ гр. Г. Г. Орлову. [стр. 365].
  - ж) Копія съ даннаго Казакамъ отъ его свѣтлости, гр. Гр. Орлова, паспорта [стр. 366].

## СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ КЪ ДВУМЪ МЛАДШИМЪ ЕЯ СЫНОВЬЯМЪ.

Мы обязаны просвѣщенному ходатайству барона Модеста Андреевича Корфа, Всемиловѣйшимъ дозволеніемъ Государя Императора украсить Русскій Архивъ нижеслѣдующими письмами, составляющими одну изъ многоцѣнныхъ святынь въ семейной хроникѣ Русскаго Царственнаго дома.

Россия благоговѣйно помнитъ Государыню Императрицу Марію Теодоровну по ея общественно-благотворительной дѣятельности; но Ея личный образъ мыслей и подробности Ея семейныхъ отношеній были до сихъ поръ не многимъ извѣстны. Радуется счастливою возможностью занести въ нашу скромную историографическую лѣтопись эти письменные памятники материнскихъ чувствъ достойнѣйшей въ мірѣ женщины.

Введеніе, связующія объясненія и замѣтки въ выноскахъ принадлежатъ также барону М. А. Корфу. П. Б.

\*

Въ семейныхъ архивахъ Императорскаго нашего дома сохранились письма, которыми Императрица Марія Теодоровна благословляла обоихъ младшихъ своихъ сыновей, Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, при отправленіи ихъ, въ разныя эпохи, изъ-подъ родительскаго крова. Приведемъ изъ нихъ три, особенно замѣчательныя.

Въ 1814 году, по перенесеніи войны въ предѣлы Франціи, Государыня и Императоръ Александръ, уступая дав-

I.

нишимъ, горячимъ желаніямъ Николая и Михаила Павловичей, дозволили имъ слѣдовать за нашими войсками, хотя, впрочемъ, потомъ, отъ разныхъ замедленій, они достигли Парижа лишь тогда уже, когда все было кончено. Отпуская молодыхъ людей къ арміи, Императрица, такъ сказать, въ первый разъ, ставила ихъ на судъ свѣта, и притомъ въ одну изъ торжественнѣйшихъ минутъ новой Европы. Естественно, что нѣжная мать, прощаясь съ ними на порогъ дѣтской комнаты, гдѣ столько лѣтъ не покидала ихъ материнская ея забота, пожелала напутствовать Царственныхъ своихъ питомцевъ, на открывавшееся передъ ними новое поприще жизни, своими мыслями, чувствами и наставленіями, и вотъ какъ все это выразилось въ слѣдующемъ трогательномъ письмѣ Императрицы къ Великимъ Князьямъ отъ 5-го февраля 1814 года (1)

I.

„Le moment approche, mes chers Enfants, où Vous devez me quitter et Vous éloigner de moi; mes soins maternels ne seront plus pour Vous l'égide, à l'abri duquel Vous

(1) На конвертѣ надпись: «A mes chers fils Nicolas et Michel». Орфографія подлиннаго письма соблюдена здѣсь, какъ и въ другихъ, ниже сего приводимыхъ, со всею точностію.

marchiez sans peine ni inquiétude dans la route tracée du devoir et de la vertu. Vous voici à la veille de l'époque de Votre entrée dans le monde, de Votre apparition sur le champ de l'honneur, de la gloire; mais en même temps, voici, mes chers Enfants, l'époque où chacune de Vos paroles, de Vos actions sera jugée avec sévérité, mais avec justice, car l'opinion de l'armée est presque toujours impartiale et elle fixera sur Vous celle de Votre patrie: profondément occupée de ces pensées, mes chers Enfants, je veux m'en entretenir avec Vous et c'est en Vous donnant les conseils puisés dans mon cœur, qui Vous chérit si inexprimablement, que je soulagerai la douleur que je ressens de me séparer de Vous, mes chers Enfants, à qui j'ai prodigué les plus tendres soins et qui m'avez rattachée à la vie, à l'époque malheureuse où mon existence n'avait plus de prix pour moi. Il dépend de Vous en ce moment, mes Enfants, de continuer à me la rendre chère et à me prouver Votre reconnaissance par Votre bonne conduite sous le rapport moral, sous celui de Vos différents devoirs, et à légitimer ma tendresse pour Vous, en Vous méritant mon estime: pour y parvenir il faut, mes chers Enfants, continuer à être religieux, comme Vous l'êtes; ne négligez jamais Vos prières soir et matin; que Dieu soit toujours dans Vos cœurs et Vous conserverez l'innocence et la vertu; scrutez Vos actions au tribunal de Votre conscience, et soumettez Vous à ses jugements; mais s'il Vous reste des doutes, cherchez conseil et direction auprès de celui qui est pour Vous un second Père,—du digne et respectable G. Lamsdorf<sup>(2)</sup> et, aussi long-

tems que Vous aurez le bonheur de le conserver près de Vous, soumettez lui toutes Vos démarches, toutes Vos actions et persuadez Vous que c'est les soumettre en même temps à ma sanction; lorsque le Général Vous aura quittés, mes chers Amis, Vous devez redoubler de surveillance sur Vous-même et puiser dans Votre propre fond les règles de conduite, de sagesse; mais, mes Enfants, à Votre âge, avec Votre inexpérience, il y a mille circonstances, où les lois de l'amitié, de l'attachement, du zèle Vous sont nécessaires et Vos cavaliers<sup>(3)</sup> qui sont attachés à Votre personne depuis Votre tendre enfance et dont Vous avez éprouvé le dévouement, la vérité et zèle, sont bien certainement intéressés de cœur et d'âme à Votre réussite; ainsi dans les cas où Vous n'êtes pas d'accord avec Vous même, où Vous êtes incertain si Vous faites bien ou non, parlez avec eux, consultez les sur Vos intentions, débattiez le pour et contre de la chose et cédez à leur avis chaque fois que Vous sentirez dans le fond de Votre âme qu'il est préférable au Votre; surtout écoutez les lorsqu'ils contrediront Vos petites passions,

---

ванія императора Павла I-го былъ призванъ къ надзору за воспитаніемъ обоихъ младшихъ его сыновей, при коихъ и оставался 17 лѣтъ. Проживавъ послѣ, въ аванси члена государственнаго совѣта, но въ безсрочномъ отпуску, большую частію у себя въ деревнѣ, онъ скончался, въ мартѣ 1828-го, въ Петербургѣ.

(3) Такихъ *кавалеровъ*, т. е. надзирателей, сперва было трое: генераль-маіоръ Ахвердовъ, и полковники Арсеньевъ и Ушаковъ. Съ 1805-го г. къ нимъ прибавлены: дѣйств. ст. совѣтникъ Дивовъ, колл. совѣтникъ Вольфъ и маіоръ Алединскій. Наконецъ въ 1808-мъ году число ихъ увеличилось двумя: ст. совѣтникомъ Саврасовымъ и колл. совѣтникомъ Б. Н. Глинкою. Въ путешествіи 1814-го года великихъ князей сопровождали, сверхъ графа Ламсдорфа, Саврасовъ, Алединскій, Арсеньевъ и преподававшій имъ инженерную часть полковникъ Джанотти (Gianotty).

(2) Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламсдорфъ, сперва (съ 1793-го г.) начальникъ Курляндской губерніи, а потомъ (съ 1799-го) Директоръ 1-го кадетскаго корпуса, въ послѣдній годъ царство-

Vous avertiront de Vos petites faiblesses et préviendront du tort qu'elles peuvent Vous faire et Vous rappelleront de veiller à ne pas retomber dans les fautes dont ils ont cru Vous reprendre. Vous devez à ces Messieurs confiance, reconnaissance, égards, et déférence: ainsi, mes chers Amis, quoiqu'ils Vous entourent toujours, comme s'ils étaient Vos aides-de-camp, gardez Vous bien de les traiter avec légèreté, inconséquence et suffisance; chaque service que Vous exigerez d'eux doit être demandé avec le ton de l'amitié, de politesse et d'égard: je suis persuadée que ces Messieurs conserveront pour Vous l'attachement, fidélité, zèle et cette tendre surveillance qui émane d'une sollicitude que 10 à 12 ans de soins ont rendu inhérente à leur âme, et qu'en Vous témoignant les égards qui Vous sont dûs, leurs yeux et leurs cœurs resteront toujours scrutateurs de toutes Vos actions, et c'est en continuant à l'être qu'ils prouveront leur attachement et rempliront leurs devoirs, ma forte attente et le serment qu'ils m'ont donné de ne me rien laisser ignorer sur Vous.

„L'Empereur Vous donnera un Mentor militaire, pour lequel je ne doute pas que Vous n'ayez tous les égards et attentions, de même que la plus grande déférence pour les conseils et avis qu'il sera dans le cas de Vous donner dans cette carrière, nouvelle pour Vous, mes chers Enfants: elle est si noble qu'elle exige que Votre conduite porte cette empreinte dans toutes les occasions; le danger ne doit ni ne peut Vous étonner; Vous ne devez pas l'éviter, lorsque l'honneur et le devoir Vous demande de Vous exposer; alors la Providence à laquelle je Vous recommande avec abandon de foi, d'espérance, daignera veiller sur Vous et Vous couvrira de son égide; mais, mes Enfants, si le plus grand, le plus noble courage doit Vous dis-

tinguer, dites-Vous qu'il doit être réfléchi, et qu'il est bien différent de cette fanfaronade de jeune homme qui joue avec son existence; enfin que je veux Vous savoir braves, mais non téméraires. Dans les moments où la fougue de la jeunesse pourrait Vous emporter, écoutez et obéissez aux avis de Votre instituteur militaire; quoique je sois persuadée que l'Empereur daignera faire le meilleur des choix pour Vous dans la personne qu'il Vous donnera pour remplir cette fonction, Vous-Vous rappellerez de ma règle constante, que la confiance n'a de prix pour tout individu qui pense bien que lorsqu'elle se donne par suite de la connaissance du caractère et des principes; ainsi il ne faut pas se jeter à la tête d'un homme qu'on ne connaît pas et Vous borner, au commencement de Votre connaissance, à concentrer Votre confiance en lui dans tout ce qui a rapport aux objets militaires sur lesquelles Vous lui en devez une entière, et Vous y joindrez toute la déférence possible à ses avis.

„Je désirerais, mes chers Enfants, que Vous n'eussiez de confiance, d'abandon (à l'exception des personnes qui Vous entourent) que pour l'Empereur. Son amitié pour Vous et les soins paternels que je suis persuadée qu'il daignera Vous donner, Vous y autoriseront tout comme la permission que je lui en demande pour Vous; mais mes Amis, cette confiance dans l'Empereur est comprise par moi sous le rapport des conseils que Vous oserez lui demander dans tout cas embarrassant; de lui répondre avec une entière franchise dans ce qu'il Vous questionnera sur quelque objet que ce soit et de ne Vous permettre aucune démarche de quelque importance sans demander son aveu et sa permission; toutefois, mes chers Enfants, cette confiance intime que je désire que Vous ayez

pour l'Empereur, ne sous-entend pas que Vous Vous arrogiez le droit d'énoncer Votre avis sur les objets sur lesquels il ne Vous parlerait pas: bien au contraire, elle exige de Vous la plus grande circonspection, et beaucoup de discrétion à lui demander des grâces pour les personnes, pour lesquelles Vous Vous intéressez, et elle Vous défend surtout de lui en demander de personnelles pour Vous, que Vous devez toujours attendre et devoir à son propre mouvement, mais pas à l'importunité. Soyez exact et empressé à faire Votre cour à l'Empereur et encore sur cet article demandez lui, ce que Vous devez faire pour avoir le bonheur de le voir souvent, mais en évitant de Vous rendre importun et de perdre Votre temps dans les antichambres; après avoir rempli le devoir de service que Votre Instituteur militaire trouvera nécessaire pour Vous, mettez Vos moments de loisir à profit pour les vouer à une étude journalière, à la lecture, à un vrai travail d'esprit: il faut donner de l'aplomb à Votre jugement, il faut Vous nourrir des beaux modèles que l'antiquité et l'histoire Vous offre, il faut meubler Vos têtes de ces grands exemples et tâcher, en donnant de la fermeté à Vos principes, de l'élévation à Votre âme, de Vous former un beau caractère moral, et de marcher sur la trace des grands hommes. Un juste partage de Votre temps entre le travail d'esprit et le délassement est de nécessité: c'est par cette bonne repartition du temps que les plaisirs innocents de Votre âge Vous seront d'autant plus agréables et que Vous en jouirez plus longtems; l'oisiveté, la paresse d'esprit tue les facultés de l'âme et étouffe le germe des plus belles espérances. Vous m'avez promis de Vous surveiller l'un l'autre, mes chers Enfants, avec rigueur, de Vous avertir de Vos manques, et d'être pour ainsi dire l'Ange gardien l'un de l'autre: c'est

en remplissant cette bonne résolution que Vous Vous épargnerez mille petites erreurs qui pourraient Vous nuire mutuellement; j'espère, mes chers Amis, que Vous Vous ferez une loi sévère de conduite, dont Vous ne Vous départirez jamais, celle d'éviter de blesser, qui que ce soit, par un manque de procédé: ce n'est pas que je sache qu'avec Vos bons cœurs Vous ne le ferez jamais volontairement; mais la facilité que Vous avez, mes Enfants, de saisir les petits ridicules, les petits travers, peut y donner lieu; arrivés à l'armée il ne faut plus Vous permettre ces plaisanteries: que Votre conduite soit noble sans fierté, polie sans familiarité; distinguez l'âge et le mérite par Vos égards et Vos empressements: soyez affables pour tout le monde, mais mettez du tact et du choix dans Vos affections, et tâchez que l'estime précède chez Vous l'amitié. Il est naturel qu'étant jeunes tous deux, la société de jeunes gens ait de l'attrait pour Vous; mais, mes chers Enfants, ce n'est pas celle qui Vous convient sous tous les rapports, et c'est celle où il faut la plus grande mesure et retenue; j'espère et exige de Vous qu'au premier avertissement de Vos Messieurs qui pourraient prévoir une liaison dangereuse pour Vous, Vous les rompiez; répétez Vous, mes Enfants, qu'un jeune homme est toujours jugé favorablement lorsqu'on le voit se plaire avec des personnes d'âge et de mérite.

„Il est à supposer, mes chers Enfants, que Votre Instituteur militaire Vous occupera de la tactique envisagée en grand; les détails cependant faisant partie de l'ensemble, Vous prendront aussi des momens; gardez Vous alors, mes chers Amis, de lui donner l'idée de Vous, que les bagatelles militaires Vous intéressent plus qu'elles ne doivent le faire; Vous pourrez Vous en apercevoir s'il revenait souvent sur ces petits objets; alors, mes

chers Amis, il le ferait dans la pensée de flatter Vos goûts et ce serait en ce cas à Vous de lui faire sentir que Vous n'y donnez attention, qu'autant qu'on doit en prêter au mécanisme de la chose, et que ce serait Vous faire plaisir que de Vous y arrêter le moins possible; que Vous êtes empressé de parvenir aux connaissances relevés qui forment le grand capitaine et qui s'étendent dans tant de différentes branches que Vous devriez embrasser toutes, en y faisant entrer bien particulièrement celles qui ont la conservation du soldat pour objet, qui bien souvent est négligée et sacrifiée à l'élégance de l'habillement, à des exercices inutiles, à l'ambition personnelle et à l'ignorance du chef; enfin persuadez à Votre Instituteur militaire que Vous devez apprendre le métier en Prince, qui veut se faire un nom dans cette noble et belle carrière, et méritez l'estime de Votre Souverain, de votre patrie et de vos contemporains.

„Soyez généreux, mes Enfants, sans prodigalité; économes et rangés sans lésine ni petitesse; bons et justes envers Vos domestiques, mais préservez-Vous de toute familiarité et observez-Vous, mes chers Enfants, dans Vos paroles, qu'elles soient toujours précises et éloignées de toute exagération, car fut-elle des plus légères et échappée dans la chaleur d'une description, elle porte atteinte à l'opinion, donne de la défiance sur le caractère de vérité de l'individu, et nuit dès lors à l'estime. Ne soyez pas trop précipités dans Vos jugements, mes chers Enfants, ni sur les hommes, ni sur les choses; de toutes les connaissances, celle des hommes est la plus difficile et demande le plus d'étude, il est donc sage à des jeunes gens de ne pas trancher dans leurs opinions soit en l bien et surtout soit en mal: observez, remarquez, réfléchissez

sur le caractère des individus, mais ne les jugez qu'après avoir des preuves évidentes qui puissent baser vos conclusions sur eux! Il en est de même pour les événements que Vous verrez passer sous Vos yeux, sur lesquels Vous ne devez pas Vous permettre d'énoncer Votre avis; soyez persuadés que jeunes et sans expérience, comme Vous l'êtes, on voudra sonder Vos caractères et on s'y prendra de différentes manières pour voir si Vous avez du tact, de la réserve, de la solidité, le goût de l'application et cette modestie qui sied si bien à la jeunesse, ou si, par contre, Vous avez du penchant à être tranchant, paresseux, suffisant, imprudent, inconséquent ou léger: le jugement sera bientôt porté par des gens du monde qui ont la connaissance des hommes, qui sont intéressés à tirer parti des faiblesses des Princes et qui calculent la conduite avec Vous d'après l'opinion qu'ils auront conçue de Vous: j'ai le doux espoir, mes chers Amis, qu'elle sera à Votre avantage et que Vous saurez inspirer égard et estime pour Vous; Dieu a mis dans Vos coeurs les germes de toutes les vertus et je demanderai journellement à la Providence de les fructifier par Sa grâce et Ses bénédictions; Vous y travaillerez de même avec effort, mes chers Enfants, en pensant à ma tendre sollicitude pour Vous, à ma vive tendresse: que Votre confiance en moi soit entière et d'abandon; ouvrez-moi toujours Votre âme et faites-moi lire dans Votre coeur. Vous ne devez avoir de secrets pour moi que ceux que l'Empereur pourrait Vous confier en affaires qui doivent être impénétrables pour moi-même, mais ceux-ci exceptés, mes Enfants, mes élèves n'en doivent pas connaître pour leur Mère, et l'abandon de leur confiance, doit-être tel, que même Vous devez me

confesser Vos petites erreurs et si Vous n'êtes pas content de Vous-même, car chez qui pourriez Vous trouver plus d'indulgence que chez Votre Mère, Votre Amie, et plus d'empressement à venir à Votre secours pour Vous remettre bien avec Vous même: puissent ces lignes Vous servir de boussole, mes chers Enfants, et Vous guider au bien, et j'aime à Vous répéter que j'en ai le plus doux espoir: lisez souvent cette lettre, dictée par l'amour maternel le plus tendre; c'est le coeur de Maman qui parle aux Votres, mes Amis; rendez moi heureuse par Votre bonne conduite sous tous les rapports, et consolez-moi ainsi de Votre absence qui m'enlève la plus heureuse et douce jouissance, celle de Vous voir et de Vous donner mes soins: ne m'oubliez pas, mes chers Amis, et dites Vous qu'il ne se passera guère d'instant dans la journée où je ne penserai à Vous, où je n'élèverai mon âme à Dieu pour Vous. Chers Enfants, qu'il m'en coûte de m'arracher de Vos bras et cependant je me suis imposée ce sacrifice parceque je Vous le crois utile: Vous l'appréciez, mes Amis, comme témoignage d'amour, de tendresse pour Vous. Adieu, mes chers Enfants, toutes mes bénédictions reposent sur Vous: allez avec Dieu et revenez avec Dieu. Je Vous embrasse mille et mille fois.» «Marie.»

*Переводъ.*

Приближается минута, любезныя дѣти, когда вы должны меня покинуть и удалиться. Мои материнскія попеченія не будутъ уже для васъ эгидою, подъ которою вы безъ горя и заботы шли по проложенному пути долга и добродѣтели. Вы теперь наканунѣ эпохи вашего вступленія въ свѣтъ, вашего появленія на полѣ чести и славы; но въ тоже самое время, мои любезныя дѣти, это та эпоха, гдѣ каждое изъ ва-

шихъ словъ и вашихъ дѣйствій будетъ судиться строго, но и справедливо, ибо мнѣнїе арміи почти всегда безпристрастно, а оно-то и установитъ относительно васъ мнѣнїе вашего отечества. Глубоко озабоченная этими мыслями, милыя дѣти, я хочу побесѣдовать съ вами. Подавая вамъ совѣтъ, почерпаямый въ моемъ сердцѣ, которое столь невыразимо васъ любитъ, я облегчу этимъ мое горе о разлукѣ съ вами, мои любезныя дѣти, съ вами, которымъ я расточала самыя нѣжныя заботы и которыя привязали меня къ жизни, въ ту несчастную пору, когда она не имѣла болѣе цѣны для меня. Отъ васъ, теперь зависить, дѣти мои, сдѣлать, чтобъ жизнь продолжала быть мнѣ дорогою, доказать мнѣ вашу благодарность хорошимъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи и въ исполненіи вашихъ обязанностей, и оправдать мою нѣжность къ вамъ, заслуживъ мое уваженіе. Для этого, надобно, мои любезныя дѣти, продолжать быть благочестивыми, какъ вы были до сихъ поръ. Никогда не пренебрегайте молитвами, утромъ и вечеромъ; пусть Богъ будетъ всегда въ вашихъ сердцахъ, и вы сохраните невинность и добродѣтель. Испытывайте свои дѣйствія передъ судомъ своей совѣсти и подчиняйтесь ея приговорамъ; если же у васъ остаются сомнѣнія, ищите совѣта и руководства у того, кто для васъ второй отецъ, у достойнаго и почтеннаго генерала Ламсдорфа. Пока вы имѣете счастье сохранить его близъ себя, подтвержайте его суду всѣ ваши поступки и дѣйствія, и будьте увѣрены, что это значитъ искать и моего одобренія. Когда же генералъ оставитъ васъ, любезные друзья, вы должны удвоить надзоръ надъ собою и черпать изъ самихъ себя правила поведенія и благоразумія. Однако, дѣти мои, въ ваши лѣта, съ вашею неопытною, съ тысячи обстоятельствъ, въ которыхъ законы дружбы, преданности и усердія вамъ необходимы; тѣ лица, кото-



рия съ вашего раннего дѣтства представлены къ вамъ, которыхъ преданность, правдивость и усердіе вами испытаны, безъ сомнѣнія, душою и сердцемъ расположены къ вашимъ успѣхамъ. Поэтому, когда вы въ несогласіи съ самими собою, когда вы не увѣрены, хорошо или нѣтъ вы дѣлаете, говорите съ ними, просите у нихъ совѣта на счетъ вашихъ намѣреній, обсуждайте съ ними всѣ стороны дѣла, и уступайте ихъ мнѣнію всякій разъ, какъ въ глубинѣ души вы найдете оное лучше вашего. Особенно слушайте ихъ, когда они проговорчатъ вашимъ мелкимъ страстямъ, когда предостерегаютъ васъ противъ вашихъ маленькихъ слабостей, указываютъ на ихъ вредъ и напоминаютъ вамъ, чтобъ вы остерегались отъ повторенія замѣченныхъ ими ошибокъ. Вы къ этимъ господамъ обязаны имѣть довѣріе, благодарность, внимательность и уваженіе. Поэтому, любезные друзья, хотя они всегда васъ окружаютъ, какъ будто бы они были вашими адъютантами, смотрите, чтобы вамъ не обращаться съ ними легкомысленно, непочтительно и самодовольно. Всякая услуга, которую вы потребуете отъ нихъ, должна быть спрошена тономъ дружбы, учтивости и вниманія. Я увѣрена, что эти господа сохранять къ вамъ ту привязанность, вѣрность, усердіе и ту нѣжную заботливость, которая десяти или двѣнадцатилѣтнія попеченія укоренили въ ихъ душѣ и что, оказывая вамъ должное уваженіе, они глазами и сердцемъ будутъ наблюдать за всѣми вашими дѣйствіями. Этимъ они докажутъ свою привязанность къ вамъ и исполнять свои обязанности, мое твердое ожиданіе и клятву, данную ими мнѣ, ничего отъ меня не утаивать, что касается до васъ.

Государь дастъ вамъ военнаго Ментора, и я не сомнѣваюсь, вы будете оказывать ему всевозможное вниманіе, а также и уваженіе къ его совѣтамъ, на этомъ поприщѣ, для васъ новымъ,

мои милыя дѣти. Оно такъ благородно, что ваше поведеніе должно во всѣхъ случаяхъ носить отпечатокъ благородства. Опасность не должна и не можетъ васъ удивлять; вы не должны ея избѣгать, когда честь и долгъ требуютъ, чтобы вы ей подвергались. Тогда Провидѣніе, Которому я препоручаю васъ съ вѣрою и надеждой, будетъ бдѣть надъ вами и покроетъ васъ Своимъ щитомъ. Но, дѣти мои, если васъ должна отличать величайшая благороднѣйшая храбрость, то помните, что она должна быть разумна и далека отъ хвастливости молодого человѣка, играющаго своею жизнью; однимъ словомъ, я хочу, чтобы вы были храбры, а не дерзновенны. Въ тѣ минуту, когда пылъ юности могъ бы васъ увлечь, слушайте и повинуйтесь совѣтамъ вашего военнаго наставника. Хотя я увѣрена, что государь соизволитъ сдѣлать для васъ наилучшій выборъ того лица, которому вѣрится эта должность, помните постоянное мое правило, что довѣріе имѣть цѣну для всякаго благомыслящаго человѣка только тогда, когда оно дается вслѣдствіе знанія его характера и правилъ; потому не слѣдуетъ бросаться на шею человѣку, котораго не знаешь, а надобно въ началѣ знакомства ограничить ваше довѣріе тѣмъ, что касается военной службы: въ этомъ вы должны вполне полагаться на него, оказывая также всевозможное почтеніе къ его совѣтамъ.

Я желала бы, мои милыя дѣти, чтобы кромѣ окружающихъ васъ лицъ, вы имѣли довѣріе и откровенность только къ государю. Его дружба къ вамъ и отеческія попеченія, которые, я увѣрена, онъ изволитъ оказать вамъ, дадутъ вамъ на это право, а также и позволеніе, котораго я прошу у него для васъ. Но друзья мои, я понимаю это довѣріе къ государю въ смыслѣ совѣтовъ, которыхъ вы осмѣлитесь просить у него во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; оно долж-

но выражаться и въ томъ, чтобъ отвѣчать ему съ полною откровенностью всякій разъ, когда онъ спроситъ васъ о чемъ бы то ни было; и вы не позволите себѣ ничего важнаго, не спросивъ его мнѣнія и его позволенія. Однако мои милыя дѣти, это полное довѣріе къ государю, котораго я желаю отъ васъ, не значить, чтобы вы присвоивали себѣ право выражать свое мнѣніе на счетъ дѣлъ, о которыхъ онъ вамъ не будетъ говорить. Напротивъ, оно требуетъ отъ васъ величайшей осмотрительности и большой умѣренности въ испрашиваніи милостей для лицъ, которыми вы интересуетесь. Въ особенности же оно запрещаетъ вамъ просить личныхъ милостей для самихъ себя; вы всегда должны ожидать ихъ отъ его собственнаго движенія, и не отъ докучливыхъ просьбъ. Являйтесь къ государю съ точностію и предупредительностію, однако и на этотъ счетъ спросите его, что вы должны дѣлать, чтобъ имѣть счастье часто его видѣть, стараясь притомъ не быть навязчивыми и не терять свое время въ переднихъ. Исполнивъ тѣ обязанности службы, которыя вашъ военный наставникъ найдетъ для васъ нужными, употребляйте въ пользу часы досуга, посвящая ихъ ежедневнымъ занятіямъ, чтенію, настоящему умственному труду. Вамъ нужно укрѣпить вашъ разумъ, надобно питаться высокими образцами, которые представляютъ древность и исторія, надобно наполнить свою голову этими великими примѣрами и стараться приобрѣтать твердость началъ и возвышенность души, обработать себѣ высокій нравственный характеръ и идти по слѣдамъ великихъ людей. Надлежащее распределение времени между умственною работою и отдыхомъ совершенно необходимо; этимъ способомъ невинныя удовольствія вашего возраста будутъ вамъ казаться тѣмъ пріятнѣе, и вы тѣмъ долѣе будете ими насла-

ждаться. Праздность и умственная лѣнь убиваютъ душевныя способности и заглушаютъ зародыши самыхъ лучшихъ надеждъ. Вы мнѣ обѣщали строго надзирать другъ за другомъ, мои милыя дѣти, предупреждать другъ друга на счетъ вашихъ недостатковъ, и такъ сказать, быть однимъ для другаго Ангеломъ-хранителемъ: исполняя это доброе намѣреніе, вы избавите себя отъ тысячи мелкихъ заблужденій, которыя могли бы вамъ послѣ повредить. Надѣюсь, любезные друзья, что вы поставите себѣ строгимъ правиломъ, котораго никогда не будете уклоняться, — стараться не оскорблять кого бы то ни было невѣжливымъ обхожденіемъ. Знаю, правда, что съ вашими добрыми сердцами, вы никогда не сдѣлаете того добровольно; но, дѣти мои, къ этому можетъ подать поводъ та легкость, съ которою вы подмѣчаете смѣшныя стороны и маленькіе людскіе недостатки. Когда пріѣдете въ армию, вы не должны болѣе позволять себѣ этихъ шутокъ. Ваше обращеніе должно быть благородно, безъ гордости, учтиво безъ фамильярности; отличайте лѣта и заслуги вашимъ вниманіемъ и предупредительностію; будьте привѣтливы ко всѣмъ, но соблюдайте также и выборъ въ вашихъ привязанностяхъ, и старайтесь, чтобъ уваженіе предшествовало у васъ дружбѣ. Естественно, что въ вашихъ лѣтахъ общество молодыхъ людей должно быть для васъ привлекательнымъ; но, мои милыя дѣти, это не то общество, которое пригодно вамъ во всѣхъ отношеніяхъ, а это то, въ которомъ нужно наиболѣе мѣры и сдержанности. Я надѣюсь и требую отъ васъ, чтобъ при первомъ предостереженіи вашихъ наставниковъ, если какая связь имъ покажется опасною, вы тотчасъ бы ее прекратили; помните, дѣти мои, что молодого человѣка всегда судятъ благоклонно, когда ему нравится общество людей зрѣлыхъ лѣтъ и съ заслугами.

Надо думать, милыя дѣти, что вашъ военный наставникъ будетъ занимать васъ тактикой въ ея широкомъ значеніи; однако и подробности, какъ части цѣлаго, возмутъ у васъ нѣсколько времени; старайтесь тогда, любезные друзья, не давать ему такого понятія о себѣ, что военныя бездѣлицы интересуютъ васъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; вы легко замѣтите это по тому, часто ли онъ возвращается къ этимъ мелочамъ; это значило бы, что ему хочется польстить вашимъ вкусамъ; въ такомъ случаѣ вы должны дать ему почувствовать, что они занимаютъ васъ только какъ механизмъ дѣла, что вамъ было бы пріятнѣе останавливаться на нихъ, какъ можно менѣе; что вы спѣшите перейти къ тѣмъ военнымъ познаніямъ, которыя образуютъ великаго полководца (а въ нихъ столько отраслей, съ которыми вамъ надо познакомиться) въ особенности вамъ нужно изучить все, что касается до сбереженія солдата, которыми такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красивой одеждѣ, бесполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника; словомъ, убѣдите своего наставника, что вы хотите изучить военное дѣло какъ принцы, желающіе прославиться на этомъ благородномъ и прекрасномъ поприщѣ, и заслужить уваженіе вашего государя, вашего отечества и вашихъ современниковъ.

Будьте щедры, дѣти мои, безъ расточительности, бережливы и расчетливы безъ скупости и мелочности, добры и справедливы къ своимъ слугамъ, но остерегаясь отъ всякой фамильярности; будьте осторожны, въ выраженіяхъ, милыя дѣти, чтобъ они были всегда точны и чужды преувеличеній; потому что слово, даже самое легкое и вырвавшееся въ жару разсказа, можетъ дать дурное мнѣніе о человѣкѣ и внушить недовѣріе къ его правдивости, слѣдовательно и повредить уваженію къ нему. Не будьте,

милыя дѣти, поспѣшны въ своихъ сужденіяхъ ни о людяхъ, ни о вещахъ; изъ всѣхъ познаній—знаніе людей есть самое трудное и болѣе всѣхъ требуетъ изученія; по этому со стороны молодыхъ людей благоразумно не быть рѣзкими ни въ одобреніяхъ, но особенно въ порицаніяхъ; наблюдайте, замѣчайте, размышляйте о характерѣ лицъ; но судите ихъ только на основаніи очевидныхъ доказательствъ, въ пользу вашего мнѣнія. Тоже относительно событій, которыхъ вы будете очевидцами; вы не должны позволять себѣ высказываться о нихъ. Будьте увѣрены, что при вашей молодости и неопытности, будутъ испытывать вашъ характеръ, и разными способами постараются узнать, есть ли у васъ талантъ, сдержанность, солидность, трудолюбіе и та скромность, которая такъ прилична молодости; или, напротивъ, у васъ есть склонность къ рѣзости, лѣни, самодовольству, неосторожности, вѣтренности, или легкомыслію; заключеніе о васъ скоро составится у тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которыя знаютъ людей, заинтересованы пользоваться слабостями принцевъ, и будутъ соображать свое поведеніе съ вами, съ мнѣніемъ составленнымъ ими о васъ. Я питаю сладкую надежду, милые друзья, что это мнѣніе будетъ въ вашу пользу, и что вы съумѣете внушить къ себѣ уваженіе. Богъ положилъ въ сердца ваши зародышъ всѣхъ добродѣтелей, и я каждый день буду молить Провидѣніе, возрастить ихъ Своею милостію и благословеніемъ. Вы также, милыя дѣти, трудитесь надъ этимъ всѣми силами, помышляя о моей нѣжной заботливости о васъ, о моей горячей любви. Довѣрьтесь мнѣ вполне и со всею искренностію; открывайте мнѣ всегда свою душу и дайте мнѣ читать въ вашемъ сердцѣ. Вы не должны имѣть для меня тайнъ, кромѣ довѣренныхъ вамъ императоромъ, относительно дѣлъ, которыхъ и я не должна знать;

но за исключеніемъ этихъ тайнъ, мои дѣти, мои воспитанники не должны имѣть никакихъ для ихъ матери; ваша искренность должна быть такова, чтобъ открывать мнѣ даже свои маленькія ошибки, и довольны ли вы собою. Въ комъ могли бы вы найти болѣе снисходительности, чѣмъ въ вашей матери, въ нашемъ другѣ, и болѣе готовности оказать вамъ помощь въ примиреніи съ самими собою? Дай Богъ, чтобъ эти строки служили вамъ компасомъ, милыя дѣти, и направляли васъ къ добру. Мнѣ пріятно повторять вамъ, что я храню эту сладкую надежду; читайте чаще это письмо, продиктованное самою нѣжною материнскою любовью. Сердце мамочки говоритъ вамъ, друзья мои. Сдѣлайте меня счастливою хорошимъ поведеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ; утѣшите меня этимъ въ вашемъ отсутствіи, которое унесло у меня самое дорогое, самое сладкое наслажденіе, наслажденіе васъ видѣть и объ васъ заботиться. Не забывайте меня, милые друзья, и знайте, что нѣтъ минуты во дню, когда я не думала объ васъ, или не молилась бы за васъ Богу. Милыя дѣти, какъ мнѣ трудно было вырваться изъ вашихъ объятій; но я рѣшилась на такую жертву, потому что видѣла въ ней вашу пользу. Вы оцѣните это, мои друзья, какъ свидѣтельство любви и нѣжности къ вамъ. Прощайте, милыя дѣти; благословеніе мое съ вами. Ступайте съ *Богомъ* и возвращайтесь съ *Богомъ*. Обнимаю васъ тысячу и тысячу разъ.

Марія.

\*

## II.

Вновь возгорѣвшаяся, вскорѣ за тѣмъ, война противъ Наполеона еще разъ вызвала наши войска за границу, и оба Великихъ Князя, хотя предназначенный для нихъ курсъ на-

укъ еще не вполне былъ оконченъ, получили дозволеніе находиться при арміи. Отпуская ихъ туда, Императрица Марія Феодоровна написала имъ, 12-го мая 1815-го года, слѣдующее (4).

«Les circonstances présentes me prescrivent le sacrifice d'une nouvelle séparation, mes bons et chers Enfants, et Vous appellent une seconde fois au champ de l'honneur, ainsi qu'à celui de la gloire, mais aussi des dangers: remplissons mutuellement nos devoirs, mes chers Enfants, tels difficiles qu'ils soient; je demande à Dieu de me résigner avec soumission à ses décrets, de Lui porter en offrande ma profonde douleur de Votre départ dans les circonstances actuelles, et de m'accorder force et courage, et Vous, mes bons Enfants, demandez à l'Être Suprême de porter sur le champ de bataille la confiance la plus intime dans la protection divine qui daignera Vous couvrir de Son égide: demandez-Lui la volonté ferme et décidée de Vous rendre digne du nom que Vous portez, de Votre Souverain, de Vos compatriotes, de notre brave armée; enfin demandez lui de justifier l'opinion que mon coeur maternel a de Vous: c'est Vous dire en deux mots, remplissez Vos devoirs, soyez et montrez- Vous braves, soyez sans peur et sans reproche, mais en même temps, ne soyez pas téméraires: celui qui se jette sans réflexion dans le danger, n'en est pas plus estimé, et plonge souvent sa Mère et toute une famille dans la désolation. Epargnez moi cette cruelle douleur. Le général Kanavnitzin (5), qui sera placé près de Vous, est

(4) На конвертѣ надпись, какъ на первомъ письмѣ: «A mes chers fils Nicolas et Michel.»

(5) Петръ Петровичъ Коновницынъ, сподвижникъ и любимецъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова.

estimable sous tous les rapports et jouit surtout de la réputation de la bravoure la plus distinguée: suivez donc dans le moment du danger sans crainte, ni scrupule. ses avis, qui seront toujours conformes à l'honneur, et respectez les comme des ordres émanés de la bouche même de l'Empereur et de la mienne: que Votre bravoure soit donc calme, réfléchi et Vous réunirez tous les suffrages qu'on refuse à l'effervescence; mon instruction de l'année passée me laisse peu de choses à y ajouter, mes chers Enfans: le coeur maternel qui l'avait tracée reste ferme et invariable, dans ses principes, ses conseils, ses sollicitudes. Vous avez acquis, il est vrai, une année d'expérience de plus; Votre raison, Votre jugement a gagné, mais, mes chers Enfans, toujours cependant à 17 et 19 ans on n'est pas encore ce qu'on doit être. Vous êtes, j'ose l'espérer, en bon chemin de le devenir, si Vous persistez à suivre la route tracée, si Vous restez fidèles à l'amour du travail et de l'occupation, si Vous cultivez Vos connaissances, si Vous serez sévères sur le choix de Vos sociétés et de Vos liaisons, enfin si perpétuellement Vous Vous surveillez Vous-même et réciproquement l'un l'autre; je Vous crois, mes chers Enfans, vu les principes qui ont basé Votre éducation, incapables de manquer à Vos devoirs, ni vis-à-vis de Dieu, ni contre les moeurs, ni contre la moralité de Votre caractère; mais Vous pouvez tomber dans des erreurs sur l'emploi de Votre temps, sur le choix de Vos liaisons, sur l'abandon que Vous y mettez et sur le choix de Vos sociétés: si ce peut-être le cas, mes chers Enfans, j'exige de Vous que Vous écoutiez, après Vous être séparés de Votre digne et respectable second Père le général Lamsdorf (car aussi longtemps que Vous Vous trou-

verez sous son égide, ses tendres sollicitudes et soins préviendront ces erreurs), j'exige de Vous, dis-je, que Vous écoutiez les avertissemens et les conseils des personnes désintéressés qui Vous accompagnent, dont l'attachement éprouvé de tant et tant d'années Vous certifie le zèle et le désir de Vous faire éviter les plus légères erreurs; je Vous demande dans ce cas de me parler, mes chers Enfans, avec abandon et confiance et de Vous dire qu'il faut chercher chez Maman les conseils de l'amitié et de la prudence, de même que de l'indulgence. J'aime à me persuader, mes chers Enfans, qu'estimant M-r de Kanavnitzin, comme Vous le faites, Vous écouterez et aurez égard à ses conseils même dans les occasions où il ne s'agit pas du militaire, car dans tout ce qui touche cette partie, Vous lui devez la plus parfaite obéissance. Je Vous recommande beaucoup, mes chers Enfans, d'économiser Votre temps, et d'en trouver pour l'étude et la lecture, c'est de nécessité; répétez-Vous que Vous reculerez dans Vos connaissances le jour que Vous ne les augmenterez pas: il en est de même pour l'âme comme pour l'esprit, qui ne sauraient rester au même point: il faut acquérir des vertus, il faut acquérir des connaissances, ou le caractère se gâte et l'esprit se rouille: je Vous conjure surtout, cher Michel, de prendre goût à une lecture sérieuse; l'étude et la lecture Vous éviteront à tous deux bien des erreurs, mes chers Enfans, car le désœuvrement, surtout au quartier-général, peut Vous en faire commettre, et Vous causer mille désagrémens: je croirai utile et nécessaire, mes chers Enfans, que chacun de Vous tienne un journal exact des opérations militaires dont Vous serez témoin, qui, soumis à l'examen de M-r Giannotti et même du G. Kanavnitzin, serait

d'une utilité majeure pour Vous pour le moment actuel et Vous donnera, dans la suite du temps, bien des jouissances; je Vous conjure encore d'être prudents dans Vos paroles, dans Vos jugemens, de ne pas Vous permettre d'énoncer ceux-ci sur les évènements et opérations militaires, de veiller à ce que l'on ne Vous fasse pas parler involontairement; observez la même prudence dans Vos jugemens sur les individus: à Votre âge, mes chers amis, il est de nécessité de s'abstenir de les énoncer; observez en silence et profitez de Vos observations par un retour sur Vous mêmes, alors Vous les rendrez utiles. J'espère, mes chers Enfans, que le régime militaire que Vous aurez sous Vos yeux, ne Vous fera pas adopter le ton brusque, dur, ni impérieux; il déplaît chez tout le monde, mais il est insupportable dans des personnes de Votre naissance, qui, même dans les moments où ils sont dans le cas de réprimer une erreur ou une faute, ne doivent employer que celui de la fermeté, qui réprime infiniment mieux que la vivacité et l'emportement; fermez l'oreille à toute adulation et flatterie, méfiez Vous à jamais des individus qui flattent Vos petites passions, qui peut être les encouragent pour Vous faire leur cour; recherchez la vérité, même lorsqu'elle Vous blessera, souffrez la contradiction et passez la au scrutin de la raison, dépouillée de toute prévention; si elle l'aprouve, condamnez Vous Vous même et suivez constamment ce guide éclairé que la sagesse éternelle Vous a donné, dès que la conscience, qui doit être son juge, vient à son appui; soyez constamment bienfaisants, mes chers Enfans, et sachez être généreux dans l'occasion; interdisez Vous la prodigalité, car elle nuit à la bienfaisance, parcequ'elle Vous prive des moyens de pouvoir l'exercer; soyez rangés et réglés. Dans

vos bienfaits, mes chers Enfans, observez qu'à l'exception de quelques cas qui interdisent toute considération, parcequ'il faut aider grandement à l'instant, Vous devez toujours Vous dire que Vos bienfaits, pour les mettre à l'abri de tout reproche d'ostentation, ne doivent pas égaler ceux de l'Empereur; mais soulagez autant que cela est à Votre portée en toute occasion la souffrance, la pauvreté et l'infortune; je suis persuadée, mes chers Enfans, que notre cher Empereur Vous recevra comme le plus tendre des Pères, comme il l'a fait l'année passée, et je suis toute aussi persuadée, que Vous mettrez toute étude à lui prouver Votre respect, Votre soumission, toute Votre confiance et toute Votre amitié; observez dans Votre conduite vis-à-vis de lui toutes les nuances de délicatesse que je Vous ai tracées dans mon instruction de l'année passée, et alors certainement Vous captiverez ses suffrages, Vous obtiendrez de même ceux de l'armée, si Vous suivez toutes les règles de conduite que je Vous ai tracées dans mon instruction qui embrasse tous les détails de ce que Vous avez à observer dans le particulier et en public: répétez Vous, mes Enfans, que l'année que Vous avez de plus, rendra le jugement de l'armée sur Vous plus sévère, parcequ'on a droit de demander de Vous plus de solidité, plus d'aplomb, plus de tact et une surveillance plus active sur Vous mêmes, car alors toutes Vos actions porteront le cachet de la raison, de la réflexion et Vous mériteront l'estime publique et me rendront la plus heureuse des Mères. Je la serai certainement si, fidèles aux engagements que Vous avez renouvelé vis-à-vis de Dieu et de moi au S-t acte de Votre dernière Communion, Vous Vous conserverez religieux et vertueux. Gardez à jamais, mes chers

Enfans, le souvenir sacré de cette promesse; elle soulage ma peine cruelle de Votre séparation et dans les moments difficiles et dangereux dans lesquels Vous pourrez Vous trouver, elle Vous servira de soutien et d'appui; répétez Vous, que la fidélité scrupuleuse avec laquelle Vous tiendrez Votre serment Vous assurera les bénédictions maternelles. et Votre Père du haut des cieux y ajoutera les siens; je Vous demande, mes chers Enfans, et j'exige de Vous la promesse, de me donner souvent de Vos nouvelles. En Vous disant que je ne connaîtrai dans Votre absence que cette seule satisfaction, Vous serez certainement portés à me la donner; dites Vous, mes chers et bien aimés Enfans, que toutes mes pensées sont fixées sur Vous, que toutes mes prières Vous auront pour objet; que Dieu Vous conserve, que je Vous revoye heureux, estimés et bien portants: ah, mes Enfans, quelle sera alors ma félicité: mesurez-la par la profondeur la douleur que j'éprouve de m'arracher de Vos bras; mais telle est la volonté de Dieu; qu'elle soit faite, qu'elle Vous guide et Vous ramène dans mes bras maternels. Adieu mille et mille fois, chers, chers Enfans; je Vous embrasse tendrement et Vous donne toutes mes bénédictions. Répétez Vous, mes bons amis, avec foi et espérance: съ нами Богъ.

«Marie.»

### *Переводъ.*

Нынѣшнія обстоятельства возлагаютъ на меня жертву новой разлуки, добрыя и милыя дѣти, и въ другой разъ призываютъ васъ на поле чести и славы, но также и опасностей. Исполнимъ взаимно, милыя дѣти, наши обязанности, какъ бы трудны онѣ ни были. Молю Бога, да ниспошлетъ онъ мнѣ покорность его волѣ, да позволить мнѣ принести ему въ жертву глупо-

ую скорбь мою о вашемъ отъѣздѣ, среди нынѣшнихъ обстоятельствъ, и дасть мнѣ силу и мужество. А вы, мои добрыя дѣти, просите у Всевышняго, чтобъ на полѣ битвы васъ не покидала вѣра въ милость и оборону Божию, которая покроетъ васъ своимъ щитомъ. Просите у него крѣпкой и рѣшительной воли сдѣлаться достойными имени, которое вы носите, и заслужить уваженіе вашего государя, вашихъ соотечественниковъ и нашей храброй арміи; наконецъ, молитесь его, чтобъ вамъ оправдать то мнѣніе, которое имѣетъ объ васъ мое материнское сердце. Это значить, въ двухъ словахъ: исполняйте своей долгъ, будьте и покажите себя безъ страха и безъ упрека, но въ то же время, не будьте безразсудны: тотъ, кто безъ размышленія кидается въ опасность, не приобретаетъ чрезъ это болѣе уваженія, а между тѣмъ не рѣдко погружаетъ въ отчаяніе свою бѣдную мать и цѣлое семейство. Избавьте меня отъ этой тяжкой скорби. Генераль Коновницынъ, который будетъ состоять при васъ, достоинъ уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и особенно пользуется репутаціей отмѣнной храбрости. По этому, въ минуты опасности, слѣдуйте безъ опасенія и колебаній его совѣтамъ, которые всегда будутъ сообразны съ честію, и уважайте ихъ, какъ приказанія, исходящія изъ устъ самаго императора и моихъ. Пусть ваше мужество будетъ спокойно, разсудительно, и вы заслужите общее одобреніе, въ которомъ отказываютъ простому пылу. Къ моему прошлогоднему наставленію не много нужно мнѣ прибавить, милыя мои дѣти: материнское сердце, которое его начертало, твердо и неизмѣнно въ своихъ принципахъ, совѣтахъ и попеченіяхъ. Правда, вы приобрѣли лишній годъ опыта; вашъ разумъ, ваша мысль сдѣлали успѣхи; но все-таки, милыя дѣти, въ 17 и 19 лѣтъ нельзя еще быть тѣмъ, чѣмъ должно. Смѣю надѣяться, что вы

на доброй дорогѣ къ тому, что вы по прежнему будете слѣдовать начертанному пути, если останетесь вѣрны любви къ труду и занятіямъ, если будете строги въ выборѣ своего общества и своихъ связей, если будете постоянно наблюдать надъ собою и взаимно другъ надъ другомъ. Благодаря началамъ, на которыхъ основано ваше воспитаніе, я считаю васъ, милыя дѣти, неспособными измѣнить своему долгу ни противъ Бога, ни противъ нравовъ, ни противъ нравственности характера; но вы можете впасть въ ошибки относительно употребленія времени, выбора связей, довѣрія, которое вы въ нихъ вносите, и выбора общества: въ такомъ случаѣ, милыя дѣти, я требую, чтобы, разставшись съ вашимъ достойнымъ и почтеннымъ вторымъ отцемъ, генераломъ Ламсдорфомъ (ибо пока вы подъ его покровомъ, его нѣжная заботливость и попеченія предотвратятъ эти ошибки), я требую, говорю я, чтобы вы слушались предостереженій и совѣтовъ безкорыстныхъ людей, васъ сопровождающихъ; за привязанность ихъ къ вамъ, испытанную въ теченіи столькихъ лѣтъ, ручаются ихъ усердіе и желаніе избавить васъ отъ самыхъ легкихъ заблужденій. Я прошу васъ также, милыя дѣти, говорить мнѣ въ этомъ случаѣ, съ полною искренностію и довѣріемъ, помнить, что совѣтовъ дружбы и благоразумія, а также и снисхожденія, слѣдуетъ искать у маменьки. Я хочу вѣрить, милыя дѣти, что при вашемъ уваженіи къ г. Коновницыну, вы будете выслушивать и уважать его совѣты даже и тогда, когда дѣло идетъ не о военной службѣ, во всемъ же, касающемся этой части, вы обязаны ему полнѣйшимъ повиновеніемъ. Совѣтую вамъ, милыя дѣти, беречь время и находить его для ученія и чтенія; это необходимо. Помните, что вы начнете терять знанія съ того дня, какъ перестанете умножать ихъ. Съ душой бываетъ

тоже самое, что и съ умомъ. Ни то, ни другое не можетъ оставаться въ одномъ положеніи: надобно приобрѣтать добродѣтель, надобно приобрѣтать свѣдѣнія, иначе характеръ портится и умъ ржавѣетъ. Особенно прошу тебя, любезный Михаилъ, полюбить серьезное чтеніе. Ученіе и чтеніе избавятъ васъ обоихъ, милыя дѣти, отъ многихъ ошибокъ, потому что бездѣйствіе, особенно въ главной квартирѣ, можетъ вовлечь васъ въ нихъ и повести ко многимъ неприяностямъ. Мнѣ казалось бы полезнымъ и необходимымъ, милыя дѣти, чтобъ каждый изъ васъ велъ точный журналъ военныхъ дѣйствій, которыхъ вы будете свидѣтелями. Такой журналъ, пересмотрѣнный г. Джанотти и даже генераломъ Коновницынымъ, былъ бы очень полезенъ для васъ въ настоящую минуту, а впоследствии доставилъ бы вамъ много удовольствія. Еще умоляю васъ быть осторожными въ словахъ и сужденіяхъ, не позволять себѣ высказываться о событіяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ, остерегаться, чтобъ васъ не заставляли проговариваться. Соблюдайте такую же осторожность въ сужденіяхъ о лицахъ: въ ваши года, милые друзья, надобно воздерживаться отъ произнесенія ихъ. Наблюдайте въ молчаніи, милыя дѣти, и пользуйтесь своими наблюденіями, чтобъ потомъ примѣнять ихъ въ себѣ; тогда они будутъ вамъ полезны. Я надѣюсь, милыя дѣти, что военный порядокъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не заставитъ васъ принять грубый, жесткій или повелительный тонъ. Онъ ни въ комъ не нравится, но въ особахъ вашего происхожденія онъ просто не выносимъ; такія лица, даже если имъ приходится дѣлать выговоръ за вину или ошибку, не должны употреблять другаго тона, кромѣ твердаго, который останавливаетъ гораздо болѣе, нежели горячность и вспыльчивость. Закройте слухъ для всякой лести и поклоненія. Берегитесь всегда



людей, которые лѣстятъ вашимъ маленькимъ страстямъ и, можетъ быть, поощряютъ ихъ съ цѣлю вамъ подслуживаться; ищите правды, если даже она оскорбитъ васъ; терпите противорѣчіе и провѣряйте его судомъ разума, свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій. Если разумъ одобритъ его, осудите самихъ себя; слѣдуйте всегда за этимъ свѣтлымъ вождемъ, даннымъ вамъ вѣчною мудростію, какъ скоро онъ подкрѣпленъ совѣстію, которая и надъ нимъ должна быть судьей. Будьте всегда благотворительны, милыя дѣти, и умѣйте при случаѣ быть щедры; не позволяйте себѣ расточительности, потому что она вредитъ благотворительности, отнимая у нея средства; будьте умѣренны и расчетливы. Въ своей благотворительности, милыя дѣти, держитесь правила, что, кромѣ нѣсколькихъ случаевъ, не допускающихъ никакихъ соображеній, ибо надо помочь широко и немедленно, ваши благодаренія, въ избѣжаніе упрека въ тщеславіи, не должны равняться съ государевыми; но сколько вамъ можно и при всякомъ случаѣ, облегчайте страданіе, нищету и несчастіе. Я увѣрена, любезныя дѣти, что нашъ милый государь приметъ васъ, какъ нѣжнѣйшій изъ отцевъ, также какъ въ прошломъ году; столько же я увѣрена, что вы употребите всѣ старанія доказать ему свое уваженіе, свою покорность, все ваше довѣріе и всю вашу дружбу. Соблюдайте, въ отношеніи его, всѣ оттѣнки деликатности, которыя я начертала вамъ въ моей прошлогодней инструкціи, и тогда, конечно, вы заслужите его одобреніе; вы приобретете и одобреніе арміи, если будете слѣдовать правиламъ, указаннымъ въ моей инструкціи, которая входитъ во всѣ подробности вашего поведенія, и дома, и въ обществѣ. Помните, милыя дѣти, что годъ, который вамъ прибавился, сдѣлаетъ судъ арміи надъ вами болѣе строгимъ, потому что теперь въ правѣ требовать отъ васъ болѣе

солидности, болѣе находчивости, также и надзора за собою. Тогда всѣ ваши поступки будутъ носить печать разума, разсудительности и заслужать вамъ общественное уваженіе, а меня сдѣлаютъ счастливѣйшею изъ матерей. Я буду ею безъ сомнѣнія, если, вѣрныя обѣтамъ, даннымъ вами передъ Богомъ и мною, въ святую минуту вашего послѣдняго причащенія, вы пребудете набожными и добродѣтельными. Сохраните на вѣкъ, милыя мои дѣти, священную память этого обѣта. Онъ утоляетъ мою жестокую скорбь о разлукѣ съ вами; а вамъ будетъ поддержкой и опорой въ тѣ трудныя и опасныя минуты, которыя могутъ наступать для васъ. Не забывайте, что добросовѣстная вѣрность, съ которой вы соблюдете свою клятву, упрочитъ вамъ благословеніе матери, и отецъ вашъ, съ небесъ, присоединитъ къ нему свое. Прошу у васъ, милыя дѣти, и требую обѣщанія часто увѣдомлять меня о себѣ. Помня, что въ вашемъ отсутствіи у меня остается одно это утѣшеніе, вы конечно даже пожелаете мнѣ его. Знайте, мои милыя и горячо любимыя дѣти, что всѣ мои мысли устремлены къ вамъ, что вы предметъ всѣхъ моихъ молитвъ, чтобъ Богъ сохранилъ васъ, чтобъ я васъ увидѣла снова, счастливыхъ, уважаемыхъ и здоровыхъ. Ахъ, дѣти мои, какъ велико будетъ тогда мое счастье. Измѣряйте его глубиною той скорби, съ которой я вырываюсь изъ вашихъ объятій. Но такова воля Божія. Да исполнится она, да ведетъ васъ и возвратитъ въ мои материнскія объятія. Прощайте, тысячу разъ, милыя, милыя дѣти; цѣлую васъ нѣжно и даю вамъ мое благословеніе. Повторяйте, добрые друзья мои, съ вѣрою и надеждою: „съ нами Богъ!“.

Марія.

\*

## III.

Третье письмо было обращено къ одному Николаю Павловичу. Признали за нужное, чтобы въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ 1816-го года онъ объѣхалъ нѣкоторыя внутреннія губерніи и для обозрѣнія ихъ составили особую инструкцію. Императрица Марія Феодоровна сама занималась всѣми ея подробностями и, накануне отъѣзда великаго князя, 8-го мая 1816-го года, вручила ему новое собственноручное письмо съ своими наставленіями. Это письмо особенно интересно тѣмъ, что, выражая цѣль предпринимаемаго путешествія, содержало въ себѣ, вмѣстѣ, и разборъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ сторонъ характера и привычекъ ея сына. Вотъ оно:

„Le voyage que Vous allez entreprendre, cher Nikosche, occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle: car quoiqu'heureusement je n'ai pas (avec le secours de la bénédiction divine) à craindre pour Votre santé et conservation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur Votre bonheur futur qui dépend si essentiellement de l'opinion que Vous donnerez de Vous à vos compatriotes; dites Vous, cher Nikosche, que Vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur Vous. Vous avez un bel enjeu, car jusque à ce moment on Vous aime d'espérance; on a entendu dire du bien de Vous, mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par Votre bonté, Votre affabilité, qui doit se montrer dans Vos manières, dans Vos paroles, jusque dans le ton de Votre voix, car en l'élevant trop, en la laissant se dé-

ployer dans toute sa force, elle acquiert une expression rude qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter; profitez avec reconnaissance pour l'Empereur de tous les moyens qu'il Vous offre pour Vous instruire; que toutes Vos questions portent ce caractère réfléchi qui Vous mène à ce but, et faites attention que Vos réflexions toujours mesurées, jamais tranchantes, conservent cette nuance de modestie, de retenue qui convient si bien à un jeune homme; surtout lorsque comme pour Vous encore, cher Nicolas, le but du voyage ne porte que sur l'instruction, la connaissance à acquérir de son pays, et non pas d'une inspection qui exige un jugement plus sévère, toujours déplacé lorsque le devoir ne le demande pas. Souvenez-vous, cher Nicolas, que le voyage que vous faites en ce moment, n'a pas le militaire pour but principal: celui-la consiste à apprendre à connaître Votre patrie, à savoir l'apprécier dans ses détails, à connaître l'état de chaque province que Vous parcourerez, ses ressources, ses manques, la cause de ces manques, le moyen de les soulager, à voir tous les établissements utiles sous le rapport de la bienfaisance, de la science, les fabriques, —voilà, cher Nicolas, ce qui doit occuper Votre esprit et toutes vos facultés, car Vous devez rassembler pour la vie un fond de connaissances qui Vous mette un jour à même de bien servir l'Empereur, ainsi donc de vous rendre utile à Votre patrie; les connaissances militaires que Vous acquererez dans ce voyage ne sont à envisager que comme un accessoire utile, mais non pas devant l'emporter sur le principal: jouissez et profitez aussi de celui-la, mais ne donnez pas à penser qu'il Vous intéresse plus que le but véritable, celui d'acquérir la connaissance de Votre pays dans tous ses rapports admi-

nistratifs, commerciaux et d'industrie. Donnez tous Vos soins, cher Nicolas, à la rédaction de Votre journal, dites Vous en Vous en occupant que c'est sur la lecture et sur l'exposé de Votre manière de voir, de juger, de sentir, d'apprécier les objets, que l'Empereur, dis-je, basera l'opinion qu'il doit prendre de Vous et fondera ses espérances sur Votre utilité future; que cette réflexion Vous électrise, cher Nikosche, qu'elle Vous fasse redoubler d'effort, de moyens, de sollicitude pour Votre travail; combien même Vous préparez à Vous-même de jouissance lorsque, à un âge plus avancé, Vous pourrez le relire avec contentement et y puiser même quelques aperçus utiles à l'acquit de Vos devoirs. Enfin, cher Nikosche, surveillez Vous dans tous les momens de la journée, portez Votre attention sur tout ce qui peut Vous captiver l'estime de Vos compatriotes; dites Vous que, pour ainsi dire de province en province, de ville à ville, Vous serez jugé, l'opinion sur Vous se basera et si, comme je l'espère, l'impression que Vous laisserez partout Vous sera favorable, ce voyage Vous vaudra l'estime de Vos compatriotes; et c'est à la mériter constamment que doit tendre toujours et toujours le soin de Votre vie entière; je suis persuadée, cher Nikosche, que Vous trouverez du plaisir à consulter le g. Kutusof<sup>(6)</sup> (dont Vous appréciez si bien le mérite) dans tous les cas douteux et que Vous recevrez constamment ses avis avec reconnaissance et déférence; Vous connaissez de même le tendre intérêt que Vous porte M-rs Savrassof et de Glinca, leur zèle éprou-

<sup>6)</sup> Графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, сопровождавшій въ это путешествіе Великаго Князя и бывшій, въ послѣдствіи, начальникомъ военноучебныхъ заведеній и С. Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

vé depuis tant d'années<sup>(7)</sup>; aussi je ne mets pas en doute les égards que Vous témoignerez à leurs conseils; je ne prolonge pas ma lettre, cher Nikosche: à Votre age, mon bon ami, le coeur et l'esprit saisissent vite et bien les conseils émanés de la tendresse maternelle; je termine donc ces lignes en Vous demandant et conjurant, cher et bien aimé Nikosche, de remplir ma juste attente et de me donner le bonheur de Vous revoir plus digne encore de ma tendresse, pouvant me dire avec vérité: Maman, je suis content de moi-même, aussi Vous pouvez l'être; alors mes vœux seront accomplis et je Vous serrerais contre mon coeur avec toute la tendresse que je Vous porte. Adieu cher et bon Nikoscha, que Dieu Vous conserve, soignez Votre santé, et dites Vous que dans tous les instants de ma vie, je Vous renouvelle toutes, toutes mes bénédictions. Je Vous embrasse de tout mon coeur." „Marie."

#### Переводъ.

Предпринимаемое тобою путешествіе, милый Николай, занимаетъ всѣ мои мысли и всю мою материнскую заботливость; хотя, по счастью, мнѣ нечего (при милости Божіей) опасаться за твое здоровье и жизнь, однако заботливость моя отъ того не менѣе: она относится къ вліянію, которое это путешествіе окажетъ на твое будущее счастье, потому что оно существенно зависитъ отъ того понятія, которое ты дашь о себѣ своимъ соотечественникамъ. Помни, любезный Николай, что въ этомъ случаѣ ты привлечешь на себя все общественное вниманіе. У тебя хорошій задатокъ, потому что до сихъ поръ тебя любятъ по надеждѣ: о тебѣ слышали добро; но вотъ минута, когда слѣдуетъ упрочить это чувство привязанности. Надо заслу-

<sup>(7)</sup> Въ поѣздкѣ по Россіи Великаго Князя сопровождали, кромѣ графа Кутузова, только эти два кавалера.

жить его добротою и привѣтливостію въ обращеніи, въ словахъ, даже и въ звукѣ голоса, потому что голосъ, когда онъ возвышается, когда раздается во всей силѣ, получаетъ жесткое выраженіе, похожее на грубость; а этого надобно избѣгать всѣми мѣрами. Пользуйся, съ признательностію къ императору, всѣми средствами, которыя онъ предоставляетъ тебѣ для твоего образованія. Пусть всѣ твои вопросы имѣютъ тотъ обдуманннй характеръ, который ведетъ къ этой цѣли. Обращай вниманіе на то, чтобъ твои размышленія, всегда умѣренные, никогда рѣзкія, сохраняли эту оттънокъ скромности, сдержанности, который такъ приличенъ молодому человѣку, особенно, когда подобно твоему, путешествіе, любезный Николай, имѣетъ цѣлію только образованіе и знакомство съ странною, а не надзоръ, требующій болѣе строгаго суда, всегда неумѣстнаго, если онъ не предписывается долгомъ. Не забывай, любезный Николай, что нынѣшнее твое путешествіе не имѣетъ главною цѣлію военнаго дѣла. Эта цѣль — знакомство съ твоимъ отечествомъ, знаніе его во всѣхъ подробностяхъ, свѣдѣнія о состояніи каждой провинціи, въ которой ты будешь, о ея средствахъ и недостаткахъ; о средствахъ помочь этимъ недостаткамъ; осмотри всѣхъ полезныхъ учрежденій по части благотворительности, науки, фабрикъ. Вотъ, любезный Николай, что должно занимать твой умъ и всѣ твои способности, такъ какъ ты долженъ собрать для жизни запасъ свѣдѣній, который бы со временемъ далъ тебѣ возможность служить императору и такимъ образомъ быть полезнымъ твоему отечеству. На военныя познанія, приобретенныя въ этомъ путешествіи, надобно смотрѣть только, какъ на полезную подробность, которая не должна брать верхъ надъ главнымъ. Развлекайся и этимъ, усовершенствуя себя: но не давай думать, что военное дѣло

интересуетъ тебя болѣе, чѣмъ главная цѣль, которая есть изученіе твоего отечества въ отношеніи административномъ, торговомъ и промышленномъ. Прилагай всѣ старанія, любезный Николай, къ веденію своего журнала. Помни, занимаясь имъ, что на чтеніи его, по твоему взгляду на вещи и твоей оцѣнкѣ ихъ, государь будетъ основывать свое мнѣніе о тебѣ и о пользѣ, которую можно ожидать отъ тебя въ будущемъ. Пусть это размышленіе одушевляетъ тебя, любезный Николай, пусть оно удвоитъ твои старанія, твои силы, твое усердіе къ труду. Сколько даже наслажденій ты приготовишь себѣ, когда, въ болѣе зрѣлыя лѣта, ты будешь перечитывать его съ удовольствіемъ и черпать изъ него указанія полезныя для твоихъ обязанностей. Наконецъ, милый Николай, наблюдай за собою во всѣ минуты дня, обращай вниманіе на все, что можетъ приобрести тебѣ уваженіе твоихъ соотечественниковъ. Не забывай, что, такъ сказать, отъ провинціи до провинціи, отъ города до города, тебя будутъ судить; мнѣніе о тебѣ установится, и если, какъ я надѣюсь, впечатлѣніе, оставленное тобою повсюду, будетъ тебѣ благоприятно, то это путешествіе доставитъ тебѣ уваженіе твоихъ соотечественниковъ, а къ тому, чтобъ заслужить его, должно стремиться всегда и постоянно, заботою всей твоей жизни. Я увѣрена, милый Николай, что, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ ты съ удовольствіемъ будешь совѣтоваться съ генераломъ Кутузовымъ (котораго достоинства ты такъ цѣнишь) и что ты будешь принимать его мнѣнія съ признательностію и съ почтеніемъ. Ты также знаешь нѣжное расположеніе къ тебѣ гг. Саврасова и Глинки и усердіе ихъ, испытанное столькими годами; по этому я не сомнѣваюсь въ твоемъ вниманіи къ ихъ совѣтамъ. Не продолжаю письма моего, милый Николай: въ твои года, мой добрый

другъ, сердце и умъ быстро и хорошо постигаютъ совѣты, истекающіе изъ материнской нѣжности. И такъ кончаю эти строки, прося и умоляя тебя, милый и возлюбленный Николай, исполнить мое справедливое ожиданіе и дать мнѣ счастье увидѣть тебя еще болѣе достойнымъ моей нѣжности, могущимъ сказать мнѣ: маменька, я доволенъ собой, и вы можете быть довольны мною.— Тогда мои желанія исполнятся, и я прижму тебя къ моему сердцу со всею нѣжностью, которую чувствую къ тебѣ. Прощай, милый и добрый Николай. Да благословить тебя Богъ! Береги свое здоровье и знай, что во всѣ минуты моей жизни я отъ души тебя благословляю. Обнимаю тебя ото всего сердца.

*Марія.*

### АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ <sup>(1)</sup>.

(Биографическій очеркъ.)

Но семья не позабыла  
Тотъ родной гранитъ,  
Гдѣ Нахимова могила,  
Гдѣ Корниловъ спитъ...

(Стихи г. Амосова на одномъ изъ Севастопольскихъ обѣдовъ).

П. С. Нахимовъ родился въ 1803 году; отецъ его былъ секундъ-майоръ временъ Екатерины II и пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію своихъ сосѣдей, дворянъ Смоленской

(1) Съ дозволенія многоуважаемаго автора извлекаемъ изъ Русскаго Инвалида (1868, № 32) статью эту, написанную по повелю и въ опроверженіе *Записокъ Севастопольца* (Р. Архивъ 1867, стр. 1579 — 1637), невѣрныя умозаключенія и желчныя отзывы котораго вызвали собою столь знаменательный и въ то же время утѣшительный взрывъ общественнаго чувства. Заявленія противъ *Записокъ Севастопольца* приходили къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи, и также отъ лицъ, живущихъ за границею. Обвиняемые въ неосторожномъ допущеніи этихъ *Записокъ* на страницы Р. Архива, позволяемъ себѣ находить если не оправданіе, то утѣшеніе въ томъ обстоятельстве, что они послужили къ блистательному уснскію исторической истинѣ, какъ читатели наши убѣдятся изъ нижеслѣдующаго біографическаго очерка. П. Б.

губерніи. Определенный въ морской кадетскій корпусъ, онъ, какъ избранный и лучший воспитаникъ, назначенъ былъ на бригъ „Феликсъ“, имѣвшій заграничное плаваніе въ Данію и Швецію, и въ 1818 году, т. е. 15 лѣтъ отъ роду, *вышелъ въ мишманы*. Уже эти первые шаги свидѣтельствуютъ о способностяхъ, прилежаніи и дарованіяхъ 15-ти-лѣтняго юноши.

Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вызванъ былъ оттуда и назначенъ на фрегатъ „Крейсеръ“, подъ команду капитана 2-го ранга М. П. Лазарева, впоследствии знаменитаго адмирала, совершавшаго тогда третье кругосвѣтное путешествіе <sup>(2)</sup>. Не считаю нужнымъ говорить, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служить неопровержимымъ доказательствомъ, что молодой мишманъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Скоро капитанъ Лазаревъ оцѣнилъ браваго, расторопнаго офицера и такъ къ нему привязался, что съ той поры они почти не разставались. Возвратясь въ 1825 году послѣ трехъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія лейтенантомъ, онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году онъ пришелъ изъ Архангельска на вновь построенномъ кораблѣ „Азовъ“ (столько извѣстномъ всему флоту, какъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ), подъ командою тогда уже капитана 1-го ранга Лазарева, и, отправясь на другой годъ на немъ въ Средиземное море, онъ плавалъ тамъ до 1830 года. Корабль „Азовъ“ былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала графа Рейдена и за отличную храбрость, выказанную лейтенантомъ Нахимовымъ въ Наваринскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ капита-

(2) Морскіе офицеры этой экспедиціи встрѣтили и поддержали своимъ сочувствіемъ скромнаго священника Іоанна Веніамінова, нынѣ высокоприсяженнаго Иннокентія, митрополита Московскаго. П. Б.

ны-лейтенанты и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени въ декабрѣ 1827 года (при этомъ замѣчу, что на корабль „Азовъ“, въ Наваринскомъ сраженіи, было убитыхъ и раненыхъ болѣе, чѣмъ на всей остальной эскадрѣ). И такъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду Нахимовъ былъ штабъ-офицеромъ и кавалеромъ Георгія, Владиміра, ордена Бани, Почетнаго Легіона и Спасителя и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ уже командиромъ корвета „Наваринъ.“ Миѣ, кажется, нечего добавлять отъ себя; факты говорятъ краснорѣчивѣе моихъ словъ, что такой командиръ не только былъ извѣстенъ флоту, но былъ его украшеніемъ. Возвратясь изъ Средиземнаго моря, онъ былъ назначенъ въ 1832 году командиромъ вновь строившагося фрегата „Паллада“. Это былъ такой красавецъ, что весь флотъ имъ любовался, и весьма многіе пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку, на немъ заведенному. Въ первую же кампанію на немъ, въ 1833 году, крестя въ эскадрѣ почтеннаго и всѣми уважаемаго в.-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена, ему удалось заслужить признательность начальства и уваженіе сотоварищей за тотъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности курса на камень. Въ январѣ 1834 года Нахимовъ былъ переведенъ въ Черное море по ходатайству адмирала Лазарева, сдѣлавшагося въ это время главнымъ командиромъ Черноморскаго флота—какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и образцовыхъ командировъ, съ назначеніемъ командиромъ 41-го экипажа, и въ томъ же году произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1836 году назначенъ командиромъ вновь строящагося корабля „Силистрія“, а въ 1837 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя этимъ кораблемъ до производства своего въ контръ-адмирала, въ 1845 году, онъ ежегодно плавалъ на немъ по Черному морю, и имѣлъ, кромѣ практическихъ занятій,

нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1840 году онъ былъ у Восточнаго берега, при занятіи мѣстечекъ Туапсе и Песзуапѣ, гдѣ при высадкѣ десантнаго отряда на берегъ онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія. Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ ему поручено было положить въ Новороссійскѣ мертвые якоря и потомъ бочки для мертвыхъ якорей новаго устройства. Здѣсь кончается поприще Павла Степановича Нахимова, какъ капитана, а потому и позволяю себѣ остановиться на его дѣятельности.

Корветъ „Наваринъ“, фрегатъ „Паллада“, корабль „Силистрія“ были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились. Я спрошу всѣхъ сотоварищей, служившихъ въ то время въ Черномъ морѣ, кто изъ нихъ, встрѣтясь въ морѣ съ кораблемъ „Силистрія“ и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, не осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану „Силистріи“, отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно, какъ и лихое управленіе? Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать,—такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка!

Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, своимъ постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими всегда интересными разказами о томъ, какъ что дѣлалось на „Крейсерѣ“ и на „Азовѣ“, что говорилъ и какъ думалъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы забывая (изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ наставнику своему) что „Наваринъ“, „Паллада“ и „Силистрія“ были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Онъ

постоянно, всецѣло принадлежалъ своей профессіи.

Выходитъ ли эскадра или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, — вы увидите Павла Степановича на Графской пристани съ его неизмѣнною трубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе при удобномъ случаѣ молодежь подвергалась его замѣчаніямъ, она его обожала: потому что всякій морской офицеръ, сколько-нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполне разсчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи, и даже на его кошелекъ.

Радущіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямота были написаны на его открытомъ, благородномъ лицѣ. Вниманіе его въ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ и за границею. Они могли обращаться къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго (что, опять повторяю, подтверждаютъ всѣ оставшіеся въ живыхъ моряки Чернаго и Балтійскаго морей), не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу—весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и заочно, капитана „Силистрія“, Павла

Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы.

Теперь я обращаюсь къ вамъ, любезный читатель, и попрошу отвѣтить мнѣ: какое выработалось у васъ понятіе объ этомъ лицѣ изъ моего разсказа, основаннаго на документахъ служебнаго прохожденія, и на тѣхъ чертахъ, которыя засвидѣтельствуютъ адмиралъ и капитанъ Русскаго флота? Вы видѣли юношу съ прекрасными способностями, окончившаго курсъ и вышедшаго въ офицеры 15-ти лѣтъ. Вы видѣли лихаго, браваго мичмана, избраннаго изо всей среды знаменитымъ капитаномъ Лазаревымъ; вы видѣли отлично храбраго лейтенанта, украшеннаго Георгіемъ за побѣду подъ Навариномъ; вы видѣли молодого 25-ти-лѣтняго капитана корвета „Наваринъ“, впоследствии образцоваго командира фрегата „Паллада“ и корабля „Силистрія“, капитана, всѣми уважаемаго, горячо любимаго, непрестаннаго наставника молодежи и съ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всю среду, т. е. съ сильнымъ, определеннымъ характеромъ, съ безграничною любовію къ своему дѣлу, съ сердцемъ великодушнымъ и благороднымъ, обожаемаго командою.

Есть ли хотя одна черта изъ того портрета, который угодно было нарицать автору статьи „Изъ Записокъ Севастопольца?“

Разсмотрѣвъ критически, съ полнымъ и должнымъ вниманіемъ, все поприще Павла Степановича Нахимова до адмиральскаго чина, я сдѣлаю вопросъ автору: могъ ли такой капитанъ затеряться во флотѣ? и имѣлъ ли право онъ задать себѣ вопросъ, какъ онъ очутился на палубѣ и почему онъ служилъ во флотѣ?

Въ 1845 году П. С. Нахимовъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Кромѣ ежегодныхъ практическихъ плаваній по Черному

морю, онъ въ 1848 и 1850 годахъ, командуя эскадрами, держалъ крейсерство у Кавказскихъ береговъ по шести мѣсяцевъ; въ мартъ 1852 года онъ назначается командующимъ 3-ю флотскою дивизіею, и въ октябрѣ того же года производится въ вице-адмирала, съ утверженіемъ начальникомъ дивизіи.

Горизонтъ дѣлается обширнѣе, поле дѣйствія расширяется: онъ получаетъ возможность не косвеннымъ, не нравственнымъ только вліяніемъ имѣть силу, но и непосредственно, властью начальника.

Гумбольдтъ говоритъ: особенность жизни человѣка заключается въ томъ, что если онъ не заботится о своемъ счастьи, а только объ исполненіи долга, то счастье превозможетъ, какъ бы плохо ни было первоначальное положеніе человѣка.

И счастье видимо начинаетъ обнимать своего избранника. Черноморскій парусный флотъ, подъ его флагомъ, состоящій изъ 12-ти кораблей, 2 фрегатовъ, 2 корветовъ, 7 параходовъ и 11 транспортовъ, дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ баснословно-счастливыхъ переходовъ, съ десантомъ цѣлой дивизіи, въ полномъ составѣ. Флотъ, поставивъ бомъ-брамсели, снимаясь на Севастопольскомъ рейдѣ, закрѣпилъ ихъ у Кавказскихъ береговъ и, снимаясь подъ ними у Анакріи, закрѣпилъ, становясь на якорь, въ Севастополѣ, въ бурное время года, во второй половинѣ сентября мѣсяца. Хочу припомнить здѣсь, что перевозъ войскъ въ 1801 году изъ Мальты въ Египетъ, съ такимъ же количествомъ десанта, былъ произведенъ болѣе чѣмъ на 200 военныхъ и купеческихъ судахъ.

Переходъ изъ Севастополя въ Анакрію совершенъ въ 7 дней. Дебаркація началась въ 7 часовъ утра и окончилась въ 3 часовъ по-полудни. Всего на отрядъ перевезено 16 баталіоновъ пѣхоты и 2 легкія батареи въ числѣ 16,393 человѣкъ и 824 лошадей, со всѣми необходимыми тяжестями. Боль-

ныхъ было всего только 7 человѣкъ сухопутнаго вѣдомства и 4 человѣка морскихъ чиновъ. 13-го числа было получено приказаніе изъ Петербурга, а 24-го войска были на Кавказѣ.

Но авторъ статьи „Записокъ Севастопольца“ не вѣритъ официальнымъ донесеніямъ и готоритъ съ сарказмомъ: „Князь Меншиковъ получилъ новое повелѣніе перевезти 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллерію, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. *Это бросились исполнять* и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяць. Всякихъ расходовъ и напрасной траты людей и лошадей была бездна“.

По окончаніи этого порученія, за которое адмиралъ получилъ Владиміра 2-й степени, онъ выходитъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ крейсерство, трудное какъ по времени года (что, кромѣ соотечественниковъ, вполнѣ оцѣнили моряки и публицисты иностранные, понимая, сколько надобно знанія, увѣренности и бдительности съ паруснымъ флотомъ держаться близко у береговъ въ ноябрскія бури) такъ и по ходу политическихъ событій. Войны ожидали съ минуты на минуту, и вотъ, наконецъ, 23-го октября состоялся манифестъ. Открытіе военныхъ дѣйствій привело Нахимова къ славному Синопскому бою 18-го ноября 1853 года.

Я не стану описывать всѣ подробности этого славнаго и незабвеннаго для моряковъ Черноморскаго флота дня, которымъ какъ бы высказался для Россіи и Европы результатъ тѣхъ постоянныхъ усилій, того искренняго труда, той задушевной любви къ своему дѣлу, которыми была воодушевлена эта крѣпкая, дружная семья: потому что описаніе Синопскаго сраженія было составлено по официальнымъ свѣдѣніямъ въ декабрьской книгѣ *Морская Сборника* 1853 года; но отвѣчу только на слова автора разбираемой мною статьи. Онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, старается всячески умалить, даже уничтожить зна-



чение этой рѣшительной и славной побѣды.

Онъ говоритъ:

„Можетъ быть вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя, разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу *сладкими слезами*. Синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ: это былъ разгромъ, le massacre de Sio-pore, какъ называютъ Французы. Въ доказательство довольно привести сравнительную таблицу судовъ и батарей, бывшихъ въ дѣлѣ: у насъ 6 кораблей (три 84-хъ и три 125-хъ-пушечные) 2 фрегата и, подъ конецъ, три парохода; всего 11 судовъ. На каждомъ изъ кораблей у насъ были 6-8ми-фунтовыя пушки, а у Турокъ—ни одного карабля, 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода, всего 12 судовъ, гдѣ самый большой калибръ орудій доходилъ только до 32-хъ англійскихъ фунтовъ (на трехъ фрегатахъ и одномъ корветѣ); остальные суда имѣли пушки отъ 12-ти до 24-хъ русскихъ фунтовъ. Средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому, какъ 22 д.

„Пароходъ „Таифъ“, состоявшій подъ командою одного англичанина Следа, который назывался у Турокъ Мушаверъ-паша, сейчасъ увидѣлъ невозможность сопротивленія и, пользуясь *нерасторопностію* нашихъ судовъ, ушелъ».

Посмотримъ, на сколько это справедливо и скажемъ, что Нахимовъ, крейсирова по приказанію князя Меншикова, съ эскадрою изъ 5-ти 84-хъ пушечныхъ кораблей: „Императрица Марія, „Чесма“, „Ростиславъ“, „Святославъ“ и „Храбрый“, держась близъ Анатолійскаго берега, чтобы не пропустить Турецкую эскадру съ десантомъ въ Сухумъ, находился въ лихорадочномъ состояніи въ ожиданіи извѣстія о войнѣ. Наконецъ, 1-го ноября, онъ сдѣлалъ эскадрѣ радостный и короткій телеграфъ:

“Война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду”, а вечеромъ 2-го числа, какъ только стихло, онъ отдалъ приказъ:

«Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сухумъ-Кале), какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честію принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, *превышающимъ насъ въ силѣ*, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Весь характеръ адмирала вылился въ этихъ словахъ: точно, смѣло, опредѣлительно и скромно. Можно написать томы приказовъ передъ морскимъ сраженіемъ, но всѣ они сведутся или на трафальгарскій Нельсона: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ», или на тождественный его несчастнаго соперника Вильнёва: «Каждый капитанъ на своемъ мѣстѣ, если онъ въ огнѣ!» Вся сила, къ кому относятся эти слова, приговорены ли дѣятели къ воспріятію ихъ, и въ чьихъ устахъ они раздаются! „Посмотрите, какъ храбрый Колингвудъ ведетъ свою колонну“, говорилъ окружающимъ его передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ Нельсонъ, котораго колонна вслѣдствіе перемѣны вѣтра осталась нѣсколько сзади; и въ то же время Колингвудъ, указывая на корабль „Викторія“, проноситъ: „Что бы далъ Нельсонъ быть на моемъ мѣстѣ!“ Не видно ли въ словахъ этихъ залога побѣды! А въ тотъ же день 10 кораблей авангарда Дюмануара бѣгутъ, не зная куда, подобно какъ и въ Лискомъ сраженіи 3 броненосца авангарда

Вакка. Сами по себѣ слова самыя громскія ничего не значать—это часто пустой звукъ; вся суть, кто ихъ говоритъ и кто ихъ слушаетъ! Вотъ въ чемъ вопросъ! И отвѣтомъ на нихъ бываетъ побѣда или поражение. Нахимовъ сознательно понималъ, что онъ говоритъ Черноморцамъ; а они съ увѣренностію слушали эти отрадные слова, какъ побѣдный кликъ, и нетерпѣливо ждали случая, который скоро подошелъ.

Послѣ шторма 8-го ноября, адмиралъ, отправивъ вслѣдствіе поврежденій корабли «Святославъ» и «Храбрый», заглянулъ въ Синопскій заливъ съ тремя оставшимися у него кораблями, и замѣтивъ, что на рейдѣ стоитъ Турецкая эскадра подъ прикрытіемъ 6-ти береговыхъ батарей, рѣшился съ той поры держать самую строгую блокаду въ ожиданіи возвращенія своихъ кораблей. Во все время погода была постоянно мрачная, шли дожди, вѣтеръ дулъ свѣжій восточный, волненіе сильное. 16-го числа, вмѣсто ожидаемыхъ караблей, оставшихся въ Севастополѣ, къ нему присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоящая изъ трехъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Парижъ» (флагманскій), «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя», и 2-хъ фрегатовъ: «Кагула» и «Жулевчи». 17-го адмиралъ сигналомъ пригласилъ къ себѣ на корабль втораго флагмана и командировъ, для сообщенія имъ плана атаки и необходимыхъ наставленій, и въ тотъ же день состоялся слѣдующій приказъ по эскадрѣ:

„Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 1-го шлюпа, 2-хъ парусовъ и 2-хъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу гг. командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

„1) При входѣ на рейдъ бросать дотъ, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе, и тогда на возможно-близкомъ отъ него

разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10-ти сажень.

„2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N, самый благопріятный, тогда вытравить цѣпи 60 сажень, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложенаго на битенгъ. Иди же на фордевиндъ при вѣтрѣ O или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться такъ же на шпрингъ, имѣя его до 30-ти сажень, и когда цѣпь, вытравленная до 60-ти сажень, дернетъ, то вытравить еще 10 сажень; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовъ. Вообще съ шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными отъ малѣйшаго невниманія или промедленія времени.

„3) Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволить погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, и сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у борта на противоположной сторонѣ непріятеля; имѣя на одномъ изъ нихъ на всякій случай кабельтовъ и верпъ.

„4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если бы съ непріятельскими судами дѣло и было бы кончено.

„5) Нынѣ же, осмотрѣвъ заклепки у цѣпей, на случай надобности, расклепать ихъ.

„6) Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

„7) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и первыхъ выстрѣловъ.

„8) Атакую непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть какъ подъ парусами одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, и буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

„9) Фрегатамъ „Кагуль“ и „Кулевчи“ во время дѣйствія остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему.

„10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

„Въ заключеніе я выскажу свѣдѣнію мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я *предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотренію своему*; но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ нихъ зависитъ оправдать ожиданія.

Здѣсь все предвидѣно, все предусмотрено, и съ 9½ часовъ 18-го ноября, все начало исполняться какъ на маневрахъ. Около полудня эскадра подъ всеми парусами летѣла, имѣя національные флаги на всѣхъ брѣмъ-стенгахъ, въ сжатомъ, стройномъ порядкѣ 2-хъ

колоннъ, съ тѣмъ чтобъ развернуться вечеромъ противъ Турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ батарей, и стать правой колоннѣ правымъ бортомъ, а лѣвой—лѣвымъ. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды, готовые къ бою, ожидали только приказанія — *начать*; но адмиралъ показалъ полдень (какъ это ежедневно дѣлается въ эскадрахъ). Какое величавое спокойствіе!! Въ половинѣ перваго, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата, открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Турки долго ждали (какъ потомъ объяснилось) начать бой, когда люди пойдутъ крѣпить паруса; но парусовъ не крѣпили, а взяли на гитовы. Тогда грянулъ тотъ бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ Турецкой эскадры и взятіемъ въ плѣнъ начальника эскадры вице-адмирала Осман-паша и двухъ командировъ: фрегата „Фазли-алахъ“ (бывшій Рафаилъ) и корвета „Фейзи-Меабудъ“. Я уже сказалъ, что не описываю подробностей боя, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ эпизодахъ. Корабль „Нарижъ“ (капитанъ Истоминъ), дѣйствуя противъ корвета и фрегата, въ скоромъ времени взорвалъ первый, и заставилъ броситься на берегъ второй; послѣ, поправивъ цѣпь, онъ сталъ бить двух-полосный 64-хъ пушечныхъ фрегатъ „Низаміе“, сбилъ ему мачты и его принудилъ броситься на берегъ, гдѣ онъ скоро и загорѣлся; а въ заключеніе, вытянувъ снова шпрингъ, открылъ огонь противъ береговой батареи № 5-й. Адмиралъ въ пылу боя тотчасъ замѣтилъ эти правильно-отчетливыя движенія, совершаемыя на кораблѣ съ такимъ спокойствіемъ, и приказалъ сигналомъ объявить свою благодарность; но, къ сожалѣнію, не на чемъ было сдѣлать сигналъ: всѣ фалы были перебиты.

Командиръ фрегата „Фазли-Алахъ“ (бывшій Рафаилъ) былъ взятъ въ плѣнъ, и самый фрегатъ взорванъ на воздухъ и этимъ исполнилось давнее приказаніе.

1829 года, Государя Императора бывшему главному командиру Черноморскаго флота адмиралу Грейгу — выраженное въ концѣ слѣдующими словами:

„Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата „Рафаиль“, не оставитъ его въ рукахъ непріятели. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть вашу, то, почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ Россійскій и служить на ряду съ прочими судами флота, повелѣваю вамъ предать оный немедленно огню.“

И такъ, Синопскій бой заканчивалъ и прежніе расчеты.

Эскадра шла какъ на пиръ, ожидая, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, и большаго сопротивленія съ турецкихъ судовъ, и каленыхъ ядеръ съ батарей, и бомбовой артиллеріи съ пороходовъ. Не ея вина, что непріятель ничего не предпринялъ; она ко всему была готова, обо всемъ предупреждена опытнымъ, зоркимъ наставникомъ, подошла на ружейный выстрѣлъ, распоряжалась, какъ на маневрахъ, срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда, словомъ *истребила своего врага*, и, что всего замѣчательнѣе, исправивъ сдѣланныя непріателемъ весьма значительныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ и парусахъ, черезъ 36 часовъ ушла, чтобы совершить плаваніе поперекъ всего Чернаго моря въ ноябрѣ мѣсяцѣ! Несомнѣнно, что перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ по силѣ залпа, но нельзя забыть, что береговыя батареи имѣютъ громадное и неисчислимое преимущество передъ кораблями, а прибавивъ, что онѣ могли дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ и калеными ядрами противу деревянныхъ и парусныхъ кораблей, сдѣлается вполне понятно значеніе боя. Вице-адмиралъ Корниловъ, котораго авторъ постоянно укоряетъ въ зависти и интригахъ противъ Нахимова, первый ясно и громко произноситъ оцѣнку этого боя, отдавая полную справедливость и

утверждая, что Синопское сраженіе знаменательнѣе Наваринскаго. Можно ли послѣ всего сказаннаго не видать стратегическаго значенія боя и *плакать сладкими слезами!* На Западѣ совѣмъ иначе поняли и оцѣнили это событіе, и лучшимъ доказательствомъ служить то, что зависть и злоба обуяла національную гордость. Журналы начали изобрѣтать, клеветать; но нашлись и безпристрастные цѣнители, которые писали тогда въ англійскихъ журналахъ: „Какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія.“

Что же касается до французскаго сраженія *le massacre de Sinope*, которое авторъ прочелъ въ газетахъ, то я поражаю его еще лучшимъ рассказомъ. Писали, что офицеръ Нахимова отрядя, взявши турецкій фрегатъ, дорубилъ оставшагося единственнаго Турка, отрѣзалъ кусокъ его мяса и съѣлъ, за что получилъ отъ Императора Георгія.

Послѣ Наваринскаго сраженія, которое, какъ я уже сказалъ, по авторитету знаменитаго адмирала Корнилова, уступаетъ въ значеніи Синопскому, Французы и Англичане кричали и кричать, праздновали и празднуютъ день этой побѣды, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ флота. Пароходъ „Тайфъ“ убѣжалъ потому, что онъ ходилъ несравненно лучше нашихъ пароходовъ, и въ подобномъ случаѣ никакая расторопность не поможетъ. Чтобы окончить рассказъ о Синопскомъ боѣ, который былъ Пѣснью Лебеда для морской боевой службы Черноморскаго флота и вмѣстѣ послѣднимъ морскимъ боемъ парусныхъ флотовъ, скажу, что весь остальной флотъ привѣтствовалъ съ искреннимъ, дружескимъ, неподдѣльнымъ почетомъ, съ горячею любовью, побѣди-

теля Синопа и нѣсколько дней ликовалъ и чествовалъ героевъ-сотоварищей, а имя адмирала, стяжавшаго эту славу, было ежеминутно на устахъ у всѣхъ и каждаго, душевно преданныхъ этому общему любимцу.

Князь Меншиковъ доносилъ Государю Императору:

„Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества Черноморскимъ флотомъ исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Первая Турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18-го числа ноября истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій ею турецкій адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

„Неприятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено: семь фрегатовъ, одинъ шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ оставался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

„Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія Горцамъ.“

Въ отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ: „Князь Александръ Сергѣевичъ! Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что Черноморскій нашъ флотъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы Россіи и для чести Русскаго флота.

„Я съ удовольствіемъ вижу, что Честь не забывается въ Русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ предковъ.“

Вслѣдъ за этимъ побѣдитель при Синопѣ получилъ слѣдующую Высочайшую грамоту.

„Истребленіемъ Турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись Русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

„Статутъ военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашу подвижъ.

„Исполняя съ истинною радостію постановленіе статута, жалуюмъ васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію нашею благоклонны.“

И такъ, признательность Царя, воисторговъ и уваженіе соотечественниковъ, слава, извѣстность, народное имя и лавры побѣды ослили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами. Но судьба предназначала ему отслужить еще долгую, суровую, грандіозную службу, но уже не на морѣ, а на бастионахъ Севастополя! Прежде чѣмъ перейти къ этому послѣдному эпизоду его жизни, я хочу пояснить причину той задушевной популярности, той искренней любви, которою такъ долго, такъ постоянно пользовался Павелъ Степановичъ, и беру собственные слова его изъ прекраснаго характеристическаго разсказа, посвященнаго его памяти подъ названіемъ: „Фрегатъ Балчикъ“ (3).

„Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ Павелъ Степановичъ, да сами-то мы со всѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого нужно дѣйствовать.

„Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми. Подобное образіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что нѣтъ у него ничего общаго со всѣми подчиненными, и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно. Представьте себѣ, что вдругъ у насъ, на фрегатѣ, смѣнили бы меня и командира фрегата, а вмѣсто насъ назначили бы начальниковъ: Англичанъ или Французовъ, такихъ, однимъ словомъ, которые говорятъ хорошо, пожалуй, по-русски, но не жили никогда въ Россіи.

(3) *Морск. Сборн.* Т. 25. Уст. В. 3.

Будь они отличные моряки, а все ничего не выходило бы у нихъ на судахъ; не умѣли бы дѣйствовать на нашихъ матросовъ, вооружили бы ихъ противъ себя бесплодною строгостію, или распустили бы такъ, что ни на что не было бы похоже. Мы всё были въ корпусѣ; помните, какъ рѣдко случалось чтобы иностранные учителя ладили съ нами; это хитрая вещь, причина ея въ различіи національностей. Вотъ вся бѣда наша въ томъ заключается, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе, отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, я противъ этого ни слова не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всёмъ чужимъ, чтобы своимъ пренебрегать? Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда русскихъ журналовъ ни читаютъ, и хвастаютъ этимъ, я это навѣрное знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе съ своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣтитъ этого! Замѣтитъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее ужъ ихъ дѣло; а какво пойдетъ служба, когда всё подчиненные будутъ навѣрно знать, что начальники ихъ не любятъ и презираютъ ихъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ, и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Могу васъ увѣрить, что такъ. Страхъ подчасъ хорошее дѣло, да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать на-пропалую ради страха. Необходимо поощреніе сочувствіемъ; нужна любовь къ своему дѣлу-съ, тогда съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо. Удивляютъ меня

многія молодые офицеры: отъ Русскихъ отстали, къ Французамъ не пристали, на Англичанъ также не похожи; своихъ презираютъ, чужому завидуютъ и своихъ выгодъ совершенно не понимаютъ. Это никуда не годится.“

Нѣсколько далѣе:

„Пора намъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудія на непріятеля; матросъ бросится на бордажъ, если понадобится; все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какоі тамъ былъ маневръ,—вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона заключается въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу, и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неуспынно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; и эту привязанностію дорожу больше, чѣмъ отзывами чванныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ-же, какъ у всякаго другаго“.

Сколько мудрости, знанія сердца, опытности, глубокаго познанія народнаго духа заключается въ этой филосоіи. Она остается лучшимъ завѣщаніемъ не только намъ—его сослуживцамъ, но и всѣмъ соотечественникамъ. Я позволилъ себѣ привести его слова, потому что они вполне очерчиваютъ весь характеръ славно пройденнаго имъ поприща и выказываютъ вполне тѣ возвышенныя чувства, то высокое пониманіе обязанности начальника, ту нравственную силу, которыми будутъ гордиться отдаленные потомки, указывая съ уваженіемъ на этого достойнѣйшаго война-гражданина.

1-го сентября 1854 г. городской телеграфъ далъ знать сигналомъ, что видѣть неприятельскій флотъ. Вскорѣ показались нѣсколько пароходовъ противъ Севастопольской бухты, и наконецъ потянулась вдоль сѣвернаго берега новая армада, *втрое* превосходящая первую (1). Тотчасъ сдѣланы были распоряженія по флоту, которымъ командовалъ Нахимовъ, и по сухопутнымъ войскамъ.

Я вышелъ въ изъ предѣловъ статьи, если бы день-за-день сталъ описывать ту полную смысла и значенія, ту распорядительную и нравственную роль, которую игралъ Нахимовъ, какъ помощникъ начальника гарнизона, въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ обороны. Дѣйствія эти принадлежатъ исторіи, но я въ нѣсколькихъ словахъ, которыя подкрѣплю мнѣніемъ очевидцевъ, выясню характеръ дѣйствій этого рыцаря безъ страха и укоризны.

Послѣ Альмпинскаго сраженія и предъ знаменитымъ флажковымъ движеніемъ генераль-адъютанта князя Меншикова, которое мы, моряки, не только не могли своевременно достойно оцѣнить, но вида оставленные, какъ бы на жертву, порть и флотъ, произносили недостойные упреки, которые могу обрисовать прекрасными словами Пушкина:

Народъ, таинственно спасаемый тобою,  
Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною,

(1) Испанская армада состояла изъ 21,000 десанта, а англо-французо-турецкая имѣла 63,000.

но которое уже оцѣнила исторія,—главнокомандующій поручилъ оборону сѣверной стороны Корнилову, а южную—Нахимову. Нахимовъ явился къ князю и высказалъ, что, для блага Россіи, онъ не задумается умереть, готовъ подчиниться младшему и съ радостію будетъ содѣйствовать ему; но самъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ (2). Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ этотъ отвѣтъ за серьезный отказъ, и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія. Нахимовъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи. Зналъ, что неприятельская армія приближается къ Севастополю, онъ видѣлъ одинъ честный исходъ: *лечь косями*, подобно Святославу, и сказалъ 14-го сентября, въ своемъ приказѣ, такъ:

„Неприятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону; и въ необходимости нахожу затопить суда вѣтренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды съ абордажнымъ орудіемъ присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; насъ соберется до 3,000; сборный пунктъ на Театральной площади“.

Когда сѣверная сторона, влѣдствіе передвиженія всей неприятельской арміи на южную, сдѣлалась внѣ опасности и Корниловъ съ войсками перешелъ на южную, то Нахимовъ снова доказалъ полную готовность жертвовать для пользы отечества своимъ личнымъ значеніемъ и старшинствомъ, и просилъ Корнилова, вмѣстѣ съ генераль-лейтенантомъ Молдеромъ, принять общія распоряженія по оборонѣ города.

Дѣлая все человѣчески-возможное, команды, не зная сна, обѣда, отдыха, съ минуты на минуту ожидали штурма; но къ общему удивленію его не было, а начиналась правильная осада той крѣпости, которая можно сказать почти не существовала, но которая росла не по

(2) Жандръ (Севастополь и Корниловъ).

днямъ, а по часамъ и воздвигалась вмѣстѣ съ осадю. Если когда нибудь Русскій духъ и мощь великаго народа поднялись на высоту, достойную Пожарскихъ и Мининыхъ, такъ это именно въ эту торжественную и приснопамятную всѣмъ намъ пережившимъ минуту. Нахимовъ былъ всюду и вездѣ, своимъ примѣромъ воодушевлялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, и результатомъ общихъ усилій было то грандіозное явленіе, что когда 5-го октября непріятель съ разсвѣтомъ открылъ свое первое бомбардированіе съ сухаго пути, а въ полдень съ моря, то мы совершенно были готовы его встрѣтить. Сухопутныя батареи его въ два часа должны были замолчать, а соединенный англо-французско-турецкій флотъ, выбросивъ 150,000 снарядовъ, отошелъ поврежденный, безъ всякихъ результатовъ.

Но день этотъ незабвененъ великою потерей для Россіи—она потеряла Корнилова, который, по всей справедливости, былъ душою и главнымъ двигателемъ обороны! Въ послѣдній разъ эти два соперника славы, закаленные любовью къ отчизнѣ и безграничною преданностью долгу, увидѣлись на 5-мъ бастионѣ, гдѣ долго слѣдили за дѣйствіемъ артиллеріи; тутъ они разстались, чтобы болѣе уже не встрѣтиться. Узнавъ о смерти Корнилова, я поѣхалъ вечеромъ поклониться его праху и взшелъ въ залъ, гдѣ онъ лежалъ, именно въ ту минуту, когда Нахимовъ стоялъ у гроба и цѣловалъ прахъ, оплакивая, какъ Колингвудъ, своего Нельсона, не смотря на успѣхъ цѣлаго дня.

Выдержавъ съ такимъ успѣхомъ первый день огня, мы начали считать себя непобѣдимыми и спокойно ожидали Инкерманскаго сраженія. Результатъ его, при всей неудачѣ, былъ тотъ, что огонь замѣтно сталъ слабѣть, а мы, укрѣпившись всю зиму, съ весною начали подвигаться впередъ тремя редутами: Волынскимъ, Селенгинскимъ и Камчатскимъ.

Труды адмирала были неусыпны и немовѣрны: онъ каждый день, въ ка-

чествѣ помощника начальника гарнизона, объѣзжаетъ два раза всю линію, осматриваетъ госпитали, перевязочные пункты, воодушевляетъ и поощряетъ словомъ и дѣломъ.

13-го января онъ получаетъ отъ Его Императорскаго Высочества генераль-адмирала такой рескриптъ, который останется навсегда незабвеннымъ:

„Павелъ Степановичъ! Генераль-адъютантъ князь Меншиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о награждѣ васъ орденомъ Бѣлаго Ора, и Его Величество на сіе Высочайше соизволило. Орденскіе знаки вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣню Себѣ въ удовольствіе выразить вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего Балтійскаго флота. Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе; Мы гордимся вами и вашею славою—какъ украшеніемъ нашего флота; Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ моряхахъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполне цѣнили и понимали васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому и вѣрьте, что Я всегда пребуду искренно къ вамъ доброжелательнымъ“.

Адмиралъ, до глубины сердца тронутый этими теплыми, душевными словами, отвѣчалъ:

„Ваше Императорское Высочество! Вмѣстѣ съ новою милостью Государя Императора къ слабымъ моимъ заслугамъ, Ваше Императорское Высочество осчастливило меня письмомъ, въ выраженіяхъ, драгоценныхъ сердцу вѣрно-подданнаго.“

„Спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности и при этомъ осмѣливаюсь прибавить, что, привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ гордиться сословіемъ и ремесломъ,



къ которымъ принадлежу, я вмѣстѣ съ товарищами чту себя еще болѣе счастливымъ, что въ настоящую великую эпоху намъ выпалъ завидный жребій имѣть руководителемъ Вася, Государь! Вѣрьте, что мы съумѣемъ оправдать это довѣріе Августѣйшаго Монарха и побѣдимъ или умремъ достойно имени Русскаго.“

28-го марта, на второй день Пасхи, непріятель произвелъ такъ-называемое *второе усиленное бомбардированіе*, хотя, собственно говоря, начиная отъ 3-го октября огонь не прекращался до 28-го августа. Много было новыхъ трудовъ и пало много жертвъ: Государь Императоръ мыслью и сердцемъ постоянно жилъ между героями-защитниками и не переставалъ ихъ награждать, и вице-адмиралъ Нахимовъ былъ произведенъ въ адмиралы; вотъ какими словами онъ сообщилъ объ этой Царской милости своимъ сослуживцамъ:

„Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

„Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

„Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности, сознаниемъ, что, геройски отставая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

„Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота; я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію: мы сдружилсь давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доста-

вите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стенгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генераль-адмирала и убѣдите враговъ Православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія Черноморскихъ моряковъ“.

Можно ли безъ умиленія и глубокаго сочувствія читать эти слова, въ которыхъ вылилась эта благородная душа со всею скромностью, столь ей свойственной, забывая себя и свое значеніе и отдавая все дорогимъ его сослуживцамъ.

23-го мая непріятель открылъ *третье усиленное бомбардированіе* и 26-го, вечеромъ, штурмовалъ съ успѣхомъ Волынской, Селенгинской и Камчатской редуты. 27-го мая былъ военный совѣтъ въ квартирѣ Нахимова, гдѣ рѣшено было оставить ихъ во власти непріятеля. Убыль людей становилась все болѣе и болѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ духъ Русскаго воинства закалялся, какъ сталь. Нахимовъ, своимъ словомъ и примѣромъ, своимъ бдительнымъ вниманіемъ къ стоявшимъ на бастіонахъ и душевнымъ теплымъ участіемъ къ страждущимъ раненымъ, былъ какимъ-то ангеломъ-утѣшителемъ.

Ободренный успѣхомъ на сказанныхъ редутахъ, непріятель, послѣ *четвертаго усиленнаго бомбардированія*, открытаго имъ 3-го июня, съ разсвѣтомъ 6-го числа пошелъ на штурмъ 3-го и 4-го отдѣленій оборонительной линіи, но былъ повсемѣстно блистательно отбитъ и потерялъ сильный, значительный уронъ.

Начальникъ Севастопольскаго гарнизона, генераль-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ, въ своемъ приказѣ по случаю отбитаго штурма, между прочимъ, говоритъ:

„Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала Нахимова,

одушевляющаго примѣромъ самоотверженія и распорядительности чиновъ морскаго вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіемъ обороны Севастополя,—*извѣстна всей Россіи*. Но не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посланныя на атакованную часть Севастополя, раздѣленную южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ Нахимовымъ пѣшеходному мосту на бочкахъ, безъ чего корабельная сторона, вмѣщающая въ себя Малаховъ курганъ,—ключъ позиціи,—могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами, и въ 11-ти дневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано“.

Могу ли что нибудь прибавить о важности значенія Нахимова въ Севастополѣ послѣ такого авторитета; но я не могу забыть, съ какою неподдѣльною искренностью онъ отзывался всѣмъ окружающимъ, что онъ чувствуетъ себя недостойнымъ своей новой награды—аренды, 25-го іюня имъ полученной.

Это была послѣдняя, предсмертная награда.

26-го іюня, какъ бы прощаясь съ этимъ міромъ, адмиралъ присутствовалъ на торжественномъ молебнѣ и крестномъ ходѣ на площади, совершенномъ знаменитымъ духовнымъ витіею архіепископомъ Иннокентіемъ, который въ сильной, могучей рѣчи выразилъ значеніе Севастополя для Россіи,—рѣчи, имѣвшей особенную силу при громѣ ядеръ и бомбъ. По окончаніи этой церемоніи, каждый изъ бастионовъ получилъ въ благословеніе икону.

28-го іюня, съ 4-хъ часовъ утра, открылась сильная канонада по 3-му бастиону. Адмирала всячески старались удерживать, но онъ рвался туда, по обыкновенію, гдѣ была опасность, говоря: какъ ѣдешь на бастионъ, такъ веселѣ дышешь. Побывши на 3-мъ бастионѣ, онъ поѣхалъ на бастионъ Корнилова, гдѣ въ это время не было артиллерійскаго огня, но былъ сильный

ружейный. Адмиралъ, не смотря на просьбы приближенныхъ, ставъ на банкетъ, осматривалъ въ трубу работы; скоро провизжала одна пуля и ударилась въ мѣшокъ; не успѣлъ онъ выговорить: „какъ ловко стрѣляютъ!“ какъ упалъ смертельно раненый; пуля прошла выше лѣваго виска и тронула мозгъ; до самой кончины онъ не пришелъ ни на минуту въ сознаніе и скончался 30-го іюня, въ 11 час., 7 м. пополуночи. Я былъ при умирающемъ почти все время до послѣдняго вздоха, и слѣдующія слова выписываю изъ моего журнала, веденнаго тогда въ Севастополѣ: „Войдя въ комнату, гдѣ лежалъ адмиралъ, я нашелъ у него докторовъ тѣхъ-же, что оставилъ ночью, и Прусскаго лейбъ-медика, прѣхавшаго посмотреть на дѣйствіе своего лекарства. Усовъ и баронъ Крюднеръ снимали портретъ; больной дышалъ и по временамъ открывалъ глаза; но около 11-ти часовъ дыханіе сдѣлалось вдругъ сильнѣе; въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Доктора подошли къ кровати. Вотъ наступаетъ смерть, громко и внятно сказалъ Соколовъ, вѣроятно не зная, что около меня сидѣлъ его племянникъ, П. В. Воеводскій; третій на диванѣ былъ Костыревъ (флагъ-офицеръ). И такъ, послѣднія минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый разъ, и дыханіе сдѣлалось рѣже; у всѣхъ пробѣжала мысль о смерти, но послѣ нѣсколькихъ вздоховъ онъ снова вытянулся и медленно вздохнулъ; этотъ разъ обманъ былъ такъ силенъ, что даже доктора ошиблись, прикладывали ухо къ сердцу и утвердительно и печально кивнули намъ головою. Но жизнь героя Синопѣ еще боролась со смертію и какъ бы не хотѣла такъ легко оставить этотъ міръ. Умирающій сдѣлалъ еще конвульсивное движеніе, еще вздохнулъ три раза, и никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ послѣдняго его вздоха. Но прошло нѣсколько тяжкихъ мгновеній, всѣ взялись за часы, и когда Соколовъ громко

проговорилъ: „скончался“, было 11 часовъ 7 минутъ.

Послѣдній переѣздъ адмирала чрезъ Севастопольскую бухту (онъ скончался въ баракахъ на сѣверной) былъ величественъ: гробъ поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами; вѣтеръ вдругъ засвѣжѣлъ, какъ бы посылая прощальный поцѣлуй тому, кто боролся съ нимъ въ теченіе 34-хъ шести-мѣсячныхъ морскихъ кампаній; враги провожали ядрами, а Русская эскадра приспустила флаги и уныло салютовала.

Въ 6 часовъ 1-го іюля со всѣхъ мѣстъ обороны съѣхались начальствующія лица, отдать послѣдній долгъ. Я видѣлъ, какъ князь Горчаковъ, стоя у гроба, нѣсколько разъ горько плакалъ. Мы вынесли изъ квартиры гробъ, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его въ церковь между двумя баталіонами, армейскимъ и флотскимъ, составленными отъ всѣхъ бастионовъ, батарей и судовъ флота; по ту сторону церкви стояло 6 орудій; по окончаніи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастиона проститься съ адмираломъ, и замѣчательно, что солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили. Въ 8 часовъ мы подняли прахъ, чтобы отнести его на мѣсто успокоенія рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ. Вся дорога, весь подъемъ былъ унизанъ провожавшими; многіе ожидали, что непріятель откроетъ канонаду по площади, но, однако, онъ велъ себя прилично; даже разнесся слухъ во время погребенія, что будто англійскіе корабли приспустили флаги, но онъ оказался несправедливымъ. Гробъ опустили, баталіоны и артилерія сдѣлали обычные залпы, и толпы начали расходиться.

И такъ, герой Наварина, Синопа и Севастополя, этотъ рыцарь безъ страха и укоризны, окончилъ свое славное поприще.

Извѣстіе о кончинѣ его, какъ громовой ударъ разнеслось по Севастополю, и

### III.

начальникъ гарнизона отдалъ слѣдующій приказъ:

„Храбрые защитники Севастополя!

„Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерей: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастионѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

„Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрёка, вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя Синопскаго.

„Моряки Черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами всѣ опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

„Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

„Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы Русскаго оружія“.

Теперь вспомнимъ, какъ смотрѣли на эту потерю многіе, и начнемъ съ письма профессора хирургіи Гюббенета, находившагося все время обороны при главномъ перевязочномъ пунктѣ и заслужившаго общую привязанность гарнизона:

„Чего въ лицѣ этого мужа лишились Севастополь, флотъ, вся Россія, того не въ силахъ выразить мое неискusstное перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и цѣлое войско, видѣлъ неограниченное довѣріе и безпредѣльную къ нему любовь простаго солдата. При частныхъ свиданіяхъ съ нимъ я имѣлъ случай отырывать въ его сердцѣ такія струны, которыя не всякому были такъ доступны, какъ мнѣ. Всей Европѣ извѣстны

Русскій Архивъ 1868. 14.

его высокое мужество и блестящая храбрость,—по мнѣнію многихъ, не имѣвшая границъ. Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія, по-крайней мѣрѣ никогда не обходилъ ихъ; останавливался на самыхъ беззащитнѣйшихъ пунктахъ бастионовъ, а когда окружавшіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ шаги свои.

„Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія; напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и, конечно, имѣя единственною цѣлю возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ, независимо ни отъ какихъ человѣческихъ предосторожностей. И дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ нашихъ храбрыхъ матросовъ, и за упорную оборону порта отечество ему невыразимо обязано.

„Онъ до того пренебрегалъ собственною безопасностію, что вся армія, наконецъ, стала смотрѣть на него, какъ бы на человѣка, застраховавшаго жизнь свою, видя, въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А, казалось, меньшаго стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополь офицера, носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечъ. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня, и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, ибо, какъ самъ мнѣ признавался, что во все время девяти-мѣсячной осады онъ ни разу не ложился спать раздѣтый).

„Такимъ образомъ онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятель-

скихъ дѣйствій и выказывался сверхъ брутстера, что сдѣлалъ и въ ту самую минуту, когда получилъ послѣднюю рану.

„О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какія и успѣлъ узнать, состоя врачемъ при Севастопольскомъ гарнизонѣ. Дѣятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что въ самый разгаръ его трудовъ, по званію начальника всего Черноморскаго флота, главнаго командира порта, Севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не въ время, коль скоро дѣло шло объ облегченіи положенія больныхъ, будь эта просьба, повидиму, самая ничтожная. Дѣла у него не ограничивались словами или обѣщаніями; дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и понынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ! Напротивъ того, съ какою нещадною ненавистью клеймилъ онъ всякое злоупотребленіе, а особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ какою готовностію выслушивалъ всякое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію. Неумолимый врагъ всякаго педанства, всякой бумажной дѣятельности, онъ отвергъ всѣ стѣснительныя, при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, формальности, и этимъ только достигъ возможности быстро и успѣшно осуществлять свои намѣренія. Всѣ его дѣйствія отличались юношескою пылкостью; все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искреннаго, и потому собственно онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, ибо мысль высказывалъ онъ прямо и откровенно, и не стѣсняясь выра-

жалъ свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякаго притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія, и высказывалъ его прямо и откровенно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный расчетъ требовалъ этого. Однимъ словомъ, онъ былъ патриотъ, накихъ мало. Онъ не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находилъ пользу въ изобличеніи послѣднихъ и въ неусыпномъ стремленіи къ улучшеніямъ..»

Письмо оканчивается такъ:

„Онъ благополучно миновалъ 3-й бастионъ; но на Корниловомъ, вѣдѣ нали Корниловъ и Истомино, нашель смерти и онъ. Съ тѣхъ поръ протекло полтора мѣсяца, гарнизонъ и Севастополь перенесли много тяжкихъ испытаній, пролито ручьями много благородной крови, но имя Нахимова остается незабвеннѣйшимъ изъ именъ. Это имя напишется золотыми буквами, какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ сердцахъ будущиъ поколѣній..»

Докторъ Зейманъ говоритъ слѣдующее:

„Когда въ октябрѣ 1854 года ко многимъ другимъ неразлучнымъ съ блокадою бѣдствіямъ присоединилась и холера въ Севастополь, труды медицинскихъ чиновъ усугубились. Не могу безъ душевнаго восторга не упомянуть здѣсь объ особенномъ участіи и распоряженіи незабвеннаго адмирала Нахимова, который, съ свойственною ему всегдашней добротою и человѣколюбивою заботливостію, выказалъ и въ этомъ случаѣ свою истинно отеческую любовь къ любимымъ (какъ онъ называлъ ихъ) дѣтямъ его (морякамъ) и вообще всѣмъ страждущимъ, заботясь не только о предохраненіи людей на бастионахъ отъ холерныхъ недуговъ, но и доставляя имъ на собственный счетъ всѣ необходимыя медикаменты, коихъ выборъ и употребленіе мнѣ были предоставлены..»

Статкій совѣтникъ Мансуровъ (\*)

отъ 30-го іюня изъ Севастополя доносить:

„Сегодня настала та тяжкая, печальная минута, которой Севастополь такъ долго страшился. Сегодня Черноморскій флотъ лишился своего героя-вождя, и облекся въ тотъ сердечный трауръ, который не знаетъ ни мѣры, ни срока! Доблестный нашъ адмиралъ, незабвенный Нахимовъ скончался сего числа, въ 11 час. и 7 м. утра, и скончался, не увидавъ конца начатаго имъ достославнаго дѣла, въ то именно время, когда всѣ ожили въ ожиданіи того блаженнаго часа, въ который Черноморской семьѣ суждено будетъ отпраздновать освобожденіе Севастополя подъ побѣдоноснымъ флагомъ своего возлюбленнаго начальника. Павелъ Степановичъ такъ часто и такъ явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его за вѣтную, по-крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ.

„Среди общей скорби, и едва смѣю говорить о собственной своей печали: нѣтъ матроса и офицера, который бы не оплакивалъ въ Нахимовѣ заботливаго отца; нѣтъ храбраго воина, который бы не потерялъ въ немъ путеводаителя на стезѣ долга и отваги..»

Наконецъ, въ заключеніе, приведу нѣсколько словъ одного изъ самыхъ увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ писателей *Морскаго Сборника* (№ 17), капитана 2-го ранга Шестакова (\*).

„Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть, поражающая значеніемъ жертвы; новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія! Свершилось предопредѣленіе, — и бодрый духъ, витавшій надъ бастионами мученика-Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти-мѣсячной томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало

(\*) Нынѣ свиты его величества контръ-адмиралъ.

любимца Черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славъ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ! Такія могилы не орошаются слезами; не скорбь и сѣтованія возбуждаются въ тѣхъ, кои удалены отъ мѣста тризны. Удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную, и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствѣ, дѣлающихъ изъ него прииѣчательную особенность, выставленную случаемъ въ подражаніе современникамъ и въ образецъ потомству.»

Къ этимъ столь торжественнымъ и отряднымъ заявленіямъ Русскаго дворянства, стоявшаго на различныхъ ступеняхъ служебнаго поприща, и близко и хорошо знавшихъ адмирала, имѣвшихъ и непосредственное, и косвенное отношенія къ нему, мнѣ хочется прибавить нехитрое слово одного солдата.

Рядовой пѣхотнаго графа Дибича-Забалканскаго полка (къ сожалѣнію, имя его неизвѣстно) во время штурма, 6-го іюня, лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана, въ предсмертныхъ мукахъ. „Ваше благородіе“, вскричалъ онъ проѣзжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшаго съ Малахова кургана въ городъ, „а, ваше благородіе!“ Офицеръ, посланный съ важнымъ приказаніемъ, не останавливался. „Постойте, ваше благородіе, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть...“ Офицеръ возвратился къ нему, и въ то же время подошелъ къ нему морякъ. „Что нужно, любезный, говори скорѣе?“ — „Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?“ — „Нѣтъ“ — „Ну, слава Богу... Я могу теперь умереть спокойно.“ Солдатъ перекрестился, обратилъ очи къ небу и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки.

Собравъ факты, изложивъ событія, приведа слова, мысли, чувства, взгляды и мнѣнія боевыхъ сотоварищей, подчиненныхъ, начальниковъ, Великаго Кня-

зя и двухъ Императоровъ, я перехожу къ заключенію.

Говорять, что всѣ вещи познаются черезъ сравненіе; но мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, а потому, сравнивая людей, мы никакъ не можемъ ихъ, такъ-сказать, уровнять, уподобить. Каждый человѣкъ есть отдѣльный, самостоятельный индивидуумъ, который развивается, дѣйствуетъ, вліяетъ и оставляетъ или ничтожный, легкій, или глубокой слѣдъ, какъ по мѣрѣ своихъ нравственныхъ силъ, энергіи, характера, такъ и по силѣ окружающихъ его обстоятельствъ. Иной могъ бы сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, другой и съ однимъ талантомъ, но работаетъ и достигаетъ. Вся эта масса отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей сливается въ одно гармоническое цѣлое, человѣчество. Величіе человѣка состоитъ въ той пользѣ, которую онъ приноситъ. Будь тѣмъ великъ, чѣмъ можешь быть великъ.

„Мы здѣсь—говоритъ Эпиктетъ—на сценѣ, гдѣ каждый долженъ сыграть назначенную ему роль. Великая обязанность, лежащая на человѣкѣ, заключается въ томъ, чтобы выполнить свою роль въ совершенствѣ. Мы можемъ говорить, что роль не по нашему характеру, что мы выполнили бы лучше другую, но, въ большинствѣ случаевъ, распоряженіе не въ нашей волѣ. Все, что отъ насъ зависитъ, это совершенствоваться въ роли, которая выпала намъ.“

Можно ли опредѣлительно, близко и вѣрно сравнить Суворова съ Румянцовымъ, Ермолова съ Беннингеномъ, Каменскаго съ Кутузовымъ, Паскевича съ Дибичемъ! Или у насъ, во флотѣ (оставляя безъ сравненія Державнаго героя моряка, (Основателя флота, Генія-просвѣтителя Россіи) Ушакова съ Спиридовымъ, Грейга съ Лазаревымъ, Нахимова съ Корниловымъ, хотя каждый изъ нихъ вполнѣ заслуживалъ и заслуживаетъ дань удивленія и уваженія, признательности современниковъ и бла-

годарности потомства, хотя каждый оставилъ славныя страницы въ исторіи Русскаго народа, хотя каждымъ изъ нихъ справедливо гордятся соотечественники и Россія. Но, сознавая невозможность правильнаго сравненія, мы все-таки сравниваемъ, а потому по смерти Нахимова сопоставляли его съ великими и дорогими именами какъ Русскаго, такъ и съ знаменитостями иностранныхъ флотовъ.

Не беру на себя смѣлости сказать свое слово, но постараюсь изъ всего вышесказаннаго обрисовать эту высоко-знаменательную и отрадную личность.

Адмиралъ Нахимовъ, одаренный счастливыми способностями ума и воспитанный въ молодости въ суровой школѣ могучаго наставника, скоро изучилъ знаніе и искусство моряка и пламенно на всю жизнь привязался къ своей профессіи. Воодушевленный безграничною любовью къ родинѣ и священнымъ исполненіемъ своего долга, онъ закалялъ свою волю на это высокое призваніе и тѣмъ получилъ ту нравственную силу на все окружающее, которая составляетъ его высшую заслугу отечеству.

Онъ вполне сознавалъ свое сильное вліяніе и, слѣдуя преданности къ нему сослуживцевъ отъ адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, велъ ихъ къ благотворной цѣли. Это былъ глубокой знатокъ человѣческаго сердца, мудрецъ, вполне постигшій духъ народа, великодушный начальникъ, великій гражданинъ, герой безъ страха и укоризны, славный адмиралъ, украсившій Русскій флотъ, озарившій Русскій флагъ и стяжавшій себѣ народное имя.

Я думаю, что угадаю въ настоящую минуту мысли и желанія всѣхъ моихъ сослуживцевъ, если окончу мой біографическій очеркъ адмирала Павла Степановича Нахимова теплыми, отрадными словами рескрипта генералъ-адмирала:

„Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе, Мы гордимся вами и

вашей славой, какъ украшеніемъ нашего флота. Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ моряхъ видитъ друзей своихъ.“

Да! Высоко чтимое имя его будетъ всегда жить съ глубокою признательностію и великимъ значеніемъ въ сердцахъ моряковъ Русскаго флота и да не коснется его впредь

Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,  
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.

А Севастопольская семья не забыла и никогда не забудетъ

... тотъ родной гранитъ,  
Гдѣ Нахимова могила,  
Гдѣ Корниловъ спитъ.

*Капитанъ 1-го ранга А. Асланбеговъ.*

Спб. 18 января 1868.

## Письмо П. С. Нахимова ко вдовѣ М. П. Лазарева.

Ваше высокопревосходительство,  
Екатерина Тимофѣевна!

Священная для всякаго Русскаго могила нашего безсмертнаго учителя приняла прахъ еще одного изъ любимыхъшихъ его воспитанниковъ. Лучшая надежда, о которой я со дня смерти Адмирала мечталъ, — послѣднее мѣсто въ склепѣ подлѣ драгоцѣннаго мнѣ гроба, я уступилъ Владиміру Ивановичу Истомину! Нѣжная, отеческая привязанность къ нему покойнаго Адмирала, дружба и довѣренность Владиміра Алексѣевича (1), и наконецъ поведеніе его, достойное нашего наставника и руководителя, рѣшили меня на эту жертву. Впрочемъ, надежда меня не покидаетъ принадле-

1) Корнилова.

жать этой возвышенной, благородной семьѣ; друзья-сослуживцы, въ случаѣ моей смерти, конечно не откажутся положить меня въ могилу, которую расположеніе ихъ найдетъ средство сблизить съ останками Образователя нашего сословія. Вамъ извѣстны подробности смерти Владиміра Ивановича, и потому я не буду повторять ихъ; твердость характера въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, святое исполненіе долга и неусыпная заботливость о подчиненныхъ, снискали ему общее уваженіе и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнивъ завѣтъ, онъ оправдалъ довѣріе Михайла Петровича и подтвердилъ новымъ фактомъ, какъ много потеряла Россія въ преждевременной кончинѣ нашего общаго Благодѣтеля <sup>(2)</sup>.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искренней преданности имѣю честь быть и проч.

Навелъ. Нахимовъ.

Севастополь.

24 марта 1855.

За сообщеніе этого письма и нижеглаголюющей объяснительной къ нему записки мы обязаны графу Б. А. Перовскому. *П. В.*

„Сооруженіе Храма Св. Владиміра въ Севастополь было любимую мечтою Лазарева. Когда онъ скончался за границею и тѣло его было привезено въ Севастополь, то сослуживцы и подчиненные его испросили разрѣшеніе похоронить его въ склепѣ на томъ мѣстѣ, на которомъ должно было, по его предположенію, воздвигнуть храмъ во имя Св. Владиміра (храмъ этотъ нынѣ, кажется, окончивается постройкою). При началѣ

<sup>2)</sup> Тутъ выпущено нѣсколько словъ, относящихся единственно до семейства Екатерины Тимофеевны.

славной обороны Севастополя, Нахимовъ и Корниловъ изъявили желаніе, чтобы ихъ похоронили возлѣ Михайла Петровича Лазарева, такъ какъ склепъ, гдѣ покоится прахъ его, могъ вмѣстить еще двѣ могилы. Это желаніе было извѣстно всѣмъ, и потому, когда былъ убитъ Корниловъ, его тамъ и положили. За симъ, единственное оставшееся въ склепѣ мѣсто Нахимовъ берегъ для себя, и только дружба и глубокое уваженіе къ Истомину заставили его уступить ему эту дорогую для него собственность. Надежда его однакоже не обманула, и когда пришла его очередь, то друзья-сослуживцы, какъ онъ называетъ ихъ въ письмѣ, дѣйствительно нашли средство похоронить его въ томъ же склепѣ, гдѣ покоится и прахъ М. П. Лазарева.“

### Записка Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, о новоучрежденной епархіи Римско-католической въ Херсонѣ.

По существу дѣла эта записка преосвященнаго Иннокентія находится въ связи съ записками его, напечатанными въ № 10-мъ Русскаго Архива 1867 года. Но вызванная особеннымъ, частнымъ случаемъ, она представляетъ съ одной стороны, фактическія доказательства той настойчивости и ловкости, съ какими *Romana curia* ведетъ свои дѣла, силясь, вопреки непреложному историческому ходу событій и, какъ выражается нашъ архипастырь, вопреки неотразимому суду Божію, не только остановить свое паденіе, но и распространить и усилить свое могущество; съ другой стороны, эта записка служитъ новымъ доказательствомъ и политической прозорливости, и самаго заботливаго попеченія о своей паствѣ, какими всегда отличался преосвященный Иннокентій. *П. Савваитовъ.*



Въ слѣдствіе конвенціи, заключенной съ папою въ 1847 году (1), учреждена, какъ извѣстно, новая епархія Римско-католическая, съ наименовані-

(1) Одинъ изъ французскихъ законовѣдовъ говоритъ, что эта конвенція — le premier acte où l'on voit la primauté du Saint-Siège, sur les catholiques russes officiellement reconnue par la Russie schismatique (!) Ce document, d'une haute importance, donne aux Eglises latine et grecque unies de ce vaste empire une position légale qu'elles n'avaient pas (?), et leur assure en même temps une administration canonique et des avantages très-précieux pour le bien de l'Eglise catholique dans cet Etat. — Si l'on examine ce concordat dans le détail de ses dispositions, on voit que dans ce qui concerne la nomination des évêques, le pape y concourt avec l'empereur, sans préjudice de l'institution canonique, qui lui est toujours réservée. L'évêque est seul juge et administrateur des affaires ecclésiastiques dans son diocèse, sauf la soumission canonique due au Saint-Siège. См. Cours de droit canon par l'abbé André, ed. 3<sup>ème</sup>, t. VI. Paris. 1860. pag. 75.

Для удобнѣйшаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ записки преосвященнаго Иннокентія выписываемъ главныя статьи этой конвенціи:

Art. 1. Sept diocèses catholiques romains sont établis dans l'empire des Russies; un archevêché et six évêchés, savoir: 1<sup>o</sup> L'archidiocèse de Mohilew, embrassant toutes les parties de l'empire qui ne sont point contenues dans les diocèses ci-dessous nommés. Le grand duché de Finlande est également compris dans cet archidiocèse. 2<sup>o</sup> Le diocèse de Wilna, embrassant les gouvernements de Wilna et de Grodno, dans leurs limites actuelles. 3<sup>o</sup> Le diocèse de Telsca (Тельшевская) ou de Samogitie, embrassant le gouvernement de Courlande et de Kowno, dans les limites qui leur sont actuellement assignées. 4<sup>o</sup> Le diocèse de Minsk, embrassant le gouvernement de Minsk, par ses limites d'aujourd'hui. 5<sup>o</sup> Le diocèse de Luceorin et Zytomérie (Луцко-Житомирская), composé de gouvernement de Kiovie et de Volhynie, dans leurs limites actuelles. 6<sup>o</sup> Le diocèse de Kamenieck (Каменицкая), embrassant le gouvernement de Podolie, dans ses limites actuelles. 7<sup>o</sup> Le nouveau diocèse de Kherson, qui

емъ Херсонской, и при ней (пока- мѣсть) два суффраганства съ капитуломъ и семинаріею, Безъ сомнѣнія, правительство имѣло на это съ сво-

se compose de la province Bessarabie, des gouvernements de Kherson, d'Ekatherinoslaw, de Tauride, de Saratow et d'Astracan, et des régions placées dans le gouvernement général du Caucase.

Art. 2. Des lettres apostoliques, sous le sceau de plomb, établiront l'étendue et les limites des diocèses, comme il est indiqué dans l'article précédent. Les décrets d'exécution comprendront le nombre, le nom des paroisses de chaque diocèse, et seront soumis à la sanction du Saint-Siège.

Art. 3. Le nombre des suffragances qui ont été établies par lettres apostoliques de Pie VI, en 1789, revêtues du sceau de plomb, est conservé dans les six diocèses anciens.

Art. 4. La suffragance du diocèse nouveau de Kherson sera dans la ville Saratow.

Art. 5. L'évêque de Kherson aura un traitement annuel de quatre mille quatre cents roubles d'argent. Son suffragant jouira du même traitement que les autres évêques suffragants de l'empire, c'est-à-dire de deux mille roubles d'argent.

Art. 6. Le chapitre de l'église cathédrale de Kherson se composera de neuf membres, savoir: deux prélats ou dignitaires, le président et l'archidiaque; quatre chanoines, dont trois rempliront les fonctions de théologal, de pénitentier et de curé; et trois mansionnaires ou bénéficiers.

Art. 7. Dans le nouvel évêché de Kherson, il y aura un séminaire diocésain: des élèves, au nombre de vingt-cinq, y seront entretenus aux frais du gouvernement, comme ceux qui jouissent de la pension dans les autres séminaires.

Art. 8. Jusqu'à ce qu'un évêque du rite arménien soit nommé, il sera pourvu aux besoins spirituels des Arméniens catholiques vivant dans le diocèse de Kherson et Kamenieck, en leur appliquant les règles du chapitre 9 du concile de Latran, en 1215.

Art. 9. Les évêques de Kamenieck et Kherson fixeront le nombre des clercs arméniens catholiques, qui devront être élevés dans leurs séminaires aux frais du gouvernement. Dans chacun des dits séminaires, il y aura un prêtre arménien

ей стороны немаловажныя причины и—во всякомъ случаѣ—согласилось на учрежденіе новой для католиковъ епархіи, не для распространенія въ Россіи католичества. Тѣмъ не менѣ, catholique, pour instruire les élèves arméniens des cérémonies de leur propre rite.

Art. 10. Toutes les fois que le besoin spirituel des catholiques romains et arméniens du nouvel évêché de Kherson le demanderont, l'évêque pourra, outre les moyens employés jusqu'ici pour subvenir à de tels besoins, envoyer des prêtres comme missionnaires à leur voyage et à leur nourriture.

Art. 11. Le nombre des diocèses dans le royaume de Pologne reste tel qu'il a été fixé dans les lettres apostoliques de Pie VII, en date du 30 juin 1818; rien n'est changé quant au nombre et à la dénomination des suffragances de ces diocèses.

Art. 12. La désignation des évêques pour les diocèses et pour les suffragances de l'empire de Russie et du royaume de Pologne, n'aura lieu qu'à la suite d'un concert préalable entre l'empereur et le Saint-Siège, pour chaque nomination. L'institution canonique leur sera donnée par le pontife romain selon la forme accoutumée.

Art. 13. L'évêque est seul juge et administrateur des affaires ecclésiastiques de son diocèse, sauf la soumission canonique due au Saint-Siège apostolique.

Art. 17. Toutes les personnes du consistoire sont ecclésiastiques, leur nomination et leur révocation appartiennent à l'évêque. . .

Art. 21. L'évêque a la direction suprême de l'enseignement, de la doctrine et de la discipline de tous les séminaires de son diocèse, suivant les prescriptions du concile de Trente, chapitre 18, session XXIII.

Art. 22. Le choix des recteurs, inspecteurs, professeurs pour les séminaires diocésains est réservé à l'évêque....

Art. 23. L'archevêque métropolitain de Mohilew exercera dans l'académie ecclésiastique de Saint-Petersbourg la même autorité due chaque évêque dans son séminaire diocésain. Il est l'unique chef de cette académie, il en est le suprême directeur. Le conseil ou la direction de cette académie n'a que voix consultative.

газетное извѣстіе объ учрежденіи въ Херсонѣ новой Латинской епархіи по всей Россіи произвело (и не могло не произвести) впечатлѣніе неблагопріятное. Для чувства Русскаго не легко было видѣть, какъ понятіе о Римѣ и латинствѣ соединено будетъ отсель навсегда съ священнымъ для Россіи именемъ Херсона, въ коемъ произошло крещеніе св. Владимира и откуда на всю землю Русскую возсіялъ свѣтъ Вѣры Православной. Новымъ учрежденіемъ, конечно безъ намѣренія, но тѣмъ не менѣ поданъ и съ нашей стороны значительный по-

Art. 24. Le choix du recteur, de l'inspecteur et des professeurs de l'académie sera fait par archevêque, sur le rapport du conseil académique.

Art. 25. Les professeurs et professeur-adjoints des sciences théologiques sont toujours choisis parmi les ecclésiastiques. Les autres maîtres pourront être choisis parmi les laïques professant la religion catholique romaine.

Art. 28. Le programme des études pour les séminaires sera rédigé par les évêques. L'archevêque rédigera celui de l'académie, après en avoir conféré avec son conseil académique.

Art. 29. Lorsque le règlement de l'académie ecclésiastique de Saint-Petersbourg aura subi les modifications conformes aux principes dont il a été convenu dans les précédents articles, l'archevêque de Mohilew enverra au Saint-Siège un rapport sur l'académie comme celui qu'a fait l'archevêque de Varsovie, Koromansky, lorsque l'académie ecclésiastique de cette ville fut rétablie.

Art. 31. Les églises catholiques romaines sont librement réparées aux frais des communautés ou des particuliers qui veulent bien se charger de ce soin. Toutes les fois que leur propres ressources ne suffiront pas, ils pourront s'adresser au gouvernement imperial pour en obtenir des secours. Il sera procédé à la construction de nouvelles églises, à l'augmentation du nombre des paroisses, lorsque l'exigeront l'accroissement, l'étendue trop vaste des paroisses ou la difficulté des communications.

водъ (\*) къ новому провозглашенію той исторической лжи, которую Римскіе католики издавна привыкли разсѣвать по Европѣ въ разныхъ сочиненіяхъ,—доказывая, якобы Россія обращена въ Христіанство первоначально Римскими миссіонерами и что она была тогда въ послушаніи у папы... Тѣ, кои знакомѣ другихъ съ количествомъ и положеніемъ Римскихъ католиковъ въ Россіи, кои увѣрены посему въ очевидномъ излишкѣ и существовавшихъ доселѣ у насъ епархій Латинскихъ, и твердо знаютъ, какъ трудно самому правительству управляться съ этою неугомонною іерархією, иначе не умѣли объяснить себѣ новаго явленія, какъ предположеніемъ какихъ-либо при семъ особенныхъ, дальнѣйшихъ, сокровенныхъ видовъ у правительства: послѣднее же не легко было представить себѣ, что именно могло имѣться у него въ виду при употребленіи средства столь небезопаснаго, какъ возвышеніе и разширеніе Латинской іерархіи,—то невольно приходили къ мысли, не сдѣлана ли нашими дипломатами въ семъ случаѣ, вмѣсто дальновиднаго расчета политическаго, необдуманная и простодушная уступка Риму, подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, или непонятыхъ, или не надлежащимъ образомъ оцѣ-

(\*) *Curia Romana* не преминула (какъ увидимъ ниже) воспользоваться этимъ въ самой буллѣ объ учрежденіи новаго епископства Херсонскаго. *Пр. Инн.* Святой отецъ не обинуясь говоритъ прямо въ этой буллѣ, что въ обширнѣйшихъ областяхъ Русской имперіи *divini Verbi praesones, latinā quoque mittente ecclesid, salutiferam Christi fidem a vetustissimis usque temporibus primum annunciarunt, propagarunt etc.* П. С.—ав.

ненныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было согласить съ извѣстными видами правительства сотвореніе имъ же изъ ничего, *proprio motu*, безъ всякой особенной нужды, вдругъ трехъ епископовъ Латинскихъ, чрезъ что для Латинской пропаганды открылся. — не представлявшійся ей и во снѣ,—способъ взять отселѣ подъ опасное вліяніе свое и весь югъ Россіи, какъ взять весь западъ? Если,—разсуждали,—для весьма небольшого числа разсѣянныхъ по югу Латинскихъ костеловъ дѣйствительно необходимъ былъ ближайшій іерархическій надзоръ: то для сего предостаточно было прибавить къ какой либо Римско-католической кафедрѣ одного суффрагана, съ помѣщеніемъ его, пожалуй, гдѣ либо и на югѣ (\*). Все эти и подобныя впечатлѣнія получали бѣольшую силу отъ новыхъ событій и переворотовъ Европейскихъ, обрушившихся надъ Ватиканомъ съ такимъ необычайнымъ громомъ и молнією, что многіе изъ самыхъ католиковъ не могли не признать въ семъ случаѣ карающаго перста Божія. Неужели,—разсуждали и разсуждаютъ,—православной Россіи предлежитъ, не во благо себѣ, поднимать на высоту, укрѣплять и разширять въ нѣдрахъ своихъ то, что самъ промыслъ Божій видимо предопредѣляетъ къ ослабленію, уменьшенію, а можетъ быть, и уничтоженію даже на Западѣ?....

Особенно, — какъ и ожидать надлежащаго, — учрежденіемъ новаго епископ-

(\*) А весьма легко было обойтись и безъ новаго суффрагана: потому что цѣлыя десятки прежнихъ, которымъ рѣшительно вѣчего дѣлать. *Пр. Инн.*

ства Латинскаго встревожено было чувство православныхъ жителей г. Херсона и окрестныхъ мѣстъ. До тѣхъ поръ въ этомъ городѣ существовала только одинъ ксензъ Латинскій, терявшійся въ толпѣ и почти никому неизвѣстный; и вотъ вдругъ, въ срединѣ прошедшаго лѣта, является предъ ними Латинскій бискупъ со свитою собранныхъ нарочно издалека ксензовъ, представляетъ изъ себя лице, нарочно посланное отъ правительства для какихъ-то важныхъ, никому вполне неизвѣстныхъ, цѣлей, учреждаетъ и освящаетъ тѣсный Латинскій костелъ въ соборъ кафедральный, составляетъ изъ своего служенія, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, всенародное зрѣлище, проповѣдуетъ о милости императора Всероссийскаго къ католикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ,—сообразно съ буллою папскою,—еще о бѣльшей милости какого-то Римскаго государя,—о коемъ вовсе не знали многіе и изъ католиковъ,—къ народу Россійскому, съ объявленіемъ, что все это лишь одно начало, что, по отшествіи его, придутъ уже не на время, а на постоянное жительство въ Херсонъ, не одинъ, а два или три епископа Латинскихъ, съ немалымъ числомъ канониковъ, съ консисторіею и семинаріею, и что городъ ихъ (Херсонъ), по милости *намыстника Христова, главы всего христіанства*, обращенъ будетъ отселъ въ столицу истинной вѣры (то есть Римской) на югъ. Можно представить себѣ и не бывшимъ при этомъ случаѣ въ Херсонѣ, какъ должно было подѣйствовать все это на православный народъ!.... Ужели насъ хотятъ сдѣлать католиками, — спрашивали

одни; ибо надобно же, чтобы у трехъ новыхъ епископовъ была хоть какая либо паства, а среди насъ нѣтъ ея для нихъ? Чѣмъ вводитъ у насъ Латинство,—разсуждали другіе,—не лучше ли было бы, по примѣру другихъ губернскихъ городовъ, дать православнаго епископа намъ, кои живемъ среди всякой некрести, и потому во всегдашней опасности терять чистоту вѣры? Сколько сотъ тысячъ казнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько хлопотъ, затрудненій, неудовольствій самому правительству будетъ стоить это новое, Богъ знаетъ откуда и для чего взятое, учрежденіе Латинскаго епископа съ его викаріями, канониками и семинаріею? примѣчали третьи. — Не безъ затрудненія было положеніе при семъ случаѣ мѣстнаго гражданскаго начальства, которое не знало, въ какое отношеніе поставить себя къ новоявившемуся Латинскому епископу, тѣмъ менѣе находило средствъ отвѣчать удовлетворительно на толки и мнѣнія народныя, хотя видѣло крайнюю нужду говорить что либо въ успокоеніе встревоженнаго чувства религіознаго. Даже Евреи, коими наполненъ теперь весь Херсонъ, не остались позади другихъ въ догадкахъ о новомъ событіи. и, что примѣчательно, сходились въ одномъ и томъ же заключеніи, что Поляки берутъ верхъ, и ксензамъ Русскимъ приходится невзгода..... При такомъ всеобщемъ смущеніи мыслей, разсудительнѣйшіе и болѣе набожные изъ православныхъ жителей Херсона приходили не разъ къ рѣшимости просить высшую власть, чтобы,—если уже неизбежно водвореніе между ними епис-

коповъ Латинскихъ, то, по крайней мѣрѣ хотя въ нѣкоторое соотвѣтствіе,—данъ былъ Херсону и епископъ православный.

Но всего болѣе смущены были новымъ учрежденіемъ раскольники, а въ слѣдъ за ними и единовѣрцы, коихъ значительное количество по разнымъ мѣстамъ Херсонской губерніи, начиная съ Одессы, Херсона, Николаева и Елисаветграда. Въ глазахъ этихъ малолѣтнихъ по духу дѣтей такое торжественное введеніе среди православнаго юга Латинства упало—до дѣйствія антихристіанскаго, угрожающаго бѣдствіемъ не только вѣрѣ Православной, но и отечеству, и потому слѣдствіемъ какого либа гнѣва Божія.....

Были-ль рады новому учрежденію, по крайней мѣрѣ, сами католики? Утвердительно можно сказать, что не были—въ той степени, какъ надлежало ожидать. Новый даръ правительства былъ слишкомъ великъ и видимо не соразмѣренъ съ мѣстною потребностію, почему невольно вынуждалъ у cadaго размышляющаго сомнѣніе и подозрѣніе на счетъ видовъ правительства и истинной цѣли его дѣйствій. Суфраганъ Латинскій съ двумя канониками, въ видѣ благочинныхъ, былъ бы принятъ отъ сердца и съ благодарностію; а вдругъ три епископа, при осязательной ненуждѣ и въ одномъ, казались,—и долго будутъ казаться,—чѣмъ-то неестественнымъ, такъ сказать, противуправительственнымъ. и потому подозрительнымъ. „Возможно ли“—разсуждали католики—„чтобы Русскіе рѣшились сдѣлать безъ нужды *для насъ* то, чего, при ви-

димой нуждѣ, никогда не дѣлали и не дѣлаютъ *для своихъ*? Вѣроятно, хотятъ ввести въ нашу іерархію, доселѣ чисто Польскую, новую стихію—Нѣмецкую, чтобы, раздвоивъ ее въ составѣ, духѣ и видахъ, тѣмъ самымъ непримѣтно ее обезсилить. Но не Москва-ль перехитритъ Іезуитовъ! При благоразумномъ дѣйствованіи съ нашей стороны, изъ cadaго новаго епископа католическаго (а ихъ, благодаря Русской простотѣ, трое) можно будетъ сдѣлать по новой крѣпости на югѣ противъ Русскаго духа“.

Всѣ таковыя и подобныя впечатлѣнія, произведенныя новымъ учрежденіемъ епархіи Латинской въ Херсонѣ, очевидно, говорятъ не въ пользу новаго учрежденія и могутъ быть искуплены только какою либо весьма важною пользою, отъ него ожидаемою, которой,—сказать правду,—нелегко доискаться тому, кто не посвященъ во всѣ тайны политики.

Между тѣмъ невыгоды отъ новаго учрежденія лежатъ, можно сказать, предъ глазами у cadaго.

И во-первыхъ, уже весьма немало важно то, что учрежденіемъ новой, ненужной, по суду всѣхъ—даже римско-католиковъ,—епархіи Латинской, въ такомъ обширномъ составѣ и размѣрѣ, какого (сравнительно) не имѣтъ ни одна изъ нашихъ православныхъ епархій, не смотря на многочисленность ихъ паствъ, дипломатика наша подверглась и еще будетъ подвергаться предъ лицомъ всей Россіи нареканію въ простертой за предѣлы уступчивости двору Римскому, и въ какое при томъ время? когда этотъ дворъ самъ, въ слѣдствіе своихъ вѣковыхъ

грѣховъ и заблужденій, по неотразимому суду Божию, видимо распадается на части и приближается къ конечному запустѣнію.

Во-вторыхъ, кромѣ нареканія, въ настоящемъ случаѣ и не безъ потери. Учрежденіе въ Россіи новой епархіи Римской для двора папскаго есть тоже, что завоеваніе новой области. Отселѣ новыя для него права надъ значительною частию Россіи, изъ коихъ онъ не замедлитъ извлечь для себя новыя выгоды и новые поводы къ спорамъ и жалобамъ въ слухъ всего свѣта, на Россію. Примѣръ на все это—Польша и Литва. Сколько затрудненій всегда ставилъ и ставитъ до нынѣ Римскій дворъ при одномъ назначеніи епископовъ! Не въ-слѣдствіе ли подобнаго затрудненія принесенъ въ жертву Херсонъ?... Между тѣмъ эта жертва такого рода, что сама въ свою очередь будетъ требовать новыхъ жертвъ при каждомъ назначеніи новыхъ епископовъ.

Въ третьихъ, есть опасеніе и другаго рода—еще большее. Доселѣ свободный и непререкаемый для Православія югъ Россіи съ новымъ учрежденіемъ неизбѣжно отдается подъ вліяніе Римской пропаганды, которая, какъ тѣнь за тѣломъ, всюду слѣдуетъ за Латинствомъ. Въ Херсонѣ, — по крайне-малому числу католиковъ, — епископъ съ своими суфраганами самымъ положеніемъ своимъ, то есть отъ нечего дѣлать, будетъ невольнo располагаться къ умноженію всѣми мѣрами своего духовнаго стада. Между тѣмъ борются съ пропагандою Римскою если какому краю неудобно, то нашему южному, частию по самой

юности его и разнородности въ населеніи, частию по вліянію смежныхъ, наполненныхъ Поляками, губерній(\*), частию по его географическому положенію, открытому, въ слѣдствіе торговли и морскихъ портовъ, для всего западнаго, особенно Итальянскаго, частию наконецъ по недавности учрежденія тамъ православныхъ каедръ и крайне ограниченнымъ ихъ способамъ къ дѣйствию.

Въ-четвертыхъ, нельзя забыть вовсе и того, что на устройство помѣщенія для новаго епископа съ его суфраганами, для консисторіи, капитула и семинаріи и на обезпеченіе ихъ содержаніемъ потребуется не одинъ милліонъ, могли бытъ употребленнымъ на болѣе нужное и полезнѣйшее. Поелику,—какъ показываетъ опытъ съ Петербургскою Римско-католическою академіею,—принято, неизвѣстно по чему, какъ-бы за правило, чтобы производимая отъ казны сумма на содержаніе римско-католиковъ была гораздо выше той, которая производится на содержаніе православныхъ каедръ и семинарій: то обстоятельство сіе, кромѣ издержекъ, будетъ еще служить въ постоянный поводъ къ превозношенію для католиковъ и къ соблазну для православныхъ (\*\*).

(\*) Въ-слѣдствіе сего злосчастнаго вліянія, по Херсонской губерніи значительная часть имѣній помѣщичьихъ уже находится въ распоряженіи управителей Поляковъ, кои, дыша тайною неприязнью къ Россіи и будучи самаго сомнительнаго поведенія, всячески стараются угнетать народъ, обращая злостро это угнетеніе въ укоръ правительству; о чемъ не безъ извѣстнаго и извѣстному гражданскому начальству. *Ир. Инн.*

(\*\*) По силѣ новаго учрежденія, для Херсонскаго епископа Латинскаго казна отпускаетъ ежегодно 4480 руб. сер., тогда какъ окладъ ежегодный православнаго архіепископа состоитъ не болѣе, какъ изъ 600 руб. сер. Члены конси-

Въ-пятыхъ, если правительство дѣйствительно предполагаетъ, посредствомъ новой Латинской семинаріи въ Херсонѣ, образовать изъ дѣтей южныхъ колонистовъ нашихъ въ составѣ іерархіи Римско-католической новый элементъ Нѣмецкій: то должно сказать, что этотъ элементъ немногимъ будетъ лучше Польскаго. Не говоря уже о томъ, что новые воспитанники получаютъ образованіе отъ наставниковъ Поляковъ, кои не преминуть передать имъ свой духъ, южные колонисты сами по себѣ доселѣ составляютъ видимое *status in statu*, живя почти въ совершенномъ разобщеніи съ Русскими, не стараясь знакомиться, даже въ училищахъ (\*), съ языкомъ Русскимъ. Взирая доселѣ на себя какъ на иностранцевъ, въ сравненіи съ коими Русскіе ничего не значатъ, они не перестаютъ мечтать о Германіи и готовы отдаться подъ всякое чуждое вліяніе<sup>(2)</sup>.

ріи Латинской будутъ получать каждый весьма немалое жалованье, а члены консисторіи православною не получаютъ ни копейки. *Пр. Инн.* Каждому изъ суфрагановъ назначено по 2000 руб. сер. въ годъ. *П. С—ва.*

(\*) Что не разъ было примѣчено и г. попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. *Пр. Инн.*

(2) Нынѣшнее состояніе тамошняго края подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, эти замѣчанія преосвященнаго Иннокентія. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Херсонской губерніи на все разноплеменное народонаселеніе, составляющее больше 1,054,000 душъ, считается Нѣмецъ-колонистовъ больше 50,000. Они живутъ особнякомъ, нѣсколькими большими островами, и дѣйствительно составляютъ *status in statu*, сохраняя все нѣмецкое, начиная отъ школъ и богослуженія и кончая самыми мелочными подробностями хозяйства. Не находятъ примѣра, чтобы Нѣмецъ-колонистъ женился на Русской, или Русскій женился на Нѣмцѣ-колонисткѣ. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, нельзя имѣть никакой надежды на возможность обр-

Что же, —спросятъ,—дѣлать, когда мы уже обязали себя силою трактата съ дворомъ Римскимъ? Не принимая на себя полного рѣшенія этого вопроса, которое принадлежитъ, очевидно, не тѣмъ, кои смотрятъ снизу, а тѣмъ, кои стоятъ вверху, можно вмѣсто отвѣта, сдѣлать нѣсколько примѣчаній.

Если уже нельзя возвратиться назадъ: то—

1) неблагоприятно было бы спѣшить и впередъ, тѣмъ паче, когда идя и шагъ за шагомъ, нельзя идти иначе, какъ только съ немалымъ усиленіемъ. На бумагѣ новую епархію Латинскую можно было учредить въ одну минуту; а на самомъ дѣлѣ устроеніе ея неизбежно требуетъ нѣсколько лѣтъ, уже потому, что нѣтъ ни одного готоваго зданія, а ихъ нужно нѣсколько, и въ значительномъ размѣрѣ. Гдѣ потомъ взять лицъ для трехъ митръ епископскихъ, когда и одного, предназначеннаго во главу остальныхъ, оказалось нужнымъ прежде окрестить, а потомъ произвести во епископа? Откуда набрать капитулъ и канониковъ, когда въ Херсонѣ одинъ только ксензъ? Изъ чего образовать семинарію? Уже ли правительство обязано и въ семъ случаѣ творить все изъ ничего, когда само Латинство не представляетъ не-

сенія этихъ пришельцевъ. Въ послѣднее время Нѣмцы, при помощи займовъ изъ колонистскаго капитала подъ круговую поруку, начали закупать земли, преимущественно въ Одесскомъ, Тираспольскомъ и Анапьевскомъ уѣздахъ; и эти закупки принимаютъ такіе обширные размѣры, что угрожаютъ краю совершеннымъ оиѣмченіемъ. Къ этому надо прибавить, что тамошнихъ колонистовъ Шведовъ, противъ воли ихъ, заставляютъ учиться не по-русски, а по-нѣмецки!

обходимыхъ матеріаловъ? Кто и по какому праву можетъ требовать се-го? Между тѣмъ пройдетъ два, три года, и—кто знаетъ, что будетъ съ католичествомъ въ самомъ Римѣ? — Во всякомъ случаѣ можно надолго ограничиться однимъ епископомъ безъ суффрагановъ, даже до времени—безъ капитула, въ томъ обширномъ и преушищенномъ составѣ и видѣ, какъ любятъ размалевывать его Римскіе католики (\*).

2) Въмѣсто ненужныхъ Латинскихъ суффрагановъ, необходимо поспѣшить учрежденіемъ для весьма обширной православной епархіи Херсонской викарнаго епископства, съ помѣщеніемъ его въ Херсонѣ (3). Этимъ успокоенъ

(\*) Зачѣмъ напр. составлять Херсонскій капитулъ изъ девяти особъ, живущихъ въ Херсонѣ, когда первоначально будлоу папы о Могилевскомъ архіепископствѣ положено находиться въ самомъ Могилевѣ только четверемъ? — Зачѣмъ три мансіонарія, когда церковь такъ мала, что еслибы служили въ ней всѣ члены капитула, то не было бы мѣста народу? *Пр. Инн.*

(3) Въ 1833 году, марта 23 дня, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи викаріатства въ Херсонской епархіи и о назначеніи викарію штатнаго содержанія. Викарію епископу повелѣно именоваться Одесскимъ, а мѣсто-пребываніе имѣть въ Херсонѣ. Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1833 г. № 27.106.—Вотъ нѣсколько подробностей, относящихся къ образованію православной Херсонской епархіи: Императрица Екатерина II, по заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году, повелѣла образовать Азовскую губернію изъ Азовской и Бахмутской провинцій; а въ слѣдующемъ 1775 году, 9 сентября, изъ этихъ губерній, съ присоединеніемъ къ нимъ и Новороссійскаго края, учредила епархію Славенскую и Херсонскую. Наименованіе Славенской усвоено ей потому, что народъ Русскій есть единственная и суцая отрасль древнихъ Славянъ; а Херсонской—въ воспоминаніе того, что Херсонъ былъ источникомъ христіанства для Россіи, въ память чего мѣстнымъ

будетъ духъ тамошняго православнаго населенія, поставленъ необходимый оплотъ противъ Римской припагоды въ Херсонѣ и положено начало къ ближайшему дѣйствію на мусульманскій Крымъ.

архіереямъ повелѣно на верхнихъ скрижальяхъ мантий носить изображеніе святаго и животворящаго креста. Полн. Собр. Зак. т. XX, № 14.366.— По образованіи Екатеринославскаго намѣстничества изъ Азовской и Новороссійской губерній, архіереямъ тамошнимъ повелѣно именоваться Екатеринославскими и Херсонисо-Таврическими: въ 1799 году—Новороссійскими и Днѣпровскими; а въ 1803—опять Екатеринославскими, Херсонскими и Таврическими. Ист. Рос. Іер. ч. I. изд. 2. М. 1822, стр. 143 и 144; см. стр. 26. — Въ 1787 году была учреждена Екатеринославская викарная епархіа и епископамъ ея велѣно было именоваться Θεодосійскими и Маріупольскими; но чрезъ 12 лѣтъ (въ 1799 г.) она упразднена. Тамъ-же стр. 145 и 146.—Въ Августѣ 1813 года по представленію бывшаго Молдаво-Валахскаго экзарха, митрополита Гавріила, для заведенія духовно-административнаго порядка въ новоприсоединенной къ Россіи Задністровской области. открыта епархіа Кишиневская и Хотинская, къ которой присоединена и часть Херсонской епархіи. Полн. Собр. Зак. т. XXXII. 1813 г. № 23.441.—Императоръ Николай Павловичъ, во время личнаго своего присутствія въ Синодѣ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Престола (нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ) 4 іюня 1835 года, между прочимъ, повелѣлъ—для удобства въ надзорѣ за духовенствомъ и назиданія паствъ, войти въ разсужденіе объ учрежденіи вновь четырехъ викаріатствъ въ обширнѣйшихъ епархіяхъ. Журн. Св. Синод. 4 іюня 1835 г. Вслѣдствіе сего, Святѣйшій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что епархіа Екатеринославская, обнявшая собою Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губерніи, съ увеличеніемъ народонаселенія, съ умноженіемъ церквей и духовенства, при открывшихся новыхъ отношеніяхъ православныхъ къ иновѣрцамъ, имѣла нужду въ особенной дѣятельности мѣстнаго архіерея, предполагалъ учредить викаріатство



Вмѣстѣ съ симъ,—для устранения неблагопріятныхъ для православія сравненій въ глазахъ людей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ,—необходимо возвысить штаты по православному вѣдомству Херсонскому до той степени, на какой они опредѣлены тамъ теперь для католиковъ, а равно предоставить православному архіепископу тоже право, какимъ будетъ пользоваться Латинскій бискупъ, касательно командированія. въ случаѣ нужды, благочинныхъ на казенный счетъ.

3) Если бы оказалось возможнымъ (а по чему не такъ?), помѣстить новаго епископа Латинскаго не въ Херсонѣ, а въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Ставрополь (\*\*\*)), составляющемъ центръ его епархіи: то одно это уже было бы небезполезно въ разныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ епископъ сей, во-первыхъ, былъ бы ближе къ Саратовской губерніи. гдѣ наибольшая часть его, вообще невеликой по числу для этой епархіи. Но Екатеринославскій архіепископъ Гапріалъ, въ январѣ слѣдующаго года, довелъ синоду, что «учрежденіе викариата не достигнетъ тѣхъ результатовъ, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ самостоятельнаго іерарха, принимая во вниманіе обширность края.» На основаніи таковаго заявленія, по докладу Синода, 9 мая 1837 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—изъ состава епархіи Екатеринославской и Квшиневской отдѣлить губерніи Херсонскую и Таврическую и учредить для нихъ новое епархіальное управленіе. Полн. Собр. Зак. 1837 г. № 10.219. Такъ образовалась православная Херсонская епархіа въ послѣднемъ своемъ составѣ; а въ 1853 году, какъ сказано въ началѣ этого примѣчанія, и въ ней открыто викариатство.

(\*\*\*) Въ буллахъ папскихъ по случаю учрежденія Латинскихъ епископствъ въ Россіи неразъ говорится, что такое-то епископство учреждается въ такомъ-то городѣ потому, что оны въ центрѣ епархіи. *Пр. Инн.*

душъ, паствы; а съ другой стороны, къ собственному его спокойствію, онъ находилъ бы вдаль отъ Черноморскихъ портовъ, и слѣдовательно отъ вольныхъ и невольныхъ, но всегда небезопасныхъ, связей со множествомъ иностранцевъ, кои почти круглый годъ толпятся по симъ портамъ и могутъ сдѣлаться,—разумѣется, не въ пользу правительства,—постоянными посредниками между Римомъ и Римско-католическимъ Херсономъ. Въ пользу православія при семъ случаѣ оставалось бы то, что чувство Русское не страдало бы, видя, какъ Латинство съ такою силою ставитъ крѣзь Римскій у самой колыбели вѣры православной.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не сдѣлать еще одного примѣчанія касательно нѣкоторыхъ мыслей и выраженій, кои *Sugia Romani* позволила себѣ употребить въ учредительной буллѣ о епископствѣ Херсонскомъ. Сверхъ всякаго ожиданія, здѣсь въ слухъ всего свѣта прямо говорится, что якобы отечество наше проповѣдь о вѣрѣ Христіанской *впервыя* услышало отъ Латинскихъ миссіонеровъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже удостоились якобы принять отъ руки нашихъ предковъ вѣнецъ мученичскій (4). Скажите, пожалуйста, кто

(4) Объ этомъ говорится въ самомъ началѣ учредительной буллы слѣдующимъ образомъ: «*Universalis Ecclesiae cura divinitus commissa postulat atque efflagitat, ut omnem, quâ latè patet, christianum orbem paterna charitate complexi nullam apostolicae nostrae vigilantiae et sollicitudinis partem unquam omittamus, quo in remotissimis quoque ab hac Sanctâ Sede regionibus sanctissimae nostrae religionis causae ac spirituali fidelium prosperitati totis viribus consulamus, prout*

эти мученики? И откуда видно, что свѣтъ Евангелія пришелъ къ намъ изъ Рима?—Когда подобная ложь провозглашалась, по временамъ, отъ по-

Dei gloriae et animarum saluti magis expedire noverimus. Hinc ubi arcano divinae providentiae consilio in hâc sublimi principis apostolorum cathedrâ collocati totius Ecclesiae gubernacula tractanda suscepimus, nullâ interpositâ morâ paternum animum, studiumque nostrum ad amplissimas Russiarum imperii regiones convertimus, in quibus divini Verbi praecones, latina quoque mittente Ecclesiâ, maximos labores et gravissima quaeque pericula strenuè constanterque perpessi, ac vel ipsam triumphalem martyrii lauream adepti, salu- tiferam Christi fidem à vetustissimis usque temporibus primum annunciarunt, propagarunt, nihilque intentatum reliquerunt, quo illos populos de errorum tenebris ad catholicae veritatis lucem traducerent. Itaque illustribus recol. mem. Gregorii XVI, praedecessoris nostri, vestigiis insistentes, cum serenissimo ac potentissimo principe Nicolao I, Russiarum imperatore et Poloniae rege, illustri, tractationem suscepimus, omnesque curas et consilia adhibuimus, ut catholicae religionis statum in meliorem ibi conditionem adducere ac sempiternae illorum fidelium salutis prospicere possemus. Et si vero Deo bene juvante multa quidem componere potuimus, in quibus ille serenissimus princeps pronâ et benevolâ voluntate nostris desideriis obsecundavit, tamen plurima et gravissimi sanè maximique momenti ad optatum exitum adducenda supersunt, quemadmodum ex consistoriali nostrâ allocutione hoc ipso die habitâ ac typis edita clarè apertèque patet. Т. е. попеченіе о вселенской церкви, порученное намъ Богомъ, обязываетъ и побуждаетъ насъ, объѣмля отеческою любовію весь христіанскій міръ, во всемъ его пространствѣ, не оставлять ни одной части его безъ апостольскаго нашего охраненія и попеченія, дабы и въ самыхъ отдаленныхъ отъ сего святаго престола странахъ всѣми силами споспѣшествовать успѣхамъ святѣйшей нашей (т. е. римско-католической) религіи и духовному благополучію вѣрныхъ, къ преуспѣванію славы Божіей и спасенія душъ. Вслѣдствіе сего, когда по тайной волѣ Божественнаго провидѣнія, занявъ сей высокій престолъ князя апостоловъ (т. е. апостола Петра), мы приняли управленіе всею церковію:

борниковъ папства въ разныхъ неважныхъ книжонкахъ, то можно было смотрѣть на это равнодушно, какъ на выходки школьной полемики: но теперь,

то ни мало не медля обратили наше отеческое вниманіе и попеченіе на обширнѣйшія области Россійской Имперіи, въ которыхъ проповѣдники слова Божія, посланные также Римскою церковію, мужественно и твердо перенесли тяжчайшіе труды и величайшія опасности и даже принявше вѣнецъ мученической, въ самыхъ отдаленныя времена впервые проповѣдывали и распространяли спасительную вѣру Христову и не щадили никакихъ усилій, чтобы оныя народы изъ мрака заблужденій привести къ свѣту католической истины. И такъ, неуклонно слѣдуя славнымъ путемъ предшественника нашего, блаженной памяти Григорія XVI (\*), мы заключили договоръ съ освѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Государемъ Николаемъ I-мъ, славнымъ императоромъ Россійскимъ и царемъ Польскимъ, и употребили всевозможныя заботы и старанія, чтобы получить возможность улучшить тамошнее состояніе католической религіи и устроить вѣчное спасеніе вѣрныхъ. И хотя, при помощи Божіей, мы успѣли сдѣлать многое, въ чемъ освѣтлѣйшій оный Государь охотно и благо-склонно согласился съ нашими желаніями: однако осталось привести къ желанному концу гораздо большее и, конечно, несравненно важнѣйшее, какъ ясно можно видѣть изъ нашей консисторіальной рѣчи, сегодня (т. е. 1/13 іюля)

\*) Григорій XVI родился въ 1765 году въ Беллунъ; сначала былъ монахомъ Камальдульскаго ордена (учрежденнаго Бенедиктинскимъ монахомъ Ромуальдомъ въ 1012 и утвержденнаго папою Александромъ III въ 1072 г.); въ 1826 году папа Левъ XII сдѣлалъ его кардиналомъ и преемствомъ пропаганды; а въ 1831 году онъ занялъ папскій престолъ, послѣ Пія VIII. Буллою 1832 года онъ подтвердилъ опредѣленіе своего предшественника о смѣшанныхъ бракахъ; въ томъ же году (3/15 августа) окружнымъ посланіемъ осудилъ ученіе Ламенне (Lamennais) объ отдѣленіи церкви отъ государства, а позже—и послѣдующія его сочиненія; въ 1836 году ходатайствовалъ предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ по дѣлу польскихъ католиковъ. Во время его правленія, злоупотребленія папской администраціи были причиною мятежей въ 1831, 1843, 1844 и 1845 гг. Григорій XVI особенно покровительствовалъ иезуитамъ. Умеръ въ 1846 году.

когда мы допустили, и слѣдовательно приняли за истину эту обидную для нашего православія ложь, въ папской буллѣ, имѣющей предъ лицомъ всего свѣта силу трактата, въ какое положеніе поставлены защитники православія, и что остается дѣлать имъ? И въ силу какой крайности допущено все это въ новой буллѣ? Въ прежнихъ буллахъ не было о семъ и помину: такъ могло оставаться и теперь. Кромѣ сей, очевидно весьма важной съ нашей стороны ошибки, сколько потомъ въ буллѣ выражений, кои папа могъ употребить только въ отношеніи къ какому либо городу своей Римской области <sup>(5)</sup>! Вообще бѣдный Херсонъ, съ именемъ коего у православныхъ

прошнесенной и напечатанной. — А въ этой рѣчи мы находимъ, между прочимъ, вотъ что: *Puisque la déplorable situation des Ruthéniens (!!!) tient notre esprit dans l'affliction et dans l'angoisse, nous vous répétons que nous sommes dans l'intention, pour remplir les devoirs de notre ministère, de n'épargner aucune démarche pour subvenir de la manière la plus convenable à leurs besoins spirituels. Certain, comme nous le sommes, que les prêtres latins déploient tout ce qu'ils ont de zèle et de ressources pour ne pas les laisser manquer de secours spirituels, nous exhortons du fond de notre coeur, avec amour et avec instance, les Ruthéniens à rester fermes et inébranlables dans l'unité de l'Eglise catholique; nous conjurons ceux qui seraient sortis du sein de leur mère très aimante d'y rentrer, et d'avoir recours à nous, qui sommes disposé à leur fournir tous les moyens de faire leur salut.* Это послѣднее обращеніе, особенно по сличеніи его съ вышеприведенными словами буллы, такъ прозрачно, что не имѣетъ нужды ни въ какомъ толкованіи...

<sup>(5)</sup> Дѣйствительно, въ буллѣ градомъ сыплотся: *volumus, subjicimus, attribuimus, erigimus, statuimus, decernimus, potestatem facimus, mandamus, sejungimus, distrahimus, separamus omnes regiones et loca intra Russiaci imperii fines* и т. п.; и все это — *auctoritate nostra apostolica!!*

#### IV.

Россіянь неразрывно связана память о крещеніи Св. Владимира и обращеніи всея Россіи къ христіанству, трактуется въ сей буллѣ почти какъ городъ идолопоклоннической, коему теперь только, по милости Ватикана, даруется каѳедра христіанскаго епископа, съ пожалованіемъ неизвѣстно какихъ правъ и преимуществъ. Не такъ писаны учредительные акты за 70 лѣтъ для архіепископства Могилевскаго: тамъ городъ не производится ни въ какой новый чинъ <sup>(6)</sup>, а только

<sup>(6)</sup> Пресвященный Иннокентій, очевидно, указываетъ здѣсь главнымъ образомъ на слѣдующее мѣсто буллы объ учрежденіи Херсонскаго епископства: *Jam verò cum Chersonensis civitas, quae totius Chersonensis gubernii caput ad Pontum-Euxinum sita, et loci opportunitate et agrorum ubertate, et incolarum frequentia, et maritimi portus commoditate, et aedificiorum multitudine ac pulchritudine, aliisque sane nominibus inter celebriora ad idem mare oppida meritò numeretur, civitatem ipsam episcopali dignitate decorandam esse existimavimus. Quapropter motu proprio, certâ scientiâ, deque apostolicae nostrae potestatis plenitudine, harum letterarum vi eandem Chersonensem urbem in episcopalem civitatem erigimus et constituimus, cum omnibus et singulis juribus, honoribus, privilegiis, praerogativis, indultis, quibus aliae episcopales ecclesiae in Russiarum imperio existentes canonicè uti, frui ac potiri solent, et coet. Т. е. А такъ какъ губернской городъ Херсонъ, лежащій при Черномъ морѣ, по выгодному мѣстоположенію, плодородію земли, многочисленному народонаселенію, по удобствамъ морскаго порта, по множеству и красотѣ зданій, равно какъ и по многимъ другимъ причинамъ, считается по всей справедливости между знатнѣйшими приморскими городами: то мы признали справедливымъ украсить этотъ городъ епископскимъ достоинствомъ. Вслѣдствіе сего, по собственному побужденію, съ совершенною увѣренностію, отъ полноты апостолической нашей власти, сею буллою возводимъ и поставляемъ означенный городъ Херсонъ въ епископскій городъ, съ общими и особенными правами, почестями, привилегіями*

Русскій Архивъ 1868. 15.

говорится, что такая-то церковь въ городѣ сдѣлалась кафедральною, или архіепископскою.

Скажутъ, что „это у двора Римскаго слова и выраженія какъ-бы техническія, кои въ существѣ дѣла ничего не значать и ни къ чему не обязываютъ“. Нѣтъ, техника словъ и оборотовъ въ полной командѣ у двора Римскаго, и никто такъ не умѣлъ извлекать изъ нея выгодъ для себя, какъ Ватиканъ. Сколько, непреложныхъ теперь, правъ надъ всѣмъ западнымъ духовенствомъ выработала для себя дипломатика Римская изъ неважныхъ, по видимому, и общеупотребительныхъ выраженій учтивости и преданности, кои въ простотѣ сердца употребляли нѣкогда въ сношеніяхъ съ Римомъ западные епископы! Разъ уступленное выраженіе Ватиканъ тотчасъ обращаетъ чуть не въ догматъ, и давая ему, посредствомъ діалектики, вѣсь преувеличенный, составляетъ изъ него для себя право. Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ было допускать въ новой буллѣ такія выраженія, кои сопряжены съ нареканіемъ для господствующей церкви, и на основаніи коихъ чрезъ сто лѣтъ любой историкъ, по всѣмъ правиламъ науки, можетъ допустить, что въ 1847 году въ Новороссійскомъ краю господствующимъ вѣроисповѣданіемъ былъ Католицизмъ, а Восточное Православіе если и было тамъ, то въ такомъ маломъ и слабомъ видѣ, что въ сравненіи съ Латинствомъ какъ-бы ничего не значило....

ми, преимуществами и льготами, какими канонически пользуются прочія, находящіяся въ Россійской имперіи, епископскія церкви, и проч.

## ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА (\*).

Перебирая старыя свои бумаги и старыя письма лицъ, которыхъ уже нѣтъ, кажется, мимоходомъ и снова переживашь себя самаго, всю свою жизнь и все свое и все чужое минувшее. Тутъ, послѣ давняго кораблекрушенія, выплываютъ и приносятся къ берегу обломки стараго и милаго прошлаго. Смотришь на нихъ съ умилениемъ, прибираешь ихъ съ любовью; дорожишь между ними и мелочами, которымъ прежде какъ-будто не знали мы цѣны. Преданія нерѣдко бываютъ дороже и выше самихъ событій. Все это особенно относится къ чувству личному, къ чувству себялюбивому. Такимъ образомъ свое настоящее хозяйство пополняешь и какъ-будто подновляешь остатками прежняго, которые хранились въ забытыхъ, хотя и завѣтныхъ, кладовыхъ. Но, кажется, и въ общемъ отношеніи, и въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ, не современнымъ тому времени, которое въ глазахъ оживаетъ, подобныя выставки минувшаго должны имѣть свою прелесть и неминуемо свою пользу. Въ настоящемъ мы раздѣлены на отдѣльные кружки и увлекаемся личными привязанностями и нерѣдко случайностью: въ минувшемъ мы какъ-будто нераздѣльно всѣ дома и всѣ сродни между собою и съ тѣми, которые жили до насъ. Границы настоящаго должны не только выдвигаться впередъ, но и отодвигаться назадъ. Душѣ тѣсно въ одномъ настоящемъ: ей нужно надѣяться и припоминать.

Предлагаемое здѣсь письмо Жуковскаго не должно быть потеряно для будущаго біографа его. Въ немъ слышатся сердце его и умственная его дѣятельность. Нельзя не подивиться ревности, съ которой онъ работалъ.

(\*). См. въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 217, и далѣе.

и ревности, съ которой онъ собирался работать. Вообще въ жизни внѣшней приемы и привычки его были довольно лѣниваго свойства. Но за то умственная и духовная работа была ему необходимо-нужна, и онъ былъ въ ней неутомимъ. Въ то самое время, когда онъ переводилъ Новый Заветъ, онъ готовился и къ переводу Иліады. Между тѣмъ и педагогическіе труды шли своимъ чередомъ. И все это, когда уже накопившіеся года и, болѣе или менѣе, физическія немощи могли бы требовать отъ него отдохновенія.

Къ письму Жуковскаго сами собою такъ и ложатся письма Сильвіо Пеллико. Въ нихъ есть одинаковое настроеніе и, такъ-сказать, созвучіе. Въ самыхъ личностяхъ двухъ авторовъ много общаго. Это двѣ сочувственныя и родственныя натуры. Въ обоихъ горѣло чистое пламя поэзіи; сильно и глубоко было развито чувство религіозности; много было смиренія, кротости, благоволенія.

Проѣздомъ черезъ Туринъ въ 1835 г. познакомился я съ Пеллико, къ которому имѣлъ письмо изъ Рима. Все наше знакомство, за скорымъ выѣздомъ моимъ, ограничилось нѣсколькими часами откровенной бесѣды. Когда позднѣе былъ я снова въ Туринъ, его уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ въ 1854 году. Но и въ этомъ краткомъ и мимоходномъ знакомствѣ зародилось, смѣю сказать, чувство взаимной привязанности, которое сохранилось и заочно. Письма его о томъ свидѣтельствуютъ. Я, разумѣется, зналъ его и прежде по сочиненіямъ его. Онъ меня вовсе не зналъ и знать не могъ. Я былъ для него чуждымъ совершенно постороннимъ, чуждымъ его минувшему и, какъ минутный проѣзжай, чуждымъ его будущему. Однимъ словомъ, я былъ туристомъ. Какъ ихъ видалъ онъ много.

Никакая авторская личность не могла полиѣе быть провѣрена сочиненіями своими, какъ личность автора:

„*Le miei prigioni*“ и философическаго разсужденія: „*Объ обязанностяхъ человека*.“ Извѣстно, что, въ слѣдствіе политическихъ возмущеній въ Италіи, онъ Австрійскимъ правительствомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Сей приговоръ былъ замѣненъ заточеніемъ (*carcere duro*) на 15 лѣтъ въ крѣпости Шпильбергъ. Послѣ 9-лѣтняго пребыванія въ крѣпости, былъ онъ помилованъ и возвращенъ въ Туринъ. Такое тяжелое испытаніе не только не выразилось никакимъ чувствомъ озлобленія въ разсказѣ его о тюремной жизни, но не оставило ни малѣйшаго слѣда злопамятливости и въ немъ самомъ. Напротивъ, онъ говорилъ мнѣ, что изъ всѣхъ этихъ страданій сохранилъ онъ одно чувство глубокой благодарности къ Австрійскому императору, который могъ предать его смерти, а ограничился однимъ временнымъ заточеніемъ, и тѣмъ самымъ далъ ему возможность быть еще подпорой и отрадою престарѣлыхъ родителей своихъ и посвятить имъ жизнь, спасенную отъ казни. Во всѣхъ словахъ его слышны были искренность и умиленіе. Тутъ не было никакого притворства, никакихъ желаній выказать свое великодушіе. Я признавался ему, что слыхалъ отъ многихъ Итальянцевъ и читателей его, что смиреніе, выказанное имъ въ разсказѣ о страдальческихъ годахъ его, было въ немъ искусная уловка, чтобы тѣмъ самымъ придать болѣе ненавистный характеръ мѣрамъ, принятымъ противъ него Австрійскимъ правительствомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не дивится подобному заключенію, потому-что люди вообще такъ привыкли во многомъ обманывать себя и другихъ, что имъ труднѣе всего, и менѣе всего вѣрится истинѣ. — Профессоръ Баруффи, котораго письмо тутъ же приводится, былъ въ Петербургѣ и, по возвращеніи своемъ на родину, напечаталъ нѣсколько писемъ о Россіи. Въ нихъ вообще были

довольно благонамѣренные отзывы, но и не безъ примѣси нѣкоторыхъ заблуждений, предразсудковъ и кривыхъ толковъ, отъ которыхъ не освобождаются и самые добросовѣстные посѣтители нашей тегга incognita. Разумѣется, для придачи мѣстнаго колорита выведенъ былъ и кнутъ.—Говорится въ письмахъ и о графѣ Ксаверіи де-Местрѣ, лицѣ памятномъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ пріѣхалъ въ Россію жертвою революціонныхъ переворотовъ своей родины. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ занимался живописью, въ которой отличался дарованьемъ, и писалъ портреты. Послѣ вступилъ онъ въ военную службу и, кажется, на Кавказѣ дослужился генераль-маіорскаго чина. Извѣстны сочиненія его, на французскомъ языкѣ: „Путешествіе вокругъ моей комнаты,“ „Прокаженный,“ „Кавказскій плѣнникъ,“ „Молодая Сибирячка“ и многія стихотворенія, изъ которыхъ одно: „Узникъ къ Мотыльку“ переведено Жуковскимъ. Сочиненія его, по ихъ оригинальности, свѣжести чувства и красокъ, имѣли большой успѣхъ, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи. Когда, по долгомъ отсутствіи, пріѣхалъ онъ въ Парижъ, всѣ книгопродавцы кинулись къ нему и просили новаго Путешествія вокругъ комнаты и новыхъ повѣстей, какъ въ старину, послѣ появленія книги Монтеस्कье всѣ книгопродавцы просили новыхъ Персидскихъ писемъ. Онъ женатъ былъ на дѣвицѣ Загряжской и такимъ образомъ приходился дядей Пушкину, котораго теща была сестрою графини де-Местрѣ. Но, кажется, онъ не зналъ племянника своего, котораго уже не было въ живыхъ, когда графъ возвратился въ Петербургъ на постоянное житъе. Онъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, но до самой кончины своей сохранилъ блескъ, живость и свѣжесть ума и всю прелесть тонкой и добродушной общительности.

*Кн. Вяземскій.*

### І. Письмо В. А. Жуковскаго.

Христосъ воскресе, милый другъ! Я хотѣлъ писать тебѣ въ самый первый день праздника; въ этотъ день я мысленно былъ у тебя въ гостяхъ, да отчасти и лично: въ Баденѣ есть мѣсто, которое составляетъ частицу твоего семейнаго дома (1); туда я ходилъ съ женой и дѣтьми; на крестъ повѣсили вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ; на камнѣ, очищенномъ отъ мху, скопившагося въ нынѣшній годъ, выразилось чисто имя, дающее ему смыслъ: онъ какъ будто ожилъ. Въ этомъ проявленіи имени проявилось видимо Воскресеніе: имя, знакъ существа, переживаетъ земную жизнь, оно не умираетъ на землѣ — такъ-же, какъ душа внѣ земли не умираетъ. Посылаю тебѣ съ этого гроба въ отвѣтъ: „воистину воскресе!“ — отвѣтъ, который ухо не слыхало, но который, конечно, былъ мнѣ сказанъ. Я получилъ отъ Булгакова (2) письмо, которое потревожило мнѣ душу возможностью бѣды, къ счастью уже насъ миновавшей. Онъ писалъ мнѣ о болѣзни твоего Павла и о болѣзни Екатерины Андреевны (3), но закончилъ свое извѣщеніе добрымъ словомъ, что все прошло благополучно. Твое испытанное сердце было, конечно, испугано. Сохрани ихъ Богъ! Хотя я и далеко отъ васъ, и много лѣтъ мы разны; но я все принадлежу къ семьѣ вашей, какъ близкій родной. Скажи это отъ меня Екатеринѣ Андреевнѣ: я всѣмъ сердцемъ къ ней привязанъ. Моя любовь къ памяти Карамзина не утратила теплоты своей; мысль о немъ всегда меня глубоко трогаетъ. Авось, наконецъ доберусь нынѣшнимъ лѣтомъ до васъ и до отчества. Мой

(1) Могила княжны Надежды Петровны Вяземской.

(2) Московскаго почтдиректора, Александра Яковлевича Булгакова, общаго пріятеля Жуковскому и князю П. А. Вяземскому.

(3) Карамзиной.

отъѣздъ назначенъ въ концѣ іюля и. с. Изъ Бадена долженъ однако везти жену въ Остенду подъ удары приливныхъ волнъ океана. Это не радуетъ меня, но дѣлать нечего. Еслибъ я могъ надѣяться отъ тебя письма, то попросилъ-бы тебя увѣдомить, гдѣ всѣ вы, т. е. ты и Екатерина Андреевна съ семьей, будете въ началѣ августа? Ибо я не прежде, какъ въ августѣ могу быть въ Петербургѣ (оставивъ жену въ Дерптѣ). Изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Дерптъ— вотъ мой маршрутъ.—Перечитываю письмо твое, и это второе чтеніе также меня живо трогаетъ, какъ и первое. Особенно то, что ты говоришь о Павлѣ..... Сохрани Богъ тебѣ и ему эту домашнюю жизнь, эту любовь къ занятіямъ; дипломатическая служба, я думаю, менѣе нарушитъ ихъ, нежели жизнь Петербургская; особенно въ Гагѣ будетъ ему приятно: тамъ нѣтъ такой возни, какъ въ другихъ мѣстахъ; съ Мальтицомъ, тамошнимъ министромъ, кажется, легко ужиться. Если дѣйствительно Павелъ попадетъ въ Гагу, то пускай онъ о томъ увѣдомить меня въ Остенду: чего добраго, можетъ быть, найдется возможность и повидаться съ нимъ..... Когда поговоримъ съ тобою о Іерусалимѣ? Жаль, жаль, до крови жаль, что ты, который во время оно былъ такъ живъ на переписку, не сдѣлалъ себѣ закона, будучи въ Палестинѣ, писать ко мнѣ. Сколько-бы сохранилось въ этихъ письмахъ такого, что уже пропало въ воспоминаніи. Правда, часто прошедшее живѣе настоящаго; но оно не имѣетъ характера современности, которая и старымъ календарямъ даетъ прелесть романа. Ты не рѣшишься привести въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ по той-же самой причинѣ, по которой до сихъ поръ еще не собралъ и не привелъ въ порядокъ своихъ стихотвореній. Напрасно жалѣешь, что не я, а ты ѣздилъ въ Палестину: твои письма были-бы, ко-

нечно, гораздо привлекательнѣе и оригинальнѣе моихъ. Я-бы ничего такъ не желалъ, какъ видѣть собраніе твоихъ писемъ: у меня теперь хранятся всѣ твои письма къ Тургеневу, и я-бы уже давно сдѣлалъ изъ нихъ выборъ, но глаза неймутъ твоихъ каракулекъ..... Ты спрашиваешь, какая огромная работа у меня на рукахъ? Въ то время, когда я объ этомъ писалъ къ Плетневу, я хотѣлъ заняться многими работами вдругъ и думалъ, что всѣ онѣ могутъ быть кончены въ тѣ шесть мѣсяцевъ, которые надлежало мнѣ прожить на покоѣ въ Баденѣ. Не тутъ-то было. Нельзя командовать фрунтомъ работы, какъ фрунтомъ послушныхъ дисциплинъ солдатъ. Я едва-ли успѣю окончить часть одной работы. Мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ сюрпризъ и привести всю переведенную мною Иліаду. Притомъ я думалъ имѣть время составить первоначальный учебный курсъ для моихъ дѣтей, къ которымъ я принялся въ учителя, — курсъ по особенной, мною изобрѣтенной мнемонико-логической методѣ; сверхъ того надѣялся мало-помалу поправить сдѣланный мною для себя самаго переводъ Новаго Завѣта и еще кое-что, о чемъ не говорю, понеже некогда входить въ подробности....<sup>(1)</sup> Но изъ всѣхъ этихъ предпріятій пошло въ ходъ одно только педагогическое, которое надо спѣшить кончить, пока глаза, уши, руки и ноги кое-какъ служатъ. Иліады переведено цолторы пѣсни, и съ нею бы я сладилъ легче, нежели съ Одиссею; ибо въ ней болѣе поэтическаго и высокаго, которымъ гораздо удобнѣе владѣть, чѣмъ простымъ и невдохновеннымъ, которое упрямо лѣзетъ въ прозаически-тривиальное. Я смиренно пожертвовалъ должностному, сухому труду трудомъ усладительнымъ; но этотъ сухой трудъ имѣетъ

<sup>(1)</sup> Собственноручная рукопись перевода Новаго Завѣта нынѣ уже найдена въ бумагахъ Жуковскаго.

много привлекательнаго. Если Богъ дастъ жизни, то выйдетъ изъ него нѣчто оригинальное и общепольное. На цензуру я не гнѣваюсь; она дѣйствуетъ, какъ велитъ ей натура ея; наша-же цензура имѣетъ двѣ натуры—собственную и прививочную....<sup>(5)</sup> Но возиться съ цензурой не намѣренъ. Стоитъ-ли труда воевать за напечатаніе чего-нибудь! У насъ нѣтъ настоящаго чтенія, — есть одна необходимость убивать какъ-ни-попало время читаемою книгою; то-же, что въ книгѣ, не производитъ ни въ комъ участія; кто печатаетъ свои мысли, тотъ ни съ кѣмъ ими не дѣлится. Напримѣръ, переводить 24 пѣсни Одиссеи было довольно отважное, прибавлю—безнадежное, предпріятіе. Первая половина Одиссеи напечатана прежде второй: что-же? Больше половины тѣхъ, кто купилъ первую половину, не полюбопытствовали прочитать второй. Не смотря на это, я все-таки, когда отдѣлаюсь отъ своей педагогической работы, переведу Илиаду: тогда послѣ меня останется прочный монументъ моей жизни. Если, какъ пишетъ мнѣ Фарнъ-Гагенъ, говоря о моемъ переводѣ: „Wir, Deutsche, haben nichts so glänzendes,“<sup>(6)</sup> то изъ этого слѣдуетъ, что мой переводъ есть ближайшій къ подлиннику, ибо до сихъ поръ такимъ слылъ Фоссовъ: дать отечеству чистаго Гомера есть великое утѣшеніе. Хотя заживо я не

<sup>(5)</sup> Здѣсь говорится о статьяхъ въ прозѣ, въ пропускѣ коихъ тогдашняя цензура находила нѣкоторыя затрудненія. Впрочемъ, большая часть этихъ статей въ послѣдствіи была напечатана съ незначительными пропусками въ смертномъ изданіи сочиненій его. Въ теченіи временнаго управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, гн. Вяземскій испросилъ у Государя Императора Всемилостивѣйшее соизволеніе на разсмотрѣніе этого изданія въ особомъ Комитетѣ. Можемъ порадовать Русскихъ читателей извѣстіемъ, что нынѣ уже приступлено къ печатанію сочиненій Жуковскаго — какъ прежнихъ, такъ и другихъ, еще доселѣ неизвѣстныхъ.

<sup>(6)</sup> Т. е. у насъ Нѣмецъ нѣтъ ничего, столь удавагося.

буду имѣть никакой славы, но Гомеръ, и съ нимъ мой голосъ, отзовутся въ потомствѣ отечества. А мнѣ за это, въ-прибавокъ, — наслажденіе трудомъ, несказанно для души животворнымъ. Моя-же проза пускай лежитъ подъ спудомъ, пока для меня одного и весьма немногихъ, если не подѣнятся въ нее заглянуть; потомъ для моихъ дѣтей. — Прости, мой милый: обними за меня княгиню, Павла, его жену..... Что дѣлаетъ Тютчевъ? Попробуй отвѣчать мнѣ. До конца іюня я пробуду въ Баденѣ.

*Твой Жуковский.*

18/30 апрѣля (1850)

У насъ были дни прекрасные; теперь дождь ливня и холодъ. Какъ у васъ?

## 2. Два письма Сильвіо Пеллико.

### 1.

Monsieur le Prince,

La lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire me parle de douleurs, et de douleurs bien cruelles. Quoique elles soient celles d'un père et que je n'en point éprouvé de pareilles, je crois les comprendre par quelque analogie, d'après celles dont j'ai eu l'expérience. Oui, Monsieur, votre lettre dont je vous remercie de tout mon coeur parcequ'elle est bonne, m'a coûté des larmes, soit par la part que je prends à vos pertes, soit par le sentiment trop vif que j'ai des miennes. En un an je fermais les yeux à mes deux parens! Dieu me frappa ensuite par la mort d'un frère chéri, le compagnon de mon enfance, l'appui que j'avais cru devoir me consoler toute ma vie. Et ce frère plus fort que moi, je l'ai vu comme vieillir tout-à-coup, souffrir une affreuse agonie, ne pouvoir plus me parler, et s'éteindre! On voit de ces choses et on survit! Mais c'est



que l'on sent, qu'il faut entrer dans les desseins de Dieu. Le Chrétien surtout le sent. Entrons-y avec courage, et que notre sacrifice soit saint. Des grâces sont attachés à l'humble résignation et au courage dans le malheur. Dieu est si bon qu'il nous sait gré d'aimer encore nos devoirs quand ils ne sont plus adoucis par la chère présence des objets qui nous consolait le plus. Nous ne comprenons pas ce sublime mystère de la Croix, mais si nous y prenons saintement part, Dieu nous en sait gré! Bénissons Le. Il nous aidera jusqu'à la fin parceque nous avons aimé et souffert en Le bénissant.

Je ne sais où voltige actuellement *l'oiseau-royageur*, comme vous appelez M. Baruffi. C'est un excellent homme. Je regrette que son livre ait de ces grosses taches que l'on ne rencontre que trop souvent dans les relations de ce genre. Il sera bien puni de sa faute quand je lui lirai votre lettre et celle que M-r de Maistre vous a adressée au sujet de sa crédulité et des inexacitudes graves qu'elle a produits. Tout ce que vous me dites à ce propos, Monsieur, porte l'empreinte de la modération et de la sagesse. Votre petite digression sur le *Knout* est juste, quelque terrible que soit ce supplice. Je ne suis pas de ceux qui s'attendent sur les monstres et qui aboliraient volontiers l'épouvantement de la vengeance publique. L'auteur d'un crime atroce a encore des droits à nos consolations religieuses, à nos prières; il n'en a point à l'indulgence qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matières, il n'y a qu'un voeu à former: c'est que les juges aient une conscience, et certes le cas contraire est rare plus que les déclamateurs ne le supposent. Oui, rare,

mais hélas! il existe. C'est un fléau qui échappe aux règles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bonté de Dieu sont là pour réparer, pour soutenir, pour suppléer abondamment. Le vrai malheureux n'est que le méchant.

Je vous rends, mille grâces, M-r le Prince, de la traduction que vous avez daigné me faire de l'article de Pouchkin, relatif à mon petit livre *Dei doveri degli Uomini*. Mais je croirais que vous avez voulu plaisanter en me conseillant de le publier dans quelque journal italien ou français. La bienveillance de votre bon Pouchkin m'honore, je l'apprécie, mais d'autant moins pourrais-je moi-même en parler. Vous avez perdu dans cet écrivain un esprit des plus distingués. Il avait de l'âme, c'est plus que de l'esprit. Il faut que je finisse cette lettre, car je suis bien souffrant du poumon. Je suis étonné de vivre encore avec les étouffemens aux quels je suis sujet. Daignez me conserver une place dans votre souvenir si bon, si indulgent. Que Dieu vous fasse trouver les plus douces consolations dans les deux enfants qui vous restent, dans tout ce qui vous entoure!

Quoique je n'aie jamais eu le bonheur de voir M-r de Maistre, j'ai tant de vénération pour lui que j'ose vous prier de lui présenter mon humble hommage. Ses livres m'on fait du bien. Les livres du C-te Joseph son frère sont aussi de ceux aux quels je reviens souvent. Ces deux grandes intelligences se sont faite Russes de bon coeur. Cela prouve qu'elles ont trouvé de bien nobles qualités dans votre nation. Hélas! pourquoi y a-t-il entre vous et nous cette déplorable différence religieuse? Dieu de charité, unissez-nous!

Je vous quitte, M-r le Prince, avec regret. Veuillez agréer l'assurance des sentiments distingués de considération et du plus sin-

cère et respectueux dévouement avec les  
quels j'ai l'honneur d'être

Votre très humble serviteur  
Silvio Pellico.

Turin, 7 juillet, 41.

*Переводъ.* Въ письмѣ, коимъ ваше сіятельство почтили меня, говорится о скорби, и о скорби тяжкой. Такая *отцовская* скорбь, хотя и незнаема мнѣ (1), но я могу ее постигать по сходству съ тѣми ощущеніями, которые самому мнѣ пришлось испытать. Да, милостивый государь, я благодарю васъ отъ всего сердца, за ваше доброе письмо: оно заставило меня пролить слезы, и по сочувствію къ вашимъ утратамъ, и по тому, что я слишкомъ живо ощущаю мои собственныя. Въ теченіе одного года я закрылъ глаза отцу и матери! За тѣмъ Господь поразилъ меня кончиною милого брата, который былъ товарищемъ моего дѣтства и въ которомъ думалъ я имѣть себѣ поддержку и утѣшеніе на всю мою жизнь. Этотъ братъ былъ крѣпче меня, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ онъ вдругъ началъ какъ будто старѣть, впалъ въ страшную агонію, не могъ болѣе говорить со мною и угасъ. Видишь все это, и остаешься жить! Тутъ-то почувствуешь необходимость предаться Промыслу Господню. И Христіанинъ чувствуетъ эту особенность. Предадимся же Ему съ бодростью, и освятимъ значеніе нашей утраты. Благодать сопутствуетъ смиренной самопокорности и бодрому перенесенію горя. Господь благъ. Мы угождаемъ Ему, коль скоро не перестаемъ любить наши обязанности, не услаждаемыя болѣе дорогимъ присутствіемъ тѣхъ существъ, которые составляли лучшее наше утѣшеніе. Высокое таинство Креста для насъ непостижимо; но, проникаясь святынею онаго, мы угождаемъ Богу. Благословимъ Его. Онъ не предастъ насъ до конца; потому что мы любили и страдали, благословляя Его.

(1) Сильвіо Пеллико женатъ не былъ.

Я не знаю, гдѣ теперь вѣтаетъ *странствующая птичка*, какъ называете вы господина Баруффи. Онъ превосходный человѣкъ. Жаль мнѣ, что въ книгѣ его встрѣчаются грубыя ошибки, какими обыкновенно изобилуютъ сочиненія подобнаго рода. Въ наказаніе я прочту ему ваше письмо и письмо, написанное къ вамъ г. де Местромъ по поводу его легковѣрія и проистекшихъ отъ оноу грубыхъ ошибокъ. Ваши отзывы касательно этого предмета носятъ на себѣ отпечатокъ умѣренности и благоразумія. Вы правы въ вашемъ небольшомъ эпизодѣ о кнутѣ. Какъ ни страшно это наказаніе, но я не принадлежу къ числу людей, которые нѣжничаютъ по отношенію къ извергамъ и вопіютъ противъ грозной общественной мести. Виновный въ тяжкомъ преступленіи сохраняетъ еще права на наши молитвы, на то, чтобы ему доставлено было утѣшеніе вѣры; но онъ не имѣетъ никакихъ правъ на снисходительность, въ силу которой ему бы избѣгнуть страшнѣйшей кары. Я даже не раздѣляю вашего отвращенія къ смертной казни, хотя и чувствую все значеніе излагаемыхъ вами доводовъ (2) Въ дѣлахъ этихъ нужно желать лишь одного—чтобы судьи были совѣтливы, и, право, оно такъ и есть, вопреки мнѣнію крикуновъ. Да, такъ; но увы! бываютъ исключенія. Этой бѣды не предотвратишь установленіемъ, какъ пожара, какъ землетрясенія. Сокровища божественной благодати служатъ оправданіемъ, поддержкою, обильнымъ возмездіемъ. Истинно несчастливъ только тотъ, кто пороченъ.

Много благодарю ваше сіятельство за то, что вы благоволили перевести для меня статью Пушкина о моей небольшой книжкѣ *Dei doveri degli Uomi-*

(2) Читатели припоминаютъ, что и В. А. Жуковский былъ не противъ смертной казни (См. его статью о томъ въ посмертномъ собраніи его Сочиненій, Спб. 1837 ч. XI), Шведскій поэтъ Тегнеръ былъ такого же мнѣнія.

ни<sup>(3)</sup> Вы мнѣ совѣтуете напечатать ее въ какомъ нибудь итальянскомъ или французскомъ журналѣ. Мнѣ кажется, вамъ вздумалось попуштить со мною. Мнѣ лестно благорасположеніе вашего добраго Пушкина; я цѣню оное, и тѣмъ болѣе не слѣдуетъ мнѣ самому говорить о томъ. Въ этомъ писателѣ вы лишили одного изъ отличнѣйшихъ умовъ. Въ немъ слышна душа: это больше чѣмъ умъ. Я долженъ кончить это письмо, ибо сильно страдаю болью въ легкомъ. При такомъ трудномъ дыханіи, мнѣ удивительно, какъ я еще живу.

Не лишите меня вашего добраго, снисходительнаго воспоминанія. Да пошлетъ вамъ Господь сладостныя утѣшенія въ двоихъ оставшихъ вамъ дѣтяхъ и во всемъ что васъ окружаетъ!

Хотя никогда не имѣлъ я счастья видѣть г. де Местра, но питаю къ нему такое уваженіе, что прошу васъ передать ему мой нижайшій поклонъ. Его книги сдѣлали мнѣ добро. Я прибѣгаю также и къ сочиненіямъ его брата, графа Жозефа. Оба эти великіе таланта по сердечному влеченію освоились съ Россіею, что доказываетъ, что въ нашемъ народѣ они нашли благородныя качества. Увы! зачѣмъ только между вами и нами это плачевное, вѣроисповѣдное различіе! Боже благости, соедини насъ!

Мнѣ жаль проститься съ вашимъ сіятельствомъ. Примите увѣреніе въ отличныхъ чувствахъ почтенія и самой искренней и почтительной преданности, съ коими имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою. Сильвіо Пеллико.  
Туринъ, 7 іюля 1841.

## 2.

Monsieur le Prince,

J'ai une bonne occasion pour me rappeler à votre souvenir et vous remercier de votre ai-

(3) Въ Современникѣ 1836 года. Отзывъ Пушкина приведенъ въ Р. Арх. 1866, стр. 504.

mable salutation que m'a apportée notre vaillant docteur Florio. Ce digne professeur est rempli de vénération pour vous. Au reste, il est Russe de passion, tout en aimant encore son pays natal: la Russie lui est chère à justes titres, et une des excellentes raisons qu'il allègue est la reconnaissance. Depuis la dernière lettre que j'eus l'honneur de vous écrire, M-r le Prince, j'ai vu quelquefois le professeur Baruffi; il ne peut se consoler des inexactitudes que vous m'avez chargé de lui faire remarquer dans sa relation sur la Russie. Il a fait cette année une course à Constantinople; je ne l'ai pas revu depuis. — Je ne vous écris que ces deux mots: ma santé est faible, je souffre oppression, palpitation, mille petits maux qui me rendent l'homme le plus inutile du monde. Que la volonté de Dieu soit faite! Je Le prie de vous accorder santé et bonheur. Quoique je n'ai jamais eu le plaisir de me trouver près de M-r le Comte Xavier de Maistre, faites-moi la grace de lui présenter mon hommage. Il y a des hommes, que l'on n'a jamais vu et que l'on aime. — St. Pétersbourg nous a enlevé M-r le baron de Meissenberg; quand vous le verrez, veuillez lui dire qu'on le regrette toujours ici, que je pense souvent à lui, et que je tiens à ce qu'il ne m'oublie pas.

Agréez, m-r le Prince, l'assurance de mon respectueux dévouement. Vous êtes un des hommes que je voudrais revoir.

Votre très humble et très obeissant serviteur Silvio Pellico.

Turin, 18 févr. 42.

*Переводъ.* Пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы привести себя на память вашему сіятельству и поблагодарить васъ за любезное привѣтствіе, посланное съ нашимъ достойнымъ докторомъ Флоріо. Почтенный профессоръ этотъ

исполненіи уваженія къ вамъ. И вообще, не переставая любить родную свою страну, онъ страстно полюбилъ Россію, которая по истинѣ дорогá ему, и онъ превосходно ссылается въ этомъ случаѣ на чувство своей признательности. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь послѣдній разъ писать къ вашему сіятельству, мнѣ случилось видаться съ профессоромъ Баруффи (1). Онъ въ отчаяніи отъ переданныхъ мною по порученію вашему замѣчаній на книгу его о Россіи. Нынѣшній годъ онъ ѣздилъ въ Константинополь; съ тѣхъ поръ я еще не видалъ его. — Пишу мало, отъ слабости здоровья. Страдаю стѣсненіемъ въ груди, и біеніемъ сердца, и всякими недугами, такъ что становлюсь ни на что не годенъ. Да будетъ воля Божія! Молю Его, чтобы онъ даровалъ намъ здоровья и счастья. Хотя не имѣлъ я никогда удовольствія встрѣчаться съ гр. Ксавье де Местромъ, но тѣмъ не менѣе прошу васъ передать ему мое почтеніе. Есть люди, которыхъ любишь, никогда не выдавши. — С. Петербургъ отнялъ у насъ барона Мейсенберга. Когда увидите его, благоволите сказать ему, что здѣсь объ немъ не перестаютъ жалѣть, что я часто вспоминаю его, и прошу не забывать меня. — Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ почтительной моей преданности. Вы одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мнѣ хотѣлось бы еще увидѣть. Покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Сильвіо Пеллико. Туринъ, 18 февраля 1842.

### 3. Письмо Баруффи.

Turin, 1842, le 25 février.

Excellence!

Je profite de l'obligeance de M-r le Conseiller D. Florio pour vous écrire à la hâte deux lignes, et me rappeler à votre précieux souvenir. Vous recevrez de lui les sept

(1) См. Р. Архив. 1866, стр. 504.

cahiers (depuis le № 4 jusqu'au 10 inclusivement) de mes voyages d'automne, qui vous manquent pour en avoir la collection complète jusqu'à l'an 1840. A la première occasion je vous enverrai le volume (il est sous presse) de ma dernière pérégrination gréco-bisantine, que je vous prie d'agréer comme une simple carte de visite d'une personne éloignée qui vous professe une grande estime et une grande affection.

La veille de mon départ pour Constantinople, Silvio Pellico est venu chez moi pour me lire une de vos lettres, ou mieux de M-r le Comte de Maistre, contenant quelques observations critiques sur ma course à S-t Pétersbourg et Moscou. Mais Pellico ayant voulu absolument garder vos lettres pour en enrichir la collection des autographes de M-me la Marquise de Barolo chez la quelle il demeure, je suis fâché de ne pouvoir dans le moment vous écrire au moins une ligne de réponse, car la veuve Barolo est dangereusement malade et il est assez difficile de voir le bon Pellico qui est aussi dans une continue convalescence, et presque toujours près de M-me la Marquise, ou dans les églises.

Pardonnez-moi, M-r, les fautes innombrables de langue et d'ortographe que vous rencontrerez dans mon billet, car je n'ai absolument aucun exercice dans la langue française et surtout dans l'écriture, car je me contente d'écorcher un peu et bien rarement cette belle langue avec quelque ét-ranger.

Je vous prie, M-r le Prince, d'agréer mes profonds et affectueux respects, et de dire bien de choses de ma part à MM. le Comte de Maistre et le cher Berton de Sambuy. Je ne sais pas si M-r de Maistre connaît la perte de son ami et admirateur Charles Melle, mort à Naples dans le mois d'août dernier. J'ai l'honneur de me professer avec

la plus grande estime et amitié de votre excellence, le très humble serviteur. G. F. Baruffi, professeur extraordinaire de philosophie positive dans l'univ. royale de Turin.

*Переводъ.* Туринъ 25 февраля 1842. Пользуюсь обязательнымъ посредствомъ г. совѣтника доктора Флоріо, чтобы написать къ вашему сіятельству нѣсколько торопливыхъ строкъ, и поручить себя вашему драгоценному поспонанію. Флоріо передастъ вамъ семь тетрадей (съ 1 по 10 № включительно) моего осенняго путешествія: такимъ образомъ у васъ будетъ полная коллекція до 1840 г. При первомъ случаѣ доставлю находящееся въ печати описаніе моего послѣдняго, греко-византийскаго, странствованія: прошу принять эту книгу въ видѣ визитной карточки человека, далеко отъ васъ живущаго, но питающаго къ вамъ великое уваженіе и великую приверженность. Наканунѣ моего отъѣзда въ Константинополь, приходилъ ко мнѣ Сильвіо Пеллико и прочелъ мнѣ одно изъ вашихъ писемъ, или вѣрнѣе критическія замѣчанія графа де Местра на мое путешествіе въ Петербургъ и Москву. Пеллико ни за что не отдастъ вашихъ писемъ, и имѣетъ въ виду украсить имъ коллекцію автографовъ, принадлежащую маркизѣ Бароло, у которой онъ живетъ. Мнѣ досадно, что вслѣдствіе этого я не имѣю возможности сдѣлать вамъ нѣкоторыя объясненія, такъ какъ вдова Бароло опасно нездорова, и довольно трудно видѣть добраго Пеллико, который тоже находится въ состояніи непрерывнаго выздоровленія и проводитъ время почти исключительно съ маркизою, либо по церквамъ.

Простите мнѣ безчисленныя ошибки противъ языка и правописанія, наполняющія это письмо: я вовсе не имѣю навыка во французскомъ языкѣ, и особливо въ письменномъ, и лишь изрѣдка случается мнѣ коверкать этотъ прекрасный языкъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, чѣмъ я и довольствуюсь.

Прошу ваше сіятельство принять мое глубокое, сердечное уваженіе и передать мои привѣтствія графу и графинѣ де Местрамъ и любезному Бертину де Самбуи (5). Не знаю, дошло ли до г. де Местра извѣстіе о кончинѣ его друга и почитателя Карла Мелле: онъ умеръ въ Неаполѣ, въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ. Имѣю честь быть, съ великимъ уваженіемъ и дружбой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Г. Ж. Баруффи, экстраординарный профессоръ положительной философіи въ Королевскомъ Туринскомъ университетѣ.

#### 4. Два письма Сергѣя Львовича Пушкина.

##### I.

22 Avril 1837. Moscou.

Recevez mes remerciements, cher князь Петръ Андреевичъ, pour les portraits de mon malheureux Alexandre que votre intendant m'a remis avant-hier. Je vous avoue que je n'ai pu encore jeter les yeux sur celui de Bruni. Je n'en ai pas le courage, et probablement je ne l'aurai pas de sitôt. Ce n'est pas crainte de renouveler mes douleurs: je sens l'affreuse perte que j'ai faite plus vivement encore, s'il se peut, que quand cette terrible nouvelle m'est parvenue. Chez moi le tems ne fait qu'augmenter mes regrets loin de les adoucir, et tous les jours mes angoisses deviennent plus vives et mon isolement plus sensible. A mon âge plus de consolations que l'esperance de me réunir bientôt à ceux que j'ai perdus dans le court espace de 10 mois; et la mort violente d'un fils comme le mien n'est pas de la cathégorie des malheurs attaché à notre existence: il depasse tout à quoi je pouvais m'attendre. Je croyais à la

(5) Самбуи— бывший секретарь при Сардинскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

mort de mon excellente femme qui était mon Ange-gardien, ne devoir qu' à me couvrir de mon manteau pour attendre la fin de ma triste vie, et voilà que cet horrible événement vient mettre le comble à mes souffrances et épuiser toutes mes forces morales. J'ai reçu une lettre de Leon, il est au désespoir. et je tremble pour lui. Adieu, bien cher et bien aimable князь Петръ Андреевичъ. Laissez moi vous embrasser comme ami sincère de mon Alexandre. Conservez moi un peu d'intérêt. Je ne puis sentir encore mon existence et la souffrir que par celui que je pourrois inspirer à ceux qui l'ont aimé! Qu'est-ce que ce mal d'yeux dont vous souffrez? Je desirerais bien être rassuré sur votre santé. Salut et considération à tout jamais.

Serge Pouschkine.

*Переводъ.* 22-го Апрѣля 1837. Москва. Благодарю васъ, любезный князь Петръ Андреевичъ, за портреты несчастнаго моего Александра, доставленные мнѣ третьяго дни вашимъ управляющимъ. Признаюсь вамъ, я еще не взглянулъ на портретъ, рисованный Бруни (1): у меня не достаетъ на то духу, и вѣроятно долго не достанетъ. И это не потому, чтобы я боялся возобновить мою скорбь: ужасная потеря, мною понесенная, даетъ мнѣ знать себя теперь еще сильнѣе (если только это возможно), нежели въ то время, когда я получилъ о ней страшное извѣстіе. Время не ослабляетъ, а только усиливаетъ мою горестъ: съ каждымъ днемъ моя тоска становится рѣзче и мое уединеніе чувствительнѣе. Въ мои лѣта одно утѣшеніе—это надежда скоро соединиться съ тѣми, коихъ я лишился въ короткій десяти тысячелѣтній срокъ (2). Насильст-

(1) Бруни нарисовалъ Пушкина въ гробу. Сдѣланная тогда литографія съ этого *замычательнаго* рисунка нынѣ довольно рѣдка.

(2) Въ мартъ 1836 сконч. Надежда Абрамовна Пушкина, а въ генв. 1837 Александръ

венная кончина такого сына, каковъ мой, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ несчастій. Для меня она была вѣсь всякаго вѣроятія. Когда умерла достойнѣшая жена моя, бывшая для меня Ангеломъ-хранителемъ, я полагалъ, что мнѣ слѣдуетъ вернуться и ожидать конца моему печальному существованію, и вдругъ это страшное событіе доводитъ до послѣдняго предѣла мои страданія и истощаетъ вѣсь мои нравственные силы. Я получилъ письмо отъ Льва (3); онъ въ отчаяніи, и я за него трушу. Прощайте, дражайшій и любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ; позвольте мнѣ обнять васъ, какъ искренняго друга моего Александра. Не забывайте меня. Участіе, принимаемое во мнѣ людьми, которые любили его, даетъ мнѣ еще нѣкоторыя силы для того, чтобы жить и страдать?—Скажите мнѣ, каковы ваши глаза: я хотѣлъ бы быть увѣрену, что вы здоровы. Привѣтъ мой и почтеніе на всегда. Сергѣй Пушкинъ.

## 2.

Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ! Возвратясь изъ деревни Матвѣя Михайловича (4), я нашелъ письмо ваше, прочелъ его съ чувствомъ благодарности, за воспоминаніе ваше обо мнѣ, но книги не получилъ... Я видѣлъ Современника, не въ и силахъ былъ дочесть письма Василья Андреевича (5). Когда я получилъ оригинальное, я собрался съ силами прочесть его, послѣ того не могъ до него дотрогиваться. Я пріѣхалъ сюда единственно для свиданія съ неощѣнен-

Сергѣевичъ. Сергѣй Львовичъ пережилъ своего славнаго сына 8-ю годами.

(3) Т. е. отъ втораго своего сына Льва Сергѣевича, находившагося тогда, если не ошибаюсь, въ военной службѣ на Кавказѣ.

(4) Солнцева, подъ Москвою.

(5) Въ 1-й кн. Современника 1837 года извѣстное письмо В. А. Жуковскаго о предсмертныхъ часахъ и кончинѣ Пушкина. Оно было обращено къ отцу поэта.

нымъ Жуковскимъ (6). Одинъ разъ только я засталъ его, но надѣюсь увидѣться съ нимъ еще; потомъ поѣду на могилы потерянныхъ мною невозвратно (7). Добрый Жуковскій! Какъ онъ обнималъ меня!.. Мнѣ очень грустно, очень тяжело—что будетъ со мною? Истинно, не знаю; кажется, буду и въ Петербургѣ; увижу и обниму васъ, любезнѣйшій. Я провелъ десять дней у Натальи Николаевны (8) Нужды нѣтъ описывать вамъ наше свиданіе. Я простился съ нею какъ съ дочерью любимую, безъ надежды ее еще увидѣть, или лучше сказать въ неизвѣстности, когда и гдѣ я ее увижу. Дѣти—ангелы совершенные; съ ними я проводилъ утро, день съ нею семейно. Теперь я одинъ и въ трактирѣ, что я ненавижу; сердце почти безпрерывно стѣснено, и одно утѣшеніе то, что по моимъ лѣтамъ, состояніе сіе продолжиться не можетъ. Что сдѣлалось съ вами? Надѣюсь, что вы выздоровѣли совершенно. Простите, любезнѣйшій князь Петръ Андрѣевичъ, не лишите меня дружбы вашей. Вспоминая объ Александрѣ, не забывайте меня. Сохраните ко мнѣ участіе, мнѣ столь драгоценное. Я васъ всегда много любилъ, а теперь безъ слезъ не могу думать о тѣхъ, которые такъ любили покойнаго моего сына.

С. Пушкинъ.

Я осмѣливаюсь напомнить объ отличномъ моемъ почтеніи книгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ.

2-го Августа 1837.

Москва.

(6) Жуковскій въ это время находился въ Москвѣ, путешествуя по Россіи.

(7) Т. е. въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь.

(8) Вдовы А. С. Пушкина.

## 5. Письма А. В. Кольцова (1).

### 1.

Ваше сіятельство, Петръ Андреевичъ!

Препорученныя вами письма въ Москву я доставилъ; ихъ приняли отъ меня очень ласково, и дѣло мое тотчасъ-же кончили, послали указъ; но онъ еще у насъ не полученъ, думаю, получится на этихъ дняхъ. Сегодня поутру я доставилъ послѣднее письмо нашему вице-губернатору Александру Яковлевичу Мѣшковскому. Онъ принялъ его весьма сухо; — отъ меня не хотѣлъ выслушать ни слова, и только сказалъ, что онъ своего заключенія никакъ не перемѣнитъ. Гдѣ я не думалъ — тамъ случилось напротивъ. Много я васъ обезпокоивалъ моими просьбами, теперь опять въ крайней моей нуждѣ прибѣгаю подъ покровительство ваше, не оставьте меня своей защитой: вы съ самаго начала приняли участіе, и теперь покорнѣйше прошу ваше сіятельство, не откажитесь помочь мнѣ при концѣ. — Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1836 года мая 22.

P. S. Естли что нибудь дурно написалъ, простите, ваше сіятельство, въ первой съ роду пишу къ князю.

### 2.

Ваше сіятельство, князь Петръ Андрееичъ! Дѣло мое въ седьмомъ департаментѣ правительствующаго сената кончилось, хотя не совсѣмъ еще, но все таки, слава Богу, хорошо; по крайней мѣрѣ и остановилось взысканіе на время, и дана возможность оправдать себя. Письма ваши

(\*) Сличь письма Кольцова къ кн. В. О. Одоевскому въ Р. Архивѣ 1864, изд. 2-е стр. 1024—1029.

мнѣ помогли какъ нельзя лучше; а безъ нихъ я ровно бы самъ собой ничего не сдѣлалъ; съ ними всѣ меня приняли довольно ласково, выслушали мою просьбу, и всѣ судьи мои вообще захотѣли помочь мнѣ и помогли. Вамъ, добрый князь, я обязанъ снова; вы, какъ духъ-защитникъ при тѣсненныхъ, даете руку помощи людямъ безпомощнымъ и помогаете имъ и словомъ и дѣломъ. Благодарю, колѣнопреклонно благодарю васъ, за всѣ сдѣланныя вами мнѣ благодѣянія. Не подумайте, ваше сіятельство, что я притворно изгибаюсь и подличая вамъ на однихъ словахъ только льстилъ бы вамъ. Нѣтъ, вы сдѣлали для меня то, чего не сдѣлалъ мнѣ никто на свѣтѣ. Дѣла моего отца были такъ дурны, что ихъ поправить безъ васъ никогда-бъ ни чѣмъ не могъ, и не вступитесь вы за меня, я бы ихъ вѣчно-бъ не поправилъ. Полиціей настоятельно требовали деньги, а денегъ не было, взять было негдѣ, а она и знать этого не хотѣла, ей вынь да положь. Просилъ людей помочь бѣдѣ:—людямъ чужая нужда смѣшна, всякъ живетъ для себя, и всѣ заняты своей заботой; а что другимъ плохо—имъ дѣла нѣтъ. Теперь, слава Богу, положеніе наше стало лучше, и я началъ дышать свободнѣй. Теперь и въ наше семейство стала приходять порою мирная радость, и начало уже въ немъ показываться небольшое довольство. Часто я по цѣлымъ часамъ смотрю на отца, на мать, на сестру; ихъ жизнь какъ-то идетъ теперь полнѣе, лица не омрачены печалью, время проходит незамѣтно, и я радуюсь какъ ребенокъ, и всѣмъ этимъ обязаны мы вамъ, ваше сіятельство, однимъ вамъ. Благодарю, васъ, тысячу разъ благодарю, вы сдѣлали для меня много, и я никогда этого не забуду. Душою любящій васъ, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1841  
Марта 1 дня.

Р. S. Какъ пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ же порученія ваши выполнилъ. Доктору Іовскому сказалъ о положеніи его дѣла, книгопродавцу Кузнецову о книгѣ<sup>(2)</sup>, книгникъ Щербатовой вашъ подарокъ доставилъ; она была чрезвычайно рада, искренно благодаритъ ваше сіятельство за него и за память о ней.

## 3.

Добрый, любезный князь Петръ Андреевичъ! Вы обязали меня давно, и недавно, и вновь обязываете до такой степени, что я ни чѣмъ и никогда не могу ни заслужить вамъ, ни заплатить и сотой доли. Ваше письмо, давно ужъ полученное мною, такъ полно искренности, участія, дышетъ такою теплотою, что я не могъ долго писать къ вамъ ни одного слова: вся душа моя была наполнена имъ, и я нарочно длилъ это наслажденіе, не хотѣлъ нарушить святаго очарованія. Благодарю васъ, добрый князь, тысячу разъ благодарю за него и миллионъ разъ благодарю за спокойствіе, которымъ пользуюсь я и мое семейство.—Полиція насъ оставила совершеннс; дѣло, производившееся въ сенатѣ, хотя имъ кончено не совсѣмъ, но прежнее его опредѣленіе разрушено, и оно оттолкнуто въ низшія дистанціи года на два, на три, и этого пока довольно. Есть еще дѣлишка два самыхъ старыхъ, только они меня не тревожатъ ни сколько. Съ этой стороны все идетъ прекрасно, за то съ другихъ не очень хорошо; знать такова наша жизнь! Съ апрѣля до сихъ поръ я нездоровъ и было очень дурно, теперь началъ понемножку поправляться. Это мнѣ много помѣшало, цѣлое лѣто мнѣ ничѣмъ нельзя было заниматься, а дни проходить, время летитъ, а я сижу. Жизнь моя туманная! Доля неудачная! Выздоровлю, начну догонять прожитое.

<sup>(2)</sup> См. въ этомъ году Р. Архива ниже, стр. 652.



Пришло поздно къ вамъ письмо мое, по моей ошибкѣ въ Нѣмцѣ (онъ у насъ содержитъ пансіонъ); при отъѣздѣ его въ Петербургъ, я далъ ему письмо въ руки, просилъ доставить вамъ его лично; а онъ продержалъ его у себя, наконецъ отдалъ на городскую почту. Мой Нѣмецъ въ Петербургѣ растерялся, оплошалъ. Глубоко васъ почитающій и любящій васъ всею силою души, вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1841 г.

Октября 24.

6. Шуточная пригласительная записка  
И. П. Матлева.

По общемъ совѣщаніи, при общемъ желаніи васъ въ Знаменскомъ видѣть, и никого лишениемъ этого удовольствія не обидѣть, мы сдѣлали выборъ, почтеннѣйшій князь, для сего воскреснаго дня-съ, — ибо Тимирязева служеніе повело, ѣхать въ пятницу въ Красное село, и такова его служебная забота, что тамъ его удержитъ и суббота; — но я ручаюсь вамъ за этого бравшюма (1), что въ воскресенье онъ точно будетъ дома, и могу въ томъ ручаться я тѣмъ паче, что домъ его теперь у насъ на дачѣ. Также доложу вамъ и про себя, что, службу царскую любя и собственныхъ имѣя много дѣлъ, также ѣхать въ городъ мой удѣлъ; и для сего назначена пятница, ибо въ этомъ только день трезвъ повѣренный мой пьяница, и работая съ нимъ до самаго поту, можетъ быть захвачу тамъ и субботу; но къ воскресенью навѣрное домой приѣду, и мы васъ будемъ ожидать къ обѣду. И такъ вотъ вамъ мой рапортъ и донесеніе; приѣзжайте же съ Пушкинымъ въ воскресенье: мы дадимъ вамъ супа и пирога, а въ прочемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга. И. Матлевъ.

Четвергъ 27 іюля 1833 г.

(1) Brave homme.

ГРАФЪ ДЕ БАЛЬМЕНЬ. (\*).

Графъ Александръ Антоновичъ де Бальмень происходилъ отъ древняго Шотландскаго рода Рамзай де Бальмень (Ramsay of Balmain), состоящаго въ родствѣ съ самыми старинными и знатными семействами Шотландіи.

Во время смутъ въ Англіи въ 1688 году, при вступленіи на престолъ принца Оранскаго, нѣкоторые Шотландскіе дворяне остались вѣрными своему королю Іакову II-му и отказались признать права новаго властелина на Англійскую корону. Они рѣшились покинуть свое отечество; нѣкоторые изъ нихъ поступили на службу къ Французскому королю, другіе перешли въ Германию, въ Италию и въ другія Европейскія государства, наконецъ четверо изъ нихъ, — между ними Рамзай де Бальмень и Брюсъ, поселились въ Константинополь, и оттуда позднѣе перешли въ Россію.

Графъ Богданъ Андриановичъ Рамзай (1) де Бальмень, дѣдъ графа Александра Антоновича, принялъ Русское подданство и поступилъ на Русскую службу. Онъ убитъ въ сраженіи при Вильманшtrandѣ, будучи полковникомъ и командуя Троицкимъ полкомъ.

Сынъ его, гр. Антонъ Богдановичъ былъ генер.-губернаторомъ Курскимъ и Орловскимъ и особенно прославился воинскими подвигами на Кавказѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1790 г. Въ награду заслугъ графа А. Б. де Бальмена Екатерина одарила семейство его: вдо-

(\*) Этотъ біографическій очеркъ служить введеніемъ къ бумагамъ графа де Бальмена, которыя мы получили отъ сына его графа Адольфа Александровича и которыя слѣдуютъ у насъ ниже, стр. 659—754. П. Б.

(1) Съ поступленіемъ перваго графа де Бальмень въ Русское подданство имя Рамзай отдѣлилось отъ Бальмень, не смотря на то, что Рамзай главное семейное имя, а Бальмень только названіе замка, который служилъ мѣстопробываніемъ главѣ семейства. Въ Шотландіи до сихъ поръ существуетъ городъ Бальмень съ развалинами этого замка.

ва его получила 500 душъ и нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Графъ Александръ Антоновичъ, въ то время девяти лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ корнеты, зачисленъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ и помѣщенъ до окончанія воспитанія въ 1-й кадетскій корпусъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ<sup>(\*)</sup>. Другой его братъ былъ помѣщенъ въ пажескій корпусъ, обѣ сестры въ Смольный монастырь,—всѣ на казенный счетъ. Старшая изъ сестеръ была назначена фрейлиной къ государынѣ.

Въ царствованіе импер. Павла графъ Александръ Антоновичъ, уже въ чинѣ штабъ-ротмистра л.-гв. коннаго полка, раздѣлилъ участь многихъ. Заступаясь за одного товарища, который напроказилъ, онъ ударилъ какого-то частнаго пристава въ то мѣсто, которое французы назвали бы *le système dentaire*, за что былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, переведенъ въ какой-то пѣхотный полкъ и немедленно помѣщенъ, въ сѣрой солдатской шинели, въ одну изъ Петербургскихъ казармъ. Къ счастью для него это печальное событіе случилось всего за три дня до кончины Павла Петровича. По вступленіи на престолъ императора Александра, онъ немедленно получилъ обратно все, чего его лишила минутная вспышка; графъ часто рассказывалъ со смѣхомъ и вмѣстѣ съ нѣкоторымъ содроганіемъ о трехдневномъ своемъ пребываніи въ казармахъ.

Это обстоятельство вѣроятно не мало подѣйствовало на его внезапное рѣшеніе оставить военную службу и опредѣлиться къ статскимъ дѣламъ. Слѣдующія подробности о службѣ покойнаго графа мы выписываемъ изъ его формулярнаго списка.

(\*) Гр. Карлъ Антоновичъ, хорошо известный въ свое время необыкновенною храбростію и сѣвками въ обществѣ. 24-хъ лѣтъ, уже былъ генералъ-майоромъ, но за то весь израненъ, изрубленъ; 26-ти лѣтъ онъ умеръ отъ этихъ ранъ.

Будучи на службѣ въ иностранной коллегіи, 20-го августа 1801-го года, первоначально отправленъ къ Сардинской миссіи. 30 января—803 переведенъ въ Неапольскую миссію. 30 июня—810 назначенъ къ Вѣнской миссіи секретаремъ посольства. 30-го апрѣля—812 по высочайшему повелѣнію передъ открытіемъ французской войны отправленъ съ секретными порученіями въ города Грацъ и Триестъ. 23 июня, при вступленіи французской арміи въ Россійскія границы, отправленъ съ секретными же порученіями въ города Прагу, Карлсбадъ и Дрезденъ. Исполнивъ сіе, отправленъ, съ секретными же порученіями, въ городъ Смоленскъ къ генералу Барклаю де Толли. 3 октября, опредѣленъ къ Лондонской миссіи секретаремъ посольства. 23 марта—813 принять въ военную службу (подполковникомъ) и отправленъ съ депешами изъ Лондона въ главную квартиру его императорскаго величества въ городъ Дрезденъ. До Пражскаго перемирія состоялъ при отрядномъ командирѣ Россійскихъ войскъ генералѣ графѣ Вальмоденѣ, находившемся у рѣки Эльбы между городомъ Гамбургомъ и мѣстечкомъ Делицею. 4 августа, состоялъ въ арміи кронъ-принца Шведскаго, въ отрядѣ генерала графа Воронцова. Былъ въ дѣйствительныхъ главныхъ и авангардныхъ сраженіяхъ, 11 и 12 августа подъ м. Гроссъ-Беренъ, подъ м. Ютерборнъ и подъ городомъ Витембергомъ; 25 августа, подъ м. Денневицею, до совершеннаго разбитія французской арміи, бывшей подъ начальствомъ маршаловъ Удино и Нея,—за что награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. 1-го сентября, командированъ въ отрядъ генерала Чернышева и находился въ авангардѣ подъ командою полковника Бенкендорфа въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ 16 и 18 сентября подъ городомъ Касселемъ, за что награжденъ орденомъ Св. Ан-

ны 2-й степени. 18 и 19 октября, подъ городомъ Ганнау, и во всѣхъ ежедневныхъ авангардныхъ дѣлахъ во время преслѣдованія французской арміи, отъ м. Шлоссъ Виппахъ (близь города Эрфурта) до м. Кронбурга (близь рѣки Рейна). 22 октября, отправленъ изъ отряда генерала Чернышева съ донесеніями въ городъ Патерборнъ къ генералу барону Винценгероде. 27 октября, отправленъ отъ него съ донесеніями же въ городъ Ганноверъ къ кронъ-принцу Шведскому. По исполненіи сего, находился снова въ отрядѣ генерала графа Воронцова во всѣхъ движеніяхъ къ французскимъ границамъ до города Бремена, гдѣ заболѣлъ. Тутъ за отличіе получилъ отъ кронъ-принца Шведскаго орденъ Золотаго Меча при рескриптѣ отъ 10 ноября. 1-го марта 814, по выздоровленіи отъ болѣзни, возвратясь къ арміи, не могъ уже присоединиться къ отряду генерала графа Воронцова, по случаю прекращенія всѣхъ сообщеній, воспрѣдовавшаго отъ сильныхъ движеній непріятельской арміи подъ начальствомъ самого Наполеона. Оставался въ отрядахъ, поставленныхъ у крѣпостей и въ городѣ Нанси до взятія города Парижа. 4 апрѣля, изъ города Нанси отправленъ въ городъ Парижъ къ Е. И. В. и ко двору французскому съ донесеніями о покореніи крѣпостей Меца, Люксамбурга и прочихъ. Получилъ за сію войну отъ короля Прусскаго орденъ „За достоинство“, при рескриптѣ отъ 30 мая 814. 11-го іюня 815, по высочайшему повелѣнію, отправленъ изъ главной квартиры Е. И. В. въ городъ Гейдельбергъ съ письмомъ къ мѣстопробыванію герцога Веллингтона; а съ того времени до вторичнаго взятія города Парижа находился при Англійской арміи. 21 іюня отправленъ къ Е. И. В. съ извѣстіемъ о покореніи сей столицы; но, получивъ приказаніе слѣдовать прямо черезъ непріятельскіе города и почты, неоднократно подвергался опасности, особенно около го-

У.

рода Витри де Франо и въ городѣ Шатотіери, гдѣ народъ и гарнизонъ, собравшись и возвысивъ трехцвѣтный флагъ, намѣревались лишить его жизни. 26-го іюня, по высочайшему повелѣнію, отправленъ изъ города Липны въ городъ Парижъ для заготовленія почтовыхъ лошадей Ихъ Величествамъ императорамъ Россійскому и Австрійскому. 1-го сентября, въ слѣдствіи конвенціи, заключенной въ Парижѣ между союзными державами, назначенъ на островъ Св. Елены въ качествѣ Россійскаго комиссара. Находясь на ономъ до мая мѣсяца 820, получилъ высочайшее благоволеніе 17 октября 816, 5 апрѣля 817 и 28 ноября 817.—820 февраля 8, въ награду за отличное исполненіе своей должности на островѣ Св. Еленѣ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Е. И. В. 2-го декабря 822, по особенному Е. И. В. соизволенію, опредѣленъ къ Лондонской миссіи сверхъ новаго штата. 4 декабря 826, по высочайшему повелѣнію отозванъ оттуда. 1-го мая 828, отправленъ въ свитѣ Е. И. В. въ дѣйствующую армію, находящуюся въ Турціи. Состоялъ при особѣ Е. И. В. во всѣхъ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, происходившихъ во время этой кампаніи, за что 1-го іюня получилъ знаки Св. Анны 2-й степени съ алмазами, а 29 сентября за отличіе произведенъ въ генералъ-майоры.

По отозваніи графа де Бальмена со Св. Елены, на его мѣсто былъ назначенъ комиссаромъ баронъ Голландъ. Вслѣдъ за тѣмъ однакожь вышелъ новый приказъ, въ которомъ баронъ получалъ другое назначеніе; а графъ де Бальмень вторично назначался комиссаромъ на островъ Св. Елены. Онъ уже собирался отплыть къ своему посту, когда получено было извѣстіе о кончинѣ Наполеона.

Высочайшимъ указомъ министру финансовъ отъ 18-го февраля 823 назначенъ въ генералъ-майоры.

Русскій Архивъ 1868. 16.

значенъ графу де Бальмену за услуги, оказанныя имъ на островѣ Св. Елены, пенсіонъ по три тысячи рублей въ годъ, считая рубль въ 250 центовъ Нидерландскихъ. Часть этого пенсіона, по смерти графа, была всемилостивѣйше пожалована его вдовѣ императоромъ Николаемъ.

1831-го года апрѣля 16-го, графъ былъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ къ резервной арміи для нахождения при главнокомандующемъ оной графъ Остенъ-Сакенъ и прослужилъ весь походъ въ Литвѣ противъ Польскихъ мятежниковъ до причисленія войскъ, составляющихъ резервную армію, къ первой арміи. 1-го іюля того же года, когда Польскіе мятежники, подъ начальствомъ Гельгуда, сдались Пруссакамъ, главнокомандующій резервной арміи отправилъ гр. Бальмена вслѣдъ за ними въ Пруссію для переговоровъ о дальнѣйшей ихъ участи.

Графъ вышелъ въ отставку въ 1837 году, вынужденный къ тому разстроеннымъ на службѣ здоровьемъ. Между прочимъ, отъ слишкомъ частаго наблюденія въ подозрную трубу за непріятельскими движеніями во время Турецкой кампаніи, у него образовался катарактъ на обоихъ глазахъ. Глаза его наконецъ совершенно потухли, въ продолженіи слишкомъ трехъ лѣтъ онъ рѣшительно ничего не видѣлъ, и только въ 1843-мъ году знаменитый Парижскій окулистъ Сисель, чрезвычайно удавшеюся операцией, возвратилъ ему зрѣніе. Графъ Александръ Антоновичъ скончался въ С.-Петербургѣ 17 апрѣля 1848 года, сопутствуемый въ могилу слезами и искреннимъ сожалѣніемъ всѣхъ, кто его зналъ.

Покойный графъ де Бальменъ былъ очень добръ, веселонравенъ, любезенъ, съ примѣсью нѣкоторой оригинальности, которую онъ наслѣдовалъ отъ своихъ шотландскихъ предковъ. Его разговоръ былъ остроуменъ и оживленъ;

онъ любилъ шутить, и его шутки, которыя иногда вкрадывались даже въ официальные бумаги, составляли блаженство чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Ихъ такъ и называли „les plaisanteries du comte de Balmain,“ и преданіе о нихъ сохранилось до сихъ поръ въ министерствѣ. Онъ кромѣ того обладалъ необыкновенною способностью смѣшить прекрасный полъ до слезъ, до истерики.

Въ исправленіи служебныхъ обязанностей графъ отличался большою дѣятельностью, точностью, смысленностью и тактомъ, и потому когда являлась надобность въ этихъ качествахъ, его избирали часто помимо другихъ, имѣвшихъ болѣе правъ на таковой выборъ, какъ по старшинству такъ и по заслугамъ. Доказательствомъ тому можетъ служить назначеніе его на островъ Св. Елены, воспослѣдовавшее прямо отъ императора Александра, который хорошо зналъ и цѣнилъ въ немъ эти качества.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобы буквально исполнить свои инструкціи на этомъ трудномъ мѣстѣ, чтобы сладить съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ губернаторъ острова, сирѣ Гудсонъ-Лоу, маневрировать между Французами и Англичанами такимъ образомъ, чтобы не задѣвать ни тѣхъ ни другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить всеобщее расположеніе, чтобы наконецъ пріобрѣсти довѣріе самого Наполеона, чего не достигли ни французскій, ни австрійскій комиссары, нужны были и тактъ, и смысленность, и много того умѣнія, которымъ отличаются наши дипломаты и которому даже Французы отдаютъ должную справедливость: „Les Russes sont les plus grands diplomates du monde“, говорятъ они, но прибавляя по своему обыкновенію „après les Français“ (\*). Нельзя не упомянуть вмѣстѣ съ этимъ о тѣхъ

(\* ) Русскіе искуснѣйшіе въ мірѣ дипломаты, но послѣ Французовъ.

чувствахъ чести, безкорыстія и чело-  
вѣколюбія, о тѣхъ чувствахъ истин-  
наго христіанина, которыя заслужили  
въ то время графу на островѣ Св.  
Елены,—и конечно не на одномъ этомъ  
островѣ,—не только всеобщее распо-  
ложеніе, но и всеобщее уваженіе.

Истинный рабъ своего долга, онъ  
нѣсколько разъ отвергалъ весьма зна-  
чительную сумму, которую ему на-  
стойчиво предлагалъ Монтолонъ. —  
по приказанію Наполеона,—для до-  
ставленія письма, написаннаго послѣд-  
нимъ къ императору Александру.  
Милліонъ большое искушеніе; а тѣмъ  
болѣе, когда его можно приобрѣсти  
безъ всякаго труда, безъ особенно  
важнаго нарушенія своего долга и  
почти безъ всякихъ дурныхъ послѣд-  
ствій для себя. Графъ де Бальмень хо-  
рошо зналъ, что кромѣ развѣ офици-  
альнаго выговора, ему, за доставленіе  
этого письма, опасаться нечего, ни  
царскаго гнѣва, ни упрековъ началь-  
никовъ, ни дурнаго мнѣнія кого бы  
то ни было. Одно уже состраданіе  
къ несчастному положенію Наполе-  
она могло служить ему достаточ-  
нымъ оправданіемъ: но кромѣ того  
были тысячи средствъ представить  
все это дѣло въ такомъ свѣтѣ, чтобы  
не только избѣгнуть упрековъ, но и  
заслужить одобреніе. Конечно, за всѣмъ  
этимъ осталось бы на совѣсти пят-  
нышко, но такое крошечное, такое  
незамѣтное, что, многіе, конечно не  
обратили бы на него вниманія. Графъ  
однакожъ устранился этого пятныш-  
ка и восторжествовалъ надъ искуше-  
ніемъ. Письмо осталось въ портфель  
у Наполеона, и милліонъ получилъ  
другое назначеніе. Впослѣдствіи, по  
возвращеніи изъ Св. Елены, графъ  
откровенно разсказалъ государю всѣ  
подробности этого дѣла и кончилъ  
свой разсказъ слѣдующимъ вопро-  
сомъ:

„Si un cas pareil se présentait de nouveau,  
Sire, si j'étais chargé encore une fois de faire  
parvenir une lettre de Napoleon à Votre

Majesté, pourrais je le faire sans concourir  
le blâme et le déplaisir de mon auguste  
Maitre?“ (\*)

Государь, который въ теченіи это-  
го разговора игралъ по своему обык-  
новенію съ аксельбантомъ графа,  
ничего не отвѣчалъ и продолжалъ  
играть; но въ его глазахъ, въ выраже-  
ніи его лица, можно было ясно про-  
честъ утвердительный отвѣтъ на  
этотъ вопросъ.

Графъ Александръ Антоновичъ былъ  
два раза женатъ: первый разъ на  
дѣвицѣ Джонсонъ, падчерицѣ Сирь  
Гудсонъ-Лоу, губернатора Св. Еле-  
ны, отъ перваго брака его супруги  
съ баронетомъ сирь Вильямомъ  
Джонсономъ, полковникомъ Англійской  
арміи. Графъ имѣлъ несчастье ли-  
шиться ея послѣ четырехъ лѣтъ са-  
мой счастливой супружеской жизни.  
Ей не было еще 15-ти лѣтъ, когда  
онъ женился на ней, и во многихъ отно-  
шеніяхъ она, до конца жизни, оста-  
валась настоящимъ ребенкомъ, хотя  
въ другихъ выказывала разумъ и  
понятія уже совершенно взрослой  
женщины. Императоръ Александръ,  
который очень любилъ и уважалъ  
ее (\*\*). находилъ особенную для себя  
забаву въ ея дѣтскихъ выходкахъ.  
англійскомъ произношеніи, оригиналь-  
ности и пр. По ея кончинѣ графъ  
вступилъ во вторичный бракъ съ  
дѣвицею Глафиною Николаевной Сви-  
стуновой, происходящей по женскому  
колѣну отъ тѣхъ Ржевскихъ, которые  
нисходятъ по прямой линіи отъ кня-  
зей Смоленскихъ.

Да будетъ позволено окончить этотъ  
біографическій очеркъ нѣкоторыми  
анекдотами-мелочами, относящимися  
къ жизни покойнаго графа.

(\*) Т. е. если подобный случай представится  
вторично, если и другой разъ мнѣ поручатъ пере-  
дать письмо Наполеона вашему величеству, могу  
ли я это сдѣлать, не подвергаясь порицанію и  
неблаговоленію августѣйшаго моего государя?

(\*\*) Помѣщаемъ далѣе одно изъ собственно-  
ручныхъ писемъ его величества къ покойной  
графинѣ.

Графъ любилъ словесность, онъ зналъ наизусть трагедіи Расина, Корнеля и др.; въ кадетскомъ корпусѣ онъ былъ всегда изъ первыхъ во французской литературѣ (о русской въ то время не было и помину); кромѣ того онъ самъ довольно удачно писалъ легкія стихотворенія для альбомовъ знакомымъ дамамъ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже напечатаны, подъ псевдонимомъ, въ различныхъ Парижскихъ журналахъ и альманахахъ.

Графъ, воспитанный въ почитаніи однихъ классиковъ, не очень жаловалъ романы и другія затѣи нашей современной литературы; — во всю свою жизнь онъ прочелъ одинъ „Cinq Mars“ Альфреда де Виньи и „Ивана Выжигина“ сочиненіе Фаддѣя Венедиктовича Булгарина. Первый нѣсколько помирилъ его съ переворотомъ, совершившимся во французской литературѣ въ 30-хъ годахъ; но онъ остановился на немъ, считая его за исключеніе, за жемчужину, неизвѣстно какимъ образомъ очутившуюся среди нелѣпныхъ и безобразныхъ элукубрацій тогдашней романтической школы. „Иванъ Выжигинъ“ — и можно ли удивляться тому? — отбилъ у него всякое желаніе и охоту къ дальнѣйшему изученію произведеній русскихъ романистовъ.

Говорить о графѣ де Вальменѣ и не упомянуть въ то же время о Пьеро и Капи, вещь рѣшительно невозможная. Пьеро былъ попугай, сѣрый съ краснымъ хвостомъ, купленный имъна Св. Еленѣ; Капи, собака породы *Scotch terriers*, постоянно сопровождавшая его во время ежедневныхъ прогулокъ на Невскомъ проспектѣ и большая мастерица истреблять крысъ и мышей. Про Пьеро и Капи зналъ не только весь Петербургъ, но и самъ Государь. Пьеро былъ чрезвычайно строгій и важный джентльменъ, кромѣ того мизантропъ и врагъ прекраснаго пола, — много хорошенькихъ пальчиковъ онъ перекусалъ на своемъ вѣку; одно-

му графу онъ позволялъ брать себя на руки, цѣловать и пр. Въ дорогѣ, клѣтка его, которая ставилась на фартукъ коляски, собирала вокругъ себя на каждой станціи, въ каждомъ городѣ, толпу любопытныхъ, которые громко выражали свой восторгъ, когда обитатель одной начиналъ распекать зрителей, ямщиковъ, требовалъ водки, закуски, жаловался на тряскую дорогу и пр.

Враждебное расположеніе Пьеро къ женщинамъ было причиною его преждевременной смерти. Онъ имѣлъ привычку, завидя въ комнатѣ одну изъ своихъ непріятельницъ, потихоньку слѣзая съ своей палки. Очутясь на полу, онъ чрезвычайно быстро подбѣгалъ къ ней и цапъ за платье. Этотъ маневръ, который онъ исполнялъ необыкновенно ловко, заставлялъ иногда цѣлое общество дамъ съ крикомъ и хохотомъ искать убѣжища отъ преслѣдованія на креслахъ, стульяхъ, диванахъ, столахъ. Разъ онъ ухватился такимъ образомъ за подолъ одной горничной, которая грубымъ и неловкимъ движеніемъ вывихнула ему шею. Эта потеря была очень ощутительна для графа: для него Пьеро былъ олицетвореннымъ воспоминаніемъ самой блестящей эпохи его жизни. Капи также кончился не своею смертию: онъ былъ отравленъ однимъ свирѣпымъ Петербургскимъ домовладѣльцемъ.

Англійскій король Георгъ IV, во время нахождения графа при Лондонской миссіи, никогда не встрѣчалъ его, не спрося, когда онъ отправится въ гости къ своимъ двоюроднымъ братьямъ въ Шотландію. „Eh bien, Balmain, quand donc irez vous visiter vos cousins en Ecosse?“ Нужно замѣтить, что не всѣ Рамзай де Вальмены отказались присягнуть принцу Оранскому; потомки тѣхъ, которые остались въ Шотландіи, продолжаютъ жить, по примѣру предковъ, въ родовомъ помѣстьѣ, занимаютъ мѣста въ парламентѣ, служатъ

въ милиціи и готовы принять съ распростертыми объятіями всякаго де Бальмена, которому вздумается посѣтить ихъ.

Однажды, во время Турецкой кампаніи, великій князь Михаилъ Павловичъ, замѣтивъ, что графъ слѣзъ съ лошади, чтобы поправить ослабѣвшую подругу, подѣхалъ къ нему и спросилъ: „Que faites vous là, Balmain?—Monseigneur, je sangle mon cheval.—Ah! une affaire sanglante; continuez, mon cher, je ne vous derange pas.“

Графъ имѣлъ огромный запасъ подобныхъ анекдотовъ, которые онъ рассказывалъ, съ большимъ юморомъ и оживленіемъ; между прочимъ онъ рассказывалъ, какъ его, въ одномъ французскомъ мѣстечкѣ, приняли за Наполеона, вскорѣ послѣ побѣга послѣдняго изъ острова Эльбы, и хотѣли арестовать; какъ однажды, въ Парижѣ въ 1814 году его камердинеръ обокралъ его, проигралъ украденныя деньги въ игорномъ домѣ и застрѣлился въ его передней и пр. и пр.

*Графъ Адольфъ де Бальменъ.*

### Приложение.

Lettre de l'Empereur Alexandre 1-er à Charlotte, comtesse de Balmain.

Je dois paraître inexcusable à vos yeux, Madame, d'avoir tardé si longtemps avec ma réponse, à votre si aimable lettre, à laquelle vous avez eu la bonté de joindre la copie de celle de Sir Hudson Lowe. Au moment où je l'ai reçue je me trouvais alité et je suis resté dans cet état, longtemps encore après votre départ. Depuis votre retour, j'espérais toujours avoir une occasion de vous rencontrer, pour vous remercier de bouche. Mais l'occasion ne s'en étant pas présenté encore jusqu'à ce moment, et apprenant que vous venez d'arriver à Zarskosélo, je prends la

plume pour vous exprimer, Madame, combien j'ai été sensible à votre obligeante bonté ainsi qu'à tout ce que Sir Hudson Lowe veut bien dire sur mon compte. Je serais charmé si dans une de vos lettres vous seriez assez complaisante pour le lui marquer de ma part en l'assurant de la sincère estime que je lui ai voué depuis le tems que nous avons fait connaissance.

Je profite en même tems de cette occasion pour me rappeler par ces lignes à votre souvenir, Madame, et vous offrir mes hommages respectueux.

Alexandre.

le 3 Juillet 1824.

*Переводъ.* Письмо императора Александра 1-го къ графинѣ Шарлотѣ Бальменъ. Милостивая государыня. Поздній отвѣтъ мой на любезное письмо ваше (къ которому вы были такъ добры, что приложили копію съ письма Сира Гудсонъ-Лоу) долженъ казаться непростительнымъ въ глазахъ вашихъ. Ваше письмо пришло, когда я былъ боленъ, и по отвѣздѣ вашему я еще долго не покидалъ постели. По вашему возвращеніи я все искалъ случая съ вами встрѣтиться и поблагодарить васъ лично. Но такого случая до сихъ поръ мнѣ не выпадало, и, узнавъ, что вы прибыли въ Царское Село, я взялся за перо, чтобы выразить вамъ, милостивая государыня, какъ чувствителенъ я къ вашей обязательной добротѣ и ко всему тому, что было угодно Сиру Гудсонъ-Лоу сказать на мой счетъ. Вы одолжите меня, передавъ ему это въ одномъ изъ вашихъ писемъ и увѣривъ его въ искреннемъ уваженіи, которое я питаю къ нему съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы познакомились. Пользуясь случаемъ, чтобы сими строками привести себя вамъ на память и изъявить вамъ, милостивая государыня, мое почтеніе. Александръ. 3 іюля 1824.

## Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго.

### Поѣздка въ Баку.

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1867 года (№ 333, отъ 11 декабря) появилась небольшая замѣтка Н. Д. Дмитріева, конечно обратившая на себя вниманіе того, кто слѣдитъ за успѣхами Русской исторіографіи. Въ замѣткѣ этой говорится о неизданныхъ Запискахъ Василя Антоновича Инсарскаго, и сказано между прочимъ слѣдующее: „Пишущему эти строки довелось прочесть нѣсколько отрывковъ изъ Записокъ, веденныхъ В. А. Инсарскимъ, бывшимъ директоромъ канцеляріи при главнокомандующемъ на Кавказѣ, князѣ Барятинскомъ, а нынѣ московскимъ почтъ-директоромъ. Довольно значительное положеніе по службѣ, огромный кругъ лицъ, съ которыми автору приходилось быть въ сношеніяхъ, важныя событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, — событія, кои составятъ славныя страницы нашей исторіи, — все это доставило автору богатѣйшій матеріалъ для занимательности „Записокъ“. Но наблюдательность, умѣнье уловлять характеристическія черты лицъ и происшествій, способность рассказывать просто и свободно, сообщаютъ Запискамъ особое, такъ сказать субъективное, достоинство, которое не часто встрѣчается. Мы читали далеко не всѣ Записки, о которыхъ говоримъ, поэтому рѣшительнаго слова о всемъ вообще трудѣ В. А. Инсарскаго произнести не можемъ; но то, что нами прочитано, безъ преувеличенія, прекрасно. Описывая событія Кавказа, авторъ положительно переноситъ васъ въ его заоблачныя страны; вы видите этихъ отважныхъ бойцевъ, покорившихъ область, гдѣ кровавымъ боемъ нужно было брать каждый камень, каждый перелѣсокъ, каждый шагъ. Авторъ водитъ читателя по тропинкамъ, висящимъ надъ пропастями, по которымъ, однако же, взбирались арміи,

артиллерія и проч.; авторъ вступаетъ съ читателемъ въ дѣла, гдѣ каждое дерево — засада, каждый шагъ — погибель; онъ рассказываетъ, на примѣръ, что значать эти *проськи*, о которыхъ мы такъ спокойно и равнодушно читали въ реляціяхъ, между тѣмъ какъ посредствомъ ихъ совершилось главнымъ образомъ покореніе Кавказа. Проведеніе ихъ стѣило арміи не менѣе сраженій; по нимъ шагъ за шагомъ двигались наши рати въ глубь неприступной страны; онъ, какъ иглы, впивались въ грудь чудовища, отстаивавшаго себя слишкомъ полдѣвка противъ могущественнѣйшаго государства. Авторъ представляетъ намъ какъ главныхъ дѣятелей этой войны, такъ и простыхъ ея сподвижниковъ, героевъ знаменитой арміи, оставившей за собою историческое имя *Кавказской арміи*. Записки исполнены рѣдкаго интереса; онъ занимательны не только своимъ содержаніемъ, своею историческою стороною, но мѣстами истинною поэзіею. Авторъ задалъ себѣ задачу — *не муурстовать лукаво*, не дѣлать изъ себя цеховаго писателя, а просто записать для памяти то, что видѣлъ и слышалъ. Отъ этой простоты замысла и отъ богатства содержанія и вышло прекрасное дѣло: поэзія природы, поэзія подвиговъ и лицъ — ложилась сама собою подъ перо занимательнаго рассказчика. Событія и дѣятели ихъ отливались, какъ живые, въ свободныя и типическія формы. Лучшимъ доказательствомъ занимательности Записокъ служить слѣдующее: онъ читаются съ глубочайшимъ интересомъ даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, по видимому, не способныхъ интересовать равнодушнаго читателя, какъ напр. о домашнихъ своихъ дѣлахъ, семейныхъ и т. п.<sup>4</sup>

По обязательной благосклонности своей, В. А. Инсарскій доставилъ намъ возможность личнымъ опытомъ убѣдиться въ совершенной вѣрности этой характеристики. Мы испытали высокое наслажденіе, перечитывая рукописные



томы этихъ увлекательныхъ Записокъ, обнимающихъ собою болѣе четверти недавно прожитаго вѣка.

Полное отсутствіе личныхъ пристрастій при изложеніи, которое однако постоянно согрѣто искреннимъ чувствомъ, рѣдкое умѣніе не теряться въ мелочахъ, но схватывать крупныя и рѣдкія черты лицъ и событій, наконецъ самое разнообразіе и важность содержанія,—содѣлаютъ эти Записки истинно драгоценными для будущаго историка эпохи, почти намъ *современной*. Вполнѣ признавая и уважая условія скромности, налагаемыя симъ послѣднимъ обстоятельствомъ, мы попросили однако позволенія у многоуважаемаго автора—по нижеслѣдующему отрывку хотя нѣсколько познакомить читателей Русскаго Архива съ приемами труда его, коему вполнѣ придаемъ значеніе историографическое. *Ш. Б.*

#### ПОВѢЗКА ВЪ БАКУ.

Не смотря на пріятныя и почетныя отношенія, которыми окружилъ меня Кавказъ съ самаго пріѣзда моего туда, я не могъ не испытывать въ моемъ положеніи нѣкотораго тревожнаго раздвоенія. Одною половиною я принадлежалъ Кавказскому міру, а другою Петербургу, откуда моя семья, по моимъ планамъ и указаніямъ, должна была сдѣлать огромный переѣздъ на Кавказъ. Переѣздъ этотъ я направилъ воднымъ путемъ, рассчитывая, что онъ во всякомъ случаѣ представляеть несравненно болѣе спокойствія, чѣмъ сухопутное путешествіе по нашимъ дорогамъ и чрезъ наши станціи. И дѣйствительно, при содѣйствіи нѣкоторыхъ связей и безчисленныхъ писемъ, которыя я разсымалъ во всѣ концы міра, семейство мое совершало это путешествіе съ величайшими удобствами. Оно направлялось на Астрахань, а оттуда на Баку. Въ то время находился въ ходу вопросъ о подчиненіи Астраханской губерніи Кавказскому управленію, и поэтому понятно,

въ какихъ любезныхъ отношеніяхъ къ этому управленію находились тамошнія власти. Кавказскій намѣстникъ, князь Александръ Ивановичъ Бяратинскій, по моей просьбѣ, писалъ туда, чтобы, по прибытіи въ Астрахань моего семейства, устроить его тамъ и потомъ отправить въ Баку самымъ благонадежнымъ образомъ. Тогда между Астраханью и Баку существовало довольно жалкое, такъ называемое „почтовое пароходство.“ По Кавказскому календарю значилось, что пароходы изъ Астрахани идутъ въ Баку два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го и при благопріятныхъ обстоятельствахъ приходятъ туда на пятый день. Съ простодушіемъ неопытности, довѣряя этимъ печатнымъ заявленіямъ, я въ письмахъ своихъ къ семьѣ настоятельно требовалъ, чтобы прибытіе ея въ Астрахань послѣдовало непременно въ концѣ августа. Я рассчитывалъ, что если въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября, семья моя отправится изъ Астрахани, а я выѣду, на встрѣчу ей, изъ Тифлиса, то мы можемъ съѣхаться въ Баку также въ одинъ и тотъ же день. Разница могла заключаться только въ нѣсколькихъ часахъ.

Та самая карета, которая привезла меня изъ Петербурга въ Тифлисъ, карета поразительная по своей крѣпости, помчала меня въ гор. Баку, который отстоитъ отъ Тифлиса на разстояніи до 600 верстъ. Мнѣ говорили, что на этомъ пространствѣ лѣтомъ просто ѣздить невозможно: до такой степени эта полоса исполнена лихорадочными миазмами; нѣкоторые прибавляли, что проѣздъ тутъ даже въ сентябрѣ не совсѣмъ безопасенъ. Не знаю почему, но всѣ эти рассказы казались мнѣ преувеличенными, и я смѣло, ни о чемъ не думая, пустился въ путь, въ радостной надеждѣ слиться наконецъ съ своей семьей, съ которой разлучился въ первый разъ и которой не видалъ восемь мѣсяцевъ.

Дѣйствительность подтвердила однако же въ значительной степени всѣ эти рассказы. Несмотря на нѣкоторое официальное значеніе, которое я началъ сознавать въ себѣ, я сталъ встрѣчать затрудненія въ полученіи лошадей, а еще болѣе конвоя. На мои грозныя разглагольствія, мнѣ спокойно предлагали взглянуть на помѣщенія ямщиковъ и казаковъ, что я и дѣлалъ разъ или два. Видъ этихъ помѣщеній былъ поразителенъ: на широкой лавкѣ, или такъ называемыхъ нарахъ, валялись въ беспорядкѣ различныя фигуры съ страшно-блѣдными и изможденными лицами, съ запекшимися и полопавшимися губами, съ открытыми ртами, наполненными мухами, фигуры мертвецовъ, въ жару и бреду испускающія стоны. Я щедро раздавалъ хинныя порошки, которыми запасся въ изобиліи въ Тифлисъ и ѣхалъ далѣе, сдерживая уже свои претензіи, въ виду страшныхъ страданій человечества на этой полосѣ земли.

Надо замѣтить, что независимо отъ болѣзненныхъ опасностей, путь отъ Тифлиса къ Елисаветполю, не смотря на то, что онъ лежитъ внутри мирнаго края, далеко не безопасенъ для путешественниковъ и въ другомъ отношеніи. Татарское населеніе, занимающее эту полосу и неимѣющее ничего общаго съ храбрымъ мусульманскимъ населеніемъ враждебныхъ горцевъ, — постоянно занимается грабежами. Въ моемъ департаментѣ сосредоточивались всѣ донесенія о происшествіяхъ: большая часть происшествій совершается именно на этомъ пространствѣ. Ночью тутъ вовсе не ѣздятъ, за исключеніемъ курьеровъ. Лишенные всякой храбрости, эти татары всегда нападаютъ тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ тройная или четверная сила и гдѣ всякое сопротивленіе не возможно. Самая форма нападенія чрезвычайно подлая и всегда начинается или татарскимъ привѣтствіемъ, или какою-нибудь пустою просьбою, при-

чемъ эти хищники высматриваютъ, какое у васъ оружіе и съ какой стороны лучше на васъ напасть. Рассказовъ объ этихъ нападеніяхъ и грабежахъ, и именно на этомъ пространствѣ, ходитъ въ Тифлисъ бездна. Со мною однако-же не случилось ничего особеннаго, и я совершенно благополучно достигъ границы Шемахинской губерніи, переименованной впоследствии въ Бакинскую.

Незадолго предъ тѣмъ, губернаторомъ въ эту губернію назначенъ былъ князь Константинъ Тархановъ, братъ того знаменитаго Кавказскаго героя князя Іосифа Тарханова, котораго самъ князь А. И. Барятинскій, называлъ „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.“ Князь Константинъ Тархановъ слылъ на Кавказѣ чрезвычайно умнымъ и опытнымъ человѣкомъ; но если я мало зналъ въ то время князя Тарханова и вовсе не интересовался назначеніемъ его губернаторомъ въ Шемахинскую губернію, то такой проницательный человѣкъ не могъ не интересоваться моею личностью.... Неожиданное, но вѣрное доказательство тому явилось на Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру, которая составляетъ границу, отдѣляющую Шемахинскую губернію отъ Тифлисской. Я сказалъ уже, что путешествіе мое въ предѣлахъ Тифлисской губерніи не имѣло ничего блестящаго. Мнѣ было самому совѣстно требовать значительнаго конвоя, когда почти всѣ казаки походили на мертвецовъ. Съ этими скромными возрѣніями я передвигался на паромѣ чрезъ мутную Куру, погруженный въ разнородныя мечтанья о семействѣ, которое ѣхалъ встрѣчать, о Петербургскомъ мірѣ, съ которымъ разстался, о новомъ Кавказскомъ мірѣ, мірѣ, столь пестромъ и своеобразномъ, въ который я погрузился. Въ этихъ мечтаніяхъ я взглянулъ на противоположный берегъ, къ которому приближался, и по обыкновенію глаза мои встрѣтили одинъ изъ духановъ, которыхъ такъ

много разбросано на всѣхъ точкахъ Закавказья. Кругомъ духана было много татарскихъ фигуръ, какъ всегда вооруженныхъ, изъ которыхъ одиѣ лежали, другія стояли и третьи ходили, образуя разнообразныя группы; не вдалекѣ было много лошадей, частью осѣдланыхъ, очевидно принадлежащихъ этимъ татарамъ. Все это вмѣстѣ представляло такую обыкновенную картину, что она вовсе не обратила на себя особеннаго моего вниманія. Когда я и экипажъ мой очутились на берегу, одинъ изъ татаръ приблизился къ моему камердинеру и началъ съ нимъ продолжительно шептаться. Оказалось, что вся эта толпа, подъ предводительствомъ помощника участковаго засѣдателя, то-же изъ татаръ, по распоряженію Шемахинскаго губернатора, уже нѣсколько дней ожидаетъ здѣсь изъ Тифлиса какого-то генерала, чтобъ составить его конвой, и что этотъ генералъ именно я и есмь. Мигомъ все бросилось къ верховымъ лошадямъ и образовало нѣчто въ родѣ эскадрона. Нѣкоторое, слабое впрочемъ, чувство пріятности, производимое такимъ почетомъ, заглушалось совершенно во мнѣ заботами о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя я долженъ поставить себя къ этимъ людямъ, отношеніяхъ, которыя, по неопытности моей, представлялись мнѣ чуждыми и стѣснительными. Тысячи самыхъ разнообразныхъ соображеній мгновенно пролетѣли въ моей головѣ. Я вспомнилъ неоднократно высказанныя мнѣ княземъ Александромъ Ивановичемъ замѣтки, что въ азіатскомъ краю власть и проводники ея должны отличаться важностью и силой, и что малѣйшая уступка въ этомъ отношеніи принимается всегда за признакъ слабости; потомъ мнѣ пришло въ голову, что какой же я начальникъ, и что если буду важничать, то буду смѣшонъ, прежде всего, въ собственныхъ своихъ глазахъ (а этого особенно я избѣгалъ, и довольно удачно, въ теченіи всей

моей жизни), наконецъ, и болѣе всего, меня мучило то, что если я на первыхъ же порахъ надѣлаю чепухи въ томъ или другомъ отношеніи, то непременно сдѣлаюсь баснею всего края, подобно пріятелю моему.... Процессъ этой внутренней борьбы долженъ былъ совершиться быстро, ибо предъ моими глазами стоялъ цѣлый отрядъ верховыхъ татаръ, какъ-то тупо и спокойно смотрящихъ на мою карету, а предъ самыми дверцами ея торчалъ почтенный, сѣдой старикъ-татаринъ, несмотря на тридцатипятиградусный жаръ, одѣтый въ какую-то короткую мѣховую шубу съ огромной на головѣ папачой, изъ подъ которой по бритому лбу текли обильныя ручьи грязнаго пота. Я рѣшился вести себя истиннымъ представителемъ Петербурга въ томъ вниманіи, что если и надѣлаю глупостей, то ужъ самыхъ любезныхъ, цивилизованныхъ, которыя мнѣ простятъ скорѣе, чѣмъ проявленіе какого нибудь напыщеннаго самодурства. Принявъ такое рѣшеніе, я высочилъ изъ кареты, при помощи переводчиковъ вступилъ въ любезныя объясненія съ почтеннымъ старикомъ, жалъ ему руки и повелъ его въ комнату духана. Тамъ я старался объяснить ему, какъ неожиданно для меня такое вниманіе, какъ я глубоко благодаренъ за него, какъ мнѣ совѣстно, что я причиною такого безпокойства и т. п. Съ своей стороны, умный старикъ увѣрялъ меня, что это ничего, что имъ тоже пріятно встрѣтить меня, въ доказательство чего привелъ, что многіе беки (дворяне) сами вызвались конвоировать меня. Я просилъ представить ихъ мнѣ, жалъ имъ руки на петербургскій манеръ и вообще старался очаровать этихъ полудикихъ сыновъ страны хотя древней, но тоже еще значительно дикой. Когда я узналъ, что старикъ будетъ провожать меня чрезъ весь свой участокъ, т. е. нѣсколько станцій, и все верхомъ, я рѣшительно предъявилъ протестъ про-

тиву такого намѣренія; и когда убѣдился, что слова мои не имѣють достаточной силы, сталъ упрашивать старика, чтобъ онъ ѣхалъ со мной въ каретѣ, объявивъ, что въ противномъ случаѣ не тронусь съ мѣста. Старикъ долженъ былъ уступить моимъ настояніямъ, хотя скоро обнаружилось, что какъ эти настоянія, такъ и его уступчивость, равно были опрометчивы. Начать съ того, что, взросши на конѣ, онъ никогда не залѣзалъ въ изобрѣтенную цивилизаціею квадратную клѣтку, обхватившую его со всѣхъ сторонъ, да едва-ли и видѣлъ ее когда нибудь. Потомъ онъ долженъ былъ, одѣтый въ мѣховое, т. е. самое почетное платье, закупориться въ эту клѣтку въ страшнѣйшую жару, когда и на открытомъ воздухѣ не было никакой прохлады. Къ этому прибавить надо, что онъ не говорилъ по русски, а я не понималъ ни слова по татарски.... Когда помчалась карета наша, качаемая со стороны на сторону неровною дорогою, я тотчасъ замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника величайшее безпокойство: при малѣйшемъ колебаніи экипажа онъ постоянно хватался за что нибудь, обильный потъ изъ подъ папахи пролагалъ по бритому лбу новые ручьи. Видно было, что подъ видомъ любезности я погрузилъ сего почтеннаго мусульманина въ адскія муки; мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ средствъ улучшить его положеніе. Сначала я показывалъ ему, какъ извѣстная пружина подъ каретными стеклами мгновенно подхватываетъ занавѣски, при чемъ онъ говорилъ: „якши“ (хорошо); но скоро убѣдился, что на этой штуцѣ трудно утвердить его спокойствіе, и потому нашелъ самымъ приличнымъ въ этомъ затруднительномъ положеніи закрыть глаза и притвориться спящимъ, предоставляя моего спутника его судьбѣ.... Скоро, однакоже, я дѣйствительно заснулъ, а когда проснулся, то моего товари-

ща не было уже въ каретѣ: онъ лѣтѣлъ на конѣ впереди конвоя и разсѣкалъ вечерній воздухъ. Мнѣ, конечно, не было надобности доискиваться причинъ, почему онъ оставилъ мою петербургскую карету и предпочелъ огненнаго карабахскаго коня.... Сопровождаемый почетнымъ конвоемъ, который смѣнялся на каждой станціи, я прилетѣлъ такимъ образомъ въ Шемаху, городъ, довольно значительный, но чисто азіатскій, состоящій почти исключительно изъ сакель, среди которыхъ изрѣдка возвышались дома жилищныхъ людей. Отобѣдавъ у губернатора, я, несмотря на всѣ его убѣжденія погостить въ Шемахѣ, на другой же день, раннимъ утромъ, отправился въ Баку, положительно снѣдаемый нетерпѣніемъ свидѣться съ моимъ семействомъ.

Баку лежитъ отъ Шемахи въ 100 верстахъ, и потому въ тотъ же день къ вечеру я завидѣлъ синія воды Каспійскаго моря, на берегу котораго этотъ городъ стоитъ. Еще верстѣ за семь отъ Баку на встрѣчу мнѣ двигался какой то тарантасъ, въ которомъ, съ постепеннымъ приближеніемъ его къ намъ, можно было разсмотрѣть мундирную фигуру. Я тотчасъ смекнулъ, что эта фигура тоже путешествуетъ, такъ сказать, на мой счетъ. И дѣйствительно, за нѣсколько шаговъ до окончательной встрѣчи, фигура выдѣзла изъ тарантаса и стала въ почтительное положеніе посреди столбовой дороги. Поравнявшись съ нею, я тоже вышелъ изъ кареты и узналъ, что это былъ Бакинскій уѣздный начальникъ, Пигулевскій, „имѣвшій честь явиться“. За эту честь я сильно укорялъ Пигулевскаго и просилъ его пристроить меня какъ нибудь въ Баку. Пигулевскій сталъ доказывать, что если я не остановлюсь у него, то это будетъ кровной для него обидой и позоромъ на всю губернію. Во всей фигурѣ этого господина и особенно въ манерѣ его изъяс-

сняться видно было какое-то добродушіе, смѣшанное съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Все это на первыхъ же порахъ произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что я предоставилъ ему дѣлать со мною, что хочетъ и знаетъ. Это доброе первоначальное впечатлѣніе не обмануло меня. Послѣдствія вполнѣ подтвердили, что это былъ дѣйствительно отличный господинъ. Когда заключены были наши предварительные переговоры, Пигулевскій сѣлъ въ свой тарантасъ, пригласивъ мою карету слѣдовать за нимъ. Въѣхавъ въ самый городъ, я нашелъ, что онъ лучше Шемахи уже потому собственно, что стоялъ на берегу моря и оживлялся кипучею дѣятельностью на пристаняхъ. Въ Баку же существовала морская станція. Съ начальникомъ этой станціи, Фрейгангомъ, я познакомился тутъ-же, проѣзжая городъ. При въѣздѣ въ какіе-то ворота, произошла остановка, которая заставила насъ выйти изъ экипажей; въ этотъ моментъ проходилъ въ тѣ же ворота Фрейгангъ, котораго Пигулевскій тотчасъ и представилъ мнѣ. Наконецъ мы добрались до дома уѣзднаго начальника, въ которомъ Пигулевскій и отвелъ мнѣ нѣсколько комнатъ. Пигулевскій былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но въ это время все семейство его, какъ онъ увѣрялъ меня еще на дорогѣ, было въ отсутствіи гдѣ-то у родственниковъ. Домъ стоялъ почти на самомъ берегу моря, былъ въ одинъ этажъ и отличался такою чистотою и уютностью, что я и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю свѣтлыя прекрасныя комнаты, въ которыхъ рассчитывалъ провести нѣсколько часовъ, а провелъ, по вѣлѣнію судьбы, почти около мѣсяца. Къ величайшему моему счастью оказалось, что на берегу моря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, находилась ванна, въ которую я мгновенно и бросился и въ которой потомъ ежедневно нырялъ по нѣскольку разъ.

Освѣженный волнами Каспійскаго моря, я возвратился въ свои комнаты. Суевливый и хлѣбосольный Пигулевскій тотчасъ забросалъ меня безчисленными вопросами по части продовольствія. Я отвѣчалъ ему рѣшительно, что владѣю изряднымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ буду ѣсть все, что мнѣ дадутъ, и что по части тонкостей гастрономическихъ я совершеннѣйшей невѣжда. При наступленіи времени ужина я былъ, однако, значительно смущенъ, когда для приготовления стола явилась какая-то татарская, довольно грязноватая, какъ всегда, фигура въ засаленномъ архалукѣ, въ огромной бараньей шапкѣ, надѣтой на бритую голову, и съ кинжаломъ за поясомъ, ужающей величины. Скоро, впрочемъ, я позналъ истинно неоцѣненные достоинства этой азіатской персоны: это былъ такой великолѣпный буфетчикъ или дворецкій, какъ хотите, что дай Богъ и русскому, во всякомъ порядочномъ домѣ. Назывался онъ, сколько помню, какимъ то „ага“. Этотъ „ага“ скоро сдѣлался истиннымъ моимъ пріателемъ и своими распоряженіями по части завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ приводилъ меня въ полнѣйшее восхищеніе. Само собою разумѣется, что значительная доля этого восхищенія принадлежала по справедливости повару, который, къ удивленію, тоже оказался „артистомъ“, что, впрочемъ, и надо было предугадывать уже потому собственно, что онъ былъ бѣглый, т. е. человекъ съ дарованіемъ и стремленіемъ къ свободѣ. Однимъ словомъ, съ этой стороны, со стороны хозяйственной, я, по словицѣ, „катался какъ сыръ въ маслѣ“.

Но въ моемъ путешествіи, конечно, эта сторона менѣе всего принималась въ расчетъ: только силою сложившихся обстоятельствъ я вынужденъ былъ ознакомиться съ нею. Въ моихъ цѣляхъ не было ни бакинскаго повара, ни туземнаго метрдотеля, ни даже

самого Пигулевскаго; мнѣ нуженъ былъ пароходъ, который долженъ былъ привезти мнѣ мое семейство. Увы! эта-то именно цѣль не только отдалилась, но и осложнилась такими событіями, о которыхъ и вспомнить страшно. Начать съ того, что мнѣ тотчасъ пришлось убѣдиться въ истинѣ, еще Фамусовымъ провозглашенной: „всѣ врутъ календари“. Кавказскій календарь, въ примѣненіи къ моему положенію, совралъ презнаменито. Когда я въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ въ Баку, спросилъ за ужиномъ собесѣдниковъ: въ какомъ часу на другой день можно ожидать прибытія парохода изъ Астрахани, я тотчасъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какую-то ироническую улыбку. Улыбка эта разъяснилась такимъ образомъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ міръ стоитъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, какъ существуетъ между Астраханью и Баку такъ называемое почтовое пароходство, никогда не случалось, чтобы пароходъ приходилъ, какъ сказано въ календарѣ, на пятый день; что пароходы отходятъ изъ Астрахани и приходятъ въ Баку, какъ Богъ дастъ, совершенно случайно; что маленькіе, плоскодонные эти пароходики ползуть, какъ раки и при малѣйшей непогодѣ укрываются гдѣ нибудь и стоятъ тамъ, тоже сколько случится; что при самомъ отходѣ изъ Астрахани, они тотчасъ натываются на такъ называемую „Бирючью косу“ и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ подбавитъ водицы и дастъ пароходу возможность перескочить черезъ нее; что, наконецъ, тотъ пароходъ, который, согласно росписанію, напечатанному въ коварномъ календарѣ, долженъ былъ выйти изъ Астрахани 1-го сентября, недавно только прошелъ мимо Баку въ дальнѣйшіе порты; слѣдовательно надо ждать, во первыхъ, когда онъ пройдетъ назадъ въ Астрахань и во вторыхъ, когда потомъ уже снова пойдетъ изъ Астрахани, на что,

по самому умѣренному расчисленію, потребуется около мѣсяца.

Всѣ эти неутѣшительные рассказы я слушалъ съ чувствомъ, понятнымъ каждому. Оно сдѣлается еще понятнѣе, когда къ этимъ рассказамъ прибавляли, что теперь прибытіе парохода еще труднѣе опредѣлить съ точностію потому, что сентябрь и октябрь мѣсяцы самые дурные и затруднительные для плаванія по Каспійскому морю, въ чемъ я самъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, слушая, съ одной стороны, дикія завыванія вѣтра, а съ другой смотря собственными глазами на вздымающіяся горами волны съ террасы, устроенной при домѣ. Неопредѣленное утѣшеніе я находилъ въ томъ только, что Астраханскимъ властямъ писано было самимъ княземъ принять всевозможныя мѣры къ благополучному путешествію моего семейства. Мнѣ представлялось, хотя конечно очень неположительно, что эти власти найдутъ для него пароходъ, хотя бы ни для кого другаго не было пароходовъ; что этотъ пароходъ они сдѣлаютъ особенно крѣпкимъ, хотя бы всѣ пароходы, находившіеся въ ихъ распоряженіи, были слабы и неисправны и что, наконецъ, они сдѣлаютъ какъ нибудь (на то они и власти), чтобы море, обыкновенно бурное въ сентябрѣ, сдержало свои порывы на этотъ моментъ. Вообще мнѣ казалось, что всѣ рассказы, которые я слышалъ и о пароходахъ, и о морѣ, рассказы, въ высшей степени неутѣшительные, не всѣмъ относятся до моего семейства, обставленнаго особыми привиллегіями и прикрытаго могучимъ покровительствомъ. Человѣку всегда свойственно думать, что неудачи, несчастія другихъ—вещь, для него совершенно посторонняя.

Какъ ни старался я, однако, ободрять себя,—видъ моря, на которое я смотрѣлъ постоянно и которое могъ обозрѣвать на далекое пространство,

насылалъ непреодолимо въ душу самыя тяжелыя впечатлѣнія. Верстахъ въ семи отъ берега, среди моря, стоялъ какой-то островъ, и я видѣлъ, какъ лѣзли на него громаднѣйшія волны и разбивались о его грудь бѣлою пѣною. Въ теченіи ночи впечатлѣнія эти становились просто мучительны. Много ночей я проводилъ, не смыкая глазъ. Съ одной стороны шумъ бурнаго моря, а съ другой свистъ неистоваго вѣтра, въ углы комнаты, гдѣ была моя спальня, наводили на меня невольный ужасъ. Мысль, что въ эти минуты, среди мрачной и бурной ночи, мое семейство во власти яростнаго моря, томилла душу. Я проклиналъ Кавказъ, который изъ моего покойнаго петербургскаго положенія увлекъ меня въ такую дикую мѣстность, въ такое отчаянное состояніе. Я готовъ былъ отдать полжизни, чтобы видѣть мою семью на берегу, подлѣ меня. Мнѣ казалось, что я никогда не получу ея, что я самъ погубилъ ее. Словомъ, мысли мои становились все чернѣе и чернѣе съ теченіемъ времени.

Само собою разумѣется, что эти внутреннія мои ощущенія никому не были доступны. Добрый Пигулевскій, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Баку приятнымъ и, если устранить эти ощущенія — достигалъ цѣли своихъ усилій самымъ блестящимъ образомъ. Начать съ того, что онъ представилъ мнѣ всѣхъ именитыхъ людей города и уѣзда, старыхъ и почтенныхъ татаръ, которые большею частію мнѣ понравились приятнымъ достоинствомъ, съ которымъ они держали себя. Потомъ онъ перезнакомилъ меня со всѣмъ административнымъ составомъ города, въ которомъ морской элементъ выдавался самымъ яркимъ образомъ. Я сказалъ уже, что начальникомъ морской станціи въ Баку, былъ морякъ Фрейгангъ, человѣкъ честный, открытый и приятный. Домъ Фрейганга, сколько по его положенію, столь-

ко же и по наклонности его къ хлѣбосольству, былъ дѣйствительно станціей, на которой всегда можно было видѣть толпы морскихъ офицеровъ, то прибывающихъ, то отбывающихъ и гдѣ всегда было весело, при содѣйствіи танцевъ и пѣнія. Потомъ Пигулевскій окружилъ меня толпою молодежи, какая нашлась въ Баку и которая съ самаго утра наполняла мои комнаты. Въ ряду этой молодежи надо упомянуть Поленскаго, участковаго засѣдателя, т. е. подчиненнаго Пигулевскому. Это былъ отличный молодой человѣкъ, удивлявшій своимъ пребываніемъ въ такомъ захолустѣ. Красивый собою, образованный, ловкій, онъ могъ бы сдѣлать честь любому изъ петербургскихъ департаментовъ. Какими судьбами онъ попалъ въ Закавказье—я не спрашивалъ; но одно уже то, что онъ былъ полякъ, наполовину разъясняло вопросъ. Закавказье въ этомъ отношеніи дивная страна: чего тамъ не встрѣтишь? Въ эту же повѣдку, ужь не помню гдѣ, меня встрѣчалъ на обратномъ пути, другой, тоже участковый засѣдатель, въ родѣ русскихъ становыхъ приставовъ — чистѣйшій французъ! Если припомнить, что въ самый день моего прибытія въ Тифлисъ ко мнѣ явился тамъ частный приставъ баронъ де Монфоръ, то будетъ ясно, что Закавказье имѣетъ притягательную силу для разноплеменныхъ авантюристовъ. Затѣмъ въ составѣ молодежи, окружавшей меня, было нѣсколько личностей, завлеченныхъ обширнымъ коммерческимъ предпріятіемъ барона Торнау. Здѣсь рельефно выдавалась фигура Потѣхина-младшаго. Это былъ красивый молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, съ задатками литературнаго дарованія, тѣхъ же свойствъ и того же размѣра, какъ и у старшаго его брата, въ чемъ я лично убѣдился по многимъ рукописямъ, которыя онъ возилъ съ собою и давалъ мнѣ читать.

Потомъ Пигулевскій устраивалъ для меня различныя поѣздки. Само собою разумѣется, что поѣздка на знаменитыя бакинскіе огни занимала здѣсь первое мѣсто: одна была сухопутная, къ храму огнепоклонниковъ, другая морская. Изъ многоразличныхъ разсказовъ, какіе я слышалъ на Кавказѣ, извѣстно, что въ Закавказьѣ появился первоначально какой-то индеецъ, секты огнепоклонниковъ, привлеченный именно бакинскими огнями. Занимаясь духовными дѣлами, онъ вздумалъ попытаться счастья и въ мірскихъ дѣлахъ. Попытка эта была столь удачна, что посредствомъ подрядовъ, ростовщичества и другихъ оборотовъ, онъ скоро и сильно разбогатѣлъ и тогда-то выстроилъ храмъ для огнепоклонниковъ, зданіе весьма эффектное и устроенное такъ, что изъ каждой башни его выходили огненные языки, что вечеромъ представляло зрѣлище, истинно великолѣпное и изумительное.

При моемъ посѣщеніи храма я видѣлъ тамъ нѣсколько индійцевъ и между ними старшаго, который, при нашемъ прибытіи, тотчасъ приступилъ къ богослуженію. Началось оно пронзительнымъ свистомъ въ какую-то раковину и появленіемъ огня на различныхъ точкахъ. Потомъ оно очень походило на наши молебны. Старшій что-то читалъ и провозглашалъ, упоминая имя Государя, а потомъ и наши имена, а другіе индійцы, сидя на корточкахъ по стѣнамъ, что-то выли время отъ времени. Полагають, что все это богослуженіе не есть истинное богослуженіе огнепоклонниковъ, а сочиненное хитрыми индійцами искусственно въ подражаніе нашему, для того, чтобы приличнѣе обирать посѣтителей. Въ заключеніе этого истиннаго или ложнаго богослуженія старшій индеецъ обносилъ посѣтителемъ на тарелкѣ маленькія кусочки леденцу, а тѣ должны были класть на ту же тарелку свои посильныя приношенія.

Мѣстность кругомъ храма до такой степени изобилуетъ нефтянымъ газомъ, что мальчишки, вырывъ небольшую ямку, тотчасъ воспламеняли ее. На этой мѣстности находились многіе широкіе и глубокіе колодцы, въ которыхъ также пылало пламя, представляя, такъ сказать, наглядное изображеніе ада.

Морская поѣздка представляла своего рода занимательность. На огромномъ катерѣ отправились мы, при наступленіи лунной ночи, въ море, верстъ за семь, если не ошибаюсь. Когда прибыли на то пространство, которое извѣстно своею воспламеняемостью всѣмъ туземнымъ жителямъ, матросы зажгли нѣкоторое количество пакли и бросали ее на воду. Вода, или лучше сказать, газъ изъ нея выходящій, мигомъ воспламенился. Море на значительномъ пространствѣ сдѣлалось огненнымъ, что конечно для непривычнаго глаза представляло зрѣлище поразительное. Пламенные волны, качаясь по волѣ вѣтра, довольно впрочемъ тихаго, грозили какъ будто поглотить насъ. Мы отъѣхали на соответственное разстояніе и долго любовались картиною, которую конечно никакое искусство человѣческое создать не въ состояніи. На вопросъ мой кто же потушить это зазженное море? мнѣ отвѣчали: „вѣтеръ, когда сдѣлается посильнѣе!“ При нашемъ отъѣздѣ вѣтеръ не сдѣлался сильнѣе и не препятствовалъ совершить намъ обратный путь при самой рѣдкой и оригинальной изъ всевозможныхъ иллюминацій.

Не знаю, надолго ли вода сохранитъ въ себѣ неприкосновенною эту чудную силу; что касается до той же силы, заключающейся въ землѣ, то она пошла уже на служеніе промышленнымъ цѣлямъ. Баронъ Торнау первый наложилъ на нее свою руку и поставилъ на бакинскихъ огняхъ какой-то парафиновый заводъ.



Наконецъ мы дѣлали повѣздки по окрестнымъ деревнямъ, замѣчательнымъ въ какомъ-либо отношеніи, обозрѣвали нефтяные промыслы со всѣмъ ихъ устройствомъ, выдѣлку ковровъ, которою занималось женское населеніе нѣкоторыхъ деревень. Не будучи нисколько специалистомъ въ подобныхъ вещахъ, я смотрѣлъ на все это исключительно со стороны празднаго любопытства; казалось мнѣ впрочемъ, что эти отрасли отличались крайнею неразвитостію, почти дикостію; мнѣ чудилось, быть можетъ и ошибочно, какія бы чудеса здѣсь явились, если бы перенести сюда промышленный духъ англичанъ, напр., ихъ знаніе, ихъ опытность, ихъ страшную паровую силу, двигающую тысячи разнообразнѣйшихъ механическихъ приспособленій. Особенно мое воображеніе разыгралось на эту тему, когда, при видѣ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ за выдѣлкою ковра, я спросилъ: въ какое время можетъ быть изготовленъ ими цѣльный коверъ, и мнѣ отвѣчали, что на это нужно чуть ли не круглый годъ.

Между тѣмъ время шло и приближалось уже къ половинѣ сентября. Я помню очень хорошо одинъ бурный вечеръ, когда у насъ собралось довольно большое общество. Поленскаго не было. Надо замѣтить, что самая резиденція его была не въ Баку, а въ какомъ-то значительномъ селеніи, называемомъ „Маштаги“ и составлявшемъ центръ всѣхъ другихъ селеній, которыми онъ командовалъ. Большая часть этихъ селеній лежала на берегу самаго моря, такъ что жители ихъ видѣли каждый пароходъ, проходящій мимо ихъ. Въ числѣ этихъ селеній было селеніе Бильги, отстоявшее отъ Баку верстъ въ 30 сухимъ путемъ, тогда какъ путемъ морскимъ, который долженъ дѣлать пароходъ, было верстъ 70 или 80. На этомъ обстоятельстве именно основаны были такія комбинаціи: начальники этого се-

ленія, когда завидятъ пароходъ, идущій изъ Астрахани, который они обязаны были всемѣрно стеречь, должны были мгновенно дать знать Поленскому, а Поленскій Пигулевскому. Такимъ образомъ нарочные, изъ татаръ, быстрые, какъ вѣтеръ, должны были, пролетѣвъ только 30 верстъ, за нѣсколько часовъ предупредить насъ о прибытіи парохода, которому предстояло проходить Апшеронскій проливъ и дѣлать до 80 верстъ. Когда я, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ за картами, сосредоточивая все свое вниманіе не столько на козыряхъ и взяткахъ, сколько на неистовыхъ порывахъ вѣтра, который, казалось, старался сдернуть съ мѣста самый домъ, въ которомъ мы находились, входитъ Пигулевскій съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „Не угодно ли прежде всего заказать ужинъ для встрѣчи, а на завтра обѣдъ!“ Надо замѣтить, что эту часть онъ считалъ дѣйствительно важнымъ дѣломъ, полагая, быть можетъ, свое тщеславіе въ томъ, что она у него такъ отлично устроена. Я мгновенно вскочилъ изъ-за стола и выхватилъ у него бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Это было письмо Поленскаго, которое подлинникомъ и теперь лежитъ предъ моими глазами. Поленскій писалъ:

„Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ селенія Бильги, что пароходъ сію минуту прошелъ мимо по направленію въ Апшеронъ, гдѣ на-вѣрно, при столь сильномъ вѣтрѣ, будетъ стоять на якорѣ и не рѣшится идти въ море. Вчера я отправилъ туда нарочнаго, а потому надѣюсь, что къ разсвѣту вы получите извѣстіе настоящее изъ Апшерона о прибытіи семейства Василья Антоновича. Кромѣ того я вновь пошлю туда нарочнаго. 14 сентября 1837. Четверть шестаго по полудни.“

Письмо это надѣлило меня какимъ-то двойственнымъ чувствомъ: радость ровно на половину смѣшалась съ тре-

вогою. Фразы: „при столь сильномъ вѣтрѣ не рѣшится идти въ море... будетъ стоять на якорѣ...“ какимъ-то жгучимъ образомъ засѣли въ душѣ и не давали рѣшительно мѣста никакимъ другимъ мыслямъ. Неопытный въ морскихъ плаваніяхъ, я изъ этихъ фразъ заключалъ, что теперь, въ сію минуту, на морѣ дѣйствительно есть опасность, что опасность эта виситъ надъ головой моего семейства и что всѣ успокоительныя фразы Пигулевскаго, Фрейганга и др. чистый вздоръ. Гораздо сильнѣе этихъ фразъ говорилъ мнѣ истину постоянный шумъ моря, доходившій въ наши комнаты, и такіе порывы вѣтра, что часто всѣ присутствующіе значительно переглядывались. Само собою разумѣется, что всѣ эти ощущенія возникали, боролись, смѣнялись одни другими—внутри меня; для общества я сохранялъ полнѣйшее спокойствіе, козырялъ, какъ ни въ чемъ не бывало и съ наружнымъ равнодушіемъ слушалъ споры и сужденія о томъ, придетъ ли пароходъ сегодня или будетъ вынужденъ бурною погодою остановиться на ночь въ Апшеронѣ? Последнее предположеніе взяло верхъ, и самъ Пигулевскій, тонкій и смѣтливый, какъ ни сознавалъ, что всѣ эти пренія представляютъ для меня мало утѣшительнаго, долженъ былъ заключить ихъ фразою: „Да! сегодня ждать нечего; завтра, рано утромъ мы встрѣтимъ нашихъ дорогихъ гостей!“ Послѣ ужина всѣ мы разошлись, и я могу сказать, что во всю мою жизнь не помню такой мучительной ночи, какую мнѣ суждено было провести теперь. Я истинно радъ былъ, когда эта отвратительная ночь стала уступать дневному свѣту. Совершенно разстроенный, я поднялся чрезвычайно рано и, на-скоро одѣвшись, тотчасъ вышелъ изъ дома, чтобы подняться на извѣстную террасу и взглянуть на море. Выходя на террасу, я нашель уже тамъ добраго Пигулевскаго, ко-

торый встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ ясно замѣчалось собственное его безпокойство: „Нѣтъ! Что-то не видать. Вѣрно, держатся на якорѣ. Ужъ вѣтеръ очень силенъ. Это хорошо, что они выжидаютъ. Безопаснѣе!“

День былъ чрезвычайно сумрачный. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что трудно было на ногахъ держаться. На море взглянуть страшно было. Волны ходили черными горами. Островъ, видимый съ берега, весь былъ въ пѣнѣ. Мучительно было подумать, что все дорогое въ жизни въ эту минуту въ когтяхъ этой коварной стихіи. Другаго, однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать съ покорностію Провидѣнію, что будетъ дальше. Съ ранняго утра начали собираться обычные наши собесѣдники съ фізіономіями, далеко не такъ оживленными, какъ въ обычное время...

Когда, повторяю, обычные наши посѣтители, подъ видомъ участія въ радостной встрѣчѣ, собрались утромъ 15 сентября, встрѣчать было некого, и потому состояніе всѣхъ было самое напряженное. Тотъ фактъ, что пароходъ долженъ былъ уже придти, но не пришелъ — былъ ясенъ какъ день, и хотя не былъ никѣмъ высказываемъ ясно и положительно, тѣмъ не менѣе висѣлъ надъ всѣми ступодовой гирей. Страшно-бурное море, на которое всѣ непрерывно бѣгали смотрѣть, столь же страшные порывы вѣтра обставляли этотъ фактъ самыми отвратительными соображеніями, которыя видимо блуждали на лицѣ у всѣхъ. Молчаніе, которое обхватило все наше общество, обыкновенно говорливое и шумливое, было выразительно въ самой непріятнѣйшей степени. Одинъ только добрый Фрейгангъ старался храбриться изо всей мочи и блисталъ передъ нами познаніями и опытностію въ дѣлѣ морскихъ путешествій. Онъ утверждалъ, что все это вздоръ, что такія ли бури бы-

ваютъ на морѣ, и при этомъ начиналъ рассказывать, какія тамъ бывають страшныя бури. Онъ утверждалъ, что капитанъ, который управляетъ (по его соображеніямъ) ожидаемымъ пароходомъ, отличный знатокъ дѣла, изучилъ Каспійское море, какъ свои пять пальцевъ и что съ нимъ ничего дурнаго случиться не можетъ. Рассказы его, надо сказать, производили мало практическаго дѣйствія, особенно на меня, и именно потому, что въ тоже время гораздо внушительнѣе разъясняли существо дѣла и раскаты разъяренныхъ волнъ, шумъ которыхъ врывается въ наши комнаты, и свирѣпый свистъ вѣтра.

Между тѣмъ приблизилось время завтрака, за который мы и усѣлись, сохраняя все тоже напряженное состояніе, хотя каждый старался изо всѣхъ силъ разрушить его. Пигулевскій по временамъ сыпалъ своими рассказами, подмѣшывая въ нихъ, какъ и всегда, значительную долю милаго малороссійскаго юмору; Фрейгангъ новѣствовалъ о моряхъ и буряхъ; Потѣхинъ развивалъ высшіе взгляды на политическую экономію и на варварство крѣпостнаго состоянія; я въ особенности старался, при малѣйшемъ перерывѣ разговора, связывать его и оживлять; но, повторяю, все это шло такъ слабо и вяло, что было нисколько не лучше нашего общаго и глубокаго молчанія.

Въ самомъ началѣ нашего завтрака Пигулевскому доложили, что прискакалъ нарочный отъ Поленскаго. Всѣ вздрогнули. Пигулевскій тотчасъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ свою контору или канцелярію, расположенную въ смежныхъ комнатахъ. Воцарилось общее молчаніе и ожиданіе, которое продолжалось довольно долго. Самое замедленіе возвращенія Пигулевскаго казалось умысленнымъ и многозначительнымъ. Наконецъ онъ появился съ письмомъ въ рукахъ и

VI.

какъ-то неестественно улыбаясь произнесъ: „Случилась маленькая оставка!“ Я тотчасъ взялъ изъ рукъ Пигулевскаго письмо Поленскаго и прочиталъ слѣдующее:

„Сейчасъ получилъ рапортъ отъ старшины деревни Касево (кажется такъ; трудно разобрать, потому что Поленскій видимо писалъ кое-какъ, на скорую руку), что пароходъ получилъ поврежденіе близъ деревни. Не знаю, сколь вѣроятно это донесеніе; но во всякомъ случаѣ нужнымъ счелъ васъ объ этомъ увѣдомить, а съ симъ вмѣстѣ сажусь на коня и ѣду туда. 15 сентября 1837. Маштаги. 10 часовъ утра.“

Письмо это, въ которомъ слова только начинались, но не оканчивались и потому представляли значительное затрудненіе, чтобъ разобрать и понять ихъ, свидѣтельствовало самою наружностью своею, во-первыхъ, что Поленскій значительно перетруссился, а во-вторыхъ, что страшно спѣшилъ. Когда было разобрано и прочитано письмо, воцарилось молчаніе, исполненное очевиднаго смущенія. Фрейгангъ началъ было рассказывать, что поврежденіе парохода вздоръ, и пояснять, какія иногда бываютъ поврежденія; но я не сталъ его слушать и тотчасъ потребовалъ тройку лошадей, чтобы летѣть туда, гдѣ случилось поврежденіе, а Фрейганга просилъ дать мнѣ унтеръ-офицера, матроса или вообще спеціальнаго чело-вѣка, который, въ случаѣ надобности, могъ бы распорядиться помощію. Требованія эти были высказаны такъ рѣшительно и настойчиво, что оставалось только немедленно исполнить ихъ. Пигулевскій заявилъ только, что онъ ни за что въ мірѣ не отпуститъ меня одного, а поѣдетъ вмѣстѣ со мною, на что конечно я съ радостію согласился, видя въ немъ истинную привязанность ко мнѣ и значительное вліяніе на народъ, столь необходимое въ подобныхъ случаяхъ. Явилась тройка, и мы съ Пигулевскимъ усѣ-

Русскій Архивъ 1868. 17.

лись въ тарантасъ, а на козлахъ съ кучеромъ помѣстился какой-то морякъ, снабженный „фальшвейерами“ и другими снастями, а главное какими-то специальными наставленіями добрейшаго Фрейганга. Мы быстро понеслись.

Я тотчасъ погрузился въ пропасть самыхъ безотраднѣхъ размышленій, среди которыхъ могъ замѣтить и разобрать только то, что по словамъ Пигулевскаго, прежде нежели мы приѣдемъ на мѣсто, мы встрѣтимъ на дорогѣ нарочныхъ, къ намъ вновь посланныхъ Поленскимъ. И дѣйствительно, глубокое безмолвіе, въ которомъ мы продолжали нашъ путь, прервано было возгласомъ нашего ямщика, который болѣе или менѣе понималъ уже въ чемъ дѣло: „Вонъ скачуть!“ Взглянувъ въ даль, мы дѣйствительно замѣтили двухъ всадниковъ, несшихся на встрѣчу намъ во весь опоръ. Пигулевскій сказалъ: „Это нарочные!“ У меня сердце замерло. Что-то скажутъ они? спрашивала душа. Когда нашъ тарантасъ и всадники встрѣтились — все остановилось. Одинъ изъ нарочныхъ, приблизившись къ моей сторонѣ, протягивалъ какой-то пакетъ. Я мгновенно схватилъ его, сорвалъ печать, развернулъ бумагу, и первыя слова, на которыя упали глаза мои, были: „Пароходъ разбился... погибшіе...“

Какъ будто ослѣпленный чѣмъ-нибудь, я закрылъ глаза, выронилъ бумагу и впалъ въ какое-то непонятное и потому неизяснимое состояніе. Тутъ не было ни ужаса, ни отчаянія, ничего опредѣленнаго. Былъ какой-то туманъ, изъ котораго я не могъ освободиться. Самое отчетливое представленіе было то, что я какъ будто видѣлъ трупы моей жены, моихъ дѣтей, перебрасываемые въ сію минуту громадными волнами; потомъ представилось, какъ въ роковую минуту, они звали меня на помощь.... Но ни слезъ, ни жестовъ—ничего не было; я просто оста-

вался истуканомъ съ закрытыми рукою глазами. Пигулевскій изрѣдка и тихо бормоталъ: „Успокойтесь, успокойтесь!“—Прикажите ѣхать дальше!“ нетерпѣливо сказалъ я, и мы снова быстро понеслись. Въ продолженіи дороги Пигулевскій пытался возобновлять свои утѣшенія, на которыя я спокойно отвѣчалъ: „Вы видите, что я покоряюсь судьбѣ и право ничего особеннаго не чувствую, кромѣ какого-то страннаго тумана.“ Надо замѣтить вообще, что моя натура не изъ тѣхъ, которыя вдругъ, съ-разу, поражаются какимъ-нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ; надобно, чтобы это впечатлѣніе вошло прежде въ плоть и кровь мою; тогда оно сторицею начинаетъ производить свое развѣдающее вліяніе и долго остается во всемъ моемъ существѣ. Поэтому я никакъ не способенъ внезапно умереть ни отъ горя, ни отъ радости, ни отъ ужаса; все это никакъ не воспринимается мною вдругъ, а входитъ какъ-то долями, постепенно и осаждается тамъ упорно. Отъ этого происходитъ, что когда у другихъ какая-нибудь печаль, живо воспринятая, начинаетъ уже, съ теченіемъ времени, ослабѣвать, проходить, у меня она только отъ времени воспринимаетъ свою развѣдающую силу. Такъ, напримѣръ, я постоянно замѣчалъ, что друзья и родственники, оставивъ кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ на кладбищѣ, возвращаются уже домой болѣе спокойными, какъ будто съ окончаніемъ религиозныхъ обрядовъ сознаніе и сила утраты тоже должны, если не совсѣмъ исчезнуть, то на половину уменьшиться. Для меня, напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ момента ужаснѣе, какъ именно возвращеніе съ кладбища, когда всѣ возвращаются, а одинъ уже не возвращается и когда исчезновеніе этого одного дѣлается яснымъ въ ужасающей степени. Такъ точно и теперь, въ эту минуту я только предчувствовалъ то, что буду потомъ чувство-

вать; но никакихъ положительныхъ мученій рѣшительно не испытывалъ и даже не плакалъ и, сколько могу припомнить, вовсе не потому, чтобы внутренняя скорбь достигла той ужасающей степени, когда уже не плачуть, а просто потому, что событія подавили мой умъ какимъ-то вѣшнимъ образомъ, сверху, а не вошли въ меня и не проникли всего моего существа. Пигулевскій смотрѣлъ на все это однако не такъ: глядя на мои неподвижно устремленныя въ одну точку глаза, онъ былъ убѣжденъ, какъ потомъ говорилъ мнѣ, что я или уже сошелъ съ ума или сталъ на дорогу къ сумасшествію.

Первые нарочные встрѣтили насъ такою вѣстью верстахъ въ 10-ти отъ Баку, и потомъ я ѣхалъ еще верстѣ 10 съ душой, наполненной впечатлѣніями, которыми надѣлила меня эта вѣсть. Надъ всѣми этими впечатлѣніями господствовало ужасающее ожиданіе увидѣть обезображенные трупы моей жены, моихъ дѣтей, обставленные грубыми и грязными татарами. Но милосердному Богу угодно было отворить отъ меня зрѣлище, котораго я ожидалъ. Почти безсознательное состояніе, въ которомъ я двигался впередъ, нарушено было новымъ возгласомъ нашего ямщика: „Вонъ еще скачутъ!“ Почему нарочные посылались и скакали какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ, не въ единственномъ числѣ — этого я объяснить не умѣю. Ничего, конечно, радостнаго отъ этихъ новыхъ нарочныхъ я уже ожидать не могъ; они могли принести только страшныя подробности страшнаго бѣдствія. Пигулевскій несомнѣнно былъ того же мнѣнія, и потому, когда съ приближеніемъ нарочныхъ, я хотѣлъ, первый, взять пакетъ, который они везли, Пигулевскій выразилъ что-то въ родѣ протеста, который, конечно, не имѣлъ никакой силы. Я взялъ пакетъ, сорвалъ печать, и жадно впился глазами въ бумагу. Послѣ словъ: „пароходъ

разбился въ дребезги...“ слѣдовали слова: „къ счастью величайшему, семейства Василья Антоновича не было на пароходѣ...“ Какая-то сила вытолкнула меня изъ тарангаса; я бросился на колѣни и горячо благодарилъ Бога. Поднявшись съ земли, я бросился цѣловать, прежде всего, моихъ благовѣстителей, присланныхъ нарочными татаръ, не смотря на то, что лица ихъ, едва-ли когда нибудь вымываемыя, покрыты были толстымъ слоемъ смѣси изъ пота и пыли, и роздалъ имъ всѣ деньги, какія находились въ моихъ карманахъ. Потомъ крѣпко прижалъ къ груди Пигулевскаго, на глазахъ котораго видны были слезы участія.

Когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, такъ сильно взволнованное этою моральною бурей, мы принялись разбирать дѣло и перечитывать доставленныя намъ бумаги. Оказалось, что первая бумага, которую я вырвалъ изъ рукъ передовыхъ нарочныхъ, вовсе не была адресована къ намъ и составляла рапортъ начальника съемки Каспійскаго моря (въ то же время и начальника парохода) Иващенко командующему Бакинскою станціею т. е. нашему милому Фрейгангу. Иващенко писалъ: „Сего 14 сентября, слѣдуя изъ Астрахани въ Баку, чрезъ Апшеронскій проливъ, пароходъ Куба въ 10½ час. вечера, разбился. Число погибшихъ еще съ точностію неизвѣстно; спаслось около 50 человекъ. Подробности буду имѣть честь сообщить впослѣдствіи при личномъ свиданіи. Докладывая о семъ вашему высокоблагородію, имѣю честь просить о содѣйствіи и помощи какъ спасеннымъ чинамъ, такъ и спасенію того, что можно будетъ съ парохода, который совершенно разбитъ и затонулъ въ камняхъ, немного ниже Шаулана. 15 сентября 4 часа утра“. Эта именно ужасная бумага, въ которой я прежде всего замѣтилъ слова: „разбился, погибшіе“, заставила

меня въ теченіи по крайней мѣрѣ часа, на разстояніи десяти или пятнадцати верстъ, нести въ душѣ тѣ невыразимыя впечатлѣнія, о которыхъ я выше говорилъ. Послѣдняя бумага Поленскаго была слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ прибылъ въ Швеяны (или Шауланъ, какъ въ донесеніи Иващенкова) гдѣ нашелъ капитана разбитаго въ дребезги парохода Куба. Къ счастью величайшему, семейства В. А. не было на этомъ пароходѣ, а то бы сдѣлалось онъ жертвою волнъ морскихъ. Оно будетъ съ слѣдующимъ пароходомъ: Ленкорань. О подробностяхъ крушенія вы узнаете изъ рапорта, посланнаго капитаномъ парохода къ г. Фрейгангу. Пароходъ Ленкорань имѣетъ выйти изъ Астрахани 15 числа т. е. сегодня. Швеяны. 15 сентября, 12 часовъ ровно“.

Разсматривая и соображая эти бумаги, я вдругъ пораженъ былъ мыслию: что если умный, добрый, ловкій Поленскій сочинилъ всю эту исторію объ отсутствіи моего семейства въ часъ гибели, желая этою выдуманною исторіею отдалить и ослабить страшный первый ударъ, сужденный мнѣ Провидѣніемъ? Откуда и какъ онъ знаетъ, что мое семейство въ Астрахани? Можно ли допустить, что пароходъ Куба отправился оттуда, не взявъ моего семейства, если оно дѣйствительно тамъ. Съ другой стороны можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы астраханскія власти пренебрегли собственнымъ повелѣніемъ князя обезпечить и ускорить всевозможно переѣздъ моего семейства изъ Астрахани въ Баку и пустили оттуда пароходъ, а мое семейство оставили въ Астрахани? Все это казалось мнѣ, если не положительно невѣроятнымъ, то въ высшей степени сомнительнымъ и начало снова наполнять мою душу тревожными ощущеніями. Пигулевскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить мои опасенія и изъ всевозможныхъ доводовъ, энергически

приводимыхъ имъ, особенно упорно стоялъ на томъ, что Поленскій никакъ не рѣшится написать неправду. Но такъ какъ мы были уже не далеко отъ мѣста происшествія, то и заключили наши споры рѣшеніемъ ѣхать далѣе, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пигулевскаго, какъ главнаго начальника уѣзда, должны были быть приняты разныя, такъ называемыя, „соотвѣтственныя обстоятельствамъ“ мѣры.

Когда мы прибыли къ Швеянамъ, наступалъ уже вечеръ. Издали еще мы замѣтили, возлѣ какого-то значительнаго зданія, оказавшагося лучшимъ домомъ этого селенія, принадлежачимъ зажиточнѣйшему изъ обывателей, нѣсколько странныхъ по одѣяню фигуръ: это были спасшіеся съ погибшаго парохода морскіе офицеры. Намъ указали старшаго, на которомъ была надѣта татарская шапка. Это и былъ Иващенкова. Личность эта съ разу поражала замѣчательнымъ умомъ и проявленіями твердаго и рѣшительнаго характера, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ морякамъ. Но какъ Иващенкова слишкомъ извѣстенъ въ ученомъ мѣрѣ, то и распространяться о немъ я считаю излишнимъ. Достаточно сказать, что онъ былъ, какъ и изъ вышеприведеннаго рапорта его видно, начальникомъ съемки Каспійскаго моря и, сколько извѣстно, въ этомъ отношеніи оказалъ драгоцѣнныя заслуги. Именно для производства работъ по этому дѣлу пароходъ Куба и отданъ былъ въ его распоряженіе. Впрочемъ онъ не былъ, какъ Поленскій называетъ его въ своемъ письмѣ, капитаномъ этого парохода. Капитаномъ былъ другой, великолѣпнѣйшихъ качествъ, какъ всѣ утверждали, офицеръ Поскочинъ, къ общему сожалѣнію погибшій при этой катастрофѣ, свято исполняя свой капитанскій долгъ и оставаясь послѣднимъ на кожухѣ парохода, откуда, по словамъ однихъ, былъ снесенъ волнами,

а по словамъ другихъ сбить какою-то шлюпкою. Съ нимъ вмѣстѣ, какъ потомъ оказалось, море поглотило хранившееся у него письмо жены моей о причинахъ ея остановки въ Астрахани. Весь экипажъ, судя по оставшимся офицерамъ, составленъ былъ превосходно: это была наболѣе просвѣщенная молодежь нашего флота, жаждавшая не одного внѣшняго блеска, столь увлекательнаго для всякой молодежи, но истиннаго дѣла, истинной пользы той отрасли морской службы, которой себя посвятила. Частию тутъ же, а частию потомъ, во время пребыванія въ Баку, я сошелся со всѣми этими господами на самую короткую ногу, и воспоминаніе о моихъ кратковременныхъ сношеніяхъ съ ними принадлежатъ къ числу воспоминаній самыхъ пріятнѣйшихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія гибели парохода Куба подробно разслѣдована и какъ говорится „выведена на чистую воду“ знатоками дѣла. Я не помню, какъ она изложена официально; не помню даже, читалъ ли я гдѣ нибудь официальное ея изложеніе; но хорошо помню изустные рассказы самихъ офицеровъ, сюда относящіяся, и считаю не совсѣмъ излишнимъ привести здѣсь главнѣйшія черты.

Приближаясь къ Апшеронскому проливу, пароходъ шелъ быстро, и всѣ надѣялись въ тотъ же вечеръ, т. е. 14 сентября быть въ Баку. Понятно, что весь экипажъ, занимавшійся постоянно съемкою Каспійскаго моря, достаточно зналъ всѣ условія, сюда относящіяся. Опасности рѣшительно никакой не предвидѣлось. Волненіе было сильное, и вѣтеръ, по выраженію ихъ, былъ „очень свѣжій“; но онъ дулъ постоянно въ задъ, въ корму, и такъ сказать подгонялъ пароходъ. При наступленіи вечера вдругъ, внезапно и неожиданно, случились два обстоятельства: туманъ обхватилъ все видимое пространство, и вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, сталъ дуть

не въ задъ, а въ бокъ парохода, къ сторонѣ скалистыхъ береговъ, которыя, по выраженію Иващенко, тутъ являлись „зубами акулы“. Плоскодонный пароходъ, не имѣвшій упора въ водѣ, вѣтромъ стало тянуть къ берегу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось крушеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящаго берега, изображавшаго „зубы акулы“, находились въ морѣ каменные гряды, выходившія изъ воды, а еще далѣе такія же гряды подводныя. Когда пароходъ силою вѣтра потянуло къ берегу, онъ скоро ударился о камни подводной гряды; но, какъ говорили моряки, соскочилъ съ нея; вслѣдъ за тѣмъ его потянуло къ той грядѣ, которая выходила изъ воды; пароходъ, по ихъ словамъ, задѣлъ эту гряду, но только „прочерчилъ по ней“, и за тѣмъ вынесенъ былъ на чистое пространство, находившееся уже между пароходомъ и самымъ берегомъ, т. е. „зубами акулы“. Здѣсь тотчасъ брошены были два якоря; одинъ скоро оборвало, а съ другимъ пароходъ снова потянуло къ берегу. Гибель была неизбежна; стали рубить мачту, которая и повалилась именно въ тотъ моментъ, когда пароходъ получилъ первый страшный ударъ. Конецъ мачты упалъ на одинъ „изъ зубовъ“ берега, и этотъ неожиданный мостъ служилъ нѣсколько мгновеній для перехода отъ смерти къ жизни. По этой-то собственно перекладинѣ счастливейшіе успѣли спастись; но она тотчасъ рухнула и прервала остальнымъ единственный путь спасенія. По свидѣтельству спасшихся, изъ всего экипажа спаслось и погибло на половину, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Изъ спасшихся почти не было ни одного, который бы не былъ ушибенъ и болѣе или мене изувѣченъ. Почти всѣ офицеры, при нашемъ прибытіи, собрались около насъ; относительно матросовъ намъ сказали, что они помѣщены въ особомъ строеніи. Мы пошли смотрѣть ихъ.

Зрѣлище было мало утѣшительное. Матросы были помѣщены въ какомъ-то сараѣ и лежали на соломѣ. Еще при входѣ нашемъ насъ встрѣтили раздававшіяся стенанія. Спасшійся пароходный докторъ, кажется Заремба, потребовалъ огня, такъ какъ было уже совсѣмъ темно, и вновь сталъ осматривать каждого матроса. Мы должны были, почти невольно, присутствовать при этомъ осмотрѣ и испытывать чувство состраданія, смѣшанное съ ужасомъ, при видѣ ранъ и увѣчья, которыми эти люди заплатили за свое спасеніе. Отрадно только было видѣть присущее простому русскому человѣку и въ особенности русскому солдату чувство покорности судьбѣ.... Заремба, о которомъ офицеры отзывались какъ о докторѣ, весьма хорошемъ, дѣлалъ все, что можно было для облегченія страданій этихъ людей, употребляя конечно самыя простыя, имѣвшіяся подъ рукой средства, ибо всѣ пароходныя медикаменты погибли вмѣстѣ съ пароходомъ, а объ аптекахъ нечего было и думать...

Сдѣлавъ это обзорѣніе, мы должны были принять ужинъ, приготовленный намъ хозяиномъ, въ составъ котораго разумѣется входили неизбѣжныя пилавъ, шашлыкъ и т. п., и потомъ легли спать, на походную ногу, усложившись на другой день рано утромъ ѣхать на мѣсто крушенія, отстоявшее отъ селенія, въ которомъ мы находились, верстахъ въ трехъ или четырехъ. Между тѣмъ Цигулевскій распорядился, чтобы приготовлены были верховыя лошади, тарантасы, телѣги и т. п. Дѣйствительно, едва разсвѣло, мы услышали сильный шумъ на дворѣ, гдѣ рубленая татарская рѣчь смѣшивалась съ топотомъ безчисленныхъ лошадиныхъ копытъ. После кратчайшаго завтрака все наше общество разсѣлось, большею частію, на верховыхъ лошадей, а частію въ различные экипажи, и пустилось къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи

огромной толпы провожатыхъ и конвойныхъ. Весьма скоро прибыли мы къ берегамъ моря, стоящимъ скалистыми утесами надъ водою.

Но свидѣтельству спасшихся моряковъ, буря, которая погубила ихъ пароходъ, уже стихла; тѣмъ не менѣе волненіе было еще такъ сильно, что брызги отъ ударяющихся въ каменные берега волнъ обдавали насъ сильнѣйшимъ образомъ, хотя мы находились, по крайней мѣрѣ, на 10 сажень высоты надъ моремъ. При видѣ прибоя и отлива волнъ, ясно было, что ничто не могло сопротивляться имъ: съ такою силою они ударялись въ берегъ, взбѣгали на скалы и потомъ устремлялись назадъ. Первое, что представилось нашимъ взорамъ, былъ островъ парохода, перегнутой на зубьяхъ скалистаго берега, далеко внизу отъ оконечной высоты его, на которой мы находились; здѣсь держалось только то, что состояло изъ желѣза; всѣ другія части оторваны. Смыты, разнесены. Черезъ этотъ страшный островъ, недавно живой и сильный, ходили бурюны; говорили тутъ и потомъ въ Баку, что въ частяхъ этого острова запуталось какимъ-то образомъ тѣло молодаго капитана, которое хотя можно было видѣть, но достать чрезвычайно трудно. Когда мы пошли далѣе по берегу, то видѣли, что всѣ углубленія его набиты были остатками различныхъ пароходныхъ принадлежностей, по крайней мѣрѣ на пространствѣ пятиверстѣ. Потомъ берегъ теряетъ свой скалистый характеръ и дѣлается отлогимъ и ровнымъ. Слѣдуя этою частью берега, мы видѣли много труповъ, выкинутыхъ уже моремъ. Сопровождавшіе насъ офицеры узнавали знакомыя лица и поминали каждого соотвѣтственнымъ дѣламъ его словомъ.

Иващенко рѣшительно принималъ всю отвѣтственность въ дѣлѣ крушенія парохода на себя, уже потому собственно, какъ онъ выражался, что



капитанъ погибъ и не могъ защищаться. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не сокрушался; онъ сожалѣлъ болѣе всего о томъ, что плоды многолѣтнихъ его трудовъ, бумаги и карты, относящіяся къ изслѣдованію и съемкѣ Каспійскаго моря, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ. Послѣдствія показали однакожъ, что никакой отвѣтственности на него не легло; напротивъ, онъ снова былъ назначенъ начальникомъ и руководителемъ этого важнаго дѣла.

Когда мы съ Пигулевскимъ возвратились въ Баку, онъ нашелъ тамъ еще письмо слѣдующаго содержанія: „Штурманъ парохода Куба, слѣдовавшаго изъ Астрахани въ Баку, прибывъ ко мнѣ сегодня, въ 12 часовъ пополудни, объявилъ, что послѣ сильнѣйшихъ волненій и шторма, пароходъ Куба вчера вечеромъ, близъ Шавеляны совершенно потерпѣлъ крушеніе: изъ экипажа погибло 4 офицера, въ томъ числѣ и командиръ парохода, до 20 или 23 человекъ нижнихъ чиновъ и совершенно все имущество, какъ казенное, такъ и частное. Первый вопросъ мой былъ о пассажирахъ а въ особенности о семействѣ г. Инсарскаго. „Да“ отвѣчалъ г. штурманъ, Господь Богъ помиловалъ. Супругъ весьма желательно было бытъ на пароходѣ Куба въ Баку, зная, что и супругъ ихъ въ Баку. Смерть была бы неизбѣжная!“ Разговоръ продолжался недолго, потому что г. штурманъ торопился на „Шаховую косу“ къ флотскимъ офицерамъ за палатками, чтобы какъ нибудь укрыть отъ дождей и вѣтровъ спасенію отъ гибели. Итакъ къ успокоенію сердца г. Инсарскаго, доложите, что семейство ихъ здравствуетъ, и пароходъ „Ленкорань“, по словамъ г. штурмана, долженъ отправиться изъ Астрахани сегодня. Дня четыре тому назадъ, прибыло изъ Астрахани судно и на вопросъ мой судовщикъ отозвался, что пароходъ „Ленкорань“ близъ Бирю-

чей косы, по случаю мелководья, сталъ на мель, но что далѣе, неизвѣстно. Тамъ совершенно безопасно, потому что не въ морѣ. 15 Сентября 1857. Апшеронъ.“ Это писалъ какой-то начальникъ чего-то на Апшеронѣ: „Шустровъ“ или что-то въ этомъ родѣ, потому что настоящей фамиліи я я не могу разобрать, хотя подлинное письмо его у меня и теперь передъ глазами.

Первое время по возвращеніи нашемъ въ Баку посвящено было торжественнымъ погребеніямъ погибшихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ, одного за другимъ, злое море выкидывало на берега свои и которыхъ постепенно доставляли въ Баку для погребенія. Позже всѣхъ доставленъ былъ молодой капитанъ парохода, именно потому, что онъ, какъ я упоминалъ уже, запутался въ снастяхъ парохода, откуда достать его было чрезвычайно затруднительно. При погребеніи этихъ молодыхъ людей я молился усердно. Смотри на ихъ синія лица, представляя положеніе ихъ далекихъ отцовъ, матерей, быть можетъ женъ и дѣтей, я плакалъ, какъ братъ ихъ родной. Я усердно просилъ Бога вознаградить ихъ въ будущей жизни и послать имъ тамъ радости, которыя сохранены мнѣ на землѣ... Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней улицы и храмы Баку наполнялись постоянно погребальными звуками, такъ какъ въ томъ краю не только военныхъ, но и простыхъ гражданъ всегда хоронятъ съ музыкою.

Если съ одной стороны отвращеніе отъ меня смертельной опасности наполнило мою душу благодарностью къ Богу, то съ другой тревога эта значительно потрясла мое нравственное существо. Нервное разстройство достигло во мнѣ такой сильной степени, въ какой вѣроятно не испытывала его ни одна слабая женщина. Тысячи мрачныхъ мыслей снова стали осаждать меня. „Крушеніе паро-

хода, стало быть, вещь возможная!“ думалъ я. „Если погибъ лучший изъ пароходовъ, управляемый самыми лучшими моряками, специально изучившими море, то что удивительнаго, что гнилой „Ленкорань“, о которомъ всѣ говорили, какъ о мерзвѣйшемъ пароходишкѣ, подъ командою какого-нибудь „испивающаго“ офицера, потерпѣть ту же участь. Это мрачное настроеніе по прежнему сильно поддерживалось постоянно-бурными волненіями моря и тѣми ужасными порывами свистащаго вѣтра, которыхъ я никогда не забуду. Отъ этого происходило то, что въ теченіи дня, окруженный обществомъ, которое значительно усилилось спасшимися офицерами, и держался довольно бодро; когда же наступала ночь и я оставался одинъ съ своими мрачными мыслями,—мнѣ снова слышались стоны моихъ погибающихъ и заливаемыхъ волнами дѣтей. Когда по общимъ расчетамъ приближалось время прибытія Ленкорани, время это не столько радовало, сколько пугало меня. Я ожидалъ, что оно принесетъ мнѣ страшную развязку моихъ сомнѣній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что прибытіе этого парохода сдѣлалось живымъ вопросомъ для всего города. Едва ли былъ домъ, въ которомъ бы не толковали о крушеніи парохода, о моемъ непостижимомъ счастьѣ, о моихъ ожиданіяхъ. Нечего и говорить, что на извѣстной террасѣ при домѣ Пигулевскаго съ утра до вечера торчалъ разнокалиберный народъ, высматривающій въ морѣ ожидаемый пароходъ. Принести первому вѣсть о появленіи этого парохода казалось оказать государству величайшую услугу. Всѣ зрительные инструменты, какіе нашлись въ городѣ, сосредоточивались на этой террасѣ. Я помню живо, что среди тревогъ, меня осаждающихъ, я часто хохоталъ при видѣ, какъ какой-нибудь татаринъ, въ первый разъ взявшійся

за подобный инструментъ, рѣшительно ничего не види, увѣрялъ, что видѣть идущій пароходъ. Не только эти дикари, но часто и люди высшаго разряда впадали въ большое заблужденіе и утверждали, что пароходъ идетъ, тогда какъ оказывалось, что мы принимали за пароходъ какую-нибудь тряпку на стоящемъ въ морѣ маленькомъ и незамѣтномъ суднѣ.

Но всему бываетъ конецъ, тотъ или другой. Такъ точно былъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ; такъ точно долженъ быть конецъ моему многословію, разлившемуся на этомъ пунктѣ. Однажды вечеромъ, дней черезъ пятнадцать послѣ катастрофы, многочисленное общество, постоянно окружавшее меня, по обычаю собралось къ намъ. Было часовъ 11 вечера. Почти всѣ играли въ карты. Ожиданія парохода какъ-то утомили всѣхъ, и объ немъ мало стали уже говорить, какъ будто состоялось общесрѣшеніе: предать все это дѣло волю Божіей. Ночь была чрезвычайно темная. Общее вниманіе сосредоточивалось на интересахъ игры, среди которой раздавались звуки пожей, вилокъ и тарелокъ, располагаемыхъ на особомъ столѣ извѣстнымъ „агою“ для ужина. Совершенно незамѣтно является на порогъ занимаемой нами комнаты мой камердинеръ Игнатій и, не обращаясь ни къ кому въ частности, спрашиваетъ: „Позвольте спросить, когда пароходъ идетъ ночью, бываютъ на немъ огни?“ Мгновенно все обратилось къ нему съ вопрошающими взорами. Многіе голоса провозгласили какъ-то странно: „бываютъ, бываютъ; что такое?“ Довольный и улыбающійся Игнатій сказалъ: „пожалуйте, огонь видѣнъ!“ Мигомъ все вскочило съ своихъ мѣстъ и бросилось на террасу. Я конечно былъ одинъ изъ первыхъ. Но увы! столько разъ обманутый, я и тутъ рѣшительно ничего не видѣлъ, какими трубами ни вооружался. Но Игнатій упорно сто-

ялъ на своемъ, что видѣлъ огонь. Среди возраженій, которыя посыпались на него со всѣхъ сторонъ, что никакого огня нѣтъ, что ему это почудилось, возраженій, начинавшихъ уже смущать его, чей-то голосъ вдругъ вскричалъ: „вонъ, вонъ, сейчасъ мелькнулъ!“—„Гдѣ, гдѣ?“ раздавалось со всѣхъ сторонъ. Но огонь опять пропалъ, и ничего рѣшительно не было видно. Потомъ опять кто-то вскрикнетъ: „вижу, вижу!“ Толпа бросится туда, но видѣвшій опять уже ничего не видитъ. Пройдетъ нѣсколько мгновеній тишины и усиленнаго смотрѣнія, и опять какой-нибудь неистовый возгласъ: „огонь, огонь!“ Какъ мнѣ ни объясняли видѣвшіе это благодатное знаменіе, куда и какъ надобно смотрѣть, чтобы замѣтить его, я рѣшительно ничего не видѣлъ, какъ ни напрягалъ всѣ свои усилія. Большая часть смотрящихъ также ничего не видѣла; но возгласы: „вижу“ или „вонъ, вонъ!“ стали повторяться чаще. Наконецъ и Фрейгангъ, постоянно и молчаливо смотрѣвшій въ длинную трубу, сказалъ: „идеть!“ Это лаконическое: „идеть“ привело меня въ истинный восторгъ. Я съ новыми усиліями сталъ смотрѣть въ море, и наконецъ мнѣ самому удалось подмѣтить въ чрезвычайномъ отдаленіи огненную точку, которая то мелькаетъ, то пропадетъ. Все оживилось. Фрейгангъ, сказавъ: „черезъ полтора часа придетъ!“, отправился дѣлать распоряженія для торжественной встрѣчи парохода. Игнатій торжествовалъ, какъ какой-нибудь герой. Я обниль и разцѣловалъ его. И дѣйствительно, не постижимо, какъ онъ умудрился на такомъ разстояніи замѣтить свѣтлую точку, которая потомъ ускользала отъ сосредоточенныхъ глазъ всего нашего общества. Потомъ, я не могъ не оцѣнить въ немъ той преданности, съ которою онъ, одинъ, среди ночи, торчалъ на террасѣ, когда никто его къ тому не пригласилъ и

когда не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы его полуночное и одиночное ожиданіе увѣчалось успѣхомъ. Пигулевскій, со своею манією хлѣбосольтства, немедленно атаковалъ меня вопросомъ: „какой ужинъ прикажите приготовить?“—„Бога ради распорядитесь сами, любезнѣйшій Левъ Викторовичъ!“ отвѣчалъ я, впиваясь глазами въ свѣтлую точку, среди моря, которая дѣлалась все видимѣе на темномъ фонѣ ночи. Набережная начала наполняться толпами народа. На террасу стали прибывать наши знакомые съ женами и даже дѣтьми. Все приняло видъ какого-то праздника. Я сидѣлъ съ трубою передъ глазами и мысленно возсылалъ Творцу теплыя благодарныя молитвы! Скоро у пристани показались большіе катера, усаженные матросами и готовые перевезти насъ на пароходъ, когда онъ станетъ на якорь. Велѣдъ за тѣмъ полетѣли къ небу ракеты, освѣщавшія эффектно море; стали почти безпрерывно жечь фалшвейсеры, не только на берегу и катерахъ, но и на всѣхъ казенныхъ судахъ, стоящихъ въ гавани. Милый Фрейгангъ очевидно хотѣлъ показать мнѣ и признать свою и свое морское могущество. Картина была въ высшей степени радостная и оживленная. Наконецъ пароходъ съ шумомъ и свѣтомъ приблизился и сталъ становиться на якорь. Все общество, кругомъ меня собравшееся, разсѣлось на катера и отправилось на пароходъ.

Описывать встрѣчу мою съ женою и дѣтьми я не стану; она понятна должна быть каждому порядочному семейнину. Дѣти спали уже въ своей каютѣ; не спалъ только прелестный нашъ мальчикъ Лѣодоръ, которому, какъ искупительной жертвѣ за спасеніе другихъ, судьба судила скоро заснуть на вѣки на этомъ чуждомъ берегу далекаго моря...

**НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ: „Война и Миръ“.**

Печатающае сочиненіе, на которое положено мною пять лѣтъ непрерывнаго и исключительнаго труда, при наилучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ хотѣлось въ предисловіи къ этому сочиненію изложить мой взглядъ на него и тѣмъ предупредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть въ читателяхъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не искали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ или не умѣлъ выразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что я хотѣлъ выразить, но на чемъ (по условіямъ произведенія) не считалъ удобнымъ останавливаться. Ни время, ни мое умѣнье не позволили мнѣ сдѣлать вполне того, что я былъ намѣренъ, и я пользуюсь гостепримствомъ спеціального журнала для того, чтобы хотя не полно и кратко, для тѣхъ читателей, которыхъ это можетъ интересовать, изложить взглядъ автора на свое произведеніе.

1) Что такое Война и Миръ? Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. Война и Миръ есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія Русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ Мертвыхъ Душъ Гоголя и до Мертваго Дома Достоевскаго, въ новомъ періодѣ Русской литературы, нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполне

укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, не достаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостнаго права, закладыванье женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда либо. Въ тѣ времена также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; также была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только отъ того, что въ преданіяхъ, запискахъ повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство также несправедливо, какъ несправедливо заключить бы человѣкъ, изъ-за горы видающей одни макушки деревьевъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ болѣе или менѣе отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить.

3) Употребленіе французскаго языка въ русскомъ сочиненіи. Для чего, въ моемъ сочиненіи говорятъ, не только Русскіе, но и Французы, частью по русски, частью по французски? Упрекъ въ томъ, что лица говорятъ и пишутъ по французски въ русской книгѣ, подобенъ тому упреку, который бы сдѣлалъ человѣкъ, глядя на картину и замѣтивъ въ ней черныя пятна (тѣни), которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Живописецъ не повиненъ въ томъ, что нѣкоторымъ—тѣнь, сдѣланная имъ на лицѣ картины, представляется чернымъ пятномъ, котораго не бываетъ въ дѣйствительности; но живописецъ повиненъ только въ томъ, ежели тѣни эти положены не вѣрно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынѣшняго вѣка, изображая лица Русскія извѣстнаго общества и Наполеона и Французовъ, имѣвшихъ такое прямое участіе въ жизни того времени, я невольно увлекся формой выраженія того французскаго склада мысли, больше, чѣмъ это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенныя мною тѣни вѣроятно не вѣрны и грубы, я желаю бы только чтобы тѣ, которымъ покажется очень смѣшно, какъ Наполеонъ говоритъ то по русски, то по французски, знали бы, что это имъ кажется только оттого, что они, какъ человѣкъ смотрящій на портретъ, видятъ не лицо съ свѣтомъ и тѣнями, а черное пятно подъ носомъ.

4) Имена дѣйствующихъ лицъ, Болконскій, Друбецкой, Вилибинъ, Курагинъ и др., напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія не-историческія лица съ другими историческими лицами, я чувствовала неловкость для уха заставлятъ говорить графа Ростопчина съ кн. Пронскимъ, съ Стрѣльскимъ или съ какими нибудь другими князьями или графами, вымышленной, двойной или одинокой фамилии. Болконскій или Друбецкой, хотя не суть ни Волконскій ни Тру-

бецкой, звучатъ чѣмъ-то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, какъ взявъ на удачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи и перемѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы. Я бы очень сожалѣлъ, ежели бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными, могло бы кому нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описываніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которою я занимался.

М. Д. Ахросимова и Денисовъ, вотъ исключительно лица, которымъ невольно и необдуманно я далъ имена близко подходящія къ двумъ особенно-характернымъ и милымъ дѣйствительнымъ лицамъ тогдашняго общества. Это была моя ошибка, вытекшая изъ особенной характерности этихъ двухъ лицъ, но ошибка моя въ этомъ отношеніи ограничилась одною постановкою этихъ двухъ лицъ; и читатели, вѣроятно, согласятся, что ничего похожего съ дѣйствительностью не происходило съ этими лицами. Всѣ же остальные лица совершенно вымышленныя и не имѣютъ даже для меня опредѣленныхъ первообразовъ въ преданіи или дѣйствительности.

5) Разногласіе мое въ описаніи историческихъ событій съ разсказами историковъ. Оно не случайное, а неизбежное. Историкъ и художникъ, описывая историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ не правъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ

не исполнить своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда съ зрительной трубкой, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Растопчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороневскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Теодоровна не всегда стояла въ горностаевой мантии, опершись рукой на сводъ законовъ; а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Для историка, въ смыслѣ содѣйствія, оказаннаго лицомъ какой нибудь одной цѣли, есть герои; для художника, въ смыслѣ соотвѣтственности этого лица всѣмъ сторонамъ жизни, не можетъ и не должно быть героевъ, а должны быть люди.

Историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой единичности этой идеи видитъ несообразность съ своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка.

Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе.

Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событій, художникъ до самаго факта событій. Историкъ, описывая сраженіе, говоритъ: лѣвый флангъ такого-то войска былъ двинутъ противъ деревни такой-то, сбилъ непріятеля, но принужденъ былъ отступить; тогда пущенная въ атаку кавалерія опрокинула... и т. д. Историкъ не можетъ говорить иначе. А между тѣмъ, для художника слова эти не имѣютъ никакого смысла, и даже не затрогиваютъ самого событій. Художникъ, изъ своей ли опытности, или по письмамъ, запискамъ и рассказамъ, выводитъ свое представленіе о совершившемся событій, и весьма часто (въ примѣрѣ сраженія) выводъ о дѣятельности такихъ-то и такихъ-то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать исто-

рикъ, оказывается противоположнымъ выводу художника. Различіе добытыхъ результатовъ объясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка (продолжаема примѣръ сраженія) главный источникъ есть донесенія частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Нечего говорить уже о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противоположно одинъ другому; въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описывать дѣйствія тысячей людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти.

Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такіа-то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступить и т. д., какъ въ предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть тоже дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло жизни и смерти. Всякій, кто былъ на войнѣ, знаетъ, насколько это несправедливо (\*); а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ военныя описанія. Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ

(\*) Послѣ напечатанія моей первой части и описанія Шенграбенскаго сраженія, мнѣ были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карскаго объ этомъ описаніи сраженія, слова, подтвердившія мнѣ мое убѣжденіе. Ник. Ник. Муравьевъ, главнокомандующій, отозвался, что онъ никогда не читалъ болѣе вѣрнаго описанія сраженія и что онъ своимъ опытомъ убѣдился въ томъ, какъ невозможно исполненіе распоряженій главнокомандующаго во время сраженія.

сраженія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ, пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ рассказывать то что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности разнообразное и тяжелое, не ясное впечатлѣніе; и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы не узнаете, какъ было все дѣло. Но черезъ два-три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ рассказывать, какъ было то, чего они не видали; наконецъ составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это живое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяць и два разспрашивайте челоуѣка, участвовавшаго въ сраженіи, — ужъ вы не чувствуете въ его разсказѣ того сыраго жизненнаго матеріала, который былъ прежде, а онъ рассказываетъ по реляціи. Такъ рассказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ рассказывали одно и то же, и всѣ по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя рассказывали они, не смотря на то, что рассказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга — однѣ и тѣ же.

Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастионовъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучший образецъ той наивной, необходимой, военной лжи, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли

тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ испытавшіе войну знаютъ, какъ способны Русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимой въ этомъ дѣлѣ хвастливой ложью. Всѣ знаютъ, что въ нашихъ арміяхъ должность эту, составленія реляцій и донесеній, исполняютъ большей частью наши инородцы.

Все это я говорю къ тому, чтобы показать неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ, служащихъ матеріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій. Но кромѣ неизбѣжности неправды въ изложеніи историческихъ событій, у историковъ той эпохи, которая занимала меня, я встрѣчалъ (вѣроятно вслѣдствіе привычки группировать событія, выражать ихъ кратко и соображаться съ трагическимъ тономъ событій) особенный складъ высшей рѣчи, въ которой часто ложь и извращеніе переходятъ не только на событія, но и на пониманіе значенія событія. Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріалы и діаметрально-противуположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться ли или плакать, когда вспомнишь, что объ эти книги единственные памятники той эпохи и имѣютъ миллионы читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера. Рассказавъ, какъ Наполеонъ привезъ

съ собой фальшивыхъ ассигнацій, онъ говорить: „Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bienfaisance digne de lui et de l'armée française, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés longtems à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer des roubles papier“ (\*).

Это мѣсто поражаетъ отдѣльно своей оглушающей, нельзя сказать безнравственностью, но просто бессмысленностью; но во всей книгѣ оно не поражаетъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему выпренному, торжественному и не имѣющему никакого прямого смысла, тону рѣчи.

И такъ, задача художника и историка совершенно различна, и разногласіе съ историкомъ въ описаніи событій и лицъ въ моей книгѣ—не должно поражать читателя.

Но художникъ не долженъ забывать, что представленіе обь историческихъ лицахъ и событіяхъ, составившееся въ народѣ, основано не на фантазіи, а на историческихъ документахъ, насколько могли ихъ сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія, художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами. *Вездѣ, идѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыхъ всегда могу сослаться.*

б) Наконецъ шестое и важнѣйшее для меня соображеніе, касается того ма-

(\*) Возмѣщая употребленіе этихъ средствъ дѣломъ благотворительности, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ оказывать пособіе погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги, и не представлялось долге возможности снабжать ими людей чужихъ, и по большей части непріязненныхъ, то Наполеонъ предпочелъ одѣлать ихъ деньгами, и для того были имъ выдаваемы бумажные рубли.

лаго значенія, которое по моимъ понятіямъ имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій. Сказать (что кажется всѣмъ весьма простымъ) что причины событій 12-го года состоятъ въ завоевательномъ духѣ Наполеона и въ патриотической твердости императора Александра Павловича, также бессмысленно, какъ сказать, что причины паденія Римской Имперіи заключаются въ томъ, что такой-то варваръ повелъ свои народы на Западъ, а такой-то Римскій императоръ дурно управлялъ государствомъ, или что огромная, срывающаяся гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ лопатой.

Такое событіе, гдѣ миллионы людей убивали другъ друга и убили половину миллиона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не могъ одинъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ. Но какія же причины? Одни историки говорятъ, что причиной былъ завоевательный духъ Французовъ, патриотизмъ Россіи. Другіе говорятъ о демократическомъ элементѣ, который разносили полчища Наполеона и о необходимости Россіи вступить въ связь съ Европою; и т. п. Но какъ же миллионы людей стали убивать другъ друга, кто это велѣлъ имъ? Кажется, ясно для каждого, что отъ этого никому не могло быть лучше, а всѣмъ хуже; зачѣмъ же они это дѣлали? Можно сдѣлать и дѣлаютъ безчисленное количество ретроспективныхъ умозаключеній о причинахъ этого безмысленнаго событія; но огромное количество этихъ объясненій и совпаденіе всѣхъ ихъ къ одной



цѣли только доказываетъ то, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что ни одну изъ нихъ нельзя назвать причиной.

Зачѣмъ миллионы людей убивали другъ друга, тогда какъ съ сотворенія міра извѣстно, что это и физически и нравственно дурно?

Затѣмъ, что это такъ неизбежно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тотъ стихійный, зоологическій законъ, который исполняютъ пчелы, истребляя другъ друга къ осени, по которому самцы животныхъ истребляютъ другъ друга. Другаго отвѣта нельзя дать на этотъ страшный вопросъ.

Эта истина не только очевидна, но такъ прирожденна каждому человѣку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другаго чувства и сознанія въ человѣкѣ, которое убѣждаетъ его, что онъ свободенъ во всякій моментъ, когда онъ совершаетъ какое нибудь дѣйствіе.

Разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы несомнѣнно убѣждены въ Предвѣчномъ Законѣ, по которому совершаются событія. Глядя съ точки зрѣнія личной, мы убѣждены въ противномъ.

Человѣкъ, который убиваетъ другаго, Наполеонъ, который отдаетъ приказаніе къ переходу черезъ Нѣманъ, вы и я, подавая прошеніе объ опредѣленіи на службу, поднимая и опускаая руку, мы всѣ несомнѣнно убѣждены, что каждый поступокъ нашъ имѣетъ основаніемъ разумныя причины и нашъ произволь, и что отъ насъ зависѣло поступить такъ или иначе, и это убѣжденіе до такой степени присуще и дорого каждому изъ насъ, что, не смотря на доводы исторіи и статистики преступленій (убѣждающіе насъ въ произвольности дѣйствій другихъ людей) мы распространяемъ сознаніе нашей свободы на всѣ наши поступки.

Противорѣчіе кажется неразрѣши-

мымъ. Совершая поступокъ, я убѣждаюсь, что я совершаю его по своему произволу; разсматривая этотъ поступокъ въ смыслѣ его участія въ общей жизни человѣчества (въ его историческомъ значеніи) я убѣждаюсь, что поступокъ этотъ былъ predeterminedъ и неизбеженъ. Въ чемъ заключается ошибка?

Психологическія наблюденія о способности человѣка ретроспективно поддѣлывать мгновенно подъ совершившійся фактъ цѣлый рядъ мнимо-свободныхъ умозаключеній (это я намѣренъ изложить въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно) подтверждаютъ предположеніе о томъ, что сознаніе свободы человѣка, при совершеніи извѣстнаго рода поступковъ, ошибочно. Но тѣже психологическія наблюденія доказываютъ, что есть другой рядъ поступковъ, въ которыхъ сознаніе свободы не ретроспективно, а мгновенно и несомнѣнно. Я несомнѣнно могу, что бы ни говорили матеріалисты, совершить дѣйствіе или воздержаться отъ него, какъ скоро дѣйствіе это касается одного меня. Я несомнѣнно, по одной моей волѣ, сейчасъ поднималъ и опустилъ руку. Я сейчасъ могу перестать писать. Вы сейчасъ можете перестать читать. Несомнѣнно по одной моей волѣ и внѣ всѣхъ препятствій я сейчасъ мыслью перенесся въ Америку или къ любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и съ силой опустить свою руку въ воздухъ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ, я поднимаю надъ нимъ руку и съ той же силой хочу опустить на ребенка. Я не могу этого сдѣлать. На этого ребенка бросается собака, я не могу не поднять руку на собаку. Я стою во фронтѣ и не могу не слѣдовать за движеніями полка. Я не могу въ сраженіи не идти съ своимъ полкомъ въ атаку и не бѣжать, когда всѣ бѣгутъ вокругъ меня. Я не могу, когда и стою на судѣ защитникомъ обвиня-

емаго, перестать говорить или знать то что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазомъ противъ направленаго въ глазъ удара.

И такъ есть два рода поступковъ. Одни зависящіе, другіе не зависящіе отъ моей воли. И ошибка, производящая противорѣчіе, происходитъ только оттого, что сознание свободы (законно сопутствующее всякому поступку относящемуся до моего я, до самой высшей отвлеченности моего существованія) я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые въ совокупности съ другими людьми и зависящіе отъ совпаденія другихъ произволовъ съ моимъ. Опредѣлить границу области свободы и зависимости, весьма трудно, и опредѣленіе этой границы составляетъ существенную и единственную задачу психологіи; но, наблюдая за условіями проявленія нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видѣть, что чѣмъ отвлеченнѣе и потому чѣмъ менѣе наша дѣятельность связана съ дѣятельностями другихъ людей, тѣмъ она свободнѣе; и на оборотъ чѣмъ больше дѣятельность наша связана съ другими людьми, тѣмъ она не свободнѣе.

Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь съ другими людьми, есть такъ называемая власть

надъ другими людьми, которая въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая зависимость отъ нихъ.

Ошибочно или нѣтъ, но вполнѣ убѣдившись въ этомъ въ продолженіи моей работы, я естественно, описывая историческія событія 1805, 1807 и особенно 1812 года, въ которомъ наиболѣе выпукло выступаетъ этотъ законъ предопредѣленія (\*), я не могъ приписывать значенія дѣламъ тѣхъ людей, которымъ казалось что они управляютъ событіями, но которые менѣе всѣхъ другихъ участниковъ событій вносили въ нихъ свободную человѣческую дѣятельность. Дѣятельность этихъ людей была занимательна для меня только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который по моему убѣжденію управляетъ исторіею и того психологическаго закона, который заставляетъ человѣка, исполняющаго самый несвободный поступокъ, поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлью доказать ему самому его свободу.

*Графъ Левъ Толстой.*

(\*) Достоинно замѣчанія, что почти всѣ писатели, писавшіе о 12 годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое.

## ПОПРАВКИ

Къ стр. 213. Чиновникъ, состоявшій при гр. Бенигсенѣ для иностранной переписки, былъ не Циннеръ, какъ напечатано, а *Цизмеръ*. Къ стр. 324 „Отцы и Дѣти“, романъ И. С. Тургенева появился на англійскомъ языкѣ не въ Лондонѣ, а въ Ньюіоркѣ (Leypoldt and Hoff. 1867. 8° VIII и 248 стр.) Этотъ переводъ сдѣланъ въ Ньюіоркѣ съ Русскаго языка г-номъ Скайлеромъ (Schuyler, Ph. D.), нынѣ американскимъ консуломъ въ Москвѣ и замѣчательнѣе тѣмъ, что въ началѣ помѣщены біографическія данныя объ И. С. Тургеневѣ, полученные переводчикомъ отъ него самаго изъ Бадена.

*П. Б.*

4. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 годъ. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*: 163—256  
 а) Предисловіе. [стр. 163].  
 б) Выписки изъ соч. Фридриха Великаго: „Исторія моего времени“ [165 стр].  
 в) Переписка Фридриха Великаго съ гр. Сольмсомъ. — Письма Императора Юсифа и Маріи Терезіи и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши [стр. 203].
5. Дидро. Біографическій очеркъ, соч. *М. Θ. Шуурова*. 257—305
6. Обрядъ при Высочайш. шествіи Ея Императорскаго Величества чрезъ Харьковское намѣстничество (1787) 306—313
7. Изъ Записокъ гр. *Е. Θ. Комаровскаго* (Времена Екатерины). 314—351
8. Два письма графа *Эстерази* изъ Петербурга къ женѣ своей (о Екатеринѣ II-й). 352—360
9. Изъ бумагъ *А. П. Мельгунова*: 361—364  
 а) Рескриптъ Императрицы Екатерины II-й [361 стр.].  
 б) Письмо *П. В. Завадовскаго* къ Мельгунову [362 стр.].  
 в) Замѣтки о могилѣ *А. П. Мельгунова* [363 стр.].  
*Л. Н. Трефолева.*
10. Выписки изъ Архива Канцеляріи Прибалтійскаго Генерала-Губернатора: 367  
 Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю, распоряженія касательно возстановленія Бирона въ Курляндіи, о новомъ самозванцѣ и пр. и пр., [367 стр.].
11. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ [стр. 425].
12. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохранности церковныхъ древностей.

---

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Получать можно въ Москвѣ у П. И. Бартенева, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца А. Θ. Базунова.

---

Печатается второе изданіе книги **Иезуиты** и ихъ отношеніе къ Россіи, сочиненіе Ю. Θ. Самарина. Цѣна этого втораго изданія будетъ понижена противъ перваго.

# РУССКІЙ АРХИВЪ

1868

## ГОДЪ ШЕСТЫЙ

Подписка принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С.-Петербургѣ у А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **шесть** рублей.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ (отдѣльныя тетради собранныя въ томѣ) 1863 и 1864 по 4 р., 1865, 1866 и 1867 по 5 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желашіе получить *всѣ пять лѣтъ* высылаютъ съ пересылкою 23 рубля, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ, — платятъ съ пересылкою 28 рублей.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Анлію* 8 р.; *въ Швейцарію и Італію* 9 р.

Тамъ же:

### ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. (8°. VIII, 240 и VIII стр.)

Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

---

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ

ШЕСТЫЙ

# РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4 и 5.

ПРИ

1868.

## ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

### СОДЕРЖАНІЕ:

1. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. Посмертная статья *С. Т. Аксакова*.
2. Письма къ Ивану Ивановичу Дмитріеву:  
а) 12 писемъ *Д. В. Дашкова*. б) 29 писемъ князя *П. А. Вяземскаго*.
3. Изъ бумагъ *графа де Бальмена*, Русскаго пристава на островъ св. Елены (письма о Наполеонѣ 1-мъ 1816 года, на Французскомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ).
4. Изъ записокъ генералъ-адъютанта *Н. Н. Муравьева-Карскаго*, 1832 и 1833 (Двѣ главы: Отправленіе въ Египетъ къ Мегметъ-Али-Пашѣ и Пребываніе Русскихъ на Босфорѣ).
5. Воспоминанія *Н. В. Басарина* о генералъ-маіорѣ *Н. Н. Муравьевѣ* и его училищѣ для козаченъ.
6. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка, статья *Д. И. Иловайскаго*.
7. Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія, въ стихахъ *В. А. Жуковскаго*.
8. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *Д. В. Дашкову*.
9. Еще разсказъ очевидца о петербургскомъ пожарѣ 1837 г. *И. Д. Лукина*, съ приложеніями.
10. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и для біографіи гр. *Ф. В. Ростопчина*. *М. Н. Ломикова*.
11. Любовь баснописца Крылова, замѣтка *Н. В. Алабина*.
12. Воспоминанія объ *Е. А. Баратынскомъ*. *П. Г. Кичеева*.
13. Два письма министра народнаго просвѣщенія князя *А. Н. Голицына* къ директору царскосельскаго лицея *Е. А. Енгельгарту*.
14. Письмо г-на управляющаго Морскимъ Министерствомъ *Н. К. Краббе* (по поводу „Записокъ Севастопольца“).

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ в. Мясоедовой.

1868.

# ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ,

## ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

### КНИГА ПЕРВАЯ.

#### СОДЕРЖАНІЕ.

1. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся родителей и пріѣзда въ Россію Екатерины II-й. 1 — 44
2. Три циркулярные указа Россійскихъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія (о движеніяхъ хана Крымскаго, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками, и о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ съ новыми свѣдѣніями объ этомъ заговорѣ, по современнымъ бумагамъ). 45— 51
3. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ. 52—162
  - а) Всеподданѣйшее мнѣніе князя Михайлы Волконскаго на данныя отъ Ея Императорскаго В—ства собственноручные пункты [53 стр.].
  - б) Отвѣтныя письма князя М. Н. Волконскаго (о гр. Панинѣ) [97—98 стр.].
  - в) Отвѣтныя письма кн. М. Н. Волконскаго (о Пугачевѣ). [стр. 100, 103, 104, 105, 112, 115—117, 119, 123—124, 128, 130—131, 135 и 137.].
  - г) Отвѣты князя М. Н. Волконскаго, о разныхъ предметахъ. [стр. 109, 136 и 138.].
  - д) Донесенія князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его. [стр. 123—136.].
  - е) Копія съ письма Яицкихъ Казаковъ къ гр. Г. Г. Орлову. [стр. 365.].
  - ж) Копія съ даннаго Казакамъ отъ его свѣтлости, гр. Гр. Гр. Орлова, паспорта [стр. 366.].
4. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 годъ. 163—265  
Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*:
  - а) Предисловіе [стр. 163].
  - б) Выписки изъ соч. Фридриха Великаго: „Исторія моего времени“ [165 стр.]
  - в) Переписка Фридриха Великаго съ гр. Сольмсомъ — Писма Императора Іосифа и Маріи Терезіи и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши [стр. 203 ].

## ОЧЕРКЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО БЫТА

въ началѣ нынѣшняго вѣка (\*).

Въ первыхъ годахъ, перваго десятилѣтїя текущаго, богатаго великими событіями, девятнадцатаго вѣка, стало быть слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, въ одной отдаленной отъ столицъ, полустепной и полулѣсной губерніи, сосѣдственной съ настоящими, коренными нашими лѣсными губерніями, Пермскою и Вятскою, въ совершенномъ захоlustѣ, жило богатое и многочисленное дворянское семейство Болдухиныхъ, въ пятисотдушномъ селѣ Вознесенскомъ Болдухино-гожъ; — жило въ полномъ смыслѣ по деревенски. Старикъ, не получившіе никакого образованія, разбогатѣвшіе недавно и совершенно неожиданно, не привыкли еще пользоваться и распоряжаться, какъ слѣдуетъ, всѣми средствами настоящаго своего богатаго состоянія. Въ иныхъ случаяхъ трагались они безъ надобности и бросали деньги, какъ говорится, на вѣтеръ, такъ что добрые люди посмѣивались и думали про себя, а нѣкоторые можетъ быть и говорили: „дешево деньги достались; цѣны и счету имъ не знаютъ“. Въ иныхъ случаяхъ же, именно въ такихъ, въ которыхъ не надо жалѣть денегъ, Болдухины были скуповаты, и вотъ тѣже добрые люди говорили про себя, а нѣкоторые можетъ быть и въ слухъ, что: *не рука крестья-*

*нину калачъ псть*, и что не смыслятъ Болдухины, гдѣ денежку надо приберечь и гдѣ бросить. — Впрочемъ, слѣдуя духу времени, начинавшему пробиваться до границъ такихъ губерній, гдѣ зимой частехонько замерзаютъ ртуть, Болдухины желали доставить *воспитаніе* своимъ дѣтямъ, и для того не жалѣли денегъ. Разумѣется успѣхъ (понимая его въ нашемъ смыслѣ), не соответствовалъ желанію и значительной денежной тратѣ, потому что не только трудно, но почти невозможно было затащить въ такую отдаленную глушь хорошихъ учителей и учительницъ; учительницы или *мадамы*, какъ ихъ тогда называли, были необходимы учителямъ, потому что въ семействѣ Болдухиныхъ находилось пять дочерей и четверо сыновей; но всѣ братья были дѣти, были почти погодки и моложе своихъ сестеръ. Старшей изъ нихъ, Наташѣ, совершенной красавицѣ, тогда было 14 лѣтъ. И такъ родители ограничились тѣмъ, что выписали черезъ какого-то корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности, какую-то мадамъ де Фуасье и какого-то мусье, стараго капитана австрійской службы Морицъ Иваныча Шевалье де Глейхенфельда, и поручили имъ учить дѣтей всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Старая французженка мадамъ де Фуасье, незнавшая никакихъ языковъ, кромѣ французскаго, умѣла только ворожить на картахъ и страстно любить свою огромную болонку „Азора“, у котораго были какіе-то странные, черные, точно человѣчьи глаза, такъ что горничныя дѣвки боялись смотрѣть на Азорку.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1868. 18

(\*) Часть этого Очерка, набросаннаго С. Т. Аксаковымъ не задолго до его кончины, была напечатана въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. 2-я. подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ повѣсти Наташа“. Этотъ очеркъ дорогъ намъ въ литературномъ отношеніи, какъ посмертное произведение одного изъ лучшихъ нашихъ писателей, и въ отношеніи историческомъ, какъ изображеніе недавно отживаго быта. П. Б.

Шевалье де Глейхенфельдъ, нидерландскій уроженецъ, "Морсъ Иванычъ", какъ его звала въ домѣ прислуга, зналъ основательно два языка, французскій и нѣмецкій, неосновательно — латинскій, да четвертый еще, составленный имъ самимъ изъ всѣхъ европейскіхъ языковъ и преимущественно изъ польскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, потому что капитанъ долго служилъ въ австрійской арміи много таскался по австрійскимъ славянскимъ владѣніямъ. Вотъ обращикъ его рѣчей на этомъ составномъ языкѣ. Хотѣлъ ли онъ назвать когонибудь глупымъ, онъ говорилъ: онъ има на свой глыва шанки, ирбата и слона; т. е. онъ имѣетъ въ своей головѣ сѣно, траву и солону. Разговоры называлъ говрианье, сказки — кишкересъ, вора — двуръ, дѣвушку — кобитка и пр. Сверхъ того онъ былъ большой проказникъ, иногда называлъ барыню — баранина, притворяясь, что не умѣетъ различать этихъ словъ. Такъ напримѣръ, одинъ разъ при гостяхъ за обѣдомъ, будучи недоволенъ, что мало осталось жаркаго на блюдѣ, онъ съ досадою отказался отъ него. Г-жа Болдухина, замѣтивъ это, въ простотѣ души обратилась къ нему съ вопросомъ: „отчего, Морщи Иванычъ, вы не взяли жаренаго?“... „Оттого, моя сударыня баранина, отвѣчалъ капитанъ, что ты не ма кусокъ на мой густо.“ Г-жа Болдухина покраснѣла до ушей съ досады, гости расхохотались, у лакеевъ искривились лица отъ сдержаннаго смѣха, а Морсъ Иванычъ съ видомъ невинности началъ допрашивать: не сказалъ ли онъ чегонибудь смѣшнаго? Кавалеръ де Глейхенфельдъ тоже воровилъ, но по звѣздамъ, и составлялъ гороскопы, вздѣвая для наблюденія по ночамъ на колокольню. Странно, что, на смѣхъ здравому смыслу, нѣкоторые изъ его гороскоповъ въ послѣдствіи оказывались поразительно вѣрны. Разумѣется его считали колдуномъ и даже побаивались. Онъ очень любилъ одного изъ сыновей Болдухиныхъ, смуглаго лицомъ мальчика и называлъ его: „черный попа.“ Передъ Наташей онъ благоговѣлъ.

Сначала ученье шло, казалось, хорошо; но года черезъ два старики стали догады-

ваться, что такіе учителя недостаточны для окончательнаго воспитанія, да и сосѣди корили, что стыдно, приѣхъ состояніи, не доставить дѣтямъ столичнаго образованія. Болдухины думали, думали и рѣшились для окончательнаго воспитанія старшихъ дѣтей переѣхать на годъ въ Москву, гдѣ и прежде бывали на одинъ разъ, только на короткое время. Впрочемъ была и другая побудительная причина къ отъѣзду въ древнюю столицу.

Съ половины лѣта начались сборы; старики не умѣли понять, что въ Москвѣ нужно только побольше денегъ и, какъ можно меньше народу. Они нагрозились всякою всячиною, набрали кучу ненужныхъ вещей, запасовъ и людей; разумѣется, за все это они дорого заплатились.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, еще въ хорошую, или покрайней мѣрѣ сносную, осеннюю погоду, довольно рано поутру, выѣхали изъ села Болдухина двѣ кареты, двѣ коляски, нѣсколько кибитокъ и телѣгъ, навьюченныхъ до нелзя. Весь этотъ обозище отправлялся на своихъ доморощенныхъ, господскихъ лошадахъ, числомъ не болѣе, не менѣе, на тридцати семи коняхъ. Не успѣли отъѣхать пятнадцати верстъ, какъ семилѣтній мальчикъ Петруша, старшій изъ сыновей Болдухиныхъ, фаворитъ и баловень Варвары Михайловны (такъ звали г-жу Болдухину), котораго повезли уже нездоровымъ, въ надеждѣ, что дорогой будетъ ему лучше, — такъ разнемогся или по крайней мѣрѣ такъ расплакался (ѣхать въ Москву ему не хотѣлось), что испуганные родители рѣшились воротиться домой.

Въ селѣ Болдухинѣ общее удовольствіе, по случаю отъѣзда господъ въ Москву на долгое время, находилось въ самомъ разгарѣ. Многочисленная дворня, проводя до околицы своихъ помѣщиковъ со многими вздохами и слезами, толпою возвращалась домой, разсуждая между собой, зачѣмъ уѣхали бары въ Москву. „Видно денегъ некуда дѣвать, говорилъ, хрипя отъ одышки, старый ключникъ, Иванъ Маркычъ; ну чего не видали въ Москвѣ? Ну гдѣ имъ найдти житья лучше, какъ въ Болдухи-



нѣ.?— „Это всё она! подхватила молодая, смазливая прачка, сосланная недавно за что-то изъ горничныхъ въ людскую стирать бѣлье. Баринъ бы вѣкъ не выѣхалъ изъ деревни; это всеей, барынѣ, не сидится дома, она же и дочку подбила.“ — „Ну гдѣ тебѣ, глупой бабѣ это разумѣть, возражалъ старый буфетчикъ, купленный лѣтъ за десять Болдухиными. Можно ли прировнять Московскую жизнь къ вашей? Здѣсь глушь, Азія, Татары, Черемисы, да Вотяки. Кого здѣсь увидишь? А тамъ на Москвѣ у насъ, церквей Божіихъ не сочтешь; епераловъ и всякихъ важныхъ господъ видимо не видимо, а къ тому же и дѣтокъ надобно обучать.....“ Въ такихъ-то пріятныхъ и поучительныхъ разговорахъ дошла дворня до своихъ избъ, клѣтей и амбарушекъ, и разбившись на кружки, принялась пировать на свободѣ. Хотя помѣщички были люди не строгіе, а добрые и даже слабые; но все какъ будто гора у всѣхъ свалилась съ плечъ, и всякій строилъ въ головѣ планы, какъ бы сначала повеселиться, а потомъ повыгоднѣе проводить свое досужее время.

Вдругъ какой-то зоркій мальчишка замѣтилъ показавшіеся на горѣ высокіе экипажи; ихъ сейчасъ узнали, и тревожная вѣсть: „господа воротились“, какъ молнія пронеслась по всѣмъ людскимъ, избамъ, ткацкимъ, столярнымъ, прачешнымъ, — и вездѣ сдѣбалась большая суматоха. Кто могъ, побѣжалъ на встрѣчу, а кто не могъ, — тѣ попрытались, наказавъ отвѣчать господамъ, если спросятъ: что прикащикъ уѣхалъ, дескать, по хозяйственнымъ господскимъ надобностямъ въ сосѣдную деревню, что ключникъ угорѣлъ въ банѣ, старый буфетчикъ отлучился поохотиться съ острогою за рыбою, верстѣ за шесть, и пр. и пр.

Но всѣ опасенія были напрасны и всѣ предосторожности не нужны. Хозяева воротились въ такомъ смущеніи, что не обратили ни на кого ни малѣйшаго вниманія. Смущеніе происходило отъ того, что старикъ Болдухинъ (въ

самомъ дѣлѣ неохотно ѣхавшій въ Москву) сказалъ наотрѣвъ своей супругѣ и дочери, при рѣшеніи воротиться домой, что, по выздоровленіи Петруши, хотя бы оно и черезъ недѣлю послѣдовало, поздно будетъ пускаться въ такой дальній путь; что въ октябрѣ уже не ѣзда на своихъ по проселочнымъ дорогамъ и что ѣхать надо будетъ уже по зимѣ. Изъ этого вышелъ горячій и неприятный споръ, и всѣ воротились очень невеселы, особенно мать и старшая дочь Наташа, шестнадцатилѣтняя необыкновенная красавица. И матери и дочери, по какимъ то невѣдомымъ, инстинктивнымъ причинамъ, очень хотѣлось въ Москву и, войдя въ домъ, прошли онѣ прямо въ спальню г-жи Болдухиной и принялись обѣ плакать.

Экипажи поставили у лакейскаго подъѣзда и у дѣвичьяго крыльца; лошадей приказано было отложить, а лакеямъ и горничнымъ выбирать изъ каретъ и повозокъ только необходимое для ночлега; изъ чего можно заключить, что барыня надѣялась на скорое выздоровленіе Петруши. Кучеръ Трофимъ, выпрягая коренныхъ изъ четверомѣстной кареты, крѣпко сердился на форрейтора Сидорку: „Счастливъ ты, собачій сынъ, что воротились, говорилъ онъ хриплымъ басомъ. Я бы на первой кормежкѣ нагрѣлъ те спину. Вишь, какъ упарилъ подсѣдельную! Развѣ я те не кричалъ: держи, не давай натягивать постромокъ.“ — „Да кто еѣ дядюшка сдержитъ? раздавался пискливый и плаксивый голосъ форрейтора. Вѣдь ты самъ знаешь, какова она въ головѣ-то крѣпка: всѣ руки вытянула.....“ „Я те вытяну. Ну, ну, веди лошадей-то твоихъ,“ ворчалъ Трофимъ (человѣкъ незлой, но любившій припугнуть форрейтора Сидорку), уводя въ конюшню четвѣрку вспаренныхъ коней. Лакеи и горничныя принялись выбирать; кое-кто изъ оставшихся дворовыхъ прибѣжали помогать имъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались шутки и прибаутки по случаю неудачной поѣздки и скорого возвращенія: „ну что,

хорошо ли въ Москвѣ? Чай, всего наглядѣлись!“ говорили одни, оставшіеся въ деревнѣ. „Мы то ничего, говорили воротившіеся, а вотъ вамъ-то какво! И погулять не успѣли. Да гдѣ у васъ остальные-то? Али съ радости угорѣли?“ „Ну нишни, что орешь! Вонъ баринъ на крыльцѣ“..... Баринъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ на крыльцо для какихъ то приказаній..... Въ самую эту минуту раздался колокольчикъ, и телѣга парой, шибко приближаясь и звеня, вѣхала на дворъ; проворно соскочилъ съ нея никому неизвѣстный, одѣтый какъ баринъ, какой-то молодой малой, спросилъ дома ли господя, и гдѣ они; и когда указали ему, что господинъ стоитъ на крыльцѣ, пріѣзжій подошелъ къ барину, снялъ дорожный картузь, поклонился, подалъ письмо и сказалъ: „Флегонтъ Аѳанасьячъ, Марья Васильевна и Аѳанасій Флегонтовичъ Солобуевы, приказали кланяться, спросить о здоровьѣ и доложить, что они пріѣхали и остановились въ Вырыпаевкѣ“. Хозяинъ очень смутился, спросилъ однако о здоровьѣ Солобуевыхъ и, взявъ письмо, торопливо ушелъ въ домъ. Входя въ спальню съ письмомъ въ рукѣ, Болдухинъ сказалъ торжественно: „ну вотъ, матушка, хорошо, что воротились: вѣдь Солобуевы пріѣхали. Вѣдь было бы стыдно, еслибъ не застали насъ. Вѣдь я говорилъ, что пріѣдутъ.“ Мать и дочь обѣ вскрикнули и вскочили, подумавъ, что Солобуевы у крыльца, и сейчасъ вспомя, что они одѣты по дорожному; но Василій Петровичъ (такъ называли старика Болдухина) успѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что гости ночуютъ за двѣнадцать верстъ и прислали передоваго съ письмомъ. Поспѣшно прочли письмо, содержавшее въ себѣ только извѣщеніе о завтрашнемъ пріѣздѣ (написанное конторскимъ слогомъ и почеркомъ). Разумѣется, пріѣздъ послѣдовалъ вслѣдствіе приглашенія самихъ Болдухиныхъ, сдѣланнаго еще прошлаго года, которое считали несбыточнымъ и о которомъ почти забыли. Хозяева не вдругъ опом-

нились отъ такого уже вовсе неожиданнаго и поздняго посѣщенія, которое застало ихъ совершенно въ расплохъ, совершенно не въ пору, но дѣлать было нечего. Сообразя нѣсколько свое положеніе, Болдухины прежде всего призвали къ себѣ въ залу нарочнаго, присланнаго съ письмомъ, спросили его самымъ ласковымъ образомъ о здоровьѣ его господъ и о томъ, благополучно ли они совершили такую дальнюю, трудную дорогу? Сказали между прочимъ, какъ они рады такимъ дорогимъ и почтеннымъ гостямъ; госпожа же Болдухина между ласковыми рѣчами вклеила и вопросъ: отчего Флегонтъ Аѳанасьячъ, Марья Васильевна и Аѳанасій Флегонтовичъ не прибыли лѣтомъ, а пустились въ путь уже въ позднюю осень? Бойкій и хвастливый лакей, камердинеръ молодого Солобуева, сейчасъ смекнулъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, закидалъ словами нашихъ деревенскихъ стариковъ и умѣлъ напустить имъ такой пыли въ глаза разсказами о разныхъ привычкахъ и привиредахъ своихъ богатыхъ господъ, что Болдухины перетрусились и не знали, какъ принять, гдѣ помѣстить и какъ угостить, хотя не знатныхъ, но страшнымъ богатствомъ избалованныхъ и избѣженныхъ посѣтителей; на вопросъ же Варвары Михайловны, отчего такъ поздно пріѣхали Солобуевы, камердинеръ отвѣчалъ: „Всѣ изволили сбираться и до послѣдняго дня не рѣшались ѣхать или нѣтъ-съ. Вѣдь Флегонту Аѳанасьячу отлучиться не то, что другому-съ; въ ихнихъ дѣлахъ можетъ сдѣлаться въ одну недѣлю упущеніе на миллионъ или болѣе-съ (лакей не пугался цифры); окромѣ же того они привыкли вездѣ жить, какъ живутъ у себя дома; всѣ съ собой забрали-съ, и людей себѣ пріятныхъ, и мухобилей, къ которымъ привыкли. Мы ѣдимъ-съ въ трехъ каретахъ, двухъ коляскахъ и въ 20-ти повозкахъ; всего 25 экипажей-съ; господъ и служителей находится 22 персоны; до сотни беремъ лошадей. Флегонтъ Аѳанасьячъ очень знаютъ-съ, что въ домѣ помѣститься

имъ съ семействомъ невозможно: и вамъ и имъ-съ будетъ безпокойно; а потому приказали просить, если нѣтъ особаго флигеля для ихъ помѣщенія, очистить десятка два-съ крестьянскихъ избъ. Хозяева останутся довольны-съ. — Покуда объяснялись и ласково бесѣдовали съ камердинеромъ, успѣли приготовить для него кое-что поѣсть, потому что въ этотъ день, ни для господъ въ кухнѣ, ни для людей въ застольной, ничего не готовили: остававшуюся въ Болдухинѣ дворику всю спустили на мѣсячину. Потомъ напоили прїѣзжаго господскимъ чаемъ съ ромомъ, и потомъ самъ Болдухинъ пошелъ съ нимъ осматривать флигель, никѣмъ кромѣ прїѣзжихъ гостей не занимаемый, а также и людскія избы. По счастью камердинеръ благосклонно объявилъ, что флигель очень достаточенъ для временнаго помѣщенія его господъ и что если очистить нѣсколько людскихъ избъ, то и служители помѣстятся въ нихъ могутъ. Старикъ Болдухинъ очень былъ доволенъ такимъ отзывомъ. Камердинеръ просилъ немедленно его отправить. Привезшая его Вырыпаевская пара, нанятая съ оборотомъ, вмѣстѣ съ подводчикомъ, была накормлена и напоена: лошади-водой, а подводчикъ — виномъ. Болдухины написали самое ласковое письмо къ Солобуевымъ, просили камердинера на словахъ передать ихъ радость дорогимъ гостямъ, буфетчикъ поднесъ ему третью рюмку сладкой водки, — и опять зазвенѣлъ колокольчикъ, застучала телѣга, поднявъ за собою пыль вдоль длинной Болдухинской улицы, и уѣхалъ бойкій камердинеръ. — Боже мой! Какая суматоха, какая кутерьма, поднялась въ цѣломъ домѣ! Надо было не только выбраться изъ дорожныхъ экипажей, разложиться по мѣстамъ, привестъ и кухню и буфетъ въ прежній порядокъ, — надо было всё устроить для помѣщенія, для угощенія прїѣзжихъ гостей, богачей, мильонщиковъ, у которыхъ и прислуга одѣвается и живетъ по господски! Дымъ пошелъ коромысломъ..... Но не пора ли мнѣ воротиться

назадъ и рассказать, что это за Солобуевы, какъ они познакомились съ Болдухиными и что значитъ ихъ посѣщеніе?

Въ Оренбургской губерніи находятся сѣрныя источники, получившіе въ послѣдствіи всѣмъ извѣстное имя „Сергїевскихъ сѣрныхъ водъ“. Тогда это было дикое мѣсто на нагорной сторонѣ степной рѣки „Большой Сургутъ“. Сѣрные ключи били изъ подошвы небольшой горы и ручьями втекали въ огромный четвероугольный, крѣпко срубленный изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, бассейнъ построенный необычайно прочно и почти до краевъ наполненный осѣвшею сѣрою. Старожилы говорили, да и мѣстность это подтверждала, что тутъ былъ нѣкогда сѣрный заводъ, уничтоженный будто бы въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы. Лично мнѣ рассказывали, что когда расчищали сѣрные ключи, то находили дубовыя клинья, чурбаки и доски, обернутыя въ войлокъ, которыми были крѣпко заколочены главные источники, отъ чего вода, прегражденная въ своемъ истокѣ, просачивалась вокругъ множествомъ маленькихъ родниковъ. Очевидно, что заводъ былъ уничтоженъ за мнимымъ, т. е. искусственнымъ, уменьшеніемъ сѣрныхъ ключей. Кому это было нужно, — не знаю. Изъ бассейна бѣжала рѣчка и впадала въ Сургутъ. По отлогимъ скатамъ, въ ущельяхъ которыхъ, избитыхъ шахтами, росли разныя породы чернолѣсья, — въ живописномъ безпорядкѣ были разбросаны Калмыцкія кибитки, палатки, плетневые шалаши, и коегдѣ избушки, перевезенныя изъ ближайшихъ Чувашскихъ деревень. Помѣщики, даже изъ дальнихъ мѣстъ, начинали уже каждое лѣто съѣзжаться на воды. Никакихъ докторовъ и полицейскихъ чиновниковъ тамъ еще не было, а былъ нѣкто Петръ Андреичъ Глазовъ, Оренбургскій помѣщикъ и желѣзный заводчикъ, открывшій эти цѣлебныя источники по народной молвѣ, потому что обыватели упраздненнаго города Сергїевска и окрестные жители, по большей части

не крещеные Чуваши, не переставали лѣчиться и вылѣчиваться отъ всѣхъ болѣзней питьемъ прозрачной, холодной, какъ ледъ, сѣрной воды и купаньемъ въ ея бассейнѣ. Помѣщикъ Глазовъ, чудесно излеченный ими отъ долговременной болѣзни, сталъ посѣщать ежегодно цѣлебные источники и сдѣлался ревностнымъ распространителемъ ихъ славы, приглашая туда словесно всѣхъ знакомыхъ и, черезъ письма, даже не знакомыхъ ему людей, доказывая имъ пользу лѣченья собственнымъ примѣромъ. Онъ сдѣлался какимъ-то хозяиномъ, полицейскимъ чиновникомъ и докторомъ при Сѣрныхъ Водахъ: всякій новопрїѣзжій являлся къ Петру Андреичу, спрашивалъ, гдѣ ему разбить свой таборъ, рассказывалъ про свою болѣзнь и просилъ наставленія, какъ употреблять воду? Петръ Андреичъ отводилъ мѣста, назначалъ употребленіе цѣлебной воды, даже указывалъ, гдѣ брать дрова и откуда получать свѣтные припасы; всѣ съ уваженіемъ и благодарностью въ точности исполняли его благодѣтельные совѣты.

Болдухины имѣли на Сѣрныхъ Водахъ самую лучшую избу, которую называли дворцомъ, потому что Варвара Михайловна, женщина тучная, но болѣзненная, не смотря на отдаленность (надо было проѣхать слишкомъ триста верстъ), уже нѣсколько лѣтъ прїѣзжала туда съ мужемъ и старшими дѣтьми лѣчиться цѣлебными ключами. Въ прошедшемъ году Болдухины жили лѣто на Сѣрныхъ Водахъ. Кочевой бытъ скоро знакомитъ и сближаетъ людей, а потому и Болдухины были знакомы со всѣми.

Въ одинъ знойный, лѣтній день, когда душно было сидѣть и въ избѣ, и въ палаткѣ, и въ Калмыцкой кибиткѣ, — не смотря на то, что боковыя кошмы были подняты и воздухъ свободно проходилъ сквозь рѣшетчатые стѣнки войлочнаго шатра, семейство Болдухиныхъ сидѣло съ нѣсколькими посѣтителями въ тѣни своей избы и, не смущаясь жаромъ, готовилось пить чай, тогда еще не запрещенный докторами, потому что ихъ

не было. Вдругъ видятъ они проѣзжающіе мимо крестьянскіе роспуски, на которыхъ, на грудѣ подушекъ, покрытыхъ богатымъ ковромъ, высоко сидѣлъ большого роста, никому незнакомый, очень тучный старикъ. Видъ его поразили всѣхъ; на головѣ его была надѣта черная, пуховая шляпа съ широкими полями; длинныя, сѣдые волосы лежали по плечамъ; крупныя черты лица были выразительны; одѣтъ онъ былъ въ темный сюртукъ; въ рукахъ держалъ камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Старикъ проѣхалъ очень близко, снялъ шляпу, поклонился и, тихо удаляясь на своихъ роспускахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ долго смотрѣлъ на изумленныхъ Болдухиныхъ. Не успѣли они переговорить съ своими гостями о странномъ появленіи неизвѣстнаго старика, какъ онъ въ другой разъ проѣхалъ мимо, уже съ противоположной стороны, также поклонился, и также внимательно смотрѣлъ на всѣхъ. Нѣкоторые начали посмѣиваться надъ загадочнымъ незнакомцемъ и вторичнымъ его поклономъ; хотѣли было послать развѣдать, кто этотъ чужакъ и откуда?... какъ вдругъ, въ третій разъ показались тѣже роспуски, съ тѣмъ же высокимъ сѣдокомъ, только уже не проѣхали мимо, а поровнявшись, остановились; кучеръ слѣзъ съ передковъ и, снявъ шляпу, подошелъ прямо къ старику Болдухину, поклонился и почтительно доложилъ, что господинъ его, Флегонтъ Аванасьичъ Солобуевъ, свидѣтельствуетъ свое почтеніе и, желая познакомиться, проситъ позволенія придти къ хозяевамъ и раздѣлить бесѣду. Разумѣется, Болдухины приказали покорнѣйше просить. Подходившій кучеръ былъ одѣтъ, какъ богатый купецъ, и самъ по себѣ представлялъ великолѣпную, тучную фигуру, украшенную чудесной русой бородой. Одинъ изъ гостей вспомнилъ, что слышалъ вчера о прїѣздѣ на воды издалека какихъ-то богачей заводчиковъ Солобуевыхъ. Незнакомый старикъ не замедлилъ явиться. Съ большою важно-

стью и въ тоже время вѣжливостью, и старинными поклонами онъ отрекомендовался всему обществу и каждому порознь; подходилъ даже къ Наташѣ, спросилъ объ ея имени и просилъ полюбить старика. Новый гость усѣлся съ другими около стола, на котормъ уже кипѣлъ самоваръ, и пустился говорить безъ умолку. Онъ попросилъ позволенія закурить трубку, и великолѣпный кучеръ подаль ему богатую, пѣвковую трубку съ витымъ чубукомъ и огромный кисетъ табаку, который болѣе подходилъ на мѣшокъ или кулекъ; гость закурилъ и, попивая чай и куря безъ перемежки, въ короткое время рассказалъ всю свою исторію, со всѣми даже подробностями. Это былъ вельрѣчивый говорунъ; его рѣчь лилась, какъ плавный потокъ, имѣла въ себѣ что-то книжное и высокопарное, и въ тоже время что-то добродушное и достолюбезное. Въ непродолжительномъ времени общество узнало, что онъ старинный дворянинъ, владѣлецъ нѣсколькихъ чугунно-плавильныхъ и желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ и помѣщикъ многихъ деревень; что онъ уже 38-мъ лѣтъ женатъ на Марьѣ Васильевнѣ, урожденной Савиновой, что Богъ благословилъ его бракъ тремя дочерьми и однимъ сыномъ, которому уже 25 лѣтъ, что дочеря его выданы замужъ и что онъ пріѣхалъ лѣчиться на Сѣрныя Воды отъ одышки (которой никто у него не замѣчалъ). Хотя старикъ не поминалъ о деньгахъ; но всѣ какъ-то почувствовали, убѣдились, что у него въ сундукѣ лежатъ милліоны. Потомъ слѣдовали безконечные рассказы старика о достоинствахъ его жены и сына, о превосходномъ состояніи его заводовъ и пр. и пр. Сначала всѣ слушали со вниманіемъ и любопытствомъ; даже Наташа опускала изъ рукъ свою работу и устремляла на старика свои прекрасные глаза. Старикъ это замѣчалъ и нерѣдко обращалъ прямо къ ней свою рѣчь съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, отъ чего Наташа смущалась и, скромно по-

туляя глаза, поспѣшно принималась за работу. Наконецъ гость утомилъ и заговорилъ всѣхъ; вѣроятно онъ это замѣтилъ, всталъ, раскланялся со всѣми съ великою учтивостью, съ Наташей особенно и, выпросивъ позволеніе привести свою старуху и представить сына, ушелъ.

Болдухины поговорили сначала о новомъ знакомомъ и хотя хвалили добраго старика, однако находили, что онъ подчасъ и скучноватъ, потому что слишкомъ любитъ распространяться о своихъ заводахъ, о заводскихъ дѣлахъ, о своемъ сынкѣ, такъ что другимъ приходится молчать и слушать; поговорили, и забыли про своего вельрѣчиваго гостя. Черезъ недѣлю, возвращаясь съ Сѣрныхъ источниковъ, гдѣ Варвара Мих. пила холодную, прозрачную, какъ хрусталь, воду прямо изъ родника, и для компаніи заставляла пить Наташу, цвѣтущую свѣжестью и здоровьемъ, вздумали Болдухины, для большаго тѣлодвиженія, пройти другою, окольною дорогою. Вдругъ изъ одной новой избы, мимо которой шла дорога, прежде никому не занятой, выбѣжалъ лакей съ покорнѣйшею просьбою отъ Флегонта Аванасъича и Марьи Васильевны Солобуевыхъ, чтобъ Болдухины удостоили ихъ своимъ посѣщеніемъ. Отказаться показалось неловко, да и было совѣстно, что Василій Петровичъ забылъ отдать визитъ старику Солобуеву, а потому, хотя и не охотно, Болдухины рѣшились зайти къ новымъ посѣтителямъ водъ, а Наташу отпустили домой съ гувернанткой. Только что Болдухины начали рекомендоваться съ хозяйкой, какъ Флегонтъ Аванасъичъ хватился Наташи: онъ видѣлъ, что она шла вмѣстѣ съ отцемъ и матерью. Старикъ принялся такъ усердно просить и кланяться вмѣстѣ съ женой, чтобъ воротили Наташу, хотѣлъ самъ идти за нею, что Болдухины не могли отказать горячимъ просьбамъ хозяевъ и послали своего лакея сказать гувернанткѣ, чтобъ она съ барышней воротилась. Наташа пришла;

щеки ея отъ ходьбы разгорѣлись, и она была по истинѣ чудно хороша. Солобуевы не знали, какъ приласкаться, какъ чествовать и гдѣ посадить своихъ гостей. Явился сынъ, молодой человекъ небольшого роста, блѣдный, худой, съ какимъ-то стариковскимъ выраженіемъ въ чертахъ лица, впрочемъ весьма пріятнаго, съ какой-то лихорадочной живостью въ глазахъ и быстротой въ движеніяхъ. Онъ говорилъ принужденно и скоро, на Наташу почти не взглянулъ, и Наташа его даже не замѣтила; ея занимался съ увлеченіемъ старикъ Солобуевъ: говорилъ почтительныя похвалы и любезности, потчивалъ конфетами, мороженымъ, фруктами, которыхъ надо было доставать за сто верстъ, — и добродушная Наташа, видя къ себѣ такое вниманіе и любовь отъ старика, сердечно его полюбила. Нѣсколько разъ Болдухины собирались домой, но Солобуевы такъ усердно кланялись, такъ усердно просили "посидѣть еще немножко," что Варвара Михайловна хотя внутренно сердилась, но отказать такимъ просьбамъ не имѣла духа. Надобно признаться, что во всѣхъ этихъ учтивостяхъ и ласкахъ, угожденіяхъ и угощеніяхъ слышалось что-то купеческое и тягостное. Наконецъ Болдухины рѣшительно распрощались и ушли; старикъ Солобуевъ съ сыномъ провожали дорогихъ гостей до половины дороги, и едва упростили ихъ Болдухины, чтобъ они воротились домой. Василью Петровичу и особенно Варварѣ Михайловнѣ не понравились ни старуха, ни сынокъ: Мавра Васильевна показалась имъ безотвѣтной кучихой, а Аѳанасій Флегонтовичъ — хворымъ и невнимательнымъ вертопрахомъ; о старикѣ Солобуевѣ они отзывались благосклоннѣе, а Наташа хвалила его отъ всей души, какъ умѣла, и сказала, что она полюбила его, какъ роднаго. Дня черезъ два старики Солобуевы пріѣзжали къ Болдухинымъ шестерней въ каретѣ, а сынъ ихъ, въ одно время съ ними, — четверкой въ коляскѣ, но хозяевъ не застали дома. Такой парадъ былъ очень смѣшонъ, и

все водное населеніе смотрѣло на него какъ на забавное чудачество: на водахъ все попросту ходили другъ къ другу пѣшкомъ или ѣздили на домашнихъ дрожкахъ и долгушахъ. Старика Солобуева, съ распущенными бѣлыми волосами по плечамъ, прозвали на смѣхъ водянымъ старцемъ, и одна только Наташа огорчалась этой шуткой, очень горячо защищала и хвалила добраго старика.

Черезъ недѣлю, по какимъ-то особеннымъ, хозяйственнымъ обстоятельствамъ, Болдухины собралась въ нѣсколько часовъ и, ни съ кѣмъ не простившись, уѣхали съ Сѣрныхъ Водъ. Такъ кончилось знакомство ихъ съ Солобуевыми (\*).

Воротясь въ свое село, что было въ исходѣ іюля, Болдухины занялись своимъ деревенскимъ хозяйствомъ и совершенно забыли про богачей Солобуевыхъ, съ которыми такъ оригинально познакомились на Сергіевскихъ Водахъ. Одна Наташа сохраняла въ доброй и благодарной душѣ своей теплое и свѣжее воспоминаніе о старикѣ Солобуевѣ, Флегонтѣ Аѳанасьичѣ.

Въ продолженіи этого года красота Наташи, старшей дочери Болдухиныхъ, достигла полнаго своего блеска. Ей исполнилось 16 лѣтъ. Я не стану описывать черты ея прекраснаго лица, цвѣта ея глазъ и волосъ; скажу только, что она была такъ хороша, что всякій, увидавъ ея въ первый разъ, невольно останавливался, заглядывался на неѣ и никогда не забывалъ. Въ лицѣ Наташи было то, что гораздо выше, могущественнѣе самой красоты, это было выраженіе душевной прелести, скромности, чистоты, благородства и необыкновенной доброты. Этому выраженію нельзя было противиться; человекъ самый грубый и холодный подвергался его волшебному вліянію и, поглядѣвъ на Наташу, чувствовалъ какое-то смягченіе въ черствой душѣ своей и съ непривычной благосклонностью говорилъ: "Ну, какъ хороша дочка у Василья Петровича!," Од-

(\* Что дѣлѣ до стр. 565-й, было напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1860.

на Наташа, не то чтобы не знала, не знать было не возможно, но не цѣнила и не дорожила своей красотой; она до того была къ ней равнодушна, что никогда мысль одѣться къ лицу не приходила ей въ голову; нарядъ ея былъ небрежный, и она даже не умѣла одѣться. Наташа имѣла отъ природы здравый и свѣтлый умъ, чуждый всякой мечтательности, но нисколько не развитый ни ученьемъ, ни образованіемъ, ни обществомъ. Чему было научиться отъ старухи-гувернантки Фуасье, которая плохо знала грамотъ по французски? Какого развитія можно было ожидать отъ постоянныхъ бесѣдъ съ нею, когда ея собственное развитіе было нисколько не выше, если не ниже, развитія Еввеша, Наташиной горничной? Г-жа Болдухина, сама не получившая никакого образованія, была женщина не глупая и горячая; но она держала Наташу до сихъ поръ въ совершенномъ отдаленіи и только недавно начала приближать къ себѣ. Наташа имѣла глубоко-нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сантиментальность по инстинкту ей была противна. Доброта ея была безпредѣльна и вполне развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго не любившей ея матери. Безъ преувеличенья можно сказать, что весь домъ смотрѣлъ на неё, какъ на ангела. Во многомъ Наташа была безпечное дитя; можно было подумать, что она и останется такою. Впереди не было надежды на образованіе; но суровая школа жизни, съ мудрыми своими уроками, ждала её у порога родительскаго дома.

Прошелъ августъ, наступилъ сентябрь; всё было тихо и спокойно въ селѣ Болдухинѣ; деревенскія занятія и деревенскія удовольствія шли своей чередой. Варвара Михайловна Болдухина хозяйничала по своей части, то есть, заботилась о приготовленіи впрокъ всякихъ домашнихъ запасовъ: соленья, моченья, сушенья; много было засушено ягодъ

и грибовъ, много наварено варенья, много заготовлено разныхъ постилъ, медовыхъ и сахарныхъ на окошкахъ и лежанкахъ, много наставлено бутылей съ разноцвѣтными наливками. Хозяйство Василя Петровича было по важнѣе, по существеннѣе: давно убрались съ огромнымъ количествомъ сѣна, кончили ржаное жнитво, началась и возка ранней, лучшей ржи, дожинали яровое. Шевалье де Глейхенфельдъ и мадамъ де Фуасье усердно занимались ученьемъ дѣтей. Наташа, которую за доброту, а можетъ быть и за красоту, всё въ домѣ чуть не обожали, начиная съ мусьѣ и мадамъ до послѣдняго слуги и служанки, спокойно и беззаботно проводила время, хотя не имѣла никакой склонности къ деревенскимъ занятіямъ и удовольствіямъ, не любила даже гулять и какъ-то не умѣла восхищаться красотами природы; училась она не слишкомъ прилежно, но въ тоже время и не лѣнилась. Не думая о своей наружности, не думая никому нравиться, она, казалось, хорошѣла съ каждымъ днемъ.

Вдругъ однообразное, невозмутимое спокойствіе деревенской жизни Болдухиныхъ было возмущено слѣдующимъ обстоятельствомъ: привезли, по обыкновенію во вторникъ, письма и Московскія Вѣдомости изъ уѣзднаго городишки „Богульска“ отстоявшаго въ 45 верстахъ отъ села Болдухина. Известно, что полученіе почты весьма пріятное и даже важное событіе въ деревенской глуши. Василій Петровичъ, взявъ всё шесть полученныхъ писемъ и газеты, отправился въ спальню къ Варварѣ Михайловнѣ, чтобъ тамъ распечатать ихъ и вмѣстѣ прочесть. Варвара Михайловна, какъ женщина, была болѣе любопытна, да и характеромъ поживѣ, чѣмъ ея супругъ. Она сейчасъ перебрала всё конверты и нашла два письма, написанныя неизвѣстною рукою и запечатанныя неизвѣстными печатями, а потому захотѣла прочесть ихъ прежде другихъ писемъ. Василій Петровичъ распечаталъ одно и читалъ слѣдующее: „Милостивый государь

Василій Петровичъ и милостивая государыня Варвара Михайловна! Имѣвъ честь и удовольствіе познакомиться съ вами и любезнѣйшею дочерью вашею, Натальей Васильевной, сего текущаго года, въ прошедшемъ іюль мѣсяцѣ, на Сѣрныхъ Водахъ, мы съ Маврой Васильевной, а равно и сынъ нашъ, Аѳонасій Флегонтовичъ, по внушенію Божію, возимѣли непреложное намѣреніе достигнуть счастья, породниться съ вами. Наидостойнѣшая, наилучезнѣйшая и наипрекраснѣйшая дочь ваша, Наталья Васильевна, съ той самой поры, какъ я, старикъ, её впервые увидѣлъ, показала мнѣ Божіимъ благословеніемъ для нашего сына, о коемъ я молился и молюсь и денно и ночно Господу Богу. Старуха моя и сынъ то же ощутили, когда увидѣли Наталью Васильевну. И такъ, милостивые государи, рекомендую вамъ нашего единственнаго сына и единственнаго наслѣдника всѣхъ моихъ имѣній и капиталовъ (ибо дочери мои при замужествѣ отдѣлены и награждены; цѣнность же моего состоянія можетъ простираться до семи милліоновъ рублей) просимъ у васъ руки достолюбезнѣйшей Натальи Васильевны для нашего сына. Если Господу будетъ угодно благословить наше желаніе и получить ваше родительское согласіе, а равно и согласіе любезнѣйшей дочери вашей, то завѣряю васъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что всѣ дни живота моего будутъ направлены на то, чтобы день и ночь заботиться о томъ, чтобъ каждое желаніе Натальи Васильевны угадывать и исполнять, и всё мое счастье будетъ состоять въ томъ, чтобъ она была счастлива, въ чемъ, при помощи милосердаго Творца, надѣюсь успѣхъ получить.

На сіе письмо наше просимъ благосклонности и неукоснительнаго отвѣта. Поручая себя, мою старуху и сына нашего Аѳонасія Флегонтовича, вашему милостивому благорасположенію, съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣемъ честь быть,

—милостивые государи, вашими покорнѣйшими слугами Флегонтъ Солобуевъ. Мавра Солобуева. Аѳонасій Солобуевъ.“

Хотя сватовство къ такой красавицѣ, какъ Наташа, могло назваться дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но Болдухины были имъ озадачены и удивлены. Въ ихъ глазахъ шестнадцатилѣтняя Наташа была еще дѣвочкой, а не невѣстой. Много людей восхищалось ея красотой, но формальное предложеніе получила она въ первый разъ, да еще отъ какого богача! Они вторично прочли оригинальное письмо, и у Варвары Михайловны, несмотря на то, что богатство жениха сильно её подкупало, вырвалось нѣсколько неблагоклонныхъ отзывовъ: „Вотъ еще, говорила она; отдать дочь за пятьсотъ верстъ на чугунные заводы, въ Вятскіе лѣса. Да и женихъ какой-то хворый и никакого вниманія на Наташу не обратилъ. Это старику она понравилась, онъ её боготворить, онъ и дѣло ладить. Флегонтъ Аѳонасичъ, конечно, хорошій человекъ, ну и Мавра Васильевна добрая женщина, и конечно будутъ Наташу на рукахъ носить, а сына ихъ мы вовсе и не знаемъ...“ Нить такихъ разсужденій была прервана любопытствомъ прочесть другое неизвѣстное письмо. Василій Петровичъ распечаталъ его и читалъ слѣдующее:

„Милостивый государь Василій Петровичъ и милостивая государыня Варвара Михайловна.

Позвольте приступить къ дѣлу безъ околичностей. Вы знали моихъ покойныхъ родителей, изволите знать и меня съ сестрой съ самаго дѣтства; но до послѣдняго свиданія нашего на Сѣрныхъ Водахъ, я двѣнадцать лѣтъ не имѣлъ чести васъ видѣть. Наконецъ я увидѣлъ васъ на сѣрныхъ источникахъ: вы меня не узнали и не могли узнать. Тамъ же я увидѣлъ несравненную вашу дочь Наталью Васильевну, — и съ тѣхъ поръ благородный и прекрасный образъ ея живетъ въ моей душѣ. Внезапный



вашъ отъѣздъ съ Стрныхъ Водъ, за два дня до котораго я туда прѣхалъ, лишилъ меня возможности явиться къ вамъ, для засвидѣтельствования моего глубочайшаго почтенія. Привыкнувъ подчинять мои поступки разуму и не довѣряя прочно минутаго увлеченія, я, со всею силою воли, слишкомъ два мѣсяца предавался усиленнымъ занятіямъ, и хозяйственнымъ и умственнымъ, стараясь затмить очаровательный образъ вашей дочери; но наконецъ убѣдился, что это не возможно, что судьба моя рѣшена. Позвольте мнѣ, милостивые государи, явиться въ вашъ домъ, не только какъ сыну вашихъ старыхъ знакомыхъ, но и какъ человѣку, который ищетъ у васъ счастья своей жизни, руки вашей дочери. Вы знали меня еще мальчикомъ; Наталья Васильевна не знаетъ меня вовсе: вамъ всемъ нужно познакомиться со мною ближе. Тогда уже отъ моихъ личныхъ качествъ будетъ зависеть, признаете ли вы меня достойнымъ назваться вашимъ преданнымъ сыномъ, изберете ли Наталья Васильевна меня вѣчнымъ себѣ другомъ, который страстно полюбилъ её, съ перваго взгляда.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашимъ, милостивые государи, покорнѣйшимъ слугою *Ардальонъ Шатовъ*.“

Чтеніе втораго письма поразило Болдухиныхъ болѣе перваго. Василій Петровичъ самодовольно улыбался и наконецъ сказалъ. „Вотъ какова наша Наташа; вотъ, какъ говорится: не было ни деньги, да вдругъ алтынъ. Оба жениха отличные, только Наташа-то не похожа на невѣсту. Когда она узнаетъ о намѣреніи Ардальона Семеновича, её и въ гостиную не вытасишь.“ — „Да ей и сказывать не надо, подхватила Варвара Михайловна. Ардальонъ Семеновичъ будетъ ѣздить къ намъ, какъ къ старымъ знакомымъ.“ — „Ну а чтоже отвѣчать Солобуевымъ?“ спросилъ Василій Петровичъ. Варвара Михайловна призадумалась. Семимилліонное состояніе сильно тянуло къ себѣ обоихъ стариковъ и льсти-

ло ихъ тщеславію и любви къ богатству; да и ктоже его не любитъ? Они рѣшили не держать этого сватовства въ секретъ и даже сказать о немъ Наташѣ. Впрочемъ они отложили всякое дѣйствіе по этимъ письмамъ до тѣхъ поръ, куда обдумаютъ хорошенько, не торопясь, такое важное дѣло.

Обдумыванье было не продолжительно. На другой же день Варвара Михайловна доказала Василью Петровичу, какъ дважды два четыре, что жениховъ и сравнивать нельзя, не смотря на то, что одинъ въ семь разъ богаче другаго. „Солобуевъ, говорила Варвара Михайловна, увезетъ Наташу за пятьсотъ верстъ въ лѣсную на заводы, изъ которыхъ и день и ночь полямъ пышетъ, такъ что и смотрѣть, говорятъ, страшно; а Шатовъ намъ со сѣдъ, и ста верстъ не будетъ до его имѣнья. Онъ первый женихъ въ нашей губерніи; хозяинъ, даромъ, что молодъ. Доходу, говорятъ, получаетъ по стутысячъ: будетъ съ нихъ. Одинъ хворый, какой-то сморчекъ, а другой кровь съ молокомъ и красавецъ; у одного отецъ и мать, а другой одинъ, какъ перстъ; есть сестра, да уже и ту, говорятъ, женихи сватаютъ. Въ семью ли выходитъ подъ команду свекра и свекрови, или быть полной госпожей въ домъ?“ — Тутъ Василій Петровичъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „Ужъ это матушка не резонъ. Флегонтъ Аванасъичъ и Мавра Васильевна стали бы Наташу, какъ свѣжее яичко, на ладонкѣ носить, да и сынокъ бы никогда не посмѣлъ на неё косо взглянуть или ей поперечить. По моему, такъ при старикахъ лучше пожить: добру поучать, да и въ хозяйство введутъ“. Разумѣется, Варвара Михайловна не согласилась и утверждала, что это всему свѣту извѣстно, что никто, кромѣ Василья Петровича, не скажетъ, будто одинокій женихъ хуже семейнаго. Впрочемъ на всѣ другія причины Василій Петровичъ былъ совершенно согласенъ; а потому и были написаны два письма: къ Солобуевымъ весьма учтивое и ласковое, что покорнѣйше благодарятъ за честь, но что дочь еще

ребенокъ и о замужствѣ не думаетъ, да и сына ихъ совершенно не знаетъ; къ Шатову письмо было коротенькое: „благодаримъ за честь и милости просимъ“.

Болдухины какъ придумали, такъ и поступили. Позвали къ себѣ Наташу, и Варвара Михайловна постаралась растолковать ей, что она уже не ребенокъ, что она уже дѣвушка-невѣста, что ей надо болѣе заботиться о своей наружности, глаже причесывать свою голову, лучше одѣваться, болѣе обращать вниманія на молодыхъ людей, на ихъ съ нею обращеніе и разговоры, и самой быть осторожнѣй въ словахъ и не говорить всякій домашній вздоръ, какой придетъ въ голову, а быть со всѣми ласковой, внимательной и любезной. Встревоженная и смущенная Наташа плохо поняла первый урокъ житейской мудрости и со всею искренностью, съ дѣтскимъ простодушіемъ, отвѣчала, что она о женихахъ и думать не хочетъ, да и на ней никто жениться не думаетъ. Отецъ съ матерью переглянулись, усмѣхнулись и, чтобы убѣдить Наташу въ противномъ, прочли ей письмо Солобуевыхъ, съ разными примѣчаніями и объясненіями, разумѣется, не въ пользу Аванасью Флегонтовичу. Старики ожидали, что Наташа не захочетъ и слышать о такомъ женихѣ, который живетъ далеко, въ какихъ-то лѣсахъ, который на нее и взглянуть не хотѣлъ и котораго Варвара Михайловна не преминула назвать хворымъ и сморчкомъ. (это выраженіе ей понравилось и она его часто употребляла). Но родители были очень изумлены, когда Наташа приздумалась, прочитавъ письмо, никакого нерасположенія или непріятнаго чувства къ предложенію Солобуевыхъ не показала, а тихо и скромно промолвила, что Аванасья Флегонтовича она почти не видала, но что онъ не показался ей хворымъ и противнымъ, а, напротивъ, веселымъ человѣкомъ, и что старика Флегонта Аванасьича она такъ полюбила, что за него согласилась бы выдти замужъ.....

Болдухины расхохотались, а Наташа какъ будто огорчилась и спросила: что же отвѣчали Солобуевымъ. Ей показали отвѣтъ, и она какъ будто обрадовалась, что въ немъ не было совершеннаго отказа, и вдругъ, не много подумавъ, съ яснымъ взоромъ сказала: „Они пріѣдутъ къ намъ въ Болдухино?“ Василий Петровичъ возразилъ, что этого быть не можетъ, что никакой женихъ, не только такой богачъ, не поѣдетъ на смотръ за пятьсотъ верстъ съ тѣмъ, что, можетъ быть, ему затылокъ забрѣютъ. Наташа не поняла послѣдняго выраженія; ей объяснили; но она осталась при своемъ мнѣніи, что Флегонтъ Аванасьичъ непременно пріѣдетъ, потому что очень её любитъ и что это видно изъ письма. Старики повторили, что это совершенный вздоръ, и велѣли ей идти въ свою комнату. Наташа болѣе не противорѣчила и уходя робко попросила письмо Солобуевыхъ, желая прочесть его въ другой разъ и даже списать. Василий Петровичъ поглядѣлъ на неё съ удивленіемъ и отдалъ ей письмо.

Шатову назначено было пріѣхать черезъ недѣлю. Варвара Михайловна, которая Богъ знаетъ почему не благоволила къ Наташѣ до совершеннаго ея возраста, а съ нѣкотораго времени, также Богъ знаетъ почему, начинала её горючо любить, которая даже не замѣчала прежде необыкновенной красоты своей дочери и только узнала о ней по тому впечатлѣнію, которое Наташа стала производить на всѣхъ мужчинъ, Варвара Михайловна, послѣ двухъ предложеній отъ такихъ блестящихъ жениховъ, вдругъ почувствовала материнское тщеславіе и особенную нѣжность. Гордость имѣть такую дочь красавицу росла въ ней съ каждымъ днемъ. Она и просила и требовала, чтобы Наташа къ лицу одѣвалась, убирала голову, не горбилась, (у Наташи точно была привычка немножко горбиться, отъ чего она казалась сутуловатой); требовала вкуса, умнѣнья, охоты къ нарядамъ, — и не види ничего этого, сердилась и строго поступала съ дочерью.

Бѣдная Наташа! И красота, этотъ божественный даръ, сдѣлался для тебя тяжелымъ бременемъ, причиною огорченій и слезъ! Убѣдившись, что Наташа не изъ упрямства, а просто отъ неумѣнья не выполняетъ требованій матери, Варвара Михайловна сама принялась одѣвать и причесывать свою дочь, потому что съ молодю г-жа Болдухина имѣла расположеніе и вкусъ одѣваться къ лицу и щеголевато. Не смотря на то, что требованія Варвары Михайловны были съ одной стороны тяжелы для Наташи, Наташа была очень обрадована тѣмъ, что мать стала обращать на неѣ вниманіе. Материнскія требованія г-жи Болдухиной въ то же время сопровождались горячими ласками и такою нѣжностью, какой Наташа никогда не испытывала. Она же, напротивъ, будучи нелюбимой дочерью, страстно любила мать, и хотя по добротѣ своей не завидовала, но сердечно огорчалась, видя, какъ ея маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особенно къ братцу Петрушѣ. Наташа со слезами молилась Богу, чтобы мать еѣ также полюбила, и готова была на всякую жертву за одно нѣжное слово своей матери.

Само собою разумѣется, что въ послѣднюю недѣлю, передъ прїѣздомъ Ардальона Семеновича Шатова, Варвара Михайловна муштровала Наташу уже отъ утра до вечера. Каждый день она заставляла еѣ одѣваться нарядно, какъ бы ожидая гостей или выѣзжая въ гости. Наташа удивлялась и ужасно скучала такимъ принужденіемъ. Она думала избавиться въ деревнѣ отъ вытяжки и корсетовъ, думала отдохнуть отъ Сѣрныхъ Водъ, и точно начинала отдыхать, какъ вдругъ проклятые наряды пошли въ ходъ больше, чѣмъ на Сѣрныхъ Водахъ! Въ цѣломъ домѣ происходило общее, хотя не суетливое, охорашиванье, привариванье, такъ сказать: чище мели комнаты, старательнѣе снимали съ потолковъ паутины, чище стирали пыль съ мебели краснаго дерева, натертой во-

скомъ; опрятнѣе одѣвались лакеи и горничныя; подсвѣчники и люстры были вымыты, намазаны чѣмъ-то бѣлымъ и потомъ вычищены. Такое незаконное нарушеніе патріархальной деревенской безопасности не могло не обратить на себя вниманіе прислуги и самой Наташи. Ничего не зная, она и всѣ въ домѣ стали кого-то или чего-то ждать. Наконецъ въ назначенный день, часа за два передъ обѣдомъ, прїѣхалъ Шатовъ въ щегольской коляскѣ на шестернѣхъ гнѣдопѣгихъ, славныхъ лошадей. Въ этотъ день уже съ раннего утра знала лакейская, дѣвичья и вся дворня, что прїѣдутъ какіе-то важные гости, потому что барыня заказала повару такой столъ, какой готовился для гостей только перваго разбора; когда же подкатила къ крыльцу коляска Шатова, всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Это женихъ прїѣхалъ“.

Ардальонъ Семенычъ Шатовъ былъ весьма не дюжинный молодой человекъ. Хотя онъ пробылъ въ губернской гимназіи только одинъ годъ, но считался тамъ лучшимъ ученикомъ въ среднихъ классахъ. Отъ чего взяли его такъ скоро, неизвѣстно. Зато онъ получилъ хорошее домашнее образованіе; у нихъ въ домѣ жилъ учитель, и теперь продолжалъ жить уже другомъ, одинъ Малороссійнинъ, очень умный и научно образованный человекъ. Разумѣется ученость его была весьма односторонняя, какъ у всѣхъ Кіевскихъ бурсаковъ. Какимъ образомъ судьба занесла его съ юга Россіи на сѣверо-востокъ, не знаю; но безъ сомнѣнія попалъ онъ сюда не по доброй волѣ. Властолюбивый бурсакъ, еще при жизни старика-Шатова, сдѣлался оракуломъ въ домѣ; а по кончинѣ его, сталъ уже полновластнымъ господиномъ. Жить ему было очень привольно: кромѣ всякихъ существенныхъ выгодъ и удобствъ (а онъ любилъ хорошо покусать и выпить стаканъ стараго вина), онъ могъ удовлетворять вполнѣ своей духовной, высшей потребности, могъ выписывать книгъ, сколько угодно. Много лѣтъ проживъ въ бѣдности, онъ былъ лишенъ возможности слѣдить за ходомъ

и успѣхами просвѣщенія, а потому дорого цѣнила умственное наслажденіе, которос доставляла ему библіотека, собираемая имъ для молодого Шатова. Онъ былъ либераль, вольтерьянецъ по тогдашнему выраженію; философы осьмнадцатаго столѣтія были его единственными божествами. Съ полною добросовѣстностью наставникъ передалъ своему питомцу всѣ свои знанія, всѣ убѣжденія и вѣрованія; какъ упрямый Малороссъ, онъ старался преимущественно развить въ Ардальонѣ (такъ звалъ онъ своего воспитанника и теперь) *силу воли*, ошибочно или нѣтъ предполагая, что ея мало въ флегматическомъ ребенкѣ, — и онъ успѣлъ въ томъ. Какъ только доросъ Ардальонъ лѣтъ до 19 ти, онъ началъ проявлять силу воли, не всегда слушаясь своего наставника и даже посягая иногда умысленно ему на перекоръ, хотя былъ очень къ нему привязанъ. Такъ на примѣръ: наставникъ, любя, одобряя и поощряя въ другихъ ружейную охоту, ненавидѣлъ псовую, не могъ видѣть борзой собаки; а воспитанникъ, будучи въ тоже время страстнымъ стрѣлкомъ, завелъ огромную псарню и наполнилъ домъ долгорылыми псами, противными его воспитателю. Подобныхъ доказательствъ воли, или лучше сказать претензіи на силу воли, было много, но для насъ довольно и одного доказательства: Малороссъ сначала хотѣлъ было повернуть дѣломъ круто, вздумалъ было разстаться съ своимъ Телемакомъ, поугаать его; но Телемакъ очень равнодушно принялъ такое намѣреніе разсердиться и, позвавъ человѣка, приказалъ готовить экипажъ для своего Ментора. Разлука была для обоихъ слишкомъ тяжела. Пошли переговоры, соглашенія, уступки, и дѣло кончилось тѣмъ, что Менторъ остался жить у Телемака уже не въ качествѣ наставника, а совершенно равнаго ему пріятели, не имѣющаго никакаго вліянія на образъ его жизни. Въ такомъ положеніи жили они очень дружески въ настоящую минуту. Разумѣется, что Ардальонъ свысока постривалъ на окружающее его общество — невѣждъ помѣщиковъ и чиновниковъ, ко-

торое, должно признаться, всегда было гораздо ниже его. Это развило въ немъ, вѣроятно, природную склонность къ резонерству: сентенція, наставленіе, сейчасъ являлись у него на языкъ; а какъ всё это дѣлалось не живо, не было горячимъ задушевнымъ увлеченіемъ, то и было скучно. Ардальонъ Семенычъ, будучи скрытенъ отъ природы, начитался въ какомъ-то Швейцарскомъ философѣ, что разумный человѣкъ не долженъ раскрывать внутренность души своей передъ невѣжественной толпою, а напротивъ, долженъ согласоваться наружно со взглядами и убѣжденіями окружающихъ его людей; а потому онъ сознательно, законно, позволялъ себѣ надѣвать въ обществѣ довольно разнохарактерныя маски, не дѣлаясь чрезъ то обманщикомъ и лицемеромъ, и напротивъ, оставался правдивымъ, честнымъ человѣкомъ, всегда вѣрнымъ своему слову. Онъ даже говаривалъ: „Маска не измѣняетъ лица, актеръ не дѣлается плутомъ, играя роли мошенниковъ.“ Управляясь вотъ такими-то афоризмами, Ардальонъ Семенычъ переломалъ, такъ сказать, всю свою природу, и у него невозможно было различить, что выходило изъ души и что изъ головы. Влюбясь съ перваго взгляда, какъ говорится, по уши въ Наташу, и построив уже планъ воспитать или, если понадобится, перевоспитать её по своему, явился онъ въ Болдухино. Надобно сказать, что было особенное обстоятельство, которое много способствовало обаятельному впечатлѣнію, произведенному красотою Наташи на сердце Ардальона Семеныча. Пріѣхавъ на Сѣрныя Воды, онъ на другой же день, вмѣстѣ съ своими пріятели, пошелъ посмотрѣть, какъ приходятъ Сѣрноводскіе посѣтители и посѣтительницы на водопой (по выраженію молодыхъ насмѣшниковъ), къ цѣлебнымъ источникамъ и пьютъ холодную, какъ ледъ и прозрачную, какъ кристалъ, но вонючую сѣрную струю. Въ самое это время пришла туда же г-жа Болдухина съ мужемъ и съ дочерью. Шатовъ пораженный красотою дѣвушки, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ, устремилъ

внимательные взоры на каждое ея движеніе; Варвара Михайловна, выкушавъ свои четыре стакана сѣрной воды, подала стаканъ дочери. Наташа, замѣтивъ, что стоящіе возлѣ нихъ молодые люди внимательно глядятъ на неѣ, и сообразивъ, что они вѣрно будутъ смѣяться и говорить: „зачѣмъ такая здоровая дѣвушка пьетъ такую гадость,“ осмѣлилась тихимъ голосомъ сказать матери: „Позвольте мнѣ сегодня не пить воды!“ Но г-жа Болдухина строго на неѣ взглянула и сказала: „Пей!“ Наташа съ ангельской кротостью, безъ малѣйшаго признака неудовольствія, взяла стаканъ, наклонилась къ источнику и выпила два стакана не поморщась (хотя вода была ей очень противна) и съ спокойной веселостью пошла за своей матерью. Шатовъ всё замѣтилъ, всё слышалъ; онъ былъ плѣненъ, очарованъ и вывелъ справедливое заключеніе, что эта безподобная красавица въ тоже время олицетворенная кротость и благодать.

Нервымъ дѣломъ Ардальона Семеныча было — понравиться старикамъ, и это было не трудно. Красавецъ собой, степенный не по лѣтамъ, разсуждающій обо всемъ скромно, разумно, горящій плавно и складно; съ уваженіемъ относившійся къ стариннымъ обычаямъ, нравамъ, вѣрованіямъ и даже предразсудкамъ, молодой человѣкъ въ нѣсколько часовъ привелъ въ восхищеніе Болдухиныхъ. Такого жениха Наташѣ, такого зятя имъ во всѣхъ отношеніяхъ нельзя было выдумать. Узнавъ, что Наташа не знаетъ объ его предложеніи, Ардальонъ Семенычъ просилъ не говорить ей ни слова до его отъѣзда. Онъ хотѣлъ, чтобы первое впечатлѣніе молодой дѣвушки было совершенно свободно: Шатовъ надѣялся понравиться также и Наташѣ; но это было не такъ легко, какъ онъ думалъ. Во первыхъ потому, что для Наташи всякое новое знакомство, сопровождаемое принужденіемъ, было тягостно; во вторыхъ, мать такъ шумно хлопотала о ея нарядѣ, особенно о прическѣ волосъ, съ которыми наша красавица никогда не умѣла сладить, такъ сердилась на горничную

барышни, очень любимую ею Евъешу, что Наташа почувствовала досаду на гостя, для котораго, очевидно, подняты были всѣ эти требованія, шумъ и хлопоты; въ третихъ, г-жа Болдухина неумѣла скрыть своего радостнаго волненія, до того хвалила пріѣзжаго гостя и особенно его краснорѣчіе, что робкой Наташѣ, которая искренно признавала себя за простую деревенскую барышню, сдѣлалось какъ то неловко и даже страшно явиться на смотръ и на судъ такого умника и краснорѣчиваго говоруна. Подѣлать было нечего, и Наташа за часъ до обѣда вышла въ гостиную. Шатовъ привѣтствовалъ еѣ почтительнымъ поклономъ и такимъ взглядомъ, который объяснилъ бы всё дѣло, еслибъ Наташа не была такъ невинна. Взглядъ этотъ однако смутилъ еѣ и смутилъ непріятно. Гость сначала продолжалъ разговаривать съ стариками, иногда посматривая на Наташу, которая съ любопытствомъ и вниманіемъ устремила на него свои чудные глаза и слушала его плавныя рѣчи; отъ каждаго взгляда молодого человѣка она краснѣла, опускала глаза и начинала внимательно разсматривать свои руки, которыя у ней были не такъ хороши и не сохранены отъ воздуха и солнца. Красота Наташи съ каждымъ мгновениемъ сильнѣе и сильнѣе очаровывала Шатова; онъ наконецъ поддался непреодолимому влеченію и устремилъ на дѣвушку уже не отрывающіеся взоры и заговорилъ съ нею, къ собственному его удивленію, весьма нетвердымъ голосомъ и совсѣмъ не такъ складно и свободно, какъ онъ говаривалъ всегда. Наташа была неразговорчива съ незнакомыми людьми и всегда нѣсколько застѣнчива; теперь же она была особенно смущена, а потому отвѣты ея были самые односложные: по большей части да или нѣтъ, хочу или не хочу, люблю или не люблю. Шатовъ ободрился. Рѣчь его полилась полной рѣчкой, и это были уже не пошлые вопросы: какъ вы проводите время, много ли гуляете, не скучаете ли деревенской жизнью? Тутъ уже выражалось его

собственное возрѣніе на общество, на отношенія молодой дѣвицы къ окружающей еѣ средѣ, на впечатлѣнія деревенской природы, которыя такъ благодатно ложатся на молодое сердце, на необходимость образованія и чтенія и пр. и пр. Наташа многое неясно понимала, потому что много было употреблено выраженій книжныхъ или литературныхъ, которыхъ она и не слыхивала; она инстинктивно почувствовала только, что ей читаютъ какую-то проповѣдь; ей стало скучно, и она очень обрадовалась, когда старый буфешникъ, какъ звалъ его Морсъ Иванычъ, доложилъ, что кушанье поставлено. Гость подалъ руку хозяйкѣ, которая посадила его подлѣ себя. За столомъ помѣстились нѣсколько человѣкъ дѣтей постарше, Мадамъ де Фуасье и Шевалье де Глейхенфельдъ. Наташа стрекнула было подъ защиту своей гувернантки, возлѣ которой всегда сидѣла за обѣдомъ, но мать глазами указала ей мѣсто подлѣ себя, прямо противъ пріѣзжаго гостя. Робкая, застѣнчивая Наташа смутилась и покраснѣла до ушей. Во первыхъ, она никогда на этомъ мѣстѣ не саживала, а во вторыхъ, — сидѣть противъ молодаго человѣка, пріѣхавшаго въ первый разъ, никому неизвѣстнаго, который безпрестанно смотритъ на неѣ какими-то странными глазами, и который непременно будетъ съ ней разговаривать, а она не будетъ знать что и отвѣчать ему, — всё это вмѣстѣ казалось Наташѣ чѣмъ-то даже страшнымъ. Она очень знала, что ея перемѣщеніе съ обыкновеннаго мѣста возбудитъ общее вниманіе, толки, догадки, насмѣшки. Нечаянно взглянула она на Морица Иваныча, и его лукавая улыбка окончательно ее сконфузила; она такъ растерялась, что готова была заплакать и убѣжать; но страхъ прогнѣвать мать, которая бросала на нее выразительные взгляды, преодолѣлъ всѣ другія чувства, и Наташа овладѣла собой. По счастью Шатовъ, какъ видно съ дороги очень проголодавшійся, сначала исключительно занялся первыми блюдами и только односложными словами отвѣчалъ на пот-

чиванье г-жи Болдухиной. Наташа рѣшилась послѣдовать его примѣру и во все не чувствуя аппетита, забывъ всѣ свои привереды въ выборѣ пищи (вкусъ у нея былъ весьма исключительный), принялась кушать даже тѣ блюда, которыхъ она никогда не ѣла. Разумѣется, всѣ свое это замѣтили, улыбались и даже перешептывались. Румяный гость раскраснѣлся еще больше и, удовлетворивъ своему аппетиту, пустился разговаривать сначала съ стариками, а потомъ и съ Наташей; но по счастью разговоръ вертѣлся около предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, и обѣдъ прошелъ благополучно. Наташа проворно ускользнула въ свою комнату и наконецъ вздохнула свободно; но не на долго: пришла Мадамъ де Фуасье съ своими вопросами, догадками и объясненіями. Гувернантка была въ восхищеніи отъ молодаго человѣка, хотя онъ ни одного слова не сказалъ по французски, а по русски она ни слова не понимала. Наташа однако начала догадываться, о чемъ идетъ дѣло; но не успѣла она высказать своей гувернанткѣ, отъ чего молодой гость ей не нравится, какъ прибѣжала маленькая ея сестра и принесла приказаніе матери, чтобы Наташа пришла въ гостиную. Наташа повиновалась безъ ропота и пошла ту же минуту, но еще съ большей неохотой и нерасположеніемъ къ гостю, чѣмъ до обѣда. Шатовъ встрѣтилъ молодую дѣвушку уже съ полною свободой, какъ знакомую, сѣлъ подлѣ нея и пустился въ разговоры, въ которыхъ уже не было вывѣдываній и вопросовъ: что думаетъ Наташа о томъ-то, какъ смотритъ она на то-то?... Шатовъ высказывалъ себя, свои взгляды, свои понятія, стараясь объяснить, отчего они такъ часто находятся въ прямомъ противорѣчій со взглядами и мнѣніями, принятыми въ обществѣ, и попрежнему Наташѣ многое было непонятно и всё вообще скучно. Она очень любила общество, любила разговоры людей веселыхъ и живыхъ, любила шутки и смѣхъ, любила, чтобъ еѣ заставляли хототать, а не задумывать-ся, любила простыя рѣчи о вещахъ ей

доступныхъ; а Шатовъ говорилъ протяжно, плавно, послѣдовательно, очень складно и умно или по крайней мѣрѣ разсудительно; но за то безжизненно, вяло, утомительно и безпрестанно сбивался на книжные, отвлеченные предметы. Однимъ словомъ: нечему было улыбнуться, и онъ надѣлалъ Наташѣ.

Жаркій, настоящій лѣтній день, не смотря на исходъ августа, переходилъ въ освѣжительный вечеръ. Всѣ семейство собралось гулять. Молодой человекъ предложилъ руку Наташѣ; она изумилась, взглянула на мать и, прочитавъ въ ея глазахъ согласіе, подала свою руку. Но лишь только вышли они въ садъ, Шатовъ попросилъ позволенія воротиться: онъ вспомнилъ, что ему надобно переменить сапоги, надѣть сюртукъ и калоши и заткнуть свои уши хлопчатой бумагой... Ну чтобы, казалось, тутъ за преступленіе? Что за важность, что за бѣда? Шатовъ за нѣсколько мѣсяцевъ вытерпѣлъ жестокую нервную горячку и боялся простуды отъ вечерняго воздуха, а притомъ мѣстоположеніе Болдухина было довольно сырое. Правда, воздухъ былъ еще зноенъ, и все общество, старики, старухи и дѣти пошли гулять въ тѣхъ же платьяхъ, какія на нихъ были, радунсь прохлаждѣ; правда, Наташа шла съ открытой шей и съ голыми руками, въ самыхъ тоненькихъ башмачкахъ; правда, было немного смѣшно смотрѣть на румянаго, полного, пышущаго здоровьемъ Шатова, который, ведя подъ руку дѣвушку, въ своемъ толстомъ сюртукѣ и толстыхъ калошахъ, потѣлъ и пыхтѣлъ, походилъ на какого-то медвѣдя, у котораго, въ добавокъ ко всему, торчали изъ ушей клочья хлопчатой бумаги... но все же тутъ нѣтъ никакого преступленія; но не такъ думаютъ молодые дѣвушки, гораздо постарше Наташи, а слѣдовательно и поразсудительнѣе. И Наташа думала не такъ: въ глазахъ ея Шатовъ погибъ невозвратно. Онъ показался ей чудякомъ, трусомъ, который только и заботится о себѣ, боится простудить ноги и уши въ жаркую

погоду, беспокоится о своемъ здоровьѣ, когда самъ здоровъ, какъ быкъ, который любить только себя, а другихъ и любить не можетъ, который не могъ забыть о своихъ калошахъ и хлопчатой бумагѣ, въ первый разъ ведя за руку дѣвушку, повидимому имѣя страстно любимую (Наташа догадалась уже, что Шатовъ влюбленъ въ нее). Она оглянулась на всѣхъ, и всѣ, кромѣ отца и матери, не могли удержаться отъ смѣха, глазами указывая на ея смѣшнаго кавалера, а кто смѣшонъ не смѣша, тотъ конечно не понравится молодой дѣвушкѣ.

Я не стану слѣдить за всеми подробностями, за всею послѣдовательностью этихъ мелкихъ впечатлѣній, которыя въ массѣ производятъ самое сильное, самое прочное дѣйствіе; съ нимъ не могутъ сравниться никакія поразительныя явленія, производящія повидимому сильный эффектъ. Такъ мелкій, но постоянный дождь гораздо глубже увлажняетъ почву, нежели ливень, мгновенно набѣжавшій, мгновенно пролетѣвшій. Я скажу только, что послѣ прогулки, вечерняго чая и ужина Наташа была уже вся проникнута полнымъ нерасположеніемъ къ Шатову, способнымъ дойти до отвращенія. Заужиномъ она сидѣла, какъ на иголкахъ, ничего не могла ѣсть, и сердечное безпокойство выражалось на ея прекрасномъ лицѣ. Вставъ изъ-за стола, она упростила мать отпустить еѣ съ дежурства изъ гостиной, говоря, что у ней разболѣлась голова; мать позволила ей уйти, но Шатовъ просидѣлъ съ хозяевами еще часа полтора, проникнутый и разогрѣтый чувствомъ искренней любви, оживившей его нѣсколько апатичный умъ и медленную рѣчь; онъ говорилъ живо, увлекательно, даже тепло, и совершенно плѣнилъ Болдухиныхъ, особенно Варвару Михайловну которая, когда Ардальонъ Семенычъ ушелъ, нѣсколько времени не находила словъ достойно восхвалять своего гостя и восполняя этотъ недостатокъ выразительными жестами, къ которымъ только въ крайности прибѣгала. Послѣ короткаго

разговора съ своимъ супругомъ о томъ, что Наташа догадалась и что надобно съ нею переговорить о всемъ откровенно, она пошла въ комнату Наташи и види, что она еще не спитъ, позвала её къ себѣ въ спальню. Наташа немедленно одѣлась и пришла къ матери. Она предчувствовала, что разговоръ будетъ объ Шатовѣ и затруднилась, какъ отвѣчать, если мать спроситъ: „Нравится ли онъ ей?“ Она хорошо уже поняла, что отцу и матери Ардальонъ Семенычъ очень нравится. Наташа съ робостью переступила высокій порогъ въ комнату своей матери. Варвара Михайловна, не скинувъ даже чепчика и шали, съ какою торжественностью сѣдла въ креслахъ, ожидая съ видимымъ нетерпѣніемъ дочери. Лишь только вошла Наташа, Варвара Михайловна бросилась ей на встрѣчу, съ горячностью обняла и со слезами принялась цѣловать голову милой своей дочери, лаская её нѣжными словами, столь краснорѣчивыми въ устахъ матери. Вслѣдъ за такимъ вступленіемъ полились восторженные рѣчи, содержаніемъ которыхъ была пламенная радость матери, что такой рѣдкій молодой человекъ, какъ Ардальонъ Семенычъ, осыпанный отъ Бога всѣми дарами, страстно полюбилъ Наташу и проситъ ея руки. Варвара Михайловна не забыла, но не могла сдержать своего обѣщанія не объясняться съ дочерью до отъѣзда Шатова, это мы уже знали; впрочемъ она помнила объ этомъ, и потому, исполняя отчасти обѣщанное, не спрашивать невѣсту: нравится ли ей женихъ? она описывала только яркими красками будущее ихъ счастье и заключила тѣмъ, что она сама будетъ тогда совершенно счастлива, когда ея милая, добрая Наташа сдѣлается женою Ардальона Семеныча. Растроенная до глубины души, робко, но всегда страстно любившая свою мать, Наташа пришла въ безумный восторгъ отъ одной мысли, что отъ нея зависитъ счастье матери, матери, для которой она была готова пожертвовать даже жизнью. Наташа мгновенно забыла всѣ неприят-

ныя впечатлѣнія, произведенныя на ней молодымъ Шатовымъ; въ эту минуту она не понимала, не чувствовала ихъ и съ радостнымъ увлеченіемъ, осыпая поцѣлунми и обливая слезами руки своей матери, твердымъ голосомъ сказала: „успокойтесь, милая маменька, вы будете счастливы: я согласна, я желаю выйти замужъ за Ардальона Семеныча!“ Варвара Михайловна не удивилась такому скорому согласію своей дочери; ей въ голову не входило, чтобъ Шатовъ могъ не понравиться Наташѣ; но тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась и еще съ большею горячностью, еще съ большей нѣжностью прижала къ сердцу свою милую дочь. Перешолненная счастьемъ душа матери почувствовала потребность, необходимость молитвы. Варвара Михайловна растворила кивотъ съ богатыми образами, передъ которыми день и ночь теплились три лампады, стала вмѣстѣ съ Наташей на колѣни и успокоила свое взволнованное сердце сладкими, тихими слезами благодарности къ Богу. Наташа также радостно молилась, и никакая тѣнь сомнѣнія не мелькала въ ея головѣ. Въ эту минуту вошелъ Василій Петровичъ, котораго задержали какія-то домашнія, хозяйственныя распоряженія и дѣла. Онъ сначала удивился неожиданному зрѣлищу, но Варвара Михайловна успѣшила рассказать ему всё, и добрый старикъ, также очень полюбившій Шатова и также обрадованный согласіемъ дочери, также искренно помолился вмѣстѣ съ ними. Варвара Михайловна, утомленная сильнымъ, хоть и радостнымъ волненіемъ, замѣтя, что и Наташа какъ то перемѣнилась въ лицѣ и, вспомнивъ про ея головную боль, успѣшила приказать ей протеретьсь съ отцемъ и идти спать. Старикъ поцѣловалъ и перекрестилъ Наташу съ особеннымъ чувствомъ. Варвара Михайловна сама проводила свою дочь въ ея тѣсную, дѣвичью комнату, заставила при себѣ лечь въ постель, сама повязала на ночь ея чудную головку пестренькимъ платочкомъ, который шелъ Наташѣ къ лицу лучше



всякой великолѣпной головной уборки. Варвара Михайловна была поражена красотой своей дочери, какъ будто въ первый разъ её разглядѣла, какъ будто въ первый разъ увидѣла въ ночномъ пестренькомъ платочкѣ. Она вновь расцѣловала свою красавицу, перекрестила её уже въ третій или четвертый разъ, и наконецъ ушла счастливая мать... Полная радостнаго чувства дочерней любви, кромѣ этого чувства всё позабывшая, скоро уснула и счастливая дочь.

На другой день по утру и мать и дочь проснулись рано. Варвара Михайловна, вспомнивъ случившееся, пришла еще въ бѣльшее восхищеніе, чѣмъ вчера. Отдалившись отъ событія нѣсколькими часами сна, который въ такихъ случаяхъ важнѣе дней, проведенныхъ въ бдѣніи, благодѣтельнаго сна, умирившаго ея мысли и чувства, она яснѣе, сознательнѣе взглянула на настоящее свое положеніе и глубже почувствовала будущее. И, Боже мой, какими радужными цвѣтами засверкало оно передъ ней!.... Вполнѣ увѣренная въ счастіи своей дочери, передъ которою въ глубинѣ души признавала себя виноватою, удивляясь, не понимая, какъ она до сихъ поръ такъ мало цѣнила и красоту, и ангельскую доброту, и безграничную дочернюю любовь своей Наташи, — она почувствовала сама такую нѣжность и любовь къ ней, которая мгновенно овладѣла всѣмъ ея существомъ, передъ которою поблѣднѣли всѣ ея другія желанія и привязанности, всѣ горячія увлеченія. Слезы раскаянья брызнули изъ ея глазъ, и она снова обратилась къ молитвѣ, и снова нашла въ ней отрадное успокоеніе. — Между тѣмъ проснулся и Василій Петровичъ. Онъ также радостно припомнилъ вчерашній вечеръ, согласіе Наташи и на этотъ разъ искренно раздѣлялъ всѣ благопріятныя надежды легко заносившейся въ нихъ до излишества Варвары Михайловны. Поговоривъ весело о приданомъ, которое по молодости Наташи не было приготовлено и за которымъ надобно было ѣхать или посы-

лать въ Москву, объ отдѣлѣ дочери и устройствѣ особой деревни, имѣющей состоять изъ 250 душъ, о времени, когда удобнѣе будетъ сыграть свадьбу, Болдухины пришли къ тому, какъ теперь поступить съ Шатовымъ, которому дано слово не говорить съ дочерью объ его намѣреніи до его отъѣзда. Варвара Михайловна хотѣла скрыть отъ него объясненіе съ Наташей и оставить его въ заблужденіи, что она ничего не знаетъ; но Василій Петровичъ рѣшительно воспротивился тому, утверждая, что надобно поступить съ женихомъ честно и откровенно и сказать ему всю правду. „Теперь обстоятельства перемѣнились, говорилъ онъ; Наташа не можетъ смѣтрѣть на Ардальона Семеныча, зная его намѣренія, какъ на обыкновеннаго знакомаго. Да и глупы мы были, предполагая, что она не догадается. Съ первой минуты весь домъ догадался. Когда это бывало, чтобъ молоденькую барышню отрывали отъ ученія изъ класной и заставляли сидѣть съ молодымъ человѣкомъ въ гостиной. Вѣдь это надобно вести совсѣмъ другимъ порядкомъ, тогда бы и вчерашняго объясненія не было. Впрочемъ дѣло ужъ сдѣлано, и худаго тутъ ничего нѣтъ.“ Варвара Михайловна чувствовала справедливость словъ Василія Петровича и согласилась съ нимъ безпрекословно. Впрочемъ, когда онъ говорилъ рѣшительно, она не смѣла противорѣчить.

Комнатка Наташи горѣла яркими лучами недавно взошедшаго солнца; проснувшись, Наташа удивилась такому блеску и свѣту, потому что обыкновенно просыпалась позднѣе, когда солнышко уходило уже за уголъ дома и только вкось освѣщало единственное ея окно, никогда не закрываемое ставнемъ. Первою мыслью Наташи была мать, мать счастливая ея согласіемъ выйти за мужъ за Ардальона Семеныча. Эта мысль также озарила веселымъ свѣтомъ ея душу, какъ солнце озаряло ея комнатку. Она вспомнила всѣ выраженія материнской горячности, нѣжныя ласки и сло-

ва, радостныя слезы, глаза устремленныя съ любовью на дочь и благодарныя молитвы къ Богу. За нѣсколько мѣсяцевъ, смѣла ли она мечтать о такомъ сближеніи съ матерью, о такой ея любви, о возможности доказать ей свою дѣтскую, безграничную любовь и такимъ доказательствомъ осчастливить обожаемую мать! Одно чувство благодарности къ Богу за обращеніе материнскаго сердца, пламенное желаніе быть достойной ея любви и теплая молитва сохранить эту любовь на всегда!

Въ такомъ-то настроеніи духа увидѣлись мать съ дочерью. Наташѣ давно хотѣлось обнять свою маменьку; только безъ зова она не смѣла еще придти; но Варвара Михайловна ее заставила еѣ долго дожидаться: переговоривъ и условившись во всемъ съ Васильемъ Петровичемъ, она сама пришла къ дочери, и при первомъ взглядѣ онѣ прочли въ глазахъ другъ друга взаимныя чувства и желанія. Между родителями рѣшено было такъ: Варвара Михайловна скажетъ Ардальону Семенычу, что Наташа знаетъ объ его намѣреніи, а потому по своей неопытности, несвѣтскости (которую Шатовъ цѣнилъ очень высоко) и по своей застѣнчивости она не въ силахъ будетъ скрыть своего смущенія при встрѣчѣ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ ищущимъ ея руки, и что потому онъ увидитъ большую перемѣну въ ея обращеніи. Разумѣется, было положено умолчать объ согласіи невѣсты. Къ удивленію Варвары Михайловны, Наташа сказала: „Я не знаю, милая маменька, почему бы не сказать Ардальону Семенычу, если онъ будетъ спрашивать: какъ я приняла его предложеніе? что я на него согласна!“ Варвара Михайловна возразила, что это будетъ уже слишкомъ поспѣшно и что надобно *поддержаться*. Разумѣется, Наташа не настаивала.

Г-жа Болдухива, принарядившись, какъ слѣдуетъ, чего она никогда не забывала, вышла въ гостиную кушать чай. Василій Петровичъ, уходявшій осматривать какія-то домашнія работы, скоро къ ней

присоединился, а въ непродолжительномъ времени явился и Шатовъ. Варвара Михайловна, напоивъ его чаемъ и кофеемъ съ жирными сливками и пѣнками, накормивъ сухарями и кренделями, распросивъ хорошо ли онъ спалъ, не простудился ли вчера и пр. и пр., круто повернула разговоръ и сказала ему немедленно, что Наташа уже знаетъ все, что она сама догадалась и скрывать отъ нея сдѣлалось невозможно. Ардальонъ Семенычъ, не давъ ей распространиться въ подробностяхъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ, что онъ самъ еще вчера понялъ невозможность оставаться въ секретѣ его намѣренію; что конечно нельзя и не должно было матери отвѣчать ложью на вопросъ дочери. Онъ поблагодарилъ однако за откровенное сообщеніе ему этого обстоятельства и прибавилъ, что очень хорошо чувствуетъ, какъ должна смутиться теперь при его видѣ невинная, скромная и очаровательная Наталья Васильевна. Онъ изъяснилъ даже готовность въ этотъ день менѣе смущать еѣ своимъ присутствіемъ и особенно своими разговорами. Всѣ это было принято Варварой Михайловной съ восторгомъ и было ею сейчасъ нересказано Наташѣ; она выслушала слова Шатова съ удовольствіемъ и благодарностью за вниманіе къ ея положенію.

Шатовъ предложилъ Василью Петровичу осмотрѣть его хозяйственные заведенія и даже полевыя работы. Болдухинъ былъ очень доволенъ и сначала повелъ своего гостя въ столярную, въ экипажную, на конный дворъ, а потомъ повезъ его въ поле. До самаго обѣда Варвара Михайловна и Наташа не раставались и всѣ разговаривали, и чѣмъ больше онѣ говорили, чѣмъ больше открывали свои чувства, чѣмъ больше узнавали другъ друга (потому что до сихъ поръ знали очень мало), тѣмъ сильнѣе росла взаимная ихъ любовь, росла не по днямъ, а по часамъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ (такъ говоритъ народная сказка), и выросла эта любовь до громаднхъ размѣровъ.

Нужно ли говорить, что Варвара Михайловна не пропустила случая представить Шатова въ такомъ великолѣпномъ и плѣнительномъ видѣ, что Наташа, увлеченная искреннимъ увлеченіемъ матери, думала наконецъ только объ одномъ: нельзя ли сегодня же выдти за мужъ за Ардальона Семеныча? Но Варвара Михайловна, напротивъ, ежеминутно открывая въ своей дочери драгоценнѣйшія качества и сердца, и права, и здраваго ума, котораго и не подозрѣвала, и видя въ тоже время ея дѣтскую невинность, ея совершенное непониманіе важности дѣла, къ которому готова была приступить, Варвара Михайловна думала о другомъ: какъ бы оттянуть свадьбу на годъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ женихъ прежде вполне узналъ и оцѣнилъ, какое сокровище получаетъ.

Къ самому обѣду воротились Василій Петровичъ и Ардальонъ Семенычъ. Варвара Михайловна съ Наташей, со всѣмъ семействомъ, съ мусье и мадамой, ожидали ихъ уже въ гостиной. Шатовъ, послѣ любезнаго привѣтствія Наташѣ, сдѣланнаго очень свободно, не обратившаго на неѣ ничьего вниманія и нисколько еѣ не смутившаго, прикинулся совершенно погруженнымъ въ хозяйство Василья Петровича, которое только что осматривалъ; онъ показалъ себя знатокомъ дѣла; замѣчалъ кое-какіе недостатки, упущенія, предлагалъ возможность улучшеній, и въ тоже время такъ искусно хвалилъ всё остальное, что Василій Петровичъ оставался совершенно довольнымъ, не могъ надивиться хозяйственнымъ практическимъ свѣдѣніямъ молодаго человѣка и повторялъ про себя любимую свою поговорку: „Ну, изъ молодыхъ, да ранній!“ Обѣдъ прошелъ очень весело, гость занималъ всѣхъ разговорами и сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе; Наташѣ было легко, и она, сердечно благодарная Шатову, совершенно успокоилась и ободрилась. Послѣ обѣда, напившись кофеемъ, гувернёръ и гувернатка ушли, а за ними и дѣти. Шатовъ, не скрывая уже наполнявша-

го его чувства, обратился къ Наташѣ съ почтительнымъ и нѣжнымъ вниманіемъ. Наташа встрѣтила его слова такимъ взглядомъ, который, какъ электрическая искра, проникъ до глубины души молодаго человѣка и потрясъ всё духовное существо его; въ этомъ взглядѣ выражалось столько сочувствія и благоволенія, что Шатовъ, очарованный имъ, повинуюсь непреодолимому чувству любви, для которой блеснула въ этомъ взглядѣ взаимность, позабывъ всё свои прежнія намѣренія уѣхать не объяснясь и не спрашивая согласія невѣсты, съ несвойственной ему живостью и жаромъ сказалъ: „Наташя Васильевна! Рѣшите мою судьбу. Могули я надѣяться получить вашу руку?“, Наташа, не задумавшись, тихо и просто, подала ему свою руку и голосомъ, который дошелъ до сердца всѣхъ присутствующихъ, отвѣчала: „Я согласна.“ Шатовъ цѣловалъ съ восторгомъ руку своей невѣсты, а Василій Петровичъ и Варвара Михайловна, какъ громомъ пораженные, не вѣря своимъ ушамъ и глазамъ, не могли вдругъ понять, что произошло передъ ними. Шатовъ опомнившись, взялъ за руку Наташу, подвелъ еѣ къ отцу и матери и просилъ ихъ утвердить своимъ согласіемъ его счастье и благословить дѣтей своихъ. Болдухины такъ были озадачены, что не вдругъ нашлись что отвѣчать. Такая неожиданность, такая быстрая, хотя и желанная развязка, какъ будто непріятно изумила ихъ, особенно Варвару Михайловну. „Боже мой! Да какъ же всё это такъ случилось? проговорила она наконецъ. Наташа! Неслишкомъ ли ты поспѣшно даешь свое согласіе? Ты такъ мало еще знаешь Ардальона Семеныча, и онъ тоже мало знаетъ тебя. Не лучше ли бы было напередъ познакомиться покороче, оцѣнить друга друга и тогда уже приступить къ рѣшенію такого великаго дѣла? Да, кажется, такія были и наши намѣренія, Ардальонъ Семенычъ?“ — „Вы совершенно правы, Варвара Михайловна; но вы сами видите, какъ непрочно человѣческія на-

мѣренія. Одна минута, одинъ взглядъ рѣшилъ всё. Какъ это сдѣлалось, я самъ не знаю, но я умоляю васъ почтенѣйшій Василій Петровичъ и васъ, почтенѣйшая Варвара Михайловна, не отравляйте этой блаженной для меня минуты никакимъ замедленіемъ вашего согласія; благословите дѣтей вашихъ. Позвольте мнѣ любить васъ сыновней любовью и называть отцемъ и матерью: вы знаете, что у меня ихъ давно нѣтъ.» Но какъ старики еще молчали, то Наташа присоединила и свой голосъ; тихо и скромно сказала она: „Батюшка и матушка! Я знаю, что вы любите Ардальона Семеновича; благословите же насъ.“—Что было тутъ дѣлать? Ничего другаго, какъ взять образъ и благословить жениха съ невестой. Такъ и сдѣлали: всѣ четверо пошли въ спальню стариковъ, достали изъ кивота одинъ изъ раззолоченныхъ образовъ, предъ которыми такъ недавно и такъ тепло молилась Варвара Михайловна съ Наташей, — и благословили жениха и невесту. Василій Петровичъ былъ спокойно-свѣтелъ, Варвара Михайловна безпокойно-радостна, Наташа находилась подъ обаянѣемъ мысли, что маменька счастлива, и такая кроткая радость исполненнаго долга, любви и благодарности прибавила какое-то высокое, небесное выраженіе ея прекраснымъ глазамъ; Ардальонъ Семеновичъ, вышедъ изъ своего неестественнаго положенія, изъ увлеченія, такъ ему чуждаго, былъ не то что холоденъ, но слишкомъ спокоенъ и важенъ для настоящей минуты, а природная его медленность казалась уже вялостью. Онъ и прежде проповѣдывалъ, что терпѣть не можетъ порывовъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать разумно, вслѣдствіе своего убѣжденія, а не по внушенію внезапнаго чувства, въ которомъ черезъ часъ онъ будетъ раскаяваться, что такое состояніе равняется опьяненію, что человѣкъ тогда не хозяинъ самаго себя (любимое его выраженіе)..... всё это совершилось теперь съ нимъ въ самую важную, великую минуту въ жизни! Не смотря

на искреннюю любовь къ Наташѣ, ему было досадно на себя, стыдно другихъ; какое-то облако задумчивости покрыло его большіе глаза, и безъ того лишенные живости и выраженія. Къ общему удивленію онъ сказалъ, что завтра рано поутру онъ ѣдѣтъ въ свою деревню. Василій Петровичъ и Наташа приняли его слова спокойно, но Варвара Михайловна, видимо взволнованная, не вытерпѣла и сказала: „Я надѣялась, что вы перемѣните свое намѣреніе и проведете съ нами и вашей невестой хотя завтрашній день“. Но Шатовъ утвердительно отвѣчалъ, что онъ никогда намѣреній своихъ не перемѣняетъ и никогда не измѣняетъ своему обѣщанію, что послѣ завтра онъ обѣщаль обѣдать у одного изъ своихъ сосѣдей и что это непременно такъ и будетъ. Варвара Михайловна была не довольна: но Ардальонъ Семеновичъ, какъ будто утѣшенный проявленіемъ своей самостоятельности, повеселѣлъ и оживился. Онъ говорилъ очень много: нѣжно съ Наташей и почтительно съ стариками; между прочимъ онъ предложилъ, чтобъ настоящее событіе, то есть данное слово и благословеніе, остались покуда для всѣхъ неизвѣстными; что онъ воротится черезъ нѣсколько дней, привезетъ кольцо своей матери, которое бережетъ и чтитъ, какъ святыню, и надѣется, что обожаемая его невеста надѣнетъ это колечко на свой пальчикъ, и подаритъ его такимъ же кольцомъ. Невѣста въ знакъ согласія взглянула на жениха ласково, а женихъ съ чувствомъ и благодарностью поцѣловалъ ея руку. Потомъ, замѣтивъ, что его намѣреніе ухъать завтра и предложеніе сохранить въ тайнѣ данное слово, какъ будто не нравились Варварѣ Михайловнѣ, обратился онъ къ ней съ новыми краснорѣчивыми объясненіями и доказательствами и безъ большаго труда убѣдилъ г-жу Болдухицу.

Когда семейство съ мадамъ де Фуасъ и кавалеромъ де Глейхенфельдомъ соединилось за вечернимъ чаемъ, всё шло по прежнему, какъ было за обѣдомъ,

т. е. Шатовъ занималъ всѣхъ и самъ занимался всѣми и всего менѣе Наташей. Никому въ голову не входило, что она уже благословенная невѣста.

Вечеромъ, при прощаньи (женихъ уѣзжалъ завтра очень рано) Ардальонъ Семенычъ показалъ много чувства и нѣжности къ Наташѣ. Онъ выпросилъ позволеніе писать къ ней каждый день и просилъ отвѣчать ему, хоть нѣсколькими строками. Василий Петровичъ изъяснилъ сомнѣніе, что трудно устроить ежедневную переписку на разстояніи ста верстъ. Онъ не хотѣлъ сказать прямо, что находить её вовсе излишнею. Шатовъ отвѣчалъ, что у него 30 охотничьихъ скаковыхъ лошадей и 20 человекъ охотниковъ, для которыхъ проскакать 50 верстъ ровно ничего не значить, и что на половинѣ дороги будутъ стоять перемѣнные лошади и люди. Ардальонъ Семенычъ былъ очень въ духѣ, какъ говорится, и отпустилъ много великолѣпныхъ фразъ; между прочимъ онъ сказалъ, что боится возгордиться тѣмъ, что несравненная Наталья Васильевна отдастъ ему свою руку, что для ея счастливаго жениха нѣтъ препятствій, нѣтъ преградъ, нѣтъ ничего невозможнаго для того, чтобъ каждый день получать объ ней извѣстіе, что они будутъ долетать до него въ 8 часовъ. Старики были вновь очарованы, и Наташа слушала такія рѣчи съ удовольствіемъ.

Долго не могла заснуть Варвара Михайловна и мѣшала спать Василью Петровичу. Она чувствовала какое-то тоскливое волненіе, которому причины она сама не знала. Конечно, дѣло такой великой важности рѣшилось слишкомъ внезапно, слишкомъ неожиданно, какимъ то сюрпризомъ и не совсемъ законнымъ порядкомъ. По кодексу Варвары Михайловны, женихъ долженъ былъ узнать отъ родителей о согласіи невѣсты, а согласіе невѣсты должно было основываться на волѣ родительской; но развѣ они этого не желаютъ? Развѣ Наташа не знала этого? Но въ сущности развѣ не исполнилось всё то, чего такъ пламен-

но желала сама Варвара Михайловна? Такъ о чемъ же было беспокоиться, чѣмъ волноваться? А г-жа Болдухина и безпокоилась, и чѣмъ то волновалась. Намѣреніе отложить свадьбу на годъ, котораго старикъ Болдухинъ не одобрялъ, вѣроятно должно было встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны жениха; если и Наташа, съ которой мать объ этомъ не говорила, не выразитъ особеннаго желанія на такую длинную отсрочку, то одной Варварѣ Михайловнѣ нельзя будетъ поставить на своемъ. Да и какъ быть съ приданымъ? Готоваго у ней ничего нѣтъ, а приданое должно быть щегольское, и за нимъ надо ѣхать въ Москву. Всё это вмѣстѣ волновало и мѣшало заснуть заботливой матери. — Наташа, нѣсколько утомленная, нѣсколько смущенная новостью своего положенія, но вполне увѣренная, что маменька ея счастлива, не сомнѣвалась и въ своемъ будущемъ счастіи. Она была даже довольна, что женихъ ея на нѣкоторое время уѣхалъ. Ей надобно было свыкнуться съ мыслью, что она невѣста, что положеніе ея должно перемѣниться, что всѣ будутъ смотрѣть на нее другими глазами. При постоянномъ присутствіи жениха и общемъ наблюдательномъ вниманіи было бы гораздо труднѣе, было бы некогда свыкнуться, не приготовясь, съ новымъ своимъ положеніемъ. И такъ Наташа была довольна и заснула скоро и спокойно.

Въ домѣ никто не сомнѣвался, что Шатовъ пріѣзжалъ не даромъ и что добрая барышня выйдетъ за него замужъ. Горничная Еввеша, подавая умываться, первая атаковала Наташу вопросомъ о женихѣ. Наташа отвѣчала отрицательно. Вторую атаку повела мадамъ де Фуасъ; она ранехонько пришла въ комнату своей воспитанницы, бросилась дѣловато Наташу, которую, къ большой досадѣ г-жи Болдухиной, называла иногда: „Mon enfant“, поздравляла её съ завидной судьбой и увѣряла, что карты всё это давно ей сказали. Здѣсь Наташѣ было труднѣе защититься отъ распросовъ, и она по необ-

ходимости должна была признаться, что видѣть намѣреніе Ардальона Семеныча, и что если папенькѣ и маменькѣ будетъ угодно, то и она будетъ согласна. Де Фусье плакала отъ радости, потому что была въ восхищеніи отъ Monsieur Chatoff и потому что въ основаніи была, хотя пустая, но предобрая старуха. Морицъ Иванычъ ничего не говорилъ прямо; но его необыкновенные низкіе поклоны, съ прижатыми къ груди руками, его взгляды, ужимки, глаза, поднятые къ небу съ мольбою о счастіи affabilité (такъ звалъ онъ Наташу), были слишкомъ выразительны и понятны, и хотя сильно смущали ея, но крайней мѣрѣ не требовали отвѣта и притворства. Впрочемъ всё это тревожило Наташу только первое утро; къ вечеру какъ будто позабыли пріѣздъ Шатова, и деревенская жизнь пошла по заведенному порядку. Варвара Михайловна всё свободное время отъ классовъ, которые Наташа продолжала посѣщать для вида, такъ сказать мимоходомъ, проводила вмѣстѣ съ дочерью. Ея восторженные разговоры о достоинствахъ Ардальона Семеныча, поддерживали духовное настроеніе Наташи, и она радовалась, что поступила такъ рѣшительно, хотя мать не одобряла ея поступка и утверждала, что на предложеніе Шатова ей слѣдовало бы отвѣчать, что всё зависитъ отъ воли ея родителей, которымъ извѣстно ея расположеніе.

На другой день къ обѣду прискакалъ верхомъ гонецъ съ письмомъ отъ Шатова: письмо было отправлено въ 4 часа утра, а въ полдень уже получено Васильемъ Петровичемъ. Слова Ардальона Семеныча исполнились въ точности: его посланье къ невѣстѣ, наполненное великодушными нѣжностями, пролетѣло сто верстъ въ восемь часовъ. Вымышленный конь и запыленный гонецъ исполнили Болдухинскую дворню; всё подумали: „ужь не случилось ли какаго несчастья?“ Но когда узнали, что такая скакотня будетъ происходить каждый день, и что къ вечеру пріѣдетъ другой курьеръ съ нарою заводскихъ лошадей для того, что-

бы лошади и люди могли переѣмѣняться, то всё подивились только затѣямъ молодого барина, и еще болѣе утвердились въ мысли, что онъ нареченный женихъ ихъ барышни. Г-жа Болдухина была въ восторгѣ отъ этой скаковой продѣлки: Наташа съ удовольствіемъ видѣла въ ней доказательство любви своего жениха, а Василій Петровичъ всё это называлъ пустыми проказами. Гонецъ, выкормивъ лихаго скакуна, черезъ четыре часа долженъ былъ пуститься въ обратный путь. Варвара Михайловна написала письмо къ Ардальону Семенычу, и Наташа приписала нѣсколько строкъ подъ ея диктовку.

Со вторымъ курьеромъ Шатовъ между прочимъ писалъ, что воспитатель его, Григорій Максимычъ Винскій, долженъ проѣзжать черезъ село Болдухино и просить позволенія заѣхать къ его хозяевамъ, съ которыми и прежде былъ знакомъ, для засвидѣтельствованья своего глубочайшаго почтенія. Ардальонъ Семенычъ просилъ принять его благосклонно, какъ человѣка, которому онъ обязанъ своимъ образованьемъ. Шатову отвѣчали, что очень будутъ рады возобновить знакомство съ Григорьемъ Максимычемъ. Хотя это обстоятельство само по себѣ не давало никакихъ поводовъ къ перетолкованію, потому что Винскій вѣдалъ навѣстить больного пріятели, прежняго товарища своей тяжелой участи, и потому что дорога лежала возлѣ самаго дома Болдухиныхъ; но Варварѣ Михайловнѣ показалось, что „умыселъ другой тутъ есть“, что Винскій знаетъ всё и вѣдитъ посмотрѣть невѣсту и что, можетъ быть, нужно еще его одобреніе для рѣшительнаго окончанія ихъ дѣла. Г-жа Болдухина всегда переливала черезъ край и видѣла то, чего нѣтъ. Винскій точно желалъ взглянуть на Наташу, потому что зналъ намѣреніе своего воспитанника; но онъ ничего не зналъ о полученномъ имъ согласіи и не имѣлъ никакого вліянія на его сватовство.

Винскій пріѣхалъ въ Болдухино на другой день къ обѣду. Красота, скромность,

благородство и сердечная доброта Наташи, выразившіяся въ ея глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица, поразила его; онъ долго не могъ свести съ неѣ глазъ. Подъ личиной правдиваго грубіяна это былъ человѣкъ тонкій, хитрый. Не смотря на ласковый пріемъ, онъ сейчасъ замѣтилъ, что хозяйка какъ-то недовѣрчиво на него смотритъ. Онъ сейчасъ взялся за откровенность и рассказалъ всю правду, то есть всё, что ему было известно о намѣреніяхъ и предложеніи Шатова. „Никто лучше меня не знаетъ Ардальона, говорилъ онъ, и я считаю за долгъ честнаго человѣка (всѣ равно повѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ) сказать вамъ, что этотъ молодой человѣкъ, имѣетъ благородную душу, доброе сердце и превосходныя правила. Всѣ его недостатки, какъ то: высокое о себѣ мнѣніе, упрямство, тщеславіе, охота умничать и учить другихъ, —ничего не значать передъ его достоинствами. Умоляю васъ, не отвергайте его искренней любви къ вашей дочери; я скажу вамъ откровенно и прямо, что не вѣрилъ похваламъ Ардальона, какъ словамъ юноши влюбленнаго въ первый разъ; но, увидѣвъ вашу дочь, я всему повѣрилъ. Въ красотѣ ея лица выражается красота души. Я человѣкъ опытный, много жилъ и видѣлъ людей; я прочелъ въ ея прекрасныхъ глазахъ счастье того человѣка, который будетъ ея мужемъ. Ручаюсь вамъ, отвѣчаю, что она будетъ владѣть безгранично Ардальономъ.“ Рѣчи отставнаго воспитателя не понравились г-жѣ Болдухиной; она поспѣшила высказать ему, что достоинства Ардальона Семеныча они очень хорошо знаютъ, а недостатковъ, которые находятъ въ немъ Григорій Семенычъ, они не видятъ; что дочь ихъ воспитана въ правилахъ покорности и повиновенія къ родителямъ и никогда властвовать надъ своимъ мужемъ не пожелаетъ; что она еще ребенокъ, и что если Богу будетъ угодно, чтобъ она была женой Ардальона Семеныча, то онъ самъ окончатъ ея воспитаніе, и, конечно, найдетъ въ ней почтительную и послуш-

ную жену. Старый бурсакъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Вы не вѣрите моей искренности, боитесь моего вліянія и отталкиваете меня. Какъ вамъ угодно! желаю и не перестану желать добра вашей дочери.“ — Послѣ этихъ словъ онъ говорилъ только о постороннихъ предметахъ; выпросилъ себѣ бутылку старой, остиндской дреймадеры, лучше которой, какъ онъ увѣрилъ, въ жизнь свою не пивалъ, —и уѣхалъ. Варвара Михайловна очень была довольна, что отбрила хитраго хохла (такъ она его всегда называла), который осмѣлился предложить свое покровительство ея дочери и хотѣлъ вмѣшаться въ семейную жизнь будущихъ молодыхъ. Наташа ничего не знала объ этихъ разговорахъ, а Василій Петровичъ былъ ими совершенно недоволенъ и находилъ, что совсѣмъ было не нужно дразнить этого человѣка.

Четыре дня сряду скакали гонцы, а на пятый день къ обѣду ждали самого Шатова. Приготовили обручальное кольцо для жениха, и въ добавокъ къ прежнимъ, также новымъ, сшили еще новое платье для Наташи. Всѣ остальное шло по прежнему. По попрежнему восторгались Варвара Михайловна и всѣ окружающіе Наташу, говоря объ ея женихѣ; по прежнему былъ доволенъ Василій Петровичъ; по прежнему и Наташа казалась спокойной и довольной; но, странное дѣло, послѣднія два письма Ардальона Семеныча, въ которыхъ онъ пораспространился въ подробностяхъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ въ будущемъ, о томъ, что переѣзжаетъ въ Болдухино на неопредѣленно долгое время со множествомъ книгъ, со всѣми своими привычными занятіями, въ которыхъ, какъ онъ надѣется, приметъ участіе и обожаемая его невеста, — произвели какое-то, не то что непріятное, а скучное впечатлѣніе на Наташу. Наканунъ пріѣзда жениха, когда невеста, просидѣвъ до полночи съ отцемъ и матерью, осыпанная ихъ ласками, принявъ съ любовью ихъ родительское благословеніе, воротилась въ свою комнатку и легла

спать, — сонъ въ первый разъ бѣжалъ отъ ея глазъ: ея смущала мысль, что съ завтрашняго дня переменится тихій образъ ея жизни, что она будетъ объявленная невѣста; что начнутъ прѣзжать гости, спрашивать и поздравлять; что безъ гостей пойдутъ невеселые разговоры, а можетъ быть и чтеніе книгъ, не совсѣмъ для нея понятныхъ, и что цѣлый день надо будетъ всё сидѣть съ женихомъ, такимъ умнымъ и начитаннымъ, ученымъ, какъ его называли, и думать о томъ, чтобъ не сказать какойнибудь глупости и не прогнѣвить маменьки..... И жалко стало Наташѣ своей дѣвической, беззаботной жизни, съ ея простотой и свободой; грустно стало, что мало будетъ слышать она болтовню своихъ маленькихъ братцевъ и сестрицъ, которые прежде надоѣдали ей, и жаль стало безконечныхъ разсказовъ мадамъ Фуасье, также давно ей извѣстныхъ, и также давно наскучившихъ. Въ первый разъ спросила она себя: такъ ли много любить она жениха, чтобъ бросить для него домъ родительскій; точно ли маменька будетъ счастлива, если она не полюбитъ Ардальона Семеныча, такъ сильно, какъ слѣдуетъ женѣ любить своего мужа? Спросила — и не могла отвѣчать утвердительно; сомнѣніе запало ей въ душу. Не скоро она заснула, видѣла какой-то страшный сонъ; долго не спала послѣ него и проснулась поздно съ головной болью, съ блѣдностью и усталостью на лицѣ, что было замѣчено всѣми. Разумѣется, Варвара Михайловна замѣтила эту перемену прежде другихъ, встревожилась ею и принялась спрашивать Наташу о причинѣ. Но дочь такъ долго и недавно была еще далека отъ матери, что, несмотря на порывы горячей любви и нѣжнаго участія со стороны матери, принимаемые съ восторженной благодарностію, не могла предаться свободно искреннему, полному изліанію своей дѣтской привязанности. Она не привыкла къ нимъ и каждую минуту благодаря Бога за обращеніе къ ней сердца матери, каждую

минуту боялась вдругъ потерять то, что вдругъ получила; однимъ словомъ, Наташа не смѣла высказать откровенно своихъ вчерашнихъ чувствъ и сомнѣній. Варвара Михайловна легко удовлетворилась неискренними отвѣтами Наташи, да и почему было не удовлетвориться? Что было естественнѣе волненія и смущенія молодой дѣвушки наканунѣ своего обрученія?

Шатовъ прѣхалъ нѣсколько поздне, чѣмъ его ждали, задержанный въ дорогѣ какой-то непредвидѣнной остановкой. Въ эти пять дней разлуки любовь овладѣла имъ и пустила глубокіе корни въ сердцѣ молодого человѣка уже съ непреодолимою силой. Онъ такъ соскучился по Наташѣ, что нетерпѣніе ея увидѣть измѣнило его спокойный нравъ и нарушило его обычные, нѣсколько важные и мѣрные поступки. Здороваясь съ стариками, вмѣсто приличныхъ привѣтствій и вопросовъ, онъ только и сказалъ: „Гдѣ Наталья Васильевна? Здорова ли Наталья Васильевна?“ Когда же она пришла, онъ съ глубокою нѣжностью и радостью поцѣловалъ ея руку и долго, пристально, не говоря ни слова, съ какимъ то самозабвеніемъ смотрѣлъ на неѣ. Это показалось страннымъ невѣстѣ и даже старикамъ. Наташа смутилась, и отецъ съ матерью также, потому что этотъ взглядъ, проникнутый искреннимъ чувствомъ, продолжался, можетъ быть, слишкомъ долго. Наконецъ Шатовъ, какъ бы опомнившись, вынулъ изъ бокового кармана маленькій сафьянный футляръ, досталъ изъ него простое, золотое колечко, посмотрѣлъ на него съ умиленіемъ, и тихимъ голосомъ, въ которомъ слышно было глубокое внутреннее чувство, просилъ Наташу надѣть; но Варвара Михайловна сильно воспротивилась такому обрученію *за-просто*, находя неприличнымъ, и утвердительно сказала, что обрученіе можетъ совершиться завтра обыкновеннымъ, всѣми принятымъ порядкомъ, помолясь Богу, при чтеніи святыхъ молитвъ и съ благословенія священника. Ардальонъ Семенычъ, въ



свою очередь, былъ озадаченъ и смущенъ. Онъ почувствовалъ однако, что настаивать на своемъ было невозможно, и въ тоже время ему было какъ то неловко и неприятно отступить отъ своего желанія, спрятать колечко опять въ футляръ и положить въ карманъ. Онъ сталъ просить, чтобы Наталья Васильевна взяла по крайней мѣрѣ къ себѣ и спрятала его до завтра. Варвара Михайловна и на это не согласилась, но видя смущеніе жениха, который, стоя по срединѣ комнаты, всё еще держалъ въ одной рукѣ кольцо, а въ другой футляръ и. повидимому, не зналъ что ему дѣлать, она предложила Ардальону Семенычу отдать кольцо ей для того, чтобы вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ Наташи положить его передъ образа до завтрашняго утра. Видно было, что Шатовъ не только ничего подобнаго не ожидалъ, но что всё то ему не очень нравилось. Онъ попробовалъ поспорить и защитить причину своего желанія и просьбы, но видя непреклонную настойчивость матери, подкрѣпленную согласіемъ и Василья Петровича, заблагоразсудилъ согласиться. Варвара Михайловна, чтобы прекратить неловкое положеніе всѣхъ, стоявшихъ посреди комнаты, поспѣшно взяла кольцо, попросила Шатова сѣсть рядомъ съ своей невѣстой и ушла, чтобы, согласно своему предложенію, положить обручальныя кольца передъ образами. Исполнивъ это, она помолилась Богу о счастья своей дочери и съ веселымъ видомъ воротилась въ гостиную. Женихъ съ невѣстой сидѣли молча; глядя на нихъ съ недоумѣніемъ, молчалъ и Василій Петровичъ; женихъ о чемъ-то печально задумался, невѣста также. Варвара Михайловна, желая разсѣять неприятное впечатлѣніе предыдущей сцены, съ живостью обратилась къ Шатову съ разными посторонними разговорами и распросами о томъ, что онъ дѣлалъ въ продолженіи его отсутствія, и ей удалось мало по малу разсѣять его и привести въ обыкновенное положеніе. Облако задумчивости слетѣло съ его

лица, онъ какъ будто очнулся отъ какой-то дремоты, и любовь, радость, что онъ видитъ обожаемую Наташу, что завтра она будетъ обручена съ нимъ, наполнили его душу. Онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ, иѣженъ съ своей невѣстой, внимателенъ и почитателенъ съ ея родителями и скоро заставилъ позабыть ихъ обо всемъ случившемся. Наташа также казалась спокойною и даже веселою. Въ домѣ объявили всѣмъ, что Ардальону Семенычу дано слово, что Наташа уже невѣста, и что завтра будетъ обрученіе. Маленькіе братья и сестры обнимали и поздравляли еѣ, а также и Шатова, котораго всѣ очень любили. Классныя занятія прекратились въ тотъ день ранѣе обыкновеннаго; пришли Мадамъ де Фуасъ и Шевалье де Глейхенфельдъ. Каждый по своему выражалъ свою радость и свое искреннее желаніе счастья жениху и невѣстѣ. За столомъ посадили ихъ рядомъ, выпили ихъ здоровье, и къ вечеру не только вся дворян. но и всѣ село Болдухино знало, что красавица-барышня уже помолвлена тоже за красавца, по общему мнѣнію, молодаго и богатаго барина Ардальона Семеныча Шатова; а какъ въ тотъ день отправился въ городъ нарочный на почту за письмами, то и весь Богульскъ на другой же день узналъ объ этой важной новости.

Ардальонъ Семенычъ прочнымъ образомъ основалъ свое мѣстопробываніе во флигелѣ, и цѣлую особую комнату занялъ своими книгами, письменными принадлежностями, ружьями и охотничьими снарядами, потому что предполагалъ иногда ходить на охоту, для чего и привезъ свою любимую, отличную собаку, которая въ тотъ же день была представлена Наташѣ и принята ею съ особенной благосклонностью; она пожелала всякій день кормить еѣ при себѣ, чѣмъ женихъ былъ очень доволенъ. Этотъ первый день прошелъ довольно приятно и оживленно. Женихъ менѣе разсуждалъ, больше рассказывалъ о томъ, что думалъ, чувствовалъ и дѣлалъ во время своего

отсутствія. Наташа не скучала и была довольна всѣми его разсказами.

Барвара Михайловна сочла за нужное истребить неприятное впечатлѣніе, которое, какъ она думала, должна была произвести на Наташу исторія съ обручальнымъ кольцомъ, а также и странность нѣкоторыхъ поступковъ жениха. Это было ей не трудно, потому что Наташа менѣе находила тутъ страннаго, чѣмъ сама Барвара Михайловна. Наташѣ только не понравилось выраженіе глазъ Шатова, когда онъ, увидѣвшись съ ней, молча и долго смотрѣлъ на неѣ. Она съ дѣтской наивностію говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто ни-

будь смотритъ на неѣ такъ пристально, точно хочетъ узнать, что происходитъ у ней въ сердцѣ и чтѣ она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеныча. По главное, чтѣ ей не пришло въ голову она не сказала Барварѣ Михайловнѣ, это была медленность и вялость всѣхъ движеній и словъ ея жениха. Онъ говорилъ съ разстановкой, растягивая свои рѣчи, и Наташѣ сейчасъ ставилось сначала скучно его слушать, а потомъ и тяжело: не будучи сама ни бойка, ни скоро, она любила бойкую, скорую и веселую рѣчь; однимъ словомъ: натура, личность Ардальона Семеныча была ей не по вкусу.....

## ПИСЬМА КЪ И. И. ДМИТРИЕВУ (')

### VIII. Дмитрія Васильевича Дашкова.

Печатаются съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ профессоромъ Московскаго университета Ѳ. М. Дмитріевымъ. И. Б.

#### I.

Буюкдере 30 іюня. 1817  
11 іюля.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Прощаясь съ вашимъ превосходительствомъ въ началѣ маія, я думалъ быть черезъ двѣ недѣли непременно въ Одессѣ, а можетъ быть уже и на берегахъ Босфора. На дѣлѣ не совсѣмъ такъ вышло. Болѣзнь прoderжала меня въ деревнѣ до конца маія. Въ Одессу поспѣлъ я не прежде какъ 4 іюня послѣ самой скучной и непріятной дороги, а тамъ еще дни четыре ожидалъ отправленія какого нибудь корабля. Извольте прибавить къ сему жестокою болѣзнь, которою заплатилъ я за первое свое знакомство съ моремъ, не смотря на прекрасную погоду и попутный вѣтеръ: тогда выдетъ на повѣрку, что прекрасное солнце и мѣстоположенія Буюкдерскія не даромъ мнѣ достались.

Приемъ нашего министра (') былъ мнѣ самый благосклонный. Я здѣсь еще слишкомъ недавно, чтобы судить о будущемъ, но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничто еще не лишило меня совершенно надежды *быть полезнымъ*. Пока останется у меня въ сердцѣ сія химера, которая рѣшила меня сюда ѣхать, я чувствую въ себѣ довольно твердости на то, чтобы отказаться отъ отечества, родныхъ, друзей, скажу болѣе, отъ всякаго общества. Здѣшнее и не для меня не привлекательно. Оно составлено единственно изъ чужестранныхъ министровъ и чиновниковъ ихъ, но между ними этикетъ, холодный эгоизмъ и недостатокъ въ качествахъ, одушевляющихъ общество. разрушили всѣ связи и согласіе еще болѣе, нежели политическіе интересы. Одинъ нашъ министръ совершенно отличенъ отъ прочихъ. Вамъ превосходительство извольте знать, охотникъ ли

(') Графа (тогда барона) Григорія Александровича Строганова, подъ начальство котораго поступилъ Д. В. Дашковъ, въ это время чиновникомъ сверхъ штата, чрезъ нѣсколько времени вторымъ совѣтникомъ по сольства.

(\*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1616—1730.

я до этикета. Къ счастью нашелъ я здѣсь прежняго своего товарища по службѣ, Бутенева, съ коимъ и Сѣверинъ очень друженъ, добраго, умнаго, любезнаго молодого человѣка. Съ нимъ провожу всѣ свободные часы, коихъ, правду сказать, здѣсь у меня немного; съ нимъ пробѣгаю окрестности Буюкдерскія и восхищаюсь чудесными, очаровательными видами

Буюкдере деревня въ 18 верстахъ отъ Константинополя, на Европейской сторонѣ, гдѣ живетъ нынѣ нашъ посланникъ. Пролить образуетъ въ семь мѣстъ пространный бассейнъ, загибаясь къ Константинополю; вмѣсто береговъ ужасная гора, превращенная въ сады и обдѣланная уступами, а внизу, у самаго моря, на узкомъ берегу, построены дома въ одинъ рядъ съ набережною. Съ лѣвой стороны черезъ проливъ, возвышается Азіатскій берегъ; съ правой, на поворотѣ пролива, Европейскій; оба усѣянные развалинами Генуэзскаго замка, Турецкими батареями, древними и новыми, пріятными деревьями, долинами и рощами. Тополи и кипарисы красиво вѣнчаютъ верхи горъ; корабли, задерживаемые здѣсь противными вѣтрами, покрываютъ море; вся даль покрыта туманною пеленою, или скрывается за крутымъ загнутымъ берегомъ. Когда плывешь къ Константинополю сквозь повороты пролива. то при каждомъ встрѣчаютъ глаза новую картину и ищутъ куполовъ мечетей въ столицѣ и тонкихъ, остроконечныхъ минаретовъ. Въ самомъ Константинополѣ я еще не былъ, частію за недосугами, а частію отъ желанія подождать конца чумы, которая недавно похитила съ лица земли цѣлую Бухарскую миссію. Но мы довольно спокойны—пока, и я теперь начинаю понимать, какъ жители Катаны и Неаполя могутъ спокойно спать у подошвы Этны и Везувія. Въ Турціи и вообще на Востокъ будешь по неволѣ фаталистомъ.

Впрочемъ ни опасности чумныя, ни отдаленія никогда не будутъ имѣть

вліянія на мое сердце. Оно будетъ всегда вамъ предано. Примите искреннѣйшее увѣреніе въ душевномъ почтеніи и совершенной приверженности, съ коими честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою,

*Дмитрій Дашковъ.*

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ сказать Вяземскимъ и В. Д. Пушкину, что я не забылъ ихъ.

## II.

Буюкдере 15/27 декабря 1817.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Занятія по службѣ, обыкновенно скопляющіяся при рѣдкомъ отправленіи отсюда почты, а особливо болѣзнь, почти непрерывная съ начала сентября, мѣшали мнѣ имѣть честь писать къ вашему превосходительству. Но сердце мое не имѣло никакого участія въ сей несправности: оно никогда не забывало и не забудетъ васъ.

Примите, милостивый государь, искреннѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ. И внѣ Россіи, равно какъ и въ отечествѣ, желанія мои въ сей день всегда будутъ одинаковы: желанія вамъ здоровья и спокойствія, двухъ благъ, коихъ цѣну вы умѣете чувствовать. Я съ моей стороны лишень ихъ, и къ сожалѣнію всякой день больше увѣряюсь, что прекрасной природы *одной* мало для счастья человѣка. Какъ часто привожу себя на память совѣтъ вашъ: возвращаться скорѣй на родину послѣ трехмѣсячнаго отсутствія! Какъ часто желаю ему послѣдовать!

Сегодня выпалъ здѣсь первый снѣгъ и покрылъ нашъ берегъ. Противолежащія горы на Азіатской сторонѣ забѣлѣлись. Зрѣлище прекрасное! Но время ужасно сыро и особливо для меня вредно. Дорого бы я далъ за трескучій морозъ русскій, между тѣмъ какъ всѣ здѣшніе жители, Франки, Греки и Турки

зигнуть уже около своихъ мангаловъ и тандуровъ, т. е. подвижныхъ очажковъ, открытыхъ и закрытыхъ.

Если Наталья Яковлевна<sup>(2)</sup> въ Москвѣ, то покорнѣйше прошу ваше превосходительство засвидѣтельствовать ей мое искреннѣйшее почтеніе и увѣрить, что я не забылъ ея. Впрочемъ съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и сердечной преданности имѣю честь навсегда пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнѣйшимъ слугою  
*Дмитрій Дашковъ.*

P. S. Ваше превосходительство конечно изволили уже получить отправленный мною къ вамъ кофе.

### III.

Бухарера 17/20 июня 1818

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Последнее письмо вашего высокопревосходительства вмѣстѣ съ пріятнѣйшимъ извѣстіемъ о справедливомъ возданіи, вами полученномъ<sup>(3)</sup> дошло до меня очень поздно. Разстроенное здоровье мое необходимо требовало отдохновенія и лучшаго воздуха, и добрый начальникъ не отказалъ мнѣ въ позволеніи провести около двухъ мѣсяцевъ на *Принцевыхъ Островахъ*, въ Никомидійскомъ заливѣ. Тамъ пробылъ я конецъ апрѣля, май и начало текущаго мѣсяца, съ разными однакожъ промежутками. Вотъ причина, лишившая меня удовольствія въ время поздравить васъ съ монаршею милостію столь давно вами заслуженною. Въ моемъ участіи, смѣю въ полной мѣрѣ надѣяться, вы не изволите сомнѣваться. Желалъ бы только еще одного — имѣть честь лично принести вамъ усерднѣйшее мое поздравленіе. Извѣстіе о здоровьѣ и спокойствіи вашемъ еще болѣе принесло мнѣ

сердечнаго удовольствія. Кто лучше васъ будетъ умѣть наслаждаться ими! До сихъ поръ мѣшали сперва хлопоты о постройкѣ и отдѣлкѣ дома, потомъ комиссія — нынѣ же все кончилось. Время жатвы настало послѣ трудовъ разнообразныхъ, полезныхъ, славныхъ.

Одно изъ главныхъ моихъ удовольствій въ настоящемъ заточеніи — переноситься мыслями въ отчизну, въ кругъ любимыхъ родныхъ и друзей. Почтеніе не позволяетъ мнѣ такъ назвать васъ, но сердце мое, соблюдая всѣ оттънки и живо помня всѣ ваши ко мнѣ милости, ставитъ васъ въ первый рядъ ему любезныхъ. Мнѣ всего пріятнѣе представлять себѣ петербургскіе и московскіе вечера ваши и какъ бы еще наслаждаться ими. Жалѣю о тѣхъ, коимъ присутствіе двора мѣшало бывать у васъ по прежнему. Не думаю, чтобы они могли забыть васъ. Добрые Москвичи и въ первый пріѣздъ государя были какъ то въѣ себя, будто въ чаду; тутъ же было и время милостей: какъ не потеряться около двorca и тому, кто ничего не ожидаетъ и ожидать не имѣетъ права! При томъ сколько было поздравительныхъ визитовъ: это долгъ экстраординарный. Какъ тутъ успѣвать!

Но какъ сіи небольшія слабости любезны въ сравненіи съ гнусными, подлыми интригами и совершеннымъ забвеніемъ всѣхъ правилъ чести и всякаго благородства, коими здѣсь мы окружены! Здѣсь уму нѣтъ пиши, а душа вянетъ. Ахъ, съ какимъ бы я удовольствіемъ пустился въ обратный путь! Но попасть сюда гораздо легче, нежели отсюда вырваться, а сверхъ того естъ многое, что меня здѣсь удерживаетъ. Честолюбія, слава Богу, во мнѣ совсѣмъ нѣтъ; но чувство нѣкоторой приносимой пользы, привязанности къ доброму, благонамѣренному начальнику и желаніе кончить начатое дѣло, если только будетъ возможно, должны имѣть вліяніе на мою волю. Дружба равномѣрно услаждаетъ мою скуку и неудовольствія. Я пріобрѣлъ здѣсь новаго друга въ моемъ сотрудиикѣ,

(2) Плюскова, фрейлина высочайшаго двора.

(3) Пожалованіе чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 10 Февраля 1818 г. за труды по должности председателя Комиссія о пособіяхъ Московскимъ жителямъ, разореннымъ отъ неприятеля.

Бутеневъ, достойномъ молодомъ человѣкѣ, коего я слишкомъ мало зналъ въ Петербургѣ. При всемъ томъ я очень старался вырваться въ началѣ сего года — но не удалось.

Пріѣхавъ сюда, и подарилъ свой экземпляръ, или лучше сказать свой 1-й томъ исторіи Н. М. (4), надѣясь скоро получить другой экземпляръ, и писалъ о томъ Сѣверину; но онъ что-то запоздалъ и наконецъ увѣдомилъ меня, что достать уже никакъ нельзя. Не знаю какъ быть. Хочу прибѣгнуть къ самому Н. М. Такой расходъ книги въ 50 р. мнѣ кажется чудеснымъ у насъ, въ Россіи. Какъ, чай, досадно многимъ, многимъ петербургскимъ и московскимъ писакамъ!

Примите сердечное увѣреніе въ томъ глубочайшемъ почтеніи и нелицемѣрной преданности, съ коими честь имѣю пребыть на всегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

*Дмитрій Дашковъ.*

Р. С. Натальѣ Яковлевиѣ свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе. Боюсь, не сердится ли на меня? Много бы в. пр. изволили обязать меня, выведя изъ сомнѣній.

#### IV.

Буяндере 31 октября 1818.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ.

Между многими непріятностями здѣшней жизни однимъ изъ главнѣйшихъ полагаю затрудненіе въ перепискѣ съ людьми, близкими моему сердцу. Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 19 августа дошло ко мнѣ только съ октябрьскою почтою. Оно обрадовало меня извѣстіемъ о здоровьѣ вашемъ, но много и опечалило, давъ знать о вашей потерѣ (5). Повѣрьте, что я принялъ въ ней живое участіе; все ваше не можетъ быть для меня равнодушно.

(4) Карамзина.

(5) Кончины отца.

Горестъ бѣднаго Сѣверина (6) разтерзала мою душу. Я писалъ къ нему; не удивляюсь, что не получалъ отвѣта, но желалъ бы искренно знать, каковъ онъ теперь и какое облегченіе доставили ему разъѣзды его и разъясненіе. Не знаю, писать ли еще къ нему, стараться ли утѣшить или молчать о женѣ его: и то и другое иногда растревляетъ наши раны. Еслибъ я былъ съ нимъ, то лучше бы зналъ что дѣлать. Голосъ друга много значитъ въ такой грусти.

Покорнѣйше благодарю васъ за московскія вѣсти. Онѣ что-то сухи, но чего же ждать отъ нашихъ словесниковъ! Въ немногіе часы досуга читаю иногда В. Е. и вижу въ немъ съ жалостію борьбу боязни и зависти: и хочется уколоть порядочно Карамзина, и опасно! Исторію я прочелъ уже два раза, хотя и не имѣю своего экземпляра, благодаря дорогимъ пріятелямъ. Но главное занятіе мое здѣсь, послѣ службы, есть греческій языкъ. И нужда и давнѣйшая охота побудили ему учиться. Къ счастью нашелъ я здѣсь исправнаго *Лоіотатоса* въ наставники и читаю съ нимъ Омира и Платона. Говорить начинаю, но еще худо. Если пробуду здѣсь еще годъ, то буду докой; но сіе очень сомнительно. Много, правда, удерживаетъ меня въ Константинополѣ: служба, небольшая польза, которую могу приносить, свыкнувшись совершенно съ дѣлами, а всего болѣе привязанность и могу даже сказать дружба къ доброму, умному, благородному начальнику. Но за то многое обращаетъ мнѣ жизнь въ бремя. Воздухъ не по мнѣ въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Здоровье мое истощилось, сложеніе приѣтно слабѣетъ, желчь разливается и вредитъ равно духу и тѣлу. Къ веснѣ буду непременно опять проситься въ отставку или въ продолжительный отпускъ, и такъ убѣдительно, что надѣюсь вырваться. До тѣхъ поръ надежда увидѣть васъ, родныхъ, друзей, будетъ меня поддерживать.

(6) Д. П. Сѣверинъ овдовѣлъ около этого времени

Гдѣ осталась Н. Я. Плюскова? Смѣю просить васъ, милостивый государь, напомнить ей меня и увѣрить, что отдаленіе не мѣшаетъ мнѣ ее помнить по старому. Ник. Мих. въ полномъ правѣ на меня сердиться: вотъ уже полгода какъ собираюсь писать къ нему и все еще не написалъ. Право, я не меньше ему отъ того преданъ.

Не знаю, гдѣ найдетъ васъ письмо сіе. Надѣюсь, что комиссія московская уже кончилась, и что вы возвратили себѣ утраченную свободу. Можетъ быть, вы теперь въ Петербургѣ, въ кругу друзей, истинно любящихъ и почитающихъ васъ. Еслибъ чувства сіи давали возможность быть съ вами, то я, преимущественно предъ всѣми, пользовался бы симъ удовольствиемъ.

Простите, милостивый государь. Будьте здоровы, спокойны, веселы: вотъ пламенное мое желаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію честь имѣю пребыть навсегда, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Дашковъ.

V.

Бюльдере 1/12 іюля 1819.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Возобновившаяся болѣзнь и шестинедѣльное отсутствіе для поправленія здоровья на Острова Принцезы и въ окрестности Исмида (Никомидіи) мѣшали мнѣ до сихъ поръ отвѣчать на послѣднее письмо вашего высокопревосходительства. Простите мнѣ сіе невольное замедленіе. Оно было для меня тяжело: въ отдаленіи отъ отечества и въ болѣзни всего пріятнѣе переноситься мыслію къ тѣмъ, кои намъ дороги.

Здѣшній климатъ и жизнь рѣшительно мнѣ вредны. Самъ почтенный начальникъ мой, такъ долго меня при себѣ удерживавшій, увѣрился наконецъ въ томъ, что мнѣ не лзя ожидать здѣсь выздоровленія, и согласился подкрѣпить просьбу о годовомъ отпускѣ. Она уже отправлена, и къ концу августа получимъ

отвѣтъ министерства. Оно будетъ очень недовольно, но какъ же быть? Какъ противиться двухлѣтнему опыту? Графъ Каподистрія какъ бы нарочно писалъ ко мнѣ недавно изъ Корфу, уговаривая остаться при семъ постѣ — только что не говоритъ: *навсегда*, а я не надѣялся бы выдержать и одной зимы! Получивъ отпускъ, я посиѣшу уѣхать прежде сентябрьскихъ бурь и, если будетъ можно, заверну хотя дня на три въ Москву, крайне желая увидиться съ вами послѣ долгаго отсутствія. А тамъ — въ деревню, къ матушкѣ: авось на свободѣ и въ бездѣйствіи укрѣпятся совершенно разстроенные нервы.

Приношу вамъ, милостивый государь, чувствительную благодарность за московскія новости; онѣ меня ни мало не удивляютъ. Знаю давно гг. московскихъ бесѣдчиковъ. Вяземскій изъ Варшавы горько жалуется на критиковъ Карамзина и еще, кажется, на его вступленіе въ Академію. Признаюсь — вамъ однимъ, что я не совсѣмъ далекъ отъ сего мнѣнія. Отложимъ изъ академическаго списка нѣсколько именъ истинно почтенныхъ и славныхъ, кто изъ *истыхъ* членовъ заслугами и литературнымъ характеромъ? Какая будущая польза могла въ глазахъ Н. Мих. привести къ забвенію его обиду, обиду всей нашей словесности? Принимая позднее его избраніе въ самомъ снисходительномъ смыслѣ, не значить ли оно, что Н. М., до изданія Русской Исторіи, не написалъ ничего дѣльнаго, ничего достойнаго сравниться съ безсмертными трудами Пospѣлова, Гнѣдича, Муравьева, Оленина, и Богъ знаетъ кого еще? Грѣшно намъ открывать, по библейскому выраженію, *наготу* отца на право многихъ пламенныхъ почитателей Карамзина пріятнѣе было бы думать, что будущіе достойные академики скажутъ: *Rein ne manqua à sa gloire, il manqua à la nôtre* (?) нежели видѣть его теперь крестникомъ Шишкова.

(?) Т. е. Слава его была полна; но его не доставало для нашей славы.

По крайней мѣрѣ, Н. М. откупился прекрасною рѣчью; а Жуковскій? Трудно повѣрить, чтобы въ грамматическихъ его таблицахъ было много поэзіи.

Воспоминаніе Нат. Яковл., право, для меня дорого. Буду прилежно писать къ ней изъ деревни и усердно просить ее о сообщеніи хотя нѣсколькихъ страничекъ (въ видѣ письма) начатаго Voyage autour de sa chambre. <sup>(\*)</sup>

Примите еще разъ изъ Буюндере искреннѣйшее увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и сердечной преданности, съ коими навсегда честь имѣю пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

*Д. Дашковъ.*

#### VI.

Буюндере іюля 1819.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Пользуясь отъѣздомъ г-на Маршала, который будетъ имѣть честь вручить письмо сіе вашему высокопревосходительству и не зная навѣрно, удастся ли мнѣ завернуть самому въ Москву, я просилъ его доставить вамъ двѣ здѣшнія бездѣлки. Гостинецъ очень не важный, но намѣрене самое искреннее! Оный состоитъ въ турецкихъ сапожкахъ, съ туфлями, и въ простомъ, серебряномъ перстнѣ, какой здѣсь почти всѣ Мусульмане носятъ; на немъ вырѣзано по турецки имя ваше.

Г. Маршалъ родомъ Лифляндецъ, но лучшую часть жизни провелъ въ Италіи и Греціи. Отъ него изволите узнать свѣжія вѣсти о Коринѣ и Аѣинахъ, коихъ мнѣ не суждено было видѣть. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется получить при Эрмитажѣ мѣсто, ответственное склонности его къ изящнымъ искусствамъ; оно ему обѣщано министерствомъ. Въ Москвѣ, кажется, пробудетъ онъ нѣсколько времени, чтобы

попытаться, не сбудетъ ли тамъ съ рукъ небольшого собранія картинъ, кои везетъ съ собою. Осмѣливаюсь поручить его милостивому благорасположенію вашего высокопревосходительства, завидуя, что онъ прежде меня васъ увидитъ.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и сердечной преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

*Д. Дашковъ.*

#### VII.

Буюндере 1/13 ноября 1819.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ.

Получивъ уже отъ министерства позволеніе возвратиться на годъ въ Россію, могъ ли я думать, чтобы судьба еще на нѣсколько мѣсяцевъ удержала меня въ здѣшнемъ краѣ! Но такъ случилось. Почти въ самую минуту моего отъѣзда начальникъ убѣдилъ меня взять на себя обзорнѣе нашихъ консульствъ въ Левантѣ. Желаніе увидѣть Египетъ, Грецію, Сирію (хотя и на скорую руку) слилось съ пользою службы. Я рѣшился и ѣду черезъ двѣ недѣли. Домовому въ прекрасной баснѣ вашей пришлось неожиданно летѣть — по приказанію начальства, съ юга въ Лапландію: мнѣ же на выворотъ, вмѣсто сѣвера на югъ. „Судьбы того хотѣли!“

Не знаю, скоро ли буду опять имѣть случай писать къ вашему превосходительству. Но будьте увѣрены, что воспоминаніе о васъ никогда меня не оставитъ, что желаніе вамъ всѣхъ возможныхъ благъ въ жизни будетъ всегда однимъ изъ первѣйшихъ чувствъ моего сердца. Сохраните и вы, милостивый государь, прежнія ко мнѣ чувства, кои столь для меня драгоцѣнны и кои заслужить могу развѣ сердечною моею къ вамъ преданностію.

М. г. Наталья Яковлевнѣ, Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андр. по-русскій архивъ 1868. 20

(\*) Т. е. Путешествія вокругъ своей комнаты — подражаніе извѣстному подъ этимъ заглавіемъ сочиненію Кевье де Местра.

корнѣйше прошу засвидѣтельствовать моепочтеніе и поручить меня ихъ памяти.

Простите, милостивый государь—сказалъ бы до радостнаго свиданія, еслибъ не боялся раадражить Рока въ древнемъ его царствѣ.

Утромъ грядущимъ не смѣй веселиться. За каж-  
дое слово,  
Съ дерзкихъ слѣтѣвшее усть, Немезида гнѣвная  
мститъ.

Но мысль о свиданіи съ вами, съ родными и друзьями будетъ часто утѣшать меня.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и неизмѣнной преданности имѣю честь пребыть, милостив. государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

*Д. Дашковъ.*

### VIII.

Пера Константиноп.. 16 апрѣля 1821.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ.

Смѣю ласкать себя надеждою, что невольное молчаніе мое во время скучныхъ разъѣздовъ по востоку не причтено мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ въ забвеніе, коего бы я самъ никогда не простилъ себѣ. Смѣю надѣяться, что вы всегда равно увѣрены въ искреннѣйшихъ и неизмѣнимыхъ чувствахъ моихъ, въ сердечной привязанности и благодарности за оказанныя мнѣ милости.

Выраженіе мое: „скучные разъѣзды,“ не относится ни къ Пирамидамъ, ни къ Олимпіи, Аргосу, Іерусалиму, Ефесу, и пр. словомъ, ни къ одному изъ тѣхъ мѣстъ, куда завлекло меня одно любопытство. Но за то почти вездѣ, гдѣ былъ я по дѣламъ службы, встрѣтили меня несносныя заботы, труды и неприятности. Мало бывало (разумѣется по моимъ лѣтамъ и чину) порученій почетнѣе моего, но за то мало и сопряженныхъ съ равными досадами, по Арабской пословицѣ: „посѣй вѣтры исожнешь бури.“ Я право не сѣялъ вѣтровъ, но точно достались мнѣ въ удѣлъ бури.

Можетъ быть—не говорю навѣрно—въ Петербургѣ не отдадутъ мнѣ той справедливости, какую отдалъ здѣсь почтенный, благородный начальникъ, по убѣжденію коего рѣшился я ѣхать. Съ его совершеннымъ одобреніемъ согласно свидѣтельство собственной моей совѣсти, и я доволенъ. Вашъ примѣръ руководствовалъ меня, придавалъ новыя силы, успокоивалъ и утѣшалъ меня.

Ужасныя явленія, коихъ мы здѣсь къ несчастію всякой день бываемъ свидѣтелями, вѣрно уже вамъ отчасти извѣстны. Къ пострадавшимъ прежде присоединился и патріархъ Константинопольскій съ тремя митрополитами; они всѣ четверо были повѣшены въ самый день Пасхи. На третій день тѣло патріарха, 75 лѣтняго старца, предано на поруганіе Жидамъ и брошено въ море! Сердце обливается здѣсь кровію, и я бы давно уѣхалъ въ Одессу, если бъ меня не удержало вторичное, убѣдительное настояніе бар. Строгонова, который полагаетъ, что я ему нуженъ при нынѣшнихъ важныхъ обстоятельствахъ. Мы сами были въ опасности отъ чрезвычайнаго своевольства черни. Дома Европейцевъ остались неприкосновенными, но многіе умерщвлены на улицахъ. Дни четыре тому какъ стало тише. Правительство приняло нѣкоторыя мѣры.

Отъ Сѣверина очень, очень давно не получалъ я писемъ, равно и отъ другихъ пріятелей, кромѣ Батюшкова. Онъ поручилъ мнѣ *быть при васъ его Провиднiемъ*—полагая, что я давно уже какъ долженъ быть въ Москвѣ.

Впрочемъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и неизмѣнимой преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

*Д. Дашковъ.*

### IX.

С. Тонно. 10 ноября 1821 года.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Благодаря медленности нашихъ *путей сообщенія*, первое письмо ваше



недавно только возвращено мнѣ изъ Одессы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ имѣлъ я честь получить и второе ваше, адресованное прямо сюда. Оба доставили мнѣ сердечное удовольствіе, какъ новый знакъ вашей ко мнѣ благосклонности. Я всегда смѣю быть въ ней увѣреннымъ, но радуюсь всякому доказательству оной, какъ новому и драгоценнѣйшему приобрѣтенію. Приношу вамъ чувствительную благодарность мою за извѣщеніе о людяхъ, коихъ я привыкъ уважать и любить, и коихъ память храню, не смотря ни на время, ни на отдаленіе. Покорнѣйше прошу принять на себя трудъ увѣрить въ томъ Н. Я. Плюскову и Карамзинныхъ, поздравя послѣднихъ отъ меня съ новою фрейлиною (\*). Сіе историческое производство приноситъ болѣе чести правительству, нежели нѣсколько сотенъ другихъ, наполняющихъ густыя колонны Инвалида. Любезнаго Михайла Александровича также сердечно поздравляю съ камеръ-юнкерствомъ, желая ему дальнихъ и скорыхъ успѣховъ по службѣ. Примѣръ дяди передъ нимъ на поприщѣ истинной чести.

Не знаю, съ чего вы изволите укорять меня въ холодности къ кн. Шаликову. Маленькая разность во мнѣніяхъ не охлаждаетъ во мнѣ почтенія, коимъ я (*simple amateur*) одолженъ виртуозу. Я готовъ повторить ему въ честь похвалу, приписанную Селисомъ герцогу Ниверне:

Nivernais au Parnasse est toujours *Duc et Pair*.

Радуюсь, что морозы и козье молоко избавили его отъ гнѣва *матери-природы*, и надѣюсь, что онъ воспоетъ ихъ изъ благодарности на звучной своей гитарѣ. Пусть другіе почерпаютъ вдохновеніе изъ покала шампанскаго, а кн. Шаликовъ будетъ пѣть, держа въ рукахъ стаканъ свѣжаго козьяго молока. Картина новая, а притомъ доставитъ

(\*) Дочь Н. М. Карамзина (отъ перваго брака), Софья Николаевна была пожалована въ Августѣ 1821 года фрейлиною къ высочайшему двору. См. письмо Карам. къ Дм., Спб. 1866, стр. 315.

случай поговорить и о покойной козѣ Амалееѣ, *долицу* Юпитера. Какое богатое и лестное для поэта сравненіе!

А я вмѣсто помощи отъ морозовъ ожидаю сильнаго потрясенія своему здоровью. Всякой день больше примѣчаю, что ясное небо Греціи, Сири и Египта нѣсколько изнѣжило мои нервы и отучило ихъ отъ русской зимы. Стараюсь со всею возможною осторожностію постепенно укрѣплять ихъ и привести въ прежнее состояніе. Но съ другой стороны наступающій холодъ пріятно напоминаетъ мнѣ о приближеніи отъѣзда моего въ Москву и о скоромъ свиданіи съ вами. Зло съ добромъ смѣшаны въ мірѣ, и все къ лучшему — по словамъ Панглоса.

Матушка поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшее ея почтеніе. Воспоминаніе ваше столь же для нея утѣшительно, сколь и драгоценно.

## Х.

С. Петербургъ, 22 января 1823

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. До сихъ поръ я не успѣлъ еще принести вашему высокопревосходительству покорнѣйшей моей благодарности за письмо ваше отъ 1 сего января, да и теперь черезъ силу исполняю долгъ сей. Вмѣсто обыкновенныхъ моихъ желчныхъ болѣзней необыкновенный нынѣшній холодъ навязалъ мнѣ новую — зубную. Боль нестерпимая и не уступающая доселѣ никакимъ выдумкамъ моего Эскулапа. Съ большою радостію принесъ бы я пѣтуха въ жертву тому, кто бы меня избавилъ отъ сей не опасной, но мучительной болѣзни.

Хотя сыны Аполлона и пророки, но я не смѣю принять за пророчество слова ваши въ послѣднемъ письмѣ: да облобызаются и Турокъ съ Грекомъ и Цензоръ съ Авторомъ. Не знаемъ, удалось ли Веронскому конгрессу уладить дѣла Левантскія, а Ценсоры съ бѣдными Авторами суровѣе, нежели когда нибудь. Одна отъ нихъ бываетъ поживка, а имен-

но, когда Бируковъ посорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ, тогда онъ пропускаетъ на зло между дозволеннымъ иногда и сомнительное. Но у Красовскаго всякая вина виновата: самому Агамемнону въ Иліадѣ запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него за мужъ дѣвою; и если какой нибудь приемачъ заговоритъ въ восторгѣ о *чуждой землѣ и чуждомъ небѣ*, разсудительный Цензоръ тотчасъ остановитъ его, напомнивъ, что небо одно и земля одна. Такихъ анекдотовъ много. Право, и въ новый годъ не лзя не сердиться; счастливы тѣ, кои могутъ смѣяться.

Вяземскій спрашиваетъ меня: есть ли надежда намъ съ нимъ скоро увидѣться? Позвольте отвѣчать ему въ вашемъ письмѣ, что тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, если только моя миссія останется еще на долго на инвалидномъ положеніи. Изобильное жалованье и совершенная независимость моей настоящей должности не замѣняютъ въ глазахъ моихъ ея ничтожества. Мнѣ бы хотѣлось служить, а не тунеядствовать; когда же увѣрюсь, что мнѣ пока суждено наслаждаться блаженною праздностію, то конечно рѣшусь лучше наслаждаться ею въ деревнѣ съ матушкою, или въ Москвѣ съ сестрою и съ вами. Тогда буду лично имѣть честь благодарить васъ за милости къ моему племяннику и покорнѣйше просить о продолженіи оныхъ. Благоразумные совѣты ему необходимы; настоящая эпоха жизни его самая критическая для молодого человѣка.

## XI.

Спб. 4 янв. 1824.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Въ послѣднемъ письмѣ я съ сердечнымъ удовольствіемъ извѣщалъ ваше высокопревосходительство о здоровьи Натальи Яковлевны, и въ тотъ самый день узналъ, что она опять занемогла. Карамзинны, кои обыкновенно не вѣрятъ болѣзнямъ, нашли ее хотя и невѣ опасности, но съ отпѣнною слабостію. Теперь ей легче, но

она не въ силахъ еще писать и поручила мнѣ принести вамъ искреннѣйшую ея благодарность за поздравленіе съ новымъ годомъ и взаимное пожеланіе всѣхъ возможныхъ благъ. Болѣзнь еще умножаетъ обычайное ея уединеніе. Въ Шепелевскомъ дворцѣ, назначенномъ в. к. Михаилу Павловичу, до отстройки его собственнаго, оставлены на житье только Дибичъ и она: очень натурально, что весь шумъ и прїѣздъ на сторонѣ перваго.

Съ живымъ удовольствіемъ читали мы *Бахчисарайскій Фонтанъ*, отрывокъ, показывающій какую-то зрѣлость таланта, по крайней мѣрѣ въ описаніяхъ. Теперь Пушкину надобно учиться впроу останавливаться. Говорятъ, что Вяземскій печатаетъ въ Москвѣ это стихотвореніе. Въ такомъ случаѣ сдѣлайте милость, замѣйте ему одно мѣсто, требующее исправленія. Зарема умираетъ отъ рукъ *нѣмыхъ кизляровъ* — а *кизляръ* по турецки значитъ просто *дѣвушки*. Названіе *Кызляръ-Агаси*, вѣроятно обманувшее Пушкина, значитъ начальника надъ дѣвушками Харема. Не говорю уже о всеобщемъ европейскомъ предразсудкѣ (не менѣе того ложномъ) о нѣмыхъ, употребляемыхъ на тайныя казни въ Харемахъ, но я бы и это выкинулъ изъ поэмы Пушкина, гдѣ такъ хорошо сохранены всѣ мѣстныя краски <sup>(10)</sup>.

Простите мнѣ сію комментаторскую выходку; на праздникахъ я какъ-то опять принялся за свои греческія надписи и долженъ былъ прочесть полтома комментаріевъ для того, чтобы хорошо понять дюжины днѣ стиховъ. Педантизмъ заразителенъ.

## XII.

Сибургъ. 13 апрѣля 1826.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! Только третьяго дня получилъ я

(10) Въ печатномъ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ замѣчаніе Д. В. Дашкова отчасти принято: тамъ просто сказано:

Старѣютъ жены. Между ними  
Давно Грузинки нѣтъ; она  
Гарема стражами нѣмыми  
Въ пучину водъ опущена.

отъ Карамзиныхъ прекрасный подарокъ вашего высокопревосходительства испѣшу принести за оный покорнѣйшую мою благодарность. Пусть *на смѣшливые* или лучше сказать смѣшныя критики разбираютъ ваши Апологи и судятъ важно, баснями ль ихъ назвать, или *нравоучительными четверостишіями*, а мы съ истиннымъ удовольствіемъ вкушаемъ сей плодъ прекрасной осени, по всему достойный прежняго лѣта.

Пословица говорить: возьмешь лычко, а огдашь ремешекъ. А я напротивъ, взявъ нарядную ленту, отдаю лычко—за превосходныя стихи посредственную прозу. Но скромность справедливая уступаетъ мѣсто желанію доставить вамъ *по сильное* приношеніе. Объ статьи, у себѣ прилагаемыя порознь, напечатаны вмѣстѣ въ вышедшемъ на дняхъ альманахѣ: Сѣверныя Цвѣты на 1826 г. (11). Я никакъ не хотѣлъ бороться съ Шатобрианомъ, описывая Іерусалимъ; бывши тамъ, я смотрѣлъ на все съ другой точки и нынѣ имѣлъ единственную цѣлю сообщить нашей публикѣ свѣдѣнія довольно новыя и подробныя. Въ полемикѣ за Серальскую бібліотеку также есть кое-что новое. Желаю отъ всего сердца, чтобы сіи отрывки сколько нибудь вамъ понравились; ваше вниманіе я привыкъ издавна почитать лучшею для себя наградою.

Графъ С. П. Румянцовъ взялся доставить вамъ сіе письмо. Онъ скажетъ вамъ, въ какомъ печальномъ положеніи оставилъ бѣднаго Николая Михайловича. Мы надѣемся, что опасности большой нѣтъ, но боимся, чтобы онъ не ослабѣлъ еще болѣе и тѣмъ не лишился возможности предпринять путешествіе, которое для него необходимо и для котораго все приготовленія Государь общалъ принять на себя. Наталью Яковлевну я видѣлъ

въ воскресенье; она только что возвратилась съ прогулки пѣшкомъ, и показалась мнѣ лучше обыкновеннаго. Она поручила мнѣ принести вамъ ея искреннюю благодарность за присылку Апологовъ.

Если не случится чего нибудь чрезвычайнаго, то ласкаюсь надеждою увидѣть васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ проѣздѣ черезъ Москву, въ деревню. Между тѣмъ приношу усерднѣйшее мое поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ, и прошу принять искреннѣйшее увѣреніе въ чувствахъ душевнаго почитанія и неизмѣняемой преданности, съ коими навсегда имѣю честь быть и пр.

## IX. Князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Мы испросили у князя П. А. Вяземскаго обязательнаго дозволенія напечатать нижеслѣдующія письма, которыя содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія автобіографическія черты и въ тоже время представляютъ матеріалъ первой важности для исторіи Русскаго просвѣщенія. П. Б.

### I.

Мещерское (1) Саратовской г. Сердобскаго уѣзда  
Апрѣля 7, 1829 года.

Съ самаго пріѣзда моего сюда, собирався я воспользоваться благосклоннымъ позволеніемъ вашего высокопревосходительства и напомнить вамъ о себѣ письмомъ; но съ самаго пріѣзда былъ я отвлекаемъ отъ сей пріятной

(1) Мещерское, село, принадлежавшее Петру Александр. Кологривову, второму супругу кн. Пр. Юрьевны Гагариной, матери княгини В. Ѡ. Вяземской. Ея отецъ, князь Федоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, во время варшавскаго возмущенія 1795 г. былъ убитъ во главѣ полка своего. Прасковья Юрьевна и другія русскія дамы были взяты подъ стражу и пребыли нѣсколько времени въ заточеніи, не весьма тягостномъ, потому что знакомые ей изъ варшавскаго общества оказывали ей вниманіе и разныя услуги. Князь Вяземскій, будучи въ отставкѣ, пріѣзжалъ къ семейству своему, которое гостило въ Мещерскомъ. Близость къ г. Пензѣ, многія пріятныя сосѣдства, между прочими *Любичи*, помѣстье, въ которомъ постоянно, лѣтомъ и зимою, жилъ Николай Ивановичъ Кривцовъ, со всѣми удобствами и прихотями англійскаго комфорта, придавали пребыванію въ Мещерскомъ особенное значеніе и удовольствіе.

(11) Въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1826 г., стр. 214—296 помѣщены двѣ статьи Д. В. Дашкова: 1) Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году (съ грав. картинкою) и 2) Еще нѣсколько словъ о Серальской бібліотекѣ (возраженіе Москов. Телеграфу).

обязанности неприятными препятствиями. Какъ олицетворенная зараза, появленіемъ своимъ въ здѣшнія степи, я обратилъ нашъ домъ въ лазаретъ. Сперва самъ подалъ примѣръ и занемогъ; тамъ поочередно почти всѣ домашніе мои болѣе или менѣе пугали меня припадками болѣзни, и теперь еще нѣтъ общаго выздоровленія. Удаленіе отъ скорой помощи, отсутствіе доктора, неизвѣстность, къ какому средству прибѣгнуть, боязнь усилить болѣзнь вредными пособіями или упустить удобное время для облегченія — тяжело мучать сердце, когда однообразіе уединенія замѣняется безпокойствіями и опасеніями уединенія. При такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, я не имѣлъ духа писать къ вамъ, хотя и всегда увѣренъ въ постоянномъ и живомъ сочувствіи вашемъ во всѣхъ заботахъ и радостяхъ моихъ. Пользуюсь первымъ раздыхомъ для исполненія желанія сердечнаго. Я пріѣхалъ сюда съ большими планами для предбудущихъ занятій, но тоже безпокойствіе духа было мнѣ и тутъ помѣхою. Вы, можетъ быть, подумаете, что я и въ этомъ случаѣ сваливаю съ больной головы на здоровую и что не однѣ тревоги сердечныя, но частью и *malodurie*. свойственное нашему поколѣнію Русскихъ литераторовъ, держитъ меня на ребяческихъ помочахъ и не даетъ далеко уходить, а кружитъ около себя, въ очеркѣ, обведенномъ лѣнью и боязнью труда постояннаго и упорнаго. Можетъ быть, я и не заспору съ вами: ибо по примѣру Карамзина увѣренъ, что привычка труда не только не уступаетъ при стеченіи неприятныхъ обстоятельствъ, но напротивъ служить подкрѣпительною союзницею для сохраненія бодрости и спасительнаго терпѣнія. Но не каждому готова служить эта союзница: надобно умѣть ее заслужить, а въ этомъ-то и затрудненіе. Надобно быть сложена плотнаго, а мы свойства тщедушнаго и нервическаго, какъ наша эпоха. Мы всегда и вездѣ подъ вліаніемъ минуты: нѣтъ на жизни нашей от-

раженія единства, дѣйствія полнаго и непрерывнаго. Однимъ словомъ, мы — природы романтической, а не классической: въ насъ нѣтъ запаса на Илиаду, сотканную цѣлымъ кускомъ; мы вытыкаемъ поэмы полотнищами, въ строфахъ, и то еще съ точками, съ умолчаніями и бѣлыми промежутками въ основѣ. Я однако же избралъ себѣ если не трудъ, то по крайней мѣрѣ работу постоянную: перевожу романъ В. Constant, Адольфа. Не пугайтесь, этотъ выборъ — не романтическая прихоть. Не знаю, читали ли вы эту книгу, изданную еще въ 1814 году, но у насъ, кажется, мало извѣстную. Этотъ романъ весь истина. Это историческій курсъ сердца челоуѣческаго, или изслѣдованіе нѣкоторыхъ его тайнъ. Сдѣлайте одолженіе, дайте себѣ трудъ поискать въ собраніи рецензій Дюссо (\*) которое у васъ есть, упоминается ли о немъ. Этого романа вышло, кажется, три изданія отъ 14 до 24 года. Если найдете критику дѣльную, т. е. обстоятельную, не откажите въ одолженіи доставить мнѣ ее, или присылкою по почтѣ тома, содержащаго оную (который возвращу по слѣдующей же почтѣ), или спискомъ съ нея, буде найдется у васъ досужій переписчикъ. Мнѣ совѣстно набиваться къ вамъ съ такими мелочными и скучными просьбами, но я на опытѣ знаю ваше долготерпѣніе и вашу благотворительность, когда идетъ дѣло о книжномъ и литературномъ вспомошествова-

(\*) Дюссо (Dussault), извѣстный французскій критикъ, одинъ изъ основателей журнала Les Debats. Послѣ кончинъ его (1824) издано собраніе притическихкихъ статей его въ 5 томахъ, подъ заглавіемъ „Литературныя Лѣтописи“. Довольно замѣчательно, что изданіе перевода „Адольфа“, въ числѣ 600 экземпляровъ, совершенно успользовало отъ переводчика и пропало для него безъ вѣсти и безъ прибыли, хотя, по слухамъ, и было распродано въ довольно большомъ количествѣ. Впрочемъ такова была участь всего его литературнаго производительнаго хозяйства. — Намъ никогда не случалось даже имѣть въ рукахъ Адольфа, который мнѣ составляетъ рѣдкость. По речесту Смирдина (Спб. 1841) онъ изданъ былъ въ Спб. 1831, и продавался по 1 р. 40 к. П. Б.

ніи. Благодарность даетъ мнѣ смѣлость. Сюда, только по Сѣверной Пчелѣ, Московскимъ Вѣдомостямъ и Галатеѣ, доходитъ до меня невнятный гулъ дѣйствій русскаго литературнаго міра. Другихъ журналовъ не вижу, но довольно и этихъ, чтобы знать, что все еще дерутся. Не понимаю, какъ Раичъ могъ унизиться до такой степени. Галатея его напоминаетъ мнѣ московскихъ бабъ, торгующихъ на перекресткахъ гнилыми яблоками: тотъ же товаръ и тѣ же ругательства. Мнѣ все не вѣрится, что самъ Раичъ—хозяинъ своего журнала: я ожидалъ бы отъ него болѣе благопристойности и по характеру его и по прежнимъ мнѣніямъ объ общей невѣжливости нашихъ журналистовъ. Теперь скорѣе можно, согласно съ ошибкою вашею, принять его за *Раича* (3), чѣмъ за *Раича*. Критики его болѣе отзываются героемъ поэмы Василія Львовича, чѣмъ воспитанникомъ Виргилія и Тасса, образовавшагося въ школѣ Георгія и Освожденнаго Іерусалима. Ради Бога, вымойте ему голову порядкомъ и отмойте отъ N. N. Раичъ нѣкоторымъ образомъ вашъ крестникъ; вы воспріяли его изъ чернильной купели, осѣнили знаменіемъ академической медали: на вашей душѣ лежитъ обязанность ограждать его отъ Нечистаго, а что можетъ быть нечище статей N. N. и Шаховскаго? Дуньте и плюньте еще разъ за Раича! А что дѣлаетъ мой крестникъ, Телеграфъ, отъ котораго также я отрекся? Кажется, его что-то крѣпко жмутъ; но у Полеваго *тройнымъ булатомъ грудь вооружена*: оттерпится..... Если я отсталъ отъ русской *литературности* (грѣшно называть ее литературою), и если впрочемъ можно отстать отъ того, что не идетъ, то взаимнъ удовольствую себя французскими пособіями. По милости Ланскаго читаю *Journal des Débats*, по счастливой находкѣ получаю отъ сосѣда *Le Globe* и нашелъ у себя

нѣсколько новостей прошлогоднихъ, присланныхъ мнѣ Белизаромъ изъ Петербурга. При этомъ каминъ, трубка во рту, халатъ на плечахъ, разнородные съѣстные припасы за утреннимъ чаемъ—и, не будь болѣзней на свѣтѣ, я благословлялъ бы отъ чистаго сердца мое житье-бытье на гостепріимной почвѣ, которую, Божіею милостію, владѣетъ П. А. Кологривовъ, еще не возвратившійся изъ своей тяжёлой поѣздки, угрожающей мнѣ и вамъ на возвратномъ пути чтеніемъ новыхъ записокъ à la Beaumarchais.

Я былъ очень опечаленъ смертью Нелединскаго и его дочери (4) и сильно пораженъ ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно ли видѣлъ и его въ Петербургѣ блестящимъ счастливецемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ; давно ли завидовалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего воображенія имѣлъ всегда приманку чудесности восточныхъ сказокъ, общалъ ему навѣстить его въ Тегеранъ и еще на дняхъ, до полученія роковаго извѣстія; говорилъ женѣ, что, не будь войны на востокъ, я нынѣшнимъ лѣтомъ съѣздивъ бы къ нему? Какъ судьба играетъ нами и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійць, изнемогающаго подъ ихъ ударами. И тутъ есть что-то похожее на сказочный бредъ, но бредъ ужасный и тяготительный.—Со временемъ хотѣлъ бы я написать біографическое извѣстіе о Нелединскомъ и съ согласія его наслѣдниковъ собрать и издать его стихотворенія. Приѣгну тогда къ содѣйствію вашей памяти: вамъ, вѣрно, извѣстны нѣкоторыя подробности изъ его жизни. Какъ мнѣ желается, чтобы вы въ дополненіе къ вашимъ Запискамъ написали воспоминанія свои о Карамзинѣ,

(3) Въ прежнихъ письмахъ къ И. И. Дмитріеву была уже замѣтка о немъ см. Р. Ар. 1866, стр. 1720.

(4) Кн. Аграфена Юрьевна Оболенская, умершая также, какъ и отецъ ея, въ Калугѣ, гдѣ князь А. П. Оболенскій былъ гражданскимъ губернаторомъ.

хотя не въ полномъ видѣ, а въ видѣ матеріаловъ біографическихъ. Никто лучше вашего не слѣдовалъ за всею его жизнью: она вся въ вашей памяти и въ вашемъ сердцѣ, и если вы не сохраните ея, то она пропадетъ безъ слѣдовъ; разумѣется, говорю здѣсь, такъ сказать, о драматической, дѣйствующей части жизни его. У меня лежитъ на сердцѣ потребность и обязанность принести дань памяти его, но безъ вашего пособія жизнеописаніе, начертанное мною или кѣмъ бы то ни было, будетъ безъ души, безъ движенія. Окажите мнѣ благодѣяніе и значительную услугу русской словесности. — Отыскали-ли вы кабакъ, ученую дочь (5) и пьянаго отца, о которыхъ намъ говорили? Желалъ бы я знать подробности этого романическаго похода и жалѣю, что не могъ быть вамъ товарищемъ.

Жена моя и все мое семейство свидѣтельствуютъ вамъ душевное почтеніе. Меньшая дочь наша вѣрна въ страсти, которую вы ей внушили: предпочтительно предъ другими читаетъ и выучиваетъ наизусть ваши стихи. На дняхъ отыскала она въ бумагахъ моихъ вашу визитную карточку, вскричала: „ахъ, душечка мой Дмитріевъ!“ и бросилась ее цѣловать. Отцу и не годилось бы такъ обнаруживать слабости дочери своей, но я надѣюсь на вашу скромность и не боюсь огласки (6).

Примите на себя трудъ передать мой усердный поклонъ В. В. Измайлову. Не знаете-ли чего о Дашковѣ?—Если вамъ угодно будетъ удостоить и порадовать меня письмомъ, то напишите его прямо въ Пензу, съ которою ведемъ почтовые сношенія, хотя и находимся въ Саратовской губерніи.

(5) И. И. Дмитріевъ, по донесеніямъ литературныхъ своихъ лазутчиковъ, зналъ о существованіи подобнаго семейства. Дочь писала стихи, а отецъ для большаго удобства пробылъ въ потолкѣ комнаты своей свободное сообщеніе съ кабакомъ, который находился въ верхнемъ этажѣ. Дмитріевъ намѣревался посѣтить этотъ домъ и лично освидѣтельствовать странную картину.

(6) Рѣчь идетъ о княжнѣ Надеждѣ Петровнѣ, 18-ти лѣтъ умершей и схороненной въ Баденъ-Баденѣ.

## II.

С.-Петербургъ, 17 июня 1830.

Насъ было порадовали надеждою увидѣть здѣсь ваше высокопревосходительство. Кто-то писалъ изъ Москвы, что вы готовите дорожную карету и собираетесь прогуляться въ Ригу и Ревель; но вашъ петербургскій корреспондентъ, Франкъ, сказывалъ мнѣ, что въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы ни слова не упоминаете объ отъѣздѣ. И такъ надеждъ нашей, кажется, не сбыться.

Какъ надежды, такъ и заключенія часто обманчивы. Зная ваше благосклонно-сатирическое мнѣніе обо мнѣ, я увѣренъ, что если и прихожу вамъ иногда на память, то не иначе какъ въ вихрѣ вѣчнаго движенія, увлеченный волною бала, спектакля или обѣда—теперь въ Малой Морской, черезъ часть на Петергофской дорогѣ, а черезъ два — на Черной рѣчкѣ. Ахъ! Вашими устами-бы медъ пить, или вашими догадками бы веселиться! Но дѣло совсѣмъ не такъ, какъ вы полагаете. Я—домосѣдъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ не выхожу изъ комнаты: правда, для поясненія вамъ загадки, слишкомъ для васъ мудреной, прибавить долженъ я: и едва хожу по комнатѣ. Меня вывалили изъ дрожекъ или правильнѣе—повалили съ дрожками на Каменноостровскомъ мосту и зашибли больно лѣвую ногу. Опасности не было и нѣтъ, но была, есть и будетъ еще,—не знаю на долго ли, — скука одиночества и заточенія: довольно и того для моихъ кочующихъ обычаевъ.—Я виноватъ передъ вами, писалъ къ вамъ только однажды, въ письмѣ Карамзинныхъ; но въ письмахъ къ женѣ моей часто были обращенія къ вамъ, и я поручалъ ей сообщать в. в. п-ву все то, что до меня касалось и дѣлалось со мною любопытнаго. Все, что могу прибавить къ тому, есть то, что числюсь въ службѣ, но не скажу еще, что служу, хотя исполняю нѣкоторую должность, а именно производителя дѣлъ въ Коммерческомъ Совѣтѣ. Но тутъ и занятій мало, и средствъ выказаться еще менѣе.... Эта служба

въ родѣ службы П-ва въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, съ тою разницею, что мои члены умнѣе его членовъ... Надѣюсь со временемъ выкарабкаться изъ тины и выплыть на свѣжую воду. Бенкендорфъ мнѣ именно сказывалъ, что государево желаніе есть занять меня службою дѣятельною и видною. Мнѣ обѣщано, что Государь, по возвращеніи своемъ, призоветъ меня къ себѣ. Такимъ образомъ я жду и не лѣзу впередъ, чтобы не показаться слишкомъ нетерпѣливымъ и неумѣреннымъ. Кажется, министръ расположенъ ко мнѣ хорошо, внимателенъ, не смотря на свою холодную сухость; но сблизиться съ нимъ трудно, а въ особенности мнѣ. При всемъ истинно-государственномъ умѣ своемъ, просвѣщенномъ и открытомъ, онъ имѣетъ и слабости тѣснаго самолюбія: одна изъ нихъ—увѣренность, что никто лучше его, никто кромѣ его не умѣетъ писать по русски; что языкъ и слогъ Карамзина не свойственны духу Русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, назначеніе мое, по волѣ Государя въ министерство его было ему нѣсколько не пріятно: онъ видѣлъ во мнѣ русскаго литератора, котораго налагаютъ ему для русской редакціи, какъ будто вслѣдствіе неодобренія бумагъ, у него писанныхъ. Мнѣ сказывали о томъ люди ему приближенные, и самъ онъ повторялъ мнѣ, что пишеть все обыкновенно самъ, говори, что никогда другому нельзя передавать вѣрно чужія мысли, а поправлять чужую редакцію труднѣе, чѣмъ составить ее самому (?). Поэтому я опре-

(?) Графъ Е. Ф. Канкринъ говорилъ по русски съ сильными нѣмецкими выговоромъ и неправильно, но всегда мѣтко и оригинально. Въ преданіяхъ государственнаго совѣта и комитета министровъ хранятся многіе его отзывы и живописныя выраженія. Онъ любилъ употреблять простонародные слова и обороты. Однажды говорилъ онъ: „Теперь, матушка, имѣю важное дѣло на ферсталя“. Въ другой разъ говорилъ онъ, что много потерялъ здоровья, *сидя пятнацать лѣтъ на этомъ огненномъ стулѣ министерства финансовъ*. Память о немъ, какъ о знаменитомъ государственномъ человѣкѣ и умномъ и оригинальномъ собесѣдникѣ, останется навсегда близкою Россіи и во всемъ имѣвшемъ случай быть съ нимъ въ

дѣленъ именно въ такое министерство, въ которомъ у меня руки связаны и буду дѣйствовать вопреки способностямъ своимъ. Впрочемъ, творю волю не мою, а волю пославшаго мя. — Между тѣмъ, дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Служба меня не занимаетъ дѣйствительно, а отрицательно, т. е. мѣшаетъ заниматься литературою. Нѣсколько часовъ утра, проведенныхъ ежедневно въ департаментѣ, наводятъ на весь день какую-то тупость въ понятіяхъ и охлажденіе къ умственной дѣятельности. Со временемъ, можетъ быть, и тутъ будетъ благоприятный переломъ, и умъ пріучится дѣйствовать на обѣ руки.

Податель письма сего—Михаилъ Даниловичъ Деларю, нашъ молодой поэтъ и едва-ли не родственникъ, или не свойственникъ вашъ, покрайней мѣрѣ вашъ соволжанинъ. Онъ вамъ будетъ живая грамота о дѣйствіяхъ и бездѣйствіи нашего литературнаго міра. Спросите у него собраніе эпиграфовъ ко всемъ русскимъ журналамъ, присканныхъ изъ комедіи *Горе отъ ума*. Есть между ними довольно забавные, и этотъ документъ годится въ вашу литературную кунсткамеру. Вообразите, что на дняхъ объявляютъ мнѣ о пріѣздѣ графа Хвостова, у котораго я отъ роду не бывалъ. Я былъ одинъ и испугался tête à tête: велѣлъ извиниться, ссылаясь на доктора, который перевязывалъ мнѣ ногу. При третьемъ я принялъ бы его непремѣнно. Онъ пріѣзжалъ освѣдомляться о моемъ здоровьѣ. Дѣлать нечего: какъ выздоровлю, надобно будетъ съѣздить къ нему. Старикъ Тесъе написалъ въ Москвѣ книгу: *Les délices de la convalescence*, а мнѣ предстоятъ *les tribulations de la convalescence*. — Пожалѣвъ о смерти добраго Измайлова, подумалъ я и о вашей грусти. Вы любили его и имѣли въ немъ собесѣдника, съ которымъ можно было вамъ мѣняться не одними словами, а и

короткихъ личныхъ сношеніяхъ. — Прекрасное изображеніе его начерталъ поэтъ Бенедиктовъ въ стихотвореніи, посвященномъ памяти его. (См. Новыя стихотворенія В. Г. Бенедиктова. Спб. 1856.)

мыслями. Закажите, по данному вами плану, некрологическую статью о немъ Иванчину-Писареву и подарите ею Литературную Газету. Измайловъ (\*) оставилъ по себѣ честную память, которую надобно сберечь. Нѣтъ ли у васъ писемъ его, удобныхъ быть напечатанными и приложенными къ некрологу его? При нынѣшнемъ упадкѣ нравственномъ нашего литтералитета, должно выставлять въ примѣръ и въ пристыженіе имена литераторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ и чистыхъ. Покойникъ принадлежалъ къ сему числу; изъ твореній его, можетъ быть, и немногому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагораживать свои способности.

Карамзины—въ Ревелѣ; они здоровы, но жалуются на лѣто, которое и здѣсь достойно жалобы и жалости. Въ воздухѣ просто осенняя свѣжесть и суровость. Какъ московское лѣто обходится съ вашимъ садомъ, мягче и вѣжливѣ ли петербургскаго съ дачами, въ которыхъ забнуть и мокнуть?—Дашкова, возмужавшаго или омужавшаго, я еще не видалъ. Любовь и юстиція отбили его отъ старыхъ пріятелей; если онъ и сохранилъ къ нимъ дружбу, то совершенно платоническую. Съ тѣхъ поръ что я боленъ, я его вовсе не видалъ, а и прежде видѣлся съ нимъ только, когда зайду къ нему попросить его о какомъ нибудь дѣлѣ. Предположеніе въ дружбѣ съ министромъ навязываетъ всегда на шею искателей и просителей, требующихъ вашего посредничества. Я отказывать не умѣю и не люблю; беру съ собою проводникомъ, а не пружиною, и слѣдовательно за дѣйствіе не отвѣчаю. Дашковъ говорилъ мнѣ прежде о желаніи отпроситься въ отпускъ недѣль на шесть, чтобы повезти молодую свою къ матушкѣ его. Вѣроятно, вы увидите

(\*) Влад. Вас. Измайловъ, литераторъ первой карамзинской эпохи. Онъ оставилъ по себѣ Записки, которыя могутъ быть занимательны, по связи его съ Карамзиннымъ, Дмитриевымъ и другими писателями того времени. — Но гдѣ эти Записки?

его въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. — Я и самъ надѣюсь побывать у васъ въ гостяхъ въ концѣ іюля.—Жуковский теперь въ Царскомъ Селѣ съ Наслѣдникомъ. Онъ все тотъ же, добръ, чистъ, благодушенъ, какъ истинный ученикъ Карамзина; но для дружбы также потерянъ, т. е. для друзей. Рѣшительно весь день его посвященъ ученію внутреннему или внѣшнему: онъ или учится, или учитъ. Дай Богъ трудамъ его имѣть успѣхъ и дать ему Россіи если не поэму, то Героя поэмы для будущихъ поэтовъ Русскихъ.—Государя ожидаютъ сюда къ 24-му, а вслѣдъ за нимъ Петергофскій празникъ и обнародованіе, столь давно обѣщанное, новыхъ постановленій и преобразованій государственныхъ и гражданскихъ.—Примите и пр.

Р. С. Дашковъ легкокъ на поминѣ и совѣсть у него чуткая: онъ какъ нарочно былъ у меня сегодня и опровергнулъ мои обвиненія.

### III.

Остаево. 30 октября, 1830 г.

Нѣсколько разъ просилъ я изъ Москвы вѣстей о в. в. п-вѣ и зналъ, что вы здоровы. Теперь лично напоминаю вамъ о себѣ, чтобы узнать отъ васъ самихъ, какъ выносите и проводите эту горестную годину (\*). Вотъ и жалъ, что не совершили предполагаемыхъ поѣздокъ въ Ревель и Петербургъ. Вы избѣжали бы печальнаго зрѣлища и тяжелыхъ впечатлѣній. Разумѣется, и заочно сердце страждетъ, зная ближнихъ и знакомыхъ въ виду подобной гибели, но все въ отдаленіи имѣешь минуты невольнаго отдыха. Легче идти на приступъ, чѣмъ жить въ осажденномъ городѣ, а Москва теперь точно въ осадѣ у лютаго врага. Слава Богу, кажется, ревность его утихаетъ и опасность уменьшается. И мы тоже живемъ въ осадѣ, окопались рвами, заперли ворота и по счастью, доннынѣ врагъ не при-

(\*) Говорится о холерѣ 1830 года.



ступалъ къ границамъ нашимъ. Долго не зналъ я, на что рѣшиться: оставаться ли въ деревнѣ или переѣхать въ городъ; но по разнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ избрать предпочтительно первое послѣднему и, слава Богу, пока не имѣю причины раскаиваться. Сначала было очень тяжело; тяжело и нынѣ, особливо же при полученіи московской почты, когда она приноситъ страшные итоги Погодина <sup>(10)</sup>; но человѣческая природа не выдерживаетъ долго сильнаго напряженія, нервы въ горести и въ радости растягиваются мало по малу, и за исключеніемъ новыхъ потрясеній, привыкаешь къ своему положенію. Такъ было и со мною. Фонъ Вязинъ будетъ обязанъ за свою біографію холерѣ; покрайней мѣрѣ, ревностно занимаюсь ею и, по поводу двухъ комедій его, написалъ большую главу о нашемъ театрѣ или театрѣ. Боюсь, не слишкомъ ли расписался и разгулялся на просторѣ по пустому мѣсту, ибо театръ нашъ не что иное. Чтобы написать стариною нашею, перечиталъ я множество русскихъ книгъ прошлаго столѣтія; дошло дѣло даже и до Тредьяковскаго. Эти чтенія даютъ мнѣ большую охоту написать обзоръ русскій словесности и выдать Русскую Библіотеку, т. е. выборъ изъ нашихъ стариковъ, которые право были лучше насъ, покрайней мѣрѣ сочиѣе. Въ одномъ Сумароковѣ болѣе мыслей и остроумія, чѣмъ во всѣхъ журналистахъ нашихъ. Изъ него можно бы составить два или три тома весьма любопытныхъ. Не знаете ли вы, есть ли у него комедія, написанная на Эмина? Въ комедіи его „Ядовитый“ есть лицо Геростратъ, которое должно быть на кого нибудь нацѣлено, и мнѣ сдается, не на Эмина-ли. Онъ говоритъ въ одной сценѣ:

(10) М. П. Погодинъ издавалъ московскіе бюллетени, во время холеры. Въ Чертовской библіотекѣ хранятся эти выходившія листки „Вѣдомости о состояніи города Москвы,“ всего 160 номеровъ съ 27 сент. 1830 по 6 янв. 1831.

„О Юпитеръ, о Магометъ, о безмолвный пустынный Балтійскаго порта!“ <sup>(11)</sup>

Что значить этотъ пустынный?.. Извините меня, что я въ такое время приступаю къ вамъ съ подобными пустяками. Охота пуше неволи. — Отъ Карамзиныхъ получаю добрыя вѣсти: они беспокоятся только о насъ и сострадаютъ Москвѣ. Должно надѣяться, что бѣда минуетъ ихъ. — Что дѣлаетъ литература наша въ эту холерическую годину? Въ числѣ новостей ограничиваюсь убійственною литературою Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю. Грѣшно злословить въ нынѣшніе дня; но, Господи прости мое прегрѣшеніе, а Полевому холера съ руки: онъ вѣрно сошлется на заразу въ запоздалости слѣдующихъ томовъ Исторіи. — Знаете ли вы что нибудь о Дашковѣ? Возвратится ли онъ въ Петербургъ, или сидитъ гдѣ нибудь въ засадѣ карантинной?

Если в. в. п-во захотите утѣшить меня увѣдомленіемъ о себѣ, то прошу написать письмо свое въ Подольскъ въ село Остафьево. Почта отходитъ изъ Москвы по понедѣльникамъ и пятницамъ.

#### IV

Декабря 14. 1830. Остафьево.

Поздравляю в. в. п-во съ выздоровленіемъ Москвы. Слышу, что и англійскій клубъ уже ожилъ. Холера прошла или проходитъ; теперь начнетъ свирѣпствовать другая зараза, зараза разговоровъ холерическихъ. Легко понимаю, что съ мнительнымъ воображеніемъ можно будетъ схватить эту болѣзнь за столонъ въ газетной комнатѣ, въ которой весь воздухъ сопрется отъ преній и анекдотовъ князя Г., Яковлева и пр. Ко мнѣ прилетѣлъ уже въ ковчегъ воронъ послѣ потопа, — Телеграфъ, котораго я давно не видалъ. Онъ все въ своемъ допотопномъ положеніи. А какъ кажутся вамъ запрещеніе Лите-

(11) Есть преданіе, что Эминъ, находясь въ плѣну у Турокъ, принялъ магометанство.

ратурной Газеты? По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И какая несообразность! Имѣтъ цензуру и вмѣстѣ съ нею налагать отвѣтственность на авторовъ! То вдругъ отрѣшить цензуру, то отрѣшить газету! Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Б...., который рѣшительно казнить и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра просвѣщенія — Блудовъ, а не какойнибудь Фотій, когда ни тотъ ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона, или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, если бы кто раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ. Не даромъ сказалъ мой Ф. Визинъ: „Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ.“ Грустно тѣмъ болѣе, что не предвидишь никакаго исцѣленія. Впрочемъ, что и говорить о паденіи Литературной Газеты, когда общее землетрясеніе ставитъ вверхъ дномъ всю Европу<sup>(12)</sup>. Какой будетъ этому конецъ? А пока не хорошо! Между тѣмъ я подъ шумомъ взрывовъ вулкановъ политическихъ и паденій газетъ и царствъ, дописываю въ тишинѣ своего Ф. Визина. Завтра при помощи Божіей допишу послѣднюю главу. Тутъ стану исправлять, переписывать на бѣло и въ скорости надѣюсь представить вамъ на судъ.

## V

Слб. 13 апрѣля 1832.

Я все выжидалъ случая, какъ бы письму моему явиться къ в. в. п-ву не съ пустыми руками. Вотъ оно и передаетъ вамъ подарокъ отъ Пушкина. Хотя я во все это время и не имѣлъ чести писать лично къ вамъ, но надѣюсь, что изъ писемъ моихъ къ женѣ и къ Тургеневу вы видѣли, какъ память

(12) Французская июльская революція.

и преданность мои неизмѣнно вѣрны вамъ. Отпускаемъ къ вамъ своихъ дорогихъ Москвичей, которые пораскажутъ о нашемъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ. Хорошо, если заслушались бы вы и пріѣхали смотрѣть сами на то, что у насъ дѣлается, если что и дѣлается. На первый случай рекомендую вамъ новую книжную лавку — Смирдина, первую европейскую лавку съ русскими книгами. Въ ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно: говорю не въ литературномъ отношеніи. Вездѣ — красное дерево, бронза, все такъ нарядно, такъ блеститъ, что русскимъ книгамъ должно быть совѣстно тутъ. По неволѣ вспомнишь стихъ Крылова....

Объ обѣдѣ для новоселья, на которомъ журналисты перепились пьяные и за который потомъ въ журналахъ передрались, говорить не стану. Увидимъ, какова будетъ *дисжестія* этого обѣда, т. е. альманахъ, который обязались мы поставить въ благодарность за хлѣбъ соль. Здѣсь есть довольно много движенія въ литературѣ, но движенія безъ дѣятельности и дѣйствія. Смирдинъ, сказываютъ, снимаетъ Сѣверную Пчелу и Сынъ Отечества и даетъ за право прежнимъ откупщикамъ по 60 или 50 тысячъ ежегодно. — Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя не объявленное Правительствующимъ Сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни — люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единого Полеваго, злоумышленники. — Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи „Европейца“, послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутаго узаконенія. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ „Европейца“ нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. „Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорили въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увиди-

те злые умыслы и революцію какъ на ладони. — Противъ такой логики спорить нечего. Здѣсь, говорятъ, что Уваровъ будетъ товарищемъ министра просвѣщенія, а другіе — и министромъ. Не знаютъ: радоваться ли тому.... Чего бы лучше Блудова на это министерство? — Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію "Дмитрій Самозванецъ", продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго. Вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющей талантъ автора. Онъ отдаетъ ее въ печать, и кажется она уже вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами. Совѣтую вамъ выписать новое сочиненіе Сальванди „la Révolution et les Révolutions“, второе изданіе: въ первомъ дается отчетъ въ 16 мѣсяцахъ, въ другомъ добавленномъ изданіи уже въ 20. Здѣсь его нѣтъ въ продажѣ, а то поспѣшилъ бы я доставить къ вамъ. Въ немъ живо и горячо описывается состояніе нынѣшней Франціи. — Политическихъ новостей здѣсь нѣтъ: всѣ глаза выпучены на Бельгію и на Анкону и ожидаютъ, чѣмъ они разрѣшатся. Я думаю, мышью. — *Augons nous la paix ou la guerre?* спрашивали у Талейрана: *Ni l'une ni l'autre* — отвѣчалъ онъ. И сей отвѣтъ удивительно вѣрно характеризуетъ нашу эпоху. Главное политическое событіе въ Петербургѣ есть запрещеніе азартныхъ игръ: этою мѣрою усилилась оппозиція. И старикъ Румянцовъ того и смотри займетъ у насъ мѣсто старика Лафайета <sup>(13)</sup>. Вижу довольно часто Блудова и рѣдко Дашкова, который самъ нигуда не ѣздитъ и принимаетъ къ себѣ только въ означенные дни. Жуковский, разумѣется, все тотъ же. Жаль, что здоровье его опять пор-

<sup>(13)</sup> Графъ С. П. Румянцовъ, умный, образованный и любезный вельможа екатерининской эпохи, нигдѣ по временамъ страсть, какъ будто заносилъ, къ игрѣ. Въ пріѣзды свои въ Москву онъ иногда по нѣскольку дней запирался въ своемъ домѣ съ извѣстными капитальными игроками и проигрывалъ имъ баснословныя суммы.

тится, судя по желтому лицу его. — Всѣ ваши знакомые ожидаютъ васъ весною сюда. Право, прогуляйтесь къ намъ. Угостимъ васъ, какъ только умѣемъ и можемъ. Въ ожиданіи пріятнаго событія надеждъ нашихъ, имѣю честь и пр.

## VI.

С. П-бургъ. іюня 3, 1832.

Позвольте мнѣ поднести в. в. п-ву въ подарокъ картинку, которая вѣроятно вамъ полюбится. По крайней мѣрѣ купилъ я ее въ надеждѣ, что и она займетъ мѣстечко на одной изъ *разнообразныхъ* вашихъ стѣнъ. Не проглядите только привидѣнія и отыщите его между деревьями <sup>(14)</sup>. Вотъ и лѣто на дворѣ, или по крайней мѣрѣ въ календарѣ, а у насъ такой холодъ, что сущая осень; но не менѣе того настала обыкновенная пора вашихъ путевыхъ предположеній и, судя по письму вашему къ Екатеринѣ Андреевнѣ, есть нѣкоторыя вѣроятности и въ пользу Петербурга. Милости просимъ! Карамзины уже отправились въ Ревель и приказали сказать вамъ, что будутъ сидѣть у моря и ждать васъ. Въ августѣ отправятся они въ Дерптъ. Вообще нашъ кругъ рѣдѣетъ. Жуковского здоровье такъ плохо, что рѣшеніемъ медиковъ, присланныхъ къ нему на совѣщаніе отъ Императора, положено ему ѣхать въ Эмсъ, а на зиму въ Италію, или въ южную Германію. Не смотря, что жаль разстаться съ нимъ на годъ, но я перекрестился отъ радости и разцѣловалъ доктора Арендта, когда узналъ, что дѣло рѣшено. Все это время Жуковский истинно сокрушалъ насъ болѣзненнымъ лицомъ своимъ. Постоянное кровотеченіе совершенно изнурило его и угрожаетъ водяною. Онъ бѣлъ, желтъ и прозраченъ какъ воскъ. Духъ его былъ также въ разительномъ упадкѣ. Дай Богъ, чтобы вре-

<sup>(14)</sup> Не говорится ли здѣсь о картинкѣ, которая представляла видъ св. Елены съ тайнымъ или по крайней мѣрѣ неприхвѣтнымъ на первой взглядъ изображеніемъ Наполеона?

мя не ушло и воды могли бы помочь ему. Тургеневъ также пускается странствовать по бѣлому свѣту, не зная, гдѣ бросить якорь свой за разными холерными и политическими карантинами, разставленными вдоль и поперекъ Европы. На подставу возвратился къ намъ Михаилъ Вьельгорскій, нимало не измѣнившійся въ трехлѣтнее отсутствіе, хотя и выучился языкамъ греческому и еврейскому и окурился германскою философіею. Но всѣ эти приобрѣтенія не подавили собственности его, и онъ попрежнему милъ, любезенъ и добрый пріятель. Здѣсь есть еще замѣчательный гость: Понцо ди Борго, но я еще не встрѣчалъ его и даже не слыхалъ о немъ ничего особеннаго и животрепещущаго. — Городскія гостинныя уже закрыты, а сельскія за холодомъ еще не растворены, и такимъ образомъ люди не сходятся, и движеніе общегитія пока въ оцѣпенѣніи. Впрочемъ, Петербургъ такой глухой городъ, что не скоро дождешься въ немъ эха. Здѣсь на дѣлѣ сбывается извѣстная шутка иностранца, что въ Россіи рѣчи мерзнуть въ воздухѣ; по крайней мѣрѣ — умныя. Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ общаннаго позволенія, даннаго Пушкину — издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это — важное событіе, ибо подрываетъ журнальный откупъ, снятый Гречешъ и Булгаринимъ. Желая воскресить для васъ А. Е. Измайлова, сообщу вамъ одинъ анекдотъ о графѣ Хвостовѣ. Онъ публично упалъ и растянулся на землѣ, на Елагинскомъ гуляньѣ, садясь въ коляску свою. Жена завизжала, и весь народъ бросился смотрѣть его и слушать ее; но все обошлось безъ бѣды, и графа подняли, какъ ни въ чемъ не бывало. Приключеніе это, вѣроятно, будетъ воспомѣтствомъ Хвостовымъ. Былъ и другой случай подъ деревомъ въ Лѣтнемъ саду. За неимѣніемъ Измайлова неужгодно ли будетъ в. в. п-ву предложить этотъ сюжетъ сосѣду вашему Неѣлову <sup>(15)</sup>. Впрочемъ, бѣд-

(15) Сергій Алексѣевичъ Неѣловъ извѣстенъ былъ

ный Хвостовъ жалокъ; онъ такъ дряхлъ и разслабъ, что недолго осталось ему публично падать, писать и...

Молодое министерство наше хвораетъ, т. е. не нравственно и не политически, а просто — тѣлесно. Блудовъ и Дашковъ — не здоровы. Перваго я видѣлъ, онъ простудился; другаго мало видишь и здороваго, а о больномъ и говорить нечего. Онъ, я думаю, хотѣлъ бы заочно показывать и языкъ свой доктору, если можно. Всѣ общіе друзья наши свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, а здѣсь остающіеся приглашаютъ васъ въ гости. Получили-ли вы отъ Беллизара нѣсколько изъ новопривезенныхъ книгъ? Есть между прочимъ и довольно замѣчательныя, хотя ультра-романтическая литература, т. е. уголовная, тюремная, лобная и циничская, овладѣла почти всѣми типографическими станками. Есть книга: *La pile de Volta, recueil d'anecdotes violentes, publiées par un partisan de la littérature galvanique*. Книга пустая, но заглавіе очень хорошо, а эпиграфъ еще лучше: *Vous voulez des secousses nerveuses, vous en aurez*. И въ самомъ дѣлѣ, книга, которую не нужно запивать гофманскими каплями, теперь не произведетъ никакого дѣйствія.

## VII.

С-пб. 19 іюля 1832.

Я былъ тронутъ живѣйшимъ чувствомъ благодарности, получивъ обязательное письмо в. в. п-ва — лестное и драгоцѣнное свидѣтельство вашего вниманія и заочнаго дружескаго благорасположенія къ Остафьевскому имениннику, ибо, когда меня и нѣтъ, я все таки именинникъ въ одномъ Остафьевѣ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, я — просто безыменный. Тамъ сердце, память и всѣ чувства души даютъ какой-то особенный смыслъ Петрову дню и смыслъ *непереводимый*, во всѣхъ

въ свое время острыми шутками и забавными стихами, въ родѣ тѣхъ, кои въ позднѣе прославился Мятлевъ.

отношеніяхъ этого слова. Ни на какой языкъ и никакъ съ мѣста его не переведешь. Сколькихъ уже нѣтъ, которые праздновали съ нами этотъ день; изъ живыхъ — какъ многихъ судьба разбросала и растасовала; кого вверхъ, кого внизъ, а все разрознила. — Отъ Жуковскаго и маленькаго Гримма-пилигрима<sup>(16)</sup> имѣли мы извѣстія изъ Любека. Они доплыли благополучно, хотя плыли съ трудомъ и опасностью. Погода была довольно крутая. Теперь и они разѣхались, каждый въ свою сторону. Жуковский на моръ чувствовалъ себя бодрѣе и здоровѣй, по крайней мѣрѣ кровь остановилась. Хорошо, что успѣлъ онъ во время убраться. Cholera сильно свирѣпствуетъ въ Любекѣ, и вѣроятно пароходное сообщеніе съ Петербургомъ на время прекратится. Cholera разнеслась и по водамъ, между прочимъ въ Теплицѣ, а какъ слышно — и въ Карлсбадѣ. Видно, никому не миновать ея. Беллизаръ сказывалъ мнѣ, что онъ вамъ постоянно пересылаетъ замѣчательныя новости. А вѣсь, не доставилъ онъ еще слѣдующей, и мой гостинецъ не опоздаетъ. Это — письма молодаго кн. Мещерскаго, сына Синодалнаго и письма нѣсколько синодскія, а съ другой стороны много ребяческаго жара и болтовни, много самохвальства, не только патріотическаго, которое извинительно и даже увлекательно, когда оно поддержано дарованіемъ, но много самохвальства личнаго и вовсе не приличнаго. Признаюсь, излишній патріотизмъ и въ самомъ эпиграфѣ. Выходя на бой съ Европою, смѣшно взять Шаховскаго герольдомъ своимъ,

<sup>(16)</sup> Гриммъ-пилигримомъ называли Александра Ивановича Тургенева; сперва Дмитріевъ прозвалъ его маленькимъ Гриммомъ по сходству его съ извѣстнымъ Гриммомъ, который хотя и нѣмецкаго происхожденія, а въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія былъ французскимъ критикомъ, французскимъ литературнымъ корреспондентомъ высочайшихъ особъ, литературнымъ вѣстовщикомъ, которому были извѣстны многія завусныя тайны и слѣтны. Позднѣе, когда Тургеневъ оставилъ Петербургъ и началъ разѣзжаться по Европѣ, пріятели къ первому прозванью его Гримма прибавили слово: Пилигримъ

смѣшно имѣть союзникомъ себя и Mr. Masclet<sup>(17)</sup>. Съ ними не далеко уйдешь и никого не испугаешь. Впрочемъ, книгу все прочесть можно съ любопытствомъ и съ желаніемъ автору болѣе зрѣлости въ мысляхъ, ибо благонамѣренность одна въ подобныхъ случаяхъ недостаточна. Испанская пословица говоритъ, что *adv вымощенъ блаими на мѣреніями*. Что въ нихъ, когда они разряжаются промахами! Намъ обѣщаютъ новую оду Хвостова на сооруженіе колонны, которое послѣдуетъ 30 августа. Вотъ, в. в. п-во, пріѣзжайте на этотъ праздникъ, т. е. не на оду, а на колонну. Въ Ревель уже вамъ вѣхатъ не за чѣмъ, по крайней мѣрѣ не застанете болѣе тамъ Карамзиныхъ. 20 нынѣшняго мѣсяца выѣзжаютъ они въ Дерптъ. Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностью. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ. — Смирдинъ замышляетъ новое изданіе Истории Россійской. А что дѣлаетъ кривой романистъ и слѣпой историкъ? Здѣсь говорили, что онъ будетъ въ числѣ депутаціи, которая отправляется изъ Москвы благодарить государя отъ лица купечества.

### VIII.

Слб. 17 септ. 1832.

Благодѣтельное пособіе в. в. п-ва бѣдному Реуту<sup>(18)</sup> пришло въ самую пору и послужило ему добрыми проводами въ дальній путь. Онъ вскорѣ послѣ того и скончался. Извините меня, что извѣщаю васъ поздно о немедленномъ исполненіи порученія вашего. Я и самъ былъ боленъ и озабоченъ разными хлопотами; теперь при мертвой буквѣ посылаю вамъ

<sup>(17)</sup> Маскле (Masclet) женатъ въ Москвѣ на вдовѣ Ржевской, въ литературѣ извѣстенъ переводомъ басень Крылова.

<sup>(18)</sup> Реутъ — Полякъ, переводчикъ на польскій языкъ нѣкоторыхъ стихотвореній Дмитріева.

и живую грамматику—поэта Пушкина и будущего газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ врагами ада, т. е. Телеграфа, зажметъ ротъ Пчелѣ и прочиститъ стекла Телескопу. Новостей политическихъ и литературныхъ сообщать вамъ нечего, если и есть онѣ: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute à Moscou. Царь и Пушкинъ у васъ, политика и литература воцаренныя. Теперь Петербургъ—упраздненный городъ, и за неимѣніемъ новостей вчера спустили было слухъ, что умеръ Хвостовъ, но, благодареніе Фебу, онъ еще здравствуетъ. Изъ Дерпта получаю довольно частыя извѣстія. Андрей и Александръ уже студенты. По части ученія, Екатерина Андреевна, кажется, довольна своимъ пребываніемъ въ Дерптѣ; но впрочемъ ей все еще не по себѣи дико въ этой новой и привычкамъ ея совершенно чуждой атмосферѣ. На сыновей своихъ смотрѣла она донинѣ, какъ на дѣтей, а теперь видитъ въ нихъ юношей на поприщѣ, извѣстномъ намъ легендами преподобнаго Языкова. Крутой переходъ, нечего сказать, особенно же для матери, какова она. *Ce fil que je tenais jadis dans mes mains, пишетъ она мнѣ, et au bout duquel je croyais que mes fils se trouvaient, ici m'échappe continuellement, ou se rompt souvent; si j'étais sûre, que ce n'est pas mal pour eux, je serais tout de suite tranquille et calme, mais c'est cette incertitude qui est si pénible pour moi.....* Опасенія и волненія материнскія понятны, но должно надѣяться, что все обойдется хорошо и кончится къ лучшему. Во всякомъ случаѣ она исполняетъ обязанность и волю отцовскую. Карамзинъ всегда желалъ, чтобы сыновья его окончили свое образованіе въ германскомъ или въ дерптскомъ университетѣ. Сыновьямъ Карамзина мало имѣть обыкновенное воспитаніе, имъ нужно явиться въ свѣтъ и съ Карамзинскимъ образованіемъ.—Мы въ это послѣднее время часто говорили съ Пушкинымъ о необходимости жизнеописанія Карамзина.

Это совершенно дѣло ваше, по сердцу, по уму, по обстоятельствамъ; это необходимое пополненіе собственныхъ вашихъ Записокъ, вторая половина жизни вашей. Вся жизнь Карамзина слилась съ вашею, и память ваша—одно ея живое хранилище. Какъ вы знаете его, такъ никто не знаетъ. Если вы уже не хотите приступить къ труду полному и дѣльному, то передайте по крайней мѣрѣ мнѣ изъ памяти своей біографическія матеріалы, т. е. сокровища, которыя имѣете вы одни, и я подъ руководствомъ вашимъ буду приводить ихъ въ единство. Вы когда-то дозволили мнѣ предложить вамъ вопросы о жизни Николая Михайловича; если уже никакъ не согласитесь написать отъ себя біографическія записки о немъ, то повторю просьбу мою о дозволеніи представить вамъ нѣкоторые пункты для поясненія. Время уходитъ, и мы уходимъ. Многое изъ того, что видѣли мы сами, перешло уже въ баснословныя преданія, или и вовсе поглощено забвеніемъ. Надобно сдавать свои драгоценности въ сохранное мѣсто.

О Жуковскомъ послѣднія вѣсти были довольно утѣшительны. Онъ поправляется въ здоровьѣ своемъ. Теперь долженъ онъ уже быть въ Италиі. Отъ Гримма-пилигрима имѣли мы также извѣстія изъ Германіи, а на зиму собирается и онъ въ Италию. На дняхъ Д. Н. Блудовъ имѣлъ легкой припадокъ холерыны, которая хотя и не сильно, а все копышется здѣсь въ народѣ. Донынѣшняго времени перевалила она человекъ 700, изъ коихъ болѣе половины умерло. Д. В. Дашковъ одержимъ все тѣмъ же припадкомъ невидимости. По крайней мѣрѣ онъ и тутъ, какъ Юстиція, нелицепріятенъ, потому что равно всѣ жалуются на недовольство его—и пріятели, и недоброжелатели.

Посылаю в. в. п-ву въ гостинецъ историческую щепку изъ подмостка, разодраннаго колонною, когда тащили ее и ставили. Я самъ взялъ эту добычу по горячимъ слѣдамъ колонны. Вьельгорскій свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ скоро ожидаетъ жену свою.

## IX.

Дек. 31 г. 1832.

Приношу в. в. п-ву съ истекающимъ годомъ и съ поздравленіями на будущій повинную голову мою, или правильное сказать, повинную руку (но невинное сердце) за долгое и невольное молчаніе. Вы требуете собственноручнаго свидѣтельства отъ меня въ моемъ настоящемъ званіи: согласно требованію вашему, клянусь вамъ въ полномъ умѣ и въ совершенномъ здоровьѣ тѣла и духа, что точно я нижеподписавшійся — *исправляющій должность вице-директора департамента внешней торговли*, и тѣмъ болѣе могу васъ въ томъ удостовѣрить, что по милости Божіей приходилось мнѣ въ иное утро подписываться въ томъ до 400 разъ и болѣе. Послѣ того нельзя не вѣрить тому и не затвердить этой истины, отъ которой иногда зарябитъ у меня въ глазахъ и такъ надоѣсть мнѣ имя мое, что для роздыха и разлеченія радъ бы вмѣсто *князя Петра Вязьмскаго* написать: *графъ Дмитрій Хвостовъ*. Для полной очистки старыхъ дѣлъ, лежащихъ на совѣсти моей, слышу также довести до свѣдѣнія вашего порученіе, давно на меня возложенное. Вотъ что маленькій Гриммъ писалъ ко мнѣ изъ Венеціи: „Я давно сбирался попросить тебя дать знать И. И. Дмитріеву, что я очень огорченъ его холодностію въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ и что если я виноватъ, то невинно, и потому ему легко простить мнѣ и любить меня по старому.“

Прошу покорнѣйше сообщить мнѣ заключеніе ваше по этой аппелляціи для передачи по принадлежности. — Жуковский остался на зиму въ Швейцаріи, не столько по необходимости, сколько изъ предосторожности. Ему болѣе всего нуженъ покой, нужна неподвижность, а онъ боялся, что въ Италіи не усидитъ на мѣстѣ, захочетъ видѣть то, другое и десятое, и слѣдовательно утомится. Скуку охранительную предпочелъ онъ дѣятель-

ному удовольствію и, какъ ваша Мышь зарылся въ сыръ, но только не голландскій, а швейцарскій. Теперь болѣе прежняго должно ему заботиться о здоровьѣ своемъ, и должно намъ всѣмъ желать ему здоровья, ибо вѣроятно генералу Мердеру нельзя будетъ продолжать служеніе свое при Цесаревичѣ. Онъ очень разстроенъ въ здоровьи своемъ, и полагаютъ въ немъ аневризмъ въ сердцѣ, или другую болѣзнь въ сердцѣ, мучительную и опасную, такъ что при каждомъ припадкѣ ея сомнѣваются въ жизни его. На время, мѣсто его заступилъ генералъ Кавелинъ, бывшій адъютантъ Государя еще тогда, когда былъ онъ великимъ княземъ, а нынѣ директоръ пажескаго корпуса. Всѣ очень жалуютъ о Мердерѣ, заслужившимъ общее уваженіе и общую довѣренность. — Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ газетныхъ. Урны крестовъ, лентъ, чиновъ, наградъ еще покрыты тьмою. Что скажетъ завтра, а пока лихорадка желаній, страховъ и надеждъ колотитъ православный народъ. Урна европейской политики, не смотря на многіе признаки, содержитъ вѣроятно болѣе бѣлыхъ шаровъ мира, нежели черныхъ шаровъ войны. Франція, кажется, успокоивается, и нынѣшнее министерство овладѣло обстоятельствами, по крайней мѣрѣ на эту сесію. Это все такъ залогомъ спокойствія, потому что Франція настоящій ящикъ Пандоры. Урна же русской литературы — полупустой штофъ съ какою-то настойкой альманаховъ, романовъ и тому подобныхъ спецій. Ожидать хорошаго нечего. Имѣю честь рекомендовать на будущій годъ призрачную много питомицу, Коммерческую Газету, въ которой послѣдуютъ нѣкоторыя преобразованія и, если Богъ и добрые люди помогутъ, нѣкоторыя улучшенія.

Дашковъ по старому: друзья видятъ его развѣ тогда, когда онъ приснится имъ. Блудовъ по старому же многообразенъ и на все поспѣваетъ: министерствовать, ѣздить, говорить. Всѣ имъ очень довольны. Карамзины довольно благополучно проживаютъ въ Дерптѣ.

## X.

Слб. 2 февр. 1833.

Баронъ Розенъ, издатель Альционы, просилъ меня представить альманахъ его патріарху нашей словесности, и я поспѣшаю исполнить порученіе его. Вы тутъ найдете мою стихотворную карикатуру ультра-романтическую, написанную для шутки и съ умысломъ поддѣлаться подъ нѣкоторыхъ французскихъ поэтовъ новѣйшей школы. Полевой не понялъ всего этого и критикуетъ меня вправду<sup>(19)</sup>. Я еще не имѣлъ чести принести в. в. п-ву благодареніе мое за письмо ваше отъ 5 января. Я получилъ его больной, въ постель и въ расправѣ у гриппы, которая продержала меня довольно долго. А вы избѣжали-ли инфлуенциі ея? Здѣсь перебрала она всѣхъ поголовно. Смертныхъ случаевъ было очень немного, но были однакоже и жертвы. Вы безъ сомнѣнія уже знаете о знаменитомъ законодательномъ засѣданіи государственнаго совѣта. Государь говорилъ, сказываютъ, много и хорошо и предсѣдательствовалъ или предводительствоваъ засѣданіемъ съ большимъ искусствомъ, т. е. если не именно предсѣдательствомъ (потому что все таки князь Кочубей сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ), то по крайней мѣрѣ дѣломъ. Вчера Государь былъ опять въ совѣтѣ; читали манифестъ, который будетъ обнародованъ предъ выпускомъ въ свѣтъ приготовленнаго Свода Законовъ. Не имѣю еще никакого свѣдѣнія о вчерашнемъ засѣданіи. Рескриптъ, на имя Сперанскаго послѣдовавшій, написанъ Блудовымъ. А между тѣмъ Блудовъ былъ въ числѣ и въ весьма маломъ числѣ тѣхъ, которые, при разсужденіи о приведеніи въ законное дѣйствіе Свода, явили нѣкоторую оппозицію и настояли, чтобы Сводъ сей не былъ безъ предварительнаго испытанія облеченъ законою силою. Впрочемъ рескриптъ сей какъ ни лестенъ, но

(19) Рѣчь идетъ о стихотвореніи «Порученіе въ Ревель», данное молодому Николаю Николаевичу Карамзину. (Въ Дорогѣ и дома, стр. 22).

все самый образъ пожалованія Сперанскаго андреевскимъ кавалеромъ еще былъ для него лестнѣе, ибо онъ посвященъ въ рыцари на мѣстѣ сраженія и изъ рукъ Государя, который въ самое засѣданіе откололъ съ себя звѣзду и надѣлъ на него. — Въ самое то время, какъ я собрался составить, съ позволенія вашего, біографическіе вопросы о Карамзинѣ, явился ко мнѣ Перевощиковъ, бывшій Казанскій, а послѣ Дерптскій профессоръ, и сказалъ мнѣ о намѣреніи своемъ написать жизнь Николая Михайловича и обзорнѣе сочиненій его. Вотъ вопросы, мнѣ имъ представленные. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны своею *простосердечностію*. Не угодно ли будетъ вамъ просмотрѣть ихъ и отвѣчать на тѣ, которые покажутся вамъ достойными вниманія и отвѣта? Во всякомъ случаѣ благосклонный трудъ вашъ пригодится и мнѣ. Перевощиковъ ума не очень остраго и глубокомысленнаго, но литературные труды его не безъ достоинства. Біографическіе матеріалы его къ жизнеописанію Ломоносова, помѣщенные когда-то въ Вѣстникъ Европы Каченовскаго, сколько помнится мнѣ, собраны съ благоразуміемъ и знаніемъ. Но вообще онъ заслуживаетъ ободренія вашего въ трудѣ, который нынѣ предпринимаетъ, по уваженію и глубокой преданности къ памяти Карамзина. Я осмѣлился поручиться за васъ, что вы по возможности не откажете ему въ пособіяхъ и будете содѣйствовать его благонамѣренному предпріятію. Онъ готовъ предаться совершенно руководству вашему и повергнуть трудъ свой сужденію людей, бывшихъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ. Во всякомъ случаѣ трудъ его не будетъ помѣхою моему, и я охотно даю ему шагъ предо мною. Неизвѣстно еще, когда приступлю я къ дѣлу, а онъ уже готовъ приступить. По крайней мѣрѣ будетъ нѣчто полное о Карамзинѣ, и долгъ народной благодарности будетъ отчасти уплаченъ. Къ тому же при добрыхъ совѣтахъ и внимательномъ надзорѣ за сочиненіемъ, можно надѣяться,



что оно будетъ имѣть нѣкоторое литературное достоинство. — Я имѣлъ случай передать надняхъ порученія ваши Жуковскому и маленькому Гримму. Семейство мое свидѣтельствуемъ вамъ свое почтеніе, въ которомъ и я, какъ глава семейства, главный участникъ.

## ХІ.

Слб. мая 10, 1833 г.

К. С. Сербиновичъ будетъ имѣть честь вручить в. в. п. в. с. строки. Онъ безъ сомнѣнія давно извѣстенъ вамъ по имени, по преданности его къ семейству Карамзиныхъ и по довѣренности и уваженію къ нему покойнаго Николая Михайловича, при которомъ находился онъ чиновникомъ, такъ сказать, по особымъ порученіямъ историческимъ. Довольно и этого, чтобы расположить васъ въ пользу новаго знакома, потому и не стану болѣе ходатайствовать о милости-вомъ пріемѣ. — Приношу живѣйшую благодарность мою за письмо ваше, вчера полученное. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашимъ о предъявленномъ вамъ<sup>(20)</sup> вопросителѣ. Главное достоинство его въ томъ, что онъ честный литераторъ. Грустно признаться, а мы доживемъ или дожили до того, что про литератора, какъ про лакея, можно сказать въ похвалу, что такой-то не пьяница и проч. — Впрочемъ, дѣло не въ вопросахъ, а въ отвѣтахъ. Нанишите ихъ, а этотъ кладъ уже не пропадетъ. Что вы знаете о Николаѣ Михайловичѣ, того никто не знаетъ. Никогда не прощу себѣ, что я не былъ въ Москвѣ вашимъ тайнымъ письменнымъ шпиономъ для потомства, вашимъ Ласкарисомъ. Сколько бы сокровищъ было теперь въ моемъ меморіалѣ! Да то и бѣда, что Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Спихватился да поздно. Теперь и радъ бы записывать разговорныя достопамятности, но записывать нечего. — Радуюсь вашимъ сборамъ, но, признаюсь,

не очень имъ довѣряю. Поспѣшите пріѣхать полюбоваться выставкою. Есть на что посмотреть. На дняхъ Царь и Царица угощали во дворцѣ обѣдомъ всѣхъ нашихъ православныхъ бородачей, фабрикантовъ и промышленниковъ. Было человѣкъ 400, поболѣе. Государь сегодня въ ночь выѣзжаетъ осмотрѣть войска въ Ригѣ, Динабургскую крѣпость и возвратится въ концѣ мѣсяца чрезъ Ревель моремъ. Жена моя въ Дерптѣ, куда отправилась на другой день по полученіи извѣстія о смерти бѣднаго Николинки. Она нашла Екат. Андреевну здоровую, твердую, трогательно-покорную, какъ и должно было ожидать, зная ее, но глубоко уязвленную несчастіемъ своимъ. Тяжело ей будетъ пребываніе въ Дерптѣ, и не знаю, на что рѣшится она. На лѣто переѣхали они въ загородный домъ, въ верстѣ съ чѣмъ-то отъ города. Мещерская такъ и выѣхала изъ Петербурга, не зная о несчастіи своемъ. Мужъ хотѣлъ сказать о томъ ей дорогою, подѣзжая къ Дерпту. Она была въ такомъ ослѣпленіи, въ такой недогадливости о несчастіи своемъ, что точно было больно пробудить ее и открыть ей глаза. Къ сожалѣнію моему, до сентября и думать не могу ѣхать свидѣться съ ними. — Я на дняхъ получилъ очень милое письмо отъ Сѣверина, къ которому пересылалъ я нѣсколько писемъ для Жуковскаго. Онъ, кажется, довольно скучаетъ своимъ швейцарскимъ пастушествомъ и буколинко-дипломатическимъ мѣстомъ. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ въ письмѣ о васъ и Карамзиныхъ: „Увѣрь ихъ и „Ивана Ивановича, что въ чувствахъ „любви моей къ нимъ, почтенія, признательности никогда не было и не будетъ перемѣны.“ — Я въ искренности словъ его увѣренъ, но онъ раздраженъ обстоятельствами, сперва слишкомъ благопріятными, теперь черезъ чуръ противуположными, покрайней мѣрѣ по сравненію съ другими. И онъ никакъ не можетъ управиться съ судьбою своею, которая его то пучила (хотя и не физи-

(20) См. письмо X-а.

чески), то теперь сушить. Жуковскому лучше. Онъ, въ ожиданіи *поры питейной*, прокатался по Италіи, т. е. долженъ былъ взглянуть на Неаполь и на Римъ. Въ резстрѣ гостинцевъ, высылаемыхъ Тургеневымъ въ Россію, значатель между прочимъ: „маленькая „голова, найденная мною въ Пестумѣ „на мраморѣ, найденномъ въ Тускулумѣ, —отослать къ И. И. Дмитріеву на „память о Гримушкѣ.“—Ни гостинцевъ, ни головки еще нѣтъ. Едва осталось мнѣ мѣсто, чтобы на скоро и не очень шаркая проститься съ в. в. п-мъ и засвидѣтельствовать вамъ чувство душевнаго почтенія и неизмѣнной преданности.

## XII.

Слб. 14 авг. 1833.

Сердечно обрадовался я доброй вѣсти о вашемъ благополучномъ возвращеніи къ московскимъ пенатамъ и приношу живѣйшую благодарность в. в. п-ву за обязательное письмо, коимъ вы меня о томъ извѣщаете. Надѣюсь, что сей счастливый походъ дастъ вамъ охоту совершить и другой на будущій годъ. Надобно вамъ пользоваться бодрою старостью вашею — въ добрый часъ молвить, а въ худой промолчать — и дать друзьямъ вашимъ вкушать отъ цвѣта и плодовъ ума вашего вѣчно-юнаго. Могу увѣрить васъ, что вы оставили въ насъ живѣйшее и пріятнѣйшее впечатлѣніе. Наши отношенія всѣ такъ подѣль, разговоры наши такіе протоколы, мы всѣ такіа официальные лица, что право обдастъ душу и умъ свѣжестью и благоуханіемъ, какъ побесѣдуешь съ человекомъ изъ другой и высшей сферы.—Я отдалъ Д. Н. Блудову записочку вашу, и онъ, кажется, готовъ исполнить по возможности желаніе ваше. Я даже слышалъ, что П. П. Свининъ былъ уже послѣ отъѣзда вашего нѣсколько разъ у него. Впрочемъ, слышно, что Свининъ—одинъ изъ главныхъ редакторовъ журнала Смирдина и, можетъ быть, теперь уже не будетъ нужно ему и вре-

мени не будетъ заниматься службою. Хороша программа новаго журнала! Самое заглавіе — нелѣпность. *Библиотека для Чтенія!* Да для чего же и можетъ служить библиотека? Московскій Нащокинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать: карета для ѣзды.“—Что за глупость *рѣзкость суждений*, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ *къ самому крайнему средству*. Не въ рѣзкости суждений бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ заманка и подстреканіе для читателя. Тушья, пошля, безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. *По важности содержанія и благородному тону* не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который, открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ ресторациямъ. Что значить журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчаетъ ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ — дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣснотѣ народной, отвѣчать на право и на лѣво, заирать разговоры, прѣнія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до ноту лица своего. А что за журналъ, т. е. трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду.“—Такъ спать ложись и валийся на печи, а на площадь не суйся. — Дѣло не связываться съ негодьями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики,—глупо и неловко, потому что солжешь: будешь отвѣчать, покрѣпишься — покрѣпишься да и сорвешься. Если судить по вывѣскѣ, такъ немного добра ожидать отъ новаго журнала.—И видѣлъ, но не читалъ еще журнала Московскаго универ-

ситета <sup>(21)</sup>. Хвалятъ его. — Съ будущаго года будетъ выходить журналъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ вѣдѣніемъ Сербиновича. — Сегодня имѣлъ я честь получить второе письмо ваше и приношеніе Глянки съ супругою, которое съ письмомъ ея къ вамъ передамъ Д. Н. Блудову. Пушкинъ собирается на дняхъ отплатить вамъ визитъ въ Москвѣ. Жалѣю, что не могу сравниться въ учтивости съ нимъ. — Дерптскія вѣсти теперь хороши, а были очень печальны. Карамзинимъ домъ уже навить, или квартира въ домѣ графа Кутузова, на площади у Михайловскаго дворца. Новостей нѣтъ, новости готовятся. Прадтъ уже чинитъ перо свое и готовится описать новый конгрессъ, или новое свиданіе, потому что слово конгрессъ уже устарѣло и не въ чести. Дай Богъ всего хорошаго, и я люблю свиданія, потому въ отвѣтъ вамъ говорю также *до свиданья*, но безъ робости, а съ полною надеждою, что вы еще разъ погостите у насъ на здоровье и на многія лѣта. Съ истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Сказываютъ, что Уваровъ просилъ Шишкова дать отъ лица Академіи по 10,000 рублей на памятники Державина и Карамзина; но старикъ никакъ не даетъ болѣе 1000 рублей, чтобы не обидѣтъ стараго слога въ лицѣ Ломоносова, на памятники коего Академія дала столько же.

### XIII.

Спб. окт. 1, 1833.

Поздно отвѣчаю на обязательное письмо в. в. п-ва, потому что я ѣздилъ, если не совѣмъ въ чужіе края, какъ возвѣстила о томъ московская молва, но по вашимъ слѣдамъ ѣздилъ въ русскіе чужіе края, т. е. въ Дерптъ, гдѣ около 2 недѣль погостилъ у Карамзиныхъ. Нашелъ я ихъ въ новомъ горѣ отъ смерти маленькаго Мещерскаго. Теперь

<sup>(21)</sup> Ученыя Записки, гдѣ помѣщались между прочимъ статьи С. П. Шевырева о Дантѣ.

же оба наши, или три наши семейства возвратились въ Петербургъ; Карамзины со вчерашняго дня. Бѣдственна была для нихъ эта побѣдка въ Дерптѣ. А вѣсь этою попыткою расплатились они съ судьбою, и отнынѣ настанутъ для нихъ лучшія времена. — Не знаю, съ чего взяли, что я ѣду за границу. Въ мечтаніяхъ и надеждахъ моихъ я иногда заносиусь въ безграничную даль, но наяву и пока весьма ограниченъ и остаюсь въ границахъ умѣренности и строгой существенности. Жуковскій здѣсь: здоровье его очень поправилось. Я съѣхался съ нимъ въ Дерптѣ и провелъ двое сутокъ, а здѣсь еще не видалъ его, потому что онъ въ Ц. Селѣ и прежде половины октября не возвратится въ городъ, вмѣстѣ съ царскою фамиліею. Д. Н. Блудова я теперь съ пріѣзда не видалъ еще и не знаю, какъ идетъ подписка и проэктъ памятника; но о нашемъ приношеніи, вмѣстѣ съ прочими, послѣдовавшими на нашемъ обѣдѣ, кажется, было объявлено въ журналѣ М. В. Д. <sup>(22)</sup>. Собесѣдникъ нашъ баронъ Люцероде <sup>(23)</sup> не нахвалится Москвою и благосклоннымъ приемомъ вашимъ. Вообще онъ очень доволенъ путешествіемъ своимъ по Россіи и смотрѣлъ на нее глазами доброжелательнаго и образованнаго иностранца, что встрѣчается весьма рѣдко въ отношеніи къ намъ. Къ сожалѣнію нашему, онъ насъ оставляетъ на время и ѣдетъ на зиму къ себѣ въ Дрезденъ. Хорошо покрайней мѣ-

<sup>(22)</sup> Въ пріѣздъ И. И. Дмитріева въ Петербургъ, нѣкоторые пріятели его давали ему обѣдъ въ гостиницѣ; на этомъ обѣдѣ, чтобы порадовать и отпраздновать дорогаго гостя, Блудовъ объявилъ о высочайшемъ соизволеніи государя на сооруженіе памятника Карамзину. Тутъ же сейчасъ и открыта была подписка, которая, разумѣется началась съ имени Дмитріева.

<sup>(23)</sup> Саксонскій посланникъ въ Петербургѣ. Онъ еще и до пріѣзда своего выучился довольно хорошо порусски и во все пребываніе въ Россіи продолжалъ саниматься русскимъ языкомъ и русскою литературою. Между прочимъ перевелъ онъ на нѣмецкій языкъ одно изъ стихотвореній Кольцова, который тогда только что сдѣлался извѣстенъ.

рѣ то, что благоприятныя впечатлѣнія, почерпнутыя имъ въ Россіи, не успѣютъ остыть въ немъ, и передастъ онъ ихъ стгоряча непріязненнымъ къ намъ соевропейцамъ своимъ.

#### XIV.

Слб. 23 дек. 1833.

Позвольте мнѣ, таможенному чиновнику принести в. в. п-ву, съ поздравленіями при наступающемъ новомъ годѣ, контрабандную добычу, приобрѣтенную мною на таможенномъ аукціонѣ. Желаю, чтобы слѣдующій годъ и многія и многія за нимъ лѣта улыбались вамъ миловидно, на подобіе изображенной здѣсь красавицы. А для себя желаю, чтобы наступающій годъ принесъ мнѣ свиданіе съ вами здѣсь или въ Москвѣ. Я говорилъ Жуковскому о желаніи вашемъ имѣть списокъ съ портрета его, который вы у насъ видѣли, и онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что приметъ съ благодарностію ваше обязательное требованіе и уже заказалъ копію. И я не менѣе его благодаренъ за себя и также буду имѣть честь явиться къ вамъ на гостепріимную стѣну. Здоровье Жуковского, слава, Богу поддерживается. Видимся съ нимъ часто у меня и у Карамзинныхъ, и слѣдовательно часто вспоминаемъ и говоримъ объ васъ. На дняхъ будетъ у него чтеніе. — Пушкинъ привезъ съ собою нѣсколько тысячъ новыхъ стиховъ, въ двухъ или трехъ маленькихъ поэмахъ, и подѣлитъ съ нами своею странническою котомкою. Въ числѣ литературныхъ явленій намъ общаются и привидѣніе: покойная Бесѣда вызвана изъ гроба Шишковымъ и Федоровымъ и уже вербуетъ народъ подъ свой саванъ. Между тѣмъ всѣ ожидаютъ съ волненіемъ пришествія новаго журнала Смирдина. Готовится также журналъ народнаго просвѣщенія отъ министерства. Издатель его—знакомый вашъ Сербиновичъ, и я надѣюсь на хорошій успѣхъ. Путешествіе Барона Брамбуса раскупается и перевозится на

расхватъ. На перспективѣ, въ окнахъ книжной лавки Смирдина, объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами. Не смотря на всю эту славу, я, признаюсь, могъ съ трудомъ дочитать десятокъ страницъ его. Шутки натынуты, холодны, тяжеловѣсны. Сатира не въ дѣль, одни холостые заряды, и нигуда не попадаютъ, а рассыпаются по воздуху, даже и не горохомъ въ стѣну. Читали ли вы великодушный отзывъ Булгарина о сей книгѣ? Презабавное смиреніе наглости!—Государь былъ очень доволенъ трагедіею барона Розена: „Россія и Баторій.“ Желая видѣть ее на сценѣ, требовалъ онъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, и Розенъ уже перекроилъ трагедію свою на новый ладъ. Вотъ что значить нѣмецкое трудолюбіе! Впрочемъ въ Розенѣ точно замѣчательное дарованіе. Жуковский очень хвалитъ новыя повѣсти Сумарокова, не сенатора, а сына Панкратія Сумарокова. Такимъ образомъ наша литературочка или *литерадурочка* по маленьку шевелится. Я не прочелъ еще вашъ московскій гостинецъ, Аскольдову Могилу. — Другихъ новостей сказать нечего, кромѣ того, что по старому все благополучно, развѣ то, что Петербургъ давно не былъ такъ богатъ и разнообразенъ послами, какъ нынѣ. Французскій представляется, кажется, завтра.

#### XV.

Слб. января 9. 1834.

Имѣю честь представить в. в. п-ву личность Жуковского, а моя личность впереди, но и ее надѣюсь доставить въ скоромъ времени. Какъ показалась вамъ Ъ-ка для Чтенія? Нельзя сказать, что издатели обмѣрили публику, а скажешь скорѣе: заставъ дурака Богу молится, онъ себя и лобъ разшибетъ. Вообще наружность не блггоразумная. () внутреннемъ достоинствѣ судить вполне еще не могу, потому что не успѣлъ прочесть и десятой части всего. Замѣтилъ я только, что съ непомѣрностію толщины

книжки соглашается и непомѣрность похвалъ Сенковскаго драматической фантазіи „Тассо.“ Нѣтъ сомнѣнія, въ произведеніи семъ есть признакъ отличнаго дарованія, но чего уже не находитъ въ немъ рецензентъ? Цѣлый міръ глубокомыслия, творчества, поэзіи, такъ что подумаешь: не на смѣхъ ли онъ его такъ расхваливаетъ?

Новаго съ новымъ годомъ у насъ ничего нѣтъ, кромѣ сильныхъ морозовъ и необыкновенной оттепели, которыми другъ друга смѣняютъ въ теченіе однихъ сутокъ. Андрей и Александръ Карамзины уже обмундированы, и Андрей сегодня дежурный въ казармахъ. Да, я и забылъ поздравить в. в. п-во, какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ при лучезарнѣйшемъ дворѣ Феба, съ новымъ камеръ-юнкеромъ—поэтомъ Александромъ Пушкинымъ. Что скажетъ о томъ Полевой?

## XVI.

Спб. 18 апр. 1834.

Готовясь къ исповѣди, почитаю непремѣнною обязанностию испросить прощенія и у в. в. п-ва за долгое молчаніе. Приношу вамъ повинную голову, или правильнѣе сказать, повинную руку, ибо никогда не могу провиниться предъ вами головою, а тѣмъ менѣе еще сердцемъ. Молчаніе мое вынуждено было разными причинами. Я довольно занятъ былъ письменнымъ дѣломъ въ это послѣднее время, нѣсколько хворалъ, а тамъ, и то правду сказать, писать было нечего, т. е. хорошаго. Изустно можно передавать хандру свою, а письменю не годится. „Прискорбна есть душа моя даже до смерти.“ Знаю, однакоже, ваше благосклонное расположеніе ко мнѣ, спѣшу прибавить, что въ этой хандрѣ нѣтъ никакой личной причины, ничего особенно до меня относительнаго, а такъ, какое-то наитіе, дѣйствіе атмосферы. Мнѣ должно вамъ теперь дать отчетъ въ неисполненіи одного порученія вашего по поводу статейки, напечатанной въ Моск. Вѣдомостяхъ о первой книжкѣ Библіотеки. По совѣщаніи

съ Жуковскимъ, признали мы благоразуміе— не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, за неимѣніемъ благонадежнаго мѣста, куда послать аппеляцію. Добросовѣстность редакціи Инвалида также нѣсколько на инвалидномъ положеніи, крива и хрома. На нее опереться нельзя: какъ разъ выдастъ. Съ нею никакого дѣла имѣть нельзя, ни важнаго, ни бездѣльнаго. Съв. Пчела изъ одного пчельника съ Библіотекою. Ея устами медъ пить, того и смотри что поперхнешься. Между тѣмъ я, по приказанію вашему, говорилъ С. С. Уварову о лжеподписи краснорѣчиваго наегириста<sup>(24)</sup>. Точно грустно, что нѣтъ у насъ ни одного добросовѣстнаго журнала, куда можно было бы передать безпристрастное и честное слово. Библиотека хотя повидимому и есть столпотвореніе вавилонское, но и есть тутъ свой зодчій, который все заправляетъ по своему. Что скажете вы опипискахъ Сенковскаго? Сколько тутъ лживости, безвкусія, гаерства! А что говорятъ въ Москвѣ о паденіи Телеграфа? То-то разсужденій, толковъ, шума. Признаюсь, существованіе Телеграфа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. Телеграфъ, удержанный въ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то лиценціи, упалъ бы самъ собою, особливо же, при появленіи Библіотеки, которая вообще удовлетворяетъ потребностямъ нашей провинціальной и журналолюбивой публики. Все достоинство Телеграфа въ глазахъ многихъ было его franc parler, въ хвостъ и въ голову. Цензура, дѣйствуя на него, какъ на прочихъ, показала бы ничтожество его, ибо онъ бралъ не талантомъ, а

(24) Сколько помнится, кто-то сталъ печатать статьи въ Московскихъ Вѣдом. за подписью: И. Д., часто принадлежавшею И. И. Дмитріеву.

грудью. Запрещеніемъ онъ въ глазахъ многихъ дѣлается жертвою, и во всякомъ случаѣ заплатившіе подписчики его становятся жертвами. Теперь, я полагаю, онъ молитъ Бога, чтобы запретили Исторію его: это было бы лучшее средство для него поквитаться съ публикою. — Что за новое изданіе стихотвореній покойнаго Василя Львовича, предпринимаемое въ Москвѣ и на которое графъ Хвостовъ — собираетъ подписку въ англійскомъ клубѣ? Кто издатель? Кажется, кромѣ законныхъ наслѣдниковъ его, никто не имѣетъ на то права.

## XVII.

(Спб?) сент. 26. 1835 г.

Съ живѣйшею благодарностію прочиталъ обязательное и лестное письмо, какимъ в. в. п-во благосклонно предупредило меня, ибо я и самъ только что готовъ былъ писать къ вамъ и передать чувства и впечатлѣнія, оставленныя вами въ преданныхъ вамъ сердцахъ во время послѣдняго пребыванія вашего въ Петербургъ. Истинно, впечатлѣнія эти самыя пріятныя и незабвенныя. Друзьямъ вашимъ было такъ отрадно, послѣ разлуки съ вами, найти въ васъ въ неизмѣнной полнотѣ все, чѣмъ они всегда такъ въ васъ дорожили, ту же самую живую любезность ума, ту же благосклонность, теплоту чувствъ, всѣ сіи свойства, кои отъ времени, отъ обстоятельствъ такъ часто измѣняются, особенно же въ нашемъ быту, преданномъ на жертву текущимъ дѣламъ всепоглощающей дѣятельности. Мы истинно отдохнули и помолодѣли съ вами. Я же наиболѣе душевно вамъ благодаренъ. Въ тяжкой скорби моей, охолодѣвшій совершенно ко всѣмъ виѣшнимъ впечатлѣніямъ, я снова находилъ уже забытую сердцемъ отраду въ тихомъ и пріятномъ развлеченіи живительной и занимательной бесѣды. Отъѣздъ вашъ оставилъ незамѣстимое мѣсто въ семейномъ кругу нашемъ, несмотря на то, что онъ пополнился возвращеніемъ и прочихъ загранич-

ныхъ гостей. Напротивъ, и они завидовали намъ, что мы имѣли сердечное удовольствіе провести съ вами нѣсколько времени; и мы жалѣли за нихъ, что не раздѣляли съ ними этого удовольствія. Намъ очень прискорбно было узнать, что Москва готовила вамъ такую печальную встрѣчу. Ваше московское одиночество еще стало тѣснѣе. Это грустно. Право, назначьте Москву подмосковною своею и живите тамъ лѣто, а остальное время года съ нами, или по крайней мѣрѣ выберите Петербургъ своимъ увеселительнымъ домомъ и пріѣзжайте къ намъ ежегодно мѣсяца на два или на три. Я увѣренъ, что и для здоровья вашего эта дѣятельность будетъ очень полезна. Я передалъ Д. Н. Блюкову и поклонъ вашъ, и порученіе, присоединивъ къ оному и мою покорнѣйшую просьбу, изъ благодарности къ бывшему попечителю моей юности, у котораго провелъ я нѣкоторое время въ домѣ при Московскомъ университетѣ. Д. Н. сказалъ мнѣ, что онъ готовъ сдѣлать все возможное, сколько изъ желанія исполнить волю вашу, столько же изъ уваженія къ профессору Рейсу, котораго онъ лично знаетъ <sup>(2)</sup>. Жуковского я съ отъѣздавашего почти не видалъ: онъ пріѣзжалъ въ городъ только на нѣсколько часовъ. Новостей, кажется, никакихъ нѣтъ, кромѣ — *медовыхъ*, т. е. собираемыхъ намъ Сѣв. Пчелою. Впрочемъ я нигдѣ не бываю и почти никого не вижу. Городъ еще довольно пустъ. Д. Г. Бибииковъ начинаетъ оправляться. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за обязательное воспоминаніе. Вѣльгорскіе ожидаютъ на дняхъ графиню и свидѣлствуютъ вамъ свое почтеніе.

За неимѣніемъ возможности изустно поздравить в. в. п-во съ нынѣшнимъ

(2) По возвращеніи сына пзь пансіона въ Петербургъ, князь А. И. Вяземскій поѣхалъ его у профессора Рейса, въ домъ коего слушалъ онъ частныя лекціи професс. Рейнгарта, Буле и другихъ. Позднѣе Рейсъ завелъ антеку, и Денисъ Давыдовъ говорилъ князю Вяземскому: «я не зналъ, что отецъ твой готовилъ тебя въ антекари».

днемъ, я хотѣлъ по крайней мѣрѣ начать его письменно съ вами и заочно быть у васъ сердцемъ и помышленіемъ. Примите мое привѣтствіе и мои задушевные желанія. А чего желать вамъ? Ужь вѣрно не *новаго счастья*, а продолженія *старого*, которое вамъ не измѣнить, потому что оно въ васъ. Пушкинъ поѣхалъ въ Псковскую деревню мѣсяца на три, вѣроятно разрѣшиться отъ бремени, потому что осень есть обыкновенная пора его беременности и родовъ.

### XVIII.

Слб. 13 дек. 1835 г.

Не знаю, удастся ли мнѣ предупредить московскихъ книгопродавцевъ, но во всякомъ случаѣ не хочу отпустить жену въ Москву безъ гостинца къ в. в. п-ву и посылаю вамъ сочиненія Баранта, французскаго посла, ожидаемаго на дняхъ въ Петербургъ. Знаю вашъ вкусъ къ сочиненіямъ подобнаго рода и увѣренъ заранее, что вы прочтете ихъ съ удовольствіемъ. Во дни нашей пьяной литературы, любезная трезвость Баранта очень замѣчательна и отдохновительна. Жена моя расскажетъ вамъ, какая была у насъ на дняхъ тревога по причинѣ болѣзни Андрея Карамзина. Онъ былъ въ большой опасности, и вы поймете нашъ страхъ, а особенно страданія бѣдной матери. Теперь ему стало легче, но совсѣмъ тѣмъ здоровье его вовсе ненадежное. О себѣ сказать вамъ почти нечего, а что и есть, то можетъ рассказать живая грамота, хотя любопытнаго и занимательнаго и тутъ не много; но зная постоянное и обязательное участіе, принимаемое вами во всемъ, что до меня касается, я увѣренъ, что вы захотите знать и маловажное. О литературѣ, то же что и обо мнѣ, немного разговоришься. Читали-ли вы Бенедиктова? Хотя онъ поэтъ не совершенно по вашему чувству и нѣкоторыя романтическія замашки его должны подвергнуться критикѣ вашей; но я увѣренъ,

что вы оцѣните въ немъ то, что носитъ отпечатокъ истиннаго дарованія: оригинальность, сильное и часто вѣрное и полное поэтическое выраженіе. Къ тому же это первый шагъ его; писалъ онъ точно про себя, ни съ кѣмъ не знался и не могъ совѣтоваться, скромненько какъ молодая дѣвица и слѣдовательно подаетъ еще богатая надежды. — Можетъ быть, въ началѣ будущаго года пріѣду я въ Москву недѣли на три, и вашъ кабинетъ одна изъ пріятнѣйшихъ цѣлей моихъ ожиданій. Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева: въ языкѣ и стихахъ его часто встрѣчаются невѣрности, отзывающіяся Мерзляковымъ, который по слову Жуковскаго, *побирался у сосѣдей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось подъ перо, или не могло уломаться въ стихъ. Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знанія, способность, и держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ — не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный. Ради Бога, скажите, что это за птица *Авениръ Пародный*, который вретъ о старинѣ? Виновать, а мнѣ сдается, что это Макаровъ, *другъ любимый*. Все и всѣ лица перепутаны. Мерзляковъ не былъ никогда короткимъ человекомъ въ домѣ Нелединскаго. Батюшковъ едва ли бывалъ у кн. И. М. Долгорукаго. Такая суматоха во всѣхъ лицахъ и отношеніяхъ ихъ, что толку и правды не доберешься. Подозрѣваю Макарова, потому что помню письма его о Петербургѣ, въ которыхъ онъ рассказывалъ, вѣроятно Бланку, о домѣ и обществѣ графини Лаваль, которой никогда не знавалъ. Охота Шевыреву печатать такую дрянь и еще за подписью, которая можетъ быть причиною запрещенія журнала.

Можетъ быть, вы любопытствуете прочесть академическія тетрадки, присланные Тургеневымъ изъ Парижа? По

прочтениі потрудитесь передать ихъ Чадаеву, для доставленія Шевыреву.

### XIX.

Спб. 25 февр. 1836.

Позвольте мнѣ обратиться къ *всеевропейно* в. в. п-ва съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи мнѣ свѣдѣній изъ богатаго архива памяти вашей о какомъ то *Веселовскомъ*, который въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ въ чужихъ краяхъ; въ 1766 г. былъ уже въ Петербургѣ и назначается былъ въ кураторы Московскаго университета (что вижу изъ писемъ его къ И. И. Шувалову), но не знаю, былъ ли онъ послѣ утвержденія въ семь званіи. Вѣроятно, это тотъ самый, про котораго рассказываютъ, что онъ не хотѣлъ возвращаться въ Россію, пока пословицы подобныя: *безъ вины виноватъ, все Божіе да государево* и прочія, сохраняютъ въ ней законную силу. Не припомните ли чего нибудь о немъ? Не былъ ли онъ писателемъ? Что дѣлалъ въ Россіи по возвращеніи своемъ? Когда умеръ? Оставилъ ли по себѣ дѣтей?.... Кстати также осмѣлюсь понавѣдаться у васъ о *Борисѣ Солтыковѣ*, жившемъ въ Женевѣ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ и служившемъ посредникомъ между нимъ и Шуваловымъ, особенно въ то время, когда тотъ писалъ Исторію Петра Великаго. Эти лица встрѣчаются у меня въ запискахъ о Ф. Визинѣ и, мнѣ желалось бы по возможности дополнить ихъ примѣты. Мой Ф. Визинъ вышелъ здоровъ и невредимъ изъ цензуры. Готовлю его къ печати и занимаюсь теперь приведеніемъ въ порядокъ примѣчаній и историческихъ приложений. Вотъ что оправдываетъ нескромность моихъ вопросовъ и даетъ мнѣ надежду, что вы благосклонно разрѣшите ихъ изъ милости ко мнѣ и изъ любви къ русской грамотѣ. Не умѣю припомнить, нѣтъ ли чего въ Запискахъ вашихъ о Ф. Визинѣ? Если есть, то подарите меня этою драгоценностію и позвольте воспользоваться ею. Нѣтъ ли также въ бумагахъ вашихъ извѣстнаго посланія

А. С. Хвостова къ Ф. Визину, гдѣ онъ называетъ его *людскими умомъ безмѣнъ* и пр.? Да кстати! Что сдѣлалось съ бумагами Плат. Петр. Бекетова? Въ нихъ должно быть много неизданныхъ рѣдкостей по части нашей литературы. Кому достались онѣ? Нельзя ли пересмотрѣть или приобрѣсть ихъ? Еще разъ кстати, и этотъ разъ надѣюсь вознаграждать утомленное терпѣніе наше пріятнымъ для васъ извѣстіемъ: на дняхъ отыскана здѣсь (вѣроятно, извѣстная вамъ по слуху и которая почиталась донинѣ пропавшею) *политическая записка о Россіи*, писанная Никол. Мих. для Екатерины Павловны. — Давно уже ничего не знаемъ о в. в. п-вѣ, хотя знаемъ отъ пріязнихъ о главномъ, т. е. что вы здоровы. Живемъ здѣсь всѣ по старому, какъ семейство Карамзиныхъ, такъ и семейство Вяземскихъ и прочіе общіе благопріятели и знакомцы. Пушкинъ подвизается на журнальное поприще, и вѣроятно уже вамъ извѣстно о скоромъ появленіи его *Современника*.

*Позднѣйшее примѣчаніе*. На оборотѣ сего письма, на образовавшихся отъ сложенія его квадратахъ, набросаны рукою И. И. Дмитріева карандашомъ слѣдующія строки, видимо служація отвѣтомъ на предыдущее письмо: (Точки... означаютъ неразобранныя слова). (Веселовскій) „Былъ въ одно время съ Мелиссно и Херасковымъ опредѣленъ .....уѣзжалъ было на время въ чужіе края. Сочиненіями не занимался, а памятенъ только университету тѣмъ, что былъ кропотливъ въ занятіяхъ, въ дѣлахъ конференціи“.

„Шуваловъ предлагалъ Д. И. Фонъ Физину (sic!) мѣсто директора (два эти слова зачеркнуты)..... должность директора университета..... опредѣлилъ брата его Павла..... который и заступилъ его мѣсто.“

### XX.

Спб. 1836 г. 15 марта.

Приношу в. в. п-ву повинную и благодарную голову; но виноватъ я безъ умысла, а развѣ по легкомыслію, бла-



годаренъ же обдуманно и основательно. Мнѣ точно казалось, что я не такъ давно писалъ къ вамъ и увѣдомлялъ васъ о совершенномъ выздоровленіи и офицерствѣ Андрея Николаевича. Это убѣжденіе (не смѣю сказать *сiе*, неравно Баронъ-Брамбеусъ подсмостритъ письмо мое) есть уже доказательство постояннаго и глубокаго желанія моего писать. Часто бываетъ такъ! Отъ скучной обязанности отдѣлаемся скорѣе, потому что она тяготитъ. Тамъ же, гдѣ исполненіе обязанности есть и пріятное чувство, такъ свыкнешься съ нею, что не различишь мысли отъ дѣйствительности. На память тогда ссылаться нечего: она также можетъ обмануть. Но сердце не обманывается, а сердце сердцу вѣсть даетъ, и, обращаясь къ вашему, и увѣренъ, что оно меня оправдаетъ и убѣдитъ васъ, что если вы и не получали письма отъ меня, то развѣ потому, что я забылъ положить письмо на бумагу, но письмо было внутренно написано и отправлено вамъ. Стоило только застраховать его обыкновеннымъ порядкомъ, а я это и упустилъ изъ виду. Теперь перейду къ выраженію благодарности за обязательный отвѣтъ на письмо мое. Извлеченіе изъ Записокъ вашихъ—подарокъ для меня драгоценный и прошу позволенія подѣлиться имъ съ моими читателями, напечатавъ его цѣликомъ въ биографіи Фонъ-Визина. Ожидаю по благосклонному обѣщанію вашему извѣстнаго посланія А. С. Хвостова. Мнѣ говорили также о какомъ-то теологическомъ памфлетѣ Ф. Визина подъ названіемъ *Авакумъ Скитникъ*. Извѣстенъ ли онъ вамъ? Очень жалѣю, что рукописи Плат. Петр. Бекетова не попались въ хорошія руки. Въ нихъ должно быть много любопытнаго. Постарайтесь спасти ихъ. Я охотно пойду въ долю на выкупъ ихъ изъ рукъ невѣрныхъ и увѣренъ, что много найдется здѣсь охотниковъ. Рукопись Ник. Михайл., о которой я извѣщалъ васъ, не можетъ быть напечатана, развѣ одно начало „*Взглядъ на древнюю Россію*“, который, можетъ

быть, будетъ помѣщенъ въ Современникѣ Пушкина. Другая рукопись, т. е. письмо о Польшѣ, кажется, вамъ извѣстна. Если нѣтъ, то непременно доставлю вамъ списокъ. Современникъ подготавливается и явится въ свѣтъ въ первыхъ дняхъ апрѣля. Теперь бѣдный Пушкинъ печально озабоченъ тяжкою и едва ли не смертельною болѣзнію матушки своей. Въ первой книжкѣ будетъ Парижская хроника учено-литературно-политически-гостинная нашей Эоловой Арфы. Она благонадежиѣ хроники Надеждина, хотя и не писана съ такой высоты<sup>(26)</sup>. Читали ли вы толки Булгарина о себѣ въ Сынѣ Отечества? Любопытно! И вотъ наша литература! Поѣздка въ чужіе края Карамзиныхъ остается не рѣшеною до весны. Хотя здоровье Андрея Николаевича и поправилось, но все, по мнѣ, надлежало бы ему ѣхать. Не вынести ему тягостей службы, и малѣйшая простуда, при опасномъ расположеніи его, можетъ имѣть пагубнѣйшія слѣдствія. О здоровьи надобно думать до болѣзни, а послѣ уже поздно. Александръ назначенъ адъютантомъ по гвардейской артиллеріи и пишетъ уже не стихи, а рапортчики. Позвольте подѣлиться съ вами парижскими гостинцами. Отвѣтъ французскому журналисту писанъ Базеномъ, нашимъ инженернымъ генераломъ, который теперь въ Парижѣ, а портретъ можетъ найти мѣсто въ вашей всемірной и разнородной галлерей. *И это человекъ!* А все человѣческое намъ не чуждо.

Карамзины, Жуковский, Вьельгорскій, Пушкинъ, жена моя свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Жуковский обѣщается доставить вамъ списокъ съ извѣстной рукописи. Пушкинъ проситъ васъ не подписываться на журналъ его, а принять его принесеніе.

<sup>(26)</sup> Дмитріевъ говорилъ, что Надеждинъ, помня свое церковное происхожденіе, не уступилъ изъ виду слазить на колокольню собора Notre Dame, чтобы описать Парижъ.

## XXI.

Спб. 13 апр. 1836.

Спѣшу, по порученію Пушкина, пре-проводить къ в. в. п-ву первую книжку Современника, только что вышедшую, и билетъ на полученіе слѣдующихъ книжекъ. Самого же Пушкина здѣсь нѣтъ. Вы безъ сомнѣнія уже знаете, что скончалась недавно его матушка и онъ отправился въ Псковскую деревню, гдѣ она желала быть погребена. Печальныя забыты его въ продолженіе болѣзни и при самой кончинѣ ея, можетъ быть, повредили лучшей отдѣлкѣ и полнотѣ первой книжки. Не смотря на сухое заглавіе и даже главное содержаніе статьи кн. Козловскаго (котораго, вѣрно, знаете вы по слухамъ и по европейской молвѣ, если не знали лѣтъ за 25 тому лично), совѣтую вамъ прочесть ее. Языкъ и слогъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пятенъ, очень замѣчательны въ человѣкѣ, который всю жизнь свою провелъ за границею. Онъ собирается въ Москву, и вы найдете въ немъ любезнаго, просвѣщеннаго и добродушнаго чудака.

P. S. Позвольте докучливо напомнить о посланіи А. С. Хвостова и о рукописяхъ Плат. Петр. Бекетова.

## XXII.

Остаѣево 8 авг. 1836.

Вчера успѣлъ я только что проѣхать чрезъ Москву и пересѣсть изъ дилижанса въ коляску, уже меня ожидавшую и отправился въ Остаѣево къ своимъ молодымъ<sup>(27)</sup> и къ своей новорожденной, потому что вчера былъ день рожденія Машеньки, и я спѣшилъ изъ Петербурга попасть къ ней на объѣдъ. Пробуду здѣсь вѣроятно до середины. Нетерпѣливо желаю лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Пока сопровождаю къ

(27) Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Марья Петровна въ этомъ (1836) году, 22 мая, вышла за мужа за Петра Александровича Валуева.

в. в. п-ву одну изъ рукописей Николая Михайловича. Я взялъ ее нарочно для васъ у Екатерины Андреевны, чтобы скорѣе удовлетворить вашему любопытству, а копію отъ Жуковскаго еще не получалъ за повѣздою его въ Дерптъ, изъ коего возвратился онъ наканунѣ моего отъѣзда, такъ что я его видѣлъ только одну минуту. Прилагаю къ рукописи еще другую рѣдкую и тайную новинку, которую прошу покорнѣйше и держать *въ тайнѣ*. Можете оставить ее у себя до моего отъѣзда. Вы вѣрно слышали или читали въ иностранныхъ журналахъ про сей любопытный сборникъ, составленный, какъ извѣстно, большею частію изъ бумагу, найденныхъ въ канцеляріи цесаревича въ Варшавѣ и расхищенныхъ во время возмущенія<sup>(28)</sup>. Де-пешы Подцо ди Борго и другихъ нашихъ министровъ несомнѣнно достовѣрны. Сей сборникъ поднялъ ужасный гвалтъ въ европейской дипломатикѣ. — Карамзины, Жуковскій, Пушкинъ и Блудовъ поручили мнѣ передать вамъ чувства ихъ почтенія и преданности, а послѣдніе—спросить у васъ, одинъ: получили ли вы вторую книжку Современника, а другой: желаете ли вы имѣть собраніе отчетовъ министерства В. Д?

Теперь настанутъ для васъ трудные дни веселій, празднествъ и торжествъ. Желаю вамъ намаяться ими, а я пріѣду посмотрѣть на Москву, отдыхающую на лаврахъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

## XXIII.

Спб. 2 ноября 1836 г.

Немедленно по полученіи письма в. в. п-ва приступилъ я къ исполненію возложеннаго вами на меня порученія. Имѣю честь донести.

По совѣту Сербиновича, прибѣгнувъ я именемъ вашимъ къ посредничеству Д. Н. Блудова, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: что по мнѣнію г. Буткова, члена цензурнаго комитета, просьба

(28) Portofolio.

Кузнецова не можетъ быть не удовлетворена, что ему сію просьбу надобно подать попечителю Московскаго Учебнаго Округа, и если уже тамъ не получить онъ удовлетворенія, то долженъ просить въ главномъ цензурномъ комитетѣ. Слѣдовательно, если въ Москвѣ и былъ бы отказъ, то есть полная надежда, что здѣсь дѣло приметъ благопріятный оборотъ въ пользу Кузнецовыхъ. Не мѣшало бы вамъ, если вы желаете добра просителямъ, замолвить о нихъ слово графу Строганову при встрѣчѣ съ нимъ и передать ему здѣшній отзывъ о семь дѣлѣ, дабы предупредить возможные затрудненія и ускорить конецъ его.

Пушкинъ сказалъ мнѣ, что 3 книжка Современника отправлена въ Москву на имя ваше.

Теперь съ скромностію и совѣстливостію, свойственными альманашнику, прибѣгаю съ покорнѣйшею просьбою къ в. в. п-ву и высокопревосходительству, не по одному адресъ-календарю, но и по календарю Музъ. Я намѣренъ издать историческій и литературный сборникъ и желалъ бы упрочить достоинство его вашимъ милостивымъ участіемъ. Не соблаговолите ли (пишу въ мундирномъ фракѣ и за вице-директорскимъ столомъ, казеннымъ перомъ, подъ которое нѣкоторыя слова ложатся сами собою) наградить меня отрывками изъ вашихъ Записокъ, напр. относительноми до Державина, Карамзина, вашихъ первоначальныхъ литературныхъ трудовъ и пр. или тѣмъ, что угодно будетъ вамъ. Все исходящее отъ васъ будетъ принято мною и просвѣщенными читателями съ живѣйшею благодарностію. Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествіи Асілія Львовича. Онъ мнѣ уступаетъ ее, если только вы на это согласитесь. Я вложилъ бы ее въ біографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тѣнь, вѣрно, не оскорбится моею нескромностію, а напротивъ порадуетъ ей. При

жизни своей онъ охотно читалъ эти стихи наизусть,— по смерти своей радъ онъ будетъ, что другіе ихъ читаютъ. А стихи хоть и шуточные, но принадлежатъ къ лучшимъ сокровищамъ нашей поэзіи, и жаль держать ихъ подъ спудомъ.

Въ другой разъ обращусь къ вамъ съ вопросами о Петровѣ-лирикѣ. Мнѣ хочется издать его не полнаго, а въ выборѣ и приложить къ стихамъ его замѣчанія и біографическое извѣстіе. У насъ его совсѣмъ не знаютъ. Я его теперь перечитывалъ и объѣдался его сочными выраженіями и особенно жирными рифмами. Много въ стихотвореніяхъ его темнаго: надобно и къ нимъ ключъ какъ къ Державинскимъ, а этотъ ключъ и всѣ ключи къ литературнымъ преданіямъ нашимъ въ рукахъ у васъ одного. Кажется, я слышалъ отъ васъ, что вы знавали сына Петрова, также поэта и переводчика Иліады. Гдѣ отыскать его?

На этотъ разъ довольно нескромныхъ просьбъ. Видно, что я пишу въ мундирномъ фракѣ: такъ рука и протягивается просить. Но теперь сниму мундиръ и съ голымъ сердцемъ на рукѣ прощусь съ вами, выражая искренно чувства глубочайшаго почтенія и проч.

Пушкинъ читалъ намъ вчера повѣсть свою въ прозѣ изъ Пугачевской эпохи. Есть главы превосходныя, а вообще много живости и вѣрности исторической и нравонаблюдательной. Она будетъ напечатана въ слѣдующемъ № Современника.

#### XXIV.

Сиб. ноября 18, 1836.

Сейчасъ имѣлъ я честь получить письмо в. в. п-ва отъ 13 числа и слышу выразить вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность и за обязательное письмо и за любопытныя выписки, къ нему приложенныя. Не довершите ли вы благодѣянія своего присылкою мнѣ, разумѣется, заимообразно и на короткое время, рѣдкаго вашего экземпляра перевода

трехъ пѣсней *Потеряннаго Раа* (29). Подлинной статьи о твореніяхъ Петрова я теперь написать не успѣю, да и готовлюсь послѣ издать ихъ особенно, а по поводу у насъ неизвѣстнаго перевода его, могъ бы я накинуть о немъ нѣсколько словъ и приложить къ нимъ ваши выписки. Нынѣ же переводъ Шатобриана подновилъ въ общей памяти и самого Мильтона: оно будетъ кстати. Мнѣ право совѣстно, что я утруждаю васъ моими просьбами, а особенно собственноручною перепискою извлеченій изъ вашей рукописи. Вы отмѣтили бы только мѣста, которыя назначаете для меня и дали бы ихъ переписывать нашему Гримму. Онъ славный борзописецъ и весь свой вѣкъ по всѣмъ угламъ Европы промышлялъ этимъ дѣломъ. Относительно „Путешествія Василя Львовича“ позвольте мнѣ здѣсь взять этотъ грѣхъ на свою совѣсть предъ Сергѣемъ Львовичемъ и сестрицею его, буде случится грѣхъ. Отвѣтственность ваша будетъ въ сторонѣ и ограждена моею оговоркою: только вы молча разрѣшите меня. Если вы не откажетесь дать мнѣ три пѣсни Мильтона, то для избѣжанія почтовыхъ хлопотъ потрудитесь отослать книжку къ А. Я. Булгакову для доставленія ко мнѣ, а я его предварю о томъ.

Еще разъ преклоняя предъ вами повинную гѣлову за обременительную мою навязчивость, впрочемъ побуждаемую любовью къ *Пользѣ Россійской Словесности*, имѣю честь быть и пр.

Кстати, позвольте мнѣ напомнить вамъ о прежней моей просьбѣ, относящейся до рукописей, оставшихся послѣ П. П. Бекетова. Научите меня, покрайней мѣрѣ, къ кому именно могу отнести съ предложеніемъ о приобрѣтеніи покупкою нѣкоторыхъ изъ бумагъ его.

### XXV.

Слб. 9 декабря 1836 г.

Паки и паки приношу в. в. и-ву мою нижайшую благодарность за новыя ми-

(29) Пѣсни эти переведены Петровымъ въ прозѣ. Упоминаемый экземпляръ долженъ нынѣ храниться въ Имп. Публичной Библиотекѣ.

лости. Только, воля ваша, позвольте мнѣ украсить мой сборникъ (который Пушкинъ совѣтуетъ мнѣ назвать *Старина* и *Новина*, а не *Новизна*) и отрывкомъ вашимъ о Карамзинѣ. А то случится со мною пословица: по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Этотъ отрывокъ такъ занимателенъ и такъ живописенъ и *портретенъ!* А въ нашей литературѣ именно ничего портретнаго и нѣтъ. Благодаря новымъ критикамъ, *личностей* довольно, а *лица* нигдѣ не найдешь. Видѣли ль вы, какъ въ декабрьской Библиотекѣ отдѣланъ нашъ знакомецъ, ярославскій поэтъ Д. Е. Кашкинъ? Конечно, стихи его нелѣпы, но все нелѣпость ихъ не даетъ права трунить надъ лицомъ, рекомендовать Кашкина публикѣ и т. под. Лакейскій тонъ нашей критики усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. И вся эта лакейщина сосредоточивается теперь въ лакейской Смирдина, за уничтоженіемъ прочихъ лакейскихъ Телеграфа и Телескопа. — Гримму Гриммовичу Пилигримову передалъ я вашъ поклонъ и вашу благодарность.

Теперь ожидаю отъ вашихъ богатыхъ и великихъ милостей, для окончательнаго пополненія щедро надѣленнаго вами сборника моего, отрывка о Державинѣ и разрѣшенія на напечатаніе Путешествія. Примите и проч.

### XXVI.

Слб. 21 января 1837.

Поставляю себѣ пріятною обязанностію увѣдомить в. в. и-во, что дѣло Кузнецовыхъ (30) рѣшено, кажется, въ ихъ пользу и по вашему желанію. Нужно только будетъ перепечатать заглавный листъ и исполнить нѣкоторые цензурные обряды. Но книга отъ погибели спасена. О семъ счастливомъ успѣхѣ извѣстилъ меня Сербиновичъ и просилъ меня пересказать вамъ, сколь ему пріятно было имѣть въ семъ случаѣ воз-

(30) Московскіе книгопродавцы Кузнецовы, у которыхъ цензура останавливала изданіе Христіанскаго Календаря.

можность содѣйствовать исполненію воли вашей. Давно собирался я писать къ вамъ, поблагодарить васъ за всѣ одолженія, поздравить васъ съ наступившимъ годомъ и пожелать вамъ всѣхъ благъ и столько же лѣтъ, сколько отпраздновали мы на дняхъ у княгини Натальи Петровны Голицыной на ея столѣтнемъ (или безъ малаго) юбилей. Но досадная гриппа мнѣ во всемъ помѣшала. Худо кончилъ я старый годъ и худо началъ новый. И теперь я еще не совершенно оправился: не могу избавиться отъ кашля и, остались какая-то слабость физическая и умственная дурь. Отъ нихъ страждутъ мой Старина и Новизна. Болѣе мѣсяца не принимался и за перо и за мысль. Начинаю понемногу оживать силами и духомъ и стараюсь вознаграждать потерянное время. Нужно спѣшить: говорятъ, что книга, которая явится послѣ великаго поста, книга пропадшая. Ни покупщиковъ ни читателей на нее нѣтъ. Поправилась ли вамъ Каштанская дочка? Видѣли ли вы преображеніе и уже сугубое преображеніе Литературныхъ Прибавленій живаго покойника Воейкова? Я еще не успѣлъ принять дѣятельное участіе въ этой газетѣ за нездоровьемъ своимъ, да и нужно прежде поставить на ноги свое родное дѣтище, а послѣ уже думать про общину. Покрайней мѣрѣ желаемъ мы поддержать это предпріятіе. Теперь, когда запрещено издавать новые журналы, должно смотрѣть на существующіе какъ на маіораты. Кажется, у Плюшара уже тысячи двѣ подписчиковъ. Должно надѣяться, что и Современникъ поднимется. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ въ литературномъ мірѣ нашемъ.

Екатерина Андреевна оправилась и даже помолодѣла. Отъ Андрея получаетъ интересныя письма, и здоровье его въ хорошемъ положеніи. Тургеневъ къ вамъ собирается по приведеніи въ порядокъ своей архивной котомки. Ожидаемъ Сѣверина, который, сказываютъ, будетъ и въ Москвѣ. Сегодня обѣдалъ и у вашей московской Сафо—графини Ро-

стопчиной, которую здѣсь приняли очень хорошо, что довольно рѣдко бываетъ съ новопривъзжими, особенно изъ Бѣлокаменной.

Вамъ обязанъ я переломомъ моего письменнаго бездѣйствія и надѣюсь, что, начавши съ васъ, свыкнусь опять съ перомъ, которое я было разучился держать въ пальцахъ. Я исполнилъ обязанность сердца и совѣсти и прошу васъ принять и проч.

## XXVII.

Слб. Юня 17, 1837 г.

Спѣшу доставить в. в. п-ву только что вышедшій 1-й № Современника. Надѣюсь этою поспѣшностію закупить ваше великодушіе и заслужить полное прощеніе за долгое, но не совсѣмъ виновное молчаніе. Впрочемъ, нынѣшнее приношеніе можетъ отчасти служить извиненіемъ и оправданіемъ моимъ, и Современникъ содержитъ въ себѣ исторію моего молчанія. Тутъ и скорбь моя, и заботы, и болѣзнь, все, что тягчило и развлекало меня и заставляло откладывать до удобнѣйшаго времени отгаду и исполненіе сердечной обязанности. Всего бумагъ не передать, но истинно, во все это время я ни къ чему не былъ способенъ, и болѣзнь моя, а особенно какое-то расслабленіе въ глазахъ, которое меня сначала очень напугало, да и теперь еще беспокоитъ и лишаетъ возможности постоянно заниматься чтеніемъ и письмомъ, довершили мои огорченія и совершенно разстроили меня физически и морально. Нужно было бы мнѣ разсѣять скорби и недуги свои заграничною поѣздкою, но обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться симъ дѣлительнымъ средствомъ, и пока пью здѣсь воды и выхаживаю свои урочные часы по пыльнымъ улицамъ, отчего въ ожиданіи благопріятныхъ послѣдствій для ипохондріи моей—а дождусь ли ихъ, нль нѣтъ, Богъ вѣдастъ—я пока еще болѣе порчу глаза.

Тургеневъ порадовалъ насъ приятною надеждою на свиданіе съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ. Милости просимъ! Ожидаемъ и зовемъ васъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями нашими, хотя вашъ тѣсный кругъ ужасно осиротѣлъ, и осталось въ немъ пустое мѣсто, которое намъ уже не замѣститъ. Незадолго до кончины Пушкинъ перечитывалъ ваши сочиненія и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ. Особенно удивлялся онъ мастерской отдѣлкѣ вашего шестистопнаго стиха въ переводахъ Попе и Ювенала. Козловскій убѣждалъ его перевести Ювеналову сатиру *Желанія*, и Пушкинъ изучалъ прилежно данные вами образцы. Сколько драгоценныхъ начинаній найдено въ его бумагахъ! Большая часть изъ нихъ, особенно стихотворныхъ, будетъ напечатана въ книжкахъ Современника.

Кончено ли дѣло книгопродавца Кузнецова и кончено ли въ пользу его? Я покрайней мѣрѣ употребилъ всѣ средства къ тому, и меня обнадежили въ успѣхъ. Если же нѣтъ еще рѣшительнаго конца, то я готовъ опять хлопотать. — Если увидите С. Л. Пушкина, потрудитесь передать ему мое почтеніе и сказать, что на дняхъ буду писать къ нему. Изъ моей тарабарской грамоты, которая еще болѣе прежняго неуклюжа и уродлива, вы должны видѣть, что я пишу съ трудомъ, потому что и вы вѣрно съ трудомъ меня читаете. — Если вы уже изволили подписаться на Современникъ, то прошу увѣдомить меня — гдѣ, дабы редація могло отплатить экзemplаръ, нынѣ къ вамъ присылаемый. Вы безъ сомнѣнія уже знаете, что мы издаемъ его въ пользу семейства Пушкина и не откажетесь быть подписчикомъ. Хорошо бы, если бы въ память Пушкина, обогатили вы насъ хотя и малую вкладчиною пера вашего, хоть для того, чтобы Карамзину не быть одному.

## XXVIII.

Сиб. 13 авг. 1837.

Имѣю честь поздравить в. в. п-во съ благополучнымъ возвращеніемъ во сво-

яси, ибо я знаю, что вы благополучно, бодро и въ добрый часъ пріѣхали, застали еще московскія веселья, августѣйшихъ гостей, Жуковского, и поспѣли на высочайшую вечеринку, гдѣ были вы очень милостиво обласканы. Вы изволили видѣть, что тайная моя полиція бдительна и внимательна. — Препровождаю къ вамъ при семъ вторую книжку Современника. А между тѣмъ, для нашей редакторской отчетности, осмѣливаюсь просить васъ взять по билету, который вы имѣете отъ Шириева, двѣ вышедшія книжки Современника на нынѣшній годъ и отдать ихъ Сергѣю Львовичу Пушкину, чтобы не пересылать въ Москву лишняго экземпляра и очистить счетъ тѣхъ, которые пересылаются къ Шириеву. А я буду уже доставлять вамъ прямо отсюда и скорѣе книжки вамъ принадлежащія, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ (не рѣшился я сказать *оныхъ*, потому что всевидящее око Сенковского могло бы проникнуть тайну и часснаго письма и сдѣлать мнѣ по случаю *оному* строжайшій выговоръ въ сѣзжемъ домѣ своей Библіотеки). Мы живемъ по старому, тихо и однообразно. Петербургъ опустѣлъ и присмирѣлъ по отъѣздѣ своихъ хозяевъ:

Пусты дома, пусты роца,  
Пустота у насъ въ сердцахъ,

какъ во времена, воспѣтыя Державинымъ. Прибавлю:

Пустота и въ головѣ.

Одиночество нѣсколько оживлено прибиваніемъ здѣсь Дениса Давыдова, въ которомъ сохранились по прежнему веселость и живость неистощимая.

## XXIX

Сиб. сент. 22. 1837

(последнее письмо)

Имѣю честь поздравить в. в. п-во со днемъ вашихъ именинъ, душевно жалѣя, что не могу за столомъ у дорогаго именинника осушить задранный бо-

каль въ честь ему на многія и многія лѣта. По поздравленія и желанія мои, хотя и заочныи, неменѣе чистосердечны и согрѣты живѣйшимъ чувствомъ любви и преданности. Сердце сердцу вѣсть даетъ, и я не сомнѣваюсь, что вы съ довѣренностію откликнетесь на мой отдаленный голосъ. Позвольте поднести вамъ на этотъ день смиренный подарокъ и просить васъ отвести ему уголокъ, на одной изъ стѣнъ вашего кабинета, населеннаго портретами. Эти портреты взяты изъ большой картины (21), изображающей парадъ. Вы, вѣроятно, видѣли эту картину въ эрмитажѣ. — Я давно собирался писать къ вамъ и поблагодарить за письмо ваше, но за переездомъ изъ Царскаго Села, за совершеніемъ тяжелаго перваго переселенія изъ одной городской квартиры въ другую, что для меня сопряжено всегда съ заботами и скорбью, потому что я какъ камень прирастаю къ мѣсту своего жительства, и наконецъ за возвращеніемъ моего директора изъ отпуска и сдачею ему департамента, ввѣреннаго мнѣ на время отсутствія его, за всѣми этими недосугами и житейскими повинностями, я не могъ донинѣ на свободѣ исполнить пріятнѣйшую для меня обязанность. Но и надѣюсь, что вы великодушно простите мнѣ мое невольное молчаніе и не припишете его непростительному забвенію, или что еще хуже — неблагодарности за лестное и драгоцѣнное благорасположеніе ко мнѣ, коимъ я всегда дорожу и за которое вамъ и словомъ и молчаніемъ я неизмѣнно благодаренъ. — Новаго здѣсь ничего нѣтъ; впрочемъ свѣра новостей теперь къ вамъ приближается, и скоро Москва будетъ

(21) Вѣроятно, живописца Чернецова.

столица, а Петербургъ — провинція: слѣдовательно намъ ждать отъ васъ вѣстей, пищи и богатыхъ и великихъ милостей. Карамзины еще въ Царскомъ Селѣ и не будутъ сюда ранѣе первыхъ чиселъ октября. И китайская фрейлина (22) Наталья Яковлевна наслаждается тамъ еще холодомъ и благораствореніемъ воздуха на сквозныхъ вѣтрахъ. Я наконецъ тамъ прозябъ и переѣхалъ отогрѣваться въ городъ. Между заграничными литературными новинками отличаются занимательностію *Les mémoires du chevalier d' Eon*, и Воспоминанія о Коленкурѣ. Въ томъ и другомъ сочиненіи много свѣдѣній о Россіи, въ особенности въ послѣднемъ. Читали-ли вы въ книжкѣ 1 августа журнала *Revue de deux mondes* біографическую статью о Пушкинѣ? Она вырѣзана цензурою, но можетъ быть, найдете ее у Булгакова. Въ ней есть кое-кто справедливаго, и вообще писана она съ умомъ и хорошо, по много заключаетъ въ себѣ и неблагонамѣреннымъ и ложныхъ обвиненій. Русская же литература снитъ себѣ богатирскимъ сномъ. На дняхъ пронесся было слухъ, что на Булгарина напали въ Нарвѣ разбойники, но слухъ не оправдывается. О всемірномъ нашемъ путешественникѣ, т. е. о Тургеневѣ, нѣтъ еще вѣсти изъ Парижа. Третья книжка Современника печатается и ивится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Собираетъ ее Одоевскій. Не угодно-ли вамъ будетъ передать вашъ лишній экземпляръ Булгакову для пересылки ко мнѣ (23).

(22) Т. е. жившая въ однои изъ Царскосельскихъ Китайскихъ домиковъ

(23) И. И. Дмитріевъ еще могъ получить и читать это письмо: онъ скончался, послѣ недолгой болѣзни, 3 октября 1837 года.

## ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

*Русскаго пристави при первомъ Наполеонъ, на островъ Святой Елены.*

1816.

### MES INSTRUCTIONS.

Les puissances de l'Europe ayant résolu d'un commun accord que Bonaparte serait envoyé à S<sup>te</sup> Hélène et gardé dans cette île sous la surveillance et la responsabilité de l'Angleterre, on est convenu que chacune d'elles aurait la faculté d'y placer un commissaire.

L'empereur a fait choix de vous pour remplir cette mission et sa majesté espère que vous justifierez, par le zèle et l'intelligence avec laquelle vous vous en acquitterez, la confiance qu'elle vous témoigne en cette occasion.

Vous vous rendrez donc d'ici à Londres et vous combinerez avec le ministre anglais, sous les auspices du c<sup>te</sup> de Lieven, les moyens de vous transporter à votre nouvelle destination. C'est sous les ordres immédiats de cet ambassadeur que l'intention de l'empereur est que vous vous trouviez placé.

Vous suivrez donc en tout les directions qu'il vous fera parvenir désormais, et dans ce moment même, celles que nécessiteront les arrangements qu'il prendra à votre égard avec le ministère anglais. Je ne pourrais de mon côté que vous tracer quelques aperçus généraux sur la manière dont votre mission doit être envisagée.

Ce n'est point pour augmenter les moyens de surveillance et encore moins pour contrôler ceux que l'Angleterre prendra, que l'on s'est décidé à l'envoi des commissaires. Notre confiance

à cet égard dans la loyauté du gouvernement britannique doit être entière, et il n'est pas douteux que l'intervention de plusieurs agents d'autres puissances, loin de faciliter et de renforcer les mesures de sûreté, ne ferait que les compliquer et pourrait même les compromettre.

C'est l'Angleterre qui s'est chargée de toute la responsabilité. c'est donc à elle qu'il faut abandonner le choix des moyens qu'elle jugera nécessaire à cet effet. Il s'est agi de donner à cette affaire un caractère européen, de constater que Bonaparte est le prisonnier de l'Europe et de calmer l'opinion publique si fortement agitée dans tous les pays, et c'est dans cette vue que l'on a conçu l'idée d'envoyer à S<sup>te</sup> Hélène des commissaires de chaque puissance.

Pour se conformer aux motifs que je viens de vous exposer vous éviterez donc soigneusement d'intervenir et de vous prononcer sur les mesures que prendront le gouverneur et les autorités anglaises. Votre rôle sera purement passif. Vous observerez tout et rendrez compte de tout. Vous apporterez dans vos rapports avec les fonctionnaires anglais l'esprit de conciliation analogue aux liens d'alliance et d'amitié qui unissent les deux cours.

Dans vos relations avec Bonaparte vous garderez les ménagements et la mesure qu'exigent une situation aussi délicate et les égards personnels qu'on lui doit. Vous n'éviterez ni ne rechercherez les occasions de le voir et vous vous



conformerez à ce égard strictement aux règles, qui seront établies par le gouverneur. Mais vous noterez journallement tout ce que vous apprendrez de lui, vous vous appliquerez surtout à écrire tout ce que ses conversations, soit avec vous, soit avec les commissaires des autres puissances ou avec d'autres personnes, pourront offrir de saillant.

Un journal exact, tenu avec soin et régularité, ne pourra qu'offrir à l'histoire des matériaux d'un grand intérêt. Cependant jamais cette considération ne doit vous porter à dévier de la marche qui vous est tracée plus haut. Vous adresserez vos rapports au ministère des affaires étrangères et vous les ferez parvenir sous cachet volant par l'entremise du comte de Lieven.

Sa majesté l'empereur a daigné vous accorder un traitement de 1200 livres sterling et 2000 ducats pour subvenir à vos frais de voyage et d'établissement. Vous trouverez ci-joint la copie de l'oukaze relatif à cette bienveillante disposition. (signé) Nesselrode.

Paris.

le 18/30 septembre 1815.

### Инструкция графу Бальмену.

Парижъ 18/30 сентября 1815 г. Европейскія державы, согласившись между собою отправить Бонапарта на островъ Св. Елены подъ надзоръ и отвѣтственность Англии, выговорили себѣ право имѣть каждой изъ нихъ на островѣ своего комиссара.

Государь императоръ изволилъ возложить на васъ это порученіе и надѣется, что усердіемъ и благоразумнымъ умѣніемъ въ исполненіи этого порученія вы оправдаете оказываемое вамъ этимъ выборомъ довѣріе.

Согласно этому назначенію, вы имѣете отправиться въ Лондонъ и войти, съ вѣ-

дома и разрѣшенія графа Ливена (1), въ соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ на счетъ способа отправления вашего на островъ Св. Елены.

Государю императору угодно, чтобы вы состояли въ посредственномъ подчиненіи нашего посланника въ Лондонѣ. Вы по этому обязываетесь во всемъ слѣдовать указаніямъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, послѣдуютъ отъ него, и теперь же подчинитесь мѣрамъ, которыя онъ приметъ относительно васъ съ англійскимъ министерствомъ. Я же съ своей стороны могу только въ общихъ чертахъ намѣтить вамъ смыслъ и значеніе возлагаемой на васъ миссіи.

Рѣшеніе относительно послышки комиссаровъ состоялось не въ видахъ усиленія мѣръ надзора и еще менѣе для контролированія тѣхъ мѣръ, которыя сочтеть нужными принять Англія. Наше довѣріе въ этомъ отношеніи къ добросовѣстности англійскаго правительства должно быть безусловнымъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что вмѣшательство нѣсколько агентовъ другихъ державъ, вмѣсто облегченія и усиленія мѣръ безопасности, только бы усложнило эти мѣры и могло бы даже сдѣлать ихъ несостоятельными.

Англія приняла на себя всю отвѣтственность, слѣдовательно ей надо предоставить и выборъ мѣръ, которыя она найдетъ наиболѣе пригодными. Европейскія державы имѣли въ виду придать этому дѣлу обще-европейскій характеръ, подтвердить и сдѣлать несомнѣннымъ, что Бонапартъ — плѣнникъ Европы, и успокоить общественное мнѣніе, которое такъ сильно встревожено во всѣхъ странахъ: въ этихъ - то видахъ и остановились на мысли объ отправкѣ на островъ Св. Елены комиссаровъ отъ каждой державы.

Чтобы дѣйствовать согласно этимъ видамъ, вы, по этому, тщательно будете

(1) Графъ, въ послѣдствіи князь, Христофоръ Андреевичъ Ливень, генералъ отъ инфантеріи, до 1834 года полномочный посолъ нашъ въ Лондонѣ (+1838).

избѣгать всякаго вмѣшательства и сужденія о мѣрахъ, которыя предпримуть англійскій губернаторъ и другія власти. Роль ваша должна быть чисто пассивною. Вы должны все наблюдать и обо всемъ давать отчетъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ англійскими должностными лицами блюдите тотъ духъ согласія и миролюбія, который характеризуетъ настоящія отношенія союзныхъ и дружественныхъ державъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ Бонапартомъ соблюдайте ту умѣренность и пощаду, которыя въ правѣ требовать положеніе столь деликатное и личное уваженіе къ нему. Вы не станете ни избѣгать ни изыскивать случаевъ видѣться съ нимъ, и вообще въ этомъ отношеніи вы должны въ точности держаться правилъ, которыя имѣютъ быть установлены на этотъ предметъ губернаторомъ. Но вы должны отмѣчать ежедневно все что узнаете объ немъ, записывая въ особенности все то, что въ разговорахъ его съ вами или съ комиссарами другихъ державъ окажется особенно замѣчательнымъ.

Точный и тщательно веденный дневникъ представитъ неоцѣнимый матеріалъ для будущаго историка; впрочемъ эта задача отнюдь не должна отклонять васъ съ того пути, который указанъ вамъ выше. Донесенія свои адресуйте въ министерство иностранныхъ дѣлъ и посылайте ихъ подъ открытою печатью черезъ посредство графа Ливена. Его императорское величество опредѣляетъ вамъ 1200 фунтовъ стерлинговъ жалованья и 2000 дукатовъ на ваши путевыя издержки и обзаведеніе.

При семъ прилагается копія съ указа объ этомъ всемилостивѣйшемъ распоряженіи.

Подписано: Нессельроде.

### INSTRUCTIONS DU COMTE DE LIEVEN.

Le ministère impérial, en me faisant connaître votre destination à l'île de S-*te*

Hélène et la nature des rapports, qui devra en résulter entre vous et l'ambassadeur de l'empereur à Londres, m'a transmis au nom de sa majesté impériale l'ordre d'accompagner les instructions dont vous êtes muni des indications, que mes relations avec le gouvernement britannique pourraient me faire juger utiles au poste que vous allez occuper.

J'ai cru ne pouvoir mieux suivre les instructions de sa majesté l'empereur à l'égard de la conduite future qui vous est tracée qu'en faisant de vos instructions un sujet de délibération franche avec le secrétaire d'état dirigeant le département des colonies. Il est important pour vous, monsieur le comte, de savoir que lord Bathurst s'est plu à m'exprimer son parfait assentiment sur les règles qu'il vous est enjoint de suivre jusqu'à ne rien trouver à y ajouter.

Cette circonstance doit redoubler encore, s'il est possible, votre sollicitude à vous conformer strictement aux directions que vous possédez pour vos rapports avec le gouverneur de l'île, ainsi qu'avec Bonaparte, et en vous ménageant par une conduite toujours égale la confiance du premier, vous serez sûr de vous conserver le vrai moyen de bien remplir la tâche qui vous est imposée. Je vous recommande surtout, d'après les observations très judicieuses de mylord Bathurst, de ne pas vous écarter dans vos relations personnelles avec Bonaparte de la règle qui vous est prescrite par notre cour, et d'après laquelle ces relations ne doivent être entretenues qu'avec l'aveu et sous les auspices du gouverneur.

Il est un point que le secrétaire d'état a désiré que je vous mentionne particulièrement: il n'est pas impossible que dans la durée de votre séjour à S-*te* Hélène le hasard vous fasse remarquer quelque omission involontaire dans les mesures établies pour surveiller la personne de

Bonaparte. Dans de pareils cas, je suis chargé par le gouvernement britannique de vous inviter à communiquer franchement vos réflexions au gouverneur de l'île.

Telles sont les seules observations que j'ai cru devoir vous faire à la veille de votre départ de Londres. Vous êtes déjà instruit, monsieur le comte, des facilités que vous offre la frégate anglaise, le «New Castle» pour votre passage à l'île de S-te Hélène. Vous y trouverez quelques unes pour votre établissement, qui sont également dues aux soins du gouvernement britannique et qui consistent principalement en une communication régulière avec le cap de Bonne Espérance, dans la vue d'assurer à l'île de S-te Hélène un marché suffisamment pourvu de vivres.

En vous engageant à ne pas me laisser manquer de vos nouvelles je me ferai de mon côté un plaisir de vous tenir au courant de celles qui pourront vous intéresser. (signé) Lieven.

Londres  
Ce 15/27 mars 1816.

#### Инструкція графа Ливена.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, увѣдомляя меня о вашемъ назначеніи на островъ Св Елены и о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вы вслѣдствіе того имѣете вступить съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ, именемъ государя императора предписало мнѣ къ инструкціи, которою вы уже снабжены, присоветовать тѣ указанія, которыя я, по постояннымъ сношеніямъ своимъ съ великобританскимъ правительствомъ, признавалъ бы нужными для возложеннаго на васъ порученія.

Мнѣ казалось, что, подвергнувъ данную вамъ инструкцію откровенному обсужденію съ статсъ-секретаремъ завѣдующимъ департаментомъ колоній, я не могъ лучше исполнить предписанія

государя императора относительно образа дѣйствій вашихъ на остр. св. Елены. Весьма важно вашему сіятельству знать, что лордъ Батурсъ съ удовольствіемъ изъявлялъ мнѣ полное свое одобреніе тѣхъ мѣръ, которыя предписаны вамъ къ исполненію и которыхъ онъ съ своей стороны не нашелъ нужнымъ дополнять.

Это обстоятельство должно удвоить, если только возможно, стараніе ваше въ точности придерживаться, въ сношеніяхъ вашихъ съ губернаторомъ острова и съ Бонапартомъ, данной вамъ инструкціи; имѣйте въ виду, что, заслуживъ вашимъ постоянно-равнымъ поведеніемъ довѣріе губернатора, вы пріобрѣтете себѣ вѣрнѣешее средство для наилучшаго исполненія возложенной на васъ обязанности. Совѣтую, по весьма справедливому замѣчанію лорда Батурса, держаться въ вашихъ личныхъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ предписаннаго дворомъ нашимъ правила: не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, кромѣ разрѣшенныхъ и одобренныхъ англійскимъ правительствомъ. Статсъ-секретарь желаетъ, чтобы я частнымъ образомъ обратилъ ваше вниманіе еще на слѣдующій пунктъ. Весьма возможно, что, во время пребыванія вашего на островѣ, вы могли бы замѣтить какое нибудь невольное упущеніе въ мѣрахъ, принятыхъ для надзора за особою Бонапарта; въ подобномъ случаѣ англійское правительство поручаетъ мнѣ просить васъ откровенно сообщать объ этомъ ваше мнѣніе губернатору острова.

Этимъ и ограничиваются замѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать вамъ передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Лондона. Вашему сіятельству уже извѣстно, какія удобства для переправы на остр. Св. Елены представляетъ вамъ англійскій фрегатъ Ньюкастель. По прибытіи на островъ, вы узнаете о заботливыхъ мѣрахъ, принятыхъ англійскимъ правительствомъ относительно пребыванія вашего тамъ и заключающихся главнымъ образомъ въ учрежденіи правильнаго

сообщенія съ мысомъ Доброй Надежды, который можетъ обезпечить острову хорошо снабженный съѣстными припасами рынокъ.

Прошу васъ извѣщать меня о себѣ и съ своей стороны вмѣню себѣ въ удовольствіе постоянно сообщать вамъ о всемъ, что можетъ васъ интересовать.

Подписано: Ливень.

Лондонъ сего 13/27 марта 1816 г.

### № 1.

#### COMMUNICATION OFFICIELLE

du comte de Nesselrode, reçue à S-te Hélène le 7 juin 1818 n. st.

Monsieur le comte,

Nous sommes en possession de vos rapports jusqu'au № 13. Ils continuent à nous offrir des détails bien conçus. Sa majesté l'empereur les lit avec plaisir et nous ordonne de vous en témoigner son entière satisfaction.

Rien ne saurait être ajouté, monsieur le comte, aux règles générales qui ont été tracées pour votre conduite dans l'instruction dont vous avez été primitivement muni. C'est en vous y conformant avec une scrupuleuse exactitude, que vous parviendrez à embellir une situation que vous nous depeignez quelquefois sous des couleurs rembrunies.

Ce résultat est facile à obtenir. L'estime de vos collègues vous est acquise: travaillez à inspirer le même sentiment aux autorités britanniques qui vous environnent, à écarter de vos rapports avec elles tout motif de méfiance; et si la connaissance particulière que vous étiez appelé à faire de Napoléon est de nature à entraîner des complications et à autoriser des inquiétudes, vous pouvez dès lors y renoncer. L'empereur n'attache aucun prix à ce que vous étendiez la sphère de vos observations pour atteindre ce but.

Le ministère vous engage, monsieur le comte, à mettre à votre correspondance autant de suite que possible, à raison de l'intérêt dont sa majesté impériale la juge digne.

Recevez l'assurance de la parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, votre très humble et très obéissant serviteur Nesselrode.

Moscou  
le 28 novembre  
1817.

A m-r. le c-te de Balmain.

#### Официальное сообщеніе

*графа Нессельроде полученное на островъ Св. Елены 7-го іюня 1818 г. нов. стилия.*

Ваше сіятельство. Мы получили ваши рапорты до № 13, и они постоянно сообщаютъ намъ прекрасно составленныя и подробныя донесенія. Его императорское величество читаетъ ихъ съ удовольствіемъ и поручилъ мнѣ выразить вамъ по этому поводу совершенное его одобреніе.

Къ правиламъ, начертаннымъ вамъ относительно поведенія вашего въ первой инструкціи, не можетъ быть сдѣлано никакого прибавленія. Строго придерживаясь ихъ, вы можете нѣсколько улучшить ваше положеніе, которое иногда описываете темными красками. Этого не трудно будетъ достигнуть. Вы уже пріобрѣли уваженіе вашихъ со товарищей; постарайтесь внушить тоже чувство окружающимъ васъ англійскимъ властямъ, устраните изъ отношеній съ ними всякій поводъ къ недовѣрію и если частное знакомство, котораго вамъ вѣдно было искать съ Наполеономъ, можетъ усложнить дѣло или возбудить подозрѣнія, то васъ уполномочиваютъ отказаться отъ него. Императоръ нѣсколько не считаетъ нужнымъ расширенія съ этою цѣлью круга вашихъ наблюдений. Министерство проситъ васъ, ваше сія-

тельство, соблюдать возможную послѣдовательность въ вашей перепискѣ по причинѣ интереса, котораго удостоивается она со стороны его императорскаго величества.

Примите увѣреніе мое въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть вашего сиятельства преданный и покорный слуга Нессельроде.

Москва 28 ноября 1817.

### MES RAPPORTS AU COMTE DE NESSELRODE.

#### No. 2.

S-te Hélène ce 18 juin 1816 n. st. Par le Northumberland, vaisseau de ligne. Amiral Cockburn.

Monsieur le comte,

Je mets en ce moment pied à terre à S-te Hélène. Nous y sommes arrivés après une traversée de sept semaines. C'est la plus heureuse connue jusqu'à présent. L'amiral Cockburn, qui vient d'être remplacé dans son commandement par l'amiral Malcolm, est si pressé de retourner à Londres, que je ne puis guère donner à v. e. d'autre nouvelle. Il veut absolument partir demain au lever du soleil. Sur la fin de cette semaine un vaisseau des Indes fera voile pour l'Europe. J'espère avoir alors des détails intéressants à communiquer. J'ai l'honneur d'être &c.

#### Мои донесенія графу Нессельроде.

Островъ Св. Елены 18 іюня 1816 г. нов. ст. съ линейнымъ кораблемъ Нортумберландъ, адмиралъ Кокбурнъ.

Ваше сіятельство,

Я только что высадился на островъ Св. Елены, куда мы прибыли послѣ семинедѣльнаго плаванія, счастливейшаго изо всѣхъ доселѣ совершенныхъ. Адмир. Кокбурнъ, котораго замѣнилъ Малькольмъ, такъ торопится своимъ возвращеніемъ въ Лондонъ, что мнѣ на

этотъ разъ невозможно доставить вашему сіятельству другихъ свѣдѣній. Завтра съ восходомъ солнца онъ хочетъ непременно пуститься въ путь. На этой недѣлѣ корабль Остъ-индской компаніи отправляется въ Европу, и къ этому времени надѣюсь собрать интересныя подробности для сообщенія вашему сіятельству.

#### No. 3.

S-te Hélène ce 29 juin 1816 n. st. Par le Hecats Brig. capt. Mathews.

Monsieur le comte,

Un brig anglais, le «Hecats», capt. Mathews, nous est arrivé ce matin du Cap de Bonne Esperance et l'on vient de m'annoncer son départ à demain après minuit. Je me fais un devoir de profiter de cette occasion pour avoir l'honneur d'écrire à v. e. Mais je la supplie de se contenter aujourd'hui d'une relation très imparfaite. Je n'ai encore eu que le temps de me mettre en rapport avec le gouverneur et de jeter un coup d'oeil partout sans m'arrêter à rien.

Comme il n'est guère possible de donner une description de S-te Hélène autre que celles déjà répandues en Europe, je me borne à répéter que c'est l'endroit du monde le plus triste, le plus inabordable, le plus facile à défendre, le plus difficile à attaquer, le plus cher et surtout le plus propre à l'usage qu'on en fait maintenant. Telle est l'idée générale qu'on en doit avoir.

Toute entreprise au dehors contre cette ile serait en pure perte, — je crois pouvoir l'assurer dès à présent. La nature y a mis les premiers et les plus grands obstacles, et le gouvernement anglais ne cesse d'y ajouter des moyens de défense, dont la plupart même paraissent inutiles. Trois régiments d'infanterie, cinq compagnies d'artillerie, un détachement de dragons pour le service d'un état-major assez considérable, forment

le gros de la garnison. Deux frégates dont l'une de 50 pièces, quelques brigs et chaloupes gardent la mer. Le nombre de canons disposés sur les côtes et dans l'intérieur du pays est effrayant.

Sir Hudson Lowe doit me remettre ces jours-ci un état exact de ses troupes, ainsi que le plan militaire de l'île. Je m'empresserai de les joindre à mes rapports suivants. La plus stricte discipline est établie sur tous les points pour la surveillance directe et indirecte de Bonaparte. Le jour on ne se promène en certains endroits qu'avec un passeport du gouverneur. La nuit on ne va nulle part sans le mot d'ordre. En quelque sens qu'on se retourne on ne voit que sentinelles, postes et patrouilles. L'ex-empereur occupe à Longwood le pavillon du lieutenant-gouverneur. Un terrain de plusieurs milles de circonférence est à sa disposition, il y jouit d'une liberté parfaite. La garde même n'en approche qu'après son coucher et cerne la maison jusqu'au lendemain. S'il lui prend envie de passer cette enceinte, toujours bordée de troupes, de campements et défendue par un parc d'artillerie, il est suivi d'un officier, qui ne le perd jamais de vue. Il faut aussi que ceux qui veulent y entrer, n'importe comment et pourquoi, soient munis d'un permis extraordinaire. Sur mer les réglemens sont encore plus sévères. Le jour où notre vaisseau parut devant la rade de S-t James, une des batteries du fort lui tira un boulet de 25, parceque l'amiral Malcolm s'était dispensé d'envoyer quelqu'un à terre pour annoncer son arrivée. Nul bateau après le coup de canon du soir ne peut sortir ni bouger. Il y a des officiers chargés uniquement de les connaître et de s'en assurer durant la nuit. Cet état de choses a privé S-te Hélène d'un grand moyen d'existence, la pêche. Elle ne se fait maintenant que de jour, et le poisson devient aussi rare que la viande fraîche.

Je ne veux pas, monsieur le comte, hasarder une opinion sur toutes ces mesures de sureté, mais j'avoue que j'ai de la peine à en concevoir l'utilité réelle. Une île détachée du reste de la terre, où l'on n'arrive que par un seul vent, où l'on n'entre que d'un seul côté, où les rochers sont entassés les uns sur les autres et forment des précipices à chaque pas, pourrait, ce me semble, être gardée par un mode plus simple et à beaucoup moins de frais.

Je vais maintenant parler à v. e. de Bonaparte lui même. Ses dispositions mentales sont assez inégales, le plus souvent il a de l'humeur. Mais son corps ne se ressent aucunement de ses chagrins d'esprit. Il est toujours en bonne santé et menace de vivre longtemps. Personne n'a deviné encore s'il est résigné à son sort ou s'il entretient des espérances. On dit qu'il comptait beaucoup sur l'opposition en Angleterre pour sortir de S-te Hélène. Ce qu'il y a de sûr, c'est qu'il proteste toujours contre son arrestation et se fait traiter à Longwood en empereur. Bertrand, Montholon, Las Cases, Gourgaud et toute sa suite lui rendent comme autrefois les plus grands honneurs. Il reçoit ordinairement les étrangers, qui demandent à le voir, mais il ne donne ni repas, ni soirées et ne sort jamais de son enceinte. La présence d'un officier anglais, qui doit l'accompagner, le gêne et le fait souffrir. Il se lève à midi, déjeune, s'occupe chez lui à différentes choses jusqu'à 3 heures, admet à 4 les personnes qui lui sont annoncées, se promène ensuite à pied ou en calèche à six chevaux, rarement à cheval, dîne à 8, ne reste à table que  $\frac{3}{4}$  d'heure, fait sa partie de reversi, se couche et se lève la nuit à plusieurs reprises pour travailler. Il écrit son histoire à l'aide du Moniteur et apprend aussi l'anglais. Sa conversation serait intéressante si on pouvait la suivre, car il se laisse aller quand on sait s'y

prendre. Mas il ne voit habituellement que ses Français, et ce qu'il a dit en passant aux Anglais, excepté peut-être à l'amiral Cockburn, est ou défiguré par leur vanité nationale ou ne prouve rien. Le général Lowe le traite avec tous les ménagements possibles et se prête même en quelque sorte à sa manie de faire l'empereur. Malgré cela il ne l'aime pas et ne l'a vu que trois ou quatre fois. Il semble distinguer un peu l'amiral Malcolm, qui joue en perfection le bon enfant et ne se départira pas plus que l'autre de la ligne qui lui est tracée.

Јаajouterai, comme chose assez curieuse, qu'il a enfin quitté l'uniforme et pris un habit de chasse. Je me flatte, monsieur le comte, de pouvoir vous adresser bientôt un rapport plus intéressant. Daignez agréer en attendant l'assurance du respect avec lequel etc.

Островъ Св. Елены 29 іюня 1816 г. нов. ст. съ Гекатсъ-бригомъ, капитанъ Матьюсъ.

Ваше сіятельство,

Сего дня съ мыса Доброй Надежды прибылъ къ намъ англійскій бригъ Гекатсъ, капитанъ Матьюсъ. Сей часъ извѣстили меня, что онъ уходитъ отсюда завтра послѣ полуночи, и я поставляю себя приятнымъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ для донесенія вашему сіятельству; но я убѣдительно прошу васъ, на сей разъ, удовольствоваться весьма неполной реляціей. ! едва только успѣлъ вступить въ сношенія съ здѣшнимъ правительствомъ и бросить бѣглый взглядъ на все вообще, не останавливаясь ни на чемъ въ особенности. Такъ какъ невозможно сдѣлать другаго описанія острова, кромѣ того, которое уже достаточно извѣстно въ Европѣ, то я ограничусь повтореніемъ извѣстнаго, что это скучнѣйшее въ мірѣ мѣсто, неприступнѣйшее, весьма легкозащищаемое и трудно атакуемое, дорогое для жизни и наиболѣе соответствующее настоящему своему назначенію. Смѣю

утвердить уже теперь, что всякая внѣшняя попытка противъ острова осталась бы совершенно безуспѣшною. Природа первая возвела здѣсь величайшія и непреодолимѣйшія препятствія. Англійское правительство съ своей стороны не перестаетъ усиливать средства къ защитѣ, изъ коихъ большая часть кажутся совершенно излишними. Три пѣхотныхъ полка, пять ротъ артиллеріи, отрядъ драгунъ, назначенный для служенія значительному генеральному штабу, образуютъ главное ядро гарнизона. Два фрегата, изъ коихъ одинъ 50-ти пушечный, нѣсколько бриговъ и шлюпокъ охраняютъ островъ съ моря. Число пушекъ, расположенныхъ по берегамъ и внутри острова, громадно. Сиръ Гудсонъ-Лоу обѣщадъ мнѣ на дняхъ сообщить свѣдѣнія о его войскѣ и военный планъ острова, и я посиѣшу приобщить эти свѣдѣнія къ моимъ послѣдующимъ донесеніямъ. Самая строгая дисциплина введена на всѣхъ пунктахъ острова, для прямого и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ. Въ извѣстныхъ частяхъ острова, даже днемъ, не пропускаютъ иначе, какъ съ паспортомъ отъ губернатора; ночью же нельзя никуда идти безъ пароля. Въ какую сторону вы ни взгляните (куда не повернетесь) -- всюду видите часовыхъ и патрулей. Бывшій императоръ помѣщается въ Лонгвудѣ, въ навильонѣ намѣтника. Пространство на нѣсколько миль въ окружности предоставлено въ полное его распоряженіе, и онъ пользуется на немъ безусловною свободою. Самая даже стража его не переступаетъ этой границы, иначе какъ по удаленіи его ко сну и отъѣзжаетъ домъ до слѣдующаго утра: когда же ему приходитъ желаніе выйти за черту означеннаго пространства, постоянно охраняемаго войсками и защищеннаго артиллерійскимъ паркомъ, за нимъ всюду слѣдуетъ офицеръ, обязанный ни на минуту не терять его изъ виду; а также никто изъ желающихъ, почему бы то ни было, его видѣть, не можетъ быть къ нему допущенъ безъ особаго дозволенія.

Морскія правила еще строже. Въ день приближенія къ пристани Св. Джемса, корабль нашъ встрѣченъ былъ залпомъ изъ 25 орудій съ крѣпостной батареи, потому что нашъ адмиралъ Малькольмъ не счелъ нужнымъ послать на берегъ объявить о нашемъ прибытіи. Послѣ вечера выстрѣла ни одна лодка не смѣетъ двинуться съ мѣста или выйти изъ пристани. Нѣсколько человекъ офицеровъ отряжены единственно для того, чтобы осматривать эти суда и задерживать ихъ на ночь. Такое положеніе дѣлъ лишило островъ Св. Елены главнаго его промысла, рыбной ловли: она производится теперь только днемъ, и рыба становится здѣсь такою же рѣдкостью, какъ свѣжее мясо.

Не желаю, ваше сіятельство, произносить слишкомъ поспѣшнаго сужденія обо всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, но признаюсь вамъ, не могу понять ихъ дѣйствительной необходимости. Островъ, столь отдаленный отъ материка, доступный кораблямъ только при извѣстномъ вѣтрѣ и только съ одной стороны, загроможденный скалами, которыя на каждомъ шагу образуютъ непроходимыя пропасти, могъ бы, мнѣ кажется, охраняться проще и съ меньшими издержками. Теперь перехожу къ самому Наполеону. Умственное его расположеніе довольно неровно; по большей части онъ не въ духѣ, но физически онъ нисколько не страдаетъ отъ душевныхъ тревогъ; здоровье его превосходно и заставляетъ опасаться долгой жизни. Никто до сихъ поръ не могъ угадать, примирился ли онъ съ своей участью или продолжаетъ еще питать надежды. Говорятъ, что онъ рассчитывалъ на оппозицію въ Англіи для своего освобожденія. Достоверно только то, что онъ до сихъ поръ протестуетъ противъ своего ареста и требуетъ, чтобы въ Лонгвудѣ съ нимъ обращались какъ съ императоромъ. Бертранъ, Монтолонъ, Ласказъ, Гурго и вся его свита продолжаютъ отдавать ему всѣ прежнія почести, Онъ принимаетъ по-

стоянно иностранцевъ, желающихъ его видѣть, но не даетъ ни вечеровъ, ни обѣдовъ и никогда не выходитъ за свою черту. Присутствіе англійскаго офицера, обязаннаго слѣдовать за нимъ всюду, стѣсняетъ и заставляетъ страдать его. Онъ встаетъ въ полдень, завтракаетъ, занимается у себя разными дѣлами до 3-хъ часовъ, допускаетъ въ четыре дозволенныхъ ему посѣтителей, затѣмъ гуляетъ пѣшкомъ или въ коляскѣ въ шесть лошадей, изрѣдка верхомъ, обѣдаетъ въ 8 часовъ, сидитъ за столомъ не болѣе  $\frac{3}{4}$  часа и садится за партію въ реверси; затѣмъ ложится спать и встаетъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи для занятія: съ помощію Монитѣра онъ пишетъ свою исторію и учится по англійски. Его разговоръ могъ бы быть интересенъ, еслибъ можно было слѣдить за нимъ послѣдовательно, потому что онъ дѣлается разговорчивъ съ тѣмъ, кто только умѣетъ за него взяться. Но обыкновенно онъ видится только съ своими Французами, все же, сказанное имъ мимоходомъ Англичанамъ, заисключеніемъ развѣ адмиралу Кокбурну, или исковеркано ихъ національныхъ тщеславіемъ или весьма незначительно. Генералъ Лоу обращается съ нимъ съ величайшею деликатностію, потворствуетъ даже до нѣкоторой степени страсти разыгрывать императора. Тѣмъ не менѣе онъ не любитъ его, и видѣлся съ нимъ только три или четыре раза. Онъ, какъ будто, оказываетъ нѣкоторое предпочтеніе адмиралу Малькольму, который отлично разыгрываетъ передъ нимъ добраго малаго, но съ своей стороны не хуже Лоу, сумѣетъ удержаться въ начертанныхъ ему границахъ. Прибавлю еще одно обстоятельство (достойное нѣкотораго интереса) что Наполеонъ наконецъ снялъ мундиръ и замѣнилъ его охотничьимъ платьемъ. Надѣюсь, ваше сіятельство, въ скоромъ времени доставить вамъ болѣе интересное донесеніе.

Примите увѣреніе въ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть и пр.



## No. 4.

S-te Hélène ce 29 juin 1816 n. st. Par le Hecats Brig. Capt. Mathews.

Monsieur le comte,

Pour ne pas donner à mon premier rapport trop d'étendue, je n'y ai fait entrer que des détails relatifs à Bonaparte. L'objet de celui-ci sera d'informer v. e. de ce qui me concerne directement en qualité de commissaire.

Je ne puis que me louer extrêmement de la réception qu'on nous a faite, tant à bord du New-Castle, qu'à S-te Hélène et de l'attention continuelle des autorités anglaises à nous prévenir en tout. Sir Hudson Lowe m'a témoigné de premier abord une confiance qui m'a séduite. Je lui ai de mon côté expliqué sans préambule l'objet de ma commission, et nos rapports se sont établis ainsi tout naturellement. Il s'est engagé à me tenir constamment au courant des nouvelles de l'île et surtout de ce qui se passe à Longwood. Les deux autres commissaires avaient des ordres positifs de s'assurer par leurs propres yeux de l'existence de Bonaparte et d'en dresser tous les mois un procès-verbal contresigné par le gouverneur. On fit à cet effet une démarche près du maréchal Bertrand. L'ex-empereur demanda si nous lui apportions des lettres de nos souverains. Quand il sut à quel titre on désirait le voir, il se déchâna contre la convention du 2 d'aout, et la chose en resta là. Le cas était assez embarrassant pour tout le monde. Le marquis de Montchenu (1) et le baron de Stürmer (2) d'après leurs instructions, n'étaient tenus à aucun ménagement envers Bonaparte et le général Lowe répugnait à forcer sa porte. Ces messieurs imaginèrent donc d'adresser à ce dernier une note des trois commissaires pour en

obtenir, si non main forte, du moins un refus officiel, qui put les justifier aux yeux de leurs cours. Comme mes instructions ne me prescrivirent rien à cet égard, que je voyais en outre une opposition marquée de la part de sir Hudson Lowe et que sans humilier inutilement le prisonnier de l'Europe, je puis tous les jours le rencontrer et constater son existence, je me suis refusé à cette démarche, qui non seulement blesse tous les égards personnels qu'on lui doit, mais que jamais ni le gouverneur ni l'amiral ne se seraient permis. J'ai l'honneur d'être ect.

Островъ Св. Елены 1816 года 29 июня нов. ст. лѣ съ Генатъсъ-бригомъ, капитанъ Матьюсъ.

Ваше сіятельство,

Чтобы не слишкомъ распространять мое послѣднее донесеніе къ вамъ, я ограничился въ немъ подробностями, касающимися Наполеона; настоящій же рапортъ мой имѣеть цѣлю извѣстить ваше сіятельство обо всемъ, до меня касающемся, въ качествѣ комиссара. Я чрезвычайно доволенъ приеомомъ, сдѣланымъ мнѣ какъ на кораблѣ Нью-кастель, такъ и на островѣ Св. Елены и постояннымъ вниманіемъ къ намъ англійскихъ властей, предупреждающихъ во всемъ наши желанія. Сиръ Гудсонъ-Лоу оказалъ мнѣ на первыхъ же порахъ довѣріе, вполне меня очаровавшее; и съ своей стороны также объяснилъ ему безъ околичностей цѣль моего порученія, и такимъ образомъ отношенія между нами установились весьма естественно. Онъ общался доводить до моего свѣдѣнія всѣ новости на островѣ и въ особенности о томъ что будетъ происходить въ Лонгвудѣ. Коммисары двухъ другихъ державъ имѣли точныя приказанія увѣриться собственными глазами въ существованіи Наполеона и ежемѣсячно составлять объ этомъ письменный протоколъ за подписью губернатора. Въ этихъ видахъ обратились они къ

(1) Французскій комиссаръ.

(2) Австрійскій комиссаръ.

маршалу Бертраму. Бывшій императоръ спросилъ: есть ли у насъ письма къ нему отъ нашихъ государей; но когда онъ узналъ, съ какою цѣлью желаютъ его видѣть, онъ разразился въ ругательствахъ противъ конвенціи 2 августа. Дѣло на этомъ и остановилось. Положеніе было крайне затруднительно для всѣхъ. Инструкціи маркиза Моншеню и барона Штюрмера не обизывали ихъ ни къ какой осторожности въ отношеніи къ Наполеону. Генералъ же Лоу возмущался мыслию ворваться къ нему силою, вслѣдствіе чего господа комисары и придумали подать генералу Лоу ноту отъ имени трехъ комиссаровъ союзныхъ державъ, чтобы получить отъ него если не содѣйствіе силой, то по крайней мѣрѣ официальный отказъ, который могъ бы оправдать ихъ въ глазахъ ихъ правительствъ. Такъ какъ мои инструкціи ничего подобнаго мнѣ не предписываютъ; къ тому же и видѣлъ явную оппозицію этому образу дѣйствія со стороны сира Гудсонъ-Лоу и зналъ, что могъ, нимало не оскорбляя плѣнника Европы, встрѣчать его ежеднвно и слѣдовательно засвидѣтельствовать объ его существованіи, то я отказался отъ этого поступка оскорбительнаго, по моему мнѣнію, его личному достоинству и котораго никогда не дозволили бы себѣ ни адмиралъ ни губернаторъ. Честь имѣю быть и пр.

№. 5.

S-te Hélène ce 8 septembre 1816 n. st. Par le Cornwallis, vaisseau de ligne. Capt. King.

Monsieur le comte,

Si mon devoir à S-te Hélène se borne à constater l'existence de Bonaparte, comme témoin oculaire et à rendre compte de ce qui se passe hors de sa maison, je ne suis nullement en peine de le remplir. Sir Hudson Lowe m'a ouvert tous les chemins de l'île et celui de Longwood jusqu'à la porte. Mais si v. c. s'attend, comme de raison, à un journal intéressant, qui puisse un jour servir de

guide à l'histoire, je crains fort de ne pouvoir répondre à son attente.

Napoléon s'est fait un principe de ne plus sortir de ses limites, de ne voir le monde qu'en passant et de garder une représentation impériale. Tant que cette manière d'être durera, je ne pourrai ni l'écouter souvent, ni l'interroger, ni l'observer de près, et ma correspondance à son sujet ne sera qu'un amusement.

Ce qui m'a frappé dès l'instant de mon arrivée et ce qui toutefois est assez naturel, c'est l'ascendant énorme que cet homme, entouré de gardes, de rochers, de précipices, a encore sur les esprits. Tout à S-te Hélène se ressent de sa supériorité. Les Français tremblent à son aspect et se croient trop heureux de le servir. Las Cases dit à qui veut l'entendre: «Ma félicité consiste à contempler sans cesse un héros, un prodige». Les Anglais n'en approchent plus qu'avec timidité. Ceux même, qui le gardent, briguent un regard, un entretien, un mot. Personne n'ose le traiter en égal. Son génie, qui dans cet abaissement de fortune ne peut se fixer à rien de grand, s'amuse à tirer parti de ces dispositions pour tracasser ce monde. Il excite l'envie des uns en caressant les autres. Il est gracieux envers les subalternes et veut humilier les chefs. Il fait mine de s'attacher à l'amiral et communique par Bertrand avec le gouverneur. On s'aperçoit enfin qu'il travaille à brouiller, à mettre la zizanie partout. Cette conduite n'est à mes yeux qu'une méchanceté gratuite. Peut-être dérive-t-elle aussi d'un plan, dont lui seul a la clef. Mais je n'en vois pas à faire pour le tirer d'ici.

Bonaparte, avant d'être confié à sir George Cockburn, était assez liant. Il paraît même qu'alors il n'avait pas l'idée de se séquestrer comme il a fait depuis. Cet amiral par un zèle mal appliqué ou plutôt pour s'en faire honneur l'a effarou-

ché. Il voulut s'établir chez lui sur un pied d'égalité parfaite. Il s'asseyait en sa présence et dans sa chambre sans y être invité. Il aimait à le contredire, à le pousser à bout. Il en résulta des disputes, des bouderies, une gêne continuelle entr'eux. Enfin eut lieu une rupture ouverte où Cockburn fut écrasé, car s'étant présenté un jour avec quelqu'un pour voir l'ex-empereur, on lui ferma la porte et ce quelqu'un entra. Après cet affront, ils ne se sont plus vus. L'amiral est parti sans faire d'adieux. Sa présence en Europe va donner à ces débats une autre couleur, mais je les garantis tels que je les rapporte. Il est de fait que sir George Cockburn, qui du reste est un homme de mérite, s'est en cette circonstance trop émancipé, qu'il a manqué de tact, en n'admettant aucune différence de Bonaparte à lui, de délicatesse en ne le traitant cavalièrement à bord de son vaisseau, de générosité en ne lui passant ni caprice, ni fantaisie et voulant de force le réformer en tout.

C'est en parlant de lui que cet illustre malheureux dit un jour: «Qu'on m'enchaîne, mais qu'on ait pour moi le respect qui m'est dû.»

De pareils exemples ne se répètent pas souvent avec un esprit de cette trempe, aussi personne depuis n'a eu l'idée d'y revenir. Sir Pultney Malcolm, non moins ambitieux que l'amiral Cockburn, mais plus adroit et d'un caractère souple, accommodant, a d'abord senti qu'il fallait débiter autrement. Pour voir Napoléon, il eut recours au c-<sup>te</sup> Bertrand, — et à m-me Bertrand pour lui présenter lady Malcolm. Cette démarche devait naturellement prévenir en sa faveur. Dès sa première visite, il fit entendre que la surveillance ne le concernait en aucun point et que la mer seule jusqu'à l'île de France lui appartenait. C'était encore un moyen

de plaire. Il a de plus été modeste, bon enfant, empressé autour des dames, il s'est tenu debout. Tout cela a merveilleusement réussi. C'est aujourd'hui un favori. On le recherche, on le flatte, le tête à tête avec lui dure des heures entières, et à la vérité, cette prédilection n'a pour but réel que de le séduire ou d'intriguer d'autres personnes. Mais l'amiral n'est pas homme à s'y méprendre. Il en profite parcequ'il est curieux et qu'il fait provision, de souvenirs. Il en jouit parceque cela donne du relief. Sa conduite est vraiment plus sage que celle de son prédécesseur.

Sir Hudson Lowe ne réussit pas de même. Il tache de contenter Bonaparte. Il le traite avec respect, ménagement, ne se plaint pas de ses brusqueries, tolère ses caprices, fait enfin l'impossible. Mais il ne sera jamais que son fléau. Il y a trop d'incompatibilité entre ces deux personnages. L'un a l'esprit encore inquiet. C'est un génie remuant, qui dans l'état où le sort l'a réduit, veut prendre son essor et cherche peut-être à se faire des prosélytes. L'autre n'oppose à cette forte tête qu'un fond inépuisable d'idées communes, un caractère froid, soupçonneux, des formes rebutantes avec l'intention d'être aimable, une exactitude tyrannique à ses devoirs et, pour dire tout en un mot, celui qui ne sait que commander est à la discrétion de celui qui ne sait qu'obéir. Aussi n'y a-t'il sorte de déplaisir que le prisonnier n'ait donné à son gouverneur. Je n'en citerai que quelques traits remarquables.

La femme de lord Moira, en allant aux Indes, rêlacha à S-<sup>te</sup> Hélène. Elle eut, comme tout le monde, le désir de voir Bonaparte. Sir Hudson Lowe imagina, pour arranger la chose au mieux, de les faire diner ensemble. Il écrivit

en conséquence à Longwood et qualifia l'ex-empereur de général. Celui-ci ne répondit jamais au billet d'invitation et se contenta d'envoyer ses excuses à lady Moira.

Les officiers du 66-me régiment d'infanterie voulurent être présentés à Napoléon. Le maréchal Bertrand fixa le jour, et ces messieurs, le commandant en chef à leur tête, étaient déjà rassemblés attendant que la porte s'ouvrit. Je ne sais par quelle combinaison, sir Pulteney Malcolm, qui ne se doutait de rien, vint à la même heure avec ses officiers du Newcastle. La marine fut introduite d'abord et l'amiral eut une séance très longue. L'armée, après avoir été en position la matinée entière, se retira un peu confuse, et il n'en fut plus question. Jusqu'à présent les Bertrand, les Montholon, ni personne à Longwood n'a permission de voir lady Lowe, une femme charmante, qui réunit à Plantation-house une société fort agréable. Tandis que lady Malcolm, qui ne sait pas même le français, en reçoit et leur fait des visites à tout propos. Au surplus Bonaparte est convaincu de son antipathie pour sir Hudson Lowe. L'amiral Malcolm lui reprochait ces jours derniers de méconnaître ce brave homme, de ne pas lui témoigner assez de confiance.

Vous avez raison, dit-il, c'est peut-être un enfantillage de ma part, mais on n'est pas maître de ses impressions. Les torts de Cockburn sont d'un autre genre. C'est un homme de caractère, qui voit en grand. Je l'aimerais mieux que celui-ci.

Après avoir donné en raccourci une idée des principaux individus à S-te Hélène, j'offrirai à la curiosité de v. e. un recueil assez intéressant d'anecdotes, conversations et autres particularités de la vie de Napoléon.

#### SON INTÉRIEUR A LONGWOOD.

Envoyé au bout du monde comme prisonnier de l'Europe, traité par Cockburn en camarade, exposé sans cesse aux façons peu délicates des Anglais, qui depuis la journée de Waterloo ont perdu toute retenue, Bonaparte devait nécessairement penser à sa gloire et soutenir la dignité de son rang. Il y réussit par un moyen très simple. Il s'enferma dans son enceinte, où personne n'a le droit de contrôler ses actions, et devint inaccessible. Les gardiens, qui le prenaient déjà sur un ton de familiarité, furent ébahis de cette résolution. Chacun d'eux, en venant ici, s'était fait des idées, un plan, dont le captif était l'objet. Quand ils virent à quelle distance on allait les tenir, le respect, les égards, la modestie ne leur coûta plus rien. Ils en passèrent par où l'on voulut et l'ex-empereur reparut dans toute sa majesté. Sa maison aujourd'hui est une cour, dont Bertrand est grand maréchal, Las Cases secrétaire d'état, Montholon premier maître d'hôtel, Gourgaud—aide camp général, Piontowsky—écuyer, m-mes Bertrand et Montholon—dames d'honneur. Ceux, qui veulent y être présentés, avoir un entretien ou traiter d'une affaire quelconque doivent aller au grand maréchal. On est sûr d'être refusé en s'adressant au gouverneur. Lady Moira et d'autres Anglais de marque, qui crurent devoir préférer son entremise, n'ont jamais pu se faire admettre.

Les réceptions ne sont pas les mêmes à beaucoup près pour tout le monde. Le grade, le mérite, l'impression que fait la personne et surtout les vues qu'on peut avoir sur elles y mettent les nuances. Il y en a qu'on aime en tête à tête, plusieurs à qui l'on parle assez longtemps; grand nombre est congédié d'abord et reçu devant la porte à l'entrée du jardin. Rarement on admet à une seconde audience ceux dont on ne peut tirer au-

cun parti, comme les dames, les voyageurs. Il arrive aussi que les petits officiers, annoncés d'avance, font anti-chambre des heures entières et sont remis à un autre jour.

Napoléon parait à ses audiences en habit de chasseverd, tout usé; des boutons d'argent à figures de cerfs, sangliers, renards; culottes et bas blancs, des boucles ovales en or, son chapeau ordinaire sous le bras, la plaque de la légion d'honneur et une tabatière à la main. Jamais il n'invite à s'asseoir, à moins qu'il ne soit couché. Ce qu'il craint au contraire infiniment c'est qu'on ne prenne, à l'exemple de Cockburn, cette liberté de soi-même. Aussi a-t-il bien soin de l'empêcher en se tenant toujours debout. Sir Pulteney Malcolm a eu chez lui des séances de trois et quatre heures, où n'en pouvant plus de lassitude, ils s'appuyaient l'un et l'autre aux tables, à la muraille, et rien n'a pu l'engager à se relâcher sur ce point.

Quand il n'y a pas d'étrangers, l'étiquette est un peu moins sévère, et Bonaparte se livre à son naturel. Comme un soldat de fortune, il est brusque, criard, despote à outrance. Il lâche les gros mots sans interruption et traite ses Français en esclaves.

Il aime assez la musique et se fait chanter après diner des airs italiens par même de Montholon. C'est aujourd'hui la seule, qui puisse lui donner ce divertissement. Quelle chute pour un homme, qui disposait à son gré des orchestres de Paris! L'italien est sa langue favorite. Il le parle avec le gouverneur, avec son médecin, avec tous ceux qui en savent quelque chose.

Le soir, il s'amuse à des parties de cartes ou d'échecs, mais il n'est fort à aucun jeu et se fâche lorsqu'il perd. Gourgaud, qui connaît ce faible, fait des fautes à dessein pour le laisser gagner.

Le matin, il s'occupe beaucoup de livres. Il lit avec plaisir les journaux et travaille avec Las Cases à son histoire. Il l'écrit, à ce qu'on dit, dans le genre des Commentaires de César et parle en troisième personne.

Vers quatre heures il se promène à petits pas devant sa porte. Quelquefois on le rencontre en calèche à six chevaux faisant au grand galop le tour de son enceinte. Depuis mon arrivée il n'est pas sorti à cheval. Cet exercice n'est plus de son gout.

Sa maison de Longwood sans être grande ni magnifique est assez commode et fournie en beaux meubles d'acajou. Il a un jardin à côté où l'amiral Malcolm a fait dresser une tente superbe. On voudrait lui bâtir un pavillon d'une architecture plus régulière. L'île est remplie de matériaux envoyés d'Angleterre à cet effet. Mais, soit qu'il espère un changement quelconque dans sa position, soit qu'il veuille chicaner sir Hudson - Lowe, on n'a pu le décider à y consentir.

Il ne dépense ici que ce que le gouvernement anglais lui passe. On ne sait pas même s'il a des fonds. Depuis sa chute, il n'a rien dit, ni fait qui puisse en donner le moindre indice. Il est à présumer toutefois qu'il en a, et qu'ils sont placés en Angleterre sous un nom supposé.

#### SA SUITE.

On dit à S<sup>te</sup> Hélène que ce sont les entours de Bonaparte, qui, par leurs scènes et les rapports qu'ils lui font, influent sur son humeur et sa conduite en général. Ceci me parait douteux. Ce qu'il y a de sûr, c'est que tous ces Français se haïssent cordialement. Chacun veut être le favori du maître et vise à la direction des grandes affaires de Longwood. De là naissent entr'eux des scènes d'un ridicule achevé. Montholon, chargé de l'intérieur

du palais, envie à Bertrand sa partie de l'extérieur. Gourgaud, las de parader en sa qualité d'aide camp général dans une antichambre, voit avec déplaisir les occupations plus sensées de Las Cases. Celui-ci, pour ne lui céder en rien, s'essaye aux heures de promenade à dompter un cheval. Une taille de nain, un air gauche et patelin ne le dégoutent pas de cet exercice. Il se casserait le cou plutôt que d'y renoncer. C'est en s'aveuglant ainsi sur leur position, que ces malheureux exilés, qu'on estimerait s'ils avaient un esprit de corps, deviennent la risée de tout le monde.

Bertrand est un homme faible et bon, toujours triste et souvent désolé. C'est le moins remuant de la bande. Sa femme l'a vivement pressé de s'établir en Angleterre pour se rapprocher de Paris. Subjugué par Bonaparte il n'a pu se décider à quitter S-te Hélène.

Montholon n'est qu'un pauvre sujet. Il s'est embarqué à Rochefort avec son maître moins par attachement et reconnaissance que parcequ'il s'était perdu de dettes en France. A Longwood il se croit un personnage et passe pour un menteur déterminé.

Gourgaud, neveu de Dugazon le comédien, est un officier de fortune, brave et fanfaron. Il ne se mêle pas d'intrigues, mais il est tapageur, fat et suffisant. C'est tout ce qu'on en peut dire.

Las Cases a fait à Bonaparte le sacrifice de sa liberté sans y être engagé par un motif d'intérêt. Ce ne fut en lui qu'un mouvement de générosité; peut-être aussi le désir de laisser à la postérité une histoire exacte et détaillée de son héros. Il y a quelques inconséquences dans sa conduite. Mais c'est racheté par un mérite réel et des talents.

Piontowski était simple lancier polonais à l'île d'Elbe. Napoleon, pour récompenser sa fidélité, le fit capitaine,

officier d'ordonnance et chevalier de la légion d'honneur. C'est un garçon fort doux, dont personne ne se plaint. On le traite à Longwood avec mépris. Je ne conçois pas ce qui a pu le déterminer à s'expatrier.

M-mes Bertrand et Montholon ne s'aiment pas et sont condamnées à vivre ensemble. L'une est imposante et belle, l'autre est aimable et musicienne. Elles ont été toutes deux bien et mal en cour: c'est ce qui les a brouillées.

#### O'MEARA ET POPPLETON.

O'Meara est l'agent secret de sir Hudson-Lowe à Longwood. Ce médecin est un homme adroit et circonspect. Il informe Bonaparte de ce qui se fait dans l'île pour avoir accès auprès de lui. En même temps, il tient registre de ses moindres actions et paroles. Sans en avoir l'air il se fourre partout, et c'est par lui qu'on apprend une infinité de détails, qui intéressent plus ou moins la surveillance.

Poppleton est un capitaine du 53-me régiment d'infanterie commis à Longwood pour y répondre de Bonaparte. Il est logé près de lui. Il le voit d'obligation tous les jours. Il en donne matin et soir des nouvelles par signaux au gouverneur et s'il passe son encinto, il le suit et ne le perd plus de vue. Ce pauvre homme, qui ne sait que la guerre et n'a aucune idée des convenances, est la bête d'aversion de tous les prisonniers français.

#### CONVERSATIONS.

Napoléon parle souvent à sir Pulteney Malcolm des événements passés. Je rendrai mot pour mot ce que cet amiral, qui me témoigne beaucoup de confiance, m'a communiqué de ses entretiens avec lui.

## BATAILLE DE WATERLOO.

Napoléon. Savez vous que Wellington a trop risqué. Il devait se retirer, attendre les alliés. Sans les Prussiens il était battu.

Malcolm. Oui, mais le duc savait que les Prussiens viendraient

Nap. Et comment le savait-il? Si Grouchy eut fait son devoir, nous n'en serions pas là. C'est lui qui a tout perdu.

Malc. Qu'est ce qui vous a fait ouvrir cette campagne par une attaque contre les Prussiens? La position des Anglais devait vous gêner davantage. C'était le côté de la mer. Il fallait s'en assurer.

Nap. Le caractère des généraux que j'avais entête m'a tracé ma conduite. Cet ivrogne d'hussard impatient de se signaler eut tout quitté pour secourir les Anglais. J'aurais eu trop d'ennemis à la fois. Je l'ai battu. J'ai mit le désordre parmi ses troupes. Grouchy devait l'empêcher de rien entreprendre. On n'a point exécuté mes ordres, et les résultats ne sont plus les mêmes. Mais, quoique les Prussiens aient beaucoup fait, la journée est à Wellington.

Malc. Que pensez vous des Prussiens?

Nap. Ce sont des coquins.

Malc. Et de leur armée?

Nap. Il m'en a couté si peu pour l'écraser à Jéna, avec ses manoeuvres de Potsdam, que j'ai été surpris de ma victoire.

Malc. Mais elle a changé depuis.

Nap. Un peu.

## DESCENTE EN ANGLETERRE.

Malc. Quel était le but réel de vos grands préparatifs à Boulogne?

Nap. Celui de faire passer La Manche à mes soldats.

VI. 6

Malc. La conquête de l'Angleterre vous paraissait donc facile?

Nap. Mais elle vaut assurément la peine d'être entreprise.

Malc. On n'a jamais pu deviner votre plan.

Nap. Il était simple. Ma flotte faisait mine d'aller en Amérique avec des troupes de débarquement. J'étais sûr que le gros de la votre l'y suivrait. Villeneuve, profitant alors de la première chance favorable (il y en a tant sur mer) devait tourner court, regagner le canal au moins quinze jours avant l'amiral anglais et y croiser pendant que les bateaux passaient.

## SA DÉTENTION A S-TE HÉLÈNE.

Nap. Vous me tiendrez donc toujours ici?

Malc. Je le crois.

Nap. N'avez vous pas d'autres colonies?

Malc. Vous n'y serez bien sous aucun rapport.

Nap. Ce qu'on fait à S-te Héléne est absurde, ridicule. Tenez, ce soldat sur la pointe de ce rocher, à quoi sert-il? Craignez vous que je m'échappe, un oiseau le pourrait-il? Je conçois que la ville me soit interdite. C'est assez naturel. Mais hors de là, je devrais être libre.

Malc. Vous l'êtes. On ne vous empêche pas même d'aller en ville.

Nap. Avec cet officier (Poppleton) à mes troupes? Ce serait me dégrader, me reconnaître prisonnier, je ne le suis pas.

Malc. On ne peut cependant plus vous traiter en souverain.

Nap. Et pourquoi pas? Qu'on me laisse ces honneurs comme un

РУССКИЙ АРХИВЪ. 1868. 23

amusement dans ma position; sur ce rocher, quel mal cela peut-il faire?

Malc. Il faudrait donc vous qualifier d'empereur?

Nap. Après un moment de réflexion. Non, j'ai donné mon abdication.

Malc. Vous ne voulez pas être appelé général.

Nap. Je ne le suis plus depuis mon retour d'Égypte. Tout autre nom me convient mieux. Qu'on m'appelle Napoléon.

#### LE DUC D'ENGHIEN.

Malc. Pour quel crime le duc d'Engbien a-t-il été jugé à mort.

Nap. Jugé? Je ne l'ai point jugé. Je l'ai fait fusiller. Il conspirait contre moi. C'était prouvé.

#### AUTRES PARTICULARITÉS.

Bonaparte parle rarement de sa campagne de Russie. Un jour il dit à l'amiral Cockburn: Pour ma gloire j'aurais dû mourir à Moscou. On accuserait mes généraux des malheurs de la France.

Il apprit avec indifférence la mort de son beau frère Murat et dit: c'est un c.....

La mort du maréchal Ney parut l'affecter davantage. Il a été décapité? s'écria-t-il. On lui répondit que non, qu'il avait été fusillé.

C'est impossible, reprit-il, ce sont les pairs qui l'ont jugé. Puis il fit quelques tours dans la chambre et dit: Il était brave, il était brave. Oui. Mais il m'a trahi à Fontainebleau.

Ce que les journaux anglais ont publié de ses débats avec Poppleton et de la sentinelle, qui lui tira un coup de fusil, est faux. Voici le fait. Napoléon, accompagné de sa suite ordinaire, monte un jour à cheval. Chemin faisant, il lui prend

envie d'examiner une côte. Il pique des deux et sort de son enceinte. Poppleton part en même temps que lui, mais étant mauvais écuyer, il ne peut suivre et perd de vue la cavalcade. Ceci le déconcerte entièrement. Il croit que son prisonnier va passer l'Océan à la nage et se met à crier après lui. Enfin il le rejoint et veut réprimander. Un regard du coupable lui coupe la parole. Tout ce qu'il ose est de dire entre ses dents: «Une autre fois, messieurs, je prendrai garde à vous». C'est la dessus qu'on a bâti les fables.

Quand Bonaparte était logé chez m-r Balcombe, il s'amusait beaucoup des espiègeries de miss Betzy, la fille cadette de son hôte. Il lui enseignait la géographie, il jouait avec elle à colin-maillard et passait sa vie dans un cercle d'enfants. Un jour elle lui demanda: «Qui a brûlé Moscou?» Il répondit en se frappant la poitrine: C'est moi.

Je vois souvent cette petite personne, mais je ne m'arrêterai pas à ce qu'elle m'a conté de son ami Bouy (c'est ainsi qu'elle l'appelle) car cela ferait un volume de bagatelles. A S-te Hélène, comme ailleurs, Bonaparte se précautionne la nuit contre toute surprise. J'occupe l'appartement où il descendit le jour de son arrivée. La porte de la chambre à coucher a une serrure anglaise, qu'il est presque impossible de forcer. Cependant il y fit ajouter un très gros verrou qui s'y trouve encore et qu'on fait voir aux curieux.

Le Cornwallis, vaisseau de ligne de 74, canons capt. King, faisant déjà ses préparatifs de départ, je termine là pour aujourd'hui mon article de Longwood et ne manquerai pas de le reprendre incessamment.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à v. e. le tableau de la garnison de S-te Hélène, la liste des batiments de



guerre qui y sont mouillés et quelques détails sur l'artillerie, les approvisionnements, la maison de Bonaparte. La carte militaire de l'île n'est pas achevée et celle dont on se sert maintenant est si mauvaise que je n'ose même l'envoyer. J'aime mieux attendre la nouvelle.

Nous n'avons pu voir encore l'ex-empereur. Il ne veut pas reconnaître les commissaires. Mes deux confrères sont en procès à ce sujet avec le gouverneur. J'attends que cette étrange affaire où j'ai été passif, soit entièrement terminée pour en faire mon rapport à v. e. Ce sera selon toute apparence ces jours-ci. J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ Св. Елены 8 сентября 1816 года съ Корвалисомъ, линейнымъ корабл. Капитанъ Клингъ.

Ваше сіятельство,

Если долгъ мой на остр. Св. Елены ограничивается показаніями очевидца о существованіи Бонапарта и донесеніями обо всемъ, пропеходящемъ вѣдъ его дома, то я ни мало этимъ не затрудняюсь. С. Гудсонъ - Лоу даль мнѣ доступъ всюду на островъ и въ Лонгвудъ до самыхъ дверей Наполеонова дома. Если же ваше сіятельство ожидаете отъ меня, по справедливости, интереснаго журнала, могущаго со временемъ служить руководствомъ для исторіи, то едва ли и въ состояніи буду удовлетворить вашему ожиданію.

Наполеонъ принялъ за правило не переступать своихъ обычныхъ границъ, все же остальное видѣть только мимоходомъ, сохраняя въ обращеніи своемъ всѣ приемы императорскаго достоинства. До тѣхъ поръ, пока это будетъ продолжаться, я не буду имѣть возможности ни часто слушать его, ни вопрошать, ни наблюдать за нимъ вблизи, и корреспонденція моя на его счетъ будетъ оставаться не болѣе, какъ праздною забавою.

Что поразило меня здѣсь съ перваго взгляда и что впрочемъ довольно естественно, это громадное вліяніе, которымъ

продолжаетъ пользоваться этотъ человѣкъ (окруженный скалами, пропастями и стражей) на умы его окружающихъ. Всѣми и всѣмъ здѣсь чувствуется его превосходство. Французы дрожатъ при видѣ его и почитаютъ за счастье служить ему. Ласказъ говоритъ во всеуслышаніе, что блаженство его заключается въ ежеминутномъ созерцаніи героя-феномена. Англичане также сдѣлались робки въ обращеніи съ нимъ. Самые сторожа его добиваются его взгляды, слѣва и разговора; никто не осмѣливается обходиться съ нимъ какъ съ равнымъ. Геніальный умъ его, неходя въ своемъ несчастіи достойнаго себя предмета, забавляется надъ ними, и пользуясь ихъ настроеніемъ, соритъ ихъ между собою. Лаская однихъ, онъ возбуждаетъ въ другихъ зависть, оказываетъ вниманіе подчиненнымъ и уничтожаетъ начальниковъ. Дѣлаетъ видъ, что начинаетъ привязываться къ адмиралу Малькольму и въ тоже время поддерживаетъ сношенія черезъ Бертрана съ губернаторомъ. Замѣтно, однимъ словомъ, что онъ старается всѣхъ перессорить, всюду внести раздоръ. Въ моихъ глазахъ это вполне потерянный трудъ; можетъ быть, впрочемъ онъ имѣетъ источникомъ какой-нибудь одному ему извѣстный планъ; но по мнѣ, кажется, что ему нѣтъ средствъ вырваться отсюда.

Пока Бонапартъ не былъ еще сданъ на попеченіе сирю Джоржу Кокбурну, онъ былъ довольно обязателенъ и, кажется, не имѣлъ вовсе намѣренія жить затворникомъ, какъ теперь. Но Кокбурнъ напугалъ его своимъ дурно-понятнымъ рвѣніемъ, а быть можетъ и желаніемъ поважничать: онъ хотѣлъ установить между ими отношенія совершеннаго равенства; онъ садился въ его комнаты безъ приглашенія и въ его присутствіи, находилъ удовольствіе противорѣчить ему и выводить его изъ терпѣнія; вслѣдствіе этого между ними возникали безпрестанно споры, капризы и постоянная натянутость отношеній.

Наконецъ послѣдовалъ окончательный разрывъ, которымъ Кокбурнъ былъ

уничтоженъ: онъ явился однажды съ посѣтителемъ къ бывшему императору и получилъ безцеремонный отказъ, тогда какъ другой былъ допущенъ къ аудіенціи. Послѣ этого оскорбленія они не выдались болѣе, и адмиралъ уѣхалъ, не простившись. Прибытіе его въ Европу дастъ, конечно, другое истолкованіе этой размолвкѣ; но я съ достовѣрностію утверждаю, что она произошла именно такъ, какъ я вамъ ее передаю. Дѣло въ томъ, что сиръ Джоржъ Кокбурнъ, человекъ впрочемъ весьма достойный, позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ черезъ чуръ забыть ся; онъ поступилъ безтактно, обращаясь съ Бонапартомъ какъ съ равнымъ, не деликатно, позволивъ себѣ дерзке съ нимъ обращеніе во время переправы, и не великодушно придираясь къ малѣйшему его капризу и фантазіи и желая силою переломить его во всемъ.

Говоря о немъ, знаменитый изгнанникъ выразился однажды такъ: „пусть „меня закуютъ въ цѣпи, но отдають „мнѣ должное уваженіе“. Такого рода примѣры не могутъ часто повторяться съ подобными людьми. Съ тѣхъ поръ никому не приходитъ въ голову съ нимъ обращаться по примѣру Кокбурна. Сиръ Пелтней Малькольмъ, не менѣе его честолюбивый, но одаренный гибкимъ и уживчивымъ нравомъ, тотъ часъ же понялъ, что надо повести дѣло иначе. Чтобы получить доступъ къ Наполеону, онъ обратился къ графу Бертрану, а чтобы представить Бонапарту свою жену прибѣгнулъ къ протекціи госпожи Бертранъ. Эта учтивость должна была предупредить въ его пользу; въ первый же визитъ свой онъ далъ почувствовать, что надзоръ на островѣ нисколько отъ него не зависитъ и что власть его распространяется только на морѣ до Иль-де-Франса. Это также не могло не понравиться; къ тому же онъ держался скромно, добродушно, былъ любезенъ съ дамами и простоялъ все время на ногахъ. Все это чрезвычайно ему удалось; теперь онъ въ силѣ, въ немъ заискивають, ему льстятъ, въ бесѣдѣ наединѣ съ нимъ проводятъ цѣлыя часы.

Конечно, это предпочтеніе оказывается съ тайною цѣлью привлечь его къ себѣ или заинтриговать другихъ, но и адмиралъ также не дается въ обманъ; онъ пользуется своимъ положеніемъ, потому что любопытенъ и запасается интересными воспоминаніями; съ другой стороны онъ не пренебрегаетъ этимъ, потому что это даетъ нѣкоторое значеніе; онъ ведетъ себя гораздо лучше своего предшественника. Нельзя сказать того же о сирѣ Гудсонъ-Лоу; онъ старается во всемъ быть пріятнымъ Бонапарту, обращается съ нимъ почтительно, деликатно, не жалуется на его грубые выходки, переноситъ его капризы, дѣлаетъ, словомъ, все возможное, но тѣмъ не менѣе будетъ всегда его бичемъ. Эти два характера слишкомъ различны. У одного умъ еще тревоженъ. Это безпокойный геній, стремящійся вырваться изъ положенія, въ которое онъ поставленъ судьбою, ищущій можетъ быть приверженцевъ, поклонниковъ; другой противупоставляетъ его гениальному уму неистощимый запасъ общихъ мѣстъ, холодный, подозрительный нравъ и отталкивающую наружность при желаніи быть пріятнымъ, точность тирана въ исполненіи своихъ обязанностей; однимъ словомъ, тотъ, кто созданъ быть повелителемъ, находится въ распоряженіи того, кто умѣетъ только повиноваться. За то ужъ и нѣтъ неприятности, которой не сдѣлалъ бы плѣнникъ своему надзирателю. Приведу для примѣра нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ.

Лэди Мойра, на пути въ Индію, остановилась на островѣ Св. Елены и пожелала, какъ и всѣ, видѣть Наполеона. Сиръ Гудсонъ-Лоу, чтобы легче уладить свиданіе, вздумалъ пригласить ихъ обѣдать вмѣстѣ къ себѣ и съ этою цѣлью написалъ пригласительную записку въ Лонгвудъ, именую бывшего императора *генераломъ*. Послѣдній ничего не отвѣчалъ ему и только послалъ извиниться передъ лэди Мойра.

Офицеры 66-го полка пожелали быть представлены Наполеону. Маршалъ Бер-

транъ назначилъ день. Они собрались уже всѣ съ своимъ генераломъ во главѣ и ждутъ, чтобы имъ отворили дверь; вдругъ, не извѣстно по какимъ соображеніямъ, является ничего неподозрѣвая адмиралъ Малькольмъ съ своими моряками; ихъ принимаетъ императоръ и заводитъ длинную бесѣду съ адмираломъ. Офицеры, прождавъ по напрасну цѣлое утро, принуждены удалиться въ нѣкоторомъ смущеніи. Тѣмъ и кончилось это дѣло. До сихъ поръ ни Бертранъ, ни Монтолонъ, никто изъ Французовъ не получилъ позволенія представиться къ лэди Лоу, премилой женщинѣ, у которой собирается въ Плантешюнгаузѣ очень пріятное общество; лэди же Малькольмъ, не зная ни слова по французски, принимаетъ всѣхъ Французовъ и сама отдаетъ имъ безпрестанно визиты. Это еще болѣе усиливаетъ въ Бонапартѣ ненависть къ сирѣ Гудсонъ-Лоу: адмиралъ Малькольмъ на этихъ дняхъ упрекалъ его въ несправедливости и недовѣрїи къ этому достойному человѣку. *„Вы, можете быть, и правы, сказалъ онъ, это ребячество съ моей стороны; но мы не властны надъ своими впечатлѣніями. Недостатки Кокбурна были въ другомъ родѣ. Онъ человекъ съ характеромъ, съ широкимъ взглядомъ на вещи, я предпочелъ бы его Лоу. Давъ вамъ въ краткомъ очеркѣ понятіе о главныхъ лицахъ на островѣ Св. Елены, представляю вашему сіятельству довольно интересное собраніе анекдотовъ, разговоровъ и другихъ частныхъ изъ жизни Наполеона.*

#### Его домашній бытъ въ Лонгвудѣ.

Отправленный на край свѣта плѣнникомъ Европы, трактуемый по товарищески Кокбурномъ, подверженный безпрестанно грубому обращенію Англичанъ, потерявшихъ уже всякую нравственную сдержку послѣ Ватерлоо, Бонапартъ долженъ былъ естественно подумать о своей славѣ, и поддержать достоинство своего сана. Онъ достигъ этого очень простымъ средствомъ. Онъ заперся въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ никто

неимѣетъ права контролировать его дѣйствія, и гдѣ онъ недоступенъ. Сторожа его, начинавшіе уже было обращаться съ нимъ за панибрата, были озадачены его намѣреніемъ. Всѣ они, ѣдучи сюда, составляли себѣ различные планы дѣйствій, предметомъ которыхъ былъ плѣнникъ. Когда же они увидали на какомъ разстояніи отъ себя онъ намѣренъ былъ ихъ держать, то поневолѣ сдѣлались скромны, почтительны и деликатны. Они поставлены были этимъ въ необходимость дѣлать все, что онъ ни хотѣлъ, и бывший императоръ появился снова во всемъ своемъ прежнемъ величіи. Домъ его здѣсь — настоящій дворецъ, при которомъ Бертранъ исполняетъ должность перваго маршала, Ласказъ государственнаго секретаря, Монтолонъ — министра двора, Гурго — генералъ-адъютанта, Понатовскій — главнаго конюшаго, г-жи Бертранъ и Монтолонъ штатсъ-дамъ. Желаніе ему представиться, имѣтъ съ нимъ разговоръ или сообщить ему какое нибудь дѣло должны обратиться къ главному маршалу. Представляющіеся черезъ губернатора могутъ быть увѣрены заранее, что получатъ отказъ: лэди Мойра и другіе значительные Англичане, обратившіеся къ его посредничеству, никогда не могли добиться аудіенціи. Пріемъ весьма различенъ для различныхъ лицъ; отгѣнки его обуславливаются чиномъ, достоинствомъ и личнымъ впечатлѣніемъ производимымъ посѣтителемъ; съ одними любятъ бесѣды съ глазу на глазъ, съ иными вступаютъ въ длинные разговоры, но большинство отпускается тотъ часъ по представленіи, у самой двери, ведущей въ садъ. Ко второй аудіенціи почти никогда недопускаютъ лицъ, отъ которыхъ нельзя ожидать никакой пользы, какъ наприм. дамъ, путешественниковъ, также и мелкихъ офицеровъ; случается, что, простоявъ въ передней цѣлый день, они узнаютъ, что ихъ пріемъ отложенъ до завтрашняго дня. Наполеонъ является на аудіенціи въ зеленомъ поношенномъ охотничьемъ платьѣ съ серебрянными

пуговицами, на которыхъ изображены олени, кабаньи и лисьи головы, въ бѣлыхъ штанахъ и чулкахъ съ костяными овальными пряжками, съ шляпою подъ мышкою, въ орденъ почетнаго легіона и съ табакеркою въ рукѣ. Никогда онъ не предлагаетъ садиться, исключая тѣхъ случаевъ, когда самъ лежитъ, и чрезвычайно, напротивъ того, боится, чтобы кто нибудь самъ не дозволилъ себѣ этой вольности по примѣру Кокбурна. Потому то, и чтобы предупредить это, онъ принимаетъ всѣхъ стоя. Сирю Нелтней-Малькольму случалось имѣть съ нимъ разговоры по три и по четыре часа, въ продолженіи которыхъ оба, изнемогая отъ усталости, прислонились къ столу или къ стѣнѣ, но ничто не могло заставить его отступить отъ принятаго рѣшенія. Когда нѣтъ иностранцевъ, этикетъ нѣсколько ослабляется, и Наполеонъ предается безъ удержа своему нраву. Какъ выслужившійся солдатъ, онъ грубъ, крикливъ и крайне самовластенъ, бранится безъ устали площадными словами и обходится съ своими Французами, какъ съ рабами. Онъ довольно любитъ музыку и проситъ послѣ обѣда г-жу Монтолонъ пѣть себѣ итальянскія аріи; одна она можетъ теперь доставлять ему это удовольствіе. Какое паденіе для человѣка, располагавшаго по своей волѣ всѣми оркестрами Парижа! Его любимый языкъ итальянскій. Онъ говоритъ на немъ съ губернаторомъ, съ своимъ докторомъ, съ каждымъ, кому онъ хотя сколько нибудь знакомъ. Вечеромъ онъ забавляется игрою въ карты или шашки, но онъ слабъ во всѣхъ играхъ и сердится, когда проигрываетъ. Гурго, зная его слабость, дѣлаетъ намѣренныя ошибки, чтобы дать ему выиграть. Утромъ онъ много занимается литературою, читаетъ съ удовольствіемъ журналы и трудится съ Ласказомъ надъ своею исторіею. Онъ, говорятъ, пишетъ ее въ родѣ Коментаріевъ Цезаря и повѣствуетъ въ третьемъ лицѣ. Около четырехъ часовъ онъ прохаживается мелкими шагами передъ дверями своего

дома; иногда скачетъ во весь опоръ въ коляскѣ шестернею вдоль границъ своихъ владѣній; съ самаго моего пріѣзда онъ ни разу ни ѣздилъ верхомъ: — это упражненіе перестало ему нравиться.

Его домъ хотя невеликъ и невеликолюбенъ, но довольно удобенъ и снабженъ прекрасною мебелью краснаго дерева; рядомъ съ нимъ садъ, въ которомъ адмиралъ Малькольмъ велѣлъ раскинуть ему великолѣпную палатку; ее хотѣли замѣнить навильономъ болѣе правильной архитектуры; весь островъ заваленъ матеріалами, привезенными съ этою дѣлюю изъ Англіи; но въ надеждѣ ли на какую-нибудь перемену въ своемъ положеніи или просто изъ желанія подразнить сира Гудсона, Лоу, онъ до сихъ еще поръ не давалъ на это своего согласія. Онъ проживаетъ здѣсь только то, что выдастъ ему англійское правительство. Неизвѣстно даже, есть ли у него капиталъ. Съ самаго заключенія онъ ничѣмъ этого не обнаружилъ: предполагаютъ однако, что у него, есть деньги и что они помѣщены въ Англіи подъ вымышленнымъ именемъ.

#### Его свита.

На островѣ Св. Елены говорятъ, будто приближенные Бонапарта сильно дѣйствуютъ на его расположеніе духа своими постоянными жалобами и наветами. По моему мнѣнію, это сомнительно. Достоверно только то, что всѣ его Французы искренно ненавидятъ другъ друга. Каждый изъ нихъ желаетъ быть любимцемъ господина, каждый мѣтаетъ стать во главѣ правленія великихъ дѣлъ въ Лонгвудѣ. Велѣдствіе этого пропеходитъ между ними сцены въ высшей степени комическія. Монтолонъ, завѣдующій внутренней дворцовой частію, завидуетъ положенію Бертрана, министра виѣстныхъ дѣлъ. Гурго, наскучившій парадировать въ передней, въ качествѣ генераль-адъютанта, глядитъ съ неудовольствіемъ на болѣе осмысленныя занятія Ласказа. Послѣдній, чтобы не уступить ему ни въ чемъ, въ часы про-

гулокъ упражняется въ верховой ѣздѣ; ни крошечный ростъ его, ни неуклюжая наружность не въ состояннн отвратить его отъ этого упражненія; онъ охотнѣе сломить себѣ шею, нежели откажется отъ него. Такимъ образомъ эти несчастные изгнанники, ослѣпленные на счетъ своего положенія, дѣлаютъ предметомъ общаго насмѣшекъ, тогда какъ, сохраняя духъ единства, они впушали бы несомнѣнно къ себѣ уваженіе. Бертранъ, человѣкъ слабый, добрый, постоянно грустный, а иногда и совсѣмъ упадающій духомъ; это самый смиренный изъ всей свиты. Жена умоляла его поселиться въ Англіи, чтобы быть поближе къ Парижу. Но, преданный всею душою, порабощенный Бонапартомъ, онъ не могъ рѣшиться покинуть островъ Св. Елены. Монтолонъ — ничтожное созданіе; онъ отправился съ своимъ господиномъ изъ Рошфора болѣе по причинѣ многочисленныхъ долговъ своихъ во Франціи, нежели изъ привязанности или признательности къ нему; онъ считаетъ себя важнымъ лицомъ въ Лонгвудѣ и слыветъ за отъявленнаго лжеца.

Гурго, племянникъ актера Дюгазона, выслужившійся офицеръ, смѣлъ и хватливъ, не мѣшается въ интриги, но шумливъ, пусть, самонадѣянъ. Вотъ все, что можно о немъ сказать.

Ласказъ пожертвовалъ Наполеону свою свободу, не имѣя при этомъ никакихъ корыстныхъ видовъ. Его побуждало одно великодушіе и, можетъ быть еще, желаніе оставить потомству познкую, подробную исторію своего героя. Въ поступкахъ его замѣчается нѣкоторая непоследовательность, но она искупается въ немъ истинными достоинствами и дарованіями. Пюптовскій былъ простымъ польскимъ уланомъ. Наполеонъ, чтобы вознаградить его преданность, произвелъ его въ капитаны, ординарцы и кавалеры ордена почетнаго легіона. Онъ кротокъ, никто на него не жалуется, но съ нимъ обходятся съ презрѣніемъ въ Лонгвудѣ. Не понимаю, что заставило его бѣжать изъ отечества.

Г-жи Бертранъ и Монтолонъ ненавидятъ другъ друга и поставлены въ необходимость жить вмѣстѣ. Одна хороша и величественна, другая любезна и большая музыкантша. Обѣ онѣ были въ силѣ и въ немилости при дворѣ. Это-то ихъ и поессорило.

### Омсара и Поппльтовъ.

Омсара — тайный агентъ сира Гудсона Лоу въ Лонгвудѣ. Врачъ этотъ — человѣкъ ловкій и предусмотрительный. Онъ извѣщаетъ Бонапарта обо всемъ, что дѣлается на островѣ, чтобы имѣть къ нему доступъ и въ тоже время слѣдить за всѣми мельчайшими его дѣйствіями и словами. Незамѣтно онъ втирается всюду. Отъ него-то стражи Наполеона получаютъ тѣ безчисленные мелкія подробности о немъ, которыя ихъ болѣе или менѣе интересуютъ.

Поппльтовъ капитанъ 53-го армейскаго полка, приставленный къ особѣ Наполеона и отвѣчающій за цѣлость его въ Лонгвудѣ; онъ помѣщается рядомъ съ нимъ, видится съ нимъ обязательно каждый день, и каждое утро, и вечеръ, и извѣщаетъ знакамъ губернатора о его состояннн. Когда же Наполеонъ переступаетъ за свою границу, онъ слѣдуетъ по стопамъ его и не теряетъ его изъ виду. Этотъ бѣднякъ, знающій только одно военное дѣло и чуждый всякимъ общественнымъ приличіямъ, ненавидимъ здѣсь всѣми французскими плѣнниками.

### Разговоры.

Наполеонъ часто бесѣдуетъ съ епромъ Пелтней-Малькольмомъ о мнувшихъ событіяхъ. Постараюсь передать вамъ буквально то, что сообщилъ мнѣ изъ этихъ разговоровъ адмиралъ, оказывающій мнѣ большое довѣріе.

### Сраженіе при Ватерлоо.

*Наполеонъ: Знаете ли, что Велиingtonъ черезъ чуръ рискнулъ; онъ долженъ былъ отступить и ждать союзниковъ; безъ Пруссаковъ онъ былъ бы побитъ.*

**Малькольмъ:** Да, но герцогъ зналъ, что Пруссаки прійдутъ.

**Наполеонъ:** А какъ онъ могъ это знать? Если-бъ Груши исполнилъ свое дѣло, мы бы не были въ такомъ положеніи; онъ то и потерялъ наше дѣло.

**Малькольмъ:** Что понудило васъ начать кампанію съ атаки на Пруссаковъ. Васъ должна была болѣе беспокоить позиція Англичанъ съ моря; надо было обезпечить себя съ той стороны.

**Наполеонъ:** Планъ моихъ дѣйствій опредѣлился характерами моихъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ войскъ. Этотъ пьяница гусаръ, жаждавшій отличиться, непременно полетѣлъ бы на помощь Англичанамъ. У меня было бы слишкомъ много враговъ заразѣ; я его разбилъ, я привелъ въ смятеніе его войско; Груши долженъ былъ помѣшать ему предпринять, что бы то ни было. Мои приказанія не исполнили, конечно и послѣдствія оказались друія. Но хотя Пруссаки въ этотъ день и многое сдѣлали, дѣло все таки же выигралъ Веллингтонъ.

**Малькольмъ:** Какаго вы мнѣнія о Пруссакахъ?

**Наполеонъ:** Они негодны!

**Малькольмъ:** А объ войскѣ ихъ?

**Наполеонъ:** Мнѣ такъ легко было раздавить ихъ при Іенѣ несмотря на всѣ ихъ потсдамскія маневры, что я даже самъ удивлялся легкости своей побѣды.

**Малькольмъ:** Но съ тѣхъ поръ ихъ войско измѣнилось.

**Наполеонъ:** Немного!

### Высадка въ Англіи.

**Малькольмъ:** Въ какихъ видахъ дѣлались ваши громадныя приготовленія въ Булонь?

**Наполеонъ:** Съ цѣлью переправить солдатъ моихъ черезъ Ламаншъ.

**Малькольмъ:** Стало быть завоеваніе Англіи казалось вамъ легкимъ?

**Наполеонъ:** Пить, но надъ этимъ предпріятіемъ стоило потрудиться.

**Малькольмъ:** Никто не могъ угадать вашего плана.

**Наполеонъ:** Онъ былъ очень простъ; мой флотъ долженъ былъ дѣлать видъ,

что отирается въ Америку съ высадными войсками; я былъ увѣренъ, что большая часть вашего флота послѣдуетъ за нами; тогда Вильмсвъ, пользуясь первыми благоприятными случаями (а ихъ такъ много на морѣ) долженъ былъ сдѣлать быстрый поворотъ назадъ и вернуться въ каналъ по крайней мѣрѣ двумя недѣлями ранѣе англійскаго адмирала и крейсировать влодшія суда.

### Заключеніе на остр. Св. Елены.

**Наполеонъ:** Такъ вы меня вѣчно будете здѣсь держать въ заперти?

**Малькольмъ:** Я думаю.

**Наполеонъ:** Неужели у васъ нѣтъ друіхъ колоній?

**Малькольмъ:** Есть, но тамъ вамъ было бы вполнѣ не удобно.

**Наполеонъ:** Все, что дѣлается на островѣ Св. Елены, бессмысленно, смѣшно. Ну хоть бы этотъ солдатъ на вершинѣ утеса, къ чему онъ! Или вы боитесь, чтобъ я отсюда вырвался: это и для птицы невозможно. Я понимаю еще, что мнѣ запрещенъ входъ въ городъ. Это естественно. Но вѣдь его, я долженъ бы былъ пользоваться совершенной свободой.

**Малькольмъ:** Вы совершенно свободны, вамъ не мѣшаютъ даже ѣздить въ городъ.

**Наполеонъ:** Да, съ этимъ офицеромъ (Попльтономъ) по пятамъ! Это значитъ унижить себя, признавать себя пленникомъ, а я не признаю этого.

**Малькольмъ:** Нельзя же, однако, обходиться съ вами какъ съ государемъ.

**Наполеонъ:** А почему нѣтъ? Пусть оставятъ мнѣ почести, какъ забаву. Въ моемъ положеніи, на этомъ утесѣ, какой вредъ это можетъ принести?

**Малькольмъ:** Стало быть васъ слѣдуетъ именовать императоромъ?

**Наполеонъ:** (послѣ минутнаго размышленія.) Пить! я подписалъ отреченіе.

**Малькольмъ:** Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

**Наполеонъ:** Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Египта, я болѣе не генералъ. Всякое другое имя

идеть ко мнѣ лучше. Пусть называютъ меня Наполеономъ.

### Герцогъ Бнгіенскій

*Малькольмъ*: За какое преступленіе герцогъ Бнгіенскій осужденъ былъ на смертную казнь?

*Наполеонъ*: Осужденъ? Я не судилъ его; я велѣлъ его разстрѣлять, онъ злоумышлялъ противъ меня; это было доказано.

### Другія особенноти.

Бонапартъ говоритъ рѣдко о походѣ въ Россію. Одинъ разъ онъ сказалъ адмиралу Кокбурну: *«Мнѣ слѣдовало бы умереть въ Москвѣ, чтобы спасти свою славу. Тогда въ несчастіяхъ Франціи обвинили бы моихъ генераловъ.»*

Онъ совершенно равнодушно принялъ извѣстіе о кончинѣ зятя своего Мюрата и сказалъ: Это... Смерть Нея, казалось, болѣе его тронула. *Онъ умеръ на эшафотѣ!* воскликнулъ онъ; ему отвѣчали, что онъ былъ разстрѣлянъ.

*Наполеонъ*: *Не можетъ быть!* Потомъ, пройдя нѣсколько разъ по комнатамъ, онъ сказалъ: *Онъ былъ отваженъ, да! Онъ былъ отваженъ; но онъ измѣнилъ мнѣ въ Фонтенбло.*

Все что англійскіе журналы печатали о ссорѣ его съ Поппльтономъ и о часовомъ, который будто бы выстрѣлилъ по Наполеону, несправедливо. Вотъ какъ было дѣло. Наполеонъ, въ сопровожденіи своей обычной свиты, отправился кататься верхомъ; дорогой ему вдругъ вздумалось осмотрѣть ближайшій берегъ моря; онъ пришпорилъ коня и полетѣлъ за предѣлы означеннаго круга. Поппльтонъ скачетъ за нимъ, но, какъ плохой наѣздникъ, вскорѣ теряетъ изъ виду кавалькаду. Совершенно растерявшись, онъ воображаетъ, что плѣвникъ хочетъ верхомъ переплыть океанъ; онъ гонится за нимъ съ крикомъ, наконецъ нагоняетъ его и намѣревался сдѣлать ему выговоръ. Но однимъ взглядомъ виновный прерываетъ его рѣчь, и онъ только сквозь зубы рѣшается вы-

говорить: *«Въ другой разъ, милостивые государи, я возьму предосторожности.»* На этомъ основана вся басня.

Когда Бонапартъ стоялъ у г-на Балькомба, его очень забавляли проказы миссъ Бетси, младшей дочери хозяина; онъ училъ ее географіи, игралъ съ ней въ жмурки и вообще проводилъ жизнь въ кругу дѣтей. Разъ она спросила у Наполеона: *«Кто сжегъ Москву?»*—*«Я!»* сказалъ онъ, ударя себя въ грудь.

Я часто выдаю эту молоденькую особу, но не буду повторять всего, что она рассказывала мнѣ о своемъ другѣ Бони (такъ она называетъ его). Этими бездѣлками можно было бы наполнить цѣлый томъ. На островѣ св. Елены, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, Бонапартъ на почъ принимаетъ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія. Я занимаю комнаты, въ которыхъ онъ стоялъ по прибытіи на островъ. Двери спальни запираются англійскимъ замкомъ, который почти невозможно сломать. Несмотря на это, онъ велѣлъ придѣлать къ ней еще большую задвижку, которая осталась до сихъ поръ на двери, и которую показываютъ теперь путешественникамъ и любопытнымъ. Корвалісь, 74 пуш. линейный корабль капитана Кинга, готовится къ отплытію. Оканчиваю на этотъ разъ свою реляцію о Лонгвудѣ, которую буду продолжать при первой возможности.

Честъ имѣю представить вашему сіятельству прилагаемые къ сему: описаніе гарнизона остр. св. Елены, списокъ военныхъ кораблей въ его портѣ, нѣкоторыя подробности объ артиллеріи и о снабженіи острова жизненными припасами и о домѣ Бонапарта. Военная карта острова еще не кончена, а старая такъ плоха, что я не осмѣливаюсь послать ее вамъ и жду новой.

Мы до сихъ поръ не видали бывшаго императора: онъ нехочетъ признать комиссаровъ. Оба собрата мои ведутъ переговоры по этому предмету съ губернаторомъ. Жду окончательнаго разрѣшенія этого страннаго дѣла, въ кото-

ромъ я не принималъ никакого участія, а тогда извѣщу о немъ ваше сіятельство. По всѣмъ вѣроятіямъ оно послѣдуетъ на дняхъ. Имѣю честь быть и т. д.

No. 6.

S-te Hélène, ce 10 septembre 1816 n. st. Par l'Horatio, frégate.

Monsieur le comte,

J'eus l'honneur d'informer v. e. par mon rapport sub No. 4. des débats où les commissaires autrichien et français se sont engagés dès leur arrivée à S-te Hélène. Elle verra par celui-ci que ce procès-verbal, qui fait la base de leurs instructions n'a produit ici que des procès en tout genre. Je vais exposer cette affaire selon l'ordre des dates. Le 17 juin à 5 heures du soir le New-Castle toucha l'île de S-te Hélène. On nous avertit aussitôt que le départ du Northumberland était fixé au surlendemain. Le marquis de Montchenu, voulant profiter de cette occasion pour envoyer en France son premier procès-verbal, descendit à terre le même jour et pressa vivement les autorités anglaises de le conduire à Longwood. Il fit beau de phrases et de bruit, dit que le repos de l'Europe était attaché à sa demande. Mais elle fut rejetée d'une commune voix, et mon collègue revint coucher à bord un peu confus de sa démarche. O'Meara informait, en attendant, les prisonniers français de ce qui s'était passé en ville.

«Je connais ce Montchenu! s'écria Bonaparte en colère, c'est un vieux c.... un bavard, un général de carrosse qui n'a pas senti la poudre. Je ne le verrai pas.

Ce qu'il y a de fâcheux, c'est que le portrait est ressemblant.

Le 18, nous débarquâmes en cérémonie avec l'amiral Malcolm. Le g-ld de Montchenu ne fut pas plutôt en ville qu'il

renouela ses importunités de la veille. On lui objecta l'humeur altière et sauvage de Bonaparte, les égards, auxquels le gouvernement britannique l'avait habitué, l'impossibilité réelle de brusquer une affaire aussi délicate. On lui demanda quelques jours de plus pour s'en occuper sérieusement, et la partie de Longwood fut ainsi différée.

Le 19, m-r de Montchenu eut le chagrin de voir partir le Nortumberland sans procès-verbal.

Le 26, il fut question de délibérer chez le gouverneur sur le but véritable de notre mission et de nous mettre en rapport de service avec lui. Le baron Stürmer parla le premier et dit, que son unique affaire était de s'assurer de ses propres yeux de l'existence du prisonnier de l'Europe et d'envoyer à sa cour tous les mois un procès-verbal. Le commissaire de France s'expliqua dans le même sens; mais comme il apportait à cette conférence, selon lui très importante, une haute idée de sa personne et de son poste, le seul qu'il ait occupé, la certitude de jouer ici un rôle et d'exercer son influence sur Bonaparte lui-même, il fit un discours emphatique, qui dura une heure entière et fatigua son auditoire.

Sir Hudson Lowe répondit à ces messieurs: que la convention du 2 d'aout, en vertu de laquelle les commissaires des puissances alliées se trouvent à S-te Hélène, ne lui a jamais été transmise officiellement, que cependant il s'emploierait de son mieux à les mettre en règle avec leurs gouvernements.

Mes instructions ne me prescrivant rien à l'égard du procès-verbal, je dis en peu de mots: que le c-ld de Lieven ayant jugé à propos de les communiquer à lord Bathurst qui paraissait en être satisfait, j'invitais le gouverneur à en prendre lecture également.



Le 27, sir Hudson Lowe annonça au c. Bertrand l'arrivée des commissaires et le pressentit sur le désir que nous manifestions de voir le Bonaparte. Le grand maréchal, qui s'attendait à ces ouvertures, ne fit que des réponses évasives. Il demanda si nous avions des lettres de nos souverains, dit que la convention du 2 d'aout n'était pas connue de l'empereur et qu'il serait juste d'en faire part à s. m.

Le marquis de Montchenu désapprouva cette démarche indirecte. «Ce n'est pas ainsi, me dit-il, qu'on traite un criminel». Le h. Stürmer la prit aussi en mauvaise part, et ces messieurs eurent à ce sujet une explication très vive avec le gouverneur, mais qui n'aboutit à rien.

C'est alors qu'il fut question pour la première fois de forcer la porte de Longwood et que je refusai de signer la note des trois commissaires, dont il est fait mention dans ma dépêche du 29 juin n. st.

Le 28 et les jours suivants, on chercha de tous côtés la pièce authentique que le c. Bertrand demandait. Par malheur elle ne se trouva nulle part, et sir Hudson Lowe prit enfin sur lui de s'adresser directement à Bonaparte.

«Si ces messieurs, dit celui-ci, veulent être présentés comme particuliers, rien ne s'y oppose. Qu'ils aillent au grand maréchal. Si c'est à titre de commissaires, qu'on me fasse voir la convention du 2 d'aout et j'y penserai. L'affaire en resta là.

Sur ces entrefaites l'amiral Malcolm fit tomber un jour à Longwood la conversation sur notre chapitre.

«Comment verrai-je ces gens là! dit Bonaparte. Qui est ce qui les envoie? Est-ce l'Autriche que j'ai eu vingt fois à mes pieds? Le h. Stürmer m'apporte-t-il des nouvelles de ma femme et de mon fils? Est-ce l'empereur Alexandre, à qui j'ai rendu des services après la paix de

Tilsitt? Qu'a-t'il fait pour me soulager dans la position malheureuse où je me trouve? Et ne serait-ce pas me reconnaître prisonnier de l'Europe que de voir les commissaires? Je suis le votre de fait, puisque vous me tenez, mais non pas de droit.

En même temps que l'ex-empereur s'exprimait ainsi sur notre compte, il faisait tout au monde pour nous engager à le voir comme particuliers. Montholon, Gourgaud venaient sans cesse en ville, tâchaient de nous rencontrer, flattaient m-r de Montchenu. Las Cases me fit dire par une dame de la société que s'il m'apercevait à la promenade, il irait au devant de moi et me menerait à son maître. La petite Betsy m'assura de même que son ami Bony était bien impatient de causer avec moi. Nous recevions des messages de différents côtés, et mes collègues auraient pu constater la présence de Napoléon Bonaparte à S-te Héleine cent fois par jour s'ils avaient voulu se contenter de ces moyens.

Le 19 juillet m-r Stürmer déterra enfin parmi ses papiers la convention du 2 d'aout.

Le 20, je fus appelé à une seconde conférence chez le gouverneur. On y discuta l'affaire du procès-verbal, mais seulement par rapport à la manière de voir le prisonnier de l'Europe, car c'était là le noeud de la question. M-r de Montchenu soutint qu'il ne le pouvait qu'à titre de commissaire, qu'en agir autrement serait manquer le but de sa mission et compromettre la dignité de la cour. M-r de Stürmer fut du même avis. Sir Hudson Lowe fit à ce sujet des remontrances fort sages. Il avoua que ses relations personnelles avec Bonaparte n'étaient rien moins que satisfaisantes, qu'il ne pouvait se résoudre à humilier un personnage aussi marquant, que Lord Bathurst ne lui avait pas donné

d'instructions relatives à ce cas et prèdit à ces messieurs qu'il ne résulterait de leurs prétentions extraordinaires que des désagrèments pour tout le monde.

Je dus parler à mon tour et répètai ce que je ne cessais de dire depuis mon arrivée: que l'adhésion de Bonaparte aux mesures adoptées à son égard étant inutiles, je ne me croyais en aucun rapport de service avec lui et me passerais par conséquent d'une entrevue officille. Qu'il suffirait de le rencontrer de temps à autres à la promenade, que j'aurais même pû, sans manquer à mon devoir, m'annoncer chez lui comme l'amiral Malcolm et tant d'officiers anglais, mais que je n'en ai rien fait pour n'avoir pas l'air de suivre une marche isolée.

Mr. de Montchenu m'observa que ses instructions et celles du baron Stürmer, ayant été rédigées aux conférences de Paris, je pouvais prendre sur moi de m'y conformer. Je lui répondis que je m'en garderais bien, que m'associer de mon chef à une démarche non seulement inutile, mais dont je prévois la mauvaise issue, serait une inconséquence.

Le résultat de cette longue discussion fut que les commissaires autrichien et français adresseraient au gouverneur une note officielle, dont la copie est jointe à ce rapport.

Le 21, cette note et la convention du 2 d'août furent envoyées au cte de Montholon. Sir Hudson Lowe y ajouta une lettre d'accompagnement et fit en sorte que si Bonaparte se décidait à recevoir mes collègues, je lui serais présenté également quoique n'ayant pas pris part à cette démarche.

Le 27 aout on eut la réponse de mr. de Montholon. Le gouverneur n'a pu se décider à nous la communiquer en entier. Il en fit insérer un extrait très imparfait dans les trois lettres ci-jointes, qu'il nous adressa à cette occasion.

Le commissaire de France s'aperçoit aujourd'hui que son zèle inconsidéré ou sa bêtise extrême a gâté nos affaires à S-te Hélène. Celui d'Autriche n'a pas de reproche à se faire. On lui a fortement recommandé de n'être jamais en opposition avec l'autre. Pour mettre v. e. à même de juger des embarras de ces messieurs, j'ai copié mot à mot ci-après ce que mr. de Stürmer en dit dans son rapport au prince Metternich. V. e. trouvera également ci-joint une copie exacte de la lettre en entier de mr. de Montholon, dont le gouverneur ne nous a communiqué qu'un extrait.

Ma conduite dans cette circonstance a été généralement approuvée. On y a reconnu les sentiments élevés de notre Auguste Maître, et Bonaparte lui même en est satisfait. Un Français de sa suite que je rencontrai ces jours derniers en ville s'étant approché de moi fort poliment me dit. „L'Empereur sait que vous n'avez par signé la note des commissaires. Il est sensible à ce procédé honnête et m'a chargé de vous en remercier?“

J'ai l'honneur d'être etc.

No. 7. (1).

.....

No. 8.

.....

Островъ св. Елены сего 10 сентября 1816 года нов. ст. съ фрегатовъ Горацио.

Ваше сиятельство,

Я имѣлъ честь рапортомъ моимъ за № 4-мъ извѣститъ васъ о преніяхъ, въ которыя вступили комиссары австрійскій и французскій тотъ часъ по прибытіи своемъ на островъ; вы увидите изъ настоящаго донесенія, что прото-

(1) Содержаніе пропущенныхъ №№ не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго или замѣчательнаго.

коль тотъ, въ которомъ заключается вся сущность инструкции, породилъ здѣсь безчисленное множество всякаго рода письменныхъ дѣлъ. Изложу намъ его по порядку числъ. 17 іюня въ 5 часовъ вечера Нью-Кастель взошелъ въ гавань св. Елены; насъ тотъ часъ же предупредили, что Нортумберландъ отплываетъ послѣ завтра. Маркизь де Моншеню, желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отправить съ нимъ во Францію первый свой протоколъ, вышелъ въ тотъ же день на берегъ и настоятельно требовалъ отъ англійскихъ властей, чтобы они вели его въ Лонгвудъ, нашумѣлъ, наговорилъ много пустыхъ фразъ, увѣрялъ, что спокойствіе Европы зависить отъ исполненія его требованія, но получилъ единогласный отказъ и, нѣсколько сконфуженный своей неудачей, возвратился ночевать на корабль. О Меара между тѣмъ извѣщалъ французскихъ плѣнниковъ обо всемъ происшедшемъ въ городѣ.

— Я знаю этого Моншеню, гнѣвно закричалъ Бонапартъ, это старей.... *врагъ, каретный жемраль, который въ жизни свою и не нюхивалъ порогу; я не приму его.* Особенно досадно то, что портретъ дѣйствительно похожъ. 18-го, мы съ церемоналомъ высадились на берегъ, въ сопровожденіи адмирала Малькольма. Генералъ Моншеню тотъ часъ по приѣздѣ въ городъ возобновилъ свои докучливыя требованія. Ему представляли въ доводы неприступность и дикость Бонапартова нрава, то постоянное уваженіе, къ которому приучило его британское правительство, и доказывали совершенную невозможность употребить крутыя мѣры въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Наконецъ уговорили его отстранить на нѣсколько дней попытку для болѣе серьезнаго ея обсужденія. Визитъ въ Лонгвудъ былъ отложенъ на время.

19-го, къ величайшему огорченію г. Монштеню, Нортумберландъ отчалилъ безъ его протокола. 26-го шла рѣчь о назначеніи переговоровъ въ домѣ губернатора для обсужденія дѣла нашего прибытія на островъ и для вступленія съ

нимъ въ официальные сношенія (служебныя отношенія). Баронъ Штюрмеръ заговорилъ первый; онъ сказалъ, что обязанность его здѣсь заключается единственно въ удостовѣреніи собственными глазами въ существованіи плѣнника Европы и въ ежемѣсячномъ отправленіи протокола о томъ къ своему двору. Французскій комиссаръ высказался въ томъ же духѣ; но такъ какъ онъ вносилъ въ эти, по его мнѣнію, весьма важные переговоры высокое мнѣніе о своей личности и о постѣ ему ввѣренномъ (до сего времени онъ никогда никакого другаго не занималъ) и былъ убѣжденъ, что призванъ играть здѣсь важную роль и вліять на самаго Бонапарта, то и счелъ своимъ долгомъ сказать напыщенную рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ и утомившую всѣхъ слушателей. Сиръ Гудсонъ-Лоу отвѣчалъ комиссарамъ, что конвенція 2 августа, въ силу которой комиссары союзныхъ державъ прибыли на островъ св. Елены, не была передана ему официально; но что, не смотря на это, онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависить, чтобы дать имъ возможность дѣйствовать согласнo съ предписаніями правительства.

Такъ какъ инструкціи мои ничего не предписывали мнѣ относительно протокола, то я высказалъ въ краткой рѣчи, что мои инструкціи уже были сообщены графомъ Ливеномъ на обсужденіе лорду Батурсту, когорый, повидимому, остался ими доволенъ; затѣмъ и предложилъ ихъ на прочтеніе губернатору.

27-го сиръ Гудсонъ-Лоу извѣстилъ г. Бертрана о прибытіи комиссаровъ и сообщилъ ему выраженное ими желаніе видѣть генерала Бонапарта. Гофмаршалъ, ожидавшій уже этого приступа, отвѣчалъ уклончиво и спросилъ: есть ли у насъ нисѣма отъ нашихъ государей и прибавилъ, что конвенція 2-го августа неизвѣстна императору и что по справедливости слѣдовало бы ее сообщить его величеству.

Маркизь де Моншеню порицаетъ эту косвенную попытку со стороны сиръ Гудсонъ-Лоу. „Не такъ должно было бы

обходиться съ преступникомъ<sup>4</sup>, сказалъ онъ мнѣ; баронъ Штюрмеръ также весьма недоволенъ ею; оба имѣли по этому поводу очень горячее объясненіе съ губернаторомъ, которое однако ни къ чему не повело.

Тогда-то въ первый разъ возникъ вопросъ о насильственномъ вторженіи въ Лонгвудъ, и яотказался подписать ноту трехъ комиссаровъ, о которой упоминалъ уже въ депешѣ моей отъ 29 іюня.— 28-го и слѣдующіе дни искали требуемаго г. Бертрамомъ подлиннаго документа, но по несчастію его нигдѣ не нашли, и сирь Гудсонъ-Лоу согласился наконецъ обратиться прямо къ Бонапарту. *„Если эти господа, отвѣчалъ Наполеонъ, желаютъ быть представлены мнѣ, какъ частные посѣтители, я не вижу препятствія ихъ допустить. Они могутъ отнестись къ моему гофмаршалу; если же они хотятъ видѣть меня въ качествѣ комиссаровъ, пусть покажутъ мнѣ конвенцію 2 августа, и я подумаю“.*

Между тѣмъ адмиралъ Малькольмъ завелъ однажды въ Лонгвудѣ рѣчь о насъ. *Какъ приму я этихъ людей?* сказалъ Бонапартъ, *отъ кою они прислали сюда? Не отъ Австріи ли, которая двадцать разъ лежала у ногъ моихъ; или, можетъ быть, баронъ Штюрмеръ привезъ мнѣ извѣстія о женинъ мой и о сынѣ? Не отъ императора ли Александра, котораго я не разъ одолжалъ посля Тильзитскаго мира? Что сдѣлалъ онъ съ своей стороны, чтобы облегчить несчастное мое положеніе? Принять комиссаровъ значило бы признать себя пльнникомъ Европы. Я вашъ пльнникъ на дѣль, потому что вы держите меня, но не по праву.*

Между тѣмъ какъ бывшій императоръ такъ выражался на нашъ счетъ, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы привлечь насъ къ свиданію, какъ частныхъ посѣтителей.

Монтолонъ, Гурго то и дѣло посѣщали городъ, старались встрѣчаться съ нами, лѣстили г. де Моншеню; Ласказъ

просилъ одну даму передать мнѣ, что, если онъ встрѣтитъ меня на прогулкѣ, онъ непременно подойдетъ ко мнѣ и представитъ меня своему государю. Маленькая Бетси тоже увѣряла меня, что ея другъ Бони съ нетерпѣніемъ ждетъ случая говорить со мной. Мы со всѣхъ сторонъ получали разные извѣстія, и мои сотоварищи сто разъ на день могли бы засвидѣтельствовать пребываніе Наполеона Бонапарта на островѣ св. Елены, если бы хотѣли только довольствоваться этими средствами.

19-го Іюля г. Штюрмеръ отрывъ наконецъ между своими бумагами конвенцію 2-го августа.

20-го. Я во второй разъ былъ призванъ къ губернатору на конференцію; шла рѣчь о протоколѣ, но единственно по отношенію его къ способу, который слѣдовало бы избрать для того (свиданія) чтобы намъ видѣть пльнника Европы. Въ этомъ-то именно и заключался узелъ вопроса. Г. Моншеню подтвердилъ, что онъ не можетъ согласиться видѣть Бонапарта иначе какъ въ качествѣ комиссара, что, поступая другимъ образомъ, онъ не достигалъ цѣли своего порученія и унижалъ достоинство своего двора. Г. Штюрмеръ былъ того же мнѣнія. Сирь Гудсонъ-Лоу сдѣлалъ по этому поводу нѣсколько очень благоразумныхъ замѣчаній (возраженій); онъ признался, что личные его отношенія къ Бонапарту далеко не удовлетворительны, что онъ не имѣетъ духа унижать такую замѣчательную личность, и что лордъ Батуретъ не далъ ему рѣшительно никакихъ инструкцій на настоящей случай. Онъ предсказалъ мнѣ сотоварищамъ, что ихъ чрезвычайныя требованія будутъ безъ успѣшны и повлекутъ за собою бездну неприятностей для всѣхъ. Пришда моя очередь высказаться, и я повторилъ то, что уже не переставалъ высказывать съ самаго дня нашего прибытія, а именно: что считалъ излишнимъ содѣйствіе самаго Бонапарта для исполненія принятыхъ противъ него мѣръ; что ни-

сколько не нахожусь въ служебныхъ къ нему отношеніяхъ и потому могу обойтись безъ officialнаго свиданія съ нимъ, что буду вполне удовлетворенъ, если буду время отъ времени встрѣчать его на прогулкѣ; что я могъ бы наконецъ, несколько не отступая отъ своихъ инструкцій, представиться ему частнымъ образомъ какъ адмиралъ Малькольмъ и другіе англійскіе офицеры, но если не дѣлалъ этого, то единственно изъ желанія дѣйствовать единодушно съ соотаварищами моими. Г. Моншеню замѣтилъ мнѣ, что данныя ему и барону Штюрмеру предписанія редактированы на парижскихъ конференціяхъ и что я могъ бы, принявъ это въ уваженіе, согласоваться съ ними, но я отвѣчалъ ему, что не считаю себя въ правѣ этого сдѣлать и что присоединиться самовольно къ попыткѣ, которую считаю не только бесполезною, но даже вредною имѣть для всѣхъ насъ, вредныя послѣдствія, было бы весьма не послѣдовательно съ моей стороны.

Слѣдствіемъ этихъ длинныхъ прерій была officialная нота, представленная губернатору двумя комиссарами; копию съ нея прилагаю (\*) къ этому донесенію. 24-го, эта нота и конвенція 2-го августа были посланы графу Монтолону; сиръ Гудсонъ-Лоу присоединилъ къ нимъ письмо, въ которомъ обещавалъ дѣла такъ, что если Бонапартъ согласится принять моихъ соотаварищей, то и я буду (хотя и не принимая участія въ нотѣ) также представленъ ему. 27-го августа получили отвѣтъ отъ г. Монтолона. Губернаторъ не рѣшился сообщить его намъ цѣлкомъ. Онъ включилъ весьма неполное извлеченіе изъ него въ прилагаемыхъ при семь трехъ письмахъ его къ намъ. Французскій комиссаръ догадывается, что его излишняя ревность или скорѣе безмѣрная глупость испортили наши общія дѣла на островѣ св. Елены. Австрійскому же комиссару не въ чемъ упрекать себя: ему строго предписано было во всемъ согласовать-

(\*) Этого и другихъ приложений у насъ не имѣется.

ся съ дѣйствіями перваго. Чтобы дать вашему сіятельству полное понятіе о затруднительномъ положеніи этихъ господъ, я списалъ слово въ слово докладъ г. Штюрмера князю Метерниху. Ваше сіятельство найдете также въ этомъ пакетѣ вѣрную копию съ отвѣта г. Монтолона, изъ котораго губернаторъ сообщилъ намъ только краткое извлеченіе. Всѣ единогласно одобряютъ мое поведеніе въ этомъ дѣлѣ. Въ немъ узнаютъ великодушныя и возвышенныя чувства нашего Августѣйшаго Монарха. Самъ Бонапартъ доволенъ имъ. Одинъ изъ Французовъ его свиты на дняхъ встрѣтилъ меня въ городѣ, подошелъ ко мнѣ и очень учтиво сказалъ: „Императоръ знаетъ, что вы не подписали ноты комиссаровъ. Онъ тронутъ этимъ благороднымъ поступкомъ и поручилъ мнѣ благодарить васъ“. Честь имѣю и т. д.

#### No. 9.

S-te. Hélène ce 1 decembre 1816 n. st. Par le Larkins de la Comp. des Indes. Capt. Dumbleton.

Monsieur le comte,

On n'eut pas plutôt remis à sir Hudson Lowe la note du cte Montholon, qui est annexée à mon rapport sub No 6. et dont v. e. trouvera ci-joint le duplicata, que Bonaparte parut se repentir de sa détermination à notre égard. Il devint sombre, rêveur et fut plusieurs jours d'une humeur intraitable; non qu'il entrevit la possibilité de nous recevoir comme commissaires (son parti là dessus est irrévocablement pris, jamais il ne se reconnaitra prisonnier d'aucune puissance) mais il était fâché de ne pas nous voir du tout. Ennemi des Anglais, las de sa solitude, souvent accablé d'ennui, il avait besoin de nous pour rompre la monotonie de son existence. Il savait en outre qu'une réponse plus modérée de sa part eut tôt ou tard arrangé cette affaire à son entière satisfaction, et il se reprochait de l'avoir terminé brus-

quement de manière à n'oser y revenir. D'un autre côté, ayant contraint le gouverneur, les commissaires des puissances alliées et tout le monde à déférer à sa volonté, il était assez content de lui même et forma bientôt une nouvelle prétention. Il imagina de fermer l'enceinte de Longwood à quiconque s'y présenterait avec un permis des autorités anglaises. Il voulait que le marechal Bertrand seul eut le droit d'en donner. Rien n'étant plus contraire aux mesures de surveillance, on s'y opposa fortement. Piqué au vif de ce refus, il fit signifier à sir Hudson Lowe de ne jamais lui annoncer d'étrangers et dit qu'à l'avenir il ne recevrait personne. C'est à quoi ce dernier, qui depuis longtemps songeait à isoler son prisonnier, consentit avec plaisir.

Dès ce jour même on cessa d'aller à Longwood. Les voyageurs n'osent même pas en approcher. Ceux d'entre les militaires et naturels du pays qu'on voyait habituellement se sont retirés, et le coin de l'île où tout affluait autrefois, est aujourd'hui désert: un morne silence y règne.

Bonaparte continue à jouir d'une parfaite santé. Il prend de l'embonpoint, a toujours un violent appetit, s'obstine à ne pas faire d'exercice, mais rien jusqu'à présent n'a altéré cette forte constitution. De temps en temps on le dit malade. Le bruit s'en répand aussitôt de tous côtés. Il y a un mouvement général à S-te Hélène. Le lendemain on apprend que ce n'était qu'une indigestion, un mal de dents et qu'il se porte à merveille.

L'amiral Malcolm est revenu le 28 Novembre d'une tournée qu'il vient de faire au cap de Bonne Espérance. J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ св. Елены 1 декабря 1816 г. нов. ст. съ кораблемъ Ост-Индской компаніи, капит. Думбелтонъ

Не успѣли передать сиру Гудсонъ-Лоу отвѣтную ноту гр. Монтолона, которая приложена была мною къ довенію моему за № 6-мъ и дубликатъ которой ваше сіятельство найдете при семъ рапортѣ, какъ Наполеонъ, повидимому, раскаялся въ своемъ рѣшеніи на нашъ счетъ, сдѣлался грустенъ, задумчивъ и нелюдимъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Не потому чтобы онъ намѣревался когда нибудь принять насъ въ качествѣ комиссаровъ (рѣшеніе его на этотъ счетъ непреложно, и онъ никогда не согласится признать себя плѣнникомъ какой бы то не было державы) но ему стало жаль, что онъ болѣе не увидитъ насъ. Врагъ Англичанъ, утомленный уединеніемъ, часто удрученный скукой, онъ нуждался въ насъ какъ въ развлеченіи среди своей однообразной жизни. Сверхъ того онъ зналъ, что болѣе умѣренный отвѣтъ съ его стороны могъ бы все уладить рано или поздно къ совершенному его удовольствію. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что рѣзкимъ своимъ отвѣтомъ разъ навсегда покончилъ съ этимъ вопросомъ. Съ другой стороны онъ былъ отчасти доволенъ тѣмъ, что принудилъ губернатора и комиссаровъ союзныхъ державъ, однимъ словомъ, всѣхъ уступить его волѣ и вскорѣ предъявилъ имъ новое требованіе. Онъ вздумалъ закрыть доступъ въ Лонгвудъ всѣмъ являющимся туда съ пропускомъ отъ англійскаго правительства и пожелалъ, чтобы право это было предоставлено исключительно маршалу Бертрану. Это желаніе крайне противорѣчило мѣрамъ надзора и встрѣтило сильную оппозицію. Оскорбленный отказомъ, Наполеонъ велѣлъ объявить сире Гудсонъ-Лоу, чтобы тотъ впредь не представлялъ ему иностранцевъ, что онъ болѣе никого принимать не будетъ. Послѣдній, уже давно замышлявшій уединить своего плѣнника, согласился на это съ радостію. Съ этого

самаго дня перестали ходить въ Лонгвудъ; иностранцы не осмѣливаются болѣе приближаться къ нему; военные и туземцы, которые безпрестанно бывали тамъ, удалились на противоположный конецъ острова. Мѣсто, куда все стекалось, вдругъ опустѣло; въ Лонгвудѣ господствуетъ теперь мертвенное безмолвіе. Бонапартъ продолжаетъ пользоваться превосходнымъ здоровьемъ. Онъ полнѣетъ и имѣетъ постоянно сильный аппетитъ, упорно отказывается отъ всякаго движенія; но до сихъ поръ ничто не можетъ поколебать его могучаго организма; иногда говорятъ, что онъ нездоровъ, вѣсть эта бысто распространяется, весь островъ приходитъ въ движеніе, но на другой же день узнаютъ, что это не болѣе какъ легкое желудочное разстройство или зубная боль и что онъ снова совершенно здоровъ.

Адмиралъ Малькольмъ возвратился 28 ноября изъ путешествія на мысъ Доброй Надежды. Честь имѣю быть и пр.

#### No. 10.

S-te Hélène ce 8 Decembre 1816 n. st Par le Larkins de la Comp-e des Indes. Capt. Dumbleton.

Monsieur le comte,

Les comtes de Las Cases, père et fils, de la suite de Bonaparte, ont été arrêtés le 25 Novembre par ordre du gouverneur. Le père, pour avoir voulu, en corrompant un habitant de l'île, faire passer des lettres en Europe, le fils, pour avoir aidé à ce dessein.

Sir Hudson Lowe, qui parait décidé à ne faire aux commissaires des puissances alliées que des demi-confidences, ne nous a rien dit sur le fond de cette affaire. Il c'est borné à nous annoncer l'arrestation de mrs. de Las Cases. Je dois à une personne assez bien instruite les détails suivants. Le comte de Las Cases en arrivant à S-te Hélène, prit à son service un domestique mulâtre fort intelligent, nommé Scott. Bientôt il crut

IV. 7

pouvoir compter sur sa fidélité et le chargea pour le mettre à l'épreuve, d'un message insignifiant, mais secret. Le gouverneur en fut aussitôt informé par la personne même à qui ce message était adressé, et le mulâtre eut ordre de quitter son maître. Mr. de Las Cases, qui avait des vues sur cet homme, lui fit à cette occasion de grandes démonstrations de bienveillance et pour qu'il eut un prétexte plausible de repaître à Longwood, il l'engagea à y laisser une partie de ses hardes.

Dès lors mr. Las Cases s'occupa sans relâche de l'exécution de son plan. Il fit un gros volume de lettres et chargea son fils de les transcrire en caractères presque imperceptibles sur plusieurs foulards de soie blanche. Cet ouvrage, dit-on, est fait à ravir. Quand le tout fut achevé, on cousut les foulards dans un gilet et on attendit le mulâtre avec impatience.

Il ne se présenta qu'au bout de deux mois. On lui proposa d'abord de passer en Angleterre sur le premier bâtiment partant. Comme il était libre et qu'il espérait une récompense, il n'hésita par là dessus. On le revêtit ensuite du gilet, qui contenait le précieux depot, et mr. de Las Cases, par de belles et bonnes paroles, le décida enfin à se sacrifier pour lui. Le mulâtre promit de remettre à Londres à une dame Clavering, Française d'origine et veuve d'un Anglais, autrefois prisonnier à Anvers, le gilet en question et une lettre ostensible, qu'on eut soin de lui donner pour plus de sûreté.

Scott, quoique résolu de servir ses anciens maîtres, n'était pas tranquille. Agité par l'espoir d'un sort heureux et la crainte d'un jugement terrible, il n'imagina rien de mieux, pour se rassurer, que de tout conter à son père, un des fermiers de l'île. Celui-ci reçut

РУССКИЙ АРХИВЪ 1868. 24

très mal la confidence. Il voulut forcer le coupable à avouer tout de suite au gouverneur ce qui s'était passé et sur son refus, le saisissant au collet d'une main, il déchira de l'autre le fatal gilet, aperçut les foulards et porta le tout à Plantation-house.

Scott le fils fut d'abord mis au cachot. Il a déjà subi plusieurs interrogatoires. Les comtes de Las Cases ne furent arrêtés que le lendemain et conduits dans une petite maison à un quart de lieue de Longwood.

On dit que Bonaparte n'a point eu de part à cette affaire, que rien surtout n'y décèle un projet d'évasion. C'est assez difficile à concevoir. Ce qu'il y a de sûr, c'est que jamais le gouverneur ne fera voir aux commissaires les foulards de mr. de Las Cases et qu'il en sera de ces pièces curieuses comme de la note du cte Montholon: on les aura à son insû.

Le capitaine Piontowski et quatre domestiques français de la maison de Longwood sont partis le 19 d'Aout pour le Cap. de Bonne Esperance. Sir Hudson Lowe m'a assuré qu'il n'avait pas à s'en plaindre, qu'il les renvoyait par un motif d'économie.

Bonaparte parait indifférent à toutes ces pertes. Il n'a pas même demandé à voir Piontowski le jour de son départ, et quant il apprit l'aventure facheuse de Las Cases, il dit en haussant les épaules: c'est un fou!—J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ св. Елены 8 декабря 1816 года нов. стиля съ Ост-Индскимъ кораблемъ Ларкинсъ, капитанъ Думбелтъонъ.

Графы Ласказъ, отецъ и сынъ, изъ свиты Наполеона были арестованы 25-го ноября по приказанію губернатора: отецъ обвиняется въ подкупѣ одного изъ жителей острова съ цѣлью переправить посредствомъ него письма въ Европу,

сынъ за содѣйствіе этому замыслу. Сиръ Гудсонъ-Лоу, рѣшившись какъ кажется держать комиссаровъ союзныхъ державъ въ полуневѣденіи, ничего не сообщилъ намъ о сущности этого дѣла. Онъ ограничился только объявленіемъ ареста г. Ласказа. Слѣдующими подробностями обязанъ я хорошо извѣщенной по этому дѣлу особѣ.

Графъ Ласказъ, по прибытіи своемъ на островъ св. Елены, взялъ къ себѣ въ услуженіе мулата, очень умнаго человѣка, по имени Скота. Вскорѣ онъ счелъ возможнымъ ему довѣриться, и для пробы, далъ ему не значительное, но тайное порученіе. Губернаторъ тотъ часъ же извѣщенъ былъ объ этомъ самимъ лицомъ, получившимъ посылку, и мулатъ принужденъ былъ отойти отъ мѣста. Ласказъ, имѣющій надобность въ этомъ человѣкѣ, оказалъ ему по этому случаю большое расположеніе; чтобы дать ему предлогъ вернуться еще разъ въ Лонгвудъ, онъ предложилъ ему оставить тамъ часть своихъ вещей. Съ той поры Ласказъ принялъ ревностно трудиться надъ исполненіемъ своего плана; онъ составилъ огромный пакетъ писемъ и поручилъ сыну своему переписать ихъ на бѣло почти незамѣтнымъ штрифтомъ на бѣлыхъ фулирахъ. Работа, говорятъ, сдѣлана великолѣпно. По окончаніи дѣла фуляры зашли въ жилетъ и стали съ нетерпѣніемъ ожидать мулата; онъ пришелъ только въ концѣ втораго мѣсяца. Сначала ему предложили немедленно отправиться въ Англію. Какъ человѣкъ свободный и ожидающій большаго вознагражденія, онъ не колеблясь ни минуты согласился на это предложеніе. Тогда на него надѣли жилетъ, и Ласказъ ласковыми рѣчами уговорилъ его пожертвовать собою его дѣлу. Мулатъ обѣщаль передать въ Лондонѣ жилетъ и письмо предьявляемое для большей вѣрности г-жѣ Клаверингъ, Франдуженкѣ по происхожденію и вдовѣ Англичанина, бывшаго когда-то плѣнникомъ въ Антверпенѣ.



Скотъ, рѣшившись служить своему бывшему господину, не былъ однако спокоенъ. Волнуемый надеждою на успѣхъ и страхомъ ужаснаго суда, онъ для успокоенія своей совѣсти открылся во всемъ отцу своему, фермеру на островѣ св. Елены; тотъ не одобрилъ его признанія и хотѣлъ принудить его тотъ часъ все разказать губернатору. Когда же тотъ отказался, онъ схватилъ его одною рукою за воротъ, а другою разорвалъ роковой жилетъ, увидалъ фуляры и отнесъ ихъ въ Платеншюнгаусъ. Скотта-сына тотъ часъ же посадили въ тюрьму. Его уже съ тѣхъ поръ два раза призывали къ допросу. Графы же Ласказы были взяты только на слѣдующій день и отвезены въ небольшой домикъ, въ четверти мили отъ Лонгвуда.

Говорятъ, что Наполеонъ совершенно не причастенъ этому дѣлу, что въ писемъ этихъ не нашлось рѣшительно никакихъ указаній на планы бѣгства. Это, по моему мнѣнью, испостижимо. Вѣрно одно, что губернаторъ не покажетъ фуляровъ комиссарамъ и что съ ними будетъ тоже, что съ потою Монтолона: они узнаются помимо его. Капитанъ Пюнтовскій и четверо слугъ изъ Лонгвуда отправлены были 19-го августа на мысъ Доброй Надежды. Сиръ Гудсонъ-Лоу сказалъ мнѣ, что не имѣлъ повода на нихъ жаловаться и отсылаетъ ихъ только изъ экономіи. Бонапартъ, кажется, равнодушенъ ко всемъ этимъ потерямъ. Онъ даже не пожелалъ проститься съ Пюнтовскимъ; когда же онъ узналъ о несчастномъ приключеніи Ласказы, то сказалъ, пожавъ плечами: „сумашедшій!“<sup>4</sup>. Честь имѣю быть и пр.

### No. 11.

Ste Hélène ce 24 Decembre n. st. Par l'Orontès, frégate Capt. Cochrane.

Monsieur le comte,

L'affaire des comtes de Las Cases a été examinée à fond par sir Hudson Lowe et envoyée avec les pièces relatives à Lord Bathurst. Jusqu' à nou-

vel ordre les coupables seront gardés à vue. Las Cases père a témoigné le désir de s'établir en Angleterre. Il dit qu'étant flétri aux yeux de l'empereur, il ne peut plus rester à Ste Hélène. D'après cela et ce qu'on découvre en outre sur cette affaire, elle est de peu de conséquence. Il n'y a point eu de projet d'évasion. Parmi les papiers du cte de Las Cases, on a trouvé un fragment de l'histoire de Bonaparte, qu'on s'est empressé de restituer à ce dernier. Il voulut dans un premier mouvement le bruler, mais le gouverneur l'en empêcha en assurant sur sa parole, que ni lui, ni personne n'en avait pris connaissance.

Depuis quelques jours Bonaparte est tout mélancolique. La perte de Las Cases a abattu sa fierté. Il affecte toujours un air indifférent, mais il souffre au fond de l'âme, et il lui est échappé de dire: Que ne puis-je mourir à l'instant! Il a dit aussi: Qu'on renvoie tous mes Français. Je n'en veux plus près de moi. Aussi bien me les enlèvera-t'on sous quelque pretexte.

Je ne vais pas encore à Longwood, et ne puis juger de la position de Bonaparte que par ce qu'il plait aux Anglais de m'en dire ou faire accroire. Ce que je sais de source certaine, c'est qu'il est mécontent et qu'il a dit plus d'une fois: Si j'étais au pouvoir de l'empereur Alexandre, on préviendrait mes désirs! Ce prince est noble, généreux. J'oublierais mon infortune! Je vois aussi que les Français de sa suite cherchent à intéresser tout le monde à son sort. Un jour le jeune Las Cases vint m'accoster à l'entrée de ma maison pour se répandre en plaintes amères contre les autorités anglaises. Il me dit qu'on les chicanait sur plus petits détails, que l'emp.

était mallogé, mal servi, mal nourri, que le gouverneur prenait ombrage de tout, qu'il avait établi une surveillance tyrannique. Un autre jour Piontowski, suivi d'un officier du 53 d'infanterie, se présente chez moi sans me connaître. Il me parla d'abord de son escadron de lanciers rouges, qui fait aujourd'hui partie de l'armée polonaise. Puis changeant brusquement de conversation, il me dit en présence des Anglais: On nous traite d'une manière indigne, l'empereur même est malheureux. Voyant qu'il passait la mesure, je l'interrompis et lui fis une révérence.

Ces rapports sont à coup sûr exagérés. Il y entre surtout beaucoup d'animosité contre les Anglais; mais peut-être ne sont-ils pas entièrement faux. J'attendrai pour avoir une opinion là dessus que nous ayons pu voir Bonaparte. Il faut espérer que sa porte ne sera pas toujours fermée aux commissaires.

Peu avant son départ pour le Cap de Bonne Espérance, sir Pultnay Melcolm eut à Longwood un entretien sur la Russie. Ce pays, dit Bonaparte, si vous n'y prenez garde, fera la loi aux autres. Il est aujourd'hui dans un état de force à entreprendre bien des choses. Son souverain est pacifique. C'est heureux, très heureux. Que s'il ne l'était pas, il en résulterait de grands événements. Rien que ses troupes légères, des cosaques lâchés de tous côtés, désoleraient l'Europe.

L'amiral Malcolm lui demanda ce qu'il pensait du soldat Russe.

— Il est brave, robuste et patient, répondit Bonaparte.

„Mais, dit l'amiral, les cosaques, à l'apparence, ne sont pas une bonne cavalerie.“

— Ne vous y fiez pas, répliqua Bonaparte, ils sont intelligents et plus dangereux que vous ne le pensez. Ils entendent la petite guerre. Habiles à surprendre l'ennemi, à attaquer et se retirer à propos, on ne peut les entamer. Ils vont d'un pays à l'autre sans en connaître la langue ni les chemins. Ils sont partout. Ils vivent de rapines, et jamais je n'y ai fait de prisonniers.

L'amiral Malcolm voulut l'interroger sur la campagne de Moscou, mais, selon sa coutume, il évita d'en parler. Il fut alors question de la marine de Russie. Ce pays, dit Bonaparte, n'a que des côtes à garder. Une flotte peu nombreuse dans la Baltique, une autre à opposer aux Turcs, c'est tout ce qu'il lui faut. Ce que la Russie met de plus en mer est une pure perte. Ce n'est pas une puissance maritime. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. Hier soir le 25 de ce mois, les comtes de Las Cases, au grand étonnement de tout le monde, furent transférés de la maison où ils étaient gardés à vue dans celle du gouverneur de St. James, où ils ne sont que surveillés. Ils vont, à ce qu'on prétend, s'embarquer de suite pour l'Angleterre. Las Cases doit avoir déclaré positivement, qu'il ne veut plus retourner à Longwood et que résolu de quitter Bonaparte à tout jamais, il désirait vivre en paix et ignoré sous la protection des lois anglaises. Sir Hudson Lowe ne nous a rien communiqué sur ce fait. Mr. de Las Cases emporte avec lui de précieux documents pour l'histoire. Il est clair aujourd'hui que c'était là son but en venant à S-te Hélène.

Piontowski et les quatre domestiques de Longwood établis au Cap de Bonne

Espérance depuis le 19 Aout, ont été mis à bord d'une frégate et envoyés en Angleterre.

Островъ Св. Елены 24 декабря нов. ст. Оронтесть, фрегатъ капитана Кочрана.

Ваше сіятельство,

Дѣло графовъ Ласказъ разсмотрено подробно сиромъ Гудсонъ Лоу и отправлено съ относящимися къ нему бумагами къ лорду Батурсту. Впредь до новыхъ распоряженій виновные останутся подъ надзоромъ. Ласказъ выразилъ желаніе поселиться въ Англии. Онъ говоритъ, что, обезпеченный въ глазахъ императора, онъ не можетъ болѣе оставаться на островѣ Св. Елены. Судя по этому, и по другимъ открытіямъ касательно этого дѣла, оно не имѣетъ большой важности; проэктовъ бѣгства не было. Между бумагами графа Ласказа нашли отрывокъ изъ исторіи Наполеона, которому и возвратили ее немедленно. Первое его движеніе было сжечь ее, но губернаторъ отклонилъ его отъ этого намѣренія, увѣривъ его своимъ честнымъ словомъ, что ни онъ, ни приближенные его не знаютъ содержанія рукописи. Съ нѣкоторыхъ поръ Бонапартъ очень печаленъ. Потеря Ласказа сломала его гордость. Онъ принимаетъ равнодушный видъ, но въ душѣ страдаетъ; у него уже вырвались однажды слѣдующія слова: «Отчего не могу я разомъ умереть!» и потомъ: «Пусть отнимутъ у меня всѣхъ моихъ Французовъ! Я не хочу болѣе имѣть ихъ близъ себя. Все равно, ихъ отнимутъ же у меня подъ какимъ нибудь предлогомъ». Я еще не бываю въ Лонгвудъ и потому не имѣю возможности судить о положеніи Бонапарта иначе какъ по свѣдѣніямъ, которыя считаютъ нужными сообщать мнѣ Англичане. Знаю только одно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ и часто повторяетъ: „Если бы я былъ во власти императора Александра, мои желанія предупреждались бы. Этотъ государь

благороденъ и великодушенъ. Онъ заставилъ бы меня забыть мои несчастья“. Я вижу также, что Французы его свиты стараются заинтересовать всѣхъ его судьбою. Однажды молодой Ласказъ остановилъ меня у самаго входа въ мою квартиру и излился въ горькихъ жалобахъ на англійское правительство. Онъ мнѣ сказалъ, что имъ перечать во всемъ, что самъ императоръ дурно помѣщенъ, что ему дурнослужать, что губернаторъ до крайности подозрителенъ и приставилъ къ нимъ тираническій надзоръ. Въ другой разъ ко мнѣ пришелъ незнакомый мнѣ Пюнтовскій съ офицерами 53-го пѣхотнаго полка. Онъ говорилъ со мною сначала о своемъ эскадронѣ красныхъ уланъ, который вошелъ теперь въ составъ польской арміи; потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, сказалъ при Англичанахъ: „съ нами поступаютъ безчестно, самъ императоръ страдаетъ.“ Видя, что онъ переступаетъ границы приличія, я прервалъ его и откланялся ему. Эти рассказы, конечно, преувеличены; въ нихъ, главнымъ образомъ, слышится ненависть къ Англичанамъ, но, можетъ быть, они и не вполне ложны. Подожду составлять себѣ мнѣнія на этотъ счетъ, пока не увижу лично Наполеона; надѣюсь, что двери его не всегда останутся запертыми для комисаровъ.

Не за долго до отъезда своего на мысъ Доброй Надежды сиръ Пелтней-Малькольмъ имѣлъ въ Лонгвудѣ продолжительный разговоръ о Россіи. „Эта страна“, сказалъ Наполеонъ, „если вы не остережетесь противъ нея, будетъ предписывать законы. Она теперь въ состояніи многого предпринять. Государь ея, къ счастью, миролюбивъ; если бы не это, произошли бы великія событія. Одними легкими отрядами казаковъ, она могла бы раззорить, всю Европу“. Адмиралъ спросилъ его: „какого онъ мнѣнія о русскомъ солдатѣ?“

**Наполеонъ:** Онъ храбръ, силенъ и терпимъ.

**Малькольмъ:** Но вѣдь казаки кажутся на взглядъ плохой конницей?

*Наполеонъ: Не доспѣвайте этому, они смѣтливы и опасны, нежели вы думаете; имъ хорошо известна партизанская война, они удачно нападаютъ, и во время исчезаютъ; ихъ строй трудно пробить; они смѣло переходятъ изъ одной стороны въ другую, некая къ языка ея ни дороги, живутъ грабежемъ, и я ни разу не могъ взять въ плѣнь одного изъ нихъ. Адмиралъ Малькольмъ попробовалъ было заговорить о московскомъ походѣ, но Бонапартъ, по обыкновенію, уклонился отъ этого разговора. Тогда рѣчь зашла о русскомъ флотѣ. „Этому государству нуженъ только небольшой флотъ въ Балтійскомъ морѣ и другой въ Черномъ противъ Турокъ. Все же сверхъ этого было бы лишнее; Россія не морская держава. Честь имѣю быть и пр.*

Вчера вечеромъ 25 числа графы Ласказъ къ всеобщему удивленію переведены изъ домика, въ которомъ содержались подъ стражею, въ квартиру губернатора С. Жемса, гдѣ они будутъ находиться только подъ надзоромъ; полагаютъ, что они должны немедленно отплыть въ Англію. Ласказъ будто бы объявилъ, что рѣшительно не хочетъ возвращаться въ Лонгвудъ и, что, рѣшившись покинуть Наполеона, онъ намѣренъ жить въ уединеніи и неизвѣстности подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ. Сиръ Гудсонъ-Лоу ничего не сообщилъ намъ объ этомъ происшествіи. Г. Ласказъ увозитъ съ собою драгоценные документы для исторіи. Теперь ясно, что съ этою-то именно дѣлюю онъ и ѣхалъ на островъ св. Елены. Пionтовскій и четверо слугъ изъ Лонгвуда, жившіе 19 августа на мысѣ Доброй Надежды, посажены на корабль и отправлены въ Англію.

## №. 12.

S-te Hélène ce 29 Decembre 1816 n. st. Par l'Oron-tés, frégate, Capt. Cochrane.

Monsieur le comte,

Sir Hudson Lowe nous informe à l'instant même que les comtes de Las Ca-

ses seront embarqués demain à bord du brig «de Griffon» et conduits au Cap de Bonne Espérance.

C'est de là probablement qu'ils passeront en Angleterre.

On se perd en conjectures à S-te Hélène sur le fait de Las Cases. Les uns disent que l'affaire des foulards et du gilet n'est qu'une ruse de son invention pour se faire arrêter et pour quitter Bonaparte en paraissant y être réduit par la force; d'autres assurent que ce projet, sans être de conséquence, était sérieux, mais que n'ayant pas réussi, Las Cases eut le bon esprit de ne pas retourner à Longwood et échappa ainsi à un exil insupportable. Enfin l'amiral Malcolm dit que Las Cases avait tout prévu, tout arrangé à son avantage et ne s'embarassait pas plus de l'arrivée de Scott à Londres que d'une perfidie ou maladresse de sa part, car s'il manquait un but, il en atteignait un autre. Le gouverneur s'obstine à ne pas nous mettre dans le secret. Mr. de Montcheny lui observa devant moi qu'il importait au roi de voir cette correspondance à cause des Français, qui pouvaient y être nommés.

«A Londres, répondit sèchement sir Hudson Lowe, on en parlera peut-être à votre ambassadeur.»

Ceci donne à v. e. une idée de notre position. J'ai l'honneur d'être etc.

Островъ Св. Елены 29-го декабря 1816 г. пов. стіяя, съ фрегатомъ Оронтесъ. Капитанъ Кохранъ.

Сейчасъ сиръ Гудсонъ-Лоу объявилъ намъ, что графы Ласказъ отплывають завтра на бригъ Грифонъ къ мысу Доброй Надежды, оттуда вѣроятію отправятся они въ Англію.

На островъ Св. Елены дѣлаются безчисленные предположенія и догадки по дѣлу Ласказовъ: нные говорятъ, что исторія фуляровъ и жилета была ничто

иное, какъ хитрость, придуманная самимъ Ласказомъ, чтобы быть арестованнымъ и имѣть благовидный предлогъ покинуть Бонапарта: другіе увѣряютъ, что планъ этотъ, не заключающій въ себѣ ничего важнаго, имѣлъ однако дѣйствительную цѣль. Когда же дѣло приняло дурной оборотъ, Ласказъ догадался воспользоваться этой неудачей, чтобы оставить Лонгвудъ и невыносимое заключеніе. Наконецъ адмиралъ Малькольмъ увѣряетъ, что все это дѣло было предусмотрено и улажено заранѣе самимъ Ласказомъ, который равно мало былъ заинтересованъ успѣхомъ въ случаѣ благополучнаго прибытія своего посланнаго въ Лондонъ, или въ случаѣ

измѣны или нелѣвки съ его стороны, потому что въ обоихъ случаяхъ достигалъ одной изъ своихъ цѣлей. Губернаторъ упорно отказывается намъ въ сообщеніи этой тайны. Моншеню при мнѣ замѣтилъ ему, что королю необходимо видѣть эту корреспонденцію, такъ какъ въ ней могутъ быть замѣшаны Французы. „Въ Лондонѣ, можетъ быть, поговорятъ объ этомъ съ вашимъ посланникомъ,“ отвѣчалъ сухо сиръ Гудсонъ Лоу. Это можетъ дать вашему сіятельству понятіе о нашемъ здѣсь положеніи. Честь имѣю быть и пр.

*(Продолженіе будетъ)*

## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА (КАРССКАГО).

Нижеслѣдующая статья составляетъ первую главу большаго сочиненія, оставшагося послѣ покойнаго Н. Н. Муравьева и нынѣ принадлежащаго зятю его, владѣльцу Чертковской бібліотеки Г. А. Черткову. Сочиненіе это, подъ заглавіемъ „Турція и Египетъ въ 1833 году“ есть подробное описаніе поѣздки въ Царьградъ и Александрію, совершенной по повелѣнію императора Николая Павловича и имѣвшей своимъ послѣдствіемъ договоръ Ункіаръ-Скелессійскій, который имѣлъ важнѣйшее значеніе въ дѣлахъ Востока, но о которомъ въ Русской печати почти ничего не извѣстно, кромѣ одного намека въ стихахъ Жуковскаго (Бородинская годовщина).

И, неожиданная ограда,  
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда:  
И съ Турецкихъ береговъ,  
Въ память сѣверныхъ орловъ,  
Русскій сторожъ на Босфорѣ,  
Отразилъ въ завѣтномъ морѣ,  
Мавзолей нашъ говорить:  
Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ.

Мавзолей этотъ (рисунокъ котораго у насъ имѣется) былъ воздвигнутъ

Н. Н. Муравьевымъ. Его неуклончивости въ исполненіи царской воли, его твердымъ и заботливымъ мѣрамъ принадлежить слава, кою покрылось тогда Русское имя. Н. Н. Муравьевъ Карскій, по дѣятельности своей на военномъ поприщѣ, пользуется у насъ громкою извѣстностью; но едва ли многіе знаютъ про его не менѣе достойную общественной признательности дѣятельность письменную. Съ молодости (род. 14 іюля 1794) съ 1811 г. и почти до самой кончины своей (23 окт. 1866) онъ велъ непрерывныя записки, изъ коихъ потомъ отдѣльные эпизоды распространялъ въ цѣлыя сочиненія. Таково путешествіе его въ Туркменію и Хиву, изданное въ Москвѣ въ 1822 и переведенное на иностранныя языки; таковы четыре приготовленные имъ къ печати тома подъ заглавіемъ „Карсъ.“ Въ видахъ обогащенія науки исторической, должно желать, чтобы не замедлили выходомъ въ свѣтъ сочиненія Н. Н. Муравьева. *П. Б.*

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1832-го года было получено въ Петербургѣ извѣ-

стие о поражении Турокъ подъ Гомсомъ<sup>(1)</sup>; за симъ слѣдовали тревожныя вѣсти о дальнѣйшихъ успѣхахъ побѣдителей, занятіи Аданы и быстромъ движеніи Ибрагима-паши къ тѣснинамъ Тавра. Столь блистательныя успѣхи Египетскаго паши противъ султана предвѣщали въ Оттоманской имперіи переворотъ, который могъ имѣть вліяніе на спокойствіе Европы. Обстоятельства сіи всего болѣе касались Россіи; но прозорливость государя прежде другихъ постигла послѣдствія, которыя могли произойти отъ ослабленія Порты, послѣ Адрианопольскаго мира. Его одного, среди совѣтниковъ и окружающихъ вельможъ, озабочивали сіи обстоятельства. Цѣль его была остановить на первыхъ порахъ быстрые успѣхи паши, впредь до принятія прочнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію владычества султана. Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго<sup>(2)</sup>.

Находясь въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску, я располагалъ уже выѣхать обратно въ Тульчинъ, къ 24-й пѣхотной дивизіи, коей былъ начальникомъ, какъ узналъ отъ графа Бенкендорфа, что выѣздъ мой долженъ отсрочиться, по случаю возлагаемаго на меня государемъ поруче-

(1) Въ Малой Азіи. Турецкія войска потерпѣли поражение отъ войскъ возмущившагося противъ султана Египетскаго паши, славнаго Мехмедъ-Али. Войска сего послѣдняго, подъ предводительствомъ сына его Ибрагимъ-паши, одерживали чрезвычайныя успѣхи въ Малой Азіи, такъ что надлежало опасаться за участь самаго Царьграда.

(2) Другой вратковременный перерывъ въ этой системѣ былъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда Русскіе въ союзѣ съ Турками дѣйствовали противъ Французовъ, предпринявшихъ экспедицію въ Египетъ.

нія (подробностей не считалъ онъ себя въ правѣ объяснять) и въ то же время дежурный генераль увѣдомилъ меня запискою о волѣ государя, чтобы я оставался въ Петербургѣ по надобностямъ службы, впредь до особаго назначенія.

Мнѣ желательно было предварительно узнать, какого рода могло быть порученіе, для того чтобы имѣть время изготovitъся къ какому-либо внезапному и дальнему путешествію. Военный министръ, у коего я нарочно по сему случаю былъ, повидимому, самъ не зналъ предначертаній государя, возродившихся, какъ выше сказано, отъ собственныхъ соображеній Его Величества и хранившихъ нѣкоторое время въ совершенной тайнѣ. Я могъ только узнать отъ министра, что буду въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде; отъ графа же Алексѣя Федоровича Орлова, которому, казалось, государь сообщилъ свою мысль, слышалъ, что порученіе будетъ касаться Востока.

Вскорѣ послѣ того, военный министръ письменно предложилъ мнѣ явиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который объявилъ мнѣ вкратцѣ порученіе государя, заключавшееся въ передачѣ угрозы отъ имени его величества Египетскому пашѣ, дабы тѣмъ остановить быстрые успѣхи его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Нессельроде объяснялъ, что нашествіе Египетскаго паши грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было самымъ лучшимъ поручительствомъ спокойствія нашихъ южныхъ границъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и предвидѣвшейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгіи. „Завоеваніе Турціи Мегмедъ-

„Али-пашею“, говорилъ онъ, „могло бы, возродить новыя силы въ семъ «упадающемъ царствѣ и отвлечь вни-  
«маніе и силы наши отъ дѣлъ Евро-  
«пы, а потому государя особенно за-  
«нимало удержаніе султана на коле-  
«блющемся престолѣ его».

Кто знаетъ графа Нессельроде, то-  
му извѣстно, сколько челоувѣкъ сей не-  
рѣшителенъ; въ подобныхъ разгово-  
рахъ онъ всячески устраняетъ отвѣ-  
ты на дѣлаемые ему возраженія, или  
вопросы, какъ бы откладывая отзы-  
вы свои до другаго раза, и опасаясь  
дать ихъ, безъ посредничества совѣ-  
щателей, отъ которыхъ, по видимо-  
му, мнѣнія его зависятъ; здѣсь пра-  
вила его были еще болѣе замѣтны;  
ибо въ разговорѣ не могло укрыть-  
ся, что онъ, въ семъ случаѣ, былъ  
единственно исполнителемъ собствен-  
ныхъ мыслей государя, коихъ поль-  
зы, онъ, казалось, не признавалъ,  
какъ всякой мѣры рѣшительной, гро-  
зящей важными послѣдствіями.

Сличая рѣчи его со свѣдѣніями,  
доходившими до меня постороннимъ  
образомъ, можно было заключить, что  
первая мысль государя была -- послать  
немедленно войска въ помощь  
султану; но онъ пріостановился въ  
томъ, какъ по многотрудности экспе-  
диціи, такъ и по неувѣренности, при-  
метъ ли съ удовольствіемъ такое  
дѣятельное участіе въ дѣлахъ Тур-  
ціи самъ султанъ, недовѣрчивый къ  
дружбѣ государя. Казалось, что мысль  
объ угрозахъ Мегмедъ-Али-пашѣ была  
уже послѣдствіемъ сего перваго пред-  
положенія; но и къ допущенію сей  
мѣры нужно было согласить султана,  
который могъ опасаться, чтобы подъ  
симъ предлогомъ не скрывались ка-  
кія-либо тайныя дружественныя сно-  
шенія съ Египтомъ, во вредъ Портѣ.

Когда такимъ образомъ объясни-  
лось въ общихъ очеркахъ порученіе  
мое, графъ Нессельроде спросилъ, при-  
му ли я на себя исполненіе его, и,  
по изъявленіи готовности моею ис-  
полнить волю государя, онъ сказалъ,  
что доложить о томъ его величеству  
и пришлетъ ко мнѣ вчернѣ написан-  
ное наставленіе, чтобы я могъ сдѣ-  
лать на немъ тѣ замѣчанія, которыя  
сочту нужными, для пополненія или  
измѣненія нѣкоторыхъ предметовъ.

Меня увѣряли, что дѣло сіе тре-  
бовало весьма большой поспѣшности;  
однако же, обѣщанное наставленіе  
было прислано ко мнѣ чрезъ нѣсколь-  
ко дней, съ требованіемъ скорого от-  
вѣта. Я прочиталъ его; оно было  
болтливо, наполнено изворотливыми  
выраженіями, неопредѣлительностями  
и двусмысленностями, какъ пишутся  
у насъ дипломатическія бумаги. Сна-  
чала заключался, въ сей инструк-  
ціи, краткій обзоръ состоянія дѣлъ;  
далѣе излагались опасенія двора на-  
шего, чтобы со сверженіемъ султана  
съ престола не лишиться выгоды, прі-  
обрѣтенныхъ нами посредствомъ Адри-  
анопольскаго тракта, и чтобы Царь-  
градъ не сдѣлался пристанищемъ со-  
словія безпокойныхъ людей, изгнан-  
ныхъ изъ своего отечества и нашед-  
шихъ пріютъ въ Египтѣ; наконецъ  
мы опасались сосѣдства могущей воз-  
родиться сильной державы, вмѣсто раз-  
слабленной Турціи. Въ инструкціи  
выставлялось выгодное впечатлѣніе,  
произведенное въ Портѣ вызовомъ изъ  
Александріи консула нашего Лавизо-  
на. Лавизонъ доносилъ, что, при по-  
слѣднемъ свиданіи его съ Мегмедомъ-  
Али, паша выразился въ слѣдующихъ  
словахъ: «Удаленіе ваше, безъ сомнѣ-  
«нія, знаменуетъ дѣйствія двора, твер-  
«даго въ договорахъ своихъ и неиз-  
«мѣннаго въ правилахъ: я опасаясь,

«чтобы Россія не оказала вспоможенія султану. Всѣ расчеты «мои чрезъ то разстроятся, тогда бы «надобно мнѣ остановиться; но я увѣренъ, что дворъ вашъ не отозвалъ «бы консула своего, еслибы ему извѣстны были успѣхи мои въ Сиріи». Мое посольство должно было служить отвѣтомъ; мнѣ вручалось подлинное письмо государя къ султану. Порученіе мое заключалось въ двухъ предметахъ: во первыхъ, убѣдить султана въ искренности намѣреній нашего двора, и во вторыхъ, склонить пашу Египетскаго къ миру.

Дѣйствуя по первому предмету, я долженъ былъ, союкупно съ нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вутеневымъ, отклонить мысль, которая могла бы возродиться у султана, что мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ его, единственно съ намѣреніемъ вмѣшаться въ дѣла Востока; что мы, соревнуя Англичанамъ, у коихъ уже султанъ просилъ пособія, стараемся предупредить ихъ. Между тѣмъ не должно было предлагать ни участія, ни прямыхъ пособій: мнѣ должно было поставить на видъ султану, что государь, не допуская въ своихъ дѣлахъ участія постороннихъ державъ, не домогается также участія въ дѣлахъ чужихъ, и подтвердить собственныя выраженія его величества, помѣщенные въ письмѣ къ султану, что—онъ „врагъ возмущенія и вѣрный другъ султана“.— Это же выраженіе долженъ я былъ передать и пашѣ Египетскому. Мнѣ ставили на видъ, что порученіе мое не состояло въ дипломатическихъ переговорахъ, но что предметомъ его было одно слово государя, которое, чрезъ посредство мое, должно было поразить пашу и внушить ему благія намѣренія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляли мнѣ въ обязанность—быть умѣреннымъ въ разговорахъ съ пашею, но требовать немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и на морѣ, чѣмъ единственно могъ онъ изгладить негодованіе государя на него. Еслибы паша согласился на мои представленія и предложилъ мнѣ посредничество, для примиренія его съ султаномъ, то—не принимать на себя этой обязанности, но склонить его, чтобы онъ прямо обратился къ Портѣ, ибо государю неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею. Въ семь случаевъ, цѣль посольства моего была бы уже достигнута, остальное должно было довершиться временемъ.—Но еслибы паша сталъ отговариваться отъ исполненія сего, то я обязанъ былъ объявить ему, что, каковы бы ни были успѣхи преступныхъ его намѣреній,—рѣшеніе государя не изменится, что даже, еслибы ему и удалось свергнуть султана, то Россія поддержитъ силою оружія правъ; приобрѣтенныя договорами ея съ Портою.

Мнѣ предписывалось по возможности сократить время пребыванія моего въ Царѣградѣ на пути въ Египетъ, отъ чего зависѣлъ отчасти успѣхъ въ дѣлѣ, и поспѣшить возвращеніемъ въ Константинополь, для уведомленія министерства иностранныхъ дѣлъ о послѣдствіяхъ моего посольства въ Египетъ; наконецъ, каковы бы они ни были, сказано было въ инструкціи, предпринимаемая мѣры клонились къ убѣжденію всѣхъ, что судьбы Востока не рѣшаются безъ участія Россіи.

Перечитывая данное мнѣ наставленіе и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не под-



держанной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозою, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадывался о цѣли моего порученія, или узнавъ о ней постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совѣтъ не принять меня; какое тогда предстоило средство для объявленія ему воли государя? Другой предметъ также казался мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней крайности объявить пашѣ, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ испровергъ и престоль султана, Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, приобрѣтенныхъ Адрианопольскимъ трактатомъ съ Портою, силою оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Чтобы оставаться мнѣ дѣлать, еслибъ паша отбѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ изверженіемъ султана, счелъ бы обязанностію сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портою, и доказалъ бы мнѣ собственными моими словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ Адрианопольскій?—что было бы совершенно противно всей цѣли посольства; ибо мы въ такомъ случаѣ приобрѣтали именно то, чего опасались, т. е., вмѣсто султана, соеѣда сильнаго и безпокойнаго. Я записалъ эти два замѣчанія на поляхъ присланной мнѣ инструкціи и отвезъ ее графу Нессельроде, который нашелъ ихъ справедливыми и обѣщалъ исправить сіи статьи.

Графъ Орловъ пользовался тогда большою довѣренностію у государя; онъ не занималъ какого либо опредѣленнаго мѣста при дворѣ или въ совѣтѣ государственнымъ, но прини-

малъ въ то время участіе въ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ, по сношеніямъ съ другими дворами (3), и потому имѣлъ сильное вліяніе въ дѣлахъ. Новыя обстоятельства, которыя ему болѣе были извѣстны, чѣмъ другимъ, сблизили меня съ нимъ; онъ показывалъ много благонамѣренности и готовности быть мнѣ полезнымъ въ предстоявшихъ сношеніяхъ. Я совѣтовался съ нимъ по всѣмъ предметамъ, касавшимся моего посольства.

Полагаю, что онъ сблизился со мною, по государеву приказанію, на которое онъ однакоже никогда не ссылался; но я счелъ нужнымъ предупредить о томъ вице-канцлера Нессельроде, который одобрилъ сношенія мои съ графомъ Орловымъ. Ловкость и обходительность сего царедворца привлекательны; я не могъ никогда себѣ объяснить вполнѣ причину побудившихъ его къ принятію столь близкаго участія во всемъ, что тогда до меня даже лично касалось; но во мнѣ возродилась невольнымъ образомъ мысль, что порученіе сіе было сперва возложено на него и что онъ, уклонившись отъ сего посольства, сомнительнаго въ успѣхѣ и сопряженнаго съ трудами, предложилъ меня государю, какъ человѣка, болѣе знакомаго съ дѣлами Востока (4). Я часто видѣлся съ графомъ Орловымъ, жившимъ тогда въ моемъ сосѣдствѣ, и сообщилъ ему мнѣніе свое на счетъ инструкціи; онъ находилъ сужденія мои основательными и тре-

(3) Графъ, впоследствии князь, Алексѣй Федоровичъ Орловъ по особенному порученію государя участвовалъ въ Европейскихъ конференціяхъ по дѣламъ Бельгіи и Греціи.

(4) Еще молодымъ офицеромъ Н. Н. Муравьевъ ѣздилъ въ Туркменію, потомъ съ А. П. Ермоловымъ въ Персію, и принималъ дѣятельное участіе въ Турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ. Кроме того онъ зналъ языки восточные.

бовалъ отъ графа Нессельроде исполненія, по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ. Неменѣе того, когда я изображалъ графу Орлову неопредѣлительность всего порученія, то онъ говорилъ, что самъ не постигаетъ цѣли, и какого можно ожидать отъ исполненія его успѣха, но что на сіе была собственная воля государя; и такъ графъ Орловъ, въ то время, мнѣніемъ своимъ также не согласовался съ мыслию государя. Никто не предвидѣлъ тогда важныхъ послѣдствій сего посольства, и всѣ опорочивали мѣру сію.

По волѣ его величества и съ распоряженія военнаго министра, былъ назначенъ для состоянія при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель котораго однакоже снабдили особеннымъ наставленіемъ, опредѣлявшимъ занятія его; а мнѣ велѣно содѣйствовать ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Дюгамелю поручалось, на пути изъ Одессы въ Константинополь, собирать свѣдѣнія о положеніи Турецкихъ крѣпостей и о мѣрахъ, принятыхъ для возстановленія ихъ, послѣ заключенія мира съ Портою. Въ Константинополѣ онъ долженъ былъ озаботиться собраніемъ свѣдѣній о состояніи Турецкихъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Ему было сказано, что изъ Константинополя онъ будетъ мною отправленъ въ Египетъ сухимъ путемъ, чтобы обозрѣть дѣйствующія силы Турціи, состояніе Сири, узнать о духѣ жителей ея и положеніи Египетской арміи. Въ Египтѣ онъ долженъ былъ узнать о морскихъ и сухопутныхъ силахъ Мегмедъ-Али-паши и о способахъ, какіе онъ имѣетъ для продолженія войны;—всѣ сіи свѣдѣнія обязанъ онъ былъ доставить прямо отъ себя военному министру;

мнѣ же предоставлялось сообразить данныя ему порученія съ обстоятельствами, такъ чтобы не подвергнуть его очевидной опасности.

Дюгамель былъ человѣкъ весьма образованный и трудолюбивый, но не имѣлъ той опытности, какая потребна въ такихъ случаяхъ; онъ дурно зналъ по-русски, былъ сложенія слабаго и по нелюдимости своей, всего менѣе способенъ къ обхожденію съ Азіятцами и пріобрѣтенію довѣренности, что казалось необходимымъ. Служебныя отношенія его ко мнѣ были также двумысленны, и хотя онъ исполнилъ нѣкоторыя письменныя порученія, мною ему данныя, но въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы я имѣть при себѣ офицера, менѣе образованнаго, но болѣе свыкшагося съ дѣлами.

Медленность, съ которою изготовляли поспѣшное отправленіе мое, и мѣры къ сему принимаемыя, были причиною распространенія въ Петербургѣ слуха о моемъ выѣздѣ, такъ что многіе спрашивали о моемъ назначеніи съ любопытствомъ, излагая предположенія свои въ безобразномъ видѣ. Въ столицѣ и министерствахъ ничего не можетъ остаться въ тайнѣ, и самыя важныя государственныя дѣла вскорѣ становятся извѣстными; всего болѣе надобно было опасаться отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, наполненнаго иноземцами, коихъ нескромность легко могла отозваться въ Царѣградѣ и Александріи, и тогда я могъ бы лишиться главнаго орудія къ успѣху—внезапности. Наконецъ 3-го числа октября мѣсяца потребовалъ меня къ себѣ государь.

Государь принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, ласково подвелъ къ окну и спросилъ, достаточно ли въ семъ слу-

чаѣ оказываетъ мнѣ довѣренности. Вопросъ сей былъ сдѣланъ, въ изъясненіе расположенія его, послѣ небольшого неудовольствія, случившагося въ предыдущемъ мѣсяцѣ на смотрѣ въ Кіевѣ; по прїѣздѣ въ Петербургъ я не могъ скрыть отъ него моего огорченія, которое онъ тогда же устранилъ привѣтливымъ обхожденіемъ. Государь нѣсколько разъ повторилъ мнѣ тотъ же вопросъ и послѣ спросилъ, довольно ли я читалъ по дѣламъ нашимъ съ Турціею и Египтомъ; потомъ изложилъ мнѣ словесно все содержаніе пересмотрѣнной мною инструкціи, съ твердостью и краснорѣчіемъ, и наконецъ спросилъ, все ли мнѣ вразумительно и не имѣю ли чего спросить у него лично.

Неумѣстно было бы мнѣ дѣлать возраженія по дѣлу уже рѣшенному, и выставлать противорѣчія, заключающіяся въ инструкціи и замѣченныя мною уже графу Нессельроде; тѣмъ болѣе, что отъ меня самого зависѣло поправить ихъ. Я отвѣчалъ, что постигаю мысль его, и постараюсь исполнить его приказаніе; но, имѣя въ виду поддержаніе войсками предположенной угрозы Египетскому пашѣ, я просилъ позволенія изложить мысли свои о средствахъ, казавшихся удобными для остановленія успѣховъ Египетской арміи, не вводя нашихъ войскъ въ Турецкія владѣнія. «Какія, какія, говори,» сказалъ государь.

—Можно склонить Персіянъ къ войнѣ съ Египтянами,—отвѣчалъ я, —и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ, дать султану время оправиться.

—«У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ».

—Это не было бы въ видѣ ссоры, ваше величество; я полагаю, что Пер-

сія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Мегмедъ-Али своими побѣдами пріобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возраженіемъ думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, некстати.

—«Это справедливо», отвѣчалъ государь. «Аббасъ-Мирза и предлагалъ мнѣ уже услуги свои, но онъ теперь занятъ въ Хорассанѣ». Потомъ, повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, онъ продолжалъ: «Тебѣ я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твердость коего я совершенно полагаюсь; я бы не хотѣлъ посылать войскъ и желаю, чтобъ распря ихъ кончилась. Султанъ-Махмудъ корчитъ Петра Великаго, да неудачно... Онъ мнѣ нынѣ пожаловалъ свой портретъ, за что я ему крайне благодаренъ», сказалъ государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ. «Султанъ ко мнѣ очень милостивъ, и я хочу ему показать свою дружбу: надобно защитить Константинополь отъ нашествія Мегмедъ-Али. Вся эта война ничто иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европою и въ особенности Франціею. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X-го. Нынѣ онъ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили Египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царяграда мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ, они нынѣ окружа-

«ють Мегмедъ-Али-пашу, наполня-  
«ють флотъ и армію его. Надобно низ-  
«вергнуть этотъ новый зародышъ зла  
«и безпорядка, надобно показать влія-  
«ніе мое въ дѣлахъ Востока (5). Ме-  
«жду тѣмъ скажу тебѣ, что впечат-  
«лѣнія, произведенныя разглашенія-  
«ми Египетскаго паша, становятся  
«очень сильны, такъ что мои Крым-  
«скіе Татары, доселѣ всегда спокой-  
«ные, нынѣ тревожатся; между ними  
«распущены пѣсни съ пророчествами  
«о скоромъ прибытіи Мегмедъ-Али-  
«паша, какъ заступника православ-  
«ныхъ мусульманъ. Я прежде обхо-  
«дился шестью баталіонами въ Кры-  
«му, теперь же этого мало; надобно  
«будетъ усилить тамъ число войскъ».

«Теперь мнѣ нечего болѣе говорить  
«тебѣ», продолжалъ государь, «поѣз-  
«жай, любезный Муравьевъ, ты будешь  
«на эскадрѣ нашей въ Архипелагѣ у  
«Рикорда (6), сообщи ему все твое  
«порученіе. Богъ съ тобою, ты же-  
«далъ въ проѣздъ побывать у своего  
«отца?» На этотъ вопросъ государя,  
«сдѣлавный, какъ кажется, по докла-  
«ду о томъ военнаго министра, у кото-  
«раго я просилъ позволенія съѣздить  
«по пути къ отцу, я отвѣчалъ, что  
«отложу поѣздку сію, если отправле-  
«ніе мое требуетъ поспѣшности.

— «Отнюдь нѣтъ», возразилъ госу-  
«дарь, «извини меня, что я тебя упо-  
«требляю по своимъ дѣламъ, когда ты  
«пріѣзжаешь для своихъ въ отпускъ;  
«но что дѣлать, мнѣ случилась въ  
«тебѣ нужда; поѣзжай къ отцу, и  
«проведи у него три и даже четыре  
«дня».

(5) Выраженіе сіе помѣщено въ динномъ мнѣ  
наставленіи. *Примчаніе Н. Н. Муравьева.*

(6) Вице-адмиралъ Рикордъ былъ тогда коман-  
диромъ Балтійской эскадры, находившейся, въ силу  
Лондонскаго договора, въ Греческихъ водахъ, вмѣстѣ  
съ Англійскою и Французскою эскадрами. *Прим-  
чаніе Н. Н. Муравьева.*

Потомъ, обратясь опять къ мосму  
посольству, онъ продолжалъ: «Помни  
«же, какъ можно болѣе вселять Ту-  
«рецкому султану довѣренности, а  
«Египетскому пашѣ страху. Я еще  
«хотѣлъ тебѣ сообщить одну вещь,  
«которую ты долженъ хранить въ  
«большой тайнѣ; когда у меня былъ,  
«Послѣ войны, съ посольствомъ Га-  
«лиль-паша, мнѣ казалось изъ словъ  
«его, что султанъ склоненъ къ при-  
«нятію, въ случаѣ крайности, хри-  
«стіанской вѣры. Не говорю тебѣ о  
«томъ, какъ о вещи рѣшенной; но  
«мнѣ такъ казалось, и предваряю те-  
«бя на случай, еслибъ ты въ разго-  
«ворахъ съ султаномъ услышалъ,  
«или замѣтилъ что-либо подобное (7).  
«Наконецъ еслибъ онъ былъ изгнанъ  
«изъ своего царства, то онъ найдетъ  
«у меня пріютъ. — Будь простъ въ  
«обхожденіи, отъ сего зависитъ успѣхъ  
«дѣла; ты тогда получиши довѣрен-  
«ность султана и угрозишь пашѣ.  
«Ты знаешь по турецки, это тебѣ  
«много поможетъ. Конечно, трудно  
«получить согласіе султана на уча-  
«стіе мое въ дѣлахъ его; мнѣ также  
«предлагали постороннее участіе, ко-  
«гда Польша взбунтовалась, но я не  
«принялъ ничьихъ предложеній, и  
«самъ управился. Если султанъ бу-  
«детъ въ крайности, онъ, можетъ быть,  
«и согласится на примиреніе, чего бы  
«я однакожь на его мѣстѣ не сдѣ-  
«лалъ; въ такомъ случаѣ избѣгай по-  
«средничества. Мнѣ недавно писалъ

(7) По возвращеніи моемъ изъ Турціи, я замѣтилъ,  
что государь измѣнилъ свой образъ мыслей на сей  
счетъ; обращеніе султана въ христіанство казалось  
ему дѣломъ несбыточнымъ и даже недоступнымъ. При-  
чиною такого измѣненія въ мысляхъ были, какъ ка-  
залось, внушенія царедворцевъ, равнодушныхъ къ  
столь великому дѣлу, или самого Н., готоваго от-  
казомъ всякое дѣло, сопряженное съ затрудненія-  
ми, сомнительное въ успѣхахъ или мало занимающее  
его.

«князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ «быть, настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства».

— Вашему величеству, вѣрно, не угодно входить въ разбирательство ихъ ссоры, и мнѣ не для чего будетъ въ дѣло сіе вмѣшиваться?

— „Нисколько; дѣло ихъ, а мнѣ «все равно, даже еслибъ Египетскому «пашѣ была уступлена вся Сирія».

Я еще спросилъ государя, долженъ ли я отыскивать Мегмедъ-Али-пашу, и сѣздить къ нему, еслибъ его не было въ Александріи, или въ случаѣ, еслибъ онъ отѣхалъ въ армію къ Ибрагимъ-пашѣ?

— „Всеконечно“, отвѣчалъ государь, „поѣзжай съ Богомъ, берегись «чумы, молись Богу: Богъ тебя благословитъ. Прощай, любезный Муравьевъ», и отпустилъ меня.

Милостивый приѣмъ государя возбуждалъ во мнѣ ревностное желаніе исполнить съ точностію велѣніе его. Я вышелъ отъ него съ намѣреніемъ преодолѣть всѣ препятствія, представлявшія мнѣ въ Петербургѣ въ сношеніяхъ съ лицами, отъ коихъ я получалъ неполныя и двумысленныя наставленія, какъ и тѣ, которыя меня ожидали въ Царѣградѣ и Египтѣ, принявъ въ руководство единственно слова, произнесенныя государемъ при свиданіи моемъ съ нимъ.

1-го числа ноября мѣсяца я получилъ инструкцію и запечатанное письмо отъ государя къ Турецкому султану и дополненіе къ инструкціи отъ графа Нессельроде, въ коемъ сказано было, что въ случаѣ, еслибы султанъ, не довѣряя искренности намѣреній государя, изъявилъ желаніе, чтобы посольство мое не имѣло дальнѣйшаго хода, то я долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, причѣмъ возлагалось на Бутенева письменно

увѣдомить Египетскаго пашу о рѣшеніи государя. Въ другомъ случаѣ, еслибы султанъ, убѣдившись въ выгодахъ, предстоявшихъ ему отъ моего посольства, самъ пожелалъ соучаствовать въ успѣхѣ и поручилъ бы мнѣ отъ имени своего предложить пашѣ миръ, то государь находилъ лучшимъ, чтобы предложенія сіи были доставлены къ пашѣ не мною, а посланнымъ отъ султана со мною нарочнымъ чиновникомъ, котораго я долженъ былъ поддерживать въ Александріи Дополненіе сіе было сдѣлано въ слѣдствіе предшествовавшихъ разговоровъ съ графомъ Нессельроде и моихъ возраженій. Въ слѣдствіи же сдѣланныхъ мною спросовъ на черновой инструкціи, какъ поступить въ случаѣ, еслибъ Египетскій паша меня не принялъ, графъ Нессельроде приложилъ при письмѣ ко мнѣ, проектъ деклараціи, которую я обязывался послать къ пашѣ.

Содержаніе сей деклараціи было почти одинаковое съ тѣмъ, что мнѣ поручалось объявить ему изустно, но въ выраженіяхъ гораздо умѣреннѣе.

Изъ депеши отъ графа Нессельроде къ Бутеневу было видно также, что на него возлагалось, въ случаѣ надобности, письменно удостовѣрить Египетскаго пашу въ томъ, что я имѣлъ къ нему особенную порученность отъ государя. Мѣра сія была необходима, чтобы не дать пашѣ повода къ непризнанію возложеннаго на меня званія. Изъ всѣхъ имѣющихся у меня бумагъ легко усматривается, что министерство иностранныхъ дѣлъ совершенно устраняло себя отъ какаго либо официального участія въ семъ дѣлѣ и не принимало на себя никакихъ съ пашею письменныхъ сношеній, коими бы я признавался довѣреннымъ лицомъ его величества.

Самую декларацію должно было написать мнѣ, какъ бы во избѣжаніе отказа со стороны паша на имя министерства, или во избѣжаніе послѣдствій отъ предвидившейся неудачи, которыхъ никто на себя не хотѣлъ принять.

Мысль о проектѣ деклараціи, въ случаѣ предвидѣннаго мною отказа въ приемѣ меня, была, кажется, графа Орлова; выраженія же ея смягчены, вѣроятно, по предположенію графа Нессельроде, всего болѣе опасавшагося послѣдствій.

Однако въ главной инструкціи не измѣнили ничего, касающагося до Адрианопольскаго трактата. Увидѣвъ, что сдѣланныя мною замѣчанія по сему предмету не имѣли успѣха въ министерствѣ, я поѣхалъ къ графу Нессельроде, и просилъ его вторично объясненія на сей счетъ. Онъ отвѣчалъ, что хотя замѣчаніе мое справедливо, но такъ какъ инструкція была уже читана и утверждена государемъ, то онъ и не смѣлъ что-либо перемѣнить въ ней.

Въ другомъ случаѣ и отъ другаго лица, такой отвѣтъ счелъ бы я изворотомъ, но тутъ онъ заключалъ совершенную истину. Не менѣе того, я полагалъ себя обязаннымъ сказать графу Нессельроде, что Мегмедъ-Али перетолкуетъ выраженія сіи въ свою пользу и тѣмъ поставитъ меня въ затруднительное положеніе.

«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ графъ Нессельроде, «руководствуйтесь содержаніемъ деклараціи» (въ которой не упоминалось объ Адрианопольскомъ трактатѣ).— Я возразилъ, что декларація слабѣе инструкціи.— „Мы вамъ это письменно дополнимъ, если вы того желаете,“ отвѣчалъ графъ Нессельроде. Но, видя бесполезность настояній моихъ и не ожидая болѣе

обстоятельнѣйшихъ наставленій, я прекратилъ свои требованія

Для успѣха самаго дѣла, полезнѣе дополнительныхъ наставленій было, конечно, то, чтобы мнѣ скорѣе выѣхать и поразить, сколько возможно было, пашу внезапностію моего прибытія; но при такихъ сомнительныхъ надеждахъ въ успѣхѣ, мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, опредѣлительно знать, на чемъ останавливалось данное мнѣ порученіе, и когда можно считать его конченнымъ; а потому, обратившись еще разъ къ Орлову, я объяснилъ ему мысль мою и просилъ мнѣнія. Подумавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ: что, безъ сомнѣнія нельзя было ручаться за успѣхъ; но что я долженъ былъ считать дѣло свое конченнымъ, когда выговорю пашѣ все приказанное государемъ и написанное въ наставленіи, каковы бы ни были послѣдствія.— «И такъ,» сказалъ я, «въ семъ случаѣ усматриваю единственно призывъ къ смѣлости моей; «хотя въ взрыва въ Александріи, паша «услышитъ отъ меня посланную къ «нему угрозу, воля государя будетъ «исполнена и довѣренность его оправдана; послѣдствія отъ меня независимы.»

Я занялся приготовленіемъ къ скорѣйшему выѣзду изъ Петербурга, но гр. Нессельроде просилъ меня еще заѣхать къ Д., который около 1818 г. имѣвъ порученіе осмотрѣть всѣ наши консульства въ Левантѣ, былъ тогда въ Египтѣ, познакомился съ Мегмедъ-Али-пашею и могъ, по мнѣнію графа Нессельроде, сообщить мнѣ занимательныя свѣдѣнія о томъ краѣ и лицѣ, съ которымъ я долженъ былъ вступить въ сношеніе. Я исполнилъ желаніе его и, къ удивленію, нашелъ совершенно не то, чего ожидалъ. Я полагалъ, что Д.—ъ уже въ по-

дробности знаетъ цѣль моего посольства; напротивъ того, оказалось, что встрѣтившись на прогулкѣ съ графомъ Нессельроде, послѣдній сообщилъ ему, въ разсѣянности, о моей поѣздкѣ, какъ о новости того дня, тогда когда дѣло сіе должно было храниться въ тайнѣ.

Д-ъ, вмѣсто переданія мнѣ свѣдѣній, любопытствовалъ узнать о подробностяхъ и приказаніяхъ государя, которыхъ я не считалъ себя вправе ему объяснять. Не менѣе того, замѣтивъ изъ общаго разговора, въ чемъ дѣло состояло, онъ сталъ удивляться обороту его и утверждалъ, что не постигалъ цѣли и не предвидѣлъ никакого успѣха, считая даже исполненіе сего почти невозможнымъ. Не видя препятствій въ переданіи пашѣ угрозы, посланныхъ государемъ, я опровергалъ мнѣнія его и отвлекалъ, сколько возможно, разговоръ о предметѣ столь щекотливомъ, особливо когда дѣло коснулось о посредничествѣ, которое онъ считалъ необходимымъ возложить на меня. Онъ скоро обратился къ разсказамъ происшествій, съ нимъ случившихся во время путешествія его, и, предавшись повѣствованіямъ, которыя полагалъ для меня поучительными, уклонился отъ предмета своего любопытства, по коему впрочемъ онъ не получилъ отъ меня опредѣлительныхъ отвѣтовъ. Не имѣя много времени для посвященія сему бесполезному разговору, я, при удобномъ случаѣ, разстался съ Д-ъ, удивляясь вѣтренному поступку графа Нессельроде. Я сообщилъ случай сей графу Орлову, который нашелъ его весьма страннымъ, но въ осторожность мнѣ, онъ дружески предупредилъ меня о пріязненныхъ сношеніяхъ Д-а съ Бутеневымъ.

IV. 8

Въ кругу высшихъ властей начинали уже говорить о моей поѣздкѣ, и всякій считалъ себя обязаннымъ снабдить меня совѣтомъ, хотя въ дѣлѣ еще мало извѣстномъ. Военный министръ, графъ Чернышевъ, ставилъ мнѣ въ примѣръ французскаго генерала Себастиани, способствовавшаго совѣтами своими къ оборонѣ Константинополя противъ Англичанъ; я могъ дѣйствовать, по мнѣнію его, въ томъ же смыслѣ, чтобы поддержать упадающее царство султана. По легкимъ сужденіямъ ихъ, казалось, что мнѣ предстояло только принять на себя начальство надъ Турецкою арміею противъ Ибрагима-паши. Даже дежурный генералъ N. отъ котораго зависѣло снабженіе меня подорожною, совѣтовалъ мнѣ, при прощаньи: «вцѣпиться обѣими руками въ бороду Мегмедъ-Али-паши».

Слѣдуя изустнымъ наставленіямъ графа Нессельроде, я долженъ былъ: во первыхъ, при выѣздѣ изъ Константинополя въ Египетъ, взять у нашего посланника Бутенева драгомана, и даже, еслибы счелъ нужнымъ, бывшаго нашего консула Лавизона, коему Мегмедъ-Али былъ довольно извѣстенъ и который тогда находился въ Царѣградѣ; во вторыхъ, еслибъ паша пожелалъ отправить къ султану чиновника, я могъ привезти его, на обратномъ пути своемъ, въ той надеждѣ, что мѣра сія, хотя и не заключала въ себѣ еще поручительства въ примиреніи, остановила бы на время военныя дѣйствія, и дала бы возможность султану оправиться; въ третьихъ, мнѣ не должно было принимать отъ паши письма на имя государя, но можно было принять отъ него письмо къ графу Нессельроде; въ четвертыхъ, я могъ, въ слу-

русскій архивъ 1868. 25

чѣй надобности, на обратномъ пути изъ Константинополя, съѣздить въ Малую Азію—къ Турецкой арміи; и наконецъ, мнѣ предоставлялось также требовать отъ Бутенева экстраординарной суммы на непредвидимыя надобности.

Кромѣ того, графъ Нессельроде сообщилъ мнѣ, что, въ недавнемъ времени, было захвачено Египтянами одно купеческое судно, подъ Русскимъ флагомъ, и что вице-адмиралу Рикорду приказано было требовать возвращенія сего судна; въ случаѣ же отказа со стороны паши, схватить первое Египетское судно, которое бы ему попало. По словамъ его, изготовлялись въ Черноморскомъ флотѣ для поѣздки моей пароходъ и фрегатъ, но я не имѣлъ ни отъ кого положительнаго свѣдѣнія о сихъ судахъ; почему, съѣздивъ къ бывшему начальнику морскаго штаба, князю Меншикову, извѣстился, что объ изготовленіи сихъ судовъ предписано было командиру Черноморскаго флота, адмиралу Грейгу, съ тѣмъ, что ежели, по позднему времени, не удобно будетъ симъ судамъ дожидаться на Одесскомъ рейдѣ, то избралъ бы имъ другое якорное мѣсто. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ меня увѣдомить въ Тульчинѣ съ нарочнымъ о мѣстѣ, гдѣ суда дожидались. Вице-адмиралу же Рикорду предписывалось употребить все способы къ содѣйствію мнѣ. Въ мѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ просилъ меня взять съ собою состоящаго при немъ капитанъ-лейтенанта Серебрякова; испросивъ на то высочайшее соизволеніе, онъ назначилъ его въ мое распоряженіе и послалъ 3-го ноября въ Николаевъ и Севастополь, для ускоренія дѣлаемыхъ приготовленій.

Серебряковъ, родомъ Крымскій Армянинъ, былъ довѣреннымъ лицомъ Меншикова, но не въ важныхъ порученіяхъ службы. Въ послѣдствіи я узналъ его ...

До выѣзда моего изъ Петербурга, я былъ зачисленъ по арміи, а на мѣсто мое былъ назначенъ другой начальникъ дивизіи.

## ГЛАВА VII.

### Пребываніе войскъ на Босфорѣ.

Лагерь нашъ расположенъ былъ на высотахъ въ нѣсколько линій. Правый флангъ задней линіи тянулся къ морю и упирался къ мысу Сельви-Бурну. Лѣвый покрывалъ вершину знаменитой горы Великановъ, а переднія линіи располагались на уступахъ покатоности, склоняющейся къ прелестной долины Хункярь-Скелеси, или Султанской. На правомъ флангѣ первой линіи, къ сторонѣ моря, на склонѣ горы, находились небольшою кіоскъ Султана и бумажная фабрика. Въ концѣ долины и оттуда до селенія, въ коемъ располагалась квартира моя, тянулись по берегу моря купы огромныхъ яворовъ <sup>1)</sup> необыкновенной красоты. Густыя вѣтви и зелень ихъ доставляли тѣнь и прохладу, необходимыя въ жаркіе дни, и служили жилищемъ соловьямъ, поселившимся тутъ во множествѣ. Пріятна была вечерняя прогулка, при лунномъ сіяніи, въ сихъ очаровательныхъ мѣстахъ.

Станъ нашъ не имѣлъ вида учебныхъ лагерей, означающихся длин-

<sup>1)</sup> Деревья сіи такъ велики, что когда войска вышли на берегъ еще безъ палатокъ, то въ дунаѣ одного изъ этихъ яворовъ расположился батальонный адъютантъ со своею канцеляріей.



ными рядами палатокъ, расположенныхъ въ знойныхъ равнинахъ. Правила кастраметациі соблюдались въ каждомъ баталіонѣ отдѣльно; но баталіоны стояли соответственно гористому мѣстоположенію и въ общей согласности съ обороною, представляющею самую позиціей. Разнообразіе это напоминало намъ походы прошедшаго времени и способствовало къ поддержанію бодрости въ людяхъ, неравнодушныхъ къ красотамъ природы. Палатки были разбиты среди лавровыхъ кустовъ, произрастающихъ тамъ во множествѣ. Солдаты предохраняли себя отъ зноя солнечныхъ лучей, покрывая легкія жилища свои вѣтвями лавра. Шатры украшались миртомъ и цвѣтами, собираемыми въ полѣ. Видъ лагеря былъ прелестный, и на оборотъ, изъ каждой точки лагеря открывались восхитительные виды во все стороны.

Гору Великановъ, высочайшую по всему берегу Босфора, можно назвать ключемъ позиціи нашей. Намъ необходимо было занять ее; но я не рѣшался сдѣлать того безъ совершеннаго согласія Турецкаго правительства, потому что на вершинѣ горы была мечеть или Текіэ<sup>\*)</sup>, при гробницѣ, называемой Мусульманами могилою пророка Яушэ, отъ котораго и гора называется по-турецки Яушэдагъ. Народъ имѣетъ особенное уваженіе къ сему мѣсту. Больные отправляются на поклоненіе къ гробницѣ, въ надеждѣ получить тамъ исцѣленіе. Ахмедъ-паша, при всемъ желаніи быть намъ пріятнымъ, долго старался отклонить занятіе этой горы; но, видя настойчивость мою, онъ согласился. Раннею весною вершина

\*) Названіе это принадлежитъ хрестіанъ, въ концы служенія производятся дѣржаваніи.

горы покрывалась туманами. Солнце, разгоняя ихъ, освѣщало бѣлыя палатки наши. Быстрый переходъ отъ мглы къ полуденному зною могъ вредить здоровью людей, а потому я принужденъ былъ свести баталіонъ, занимавшій вершину, пониже, и расположилъ его опять на горѣ, когда погода сдѣлалась постояннѣе.

Такъ какъ большая часть главы сей посвящена обзору занятій нашихъ, то я на время отступлю отъ пріятаго мною порядка излагать случившееся по числамъ, и соединю здѣсь вообще замѣчанія, сдѣланныя мною во все время пребыванія въ Турціи, о состояніи нашихъ и султанскихъ войскъ. вмѣстѣ съ тѣмъ упомяну о взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ и упражненіяхъ, почему вводное описаніе это можетъ заключать сужденія, основанныя на происшествіяхъ, встрѣтившихся позднѣе тѣхъ, которыя займутъ опять мѣста свои въ дневникѣ, прежнимъ порядкомъ по числамъ.

Войска, прибывшія въ десантъ, были мало способны къ дѣйствию, въ особенности къ движенію. Они состояли изъ вновь сформированныхъ полковъ, наполнены большею частію изнуренными рекрутами, немалымъ числомъ порочныхъ людей и опредѣленныхъ въ службу за бродяжничество. При отиравленіи сихъ войскъ изъ Одессы, лучшіе люди находились въ домовыхъ отпускахъ и, для укомплектованія баталіоновъ, ихъ наполнили людьми изъ резервовъ, которые по обыкновенію, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сбыть все, что у нихъ было худшаго. Они отдали много людей неспособныхъ, бѣглецовъ, и даже безкалостно наполнили отпывающіе полки солдатами, которые были одержаны хроническими болѣзнями.

Войска сіи вообще были мало образованы. Большая часть офицеровъ состояла изъ молодыхъ и неопытныхъ людей. Начальники мало знали своихъ подчиненныхъ и обратно, подчиненные не свыклись со своими начальниками. Дурной составъ пѣхоты былъ причиною побѣговъ, которые усиливались по мѣрѣ того, какъ люди болѣе знакомились съ окрестностями. Составъ артиллеріи былъ лучше пѣхоты. Нѣкоторыя команды, какъ-то: казачья, военно-рабочая рота и досланная вполсѣдствіи гарнизонная артиллерійская рота, находились по всѣмъ отношеніямъ въ удовлетворительномъ видѣ.

Казалось бы, что во флотѣ не слѣдовало быть бѣглымъ, ибо тамъ имѣли всѣ средства къ удержанію подозрительныхъ людей, но по слабому исполненію отдаваемыхъ приказаній, люди эти сбѣгали на берегъ съ прочими и расходились безъ надзора, отъ чего бѣжало изъ числа матросовъ много Поляковъ, опредѣленныхъ вновь изъ бывшей Польской арміи. У насъ было также человекъ 30 Поляковъ въ подвижной инвалидной ротѣ, находившейся для прислуги у госпиталя; но, странная вещь, ни одинъ изъ нихъ не бѣжалъ, хотя за ними не было особеннаго надзора, тогда какъ изъ числа Русскихъ, сослуживцевъ ихъ той же роты оказывались довольно часто побѣги. Поляки эти не мѣшались съ Русскими, жили вмѣстѣ въ особыхъ палаткахъ съ фланга роты и сохраняли у себя въ лагерѣ особенную чистоту; впрочемъ несли всю тягость службы наравнѣ съ товарищами, съ которыми употреблялись также и въ черныя работы. Собравъ ихъ однажды, я благодарилъ ихъ за усердіе, и какъ они всѣ были молодые люди, способные къ по-

левой службѣ, то спросилъ ихъ: не желаютъ ли быть переведенными въ полки. Къ удивленію, услышалъ я общій отзывъ, что они готовы нести всякую службу въ инвалидной ротѣ, но просили не переводить ихъ въ полевые полки. Чувство военныхъ почестей было подавлено въ этихъ людяхъ, какъ заключать можно, послѣдними происшествіями Польской войны. Они, кажется, опасались разлуки другъ съ другомъ болѣе всѣхъ отвратительныхъ работъ, коимъ обречались по званію подвижныхъ инвалидовъ—прислужниковъ больныхъ.

При такомъ слабомъ состояніи пѣхоты, какъ выше описано, можно было ожидать значительнаго числа больныхъ; но количество ихъ едва ли превосходило когда либо 800 человекъ въ обѣихъ бригадахъ, а иногда бывало гораздо и даже вполонину меньше. Нужно было заблаговременно приготовить помѣщеніе для ожидаемыхъ больныхъ. Полковые лазареты помѣщались въ лагерѣ подъ большими наметами; госпиталь же былъ устроенъ на Европейскомъ берегу въ деревнѣ Бюогъ-дере, гдѣ, по многому старанію, отыскано и принято отъ Турецкаго правительства два довольно обширныхъ дома. На Азійскомъ берегу не было помѣщенія; притомъ же я находилъ удобнѣе не стѣсняться въ лагерѣ большимъ числомъ больныхъ. Наблюденіе за отправленіемъ службы въ госпиталѣ было весьма удобно; перевезеніе больныхъ черезъ Босфоръ не представляло большихъ затрудненій. Въ послѣдствіи времени, госпиталь этотъ былъ переведенъ на старый турецкій корабль, нарочно для того приготовленный и прибуксированный двумя пароходами изъ Царьградскаго порта къ лагерю. На кораблѣ было устроено и помѣщеніе

для лѣкарей, аптеки и всего управленія госпитальнаго. Распоряженіе это принесло дѣйствительную пользу. Замѣчательно, что съ перенесеніемъ госпиталя на турецкій корабль, количество больныхъ въ нѣсколько дней уменьшилось почти въ половину; прочіе же какъ бы ожили.

Совершенный отдыхъ и беззаботная жизнь не годились для поддержанія силъ въ людяхъ. Полки занимались образованіемъ своимъ, ежедневно дѣлался разводъ, и въ лагерѣ производилось ученіе. Солдатамъ были по возможности доставлены также всѣ выгоды и удовольствія, какія представлялись въ томъ краю, сближался съ отечественными привычками, какъ-то: выстроены бани, заведены сбитеньщики, по вечерамъ пѣли вездѣ пѣсенники, собирались играть въ городки, чихарду и тому подобное, что поддерживало въ людяхъ бодрость и веселый духъ. Они вскорѣ стали укрѣпляться и въ силахъ своихъ.

Должно однако отдать справедливость симъ войскамъ, что всѣ вообще отъ старшихъ до младшихъ были одушевлены рвеніемъ и усердіемъ въ высочайшей степени. Физическихъ силъ не достало бы у нихъ, для предпринятія на первыхъ порахъ дальняго похода; но я не сомнѣвался, что онѣ могли выдержать жаркій бой вблизи Царяграда и съ надеждою на побѣду.

При мысѣ Сельви-Бурну находилось небольшое отдѣльное возвышеніе, на которомъ была разбита моя палатка. Тутъ вошло у насъ въ обыкновеніе собираться по вечерамъ: сходились всѣ, имѣющіе надобность видѣться, отдавались изустные отчеты въ занятіяхъ протекшаго дня и приказанія къ другому дню; здѣсь игра-

ла музыка, били зорю, и читалась молитва. Собранія эти, день ото дня, дѣлались многлюдье; онѣ часто оживлялись лагерными игрищами и стрѣляніемъ въ цѣль, въ коихъ солдаты наши состязались въ проворствѣ и ловкости съ турецкими. Подъ конецъ, на мысѣ Сельви-Бурну стали ѣздить изъ Европы жены и дочери чиновниковъ миссій и туземныхъ Перотовъ, и наши молодые люди пускались въ танцы, пока на сторонѣ происходили между начальниками служебныя совѣщанія. Впослѣдствіи стали сѣзжаться въ Сельви-Бурну и турецкіе чиновники, собранія эти вошли въ привычку, сдѣлались необходимою и приносили существенную пользу для службы; они много способствовали и къ сближенію нашему съ Турками.

Красоты мѣстоположенія и образъ жизни нашей изложены съ подробностію и вѣрностію въ Письмахъ русскаго солдата, напечатанныхъ въ 1833 году, въ разныхъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Письма эти сочинены генеральнаго штаба поручикомъ Болдыревымъ

Продовольствіе наше было обезпечено привезеннымъ изъ Россіи хлѣбомъ. Для сбереженія сего запаса, я требовалъ сухарей отъ Турецкаго правительства, на неисправность ко-его я никогда не имѣлъ случая жаловаться. Снабженія эти дѣлались безденежно и съ постоянною доброю волею.

Въ числѣ распоряженій, представлявшихъ затрудненія, было снабженіе казаковъ, артиллеріи и полковъ лошадьми; ибо турецкія лошади мало способны для строевой службы. Къ удивленію моему, я рѣдко встрѣчалъ красивыхъ лошадей подъ начальниками и не видалъ даже хвале-

ныхъ наѣздниковъ сей страны. Отряду нужна была пѣкоторая подвижность, безъ чего онъ не могъ соотвѣтствовать своему предназначенію, въ случаѣ надобности. По приказанію государя, было отправлено съ войсками на судахъ 42 артиллерійскія лошади, которыя служили основаніемъ запряжкѣ и употреблялись при орудіяхъ въ дышлахъ. Хотя мнѣ и былъ открытъ въ миссіи нашей кредитъ на 80 тысячъ рублей для покупки лошадей; но, зная, сколько отысканіе ихъ представляло затрудненій, и желая избѣгать излишнихъ расходовъ, на случай недолгаго пребыванія отряда на Босфоръ,—я предложилъ Сераскиру снабдить насъ турецкими казенными лошадьми, на что и получилъ согласіе его. Хозревъ-паша немедленно приказалъ показать капитану Вульфберту всѣхъ артиллерійскихъ лошадей на конюшняхъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ выбралъ лучшихъ. Все это было исполнено для обоихъ отрядовъ, съ возможною у Турокъ точностію. Я даже взялъ запасныхъ лошадей для орудій. У насъ была привезена своя упряжь, но я предпочелъ оставить на выносныхъ лошадяхъ турецкія шлейки, которая находилъ легче и удобнѣе нашихъ хомутовъ.

Артиллерія двигалась быстро и исправно. Полковые обозы были также снабжены лошадьми низшаго разряда, но способными къ движенію. Съ казаками прибыло 46 донскихъ лошадей; остальное число ихъ пополнилось турецкими. Подъ аптечные вьючные ящики и подъ изготовленные для сего похода въ Одессѣ вьючные ящики съ запасными патронами и снарядами, я вытребовалъ въ послѣдствіи времени лошаковъ,—лучшее средство для перевозки тяже-

стей по дурнымъ турецкимъ дорогамъ. Однако потребность въ лошадяхъ никогда не была вполнѣ удовлетворена и, казалось, тяготила Турецкое правительство. Турки не постигали, зачѣмъ мы такъ заблаговременно запасались средствами къ походу, ибо, какъ я выше говорилъ, они не имѣютъ понятія о всѣхъ надобностяхъ регулярнаго войска. Наконецъ я вытребовалъ, для штаба моего и письменныхъ дѣлъ, пять турецкихъ фургоновъ съ лошадьми, полною упряжью, нестросвыми и офицеромъ, которые находились во всегдашней готовности къ движенію.

Во избѣжаніе убытка, который бы Турецкое правительство могло понести отъ порчи этихъ лошадей, я на первыхъ порахъ еще предложилъ Сераскиру сдѣлать оцѣнку имъ, съ тѣмъ, чтобъ при возвращеніи ихъ, можно было заплатить за недостающихъ Сераскиръ сначала не хотѣлъ и слышать о томъ, говоря, что не находилъ сего для нихъ приличнымъ, когда дѣло шло о снабженіи вспомогательныхъ войскъ государя императора. Когда же я настоятельно просилъ его о томъ, то онъ отвѣчалъ, что на счетъ этого можно будетъ согласиться въ послѣдствіи времени.

По упроченіи сихъ первыхъ средствъ къ движенію, я приступилъ къ новымъ распоряженіямъ, чтобъ устроить подвижные магазины; но они не были приведены въ исполненіе, какъ далѣе будетъ видно.

Турки, видя занятія наши, старались подражать намъ; но успѣхи не соответствовали цѣли: они трудились надъ сооруженіемъ зданія, коего основаніе—порядокъ и дисциплина—было чуждо ихъ понятіямъ, и потому схватывали одни только верхки.

Въ людяхъ гвардейскаго отряда ихъ замѣтны были способности къ правильному изученію ружейныхъ приемовъ; но самыя ружья были содержаны въ жалкомъ видѣ, такъ, что ихъ едва можно было признать годными къ употребленію: дерево и желѣзо все пробито и переломано. Турецкій солдатъ, какъ бы не признаеть ружья съ европейскимъ прикладомъ и штыкомъ, оружіемъ для дѣйствія противъ непріятели; онъ видитъ въ немъ болѣе оружіе, изобрѣтенное въ обремененіе его разными приемами на учены. При построенияхъ много быстроты, но мало правильности. Невѣжество офицеровъ доходило въ семь отношеніи до такой степени, что въ баталіонномъ строю, даже взводы не всегда уравнивались. Въ лазаретѣ турецкаго отряда замѣтно было не только изобиліе, но даже и роскошь; лѣкарь былъ назначенъ отъ насъ; до учрежденія же сего лазарета, больные, которыхъ было очень мало, отправлялись въ нашъ госпиталь. Лагерь содержался въ отличной чистотѣ, въ чемъ Турки старались превзойти нашихъ. Палатки были обсажены деревьями, и во все стороны проложены дорожки. Пища людямъ производилась изобильная и отлично хорошая. Видно было, что правительство хотѣло пощеголять предъ нами содержаніемъ сего отряда, и не щадило на то средствъ. Чищеніе аммуниціи всего болѣе ихъ затрудняло. Начальники просили моего распоряженія, чтобы показать имъ, какъ съ нею обходиться. Я приказалъ послать нѣсколько турецкихъ унтеръ-офицеровъ въ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, для узнанія и передачи сего своимъ сослуживцамъ. Но природная неопратность Турокъ, или

безпечность ихъ, была причиною, что оказывались вычищенными только тѣ аммуниціи которыя побывали въ рукахъ нашихъ солдатъ. Никто у нихъ не заботился объ узнаніи этого искусства, и всякій сталь по одиночкѣ носить свою аммуницію въ нашъ лагерь для чищенія, почему я и прекратилъ эту науку.

Ахметъ-паша просилъ меня одѣть одну пару пѣшихъ ординарцевъ по точному образцу турецкихъ войскъ, ихъ же матеріалами, но со тцаніемъ, введеннымъ у насъ въ обыкновеніе, и образовать ихъ. Это было въ точности исполнено, и нельзя не признать, что одежда Турецкаго солдата, хорошо пригнатая, соединяетъ все удобства съ красотою.

Въ кавалеріи я избралъ себѣ двухъ всадниковъ въ безсмѣнные ординарцы, коимъ поручено было смотрѣть за моими жеребцами и ѣздить за мною. Одинъ изъ нихъ былъ рослый и красивый молодой мужчина, родомъ изъ Турокъ, по имени Али. Онъ долго скучалъ новою должностію; на него сшили лейбъ-гусарской красной мундиръ, съ желтыми шурками, и показали ему нѣсколько правилъ ѣзды. Болѣе всего удивляли его перчатки, которыя у Турокъ не въ обыкновеніи. Онъ наконецъ свыкъся съ нами и съ домою моимъ до такой степени, что хотѣлъ съ мною ѣхать въ Россію, и по отбытіи нашемъ, бѣжалъ изъ полка. Другой былъ Эсіопъ, съ отвислыми губами, и выбранъ по наружнымъ достоинствамъ, составляющимъ красоту этой породы. Его одѣли въ уланскій мундиръ Новоархангельскаго полка, коего бѣлый воротникъ и лацканы, соответствовавшіе яркой бѣлизнѣ зубовъ его, составляли разительную противоположность съ чернымъ цвѣтомъ лица. Обоимъ оставле-

ны были на головахъ красныя фески, подъ которыми были подложены клеенки, и головной уборъ этотъ, придержаный подъ подбородкомъ лакированнымъ ремешкомъ, весьма хорошо шелъ къ мундирамъ ихъ и лицамъ. Они даже переняли солдатское щегольство наше, надѣвать сіи шапочки на бекрень. На службѣ, какъ ординарцы, они были очень исправны. Африканецъ въ особенности былъ проворенъ. Они ни на одно мгновение не спускали глазъ съ меня, какъ бы стараясь угадать желаніе начальника. Я посылалъ ихъ въ такомъ видѣ представляться султану, которому нисколько не показалось страннымъ, что пришельцы переодѣвали людей его войска на свой образецъ.

Въ пѣшемъ баталіонѣ была учреждена учебная команда, которая ежедневно, вмѣстѣ съ нашими войсками, очень усердно занималась военными упражненіями; такъ, что турецкіе офицеры сами становились въ ряды со своими солдатами, и по нѣскольکو часовъ сряду безъ остановки учились маршировать, не давая отдыха учителямъ. Но наука сія не распространилась далѣе людей изъ учебныхъ командъ, ибо въ головѣ Турка не вмѣщается понятіе о какомъ-либо систематическомъ распредѣленіи времени, или постоянныхъ занятій. Ежедневно наряжался одинъ взводъ въ общій расчетъ развода, на коемъ они привыкли исполнять все по русской командѣ; ихъ приучили даже бѣгать на церемониальномъ маршѣ рѣзвымъ шагомъ, несроднымъ съ обычаями сего народа. Адъютанты ихъ получали и отдавали пароль вообще съ нашими, а присутствовавшіе при церемоніи начальники соблюдали приличную тишину и становились со строгою разборчивостію по старшин-

ству, на мѣстахъ каждому присвоенныхъ. Сераскиръ иногда посѣщалъ разводы, ходилъ по фронту и здоровался съ солдатами по русски; въ тѣ дни, когда онъ въ особенности былъ хорошо расположенъ, приносилъ мнѣ въ подарокъ огромный пукъ цвѣтовъ, съ которыми и оставался во время церемоніи, держа его въ одной рукѣ, а въ другой шелковый платокъ, коимъ онъ обмахивался для прохладенія, охая, жалуясь на жаръ и представляя поминутно сломанныя и кривыя ноги свои. Иногда садился онъ отъ усталости на барабанъ. Посѣщенія эти кончались обыкновенно у меня попойкою—шампанскимъ виномъ, которое по мнѣнію его, было лучшее прохладительное средство въ знойные дни.

Въ намѣреніи болѣе сблизить Турокъ съ нами, я завелъ между ними общую очередь дежурныхъ съ нашими офицерами; Авни-бею же велѣлъ дежурить по лагерю съ нашими полковыми командирами, для чего и приставлялся къ нему на эти дни переводчикомъ Омеръ-Ага,—бѣглый офицеръ изъ австрійской службы. Омеръ-Ага принялъ мусульманскую вѣру. Онъ имѣлъ способности, нѣкоторое образованіе и велъ себя хорошо. Его назначилъ къ намъ въ должность переводчика Сераскиръ по требованію моему. Состоя при подполковникѣ Мендѣ, онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка на турецкій всѣ отдаваемые приказанія и училъ Турокъ составлять на ихъ языкѣ вѣдомости, списки и графные рапорты по формамъ, у нихъ принятымъ, или мною издаваемымъ. Новый порядокъ службы много занималъ Турокъ. Замѣтили, что когда Авни-бей бывалъ дежурнымъ по лагерю, то онъ часто проѣзжалъ мимо нашей гауптвахты, чтобы ему вы-

ходили къ ружью. Съ другой стороны надобно отдать ему справедливость, что никогда посты не осматривались съ такою исправностію, какъ въ его дежурство, чему старались подражать подчиненные его. Чтобы ознакомить турецкихъ часовыхъ съ нашими отзывами, отдавались всегда слова, имѣющія одно значеніе въ Русскомъ и Турецкомъ языкахъ, какъ напримѣръ: арбузъ, караулъ, кирпичъ, сарай, башмакъ, и тому подобныя.

Желая пріобрѣсти болѣе довѣренности со стороны новыхъ сослуживцевъ и поощрить начальниковъ ихъ, я по наружности подчинилъ Авни-бею два орудія нашихъ, находившіяся на позиціи въ первой линіи, занимаемой Турками. Добрыя сношенія между нашими войсками и турецкими со дня на день увеличивались, такъ что турецкіе солдаты хаживали къ нашимъ въ палатки посидѣть и потолковать о разныхъ предметахъ на языкахъ, взаимно имъ неизвѣстныхъ, довершая объясненія знаками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, солдаты наши даже скрывали отъ начальниковъ вины Турокъ, какъ своихъ товарищей. Обоюдная пріятливость между ними еще болѣе поддерживалась дружественными сношеніями моими съ Ахмедъ-пашею-муширомъ, часто посѣщавшимъ нашъ лагерь.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, турецкіе начальники собирались ко мнѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, и нѣкоторые, небрившіе головы, скидали фески, когда обѣдали у меня, или находились безъ свидѣтелей.

Для вящшаго поощренія турецкихъ войскъ, я изъявилъ благодарность начальникамъ въ отданномъ по всему отряду приказѣ, и копію съ

него послалъ къ Ахмедъ-пашѣ для доклада Султану, который былъ очень доволенъ этимъ, и вскорѣ послѣ того произвелъ, по представленію моему, Авни-бея въ полковники.

Я выдалъ также нѣсколько наградныхъ денегъ турецкимъ войскамъ, въ томъ числѣ и конюхамъ, приведшимъ къ намъ дареныхъ лошадей отъ султана. Сераскиръ, не забывшій еще сдѣланнаго ему отказа въ пріемѣ брилліантовыхъ табакерокъ послѣ даннаго намъ обѣда, воспользовался этимъ случаемъ для отищенія. Онъ, безъ всякаго на то права, по одному вліянію своего сана, отобралъ деньги сіи отъ турецкаго чиновника, получившаго отъ меня и не успѣвшаго еще вручить ихъ по принадлежности. Хозревъ-паша при первомъ свиданіи возвратилъ мнѣ ихъ, сказавъ, что султанскія войска не принимаютъ подарковъ. Въ ту же минуту я при немъ же передалъ тѣ же самыя деньги случайно находившемуся тутъ полковнику Авни-бею, съ приказаніемъ хранить ихъ впредь до распоряженія, что онъ, состоя подъ моимъ начальствомъ, и долженъ былъ исполнить. Между тѣмъ, я поручилъ Ахмедъ-пашѣ сказать султану, что если это дѣлается по его приказанію, то я готовъ принять деньги обратно; но не возьму ихъ назадъ, если это только желаніе Сераскира. Ахмедъ-пашѣ былъ случай показать свое вліяніе въ дѣлахъ гвардейскаго корпуса; я вскорѣ получилъ въ отвѣтъ, что султанъ вполне одобряетъ мои распоряженія по сему обстоятельству, и деньги были розданы.

Обращеніе это нравилось Туркамъ и давало вѣсь распоряженіямъ моимъ, до нихъ касающимся; они охотно повиновались мнѣ. Впослѣдствіи даже взыскивалось за отлучки, безъ поз-

воленія, изъ лагеря въ деревню. Одинъ турецкій офицеръ, мусульманипъ, былъ посаженъ мною на гауптвахту за нетрезвость, и наконецъ вынанъ изъ лагеря за дурное поведеніе.

Одно изъ обыкновеній турецкихъ офицеровъ, на которае я счелъ нужнымъ обратить вниманіе, это длинныя чубуки. Старшіе изъ военачальниковъ не могли обойтись безъ слугъ, носившихъ за ними орудіе куренія, какъ пѣкую хоругвь, чрезъ что они становились тяжелыми на подъемъ. Для отвращенія этого обыкновенія, я обратилъ на него насмѣшки. «Турецкую армію», говорилъ я, «погубили длинныя чубуки.» Чубуки укоротились, иные замѣнили трубки сигарами. Медленная походка, даже внѣ службы, при встрѣчѣ со мною, тотчасъ ускорялась. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что безъ дѣятельности нельзя ни въ чемъ успѣть и приписывали природной лѣни своей всѣ неудачи. Неджибъ-паша, покорный слуга нашъ, много перемогалъ себя и, обвиняя соотечественниковъ своихъ въ бездѣйствіи, порочилъ неприспособимое влеченіе ихъ къ созерцательности и отдыху (кейфъ). Онъ говорилъ, что для усовершенствованія этого рода наслажденія, которое они вкушали въ загородныхъ прогулкахъ, проводя по цѣлымъ днямъ лежа на пуховикахъ и подушкахъ,—недоставало изобрѣтенія такого рода: изголовья, на коемъ былъ бы выстеганъ ликъ засыпающаго, такъ чтобы онъ не имѣлъ даже труда выдавливать оттиска своимъ лицомъ на пуховикъ—вотъ утонченность! Неджибъ-паша безпрепятственно предавался въ квартирѣ своей пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ, принимаясь съ раннего утра за водку, которую онъ пилъ штофами. Оправдываясь въ на-

рушеніи закона пророка, онъ называлъ ее не водкою, а ангеликою, по наименованію растенія <sup>3)</sup>, которымъ ее настаивалъ. Товарищемъ ему въ сихъ упражненіяхъ былъ нашъ турецкій провіантмейстеръ Келимъ-эффенди, находившійся постоянно въ отрядной квартирѣ. Къ симъ двумъ особамъ я не былъ такъ строгъ, какъ къ строевымъ, и давалъ имъ болѣе свободы. Они были уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и не имѣли никакого вліянія въ дѣлахъ; служили же какъ усердные поденщики, а часто и шутами.

Турки, какъ я выше сказалъ, всматривались въ насъ съ любопытствомъ, старались перенимать; но на диковенныя для нихъ обряды и правила наши глядѣли со своей точки зрѣнія. Застрѣльщицье ученіе наше, въ особенности, озадачивало ихъ; ибо въ Турецкой пѣхотѣ, по французскому уставу, разсыпается цѣлый взводъ, чрезъ что фронтъ баталіона укорачивается. Они съ любопытствомъ заглядывали за линію, чтобы увидѣть, гдѣ скрываются застрѣльщики, выбѣгающіе передъ баталіономъ. Сераскиру полюбился также нашъ разводъ, котораго онъ впрочемъ хорошо не понималъ. Онъ ввелъ его въ турецкія войска. Замѣтивъ, что я однажды, во время явки офицеровъ, сдѣлалъ гласный выговоръ одному изъ нихъ во взысканіе за вину, наканунѣ случившуюся, онъ разспросилъ, и узналъ, что это значило; ему это такъ понравилось, что при явкѣ офицеровъ наряжаемыхъ въ караулъ на турецкихъ разводахъ, онъ приказывалъ назначать одного особенно, для полученія выговора, и осыпалъ его ругательствами <sup>4)</sup>. Ахмедъ-паша-муширъ такъ

<sup>3)</sup> Дудникъ или зоря.

<sup>4)</sup> Не выдаю этого за совершенную истину; но такъ мнѣ сказывали.



же заботился объ усовершенствованіи гвардейскихъ войскъ. Желая ввести въ употребленіе эполеты, вмѣсто брилліантовыхъ знаковъ, носимыхъ на груди офицерами, онъ просилъ меня выписать для него нѣсколько эполетъ всѣхъ образцовъ. Посылка пришла по отъѣздѣ нашемъ и, какъ слышно, эполеты были розданы нѣкоторымъ, выношены, и симъ все дѣло кончилось. Такую же участь имѣли жалованные мною эполеты, и старья шитья всякаго рода, Неджибъ-пашѣ, Келимъ-эффенди и нѣкоторымъ изъ служившихъ при мнѣ Турокъ. Глазъ ихъ не привыкъ узнавать различіе званій и чиновъ по цвѣтамъ и сложнымъ украшеніямъ европейской одежды военныхъ людей. Чѣмъ пестрѣе, тѣмъ лучше, и никто строго не слѣдуетъ формѣ въ одеждѣ. Такимъ образомъ, по прибытіи моемъ въ Царьградъ, я засталъ нѣсколько гвардейскихъ барабанщиковъ, у коихъ нашиты были, вмѣсто обыкновенныхъ воротниковъ, выношенные генераль-адъютантскія шитья, Литовскаго корпуса, на малиновомъ сукнѣ, и то вверхъ ногами.

Турки, судя о нашей одеждѣ, находили, что кивера наши очень красивы; но не могли приложить ума, куда ихъ укладываютъ въ военное время на походѣ, ибо не постигали, чтобы такимъ нарядомъ обременяли голову солдата при настоящей его службѣ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ однимъ изъ наблюдателей ихъ, который, замѣтивъ застегивающіяся двѣ чешуи, заключилъ, что чешуи для того именно прикрѣпляются къ киверу, чтобы во время похода, когда надѣвается фуражная шапка, носить киверъ повѣшеннымъ на лѣвой рукѣ. Всѣ остались довольны симъ рѣшеніемъ, лишь бы у нихъ не за-

вели такого рода украшеній. Кивера наши однако же много занимали Сераскира и другихъ начальниковъ войскъ, коимъ очень хотѣлось ввести ихъ въ употребленіе въ турецкой арміи, какъ бы для нанесенія послѣдняго удара сему молодому войску, послѣ пораженія, претерпѣннаго отъ Египетскаго паши. Мнѣ говорили, что Сераскиръ изобрѣлъ какіе-то кивера на желѣзныхъ обручахъ, съ двумя зелеными султанами, и что осторожный старецъ, желая прежде удостовериться, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ это нововведеніе въ войскѣ и народѣ, нарядилъ нѣсколько солдатъ въ это убранство, и пустилъ ихъ по улицамъ Царьграда. Онъ хотѣлъ знать что скажутъ. Говорятъ, что къ нимъ пристала большая толпа любопытныхъ, которая преслѣдовала ихъ насмѣшками; и больше о томъ рѣчи не было. Сераскиръ и не заикался передо мной о неудачномъ опытѣ, имъ сдѣланномъ <sup>5)</sup>. Я совѣтовалъ имъ различить цвѣтами погоничковъ на плечахъ, или другими знаками, полки, а баталіоны—разноцвѣтными кистями на фескахъ, и подѣлалъ имъ даже образцовыя фески съ кистями четырехъ цвѣтовъ. Это всѣмъ очень понравилось, но при томъ и осталось; потому что феска не принадлежитъ къ мундиру, а къ народному наряду, и что на этомъ головномъ уборѣ, по обыкновенію, у всѣхъ бываетъ кисть синяго цвѣта.

О состояніи Турецкаго отряда послалась графныя рапорты, какъ о нашихъ войскахъ, военному министру, для доклада Государю; равно доносилось и о совокупныхъ занятіяхъ нашихъ. Показаніе Турецкимъ вой-

<sup>5)</sup> За точность этого разсказа о киверахъ, дошедшаго до меня стороною, не ручаюсь.

скамъ учебнаго шага, явки ординарцевъ, и тому подобное, подали поводъ къ различнымъ сужденіямъ въ Петербургѣ. Говорили, что мы на свою шею выучили Турокъ, что не должно было доводить ихъ до такой высокой степени образованія; но сужденія эти могли только происходить отъ людей, не постигавшихъ въ чемъ состоитъ сила и устройство войска, и коихъ собственныя понятія ограничивались мелочными и поверхностными соображеніями. Турки никогда не могли перенять основаній дисциплины нашей и порядка, чуждаго ихъ обыкновеніямъ. Безнадежно было бы и трудиться надъ симъ, пока не было положено прочпйшаго основанія, для сформированія регулярныхъ войскъ; и даже тѣ бездѣлицы, которыя имъ показывали, и коими связывалась свобода ихъ строя, не проникли далѣе тѣхъ лицъ, надъ коими упражнялись наши учителя. Напротивъ того, поверхностное образованіе, которое Турки отъ насъ принимали, давало намъ средство, и нѣкоторымъ образомъ право, ближе вступаться въ дѣла ихъ, и собирать въ окрестностяхъ нужныя для насъ свѣдѣнія, въ военномъ отношеніи, словомъ, — повелѣвать ими.

Намъ необходимо нужно было имѣть въ своемъ управленіи береговья укрѣпленія, для достиженія чего встрѣчались затрудненія, по всегдашней уклончивости Сераскира. Постоянно направляя дѣйствія свои къ этой цѣли, я прежде всего завелъ, чтобы отъ Турецкихъ армейскихъ войскъ, занимавшихъ укрѣпленія, являлись офицеры къ разводу за порохомъ; послѣ приказано было ночнымъ лагернымъ разъѣздамъ, состоявшимъ изъ казаковъ, вмѣстѣ съ Турецкими гвардейскими легкоконцами, заѣзжать въ

ближайшія укрѣпленія, и въ доказательство, что они тамъ были, размѣниваться съ начальниками крѣпостей данными знаками. Когда свыклись съ этимъ порядкомъ, я однажды отправился самъ въ главное укрѣпленіе при Анадоли-Кавакъ, въ той увѣренности, что меня не посмѣютъ остановить. Со мною было много офицеровъ. Часовые у воротъ не дерзнули прямо остановить меня, однакожь замаялись. Надобно было проникнуть, съ добраго согласія начальниковъ. Замѣтивъ, что одинъ изъ часовыхъ былъ блѣденъ и очень слабъ здоровьемъ, я, не входя въ укрѣпленіе, велѣлъ вызвать къ себѣ Турецкаго коменданта, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за употребленіе большихъ людей на службу, погрозился довести о томъ до свѣденія Сераскира и велѣлъ немедленно отправить больного въ госпиталь. Начальникъ укрѣпленія оробѣлъ; больной былъ въ ту же минуту отправленъ съ большими извиненіями, а насъ пригласили въ укрѣпленіе на кофе. Мы расположились около орудій, и потомъ все осмотрѣли. На другой день въ укрѣпленіи былъ водворенъ нашъ инженерный офицеръ съ небольшою командою; съ укрѣпленія снятъ планъ, и чертежъ онаго, съ проэктомъ исправленія нѣкоторыхъ частей, отправленъ къ Сераскиру, который нашелъ его очень правильнымъ и благодарилъ за распоряженія. Вслѣдъ за тѣмъ. Бюро назначенъ комендантомъ въ мѣстечко Анадоли-Кавакъ, подъ предлогомъ присмотра за порядкомъ со стороны нашей. когда солдаты ходили туда за покупками. Тутъ учредилась инженерная чертежная, изъ которой посылались въ послѣдствіи времени офицеры, для съѣмки всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, уже

безъ прежнихъ препятствій. Турки свыклись съ симъ порядкомъ вещей до такой степени, что одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ ихъ, воспитанникъ новаго училища, поднесъ мнѣ планъ всего лагеря съ означеніемъ войскъ. Чертежъ этотъ любопытенъ; онъ былъ сдѣланъ на подобіе первыхъ географическихъ картъ прошедшихъ столѣтій, безъ соблюденія какихъ-либо правилъ и масштаба. Въ проливѣ были нарисованы въ большемъ видѣ корабли, пароходы, лодки со всею подробностію вооруженія; на Султанской долинѣ изображались большіе яворы и видъ Султанскаго кіоска. Генуэзскій замокъ также былъ представленъ, но въ маломъ объемѣ, съ высокими стѣнами и башнями. Лагерь былъ безконечный, пушекъ много; такъ и Туркамъ казалось, что войска было несмѣтное количество. Всѣ палатки изображались отдѣльно въ фасадѣ, линіями обращенными въ разныя стороны. Неджибъ-паша, который представлялъ мнѣ офицера и трудъ его, извинялъ этотъ недостатокъ объясненіемъ своего рода. «Намъ извѣстно», говорилъ онъ, «что у васъ обыкновенно рисуютъ палатки сверху, чего нашъ инженеръ не могъ сдѣлать отъ того, что видѣлъ ихъ изъ среды улицъ, по коимъ ходилъ для съѣмки плана, и потому долженъ былъ нарисовать палатки съ боку и положить ихъ въ разныя стороны, по мѣрѣ того, какъ онъ ему представлялись.» Чертежъ этотъ былъ плодомъ первоначальной недоумчивости къ намъ Турокъ; съѣмка произведена втайнѣ съ большими осторожностями, чтобы мы не замѣтили размысла—искусника; поднесеніе же мнѣ труда сего сдѣлано въ подражаніе доставленія мною Сераскиру нѣ-

которыхъ изъ нашихъ чертежей, изъ чего они видѣли, что мы нисколько не таились.

Мы обдѣляли своими людьми дороги въ окрестностяхъ лагеря. Работы сіи остались памятниками нашего пребыванія въ Хункяръ-Скелеси. У насъ не было порядочнаго сообщенія сухимъ путемъ со Скутари, чтобы насъ много затруднило въ случаѣ движенія впередъ. По требованію моему, дорога, ведущая изъ лагеря въ Скутари, была нѣсколько исправлена.

Намъ также нужно было сдѣлать рекогносцировки и съѣмки въ окрестностяхъ лагеря. Хотя Турки и не рѣшались прямо отказать мнѣ въ томъ, однакожь всегда встрѣчались со стороны ихъ затрудненія по сему предмету. Въ самомъ началѣ нашего прибытія, я изложилъ Ахмедъ-пашѣ необходимость такой мѣры. Онъ, казалось, вникъ въ доводы мои и отдалъ тогда нѣсколькимъ Турецкимъ офицерамъ приказаніе снабдить насъ проводниками. Но исполненіе шло съ малымъ успѣхомъ и всездѣ встрѣчались промедленія до тѣхъ поръ, пока я не рѣшился посылать офицеровъ внутрь страны, безъ чьего-либо спроса, наряжая самъ къ нимъ въ конвой Турецкихъ легкоконцевъ, находившихся въ командѣ моей. Тогда дѣло пошло успѣшно. Офицеры проводили по нѣсколько дней внѣ лагеря и производили съѣмку страны на большое пространство, не только безпрепятственно, но даже получали всякое пособіе отъ деревенскихъ старшинъ. И, наконецъ, мы достигли цѣли, составивъ подробные планы береговыхъ баттарей и части страны на Азійскомъ берегу. Мы распространили посредствомъ этихъ съѣмокъ и вліяніе наше между войсками и жителями.

Въ числѣ распоряженій, въ особенности озаботившихъ меня, были предосторожности, необходимыя для охраненія лагеря отъ внесенія чумной заразы, всегда существующей въ Царьградѣ, въ большей или меньшей степени. Въ первые дни прибытія отряда, моровая язва появилась въ одномъ Греческомъ домѣ, въ Терапіи. Я немедленно послалъ лѣкаря, для освидѣтельствованія больныхъ, и на нихъ оказались всѣ признаки заразы. Миѣ нельзя было принять никакихъ мѣръ для прекращенія ея на Европейскомъ берегу, а потому я просилъ Сераскира, чтобы онъ приказалъ оцѣпить зараженный домъ. Онъ обѣщался сдѣлать это, и даже очистить тотъ домъ водою, посредствомъ пожарныхъ трубъ; что и было имъ исполнено.—Способъ весьма хорошій, коему, къ сожалѣнію, предпочитаютъ у насъ окурку, удобную только для частной очистки, и неспособную для очищенія большой массы людей или цѣлаго квартала<sup>6)</sup>. Вслѣдъ за тѣмъ, оказались чумные случаи въ Арнаутъ-Кіюй и въ Галатѣ, что также на Европейскомъ берегу. Симъ прекратились первыя опасенія, служившія намъ какъ бы намекомъ къ принятію предосторожностей. Осторожности принимались по возможности. Госпиталь составлялъ какъ бы отдѣльную цитадель въ Бююгъ-дере и сообщался исключительно съ однимъ лагеремъ, и то на нашихъ лодкахъ. Изъ шести устроенныхъ при лагерѣ пристаней, на одной только принимались прѣзжіе, неносящіе Русскаго мундира, и тѣ впускались не иначе, какъ по осмотру, а иногда и по окурку въ будкѣ, учрежденной у

пристани. При частыхъ сношеніяхъ нашихъ съ Турецкимъ правительствомъ и посѣщеніяхъ лагеря иностранцами, трудно было соблюсти всѣ правила строгости. Многіе не постигали необходимости такихъ мѣръ и оскорблялись ими, въ особенности дипломатическіе чиновники европейскихъ миссій, любопытствовашіе видѣть станъ нашъ и не столь покорные, какъ Турки.

Предпринятые средства способствовали однакоже къ устраненію многихъ праздно-шатающихся въ Константинополь иностранцевъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ считалъ я излишнимъ. Офицеры отпускались въ Царьградъ съ большою разборчивостію и очень рѣдко, чѣмъ сберегалось хорошее содержаніе ихъ, получаемое изъ казны; деньги привезены ими обратно и израсходованы въ Россіи. Мы оградились, кромѣ того, отъ внесенія другой заразы, слишкомъ часто удручающей молодыхъ людей, склонныхъ къ разврату, и избѣгли неприятныхъ произшествій, которыя бывають слѣдствіемъ неумѣренности. Такія строгости привели нѣсколько ропота. Для обезпеченія офицеровъ въ необходимыхъ для нихъ покупкахъ, дозволено было Испанцу, по имени Комидакъ, въ особенности преданному Русскимъ, привозить для продажи въ назначенные дни товары, которые требовались отъ полковъ по запискамъ. Передача товаровъ и уплата денегъ производилась передъ глазами приставленнаго чиновника, и торгъ продолжался только нѣсколько часовъ. Для снабженія офицеровъ ежедневными жизненными припасами, былъ учрежденъ внутри карантинной линіи базаръ, на коемъ призванные нарочно изъ Царяграда торговцы состояли въ совершенномъ слѣдѣ-

<sup>6)</sup> Предупрежденіе противъ очищенія водою существуетъ между нашими лѣкарями въ силной степени. Однако дѣйствительность этого средства дознана мною въ прошедшую Турецкую войну, многими опытами.

ни нашемъ и продавали товары свои по установленной таксѣ. За приемкою писемъ являлся также въ извѣстные дни особенный чиновникъ изъ миссіи. Не менѣе того всѣ эти мѣры были бы недостаточны еслибъ въ тотъ годъ сильно свирѣпствовала чума въ Царѣградѣ; въ такомъ случаѣ не было никакого поручительства, чтобы ее не внесли къ намъ въ лагерь. — Насъ спасалъ Богъ. Мы въ правѣ были имѣть большія опасенія со стороны флота, съ коимъ безпрепятственно сообщались, ибо моряки соблюдали мало порядка: флотскіе офицеры свободно проводили время въ Царѣградѣ и на Европейскомъ берегу, а матросы наполняли въ Бейогъ-деревитые дома и произвольно сообщались со всѣми жителями.

Чумная зараза иногда появлялась еще въ Галатѣ и въ Цареградскомъ госпиталѣ, гдѣ я никакъ не могъ способствовать ея прекращенію. Однажды, показала она снова въ Терапіи, въ домѣ находившемся по соседству съ строеніемъ, занимаемымъ Англійскою миссіею. Англійскій посланникъ Мандевиль поспѣшно просилъ моего содѣйствія, для доставленія въ распоряженіе его турецкаго караула, чтобы оцѣпить зараженный домъ. Я писалъ о томъ къ Сераскиру, который немедленно выслалъ нужное для сего число войскъ, приказавъ полковнику, имѣвшему наздоръ за стражею Европейскаго берега, явиться ко мнѣ, для полученія приказанія. По снабженіи его нужными наставленіями, я отправилъ караулъ въ распоряженіе Мандевіля, который остался очень доволенъ отправленіемъ службы Турокъ, и — зараза въ Терапіи вторично была прекращена.

Всѣ вышеописанныя обстоятельства ставили меня въ частія сношенія съ

Сераскиромъ, съ коимъ я находился почти въ ежедневной перепискѣ. Посланія его ко мнѣ писались на французскомъ языкѣ, находившимся при немъ армяниномъ Мартираки, который зналъ языкъ этотъ въ совершенствѣ. Письма эти, составляющія цѣлое собраніе, хранятся нынѣ у меня. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особенное вниманіе по слогу и обороту мыслей, въ нихъ выраженному.

Заклучивъ симъ обзоръ занятій нашихъ, обратимся снова къ обыкновенному ходу происшествій, которыя ниже излагаются прежнимъ порядкомъ, по числамъ.

Султанъ давно уже желалъ осмотрѣть десантный отрядъ; посланные отъ него всякій разъ мнѣ о томъ напоминали. Когда все было изготовлено, я довелъ о томъ до свѣдѣнія его. 12-го числа онъ прислалъ ко мнѣ Ахмедъ-пашу-мушира, чтобы уговориться на счетъ порядка смотра, представляя мнѣ все распоряженіе, и даже назначеніе дня, въ который я признаю удобнымъ сдѣлать его. Мы условились на 15-е число, а 14-го назначили предварительный смотръ, на которомъ присутствовалъ Ахмедъ-паша. Онъ наблюдалъ порядокъ прохожденія войскъ, чтобъ ознакомить Султана съ новымъ зрѣлищемъ, разсказать ему какъ слѣдовало объѣзжать линіи и показать мѣсто, на коемъ должно было остановиться ему при прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ. Муширъ записалъ турецкими буквами обыкновенное привѣтствіе нашимъ солдатамъ, и изъявленіе имъ удовольствія отъ начальниковъ: *«здорово ребятя; спасибо ребятя.»* Султанъ хотѣлъ вытвердить слова эти и сказать ихъ передъ войсками по-русски. Ахмедъ-паша самъ долго трудился надъ выговоромъ

ихъ; но какъ въ турецкомъ языкѣ вѣтъ словъ, начинающихся съ двухъ согласныхъ буквъ, то онъ, произнося записанныя рѣчи, выговаривалъ: *из-дорово, ис-насибо*; а на другой день оказалось, что выучилъ Султана говорить: *издороваде ребете*.

Сераскиръ, котораго не предупредили о предварительномъ смотрѣ, прѣхалъ по окончаніи всего, очень обидѣлся и съ видимымъ оскорбленіемъ упрекалъ меня, что я его не позвалъ. Его должно было избѣгать именно потому, что онъ сталъ бы вмѣшиваться въ распоряженія, а между тѣмъ не имѣлъ бы терпѣнія остаться до конца и тѣмъ проволочилъ бы безъ пользы время. Для успокоенія его, я объяснилъ, что смотръ этотъ былъ совершенно домашній, что люди не были одѣты по надлежащему, почему онъ не могъ бы судить о состояніи войскъ, что я впрочемъ готовъ былъ послѣ султанскаго смотра показать ему, исключительно, любую часть нашего отряда. Но онъ не угомонился, и все восклицалъ: «Ахмедъ-паша! Ахмедъ-паша! да кто онъ такой этотъ Ахмедъ-паша? и гдѣ онъ себѣ пріобрѣлъ такія права и власть? А вотъ онъ не подумалъ, чтобы укрыть милостиваго гоеударя нашего отъ солнечнаго зноя, и никто не позаботился разбить ему палатку, пока я самъ о томъ не вздумалъ. Я пришлю сюда палатку для его величества: ее разобьютъ вотъ на этомъ бугрѣ, откуда все будетъ хорошо видно.» То былъ бугоръ, гдѣ располагался лагерь турецкаго отряда, возвышавшійся совершенно въ тылу предположенной линіи, которая должна была стать вдоль Султанской долины; а мѣсто, назначенное мною для султана во время церемональнаго марша, находилось совершенно въ противополож-

ной сторонѣ. Въ надеждѣ, что Султанъ не перемѣнитъ прежняго распоряженія моего, я все оставилъ по прежнему и не мѣшалъ Сераскиру дѣлать свои предположенія. Желая показать ему, что не отвергаю его совѣтовъ, я просилъ его написать мнѣ по-турецки слова изустнаго рапорта, съ коимъ я долженъ былъ встрѣтить Султана у пристани. Онъ съ удовольствіемъ это сдѣлалъ.—Старикъ былъ съ пылкими страстями, но умѣлъ владѣть ими, скрывать ихъ, и вскорѣ принялъ по прежнему веселый и шуточный видъ свой.

Когда я сообщилъ Туркамъ письменно все предположеніе къ смотру, ихъ удивило, что Султана встрѣчали одними криками ура, безъ пальбы изъ орудій, ибо у нихъ привычка стрѣлять изъ пушекъ при каждомъ необыкновенномъ случаѣ. Сколько я ни представлялъ, что Султану будутъ салютовать съ береговыхъ батарей, съ судовъ, но меня убѣдительно просили сдѣлать, хотя нѣсколько выстрѣловъ изъ полевыхъ орудій, въ то время, какъ онъ будетъ приставать къ берегу; на что я, изъ угожденія, согласился.

Распространившійся слухъ о смотрѣ привлекалъ много любопытныхъ. Иностранные послы со своими миссіями, большое число прѣзжихъ иностранцевъ, военнаго и всякихъ сословій, собирались присутствовать при этомъ случаѣ, не говоря о Бутеневѣ со нѣкими чиновниками нашей миссіи, всѣхъ адмиралахъ и многихъ флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Почти всѣ европейскія дамы также желали видѣть это любопытное зрѣлище. По запискѣ, доставленной ко мнѣ Бутеневымъ, были приготовлены для первыхъ верховія лошади, а для дамъ поставлены наметы и назначены осо-

бренные офицеры, которые должны были принять ихъ на берегу, отвести къ мѣсту и занимать разговорами.

15-го числа апрѣля, въ назначенное время, къ 11-ти часамъ утра, войска были выведены и выстроены на опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ строю находилось: 8 баталіоновъ высаднаго войска, съ 24-мя орудіями и казачьею командою, сверхъ того 2 сводныхъ баталіона матросовъ, свезенныхъ въ тотъ день на берегъ, и турецкій гвардейскій отрядъ, къ которому присоединились еще первый гвардейскій легко-конный полкъ и 4 пѣшихъ орудія; всего 11 баталіоновъ пѣхоты, 7 эскадроновъ конницы, 30 орудій и сотня казаковъ. Въ первой линіи находилась пѣхота, а за лѣвымъ флангомъ ея, во второй линіи конница и артиллерія, не вмѣщавшіяся по тѣснотѣ мѣста въ первой. Матросы стояли выше сухопутныхъ. Надлежало прискаты мѣсто для турецкаго баталіона, который пользовался правомъ старшинства по званію гвардейскаго. Миѣ не хотѣлось при встрѣчѣ поставить его выше нашихъ; съ другой стороны надобно было уважить, что Турки, считая насъ за гостей, вездѣ уступали намъ первый шагъ; по этому и намъ слѣдовало соблюсти сію вѣжливость, въ отношеніи султанскихъ войскъ, особливо при его посѣщеніи. Турецкій баталіонъ былъ поставленъ отдѣльно, лицомъ къ главному баталіону матросовъ, такъ что султанъ, подъѣзжая къ нашему правому флангу, встрѣтилъ лѣвый флангъ своей гвардіи, чѣмъ и исполнились всѣ желаемыя условія.

Посѣтители начали съѣзжаться съ утра, и долго дожидались султана въ палаткахъ, разбитыхъ подъ тѣнью яворовъ, неподалеку отъ берега. День былъ прелестный, но очень жаркій.

IV. 9

На долинѣ толпились чиновники султанскаго двора; съ ними были перемѣшаны чиновники миссій европейскихъ державъ. Не было только Руссена и Мандевиля. Лучи солнца отражались на богатомъ шитьѣ, коимъ украшались одежды Европейцевъ и Азіятцевъ. Собраніе это ежечасно оживлялось прибытіемъ новыхъ лодокъ съ посѣтительницами, и наконецъ цѣлаго парохода съ дамами, которыхъ также встрѣчали и провожали бывшія тутъ праздныя лица всѣхъ націй. Вокругъ толпы водили богатобранныхъ турецкихъ жеребцовъ, за-благовременно присланныхъ чиновниками Султанскаго двора. Къ правой сторонѣ отъ пристани, около селенія Бейкосъ роились жители; на уступахъ же горъ съ лѣвой стороны бѣлѣлись ряды нашихъ палатокъ, между коими двигалось еще много людей, не выведенныхъ во фронтъ.

Зрѣлище было необыкновенное. Разговоръ на всѣхъ языкахъ не умолкалъ. Всѣ, въ ожиданіи Султана, были очень веселы, и самъ Сераскиръ, совершенно забывъ сердечную обиду свою, развеселился до такой степени, что приставалъ ко всѣмъ съ своими шутками. Хозревъ—паша, повстрѣчавшись съ однимъ изъ чиновниковъ Султанскаго двора,—кажется, съ Гекимъ-Башею <sup>1)</sup>, подобнымъ ему лѣтми, нравомъ, малымъ ростомъ и уродливымъ станомъ,—обхватилъ его обѣими руками, съ усиліемъ поднялъ вверхъ и захохоталъ такъ громко, что всѣ обратили на него глаза, удивляясь порыву радости чуднаго старика.

Между тѣмъ султанъ не ѣхалъ. Наши войска ожидали его въ порядкѣ; но турецкія не выдержали уста-

<sup>1)</sup> Гекимъ-Баша—главный мудрецъ, врачъ или шутъ.

лости, и солдаты стали садиться на своихъ мѣстахъ, во фронтѣ. Многіе, въ томъ числѣ и Турки, смѣялись сему, а бригадный командиръ ихъ Дилаверъ-паша <sup>8)</sup>, тутъ же присутствовавшій, поднялъ лѣнивыхъ угрозою, упрекая ихъ примѣромъ нашихъ людей, противъ нихъ стоявшихъ. Султанскую палатку также долго не привозили. Сераскиръ безпокоился. Ее привезли поздно, и едва успѣли разбить на назначенномъ отъ него мѣстѣ <sup>9)</sup>, какъ пушечная пальба съ батареи возвѣстила намъ о приближеніи Махмуда II. Когда лодка его поравнялась съ моимъ фрегатомъ Штандартомъ, ему салютовали съ судна 21-мъ выстрѣломъ; матросы всѣ стояли по реямъ и кричали ура. Въ часъ по полудни, султанъ присталъ къ берегу и въ ту минуту, какъ онъ ступилъ на землю, былъ опять сдѣланъ салютъ 21-мъ выстрѣломъ изъ полевыхъ орудій. На пристани встрѣтили султана: Сераскиръ-паша, Ахмедъ-паша-Муширъ и Капитанъ-паша Тагиръ-паша, со многими другими чиновниками Порты. Съ нашей стороны принималъ его посланникъ Бутеневъ; тутъ же были всѣ адмиралы, командиры кораблей, и прочіе офицеры, не занятые въ то время обязанностію.

Султанъ сѣлъ на богато-убранную лошадь и, въ сопровожденіи главныхъ вышеупомянутыхъ особъ, подъѣхалъ къ войскамъ, гдѣ я его встрѣтилъ, отрапортовалъ ему на Турецкомъ языкѣ и вручилъ строевую записку о числѣ войскъ, съ чертежемъ парада. Онъ былъ одѣтъ въ гусарскій доломанъ темнолиловаго цвѣта, съ золотыми снурками; воротникъ

былъ вышитъ золотомъ и, какъ иные замѣтили, съ алмазами; на немъ была красная феска; чикчиры замѣнялись широкими шароварами изъ бѣлой миткали. При бедрѣ сабля. Конь подъ нимъ былъ не изъ числа легкихъ, какіе цѣнятся у Азіатскихъ народовъ, а напротивъ того, большой и тяжелый жеребецъ съ толстыми ногами и болѣе похожій на лошадей Мекленбургской породы. Въ сѣдлѣ и сбруѣ соединялось убранство Европейское съ Азіатскимъ. Самъ султанъ не имѣлъ на конѣ той свободной посадки, которую я въ немъ замѣтилъ, встрѣтивъ его однажды прогуливавшимся въ Перѣ верхомъ на чистомъ и легкомъ турецкомъ жеребцѣ. Здѣсь его связывали странная одежда, для него необычайная, тряская лошадь безъ всякой выѣздки. Онъ робѣлъ, боялся упасть и часто придерживался рукою за луку сѣдла. Къ сему присоединилась, можетъ быть, какая либо отдаленная мысль о предательствѣ, коего султаны привыкли опасаться, ибо онъ совершенно находился въ нашихъ рукахъ, со всѣми членами правительства.

Махмудъ подъѣхалъ къ флангу и былъ встрѣченъ музыкою. Ему отдали честь, и едва онъ успѣлъ въ полголоса поздороваться вытверженными по-русски словами, какъ ему громко отвѣчали: «здравія желаемъ, ваше султанское величество»; за симъ поднялся громкій крикъ ура, который разлился по всей линіи, безумолчно перекатываясь, по мѣрѣ какъ онъ проѣзжалъ по фронту. Турокъ также учили кричать; но они не могли перенять этого у нашихъ. При проѣздѣ же Султана, нѣкоторые изъ нихъ вскрикивали кое-гдѣ изъ фронта; а многіе, по старинному обычаю, нагибаясь, подносили правую руку къ устамъ и головѣ.

<sup>8)</sup> Родомъ изъ лѣнныхъ Грузинъ.

<sup>9)</sup> Она, вмѣсто своего назначенія, послужила для пріема дамъ.



Крикъ, громъ барабановъ, и все это новое зрѣлище сперва изумило султана и нѣсколько смутило его. Оправившись, онъ сказалъ, что со всѣми бы поздоровался, еслибъ клики солдатъ не заглушали голосъ его. Я отвѣчалъ, что клики сіи непри- нужденные—произвольные—и прои- сходятъ отъ радости войскъ видѣть его. Онъ тогда выразился съ жаромъ, что съ удовольствіемъ замѣчаетъ рас- положеніе къ нему войскъ госуда- ря, столь дружественно содѣйствующаго его видамъ.

Такъ какъ къ султану тѣснились провожавшіе его верхомъ чиновники Двора, то онъ отдалилъ всѣхъ, кро- мѣ двухъ пѣшихъ изъ его прислуги, шедшихъ подлѣ самой его лошади, просилъ меня одного ѣхать съ нимъ рядомъ, и во все время разговари- валь. Обѣхавъ всю линію шагомъ, онъ остановился на назначенномъ на- канунѣ мѣстѣ, противъ кіоска. Войс- ка проходили передъ нимъ церемо- ніальнымъ маршемъ два раза: по- взводно и въ колоннахъ. Во время мар- ша, довольно продолжительнаго, за- мѣтно было, что терпѣніе Махмуда истощалось; подъ конецъ его не зани- мали войска. Гвардію же свою онъ едва удостоивалъ взгляда, и болѣе обращалъ вниманіе на другіе пред- меты. Я безотлучно находился подлѣ него. Онъ былъ веселъ, много рас- прашивалъ о начальникахъ, но бо- лѣе разсматривалъ лошадей, посадку и ловкость, скакавшихъ мимо его, адъютантовъ. Замѣтивъ передъ од- нимъ изъ баталіоновъ маіора урод- ливой толщины <sup>10)</sup> онъ разсмѣялся. «У меня такой же есть при дворѣ казначей», сказалъ онъ, и подзвавъ съ поспѣшностію Сераскира, прика-

залъ ему, въ шутку, послѣ смотра обоихъ свѣситъ. На одну минуту только обратилось его, и всеобщее, вниманіе на Донскихъ казаковъ, ко- имъ я приказалъ проскакать во всю прыть. Приемъ этотъ былъ въ ста- ромъ духѣ Турокъ, и они не воздер- жались отъ восхищенія. Это также понравилось и Европейскимъ послан- никамъ, у коихъ еще неизгладились изъ памяти выхваленные подвиги Донцевъ, въ 1812-мъ году.

По окончаніи церемоніальнаго мар- ша, я пригласилъ Султана обѣхать еще разъ войска, остановившіяся въ общей колоннѣ на прежней линіи; онъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все по желанію моему, отправился со мною, благодарилъ людей и былъ опять при- нять съ криками ура. Тутъ уже замѣтна была его усталость; онъ спѣ- шилъ въ кіоскъ, въ которомъ распо- лагалъ переодѣться. На обратномъ пути, онъ проѣзжалъ правымъ флан- гомъ колонны, начиная съ тыла ея. Ахмедъ-паша нашель, что, изъ ува- женія къ султану, должно было по- воротить людей на лѣво кругомъ, чтобы онъ могъ видѣть ихъ въ ли- цо; но я не приказалъ дѣлать сего; самъ же султанъ ничего не замѣ- тилъ.

На дворѣ кіоска, Султанъ былъ встрѣченъ приготовленнымъ заблу- временно почетнымъ карауломъ, ко- торый состоялъ изъ одной роты; Мах- мудъ сѣлъ на крыльцѣ, въ поста- вленное для него кресло, и прини- малъ ординарцевъ, представленныхъ ему отъ пѣхоты и казаковъ <sup>11)</sup>. Меж- ду пѣхотными ординарцами, явля- лись къ нему также, по нашимъ пра-

<sup>10)</sup> Кузьминскій.

<sup>11)</sup> Нѣкоторые офицеры замѣтили, что казаки при- являя заглядывали, съ большимъ вниманіемъ, на обѣ стороны, въ штыкъ воротникъ султана.

виламъ, люди изъ гвардейскаго баталіона, которые были одѣты и выучены нами по просьбѣ Ахмедъ-паша. Никто изъ Турокъ, и самъ султанъ, кажется, не понимали въ чемъ дѣло состояло; одинъ только Сераскиръ ребячески восхищался. Турецкіе ординарцы, коимъ, повидимому, надобла эта наука, исполнивъ предназначеніе свое съ довольною ловкостію, не сочли за нужное долѣе предаваться занятіямъ такого рода, и на другой день бѣжали.

При семъ я вручилъ султану, нарочно для него начерченный, планъ лагеря съ означеніемъ войскъ. Онъ былъ этимъ очень доволенъ; потомъ спросилъ, все ли кончено; и приказалъ отпустить войска, которыя между тѣмъ построились противъ кіоска въ трехъ-часное каре, что ему также понравилось. Онъ много благодарилъ за смотръ, а посланнику Бутеневу, коего онъ заблаговременно предупредилъ, что непременно хочетъ видѣть его присутствующимъ у парада <sup>12)</sup>, поручилъ донести до свѣденія государя обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Вѣжливость сію оказалъ онъ Бутеневу, вѣроятно, изъ опасенія оскорбить его исключительнымъ вниманіемъ своимъ ко мнѣ, въ продолженіе смотра. Послѣ, Султанъ пошелъ въ боковую комнату своего кіоска, и черезъ нѣсколько минутъ явился переодѣтымъ въ другое платье, похожее на казачье, перемѣнивъ саблю на трехъ-гранную французскую шпагу. Ему подвели другую лошадь, и онъ отправился

<sup>12)</sup> Неизвѣстно въ какомъ видѣ, и что онъ, подразумевалъ подъ симъ. Можно было полагать, что по смѣшаннымъ понятіямъ Турокъ о всѣхъ званіяхъ и словіяхъ Европейскихъ, Султанъ надѣялся видѣть его передъ фронтомъ, потому что и на Бутеневѣ былъ шитый мундиръ.

верхомъ къ пристани, общаясь, послѣ наступающаго у нихъ праздника, навѣстить также и флотъ нашъ. Сѣвши въ лодку, онъ тотчасъ принялся разсматривать представленный мною чертежъ. При отправленіи, ему снова салютовали съ берега 21-мъ выстрѣломъ, а при проѣздѣ мимо фрегата Штандарта, салютъ былъ повторенъ съ судна, тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Во все время пребыванія султана между войсками, обхожденіе его было ласковое. Онъ исполнялъ все, что ему накануне объяснялъ Ахмедъ-паша, и обращался ко мнѣ съ вопросами безъ малѣйшаго вида гордости и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ: «куда надобно ѣхать? что нужно приказывать?» и т. п. Вообще онъ былъ очень доволенъ и веселъ, и одинъ только разъ упомянулъ объ Ибрагимъ-пашѣ, взглянувъ торжественно на наше войско и похваляясь, что теперь можетъ встрѣтить своего врага. Онъ съ большимъ участіемъ заботился о больныхъ и приказалъ въ то же время исполнить требованія мои для удобнѣйшаго размѣщенія ихъ: спрашивалъ, дошелъ ли до войскъ гостинецъ его, и исправно ли получаютъ продовольствіе. Черезъ нѣсколько же дней прислалъ въ подарокъ войскамъ 60 т. левовъ (15 т. рублей), которые были раздѣлены нижнимъ чинамъ нашего и Турецкаго отрядовъ, равно и судовъ, состоявшихъ въ моемъ вѣдѣніи <sup>13)</sup>. Я докладывалъ султану о содержаніи рапорта полковника Дюгамеля, и сказалъ, что переводъ съ этого рапорта отправленъ къ Сераскиру. Онъ все это

<sup>13)</sup> У меня тогда находилось, кромѣ фрегата, нѣсколько транспортовъ, привезшихъ продовольствіе изъ Россіи.

Выслушалъ съ удовольствіемъ. Между шутокъ, Султанъ хвалился высылкою изъ Царяграда Симонистовъ, коихъ онъ признавалъ безпокойными и вредными людьми.

По окончаніи смотра, вновь присоединившаяся къ намъ Турецкая кавалерія отправилась въ свои казармы; артиллерія же осталась ночевать у насъ съ офицерами и прислугою.

Слѣдующій день она также провела съ нами и осталась во все время пребыванія нашего въ лагерь, какъ будто забытая отъ своихъ главныхъ начальниковъ; почему я приказалъ показывать ее въ вѣдомостяхъ о состояніи войскъ, и она поступила въ составъ отряда подъ мое начачество. Объ этомъ смотрѣ была напечатана статья въ *Moniteur Ottoman*.

\*

Вслѣдъ за отрывками изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго помѣщаемъ статью, въ которой выведена достопамятная личность отца его, тоже Николая Николаевича. Читатели увидятъ, въ какой средѣ воспитывались люди, подобные Муравьеву-Карскому. *И. Б.*

## ВОСПОМИНАНІЯ Н. В. БАСАРГИНА

**объ учебномъ заведеніи для колоновожатыхъ и объ учредителѣ его генералъ-маіорѣ  
Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.**

Недавно случилось мнѣ прочесть краткую біографію г. м. Николая Николаевича Муравьева, изданную въ 1852 году нѣкоторыми изъ бывшихъ его воспитанниковъ. Она была напечатана въ немногихъ только экземплярахъ и предназначалась, какъ предметъ воспоминанія, для тѣхъ, кто находилъ нѣкогда въ его учебномъ заведеніи (1). Будучи однимъ изъ воспитанниковъ этого заведенія, я съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ эту маленькую брошюрку, напомнившую мнѣ давно минувшее былое. вмѣстѣ съ тѣмъ она подала мнѣ мысль, изложить нѣкоторыя собственные мои воспоминанія о незабвенномъ для меня корпусѣ колонновожатыхъ и достойномъ его основателѣ и начальникѣ.

(1) Біографія Н. Н. Муравьева была напечатана въ *Современникѣ* 1852 (Май) и вышла также въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ съ портретомъ Муравьева. Она написана (по соглашенію съ товарищами) однимъ изъ воспитанниковъ Муравьева, Н. В. Путаюто. Къ ней присоединены списки лицъ, получившихъ образованіе въ Муравьевской школѣ. *И. Б.*

Сорокъ три года тому назадъ, я пріѣхалъ въ Москву, семнадцатилѣтнимъ юношей, чтобы начать свое служебное поприще. Не имѣя опредѣленной цѣли, безъ всякой протекціи, при весьма поверхностномъ образованіи, и при матеріальныхъ средствахъ самыхъ ничтожныхъ, но съ пламеннымъ желаніемъ просвятить себя умственному и полезному труду, я нѣкоторое время не зналъ, на что рѣшиться, и какъ начать свой трудный путь самостоятельной жизни. Матери (2) у меня не было, (я лишился ся три года тому назадъ,) и съ ея кончиною прекратилось мое ученье. Три лучшіе года юности я, какъ говорится, билъ баклуши у отца въ деревнѣ. Онъ былъ уже человѣкъ пожилой, чрезвычайно добрый, но съ устарѣлыми помѣщичьими понятіями, п считалъ образованіе скорѣе роскошью, чѣмъ необходимостью.

(2) Мать Н. В. Басаргина, Екатерина Карл. была урожд. Бланкъ, дочь славнаго архитектора Карла Ивановича Бланка и тѣтка нынѣшнихъ дѣятелей Тамбовскаго земства. *И. Б.*

Я самъ, уже достигнувши 17-лѣтняго возраста, долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать изъ себя что нибудь годное. Когда я передалъ отцу мое намѣреніе ѣхать въ Москву, онъ не противился, съ чувствомъ благословилъ меня, и снабдилъ небольшою суммою денегъ.

Прибывъ въ столицу, я сообразилъ мои финансовыя средства, и увѣрившись, что при строгой экономіи можно прожить ими годъ-другой, рѣшился поступить вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, чтобы потомъ держать экзаменъ. Являсь къ тогдашнему ректору И. А. Гейму, я получилъ отъ него записку о дозволеніи посѣщать лекціи. На другой день утромъ рано я былъ уже въ классъ, но, пришедши гораздо прежде преподавателя, такъ былъ возмущенъ неприличнымъ поведеніемъ и дерзостію нѣкоторыхъ подобныхъ мнѣ юныхъ слушателей, что съ прискорбіемъ долженъ былъ отказаться отъ университетскихъ лекцій, и возвратился домой, не зная, что съ собою дѣлать.

Я уже было хотѣлъ опредѣлиться на службу въ сенатъ и оставить намѣреніе докончить свое воспитаніе, но, встрѣтись случайно съ А. А. Т-ъ, только что произведеннымъ тогда изъ пажей въ офицеры квартирмейстерской части, и узнавъ отъ него о существованіи корпуса коновожатыхъ, въ которомъ находился тогда родной его братъ, я рѣшился поступить въ это заведеніе. Добрый Т-ъ по просьбѣ моей согласился охотно самъ представить меня генералу Муравьеву.

На другой день утромъ мы отправились съ нимъ къ Никол. Никол. Съ первыхъ словъ этого достойнаго человѣка нельзя было не почувствовать къ нему сердечнаго влеченія. Распросивъ меня съ участіемъ обо всемъ, до меня относящемся, и вникнувъ въ подробности моего положенія и моего воспитанія, онъ съ отеческою заботливостію объяснилъ мнѣ все, что требуется для поступленія въ его корпусъ и что ожидаетъ каждая

го изъ его воспитанниковъ, при хорошемъ или худомъ прилежаніи и поведеніи. Къ счастью моему, объяснивъ ему откровенно мои скромныя познанія въ русскомъ и французскомъ языкахъ, въ исторіи, географіи и ариѳметикѣ, и былъ имъ обнадеженъ, что они достаточны, чтобы выдержать экзаменъ для поступленія въ его учебное заведеніе, и онъ тутъ же согласился принять меня учащимся съ тѣмъ, чтобы, по представленіи свидѣтельства о дворянствѣ, допустить къ испытанію въ коновожаты.

Въ слѣдующее утро, я уже сидѣлъ на класной скамейкѣ. Преподававшій офицеръ (Н. Ѳ. Бахметевъ) былъ предупредоменъ генераломъ и, сдѣлавъ мнѣ легкое испытаніе въ ариѳметикѣ и русской грамматикѣ, объявилъ, что я поступаю въ его классъ т. е. послѣдній или, лучше сказать, малолѣтній.

Въ этомъ классѣ я былъ старше всѣхъ лѣтамъ, и признаюсь, мнѣ было какъ то совѣстно сидѣть съ дѣтьми. Всѣхъ насъ было человѣкъ около тридцати. Нашъ классъ былъ самый шумный и далеко не отличался прилежаніемъ. Преподавателю стоило не мало труда объяснить ученикамъ предметъ свой и наблюдать за тишиною въ классѣ. Юные товарищи мои, изъ коихъ нѣкоторые были богатые матушкины сынки, не очень боялись своего наставника, который въ свою очередь былъ еще такъ молодъ, что легко понималъ ихъ невнимательность къ его увѣщаніямъ, и потому снисходительно извинялъ многое. Самое главное наказаніе было: оставленіе въ классѣ безъ обѣда. Рѣдко проходилъ день, чтобы кто нибудь не подвергался этому наказанію.

Помню, съ какимъ бывало уваженіемъ мы смотрѣли на воспитанниковъ вышихъ классовъ, и какъ завидовали, смотря въ двери, до начатія лекцій, на учащихся 3-го класса, когда они повторяли свои уроки, черти мѣломъ на черной большой доскѣ геометрическія фигуры или рѣшая алгебраическія задачи. Все это казалось намъ недоступною пре-

мудростію. И какъ благодарны мы были, когда кто нибудь изъ нихъ приходилъ къ намъ, и съ самодовольною улыбкою объяснялъ какое нибудь нехорошо понятое нами правило ариѳметики.

Въ корпусѣ было всего пять классовъ: *четвертый* классъ или самый послѣдній (въ брошюркѣ онъ названъ пригготовительнымъ), 2-е отдѣленіе *третьяго* класса, 1-е отдѣленіе *третьяго* класса, *второй* и *первый*. Въ годъ проходилъ весь курсъ математики, необходимой для офицерскаго экзамена, такъ что колоновожатый, который выдерживалъ каждый разъ переводный изъ класса въ классъ экзаменъ, могъ пройти весь курсъ въ одинъ годъ и удостоиться испытанія въ офицеры. Но если кто хотя одинъ разъ оставался въ прежнемъ классѣ, тотъ уже только въ слѣдующій годъ могъ быть выпущенъ. Вотъ почему юные товарищи мои въ 4-мъ классѣ не слишкомъ заботились объ ученіи. По лѣтамъ ихъ нельзя было произвести въ офицеры, и потому они не старались переходить въ высшіе классы. Что же касается до меня, то, сознавая всю пользу и собственную выгоду въ прилежномъ ученіи, я рѣшился, во что бы ни стало, выдерживать каждый разъ переходные экзамены, и какъ и вступилъ въ корпусъ при началѣ курса, то и надѣялся въ теченіе года пройти все, что требовалось для офицерскаго экзамена.

Кромѣ математики преподавались и другія науки. Въ 4-мъ проходила или, лучше сказать, повторялась русская грамматика, священная исторія, кромѣ того мы писали подъ диктовку по-русски и по-французски и занимались черченіемъ и ситуационною рисовкою. Въ 3-мъ—россійская и всеобщая исторія, географія, полевая фортификація и рисовка. Во 2-мъ—долговременная фортификація, всеобщая исторія, черченіе и рисованіе плановъ, правила малой и средней съемки съ объясненіемъ употребленія инструментовъ. Наконецъ въ 1-мъ—тактика, краткая военная исторія,

геодезія, правила большей съемки <sup>(3)</sup>. Военную исторію и тактику читалъ самъ генералъ, и надобно было видѣть, съ какимъ всегда удовольствіемъ шелъ къ нему въ классъ. Объяснялъ онъ чрезвычайно ясно, говорилъ увлекательно, прилѣпивая въ свою лекцію множество любопытныхъ и поучительныхъ анекдотовъ изъ своей долговременной военной жизни, и все это передавалось имъ съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и понятій каждаго изъ его слушателей, что его лекціи считались не ученіемъ, а скорѣе отдохновеніемъ и пріятною поучительною бесѣдою.

Сначала мнѣ было очень трудно не отставать отъ преподаванія и идти вмѣстѣ съ тѣми, которые слушали его во второй и третій разъ. Я просиживалъ цѣлыя ночи за учебными книгами и за грифельною доскою. Во 2-е отдѣленіе 3-го класса я выдержалъ испытаніе хорошо и былъ переведенъ, но въ этомъ классѣ, гдѣ по части математики все было для меня ново, требовались съ моей стороны большія усилія, чтобы не отставать отъ преподаванія. Напряженные занятія, ночи проводимыя безъ сна, тревожная забота, чтобы выдержать предстоящій экзаменъ, все это подѣйствовало на мое слабое и безъ того здоровье. Къ этому присоединилась простуда, и я серьезно занемогъ грудною болѣзнію и кровохарканіемъ.

Дѣлать было нечего, слѣдовало лечиться и оставаться дома <sup>(4)</sup>. Но и тутъ я не хотѣлъ запускать ученія и оставлять надежды на переходъ въ слѣду-

<sup>(3)</sup> Распредѣленіе предметовъ преподаванія въ послѣдствіи нѣсколько измѣнилось, какъ видно изъ упомянутой брошюры, а равно часы преподаванія и другія подробности.

<sup>(4)</sup> Жили мы по своимъ домамъ и ежедневно ходили въ классы, въ домъ генерала. Колоновожатые—какъ юнкера—не имѣли права ѣздить, а должны были ходить пѣшкомъ и только въ 15<sup>ю</sup> морозу позволялось имъ надѣвать шинели. Я строго соблюдалъ эти правила (съ конца января 1818 г. я былъ уже колоновожатымъ) и простудился, путешествуя четыре раза въ день, въ одномъ мундирѣ, отъ Каменнаго Моста на Большую Дмитровку и обратно.

ющій классъ. Подружившись съ нѣкоторыми изъ колонновожатыхъ высшихъ классовъ, я просилъ одного изъ нихъ сжедневно навѣщать меня, и повторять со мною каждую новую лекцію — безъ меня пройденную. вмѣстѣ съ тѣмъ я обложилъ себя учебными курсами, и такимъ образомъ на болѣзненномъ одрѣ слѣдилъ за преподаваніемъ. Надобно замѣтить здѣсь, что въ нашемъ заведеніи, между взрослыми воспитанниками, существовала такая связь и такое усердіе помогать другъ другу, что каждый съ удовольствіемъ готовъ былъ отказываться отъ самыхъ естественныхъ для молодости удовольствій, чтобы передавать или объяснять товарищу то, что онъ или не хорошо понималъ, или когда случайно пропускалъ лекцію. Сами даже офицеры на дому своемъ охотно занимались съ тѣми, кто просилъ ихъ показать что нибудь не понятое ими. Случалось даже обращаться за поясненіями къ самому генералу, и онъ всегда съ удовольствіемъ удовлетворялъ нашу любознательность. Этотъ духъ товарищества и взаимнаго желанія помогать другъ другу, былъ слѣдствіемъ того направленія, которому онъ умѣлъ подчинить наши юные умы.

Въ это время помощникомъ генерала и инспекторомъ классовъ, былъ его сынъ шт. кап. гвардейскаго генеральнаго штаба М. Н. Муравьевъ, нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ<sup>(5)</sup>. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ колонновожатыхъ въ низшихъ классахъ, иногда ложно сказываются больными и пропускаютъ лекціи, свободно гуляя по столицѣ. Для прекращенія этого безпорядка, онъ испросилъ у отца своего разрѣшеніе отправлять показывающихся больными въ военный лазаретъ. Это распоряженіе сильно оскорбляло наше самолюбіе, и мы считали его въ высшей степени не справедливымъ. Какъ нарочно, я занемогъ въ это самое время и получилъ записку отъ дежурнаго офицера, что если завтра не явлюсь въ

классы, то буду отправленъ въ больницу. Такая строгость сильно меня огорчила. Мнѣ казалось, что прилежаніемъ моимъ я представилъ достаточное ручательство въ моемъ ревностномъ желаніи учиться, и что распоряженіе, относящееся болѣе до малолѣтнихъ учениковъ, не слѣдовало бы примѣнять ко мнѣ. Сверхъ того, по общему нашему понятію, отправленіе въ больницу унижало меня въ глазахъ прочихъ. Къ тому же въ лазаретѣ, я не могъ продолжать своихъ домашнихъ учебныхъ занятій, да и товарищъ мой не могъ уже посѣщать меня. Все это ужасно какъ меня взволновало, и, не зная какъ поступить, я рѣшился отправиться прямо къ генералу и объяснить ему мое положеніе. Хотя тогда мнѣ уже сдѣлалось нѣсколько лучше, но я былъ еще такъ слабъ, что едва могъ одѣться. По блѣдному, исхудалому лицу моему можно было судить о моей тяжелой болѣзни. Идти пѣшкомъ я не могъ и, на этотъ разъ, считалъ себя въ правѣ нарушить запрещеніе ѣздить. Закутавшись въ шинель, сѣлъ я на извозчика, и велѣлъ ѣхать прямо къ Ник. Ник.. Это было послѣ обѣда. Я подѣхалъ къ крыльцу; никого не встрѣтивъ и войдя въ залу, попросилъ доложить о себѣ; генералъ сейчасъ же вышелъ, и, увидѣвъ меня, съ сожалѣніемъ и участіемъ спросилъ — что мнѣ надо? Съ волненіемъ, почти со слезами, рассказалъ я ему объ оскорбленіи, которое чувствовалъ, и о томъ, какъ мало заслужилъ подобную строгость. Добрый Н. Н., видя, что я говорю правду, и что лице мое служитъ явнымъ этому доказательствомъ, старался меня успокоить, обѣщая до совершеннаго моего выздоровленія оставить меня дома, не требуя никакихъ донесеній и доказательствъ о моей болѣзни. Онъ обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать объ этомъ сыну и въ заключеніе взялъ съ меня слово — не выходить съ квартиры до тѣхъ поръ, пока совѣтъ не оправдуюсь.

Успокоенный его словами и участіемъ, я возвратился домой въ веселомъ

<sup>(5)</sup> Писано вѣроятно около 1860 года, по возвращеніи изъ Сибири. *И. Б.*

расположеніи духа. Какъ будто цѣлая гора свалилась съ плечъ моихъ. Послѣ этого я продолжалъ лечиться и по прежнему заниматься. Когда же выздоровѣлъ, то наступила уже масляница, и въ классахъ начались экзамены. Являсь къ генералу, я рассказалъ ему, что въ продолженіи болѣзни учебныя занятія мои не прекращались, и просилъ дозволить мнѣ вмѣстѣ съ прочими держать экзаменъ въ 1-е отдѣленіе 3-го класса, съ тѣмъ однакожь, чтобы мой экзаменъ отложить до перваго дня великаго поста, потому что въ свободные дни масляницы я успѣю еще лучше себя къ нему приготовить. Онъ охотно согласился на это, и такимъ образомъ, благодаря снисходительности Николая Николаевича, его участію къ моему положенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радушному усердію моего товарища, я перешелъ въ свое время въ высшій классъ.

Все это я говорю для того только, чтобы показать, какъ добръ и снисходителенъ былъ Ник. Ник., какъ онъ зналъ cadaго изъ своихъ воспитанниковъ, и какъ умѣлъ привлечь къ себѣ ихъ сердца. Найдутся конечно люди даже и теперь, а тогда ихъ было еще больше, которые утверждали и утверждаютъ, что одною только строгостію можно дойти до хорошихъ результатовъ при воспитаніи юношества. Генералъ Муравьевъ и его учебное заведеніе служатъ неопровержимымъ доказательствомъ противнаго. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ вышедшіе изъ этого заведенія молодые люди отличались—особенно въ то время—не только своимъ образованіемъ, своимъ усердіемъ къ службѣ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но и прямою, честностію своего характера. Многіе изъ нихъ теперь уже государственные люди, другіе — мирные граждане; нѣкоторымъ пришлось испить горькую чашу испытаній, но всѣ они — я увѣренъ — честно шли по тому пути, который выпалъ на долю cadaго, и съ достоинствомъ сохранили то, что было

посѣяно и развито въ нихъ, въ юношескія ихъ лѣта.

При поступленіи моемъ въ корпусъ колоновожатыхъ, штабъ его былъ слѣдующій: начальникомъ ген. маіоръ Ник. Ник. Муравьевъ, помощникомъ его сынъ гвардіи генералъ штаба, штабсъ-капитанъ Мих. Ник. Муравьевъ; офицерами преподавателями: гвардіи подпоручикъ Пет. Ив. Колошинъ, квартирмейстерской части подпоручики Христіани, Вельяминовъ-Зерновъ и Бахметевъ. Вскорѣ былъ второй выпускъ. Изъ вновь произведенныхъ были оставлены при корпусѣ прапорщики Зубковъ, Крюковъ и князь Шаховскій. Бахметевъ же и Вельяминовъ-Зерновъ выбыли изъ корпуса. Въ 4-мъ классѣ математику преподавалъ сначала Бахметевъ, и потомъ Зубковъ и временами кн. Шаховскій. Въ обоихъ отдѣленіяхъ 3-го класса Крюковъ и князь Шаховскій, во второмъ Христіани, въ первомъ Колошинъ. Тактику читалъ самъ генералъ, полсвую и долговременную фортификацію Колошинъ. Онъ же и Шаховскій—всеобщую, и русскую исторію и географію. Рисованье и черченье сначала Христіани, а потомъ прикомандированный къ корпусу капитанъ Діаконовъ. Сверхъ того Колошинъ и Христіани исправляли по временамъ должность помощника инспектора, а прочіе офицеры по очереди дежурили по корпусу. Лѣтомъ 1818 года, колоноважатый Лачиновъ, бывший въ Персіи съ генераломъ Ермоловымъ, былъ произведенъ за отличіе и оставленъ при корпусѣ.

Съ ноября до начала мая, корпусъ находился въ Москвѣ. Классы и чертежная помѣщались во флигелѣ дома, принадлежавшаго генералу, на Большой Дмитровкѣ<sup>(6)</sup>. Самый домъ былъ тогда занятъ Англійскимъ клубомъ, и одну изъ пристроекъ его на дворѣ занималъ Ник. Ник. Всѣ колоновожатые и офицеры жили на своихъ квартирахъ. Первые получали по 150 руб. асс. въ годъ жа-

(6) Нынѣ Рудакова. И. Б.

лованья, а послѣдніе по чинамъ ихъ. Классы начинались въ лѣтніе мѣсяцы въ 8 часовъ утра, а въ зимніе въ 9 и продолжались до 12 и до часа. Послѣ обѣда же отъ 2 до 6-ти. Слѣдовательно учились всего восемь часовъ въ день. Математическія лекціи были ежедневно по одной, для каждаго класса, но иногда и по двѣ. Рисовальный общій классъ тоже каждый день. Прочіе по три раза въ недѣлю; но иногда случалось, что и послѣдніе преподавались ежедневно. Вообще на это не было положительнаго правила. Такъ какъ всѣ предметы преподавались по программѣ, то случалось иногда, что въ одномъ предметѣ преподаватель оканчивалъ курсъ, а въ другомъ онъ же, или другой, былъ еще далеко отъ конца. Тогда лекціи послѣдняго учащались. Наблюдали только, чтобы къ приблизительно назначенному времени, преподаваніе всего, что входило въ программу каждаго класса оканчивалось одновременно, и тогда начинались переводные экзамены. Тѣ, которые выдерживали ихъ, поступали въ высшій классъ, а съ оставшимися и вновь поступившими изъ низшаго класса, начинался прежній курсъ. Въ маѣ мѣсяцѣ колоновожатые отправлялись подъ надзоромъ офицеровъ въ село Осташево — имѣніе генерала Муравьева въ 100 верстахъ отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ<sup>(7)</sup>. Тамъ размѣщались они въ деревнѣ по крестьянскимъ квартирамъ. Въ то же время прїѣзжалъ туда и самъ генералъ. Тутъ начинались лѣтнія занятія, фронтное ученіе, съемка и т. д. Для прочихъ классовъ, кромѣ втораго, научныя занятія съ прїѣздомъ въ Осташево прекращались, по 2-му классу преподаваніе продолжалось до окончанія всего класснаго курса. Тѣ изъ колоновожатыхъ этого класса, которые оказывались, по экзамену, достойными къ переводу въ первый, предназнача-

лись, вмѣстѣ съ находившимися уже въ немъ, къ офицерскому экзамену, и имъ всѣмъ около половины сентября, т. е. въ то время когда кончались лѣтнія занятія, начиналось преподаваніе предметовъ, входящихъ въ программу перваго класса. Въ Осташевѣ обыкновенно оставались до начала зимы, или лучше сказать до окончанія всего курса первому классу; такъ что по возвращеніи въ Москву первоклассные колоновожатые въ корпусѣ уже не учились, а занимались у себя повтореніемъ всего пройденнаго въ продолженіи года и приготовленіемъ къ офицерскому экзамену, который, смотри по обстоятельствамъ, бывалъ иногда въ декабрѣ, иногда въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ<sup>(8)</sup>.

Вообще жизнь въ Осташевѣ и лѣтнія занятія очень намъ всѣмъ нравились. На квартирахъ у крестьянъ мы помѣщались по двое и по трое. Каждый избиралъ себѣ въ товарищи того, съ кѣмъ онъ былъ болѣе близокъ, кто болѣе сходилъ съ нимъ въ характерѣ и въ образѣ мыслей. При этомъ входили въ расчетъ и обоюдныя финансовыя средства. Богатые обыкновенно жили по одиночкѣ, или съ такими же богатыми. Имѣвшіе ограниченныя способы находили равныхъ себѣ по состоянію. Хотя многіе изъ колоновожатыхъ были люди зажиточные, даже богачи и знатнаго аристократическаго рода, но это не дѣлало разницы между ними и небогатыми, исключая только неравенства расходовъ. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость тогдашнему корпусному начальству. Какъ самъ генералъ, такъ и всѣ офицеры не оказывали ни малѣйшаго предпочтенія однимъ передъ другими. Тотъ только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно велъ себя, пользовался спра-

(7) Село Осташево Можайску. у., принадлежавшее тогда князю Урусову (вотчину Муравьева), нынѣ принадлежитъ Николаю Павловичу Шипову. П. В.

(8) То что я говорю здѣсь относится до 818 и 819 годовъ, когда я былъ въ корпусѣ сначала колоновожатымъ, а потомъ офицеромъ и преподавателемъ. Послѣ меня, т. е. отъ марта мѣсяца 820 до 824 года, дѣлаемы были нѣкоторыя измѣненія, а наконецъ и самый корпусъ переведенъ въ Петербургъ.



ведливымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ товарищей. Замѣчу здѣсь, что всего чаще даже попадались подъ взысканіе молодые аристократы. Имѣя болѣе средствъ, они иногда позволяли себѣ юношескія шалости, за которыя нерѣдко сажали ихъ подъ арестъ. Между нами самими, богатство и знатность не имѣли особеннаго вѣсу, и никто не обращалъ вниманія на эти прибавочныя къ личности преимущества. Да и сами тѣ, которые ими пользовались, нисколько не гордились этимъ, никогда не позволяли себѣ поднимать высоко голову передъ товарищами, которые въ свою очередь не допустили бы ихъ глядѣть на себя съ высоты такого пьедестала.

Вотъ порядокъ, который былъ введенъ во время пребыванія нашего въ деревнѣ. Всѣ колоновожатые были раздѣлены на нѣсколько отдѣленій, человѣкъ по 10 и по 12. Начальникомъ каждаго назначался одинъ изъ старшихъ колоновожатыхъ перваго класса. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы наблюдать за воспитанниками своего отдѣленія. Въ 9 часу вечера онъ долженъ былъ собрать и вести свое отдѣленіе на перекличку къ дежурному офицеру, и потомъ, по пробитіи зари и по сигналу изъ пушки, обойти въ 10 часовъ всѣхъ своихъ колоновожатыхъ, осмотрѣть, дома ли каждый изъ нихъ, и потушить у нихъ огонь. Потомъ всѣ начальники отдѣленій вмѣстѣ отправлялись къ дежурному офицеру и рапортовали ему или объ исправномъ состояніи всего, что подлежало ихъ надзору, или доносили о томъ, если что оказывалось не въ должномъ порядкѣ; напр. если кого изъ колоновожатыхъ не было дома или когда собравшіеся вмѣстѣ отказывались разойтись и тушить огонь. Дежурный офицеръ, по полученіи рапортовъ отъ начальниковъ отдѣленій, шелъ къ генералу и въ свою очередь обо всемъ доносилъ ему. На другой день въ 8 часовъ, также по пушечному сигналу, начальники опять вели свое отдѣленіе къ старому дежурному, ко-

торый сдавалъ дежурство новому, а сей послѣдній, сдѣлавъ перекличку, объявлялъ колоновожатымъ ихъ занятія на этотъ день. Потомъ всѣ расходились по квартирамъ, и, напившись чаю, собирались отдѣленіями къ новому дежурному, который въ 9 часовъ, и также по пушкѣ, велъ ихъ въ домъ генерала, для предназначенныхъ имъ занятій.

Эти занятія состояли въ лекціяхъ, въ рисовкѣ плановъ, въ черченіи и въ одиночномъ и фронтномъ ученіи, для чего нарочно назначался въ корпусъ, на лѣтніе мѣсяцы, знающій свое дѣло унтеръ-офицеръ. Въ 12 часовъ утренніе классы кончались, и колоновожатые подъ надзоромъ дежурнаго офицера возвращались на свои квартиры. Въ два часа, также по сигналу и тѣмъ же порядкомъ, они шли опять къ своимъ занятіямъ, а въ шесть прекращали ихъ.

Эта жизнь въ деревнѣ, исключавшая всѣ другія свѣтскія развлеченія, кромѣ общества своихъ товарищей и такихъ удовольствій, въ которыхъ всякій могъ участвовать, чрезвычайно калѣб сближала молодыхъ людей между собою и способствовала къ основанію самыхъ прочныхъ между ними связей. Многіе изъ колоновожатыхъ, находившіеся въ одно время въ корпусѣ, остались въ послѣдствіи на всю жизнь въ самыхъ близкихъ и дружескихъ между собою отношеніяхъ, не смотря даже на различіе ихъ общественныхъ положеній. Сверхъ того она много содѣйствовала къ возбужденію особеннаго рвенія къ ученю и полезнымъ занятіямъ. Примѣръ прилежныхъ, старательныхъ воспитанниковъ, заслужившихъ безукоризненнымъ поведеніемъ своимъ вниманіе начальства, не могъ не дѣйствовать благотѣльно на юные умы и нравственность остальныхъ.

Справедливость требуетъ сказать, что добрый начальникъ нашъ умѣлъ всегда отличать тѣхъ, кто того заслуживалъ. Но онъ дѣлалъ это такимъ образомъ, что самолюбіе другихъ не было оскорблено. Всякій видѣлъ въ его особенномъ

расположеніи къ кому нибудь справедливую дань прилежанію и нравственнымъ качествамъ, такъ что большею частію тотъ, кого онъ отличалъ, былъ въ тоже время любимцемъ и своихъ товарищей. Странная вещь—молодежь по какому то инстинкту почти всегда очень вѣрно судить и дѣлаеть свои заключенія о каждой личности изъ своей среды. Отъ безотчетнаго ея наблюденія не скроются никакіе недостатки, какъ бы ни старался иной таить ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Послѣдствія всегда оправдывали то мнѣніе, которое составлялось въ нашемъ учебномъ заведеніи объ каждомъ изъ воспитанниковъ. Мнѣ самому случилось встрѣтить, послѣ весьма продолжительнаго времени, нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по корпусу, и я былъ удивленъ, найдя въ пожилыхъ уже людяхъ, въ отцахъ семейства, въ важныхъ общественныхъ лицахъ, тѣ самыя черты и особенности характера, на которыхъ мы основывали нѣкогда свое объ нихъ мнѣніе.

Нельзя, чтобы не случилось иногда между 70-ю юношами какихъ нибудь шалостей, какихъ нибудь предосудительныхъ поступковъ. Безнаказанно не проходило ничего. Но тутъ поступаемо было Ник. Ник — мѣ съ величайшимъ тактомъ, съ большою осмотрительностью и совершеннымъ знаніемъ юношеской природы. Принималась въ соображеніе — не столько самый проступокъ, сколько причина, побудившая къ нему. Если эта причина не имѣла въ себѣ ничего противнаго правиламъ нравственности, если это было увлеченіе, слѣдствіе прежняго неправильнаго воспитанія, пылкаго характера, необдуманности, рѣзвости, однимъ словомъ если провинившійся не сдѣлалъ ничего такого, что бы унижало его — наказаніе было легкое, иногда ограничивалось простымъ выговоромъ, или увѣщаніемъ. Но за то, когда поступокъ показывалъ испорченность характера, явный предосудительный порокъ, тогда взыскивалось очень строго, и виновный подвергался иногда исключенію

изъ заведенія. Въ этомъ случаѣ, генераль Муравьевъ какъ будто предугадывалъ правила будущаго царственнаго руководителя общественнаго воспитанія въ Россіи, который въ послѣдствіи съ такою любовію, съ такою отеческою снисходительностію поступалъ не разъ съ провинившимися воспитанниками Русскихъ учебныхъ заведеній. Воображаю, какъ бы порадовался нашъ добрый бывший начальникъ теперешней системѣ воспитанія и тому, что дѣлается съ нѣкотораго времени для блага Россіи.

Въ настоящее оградное время, молодые люди, выпущенные изъ корпусовъ и служащіе въ учебныхъ заведеніяхъ и въ войскахъ, конечно уже хорошо понимаютъ всю пользу справедливаго, кроткаго обращенія съ подчиненными, не только изъ дворянъ, но даже и изъ простаго сословія. Но еще не такъ давно, а тѣмъ болѣе сорокъ лѣтъ тому назадъ, надобно было имѣть слишкомъ высокое образованіе и особенную твердость и въ характерѣ и въ убѣжденіяхъ, чтобы дѣйствовать вопреки господствовавшей системѣ военнаго воспитанія. Надѣвая тогда мундиръ, юноша долженъ былъ отказываться отъ своей личности, смотрѣть на все глазами начальника, мыслить его умомъ, дѣлать безъ разсужденія все, что ему приказывалось. Горе было тому юношѣ, который осмѣливался отступить хотя сколько нибудь отъ этого правила. Потеря всей карьеры, и нерѣдко и тяжелое наказаніе на всю жизнь — было его удѣломъ. Не такъ поступалъ съ своими питомцами Ник. Ник. Онъ иногда радовался даже, когда замѣчалъ проявленіе самостоятельной личности, и не стѣсняя юный разсудокъ, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное.

Свободное отъ занятій время мы посвящали дружескимъ бесѣдамъ; сходились по нѣскольку человекъ у кого либо изъ своихъ товарищей, гдѣ была по просторіиѣ квартира, читали вслухъ, играли въ шахматы (карты воспрещалъ

лись), или, закуривъ трубки, толковали о томъ, что могло иногда занимать насъ. Собирались также и съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ повторять то, что намъ преподавалось. Тутъ каждый охотно помогаль другому и объясняль, въ чемъ тотъ затруднялся. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ вѣдили верхами по окрестностямъ, играли въ мячъ, въ городки и въ бары. Помню, что послѣдняя игра очень намъ нравилась. Она могла быть конная и пѣшая. Конная была гораздо занимательнѣе. Мы скакали другъ за другомъ по всему пространству обширнаго дуга, примыкавшаго къ деревнѣ, и для глазъ это была прекрасная картина. Но она не всегда оканчивалась благополучно. Случались нерѣдко паденія и уши бы, и отъ того она дозволялась намъ только при участіи офицеровъ, которые наблюдали за порядкомъ и не допускали играющихъ очень горячиться. Пѣшая же была безопасна, и имѣла слѣдствіемъ одну усталость.

Весною пребываніе наше въ Остапевѣ было непродолжительно. Въ концѣ мая мы всѣ разтѣзжались на съемку Московской губерніи. Съемка была трехъ родовъ: большая, средняя и малая. Двѣ первыя предназначались для составленія общей тригонометрической сѣти. Въ первой употребляли повторительный кругъ, а во второй теодолиты. Малая или топографическая производилась астрелибіями и планшетами при 100 и 250 саженомъ масштабѣ на англійскій дюймъ. На большую и среднюю назначалось по офицеру съ нѣсколькими колоновожатыми, а на малую нѣсколько партій, состоящихъ отъ 10 до 12 человекъ—каждая подъ начальствомъ офицера. При всякомъ инструментѣ малой съемки находился одинъ изъ старшихъ колоновожатыхъ и одинъ или два изъ младшихъ. Кромѣ того для носки цѣпи, кольевъ и инструментовъ давалось каждой партіи отъ 20 до 25 нижнихъ чиновъ изъ команды, которая высылалась къ намъ, сейчасъ по прибытіи въ Остапего, на все лѣтнее время, стоявшею вблизи

артиллерійскою бригадою. Такихъ партій на малую съемку отправлялось три или четыре.

Въ первый годъ, когда я былъ еще колоновожатымъ, досталось мнѣ быть въ партіи, снимавшей окрестности Москвы. Офицеромъ у насъ былъ В. Х. Христиани, и пребываніе его было въ Москвѣ. Мнѣ дали планшетъ, двухъ помощниковъ и четырехъ солдатъ. Съемка была очень подробная, 100 сажень въ дюймѣ. Я трудился усердно и въ продолженіи лѣта снялъ до 20 планшетовъ, или около сотни квадратныхъ верстъ. Названіе нѣкоторыхъ мѣстъ я уже теперь забылъ, но припоминаю Царицыно, Остапкино, Архангельское и деревни Верхніе и Нижніе Котлы. Помню также, какъ встревожила наша съемка крестьянъ. Съ какимъ любопытствомъ и недоувѣрчивостію они смотрѣли на наши занятія! Имъ вообразилось, что у нихъ отбираютъ землю, и они всѣми средствами старались затруднить наши работы: весьма неохотно отводили квартиры и давали подводы, а иногда очень грубо отказывались отъ всякаго пособія и даже стращали изломать инструменты, а насъ поподчивать кольями. Но послѣ нѣкотораго времени все это уладилось. Мы платили имъ за все не только исправно, но даже щедро, и подъ конецъ они даже полюбили насъ.

Съ какимъ бывало удовольствіемъ, по окончаніи дневнаго труда и ходьбы, возвратишься на квартиру, напьешься чаю, поѣшь щей, каши, молока, и уляжешься отдыхать съ трубкою и книгою въ рукахъ. Жуковскій (\*), Батюшковъ, русская исторія Карамзина, записки военнаго офицера Глинки, трагедіи Озерова и Вѣстникъ Европы Каченовскаго, съ жадностію читались нами. Для доказательства, какъ воспріимчива наша память въ юныя лѣта, скажу здѣсь, что даже теперь, въ мой сохранилось

(\* Жуковскій находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ и его старшими сыновьями. См. о Муравьевѣ въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 1857 г. т. XI, въ статьѣ о Пріивиднѣихъ.

гораздо болѣе изъ того, что я прочелъ въ то время, нежели то, что я читалъ, хотя и съ большимъ вниманіемъ, въ послѣдствіи. Цѣлыя страницы изъ стиховъ Жуковскаго, Батюшкова, Озерова, я могу прочесть наизусть безъ ошибокъ, хотя съ тѣхъ поръ не заглядывалъ въ ихъ сочиненія.

Къ концу августа мы возвратились въ Осташево, и тогда начались опять классы. Занимались много также и отдѣлкою плановъ нашей сѣмки, вычисленіемъ треугольниковъ для большой и средней тригонометрическихъ сѣтей, равно какъ и прокладкою ихъ. Эти занятія хотя и были довольно скучны, но весьма полезны, какъ приращеніе теоріи къ практикѣ. Я въ это время былъ уже въ первомъ классѣ, выдержавъ весною въ Москвѣ экзаменъ изъ 1-го отдѣленія 3-го класса во второй, а въ Осташевѣ, при отправленіи на сѣмку, изъ 2-го въ 1-й. Выигнувъ хорошо въ математику, я уже шелъ впередъ, безъ большихъ усилій, и былъ увѣренъ, что выдержу офицерскій экзаменъ не хуже другихъ. Въ Осташевѣ стоялъ я вмѣстѣ съ коноводнымъ перваго класса Самойловичемъ, отличнымъ математикомъ, и какъ мы были съ нимъ очень хороши, то онъ съ удовольствіемъ объяснялъ мнѣ всякое затрудненіе. Я много ему обязанъ въ своихъ успѣхахъ.

Вообще весь первый классъ былъ между собою очень друженъ, и это выразилось на дѣлѣ, когда Самойловича, бывшего начальникомъ отдѣленія, хотѣли посадить подъ арестъ за то, что онъ не привелъ одного коноводатаго на перекличку. Всѣ мы отправились къ генералу и почти со слезами просили его извинить ему это упущеніе по службѣ. Генералъ былъ тронутъ такимъ доказательствомъ нашихъ дружескихъ между собою отношеній и удовлетворилъ нашу общую просьбу. Тогда мы, по окончаніи класса, съ триумфомъ принесли на рукахъ Самойловича на его квартиру. Но послѣ этого онъ отказался отъ отдѣленія, и я былъ назначенъ начальникомъ на его мѣсто.

Существовавшее тогда мнѣніе, что неизбѣжные расходы коноводатыхъ, были такъ значительны, что одни только богатые люди могли отдавать дѣтей своихъ въ заведеніе, было совершенно несправедливо, и лучшее доказательство я самъ<sup>(10)</sup>. Средства мои были весьма ограниченны, и могъ издерживать едва тысячу рублей ассигнаціями въ годъ. Этой суммы мнѣ было однакоже очень достаточно на все. Разумѣется, что при этомъ надобно было жить расчетливо. Были богачи, которые проживали тысячъ по 10, по 15 Тянутся за ними было нельзя, да и не для чего. Они курили, или лучше сказать жгли, табакъ въ 25 р. фунтъ. Мы же употребили двухъ-рублевый, и нисколько этого не стыдились. Они издерживали въ конфетной лавкѣ во время пребыванія въ Осташевѣ на одни сладости по тысячѣ и по двѣ, мы же въ нее и не заходили. Они держали по нѣскольку человекъ прислуги, по нѣскольку верховыхъ и упряжныхъ лошадей, мы же ограничивались однимъ человекомъ, а лошади и вовсе не имѣли. Однимъ словомъ, итогъ ежегоднаго расхода зависѣлъ собственно отъ насъ самихъ, а не былъ необходимымъ, одинакимъ условіемъ для каждаго изъ коноводатыхъ.

Къ началу декабря мѣсяца мы возвратились въ Москву, а въ началѣ января назначены были первому классу офицерскіе экзамены. Стало быть намъ оставалось слишкомъ мѣсяцъ на приготовленіе. Весь курсъ ученія былъ нами пройденъ, и мы ходили только часа на два въ день въ чертсжнуку, а иногда на лекцію къ генералу, доканчивавшему съ нами стратегію. Это время было для насъ самое тревожное. Мы по цѣлымъ днямъ и ночамъ сидѣли за учебными книгами; повторяли и по одиночкѣ, и вмѣстѣ, дѣлая по программѣ другъ другу испытанія. Когда станешь бывало повторять, все кажется знаешь, — но лишь только положишь книгу и отой-

<sup>(10)</sup> Надо обратить вниманіе на то, что за ученіе въ школѣ Муравьева никакой платы съ учащихся не брали. *Н. В.*

дешь отъ доски, представляется, что и то не твердо, и другое. Помню, что я обыкновенно приказывалъ своему человѣку будить меня въ три часа ночи, и будить непремѣнно, такъ что если я разосплюсь и не стану вставать, то не смотря ни на что обливать даже меня холодною водою. Человѣкъ у меня былъ почти однихъ со мною лѣтъ, недалънего ума, но очень ко мнѣ преданный. Онъ всегда à la lettre исполнялъ то, что было ему приказано, и не отставалъ отъ меня, пока я не вставалъ съ постели, а раза два употреблялъ даже и воду. Сердиться за это на него я не имѣлъ права.

Такая бессонная и тревожная жизнь могла имѣть вредное вліяніе на здоровье, а занемочь во время экзаменовъ было бы большимъ несчастіемъ. Сверхъ того, утомляясь безпрестанными повтореніями одного и того же, затмѣвалось самое знаніе, а потому, недѣли за двѣ до начатія испытаній, я оставилъ всѣ занятія, чтобы дать головъ освѣжиться и не истощать напрасно физическія силы. Это, я думаю, послужило мнѣ въ пользу, ибо Самойловичъ, знавшій математику лучше меня, но не поступившій такъ же, какъ я, съ меньшею противъ меня ясностію отвѣчалъ на офицерскомъ экзаменѣ.

Наконецъ въ половинѣ января 819 года начались эти экзамены. Всѣхъ первоклассныхъ было 21 человѣкъ. Экзаминаторами были наши офицеры, и изъ нихъ составлялся комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала. Ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресеній, экзаминовали по два человѣка, одного отъ 9 до 12, а другаго отъ 3 до 6 послѣ обѣда. Каждый колошовожатый должень былъ выдержатъ два испытанія, сначала изъ математическихъ наукъ, а потомъ точно такимъ же образомъ изъ остальныхъ. На этихъ экзаменахъ могли бывать и университетскіе профессора, и всякій военный офицеръ ученаго рода войскъ. Нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ посылались пригласительные билеты,

а къ высшимъ сановникамъ, какъ напр. къ Московскому главнокомандующему графу Тормасову и къ корпусному командиру графу Толстому, ѣздилъ съ приглашеніемъ самъ генералъ.

Я былъ седьмымъ по списку въ классѣ, и съ трепетомъ ожидалъ своей очереди. Первые шесть выдержали экзаменъ прекрасно, когда же наступилъ мой день и я пришелъ въ восемь часовъ утра къ генералу, то онъ съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ, что предшественники мои такъ отвѣчали, что уже лучше нельзя, но что онъ желаетъ, чтобы и я выдержалъ не хуже ихъ. Наконецъ пробило 9 часовъ, и я сталъ у доски. Не знаю почему, но противъ моего ожиданія, я нисколько не оробѣлъ, свободно отвѣчалъ на вопросы и также свободно рѣшалъ предлагаемыя задачи. Припоминаю, что при выводѣ одной большой формулы изъ геодезии, переписывая рядъ алгебраическихъ величинъ, я ошибкою поставилъ не ту букву. Хотя экзаминаторы это замѣтили, но меня не предупредили, и я продолжалъ дѣлать выводъ, не замѣчая сдѣланной ошибки. Когда же потомъ у меня вышла не та окончательная формула, то я сей часъ понялъ, отъ чего это произошло, и, обращаясь къ экзаменаторамъ, безъ всякаго смущенія объяснилъ имъ, почему именно оказывается такая разность моего вывода съ настоящею формулою. А какъ переписанная мною строка не была еще стерта, то я и указалъ на ошибочную букву. Это очень понравилось экзаменаторамъ, и они тутъ же сказали мнѣ, что хотя и замѣтили мою ошибку, но не указали на нее, желая узнать, какъ я потомъ выпутаюсь и объясню окончательный выводъ.

По окончаніи экзамена, добрый Ник. Ник. обнялъ меня и сдѣлалъ самое лестное привѣтствіе. Въ экзаменскомъ листѣ моемъ вездѣ стояло — *отлично*. Это значило даже выше полныхъ балловъ. Съ восхищеніемъ я пришелъ домой и потомъ сталъ исподоволь приготавливаться къ другому экзамену въ военныхъ

и другихъ наукахъ, который долженъ былъ наступить для меня недѣли черезъ три.

Второй экзаменъ я выдержалъ также хорошо и получилъ полные балы, но Самойловичъ отвѣчалъ лучше моего и имѣлъ вездѣ отлично, также какъ я въ математикѣ. Между тѣмъ въ математическихкихъ наукахъ онъ былъ сильнѣе меня, а военныя и исторію я зналъ лучше его. Это можетъ объясниться только тѣмъ, что каждый изъ насъ менѣе обращалъ вниманія на тѣ предметы, въ знаніи коихъ онъ былъ увѣренъ<sup>(1)</sup>.

Къ концу февраля наши экзамены кончились, и представленіе о нашемъ производствѣ пошло въ Петербургъ. Мы всѣ тогда занялись приготавленіемъ офицерской амуниціи. Ходили по лавкамъ, закупали шарфы, эполеты, эксельбанты, заказывали мундиры, шинели и т. д., ожидая съ нетерпѣніемъ вождѣннаго приказа. Всякій, кто былъ когда нибудь военнымъ, испыталъ въ свое время наши тогдашнія чувства и наши ожиданія. Съ какимъ бывало удовольствіемъ, вставая по утру, мы предавались невозмутимому *far niente*, и всѣмъ сладостнымъ фантазіямъ нашего воображенія. Посѣщая безпрестанно другъ друга, мы условливались въ неизмѣнной дружбѣ и въ постоянной перепискѣ. Съ какимъ уваженіемъ смотрѣли на насъ остававшіеся въ корпусѣ колоновожатые, завидуя нашему счастью, котораго могли ожидать только черезъ годъ. И какъ внимательно разсматривали мы одинъ у другаго мундиры и офицерскія вещи! Это время можно считать однимъ изъ счастливейшихъ даже въ самой юности.

(1) На этомъ экзаменѣ моемъ присутствовалъ бывший элиг. ад. полковникъ Михаилъ Данилевскій. Онъ спросилъ меня, знаюли я что нибудь изъ исторіи знаменитыхъ осадъ этого и прошлаго столѣтій. Хотя въ программѣ этого не было, но изъ разсказовъ генерала и собственнаго чтенія я кое-что зналъ, и отвѣчалъ ему, что могу разсказать осаду Сарагоссы, что и сдѣлалъ довольно удовлетворительно, такъ что потомъ генералъ благодарилъ меня. Миѣ же это была лучшая награда.

Теперь, когда стоишь на краю могилы, все это кажется обыкновеннымъ слѣдствіемъ — несозрѣвшаго разсудка, юности, не вкусившей еще горькихъ плодовъ житейскаго опыта. Но и теперь не тѣже ли мы юноши съ сѣдинами? Вотъ этого сановникъ, занимающій важный постъ, который такъ неутомимо трудился и сгибался всю свою жизнь, или этотъ дрихлый богачъ, такъ счастливо и съ такимъ умѣньемъ нажившій огромное состояніе, наконецъ эта чиновная старушка, такъ ловко и такъ выгодно составившая блестящія партіи своимъ дочерямъ: не всѣ ли они своего рода дѣти, какъ бы ни высоко стояли они во мнѣніи другихъ и своемъ собственномъ? Пройдетъ годъ, два — покрытая богатой парчой колесница отвезетъ ихъ на общее для всѣхъ пристанище, и тогда, все что они созидали, всѣ эти плоды ихъ опытности, ихъ ума, ихъ разсчета, къ чему они послужатъ для нихъ? Не такими ли они окажутся дѣтьми, гонявшимися за призраками, но съ тою только разницею, что юноша, хотя и увлекается игрушками, но увлекается съ побужденіями болѣе чистыми, болѣе возвышенными и не столь себялюбивыми.

10 марта мы были произведены прапорщиками въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, исключая двухъ, назначенныхъ въ армейскіе полки. Приказъ о производствѣ привезъ генералу князь Меншиковъ, бывшій въ то время генералъ-адъютантомъ, но числившійся по генеральному шабру и находившійся въ это время въ Москвѣ. Помню, что я и человѣка три изъ колоновожатыхъ находились въ тотъ день у генерала въ чертежной. Какъ только Н. П. объявилъ намъ о производствѣ, мы бросили наши занятія и поспекали домой, отпразднвъ съ радостною вѣстію гонцевъ ко всѣмъ товарищамъ. Черезъ часъ или два, всѣ мы уже явились въ новыхъ блестящихъ мундирахъ къ генералу. Онъ весело насъ встрѣтилъ, поздравилъ каждого и

тутъ же объявилъ, что я и еще трое изъ вновь произведенныхъ остаемся на годъ при корпусѣ преподавателями. Это было весьма лестно для насъ и согласовалось вполне съ нашимъ желаніемъ—жить въ Москвѣ, вблизи родныхъ и служить при начальникѣ, котораго мы любили. Вечерамъ почти всѣ мы явились въ театръ, занявъ почти цѣлый рядъ креселъ, что конечно заставило публику догадаться о новомъ выпускѣ изъ Муравьевскаго училища, какъ тогда называли наше заведеніе.

Кромѣ насъ четырехъ остальные товарищи наши назначались кто въ 1-ю армию, кто во 2-ю, кто на Кавказъ. Съ мѣсяцъ они еще прожили и повеселились въ Москвѣ, а потомъ отправились по своимъ мѣстамъ. Грустно мнѣ было раставаться съ нѣкоторыми, но мы дали слово писать другъ къ другу и надѣялись будущую зиму встрѣтиться опять въ Москвѣ, куда многіе изъ нихъ обѣщались пріѣхать въ отпускъ. Мы же четверо, спусти нѣсколько дней, занялись службою въ заведеніи. Меня назначили преподавателемъ во 2-е отдѣленіе 3-го класса, самое тогда многочисленное послѣ 4-го класса.

Передъ Святой я поѣхалъ на 28 дней въ отпускъ къ отцу въ деревню. Старикъ былъ въ восхищеніи, увидавши меня не съ большимъ годъ послѣ разлуки нашей—въ блестящемъ мундирѣ и такъ скоро достигшимъ цѣли своихъ желаній. Онъ признавался мнѣ, что никакъ не ожидалъ, чтобы вышелъ какойнибудь толкъ изъ намѣренія моего положить самому себѣ путь, безъ всякой протекціи, и что отпуская меня страшился, чтобы вмѣсто чегонибудь добраго, не вышла безтолочь и не пострадала вся моя будущность. Въ глазахъ всѣхъ родныхъ моихъ я также много выигралъ и приобрѣлъ ихъ выгодное о себѣ мнѣніе. Меня это чрезвычайно радовало и удовлетворяло очень естественно юное мое самолюбіе.

Въ маѣ по обыкновенію мы отправились опять въ Осташево, и оттуда на

съемку. Не стану повторять здѣсь того же порядка занятій и надзора за воспитанниками. Собственно для меня разнида состояла въ томъ только, что я уже не подчинялся правиламъ, установленнымъ для коновожатыхъ, а наблюдалъ вмѣстѣ съ другими офицерами, чтобы они въ точности исполняли ими. Мы по очереди дежурили, дѣлали переклички, водили ихъ въ классы, ходили съ рапортами къ генералу и читали каждый въ своемъ классѣ въ назначенное время лекціи. Намъ было очень не трудно исполнять наши обязанности, потому что вообще, исключая обыкновенныхъ незначительныхъ рѣзвостей, всѣ коновожатые вели себя прихвально и насъ любили. Съ своей стороны каждый изъ насъ—т. е. изъ офицеровъ старался пріобрѣсти ихъ уваженіе и любовь какъ своимъ поведеніемъ и обращеніемъ съ ними, такъ и готовностію помогать имъ въ ученіи. Между собою мы были также очень дружны, и никакихъ раздоровъ и интригъ между нами не было.

Меня назначили на малую съемку и дали человѣкъ двѣнадцать коновожатыхъ, съ командою нижнихъ чиновъ, и кажется пятью инструментами. Съемка моя была около Новаго Иерусалима, верстахъ въ 40 или 50 отъ Осташева. Я жилъ въ деревнѣ, съ однимъ изъ съемщиковъ, и обѣзжалъ два раза въ недѣлю работы другихъ. Когда кто либо изъ нихъ оканчивалъ планшетъ или планъ снятый астрелябіей, то привозилъ ко мнѣ, я же повѣрялъ эти планы съ мѣстностію, сводилъ съ другими, а потомъ уже отвозилъ въ Осташево, съ своимъ удостовѣреніемъ въ точности съемки. Когда оказывалось, при моей повѣркѣ, что съемка была невѣрна, то, сдѣлавъ выговоръ старшему коновожатому, я заставлялъ его переснять ту же мѣстность. Но это случалось очень рѣдко, разъ или два въ продолженіи всего лѣта.

Самая главная забота наша состояла въ сохраненіи миролюбивыхъ отношеній между коновожатыми и крестьянами. Первые по молодости лѣтъ не

всегда были осторожны и не очень терпѣливы, а вторые отказывались часто исполнять даже законныя ихъ требованія, недовѣрчиво смотрѣли на ихъ занятія, и отъ этого часто происходили непріятныя столкновенія и жалобы. Впрочемъ все это улаживалось, и особенныхъ непріятностей и исторій не было. Въ праздничные и воскресные дни всѣ колоновожатые, находившіеся у меня подъ начальствомъ, пріѣзжали ко мнѣ, и мы вмѣстѣ проводили время.

По возвращеніи въ Осташево, начались обычныя учебныя занятія и переводныя изъ класса въ классъ испытанія, на которыхъ мы были экзаминаторами. Послѣ вечерняго рапорта генералъ почти всегда оставлялъ дежурнаго у себя ужинать, а въ праздники приглашалъ всѣхъ офицеровъ къ обѣду. Нельзя представить себѣ, какъ занимательна была его бесѣда. Онъ выбиралъ всегда какой нибудь поучительный предметъ для разговора или разказа, приѣшивалъ множество забавныхъ и любопытныхъ анекдотовъ, описывалъ съ такою вѣрностію событія прошедшаго времени и извѣстныя историческія лица, въ нихъ участвовавшія, что бывало боишься пропустить каждое его слово. И все это говорилось такъ просто, съ такимъ добродушіемъ, хотя иногда и съ шутливыми замѣчаніями, которые придавали еще болѣе занимательности его разказамъ. Послѣ всякаго вечера, проведеннаго у него, каждый изъ насъ выходилъ съ новымъ знаніемъ чего нибудь полезнаго, любопытнаго и въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Со мною случилось въ это время не важное происшествіе, которое осталось у меня на всегда въ памяти. Одинъ разъ въ глубокую осень 819 года, будучи дежурнымъ и проведя вечеръ у генерала, я послѣ ужина возвращался на квартиру свою. Путь мой лежалъ сначала черезъ садъ, а по томъ саженой 200 по мелкому кустарнику, который кончался у проспекта, ведущаго въ деревню. При самомъ выходѣ изъ

кустарника стояла гаубвахта. Въ это время, такъ какъ команда, назначаемая къ намъ на лѣтнее время была уже отправлена въ свое мѣсто, то зданіе оставалось пустымъ. Дни же за три до того утонулъ какой-то Осташевскій крестьянинъ, и тѣло его положили, до пріѣзда земской полиціи, въ одну изъ комнатъ гаубвахты. Я это зналъ, и, приближаясь въ лунную, свѣтлую ночь къ этому мѣсту, почувствовалъ невольный страхъ. Устыдись внутренно своей робости, я тутъ же рѣшился преодолѣть ее: войти въ комнату, гдѣ лежалъ утопленникъ и посмотреть на него. Вошелъ я довольно смѣло, луна свѣтила въ окно, но лишь только я приподнялъ покрывку съ обезображеннаго трупа, меня вдругъ обдало такимъ запахомъ, что въ ту же минуту мнѣ сдѣлалось дурно, и я едва выползъ изъ комнаты. Чистый воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня, но все таки со мной началась рвота. Кое какъ-дошелъ я до своей квартиры и всю ночь ужасно страдалъ. Фельдшеръ, за которымъ я послалъ, и которому разказалъ случившееся, поилъ меня всю ночь мятой и клалъ припарки къ животу. Только къ вечеру на другой день я совершенно оправился. Товарищи очень смѣялись, узнавши обо всей этой исторіи; но на меня этотъ случай такъ подѣйствовалъ, что до сихъ поръ я избѣгаю смотрѣть на утопленниковъ.

Изъ Осташева пріѣхали мы въ Москву уже по санному пути. Тутъ начались приготовленія къ новому выпуску. Мы съ своей стороны сколько могли помогали тѣмъ изъ колоновожатыхъ, которые были назначены къ офицерскому экзамену. Повторяли съ ними и дѣлали имъ пробныя испытанія. Такъ какъ эта зима была послѣдняя, которую мы проводили на службѣ въ Москвѣ, потому что съ производствомъ новыхъ офицеровъ, намъ слѣдовало отправиться въ какую либо изъ армій или на Кавказъ, то мы и спѣшили насладиться всѣми тогдашними удовольствіями столицы: ѣздили въ театры, въ собра-



нiя и по бальнымъ вечерамъ. Однимъ словомъ, собственно для меня эта зима была самая шумная во всей моей жизни.

Въ этихъ воспоминанiяхъ моихъ, кромѣ самага генерала я не упоминаю о другихъ лицахъ, хотя многимъ изъ моихъ старыхъ товарищей по корпусу я обязанъ большою признательностию за сохраненiе ихъ теплыхъ ко мнѣ чувствъ. Но и въ этомъ случаѣ даже, я считаю, что Н. Н. былъ главнымъ виновникомъ такой прочной нравственной связи между своими воспитанниками. Онъ умѣлъ поддерживать и развивать въ нихъ все, что служить къ укрѣпленiю близкихъ, дружескихъ отношенiй между благомыслищими людьми, въ какихъ бы ни находились они положенiяхъ.

Наконецъ наступило время проститься и съ Москвою и съ корпусомъ. Въ мартѣ 820 года новый выпускъ былъ произведенъ, а мы четверо и вмѣстѣ съ нами Лачиновъ командированы въ 2-ю армию (13). Я выпросился на мѣсяцъ въ отпускъ и провелъ его у отца, куда въ это время прiѣхали и два служившие мой брата. Въ концѣ же апрѣля отправился къ своему назначенiю.

Въ заключенiе скажу, что Ник. Ник. не переставалъ слѣдить за службою своихъ воспитанниковъ и послѣ того, какъ они выбывали уже изъ корпуса. Когда прiѣдешь бывало въ Москву въ отпускъ и явишься къ нему (а каждый изъ насъ считалъ это за непремѣнную обязанность) съ какою ласкою встрѣтитъ онъ, съ какимъ участiемъ станетъ спрашивать онъ обо всемъ, что касается до каждаго изъ насъ! Какъ онъ радуется, когда кто отличится чѣмъ нибудь и получить награду! Какъ всегда видимо утѣшительно ему было слышать, что воспитанники его вездѣ считаются за людей дѣльныхъ и пользуются особеннымъ вниманiемъ своихъ начальствъ!

(13) Н. В. Басаргинъ поступилъ потомъ въ лейб-гвардiи егерскiй полкъ, а въ исходѣ 1825 года находился на югѣ адъютантомъ при (гр.) П. Д. Киселевѣ. II. Б.

И всегда бывало кончить приглашенiемъ посѣтить заведенiе. „Ну теперь сходи, братецъ, въ классы, скажетъ онъ, покажись старымъ твоимъ товарищамъ и новобранцамъ,—это будетъ и тебѣ и имъ прiятно, а многимъ изъ нихъ сверхъ того и полезно. Увидавши тебя, каждый изъ нихъ подумаетъ, какъ бы скорѣе быть тѣмъ же, и постарается лучше учиться.“ Иногда даже самъ поведетъ туда, — чтобы показать все, что было имъ вновь придумано и введено для улучшенiя корпуса.

Миръ праху твоему, человекъ добрый и гражданинъ въ полномъ смыслѣ полезный! Ты положилъ не малую лепту на алтарь отечества, и нѣтъ сомнѣнiя, что потомство оцѣнитъ тебя и отдастъ справедливость твоимъ безкорыстнымъ заслугамъ. Память же о тебѣ въ сердцахъ воспитанниковъ твоихъ, сохранится, я увѣренъ, доколѣ хотя одинъ изъ нихъ будетъ оставаться въ этомъ мирѣ.

*(Сообщено М. Л. Бибиковымъ.)*

## ИЗЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ XVIII ВѢКА.

Geschichte des Russischen Staates von Dr. Hermann. Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. Gotha 1866.

Мы уже имѣли случай указать, какой богатый запасъ матеріаловъ по Польскому вопросу и вообще по внѣшней политикѣ Россiи заключаетъ въ себѣ дополнительный томъ къ Исторiи Германа (Русс. Вѣст. 1867 г. № II). Разу мѣется, для насъ также важны были бы сообщенiя, касающiяся Россiи и съ другой стороны, т. е. извѣстiя о внутренней политикѣ.

Къ сожалѣнiю въсемъ отношенiю документы, собранные Германомъ, представляютъ запасъ довольно скудный, что

весьма естественно объясняется назначеніемъ и положеніемъ иностранныхъ дипломатовъ при Русскомъ дворѣ. Ихъ наблюденіямъ доступны были только дворъ и столица; притомъ, по незнанію русскаго языка и многихъ условій русскаго быта, наблюденія эти оказывались конечно весьма поверхностны и односторонни. Источниками ихъ свѣдѣній часто были ничто иное какъ слухи. Но замѣчательно, что иностранные дипломаты нерѣдко съ особымъ усердіемъ сообщаютъ своимъ правительствамъ слухи и характеристики, неблагопріятныя для лицъ, игравшихъ главные роли при дворѣ; другими словами, дипломатія европейская въ тѣ времена еще любитъ заниматься сплетнями. Разумѣется, любовь эта проявляется не въ одинаковой степени. Въ означенномъ томѣ собраны депеши изъ Петербурга собственно въ трехъ архивахъ, Дрезденскомъ, Берлинскомъ и Лондонскомъ. Въ отношеніи къ сплетнямъ, они представляютъ слѣдующую градацию: наибольшую наклонность къ нимъ обнаруживаютъ дипломаты саксонскіе, наименьшую прусскіе, а средину занимаютъ англійскіе. Разумѣется, подобная градация образовалась не безъ связи съ взаимными отношеніями дворовъ: дѣло идетъ объ эпохѣ втораго и третьяго польскихъ раздѣловъ, когда Пруссія находилась съ нами въ союзѣ, а саксонскій домъ былъ отстраняемъ отъ польской короны, которую предлагали ему Поляки.

И такъ, самыми злыми языками въ данномъ случаѣ являются саксонскіе дипломаты въ Петербургѣ: Фьлькерзамъ и особенно Гельбигъ (авторъ известной книги «Russische Günstlinge», преисполненной невѣрностей и пристрастія). Для образца приведемъ нѣкоторыя изъ ихъ дипломатическихъ сообщеній, опуская конечно то, что выходитъ за предѣлы приличій. Лицо, которое они стараются чернить предпочтительно передъ другими, это Потемкинъ. Зимой 1791 года Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ театра Турецкой войны, и Гельбигъ (въ

депешѣ отъ <sup>5</sup>/<sub>16</sub> іюня) распространяется о его необыкновенной расточительности, недѣятельности и легкомысліи. Онъ даетъ часто праздники, изъ которыхъ каждый стоитъ болѣе 20000 рублей. На одномъ изъ нихъ подана была въ серебряной лахани стерляжья уха въ 1300 рублей; въ другой разъ подали устрицъ на 300 рублей, а въ третій фруктовъ на 1000 дукатовъ. Изъ имущества герцогини Кингстонъ онъ купилъ двѣ люстры за 40000 рублей, и въ той комнатѣ, гдѣ онъ были повѣшены, велѣлъ устроить два дивана въ 42,000 руб. Дворянскому банку онъ долженъ 800,000 рублей, а банкиру Сутерланду 600,000; кромѣ того со времени своего пріѣзда сюда онъ сдѣлалъ еще до 1000000 долгу, хотя отъ императрицы въ это время получилъ 500,000 рублей. За праздники, которые онъ даетъ, должна расплачиваться заемная контора (опекунскій совѣтъ?). Онъ устраиваетъ празднества даже во время неликаго поста, и не обращаетъ при этомъ вниманія на ропотъ народа. Съ женщинами онъ ведетъ себя весьма непристойно, а ихъ мужья не смѣютъ ему препятствовать. При публичныхъ выѣздахъ онъ является весь покрытый брилліантами\*.

Когда въ Петербургъ было получено извѣстіе о смерти Потемкина, саксонскій посоль Фьлькерзамъ посвящаетъ ему свою депешу отъ <sup>19</sup>/<sub>27</sub> октября, и говорить, что тѣло князя отвезутъ для погребенія въ его бѣлорусское имѣнье Васильково. Въ этомъ имѣннѣ будто бы Потемкинъ сложилъ всѣ свои сокровища, которыя должны быть громадны, потому что все попадавшее ему въ руки золото и серебро онъ копилъ, а дол-

\* По поводу приведенной депеши припомнимъ краткую біографію Потемкина, составленную тѣмъ же Гельбигомъ въ упомянутой книгѣ «Russische Günstlinge». Въ заключеніи біографіи говорится, что вообще Потемкинъ какъ полагаютъ, стоилъ государству до 50,000,000 рублей; но что и эта сумма едва ли равняется дѣйствительной. Къ сожалѣнію, расточительность и роскошь—это самая слабая сторона нашей исторіи XVIII вѣка, и тутъ мы менѣе всего можемъ защищаться отъ обвиненій иностранцевъ.

говъ никому не платилъ; напримѣръ, извозчикамъ онъ остался долженъ 19,000 руб., цвѣтнымъ торговцамъ 38,000 и т. д. Свой заемъ въ 70,000 руб. у Сутерланда онъ большею частію истратилъ на подкупы въ Польшѣ, гдѣ добывалъ короны уже съ 1775 года. Онъ главнымъ образомъ старался ссорить Польшу съ Россіей; подъ рукою поддерживалъ волненія 1789 года въ югозападной Руси, и пр. Фелькерзамъ, привелъ извѣстія объ отношеніяхъ Потемкина къ Польшѣ, настолько добросовѣстенъ, что указываетъ и на мутный источникъ своихъ извѣстій, именно на личныя сообщенія Деболи, польскаго повѣреннаго при Петербургскомъ дворѣ.

Въ Запискахъ И. В. Лопухина (Чтенія О. И. и Д. 1860. № 2) рассказывается, что весною 1791 года графъ Безбородко пріѣзжалъ въ Москву съ Архаровымъ, подъ видомъ прогулки, но въ дѣйствительности для того, чтобы произвести слѣдствіе надъ мартинистами, о чемъ онъ имѣлъ указъ къ князю Прозоровскому, московскому главнокомандующему. „Но по мягкосердію своему,“ Безбородко не далъ хода этому указу; погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, онъ уѣхалъ назадъ и такимъ образомъ ничего не предпринялъ противъ Новикова и его друзей, къ великому неудовольствію князя Прозоровскаго, усерднаго гонителя мартинистовъ. Этотъ рассказъ въ томъ же видѣ вошелъ и въ книгу М. Н. Лонгинова о Новиковѣ. Уже съ перваго взгляда видно, что здѣсь что то недосказано: не таковы были времена, не такова государыня, чтобы мягкосердіе Безбородка могло не давать ходу явнымъ указамъ и чтобы посылка подобнаго сановника могла окончиться простою прогулкою. Благодаря злему языку Гельбига и его усердію собирать сплетни, читаемъ слѣдующее. Проживавшій въ Москвѣ графъ Алексѣй Орловъ поссорился съ княземъ Прозоровскимъ; ссора дошла до того, что графъ едва не прибилъ князя палкой. Извѣщенная о томъ княземъ Прозо-

ровскимъ, Екатерина послала Орлову выговоръ; но въ отвѣтъ отъ него получила странное письмо. Онъ будтобы напоминалъ государынѣ о событіяхъ 1762 года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ думалъ найти въ ней только опекушку ея сына, и т. д. Такой тонъ встревожилъ императрицу; Московскіе вельможи извѣстны было своимъ оппозиционнымъ направленіемъ, и подобный примѣръ могъ вызвать дурныя послѣдствія. Екатерина отравила въ Москву Безбородка, чтобы успокоить Орлова, и кромѣ того поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россію, обійтись съ Орловымъ самымъ дружескимъ образомъ. Оба они успѣшно исполнили порученіе, и графъ Орловъ по прежнему сталъ показывать преданность императрицѣ. На сколько тутъ правды въ словахъ Гельбига, мы рѣшить не беремъ; во всякомъ случаѣ вѣтъ сомнѣнія, что мартинисты были не единственною и даже не главною цѣлью посылки Безбородка въ Москву. \*

Въ той же депешѣ (3<sup>го</sup> іюля 1791 г.) Гельбигъ сообщаетъ слѣдующій слухъ. Пріѣзжая нѣмецкая труппа давала въ Петербургѣ театральныя представленія. Между прочими пьесами она хотѣла поставить и Гамлета. Директоръ театровъ князь Юсуповъ сначала нисколько тому не противился; но, когда онъ узналъ содержаніе этой трагедіи, то рѣшительно запретилъ ея представленіе. Вслѣдствіе того нѣмецкая публика, незнакомая съ Шекспиромъ, съ жадностію бросилась читать пьесу.

Гельбигъ между прочимъ тщательно собираетъ слухи о прискорбныхъ недо-

\* Графъ Орловъ находился въ пріязни и свойствахъ съ И. В. Лопухинымъ: онъ былъ женатъ на его внучатной сестрѣ Евдокиѣ Николаевнѣ Лопухиной. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что онъ поссорился съ Прозоровскимъ изъ-за мартинистовъ. Но въ первыхъ Лопухинъ въ своихъ Запискахъ самъ говоритъ, что Орловъ былъ противникъ ихъ общества; а во вторыхъ подобное заступничество не въ его характерѣ.

разумѣніяхъ между старымъ и молодымъ дворомъ, т. е. между императрицею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Для примѣра возьмемъ слѣдующій фактъ (изъ депеши отъ 4 октября 1793 г.). Римскій императоръ прислалъ Русскому двору извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени великой герцогини Тосканской. По обычаю Вѣнскаго двора извѣстіе было написано на латинскомъ языкѣ. Отвѣтъ на него былъ составленъ также на латинскомъ языкѣ какимъ-то молодымъ канцелярскимъ чиновникомъ, исправленъ однимъ нѣмецкимъ ученымъ, и представленъ для подписи императорской фамилии вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Государыня подписала свое имя съ обычными: *serva, soror et amica*; но великій князь не хотѣлъ подписаться; *servus, frater et affinis*, говоря, что онъ не слуга императору. Остерманъ донесъ о томъ государынѣ и, кажется, не въ такомъ тонѣ, чтобы предупредить безпокойство. Она позвала Павла Петровича къ себѣ въ кабинетъ и сдѣлала ему чувствительное внушеніе. Великій князь подписался; но послѣ того онъ уединился въ своемъ дворцѣ, и послалъ Остерману письмо въ сильныхъ укорительныхъ выраженіяхъ.

Болѣе достоинства и благовоспитанности, чѣмъ у саксонскихъ дипломатовъ, находимъ мы въ депешахъ Англичанъ. Впрочемъ и отношенія были иныя: у Саксонцевъ очевидно играютъ не малую роль и личное самолюбіе, оскорбляемое ихъ второстепеннымъ положеніемъ въ дипломатическомъ корпусѣ, и накопившаяся горечь отъ постоянно неудачныхъ представленій въ пользу своего курфирста, вздыхавшаго о польской коронѣ; государыня не удостоиваетъ ихъ своимъ обществомъ; министры ее также не считаютъ нужнымъ входить съ ними въ большія объясненія; для сообщеній своихъ они не могутъ пользоваться извѣстіями изъ первыхъ рукъ и поневолѣ должны часто довольствоваться слухами. Между тѣмъ англійскіе дипло-

маты, это люди высокопоставленные, прекрасно образованные, постоянно общающіеся между русскими министрами и часто пользующіеся обществомъ императрицы. Для образца ихъ корреспонденціи приведемъ разговоръ съ Екатериною Фокнера (изъ его депеши отъ 2 іюня 1791 года.). Императрица много спрашивала его объ англійской королевской фамиліи, а также о нѣкоторыхъ лицахъ правительства и оппозиціи. Потомъ она перешла къ Французской революціи, и сказала, что не можетъ понять, какимъ образомъ эта революція находитъ защитниковъ въ Англіи, между которыми, къ ея великому удивленію, встрѣчается и такой человекъ какъ Фоксъ. Поэтому поводу она съ большимъ чувствомъ заговорила о своихъ подданныхъ, объ ихъ преданности и о своей обязанности сдѣлать для нихъ все, что можетъ. За тѣмъ она распространилась въ похвалахъ своему старшему внуку Александру, и называла его ангеломъ въ человѣческомъ образѣ. Но собесѣдникъ ее ясно видѣлъ, что Екатерина избѣгала разговора о Турецкой войнѣ, а равно и о щекотливыхъ отношеніяхъ Англіи и Россіи (по поводу той же войны, т. е. Восточнаго вопроса). Она только позволила себѣ маленькій намекъ на Англичанъ; по крайней мѣрѣ такъ понялъ Фокнеръ. А именно, ее собачка залаяла на какого-то ребенка, игравшаго въ саду; ребенокъ испугался; императрица постаралась его успокоить, и, оборотясь къ Фокнеру сказала: „Собаки, которые лаютъ, не всегда кусаются.“

Англійская дипломатія не чуждается также критики главныхъ дѣятелей и разныхъ придворныхъ отношеній; но дѣлаетъ это съ болѣшимъ тактомъ и съ болѣею основательностію, нежели дипломатія саксонская. Для примѣра можно было бы указать на декабрьскія депеши 1796 года, Вильяма Этона, гдѣ заключаются общія характеристики Екатерининскаго царствованія и нѣкоторыхъ ее министровъ. Укажу также на

депешу Витворта <sup>20</sup>/<sub>31</sub> генваря 1794 г. Изображая плохое состояніе нашихъ финансовъ, Витвортъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Россія начала новую войну съ Турціей; но при завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи нель-

зи за это поручиться. „Впрочемъ—привлечаетъ онъ—можетъ быть, къ счастью для остальной Европы, здѣсь все еще пріобрѣтеніе земель считаютъ за пріобрѣтеніе силы“.

Д. Иловайскій.

## ПРОТОКОЛЬ ДВАДЦАТАГО АРЗАМАССКАГО ЗАСЪДАНІЯ (\*)

Мѣсяць Травный, нахмурился, престоль свой отдалъ Изоку (1).  
Пылкій Изокъ появился, но пасмуренъ, хладенъ, насупленъ.  
Былъ онъ отцемъ посаженнымъ у мрачнаго Грудня. Грудень, извѣстно, Очень давно за Зимой волочился; теперь ужъ они обвѣчались.  
Съ свадьбы Изокъ принесъ два дождя, нить лужъ, три тумана,  
(Радъ ли, не радъ ли, а надобно было принять ихъ въ подарокъ).  
Онъ разложилъ предъ собою подарки и фыркалъ. Межъ тѣмъ собирався Тихо на берегъ Карповки (славной рѣки, гдѣ не водятся карпы;  
Гдѣ по преданью Карпъ-Богатырь кавардакъ по субботамъ  
Ѣлъ, отдыхая отъ славы), на берегъ Карповки славной (2)  
Въ семь часовъ ввечеру Арзамасъ двадесятый, подъ сводомъ  
Новосозданнаго Храма, на коемъ начертано имя  
Въщаго Штейна, породой Германца, душой Арзамасца.  
Съѣлъ Арзамасъ за столъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки,  
Съѣлъ Арзамасъ — и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:  
Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное вздулось,  
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы (3) стало бурчанье.  
Члены смутились. *Реинъ* (4) дернулъ за кофту *Старушку* (5).  
Съ страшной перхотой *Старушки* бросилась въ руки *Варвику* (6).  
*Журка* (7) клоннулъ *Пустынника* (8), тотъ за хвостъ *Асמודья* (9).  
Началъ бодать *Асמודи Громобоя* (10), а этотъ облапиль

(\*) Читатели Русскаго Архива довольно знакомы съ такъ называемымъ Арзамасскимъ обществомъ. Живая, искренняя веселость и шутка, почти всегда граціозная, составляли обычное содержаніе этихъ литературныхъ собраній. Одному изъ членовъ Арзамаса, князю Петру Андреевичу Вяземскому, обязаны мы за сообщеніе печатаемаго здѣсь стихотворнаго протокола, который сочинилъ секретаремъ Арзамаса „Свѣтланю-Жуковскія“. Сколько намъ извѣстно, двадцатое засѣданіе было однимъ изъ послѣднихъ и происходило въ 1817 году.

Н. Б.

(1) Славянскія названія мѣсяцевъ (Травный—апрѣль, Изокъ—іюнь, и ниже Грудень—ноябрь) напоминали славянщину Шишкова и Бесѣду любителей Россійскаго слова, надъ которыми постоянно шутили Арзамасцы.

(2) Т. е. на дачѣ С. С. Уварова, подъ Петербургомъ. Тамъ была выстроена бесѣдка, посвященная славянскому Штейну, съ коимъ хозяинъ близко познакомился въ его бытность въ Россіи (1812) и съ коимъ находился въ перепискѣ. (3) Т. е. Золовой Арфы—Арзамасское прозвище А. И. Тургенева. Жуковскій много шутилъ надъ его полнымъ сложеніемъ. (4) М. Ѡ. Орловъ. (5) Уваровъ. (6) Н. И. Тургеневъ.

(7) Сокращенное прозвище Ф. Ф. Вигеля — Ивиковъ Журавль. У Вигеля былъ долгій носъ, и вносѣдствіи Жуковскій, по поводу его Записокъ, говорилъ ему, что онъ какъ журавль заноситъ носъ въ болото прошедшаго и вытаскиваетъ оттуда всякую дичь. (8) Д. А. Кавелинъ. (9) Кн. П. А. Вяземскій.

(10) С. П. Жихаревъ.

Сморщась, какъ дряхлый сморчокъ, *Свѣтлану*. Одна лишь *Кассандра* <sup>(1)</sup>  
 Тихо и ясно, какъ пень благородный съ своимъ протоколомъ,  
 Ушки сжавши и рыльцо поднявъ къ милосердому небу,  
 Въ креслахъ сидѣла.— „Уймись, Арзамась! возгласила Кассандра,  
 Или гармонія пуза Эоловой Арфы тебя изумила?  
 Тише ль бурчало оно въ часы пресыщенья, когда имъ  
 Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква  
 Быстро, какъ вѣчностью годы и жизнь, поглощались?  
 Знай же, что нынѣ пузо бурчитъ и хлебещетъ не даромъ!  
 Мнѣ—Делфійскій треножникъ оно. Прорицаю, внимайте!“  
 Взлѣзла Кассандра на пузо, сѣла Кассандра на пузѣ.  
 Стала съ пуза Кассандра, какъ древле съ вершины Синая  
 Вождь Моисей ко Евреямъ, громко вѣщать къ Арзамасцамъ:  
 „Братья-друзья Арзамасцы! Въ пузѣ Эоловой Арфы  
 Много добра. Не одиѣ въ немъ кишки и желудокъ.  
 Близко пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце!  
 Это сердце, какъ Весты лампада, горитъ не старая.  
 Бродить, я чувствую, въ темномъ Дедалѣ по близости пуза  
 Честный отшельникъ—душа; она въ своемъ заточеніи  
 Всѣ отразила прельщенія бѣсовъ и *душиста добротой*  
 (Такъ говоритъ объ ней Николай Карамзинъ, нашъ историкъ).  
 Слушайте жь, вотъ что душа изъ пуза инкогнито шепчетъ:  
 Полно тебѣ, Арзамась, слоняться бездѣльникомъ! Полно  
 Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на Халдеевъ,  
 Сгорбясъ, дурачкя шалки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ.  
 Время проснуться! Я вамъ примѣръ. Я бурчу, забурчите жь,  
 Братцы, и вы, и съ такой же гармоніей сладкой. Время,  
 Время летитъ. Насъ доселѣ собирала безопасная шутка;  
 Нѣсколько ясныхъ минутъ украла она у безплодной  
 Жизни. Но что же? Она ужь устала, иль скоро устанетъ!  
 Смѣхъ безъ веселости только кривлянье! Старыя шутки —  
 Старыя дѣвки! Время прошло, когда по слѣдамъ ихъ  
 Рой обожателей мчался! Теперь позабыты! Въ морщинахъ,  
 Зубы считаютъ, въ разладѣ съ собою, мертвы не живши.  
 Бойся жь и ты, Арзамась, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой.  
 Слава—твой обожатель! Скорѣ бракомъ законнымъ  
 Съ ней сочetaйся! Иль будешь бездѣтенъ, иль, что еще хуже,  
 Будешь имѣть дѣтей незаконныхъ, не признанныхъ ею,  
 Свѣтомъ отверженныхъ, жалкихъ, тебѣ самому въ посрамленье.  
 О Арзамасцы! Всѣ мы судьбу испытали. У всѣхъ насъ  
 Въ сердцѣ хранится добра и прекраснаго тайна. Но каждый,  
 Жизнью своей охлажденный, къ сей тайнѣ ужь вѣру теряетъ.  
 Въ каждомъ душа, какъ свѣтильникъ, горящій въ пустынѣ,  
 Свѣтъ одинокой окрестныя мглы не освѣтитъ. Напрасно  
 Намъ онъ горитъ, онъ лишь мрачность для нашихъ очей озаряетъ.  
 Что за отрада намъ знать, что гдѣ-то въ такой же пустынѣ  
 Также тускло и тщетно братскій пылаетъ свѣтильникъ?  
 Намъ отъ того не свѣтлѣе! Ближе, друзья! чтобъ другъ друга  
 Видѣть въ лицо и, сливши пламень души (неприступной

<sup>1)</sup> (Гр.) Д. Н. Блудовъ.

Хладу убійственной жизни), достоинства первое благо  
 (Если ужъ счастья нельзя) сохранить посреди измѣненъ!  
*Вмѣсть*, великое слово! *Вмѣсть*, твердить унывая  
 Сердце, жадное жизни, томяся безплоднымъ стремленьемъ.  
*Вмѣсть!* Оно воскреситъ намъ наши младыя надежды.  
 Чтѣ мы розно? Одинъ, увлекаемъ шумнымъ потокомъ  
 Скучной толпы, въ мелочныхъ затерялся заботахъ. Напрасно  
 Ищетъ себя, онъ чуждъ и себѣ и другимъ; каменѣеть,  
 Къ мертвому рабству привыкнувъ, и, цѣпи свои презирая,  
 Ихъ разорвать не стремится. Другой, потерявъ невозвратно  
 Въ мигъ единый все, чтѣ было душою полжизни,  
 Вдругъ межъ развалинъ одинъ очутился и новаго зданья  
 Строить не смѣетъ; и еслѣбъ смѣлъ, то гдѣ жъ ободритель  
 Дерзкій создатель-Младость, сестра Вдохновенья? Надъ грудой развалинъ  
 Молча стоитъ онъ и съ трепетомъ смотритъ, какъ Геній унывши  
 Свой погашаетъ свѣтильникъ. Иной самому себѣ незнакомецъ,  
 Полный жизни мертвецъ, себя и свой даръ загвоздившій  
 Въ гробъ, имъ самимъ сотворенный, бѣется въ своемъ заточеньи:  
 Силенъ свой гробъ разломить, но силъ не вѣритъ—и гибнетъ.  
 Тотъ, великимъ желаньемъ волнуемый, силой богатый,  
 Радъ бы разлить по вселенной, въ сянъи ль, въ пожарѣ ль, свой пламень;  
 Къ смѣлому дѣлу сзываетъ дружину, но... голосъ въ пустынь.  
 Отзыва нѣтъ! О братья, предъ нами во дни уюванья  
 Жизнь необъятная, полная блеска, вдали разстигалась.  
 Близкимъ стало далекое! Что же? Предъ темной завѣсой,  
 Вдругъ упавшей межъ нами и жизнью, каждый стоитъ безнадеженъ;  
 Часто трепещетъ завѣса, есть что-то живое за нею,  
 Но рука и поднять ужъ ее не стремится. Нѣтъ вѣры!  
 Будемъ ли жъ, братья, стоять предъ нею съ ничтожнымъ покорствомъ?  
*Вмѣсть*, друзья, и она разорвется, и путь намъ свободенъ.  
*Вмѣсть*—нашъ Геній-хранитель! При немъ благодатная *Бодрость*;  
 Намъ оно безопасный пріютъ отъ судьбы вѣроломной.  
 Пусть налетятъ ея бури, оно для насъ уцѣлѣетъ!  
 Съ нимъ и *Слава*, не рабскій криковъ толпы повторитель,  
 Но свободный судья современныхъ, потомства наставникъ.  
 Съ нимъ *Награда*, не шумная почестъ, гремушка младенцевъ,  
 Но священное чувство достоинства, внятный не многимъ  
 Голосъ души, и съ голосомъ избранныхъ, лучшихъ согласный.  
 Съ нимъ жизнедательный *Трудъ* съ безкорыстною цѣлью *для пользы*,  
 Съ нимъ и великій Геній: Отечество. Такъ, Арзамасцы!  
 Тамъ, гдѣ во имя Отечества двѣ руки во едину  
 Слиты, тамъ и оно соприсутственно. Братья! дайте же руки!  
 Все минувшее, все чтѣ въ честь ему нѣкогда жило,  
 Съ славнаго Царскаго Трона, и съ тихой обители сельской,  
 Съ поля, гдѣ жатва на пепелъ падшихъ цвѣтетъ  
 Съ гроба пѣвцовъ, съ великанскихъ кургановъ, свидѣтелей чести,  
 Все къ намъ голосъ знакомый возноситъ: Мы нѣкогда жили!  
 Всѣ мы готовили славу. вы приготовьте потомкамъ!  
 Вмѣстѣ друзья! Чтѣбъ потомству нашъ голосъ былъ слышенъ!"  
 Такъ говорила Кассандра, хотя десницею пузо.

Вдругъ наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,  
 Ей поклонясь, подошли приложиться съ почтеньемъ  
 Къ пузу въ томъ мѣстѣ, гдѣ пупъ цвѣтетъ лѣсной сырофжкой.

Тутъ осанистый Рейнъ разгладилъ чело, отъ власовъ обнаженно <sup>(12)</sup>,  
 Важно жезломъ волшебнымъ махнулъ — и явился нѣчто,  
 Пышнымъ вратамъ подобное, къ свѣтлому зданью ведущимъ.  
 Звѣздная надпись сіяла на нихъ: *Журналъ Арзамасскій*.  
 Мощной рукой врата растворилъ онъ. За ними кипѣли  
 Въ свѣтломъ хаосѣ призрѣки вѣковъ; какъ гиганты смотрѣли  
 Лики славныхъ изъ сей оживленныхъ тучи; надъ нею  
 Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ несло  
 Въ свѣжемъ гражданскомъ вѣнкѣ Божество: *Просвѣщеніе*  
 Къ грозной и мирной богинѣ *Свободѣ*. И всѣ Арзамасцы,  
 Пламень почуя въ душѣ къ вратамъ побѣжали... Все скрылось.  
 Рейнъ сказалъ: Потерпите, голубчики! Я еще не достроилъ;  
 Будетъ вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ для васъ довольно.

Члены, зная, что Рейнъ искусный строитель, утихли,  
 Сѣли опять по вѣстамъ, и явился, клюкой подпираясь,  
 Самъ Асмодѣй. Погонялъ онъ бичемъ Мериносовъ Бесѣды.  
 Важенъ предъ стадомъ тащился старый баранъ, волочившій  
 Тяжкій курдюкъ на скрипящихъ колесахъ, — Шишковъ сѣдоруный;  
 Рядомъ съ нимъ Шутовской, овца брюхатая, охаль.  
 Важно везъ назади осель Голенищевъ-Кутузовъ  
 Тяжкій съ притчами возъ, а на козлахъ Мартышка  
 Въ буркѣ, Графъ Дмитрій Хвостовъ, тряслась, и кобенясь на дышлѣ,  
 Скромно висѣлъ въ чемоданѣ домашній Тусканчикъ Вдыхаловъ.  
 Стадо загнавши, воткнулъ Асмодѣй на вилы Шишкова,  
 Отдалъ честь Арзамасу и началъ китайскія тѣни  
 Членамъ показывать. Въ первомъ явленіи предстала  
 Съ кипой журналовъ Политика, ротъ зажимая Цензурѣ,  
 Старой кокеткѣ, которую тощій гофмейстеръ Яценко <sup>(13)</sup>  
 Въжливо подъ руку велъ нестерпимый Духъ издавая.  
 Въ слѣдъ за Политикой вышла Словесность. Платье богини  
 Радужнымъ цвѣтомъ сіяло, и слѣдомъ за ней ея дѣти:  
 Съ лирой, въ вѣнкѣ изъ лавровъ и розъ, Поэзія-дѣва  
 Шла впереди; вкругъ нея какъ крылатыя звѣзды летали  
 Свѣтлыя пчелы, медъ свой съ цвѣтовъ чужихъ и домашнихъ  
 Въ даръ ей собравшія. Объ руку съ нею поступью важной  
 Шла благородная Проза въ длинной одеждѣ. Смиренно  
 Хвостъ ей несла Грамматика, старая нянька (которой,  
 Сѣвъ въ углу на словарь, Академія дѣлала рожи).  
 Свита ея была многочисленна; въ ней отличался  
 Важный маляръ Демидъ Арзамасецъ. Онъ кистью, какъ древле  
 Тростью Цирцея, махалъ и предъ нимъ, какъ изъ дыма, творила  
 Лица, изъ видовъ заемныхъ въ свои обращенныя виды.  
 Все покорялось его всемогуществу: даже Бесѣда

<sup>(12)</sup> Такова была дѣйствительно прекрасная голова М. Ф. Орлова. Онъ, какъ извѣстно, предлагалъ Арзамасцамъ издавать журналъ и при томъ не безъ политическаго оттѣнка. <sup>(13)</sup> Извѣстный тогдашній цензоръ, самъ издававшій *Духъ Журналовъ*.



Вѣжливой чушкою лѣзла, пыхтя изъ подъ докторской ризы.  
Третья дочь Словесности: Критика съ плетью, съ метелкой  
Шла, опираясь на Вкусъ и смѣлую Шутку; за нею  
Князь Тюфякинъ несъ на закоркахъ Театръ, и нещадно  
Кошками сѣкли его Піериды, тверди: не дурачься.  
Смѣсь послѣдняя вышла. Передъ нею Музы тащили  
Чашу большую съ ботвиной; тамъ все переболтано было:  
Пушкина мысли, вѣсти о курахъ съ лицомъ человѣчьимъ<sup>(1)</sup>,  
Письма о бѣдныхъ къ богатымъ, старое за-ново съ новымъ.

Быстро тѣни мелькали предъ взорами членовъ одна за другою.  
Вдругъ все исчезло. Члены захопали. Вилы предъ ними  
Важно склонилъ Асмодѣй, и, стряхнувъ съ нихъ Шишкова,  
Въ уголь толкнулъ сего Мериноса; онъ комомъ свернулся,  
Къ стѣнкѣ прижался, и молча глазами вертѣлъ.—Совѣщанье  
Начали члены. Приятно было послушать, какъ вмѣстѣ  
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло  
Своимъ языкомъ работала Кассандра. Рейнъ  
Громко шумѣлъ; Асмодѣй воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана  
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившися въ Старушку,  
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ.  
Ареа курныкала пѣсни. Пустынникъ возился съ Варвикомъ.  
Чѣмъ же сумятица кончилась?—Дѣломъ: Журналъ состоялся.

<sup>(1)</sup> Описание курицы, имѣющей въ профиль фигуру человѣка. М. 1815. 8°. Книга эта находится въ Чертковской библиотекѣ.

## ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ Д. В. ДАШКОВУ. (1)

Здравствуй, чурка! (2) Если ты  
дуешься на меня за мое неотвѣчаніе  
на два письма твои, то перестань;

(1) Печатается съ собственноручнаго подлинника, который сохранился въ бумагахъ Д. В. Дашкова, и обязательно сообщенъ намъ сыномъ его, Дм. Дм. Дашковымъ. Письмо писано (изъ Дерпта, гдѣ жилъ Жуковский), и, какъ надо думать, въ 1817 году. Издаваніе нѣкогда въ Москвѣ Вѣстникъ Европы, Собраніе образованныхъ сочиненій и много разныхъ книгъ переводныхъ, Жуковский въ это время еще не отвыкъ отъ литературныхъ предпріятій. Изданіе, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, не состоялось. Важно то, что Жуковский хотѣлъ и предлагалъ обратить къ практическому дѣлу силы Арзамасскаго кружка. Надо сказать, что Д. В. Дашковъ былъ младшимъ товарищемъ Жуковскаго по Московскому университетскому пансиону, гдѣ, какъ мы слышали, порученъ былъ своими родителями дружескому попеченію молодого Жуковскаго, П. Б.

(2) Д. В. Дашковъ въ Арзамасскомъ обществѣ носилъ прозвище Чур!

раздуетъ тебя горой, и Шаховской подумаетъ, что ты опился Липецкихъ водъ: а это будетъ непріятно для Арзамаса. Я не отвѣчалъ тебѣ на первое письмо отъ лѣни; а на другое отъ того, что оно доплыло въ Дерптъ весьма поздно и что я уже не надѣялся застать тебя въ Рязани, и, собираясь въ Петербургъ, думалъ увидѣться съ тобою тамъ—не тутъ то было! Чортъ насъ развелъ! Надобно признаться, что этотъ чортъ любезенъ въ однихъ только моихъ балладахъ и въ одной слѣдующей фразѣ: чортъ побереи Бесѣду и Шутовскаго! Наконецъ скажи жъ мнѣ, чурочка, гдѣ ты? Въ Петербургѣ ли и что дѣлаешь? Естьли еще ничего не дѣлаешь, то

примемся вмѣстѣ за дѣло! Вотъ мое предложеніе: имѣю благое намѣреніе, по поводу даннаго мнѣ отъ природы великаго таланта, выдавать ежегодно по двѣ малыя книжки и хочу, чтобы ты былъ мой соиздатель. Одна изъ сихъ малыхъ книжекъ должна состоять вся изъ однихъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ (переводы въ стихахъ позволяются); другая должна быть не иное что, какъ собраніе переводовъ изъ образцовыхъ *нѣмецкихъ* писателей, такъ же въ стихахъ и прозѣ. Каждая должна имѣть форму нѣмецкихъ альманаховъ, выходить въ началѣ года, имѣть не болѣе 10 листовъ въ 12 долю малаго формата, слѣд. 240 страницъ, быть украшеною: первая, то есть русская, 6 картинками и имѣть красивую обертку; а послѣдняя, при такой же красивой оберткѣ, имѣть одинъ только гравированный титулъ съ портретомъ одного изъ нѣмецкихъ поэтовъ или прозаистовъ. Чтобы все это могло быть во время исполнено, надлежитъ приготавливаться заранѣе и такъ:

#### 1-я. Русская книжка.

1-е. Я бы назвалъ ее Аониды; она бы была продолженіемъ Аонидъ Карамзина съ тою отмѣною, то въ нее входила бы и проза. Или не хочешь ли остаться при нашей покойной *Мнемозинѣ*?

2-е. *Картинки*. Это надобно приготавливать заранѣе. Полагаю 6. Рисовальщикомъ можетъ быть Монферранъ. Сюжеты: три вида Петербурга или Павловска и три картинки изъ балладъ моихъ, на пр: изъ Адельстана, Эоловой арфы и Ахилла. Титулъ можетъ быть и безъ виньеты, а просто гравированный. На обертку что нибудь приличное титулу.

3-е. *Содержаніе*. Ты: *Обозрѣніе литературы 1817* (статья постоянная и тебѣ принадлежащая), *Разговоръ*, который ты уже давно началъ; кончилъ ли, не знаю. Что еще, соблаговолишь написать, не вѣдаю; но воля твоя да будетъ. II. Сказка въ прозѣ, которой сюжетъ уже готовъ. Два отрывка въ прозѣ, также готовы (въ головѣ) Первая половина Ундины <sup>(1)</sup> въ стихахъ.—Съ меня довольно.

4-е. *Сотрудники*.

*Вяземскій* } Стихи и проза.  
*Батюшковъ* }

*Воейковъ*. Посланіе къ женѣ и друзьямъ, но весьма исправленное.

*Пушкинъ* (Александръ). Онъ обѣщаль мнѣ доставить свои рукописи. Твое дѣло послать къ нему за ними и ихъ ко мнѣ переслать. Не замедли.

*Блудовъ*. О Итальянской литературѣ. отрывки изъ записокъ (вырви эту статью изъ его лапъ и пришли ко мнѣ. Отъ него не добьешься. Эти отрывки прекрасные, а онъ кобенится и жметъ.)

*Сиверинъ*. Воспоминанія о Франціи, Англіи и Италіи (заставь его написать эту статью. Онъ мнѣ обѣщаль и вѣрно сдержитъ слово.

*Пушкинъ* *Вотъ я васъ опять* <sup>(2)</sup>

*Никити Муравьевъ*. У него будутъ вѣрно готовы отрывки историческіе. Нѣсколько басенъ Крылова. Вѣрно, что нибудь еще получу и отъ Мещерскаго <sup>(3)</sup>

NB Есть ли къ тому времени не напечатается новое изданіе сочиненій

<sup>(1)</sup> И такъ вотъ когда Жуковскій уже думалъ объ Ундинѣ. Онъ напечаталъ ее въ 1837 году.

<sup>(2)</sup> Г. е. Василій Львовичъ. Онъ сначала назывался въ Арзамасѣ словомъ *Вотъ*. Потомъ, съ 1816 г., когда онъ обидѣлся шутками Арзамасцевъ и по этому поводу написалъ къ нимъ извѣстное посланіе, — его стали звать *Вотъ я васъ!* Теперь ему новое прозвище: *Вотъ я васъ опять!*

<sup>(3)</sup> Сличь Р. Арх. 1867, стр. 811—818.

Муравьева, то тамъ есть много новаго для поживы. Все, и содержаніе и картинки (выгравированныя совсѣмъ) должно быть готово къ началу Августа. На Вяземскаго, Батюшкова, Сѣверина и Ал. Пушкина понадѣяться можно: у послѣдняго много готово, а тѣ приготовить вѣрно.

*Мы* будемъ работать. Одинъ Блудовъ опасенъ; а его статьи капитальныя. Стой за нимъ съ розгою <sup>(6)</sup> и бей его не на животь, а на смерть. Говорять, что Дмитріевъ что-то написалъ—смотри голубчикъ, эта святыня должна быть наша. Его новыя статьи могутъ быть вмѣсто чудотворнаго образа, который заманитъ модельщиковъ въ нашу часовню.—Обдумай все это и если рѣшишься, то задавай рисовать и потомъ гравировать картинки—отъ нихъ можетъ быть главное замедленіе.

5-е. *Печатать*. Это знаетъ Кавелинъ<sup>(7)</sup>. Деньги могутъ быть употреблены мои. По выручкѣ ихъ, остальное по поламъ

#### П-я, Нѣмецкая книжка.

За нею хлопотъ не много: матеріалы готовы, садиться и переводить.

*Матеріалы вообще.*

*Проза*

*Гете*. Römischer Carneval. Märchen. Отрывки: Reisen nach Italien. Werther's Briefe über die Schweiz. Aus meinem Leben.

*У меня онъ* полный.

*Гердеръ*. Paramithien. Ueber Volks-sagen. Ueber Legenden. Ueber Wissen und Nichtwissen der Zukunft. Blicke in

<sup>(6)</sup> Это напоминаетъ стихъ Пушкина въ его вступительномъ привѣтствіи Арзамасу: Съ гремушкой, розгою и лаврами въ рукѣ!

<sup>(7)</sup> При медицинскомъ департаментѣ, гдѣ тогда служилъ Д. А. Кавелинъ, была одна изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій.

die Zukunft. Ueber das Schicksal. Изъ Адрастеи. NB. У меня есть его всѣ сочиненія.

*Шиллеръ*. Ueber Völkerwanderung. Изъ Geschichte des Abfalls der Niederlande.

*Тикъ*. Изъ Фантазуса. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Esbert. Изъ Штерндальда.

*Лам. Фуке*. Изъ Erzählungen. (Многое множество прекраснаго)

*J. Paul*. J. Pauls Geist. Одни отрывки. Цѣлаго невозможно

*Wandsbecker Boten-Schriften*. (Claudius.)

*Lichtenbergs Schriften*.

*Jacobi's Schriften*.

*Hebel*. Schatzkästlein. Анекдоты. Weltsystem для поселянъ

*Novalis*. Der Poet. Erzählung (прекрасно)

*Шлегель* отрывки изъ драматургій.

*Тюммель*. Reisen in Frankreich

*Гарве, Энгель, Г. Мюллеръ, Шубертъ, Физте, Гумбольдтъ*.

*Вайнеръ*. St. Hubertus-Jagd. Сказки.

Для поэзіи—выборъ мое дѣло

Содержаніе первой книжки.

*Поэзія и моя часть прозы.*

Demetrius der Falsche (отрывокъ начатой Шиллеровой трагедіи) перевести тѣми же стихами, какъ и въ оригиналѣ, ямбами безъ римъ. Наши критикусы зарычатъ, но пусть рычатъ.

Der Garfunkel } изъ Гебеля, пере-

Der Habermus } ведены.

Die Vergänglichkeit изъ Гебеля.

Der Wanderer изъ Гёте.

Неожиданное свиданіе и нѣсколько анекдотовъ изъ Гебеля, въ прозѣ, Сказку изъ Ламоть-Фуке.

*Твоя часть.*

Парамитиѳи

Свифтово разсужденіе о помелѣ. Изъ Якоби о Шиллеровыхъ трагедіяхъ

(изъ Шлегелевой драматургіи, можешь взять эту книгу у Греча).

Märchen изъ Гёте.

Исторія нѣмецкой литературы (сокращенный переводъ изъ Conversations-Lexicon. Можно одну только половину, окончаніе въ другихъ книжкахъ.)

НВ прилагать краткія извѣстія о тѣхъ авторахъ, изъ которыхъ будемъ брать статьи. Это мое дѣло.

Къ первой книжкѣ на гравированномъ титулѣ портретъ Шиллера. Это я здѣсь могу заказать Зенеру.

Но какой титулъ? Не назвать ли *Тевтона*?

Отвѣчай на это письмо скорѣе. Если согласишься, то принимайся за работу. Я пришлю тебѣ Якоби ты переведешь назначенную статью, можетъ быть и еще что нибудь выберешь; какъ скоро кончишь, возврати; я доставлю тебѣ Гёте (Märchen) и Conversations-Lexicon. Свою же часть постараюсь кончить къ концу марта. Потомъ примусь за составленіе Русской книжки. Между тѣмъ заставлю гравировать Шиллеровъ портретъ. Книжка должна состоять изъ 10 листовъ (140 стр.) не болѣе. Со временемъ — можетъ быть прекрасное собраніе. Для второй книжки хочется перевести Hegmann und Dorothea. Тогда вся уже проза на твоихъ рукахъ. Можно будетъ: двѣ сказки изъ Фукке и Тика, о Судьбѣ изъ Гердера, мелкіе отрывки изъ Поля, изъ Шлегеля о Шекспирѣ и пр. и пр. прости. Отвѣчай же.

## ЕЩЕ РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОЖАРѢ

1837 года.

М. Г. Вамъ угодно было имѣть еще нѣкоторыя подробности о несчастномъ событіи 17-го декабря 1837 года, въ дополненіе къ отпечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ (1865, изд. 2-е, стр. 1179—1204) „Разсказамъ очевидцевъ о пожарѣ Зимняго Дворца“.

Состоя въ званіи флгель-адъютанта при покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ, я въ этотъ день былъ дежурнымъ, и послѣ развода, принявъ отъ прежняго дежурнаго поданныя на высочайшее имя прошенія, прибылъ въ дежурную комнату, гдѣ, но заведенному порядку, составивъ прошеніямъ опись, въ запечатанномъ конвертѣ передалъ ихъ камердинеру его величества. Между тѣмъ въ залахъ дворца собирались рекруты и нижніе чины, назначенные въ гвардію, для осмотра ихъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. По всѣмъ заламъ бѣгали сороходы съ курильницами. Запахъ куренья и запахъ казарменный отъ собранныхъ болѣе тысячи нижнихъ чиновъ, заглушали тотъ дымный запахъ, который, какъ рассказывала впослѣдствіи, дворцовая прислуга, былъ уже нѣсколько дней слышенъ, особенно въ фельдмаршальской залѣ. По окончаніи осмотра, я возвратился въ дежурную комнату, гдѣ безвыходно оставался до вечера. Въ исходѣ 7 часа пришлп мнѣ сказать, что государь изволить ѣхать въ театръ. Я позвалъ своего камердинера, который находился въ сосѣдней комнатѣ, чтобы почистить мундиръ, и приказалъ подавать дежурную флгель-адъютантскую тройку. Едва человѣкъ мой вышелъ отъ меня, какъ тотъ же часъ возвратился съ испуганнымъ лицомъ, говоря, что изъ-за печки pokazался дымъ. Я пошелъ въ его комнату и увидалъ, что изъ-за печки, отстоящей верхка на два отъ стѣны, шла тонкая струя дыма. Я вышелъ въ коридоръ,

послалъ за начальникомъ дворцовой пожарной команды, а между тѣмъ побѣжалъ въ нижній этажъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли еще опаснѣйшихъ признаковъ въ отдѣленіи архива, находившагося непосредственно подъ дежурной комнатою. Дверь туда была заперта; и велѣлъ ону выбить и, не найдя ничего особеннаго, спустился въ подвальный этажъ, въ лабораторію, гдѣ уже было нѣсколько человекъ дворцовой пожарной команды. Причина тревоги, казалось, объяснилась. Лабораторія находилась въ небольшой со сводами комнатѣ, гдѣ для приготовления лекарствъ устроена плита, а надъ плитой желѣзный шатеръ; но такъ какъ шатеръ не мѣшалъ распространяться дурному запаху по комнатѣ, то не нашли ничего лучшаго какъ пробить въ дымовой трубѣ, подъ шатромъ, дыру, въ которую бы вмѣстѣ съ дымомъ уносились испаренія лекарствъ. Вмѣстѣ съ этими испареніями уносились и теплота изъ комнаты, такъ что прислуга, ночевавшая тутъ, страдала отъ холоду, и потому придумала на ночь затыкать дыру рогожкой. Рогожка эта проваливалась, и послѣдствіемъ этого было то, что и прежде сажа загоралась и выкидывало изъ трубы. 17-го декабря повторилось тоже самое: также прочистили трубу, и при мнѣ шаръ съ метелкой трубочиста показался въ сдѣланномъ надъ плитой проломѣ. Дымъ въ комнатѣ сосѣдней съ флигель-адъютантскою прекратился, все успокоилось, и я побѣжалъ доложить о томъ государю; но въ это время государь сошелъ къ императрицѣ. Я побѣжалъ на Салтыковскій подъездъ, но государь съ императрицей уже поѣхали въ театръ, куда и тоже отправился. Пріѣхавъ въ театръ, я пошелъ въ боковую царскую ложу, чтобы доложить государю; но въ это время прибылъ изъ дворца министръ императорскаго двора князь Волконскій и сказалъ мнѣ, что докладывать не нужно, что все слава Богу кончилось благополучно. Но не такъ благополученъ оказался исходъ.

Вѣроятно, какъ пишетъ г. Барановичъ (\*) огонь пробилъ въ незадѣланную отдушину бывшего втораго этажа до перестройки фельдмаршальской залы, еще въ прежнюю выкидку изъ трубы, проходящей отъ лабораторіи и запалъ въ пространство между деревянной стѣной фельдмаршальской залы и капитальной. Деревянная стѣна начала тлѣть, и по этой причинѣ былъ ощущаемъ дымный запахъ, о которомъ говорила дворцовая прислуга. Чтобы лучше объяснить, какъ это могло случиться, надо сказать, что до постройки фельдмаршальской залы это отдѣленіе было двухэтажное: нижній этажъ состоялъ изъ комнаты для дежурнаго генераль-адъютанта, караульной комнаты для караула отъ легкой кавалеріи и передней, въ верхнемъ же были комнаты для фрейлинъ; все это составляло неправильный паралеллограмъ; изъ комнатъ образовалась одна великолѣпная зала, но чтобы дать ей видъ правильнѣй, возвели въ высоту всей залы деревянную стѣну. Но недосмотру производителя работъ, отдушина печки бывшего верхняго этажа была не задѣлана кирпичемъ и, какъ сказано выше, горящая сажа, а можетъ быть и горящіе остатки рогожки, которыми затыкали отверстие въ лабораторіи, попала въ промежутокъ между двухъ стѣнъ и зажгла деревянную, которая, можетъ быть, нѣсколько дней тлѣла, и наконецъ огонь пробилъ себѣ выходъ въ томъ углу залы, гдѣ было большое пространство между стѣнами деревянной и каменной, именно надъ залой Петра Великаго.

Черезъ полчаса не болѣе по пріѣздѣ моемъ въ театръ, по окончаніи перваго дѣйствія балета „Влюбленная Баядерка“, прискакалъ ко мнѣ изъ дворца истопникъ и съ испуганнымъ лицемъ объявилъ, что дымъ показался въ фельдмаршальской залѣ. Я тотчасъ же поскакалъ во дворецъ, гдѣ засталъ оберъ-полицеймейстера генераль-адъютанта Кокошкина, который поручилъ мнѣ немедлен-

(\*) Р. Ар. 1865, изд. 2-е, стр. 1190

но ѣхать доложить государю о предстоящей опасности. По докладѣ моемъ государь приказалъ мнѣ захватить въ ближайшую пожарную команду и передать приказаніе выкинуть сигналъ сбора резервовъ всѣхъ частей, но они уже были на мѣстѣ. Когда я возвратился во дворецъ, то нашелъ Государя въ фельдмаршальской залѣ. Пламя пробило себѣ отверстіе наверху, въ углу залы, клубилось и распространялось по всему потолку. Государь былъ увѣренъ, что браунтауры воспрепятствуютъ распространению огня; они существовали, но къ несчастію были сквозные, сдѣланные арками. Огонь распространялся съ немовѣрной быстротой, зала за залой обрушивались. О спокойствіи, величій государя говорить излишне; твердость, съ которой онъ переносилъ всѣ испытанія, посылаемые ему свыше, всѣмъ извѣстна. Онъ лично распорядился, отдавалъ приказанія, между прочимъ приказалъ мнѣ взять баталіонъ Павловскаго полка, идти на крышу, вскрыть ее надъ концертнымъ заломъ, чтобы дать свободный ходъ дыму и пламени и потомъ остановить дальнѣйшее распространение огня по чердаку, а можетъ быть и отстоять комнаты императорскія. Переходъ по крышкѣ былъ самый затруднительный; по чердаку пробрались мы до слухового окна, близъ чердака малой церкви, и по снѣгу и оледѣвшимъ листамъ добрались до назначеннаго мѣста; плохими ломами и тупыми топорами начали выворачивать листы и, едва поднявъ нѣсколько чрезвычайно толстыхъ желѣзныхъ листовъ, получили приказаніе сойти съ крыши. Все было кончено, и никакой болѣе не было возможности противостать все пожиравшему пламени. Къ пяти часамъ утра Эрмитажъ былъ въ совершенной безопасности. Ровно черезъ годъ была освѣщена фельдмаршальская зала, и государь приказалъ нарядить дежурными генералъ-адъютанта, генерала свиты и меня, тѣхъ самыхъ, которые были дежурными 17 декабря 1837 года.

*Иванъ Лузинъ.*

Здѣсь хотати будетъ привести слѣдующія извѣстія, появившіяся по поводу этого несчастнаго случая (Сѣверная Пчела 1838, № 17 и 31, отъ 21 января и 7 февраля).

## I.

«Коммиссія, Высочайше учрежденная для разбора вещей, спасенныхъ отъ бывшаго въ Зимнемъ Дворцѣ пожара, оканчивая возложенное на нее порученіе, доводитъ до свѣдѣнія, что все вынесенное изъ Дворца имущество, которое сложено было частью въ Адмиралтействѣ, частью въ зданіи Главнаго Штаба и Эвзерциргаузѣ, по разобраніи и приведеніи въ порядокъ, сдано уже ею въ разныя придворныя вѣдомства, именно: собственное императорскихъ особъ, въ комнаты ихъ императорскихъ величествъ и ихъ императорскихъ высочествъ; серебро, въ томъ числѣ придворныя сервизы, въ кабинетъ его величества; бронзы, занавѣсы, штофы и другія драгоценныя матеріи (въ цѣльныхъ кускахъ болѣе 7000 аршинъ) въ кладовыя гофъ-интенскаго вѣдомства; фарфоровыя вазы и всѣ мебели, вынесенныя изъ осьмидесяти комнатъ, въ Таврической Дворецъ, гдѣ послѣднія расположены въ особомъ порядкѣ такъ какъ находились по комнатамъ Зимняго Дворца. Сверхъ того вынесено изъ Дворца, во время пожара, множество вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, которыя розданы уже по принадлежности.

Кромѣ всего означеннаго имущества, подлежавшаго разбору Коммиссіи, спасены отъ пожара и находятся въ совершенной цѣлости: изъ Дворцовой церкви вся богатая ея утварь, великолѣпная ризница, образа съ ихъ дорогими окладами, и большая серебряная люстра, по вынесе-

ни напередъ хранившихся въ церкви святыхъ мощей; императорскій тронъ изъ Георгіевской залы и тронъ въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Ѳеодоровны изъ бывшей тронной комнаты ея величества, съ принадлежащими къ ней литаго серебра люстрами, кандебрами, столами и прочими украшеніями. Съ такимъ же успѣхомъ, по мѣрѣ приближавшейся опасности, были немедленно перенесены изъ Зимняго Дворца, съ величайшемъ порядкѣ и безъ малѣйшаго въ чемъ либо поврежденія, всѣ вообще императорскія регаліи и брилліанты, въ томъ числѣ собственныя ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ брилліантовыя вещи. Равнымъ образомъ спасено отъ ярости огня многочисленное собраніе знаменитыхъ портретовъ, напоминающихъ достопамятныя эпохи славы Россіи, именно: изъ Петровской залы картина съ изображеніемъ императора Петра Великаго; изъ военной галереи—портреты: императора Александра I, цесаревича великаго князя Константина Павловича, императора австрійскаго, короля прусскаго, фельдмаршаловъ—князя Кутузова Смоленскаго, князя Барклая-де-Толли, герцога Веллингтона и всѣхъ Россійскихъ генераловъ, находившихся въ отечественной войнѣ 1812 года; а изъ Фельдмаршальской залы всѣ находившіеся въ оной портреты фельдмаршаловъ. Также вынесены благополучно изъ половины государыни императрицы и изъ разныхъ отдѣленій Зимняго Дворца многія драгоцѣнныя картины, зеркала, мраморныя статуи, китайская мебель, собственно отъ комнатъ императрицы Екатерины II, и вообще

VI. 11

всѣ сокровища, которыя вмѣщало въ себя сіе обширное царственное жилище на неисчислимыя суммы.

Наконецъ остается сказать, что ежели нѣкоторыя вещи и мебели сдѣлались неизбѣжною добычею пламени или потерпѣли поврежденіе, то число таковыхъ, къ счастью, незначительно, и для спасенія оныхъ при быстромъ распространеніи пожара, въ особенности по величинѣ и большой тяжести многихъ изъ нихъ, не представлялось никакой возможности, не смотря на всѣ употребленныя для того усилія.

## II.

Въ высочайшемъ указѣ за собственно - ручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ, данномъ г. министру внутрен. дѣлъ, 25-го января, 1838 изображено: «Пожаръ, истребившій часть Зимняго Дворца нашего, былъ случаемъ къ новымъ изъявленіямъ усердія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По доходящимъ до насъ отъсюду свѣдѣніямъ, люди всѣхъ состояній ревнуютъ, каждый по мѣрѣ средствъ своихъ, содѣйствовать добровольными приношеніями возстановленію сего зданія. Сіи приношенія не будутъ нужны; мы не принимаемъ ихъ; но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрно-подданнической привязанности къ намъ и престолу, всегда при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ наше сердце. Мы желаемъ, чтобъ сіе было также повсюду извѣстно, и для того повелѣваемъ вамъ чрезъ начальниковъ губерній и губернскихъ предводителей дворянства, которое и въ настоящемъ случаѣ доказало, сколь оно вѣрно

русскій архивъ. 1868. 28

своему назначенію и правилу быть первымъ въ дѣйствіяхъ и примѣрахъ усердія, объявить любезнымъ подданнымъ нашимъ всѣхъ сословій монаршую признательность нашу за сіи знаки ихъ приверженности. Они намъ драгоцѣннѣе вещественныхъ сокровищъ и изящнѣйшихъ произведеній искусства. Мысль о нелицемѣрной, ни въ какихъ обстоятельствахъ непремѣняющейся любви нашихъ вѣрныхъ подданныхъ облегчаетъ для насъ бремя заботъ и трудностей правленія: ибо въ сей любви мы видимъ залогъ и будущаго благоденствія, и славы любезнаго отечества нашего.»

## МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

и полнаго собранія сочиненій графа Ѳеодора Васильевича Ростопчина.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ былъ какъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ людей, такъ и однимъ изъ оригинальнѣйшихъ писателей своего времени.

Между тѣмъ біографическія свѣдѣнія о немъ, у насъ обнародованныя, не вѣрны. Сочиненія же его, напечатанныя въ Полномъ собраніи сочиненій Русскихъ авторовъ Смирдина (одинъ томъ, С. П. Б. 1853), изданы весьма небрежно и неполно, и туда внесена даже пѣса, вовсе не Ростопчинымъ написанная, и именно „Мысли не вслухъ у деревяннаго двorca Петра Великаго“ (стр. 321).

Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы сообщить нѣкоторыя данныя для біографіи Ростопчина, исчислить по возможности все, имъ написанное и попавшее въ печать, но не вошедшее въ Смирдинское изданіе и наконецъ указать нѣкоторыя статьи о немъ и его произведеніяхъ.

I.,

### Биографическія данныя.

Василій Ѳеодоровичъ Ростопчинъ, отставной маіоръ, зажиточный помѣщикъ Орловскій, Тульскій и Калужскій, женатъ былъ на дѣвицѣ Крюковой, умершей въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1766 году, вскорѣ послѣ рожденія втораго своего сына (имени его мы не знаемъ), который погибъ во время Шведской войны 1789 года. Дочерей у нихъ не было.

Старшій сынъ ихъ (графъ) Ѳеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ родился въ Москвѣ 12 марта 1763 (по другимъ, мѣнѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ 1765.)

Прохождение службы его было слѣдующее:

1775. Пажъ и капралъ л. г. Преображенскаго полка, въ которомъ и состоялъ до 1792 года. 1776 фурьеръ. 1777 сержантъ. 1782 прапорщикъ. 1785 подпоручикъ. 1787 поручикъ. 1789 капитанъ-поручикъ. 1792, февраля 14 камеръ юнкеръ (въ рангѣ бригадира, или 5 класса)

Въ этомъ періодѣ жизни его замѣчательны: 1., Путешествіе въ чужіе края (1786—1788); 2. Въ концѣ 1788 г. былъ при осадѣ и штурмѣ Очакова и потомъ цѣлый годъ служилъ при Суворовѣ, продолжая числиться въ Преображенскомъ полку; 3., Поѣздка при графѣ Безбородкѣ, когда онъ отправлялся на переговоры о мирѣ съ Турціею (1791) и 4., Сближеніе съ наследникомъ престола, при дворѣ котораго онъ безпрестанно дежурилъ (1792—1796). 1796 Ноября 2, кавалеръ ордена св. Анны 3 степени (пожалованъ отъ Наслѣдника). Ноября 7 бригадиръ и кавалеръ того же ордена 2 степени.

Ноября 8, генералъ маіоръ и генералъ-адъютантъ. Ноября 9, кавалеръ ордена Св. Анны 1 степени.

1797. Апрѣля 5, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго.

1798. Марта 3, генералъ-лейтенантъ. Вскорѣ отставленъ отъ службы. Авгу-



ста 24, опять принятъ на службу тѣмъ же чиномъ, въ свиту его величества. Октября 17, кабинетъ-министръ по иностраннымъ дѣламъ. Октября 24, дѣйствительный тайный совѣтникъ и третій присутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Декабря 21, командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Декабря 31, кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго съ алмазами.

1799. Февраля 22, графъ Россійской Имперіи. Марта 30, великій канцлеръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и кавалеръ большаго креста онаго. Мая 21, главный директоръ почтоваго департамента. Іюня 28, кавалеръ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Сентября 25, первый присутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

1800. Марта 13, членъ совѣта императора.

1801. Февраля 18, вторично отставленъ отъ службы и уѣхалъ въ Москву.

Кромѣ исчисленныхъ выше, Ростопчинъ получилъ отъ императора Павла большія награды другаго рода. Государь пожаловалъ ему болѣе 3000 душъ въ Орловской и Воронежской губерніяхъ и около 33.000 десятинъ земли въ послѣдней.

Иностранные ордена, полученные тогда Ростопчинымъ были слѣдующіе: Французскій—Св. Лазаря; Неаполитанскій—Св. Фердинанда; Баварскій—Св. Губерта и Сардинскіе—Св. Маврикія и Аннонсиады; послѣдній дается и теперь весьма немногимъ и почитается весьма важнымъ.

Съ 18 февраля 1801 по 24 Февраля 1810 графъ Ростопчинъ былъ въ отставкѣ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Въ 1810 году, февраля 24, онъ пожалованъ былъ оберъ-камергеромъ, но числился въ отпуску.

Въ 1812 году, мая 29, переименованъ въ генералы отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Всѣмъ извѣстны подвиги его въ этомъ званіи.

Въ 1814 году, августа 30, уволенъ отъ должности главнокомандующаго, съ назначеніемъ въ члены государственнаго совѣта.

Въ 1823 году, декабря 14, уволенъ отъ должности члена государственнаго совѣта, съ сохраненіемъ званія оберъ-камергера.

Скончался въ Москвѣ 18 Января 1826 и похороненъ на Московскомъ Пятницкомъ Кладбищѣ.

Графъ Ростопчинъ былъ женатъ на Екатерианѣ Петровнѣ Протасовой (скончалась 1856). У нихъ были дѣти: І. Гр. Сергѣй Ѧодоровичъ (1795-1836) 2., Наталья Ѧодоровна Нарышкина (скончалась недавно.) 3., Графиня Софья Ѧодоровна Сегюръ (род. 1799) 4., Графиня Елизавета Ѧодоровна (род. 1806, ум. въ дѣвѣцахъ 1824) и 5., Графъ Андрей Ѧодоровичъ (род. 13 Октября 1813); женатъ былъ на Евдокіи Петр. Сушковой, извѣстной писательницѣ (1811-1858).

## II.,

### Сочиненія, не находящіяся въ Смирдинскомъ изданіи.

1. „Два письма къ князю А. В. Суворову.“ (Отеч. Зап., 1854, т. 95, Отд. 2, стр. 13 и 15.)
2. „Двадцать девять писемъ и отрывковъ изъ писемъ къ князю П. Д. Цицианову.“ (Ibid., стр. 3, 18, 19, 20, 22, 23, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 51, 52, 53, 54, 56 и 57.)
3. „Три письма къ Д. М. Полторацкому.“ (Ibid., стр. 25 и 26.)
4. „Письмо къ С. Н. Глинкѣ.“ (Ibid., стр. 64.)
5. „Письмо Устина Вѣникова къ издателю Русскаго Вѣстника.“ (Ibid., стр. 62 и Русск. Вѣстн., 1808, № 1, стр. 68)
6. „О Суворовѣ.“ (Русск. Вѣстн., 1808, № 3, стр. 241.)
7. „Охъ, Французы!“ Повѣсть. (Отеч. Зап., 1842, Т. 24, Отд. I, стр. 257.)
8. „Путешествіе по Пруссіи.“ (Москвит.

- 1849, Кн. I, стр. 69; кн. 10, стр. 77; кн. 13, стр. 3 и кн. 15, стр. 121.)
9. „Объявленіе о Верещагинѣ.“ (Слов. дост. людей Бант. Каменск., 1847, Ч. 3, стр. 130.)
  10. „Отрывокъ изъ письма къ князю П. И. Багратиону.“ (Ibid., стр. 153.)
  11. „Двѣ афишки 1812 года.“ (Библ. Зап., 1859, стр. 48.)
  12. „Письмо.“ (Альманахъ Русская Правда, 1860.)
  13. „Письмо къ П. С. Валуеву.“ (Библ. Зап., 1861, стр. 21.)
  14. „Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II.“ (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Рос., 1860, кн. 3, смѣсь, стр. 155 и 1864, Кн. 2, смѣсь, стр. 171.)
  15. „Четыре письма къ Д. И. Киселеву.“ (Русск. Арх., 1863, изд. 2, стр. 812.)
  16. „Письмо къ управителю.“ (Ibid., 1864, изд. 2, стр. 834.)
  17. „Резолюція.“ (Ibid., 1865, изд. 2, стр. 1060.)
  18. „Предписаніе исправнику Давыдову.“ (Ibid., 1866, стр. 672.)
  19. „Письмо къ Нижегородскому вице-губернатору Крюкову.“ (Жизнь гр. Сперанскаго, соч. бар. Корфа, 1861, Т. 2, стр. 56.)
  20. „Отрывокъ изъ французскаго письма къ императору Александру I“ (Ibid. стр. 66.)
  21. „Плугъ и соха.“ (Брошюра. Москва, 1806.)
  22. „Донесеніе князю Кутузову отъ 4 сент. 1812“ (Зап. Ермолова, 1865, ч. I. прилож. стр. 224.)
- Намъ извѣстны еще слѣдующія произведенія графа Ростопчина, у насъ неизданныя и написанныя по французски, за исключеніемъ послѣдняго:
1. „Journal écrit à Berlin les années 1786 et 787.“
  2. „Lettre au Comte Roumiantzoff.“ 1788.
  3. „Fragments d'un journal écrit l'année 1815.“
  4. „Le mystère des forêts, ou l'arbre bavard.“
  5. „Ce que j'ai lu, vu et entendu“ 1818—1819.
  6. „Le cimetièrre du père Lachaise“.
  7. „Tableau de la France en 1823“.
  8. „Extraits de lettres à l'Empereur Alexandre. 1812“.
  9. „Fragments des mémoires sur l'année 1812“.
  10. „Dernières pages“.
  11. „Correspondance avec la comtesse Rostoptchine“.
  12. „Письма къ князю П. Д. Циціанову.“ 1803—1806. Многія изъ нихъ цѣликомъ или въ отрывкахъ напечатаны. (См. выше, въ первомъ отдѣлѣ, подъ № 2.) Сохранились также любопытныя письма къ графу Ростопчину, писанныя на французскомъ языкѣ, графомъ С. Р. Воронцовымъ (1798—1825) и графомъ Н. Н. Головкинымъ (1802—1818.) Весьма немногіе и небольшіе отрывки изъ нихъ напечатаны (Въ Отеч. Зап., 1854, т. 95, отд. 2, стр. 11, 17, 42 и 43). Замѣтимъ кстати, что графу Ростопчину приписывали неосновательно слѣдующія произведенія:
  1. „Возраженіе на книгу графа Стройновскаго.“ (Чтен. въ Общ. ист. и древн. Рос., 1859, кн. III, смѣсь, стр. 37. См. Чт. въ Общ. ист. древн. Рос., 1860, кн. II, смѣсь, стр. 203.)
  2. „Письмо къ императору Александру I“ (Русск. Ист. Сборн., 1859, кн. 1, стр. 42).
  3. „Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго.“ (Соч. Рост., 1853, стр. 321) Нечего и говорить, что сочиненія Ростопчина изданы Смирдинымъ не только неполно, но и крайне небрежно. Напримѣръ, знаменитыя Ростопчинскія афишки 1812 года напечатаны въ безпорядкѣ безъ означенія чиселъ; двѣ изъ нихъ, напечатанныя въ „Библиографическ. Запискахъ“ 1859 года, стр. 48, не вошли вовсе въ его собраніе и т. д.
- Вотъ изслѣдованіе объ этихъ афишкахъ. Всѣхъ Ростопчинскихъ афишекъ

извѣстно намъ 16; хотя вѣроятно ихъ было и болѣе, но онѣ легко могли истребляться. Настоящій порядокъ и помѣты тѣхъ, которыя сохранились, должны быть слѣдующія

1. *Отъ 1 июля.* У Смирдина стр. 163. Неизвѣстно почему тамъ поставлена при ней цифра I, которая повторяется на стр. 166 передъ второю афишею, слѣдующею за бесполезнымъ новымъ заголовкомъ „отъ главнокомандующаго въ Москвѣ,“ долженствовавшимъ предшествовать всей коллекціи.
2. *Отъ 2 августа.* У Смирдина нѣтъ. См. Библ. Зап., 1859, стр. 48.
3. *Отъ 9 августа.* У Смирдина стр. 166., подъ повторяющеюся цифрою I (См. выше, I) и не выставлено число.
4. *Отъ 13 августа.* У Смирдина стр. 169, подъ цифрою III и не выставлено число.
5. *Отъ 17 августа.* У Смирдина стр. 171, подъ цифрою VI и не выставлено число.
6. *Отъ 18 августа.* У Смирдина эта афишка разбита на двѣ части, находящіяся: первая на стр. 168 подъ цифрою II, а вторая, безъ обозначенія числа, на стр. 170, подъ цифрою IV.
7. *Отъ 20 августа.* У Смирдина стр. 175, подъ цифрою X и не выставлено число.
8. *Отъ 22 августа.* У Смирдина стр. 170, подъ цифрою V и не выставлено число.
9. *Отъ 24 августа.* У Смирдина нѣтъ. См. Библ. зап. 1859, стр. 48, замѣтимъ кстати что эта афишка была напечатана ранѣе Бантышемъ - Каменскимъ. (Слов. дост. людей, 1847, ч. 3, стр. 138).
10. *Отъ 25 августа.* У Смирдина стр. 174, подъ цифрою IX и ошибочно выставлено 30 августа.
11. *Отъ 26 августа.* У Смирдина стр. 173, подъ цифрою VII.
12. *Отъ 27 августа.* У Смирдина стр. 173. подъ цифрою VIII и не обозначено число.
13. *Отъ 30 августа.* У Смирдина стр. 177, подъ цифрою XII и не выставлено число.
14. *Отъ 31 августа.* У Смирдина стр. 177, подъ цифрою XI.
15. *Отъ 20 сентября, изъ Красной Пахры.* У Смирдина стр. 187, подъ цифрою XIII и не обозначено ни число, ни мѣсто, въ которомъ эта афишка писана.
16. *Отъ 20 октября изъ Москвы.* У Смирдина на стр. 191, безъ нумера, подъ особымъ заглавіемъ и отдѣлена отъ прочихъ афишекъ двумя другими объявленіями.  
Въ слѣдъ за этими 16 афишками въ новомъ изданіи должно, какъ дополненіе къ нимъ, напечатать: 1. Объявленіе къ аббатамъ, 26 іюня (Смирд., стр. 183); 2. Объявленіе о Верещагинѣ, 3 Іюля. (Слов. достои. людей Бант. Кам. 1847, ч. 3, стр. 130). 3. Распубликованное Ростопчинимъ письмо къ нему Кутузова 23 августа (Ibid., стр. 137); 4. Записку, приклеенную на церковной двери села Воронова, около половины октября, (Смирд., стр. 195) и 5., объявленіе къ епископу Августину, 18 октября (Смирд., стр. 186.) Затѣмъ можно помѣстить письмо, напечатанное у Смирдина (стр. 299) и произведенія, показанныя въ 1 изъ приведенныхъ нами списковъ подъ №№ 10, 13, 17, 18, 19 и 20, размѣстивши ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а въ заключеніе напечатать „Правду о пожарѣ Москвы,“ чѣмъ и завершится диклъ написаннаго Ростопчинимъ по поводу событій 1812 года.  
Замѣтимъ, что замѣчательное произведеніе Ростопчина „Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes“ (Смирд. стр. 313) написано Ростопчинимъ въ Москвѣ, въ 1823 году, по вызову графини Анны Владиміровны Бобринской. (1769—1846).  
Графъ Ростопчинъ сочинилъ двѣ слѣдующія надписи къ своему портрету въ старости:

1.

Онъ въ Москвѣ родился  
И ей пригодился.

2.

Безъ дѣла и безъ скуки,  
Слжу, поджавши руки.

А вотъ и эпитафія, написанная имъ самому себѣ:

Среди своихъ дѣтей  
Покоюсь отъ людей.

### III. Статьи о Ростопчинѣ.

Вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ статей, появившихся на русскомъ языкѣ, о жизни характерѣ и сочиненіяхъ графа Ростопчина и имѣющихся у насъ подъ рукою:

1. *Баттыша-Каменскаго, Д. Н.* (Слов. дост. люд. Русск. земли, 1847, ч. 3, стр. 106)
2. *Булакова, А. Я.* (Москвит. 1843, кн. 2, стр. 499).
3. *Дмитріева, М. А.* (Москов. Вѣдом., 1859, № 25).
4. *Дубровина*, (Воен., Сборн., 1863, № 7).
5. *Тихомирова, Н. С.* (Отеч. зап., 1854, т. 95, отд. 2, стр. 1).
6. *Фармагена фонъ Энзе.* (Моск. Вѣдом., 1859, № 234).
7. *Неизвѣстнаго.* (Соврем., 1853, т. 40, библиогр., стр. 16).
8. *Неизвѣстнаго.* (Журн. мин. нар. прос., ч. 62, отд. 6, стр. 247 и ч. 64, стр. 252).
9. *Неизвѣстнаго.* (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Рос., 1861, кн. 4, смѣсь, стр. 107).
10. *Неизвѣстнаго.* (Отеч. Зап., 1826, ч. 26, стр. 79).

Смирдинское изданіе сочиненій Ростопчина, вышедшее въ 1853 году, давно разошлось въ продажѣ, не смотря на всѣ его недостатки. Слѣдовало бы приступить къ новому, которое было бы исправно, хорошо расположено, по возможности полно и снабжено біографическимъ очеркомъ, нѣкоторыми необходимыми примѣчаніями и портретомъ. Издатель, издавши достойную дань уваженія памяти одного изъ славнѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ и отличнаго Русскаго писателя, далеко не остался бы и въ накладѣ. За это можно поручиться.

*Михаилъ Лончиновъ.*

Орель.

15 октября 1867 г.

### КЪ БІОГРАФІИ И. А. КРЫЛОВА.

Г. Кеневичъ въ біографическомъ очеркѣ И. А. Крылова (Вѣстн. Европы. Кн. II. 1868), рассказывая юность нашего славнаго баснописца, говоритъ, между прочимъ: „Въ тоже время посѣтила юношу и любовь, какъ видно сильная, но безнадежная. Какъ видно изъ стиховъ написанныхъ имъ въ то время (до 1800 года), какаго-то *Анета, оставшаяся неизвѣстною для біографовъ*, заставила нашего юнаго Сатирика пролить не мало слезъ и написать очень много бумаги.“

Дѣйствительно, изъ стихотвореній Крылова, напечатанныхъ въ 1793 году, заимствованное ими *Анеты*, упоминается въ трехъ, а исключительно ему посвящено два стихотворенія; кромѣ того изъ оставшихся ненапечатанными стихотвореній поэта, четыре почти всецѣло относятся къ этому имени.

Вчитываясь въ эти поэтическіе вздохи, мы составляемъ себѣ нѣкоторое представленіе какъ о существѣ, которымъ увлекся Крыловъ, такъ и объ его отношеніяхъ къ этому существу. Такъ мы видимъ, что таинственная *Анета* была очень хороша собою (Изображеніе *Анеты* эскизомъ, Пол. соб. сочин. И Крылова. 1847.). Мы видимъ, что она жила въ деревнѣ, съ которою Крыловъ разстался, чтобы переѣхать *въ мрачный гробъ природы*—въ городъ (Отъѣздъ изъ деревни, *Idem.*); что *Анетѣ* было 15 лѣтъ, когда въ нее влюбился Крыловъ (Посланіе къ другу моему, *Idem.* стр. 24); что любовь къ этой дѣвушкѣ пересоздала его, уничтоживъ его угрюмость, согрѣвъ его сердце, нарушивъ его душевное спокойствіе (*Idem.*); что онъ, едва прошла недѣля со времени перваго съ нею знакомства, пересталъ узнавать себя, пересталъ дичиться женщинъ, а напротивъ, сталъ болтливъ и веселъ, даже сталъ заниматься собою (*Idem.*). — Далѣе мы видимъ, что, не имѣя денегъ необходимыхъ въ его положеніи, чтобы имѣть возможность являться щеголемъ къ прелестной *Анушкѣ*, которая *зотля*

и ума, но все таки женщина — онъ умѣлъ занимать деньги (Idem. ст. 27); что онъ, прежде искренній поклонникъ безпечной лѣни, чуждый честолюбивыхъ помысловъ, прельщавшійся однимъ только чиномъ — *чиномъ челоуька*, при чемъ

Его достойно сохранять  
Считалъ одной неложной славой —

теперь, чтобы сдѣлаться достойнымъ Аюты, хочетъ стяжать славу другаго рода и опять надѣтъ мундиръ (Idem. ст. 29), чтобы, какъ онъ говоритъ (стр. 30): —

..... Лучъ величья моего  
Привлекъ ко мнѣ Аюту мплу,  
Чтобъ зная цѣну въ кемъ и силу,  
Сдалась бы всею мнѣ душой  
И стала-бъ барыней большой — ;

наконецъ что онъ жаждалъ богатства, чтобы имѣть возможность окружить свою Аюшкку довольствомъ и забавами. Затѣмъ мы можемъ понимать изъ посланія „Къ Анетѣ“ (Похищенные волосы въ перстень), что Ивану Андреевичу отвѣчали взаимностью, и что разлука съ любимымъ существомъ была для него невольная, слишкомъ тяжелая, необходимость („Мой отъѣздъ“); что разлука эта хотя и была для него источникомъ тяжелыхъ душевныхъ страданій, но сила любви его была такъ велика, что самая смерть казалась ему желанной — лишь бы *увлнуть на груди обожаемой Анеты!* Вотъ всѣ понятія, какія мы можемъ составить себѣ изъ сочиненій И. А. Крылова относительно воспѣваемой имъ Аюты. Однакожь, изъ этихъ немногихъ и неопредѣленныхъ данныхъ, сближая ихъ съ фактами известными намъ изъ напечатанныхъ біографій Крылова, мы можемъ заключить, что Анета — жительница деревни, что Крыловъ, пользуясь ея взаимностью, желалъ соединить свою судьбу съ ея судьбою, но по обстоятельствамъ отъ него независѣвшимъ не могъ осуществить своего желанія и долженъ былъ ее покинуть, что онъ и въ послѣдствіи страдалъ по ней, наконецъ что эту любовь его должно отнести ко

времени между 1790 годомъ, когда онъ вышелъ въ отставку изъ кабинета ея величества и 1793-мъ годомъ, когда онъ уже печаталъ свои стихи, упоминая въ нихъ объ Анетѣ, въ издававшемся имъ, вмѣстѣ съ Клушинымъ, журналѣ „Санктпетербургскій Меркурій.“

Къ послѣднему заключенію насъ приводятъ слѣдующія соображенія.

До 1790 года любовь къ Анетѣ — *деревенской жительницы*, не могла овладѣть Крыловымъ, пріѣхавшимъ 15-и лѣтъ изъ Твери въ Петербургъ и занимавшимъ до этого года ничтожныя служебныя должности, съ самымъ незначительнымъ содержаніемъ, исключавшимъ всякую возможность поѣздокъ въ провинцію. Между тѣмъ для біографовъ Крылова осталась неизслѣдованною жизнь его съ 1790 года по 1801, когда онъ уѣхалъ секретаремъ къ Рижскому военному губернатору; изъ этого періода времени на 1790-мъ и 1791-мъ годахъ даже *не осталось слѣда*, какъ говоритъ Плетневъ, *литературныхъ занятій Крылова*, а въ 1793-мъ году, онъ уже писалъ объ Анетѣ, слѣдовательно, принявъ въ соображеніе, что въ 1792 году Крыловъ уже занимался литературою въ Петербургѣ, издавая журналъ „Зритель“, мы заключаемъ, что его знакомство съ Анетой должно отнести именно къ 1790—1791 годамъ. — Но опредѣливъ къ какому времени должно отнести знакомство Крылова съ Анетой, мы все таки, ни изъ сочиненій Ивана Андреевича, ни изъ его біографій, не можемъ заключить: кто была Анета? гдѣ она жила? и существовала ли она въ дѣйствительности, или была не что иное какъ плодъ поэтической фантазіи Крылова?

Въ нашихъ воспоминаніяхъ сохранились данныя, отвѣчающія на это вопросы и проливающія нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый эпизодъ жизни Крылова, оставшійся неразъясненнымъ его біографамъ, и потому мы спѣшимъ подѣлиться этими не безынтересными данными съ почитателями таланта славна-

го баснописца, такъ какъ этотъ эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, и имѣлъ, вѣроятно весьма, серьезное значеніе въ нравственной жизни поэта.

Лѣтъ 25 назадъ мнѣ сдѣлалось извѣстно: кто эта таинственная Анета?, какъ можно заключить изъ напечатанныхъ біографій Крылова, единственное существо, озарившее его жизнь счастьемъ любви раздѣленной и въ тоже время, невольная виновница его тяжкихъ душевныхъ страданій,—его первая любовь, которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

Орловской Губерніи, въ г. Бринскѣ, жилъ на покоѣ, тамошній небогатый помѣщикъ и домовладѣлецъ города, отставной коллежскій совѣтникъ Михайло Васильевичъ Константиновъ, служившій, до выхода въ отставку, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ умеръ, кажется въ 1852 или 1853 году, оставивъ послѣ себя одну старшую дочь, Елену, такъ названную въ честь единственной дочери нашего знаменитаго Михайлы Васильевича Ломоносова — Елены (род. 1749, ум. 1772), какъ извѣстно, вышедшей за мужъ, въ 1767 году за придворнаго бібліотекаря, надворнаго совѣтника Константинова. Если мнѣ не измѣняетъ память, Михайло Васильевичъ, былъ роднымъ племянникомъ этого зятя нашего великаго поэта, въ честь котораго онъ и носилъ свое имя.

Не станемъ распространяться о М. В. Константиновѣ, одномъ изъ интересныхъ обломковъ стараго времени, о человѣкѣ, не смотря на глубокую старость, не оставлявшемъ занятій литературою и наукой до могилы и сохранившемъ въ тепломъ сердцѣ своемъ, почти до послѣднихъ дней, самое свѣтлое и живое воспоминаніе о своемъ прошломъ, о замѣчательныхъ людяхъ, въ средѣ которыхъ, по своему родству съ Ломоносовымъ и по служебнымъ отношеніямъ, онъ вращался во все продолженіе своей многолѣтней жизни въ Петербургѣ,—о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, во время полувѣковой сво-

ей службы. Упоминаемъ объ этой почтенной личности здѣсь потому только, что въ его домѣ мы познакомились съ жившею у него въ семействѣ, родною его племянницею — *Анною Алексѣевною Константиновою*.

Дочь протопопа, мѣстнаго помѣщика и дворянина, Анна Алексѣевна, въ юности блистала красотой, слѣды которой можно было еще распознать, во время нашего съ нею знакомства, въ ея очахъ, немало пролившихъ слезъ на вѣку своемъ, въ очеркахъ ея кроткаго лица, покрытаго тогда болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтними морщинами. Но если подъ дыханіемъ времени совершенно уже увидала былая красота Анны Алексѣевны тогда, когда мы ее знавали, за то сохранила всю свою прелесть ея чистая душа, всецѣло бывшая преданною Богу; за то почтенная старушка эта, проводившая остатокъ жизни въ постѣ и молитвѣ, до послѣднихъ дней семьи, ея пріютившей, оставалась ея отрадою и утѣшеніемъ во всѣхъ пережитыхъ этою семьею тяжкихъ скорбяхъ.

Это то прелестное существо, всѣмъ пламенемъ первой страсти полюбилъ И. А. Крыловъ, во время своего пребыванія въ Бринскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ Анны Алексѣевны; въ этомъ-то существѣ, кроткомъ и чистомъ, нашель онъ самую глубокую взаимность. Молодые люди рѣшились навсегда соединить свою судьбу. Крыловъ формально просилъ руки Анны Алексѣевны. Но... несчастное *но*... онъ былъ бѣденъ, безвѣстенъ, не имѣлъ приличнаго служебнаго положенія; ея родители были тщеславны, гордились своимъ родствомъ съ Ломоносовымъ, считали въ своей роднѣ *генераловъ*; Анна Алексѣевна была еще очень молода, — красавица, — для ней искали партіи болѣе блестящей и отказали Крылову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ (\*). Анна Алексѣевна плакала,

(\*) По какому именно поводу Иванъ Андреевичъ посѣтилъ Бринскій уѣздъ, мы не знаемъ.

тосковала по ея собственнымъ словамъ, тайла какъ воскъ — родные стали бояться за ея жизнь, сжалились и изъявили согласіе на бракъ ея съ Крыловымъ. Она сама и родители ея поспѣшили написать объ этомъ счастливомъ измѣненіи обстоятельствъ Крылову и звали его въ Брянскъ играть свадьбу. Но... опять это несчастное *но*... отъ Петербурга до Брянска не такъ было близко тогда, какъ теперь. Крыловъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ средствъ пріѣхать въ Брянскъ, а потому онъ просилъ осчастливить его — привезти невесту въ Петербургъ, гдѣ можетъ быть немедленно устроена свадьба. Такой отвѣтъ оскорбилъ и разсердилъ родителей Анны Алексѣевны, и они рѣшительно отказали Ивану Андреевичу, прекративъ за тѣмъ всякія съ нимъ сношенія.

Тѣмъ это дѣло и кончилось для свѣта, но не для любящихся сердець. Они остались вѣрны другъ другу — всю жизнь. Крыловъ страданія свои изливалъ въ поэтическихъ стонахъ и на всю жизнь остался холостякомъ; Анна Алексѣевна плакала, молилась, всю жизнь сохранивъ святую любовь къ своему избраннику, отказалась отъ представлявшихъ ей прекрасныхъ партій и осталась дѣвицею.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Анну Алексѣевну въ 1864 году, когда уже ей было болѣе 85 лѣтъ. Не знаемъ, жива ли она доселѣ, а если жива еще, то мы сожалѣемъ, что настоящихъ строкъ не сдѣлали извѣстными раньше — до празднованія столѣтняго юбилея Ивана Андреевича. Ни Академія наукъ, ни Общества, торжествовавшія этотъ день, памятный для ревнителѣй отечественной славы, не оставили бы, вѣроятно, безъ привѣта ту, которая въ свое время кроткими лучами благодатнаго свѣта озарила горизонтъ жизни нашего знаменитаго поэта, которая принесла въ жертву чистой любви къ нему все дни свои.

Прибавить ли?... да имѣемъ ли мы права не прибавить?... Послѣ смерти

М. В. Константинова и всей сѣмьи его (кромѣ несчастной его дочери Елены, пораженной болѣзнями), Анна Алексѣевна продолжала жить въ домѣ М. В. — *въ большой нуждѣ*.

Полагаемъ, нашему Обществу вспоможенія литераторамъ и ученымъ не поздно будетъ и теперь собрать необходимыя справки: жива ли еще Анна Алексѣевна и если жива, то въ какомъ она находится положеніи?

П. Алабинъ.

26 февраля 1868  
Самара.

## ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Е. А. БАРАТЫНСКОМЪ.

Обычай нравъ, усопшихъ важный сонъ  
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Баратынскій.

Съ грустнымъ чувствомъ прочли мы въ сентябрьской книжкѣ прошлаго года „Вѣстника Европы“, въ воспоминаніяхъ покойнаго В. И. Панаева то что касается до поэта нашего Евгенія Абрамовича Баратынскаго.

Обстоятельства, бывшія причиною исключенія Баратынскаго изъ пажескаго корпуса, теперь хорошо извѣстны изъ документовъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ. Въ письмѣ къ Жуковскому, Баратынскій объясняетъ, какъ онъ постепенно вовлеченъ былъ къ участію въ проступкѣ, представлявшемся ему тогда въ другомъ свѣтѣ. Это временное омраченіе ребяческаго воображенія было тягостно искуплено имъ, не столько еще понесеннымъ имъ наказаніемъ, сколько чувствомъ глубокой скорби, которымъ онъ былъ проникнутъ всю жизнь, въ слѣдствіе этого происшествія. Я хочу передать нѣкоторыя подробности о знакомствѣ моемъ съ поэтомъ.

Мы съ нимъ познакомились въ Москвѣ, чрезъ пріятеля его тамбовскаго помѣщика Николая Федоровича Стриневскаго (умершаго въ 1839 году).

При первомъ же свиданіи, Евгенийъ Абрамовичъ произвелъ на меня невыразимое впечатлѣніе. Его счастливая и симпатичная наружность, его скромный видъ, тихая, умная рѣчь, сейчасъ же поселили во мнѣ безпредѣльное къ нему благоговѣніе.

Какъ, думалъ я: это творецъ *Эды*, *Бала*, *Наложницы*, — и такой скромной, даже, можно сказать, застѣнчивый! И я читалъ мысленно слѣдующій о немъ отзывъ П. А. Плетнева, напечатанный въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1825 года: „Между тѣмъ, какъ мы воображали, что „языкъ чувствъ уже не можетъ у насъ „сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ „искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Я говорю о Баратынскомъ. Въ элегическомъ родѣ онъ идетъ новою, своею „дорогою. Соединяя въ стихахъ своихъ „истину чувствъ съ удивительною точностью мыслей, онъ показалъ опыты „прямо классической поэзіи. Составъ „его стихотвореній, правильность и прелесть языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца, выше всякой критики. Онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ отчетъ составляетъ отличительность „его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы не чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца „стихотворенія: и вы признаетесь, что онъ извлекъ все лучшее изъ своего предмета, отбросилъ все излишнее и не забылъ ничего необходимаго. Но сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игровое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнулъ и выразилъ“ (\*).

На другой день прѣзжаетъ ко мнѣ Стриневскій и говоритъ: Ну, братъ, ты вчера сконфузилъ Баратынскаго.

— Чѣмъ? спрашиваю.

(\* ) Мы можемъ порадовать любителей Русской словесности извѣстіемъ, что нынѣ приступлено въ Москвѣ къ изданію сочиненій Е. А. Баратынскаго. П. Б.

— „Тѣмъ, что при немъ, хотя и про себя, читалъ его стихотворенія, лежавшія у меня на столѣ!“

Вскорѣ приглашенъ былъ я Баратынскимъ къ нему обѣдать, въ домъ его, что на Спиридоновкѣ.

Тутъ я имѣлъ честь познакомиться съ достойною его супругою, Настасьею Львовною, и батюшкой ея, Л. Н. Энгельгартомъ.

Въ половинѣ августа того же 1835 года, Евгенийъ Абрамовичъ просилъ меня написать апелляціонную жалобу его супругѣ въ 4-й дѣлъ правительствующаго сената, на рѣшеніе Казанской гражданской палаты, по дѣлу о спорныхъ у нея съ разными помѣщиками земляхъ, Казанскаго уѣзда, по деревнѣ Князь-Камаевой, Иски-Казань тожъ.

Жалоба была написана и отправлена въ сенатъ 5 сентября 1835 г.

Баратынскій нашелъ жалобу хорошо написанной, онъ одобрялъ ее въ отношеніи слога и спрашивалъ меня, чрезъ Стриневскаго, сколько мнѣ слѣдуетъ за труды? Получивъ въ отвѣтъ, что отъ денегъ я отказываюсь, а желаю имѣть въ подарокъ его стихотворенія, Баратынскій прислалъ мнѣ съ Стриневскимъ же свои стихотворенія въ отличномъ переплетѣ. На этой книжкѣ, рукою автора написано: „Петру Григорьевичу Кичееву. Е. Баратынскій.“

Позже, когда мы съ Баратынскимъ сблизились, онъ подарилъ мнѣ свои стихотворенія подъ названіемъ: „*Сумерки*“, уже съ болѣе лестною для меня надписью: „Одному изъ лучшихъ друзей моихъ, Петру Григорьевичу Кичееву. Евгенийъ Баратынскій.“

Конечно, въ продолженіи девятилѣтняго нашего съ нимъ знакомства, въ поѣздки въ наши имѣнія, за Троицу, обѣды, вечера, и т. п., — было довольно времени кое о чемъ поговорить, потолковать. Разумѣется, я болѣе слушалъ, благодари судьбу, что она послала мнѣ такого знакомаго, котораго давно жаждала душа моя. Умъ его казался мнѣ всеобъемлющимъ. Не помню, чего бы



онъ не разрѣшилъ для меня совершенно удовлетворительно, не исключая вопросовъ самыхъ возвышенныхъ. Согласно съ почтеннѣйшимъ Н. В. Путьтой <sup>1)</sup>, могу удостовѣрить, что самой задушевной идеей Баратынскаго было — освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ привлекъ мое вниманіе къ этому предмету и заставилъ раздѣлять его мысли.

Признаюсь, сначала я не могъ себя представить, какъ все это можетъ осуществиться на дѣлѣ? Я, человекъ семейный и не богатый, обладавшій небольшоимъ имѣніемъ заложеннымъ въ опекунскомъ совѣтѣ, спрашивалъ: „какъ же поступать съ долгомъ нашимъ кредитнымъ установленіемъ?“ Баратынскій, нисколько не затруднясь, отвѣчалъ: „примуть на счетъ государства.“ <sup>1)</sup> Тогда, успокоенный, и я прилѣпился къ идеѣ Баратынскаго, и на сколько понималъ этотъ предметъ, выразилъ въ своихъ „Мысляхъ по крестьянскому дѣлу“ въ № 8 Журнала Землевладѣльцевъ на 1858 г., и повторенныхъ въ моихъ Воспоминаніяхъ о пребываніи непріятеля въ Москвѣ, въ 1812 году.

Такимъ образомъ, переходя отъ предмета къ предмету, разговоръ нашъ коснулся однажды самаго чувствительнаго въ жизни Евгенія Абрамовича, исключенія его изъ Пажескаго Корпуса, при чемъ онъ мнѣ сказалъ: „Видите ли, любезный Петръ Григорьевичъ, куда повело наказаніе меня — можно сказать ребенка. Я теперь только губернской секретарь (при этомъ онъ слегка улынулся), а если бы окончилъ курсъ ученія въ Пажескомъ Корпусѣ: то, полагаю, я принесъ бы болѣе пользы своему отечеству....“ Такъ окончилъ грустный свой рассказъ Евгеній Абрамовичъ. На вопросъ мой, что же онъ дѣлалъ по исключенію изъ корпуса? — онъ продолжалъ:

„Поѣхалъ въ Бѣльское имѣніе къ дядѣ. Къ счастью нашелъ тамъ хорошую бібліотеку: всю ее перечиталъ. Потомъ отъ бездѣйствія напала на меня страшная тоска. Сталъ добиваться позволенія вступить въ военную службу, и наконецъ добился званія честнаго солдата. Но офицерскій чинъ не скоро мнѣ дался, не смотря на нѣкоторыя протекціи. Такъ, одинъ разъ меня поставили на часы во дворцѣ, во время пребыванія въ немъ покойнаго государя императора Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоитъ на часахъ: онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ фамилію, потрепалъ по плечу и изволилъ ласково сказать: *послужки!* Въ другой разъ, когда у одного вельможи (Баратынскій называлъ фамилію, но я сія не помню) умеръ единственный сынъ, и государь соблаговолилъ навѣстить огорченнаго отца, то послѣдній сталъ просить государя — возвратитъ ему сына прощеніемъ меня, государь опять милостиво изволилъ отозваться: *рамо, пусть еще немного послужитъ.*“

Не скрылъ отъ меня Евгеній Абрамовичъ и одной, хотя безвредной, но удивительной проказы въ бытность его въ Пажескомъ Корпусѣ (\*).

Рядомъ съ Пажескимъ Корпусомъ, по главному фасау, чрезъ полукругъ зданія помѣщалась католическая церковь. Не имѣя объ этомъ никакого понятія, Баратынскій съ однимъ изъ товарищей, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, успѣлъ, чрезъ карнизъ того полукруга, надъ крышей, проникнуть на чердакъ церкви и взойти въ нее по лѣстницѣ, которая не была заперта. Сначала они только удивились своему открытію; но при вторичномъ посѣщеніи имъ пришло на мысль — освѣтить церковь такъ, какъ она освѣщается по торжественнымъ днямъ. Всѣ свѣчи и лампы были зажжены. Время было около полуночи. Стоявшій противъ церкви на часахъ будочникъ вдругъ поражается этимъ несвоевременнымъ и

<sup>1)</sup> См. переписку Е. А. Баратынскаго съ Н. В. Путьтой: Русс. Арх. 1867 г. № 2. стр. 281.

<sup>2)</sup> Намъ говорили, что Баратынскій предполагалъ, что, въ случаѣ принятія опекунскаго долга на государственнй счетъ, этотъ долгъ могъ бы быть уплаченъ въ казну крестьянами, съ разсрочкою платежей.

И. К.

(\*) Хотя это происшествіе разсказано Кенигомъ, въ Литературныхъ Очеркахъ, но здѣсь мы передаемъ его со словъ самаго Евгенія Абрамовича. И. К.

яркимъ освѣщеніемъ, а двери видитъ запертыми. Будочникъ посылаетъ товарища за квартальнымъ, тотъ приглашаетъ частнаго пристава; наконецъ, пріѣхалъ и полицмейстеръ. Позвали ксендза и ктитора; вошли въ церковь со всѣми предосторожностями; но виновниковъ освѣщенія не сыскали. Такъ происшествіе это и осталось въ свое время неразъясненнымъ и неразгаданнымъ.

Не стану описывать дѣлъ, поручаемыхъ мнѣ Баратынскимъ и Л. Н. Энгельгартомъ. Они имѣютъ особый интересъ только для меня. Но расскажу послѣднее мое свиданіе съ Евгениемъ Абрамовичемъ, происходившее 21 августа 1843 года.

Надо сказать, что передъ этимъ временемъ, мы по два раза обмѣнялись визитами, и не заставляли другъ друга, а между тѣмъ, обоимъ намъ настояла надобность видѣться. Узнаю, что Евгенийъ Абрамовичъ уѣхалъ съ семействомъ въ с. Мураново, Дмитровскаго уѣзда. Нечего было дѣлать; и я отправился съ женой въ свое Переяславское имѣніе, село Деревково, намѣреваясь на обратномъ пути заѣхать въ Мураново. По дорогѣ, мы посѣтили Хотьковъ монастырь. При входѣ въ храмъ, слышимъ поютъ: „со святыми упокой“, и въ эту же минуту насъ окружаютъ Евгенийъ Абрамовичъ, его супруга и семейство его. Пошли взаимныя привѣтствія и рекомендаціи, такъ какъ со мной была второбрачная жена, еще незнакомая съ Баратынскими. Наконецъ, они просили насъ заѣхать къ нимъ, на обратномъ пути въ Мураново, и объявили, что въ первыхъ числахъ сентября они отправляются за границу.

Неожиданный пріѣздъ ко мнѣ въ имѣніе тестя моего, покойнаго П. М. Рудина съ семействомъ, нѣсколько замедлилъ наше пребываніе въ Деревковѣ, такъ что мы уже не надѣялись застать Баратынскихъ въ Мурановѣ, и спѣшили прямо въ Москву. На другой же день, по возвращеніи, отправляюсь къ нимъ;

но, къ моему прискорбію, узнаю, что они только наканунѣ уѣхали за границу.

1844 г., 15 августа, неожиданно былъ я пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ Евгения Абрамовича, прочитавъ объ этомъ въ С. Петербургскихъ газетахъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г., въ бытность мою въ С. Петербургѣ, и посѣтилъ Александро-Невскую лавру, и сталъ отыскивать могилу незабвеннаго нашего поэта: я нашелъ ее на новомъ кладбищѣ. Прахъ Баратынскаго покоится подъ мраморнымъ памятникомъ (на манеръ рисунка на оберткѣ стихотвореній его „Сумерки“); въ медальонѣ помѣщенъ рельефный портретъ поэта, чрезвычайно схожій, съ слѣдующею надписью изъ его стихотворенія „Отрывокъ“:

Въ смиреннѣ сердца надо вѣрять  
И терпѣливо ждать конца.

Пожалѣлъ я, что надпись не заключаетъ въ себѣ слѣдующаго четверостишія изъ того же „Отрывка“:

Тамъ, за могильнымъ рубашемъ.  
Синеть день незаходимый,  
И оправдается Незримый  
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ!..

При взглядѣ на памятникъ Баратынскаго, сейчасъ колѣна мои невольно подогнулись, и я усердно помолился о успокоеніи прекрасной души его въ тѣхъ небесныхъ селеніяхъ, которыя она еще здѣсь провидѣла и гдѣ, надѣмся, по милосердію Божію, должна находиться.

Не оставляла меня своимъ лестнымъ довѣріемъ до самой своей кончины, и вдова Евгения Абрамовича. Настасья Львовна, женщина замѣчательнаго ума и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Она пережила супруга своего безъ малаго 16-ю годами. Покойный Н. Ѳ. Стриневскій сказывалъ, что Евгенийъ Абрамовичъ не выпускалъ въ свѣтъ ни одной піесы, безъ ея одобренія.

Да почиетъ и ея прахъ въ мирѣ, а чистая душа ея да сольется въ Божествѣ съ подобною душою земнаго ея мужа!

*Петръ Кичеевъ.*

## ДВА ПИСЬМА

министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына къ директору Царско-сельскаго Лицея В. А. Энгельгарту.

Подлинники этихъ писемъ принадлежатъ сыну Энгельгарта, Владиміру Егоровичу, у котораго мы испросили изволенія ихъ напечатать. Письма эти любопытны, изображая, хотя и бѣглыми чертами, тѣ отношенія, которыя существовали между памятнымъ въ исторіи Русской педагогіи директоромъ Царско-сельскаго Лицея и его непосредственнымъ начальникомъ, *другомъ царевымъ*. Изъ Записокъ И. И. Пущина (Атеней 1859, № 8) и изъ другихъ печатныхъ указаній мы знаемъ, что Энгельгартъ пользовался особеннымъ благорасположеніемъ императора Александра Павловича и заслуживалъ онаго своимъ необыкновенными способностями къ воспитанію юношества; но немногіе, можетъ быть, знаютъ тѣ случайныя поводы, вслѣдствіи которыхъ государь ближе узналъ Энгельгарта. Рижскій уроженецъ Энгельгартъ (1775—1862) состоялъ при князѣ Потемкинѣ и въ 1791 г. между прочимъ принималъ участіе въ устройствѣ извѣстнаго Потемкинскаго праздника. По смерти князя онъ находился при гр. Литтѣ (женатомъ на племянницѣ Потемкина) по дѣламъ Мальтійскаго ордена. Государь прогнѣвался на гр. Литту, который долженъ былъ оставить Петербургъ; но Энгельгартъ продолжалъ завѣдывать церемоніальною частью ордена и имѣлъ случаи лично бесѣдовать съ Павломъ Петровичемъ, который нѣкоторое время присутствовалъ въ засѣданіяхъ Капитула и строго слѣдилъ за исполненіемъ всѣхъ орденскихъ формальностей. Энгельгартъ долженъ былъ изучить сіи послѣднія. Въ одномъ изъ засѣданій великому князю Александру Павловичу надо было о чемъ то докладывать государю. Энгельгартъ предварительно разсказалъ ему всѣ частно-

сти и подробности, такъ что въ засѣданіи императоръ Павелъ изумленъ былъ познаніями своего наслѣдника въ дѣлѣ, которымъ на ту пору такъ страстно былъ онъ занятъ. „Вижу въ тебѣ настоящего своего сына!“ воскликнулъ съ восторгомъ Павелъ Петровичъ, призвавъ къ себѣ скромнаго и смущеннаго юношу и торжественно обнялъ его. Александръ Павловичъ сказалъ послѣ этого Энгельгарту, это ему обязанъ онъ отцовскими обѣтями и никогда этого не забудеть.

Оба помѣщаемыя здѣсь письма писаны изъ Москвы, куда переѣхалъ тогда (1817) весь высочайшій дворъ. П. Б.

### I.

Извините меня, милостивый государь мой Егоръ Антоновичъ, что я замедлилъ моимъ отвѣтомъ: не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе что долженъ вамъ отвѣчать своеручно. Вы пишете мнѣ о вашихъ обстоятельствахъ и должны быть увѣрены, что я охотно желаю вамъ быть полезнымъ; но, не зная здѣсь, сколько получаете жалованья, не могъ я представить государю по вашему отношенію. Съ первою почтою увѣдомьте меня что получаете вы жалованья, для того, что я увѣренъ при докладѣ, вѣрно, государь спроситъ, сколько вы получаете жалованья. Вы напрасно опасаетесь на счетъ моихъ мыслей о васъ; будьте увѣрены, что я ихъ основываю на вашихъ дѣлахъ, коими я столько доволенъ, сколько возможно. О состояніи же вашемъ натурально что нельзя вамъ не заботиться, имѣя семью; а я съ своей стороны за долгъ считалъ буду представить положеніе ваше государю, который уже рѣшитъ по его благоизволенію.

Порадовался, увидя изъ письма вашего, какъ Богъ явно спасъ сына ва-

шего, и примѣчательно то, что орудиемъ сего Промысла Божія былъ Карамышевъ, о которомъ вы такъ хлопотали, чтобъ его помѣстили, какъ бы предчувствуя услугу, которую онъ долженъ былъ слѣдовать. Вотъ теперь связь на всегда сдѣлана между имъ и вашимъ сыномъ (\*).

Вы пишете, что у васъ въ дворцѣ Царскосельскомъ и вездѣ чистятъ и посыпаютъ пескомъ для прибытія государя, а что вы симъ пользуетесь. Я оное пересказалъ государю, а онъ велѣлъ вамъ написать, что вы не благодарные, ибо онъ велѣлъ чистить и посыпать пескомъ для васъ, жителей Царскосельскихъ; а вы относите это къ приуготовленіямъ, дѣланнымъ для его величества. Вы видите, что государь и въ отсутствіи печется о васъ.

Прощайте, будьте здоровы и кланяйтесь Лицейнымъ и Пансіоннымъ, которые лучше другихъ изъ своей собратіи. Вашъ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Москва  
4 Ноября  
1817

Р. С. Государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, не можно ли устроить такъ, чтобъ можно было помѣстить въ Лицей, а не въ Пансіонъ, не въ примѣръ другимъ, молодого графа Шереметева, съ тѣмъ, что ежели онъ по наукамъ не можетъ быть въ курсѣ Лицея, то дома могъ бы получать уроки и когда сравнялся бы съ учениками Лицея, то тогда бы онъ ходилъ въ классы съ прочими.

(\*) Воспитаникъ Карамышевъ (Модестъ Дмитріевичъ) болѣе опредѣленъ въ Лицей по энергическому ходатайству Энгельгарта, хотя вмѣсто него хотѣли помѣстить сына какого то вельможи. Карамышевъ спасъ директорскаго сына отъ потопленія въ Царскосельскомъ пруду.

Вотъ предположеніе его величества. Онъ желаетъ знать ваше мнѣніе, чтобъ потомъ рѣшиться, какъ поступить. Не говорите о семъ никому, ибо государь ничего еще положительнаго не сдѣлалъ. Онъ, вы, да я только о семъ извѣстны.

**Примѣчаніе Энгельгарта на этомъ письмѣ.**

Изъятія изъ хорошихъ правилъ всегда вредны, а это изъятіе преимущественно вредно: богатство Шереметева не даетъ ему никакого права на сіе преимущество, и потому я полагаю, что поступленіе его не должно имѣть мѣста.

Графъ Шереметовъ такъ и не поступилъ въ лицей.

## II.

Москва 3 Декабря 1817.

Извините меня, что такъ давно не отвѣчалъ на ваши письма, по причинѣ что не имѣлъ еще самъ отвѣта или лучше сказать еще не докладывалъ. Теперь спѣшу вамъ дать пріятное извѣстіе, въ которомъ я и не сомнѣвался, ибо государь охотно награждаетъ тѣхъ, кои столь полезны какъ вы. Его величество нашель только, что серебромъ нельзя дать жалованья для примѣра: всякой станетъ просить, что невозможно, а онъ приказалъ мнѣ заготовить указъ, такъ, чтобъ вамъ положено было сверхъ жалованья пять тысячъ столовыхъ да двѣ тысячи на переѣзды по должности изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Я спѣшилъ вамъ дать сіе извѣстіе прежде, чѣмъ указъ подписанъ.

О шкафахъ съ бібліотекою буду писать по высочайшему повелѣнію къ генералу Захаржевскому (\*) объ

(\*) Полциеймейстеръ Царскаго Села, въ то время артиллеріи генераль-майоръ Яковъ Васильевичъ Захаржевскій.

отдачѣ оныхъ, а объ оградѣ государь мнѣ сказалъ, что онъ уже назначилъ линію какъ забору быть, а вамъ велѣлъ снестись съ Захаржевскимъ. Ежели вамъ достаточно будетъ для цѣли нашей то напишите ко мнѣ, и можетъ Лицей на свои деньги оное выстроить, а къ Захаржевскому князь Волхонской будетъ писать съ своей стороны по повелѣнію государеву; но еще не писано, такъ вы можете освѣдомляться, и послѣ сей конференціи вы мнѣ скажете окончательное ваше мнѣніе. Сіе дѣло не можемъ мы кончить.

Супругѣ вашей мое нижайшее почтеніе. Пребываю навсегда вашъ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Радуюсь, что во вѣхъ письмахъ вашихъ вижу, что у васъ благополучно.

### ПИСЬМО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА“

Мы получили отъ его высокопревосходительства, господина управляющаго Морскимъ Министерствомъ Н. К. Краббе слѣдующее письмо. *Н. К.*

Милостивый государь Петръ Ивановичъ. Изъ возраженій, появляющихся въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ противъ статьи „Изъ записокъ Севастопольца“, помѣщенной въ № 12-мъ „Русскаго Архива“ за 1867 г., вамъ извѣстно, какое сильное, всообщее негодованіе возбуждено живыми показаніями этой статьи.

Чувство это проявилось еще съ болѣею силою въ кругу моряковъ и, особенно, въ средѣ офицеровъ прежняго Черноморскаго флота, близки знавшихъ покойныхъ адмираловъ: Лазарева, Кор-

нилова и Нахимова, не по однимъ только служебнымъ отношеніямъ, но и въ домашнемъ ихъ быту.

Въ телеграмахъ, протестахъ и заявленіяхъ, получаемыхъ мною со всѣхъ сторонъ отъ лицъ, служащихъ и служившихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, выражается общее негодованіе, возбужденное статью, набрасывающею тѣнь на имена людей, составляющихъ гордость и славу Русскаго флота.

Главный начальникъ флота, Государь Великій Князь Генераль Адмиралъ, раздѣляя чувства своихъ сослуживцевъ, и притомъ имѣя въ виду, что для исторіи государственныхъ дѣятелей драгоценны правдивыя заявленія современниковъ, коротко знакомыхъ съ ихъ общественною и частною дѣятельностію, изволилъ поручить мнѣ просить васъ, милостивый государь, помѣстить настоящее письмо мое на страницахъ вашего журнала, имѣющаго цѣлю, добросовѣстнымъ собраніемъ матеріаловъ, облегчить труды будущихъ историковъ.

Честь нашего флота и справедливость требуютъ, чтобы рядомъ со статьею, выражающею личное возрѣніе одного неизвѣстнаго лица, историкъ (на долю котораго выпадетъ лестный трудъ составленія біографіи творцевъ нравственной силы Черноморскаго флота, безсмертныхъ въ памяти моряковъ, доблестныхъ гражданъ и славныхъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова и Нахимова) имѣлъ предъ собою единодушное заявленіе полнѣйшаго негодованія всего Русскаго флота къ живымъ обвиненіямъ со стороны анонимнаго автора, тщательно скрывающаго свое имя. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

*Н. Краббе.*

Петербургъ.  
6 марта 1868 г.

## ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Обиліе собираемыхъ нами историческихъ бумагъ и статей подаетъ намъ счастливую возможность, независимо отъ Русскаго Архива и — какъ смѣемъ надѣяться — — не въ ущербъ содержанію онаго, печатать особый сборникъ, уже не тетрадами, а безсрочно выходящими книгами подъ заглавіемъ:

## ОСМНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ.

Содержаніе первой, появившейся книги этого историческаго сборника, помѣщено на оберткѣ нынѣшняго выпуска Русскаго Архива. Для второй книги между прочимъ приготовлено:

1. Письма о Россіи Испанскаго посла *Дюка-де-Лиріи* (переводъ съ неизданныхъ подлинниковъ).
2. Переписка братьевъ *графовъ Чернышевыхъ* съ И. И. Шуваловымъ.
3. Бумаги И. И. Шувалова.
4. Антидомъ, полетическое сочиненіе Екатерины II-й.
5. Семейство Разумовскихъ, біографическое изслѣдованіе *А. А. Васильчикова*, и пр. и пр.

- 5; Дидро. Біографическій очеркъ, соч. *М. Θ. Шукурова*. 267—305
6. Обрядъ при Высочайш. шествіи Ея Имп. Величества чрезъ Харьковское намѣстничество [1787] *В. А. Черткова*. 306—313
7. Изъ Записокъ гр. *Е. Θ. Комаровскаго* [Времена Екатерины]. 314—341
8. Два письма *графа Эстергази* изъ Петербурга къ женѣ своей (о Екатеринѣ II-й). 352—360
9. Изъ бумагъ *А. П. Мельгунова*. 361—364
- а) Рескриптъ Императрицы Екатерины II-й [361 стр.].
- б) Письмо *П. В. Завадовскаго* къ Мельгунову [362 стр.].
- в) Запѣтки о могилѣ *А. П. Мельгунова* [363 стр.]. *Л. Н. Трефолева*.
10. Выписки изъ Архива Канцеляріи Прибалтійскаго Генерала-Губернатора; 367—424
- Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю, распоряженія касательно востановленія Вирона въ Курляндіи, о новомъ самозванцѣ и пр. и пр., [367 стр.].
11. Цезаурная вѣдомость 1786—1788 годовъ 425—454
12. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохранности церковныхъ древностей. 455—464

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Иногородные обращаются исключительно въ Москву къ *П. И. Бартеневу*.

Отпечатано второе (дополненное и исправленное) изданіе книги **ИЕЗУИТЫ** и ихъ отношеніе къ Россіи, сочиненіе *Ю. Θ. Самарина*. Цѣна одинъ рубль въ Москвѣ и Петербургѣ. Съ пересылкою въ другіе города 1 р. 25 к.

## ДЛЯ ШКОЛЬ НОВАЯ КНИГА.

Гражд и Церковная, съ обуч. чтенію по всякъ методѣ, легко и скоро. въ ней же: Христоматія, со статьями необх. и полезныхъ для всякаго знаній, молитвы и заповѣди съ объясн.; церковно-славянскій словарь, прописи съ правилами правописаніе ариѳметика съ упражн. въ умѣ, на письмѣ и счетахъ, листъ крупн. буквъ, указатель полезн. книгъ, 310 стран., съ картинок. У-Борисо-Глѣб., на Арбатѣ, *діакона Бухарева* и въ лавкахъ. Москва. Цѣна 25 коп. Иногородные за 1-2 экз. и на пересылку ихъ прилагаютъ марки.

# РУССКІЙ АРХИВЪ

## 1868

(ГОДЪ ШЕСТОЙ)

Подписка принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ у А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **ШЕСТЬ** рублей.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1863 и 1864 по 4 р., 1865, 1866 и 1867 по 5 р. Пересылка по 50 к., за каждый годъ Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. Желающіе получить *всѣ пять летъ вмѣстѣ* высылаютъ 23 рубля, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ,—платятъ съ пересылкою 28 р.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію 7 р.; во Францію и Бельгію 7 р. 50 к.; въ Анлію 8 р.; въ Швейцарію и Італію 9 р.*

Тамъ же

### **ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.**

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII 240 и VIII стр.) Цѣна  
1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75к.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартаверъ.**



ГОДЪ

ШЕСТЫЙ

# РУССКІЙ ЯРМЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

6.

П Р И

1868.

## ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

### СОДЕРЖАНІЕ.

1. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами въ 1812 году, Статья *Н. С. Киселева* (по подлиннымъ бумагамъ).
2. Какъ былъ взятъ Русскими войсками городъ Соассонъ и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 года. Изъ Дневника и воспоминаній *И. П. Липранди*.
3. Воспоминаніе о М. Л. Магницкомъ. Некрологическая статья *А. С. Стурдзы*.
4. Замѣтка о сосланномъ въ Сибирь стихотворцѣ Мещевскомъ. *Н. П. Б—кова*.
5. Къ исторіи библейскихъ обществъ въ Россіи (письма митрополита *Серафима*, епископа Пензенскаго *Иннокентія*, архимандр. *Фотія* и графа *Аракчеева*) съ примѣчаніями священника *М. М. Морошкина*.
6. Настоящій рассказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ графа *Аракчеева*, *А. П. Бровцына*.
7. Холера въ Петербургѣ въ 1831 г. Рассказъ очевидца, *И. В. С—ва*.
8. Еще о графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ *И. И. Дмитріеву* и кн. *Д. В. Голицыну*, и характеристика его болѣзни, доктора *В. Малиновскаго*).
9. Два письма *М. Т. Каченовскаго* къ *Н. И. Гиздичу*.
10. Письма *А. С. Пушкина* и *В. А. Жуковскаго* къ *М. Н. Загоскину*.
11. Письмо *Д. В. Давыдова* къ *В. А. Жуковскому*, при посылкѣ уса.
12. Воспоминаніе о *П. Я. Чаадаевѣ*, статья *Д. П. Свербева* (1856).
13. Кавказскіе праздники. Глава изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго*.
14. Замѣтки и поправки: а) *И. С. Ульянова*, (о великомъ князѣ *Константинѣ Павловичѣ*) и б) *С. Д. Комовскаго* (о Московской присягѣ 1825 года).

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1868.

## ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ,

## ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

## КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги (извлеченныя изъ
2. Московскаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ) касательно родителей и приѣзда въ Россію Екатерины II-й. 1—44  
Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія (о движеніяхъ Хана Крымскаго, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками, и о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ съ новыми свѣдѣніями объ этомъ заговорѣ, по современнымъ бумагамъ). 45—51
3. Письма Екатерины II-й къ князю Михаилу Никитичу Волконскому, и при нихъ. 52—162
  - а) Всеподданѣйшее мнѣніе князя Михайлы Волконскаго на данныя отъ Ея Императорскаго В—ства собственноручные пункты [53 стр.].
  - б) Отвѣтныя письма князя М. Н. Волконскаго (о гр. Панинѣ) [97—98 стр.].
  - в) Отвѣтныя письма кн. М. Н. Волконскаго (о Пугачевѣ). [стр. 100, 103, 104, 105, 112, 115—117, 119, 123—124, 128, 130—131, 135 и 137.].
  - г) Отвѣты князя М. Н. Волконскаго, о разныхъ предметахъ. [стр. 109, 136 и 138.].
  - д) Донесенія князя Волконскаго о привозѣ съ Москву Пугачева и о показаніяхъ его. [стр. 123—136].
  - е) Копія съ письма Яицкихъ Казаковъ къ гр. Г. Г. Орлову. [стр. 365].
  - ж) Копія съ даннаго Казакамъ отъ его свѣтлости, гр. Гр. Орлова, паспорта [стр. 366].
4. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 годъ. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*: 163—256
  - а) Предисловіе. [стр. 163].
  - б) Выписки изъ соч. Фридриха Великаго: „Исторія моего времени“ [165 стр.].

## ДѢЛО О ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ МОСКОВСКАГО ПРАВЛЕНІЯ, УЧРЕЖДЕННАГО ФРАНЦУЗАМИ, ВЪ 1812 ГОДУ.

Солдаты „великой арміи“, вступая въ Москву, рассчитывали на лавровые вѣнки, на теплыя квартиры, долгій отдыхъ, обильную пищу и богатую поживу. Въмѣсто всего этого они нашли пустыя улицы, покинутые дома и склады всякаго добра, брошеннаго не для ихъ поживы, а въ жертву огня, зажженнаго рукою патріота. Разочарованіе было полное. Дозволенный грабежъ не могъ удовлетворить всѣхъ. Напрасно маршалы и генералы старались убѣжденіемъ и угрозами удержать грабителей и спасти остатки провіанта, для правильнаго продовольствія арміи: безпорядки не прекращались, а жизненные средства истощались все болѣе и болѣе. На ласковыя воззванія, обращенныя къ окрестнымъ жителямъ столицы, отъ лица вражескихъ начальниковъ, съ приглашеніемъ снабжать съѣстными припасами городскіе рынки, — рассчитывать было невозможно (1). Надо было найти мѣры, которыя бы могли внушать болѣе довѣрія: и вотъ Наполеонъ призываетъ на помощь самихъ московскихъ жителей, изъ среды которыхъ образуетъ городское управленіе.

Въ этомъ распоряженіи, заботы объ облегченіи бѣдствій жителей стояли конечно на второмъ планѣ: оставшееся населеніе было такъ немногочисленно (2),

(1) См. случай, разсказанный на стр. 796 Русск. Арх. 1864 г., 2-го изданія.

(2) Ростопчинъ, отвѣчая на запросы Кутузова, въ отношеніи своемъ, отъ 28 окт. 1812 г., № 41, пишетъ, что онъ не можетъ точно опредѣлить число оставшихся въ Москвѣ жителей, но полагаетъ, что, при вступленіи непріятель, ихъ было около 10,000, а при выступленіи — около 3,000 (изъ секретнаго дѣла, хра-

что обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, учреждаемаго военнаго управленія (при усиленныхъ караулахъ, патруляхъ и развѣздахъ) было бы вполнѣ достаточно, для огражденія мирныхъ обывателей; и будь дѣятельность двухъ губернаторовъ и коменданта (3) направлена къ этой цѣли, не потребовалось бы участія жителей въ правленіи. Да наконецъ назначеніе интенданта Лессепа председателемъ муниципальнаго правленія не прямо ли указываетъ на главную функцію новаго учрежденія — заботиться о продовольствіи нуждавшагося во всемъ войска?

На обязанности городскаго управленія, раздѣленнаго на шесть отдѣленій (bureaux) лежали: закупка провіанта, размѣщеніе войскъ по квартирамъ, содержаніе улицъ, дорогъ и мостовъ, очищеніе улицъ отъ труповъ, освѣщеніе города, наблюденіе за порядкомъ и тишиной, чиненіе правосудія, смотрѣніе за гошпиталями, огражденіе порядка богослуженія, надзоръ за ремесленниками и пособіе нуждающимся жителямъ. Кругъ его дѣятельности, какъ видно, былъ обширенъ; но трудно опредѣлить, на сколько эта дѣятельность была благотворна для города и жителей, съ одной стороны, и для наполеоновской арміи — съ другой. Разсказы очевидцевъ изъ обывателей не свидѣтельствуютъ,

ничаго въ московскомъ губернскомъ архивѣ, подъ №№ 18 и 189,813, и, вмѣстѣ съ другимъ дѣломъ, которое послужило матеріаломъ для настоящей статьи, обязательно сообщеннаго въ редакцію Русскаго Архива Д. И. Иловайскимъ).

(3) Генераль-губернаторомъ былъ маршалъ Мортъе, губернаторомъ — Дюронель, комендантомъ — графъ Милліо.

чтобы, во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ, имъ ощутительна была какая либо переменна къ лучшему. Что же касается до продовольствія войска, то извѣстно, что, при выступленіи непріятеля изъ столицы, были сожжены имъ значительные хлѣбные магазины, что и за тѣмъ, вошедшими въ Москву, русскими войсками найдено было нѣсколько лабазовъ съ хлѣбомъ<sup>(4)</sup>, и что движеніе французской арміи затруднялось большими стадами рогатаго скота<sup>(5)</sup>; такъ что можно предполагать, что, въ этомъ отношеніи, если не собственно муниципалитетъ, то нѣкоторые изъ членовъ его отчасти помогли французскимъ интендантамъ.

Личный составъ муниципалитета, не считая предсѣдателя-интенданта, состоялъ изъ головы, его товарищей, членовъ, секретаря и казначея. Полицейская часть была поручена полицмейстеру, комиссарамъ и ихъ помощникамъ. При управленіи состояли переводчики и особые чиновники, для закупки провіанта и для другихъ секретныхъ порученій.

Сознательно принявшихъ на себя званія и должности изъ рукъ непріятеля было самое ничтожное число: нѣсколько иностранцевъ, которыхъ было половина на общее число всѣхъ должностныхъ лицъ; еще менѣе Русскихъ, и между ними такіе, которые еще до этого были замѣнены въ разныхъ предсудительныхъ дѣлахъ и надѣялись, пользуясь покровительствомъ враговъ, поживиться чужимъ добромъ. За тѣмъ были и въ расплехъ захваченные, которые, принятіемъ на себя не прямо компрометирующей обязанности, спасали себя и семью отъ голодной смерти. Большая же часть, какъ выразился Сенатъ, судившій ихъ проступки, — вступила въ правленіе по слабости духа и покорилась неволи и праву сильнаго.

(4) Донесеніе изъ Москвы, отъ 21 октября (Русск. Арх. 1866 г., стр. 699).

(5) Исторія отечественной войны г. Богдановича, т. III, стр. 6.

Тѣмъ не менѣе, хотя, въ большинствѣ случаевъ, должностныя лица правленія и вербовались насильно, но непріятель почелъ нужнымъ сдѣлать уступку требованіямъ совѣсти и придалъ ихъ обязанностямъ характеръ, маскировавшій измѣну: новое городское управленіе назначалось не для однихъ интендантскихъ операцій, а для водворенія порядка въ городъ и для огражденія безопасности жителей столицы.

Наконецъ, въ оправданіе тѣхъ московскихъ чиновниковъ, которые остались въ покинутой столицѣ и тѣмъ подвергли себя угрозамъ и насилію, (вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ нашлись вынужденными искать спасенія въ принятіи должностей) приведемъ подлинныя слова Ростопчина, имѣющія къ тому же интересъ болѣе общій, и которыми онъ оканчиваетъ свой рапортъ Сенату<sup>(6)</sup>: „Въ заключеніе сего, я поставляю долгомъ Правительствующему Сенату донести, что всѣмъ, въ Москвѣ, находившимся чиновникамъ, при нашествіи непріятельскомъ, невозможно было дать повелѣнія о выѣздѣ: 1) потому что главнокомандующій тогда арміями, князь Кутузовъ заблаго-разсудилъ увѣрять меня письмами, а народъ — печатными извѣщеніями, что онъ надѣется, и послѣ Бородинской баталіи, отстоять столичный градъ отъ непріятеля, бывъ рѣшенъ защищать его, что мнѣ еще повторилъ 1-го сентября, въ часъ пополудни, на Поклонной горѣ; а того же дня рѣшиться изволилъ оставить въ ночь Москву, о чемъ мнѣ далъ знать въ 12-мъ часу ночи. 2) Всякое заблаговременное не только повелѣніе оставить Москву, но и сама малѣйшее подозрѣніе произвело бы бунтъ, со всѣми бѣдственными его послѣдствіями; а моя цѣль состояла

6, 28-го іюли 1814 г., № 2179 (дѣло о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, бывшихъ при непріятелѣ и подлежащихъ разбирательству комиссіи, на сей предметъ учрежденной. Москов. губерн. арх., № 14, — № 189,809; по старой описи № 61, № 57).

„единственно въ томъ, чтобъ спокойствіемъ Москвы сохранить спокойствіе и во всей Россіи, спасти жителей столицы и оставить ее на погибель непріятели, безъ людей и безъ пищи: въ чемъ, благодареніе Всевышнему! успѣлъ совершенно“.

12-го октября, въ Москву вошли русскія войска (7). Иловайскій, Бенкендорфъ (8) и кн. А. А. Шаховской тотчасъ приступили къ нелегкому дѣлу водворенія порядка въ разоренной столицѣ. Обращено было вниманіе и на должностныхъ лицъ французскаго правленія. По приказанію Бенкендорфа, исправлявшій должность полицмейстера, маіоръ Гельманъ арестовалъ бывшаго голову, купца Находкина, захватилъ всѣ его бумаги и книги; руководствуясь найденнымъ между ними спискомъ, со всѣхъ, опредѣленныхъ въ разныя должности, чиновниковъ (кромѣ Бестужева-Рюмина, не оказавшагося въ Москвѣ) отобралъ объясненія, обязалъ ихъ подписками не

(7) Замѣчательна невѣрность въ обозначеніи этого знаменательнаго для Россіи дня, у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей: Бантышъ-Каменскій, въ своемъ »Словарь достопамятныхъ людей« (1847 г., т. III, стр. 161), относитъ вступленіе Иловайскаго къ 11-му октября; въ »Учебной книгѣ русской исторіи« Соловьева повторяется та же ошибка; въ книгѣ г. Богдановича, выходя изъ Москвы послѣднихъ непріятельскихъ войскъ и вступленіе въ нее Иловайскаго обозначены подъ однимъ и тѣмъ же 11-мъ (23-мъ) числомъ. Между тѣмъ каждому московскому жителю извѣстно, что избавленіе Москвы отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати изыковъ ежегодно празднуется церковнымъ ходомъ вокругъ всего кремля, въ ближайшее воскресенье къ 12-му октября. И понятно почему празднуется именно 12-ое, а не 11-ое число: вслѣдъ за выходомъ Мортъе, послѣдовавшимъ, по свидѣтельству автора »Исторіи отечественной войны«, вечеромъ въ шесть часовъ 11-го (23-го) числа, наступила страшная для Москвы ночь, — ночь взрывовъ и пожаровъ; слѣдовательно 11-ое число никакъ нельзя принять за день избавленія, который и могъ только наступить съ новой зарей, когда Иловайскій, узнавъ о выходѣ Мортъе, вошелъ въ городъ *позутру*, какъ свидѣтельствуется у г. Богдановича.

(8) Г. Богдановичъ (г. III, стр. 23) называетъ при этомъ генераль-маіора Бенкендорфа полковникомъ.

выѣзжать изъ Москвы и приставилъ за ними надзоръ. Бумаги, книги и списки, найденные у купца Находкина, были немедленно препровождены къ государю (9). Но въ упомянутомъ спискѣ перечислены были не всѣ лица, которые приняли участіе во французскомъ правленіи; многія изъ нихъ уже успѣли выбраться изъ Москвы, вслѣдъ за войскомъ маршала Мортъе (10).

Въ это время Ростопчинъ, зорко слѣдившій изъ Владиміра за всѣмъ, что происходило и въ Москвѣ, и въ русской арміи, и у непріятели, не переставалъ своими воззваніями поддерживать въ народѣ бодрость духа и грозилъ малодушнымъ, которые »злодѣи послушаютъ и къ Французу преклонятся«, судомъ и поруганіемъ въ здѣшней жизни и вѣчнымъ огнемъ — въ будущей (11). Между тѣмъ военныя и гражданскія власти и начальники ополченій доставляли ему разныя свѣдѣнія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ непріятеlemъ, и препровождали на его распоряженіе людей, уличенныхъ въ подговариваніе крестьянъ снабжать непріятели провіантомъ, или въ оказаніи ему другихъ услугъ. Ростопчинъ помѣщалъ ихъ временно во владимірскій острогъ, откладывая дальнѣйшее разслѣдованіе ихъ виновности до болѣе удобнаго времени. Пылкость Ростопчина, особенно въ дѣлахъ, затрогивавшихъ его патріотическія опасенія, вовлекала его при этомъ въ невольныя ошибки (12). Новиковъ и

(9) См. рапортъ Иловайскаго Ростопчину, отъ 16-го октября (Русск. Архивъ 1866 г., стр. 695—697); при рапортѣ напечатанъ и упомянутый здѣсь списокъ.

(10) Ист. отеч. войны, т. III, стр. 21.

(11) Посланіе къ крестьянамъ, жителямъ московской губерніи, обнародованное 20-го сентября (Собр. соч. гр. Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 178—182).

(12) Впослѣдствіи, во время производства слѣдствія, отвѣчая на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ — нѣкоторымъ невиннымъ купцамъ дозволить, для устройства своихъ дѣлъ, выѣздъ изъ Москвы, — Ростопчинъ выразился, что тутъ невинныхъ нѣтъ, а есть болѣе или менѣе виновные, и потому онъ считаетъ невоз-

его друзья также обратили на себя внимание подозрительнаго патриота; но неосновательность этихъ подозрѣній пала сама собою, и уже, въ слѣдственномъ дѣлѣ, изъ именъ, связанныхъ съ воспоминаніями о бывшей типографской компаніи, встрѣчается только имя Ключарева, и то не самаго Федора Петровича, а сына его, который впрочемъ былъ совершенно оправданъ и ни въ чемъ пресудительномъ не изобличенъ.

Возвратившись въ Москву, Ростопчинъ, съ свойственной ему неутомимостью и энергіей, сталъ продолжать начатое Иловайскимъ и Бенкендорфомъ дѣло, и особенныя заботы обратилъ на положеніе бѣднѣйшихъ жителей столицы. По его представленію о домахъ и имуществѣ тѣхъ, которые послѣдовали за непріателемъ, комитетъ министровъ разрѣшилъ ему (13) — дома, до времени, конфисковать въ казну и употребить на нужныя помѣщенія, а имущество продать съ публичнаго торга и деньги обратить на вспоможеніе наиболѣе нуждающимся обывателямъ. Вместе съ тѣмъ учреждена была (14) слѣдственная коммиссія по дѣлу о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, бывшихъ при непріятелѣ въ разныхъ должностяхъ. Членами этой коммиссіи были назначены Ростопчинъ и два петербургскіе сенатора, Модерахъ и Болотниковъ. Тотчасъ Ростопчинъ снесся со всѣми начальниками губерній, лежащихъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, съ просьбой высылать въ Москву всѣхъ доставленныхъ къ нимъ съ передовыхъ нашихъ постовъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ (15).

возможнымъ допустить этихъ купцовъ развѣзжать по Россіи, безъ высочайшаго на то разрѣшенія (4-го сентября 1813 г.).

(13) Отношеніе комитета, отъ 11-го ноября 1812 г., за № 171.

(14) Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, 3-го ноября 1812 г.

(15) Въ числѣ лицъ, пересланныхъ, вслѣдствіе этого распоряженія, въ Москву, оказалось много такихъ, которыя не имѣли ничего общаго съ московскимъ муниципалитетомъ, и занимали

Скоро матеріала для дѣятельности коммиссіи набралось много; такъ что, 3-го декабря, увѣдомляя петербургскаго главнокомандующаго Вязмитинова о полученіи захваченныхъ у купца Находкина бумагъ, Ростопчинъ извѣщалъ его, что въ тотъ же день коммиссія откроетъ свои засѣданія (16). Слѣдственная коммиссія исполнила свое дѣло менѣе чѣмъ въ три мѣсяца; и 16-го февраля 1813 года, Ростопчинъ представилъ оконченное слѣдствіе министру юстиціи, который передалъ его въ Сенатъ. Нѣсколько разъ Сенатъ требовалъ дополнительныхъ свѣдѣній о подсудимыхъ; напелъ возможнымъ освободить нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ содержанія въ тюрьмѣ и отдать ихъ, до окончанія дѣла, на поруки (17); и наконецъ, 8-го іюля 1813 г., препроводилъ въ московское губернское правленіе указъ, заключавшій сужденіе о степени виновности каждаго изъ подсудимыхъ и постановленіе надъ ними приговора. „Виновны“, говорилъ сенатскій указъ, „большую частью состоятъ въ одной только слабости духа, не позволившей имъ упорствовать съ твердостью противъ угрозъ и насилій безчеловѣчнаго врага, коего власти покорены были они неволею и правомъ сильнаго“. Однако были и такіе, „коихъ пресудительныя поступки и подозрительныя дѣйствія, въ исполненіи возложенныхъ на нихъ отъ непріятеля обязанностей и разныхъ порученій, обнаруживаютъ въ нихъ людей сомнительной нравственности и правилъ, противныхъ какъ святости присяги вѣрноподаннаго, такъ и обязанностямъ добраго гражданина“. Къ

подобныя должности въ Смоленскѣ. Ростопчинъ, находя, что слѣдствіе о такихъ лицахъ удобнѣе производить на мѣстѣ, и имѣя въ виду, что московская коммиссія учреждена исключительно для Москвы, представилъ этотъ вопросъ, черезъ посредство Вязмитинова и Балашова (6-го февр. 1813 г., № 336 и 337, на усмотрѣніе государя; и черезъ нѣсколько времени, въ Смоленскѣ была учреждена особая коммиссія.

(16) Отношеніе Ростопчина за № 249.

(17) Указъ сената, отъ 29-го января 1814 г.

числу такихъ отнесены 22 лица, виновность которыхъ мы прослѣдимъ, по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ.

Отставной прапорщикъ Паланжъ и гимназическій учитель Реми, оба исправлявшіе должности комиссаровъ, были изблечены въ распространѣніи непріятельскихъ прокламацій; и Сенатъ приговорилъ ихъ къ лишенію чиновъ и личнаго дворянства и къ ссылкѣ на житье въ Тобольскъ.

Коммиссаръ Бушотъ, иностранецъ, принимавшій присягу, былъ уличенъ въ представленіи французскимъ властямъ рапорта, въ которомъ выражалъ необходимость принять мѣры противъ русскихъ раненыхъ. Какъ измѣнившій присягу, онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Иностранцевъ Фабера, Ивана Визара и Лаланса, принявшихъ должности комиссаровъ и изблеченныхъ въ стараніи внушать довѣріе къ французскому правительству, въ вербованіи полицейскихъ служителей и подговариваніи обывателей доставлять непріятелю жизненные припасы, Сенатъ приговорилъ къ высылкѣ за границу.

Купецъ Смирновъ, бывшій комиссаромъ при правленіи, былъ схваченъ крестьянами Вохонской волости, гдѣ распространялъ непріятельскія прокламаціи и угovarивалъ возить въ Москву всякіе припасы. Сенатъ присудилъ его къ наказанію плетьюми и зачисленію въ рабочіе по уѣздному городу.

Дѣло о членѣ вотчиннаго департамента Бестужевъ-Рюминъ уже довольно извѣстно по тремъ статьямъ, помѣщеннымъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“ (18). Здѣсь же достаточно будетъ указать, въ нѣсколькихъ словахъ, на то, что имѣлъ въ виду Сенатъ, при сужденіи и виновности этого чиновника: Бестужевъ-Рюминъ жилъ въ одномъ домѣ съ адъютантомъ Наполеона, подполковникомъ Фонъ-Низельтомъ;

имѣлъ на своихъ воротахъ надпись — „Жилище товарища городского головы;“ пользовался защитой Французовъ и носилъ черезъ плечо отличительный знакъ, въ видѣ красной перевязи. Кроме того уже состоявшееся заключеніе комитета министровъ (октябрь 1814 г.) дѣлало Бестужева отвѣтственнымъ за утрату экономической суммы вотчиннаго департамента. Но главный поводъ къ подозрѣніямъ онъ далъ тѣмъ, что выѣхалъ изъ Москвы именно въ самый день вступленія нашихъ войскъ и не явился тотчасъ къ начальнику этихъ войскъ, генералу Иловайскому; что онъ не былъ вынужденъ къ столь поспѣшному выѣзду крайностью своего положенія, доказывалось, по мнѣнію Сената, тѣмъ, что онъ пріѣхалъ въ деревню братьевъ своихъ, съ двумя повозками и въ сопровожденіи своихъ служителей. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ не могла не служить Сенату достаточнымъ основаніемъ, чтобы постановить въ приговорѣ: Бестужева-Рюмина впредь нигде на службу не принимать и лишить пенсіона.

Въ засѣданіи университетскаго совѣта, бывшемъ 24-го августа 1812 года, попечитель Кутузовъ объявилъ профессорамъ, что, въ виду приближающейся опасности, всѣ желающіе могутъ немедленно выѣхать изъ Москвы, предваривъ только о мѣстѣ своего будущаго пребыванія. 30-го же числа, всѣ профессора, безъ изъятія, по предписанію Ростопчина, получивъ третью жалованья, прогоны на тройку и билеты для выѣзда изъ Москвы, стали выбираться по дорогѣ къ Нижнему Новгороду. Профессоръ Штельцеръ присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, получилъ жалованье и прогонныя деньги и, 1-го сентября, явился къ ректору Гейму за билетомъ, объявляя, что онъ выѣдетъ изъ Москвы неотмѣнно. Но вмѣсто этого, онъ только вывезъ свою семью, а самъ возвратился въ Москву, гдѣ успѣлъ списать благосклонность маршала Нея, вступилъ въ члены муниципалитета и, уже

(18) 1839 г., т. II. Свѣсь, стр. 63—89, 90—92 и 163—184.

какъ чиновникъ французскаго правительства, перевезъ обратно въ городъ и семью и пожитки, подъ конвоемъ французскаго офицера и 15-ти солдатъ. Штельцеръ же утверждалъ, что онъ тщетно искалъ способа выбраться, и что онъ силою былъ принужденъ принять должность въ муниципалитетѣ; свое пребываніе въ Москвѣ онъ объяснялъ тѣмъ, что о приказаніи выѣхать изъ города онъ ничего не слыхалъ, и что онъ затрудненъ былъ, для выѣзда, въ денежномъ отношеніи, получивъ свое жалованье мѣдью, которую долженъ былъ сложить у себя въ погребѣ. Но оказалось, что мѣдной монетой ему, какъ и всѣмъ остальнымъ профессорамъ, была выдана только третья часть жалованья; и потому это обстоятельство не могло его затруднить, если бы онъ дѣйствительно желалъ оставить городъ. Все это было подтверждено показаніями ректора и другихъ университетскихъ чиновъ. Такъ что, хотя Сенатъ и не нашелъ прямыхъ обвиненій противъ Штельцера въ совершеніи вредныхъ дѣйствій, какъ члена французскаго правленія, — но самовольное пребываніе въ Москвѣ, снисканіе расположенія непріятельскаго маршала и ложныя показанія его на слѣдствіи навлекли на него въ приговорѣ лишеніе чина и высылку за границу.

Архитекторскій помощникъ Щербачевъ, при формированіи ополченскихъ полковъ, подалъ прошеніе о зачисленіи его въ первый егерскій полкъ; когда же пришлось явиться на службу, онъ отговорился тяжкой болѣзнью, которая однако не помѣшала ему, по его собственнымъ показаніямъ, передъ вступленіемъ непріятеля, таскать изъ арсенала разное оружіе, для вооруженія себя и своихъ людей. За тѣмъ онъ показывалъ, что былъ схваченъ на улицѣ, въ другой же разъ, — что былъ взятъ въ своей квартиры, и приведенъ къ Наполеону, къ свитѣ котораго и былъ причисленъ; но увѣрялъ, что никакой при этомъ должности не исправлялъ.

Между тѣмъ трудно предположить, чтобы человекъ бесполезный, ничего не дѣлавшій, не исполнявшій никакихъ порученій, даромъ обременялъ свиту императора. Кромѣ того оправданія Щербачева влекли за собой обвиненія другихъ, которые, какъ оказалось, не только не заслуживали порицанія за предосудительныя поступки, но еще принесли значительную пользу, ограждая личную безопасность и спасая имущество многихъ незащитныхъ жителей; такъ былъ оговоренъ имъ чиновникъ Виневскій. Сенатъ, вообще въ сужденіи этого дѣла показавшій много осмотрительности и сдержанности, постановилъ о Щербачевѣ, какъ навлекшемъ на себя сильныя подозрѣнія въ совершеніи важныхъ противузаконныхъ поступковъ, чтобы впредь его никуда на службу не принимать.

Иностранцы Маркъ, Менъень, Кустъ, Рэба, Бекаделли, Канашевскій и Гейбель, хотя и не принимали присяги и, занимая разныя должности, не изболочены во грѣсныхъ для Россіи дѣйствіяхъ, но признаны были Сенатомъ людьми неблагонадежными и присуждены къ высылкѣ за границу, первый съ лишеніемъ правъ на 14-й классъ.

Купецъ Капустинъ и дворовый человекъ Татаринъ оказались виновными въ передачѣ и чтеніи при народѣ непріятельскихъ прокламацій. Такъ какъ поступки ихъ, хотя и положительно вредныя, были приписаны неосмотрительности, то вся отвѣтственность ихъ ограничилась мѣсячнымъ содержаніемъ подъ карауломъ.

Французъ Виллерсъ, магистръ московскаго университета и секретарь Общества испытателей природы, содержалъ учебный пансионъ, для дѣтей мужскаго пола. Конечно не безъ умысла оставшись въ Москвѣ, онъ принялъ на себя должность полицмейстера, уговаривалъ другихъ поступать въ комиссары и сыщики и представилъ французскому коменданту списокъ лицъ, способныхъ занять эти должности. Когда



же Наполеонъ рѣшился оставить Москву, то Виллерсу выданы были деньги для отъезда, и онъ отправился въ Варшаву. Но, видя, что преслѣдованіе французской арміи нашими войсками можетъ кончиться для нея и для него весьма неблагопріятно, онъ не продолжалъ отступленія и предпочелъ удалиться въ Шкловъ, а оттуда въ стародубскій повѣтъ, Черниговской губерніи, гдѣ пріютился у одного помѣщика Борозды, дѣтей котораго онъ воспитывалъ. Здѣсь онъ былъ задержанъ и препровожденъ въ Москву. Пробывъ нѣсколько времени во временной тюрьмѣ, онъ былъ вытребованъ министерствомъ полиціи въ Петербургъ и освобожденъ. Не имѣя нужныхъ объ немъ свѣдѣній, Сенатъ воздержался отъ постановленія надъ нимъ приговора.

Купецъ Дюлонъ не былъ изобличенъ въ оказаніи особенныхъ услугъ непріятелю, въ званіи товарища головы, но подозрѣвался въ участіи составленія городского правленія и въ подговариваніи другихъ къ принятію должностей; нѣкоторые подсудимые прямо показывали, что были приводимы къ нему и за тѣмъ назначались къ должностямъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ, за недостаткомъ свѣдѣній, не постановилъ о немъ никакого приговора.

Купецъ Прено, одинъ изъ комиссаровъ, тоже за недостаткомъ свѣдѣній, не былъ изобличенъ въ предосудительныхъ дѣйствіяхъ; а потому Сенатъ не постановилъ и о немъ приговора. Но слѣдствіемъ обнаружено, что онъ, изъ торговыхъ цѣлей, нашелъ выгоднымъ принять присягу, оставаясь въ тоже время подданнымъ французскимъ, — что удостовѣрила бумага, выданная ему французскимъ консуломъ, Пато д'Орфлапомъ: это обстоятельство возбудило законодательный вопросъ о присягѣ иностранцевъ.

Поименованныя лица составляютъ первую категорію подсудимыхъ, которыхъ

Сенатъ нашелъ заслуживающими наказанія. Ко второй категоріи причислены (37 человекъ) тѣ, которые исполнили возложенныя на нихъ непріятелемъ порученія, но не были изобличены въ принятіи должностей добровольно. Для примѣра укажемъ только на купцовъ Коробова, облеченнаго въ званіе товарища старшины, Козлова, члена муниципалитета, и нѣкоторыхъ другихъ съ чисто-русскими именами, которые были отправляемы въ окрестныя деревни, для закупки провіанта: порученія эти конечно даваемы имъ были, съ цѣлью внушать ихъ именами болѣе довѣрія въ крестьянахъ; но исполнялись ими эти порученія, подъ надзоромъ отряда, который въ свою очередь долженъ былъ внушать страхъ невольнымъ исполнителямъ воли сильнаго. Вообще всѣ дѣла и распоряженія лицъ этой категоріи не принесли, какъ оказалось, никакой пользы непріятелю; а нѣкоторыя изъ этихъ лицъ еще способствовали сохраненію казеннаго имущества: такъ на примѣръ, членъ муниципалитета Сушковъ, остававшійся въ Москвѣ, по предложенію университетскаго начальства, ознаменовалъ свое участіе въ дѣлахъ французскаго правленія только тѣмъ, что охранилъ отъ разграбленія университетскую типографію.

Третью категорію, въ сенатскомъ указѣ, составляютъ лица, не занимавшія никакихъ должностей и привлеченныя къ слѣдствію, по одному подозрѣнію; такихъ оказалось 21. Если нѣкоторые изъ нихъ и значатся въ спискахъ занимавшими должности, то слѣдуетъ объяснить это тѣмъ, что они были зачислены только на бумагѣ, а что на дѣлѣ они не принимали никакого участія въ правленіи. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, находится имя надворнаго совѣтника Вишняева, оговореннаго показаніями подсудимаго Щербачева; по слѣдствію же оказалось, что ему обязаны сохраненіемъ такъ называемаго Западнаго дворца, спасеніемъ жизни пяти приходскихъ священниковъ и около 300

разнаго званія людей и огражденіемъ отъ разграбленія ихъ имущества (19).

Особо отъ другихъ стоятъ въ указѣ два имени, — купца Познякова и канцеляриста Орлова. Позняковъ былъ употребленъ французскимъ интендантомъ для закупокъ провіанта; но этимъ не ограничились его преступленія: онъ пользовался своимъ офиціальнымъ положеніемъ, для обращенія въ свою собственность чужихъ товаровъ; и московская уголовная палата приговорила его къ каторжной казнѣ; такъ что Сенатъ и не входилъ въ сужденіе о его виновности, какъ должностнаго лица французскаго правленія. Канцеляристъ Орловъ былъ захваченъ въ Черной Грязи, гдѣ спрашивалъ о расположеніи русскихъ войскъ, при чемъ на немъ найденъ французскій билетъ: Орловъ былъ признанъ Сенатомъ шпиономъ и изменникомъ.

Кромѣ того, по высочайшему повелѣнію, Сенатъ разсматривалъ дѣло объ отставномъ шталмейстерѣ Загряжскомъ, о которомъ еще до слѣдствія, въ донесеніи изъ Москвѣ (20), на имя Ростопчина, говорилось, на основаніи его собственныхъ словъ, что онъ жилъ вмѣстѣ съ бывшимъ французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, Коленкурромъ, и что, благодаря своей дружбѣ съ нимъ, онъ успѣлъ избавить множество Русскихъ отъ грабежей. Ни въ ка-

кихъ предосудительныхъ поступкахъ онъ не былъ изобличенъ; но вопросъ о томъ, — оставался ли онъ въ Москвѣ, по совѣту Ростопчина или Милорадовича, или по собственному желанію, не былъ разъясненъ, вслѣдствіе прекращенія производства всего дѣла, на основаніи всемілостивѣйшаго манифеста.

Также осталось не разсмотрѣннымъ дѣло о квартальномъ поручикѣ Лакроа, за неимѣніемъ потребныхъ свѣдѣній.

Представляемъ здѣсь полный списокъ лицъ, привлеченныхъ къ суду Сената. Прежде всего возстановимъ составъ муниципальнаго правленія:

Городской голова:

Московскій 1-й гильдіи купецъ *Петръ Ивановъ Находкинъ*.

Товарищи городского головы:

1. Надворный совѣтникъ *Алексій Д. Бестужевъ-Рюминъ* (чиновникъ вотчиннаго департамента) имѣлъ попеченіе о бѣдныхъ.

2. Виртембергскій уроженецъ *Клоуз Менъенъ* — надзоръ за ремесленниками.

3. Московскій купецъ *Яковъ Дюлонъ* — наблюденіе за содержаніемъ дорогъ, улицъ и мостовъ.

4. Московскій именитый гражданинъ (по ученой части) *Федоръ Фракманъ* — квартирмейстерскую часть.

5. Московскій купецъ *Петръ Коробовъ* — закупку провіанта.

6. Московскій купеческій сынъ *Николай Николаевъ Крокъ* — наблюденіе за спокойствіемъ и тишиной въ городѣ.

Члены муниципалитета:

1. Состоявшій въ 7-мъ классѣ *Христіанъ Штельцеръ* (профессоръ московскаго университета) наблюдалъ за спокойствіемъ народнымъ, правосудіемъ и полиціей.

2. Московскій 3-й гильдіи купецъ *Иванъ Козьминъ Козловъ* имѣлъ надзоръ за охраненіемъ порядка богослуженія и попеченіе о бѣдныхъ жителяхъ.

3. Московскій купецъ *Иванъ Перепелчиковъ* имѣлъ надзоръ за ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ.

(19) Между бумагами А. Я. Булгакова находится списокъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, бывшихъ въ Москвѣ, во время занятія ея непріятелемъ; всего 21 человекъ; во главѣ списка стоятъ имена тѣхъ, которые, рѣшаясь не покидать столицы, жертвовали собой на спасеніе казеннаго почтоваго дома. Говоря о лицахъ, малодушно покорившихся обстоятельству, и называя ихъ поименно, слѣдуетъ напомнить и имена тѣхъ, которые забывали свою личную безопасность, для общей пользы. Эти чиновники были: надворный совѣтникъ *Хриstoffоръ Фихтнеръ*, титулярные совѣтники *Николай Руфимскій* и *Иванъ Воронинъ*, коллежскій секретарь *Петръ Рудинъ* и коллежскій регистраторъ *Павелъ Рудинъ*.

(20) 21-го октября 1812 г. (Русск. Арх., 1866 г., стр. 699).

4. Надворный совѣтникъ *Андрей Колюховъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства), по квартирной части.

5. Надворный совѣтникъ *Иванъ Кульманъ* (старшій штабъ-лѣкарь въ штатѣ московской управы благочинія), смотритель надъ гошпиталями и богослуженіемъ.

6. Отставной ротмистръ *Фердинандъ Бронъ* — по квартирной части.

7. Титулярный совѣтникъ *Христофоръ Доноровичъ* имѣлъ надзоръ за ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ.

8. Титулярный совѣтникъ *Андрей Суцковъ* (чиновникъ вѣдомства московскаго университета) имѣлъ надзоръ за продовольствіемъ бѣдныхъ.

9. Московскій 1-й гильдіи купецъ *Василій Юдинъ Бородинъ* занимался размѣщеніемъ французскихъ войскъ.

10. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Григорій Никитинъ Кольчугинъ* имѣлъ надзоръ за гошпиталями и богослуженіемъ и попеченіе о бѣдныхъ.

11. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Василій Федоровъ Коняевъ* смотрѣлъ за содержаніемъ дорогъ и мостовъ.

12. Купеческій сынъ *Павелъ Петровъ Находкинъ* имѣлъ надзоръ надъ ремесленниками и попеченіе о бѣдныхъ и исправлялъ должность переводчика.

13. Иностранецъ *Андрей (Геррихъ) Келлеръ* — по квартирной части.

14. Иностранецъ *Егоръ Мерманъ* наблюдалъ за тишиной, спокойствіемъ и правосудіемъ.

Секретарь:

Иностранецъ *Карлъ Карловъ Кустъ* считался комиссарскимъ товарищемъ.

Казначей:

Дерптскій купецъ *Христіанъ Фэ* наблюдалъ за содержаніемъ улицъ, дорогъ и мостовъ.

Главные комиссары:

1. Магистръ московскаго университета *Виллеръ* исправлялъ должность полицмейстера.

2. Иностранецъ *Пюжо*.

Коммиссары:

1. Отставной прапорщикъ *Егоръ Паланжъ*.

2. Считавшійся въ 14-мъ классѣ *Францъ Рами* (учитель московской гимназіи и Александровскаго института).

3. Иностранецъ *Иосифъ Бушотъ*.

4. Иностранецъ *Иванъ Визаръ*.

5. Иностранецъ *Даниилъ Фабержъ* (художникъ).

6. Иностранецъ *Егоръ Лаланжъ*.

7. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Ларионъ Смирновъ*.

8. Московскій 3-й гильдіи купецъ *Александръ Михайловъ Прево* завѣдывалъ освѣщеніемъ города и очищеніемъ улицъ отъ валявшихся труповъ.

9. Считавшійся въ 14-мъ классѣ *Михаилъ Маркъ* (учитель Екатерининскаго института).

10. Иностранецъ *Францъ Рѣвъ*.

11. Коллежскій регистраторъ *Петръ Мерсанъ* (учитель при университетскомъ пансіонѣ).

12. Иностранецъ *Гумбертъ Дро*.

13. Иностранецъ *Карлъ Лассанъ*.

14. Иностранецъ *Николай Борнъ*.

15. Иностранецъ *Иосифъ Черничъ* (профессоръ физики).

Коммиссарскіе помощники:

1. Отставной ротмистръ *Петръ Басковъ*.

2. Капитанъ *Василій Галдановъ* (квартирный поручикъ въ штатѣ московской полиціи).

3. Титулярный совѣтникъ *Павелъ Нецаевъ*.

4. Титулярный совѣтникъ *Сергій Залетовъ*.

5. Коллежскій секретарь *Василій Виноградовъ* (чиновникъ 2-го департамента московскаго надворнаго суда).

6. Губернскій секретарь *Михаилъ Щокотовъ*.

7. Вольноотпущенный *Иванъ Ермолаевъ*.

8. Дворовый челоувѣкъ *Егоръ Ушаковъ*.

Переводчики:

1. Московскій купецъ *Александръ Крутицкий* по полицейской части.

2. Купеческій сынъ *Павелъ Петровъ Коробовъ*.

3. Иностранецъ *Иванъ Жеромъ* состоялъ по особеннымъ секретнымъ порученіямъ.

4. Иностранецъ *Карлъ Русло* занималъ должность смотрителя въ Спасскихъ казармахъ.

5. Иностранецъ *Гуссенъ-де-Преве д'Ирэ* былъ смотрителемъ лазарета въ Екатерининскомъ институтѣ.

Состоявшіе для разныхъ порученій:

1. Губернскій секретарь *Иванъ Щербичевъ* (архитекторскій помощникъ при штатѣ московской управы благочинія) имѣлъ особенныя порученія отъ Наполеона и Мюрата.

2. Коллежскій секретарь *Граве* (чиновникъ кремлевской экспедиціи) находился при маршалѣ Мортъе, для передачи словесныхъ просьбъ.

3. Иностранецъ *Иосифъ Бекаделли* исправлялъ должность комиссарскаго помощника.

4. Иностранецъ *Андрей Капашевскій* (учитель) исправлялъ должность комиссарскаго помощника.

5. Иностранецъ *Августъ Гейбель* исправлялъ должность комиссарскаго помощника.

6. Московскій купецъ *Максимъ Капустинъ*.

7. Дворовый человекъ *Илья Татариновъ*.

Слѣдующія лица, по рѣшенію Сената, признаны не занимавшими никакихъ должностей и привлеченными къ суду, по одному подозрѣнію:

1. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Исавъ*; въ „рописаніи“ и „реэстрѣ“, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1864 г., стр. 839 и 1866 г., стр. 697), онъ значится (въ первомъ ошибочно подъ именемъ Ивана Шаева) членомъ правленія, наблюдавшимъ за содержаніемъ дорогъ и мостовыхъ.

2. Московскій 2-й гильдіи купецъ *Иванъ Петровъ Дроновъ*; въ рописаніи и реэстрѣ онъ значится членомъ прав-

ленія, имѣвшимъ наблюденіе за тишиной и правосудіемъ.

3. Московскій купецъ *Василій Романовъ Шеметовъ*; въ рописаніи онъ значится имѣвшимъ надзоръ за ремесленниками, а въ реэстрѣ — завѣдывавшимъ гошпиталями и богослуженіемъ.

4. Петербургскій купеческій сынъ *Петръ Пелль*; въ рописаніи онъ названъ Петромъ Палемъ, исправлявшимъ должность секретаря городского правленія.

5. Титулярный совѣтникъ *Иванъ Попловъ* (чиновникъ государственнаго московскаго для остаточныхъ суммъ казначейства); въ рописаніи включенъ въ число комиссаровъ.

6. Губернскій секретарь *Левъ Визаръ*, иностранецъ; въ рописаніи названъ комиссарскимъ помощникомъ.

7. Губернскій секретарь *Егоръ Ильминдзевъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства); въ рописаніи названъ пятидесятникомъ (\*).

8. Губернскій секретарь *Александръ Петровъ* (чиновникъ московской казенной палаты).

9. Сенатскій регистраторъ *Егоръ Романдинъ*, по рописанію — комиссарскій помощникъ.

10. Коллежскій регистраторъ *Василій Тягушинъ* (чиновникъ московскаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства); въ рописаніи находится въ комиссарскомъ спискѣ и ошибочно названъ Терпугинымъ.

11. Коллежскій регистраторъ *Иванъ Николаевъ*; по рописанію — комиссарскій помощникъ.

12. Отставной унтеръ-офицеръ *Иванъ Мироновъ*; по рописанію — комиссарскій помощникъ.

13. Воспитаникъ военно-сиротскаго отдѣленія *Николай Ртвищевъ*; по рописанію — Ратниковъ, занимавшій должность десятскаго.

14. Надворный совѣтникъ *Гавриилъ*

(\*) Правильнѣе: Намцадзе.

*Вишневскій* (чиновникъ кремлевской экспедиціи).

15. Коллежскій ассессоръ *Корбалецкій*.

16. Коммиссаріатскаго штата комиссаръ 8-го класса *Андрей Ключаревъ*.

17. Служившій прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи литовскомъ полку *Одессіонъ*.

18. Лѣкаръ *Василій Гольмъ*.

19. Купецъ *Яковъ Шкаригъ*.

20. Еврей *Израевичъ*.

21. Купецъ *Михаилъ Карпеевъ*.

Лица, о которыхъ, вслѣдствіе всемілостивѣйшаго манифеста, дѣло прекратилось, были:

1. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Истръ Заиряжскій*.

2. Коллежскій регистраторъ *Павелъ Лакрон*.

3. Канцеляристъ *Орловъ*.

Подлежали суду, по другимъ дѣламъ: московскій 3-й гильдіи купецъ *Иванъ Гавриловъ Позняковъ*, согласно росписанію и реэстру, исполнявшій особыя препорученія интенданта, по закупкѣ хлѣба; и уже названный еврей Израевичъ, отосланный въ Витебскъ.

Наконецъ нѣкоторые лица, подвергнувшіяся слѣдствію, по разнымъ обстоятельствамъ, въ сенатскомъ указѣ не упоминаются; а именно: выше поименованный иностранецъ Пюжо, ушедшій вслѣдъ за непріятельскими войсками за границу; швейцарской службы капитанъ-поручикъ *Иванъ Леонтьевъ Буржуа*, который въ росписаніи и реэстрѣ значится имѣвшимъ смотрѣніе за госпиталями и богослуженіемъ, и вѣроятно послѣдовалъ примѣру Пюжо; и московскій мѣщанинъ *Иванъ Штанниковъ*, который будто бы, какъ сказано въ росписаніи, былъ употребленъ Вишневскимъ, для разныхъ закупокъ для Французовъ, и во время производства дѣла умеръ. Кромѣ того многіе, привлеченные сначала къ слѣдствію, производившемуся въ Москвѣ, были отосланы въ

Смоленскъ, какъ подлежащіе отвѣту передъ тамошней комиссіей <sup>(21)</sup>.

Но приговоры Сената, вслѣдствіе всемілостивѣйшаго манифеста, 30-го августа 1814 г. <sup>(22)</sup>, который возвѣщалъ радостную вѣсть о водвореніи мира въ Европѣ, остались безъ исполненія. Въ седьмомъ пунктѣ § 19-го манифеста было сказано: „Напослѣдокъ, въ главнѣйшемъ и почти всецѣломъ числѣ вѣрно-подданныхъ намъ народовъ, къ сожалѣнію находимъ мы нѣкоторое, но, къ утѣшенію, весьма малое число заблуждшихъ людей, изъ которыхъ иные отъ страха и угрозъ непріятельскихъ, иные отъ соблазна и обольщеній, иные же отъ развратныхъ нравовъ и худости сердца, забывъ священный долгъ любви къ отечеству и вообще къ добродѣтели, пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистой сторонѣ злонамѣреннаго врага. Сихъ, по мѣрѣ вины ихъ, правосудіе долженствовало бы наказать; но мы, при толь благополучномъ и радостномъ торжествѣ, уступая гласу вопіющаго въ насъ милосердія, даруемъ имъ, безъ всякаго изъятія, всеобщее прощеніе. Вслѣдствіе котораго повелѣваемъ, во всемъ про странствѣ, области нашей, всѣхъ, по

<sup>(21)</sup> Такимъ образомъ въ дѣлѣ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ правленіи, учрежденномъ въ Москвѣ Французами, перечисляются 87 именъ (не считая нѣсколькихъ неотысканныхъ лично-стей), изъ которыхъ 20 не находятся ни въ росписаніи, ни въ реэстрѣ. Изъ тѣхъ же лицъ, которыя исчислены въ росписаніи и реэстрѣ, не встрѣчаются въ дѣлѣ только четыре: членъ городского правленія *Христіанъ Федоритскій*, имѣвшій смотрѣніе за мостовыми; подлѣкаръ *Филиппъ Пузыревъ*, комиссарскій помощникъ; коммерческой академіи учитель *Богданъ Анке*, имѣвшій смотрѣніе за бѣдными, въ домѣ князя Дадіина; и иностранецъ *Крокъ* (ими это встрѣчается въ реэстрѣ два раза), наблюдавшій за охраненіемъ народнаго спокойствія. — Кстати исправимъ нѣкоторые прежнія неправильности въ именахъ: въ росписаніи, вмѣсто Егоръ Менье (5), а въ реэстрѣ вмѣсто Менингъ (27), слѣдуетъ читать Егоръ Меньенъ; въ росписаніи вмѣсто Андрей Комаковской (51) — Андрей Канашевскій; и въ реэстрѣ вмѣсто Христофоръ Дондовидъ (16) — Христофоръ Доноровичъ.

<sup>(22)</sup> Полн. Собр. Зак., т. XXXII, 25671.

„симъ обстоятельствамъ, взятыхъ, посланныхъ, или инымъ какимъ образомъ задержанныхъ освободить; такожъ имѣнія или имущества ихъ, по сему случаю конфискованныхъ, или инымъ какимъ образомъ подъ надзоръ взятыхъ и по сіе время удерживаемыхъ, по прежнему, владѣльцамъ ихъ возвратить, — и всѣ слѣдствія надъ ними пресѣчь и никакихъ притязаній къ нимъ не дѣлать; словомъ, поставить ихъ въ то состояніе, въ какомъ находились они прежде, до впаденія въ сію вину, которую мы всемілостивѣйше прощаемъ и предаемъ забвенію, въ надеждѣ, что сіе препобѣжденіе милосердія нашего надъ правосудіемъ, приведетъ ихъ въ полезное для нихъ раскаяніе, и что они впредь безпорочною жизни своей изгладятъ изъ памяти людской тѣ поступки, которые лишали ихъ драгоцѣннѣйшаго для человека пріимущества, — уваженія благомыслищихъ людей“.

Этими словами и мы оканчиваемъ свою статью.

*Николай Киселевъ.*

## КАКЪ БЫЛЪ ВЗЯТЪ ГОРОДЪ СОАССОНЪ

2/4 ФЕВРАЛЯ 1814 ГОДА (1).

(Извлечено изъ Дневника и добавлено позднѣйшими примѣчаніями.)

Генераль-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, описывая походъ во

(1) Статья эта представляема была къ печати два раза, въ 1858 и 1863 годахъ; но оба раза не могла появиться въ свѣтъ по неизвестнымъ автору и тѣмъ не менѣе не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Изъ близкихъ свидѣтелей и дѣятелей описываемаго событія до сихъ поръ находятся въ живыхъ: генераль-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ; въ отставку, генераль-маіоръ Александръ Васильевичъ Пашковъ (оба тогда были адъютантами генерала барона Винценгероде); графъ Густавъ Арифельдъ; генералъ отъ инфантеріи А. Н. Бѣлогужевъ и др. Но въ 1858 году были между прочими еще живы С. Г. Волховскій (въ 1814 году

Францію въ 1814 году, рассказалъ о взятіи Соассона, по матеріаламъ, очевидно, одностороннимъ и, не будучи самъ свидѣтелемъ событія, впалъ въ большія погрѣшности, которыя искажаютъ историческую истину. Михайловскому-Данилевскому всѣ вѣрили на слово, и его повѣствованія, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, вводятся во всѣ позднѣйшія сочиненія, какъ напр. особенно въ статьи Военно-Энциклопедическаго Лексикона. Между тѣмъ бумаги, хранящіяся въ архивѣ Генеральнаго Штаба, конечно показали бы многое въ иномъ свѣтѣ (2). Безусловное переписываніе невѣрныхъ повѣствованій, преобразая истину, наконецъ содѣлается принадлежностію Исторіи. Генераль Гурго справедливо замѣчаетъ (Campagne de 1815): *L'erreur à force d'être répétée finit souvent par être prise pour la réalité*“, т. е. повторяемое искаженіе, потому только что его повторяютъ, принимается наконецъ за истину.

Умалчиваю о томъ какъ излагается движеніе корпуса барона Винценгероде отъ Дюссельдорфа (гдѣ онъ перешелъ Рейнъ) до Лаона; это не принадлежитъ къ настоящей статьѣ, и разборъ повѣствуемаго авторомъ объ этомъ движеніи былъ бы очень про-

князь и дежурный генераль) и генераль-маіоръ баронъ В. И. Левашевъ. Оба они, принимая живое участіе въ осадѣ Соассона, могли бы оцѣнить истину изложенія. Будъ статья напечатана въ свое время, историографъ войны 1814 г., ген. лейт. Богдановичъ, можетъ быть, не допустилъ бы въ своей книгѣ ошибочнаго изложенія этого замѣчательнаго эпизода.

(2) Секретный Архивъ съ бумагами о дѣйствіяхъ корпуса г. а. барона Винценгероде въ 1813 и 1814 годахъ поступилъ отъ меня въ Департаментъ Генеральнаго Штаба только въ 1826 году. Въ архивѣ этомъ, независимо отъ официальныхъ донесеній и распоряженій на русскомъ языкѣ, сосредоточивалась вся конфиденціальная переписка на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и частію на шведскомъ; для этой переписки состояли при мнѣ офицеры генеральнаго штаба, знавшіе эти языки. Въ числѣ ихъ обязанностей было и веденіе секретнаго журнала

страненъ. Приступаю прямо къ предмету.

Изображая барона Винценгероде вездѣ *колеблющимся* и дѣйствующимъ по однимъ только *ужасаніямъ* и *настоячію* генераль-адъютанта Чернышева, авторъ говоритъ на 118 стр. своего „Описанія похода во Францію“, что „когда Винценгероде пришелъ въ Лаонъ, онъ *недоумывалъ* (3), въ которую сторону ему обратиться для поспѣшнѣйшаго соединенія съ дѣйствующими арміями?.. Чернышевъ *советовалъ* ему *не колебаться* въ выборѣ дальнѣйшихъ дѣйствій и, не теряя ни минуты, идти на Соассонъ и взять его приступомъ.“ Затѣмъ Чернышевъ, устами автора, излагаетъ всю выгоду такого движенія.

Послѣ сего авторъ (стр. 119), говоритъ: „Взвѣсивая съ одной стороны опасность предпріятія, а съ другой, выгоды отъ удачнаго совершенія, Винценгероде *разрѣшилъ* Чернышеву идти на Соассонъ, *однако съ тѣмъ же самымъ условіемъ*, какииъ онъ *обязалъ* его *при переправѣ* черезъ Рейнъ (4), т. е.

(3) За двѣ страницы выше, именно на 116, авторъ говоритъ о Винценгероде, что онъ, занявъ Намюръ, «не успѣлъ убѣдить генерала Бюлова» (начальника Прусскаго корпуса, бывшаго въ составѣ сѣверной арміи кронъ-принца Шведскаго), «въ необходимости идти во внутрь Франціи» и т. д. *Винценгероде пошелъ одинъ*, а это одно уже противорѣчитъ колебанію и недоумѣнію. Здѣсь встрѣчается еще одно выраженіе, которое, по моему мнѣнію, едва ли сказано основательно: «Изъ Намюра выступилъ онъ (Винценгероде) къ Лаону, откуда, судя по обстоятельствамъ, могъ прикнудить къ Блюхеру черезъ Реймсъ, или *угрожать Парижу черезъ Соассонъ*». Винценгероде былъ достаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы думать о возможности *угрожать Парижу* своимъ 30 т. корпусомъ, даже и тогда, когда бы онъ и *черезъ Соассонъ соединился съ Блюхеромъ*; а по словамъ автора это соединеніе возможно только *черезъ Реймсъ*.

(4) Винценгероде, стоявшій въ Бременѣ, получилъ приказаніе: отдѣлившись отъ арміи кронъ-принца Шведскаго, двинуться къ Дюссельдорфу, переправиться черезъ Рейнъ и вступить въ предѣлы Франціи. Движеніе было тотчасъ произведено; корпусъ собрался къ концу декабря въ *Мюльгеймъ - анъ - деръ - Рууръ*. Авангардъ занялъ Дюссельдорфъ. Когда отъ Чернышева было по-

*что Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность въ неудачѣ приступа.*“ Не

лучено донесеніе, что собрано изъ окрестностей достаточное число лодокъ, Винценгероде приказалъ ему переправиться, и на другой же день двинулъ корпусъ къ Рейну. По совершеніи сего, Винценгероде, вслѣдъ за Чернышевымъ, началъ переправляться и занялъ Нейсъ, городокъ около семи верстъ отъ Дюссельдорфа (и авангардъ и корпусъ переправились черезъ Рейнъ, когда шель, временами, по немъ ледъ). На другой день, не дожидаясь отряда гр. Воронцова, находившагося еще на правомъ берегу, корпусная квартира перешла въ Динъ. Въ этотъ же день приказано Чернышеву, пріѣзжавшему въ Дикъ, идти на Ахенъ, а за нимъ на другой день послѣдовалъ и корпусъ. Авторъ же описываетъ это слѣдующимъ образомъ: „Когда средства къ переправѣ были готовы, Чернышевъ, доложивъ о томъ корпусному командиру, испрашивалъ разрѣшенія его начать немедленно переправу, но получилъ въ отвѣтъ, что должно еще повременить, *пока пройдетъ ледъ* (!), и устранины будутъ разнаго рода опасности, съ переправой сопряженныя. Тщетны были возраженія о возможности переплыть Рейнъ и необходимости поспѣшнѣе стать на одну высоту съ другими дѣйствующими арміями. *Винценгероде рѣшительно отказалъ въ согласіи отлагая исполненіе высочайшей воли (!!!) до благоприятнаго времени. Наконецъ, онъ уступилъ настояніямъ Чернышева (!) и велѣлъ ему переправляться, возлагая однакожь на него отвѣтственность въ случаѣ неудачи (!).*“ Далѣе разскажъ въ томъ же духѣ, т. е. Винценгероде вездѣ выставляется челоуѣкомъ самымъ ничтожнымъ, даже *ослушникомъ высочайшаго повелѣнія!!..* Прискорбно читать все это тѣмъ, которые были близкими свидѣтелями событій! Мужество и рыцарская храбрость Винценгероде извѣстна всѣмъ бывшимъ близъ него въ 1812, 1813, 1814 годахъ. При всѣхъ дарованіяхъ Чернышева, родъ службы его былъ причиною, что лишалъ его возможности, въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ классической войны, быть въ какомъ либо генеральномъ сраженіи. Изъ помнутаго трехлѣтней войны онъ былъ только свидѣтелемъ битвы подъ Ганау, когда Наполеонъ опрокинулъ Вреде; но и тутъ Чернышевъ не принималъ никакого участія, оставаясь отдѣльно съ своимъ коннымъ отрядомъ на нѣкоторое разстояніе влѣво отъ Баварцевъ. Подъ Лаономъ, гдѣ только готовилась генеральная битва, Чернышевъ не имѣлъ случая проявить дарованія, которыми онъ обладалъ. Слѣдовательно, по этому самому, онъ не могъ въ то время опытностію и взглядомъ стоять выше Винценгероде, который всегда и вездѣ оправдывалъ ожиданія государя, раздвѣявшаго славу своєю арміею на поляхъ битвъ; притомъ и наука не была Винценгероде чуждой для примѣненія оной къ практикѣ, гдѣ того требовалось.

знаю, изъ какихъ источниковъ такая фраза могла занять мѣсто въ Исторіи? Кто зналъ, или лучше сказать, бывалъ свидѣтелемъ отваги барона Винценгероде, тотъ удивится, читая вышеприведенныя строки. То же удивленіе поразить и знавшихъ умъ и ловкость Чернышева. Можно ли предполагать съ одной стороны, чтобъ Винценгероде, одаренный всѣмъ извѣстною предприимчивостью и постигавшій значеніе свое, какъ корпуснаго командира, отдѣльно дѣйствующаго, могъ вступать въ *торгъ* съ подчиненнымъ и слагать съ себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи? А съ другой, чтобы Чернышевъ могъ взять (и съ какого права?) на себя столь тяжелую *отвѣтственность* — штурмовать укрѣпленный городъ съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, въ которомъ было только два егерскіе полка (19-й и 40-й), численностию въ обоихъ съ небольшимъ въ тысячу человекъ. Читая это тѣмъ страннѣе, что авторъ тутъ же, нѣсколько выше, говоритъ: „Горестно было (т. е. для Винценгероде и Чернышева), что Наполеонъ, по важности Соассона, ввѣрилъ защиту его одному изъ старинныхъ сослуживцевъ своихъ въ итальянскіе походы, генералу Рускѣ, имѣвшему до семи тысячъ прилона, а потому нельзя было сомнѣваться въ упорныйшемъ сопротивленіи.“ Не говорю уже о несообразности *условій*, будтобы сдѣланныхъ у Винценгероде съ Чернышевымъ; но можно ли приписывать Чернышеву такую неосновательность? Послѣ свиданія въ Авенѣ оба генералы не сблизались до стѣнъ Соассона, чтобы заключить такой *торгъ* словесно; на бумагѣ же оно быть не могло. Какимъ же образомъ это попало въ Исторію?

А военный историографъ нашъ, говоря о взятіи Соассона, вовсе не упоминаетъ о Винценгероде такъ, какъ будто онъ и не принималъ не только что какого-либо участія, но какъ бы ни его, ни корпуса тутъ и не было, а

подвигъ совершенъ однимъ только Чернышевымъ!

Между тѣмъ вотъ какъ это происходило.

Изъ Авена (3), 31 января, корпусъ, въ одинъ переходъ, пришелъ въ Вервенъ; на другой день, 1 февраля, въ Лаонъ, уже поздно. Въ три часа по полуночи, 2 февраля, онъ выступилъ къ Соассону и около часу по полудни сосредоточился въ двухъ верстахъ отъ сего города. Все это не показываетъ той *нервнителности* и того *колебанія*, которое приписывается Винценгероде. Умолчу о томъ, что происходило въ авангардѣ Чернышева до прибытія Винценгероде, потому что я не былъ тому свидѣтелемъ (4); расскажу только то, что видѣлъ и въ чемъ участвовалъ.

Во всѣхъ движеніяхъ корпуса, Винценгероде всегда находился при немъ; такъ было и на переходѣ отъ Лаона къ Соассону. Сдѣлавъ краткій отдыхъ при фермѣ *Анжъ-Гардиенъ*, корпусъ пошелъ далѣе. Винценгероде, съ своимъ штабомъ, былъ въ головѣ онаго. Бѣжавъ вольнымъ шагомъ, онъ достигъ до с. Круи, откуда Соассонъ уже вполнѣ открывался. Проѣхавъ это селеніе, на возвышеніи, склоняющемся къ городу, не въ полныхъ двухъ верстахъ отъ онаго, баронъ Винценгероде приказалъ на этомъ мѣстѣ остановить корпусъ, нѣсколько отставшій, а самъ поскакалъ къ авангарду. Я, по обязанности, въ числѣ другихъ, слѣдовалъ за нимъ.

Въ ядрахъ, картѣчи, а потомъ и въ пуляхъ, выпускаемыхъ со стѣнъ города, недостатка не было. Баронъ свернулъ вправо отъ шоссе и подѣхалъ къ старому почтовому дому (о

(3) Здѣсь передано было мнѣ секретное отдѣленіе, которымъ до того времени завѣдывалъ подполковникъ Генеральнаго Штаба Насакинъ, оставленный въ Авенѣ комендантомъ.

(4) Въ тотъ же самый вечеръ, изъ разсказовъ участниковъ, мнѣ сдѣлались извѣстными всѣ подробности, независимо отъ донесеній для составленія военнаго журнала.



которомъ упоминаетъ Михайловскій-Данилевскій называя оный *постоялымъ*, а Военно-Энциклопедическій Лексиконъ правильно—почтовымъ), отстоявшему не болѣе, какъ на тридцать сажень отъ городскихъ воротъ. Ружейная перестрѣлка была довольно живая. Чернышевъ подошелъ къ Винценгероде, остававшемуся верхомъ; что они говорили, я разслышать не могъ; но корпусный командиръ говорилъ горячо, и потомъ вдругъ, поворотивъ лошадь на лѣво, быстро выѣхалъ изъ строя (скрывавшаго тутъ бывшихъ отъ неприятельскаго огня) на шоссе. За нимъ вначалѣ послѣдовали, ближе къ нему находившіеся и не слѣзавшіе съ лошадей, адъютанты его: путей сообщенія баронъ С. Г. Строгановъ (нынѣ графъ и генералъ-адъютантъ); Павлоградскаго гусарскаго полка Ржевскій и Генеральнаго Пѣтаба штабсъ-капитанъ, гр. Густавъ Армфельдъ. Вслѣдъ за ними послѣдовали начальникъ штаба генераль-майоръ Ренне, дежурный генераль-кн. С. Г. Волконскій, я и другіе. Со стѣнъ посыпались пули. Винценгероде, продолжая курить трубку и сохраняя обычное присутствіе духа, ободрялъ находившіяся тутъ, по сторонамъ шоссе, двѣ егерскія роты: Старова и Полухина, броситься къ воротамъ, а подошедшему въ это время командовавшему бригадой полковнику М. Н. Мацневу, отдавалъ нѣкоторыя приказанія, и потомъ поѣхалъ къ корпусу. За нимъ послѣдовала вся его свита, исключая кн. Волконскаго, испросившаго дозволеніе остаться при авангардѣ. Отѣхавъ около полверсты, Винценгероде указалъ мнѣ, въ право, саженихъ въ пятидесяти отъ дороги, маленькое возвышеніе, на которое немедленно приказано поставить батарейную роту полковника Н. Н. Антропова. Корпусъ начиналъ уже останавливаться на указанномъ мѣстѣ; 21-я дивизія, въ колоннѣ, на право отъ шоссе, 24-я на лѣво. Я подска-

калъ къ ротѣ Антропова, но его не нашелъ (онъ былъ потребованъ къ начальнику артиллеріи, ген.-майору Мерлину), и старшій по немъ капитанъ Эйлеръ повелъ за мной роту; на пути догналъ насъ и Антроповъ. Усмотрѣвъ, что храбрый полковникъ Мельниковъ съ своими казаками разѣзжаетъ впереди назначеннаго для батареи мѣста, я поспѣшилъ предупредить его, и казаки тотчасъ стянулись влѣво. Достигнувъ до указаннаго мѣста, рота снялась съ передковъ и открыла учащенное дѣйствіе, послѣ чего я оставилъ оную, и, возвратившись, нашелъ корпуснаго командира почти съ версту впереди корпуса, вправо отъ дороги, у стога сѣна: онъ и свита, спѣшившись почти всѣ, отдыхали. Ядра и пули изъ крѣпостныхъ ружей переносились; многіе изъ конвойныхъ были поражены ими, а у нѣкоторыхъ изъ насъ пробиты шинели и бурки. Не прошло десяти минутъ по моему пріѣздѣ, прискакалъ кн. Волконскій и, не слѣзая съ лошади, первое его слово было: „Mon général! la ville est à vous.“ т. е. генераль, городъ—вашъ. Вотъ что тамъ произошло: по отѣздѣ Винценгероде отъ авангарда, ободренные имъ егеря, отыскавъ два толстыя бревна и раскачивая ихъ, пробили слабые ворота и заняли оныя. Въ этомъ именно случай *пешарды*, о которыхъ говоритъ Михайловскій Данилевскій, употреблены не были; это могло быть, но прежде прибытія Винценгероде, когда, по повѣствованію автора, два раза штурмовали, но неудачно.

Начальникъ штаба тотчасъ послалъ меня въ городъ, чтобы привести кого-либо изъ мерри, для полученія необходимыхъ свѣдѣній. Подскакавъ къ воротамъ въ то самое время, когда полковникъ П. П. Сухтеленъ велъ на рысяхъ свой Волынскій уланскій полкъ въ городъ, я вмѣстѣ съ нимъ проникъ туда; перестрѣлка, но очень слабая, продолжалась въ городѣ съ егеря-

ми; непріятель вездѣ стремглавъ бѣжалъ (7). Съ трудомъ я могъ выполнить приказаніе, ибо не было видно ни одного жителя. Наконецъ, одинъ плѣнный рассказалъ мнѣ, гдѣ находится меррія; она была далеко. Чтобы выиграть время, я взялъ плѣннаго съ собой; онъ, казалось мнѣ, могъ удовлетворить необходимости. Я также нашелъ возможность взять еще одного изъ почетныхъ жителей, назначивъ для себя у него квартиру, и тамъ оставилъ казака и улана (что успокоило Француза, ибо онъ видѣлъ въ этомъ залогъ безопасности для своего семейства). Оба они взяли лошадей отъ спѣшенныхъ мною казака и улана, и мы поскакали къ корпусному командиру. Въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ я вѣзжающаго въ городъ г. а. Чернышева: онъ видимо былъ недоволенъ тѣмъ, что я вѣхалъ въ городъ прежде него, или, лучше сказать, не упредивъ его о полученномъ порученіи. Словамъ моимъ что „мнѣ сказали, будто онъ уже въ городѣ“ Чернышевъ, кажется, не повѣрилъ.

Отъѣхавъ съ полверсты по шоссе, я встрѣтилъ и корпуснаго командира, ѣхавшаго рысью. Я отдалъ ему отчетъ о томъ, что видѣлъ, а начальнику штаба объяснилъ встрѣчу съ Чернышевымъ. Онъ доложилъ тотчасъ

(7) Здѣсь произошелъ забавный случай: подѣхавъ нарыскахъ къ мосту, чрезъ который, безъ большаго сопротивленія, перебѣжало уже нѣсколько егерей, храбрый и достойный полковникъ Сухтеленъ велѣлъ прибавить рыси, чтобъ успѣть переѣхать его прежде подходящей колонны егерей. Въ это самое время, около пятидесяти ословъ, находившихся на одной изъ ближайшихъ къ мосту мельницъ; вырвались изъ подъ запора и, съ обычнымъ крикомъ, бросились чрезъ улицу. Лошади, еще не свычныя съ этимъ животнымъ, пришли въ ужасное смѣтеніе; многія повесели, другія, поскользнувшись, упали на мостовую. Долго лошади наши не могли освоиться съ ослами. Впослѣдствіи ихъ было множество при полкахъ. Дѣлавшіе этотъ походъ вспомнятъ забавное происшествіе, которому послѣдствіемъ былъ приказъ: „Не впускать въ Парижъ ословъ, находящихся при войскахъ.“

корпусному командиру и успокоилъ меня. (8).

На площади, насупротивъ меррія, корпусный командиръ нашелъ Чернышева. Тутъ былъ меръ съ своими товарищами и нѣсколько плѣнныхъ, разныхъ чиновъ. Винценгероде опять не сходилъ съ лошади и, оставивъ начальника штаба собирать нужныя свѣдѣнія, самъ, въ сопровожденіи Чернышева, выѣхалъ изъ города по направленію къ Парижу чрезъ Виллеръ-Котре и къ сторонѣ Шато-тьери. Обозрѣвъ кругомъ около четырехъ верстъ пространства и отдавъ намъ приказанія, въ случаѣ тревоги, гдѣ, какъ и какія расположить войска, Винценгероде возвратился въ городъ. Начальникъ штаба приказалъ мнѣ разобрать переданныя г. а. Чернышевымъ, оставшіяся послѣ убитаго генераль-лейтенанта Руска, бумаги, что съ помощію двухъ офицеровъ генеральнаго штаба (графа Г. Армфельда и А. А. Ушакова) было сдѣлано скоро; ибо бумаги находились въ порядкѣ, и тѣ изъ нихъ, которыя по свѣжести своей имѣли важность, тотчасъ были представлены начальнику штаба, съ краткимъ поясненіемъ (9).

Все, здѣсь мною сказанное о дѣйствіяхъ барона Винценгероде при взятіи Соассона, можетъ быть подтверждено еще многими свидѣтелями. Авторъ „Описанія похода во Францію, въ 1814 году“, отнимаетъ у Винценгероде и у всего его штаба участіе въ этомъ дѣлѣ, относя все къ одному начальнику авангарда!

Но не столько личное присутствіе Винценгероде у самыхъ воротъ города содѣйствовало къ покоренію онаго, сколько быстрое появленіе корпуса должно было произвести вліяніе на

(8) За Соассонъ, не бывши и трехъ мѣсяцевъ въ званіи капитана, я былъ произведенъ, на 23-мъ году отъ роду, въ подполковники.

(9) Бумаги эти сданы вмѣстѣ съ архивомъ, какъ упомянуто выше, въ 1826 году, въ Департаментъ Генеральнаго Штаба.

гарнизонъ Соассона; ибо городъ, въ особенности съ этой стороны, могъ быть штурмованъ во многихъ мѣстахъ безъ особенной искусственной помощи. Не придвинъ Винценгероде всего корпуса на пушечный выстрѣль, Чернышевъ съ своимъ авангардомъ, состоявшимъ только изъ тысячи человекъ пѣхоты, не внушалъ бы опасенія семи тысячамъ Французовъ, находившимся за стѣнами, правда полуразрушенными и едва ли исправлявшимися съ первыхъ годовъ XV столѣтія, когда въ нихъ боролся герцогъ Бургундскій противъ Французскаго короля; но не менѣе того представлявшими возможность долгой обороны. Гарнизону стоило продержаться только одни сутки, чтобы поставить армію Блюхера въ самое критическое положеніе, что несомнѣнно и послѣдовало бы, если бы Чернышевъ оставленъ былъ только при своихъ средствахъ. Это видно и изъ самаго повѣствованія Михайловскаго-Данилевскаго, не умолчавшаго о томъ, что два штурма, сдѣланные Чернышевымъ, были отбиты, а штурмы эти происходили до прибытія Винценгероде съ корпусомъ. Увидѣвъ же массу пѣхоты корпуса, ставшаго на пушечный выстрѣль отъ стѣнъ и вылавшаго свою батареиную артиллерию для открытія огня, всегда предшествующаго въ такихъ случаяхъ наступательному движенію, гарнизонъ поналъ бесполезность обороны (10) и началъ стягиваться на путь къ Парижу. Конечно, и смерть главнаго начальника гарнизона, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, могла имѣть вліяніе, особливо въ 1814 году, когда Французы не проявляли уже той энергіи, которая ихъ одушевляла въ предшествовавшія войны. Въ эту кампанію мы узнавали преж-

(10) Здѣсь длинно и неумѣстно было бы разсматривать все то, что французскіе военные историки говорятъ объ этомъ событіи.

нихъ Французовъ тогда только, когда при нихъ находился самъ Наполеонъ.

Должно полагать, что г. а. Михайловскій Дашлеветскій руководствовался безыменной, въ видѣ журнала, статью, подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе отряда г. а. Чернышева въ 1814 году“, напечатанной въ Отечественныхъ запискахъ (И. П. Свильина) 1822 г., №№ 25 и 26, гдѣ также нѣтъ рѣчи о Винценгероде и объ его корпусѣ, при взятіи Соассона. Но безыменный сочинитель статьи видимо хотѣлъ подшутить, или имѣлъ какую-либо другую, сокровенную мысль.... Вотъ, что онъ говоритъ (№ 25, стр. 160): . . . „Между тѣмъ г. а. Чернышевъ приказалъ полковнику Сухтелену — правый флангъ, а полковнику Бенкендорфу — лѣвый, оба изъ кавалеріи составлены“, подвести быстро къ городу“ (не забудемъ, что на стр. 139 сказано: городъ окруженъ глубокимъ ровомъ и высокими валами) „на картечный выстрѣль и начать дѣйствіе стрѣлками и осельми орудіями“.

Тутъ не нужно быть практическимъ военнымъ человекомъ, чтобы усмотрѣть всю нелѣпость сего описанія и совершенно противныя здравому разуму распоряженія, приписываемыя такъ смѣло г. а. Чернышеву безыменнымъ сочинителемъ!

Зачѣмъ подводить конницу на картечный выстрѣль къ глубокому рову и высокому валу? Какими стрѣлками начать дѣйствіе, когда оба фланга были составлены изъ кавалеріи? Ужъ не разумѣетъ ли здѣсь авторъ фланкбровъ? Это было бы еще забавнѣе. Между тѣмъ такой вздоръ или шутка можетъ увлечь неопытныхъ къ подражанію: подводить къ крепостнымъ стѣнамъ на картечный выстрѣль конницу, тѣмъ болѣе, что статья имѣетъ характеръ военно-историческій. Много и очень много подобнаго разсѣяно въ нашихъ военныхъ повѣствованіяхъ, что требовало бы строжайшаго критическаго разбора со стороны людей опытныхъ  
русскій архивъ 1868. 39

въ военномъ дѣлѣ, и добросовѣстно желающихъ славы Русскому оружію. Но къ несчастію, эти люди, или остаются равнодушными, или не хотятъ напрашиваться на колкости, которыми ихъ тотчасъ осыплютъ теоретики, родившіеся послѣ этихъ великихъ событий, и за невозможностью бороться практическою наукою, обращающіеся къ личностямъ, заглушая крикомъ практическія наблюденія. Кто-то, недавно, очень *остроумно* выразилъ въ метафизико-юмористической статьѣ, что *обмыслившіе и обеззубленные*, въ теченіе чуть не полвѣка, встаютъ на все живое, *разумное* (?), истинное, честное, *идущее впередъ* и на оборотъ, дозволяютъ кадить только мертвому, восхищаться формою (!), *а не, идею*, и кричать, какъ по подряду, на всякую *смѣлую попытку ума человеческаго*, выставляя это ниспроверженіемъ *общественнаго порядка*<sup>4</sup>. Участникамъ въ великой эпохѣ классическихъ войнъ возбращаютъ даже и упоминать о нихъ!... Кто ищетъ ниспроверженія?... Конечно не *обмыслившіе* и не *обеззубленные*, дававшіе урокъ врагу на высотахъ Монмартра. Не эти, повторяю, дѣятели, возведшіе своею кровію отечество на апогей величія, ищутъ *ниспроверженія* своихъ славныхъ дѣлъ, а..... Обращаюсь къ предмету.

Несправедливо отнимать у лицъ имъ принадлежащее. Г. а. Чернышевъ въ эту эпоху былъ пзвѣстенъ своими дѣйствіями съ летучими отрядами. Натягивать въ его пользу небывалое, значитъ ослаблять дѣйствительныя его достоинства и заслуги. Михайловскій-Данилевскій, въ описаніи этого эпизода, слѣдовалъ одностороннимъ матеріаламъ, что проглядываетъ вездѣ (то же и въ описаніи войны 1813 г.), гдѣ только коснется онъ до Винценгероде и Чернышева. Такъ напр., когда Винценгероде, стоявшій въ Реймсѣ, получилъ предписаніе идти опять на выручку Блюхера и овладѣть Со-

ассономъ, онъ быстро двинулся къ сему послѣднему. Войска сосредоточились къ вечеру, на другой день. Комендантъ, генераль Морфъ, имѣлъ гарнизонъ, состоявшій изъ полуторы тысячи Поляковъ, съ осмнадцатью орудіями, и многочисленной національной гвардіи. Предложенная ему сдача была имъ отвергнута. Тогда Бюловъ, (съ того самаго мѣста, откуда 2-го февраля Русскіе овладѣли городомъ), открылъ слабую пушечную стрѣльбу, а Винценгероде атаковалъ предмѣстье города, лежащее на противоположной сторонѣ и послѣ упорной защиты овладѣлъ имъ. Наступившая ночь и проливной дождь, заставили отложить дальнѣйшія предпріятія. Винценгероде далъ повелѣніе изготovitъся, съ разсвѣтомъ, къ общему штурму и приказалъ стрѣлкамъ, занимавшимъ взятое имъ предмѣстье, присоединиться къ войскамъ. Между тѣмъ, чтобы занять коменданта (11), посланъ былъ къ нему парламентаремъ, полковникъ баронъ В. И. Левенштернъ, впоследствии генераль-маіоръ (12). Ловкость и опытность этого отличнаго офицера содѣлали пролитіе крови не нужнымъ, ибо городъ сдался.

Михайловскій-Данилевскій описываетъ это событіе довольно вѣрно, но и здѣсь онъ не могъ удержаться отъ

(11) Настоящаго военнаго совѣта не было. Генералы, посѣщавшіе барона Винценгероде, могли вести объ этомъ разговоръ и обмѣниваться мыслями.

(12) Прусскіе военные повѣствователи приписываютъ успѣхъ этотъ себѣ, не смотря на то, что графъ (впоследствии князь) Воронцовъ, по капитуляціи, занялъ городъ. Наши военные литераторы равнодушно допускали всѣхъ нѣмецкихъ писателей *приписывать все себѣ*, въ продолженіе 1813 и 1814 годовъ. Русскіе ставятъ ими, въ ихъ описаніяхъ, не только-что на второмъ, но часто на третьемъ планѣ, а иногда и вовсе не упоминаютъ объ нихъ, и въ тѣхъ битвахъ, гдѣ Русскіе выносили всю Германію на себя; Русскіе имъ, дескать, во многомъ еще и мѣшали; они одни распорядились бы лучше, т. е. опять впустили бы въ свои столицы французскихъ военныхъ генераль-губернаторовъ, а въ крѣпости наполеоновскіе гарнизоны.

нѣкоторыхъ выраженій, которыя могли бы вовсе быть не сказанными, какъ потому, что они несправедливы, такъ и потому, что даютъ поводъ къ неловкимъ выводамъ и заключеніямъ. Выраженія эти суть слѣдующія: „Тутъ многіе *невольно* удостоивились, какъ блистательно было, за двѣ недѣли предъ тѣмъ, *покореніе Соассона Чернышевымъ*. Съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ онъ ворваться въ этотъ, въ стратегическомъ отношеніи, важный городъ, а теперь стояли передъ нимъ два многочисленные корпуса *и колебались овладѣть имъ*“. Авторъ не находилъ въ корпусѣ Винценгероде; по этому онъ не могъ подслушать самъ *невольнаго* удостоивренія<sup>(13)</sup>. Если же онъ отъ кого слышалъ, или читалъ записки участника, то это такъ важно, что слѣдовало бы, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ несравненно меньшаго значенія, указать на матеріалъ. Голословно же обвинять такъ часто и такъ рѣзко Винценгероде, справедливо пользовавшагося довѣренностію государя, который неоднократно былъ свидѣтелемъ военныхъ дарованій его, болѣе чѣмъ неосновательно.

Послѣднія вышеприведенныя строки, отъ начала до конца, не имѣютъ ничего справедливаго и опровергаются даже самымъ описаніемъ автора. Неужели Винценгероде съ корпусомъ, совершившимъ по слякоти усиленный маршъ, къ вечеру долженъ былъ, въ ночной мракъ, при проливномъ дождѣ, на обумъ, начать штурмъ? Онъ отложилъ его къ разсвѣту.

Но довольно объ этомъ эпизодѣ. Заключу статью чрезвычайно, по моему мнѣнію, любопытнымъ выраженіемъ автора, когда онъ описываетъ

(13) Авторъ позабылъ о сказанномъ имъ выше, что первые два штурма воротъ не удалсь, а третій, удачный (повторяю) произведенъ былъ тогда, какъ подошелъ корпусъ, выдвинувъ батарею артиллерию, и самъ корпусный командиръ явился передъ воротами.

движеніе Винценгероде изъ Намюра къ Авену. Разумѣется, что о Винценгероде не упоминается, а вотъ какъ сказано: „Движеніе къ Авену, произведенное между Бомономъ и Винчемъ (Беншъ?) *останется памятно въ военной исторіи тѣмъ, что по проложеному Чернышевымъ пути (!)* Веллингтонъ и Блюхеръ шли къ Парижу послѣ побѣды при Ватерлоо“.

Это по моему мнѣнію, пожалуй, можно было бы сказать, если бы кто нынѣ проходилъ по пути отступленія Ксенофонта, или по дорогѣ, служившей Александру Великому на походѣ въ Индію; но путь, о которомъ идетъ рѣчь, находится между многими крѣпостями Вобана и на пространствѣ, изрѣзанномъ шоссе и дорогами, по которымъ непрерывно двигались войска во времена Людовика XIV и другихъ, и прежде и послѣ.

Къ немалому удивленію и у г. л. Богдановича, въ его „Исторіи войны 1814 года“ (т. I, стр. 211) баронъ Винценгероде обзывается: „*Вильмъ и льниковымъ, остающимся въ бездѣйствіи*; г. а. Чернышевъ *настаиваетъ* о переправѣ въ Дюссельдорфъ; наконецъ Винценгероде разрѣшаетъ приступить къ переправѣ, „но *однакоже возлагаетъ на него всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи*“! Винценгероде (стр. 212) продолжаетъ двигаться „*столь же медленно, какъ и прежде*“, и все это рѣшительно безъ прямыхъ указаній, а на слово. Пусть хотя бы г. а. Богдановичъ сослался на Михайловскаго-Данилевскаго!

На стр. 213, опять *неръшительность* Винценгероде разрѣшить Чернышеву взять приступомъ Соассонъ; но, наконецъ, онъ разрѣшаетъ „*на столь важное предпріятіе, съ тѣмъ однакоже, чтобы Чернышевъ принялъ на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи*“. И опять ничѣмъ не подкрѣплено таковое сказаніе! Неужели нѣтъ въ Архивахъ ничего? Ну, пусть бы

хотя частное письмо, и то имѣло бы здѣсь мѣсто; между тѣмъ мнѣ помнится, что въ сданномъ мною въ 1826 году секретномъ архивѣ корпуса Винценгероде, есть кое-что и объ этомъ эпизодѣ.

Вообще весь этотъ періодъ и самое Краонское дѣло изложено неправильно; перепутываются, вводятся безъ должныхъ цитатъ такія обстоятельства, которыхъ вовсе не было. Словомъ, война эта имѣетъ тѣ же недостатки, какъ и война отечественная, точно тоже, что и война 1813 года.

Вотъ, мимоходомъ, одинъ эпизодъ изъ этой послѣдней войны. Въ концѣ II тома, описывая пребываніе корпуса Винценгероде въ Бременѣ, г. а. Богдановичъ упоминаетъ объ экспедиціяхъ Чернышева, Бенкендорфа и другихъ мелкихъ отрядовъ; ни слова не сказано о взятіи крѣпости Ротенбурга, да и имя оной вовсе не упомянуто; между тѣмъ какъ эпизодъ этотъ не маловажный. Около половины ноября, наслѣдный принцъ Шведскій, находившійся около Гамбурга, предписалъ Винценгероде безотлагательно овладѣть крѣпостцею Ротенбургомъ, находящеюся на пути отъ Гарбурга къ Бремену и на томъ основаніи, что, по дошедшимъ слухамъ, Даву будто бы имѣлъ намѣреніе, если гарнизоны изъ другихъ Эльбскихъ крѣпостей и не присоединятся къ нему, то съ однимъ своимъ многочисленнымъ Гамбургскимъ гарнизономъ внезапно оставить укрѣпленія и чрезъ Ротенбургъ быстро броситься на корпусъ Винценгероде и пробиться къ крѣпостямъ Нижняго Рейна. Съ паденіемъ Ротенбурга предпріятіе это не могло совершиться, ибо крѣпостца эта лежитъ на возвышенной плотинѣ, единственною возможною пути сообщенія (кругомъ непроходимыя и пространныя болота, начиная отъ Гарбурга и далѣе отъ Ротенбурга до Остероде). Въ тотъ же вечеръ я былъ посланъ для обозрѣнія этой крѣпост-

цы, что на другой же день и исполнилъ, взявъ изъ Остероде Башкирскій полкъ и Яхонтова полка эскадронъ маіора Ганибада. Когда я отдалъ отчетъ объ обозрѣніи крѣпости, тотчасъ же предписано было генералу Вуичу сосредоточить свою 24-ю дивизию и овладѣть Ротенбургомъ, а мнѣ на это время находиться при немъ. Крѣпость была внезапно атакована съ двухъ сторонъ, чему содѣйствовалъ наступившій морозъ, представившій возможность по замерзшему болоту подойти къ самому гласису (14). Послѣ двухдневной жаркой перестрѣлки, крѣпость сдалась на капитуляцію. Эта послѣдняя въ нѣсколькихъ пунктахъ, писана моею рукою и находилась въ сданномъ мною архивѣ. Нѣсколько сотъ старыхъ солдатъ, съ нѣсколькими пушками, защищали эту крѣпостцу, которая, по мѣстоположенію своему и вышинѣ стѣнъ, могла бы долго держаться. Наслѣдный принцъ былъ очень доволенъ этимъ овладѣніемъ и прибывшаго съ этимъ донесеніемъ адъютанта барона Винценгероде, ротмистра Бодиско, наградилъ орденомъ Меча.

(14) Вотъ между прочимъ что было сказано въ реляціи, собственно до меня относящеся (№ 2035),..... Искусный и храбрый сей офицеръ, осмотрѣвши заблаговременно означенное укрѣпленіе, подаль мнѣ первый совѣтъ, дабы занять амтъ, находящійся на гласисѣ, для исполненія чего дана была ему рота 19-го егерскаго полка, штабсъ-капитана Маслова. Сіе исполнено было съ совершеннымъ успѣхомъ, и занятіе онаго амта дало намъ великія выгоды, ибо непріятель не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія безъ большей потери людей; онъ же, капитанъ Липранди, въ ночь съ 23 на 24-е ноября, у того же амта, по выбору своему мѣста, сдѣлалъ батарею на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости, и на другой день ноутру, по данному отъ меня повелѣнію, когда началъ дѣйствовать съ оной, то много споспѣествовалъ къ скорой сдачѣ крѣпости" и т. д. Я привелъ это потому только, чтобы показать почтенному историографу войны 1813 года, что Ротенбургъ не могъ и, по важности своего положенія, онъ заслуживалъ быть упомянутымъ. Какъ же просматривались архивы, у насъ хранящіеся? Они вѣрнѣ сказаній Шрекенштейновъ, Бернгардовъ, Клаузевичевъ, Гофмановъ и пр. и пр.

Во всякомъ случаѣ, унустить въ Исторіи овладѣніе крѣпостью, едва ли позволительно, въ особенности, когда такая Исторія терпитъ на своихъ страницахъ, иногда, какъ говорится, Богъ знаетъ что!

Вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣніе Ротенбургомъ не обошлось и безъ пролитія крови: егерская рота Маслова съ которою я занялъ, на разсвѣтѣ, амтъ, лежащій на гласисѣ, понесла значительныя потери, и Масловъ лишился ноги <sup>(15)</sup>. Ширванскій полкъ, направленный съ другой стороны, также не досчитался многихъ.

### II. Липранди.

## НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗНАЧЕНИИ СОАССОНА ВЪ КАМПАНИЮ 1814-ГО ГОДА.

Когда въ концѣ 1813-го г., по плану, составленному императоромъ Александромъ, рѣшено было продолжать войну и въ предѣлахъ Франціи, тогда, въ концѣ истекающаго декабря и въ началѣ января 1814-го года, Главная армія перешла на лѣвый берегъ Рейна, въ Швейцаріи и сопредѣльныхъ мѣстахъ, Силезская, — въ Мангеймѣ и окрестностяхъ. Такимъ образомъ обѣ эти арміи двигались отъ *Востока* на *Западъ*, къ общему для всѣхъ и другихъ армій центру — Парижу, прикрываемому главною Французскою арміею, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона. Армія Бубны, изъ Швейцаріи же, направилась на Лионъ, но, не находя себя въ достаточныхъ силахъ, остановилась между симъ городомъ и Женевею ожидать подрѣпленій. Направленіе этой арміи угрожало Парижу съ *Юга*. Веллингтонъ, изъ Испаніи, хотя еще и вдали, двигался съ *Запада* на *Востокъ* къ тому же средоточію — Парижу (\*).

<sup>(15)</sup> Маслову дамы Бремена поднесли заказанную имъ въ Лондонѣ, поддѣльную ногу.

(\*) Направленія эти разумѣются въ общемъ смыслѣ.

Съ одного *Сѣвера* не было еще принято наступательнаго движенія. Съ этой стороны была сѣверная армія Кронъ-принца Шведскаго. Но онъ съ главными силами находился въ Голстинѣ, Ганноверѣ и около Гамбурга. Только три корпуса его могли бы принять болѣе дѣятельное участіе въ наступательномъ движеніи, а именно: одинъ, герцога Веймарскаго (перешедшій Рейнъ въ Арнгеймѣ), другой — Бюлова; но оба они наблюдали Антверпенъ и за движеніями тутъ Французовъ, подъ начальствомъ графа Мезона. Наконецъ, третій корпусъ — Русскій г. а. барона Винценгероде занималъ Бременъ, имѣя авангардъ по направленію къ Дюссельдорфу. Корпусъ этотъ былъ ослабленъ болѣе чѣмъ на половину, многими отрядами, изъ коихъ главный — Бенкендорфа, направленный въ Голландію. Дивизіи же Воронцова и Строгонова принцъ удерживалъ при себѣ.

Наконецъ, когда опасеніе предполагавшагося движенія Даву миновалось (\*), тогда корпусъ Винценгероде началъ стягиваться въ окрестности Мюльгейманъ-деръ-Руръ, а авангардъ занялъ Дюссельдорфъ, имѣя порученіе собрать необходимое число судовъ для перепра-

(\*) Были получены свѣдѣнія, что Даву имѣлъ намѣреніе съ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ Гамбурга, въ данный моментъ (при подобномъ же предпріятіи гарнизоновъ и нѣкоторыхъ другихъ Эльбскихъ крѣпостей) внезапно переправиться изъ Гамбурга въ Гарбургъ, подвить въ Бременъ слабый корпусъ, прорвать къ низовьямъ Рейна, захватить съ собой гарнизоны изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которые встрѣтятся по дорогѣ и, напавъ на тылъ корпусовъ герцога Веймарскаго и Бюлова, соединиться съ генераломъ Мезономъ. Дѣйствительно ли составлялся такой отважный плацъ или нѣтъ, но не менѣе Кронъ-принцъ принялъ мѣры къ воспрепятствованію такого движенія, и послѣ половины ноября, предписалъ Винценгероде неотмѣнно овладѣть крѣпостцею Ротенбургомъ, находящеюся между Гарбургомъ и Бременомъ на единственно-возможномъ тутъ пути. Ротенбургъ былъ взятъ 25 ноября, и предпріятіе Даву сдѣлалось невыслымымъ. Генералъ Богдановичъ въ исторіи войны 1813 г., вовсе даже не упоминаетъ о Ротенбургѣ.

вы, которая вскорѣ и совершена чрезъ Рейнъ, покрытый несущимися льдинами. Въ это время численность корпуса едва достигла до  $\frac{1}{3}$  т. чел.,—не всѣ отряды успѣли присоединиться къ нему, а дивизіи Воронцова и Строгонова оставались нѣкоторое еще время у Кронъ-принца. Винценгероде пригласялъ Бюлова дѣйствовать взаимно, передавъ наблюдение за Антверпеномъ и корпусомъ Мезона—герцогу Веймарскому и прибывшимъ Англичанамъ; но прусскій генераль остался глухъ къ этому призванію, а Винценгероде, получившій отъ Государя приказаніе спѣшить, выступилъ изъ Намюра, по направленію къ Парижу — на Лаонъ. На дорогахъ, ведущихъ къ сему послѣднему, были крѣпости. Вначалѣ Винценгероде думалъ взять направленіе чрезъ Филипевиль, но гарнизонъ этой крѣпости отказался сдаться; время не позволяло медлить, и корпусъ пошелъ на Авенъ, который, по неимѣнію достаточнаго гарнизона, сдался авангарду (\*). Отсюда корпусъ направился прямымъ путемъ чрезъ Вервенъ и Лаонъ на Соассонъ, которымъ  $\frac{1}{4}$ -го февраля и овладѣлъ.

Соассонъ, отстоящій только на три перехода (80 верстъ) отъ Парижа, въ стратегическомъ смыслѣ всегда имѣлъ свое значеніе, но значеніе это усиливалось при тогдашнихъ дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ, а потому Наполеонъ помѣстилъ въ Соассонъ избранный гарнизонъ, въ числѣ семи тысячъ (исключая національной гвардіи), и назначилъ комендантомъ стариннаго соратника сво-

(\*) Гарнизонъ Авена состоялъ изъ около двухсотъ человекъ, при 20-ти орудіяхъ. Вначалѣ комендантъ отвергъ предложеніе сдаться, но столпившіяся женщины около Монскихъ воротъ съ крикомъ требовали отворить ворота. Меръ города—Приссъ и вліятельные домовладѣльцы: Петти (впослѣдствіи тестъ графа Подиньяка, шефа вашего егерскаго полка, бригады К. М. Полторацкаго, когда полкъ съ 1815 по 1817 годъ квартировалъ въ Авенъ), Бутаръ, Лекокъ и др. требовали того же. Но главное, что послѣ такого заявленія рѣшило коменданта, было то, что въ Авенъ находилось плѣнныхъ численностію болѣе чѣмъ вдвое противу его гарнизона.

его генераль-лейтенанта Рускѣ. Сверхъ того здѣсь, какъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ (хотя очень плохо), назначенъ былъ центръ формирующимся новымъ войскамъ.

Смерть генерала Рускѣ облегчила исполненіе быстрого приступа, лично направленнаго корпуснымъ командиромъ и поразила Парижъ — увидѣвшій и съ этой стороны такъ близко отъ себя непріятели, котораго, по одержанному въ Соассонѣ успѣху, полагалъ въ значительныхъ силахъ, между-тѣмъ, какъ у Винценгероде было не болѣе  $\frac{1}{3}$  т. чел. и за нимъ никого. Воронцовъ и Строгоновъ, отпущенные Кронъ-принцемъ, находились еще далеко и присоединились къ корпусу гораздо позже — въ Реймсъ.

Независимо отъ стратегическаго положенія Соассона, занятіе его въ настоящее время было моментомъ, какъ нельзя болѣе кстати. Не столько искусный маневръ Наполеона, сколько оплошность Блюхера, растянуваго на большое пространство свою Силезскую армію, подвергли ее разобщенію и пораженію по частямъ—въ Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ. Отступающія разбитыя части раздробленной Силезской арміи, въ упоръ преслѣдуемая къ берегамъ Эны,—отдохнули и получили возможность соединиться (\*). Винценгероде на другой день пошелъ въ Реймсъ.

Двѣ недѣли спустя, Блюхеръ опять тѣснимъ отъ Шато-Тьеры и Уши къ Эниъ, на которой не было другихъ мостовъ кромѣ каменнаго въ Соассонѣ, вновь занятомъ Французами, по выступленіи Винценгероде въ Реймсъ. Искать

(\*) Успѣхи Наполеона противъ Блюхера поколебали довѣріе иноземныхъ намъ союзниковъ къ своимъ силамъ: Наполеонъ все еще былъ страшенъ въ глазахъ этихъ недавно его вассаловъ, громившихся при каждой съ нимъ встрѣчѣ. Взятіе Соассона и спасеніе тѣмъ арміи Блюхера отъ совершеннаго разгромленія, опять ободрило ихъ при, ни на минуту не колебавшемся, императорѣ Александрѣ, дѣла начали поправляться, пока Блюхеръ вновь чуть-чуть не испортилъ ихъ.



же наводить понтоны или устраивать иные мосты, при живомъ натискѣ преслѣдуемыми, было бы, если и несовершенно-невозможно, то по крайней мѣрѣ очень трудно. Быстрымъ движеніемъ (въ два дня) Винценгероде подошелъ, чрезъ Фимъ, къ Соассону, а Бюловъ, наконецъ двинувшійся, приблизился съ Лаона къ городу съ той стороны, съ которой онъ былъ взятъ 2-го февраля. Едва Русскіе подоспѣли, какъ въ тотъ же вечеръ, 19-го февраля, при сильномъ дождѣ, овладѣли предмѣстьемъ и послали требовать немедленной сдачи, иначе предположенъ былъ съ раннимъ утромъ штурмъ: медлить было нельзя. Еще нѣсколько часовъ, и Силезская армія угрожала съ истребленіемъ, а за симъ, какія могли быть послѣдствія, каждый можетъ заключить. Бюловъ съ своей стороны также послалъ парламентаря, прибывшаго уже послѣ нашего. Отъ Винценгероде посланъ былъ полковникъ В. И. Левенштернъ. Онъ умѣлъ и успѣлъ склонить коменданта, генерала Моро, къ очисткѣ крѣпости до разсвѣта, которую Воронцовъ тотчасъ и занялъ.

Овладѣніе Соассономъ въ этотъ моментъ было такъ важно, что когда генералъ Моро требовалъ дозволенія вывезти съ собой нѣсколько пушекъ, а нашъ парламентаръ не соглашался, князь Воронцовъ сказалъ: „Тутъ некогда разсуждать, генералу Моро не только-что можно отдать всѣ его пушки, но придать еще и нашихъ, только-бы скорѣй уходилъ“. Тотчасъ, по занятіи Соассона, посланы были отряды нашей конницы на встрѣчу отступающему Блюхеру, и онъ, 20-го, съ поспѣшностію переправился черезъ Эну, по каменному мосту и, оставивъ въ ономъ гарнизонъ, направился къ Лаону и пр.

*И. Липранди.*

## Воспоминанія о Михаилѣ Леонтьевичѣ Магницкомъ.

*Статья А. С. Стурдзы (\*).*

Переживать милыхъ сердцу нашему родителей, родныхъ и друзей, провозжать современниковъ до завѣтнаго святилища могилы, и каждый разъ больнѣе и глубже ощущать свое одиночество, — таковъ горькій удѣлъ долготѣннаго бытія на землѣ! На днѣ роковой чаши сей, растворяемой и гнѣвомъ Божиимъ за грѣхъ, и милосердіемъ Его къ *грѣшникамъ*, есть нѣсколько ѣдкихъ капель того таинственнаго *вина умиленія*, отъ котораго упоенная жизнью душа пробуждается, совлекаетъ съ себя послѣднія пристрастія и емлется вѣрою за невидимое и вѣчное. Но при каждой новой утратѣ, съ какимъ ужасомъ открываемъ мы въ себѣ двѣ грозныя, мало прозрѣваемыя нами истины: въ 1-хъ жалкую немощь нашей вѣры въ невидимое и грядущее; во 2-хъ суету жизни плотской, уносимой по частямъ долу или выспрь, — жизни, которая есть не что иное, какъ *медленное умираніе*.

Когда рабъ Божій Михаилъ *другъ нашъ успе*, когда іерей Бога Вышняго, общій другъ нашъ, всподвизавшійся ему въ молитвѣ до послѣдняго вздоха,

(\*) Александръ Скарлатовичъ написалъ эту статью вскорѣ по смерти М. Л. Магницкаго, подъ живымъ впечатлѣніемъ дружеской скорби; но тогда не успѣлъ напечатать ее ни въ Одесскомъ Вѣстникѣ, ни въ Москвитинѣ, *по причинамъ* отъ него *не зависѣвшимъ*. Теперь тѣхъ причинъ нѣтъ. А статья и теперь имѣетъ свое значеніе, заявляя нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Магницкомъ и рисуя его съ той стороны, которой почти не касались составители статей о немъ. *Audiatur et altera pars.* Свящ. *Н. Неводиновъ*. Читатели слычатъ статью эту съ замѣтками Вологжанина, въ Р. Архивѣ 1867, стр. 1663, 1692 и далѣе. Само собою разумѣется, что мы помѣщаемъ статью Стурдзы единственно какъ памятникъ историко-литературный, безъ малѣйшаго намѣренія оцѣнивать нравственный характеръ и общее направленіе дѣятельности Магницкаго. *П. Б.*

прямо отъ одра страдальца зашелъ ко мнѣ въ слезахъ, съ печальною вѣстію,—тогда первый порывъ горести скоро смѣнила въ душѣ моей тяжкая дума о ничтожествѣ жизни и скорбей и тѣсныхъ нашихъ житейскихъ мечтаній!.. И подлинно, давно ли маститый другъ и собесѣдникъ нашъ услаждалъ насъ пылкостью и богатствомъ ума своего и вмѣстѣ укрѣплялъ насъ твердостью вѣры, возмужавшей въ немъ отъ множества претерѣнныхъ скорбей и напастей? Въ 10 дней совершилось *разрушеніе* его земной хранины, являвшей дотогѣ всѣ признаки долготѣія, закаленнаго какъ цѣнный металлъ огнемъ искушеній. Не вѣрится роднымъ и друзьямъ, чтобы вдругъ не стало его въ кругу нашемъ; не вѣрится намъ маловѣрнымъ, чтобы нѣжный отецъ семейства, какимъ былъ М. Л. Магницкій, могъ столь безмятежно, смиренно и даже радостно разстаться съ истинною жизнію, и пошу ея и уды сбросить съ себя одною силою духа, для котораго сквозь мрачную завѣсу смерти уже виднѣлась и просіявала блаженная страна обѣтованій Христовыхъ.

М. Л. Магницкій, скончавшійся въ Одессѣ поября 21-го 1844 года, въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, прожилъ на землѣ 66 лѣтъ и въ теченіе сего времени служилъ царю и отечеству на разныхъ высокихъ степеняхъ государственнаго управленія; удаленъ былъ отъ дѣлъ вмѣстѣ съ незабвеннымъ М. М. Сперанскимъ; занималъ послѣдовательно и попеременно, въ продолженіе четырехъ царствованій, сперва дипломатическія мѣста въ Вѣнѣ и Парижѣ; потомъ должность статсъ-секретаря съ 1-го января 1810 до роковаго 1812 года; изъ временнаго бездѣйствія въ Вологдѣ вызванъ снова къ должностямъ вице-губернатора Воронежскаго и губернатора Симбирскаго; а потомъ назначенъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа; но съ 1826

года сошелъ навсегда съ тернистаго поприща заботъ и дѣлъ въ мирное убѣжище домашней жизни.

Да позволено будетъ намъ войти въ нѣкоторыя хронологическія подробности.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій (сынъ дѣйствит. же ст. совѣтника) родился въ 1778 г. апрѣля 23-го дня; воспитанный въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, покойникъ любилъ припоминать то время, когда за блестящіе успѣхи въ наукахъ получилъ онъ награду изъ рукъ знаменитаго старца Хераскова. Какъ водилось въ старину, молодой Магницкій началъ служеніе свое съ ружья, и, дослужившись до капитанскаго чина, перешелъ изъ военной службы въ гражданскую 8-го октября 1797 г., а съ 1798 г. сентября 29 пожалованъ въ коллежскіе ассесоры и отправленъ канцелярскимъ служителемъ къ Вѣнскому посольству, при коемъ находился до 1800 г. Здѣсь даровитому юношѣ досталось въ завидный удѣлъ не разъ вслушиваться въ разговоры великаго Суворова, ловить то привѣтливый къ себѣ, то игривый и колкій слова героя, который останется навсегда представителемъ русскаго ума и воинской доблести Русскихъ. Яркій обликъ лѣтописнаго мужа глубоко врѣзался въ память Магницкаго. Онъ любилъ и умѣлъ рассказывать о Суворовѣ съ оригинальною прелестію, достойною Суворова. Изъ Вѣны Михаилъ Леонтьевичъ перечисленъ былъ къ Парижской миссіи, при которой служилъ онъ подъ начальствомъ посланника Колычева и пользовался случаями наблюдать вблизи тогдашняго перваго консула мятежной французской республики и вмѣстѣ высшій кругъ отборнаго парижскаго общества. Въ 1803 г. марта 14-го, Магницкій опредѣленъ былъ начальникомъ экспедиціи во вновь учрежденное министерство внутрен-

нихъ дѣлъ. Отсюда начинается его безпредѣльная дѣятельность по части государственнаго управленія. Оня дважды посланъ былъ въ Псковъ и въ Вильну съ важными порученіями, приобрѣталъ опытность, обнаруживалъ рѣдкія способности и, быстро повышаясь въ чинахъ, добытыхъ рвениемъ и трудомъ, Магницкій былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ статсъ-секретари Е. И. В. по департаменту законовъ въ государственномъ совѣтѣ, 1810 г. января 1-го дня. Покойникъ дѣйствовалъ заодно съ М. М. Сперанскимъ; но ему въ особенноти поручено было составленіе военныхъ уставовъ и уложеній для большой дѣйствующей арміи. Кромѣ ордена св. Владиміра 3-й ст., украшавшаго грудь его, Магницкій получилъ орденъ св. Анны 1-го класса 12 декабря 1811 г.

Наставала тогда для Россіи грозная година искушеній и непріятельскаго нашествія; Сперанскому и Магницкому повелѣно было выѣхать изъ столицы; послѣднему назначено мѣсто-пробываніе въ Вологдѣ. Тяжелое испытаніе было некратковременно; ибо хотя высочайшимъ указомъ, въ коемъ изъяснены причины удаленія сихъ двухъ заслуженныхъ сановниковъ, Магницкій оправданъ и опредѣленъ тогда же Воронежскимъ вице-губернаторомъ, однакоже указъ о семъ состоялся не прежде 30-го августа 1816 г. Изъ Воронежа М. Л. перемѣщенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскъ 1817 г. іюня 14-го. Издержавшему на службѣ все свое родовое имущество пожалованы были добавочныя оклады, и для благородной, безкорыстной дѣятельности его открылось тогда новое поприще: онъ пожалованъ членомъ главнаго правленія училищъ, посланъ былъ въ Казань для обревизованія тамошняго университета и учебнаго округа, котораго наконецъ сдѣлался попечителемъ. Въ совѣтѣ министра духовныхъ дѣлъ и

народнаго просвѣщенія, незабвеннаго князя А. Н. Голицына, сошелся я въ первый разъ съ М. Л. Магницкимъ. Но вскорѣ мы опять разошлись: меня снова повлекло за границу быстрое теченіе тогдашнихъ политическихъ событій; а Магницкій, потрудившись около 5 лѣтъ въ званіи попечителя Казанскаго округа, уволенъ отъ сего званія 6-го мая 1826 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ уединенно въ Ревель (\*), откуда переселился въ Одессу. Здѣсь суждено было намъ опять встрѣтить другъ друга, уже не на открытомъ морѣ житейскихъ тревоженій, но причаливъ къ берегу и бросивъ якорь въ той пристани, откуда бурное прошедшее яснѣетъ для умственнаго взора, очищеннаго христіанскимъ самосознаніемъ.

Съ 1834 г. М. Л. Магницкій съ семействомъ своимъ (2) водворился въ Одессѣ, увидѣлъ около себя малютокъ, дѣтей единственнаго своего сына, и постоянно пребывалъ въ тѣсномъ кругу немногихъ собесѣдниковъ и друзей, умѣвшихъ цѣнить его умъ, познанія, обходительность, живое участіе характера пылкаго и благороднаго въ проществіяхъ отечественныхъ и всемірныхъ. Но и въ этомъ предсмертномъ уединеніи постигла его прискорбная нечаянность: страдалецъ принужденъ былъ переѣхать на жительство въ Херсонъ (3), гдѣ онъ пробылъ два года въ разлукѣ съ семействомъ, подъ гнетомъ тѣлеснаго недуга, въ произвольномъ одиночествѣ и духовномъ безмолвіи. Тамъ отшельника постигла водяная болѣзнь, которая, къ удивленію врачей, кончилась выздоровленіемъ тотчасъ послѣ принятія

(1) Магницкій былъ сосланъ въ Ревель. Подробности находятся въ Воспоминаніяхъ Панаева, въ Вѣстникѣ Европы 1867, кн. 4-я. П. Б.

(2) Сынъ Магницкаго, служившій въ гвардіи, не оставилъ по себѣ мужскаго потомства. П. Б.

(3) Вслѣдствіе непріятныхъ отношеній съ (кн.) М. С. Воронцовымъ. П. Б.

страждущимъ и крѣпко вѣровавшимъ цѣлебнаго таинства елеосвященія.

Замѣтимъ, что тоже самое случилось съ нимъ за нѣсколько лѣтъ въ Ревель. когда по его желанію преподано было болящему таинственное помазаніе во имя Господне.

Изъ Херсона покойникъ возвратился въ Одессу, въ объѣзды родныхъ и друзей уже не тѣмъ юношей *въ сиднилахъ*, какимъ онъ казался намъ въ первые годы пребыванія его въ нашемъ городѣ. Со всѣмъ тѣмъ быстрота и мѣткость ума еще не покидали бодрого старца; онъ все еще былъ душою нашихъ дружескихъ бесѣдъ, несравненнымъ цѣнителемъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, строгимъ обличителемъ гордой философіи по стихіямъ міра и въ полномъ смыслѣ *стоикомъ-христіаниномъ*. Только мало-помалу крѣпко и обнаружилось въ немъ благодатное отчужденіе отъ мірскихъ видовъ и пристрастій, прилежаніе къ келейной молитвѣ и безусловное, младенческое послушаніе всѣмъ уставамъ матери нашей Православной Церкви. Крутость воли, увлекавшая нѣкогда Магницкаго далеко за предѣлы предположенной имъ благой цѣли, начала примѣтнымъ образомъ уступать вліянію внутренняго самоотверженія. Отъ множества неудачъ въ жизни, онъ пересталъ довѣрять успѣху въ дѣлахъ и предпріятія самыхъ общепользныхъ. Однако, подъ корою недовѣрчиваго равнодушія, сердце его горячо билось сочувствіемъ къ малѣйшимъ успѣхамъ дѣла Божія на землѣ. Бывъ нѣкогда ревностнымъ участникомъ въ трудахъ упраздненнаго нынѣ Россійскаго библейскаго общества, Магницкій вдругъ отсталъ отъ него по внутреннему отбужденію, навлекъ этимъ на себя много кривыхъ толковъ и нажилъ не менѣе враговъ <sup>(4)</sup>. Конечно, уклон-

чивая осторожность не всегда управляла его поступками: онъ не умѣлъ соразмѣрять порывы ревности своей внѣшнимъ обстоятельствамъ. За то М. Д. Магницкій никогда не былъ челоуѣкоугодникомъ, и болѣе всего дорожилъ сокровищемъ совѣсти и вѣры, которую стяжалъ и усвоилъ себѣ послѣ сильной внутренней борьбы со страстями и заблужденіями юношескихъ лѣтъ. Припоминая себѣ это бур-

общества: «Однажды представили засѣданію персидскій переводъ для оптоваго отпращиванія въ Персію. Магницкій не вытерпѣлъ: объявилъ довольно рѣзко мнѣніе свое о неблагонадежности такого распространенія слова Божія. Подняли ропотъ и шумъ. Князь Мещерскій напрасно толкалъ въ бокъ Магницкаго съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ. Магницкій пуще разговаривался и заключилъ судную рѣчь свою противъ нерасмотренныхъ переводовъ устраненіемъ себя отъ великаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ библейскаго общества. Никто еще не угадывалъ, откуда происходила нечаянная вспышка пламеннаго дотола ревнителя библейскаго дѣла. Вскорѣ побужденія и причины обнаружались: бывший ученикъ Иннокентія, іеромонахъ Фотій, подѣйствовалъ на пылкость характера Магницкаго...» ...«и черезъ посредство общихъ друзей пригласилъ къ себѣ Магницкаго. Встрѣтилъ его у дверей гостиницы Фотій, держа въ рукахъ свѣчи въ рукахъ, и съ нѣмою торжественностію провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ ухватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая впрочемъ ни одного слова. Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія,—и негласный между ними союзъ былъ заключенъ. Послѣ этой первой встрѣчи, Магницкій началъ уже дѣйствовать открыто противъ нѣкоторыхъ распоряженій того самаго министерства, въ которомъ занималъ довольно почетное мѣсто. Онъ, конечно, защищалъ правое дѣло, вступаясь за Церковь противъ библейскаго общества. Но съ одной стороны порывы пылкаго характера часто увлекали его за предѣлы благоразумія и умѣренности; съ другой стороны, дѣйствуя сообразно замысламъ графа Аракчьева противъ князя Голицына, Магницкій навлекъ на себя упрекъ въ неблагодарности къ тому, кто възыскалъ его въ полузаточеніи и ввѣрилъ ему Казанскій учебный округъ. Не знаю навѣрное, обращался ли предварительно Магницкій къ своему начальнику съ указаніемъ на видимое имъ зло или нѣтъ...» Н. И.

<sup>(4)</sup> Позднѣе (1849 г.) въ «Запискахъ Современника» Александръ Скарлатовичъ такъ разсказалъ о выходѣ Магницкаго изъ библейскаго

ное время жизни своей, покойникъ обыкновенно приписывалъ грѣхамъ юности всякое новое искушеніе и бѣдствіе, его постигавшее. Любимая поговорка его въ такихъ случаяхъ: *по дьяволу ворю мѣка*, — и симъ приговоромъ истиннаго смиренія ограничивались жалобы страдальца. Тѣснилъ же его обстоятельство, или осуждали люди, или угрожала скудость средствъ, онъ всегда вишилъ самого себя и крѣпче лишь прижималъ къ груди своей наложенный свыше крестъ.

Въ 1838 г. посѣтилъ Одессу въ первый и послѣдній разъ графъ М. М. Сперанскій. Не смотря на старую дружбу, позднѣйшія превратности раздѣлили какъ-то между собою знаменитыхъ труженниковъ. Магницкому сперва не хотѣлось домогаться свиданія съ первостепеннымъ государственнымъ сановникомъ. Онъ колебался, потомъ внявъ голосу мудрости и признанія, который заставилъ его написать къ Сперанскому слѣдующее замѣчательное письмо:

„Какъ скоро узналъ я, мой почтеннѣйшій М. М., что вы сюда пріѣхали, первое движеніе моего сердца, первое чувство всего моего семейства было — обнять стараго благодѣтеля и друга. Но за глухимъ сердцемъ говорилъ разумъ: ты въ опалѣ, люди придворные этой чумы боятся; тотъ, котораго въ углу твоёмъ почитаешь ты другомъ, на большомъ театрѣ міра не разъ показалъ тебѣ противное, толкалъ ногой мертвеца политическаго; чуждался всего, тебѣ принадлежащаго; угодники, его окружающіе, тебя бѣгали, — что за охота бросаться въ холодную ванну? Вчера пріѣзжаетъ ко мнѣ здѣшній архіерей, другъ моего Вологодскаго изгнанія, свидѣтель моихъ къ вамъ чувствъ (3). Первое

слово о васъ: какъ я съ вами увидался? — Никакъ. — За что поссорились? — Не ссорились, и ничего другъ противъ друга не имѣемъ. — Чтожъ это значить? — и, подумавъ, добрый пастырь рѣшилъ: *есть въ которомъ-нибудь недостатокъ смиренія*. — Въ обоихъ, отвѣчалъ я; но какъ въ словѣ смиренномудраго былъ завернуть духъ, то оно такъ принялось у меня на сердцѣ, что въ тотъ же день рѣшился я передъ вами смириться. И подлинно, шли мы съ вами далеко и долго, разными дорогами и пришли — ко гробу! Еще шагъ, и увидимся тамъ, куда ни мѣшки, ни орденскія мантии не пролѣзаютъ; надобно бросить все горячее въ дорогъ, чтобъ тамъ не вспыхнуло. — Угодно ли?»

Могло-ль не подѣйствовать на высокую душу Сперанскаго столь искреннее изліяніе знакомой ему души? Послѣ этихъ разительныхъ строкъ старые друзья имѣли частыя свиданія, но послѣднія для нихъ въ юдоли плача, гдѣ не всегда сердце сердцу вѣсть даетъ.

Если въ предыдущихъ очеркахъ сколько нибудь удалось намъ представить читателямъ нашимъ Магницкаго, какимъ онъ былъ на закатѣ дней своихъ, то не трудно будетъ имъ угадать — каковымъ содѣлала его сила Божія въ борьбѣ со смертію. Покойный заболѣлъ отъ простуды въ ненастную и бурную погоду, сокрушившую на нашей гавани мореходныя суда. Онъ затворился дома, но не слегъ; лечилъ себя домашними лекарствами, и три дня спустя, въ угодность озабоченной супругѣ своей, пригласилъ къ себѣ просвѣщеннаго врача, который, съ перваго

(3) Преосвященный Гавріиль, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Кстати, въ «Памятникахъ замѣткахъ Вологжанина» (Рус. Арх. 1867 г. № 12-й ст. 1659) преосвящ. Гавріиль ошибочно названъ «Архіепископомъ Одесскимъ и

Харьковскимъ». Съ 1828 по 1837-й г. онъ былъ епископомъ, а потомъ архіепископомъ Екатеринославскимъ, Херсонскимъ и Таврическимъ и жилъ въ Екатеринославѣ. Въ 1837 г., за отдѣленіемъ епархіи Екатеринославской, онъ переселился въ Одессу и началъ именоваться арх. Херсонскимъ и Таврическимъ. Н. Н.

взгляда замѣтивъ въ больномъ признаки воспаления въ груди, настоятельно потребовалъ кровопусканія. Но, увы, напрасны были все убѣжденія: больной отказывался отъ средства, никогда въ жизни имъ не испытаннаго, и, какъ бы торопясь въ далекій, безвозвратный путь, рѣшительно отклонилъ отъ себя чашу земнаго бытія. Болѣзнь усилилась; внутреннія лекарства не помогали; больной страдалъ безъ малѣйшей жалобы или стога, страдалъ и помышлялъ о вѣчности. Насъ, друзей своихъ, принималъ онъ съ обычнымъ радушіемъ, съ изумительнымъ присутствіемъ духа, неизмѣнявшимъ ему ни на минуту. Бесѣдуя однажды при мнѣ съ другимъ посѣтителемъ, больной указалъ на меня и примолвилъ: *Вотъ за кого боюсь, когда А. С. заходитъ ко мнѣ въ дурицую погоду.*— Ноября 19-го, послѣ страдальческой ночи, больной начерталъ слабѣвшею рукою духовному отцу своему слѣдующія строки: „Лобзаю отеческую руку за возношеніе любви; но такъ какъ прошлая ночь была очень дурна и кашель можетъ усилиться; то я желалъ бы завтрашней день пораньше или сегодня вечеромъ исповѣдаться, а послѣ завтрашней литургіи приобщиться, и потому желалъ бы условиться о часахъ и приличныхъ экипажахъ, которые будутъ готовы“.— Все совершилось по желанію сердца сокрушеннаго и смиреннаго, жаждавшаго вѣчной жизни. Тщетно окружавшіе его, говоря о возможности выздоровленія, напоминали ему о дѣтяхъ и внукахъ: собравшійся въ путь рабъ Божій отклонялъ отъ себя суетныя надежды, и въ отвѣтъ тихимъ голосомъ повторялъ: *нѣтъ, пора, пора!* Во вторникъ, 21-го ноября, почувствовавъ близость смерти, опять послалъ за духовникомъ, который поспѣшилъ къ нему и въ продолженіи 2½ часовъ непрестанно молился у постели его, совоздыхая върою и любовію къ небесно-

му Разрѣшителю всехъ узъ грѣха и плоти, Господу Иисусу. Ровно въ 6 часовъ вечера преставился рабъ Божій Михаилъ, — только 12-ю часами опередившій въ вѣчности благодѣтеля своего, любвеобильнаго князя А. Н. Голицына.

И такъ самымъ поучительнымъ трудомъ и подвигомъ въ жизни раба Божія Михаила Магницкаго была истинно-христіанская, благоухавшая върою и смиреніемъ кончина его. Но поученіе сіе, среди шума мірской суеты, заключилось по необходимости въ тѣсный кругъ родныхъ его, друзей и домочадцевъ, и едва ли теперь донеслось тяжелымъ стономъ къ отсутствующему, нѣжно-любимому, единственному сыну почившаго. (\*)

Осталось однакожь послѣ него, и не мало, плодовъ ума и сердца, произведеній живописнаго пера его, которыя къ сожалѣнію по большей части хранятся въ рукописяхъ или разсыяны въ періодическихъ изданіяхъ — отъ *Аонидъ* до современныхъ намъ *Москвитянина* и *Одесскаго Вѣстника*. Я никогда не видалъ человѣка, не встрѣчалъ писателя, который бы такъ мало дорожилъ авторскою знаменитостію, какъ М. Л. Магницкій. Существенная польза, требованіе обстоятельствъ или переливавшееся изъ глубины души убѣжденіе — вотъ что побуждало покойника приниматься за перо. Шопотъ или громъ хвалы и удивленія вовсе его не трогали; онъ, по примѣру Фокіона, послѣ шумныхъ Аѳинскихъ рукописесканій, готовъ былъ спросить: „друзья, не проговорился ли я, что меня стали хвалить Аѳиняне?“ — и въ такихъ случаяхъ улыбка глубокой ироніи бѣгло отънялась на устахъ знатока жизни и людей. Мы имѣемъ въ числѣ напечатанныхъ трудовъ Магницкаго: *Сборникъ* лучшихъ мѣстъ изъ Россійской

(\*) Сынъ Магницкаго служилъ въ Петербургѣ въ гвардіи. П. Б.

исторіи Карамзина; *Священную исторію* для дѣтей перваго и втораго возраста; *Руководство къ дѣловой и государственной словесности*, посвященное графу М. С. Воронцову; *Думу на црѣль* М. М. Сперанскаго; *Взглядъ на міроздание*, и множество критическихъ дѣльныхъ статей, запрятанныхъ въ хаосѣ книжной промышленности, какъ-то въ журналахъ: *Радуга*, *Москвитянинъ* и т. д. Незабвенный для друзей своихъ, онъ почтилъ память искренно любившей его сестры моей страницами, исполненными глубокаго чувства и паренія мыслей. Мало кому известная исторія: *Камень въры* Стефана Яворскаго ожилъ подъ рѣзцомъ его въ чертахъ неизгладимыхъ. А подъ спудомъ въ рукописи лежатъ: *Торжество въры*, сочиненіе, передѣланное имъ съ французскаго подлинника: *Le Christ devant le Siècle*. Онъ же перевелъ огромное твореніе Галлера: *О наукѣ права и политики по началамъ христіанскима*. Еще донинѣ изъ духовной цензуры не возвращенъ богоугодный трудъ покойника: извлеченіе и переложеніе на русскій языкъ лучшихъ мѣстъ св. Димитрія Ростовскаго *о покаяніи и приготовленіи ко св. тайнамъ*. М. Л. Магницкій постояннымъ направленіемъ всѣхъ досуговъ своихъ къ цѣли, вкупу въ высшей и смиренной, доказалъ, что ему было не до славы, умирающей въ искрѣ и звукѣ. Ему только хотѣлось быть *тростію скорописца*, по указаніямъ свыше и для пользы людей, судившихъ о немъ по самымъ жалкимъ предубѣжденіямъ.

Онъ исполнилъ на дѣлѣ слово Спасителя: *аще точію любящія васъ любите, какъ вамъ благодать есть?* Миръ душъ и праху твоему, другъ и наставникъ нашъ въ тайнахъ добраго, послѣдняго подвига! Кончина твоя доказала, что не *на песокъ*, а *на камени* утверждался внутренній храмъ въры и поклоненія твоего Трїединому. *По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ и тамъ,*

откуда благословеніе отеческое твоего сердца да снидетъ и почиетъ на осиротѣломъ твоемъ семействѣ!

А. Стурдза.

Одесса  
Декабри 4 дня 1844 г.  
(Сообщено священникомъ Н. В. Цеводниковымъ).

### Замѣтка о Мещевскомъ.

Жуковскій къ своимъ друзьямъ пишетъ: „... *Мещевскій* въ Сибири, а вы друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Ежели вы не собрались о немъ вспомнить отъ разбѣянности, то это страмъ и ребячество! Ежели же отъ холодности къ его судьбѣ, то это... что это?... На что же намъ толковать о добрѣ, общей пользѣ, о хорошихъ возвышающихъ душу стихахъ? На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol?... Посылаю письмо Вяземскаго, чтобъ пристыдить и поддать вамъ, ежели можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать“ (Р. Арх. 1867 стр. 811, 812.)

Въ примѣчаніи къ этому письму сказано: „Кто былъ Мещевскій и какая судьба его, мы не могли доискаться, и просимъ разъясненія“.

Объ этомъ Мещевскомъ упоминается въ запискахъ Шишкова, изданныхъ въ песьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по рукописи, полученной въ 1863 году отъ протоіерея М. Я. Морошкина.

Въ письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу, Шишковъ пишетъ: „... цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Посланіе къ артельнымъ друзьямъ. Годъ поставленъ 1817, имя сочинителя означено *Мещевскій*. Слово: артельные друзья, само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ во-

обще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е. неизвѣстному или тайному обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства.... Я призвалъ къ себѣ журналиста Воейкова и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего невозможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда у него спросилъ, кто такой Мещевскій, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій года три или четыре тому назадъ умеръ и оставилъ у него свои сочиненія.

И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что если не пропуститъ, то его разругаютъ, или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышалось, что твердятъ: *да это господствующій духъ времени!*

„Всемиловѣйшій Государь! Вездѣ, въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, въ Комитетѣ гг. Министровъ, въ публикѣ и при самомъ Дворѣ, духъ сей находитъ защиту и покровительство“. (Записки Адмирала А. С. Шишкова стр. 108, 109).

Въ книгѣ: „Избранныя Сочиненія изъ Утренней Зари. Труды благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона“. М. въ ун. тип. 1809 г., ч. 1, стр. 259—263, напечатано весьма удачное стихотвореніе А. Мещевскаго: „Уединеніе“. Вѣроятно, Мещевскій былъ однимъ изъ сотоварищей Жуковскаго и Воейкова. Но за что постигла его ссылка, намъ доселѣ неизвѣстно.

И. Б.

## Къ исторіи библейскихъ обществъ.

### I.

Письмо митроп. Серафима къ импер. Александру 1-му, отъ 11-го декабря 1824 г.

Ваше Императорское Величество  
Всемиловѣйшій Государь!

Разсмотрѣвъ дѣло о сектѣ Духоносцевъ, важной по обширнымъ своимъ замысламъ и приманчивой по свободѣ дѣйствовать согласно съ желаніями и страстями, я съ неизъяснимой горестію и удивленіемъ замѣтилъ, до какой степени распространяется, даже между простымъ народомъ, не говорю, неуваженіе, но явное противленіе Церкви, и какія ложныя мнѣнія разсѣяваются, Государь, о Твоихъ намѣреніяхъ! Итъ сомнѣнія, что зловредный расколъ сей, какъ новая отрасль масонства, одолженъ началомъ своимъ не Россіи, но привезенъ къ намъ совсѣмъ обдуманной и принаровленный во всѣхъ отношеніяхъ къ свойствамъ, обычаямъ и понятіямъ народа Русскаго. Нельзя не согласиться также, что всеобщее обращеніе Библии, безъ другихъ средствъ къ посѣянію въ народѣ благочестія, могло содѣйствовать сему разколу. Библейскія общества имѣютъ съ нимъ связь, и сіе въ особенности заключить можно изъ единства духа въ главныхъ началахъ установленія *всеобщей религіи* и въ согласіи новаго сего ученія съ содержаніемъ такъ названныхъ прежде духовно-нравственныхъ книгъ, появившихся вмѣстѣ съ Библейскими обществами. Изъ сихъ книгъ „Воззваніе къ челоуѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“ явно признается отъ Духоносцевъ книгою пророчествовальною.

Съ прискорбіемъ должно признаться, что со времени введенія по всей Россіи Библейскихъ обществъ и распространенія вышеозначенныхъ книгъ, не только въ свѣтскія, но даже духовныя училища, проникъ какой-то духъ



своеволю и мистическаго мудрованія; какихъ же должно ожидать послѣдствій, *еще соль земли обуеть?*

Все сіе доказываетъ, что настоятъ величайшая необходимость въ принятіи скорыхъ мѣръ къ огражденію Православія и природной намъ преданности къ законному правленію.

Видя съ одной стороны обширность подлежащихъ мнѣ дѣйствій ко благу Церкви и отечества, и усматривая съ другой слабость здоровья своего и немощи преклонныхъ лѣтъ, я бы погрѣшилъ противъ совѣсти, еслибы не желалъ имѣть себѣ сотрудника и совѣщателя. Гдѣ дѣло идетъ о пользѣ Государя, Церкви и Отечества, тамъ можетъ ли породиться презрѣнная мысль о соперничествѣ и о личныхъ выгодахъ, особливо въ моемъ санѣ? Глубоко проникнутый симъ убѣжденіемъ, я совѣтовадся съ министромъ народнаго просвѣщенія и сообщилъ ему мнѣніе свое, состоящее въ томъ, чтобы для постановленія духовныхъ училищъ на твердомъ и незыблемомъ основаніи Православія и для принятія совокупно со мной нужныхъ мѣръ къ прекращенію распространенія въ народѣ новыхъ ересей, призвать сюда на время Кіевскаго митрополита Евгенія, какъ человѣка извѣстнаго по правозвѣрію, учености и благонамѣренности. Онъ не только одобрилъ мое предположеніе, но и самъ изъявилъ желаніе пользоваться его совѣтами въ важномъ дѣлѣ народнаго воспитанія (\*).

(\*) См. Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 69. „По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ одні свѣтскіи, но даже и въ духовныя училища, непременно чуждо обратитъ ихъ къ истиннымъ и нравственнымъ началамъ. Но какъ сіе требуетъ не мало труда и разсмотрѣнія, дабы, очистивъ отъ худаго, положить доброе основаніе, то митрополитъ желаетъ, чтобы на время призванъ былъ сюда Кіевскій митрополитъ Евгеній, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить духовныя училища. На вопросъ мой: не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, что такое мнѣніе

Ободренный столь благопріятнымъ отзывомъ, я почелъ священнымъ долгомъ попергнуть все сіе на Высочайшее Всемилостивѣйшаго Государя моего благоусмотрѣніе и всеподданнѣйше испрашивать неукоснительнаго призванія Кіевскаго митрополита. Я тѣмъ съ большею довѣренностію осмѣливаюсь ходатайствовать о приведеніи сего въ исполненіе, что принятые уже мѣры достаточно всему свѣту свидѣтельствуютъ, сколь вождѣлѣнно сердцу Вашего Императорскаго Величества соблюденіе въ обширной имперіи Вашей Православія и единомыслія въ вѣрѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастье пребыть Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего вѣрноподанный богомолецъ митрополитъ Серафимъ.

для него оскорбительно: что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ Церкви, Государя и Отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства не позволяютъ ему опасаться какого-либо несогласія или соперничества; но что, напротивъ, онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтобы при столь важныхъ обстоятельствахъ и при слабости его здоровья было съ кѣмъ ему раздѣлить труды и совѣты. И также съ своей стороны хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгеніемъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и благонамѣреннымъ. Поселивъ Синодъ нынѣ состоятъ по большей части изъ лицъ долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ ими сдѣланнымъ, могутъ они въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи о нихъ быть не совсемъ чужды пристрастіи. По сей причинѣ и митрополитъ полагаетъ, что архіереевъ Тверскаго (Іову) и Кшишевскаго (Димитрія Сузиму) надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что они оба были избраны по совѣту архимандрита Феофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго лиція и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ дѣлъ и въ члены Синода, дабы съ свѣтскими членами Библейскихъ обществъ составить одинъ духъ и тѣло.“

## II.

Второе письмо митрополита Серафима къ императору Александру о томъ же предметѣ, отъ 28-го декабря 1824 года.

Ваше Императорское Величество

Всемилоствѣйшій Государь!

Отъ 11-го числа сего мѣсяца я имѣлъ счастье всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству объ открытіи вредныхъ послѣдствій существованія у насъ Библейскихъ обществъ. Благословенное Твое, Государь, принятіе замѣчаній моихъ побудило меня войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе Библейскаго дѣла, управленіе коего Ты мнѣ Высочайше поручить соизволилъ. Чѣмъ болѣе углублялся я въ розысканія сего рода, тѣмъ болѣе убѣждался совѣстію въ невозможности соединить въ одномъ лицѣ санъ первенствующаго члена Святѣйшаго Синода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ обществѣ. Усмотрѣвъ въ сокрытомъ направленіи всѣхъ дѣйствій сего послѣдняго нарушеніе самыхъ священнѣхъ обязанностей покорности Церкви и преданности Государю, я бы былъ не пастыремъ ея, не вѣрноподданнымъ Твоимъ, еслибы оставался безмолвнымъ предъ Тобой. Благоволи, Всемилоствѣйшій Государь, низойти благосклоннымъ вниманіемъ на приносимое къ Тебѣ устами моими моленіе цѣлой Церкви. Всѣ неповрежденные члены ея чають отъ благословеннаго Монарха своего, защитника Православія, единого и послѣдняго благодѣянія къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ Святою нашею Вѣрью злонамѣреннымъ мудрованіемъ новѣйшихъ лжеучителей. Уже ты словесно объявить мнѣ соизволилъ, что изъ преданныхъ Тебѣ и Церкви мужей составится комитетъ по дѣлу Россійскаго Библейскаго общества; повели нынѣже прекратить дѣйствія

Библейскихъ комитетовъ и закрыть ихъ по всей Имперіи; воспрети указомъ собираться такъ называемымъ духовнымъ обществамъ по домамъ, дабы священныя обряды Богосуженія не совершались святотатственно мірянами внѣ церкви, какъ ужъ сіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылось и Тебѣ небезызвѣстно. Соблаговоли, да сей, толико важный для Православія (\*), годъ увѣнчается въ исходѣ своемъ новымъ знакомъ Твоего отеческаго о насъ и овѣрѣ отцевъ нашихъ промышленія; да торжествующая Церковь, пріявъ отъ руки Твоей сіе великое благодѣяніе, воспоетъ въ восторгѣ побѣду надъ нечестивымъ мудрованіемъ вѣка нашего; да речетъ: *Съ нами Богъ! Разумѣйте и покоряйтесь языцы, яко съ нами Богъ! Услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ!*

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастье пребыть Вашего Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего вѣрноподданный богомолецъ митрополитъ Серафимъ.

\*

Фотій, принимавшій живое участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ выражалъ свою радость по этому случаю въ письмѣ своемъ къ Симоновскому архимандриту Герасиму: „Порадуйся, старче преподобный! нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде; ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ; общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились; *министръ нашъ* (намекъ на министерство духовныхъ дѣлъ) *одинъ Господь Іисусъ Христосъ* во славу Бога Отца, аминь“. Письмо писано 20 го августа 1824-го года, а министерство Дух. дѣлъ уничтожено 15-го мая 1824-го года. Замѣчательна приписка къ этому письму: „Молися о А. А. Аракеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. Церковь и вѣру, яко Георгій побѣдоносецъ. Спаси его Господи!“

(\*) Разумѣется низверженіе кн. Голицына.

Отвѣтъ на письма Серафима послѣдовалъ уже не отъ Императора Александра, а отъ Августѣйшаго Его премника. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя митрополита Серафима, 12-го апрѣля 1826-го г., повелѣно было остановить всѣ безъ исключенія дѣйствія Россійскаго Библейскаго Общества.

### III.

**Письмо Иннокентія къ Фотію, 1819-го г.,** безъ означенія мѣсяца и числа. (Письмо это было отвѣтомъ на письмо Фотія, наполненное выраженіемъ скорби и негодованія на совершившіяся тогда явленія въ духовно-религіозной жизни нѣкоторой части нашего общества.)

„О возлюбленный Фотій! Ты еще первый посѣтилъ меня любовью своею въ Пензѣ; продолжи любовь ко Господу. Онъ соединилъ сердца наши, несмотря на далекое разстояніе мѣста; продолжи очищеніе сердца, столь милого сердцу моему; не вдавайся въ пренія; моли Господа Миротворца умирить прежде насъ самихъ, наши чувства, нашу жизнь, нашихъ ближнихъ, окружающихъ насъ: тогда умиряться начнутъ и дальніе, умирятся и общества не мирныя, умирятся и церкви, раздорами раздираемыя. Что наши голоса съ тобою, если не писканія кишащихъ на землѣ насѣкомыхъ? И что наши съ тобой усилія, если не усилія напряженной руки младенца сдвинуть стѣну, сложенную многими вѣками, сложенную многими милліонами, поддерживаемую многими подпорами, хотя впрочемъ стѣну Вавилонскую. Принесемъ благодареніе Господу, что доселѣ терпѣть грѣхамъ нашимъ и насъ вразумляеть искать пути истиннаго, учиться оправданіямъ Его“.

(Изъ имѣющейся у меня рукописи „Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія епископа Пензенскаго и Саратовскаго, скончавшагося въ Вовѣ 1819-го г. октября 10-го дня).

VI. 3.

### IV.

**Письмо Фотія къ Симоновскому архимандриту Герасиму.** (отъ 30-го августа 1824 г.). По случаю низверженія Голицына, полное.

Возлюбленный о Господе брате, рабе вѣрный Христовъ и сподвижникъ. отче преподобный Герасиме!

Христось посреди насъ есть и будетъ во вѣкъ!

Богъ мнѣ вручилъ твое посланіе, кое ты писалъ Серафиму, но оно уже во славу Божию полетѣло — вручено самому великому слугѣ Божию (\*): все сердце мое кипитъ любовью о Христвъ къ тебѣ, ибо давно зналъ и знаю, что ты, яко Савва Освященный, ревновалъ, ревнуешь за св. Церковь, за св. Вѣру; сладко мнѣ и слышать твои слова и подвиги. Веліе дѣло Божіе и знаменіе великой благодати есть въ Христіанинѣ ревность по Вѣрѣ Православной. Возрадуйся, о брате любезный, въ Дусѣ Святы! Православіе торжествуетъ. Знай, что Ангелъ святыи Божій есть Царь нашъ; молися объ Немъ усердно; праведникъ нашъ Царь; узнавъ правду, Онъ любитъ и творитъ правду Христову. О какъ мы блаженны, что Богъ даровалъ намъ Царя Ангела Божія! Мы окаянные недостойны по грѣхамъ нашимъ сей милости Божіей! О Господи! пробави милость сію Твою намъ!

Порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь І. Христось во славу Бога Отца, аминь.

Нынѣ, я чаю, велія радость и на небесахъ. Тебя и всѣхъ единомышленныхъ и единодушныхъ въ вѣрѣ и ревности и преподобіи люблю и цѣлую о Христвъ, Который посреди насъ

(\*) Аракчееву.

быль, есть и будетъ во вѣки вѣковъ, аминь. Вратъ твой и сподвижникъ о Господѣ убогій рабъ твой Фотій.

Р. С. Молися о А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за Св. Церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи.

Все сіе просебя знай.

2. Р. С. Поцѣлуй ты святымъ цѣлованіемъ всѣхъ тѣхъ, коихъ мы любимъ.

### V.

**Письмо митрополита Серафима къ графу Аракчееву** о награжденіи Юрьевского архимандрита Фотія за подвиги его въ пользу Православной Церкви панегіей.

Сіятельный графъ,

Милостивый Государь!

Архимандритъ Новгородскаго перво-класснаго Юрьева монастыря, Фотій, въ краткое время настоятельства своего надъ симъ монастыремъ привелъ оный въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе, какъ я лично во время осмотра епархіи имѣлъ случай удостовѣриться. Богъ видимо благословилъ труды и старанія его. Тамъ, гдѣ въ опустѣлыхъ стѣнахъ едва оставался признакъ обители лишенныхъ и скорбящихъ (sic), явилось множество торжественныхъ поклонниковъ Божіихъ. Обвѣтшалые, безмолвные, почти заключенные храмы огласились пѣснями благоустроенныхъ ликовъ; вмѣсто запустѣнія благодѣіе, вмѣсто скудости возникло довольство, вмѣсто крайняго безлюдія образовалось многолюдное братство, вмѣсто неустойства возродились порядокъ и благочиніе; однимъ словомъ, древній, знаменитый въ Россіи монастырь изъ состоянія совершеннаго упадка возведенъ нынѣ въ новое, цвѣтущее, славное существованіе, каковымъ не наслаждался съ самаго учрежденія. Все

сіе, конечно, не могло укрыться отъ прозорливости Вашего Сіятельства. Но что сказать о пламенномъ усердіи и ревности архимандрита Фотія къ соблюденію вѣры отцевъ нашихъ неприкосновенною? Какъ исчислить труды и подвиги, понесенные имъ для блага Святой нашей Церкви, воюемой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадія ада, тѣмъ опаснѣйшими, что прикрыты личиною любви къ ближнимъ и усердія къ пользѣмъ человечества? Кто можетъ исцестъ всѣ попеченія сего пастыря о спасеніи братій своихъ во Христѣ?

Вашему Сіятельству, какъ истинному сыну Церкви, какъ твердому заступнику Православія и ходатаю о немъ у престола, столько же, сколько и мнѣ, извѣстны всѣ обстоятельства достославнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви 1824-го года (\*), который непреходящимъ только величіемъ увѣнчиваетъ благочестиваго Монарха нашего, но и уготовляетъ. Ему вѣчный вѣнецъ правды тамъ, идѣже нѣсть премѣненія.

Архимандриту Фотію, посвятившему себя Богу и восходящему къ совершенству христіанской жпзни, чуж-

(\*) Намеки на низверженіе Голицына, въ которомъ принималъ живое участіе Фотій. Для совокупнаго дѣйствія съ митрополитомъ Серафимомъ и другими противъ Голицына, Фотій особымъ письмомъ Аракчеева вызванъ былъ изъ Новгорода въ Петербургъ; 6-го числа августа 1824-го г. имѣлъ аудіенцію у Государя во дворцѣ на Каменномъ Островѣ съ половины 7 часа вечера по 9-й и изобразилъ Государю самыми мрачными красками тогдашнее положеніе Православной Церкви. Эта аудіенція подорвала кредитъ Голицына и ириготовила его паденіе. Въ Запискахъ Фотія находится такое выраженіе о результатахъ этой аудіенціи: 6-го числа съ половины 7 по 9-й часъ вечера былъ у Государя Императора, и весь разговоръ шель о дѣлахъ Церкви и вѣры, и Богъ устроилъ все на пользу св. Церкви Православная, и сконнице вражее подъ судъ строгій подпало (см. имѣющуюся у меня рукопись: Начертаніе жизни, дѣяній и подвиговъ въ Бозѣ почившаго Юрьевского монастыря архим. Фотія).

до всякое желаніе временныхъ награды; онъ, по слову Спасителя, возжелалъ единого на потребу, онъ твердо рѣшился нести крестъ свой и по немъ идти.

Но для полноты торжества Православія, для славы Церкви, для назиданія вѣрныхъ чадъ ея, полезное и богоугодное есть дѣло возвышать избранныхъ пастырей Божіихъ и сподоблять ихъ сугубой чести.

По обязанности сана моего, я почелъ непремѣннымъ долгомъ, представивъ всѣ сіи обстоятельства Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше просить довести о нихъ до свѣдѣнія Его Имп. Величества и, въ уваженіе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ арх. Фотіемъ, испросить Высочайшее соизволеніе о всемилостивѣйшемъ награжденіи его панагією.

Я тѣмъ съ большею надеждою осмѣливаюсь по сему случаю утруждать Ваше Сіятельство, что Государь Императоръ неоднократно изволилъ обрацать благосклонное вниманіе на благочестивое рвеніе арх. Фотія, на непреклонную преданность его къ священной особѣ Помазанника Божія и пламенную любовь его къ отечеству, и что сіи всѣмъ извѣстныя чувствованія его удостоены были и Высоч. Е. И. В. благоволенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Серафимъ митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій.

С.-Петербургъ.  
17-го генваря,  
1825-го года.

#### VI.

**Отвѣтъ графа Аракчеева на письмо митрополита Серафима.**

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

Свидѣтельствованіе Вашего Высокопреосвященства о возведеніи архимандритомъ Фотіемъ Новгородскаго

первокласснаго Юрьева монастыря въ цвѣтущее состояніе, пламенное его усердіе къ церкви Божіей и благочестивое его рвеніе на пользу отечества, обратили на него особенное вниманіе Государя Императора и Монаршее благоволеніе. Во изъявленіе онаго и въ ознаменованіе отличныхъ заслугъ архимандрита Фотія, Е. И. Величество всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ панагію и повелѣлъ мнѣ препроводить оную къ Вашему Высокопреосвященству для доставленія отцу архимандриту Фотію. Исполняя симъ Монаршую волю, имѣю честь быть и пр. графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ.

31-го генваря, 1825-го года.

Вотъ какимъ изъясномъ Фотій приглашаемъ былъ отъ графа Аракчеева пріѣхать въ 1824-мъ г. въ Петербургъ:

#### VII.

Почтенный мой отецъ архимандритъ Фотій!

По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Царское Село) я имѣлъ счастье докладывать Всемилоствивѣйшему нашему Государю Императору о нашихъ свиданіяхъ, и Его Величеству весьма пріятно было слышать ваше усердіе къ пользѣ Церкви Божіей и отечеству. Его Величество единожды навсегда вамъ, отецъ архимандритъ, позволяетъ пріѣзжать въ С.-Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ, а въ доказательство благоволенія Его Величества къ вамъ, Государю Императору угодно васъ видѣть лично у себя въ С.-Петербургѣ прежде Его отъѣзда въ войяжъ, а потому и изволите полагать вашъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть у Государя между 3 и 10 числами сего мѣсяца, въ которое время Государь изволитъ имѣть пребываніе свое въ С.-Петербургѣ на Каменномъ Острову; слѣдовательно, по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ,

31\*

прошу меня увѣдомить въ мой домъ Петербургскій запиской. О полученіи сего письма и о расположеніи вашемъ касательно пріѣзда вашего въ С.-Петербургъ прошу меня съ симъ же посланнымъ увѣдомить.

Прося вашего благословенія, пребуду на вѣки вашъ покорный сынъ и слуга графъ Аракчеевъ.

(См. рукопись находящуюся у меня: „Начертаніе жизни, дѣяній и подвиговъ въ Бозѣ почившаго настоятеля Новгородскаго 1 класса Юрьева общежительнаго монастыря, священно-архимандрита Фотія, сдѣланное съ тою единственною цѣлію, чтобы снять хотя нѣсколько завѣсу съ тайной подвижнической жизни почившаго, явить міру въ наши скудныя вѣроу и благочестіемъ времена ту истину, что *не оскуде преподобный*, и оправдать человѣка, котораго мѣла людская огласила и нерѣдко оглашаетъ доселѣ тяжелыми для благоговѣйнаго сердца слухами.“) *М. М.*

(Сообщено *М. Я. Морошкинымъ*).

## Опроверженіе разсказа о кончинѣ графа Аракчеева.

Прочитавъ во 2-й книжкѣ Русскаго Архива за 1868 годъ статью „Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева“, я пораженъ былъ чувствомъ горькаго соболѣзнованія о вымыслѣ, доведенномъ г-мъ Романовичемъ даже до того, что онъ не остановился назвать себя очевидцемъ смерти гр. Аракчеева, и, будто, бесѣдуя съ графомъ передъ его смертію, пилъ съ нимъ вино.

Не вхожу въ разсужденіе о томъ, что г-нъ Романовичъ былъ наряженъ отъ полка поздравить графа не съ четвергомъ страстной недѣли, а съ праздникомъ Воскресенія Христова, слѣдовательно и не могъ пріѣхать въ Грузино въ четвергъ и докладывать о себѣ графу, что онъ присланъ отъ полка поздравить его съ праздникомъ Воскресенія Христова. При извѣстной всѣмъ при-

вычкѣ графа къ аккуратности и точности исполненія, онъ не вино бы сталъ пить въ великій четвергъ съ г-мъ Романовичемъ, а подвергъ бы подобное дѣйствіе неминуемо замѣчанію, а можетъ быть и болѣе.

Я, какъ дѣйствительный очевидецъ предсмертныхъ дней и кончины гр. Аракчеева, для восстановленія истины, не долженъ пройти молчаніемъ вымышленнаго сказанія г-на Романовича и считаю себя обязаннымъ опровергнуть послѣдовательно весь его вымыселъ. Графъ Аракчеевъ въ кабинетѣ своемъ въ Грузинѣ не принималъ, вѣроятно потому, что кабинетъ его былъ вмѣстѣ и его спальней; а въ то время въ кабинетѣ своемъ не могъ принять еще и потому, что кабинетъ вновь отдѣлывался, и графъ по этому случаю перешелъ въ другую комнату, и именно въ ту, которую г-нъ Романовичъ называетъ Александровскою, то есть въ ту, въ которой опочивалъ и занимался покойный императоръ Александръ Павловичъ, когда бывалъ у графа въ Грузинѣ. Такъ рѣзко, какъ слово „подлецъ“, графъ никогда не позволялъ себѣ выражаться; а царскую фамилію, передъ самыми близкими своими, не только не позволялъ себѣ порицать, но, напротивъ, показывалъ себя благоговѣющимъ и преданнымъ ей. Можно ли же дать вѣру, что графъ, при его сдержанности, порицалъ правительство и великаго князя, выпивъ рюмку вина въ великій четвергъ съ офицеромъ полка своего имени? Инвентари въ каждой комнатѣ были, но надписей на нихъ рукою графа: „глазами гляди, а рукамъ воли не давай“, не было; въ томъ можно удостовѣриться и нынѣ на мѣстѣ. Мраморный бюстъ покойнаго государя Александра Павловича не только никогда не стоялъ на столѣ, но и не могъ стоять, потому что оный поставленъ не на серебряномъ пьедесталѣ, а на серебряной колоннѣ двухъ аршинъ высоты, и не въ комнатѣ называемой г-мъ Романовичемъ Александровскою, а въ сосѣдней съ нею

между двумя окнами, передъ зеркаломъ во весь простѣнокъ, отъ потолка до полу. На колоннѣ выписано не все письмо покойнаго государя Александра Павловича и для зрителя оно остается тайною, а г-нъ Романовичъ опредѣляетъ самый текстъ письма; на колоннѣ вырѣзанъ токмо конецъ письма, и именно: „Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не забывай друга, и вѣрнаго тебѣ друга!“ Подъ сими словами вырѣзанъ текстъ изъ Священнаго Писанія славянскими буквами: „прильпни языкъ мой къ гортані моему, аще не помяну ти на всякъ денъ живота моего.“ Такъ графъ Аракчеевъ, желая показать расположеніе къ себѣ государя, во услышаніе всѣхъ изъяслялъ и свое обѣщаніе неизмѣнной преданности и благодарности къ государю и благодѣтелю своему, какъ онъ всегда выражался. На противоположной сторонѣ колонны, обращенной къ зеркалу, нѣтъ вырѣзаннаго запрещенія подѣ проклятіемъ не дотрогиваться до бюста (напротивъ, въ присутствіи самого графа всѣ его смотрѣли и трогали); а вырѣзано завѣщаніе подѣ проклятіемъ не уничтожать сей знакъ преданности Аракчеева къ государю и послѣ его смерти. Такъ какъ комнаты всего нижняго этажа, въ которыхъ графъ жилъ постоянно и которыя хранятъ сіи памятники преданности его къ государю, оставлены до сего времени въ томъ видѣ, какъ онѣ были при жизни графа, то желающіе провѣрить описываемое мною, въ опроверженіе вымысла г-на Романовича, могутъ все увидѣть, посѣтивъ Грузино. Сорочки, въ которой родился будтобы покойный государь, на столѣ никогда не было; да если бы и признано было приличнымъ сохранять подобное, то вѣроятно нашлось бы мѣсто не въ селѣ Грузинѣ. Это выше уже всякаго вымысла! Полотняная рубашка государя Александра Павловича на столѣ хранилась, но не въ стеклянномъ ящикѣ, а въ полированномъ деревянномъ, на которомъ была надпись, объясняющая случай, но ко-

торому она была дана графу государемъ во дворцѣ, а совѣтъ не та, въ которой государь скончался. Часовъ въ комнатѣ, г-мъ Романовичемъ называемой Александровскою, не было никакихъ, а были часы въ сосѣдней комнатѣ, мраморной, и не висящія на стѣнѣ, а на большомъ пьедесталѣ, стоящемъ на полу также въ простѣнкѣ и противъ колонны съ бюстомъ, очень большіе столовые часы, превосходной бронзы и работы, заказанные въ Парижѣ за сорокъ тысячъ франковъ, которые не однажды въ годъ, а каждый день въ часъ кончины государя Александра Павловича играютъ: „Со святыми упокой“. Вина графъ не пилъ, находя его вреднымъ. И для гостей самыхъ почетныхъ ничто не выходило въ Грузинѣ изъ опредѣленнаго часу и порядка; вино тамъ подавалось только къ столу и для г-на Романовича графъ не вышелъ бы изъ этого порядка, разъ и на всегда учрежденнаго.

Сказка, придуманная ловкимъ молодымъ человѣкомъ, какъ опредѣляетъ себя г-нъ Романовичъ, не ловка и не естественна. Графъ Аракчеевъ, пріобыкшій бесѣдовать съ царями и въ совѣтѣ ихъ, вдругъ въ великій четвергъ страстной недѣли пьетъ вино въ бесѣдѣ съ оберъ-офицеромъ имени своего полка, и порицаетъ ему правительство и великаго князя! Занимательно, но не правдоподобно, даже и тогда, еслибъ г-нъ Романовичъ дѣйствительно былъ у графа.

Графъ Аракчеевъ занемогъ не въ страстную пятницу, а въ пятницу шестой недѣли поста, и не медля, послалъ въ Петербургъ за докторомъ Миллеромъ, который пользовалъ его прежде; и въ тоже время государь Николай Павловичъ, узнавъ о болѣзни графа, прислалъ къ нему лейбъ-медика Я. В. Виллье; Левицкій же былъ токмо врачомъ госпиталя устроеннаго въ Грузинѣ для крестьянъ. Въ понедѣльникъ страстной недѣли графъ почувствовалъ себя хуже, и во вторникъ послалъ въ Старую Русу (въ 150 верстахъ отъ Грузина) за генера-

домъ Фонъ-Фрикенымъ (\*), бывшимъ нѣкогда командиромъ полка имени графа, котораго графъ любилъ и впоследствии оказывалъ свое расположеніе ко всему его семейству; а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ и за мною. Въ то время я былъ въ имѣніи моемъ (50 верстъ отъ Грузина). Ко мнѣ графъ былъ расположенъ по дружбѣ его съ отцемъ моимъ, корпуснымъ его товарищемъ; сему я имѣю доказательствомъ сохранившіяся у меня въ большомъ количествѣ собственноручныя письма графа Аракчеева къ отцу моему, часть которыхъ передана мною артиллеріи генералу В. Ѳ. Рачу, пишущему записки о гр. Аракчевѣ, которому я общалъ, когда придуть къ тому времени записки, сообщить и болѣе подробныя свѣдѣнія о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ гр. Аракчеева.

Я пріѣхалъ въ Грузино въ среду въ полдень. Графъ выразилъ мнѣ свою признательность, что скоро пріѣхалъ, и я остался при немъ до часу его смерти. Я. В. Вилъе и доктора Миллера я нашелъ уже въ Грузинѣ при графѣ; они объявили мнѣ о безнадежномъ его состояніи. Вѣсть о болѣзни графа дошла и до Новгорода. Въ четвергъ пріѣзжалъ въ Грузино Новгородскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Бѣлавинъ, но о немъ графу не докладывали, и Н. И. Бѣлавинъ, узнавъ о тяжкомъ состояніи болѣзни графа, въ четвергъ же и уѣхалъ. Въ пятницу болѣзнь пошла еще къ худшему; сдѣлалась сильная одышка (у него предполагали аневризму въ сердцѣ, а не антоновъ огонь), но при всемъ томъ въ пятницу вечеромъ около 8 часовъ графъ пожелалъ видѣть свой кабинетъ, только что оконченный возобновленіемъ, и просилъ меня свести его туда, что я и исполнилъ, поведя его подъ руки вмѣстѣ съ челоувѣкомъ его Власомъ; но проведя комнату сосѣднюю съ тою, гдѣ графъ лежалъ, мы встрѣтили идущаго къ графу

(\*) Фонъ-Фрикены пріѣхалъ въ субботу вечеромъ поздно, не заставъ уже живаго графа.

Я. В. Вилъе, который тотъ часъ же его остановилъ, объяснивъ, что движеніе можетъ сдѣлать ему вредъ. Тогда графъ приказалъ посадить себя въ той же комнатѣ на кресло противъ бюста, на серебряной колоннѣ стоящаго; говорилъ со мною о многомъ, и когда подали огонь, просилъ меня читать ему газету, что продолжалось часа полтора; потомъ приказалъ положить себя на диванъ въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ; но лежать не могъ, сѣлъ на томъ же диванѣ обложенный подушками и скончался съ субботу утромъ въ то самое время, когда за утренней носили плащаницу кругомъ Грузинскаго собора.

Удостоверяю какъ очевидецъ, что графъ, больной, медицины и докторовъ не бранилъ и скончался не всовывая въ ротъ пальцевъ. Тѣло графа обмыли его люди, и я самъ помогалъ надѣть на него завѣщанную имъ полотняную рубашку покойнаго государя Александра Павловича. Г-на Романовича во все это время я при графѣ и въ Грузинѣ не видалъ. Въ пятницу же вечеромъ пріѣхалъ Новгородскій уѣздный предводитель дворянства А. Д. Тырковъ, который, какъ посторонній, къ графу не входилъ, но въ Грузинѣ ночевалъ, и въ субботу, когда положили графа на столъ, Тырковъ взялъ къ себѣ ключи, а я запечаталъ столъ и бюро, и отпечаталъ ихъ, по пріѣздѣ въ Грузино въ первый день свѣтлаго праздника для похоронъ графа, генераль-адъютантъ Клейнмихель, который и принялъ все въ свое распоряженіе.

За Арендомъ графъ посылать не просилъ и тотъ, кто говорить съ такою увѣренностію, „я послалъ фельдъегеря за Арендомъ“, послать фельдъегеря не могъ по очень простой причинѣ, потому что при графѣ въ Грузинѣ не находилось ни одного фельдъегеря. Описанный г-мъ Романовичемъ поступокъ одного офицера, подходившаго къ гробу со стаканомъ шампанскаго, конечно не можетъ быть признанъ поступкомъ блестящимъ и дѣлающимъ честь тому офи-



перу; подобныя дѣйствія офицеровъ своего полка желательно лучше бы постараться скрыть, нежели выставлять наружу; но я отношу и оное къ вымыслу. Въ то время былъ уже въ Грузинѣ генераль-адъютантъ графъ Клейнмихель, который не допустилъ бы подобнаго безобразія. Погребеніе было совершено не во вторникъ, а въ среду святой недѣли. Разсказъ г-на Романовича о памятникѣ графа также вымыселъ; памятникъ состоитъ изъ гранитнаго камня; появился онъ не въ 1833 году, а я помню его еще въ 1818 году надъ могилой въ Грузинскомъ соборѣ (\*), самимъ графомъ себѣ приготовленной. Грузинское имѣніе отдано Новгородскому корпусу не самимъ графомъ, а государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ силу духовнаго завѣщанія графа, предоставлявшаго онымъ право и выражавшаго просьбу Государю послѣ его смерти назначить ему наслѣдника по выбору и волею государя императора, если бы онъ при жизни своей не назначилъ себѣ самаго такового. Въ силу-то таковаго духовнаго завѣщанія, въ сенатѣ хранившагося, какъ графъ самъ себѣ наслѣдника не назначилъ, то государю и угодно было назначить все имущество графа въ Новгородскій кадетскій корпусъ, присвоивъ ему гербъ и наименованіе Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

При жизни графа я въ Грузинѣ бывалъ довольно часто, гостилъ у графа по недѣлямъ, катался съ нимъ по деревнямъ его, графъ при мнѣ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ, но подобныхъ дѣйствій, какъ описываетъ г-нъ Романовичъ, съ свадьбами и экзекуціей съ пѣніемъ „Со святыми упокой, Господи“, мнѣ никогда ни видѣть, ни слышать не случалось; да и графъ, при его природномъ умѣ, держалъ себя слишкомъ религіозно, чтобъ позволить себѣ святотатствовать; да и при наказаніяхъ никогда не присутствовалъ. И такъ

весь разсказъ г-на Романовича о графѣ Аракчеевѣ есть вымыселъ, и если г-ну Романовичу угодно будетъ удостовѣриться, что при смерти графа былъ я, а не онъ, и что все описываемое мною о смерти графа вѣрно, то можетъ онъ обратиться ко мнѣ: я представлю свидѣтелей. Жительство имѣю въ С. Петербургѣ, въ Надеждинской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

*Алексій Платоновъ Бровцынъ.*

## Холера въ Петербургѣ въ 1831 году.

(РАЗСКАЗЪ ОЧВИДЦА.)

Въ 1831 году я находился на службѣ въ Петербургѣ. Всѣмъ извѣстно, какими печальными сценами сопровождалась тамъ холера, какія (подъ вліяніемъ увѣренности, что люди мрутъ не отъ болѣзни, но отъ отравы) позволяла себѣ народъ своевольства. Бывши свидѣтелемъ происшествія на Садовой, я хочу разсказать его такъ, какъ его видѣлъ.

Не помню, въ какой именно это было день, только я шелъ по Невскому, по направленію отъ Полицейскаго моста къ Аничкову. Приближаясь къ Публичной библіотекѣ, я увидѣлъ, что народъ бѣжитъ съ Невскаго на Садовую; какъ любопытный сынъ Евы, я послѣдовалъ за всѣми. Поворотивши за уголъ Гостиннаго двора, я увидѣлъ, что улица уже затоплена народомъ; всѣ стояли и смотрѣли на окна двухъ-этажнаго дома въ недалекомъ разстояніи отъ Публичной библіотеки, изъ верхняго этажа котораго, летѣли матрасы, одѣяла, подушки, а наконецъ, кровати и люди. Сколько именно вылетѣло изъ окна людей, я опредѣлительно сказать не могу. Помню только, что былъ не одинъ, можетъ быть двое или трое.... Это была холерная больница, изъ которой въ двери выносили больныхъ, вѣроятно для то-

(\*) Грузинская церковь въ 1811 году соизволеніемъ государя утверждена соборомъ.

го, чтобъ показать ихъ народу. Какъ пришедшій послѣ, и находя, что лѣзть въ толпу опасно, я остановился на тротуарѣ противоположной стороны и ожидалъ, чтó будетъ. Вдругъ съ Невскаго показались два казака, или одинъ казакъ и одинъ жандармъ—хорошо не помню. Они смѣло вѣхали въ толпу и начали нагайкой разгонять народъ.... Не прошло минуты, какъ одного изъ нихъ, казака, перестало быть видно изъ этого моря головъ; куда онъ дѣлся—незнаю; вѣроятно, его стащили съ лошади. Другой, помнится жандармъ, видя, что дѣло не ладно, заблагоразсудилъ отретироваться и потихоньку уѣхалъ назадъ, по направленію къ Невскому....

Не прошло пяти или много десяти минутъ, отъ Невскаго показалась коляска, запряженная четверней, съ фореиторомъ. Въ ней сидѣли двое военныхъ—въ шинеляхъ; одинъ сѣдой старикъ, генераль-губернаторъ Эссенъ, другой молодой, его адъютантъ. Коляска остановилась передъ дверью больницы. Экипажи тогда были очень высокіе; ливрейный лакей откинулъ подножки, т. е. цѣлую лѣсенку изъ шести или семи ступеней; генераль-губернаторъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ въ домъ, но пробылъ тамъ не долго—шесть или семь минутъ не болѣе, и видя, направился къ экипажу. Какъ сказано было выше, толпа была огромная, можетъ быть въ двѣ или болѣе тысячи человекъ, слѣдственно пространство между стѣною дома и экипажемъ было буквально занято давившимся народомъ, такъ что старику Эссену оставалось лишь самое маленькое пространство для прохода. Когда онъ сталъ на первую ступеньку и залезъ ногу на вторую, онъ былъ сдернутъ за воротникъ шинели снова на землю, попробовалъ попытку во второй разъ—тоже самое... Это повторилось разъ пять или шесть... Наконецъ старикъ какъ-то изловчился, подобралъ шинель и юркнулъ въ

коляску, куда адъютантъ, не выходя изъ коляски, почти втащилъ его; лакей захлопнулъ дверцы и хотѣлъ вскочить на запятки, но съ нимъ случилось тоже самое: его стащили за шинель въ толпу, и коляска покатилась безъ него, на столько скоро, на сколько можно было по тѣснотѣ.

Вдругъ закричали въ толпѣ, что по Садовой идетъ кавалерія.... Испугавшись столкновенія, я было прижался въ углубленіи притворенныхъ воротъ дома, стоявшаго почти противъ больницы; но толпа хлынувшая на дворъ этого дома, начавшая вооружаться полѣньями дровъ и почти сбившая меня съ ногъ, заставила меня подумать, что лучше всего отретироваться вовсе, какъ ни любопытно казалось окончаніе сцены. Долго не думая, я какъ можно поспѣшиѣе выбрался изъ толпы и скорымъ шагомъ направился домой, къ Конюшенному мосту. Что затѣмъ происходило, мнѣ неизвѣстно.

Не помню хорошо, въ тотъ же ли день или на другой пришелъ къ жившему со мною университетскому товарищу А. А. Сперанскому знакомый его Соколовъ, служившій въ Гофъ-Интендантской конторѣ. Соколовъ (не помню его имени) занимался литературой и работалъ, т. е. переводилъ для А. Θ. Воейкова, бывшаго безсмѣннымъ редакторомъ Русскаго Инвалида и издателемъ Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду. Надо сказать, что г. Соколовъ былъ человекъ лѣтъ 40, худой какъ спичка, болѣзненный и изможденный, такъ что и ходить ему было, замѣтно, трудно. Вотъ что онъ разсказалъ намъ:

„Шелъ я отъ Воейкова по Шестилавочной улицѣ, съ запасомъ иностранныхъ журналовъ въ карманѣ для перевода на завтрашній день. Подходя къ Пяти Угламъ, я вдругъ былъ остановленъ сидѣльцемъ мелочной лавки, закричавшимъ, что я въ квась его, стоявшій въ ведрѣ у двери, бросилъ отраву. Это было часовъ около 8 ве-

чера. Разумѣется, на этотъ крикъ сбѣжались прохожіе и менѣе нежели черезъ минуту я увидѣлъ себя окруженнымъ толпой, прибывавшей ежеминутно. Всѣ кричали; тщетно я увѣрялъ, что я никакой отравы не имѣлъ и не бросалъ: толпа требовала обыскать меня. Я снялъ съ себя фракъ съ гербовыми пуговицами, чтобъ показать, что у меня ничего нѣтъ;—душа была не на мѣстѣ, чтобъ толпа не увидала иностранныхъ журналовъ и въ особенности польскихъ, бывшихъ въ числѣ ихъ. Толпа не удовольствовалась фракомъ; я принужденъ былъ снять жилетъ, нижнее платье, сапоги даже нижнее бѣлье и остался рѣшително въ одной рубашкѣ. Когда окружающіе меня, наводнившіе улицу до того, что сообщеніе по ней прекратилось, увидали, что при мнѣ подозрительнаго ничего нѣтъ, тогда кто-то изъ толпы закричалъ, что я „оборотень“ и что онъ видѣлъ, какъ я проглотилъ склянку съ отравой. Досадиѣ всѣхъ мнѣ былъ какой-то господинъ съ Анной на шеѣ,—онъ больше всѣхъ кричалъ и всѣхъ больше приставалъ ко мнѣ... Послѣ слова оборотень въ толпѣ закричали, что меня надо убить, и нѣкоторые отправились для этого на сосѣдній дворъ за полѣньями дровъ. Видя приближеніе смертнаго часа, я стоялъ почти нагой среди толпы и поручалъ душу мою Богу. Вдругъ въ толпу вѣхалъ кавалергардской офицеръ, мальчикъ лѣтъ 19, верхомъ, и подѣхавши ко мнѣ, сталъ меня спрашивать: кто я такой и въ чемъ дѣло. Какъ могъ, въ торопяхъ и испугѣ, я ему объяснилъ, кто я такой и просилъ меня спасти. Юноша, не думая долго, обнажилъ палашъ и плашмя, разгоняя имъ народъ, велѣлъ мнѣ идти за собою. Подобравши въ охапку платье свое и сапоги, я въ одной рубашкѣ, на сколько мнѣ позволяли силы, побѣжалъ за нимъ, подъ охраной его палаша, и такимъ образомъ черезъ всю Литейную онъ

довелъ меня до Гофъ-Интендантской конторы. Большая толпа слѣдовала за нами, вплоть до дому,—и когда, войдя къ себѣ на четвертый этажъ, я отворилъ окно, то увидѣлъ, что толпа стоитъ на противоположномъ тротуарѣ, и, замѣтивши меня въ окно закричала: вотъ онъ!“

Фамиліи молодого человѣка Соколовъ, помнится, не говорилъ; но ежели этотъ, бывшій тогда юноша, живъ и прочтетъ эти строки, пусть знаетъ онъ, что Соколовъ, вѣроятно давно умершій, считалъ его своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. На старости лѣтъ, это должно его утѣшить.

Къ вечеру того дня, какъ въ Садовой выкинутые изъ окна медики совершали свое воздушное путешествіе, двоюродный братъ мой (А. Н. С—въ) былъ свидѣтелемъ другой сцены, подобной этой. Онъ жилъ въ Подъяческой и отъ него черезъ канаву была больница, помѣщавшаяся въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Точно также какъ и въ Садовой, толпа выкидала изъ больницы все, что тамъ было, потомъ взобралась на крышу, раскидала желѣзные листы ея и *разобрала домъ до основанія*. Потомъ, найдя на дворѣ холерную карету, запряглась въ нее и съ пѣснями возила по улицамъ, до тѣхъ поръ, пока, утомившись, не сбросила ее въ канаву....

На другой день пріѣхалъ государь императоръ и произошла извѣстная сцена на Сѣнной площади (\*). И. С.

## ЕЩЕ О ГРАФѢ ДМИТРІЕВѢ-МАМОНОВѢ.

Выше, на стр. 91—102, напечатанъ очеркъ жизни гр. Дмитріева-Мамонова, соч. П. Г. Кичеова. Въ дополненіе помѣщаемъ письмо графа къ И. И. Дмитріеву съ приложеніемъ копии его же письма къ князю Д. В. Голицыну. (То и другое сохранилось въ бума-

(\*). См. описаніе этой сцены въ письмѣ Жуковскаго, Р. Арх. 1866, 339.

гахъ И. И. Дмитриева и сообщено намъ профессоромъ *Θ. М. Дмитриевымъ*). Въ этихъ письмахъ уже явственно обнаруживается умственное разстройство несчастнаго графа. Позднѣйшее состояніе его и образъ жизни описаны въ приводимой ниже статьѣ врача *Малиновскаго*, на которую указалъ намъ *П. Г. Кичеевъ*.

Тяжелая участь графа *Мамонова*, особенно поразительная по тому обилію вещественныхъ и умственныхъ даровъ, коими былъ онъ надѣленъ, а также загадочная обстановка его жизни и все еще не разъясненные причины его умопомѣшательства подають поводъ ко многимъ разсказамъ и толкамъ словоохотливой *Москвы*. Почти полвѣка принадлежалъ онъ къ числу диковинокъ и пестрыхъ явленій своеобразной *Московской* жизни и остается доселѣ предметомъ изученія психіатрическаго. Конечно не для празднаго любопытства и издѣвательства надъ злосчастною его памятью приводятся здѣсь нижеслѣдующія показанія. *П. Б.*

### 1. Письмо графа Дмитриева-Мамонова къ И. И. Дмитриеву.

„Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Причиняемая мнѣ издавна безпокойства и обиды принудили меня жаловаться здѣшнему военному генералъ-губернатору.

Онъ имѣлъ дерзость написать ко мнѣ, что возьметъ меня подъ опеку. Его письмо <sup>(1)</sup>, содержащее эту глупую угрозу, и мой отвѣтъ при семъ въ спискахъ вашему высокопревосходительству посылаю.

Въ томъ и другомъ письмѣ идетъ дѣло о политическомъ правилѣ, особливо касающемся до выгодъ и до правъ

<sup>(1)</sup> Письма этого къ сожалѣнію у насъ нѣтъ; мы слышали, что между гр. *Мамоновымъ* и кн. *Д. В. Голицынымъ* были личные неудовольствія еще въ 1813 году, въ чужихъ краяхъ вслѣдствіе непопулярной заносчивости графа. *П. Б.*

*Россійскихъ* дворянъ, и скажу болѣе, и до личной ихъ безопасности въ домахъ ихъ и деревняхъ; правда, что эта переписка касается и до личной моей чести, которую силнася оскорбить князь *Дмитрій Владиміровичъ*, по недовѣдомымъ мнѣ причинамъ и въ такое время, когда я требовалъ его защиты и защиты ввѣренной ему полиціи по законамъ. Отвѣтъ мой его сіятельству, въ копіи при семъ къ вашему высокопревосходительству посылаемый, можетъ служить новымъ свидѣтельствомъ любви моей къ Отчеству, готовности моей говорить правду и не менѣе большую готовность наказывать дерзость и необузданность по мѣрѣ малыхъ моихъ силъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга графъ *Дмитрiевъ-Мамоновъ*“.

Февраля 28 ч. 1825 года, въ Москвѣ.

(Все письмо собственноручное).

Гр. *Дмитрiевъ-Мамоновъ* обратился съ этимъ письмомъ къ *И. И. Дмитриеву*, какъ къ своему давнему покровителю и благопріятелю вѣроятно по той причинѣ, что *Иванъ Ивановичъ*, будучи министромъ юстиціи и обративъ вниманіе на замѣчательныя способности графа *Мамонова*, опредѣлилъ его въ 1810 году оберъ-прокуроромъ въ *Московскій Сенатъ*. (См. письма *Карамзина* къ *Дмитрiеву*, *Спб.* 1866, стр. 126).

### 2. Письмо графа Мамонова къ князю Д. В. Голицыну.

„Милостивый Государь князь *Дмитрій Владиміровичъ*!

На письмо вашего сіятельства отъ 23-го, сейчасъ мною полученное, долженъ я вамъ сказать, милостивый государь, что вы надо мною опеки учредить не можете и не смѣете, ибо я не малолѣтній и не сумасшедшій, что крѣпостныхъ людей, которые у

меня въ домъ, я не престану наказывать тѣлесно, когда по усмотрѣнію моему окажутся они того достойными: ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домо-строительствомъ Россійскаго государства, что это право передано намъ отъ предковъ нашихъ. Я исповѣдую и это политическое правило, что правительство не можетъ насъ лишити сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія; къ тому же какъ и кому мнѣ жаловаться, когда полицейскіе маіоры и поручики отказываются придти ко мнѣ въ домъ выслушивать мои жалобы? Но жаловаться мнѣ, совершеннолѣтнему, урожденному дворянину, урожденному помѣщику и проч... полицейскому офицеру и на кого, на крѣпостнаго человѣка, на раба? Какая подлость! И какъ повѣрю я, чтобы таковая подлость входила въ составъ благонамѣреній правительства?

Ваше сіятельство до начертанія письма вашего отъ 23-го февраля, которыми вы грозите учредить надо мною опеку, ваше сіятельство, говорю я, должны бы были размыслить и о достоинствѣ имени лица, къ которому вы дерзнули обратити ваши угрозы, о степени уваженія, коимъ оно нѣкогда пользовалось въ отечествѣ. *Ваше сіятельство, какъ гражданинъ совершеннолѣтній, должны знать, что вамъ не дано грозить совершеннолѣтнему гражданину и вельможѣ Имперіи и какъ бы вы смѣли писать это мнѣ, къ человѣку, который предшествуетъ вамъ по всему на свѣтъ, кромѣ по табели о рангахъ (2)!*

Что же касается до мѣщанина Никанора Аеоунасыева, бывшаго у меня въ должности казначея, о которомъ вы пишете, что я намѣренъ былъ бити его палками, то я скажу вамъ, ми-

лостивый государь, что я подобныхъ ему мѣщанъ, особливо тѣхъ, которые были нѣкогда крѣпостными людьми князей Волконскаго и Голицыныхъ (3), никогда иначе и не наказываю какъ палками и плетью и сажаніемъ въ колодки и кандалы, въ страхъ и въ обузданіе тѣмъ уличеннымъ наглецамъ, на которыхъ я вамъ жалуясь. Да и онъ Никаноровъ былъ не однократно наказанъ палками, и наконецъ по моему приказанію фухтелями изъ рукъ того самаго частнаго пристава Захарова, о докладной запискѣ котораго вы ко мнѣ пишете.

Домоправителя у меня теперь нѣтъ; домоправитель мой молодой, отставной канцелярскій служитель, споспѣествовалъ тѣмъ безпорядкамъ, которые кажутся вамъ невѣроятными, и я, по совершеніи надъ нимъ тѣлеснаго наказанія, согналъ его со двора.

Я, милостивый государь, въ отставку и оставилъ военную службу Императора во избѣжаніе грубостей подобныхъ тѣмъ, каковыми преисполнено письмо ваше ко мнѣ,—письмо невѣроятное, которое я потщусь содѣлать извѣстнымъ публикѣ. Всеми-лостивѣйшимъ увольненіемъ меня отъ службы возвратилось мнѣ столь вождѣльное и рожденіемъ присвоенное каждому дворянину право мстити за личныя обиды. Ваше сіятельство, по приведеніи въ забвеніе, что вы князь Голицынъ и генералъ отъ кавалеріи, при особѣ Его Величества находящійся, и приведя на память, что вы Русской дворянинъ, гражданинъ и солдатъ, должны будете признаться, что письмо ваше отъ 23 февраля грубо и дерзко. Я не хочу призывать на помощь и адресуюсь къ вамъ лично, пребывая (*увѣренъ*) что и правительство не одобритъ той дерзости, которою вы возымѣли грозить мнѣ.

(3) Въ этихъ словахъ слышна родословная гордость: дѣйствительно, Дмитріевы-Мамоновы, происходя отъ Мономаха, родовитѣе князей Волконскихъ и Голицыныхъ.

(2) Подчеркнутыя слова приписаны графомъ Мамоновымъ собственноручно.

Знайте, милостивый государь, что я писалъ не къ генералу отъ кавалеріи и къ вамъ писалъ не генералъ-майоръ, а всегда готовый встрѣтить васъ шпагою и пистолетомъ. Милостивый государь, вашего сіятельства покорный слуга. На подлинномъ подписано графъ Дмитріевъ-Мамоновъ“.

Февраля 23 ч. 1825 г.

Его сіятельству князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну въ собственныя руки.

На копіи собственноручно написано: „Съ подлиннымъ вѣрно. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ“.

### 3. О болѣзни графа Мамонова.

(Военно-медицинскій журналъ, издаваемый медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Часть I. № 2. Спб. 1848 г. въ статьѣ: „О помѣшательствѣ“, П. Малиновскаго, состоящаго при военномъ медицинскомъ департаментѣ, бывшаго старшимъ ординаторомъ отдѣленія умалишенныхъ при Обуховской больницѣ, стр. 118).

*Наблюденіе 15. Случай помѣшательства отъ самолюбія и славолюбія.*

„Гр. М\*\*\*, вмѣстѣ съ знатностію происхожденія, богатствомъ и красотою, соединялъ въ себѣ обширный, гордый умъ, таланты и безмѣрное самолюбіе. Въ самой ранней молодости, счастье баловало его: въ 19 лѣтъ отъ роду, онъ занималъ уже одну изъ значительнѣйшихъ должностей въ Сенатѣ; но этого было не достаточно для самолюбія молодого гр. М\*\*\*,—онъ стремился дальше. Насталъ тяжелой и славной для Россіи 1812 годъ. Гр. М\*\*\*, имѣющій громадное состояніе, собралъ на свой счетъ казачій полкъ и былъ назначенъ шефомъ этого полка; на 21 году отъ роду, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, но здѣсь счастье измѣнило ему,—полкъ его былъ раскассированъ. Это обстоятельство дало сильный толчекъ самолюбію гордаго гр. М\*\*\*, привыкшаго къ безпрекословному повиновенію окружающихъ, привыкшаго удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ и капризамъ; теперь онъ считалъ себя

оскорбленнымъ, характеръ его сдѣлался угрюмымъ и строптивымъ. Спустя нѣсколько времени, онъ отправился въ чужіе края, и, тогда уже, начали въ немъ обнаруживаться признаки помѣшательства. Въ чужихъ краяхъ, онъ велъ страннѣйшій образъ жизни, сталъ вѣрить въ магію и сдѣлался мистикомъ. Возвратившись назадъ, въ Россію, гр. М\*\*\* поселился въ своемъ истинно-прекрасномъ и богатомъ имѣніи, не далеко отъ Москвы. Живя тутъ, онъ нѣсколько лѣтъ прятался отъ людей, отростилъ себѣ бороду и волосы; кушанье и платье ему приносили и оставляли въ пустой комнатѣ. Днемъ онъ занимался составленіемъ чертежей и плановъ для того, чтобы воздвигнуть каменные укрѣпленія въ своемъ имѣніи, а ночью, когда всѣ спали, гр. М\*\*\* выходилъ, подробно осматривалъ мѣстоположеніе, и тамъ, гдѣ нужно было строить стѣны и башни, втыкалъ въ землю, заранѣе приготовленные, короткія колья. Для поясненія, онъ каждое утро оставлялъ планъ или чертежъ въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ жилъ самъ, каждое утро приходилъ подрядчикъ, и гр. М\*\*\* изъ другой комнаты, черезъ стѣну, рассказывалъ ему, какъ должно строить эти укрѣпленія. Ночью же опять ходилъ самъ осматривать работы. Укрѣпленія подвигались впередъ, башни и стѣны росли—и имѣніе гр. М\*\*\*, почти съ трехъ сторонъ окруженное рѣками, съ остальной, свободной, было-бы обнесено довольно высокой и толстой каменной стѣною, съ башнями, если-бы гр-у М\*\*\* не помѣшали кончить его предположенія...

Онъ былъ перевезенъ въ Москву и отданъ въ руки врачей... Съ тѣхъ поръ много прошло времени, помѣшательство гр. М\*\*\* застарѣло. Въ 1842 году, когда я былъ приглашенъ къ нему (спустя десятки лѣтъ, по развитію его болѣзни), главная идея его бреда было тоже самолюбіе, которое довело его до этого плачевнаго

состоянія: онъ считалъ себя Папой и Римскимъ императоромъ, и безпрестанно писалъ приказанія воображаемымъ исполнителямъ своей власти. Теперь гр. М\*\*\* около 56 лѣтъ, онъ высокъ ростомъ, плечистъ, нѣсколько тученъ, лицо выражаетъ одичалость и сознаніе собственного достоинства, движенія то важны, то порывисты, аппетитъ довольно хорошъ, геморой. Сонъ гр. М\*\*\* беспорядочный, очень часто онъ не спитъ цѣлыя ночи, и за то спитъ большую часть дня, почти всегда не одѣтъ (кромѣ рубашки и брюкъ, которые онъ носитъ), брѣется безъ зеркала, и на головѣ носитъ черный шелковый колпакъ. Разговоры гр. М\*\*\* сохраняютъ печать его обширнаго ума, но къ нимъ всегда примѣшивается бредъ и, кромѣ того, какъ во время разговоровъ, такъ и тогда, когда бываетъ одинъ, гр. М\*\*\* произноситъ невнятно слова, между которыми часто слышится привычное его восклицаніе: „этакіе они, Боже мой!“ Дыханіе этого большаго имѣетъ запахъ, но онъ уничтожаетъ его, куря почти безпрестанно крѣпкій кана-стеръ. Ему часто кажется, будто развиваются странные запахи, и онъ тотчасъ же кричитъ, чтобъ курили. Его удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть окружену маленькими дѣтьми, которыя къ нему сбѣгаются изъ дворни: (самъ гр. М\*\*\* не былъ женатъ и не любитъ женщинъ). Около десятка разныхъ собакъ, безпріютныхъ или потерявшихъ своихъ хозяевъ, стадо голубей и безчисленное множество воробьевъ получаютъ отъ гр. М\*\*\* ежедневную пищу. Каждый день, послѣ обѣда, въ то время, когда совершается пищевареніе, большой приходитъ въ сильное раздраженіе: его тревожатъ мнимо-ощущенія, онъ бранится съ своими невидимыми врагами, и движенія его дѣлаются порывисты“.

## Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу.

### I.

Милостивый Государь  
Николай Ивановичь!

Христось воскресе! Имѣю честь поздравить васъ съ симъ праздникомъ.

П. С. Яковлевъ сказалъ мнѣ, что вы написали къ нему обо мнѣ доброе слово; а я до сихъ поръ такъ неучтивъ передъ вами, что на пріятнѣйшее письмо ваше не отозвался ни строчкой! Въ сей винѣ своей могу единственно извинять себя еще большевиною, именно тѣмъ, что я за хлопотами своими и недугами (и даже лѣнью, если хотите) формально пересталъ переписываться съ пріятелями. Что долженъ думать о мнѣ почтеннѣйшій и любезнѣйшій Батюшковъ! Въ сію минуту лежатъ передо мною три письма его, на которыя мнѣ взглянуть стыдно. Но гдѣ же онъ самъ обрѣтается? Уби теггагит? Въ Петербургѣ, въ Череповцѣ, или у подошвы Кавказа? Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы неизвѣстность о его мѣстопробываніи послужила хотя крошечнымъ для меня оправданіемъ. Сдѣлайте милость, препроводите къ нему прилагаемое при семъ посланіе.

Какъ я вамъ завидую! Разстройство въ финансахъ не дозволило мнѣ воспользоваться предложеніемъ Константина Николаевича, который, бывши въ Москвѣ, хотѣлъ, чтобы я издалъ прекрасныя его творенія. Вы жалуетсяъ на книгопродавцевъ: люди сіи не имѣютъ понятія о честной торговлѣ, не хотятъ слышать о выгодахъ авторовъ. Въ этомъ я еще болѣе удостоверился, издавая Жуковскаго и свои переводы. Чтобъ избавиться хлопотъ, я долженъ былъ продать все почти за безцѣнокъ. Но ваше изданіе—дѣло совсѣмъ другое. Я совѣтовалъ бы вамъ продавать книгопро-

давцамъ по немногу экземпляровъ и за хорошую цѣну, не иначе; произведенія пера Батюшкова не залежатся, какъ бы ни прижимали сіи книжники и фарисеи.

Имѣю обязанность сказать вамъ слова два о М. Е. Лобановѣ. Выборы въ члены (\*) бывають у насъ только въ чрезвычайныя засѣданія (безъ посѣтителей). Такое засѣданіе было только одно съ самаго начала осени, именно 30 марта. Я предложилъ Востокова и Лобанова; перваго стали баллотировать; о послѣднемъ нѣкоторые члены отозвались, что его не знаютъ, и что по сей причинѣ надобно предложить о немъ въ другое чрезвычайное засѣданіе. Что мнѣ дѣлать? Пришло согласиться. Позвольте мнѣ черезъ васъ поблагодарить Михаила Евстафьевича за пріятнѣйшій его подарокъ и увѣрить въ моемъ истинномъ къ нему уваженіи.

Имѣю честь быть съ особеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь!

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Каченовскій.

14 апрѣля 1818. Москва.

P. S. Въ одномъ изъ писемъ Константина Николаевича нахожу, что онъ поручилъ вамъ доставить ко мнѣ для Вѣстника переводы его изъ *Бокачіо*, которыми вы не могли воспользоваться, то есть которые остались лишними отъ *Опытовъ*. Нельзя ли, милостивый государь, прислать ихъ?

## II.

Покорнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за доставленіе мнѣ пріятнаго знакомства съ господиномъ Загоскинымъ. Ему наша Москва кажется дикою, равно какъ и всякому изъ васъ, господъ Петрополитанцевъ; а объ театрѣ нашемъ, въ которомъ я уже съ годъ не былъ, онъ отзывается съ сокрушен-

нымъ сердцемъ. Мнѣ очень нравится благоразумный неутралитетъ Михаила Николаевича, рѣдкій феноменъ въ нашемъ толкучемъ Парнасѣ. Не говорите Бога ради о критикѣ на *Исторію!* (\*) Досталось мнѣ уже и за рецензію на одно лишь *Предисловіе*: одни отворачивались отъ меня, другіе меня не узнавали; третьи называли меня попеременно то сумазброднымъ, то опаснымъ челоукомъ; иные даже старались вредить мнѣ по службѣ; Жуковскій, выругавши меня добрымъ порядкомъ въ письмѣ, прекратилъ со мною всякое сношеніе.—И у другихъ народовъ были и есть партіи въ литературѣ; но тамъ по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе значительна и партія классиковъ. У насъ же, при толкихъ разногласіяхъ, и слыхомъ не слышать о классической словесности! Мы мужики, деревенщина передъ образованными литераторами: поемъ, шумимъ, споримъ, говоримъ, точно какъ крестьяне или какъ неученыя дѣти; и какъ они упоминають о вельможахъ, только лишь по слуху имъ извѣстныхъ, такъ мы болтаемъ о Оукидидахъ, Софоклахъ, Анакреонтахъ, Цицеронахъ, Гораціяхъ, никого изъ нихъ въ глаза не зная. Вотъ что у насъ дѣлается на Парнасѣ! И при такихъ обстоятельствахъ партіи!... И въ партіяхъ есть люди, способные вредить тому, кто возвысилъ бы свой голосъ и сказалъ бы нѣкоторыя имъ непріятныя истины! Покорнѣйше прошу и впредь не оставлять меня вашимъ писаніемъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга М. Каченовскій.

12 іюля. Москва.

**Надпись:** Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. *Въ С.-Петербурѣ*, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

**Почтовое клеймо:** 1820 г. Іюля....

(Сообщено П. А. Ефремовымъ).

(\*) Общества Любителей Россійской словесности.

(\*) Карамзина.



## ПИСЬМА КЪ М. Н. ЗАГОСКИНУ.

1.

Милостивый государь,  
 Михаилъ Николаевичъ,

Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее, прекрасное ваше твореніе и не слышали отъ меня спасибо. Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ, очень занимательное лице (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенесись. Удостоите меня отвѣтомъ и потѣшите матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

А. Пушкинъ.

9-го іюля 1834.

2.

Благодарю васъ и за подарокъ и за Рославлева, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ,—и съ нимъ тоже случилось, что съ его старшимъ братомъ: я прочиталъ его въ одинъ почти присѣсть. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ря-

ду съ Милославскимъ. Описаніе большаго свѣта мнѣ показалось невѣрнымъ, и въ гостининой княгини Радугиной я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же заманчивъ, какъ старшій братъ его. Благословляю васъ обѣими руками вароманы: это ваше дѣло, и предметовъ бездна. Стою натомъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ примитесь описывать времена Петра; потомъ быть нашихъ провинціаловъ; описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное. Доселѣ никто еще не писалъ у насъ вѣрно съ природы. Болѣе карикатуры, для коихъ образчики были не наши. Трогалъ описаніемъ прекраснаго, противопоставляя высокіе характеры изъ природы взятыя смѣшному или дурному, также изъ природы взятому, вы дадите умамъ надлежалее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденія, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ должны непременно обратить вниманіе и на мелочи, не вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь *облажи* не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живаго участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе успѣхи ваши даютъ мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ я не боюсь быть лжепророкомъ

Экземпляръ вашего Рославлева представленъ мною Государынѣ Императрицѣ и принятъ Ея Величествомъ

съ благосклонностію. Простите, будьте только здоровы—остальное будетъ.

Душевно преданный вамъ  
Жуковскій.

14 іюня (1831).

(Сообщено С. М. Загоскинымъ).

### Письмо Дениса Васильевича Давыдова къ Жуковскому.

Ты хотѣлъ имѣть лѣвый усъ мой, какъ ближайшій къ сердцу; вотъ десятая часть онаго, т. е. все то, что я могъ собрать изъ подъ губительныхъ ножницъ, лишившихъ меня этой боевой вывѣски.

Посылаю тебѣ ее—она осребрилась восьмью войнами и еще нахнетъ порохомъ послѣдней битвы въ Польшѣ; но посылаю не при стихахъ, какъ ты требовалъ, а при прозѣ, потому что я пишу стихами тогда только, когда бѣсъ поэзіи во мнѣ разыграется, чего теперь не случилось. Такъ какъ этотъ бѣсъ никогда въ тебѣ не дремлетъ, то прошу меня за подарокъ отдарить хотя четверостишіемъ. Прости, другъ старинный и почтеннѣйшій; жаль, что не успѣлъ обнять тебя передъ отъездомъ твоимъ!

Денисъ.

1831 г.

25-го ноября

Москва.

Въ Zubovъ, на валу  
въ домъ Стрѣвалова.

При семъ приложены, завернутые въ бумагу волосы, съ надписью на бумажкѣ:

Послужной списокъ уса Давыдова.

Войны:

1. Въ Пруссіи 1806 и 1807 г.
2. Въ Финляндіи 1808 г.
3. Въ Турціи 1809 и 1810 г.
4. Отечественная 1812 г.
5. Въ Германіи 1813 г.
6. Во Франціи 1814 г.
7. Въ Персіи 1826 г.
8. Въ Польшѣ 1831 г.

(Получено отъ князя П. А. Вяземскаго).

### Воспоминанія о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ (\*).

Московскія Вѣдомости (въ 46 № 17 Апрѣля 1836 г.) въ короткихъ словахъ извѣстили о кончинѣ П. Я. Чаадаева, „какъ старожила Москвы, извѣстнаго почти во всѣхъ кружкахъ нашего столичнаго общества“. Покойный Чаадаевъ былъ дѣйствительно одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего города. Имя его часто доходило до слуха и незнавшихъ его лично людей, но любознательно слѣдящихъ за движеніемъ Русскаго общества, хотя читающая публика и не болѣе двухъ-трехъ разъ встрѣчала это имя въ печати. Недавно въ одной газетной статьѣ Г. Бартенева, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, упомянуть былъ Чаадаевъ, какъ человѣкъ, имѣвшій влияние на Пушкина. Можно еще указать на журнальную статью Чаадаева въ Русскомъ переводѣ за 20 лѣтъ напечатанную въ Телескопѣ (Моск. журналъ Надеждина); въ то время она была предметомъ различныхъ толковъ и произвела слишкомъ сильное впечатлѣніе. — Здѣсь предлагается все, что можно было припомнить объ этомъ эксцентрическомъ человѣкѣ и пред-

(\*). Сочиненія П. Я. Чаадаева (род. 27 мая 1793, ум. 14 апрѣля 1856) на Французскомъ языкѣ изданы, съ портретомъ его въ Парижѣ въ 1862 г. (8°, 208 стр.), а подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его собраны въ прекрасной статьѣ М. Н. Лонгинова (Р. Вѣстникъ 1862 № XI), и вообще Чаадаевъ—лицо довольно извѣстное въ нашей литературѣ. Тѣмъ не менѣе мы искренно благодарны многоуважаемому автору „Воспоминаній о П. Я. Чаадаевѣ“ за то, что онъ согласился на нашу просьбу напечатать ихъ въ Русскомъ Архивѣ. Воспоминанія писаны современникомъ и близкимъ пріателемъ Чаадаева, писаны для немногихъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ его кончины, и мы не можемъ не дорожить этими яркими, вполне историческими красками знаменательной эпохи, въ которую дѣйствовалъ Чаадаевъ. Именно съ этой точки зрѣнія смотримъ мы и на нѣкоторыя, высказанныя авторомъ убѣжденія, не позволяя себѣ ни подтверждать, ни опровергать оныхъ.

И. Б.

лагается однимъ изъ близкихъ его друзей со всевозможной откровенностью. Чаадаевъ родился въ прошломъ столѣтіи, въ первыхъ годахъ послѣдняго десятилѣтія, и изъ Московскихъ студентовъ поступилъ въ 1812 году въ военную службу. Великій день Бородина простоялъ онъ Семеновскимъ подпрапорщикомъ у полковаго знамени и за это сраженіе, по участію къ молодому подпрапорщику графа Закревскаго, произведенъ былъ въ офицеры. Чаадаевъ стоялъ въ огнѣ подъ Кульмомъ, Лейпцигомъ, вездѣ, гдѣ находился его полкъ въ славныхъ битвахъ славнаго времени, и наконецъ въ почетномъ караулѣ у Императора Александра въ самый день взятія Парижа. — Изъ Семеновскаго полка перешелъ онъ въ Ахтырскій гусарскій и вскорѣ переведенъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ. — Живши въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ познакомился и полюбилъ Пушкина, еще тогда лицеиста, съ нимъ сблизился и, какъ онъ самъ говаривалъ, имѣлъ на него доброе вліяніе. Чаадаевъ былъ красивъ собою, отличался не гусарскими, а какими-то англійскими, чуть ли даже не Байроновскими, манерами и имѣлъ блистательный успѣхъ въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ. — Командиръ гвардейскаго корпуса, впослѣдствіи князь Илларионъ Васильевичъ Васильчиковъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ это-то самое время, не припомню именно въ которомъ году, Чаадаеву посчастливилось оказать великую услугу Пушкину, услугу, которую благодарный Пушкинъ помнилъ до смерти. Нечаяно узнавъ о строгомъ наказаніи, грозившемъ нескромному поэту за какое-то грѣшное стихотвореніе, Чаадаевъ, позднимъ вечеромъ, прискакалъ къ Н. М. Карамзину, немного удивилъ его своимъ пріѣздомъ въ такой необыкновенный часъ, принудилъ исторіографа оставить свою безсмертную работу и убѣдилъ, не теряя времени, заступиться за Пуш-

VI. 4.

кина у Императора Александра. Въ-сто крѣпости или дальней ссылки, Государь, упрошенный на другой день Карамзинымъ, ограничилъ наказаніе Пушкина удаленіемъ на службу въ Бессарабію.

Въ Ноябрь 1820-го года одно важное, никѣмъ неожиданное происшествіе въ Петербургѣ напугало весь городъ, въ тоже время перевернуло всю судьбу Чаадаева и имѣло вліяніе на всю остальную его жизнь. Должно признаться, что въ этомъ виноватъ былъ онъ самъ. И странное дѣло! Поведеніе Чаадаева въ этомъ несчастномъ случаѣ могло имѣть нѣкоторое вліяніе на бывшій тогда конгрессъ въ Троппау. Самъ Чаадаевъ рассказывать, конечно, обо всемъ этомъ не любилъ; но такое загадочное съ перваго взгляда предположеніе оправдывается многими указаціями и вѣроятными выводами. Я говорю о Семеновской исторіи, извѣстной подъ этимъ сокращеннымъ названіемъ всѣмъ современникамъ, а отъ нихъ и новому поколѣнію. Въ Семеновскомъ полку, который такъ любимъ былъ Государемъ, въ его отсутствіе за границу, вдругъ открылось неповиновеніе начальству. Тщетны были всѣ увѣщанія взыскательныхъ и кроткихъ, любимыхъ солдатами командировъ и нелюбимыхъ. Семеновцы рѣшительно отказались идти въ караулъ, не слушались приказаній, нарушили всякую дисциплину. Пріѣзжали къ нимъ уговаривать сперва бригадный, потомъ дивизионный, потомъ корпусный командиръ вмѣстѣ съ знаменитымъ графомъ Милорадовичемъ, тогдашнимъ военнымъ генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ: все было напрасно! Кончилось тѣмъ, что полкъ, во всемъ его составѣ, посаженъ былъ на суда и отправленъ моремъ въ Финляндію. Чаадаева послалъ тогда Васильчиковъ курьеромъ къ Государю въ Троппау, гдѣ былъ въ то время всѣмъ извѣстный конгрессъ. Выборъ палъ на него

Русскій Архивъ 1868. 32.

потому, что Государь лично зналъ Чаадаева и былъ къ нему милостивъ, что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ этомъ полку и наконецъ потому, что, какъ адъютантъ командира гвардейскаго корпуса, былъ онъ очевидцемъ всего дѣла. Ему поручено было представить письменное донесеніе о такомъ горестномъ событіи, небываломъ въ Русскихъ войскахъ со времени Стрѣлецкихъ бунтовъ и пополнить личными объясненіями. Всѣ старались и надѣялись смягчить, сколько возможно, со страхомъ ожидаемый гнѣвъ Государя.

Чаадаевъ не одинъ разъ, какъ мы уже сказали, бывалъ въ кровавыхъ бояхъ и никогда не имѣлъ дурной привычки кланяться пулямъ, которыя пролетали у него надъ головой. Но Чаадаевъ не любилъ подвергать себя лишениамъ въ мелкихъ потребностяхъ ежедневной жизни. Онъ въ этомъ отношеніи избаловалъ себя до нельзя. Курьерское его отправленіе было въ самую позднюю осень. Отъ Петербурга до Троппау около двухъ тысячъ верстъ, а каковы были тогда дороги во всей Россіи, начиная съ Петербурга, мы еще забыть не успѣли. Чаадаевъ ѣхалъ въ коляскѣ, не слишкомъ спѣша, да къ тому же не поуждая нагайкой ямщиковъ, что и тогда казалось ему неприличнымъ. Чаадаевъ часто медлилъ на станціяхъ для своего туалета. Такія привычки опрятности и комфорта были всегда имъ тщательно соблюдаемы. Удовлетворяютъ имъ онъ считалъ нравственной обязанностью передъ самимъ собою для каждаго порядочнаго человѣка.

Слѣдствіемъ медленности курьера-держательмена было то, что князь Меттернихъ узналъ о Семеновской исторіи днемъ или двумя ранѣе Императора. Первостепенный дипломатъ той эпохи, князь Меттернихъ занималъ на Троппаускомъ конгрессѣ второе мѣсто послѣ Александра, хотя въ то же время присутствовали тамъ Импера-

торъ Австрійскій и Пруссійскій Король. Вѣнскій Кабинетъ и его искусный двигатель долго стремились удержать нашего Государя отъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ либерально-конституціоннаго направленія, которое въ Австріи почиталось вреднымъ порядку и монархической власти, но которое, напротивъ, могущественнымъ влияніемъ своимъ налагалъ Александръ время отъ времени на всю Европейскую политику. Въ то самое время, когда разсуждали на конгрессѣ о способахъ усмирить возмущившійся Неаполь, когда Австрія предлагала намъ крутыя для того мѣры, а нашъ Государь предлагалъ, напротивъ, сколько возможно кроткія: Меттернихъ слегка намекнулъ Александру, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ рассчитывать на вѣрность своего войска и на внутреннее спокойствіе своей имперіи, и на вопросъ пораженнаго такимъ замѣчаніемъ Государя, разсказалъ ему при всѣхъ, въ полномъ засѣданіи конгресса, все, что зналъ уже довольно подробно о Семеновской исторіи. Не трудно отгадать, какова была послѣ этого встрѣча отъ Государя курьеру Чаадаеву. Онъ принялъ донесеніе, въ короткихъ словахъ распросилъ его о концѣ бунта, заперъ на ключъ курьера, взялъ ключъ къ себѣ въ карманъ, чрезъ нѣсколько часовъ самъ отперъ Чаадаева и тутъ же выпроводилъ его изъ Троппау такъ, что несчастный не видалъ никого, кромѣ разгнѣваннаго Императора. Вслѣдъ за этимъ Чаадаевъ былъ отставленъ. Честолюбивому Чаадаеву тяжела была такая отставка, безъ слѣдующаго чина, даже безъ мундира,—а онъ мечталъ давно о вензеляхъ на эполеты. Но должно сказать къ его чести, что всего болѣе паразилъ его ничѣмъ и никѣмъ неумолимый гнѣвъ Александра на прежній любимый свой полкъ и на всѣхъ его офицеровъ. Всѣ они безъ исключенія, даже отставные до Семеновской исторіи, строго были

наказаны за излишнее потворство солдатамъ. Чаадаевъ, по свойственной ему добротѣ сердца, не могъ не сознавать внутренно, что мѣшкотная его ѣзда въ Троппау много повредила бывшимъ Семеновцамъ, переведеннымъ въ армейскіе полки въ Грузію.

Въ Троппау это происшествіе не осталось безъ вліянія. Предложенія Австріи были Государемъ приняты; войска ея отправились усмирять Неаполь. Мало того, Александръ повелѣлъ собрать стотысячный Русскій корпусъ и придвинуть его къ Австрійскимъ границамъ, чтобы, подъ начальствомъ генерала Ермолова, идти въ Италію въ помощь Австрійцамъ, если ихъ недостаточнo будетъ для усмиренія Итальянскихъ мятежниковъ. Союзные монархи перенесли засѣданія конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ, откуда ближе могли наблюдать за революціонными движеніями Итали. Въ Лайбахъ вызванъ былъ ими король Обѣихъ Сицилій, бѣжавшій изъ Неаполя. Добрый, но слабый, онъ старался успокоить своихъ великодушныхъ защитниковъ. — „Будьте спокойны, ваши величества, говорилъ онъ имъ, я знаю моихъ Неаполитанцевъ, я коротко ихъ знаю. Они побѣгутъ отъ перваго выстрѣла Австрійцевъ.“ Такъ и случилось. Мятежники разсѣялись, порядокъ былъ восстановленъ, но для поддержанія его Австрійцы заняли Неаполь и остались тамъ на долго.

Съ конгресса въ Троппау, по мнѣнію моему, начинается обратное движеніе всей Европейской политики и довольно крутой переломъ въ политикѣ Александра. Убѣжденія князя Меттерниха восторжествовали. Не свѣряя современныхъ актовъ, не разбирая дипломатическихъ архивовъ, вспомнимъ только, какимъ либераломъ и защитникомъ всѣхъ конституцій былъ царственный воспитанникъ Лагарпа въ Парижѣ, Вьнѣ и, за два года передъ бунтомъ Неаполя, въ

Ахенѣ; вспомнимъ его первыя рѣчи на Варшавскомъ сеймѣ, его слова въ одной изъ сихъ рѣчей, относящіяся до Россіи. Вспомнимъ переводъ проекта русской конституціи съ французскаго языка. Переводъ этотъ былъ найденъ во время Польскаго мятежа въ бумагахъ покойнаго Цесаревича и напечатанъ съ французскимъ текстомъ въ Варшавѣ.

Мнѣ удалось читать черновую депешу графа Каподистрии, рукою его написанную въ 1818 году и посланную прямо къ Государю изъ Берна. Вотъ ея начало почти слово въ слово: *Sire, les monarques du temps présent ne peuvent regner que par les idées libérales. Malheureusement il n'y a que Vous, Sire, qui êtes convaincus de cette grande vérité* (1). Мнѣ удалось слышать отъ графа Каподистрии, бывшаго въ 1823 г. на Лайбахскомъ конгрессѣ, съ какимъ благодушіемъ Государь принималъ тамъ духовныхъ депутатовъ возставшей Греціи, съ какой заботливостью онъ приносилъ имъ самъ водосвятную чашу для молебнаго у себя пѣнія и съ какою сердечной, искренней грустью отвѣчалъ онъ депутатамъ, что твердо принятыя имъ принципы порядка и спокойствія Европы не дозволяютъ ему, не смотря на православное къ Грекамъ сочувствіе, быть защитникомъ ихъ возстанія, быть даже ихъ покровителемъ. Я также самъ слышалъ, какъ, чрезъ годъ потомъ, на Веронскомъ конгрессѣ, другой даровитый дипломатъ, живой еще и теперь, попался въ просакъ потому, что не зналъ, что вѣтеръ перемѣнился. Его вызвали изъ Швейцаріи, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и ему поручили (какъ это часто бываетъ) составить для Государя обзоръне тогдашняго политическаго состоянія Европы. Онъ написалъ его подъ влія-

(1) Монархи настоящаго времени могутъ царствовать, лишь руководясь свободными идеями. По несчастію Вы одни, Государь, убѣждены въ этой великой истинѣ.

ніемъ началъ, бывшихъ въ ходу на Ахенскомъ конгрессѣ, и жестоко сръзался. Его тотчасъ же отправили обратно въ Швейцарію съ порядочнымъ выговоромъ и увѣщаніемъ постараться быть болѣе монархическимъ.

Живо пробуждаются во мнѣ воспоминанія молодости и, говоря о челоувѣкѣ, принадлежавшемъ нѣсколько своею дѣятельностію тому времени, я невольно заговариваюсь. Не могу удержаться, чтобы не сказать еще нѣсколько словъ о тогдашней политикѣ. Рано ли, поздно ли, но у насъ она должна была неизбѣжно измѣниться. Семеновская исторія, такъ неблагоприятно возвѣщенная Александру, только предупредила переворотъ его направленія. Возстановивъ законную власть въ Неаполѣ, онъ скоро умѣрилъ свое либеральное стремленіе относительно Польши, и, скрѣпя сердце, почти совсѣмъ не мѣшался въ дѣло Греціи; но въ тоже время, всегда вѣрный данному слову, противился онъ всѣмъ проискамъ Сенъ-Марсанскаго Павильона, руководимаго графомъ д'Артуа, братомъ Людовика XVIII. Всѣ тайныя старанія будущаго Карла X склонить Петербургскій кабинетъ на ограниченія французской конституціи 1814 г. оказались тщетными. Позднѣе, когда на Веронскомъ конгрессѣ, по настоянію Шатобріана, Государь первый согласился на его предложеніе отправить французскія войска въ Испанію, въ защиту Фердинанда VII, и когда потомъ Французы высвободили короля изъ Кадикса, тотъ же Александръ приказалъ своему послу Поццо ди Борго убѣждать короля Фердинанда быть умѣреннымъ и милосерднымъ по возстановленіи монархической власти.

Но пора возвратиться къ воспоминаніямъ о Чаадаевѣ; прошу извиненія у немногихъ моихъ читателей за такое длинное отступленіе.

Либеральное направленіе императора Александра, имъ данное, и имъ

самимъ въ послѣдствіи пріостановленное, не могло не подѣйствовать на лучшихъ людей того времени. Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Франціи и въ особенности въ 1818 г. съ возвращеніемъ корпуса, который до того оставался тамъ подъ начальствомъ графа Воронцова, либеральныя убѣжденія овладѣли многими. Горестныя послѣдствія этого извѣстны; но Чаадаевъ, молодой, связанный дружбой съ замѣчательными своими сверстниками, раздѣлявшій мнѣнія той эпохи, въ добавокъ раздраженный недавней отставкой и до самой смерти не умѣвшій затаить въ себѣ этого раздраженія, остался непоколебимо вѣрнымъ Престолу. Почему? Потому, что всегда врагомъ всякаго потрясенія, требующаго крови.

Черезъ годъ послѣ отставки, Чаадаевъ поѣхалъ въ чужіе край. Судя по его собственнымъ рассказамъ и по отдѣльнымъ его статьямъ, которыя читались потомъ въ короткомъ ему кружкѣ, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на произведенія искусствъ древняго міра и среднихъ вѣковъ и ими повѣрялъ и объяснялъ любимыя свои историческія убѣжденія. Въ 1827 г., на пути въ Россію, былъ онъ на короткое время задержанъ въ Брестѣ; у него взяты были бумаги и вскорѣ потомъ возвращены безъ всякихъ неприятныхъ послѣдствій. Поспѣшной выдачей бумагъ обязанъ былъ онъ графу А. А. Закревскому, который, какъ видно, всегда принималъ въ немъ участіе. Возвратясь изъ путешествія, Чаадаевъ поселился въ Москвѣ и вскорѣ, по причинамъ едва ли кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не выдался ни съ кѣмъ и, нечаянно встрѣчаясь въ ежедневныхъ своихъ прогулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ, или надвигалъ себѣ на лобъ шляпу, чтобы его не

узнавали. Плодомъ двухгодичнаго строгаго уединенія былъ цѣлый рядъ философическихкихъ на французскомъ языкѣ писемъ, обращенныхъ имъ къ одной дамѣ, его пріятельницѣ (Пановой, урожденной Улыбышевой). Я читалъ нѣкоторые изъ этихъ писемъ (и кто изъ людей ему короткихъ не читалъ ихъ въ это время?) и, на сколько могу теперь припомнить, всѣ онѣ были довольно запутаннаго содержанія. Но одно изъ писемъ, конечно самое замѣчательное, своей оригинальной рѣзкостью, еще въ рукописи и на французскомъ языкѣ, производило величайшій эффектъ, а потому было по усиленной просьбѣ журналиста Надеждина переведено и напечатано въ его Телескопѣ въ концѣ 1836 года. Авторъ письма выражалъ въ немъ слѣдующія мысли о нашемъ отечествѣ: „Россія образовалась совершенно отдѣльно и независимо отъ Европы, потому что вѣру приняла не отъ Рима, а отъ Византіи, которая сама была тогда въ состояніи упадка и растлѣнія—отсюда истекаютъ всѣ недостатки нашей гражданственности. Реформа Петра Великаго не въ силахъ, и въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, сдѣлать насъ настоящими Европейцами и вполнѣ усвоить намъ всѣ успѣхи цивилизаціи.“ Все это было высказано безъ малѣйшей осторожности, а напротивъ съ крайнею рѣзкостью, поражавшей читателя особенно въ переводѣ. Наши переводныя статьи, особливо съ французскаго языка, часто оскорбляютъ читателя излишней яркостью и дисгармоніей красокъ и всегда почти выражаютъ спорные вопросы сильнѣе и рѣзче, нежели какими кажутся въ подлинникѣ. Журнальная статья Чаадаева произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратиться на него преслѣдованія правительства. На автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ, въ нашемъ довольно апатическомъ обществѣ (я

говорю только о Москвѣ) и, замѣтимъ, возстало не столько за оскорбленное православіе сколько за грубые упреки современной Россіи и, главное, высшему нашему обществу. Здѣсь, можетъ быть, въ первый разъ читающая и вопіющая съ ея голоса полуграмотная Московская публика съ успѣхомъ разыграла роль высшей цензурной инстанціи. Укажемъ на это писателямъ настоящаго времени и посоветуемъ имъ внимательно охранять недавно дарованную имъ ослабу строгости. Цензоръ статьи Чаадаева былъ отставленъ и лишенъ профессорства. Журналистъ - Надеждинъ сосланъ въ Устьсысольскъ, самый дальній городшко Вологодской губерніи. Ему не помогло его хитрое оправданіе. Вотъ какъ передавались тогда отвѣты Надеждина на запросъ: почему онъ пересталъ и напечаталъ статью Чаадаева, прибавивъ еще къ ней примѣчанія, гдѣ названъ былъ авторъ статьи великимъ мыслителемъ и гдѣ обѣщано было помѣщеніе въ слѣдующемъ году другихъ его статей. Надеждинъ отвѣчалъ будто такъ: „Журналь мой не могъ съ успѣхомъ продолжаться по малому числу подписчиковъ. Изъ двухъ одно: или статья Чаадаева пройдетъ благополучно и приобрететъ мнѣ съ новымъ годомъ новыхъ подписчиковъ, или журналъ за нее запретятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прекращая неудачное изданіе, я выигрывалъ въ общественномъ мнѣніи, въ первомъ у меня будетъ отъ журнала барышъ, а не убытокъ“. Дилемма не удалась. Остроумно-расчетливый издатель не предвидѣлъ ссылки. вмѣстѣ съ тѣмъ и Чаадаевъ подвергнутъ былъ домашнему аресту и медицинскому ежедневному посѣщенію, какъ чело-вѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ. Изъ многихъ разговоровъ, толковъ, пересудовъ и споровъ о Чаадаевской статьѣ у меня въ памяти остались однѣ, вѣрныя очень, слова о ней Жуковскаго: „Порицать Россію

„за то, что она съ христіанствомъ не приняла католичества, предвидѣть ретроспективно, что католическою была бы она лучше—все равно, что жалѣть о черноволосомъ красавцѣ, зачѣмъ онъ не бѣлокурый. Красавецъ съ измѣненіемъ цвѣта волосъ былъ бы и наружностью и характеромъ совсѣмъ не тотъ, каковъ онъ есть. Россія, изначала католическая, была бы совсѣмъ не та, какова теперь; допустимъ, пожалуй, что католическая была бы она и лучше, но она не была бы Россіей.“ Не смотря на всю несостоятельность главнаго положенія Чаадаевской статьи, много второстепенныхъ мыслей, въ ней высказанныхъ, пошли съ успѣхомъ въ обращеніе, приняты были съ сочувствіемъ всѣми поборниками западной гражданственности, отзывались, повторялись, получили развитіе во многихъ журналахъ 40 годовъ и упрочили этой эпохѣ имя автора. Укажемъ здѣсь на статью г. Невѣрова въ Отечественныхъ Запискахъ, какъ на первую, повторившую почти всѣ мысли Чаадаева, за исключеніемъ, конечно, главнаго тезиса.

Арестъ, наложенный на Чаадаева, продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ выпросилъ ему у Государя свободу. Впрочемъ ему и тогда не запрещалось принимать у себя знакомыхъ. Первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день опалы, былъ И. И. Дмитріевъ, памятный своей высокой и благородной дѣятельностію на службѣ, болѣе извѣстный своими сочиненіями и вліяніемъ, которое онъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Карамзинымъ, имѣлъ на оцивилизованіе нашей литературы. Московское общество скоро забыло первые порывы своего негодованія и чуть ли въ немъ не раскаявалось. Оно охотно приняло изгнанника въ свою среду, не только съ радушіемъ, но и

съ болѣшимъ прежняго уваженіемъ. Испытанное Чаадаевымъ гоненіе публики и преслѣдованіе правительства сдѣлали его нѣсколько умѣреннѣе относительно тогдашней его склонности къ католицизму, но остальныхъ сочувствій своихъ къ Западу и его просвѣщенію онъ не тайлъ ни передъ кѣмъ. А въ это самое время люди съ неоспоримымъ талантомъ, съ изощренной діалектикой, съ огромной начитанностію, почти съ такой же всесторонней ученостію, начали занимать почетныя мѣста въ образованномъ и ищущемъ образованія Московскомъ обществѣ и обращать на себя его вниманіе. Всѣ они были гораздо моложе Чаадаева и почти всѣ принадлежали другому, противоположному направленію, которое, при первомъ своемъ вторженіи и въ общество и въ литературу, провозгласило Западъ гнилымъ, Русскій народъ народомъ по преимуществу, которое осуждало въ стихахъ и прозѣ, въ частныхъ разговорахъ и въ нескончаемыхъ по сему предмету спорахъ, реформу Петра и всѣ ея послѣдствія. Этого мало. Новые двигатели мысли устремились склонить общество и самое правительство къ возвращенію всѣхъ старорусскихъ обычаевъ, къ распространенію своихъ убѣжденій на жизнь гражданственную и общественную, на самое воспитаніе и т. д. Первымъ органомъ такого направленія былъ новый въ Москвѣ журналъ Москвитининъ. За нимъ появился въ Петербургѣ Маякъ, дошедшій до послѣднихъ крайностей и потому прекращенный; за то Москвитининъ для пламенныхъ двигателей направленія показался чрезъ чуръ умѣреннымъ или, какъ говорили они, недовольно чистымъ—и вотъ начались печататься разные сборники: Симбирскій, Историческій, Московскій, Дѣтская Библиотека, новый Москвитининъ новаго издателя, эфемерныя статьи въ разныхъ ежедневныхъ изданіяхъ и пр.



Поднялась страшная литературная буря полемики...

Первой, никѣмъ не замѣченной доселѣ жертвой этой тревожной, судорожной дѣятельности, этой мучительной борьбы мысли съ самой собою болѣе, нежели съ противниками, былъ прекрасный юноша, достойный другаго, болѣе высшаго призванія. То былъ 23 лѣтній Валуевъ. Онъ умеръ въ 1845 году. Мои немногіе читатели угадываютъ, что я говорю о Славянофилахъ: такъ прозваны были всѣ они по воспоминанію о Шишковѣ и его враждебной Карамзину и Арзамасцамъ партіи.

Кому и чему должно приписать возникновеніе у насъ этой исключительно-Русской партіи? Я думаю, во первыхъ самому правительству; во вторыхъ духу времени, или, что одно и тоже, обще-европейскому направленію, зародившемуся въ романтической Германіи. Правительство наше возбудило Русскую партію своей программой, которою опредѣлило себя при самомъ началѣ прошедшее царствованіе, принявъ символъ: Православіе, Самодержавіе, Народность<sup>(2)</sup>. Далѣе: не подражаніе, а какое-то наитіе отъ Запада, почти въ одно и тоже время, увлекло и насъ, историческими и филологическими изслѣдованіями, романтизмомъ, восстановленіемъ всѣхъ элементовъ народности, преувеличеннымъ сочувствіемъ къ низшему народному классу, къ религіознымъ вопросамъ и пр. и пр. Подобно тому, какъ во время Александра провозглашенные имъ принципы и слова Священнаго Союза о христіанской братской любви, народной свободѣ и правахъ человѣчества, пробудили у насъ заснувшій мистицизмъ, образовали библейскія и многія другія филонтропическія обще-

ства, и наконецъ отбросили самыхъ чистосердечныхъ поклонниковъ этихъ идей за предѣлы благоразумія и порядка—такъ и въ послѣднее царствованіе, къ концу перваго его десятилѣтія, краеугольныя тройственныя слова, принятыя имъ въ основаніе, пустили свои корни, можетъ быть, глубже, нежели какъ могло того ожидать и еще менѣе предвидѣть само правительство. Во Франціи были же, и такъ еще недавно, роялисты, болѣе преданные монархической власти, нежели самъ король. Тоже самое случилось и у насъ съ добротными защитниками Самодержавія. Облеченные броней втораго принципа этого тройственнаго символа, мужественно выступили на брань непризванные аступники Православія и своей исключительностью, своимъ догматизмомъ, болѣе или менѣе аскетическимъ, своими жалобами, стремленіями, требованіями, своей нетерпимостью ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ далеко опередили законныхъ и освященныхъ учителей нашей церкви. Тѣмъ еще ревностиѣе, тѣмъ еще пламениѣе, подъ защитой уже обоюду неприкосновенной эгиды, стали они ратовать за третій принципъ правительственнаго символа, за Народность. Въ Русскомъ народѣ (несправедливо, оскорбительно разумѣя подъ этимъ именемъ одни низшіе классы нашего общества) ежедневно открывали они такія добродѣтели, такія достоинства, такую глубину премудрости, что еслибы кто нибудь изъ среды этого народа, какимъ нибудь чудомъ, внезапно выучился читать и (что было бы еще чудодѣйственнѣе) уразумѣвать ихъ туманно-германскіе возгласы, то всеконечно оцѣпенѣлъ бы отъ изумленія при открытіи въ себѣ и себѣ подобныхъ такой полноты человѣческаго совершенства. Въ историческихъ памятникахъ до-петровской Руси, уже частью извѣстныхъ и вновь усердно отыскиваемыхъ, равно какъ

(2) Великій символъ этотъ, какъ извѣстно, провозглашенъ былъ гр. Уваровымъ, а въ немъ утвердился едва ли не вслѣдствіе бесѣды съ А. С. Хомяковымъ (сл. Р. Арх. 1863, стр. 731). П. Б.

въ нашихъ актахъ и грамотахъ, въ Русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ открывались любителями старины и народности такіе элементы добра, правды, поэзіи, просвѣщенія, какихъ никогда не находилъ въ нихъ никакой безпристрастный читатель. Всѣ невыгодные отзывы о святой до Петра Руси иностранцевъ и нашихъ современныхъ писателей заподозривались или умалчивались, а нѣкоторые изъ нихъ становились предметомъ или предлогомъ преслѣдованій. О Кошкинѣ, о грамотѣ князя Пожарскаго къ Австрійскому эрцгерцогу, о письмахъ царя Алексѣя Михайловича къ Никою, о новыхъ источникахъ истории Троицкой осады, открытыхъ и сведенныхъ замѣчательнымъ монографомъ Голохвастовымъ, о темной сторонѣ изданнаго имъ Домостроя, говорить не любилъ, а Флетчера запретили — и съ какимъ шумомъ! Наконецъ вся древняя и новая философія объявлена была рѣшительно-безполезной и чуть ли не положительно-безбожной. Попытка замѣнить всякое философское ученіе позднѣйшими православными, не многимъ доступными, учителями восточной церкви пятаго и послѣдующихъ вѣковъ и, что еще страннѣе, нашими собственными духовными писателями, нигдѣ ненапечатанными, никому слѣдовательно невѣдомыми, писателями среднихъ вѣковъ нашей исторіи (можно себя представить, что это были за философы!) такая попытка еще не забыта (3).

(3) Читатели припомнятъ, что эти мнѣнія и отзывы принадлежатъ ко времени, хотя и не давно прошедшему, но тѣмъ не менѣе отъ насъ весьма далекому: нынѣ никто уже не станетъ отрицать у славянофильскаго направленія великаго и благотворнаго значенія, которое оно имѣло во многихъ отношеніяхъ. Его заслуги перешли во всеобщее сознаніе; но для историческаго изученія дороги вышеприведенныя строки: это такъ сказать стенографія того, что думалось и говорилось тогда въ лучшемъ Московскомъ обществѣ приверженцами такъ называемаго, западнаго направленія. П. Б.

Такова была сущность этой доктрины, и, если само правительство имѣло рѣшительное вліяніе на возрожденіе партіи Славянофиловъ, во многомъ поддерживая и покровительствуя ихъ ученію, то съ другой стороны и Славянофилы, ни смотря на кажущуюся ихъ малочисленность, могли имѣть обратное, хотя и незамѣтное, дѣйствіе на правительство и общественное мнѣніе, раздувая въ насъ нашу народную кичливость. Слѣдствіемъ подобныхъ увлеченій была послѣдняя война, а потому и отвѣтственность за эту войну должны Славянофилы принять отъ части на себя и свое ученіе. Будемъ же признательны къ новому царствованію! Наученное опытомъ, оно, смѣемъ догадываться, наконецъ уразумѣло всю опасность слишкомъ знаменательныхъ программъ и потому провозгласило своимъ символомъ менѣе громкіе, менѣе увлекательные, но зато общепонятные, болѣе къ сердцу каждаго близкіе и никому не враждебные принципы: *общественной нравственности, просвѣщенія и христіанства.*

Такъ или почти такъ думалъ и вырожалъ свои мысли о Славянофилахъ Чаадаевъ. — Не принимая никакого участія въ печатной противъ нихъ полемикѣ, онъ долгое время сражался съ ними на полѣ литературныхъ салоновъ и за такое скромное и достойное обличеніе того, что почиталъ неправдой и ложью, подвергся отъ нихъ гоненію. Корифеи доктрины подучили одного самаго незлобиваго Московскаго поэта разразиться на него проклятіями въ стихахъ, которыхъ и отвергающей съ негодованіемъ ихъ содержаніе не можетъ не назвать превосходными, какъ почти все, что выходило изъ подъ пера уже болѣзненнаго въ то время Языкова. Въ извиненіе поэта скажемъ, что онъ почти не зналъ Чаадаева и возсталъ противъ него раздраженный своими друзьями. На грубо-оскорбительные упреки Языкова, Чаадаевъ отвѣчалъ мол-

чаніемъ и въ тоже время благодушно хвалилъ звучный и сильный стихъ его.

Слѣдствіемъ распространенія этихъ сатирическихъ личностей было окончательное раздѣленіе Московскихъ литераторовъ и примыкавшихъ къ ихъ кругу любознательныхъ людей изъ общества, на западныхъ и восточныхъ<sup>(4)</sup>. Во главѣ первыхъ были даровитые профессора молодого поколѣнія, занимавшіеся преимущественно разработкой и преподаваніемъ нашей и всеобщей исторіи. Въ восточномъ лагерѣ Московскій университетъ имѣлъ только одного дѣйствительнаго профессора и другаго, уже сошедшаго съ ученой каѳедры. Рѣзкое отдѣленіе противниковъ на двѣ партіи уничтожило литературные салоны. Хозяева, избѣгая слишкомъ сильныхъ споровъ и неприятныхъ столкновеній, перестали принимать на свои вечера, а когда и принимали, то уже однихъ короткихъ знакомыхъ изъ этого круга.

Славянофилы не ограничивались печатаніемъ и писаніемъ не для одной печати разныхъ статей, на удовлетворялись изустною проповѣдью своего ученія, они захотѣли проявить его наружными знаками,—и вотъ сперва явилась шапка-мурломка, потомъ зипунъ, а наконецъ борода. Доктрина Русской рубахи сверхъ исподняго платья, рукъ безъ перчатокъ, бороды и поддѣвки оскорблялась элегантною изысканностью въ одеждѣ Чаадаева, его бѣлыми перчатками, его изящными манерами и разговорами на французскомъ языкѣ. Чаадаевъ оскорблялся также, но гораздо менѣе, отступничествомъ Славянофиловъ отъ рефор-

(4) Другой участникъ этихъ достопамятныхъ бесѣдъ такъ характеризуетъ ихъ: „Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основанномъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ обоюдномъ уваженіи.“ Едва ли это не вѣрнѣе.

П. Б.

мы Петра и отъ европейскихъ формъ, уже полтора вѣка принятыхъ. Не смотря на рѣшительно-совершившійся въ то время разрывъ двухъ партій, онъ старался ни отъ одной изъ нихъ не удаляться, посѣщалъ оба кружка и своимъ гонителямъ, забывавшимъ его журнальной статьи, самъ забывая стихи Языкова, дружески протягивалъ руку.

Такимъ благодушіемъ, всегда достойно выражаемымъ, приобрѣлъ онъ ихъ уваженіе. Прежніе жестокіе враги и постоянные противники личныхъ его убѣжденій сдѣлались его пріятелями и остались такими до самой его смерти. Последніе годы жизни Чаадаева не прошли однако безъ мелочныхъ на него преслѣдованій. Кому-то, но уже конечно не Славянофилу (будемъ и къ нимъ справедливы) вздумалось оскорбить его, неизвѣстно за что, подлымъ безыменнымъ письмомъ и напомнить давнишній арестъ Чаадаева вмѣстѣ съ гнуснымъ намекомъ на сумашествіе. Потому, не задолго уже передъ смертію, подвергся онъ жестокому укору за то, что желая мира, выражалъ свое сочувствіе къ извѣстному письму о мирѣ князя М. С. Воронцова.

Съ 1827 по 1856-й Чаадаевъ прожилъ безъвыѣздно въ Москвѣ, и около 25 лѣтъ на одной квартирѣ въ Новой Басманной, въ домѣ почетнаго гражданина Шульца, принадлежавшемъ прежде близкому ему семейству Левашовыхъ. Живя на одномъ мѣстѣ, онъ до того сдѣлался рабомъ своихъ комфортабельныхъ привычекъ, что всѣ эти 30 лѣтъ ни разу не могъ рѣшиться провести ночь внѣ города, хотя многіе изъ его родныхъ и друзей радушно и настойчиво приглашали его въ свои подмосковныя, придумывая всѣ возможные удобства для такой легкой поѣздки и желая доставить хозяину дома возможность перекрасить на его квартирѣ полы и стѣны и поправить къ осени печи. Ему

и самому очень хотѣлось проѣхать и освѣжиться деревенскимъ воздухомъ, но привычка брала надъ нимъ верхъ.

Тридцать лѣтъ сряду, въ обвѣтшавшей своей квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ, принималъ онъ у себя еженедѣльно своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, сперва вечеромъ по средамъ, потомъ утромъ по понедѣльникамъ и любилъ, чтобы его въ эти дни не забывали. Вся Москва, какъ говорится фигурально, знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила къ его слабостямъ, даже ласкала въ немъ эти слабости. Кто бы ни проѣзжалъ черезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый спѣшилъ съ нимъ знакомиться. Кюстинъ, Могень (Mauguin), Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ, всѣ у него перебивали. Конечно Чаадаевъ самъ заискивалъ знакомства съ извѣстными чѣмъ-либо иностранными путешественниками и заботился, чтобы ихъ у него видѣли; не менѣе старался онъ сближаться и съ русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, какъ, давно уже, лѣнивый и необщительный Гоголь, еще до появленія своихъ Мертвыхъ Душъ, пріѣхалъ въ одну среду вечеромъ къ Чаадаеву. Долго на это онъ не рѣшался, сколько ни упрашивали общіе пріатели упрямаго Малоросса; наконецъ онъ пріѣхалъ и, почти не обращая никакого вниманія на хозяина и гостей, усѣлся въ углу на покойное кресло, закрылъ глаза, началъ дремать и потомъ, прохрапѣвъ весь вечеръ, очнулся, пробормоталъ два-три слова въ извиненіе и тутъ же уѣхалъ. Долго не могъ забыть Чаадаевъ такого оригинальнаго посѣщенія, и конечно оно вспоминалось ему при чтеніи Гоголя, а можетъ быть и при сужденіи о его произведеніяхъ (5). Обык-

новенно Чаадаевъ бывалъ самымъ ласковымъ и внимательнымъ хозяиномъ своихъ гостей и у себя давалъ болѣе говорить и разсуждать посѣтителямъ, нежели говорилъ и спорилъ самъ, хотя былъ очень словоохотенъ и по временамъ жаркій спорщикъ.

Его обвиняли въ мелкой суетности. Правда, что онъ любилъ видѣть у себя какъ можно болѣе гостей, что искалъ всеобщаго уваженія, что почетъ общества былъ ему дорогъ. Намъ ли, такъ часто гоняющимся за почестями всякаго рода, намъ ли, приобретающимъ ихъ разными средствами, намъ ли, порицателямъ этихъ почестей и тайнымъ ихъ завистникамъ, упрекать отшедшаго отъ насъ брата за исканіе почести безвинной и конечно безкорыстной? — Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ тяготѣли надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Ему, вину славной брани, подъятой за свободу отечества и освободившей Европу, ему горьки были и начало и конецъ нашей послѣдней войны. — Люди другаго поколѣнія, знавшіе только до разсказамъ и преданіямъ славную эпоху благословеннаго царствованія Александра, винили Чаадаева въ томъ, что онъ, по обычаю стариковъ, сравнивалъ часто настоящее съ прошедшимъ и всегда предпочиталъ послѣднее. Въ немъ точно была замѣтна эта слабость и особенно въ послѣдніе мѣсяцы жизни. Такъ, на примѣръ, не принимая никакого участія въ Московскихъ торжествахъ при вступленіи въ столицу безсмертныхъ стадалицевъ, защитниковъ Севастополя, онъ говаривалъ, что нѣкоторыхъ изъ возданныхъ имъ почестей не приняли бы воины-освободители Европы (1814), что они никакъ не согласились бы жить, пить, ѣсть, гулять, плясать, веселиться и молиться на счетъ какаго бы то ни было богача, будь онъ хоть какой знаменитый вельможа, будь онъ хоть какой простой гражданинъ и Русскій человѣкъ по пре-

(5) Сличь письмо его къ кн. Вяземскому у Гоголя, Р. Арх. 1866 г. стр. 1088 г. П. Б.

имуществу.—Далѣе тоже говаривалъ Чаадаевъ, что ни одинъ знаменитый вождь того времени не дозволилъ бы никакому оратору торжественно и во всеуслышаніе произносить похвалы своей честности и безкорыстію на службѣ. То и другое, прибавлялъ Чаадаевъ съ грустной улыбкой, наши современники сочли бы оскорбленіемъ мундира, чтобы не сказать болѣе.

Чѣмъ глубже въ самомъ себѣ скорбѣлъ Чаадаевъ о войнѣ, тѣмъ животворнѣе была для него вѣсть о мирѣ. Любовь къ миру, отвращеніе отъ крови превозмогали въ немъ всѣ другія задушевныя его убѣжденія, потому что основою всѣхъ его убѣжденій была чистая христіанская любовь къ человечеству. Правда, онъ не сочувствовалъ древней Руси; но, въ глазахъ его, самой тяжкой виной Русской исторіи было введеніе крѣпостнаго состоянія въ то самое время, когда Русь достигла уже своего образованія какъ государство, въ то именно время, когда на Западѣ почти повсюду уничтожалось рабство. Нашему времени упрекалъ онъ тѣмъ, что, не смотря на полувѣковое стремленіе двухъ Государей и всѣхъ друзей добра и истины, не представляется еще, по его мнѣнію, рѣшительной возможности къ уничтоженію сего зла, не можетъ еще начаться святое дѣло освобожденія десяти миллионовъ, безъ страха потрясеній и потрясеній кровавыхъ<sup>(6)</sup>. Невольно приходятъ тутъ мнѣ на память послѣдніе четыре стиха элегіи Пушкина: Деревня, написанной въ 1819 г. подъ названіемъ Уединеніе:

Увижу ли, друзья, народъ не угнетенный  
И рабство падшее по манію Царя?  
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной  
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Эти-то самые стихи, въ печать конечно не допущенные, особенно полюбилъ Императору Александру, и

<sup>(6)</sup> Писано въ 1856 году. II. Б.

нашъ Чаадаевъ, списавъ своей рукой всю элегію, представилъ ее чрезъ своего генерала И. В. Васильчикова Государю, когда тотъ изъявилъ желаніе прочесть какіе-нибудь неизданные стихи молодого поэта.

Вѣрный своему чувству ненависти къ крѣпостному праву и не способный къ простому практическому пониманію нашего неизбежнаго пока порядка вещей, который такъ неразрывно связывается съ отдѣльнымъ положеніемъ каждаго Русскаго, Чаадаевъ, чтобы не имѣть у себя въ зависимости крестьянъ, продалъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, свое довольно значительное Нижегородское имѣніе другому владѣльцу (по всей вѣроятности болѣе взыскательному, нежели онъ самъ) и тѣмъ совершенно успокоилъ свою совѣсть. Такъ поступали и поступаютъ многіе, и даже нѣкоторые явные эманципаторы, умывая себѣ руки въ этомъ вопросѣ и безсознательно отягощая тѣмъ судьбу своихъ крестьянъ, что не мѣшало и не мѣшаетъ имъ однако проповѣдывать, не взирая ни на какія препятствія, освобожденіе чужихъ. Слѣдствіемъ продажи имѣнія была для Чаадаева почти постоянная нужда въ деньгахъ, которымъ онъ не зналъ цѣны, а привычекъ комфорта умѣрять не умѣлъ. Тотъ же добрый человѣкъ<sup>(7)</sup>, который за 44 года покровительствовалъ ему подъ Бородинымъ, помогъ ему выдти изъ затруднительнаго положенія передъ самой его кончиной.

Чаадаевъ имѣлъ постоянное предчувствіе и почти желаніе внезапной смерти. Онъ боялся холеры и не скрывалъ своей боязни, но боялся только потому, что конецъ холерою представлялся ему въ какомъ-то неприличномъ, отвратительномъ видѣ. „Малотого жить хорошо, надо и умереть пристойно“, говаривалъ онъ мнѣ, и еще недѣли за двѣ или за три повторилъ

<sup>(7)</sup> Это былъ графъ А. А. Закревскій. II. Б.

тоже, прибавивъ: „Я чувствую, что скоро умру. Смертью моею удивлю я васъ всѣхъ. Вы о ней узнаете, когда я уже буду на столѣ.“ Такое странное и страшное предвѣщаніе меня напугало (я же давно замѣчалъ въ немъ какое-то нравственное и умственное раздраженіе, и зналъ ему причину) такъ напугало, что я рѣшился спросить его: „Ужели вы Петръ Яковлевичъ, способны лишить себя?“....— Онъ не далъ мнѣ договорить, на лицѣ его выразилось негодованіе, и онъ отвѣчалъ: „Нисколько, а вы увидите сами, какъ это со мной будетъ.“ Последними любимыми его мыслями были: радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благогодатнаго мира. Народная и религиозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду.

Весь постъ былъ онъ на ногахъ, бывалъ въ обществѣ и чаще всего въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ по обычаю обѣдывалъ, или у Шевалье. (У себя стола онъ не держалъ). Страстная недѣля разлучила съ нимъ его самыхъ близкихъ пріятелей. Клубъ съ страстной середины былъ закрытъ, дома самыя короткіе, гдѣ бывало съ нимъ такъ часто встрѣчаешься, тоже. Къ концу страстной недѣли, какъ-то нечаянно узналъ я, что Чаадаевъ боленъ и серьезно, и въ тоже почти время узналъ, что онъ однако вызъезжаетъ. Последнее успокоило, какъ вдругъ въ страстную субботу, самымъ отдаленнымъ отъ него по разстоянію и ближайшимъ по сердцу пришла вѣсть, что онъ очень плохъ и что едва ли застанутъ его въ живыхъ. Тѣ бросились и нашли мертвеца, спокойно, съ незакрытыми еще глазами, сидящаго въ креслѣ и какъ будто только что прекратившаго разговоръ. Такъ и въ самомъ дѣлѣ было. Чаадаевъ, еще наканунѣ, въ страстную пятницу, чувствовалъ себя не хорошо, но пере-

могъ себя и рѣшился поѣхать обѣдать у Шевалье (въ защиту отъ ультра-православныхъ повторимъ, что у него дома обѣда не бывало). Въ тотъ же день вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ приходскаго священника отъ Петра и Павла въ Новой Басманной. Съ этимъ, еще очень молодымъ и достойнымъ пастыремъ, онъ любилъ иногда побесѣдовать и довольно коротко сблизился, года тому за два. Чаадаевъ намѣревался говѣть великимъ постомъ; на шестой недѣли онъ былъ у священника и высказалъ рѣшеніе исполнить священнѣйшій долгъ на страстной недѣлѣ. Будучи теперь позванъ къ Петру Яковлевичу, священникъ озаботился взять съ собою Св. Дары. Чаадаевъ встрѣтилъ его словами о своей болѣзни. Священникъ сказалъ, что до сего дня онъ ожидалъ увидѣть П. Я-ча въ церкви и тревожился: не болѣнъ ли онъ; нынѣ же рѣшился и самъ навѣстить его и дома предложить ему всеисцѣляющее врачевство, необходимое для всѣхъ. Всѣ мы, сказали мы, истинно-больны и лишь мнимо-здоровы. Чаадаевъ сказалъ, что боится холеры и, главное, боится умереть отъ нея безъ покаянія; но что теперь онъ не готовъ исповѣдаться и причаститься, а желалъ бы принять св. Таинства на утро, еслибъ знать, что здѣсь ему еще оставалось утро. Священникъ его успокоилъ милосердіемъ Божиимъ. На другой день, въ великую субботу, послѣ обѣдни, священникъ поспѣшилъ къ больному. Чаадаевъ былъ гораздо слабѣе, но спокойнѣе, и ожидалъ святыню: исповѣдался и пріобщился Тайнамъ Христовымъ; удаляющемуся священнику сказалъ, что теперь онъ чувствуетъ себя совсемъ здоровымъ. Чаадаевъ собирался даже выѣхать, сталъ пить чай, разговаривалъ съ хозяиномъ своей квартиры о его процессѣ, по которому хлопоталъ за него у высшаго начальства, и, намѣреваясь выѣхать, приказалъ заложить пролетку. Разговоръ

между тѣмъ шель. Вдругъ голосъ Чаадаева сталъ слабѣть, слова сдѣлались и непонятны и неразборчивы. Потомъ послѣдовало молчаніе. „Что вы, Петръ Яковлевичъ, что съ вами?“ спросилъ хозяинъ. Отвѣта не было. Чаадаевъ умеръ.

Предчувствія его сбылись! Желаніе сердца исполнилось! Безболѣзненна, непостыдна, мирна была христіанская твоя кончина наканунѣ Свѣтлаго Праздника, за немного часовъ до перваго полуночнаго удара въ большой Кремлевскій колоколъ. Свѣтло, торжественно было твое погребеніе, оглашаемое вмѣсто надгробнаго пѣнія, побѣдной надъ смертью пѣснью и учащаемымъ привѣтствіемъ къ живымъ и къ мертвому: Христосъ Воскресе! Краткое у гроба слово, глубоко прочувствованное и отъ избытка сердца сказанное достойнымъ духовникомъ и началось и заключилось тѣмъ же привѣтствіемъ о Воскресшемъ Иисупителѣ. И мы, друзья покойнаго, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, не столько со скорбью о смерти, сколько съ упованіемъ воскресенія, сказали ему наше послѣднее: Христосъ Воскресе!

*Д. Свербеевъ.*

27-го Апрѣля 1856-го года.  
Москва.

*Примиска.* Не для прославленія, а по возможности въ оправданіе памяти человѣка по сердцу и убѣжденіямъ мнѣ близкаго, написаны эти немногія страницы для немногихъ читателей, написаны съ желаніемъ, чтобы хотя одинъ изъ часто поднимаемыхъ на него камней при жизни, выпалъ на земь изъ руки строгаго порицателя, чтобы по меньше было оскорбительныхъ слѣдовъ отъ такихъ камней на необросшей еще могилѣ.

*Тотъ же Д. Свербеевъ.*

1-го Мая 1856 года.  
Калуга.

## С Л О В О,

### произнесенное у гроба Чаадаева духовникомъ его (\*).

Если собраніе живыхъ вокругъ этого гроба на сей разъ и не имѣетъ нужды въ поученіи, или по крайней мѣрѣ можетъ обойтись безъ поученія, то не думаю, чтобы душа, которой внѣшняя храмина въ послѣдній разъ находится въ земномъ храмѣ, въ настоящія минуты была равнодушна и къ нашему слову и къ нашему безмолвію.

Почившій о Христѣ братъ, Христосъ Воскресе! Побѣда надъ смертію, и адъ въ плѣну: лѣствица къ небеси незыблемо утверждена, и двери царствія открыты!

Вѣруемъ и не думаемъ, чтобы здѣсь были невѣрціе, что ты, предъ смертью вкусившій Тѣла и Крови Христовыхъ, уже шествуешь по этой лѣствицѣ, какъ шествовалъ Ангелъ въ видѣніи патріарха Іакова. Сопровождаемъ тебя нашими молитвами, да воснесешься на самую верхнюю ступень, на которой Господь утверждаешься: Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковлевъ, не мертвыхъ Богъ, но Богъ живыхъ!

Тебя не привелъ Господь на землѣ съ нами торжествовать сію Пасху: да дастъ тебѣ Христосъ торжествовать Пасху вѣчную, спасительную, въ вечернемъ днѣ Царствія Его, въ сонмѣ первородныхъ, на небеси написанныхъ. Аминь.

18-го Апрѣля 1856 года

(\*) За дозволеніе напечатать это слово, мы обязаны профессору богословія въ Московскомъ университетѣ, отцу Н. А. Сергіевскому. П. Б.

## КАВКАЗСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Изъ Записовъ В. А. Инсарскаго (\*).

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Каджорахъ <sup>(1)</sup>, особенно-рельефное мѣсто занимають два праздника широкихъ размѣровъ, истинно Кавказскіе, которые были устроены въ первое лѣто моего тамъ пребыванія. Праздники эти, безъ сомнѣнія, долго будутъ жить въ памяти Тифлискаго большаго свѣта. Одинъ былъ данъ княземъ А. И. Барятинскимъ Каджорскому обществу, а другой князьями Орбелани князю А. И. Барятинскому.

Начну съ перваго. Прежде всего надобно замѣтить, что въ разстояніи верстъ 10 или 12-ти отъ Каджоръ лежитъ принадлежащее барону Николаю имѣніе „Бетанія“. Въ этомъ имѣніи есть прекрасный (по крайней мѣрѣ по туземному) домъ, удовлетворяющій даже Европейскимъ требованіямъ. Обыкновенно самъ баронъ всегда проводилъ здѣсь лѣтнее время; но въ это лѣто онъ куда-то уѣзжалъ, и домъ оставался свободнымъ. Въ этомъ-то домѣ князь Александръ Ивановичъ и предположилъ устроить праздникъ. Само собою разумѣется, что заблаговременно были отправлены туда люди различныхъ наименованій, обязанные приготовить все, что необходимо для того, чтобы праздникъ былъ роскошенъ и великолѣпенъ.

Въ назначенный день все общество собралось на дачѣ князя, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Тамъ же были сосредоточены всѣ экипажи и верховыя лошади, приготовленные для дамъ и мужчинъ. У меня была верховая, довольно бѣшеная лошадь; но, чувствуя себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровымъ, я уступилъ ее въ общее

(\*). См. выше, стр. 475.

(1) Загородное мѣсто, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. Каджоры по отношенію къ Тифлису тоже, что по отношенію къ Петербургу Павловскъ, Парголово и т. п.

пользованіе, а самъ предпочелъ отправиться въ экипажѣ, для чего и взялъ у А. М. Фадѣева <sup>(2)</sup> его оригинальныя дрожки или лучше сказать огромныя дроги, на которыхъ обыкновенно усаживалось все его многочисленное семейство. Въ эти дроги были заложены дышломъ двѣ огромныя вороныя лошади, нѣкогда прекрасныя, но значительно уже устарѣвшія, изъ которыхъ одна даже была крива на одинъ глазъ. Это, повидимому, незначительное обстоятельство я привожу потому, что должно играть нѣкоторую роль въ приключеніяхъ того дня.

Послѣ завтрака все общество разсѣлось, кто въ экипажахъ, кто на верховыхъ лошадяхъ, и подъ предводительствомъ великолѣпнаго хозяина, на великолѣпномъ конѣ, тронулось въ путь. Кавалькада была огромная, и амазонокъ въ ней было едва ли не на половину. За нею тянулась нескончаемая цѣпь различныхъ экипажей, въ числѣ которыхъ мои замѣчательныя дроги вызывали тысячи остроумныхъ шутокъ и сравненій. Мнѣ было, однако, чрезвычайно покойно на нихъ и, при постоянныхъ остановкахъ экипажей на извилистой и неровной дорогѣ, многія дамы пересѣли изъ своихъ экипажей ко мнѣ на мои достославныя дроги, такъ что на нихъ скоро водворилось полное веселье. Возсѣдая на своихъ дрогахъ, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на почтеннаго и ученаго Н. В. Ханыкова, который часто появлялся у насъ на Кавказѣ и которому достался мой конь. Конь былъ очень игривъ, а Ханыковъ не былъ очень искусенъ въ верховой ѣздѣ. Отъ этого происходило взаимное ихъ мученье. Конь непрерывно прыгалъ и вертѣлся, что составляетъ обыкновенную привычку Карабахскихъ лошадей и что нисколько не беспокоитъ туземныхъ ѣздоковъ. Между тѣмъ доволь-

(2) Отецъ Фадѣева, военнаго писателя.



но тучный Ханыковъ хотѣлъ ѣхать тихо и спокойно, дергалъ лошадь, желая привести ее въ мирное положеніе, отчего она еще болѣе горячилась, заставляя его ежеминутно и небезопасно подпрыгивать на сѣдлѣ. При самомъ началѣ нашего путешествія, потъ уже катился съ него градомъ, и не трудно было угадать, что онъ проклинаетъ и лошадь, и жаркій день, и поѣздку, которая, вмѣсто удовольствія, надѣляетъ его мученіями чуждаго ему джигитства, въ заключеніе которыхъ предстоитъ удовольствіе сломить себѣ шею. Я съ безпокойствомъ ожидалъ этой катастрофы, но Ханыковъ убѣдилъ кого-то взять у него эту сумашедшую лошадь и весь красный и потный усѣлся въ какой-то экипажъ, постоянно отдуваясь, какъ послѣ весьма тяжелой работы...

Погода была великолѣпная, и самая поѣздка наша въ Бетанію была одною изъ лучшихъ частей въ общемъ планѣ праздника. Неровная дорога то поднималась на гору, то опускалась внизъ, то шла по долинѣ, то зарывалась въ дремучемъ лѣсу. Оканчивалась она длиннымъ (версты въ двѣ или три) и крутымъ спускомъ къ самой Бетаніи, такъ что дамы, помѣщенные въ экипажахъ, непрерывно вскрикивали, а многія выходили изъ экипажей и спускались пѣшкомъ. Съ окончаніемъ спуска мы увидели прекрасный домъ, а передъ домомъ, на открытомъ воздухѣ, убранные для обѣда столы, украшенные зеленью и обставленные лакеями въ бѣлыхъ галстухахъ, готовыми ринуться по первому знаку. Ожидательное ихъ состояніе продолжалось не долго. Все общество, исправивъ на скорую руку, по-кавказски, свои туалеты, разсѣлось за столами. Всеобщее настроеніе было восхитительно. Южное солнце, съ своими золотыми лучами, море зелени, сквозь которую проходили эти лучи, добрый аппетитъ, возбужденный поѣздкою, все это располагало

къ удовольствію. Скоро надъ столами понесся веселый гулъ и говоръ, смѣшанный съ взрывами хохота, бряканьемъ тарелокъ, стакановъ и обычными возгласами: „алла верды!“ и „якши іолъ“ возгласами, знакомыми каждому, кто хоть не на долго заглядывалъ въ Кавказскій міръ.

Кто заглядывалъ въ этотъ міръ, тотъ не можетъ не знать, какую страшную силу заключаютъ въ себѣ эти два татарскія слова! Они образуютъ безконечную и крѣпкую цѣпь, изъ которой рѣшительно нѣтъ возможности никому выпутаться. Если вамъ сказали „алла верды“, вы обязаны схватиться за стаканъ и сказавши „якши іолъ“ выпить столько, сколько выпилъ адресовавшій къ вамъ „алла верды“; въ то же время вы обязаны адресовать свое „алла верды“ кому хотите и опять пить... Едва вы отбились такимъ образомъ отъ одного „алла верды“, какъ на васъ несется съ другаго конца другое „алла верды“, а иногда два, три разомъ... Словомъ, человѣку, попавшему такъ сказать, въ этотъ передѣлъ, остаться совершенно цѣлымъ рѣшительно невозможно. При томъ надо замѣтить, что цѣпь эта живетъ и ведетъ свою перестрѣлку совершенно независимо отъ распоряженія главнаго двигателя пира, хозяина или нарочно избраннаго „толумбаша“, который своимъ порядкомъ объявляетъ то или другое повелѣніе, подлежащее общему и одновременному исполненію...

Всѣхъ подробностей праздника я исчислять не буду, потому собственно, что не могу и припомнить ихъ. Помню только, что праздникъ продолжался не долго... Послѣ обѣда предъ домомъ разостланы были ковры, разставлены кресла и стулья, на которыхъ кругомъ и расположилось все общество. Въ средину этого круга вошли мы съ А. А. Харитоновымъ, со всѣми пріемами сценическихъ пѣвцовъ, съ нотами въ рукахъ, торжественно раскла-

нялись и исполнили какой-то дуетъ. Потомъ сформировался хоръ, который въ обстановкѣ, нисколько, не напоминавшей настоящую Россію, самымъ энергическимъ образомъ исполнялъ однако пѣсни чисто-великороссійскаго содержанія. Дѣло шло такъ хорошо, что нѣкоторые изъ Грузинъ и Армянъ усердно присоединяли свои голоса къ хору, хотя быть можетъ не совсѣмъ хорошо понимали, о чемъ тутъ шло дѣло. Я помню очень живо умную и почтенную физиономію знаменитаго князя Василя Осиповича Бебутова, который постоянно стоялъ подлѣ меня, пристально смотрѣлъ на меня, какъ на дирижера и старческимъ басомъ старался выразить свое сильное участіе въ Русской пѣснѣ. Одна изъ нихъ, вѣроятно много разъ слышанная имъ во время походовъ отъ Русскихъ солдатъ, именно: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ доставляла ему особенное наслажденіе, такъ что по настоятельному его желанію надо было повторять ее нѣсколько разъ.

Хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ кстати, но я позволяю себѣ остановиться мимоходомъ на этой замѣчательной личности. Имя князя Василя Осиповича Бебутова, столь громкое на Кавказѣ, имѣетъ значительную извѣстность и въ Россіи. Извѣстно, что предъ наступленіемъ Восточной войны онъ былъ вызванъ въ Петербургъ съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его, въ случаѣ надобности, главнымъ дѣятелемъ по защитѣ нашихъ Кавказскихъ владѣній: полагали, что ему, какъ туземцу и туземцу умному, ближе извѣстны и духъ народа и разнообразныя условія обороны. Князь Бебутовъ произвелъ въ Петербургѣ прекрасное впечатлѣніе своимъ умомъ, любезностію и особенно тѣми немножко устарѣвшими манерами, которыхъ онъ держался, не зная, быть можетъ, что онѣ уже устарѣли. Такъ напр: когда онъ игралъ во дворцѣ въ вистъ, то при первоначальной сдачѣ

картъ, каждому кланялся и говорилъ: „желаю веселиться“ или „желаю счастья“ и дѣлалъ это такъ хорошо, что всѣмъ нравилось. Когда война загорѣлась, князь Бебутовъ сталъ во главѣ дѣйствовавшаго на Кавказско-Турецкой границѣ корпуса и совершилъ великія дѣла, которыя возвысили его славу. По окончаніи войны онъ обратился къ мирнымъ своимъ занятіямъ, по званію Начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ и Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. По закону, значеніе и предѣлы власти Начальника гражданскаго управленія были довольно значительны, но на самомъ дѣлѣ они были очень урѣзаны. Начало этому ограниченію положено было, кажется, еще княземъ Воронцовымъ. Князь А. И. Барятинскій довершилъ его, сосредоточивъ рѣшительно всѣ дѣла въ своей Канцеляріи, такъ что въ моментъ моего пріѣзда на Кавказъ князь Бебутовъ, хотя носилъ еще это званіе, но не исполнялъ уже никакихъ обязанностей, съ нимъ связанныхъ и удерживалъ за собою единственно почетную должность Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. Князь Бебутовъ во многихъ отношеніяхъ былъ человекъ истинно обольстительный. Умный, любезный, добрый, ласковый, онъ рѣшительно очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Мое знакомство съ нимъ исполнено было самыхъ пріятнѣйшихъ для меня впечатлѣній, и я искренно полюбилъ его, какъ человекъ умнаго въ дѣловомъ значеніи и пріятнѣйшаго въ частномъ быту.

На Кавказѣ существовало, да кажется и теперь существуетъ, такъ называемое Особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, образуемое изъ нѣсколькихъ высшихъ лицъ гражданскаго управленія подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта. Съ моею должностію связана была, по самому уставу, обязанность быть членомъ этого присутствія и имѣть высшій надзоръ за его дѣлопроизводствомъ.

Понятно, что въ этомъ положеніи я имѣлъ постоянныя дѣловыя сношенія съ княземъ Бебутовымъ, которыя и дали мнѣ полную возможность видѣть и его свѣтлый умъ и его гражданскую опытность. Въ частномъ быту сближеніе это было еще сильнѣе: въ то же лѣто 1857 года, случилось такъ, что мы поселились въ Каджорахъ на одной дачѣ: онъ занималъ большой домъ, а я жилъ въ одномъ изъ флигелей, такъ что свиданія наши были ежедневны, и большую часть вечеровъ я проводилъ у него. У князя была манера: съ людьми, которыхъ онъ любилъ, переходить скоро на дружеское „ты“. Точно такъ и мнѣ онъ говорилъ „ты“, хотя само собою разумѣется, что я, изъ уваженія къ его лѣтамъ, славѣ и заслугамъ, держался на почтительномъ „Вы“.

Къ сожалѣнію, въ то время, когда князь Бебутовъ въ Бетаніи пѣлъ со мною пѣсни, дни его были уже сочтены, хотя нѣ для кого это не было замѣтно. На одномъ изъ обѣдовъ у Князя Намѣстника въ Каджорахъ, съ княземъ Бебутовымъ сдѣлалась рвота и какое-то стѣсненіе въ горлѣ. Припадокъ этотъ впрочемъ не обратилъ ничего вниманія, потому что князь на другой день выходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало и не чувствовалъ ничего особеннаго. Скоро послѣ этого я уѣхалъ изъ Каджоръ въ Тифлисъ, а потомъ въ Баку для встрѣчи моего семейства, а когда возвратился въ Тифлисъ, то нашелъ уже князя Бебутова очень больнымъ. Мнѣ рассказали, что припадки съ горломъ повторяются въ большей силѣ и что на выздоровленіе почти нѣтъ надежды. Болѣзнь его длилась, впрочемъ, довольно долго; а между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, погруженный въ различныя гражданскія преобразованія, имѣлъ большую надобность для своихъ видовъ очистить мѣсто Предсѣдателя Совѣта; а потому поѣхалъ къ нему, объяснилъ свои виды и предложилъ

VI. 5.

ему званіе Члена Государственнаго Совѣта. Князь Бебутовъ, разумѣется, на все согласился, и моимъ перомъ написано было представленіе о зачисленіи его въ Государственный Совѣтъ съ сохраненіемъ того содержанія, какое онъ дотолѣ получалъ.

Князь Александръ Ивановичъ положительно требовалъ, чтобы, для отвращенія всякихъ возраженій, въ этомъ представленіи было выражено, что князь Бебутовъ никакъ не можетъ прожить болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и что правительство, поѣтому, не будетъ обременено его содержаніемъ. Какъ я ни доказывалъ, что такое изъясненіе вообще неудобно, что за достоверность его ручаться нельзя и что наконецъ, сдѣлавшись какъ нибудь извѣстнымъ самому князю Бебутову, оно дѣйствительно можетъ, прежде срока, отправить его въ могилу, Князь остался при своемъ, и представленіе пошло съ этимъ оригинальнымъ объясненіемъ.

Но я не знаю, когда бы подобная увѣренность Князя въ чемъ бы то ни было обманывала его. У насъ на Кавказѣ существовало убѣжденіе, будто, еще только отправляясь въ походъ противъ Шамиля, Князь заявилъ Государю, что онъ пришлетъ Шамиля въ Петербургъ съ Трамповкимъ (\*) и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же будто бы выпросилъ Трамповскому и награду за это доставленіе, когда оно состоится. Такъ точно было и здѣсь: когда получено было Высочайшее соизволеніе на представленіе Князя-Намѣстника, князь Бебутовъ мучительно переживалъ послѣдніе дни. Почти передъ самой кончиной онъ потребовалъ меня къ себѣ и съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя предсмертныя просьбы относительно его семейства, для представленія Князю. Получивъ согласіе на нихъ Князя, я имѣлъ еще высокую, хотя печаль-

(\*) Генералъ, состоявшій при Князѣ.

ную честь лично передать умирающему князю Бебутову это извѣстіе. Онъ обнялъ меня холодѣющими руками и сказалъ: „теперь умру покойно.“ Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ скончался.

Похороны князя Бебутова были великолѣпны, по туземному. День былъ восхитительный; было нѣсколько жарко; волны народа запрудили улицы; всѣ крыши были также покрыты ими. Всѣ чины, гражданскіе и военные, въ парадной формѣ, присутствовали тутъ; ихъ золотые мундиры перемѣшивались съ торжественнымъ одѣяніемъ многочисленнаго духовенства. Когда гробъ вынесли изъ дома, то народъ не допустилъ поставить его на приготовленную колесницу и несъ его на рукахъ до церкви, а потомъ оттуда до кладбища. Странно было видѣть огромныя массы народа, отбивающія другъ у друга честь нести усопшаго князя, и поверхъ этихъ массъ качающійся гробъ, а въ немъ открытое, умное, съ большимъ носомъ, лицо покойника, освѣщенное яркимъ солнцемъ и какъ бы смотрящее на небо....

Однако, по пословицѣ, „началъ за здравіе, а свелъ на упокой“, я совсѣмъ ушелъ съ праздника, о которомъ повелъ рѣчь.

Увы! Этому празднику нанесены были два гибельные удара. Начать съ того, что предъ наступленіемъ вечера, дождь, сначала едва замѣтный, сталъ постепенно усиливаться и загонять все общество въ залы дома. Обстоятельство это, конечно, вовсе неожиданное, значительно повредило празднику, рассчитанному именно на наслажденіе открытымъ воздухомъ; никому однако не приходило въ голову, по крайней мѣрѣ изъ мужчинъ, отступать предъ этимъ препятствіемъ, и большинство торжественно заявляло, что веселіе будетъ продолжаться въ комнатахъ дома. Но на бѣду какой-то барынь, изъ наиболѣе знат-

ныхъ, вздумалось покапризничать вслѣдствіе какого-то совершенно ничтожнаго повода, и она объявила рѣшимость ѣхать. Всеобщія убѣжденія остаться и не разрушать праздника, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не повели ни къ чему. Конечно! Всѣ другія барыни сочли долгомъ тоже ѣхать тотчасъ, уже нисколько не разбирая: для чего и почему? Мгновенно все стало укутываться и собираться. Пьяные кучера, нисколько не предвидя, что ихъ такъ скоро потревожатъ, стали подавать мокрые экипажи къ подѣзду, подъ проливнымъ дождемъ; при чемъ не обошлось безъ происшествія. Кучеръ князя А. И. Барятинскаго ударилъ какую-то изъ своихъ лошадей; та ударила его и переломила ему ногу. Разумѣется, суматоха усилилась. Кучера сняли и отдали въ распоряженіе докторовъ, въ составѣ общества находившихся. Всѣ амазонки, такъ храбро и изящно ѣхавшія на своихъ коняхъ до Бетаніи, размѣстились кое-какъ въ экипажи, справедливо находя, что подъ дождемъ и въ грязи никакое изящество уже невозможно и вмѣсто ловкой наѣздницы можно обратиться въ мокрую курицу.

При этомъ размѣщеніи мои необъятныя дроги выказали со славою все свое вмѣстительное достоинство: на нихъ насѣлось множество разныхъ личностей. Я съ гордостью стоялъ подлѣ дрогъ и самодовольно, какъ при входѣ въ циркъ какойнибудь, приглашалъ желающихъ умѣщаться. Кучеръ мой, тоже подвыпившій, нѣсколько разъ оборачивался, чтобъ взглянуть на населеніе его владѣній и сомнительно покачивалъ головою; но я былъ глубоко убѣжденъ, что все пойдетъ отлично, ибо видѣлъ предъ собою двухъ огромныхъ лошадей, въ которыхъ естественно предполагалъ огромную силу и въ тоже время зналъ хорошо, что мои дроги чужды той бесполезной роскоши въ видѣ рессоръ

и т. п., которая, доставляя нѣкоторыя удобства сѣдокамъ, страшно увеличиваетъ тяжесть экипажа и можетъ быть умѣстна только на шоссеиныхъ дорогахъ, а не на тѣхъ естественныхъ, первобытныхъ путяхъ, гдѣ двѣ-три пары буйволовъ съ трудомъ тащатъ простую арбу, со скрипомъ, гиканьемъ и непрерывнымъ хлопаньемъ необъятно-длиннаго бича.

Когда дроги достаточно наполнились, мы торжественно двинулись вслѣдъ другимъ экипажамъ, которые не требовали столь хлопотливаго наполненія ихъ и потому скорѣе нашего отправились въ путь. Едва мы сдѣлали поворотъ, ведущій отъ дому на дорогу, которая шла въ гору, именно въ ту гору, съ которой мы такъ весело спускались и которая теперь представляла массу черноземной густой грязи, предъ нами открылось тотчасъ печальное зрѣлище: почти всѣ экипажи, двинувшіеся впередъ насъ, стояли на этой горѣ, на различныхъ точкахъ, одни выше, другіе ниже. Всѣ эти экипажи окружены были толпами казаковъ и лакеевъ, изъ среды которыхъ непрерывно подымались совѣты перепречь рыжую, ударить дышловую, взять налѣво, повернуть направо. Среди этихъ разнородныхъ совѣтовъ слышались иногда женскіе визги, выходившіе изъ экипажей. Мои дроги, естественно, тоже должны были остановиться, потому что объѣхать экипажи, остановившіеся впереди, не было никакой возможности: до такой степени дорога, обставленная то лѣсомъ, то обрывами, была узка. Я обходилъ эти остановившіеся экипажи, присоединялъ мои совѣты къ разнороднымъ совѣтамъ, кругомъ ихъ раздававшимся и самоувѣренно предлагалъ дамамъ, ради несомнѣнаго спокойствія, перемѣститься въ мои дроги, хотя бы для этого пришлось нѣсколько потѣсниться, на что нѣкоторыя охотно соглашались и были переносимы на рукахъ казаками.

Трудно передать молодечество и расторопность этихъ дивныхъ людей—Кавказскихъ казаковъ! Въ этотъ день они безспорно приумножили свою славу на сто процентовъ, хотя подвиги ихъ не имѣли въ себѣ ничего воинственнаго и не занесены въ ихъ формулярные и другіе списки. Безъ преувеличенія можно сказать, что обратное переселеніе наше изъ Бетаніи въ Каджоры матеріально совершено ими. Начать съ того, что всѣ засѣвшіе на горѣ экипажи они вынесли почти на своихъ рукахъ на болѣе ровную дорогу и потомъ умѣли такъ распределиться, что у каждаго экипажа былъ свой конвой, который и выручалъ его изъ всѣхъ засадъ и приключеній. Однимъ словомъ, куда ни повернешься, куда ни взглянешь—вездѣ казаки, готовые помогать вамъ и исполнять всѣ ваши желанія и приказанія.

Когда передніе экипажи тронулись, предстояло тронуться и моимъ знаменитымъ дрогамъ, наполненнымъ уже до крайней возможности. Надо замѣтить, что, обозрѣвая впереди дорогу, шествуя для этого почти по колѣно въ грязи и присутствуя при бѣдствіяхъ другихъ экипажей, я не могъ не поддаться чувству нѣкотораго безпокойства за благополучное движеніе и моего экипажа, въ особенности за успѣшное одолѣніе имъ страшной горы. Сначала дроги двинулись бодро и возвеселили было мой начинавшій падать духъ; но увы! скоро и они очутились въ томъ же бѣдственномъ положеніи, которые испытали другіе предшествующіе экипажи. Лошади остановились и не только не шли впередъ, но пятились назадъ, оттягиваемыя страшною тяжестью, помѣщенною на дрогахъ. Какъ во время кораблекрушенія, мгновенно наступило общее замѣшательство, усилившееся тѣмъ, что на одной сторонѣ дороги находился крутой обрывъ, заросшій деревьями, куда именно и направля-

лись пятившіяся дроги. „Стой! держи! куда?“ раздалось вдругъ на разные голоса, и эти возгласы покрывались визгами испуганныхъ дамъ, изъ которыхъ многія стали выскакивать въ своихъ нарядныхъ платьяхъ прямо на дорогу въ глубокую грязь. Однимъ словомъ, наступило страшное смятеніе! На бѣду кривая лошадь, которая преимущественно и начала портить дѣло, не могла видѣть находившагося съ ея боку обрыва и, продолжая пятиться, вдругъ повалилась въ него, увлекая съ собою другую лошадь и самыя дроги! Все это полетѣло бы, конечно, въ самую глубь обрыва, если бы не деревья, которыми онъ заросъ и которыя, задержавъ дальнѣйшее паденіе, образовали изъ лошадей и громаднхъ дрогъ самое хаотическое зрѣлище! Распутывать всю эту путаницу простыми средствами не было никакой возможности, и потому налетѣвшіе казаки мгновенно начали рубить и сбрую и части экипажа своими огромными кинжалами съ цѣлю только спасти лошадей, которыя могли задохнуться или покатиться дальше въ кручь.

Но въ то время, когда казаки работали съ экипажемъ, у меня были страшнѣйшія хлопоты съ дамами. На мнѣ лежала, такъ сказать, нравственная обязанность улучшить, всѣми мѣрами, ихъ затруднительное положеніе, въ которое нѣкоторымъ образомъ я же ихъ увлекъ, выхваляя достоинства моего экипажа. Поливаемая дождемъ, онѣ стояли въ глубокой грязи. На мое счастье въ этотъ моментъ проѣзжалъ мимо насъ камердинеръ князя А. И. Барятинскаго, обидѣшанный со всѣхъ сторонъ разными узлами. Я началъ съ того, что отобралъ отъ него эти узлы и разнообразнымъ бѣльемъ, въ нихъ находившимся, укрылъ по возможности дамъ отъ дождя, нещадно разрушавшаго ихъ шляпы и разные головные уборы; за тѣмъ тому же камердинеру поручилъ

сказать куда знаетъ и высылать намъ экипажи и верховыхъ лошадей, тоже откуда онъ знаетъ.

Между тѣмъ, объятые ночью, мы перехватывали на пути все что намъ попадалось по части перевозочныхъ средствъ, и добыча эта была значительна, потому что вслѣдъ за нами тянулись отставшіе гости и цѣлыя полки прислуги. Я даже не помню, дождались ли мы того, какъ и чѣмъ распорядился камердинеръ; помню только, что наиболѣе щепетильныхъ дамъ удалось помѣстить кое-какъ въ мимо проходившіе экипажи; остальные дамы, преимущественно туземки, по предложенію прелестной, умной и рѣшительной княгини Сумбатовой, выразили желаніе ѣхать верхомъ. Въ верховыхъ лошадяхъ на Кавказѣ никогда и нигдѣ недостатка нѣтъ. Начать съ того, что мы отобрали лошадей у казаковъ, возившихся съ нашимъ бѣдствующимъ экипажемъ; потомъ мы останавливали всѣхъ, кто ѣхалъ мимо и отобрали тоже лошадей. Кавалькада составила великолѣпная по своей оригинальности. Впереди шло нѣсколько казаковъ съ факелами, освѣщая дорогу; другіе казаки вели лошадей, на которыхъ помѣщались не очень храбрыя дамы; все это заключалось значительнымъ отрядомъ мужчинъ. Оригинальная процессія эта останавливалась у каждаго духана, лежащаго на дорогѣ. Удивленный, ошеломленный духанщикъ начиналъ метаться во всѣ стороны, выносилъ намъ лучшее кахетинское вино, а иногда и шампанское, если таковое находилось. Такимъ образомъ возвращеніе наше, имѣвшее столь печальное начало, въ своемъ продолженіи отличалось своеобразною прелестью. Въ глубокую полночь, промоченные до костей, мы добрались до Каджоръ и разстались въ смутномъ ожиданіи на другой день насморковъ, кашлей, флюсовъ, лихорадокъ и вообще простудныхъ болѣзней всякаго рода, ко-

торыя имѣли здѣсь удобный случай и вполнѣ законное право проявить все свое отвратительное могущество. Ничего однако не было, и ясное утро нашло всѣхъ здоровыми, невредимыми и полными веселыхъ воспоминаній. Одни только искалеченныя дроги, приволоченныя на другой день буйволами, представляли печальную картину.—

Другой праздникъ, князей Орбелиани, представлялъ много другихъ отѣнковъ. И здѣсь тоже необходимо предварительно замѣтить, что верстахъ въ тридцати отъ Каджоръ находилось родовое Орбелиановское имѣніе „Вышловани.“ Кому изъ трехъ братьевъ князей Орбелиани собственно оно принадлежало, я ужъ не знаю; помню только, что въ устройствѣ праздника соединились всѣ, хотя знаменитый князь „Мамука“, этотъ идеалъ туземныхъ джигитовъ, по видимому былъ главнымъ распорядителемъ.

Задолго до праздника, князья Орбелиани объѣзжали всѣ Каджорскіе дома и дѣлали формальныя приглашенія. Такъ точно они были и у меня. Я чувствовалъ тогда себя очень дурно и въ самой вѣжливой формѣ старался уклониться отъ приглашенія; но эти почтенные люди, по своимъ Грузинскимъ патриархальнымъ обычаямъ, осадили меня такими настоятельными и въ тоже время милѣйшими просьбами, что я вынужденъ былъ дать слово явиться на мѣсто, если только не умру.

При отъѣздѣ въ назначенный день въ Вышловани повторились почти всѣ тѣже распоряженія, какъ и при отъѣздѣ въ Бетанію. Точно также одни ѣхали въ экипажахъ, другіе верхомъ. День былъ такой же восхитительный, только болѣе жаркій. Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ пускались въ дѣло всѣ экипажи князя А. И. Барятинскаго, которые и были предлагаемы въ пользованіе особенно почетныхъ или особенно приближен-

ныхъ лицъ. Верхомъ ѣхать я по прежнему не могъ; обращаться къ дрогамъ, такъ коварно измѣнившимъ мнѣ, я не хотѣлъ: и потому, когда за завтракомъ, предшествовавшимъ отъѣзду, Князь спросилъ меня: какъ я ѣду?... Я отвѣчалъ: „въ экипажахъ Намѣстника.“ Княгиня Марья Ивановна Орбелиани, эта блестящая звѣзда Грузіи, такъ рановременно потухшая, сказала: „Поѣзжайте въ моей коляскѣ, я туда ѣду верхомъ, а оттуда вмѣстѣ возвратимся“. Собственно говоря, коляска, которую княгиня называла „своею“, была тоже коляска Князя, но имѣя въ его безсемейномъ домѣ, при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, нѣкоторый видъ хозяйки, она пользовалась его экипажами и одну изъ колясокъ привыкла называть своею. Именно въ этой коляскѣ, запряженной прекрасной четверней, я летѣлъ вслѣдъ за кавалькадой, предводительствуемой по прежнему Княземъ и окруженной, какъ тучей комаровъ, молодцами-линейцами.

Путь былъ длиненъ и продолжителенъ, а потому и утомителенъ. Почти по всему протяженію дороги разставлены были Орбелиановскіе вѣстовые или курьеры, которые, завидѣвъ насъ, срывались, какъ безумные, съ мѣста, съ быстротою пули летѣли назадъ и мгновенно исчезали изъ нашихъ глазъ. За нѣсколько верстъ отъ имѣнія, вѣроятно на границѣ его, насъ встрѣтили сами князья Орбелиани верхами, съ огромною свитою.

Скоро представился нашимъ взорамъ большой Грузинскій домъ, окруженный множествомъ сакель, но лишенный всякой зелени, которая обыкновенно окружаетъ дома Русскихъ помѣщиковъ. Движеніе наше направлено было къ этому дому, гдѣ, казалось, и будетъ самый праздникъ. На дѣлѣ оказалось не такъ. Въ этомъ домѣ совершился только, по Грузинскимъ обычаямъ, церемоніальный пріемъ хозяевами гостей, а за тѣмъ бы-

ло объявлено, что тотчасъ надо отправляться въ садъ, отстоящій отъ дома еще на нѣсколько верстъ, гдѣ и приготовленъ обѣдъ. При этомъ случаѣ, однако, амазонки, большею частію побросали своихъ верховыхъ лошадей и наполнили всѣ свободныя мѣста въ экипажахъ. Я набилъ свою коляску до-нельзя дамами и самъ помѣстился на козлахъ.

Переѣздъ уже былъ незначителенъ, версты три-четыре, и мы скоро очутились въ роскошнѣйшемъ Грузинскомъ саду, обхватившемъ насъ со всѣхъ сторонъ моремъ зелени. Виноградныя аллеи заставлены были столами, роскошно убранными; по концамъ этихъ аллей били фонтаны, бросавшіе свои струи въ обширные бассейны; яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень, рисовало на свѣтлыхъ, чистыхъ скатертяхъ затѣйливые узоры. Все дышало невообразимою прелестью. Туземные „нукера“ смѣшивались съ нашими фрачными лакеями въ бѣлыхъ галстукахъ; такое же смѣшеніе представляло и самое общество гостей: какой-нибудь франтъ изъ нашихъ увивался около Грузинки, въ ея туземномъ нарядѣ, съ длинными заплетенными косами; подлѣ нашей барыни, у которой съ необъятнаго кринолина влачился еще болѣе необъятный шлейфъ, шелъ Грузинъ въ чухѣ, увѣшанный оружіемъ и сіяющій позументами. Полковая музыка ожидала только знака; знаменитый Сатаръ....

„Кто такой Сатаръ?“ быть можетъ спросятъ меня. Помилуйте! какъ можно не знать, кто Сатаръ! Сатаръ—неподражаемый соловей тѣхъ странъ. Выше его нѣтъ пѣвца не только на Кавказѣ, но и во всемъ Персидскомъ царствѣ, снабдившемъ своими пѣснями нашу Грузію. Сатаръ, это Рубини Востока, и слава его, какъ меня увѣряли, гремитъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Дѣйствительно, въ пѣніи этого Персанина если мало было, особен-

но для непривычнаго слуха, пріятнаго, то удивительнаго, просто-непостижимаго была бездна. Общій характеръ этого пѣнія былъ таковъ, что оно начиналось тихо, слабо, сдержанно и потомъ постепенно усиливалось, разгоралось и достигало самыхъ высокихъ и самыхъ звучныхъ нотъ. Что эти ноты не дешево доставались Сатару и его подражателямъ, можно сѣудить по тому, что въ самой эффектной, энергической части своего пѣнія, они всегда закрывали себѣ лицо бубномъ, тарелкой или чѣмъ-нибудь другимъ: оглушительные крики, которые они издавали, не могли не безобразить ихъ фізіономію, заставляя ее кривляться и принимать различныя, большею частію, отвратительныя формы. Удивительное состояло въ томъ, что пѣвецъ могъ тянуть звукъ нескончаемымъ образомъ, производя всевозможныя варіаціи, и когда вамъ кажется, что звукъ этотъ, по законамъ дыханія, долженъ прерваться, онъ съ новою силою взвывается вверхъ, потомъ упадетъ, потомъ опять взвывается, и такъ безъ конца. Когда сформировалась въ Тифлисѣ Итальянская опера, я часто подводилъ Итальянскихъ артистовъ къ Сатару и другимъ туземнымъ пѣвцамъ и спрашивалъ ихъ отзывовъ объ этомъ своеобразномъ искусствѣ. „C'est étonant! Mais on n'y peut rien comprendre!“ (\*) отвѣчали они. Звуки этого пѣнія до такой степени изломаны, такъ сказать, что и по моему мнѣнію, они совершенно не подчиняются законамъ нашей Европейской музыки, что доказывается тѣмъ, что въ Кавказѣ мы вовсе не слышимъ такой музыки. Одинъ только мотивъ ея, представляя пріятную мелодію, способенъ къ уловленію въ обще-музыкальныя формы, это именно тотъ мотивъ, на который, въ Русланѣ и Людмиллѣ Глинки, поетъ жен-

(\*) Удивительно! Но тутъ ничего нельзя понять.



скій хоръ въ чертогахъ волшебницы, мотивъ страдальческой, щемящій за сердце, какъ и все вообще Персидское пѣніе. Тотъ же мотивъ, но только въ болѣе оживленномъ видѣ, положенъ Штраусомъ въ основаніе такъ называемаго Персидскаго марша, который производилъ много эффекта въ средѣ Павловской публики, а потомъ перешелъ и въ полковые наши хоры.

Сатаръ сидѣлъ, по обычаю, на коврѣ, поджавши ноги, въ компаніи различныхъ туземныхъ музыкантовъ, составлявшихъ обыкновенно акомпаниментъ его пѣнію, пріятно улыбался и тоже выжидалъ момента, когда дадутъ просторъ страннымъ, но поразительнымъ звукамъ его непонятнаго голоса. Общее настроеніе было тоже, какъ и въ Бетаніи, восхитительное. Да, другаго настроенія кажется и не существуетъ на Кавказѣ. Одна природа, свѣтлая, радостная, въ состояніи изгнать изъ сердца каждаго все скучное, нехорошее, мрачное. Но къ этому присоединяется еще то безпримѣрное, чистосердечное до наивности, радушіе Грузинъ, предъ которымъ никакой мизантропъ не устоитъ. Тамъ, гдѣ нужно подражаться съ врагомъ или покутить съ другомъ, тамъ, гдѣ нужна отчаянная храбрость или беззаветное разгулье, нѣтъ въ мірѣ людей, подобныхъ Грузинамъ...

Скоро всѣ усѣлись за столы, и пиръ закипѣлъ. Музыка гремѣла вальсы и польки; Сатаръ заливался въ своихъ треляхъ; кахетинское пошло въ ходъ въ купахъ и озарпешахъ... Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ князь А. И. Барятинскій держалъ себя превосходно: не смотря на величіе, которое его окружало, онъ не только никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, напротивъ, любилъ видѣть общій разгаръ веселья. На лицѣ его появлялась какая-то одобряющая улыбка, которую каждому было пріятно встрѣтить и которая какъ будто говорила: „ничего, веселись!“ Обѣдъ

скоро принялъ гомерическій видъ; радужные хозяева постоянно стояли надъ каждымъ съ кулами и озарпешами, выдумывая непрерывно тосты и различные предлоги, чтобы заставить пить. „Алла верды и якши іюль“ гремѣли на всѣхъ концахъ неустанно...

Послѣ обѣда началась лезгинка, почти неизбѣжная во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Дѣло это совершается такимъ образомъ. Все общество образуетъ одинъ кругъ, въ средину котораго врывается мужчина или дама, а иногда и мужчина и дама вмѣстѣ и танцуютъ бѣшеную лезгинку. Оканчивающій свой танецъ, посреди рукоплесканій, обращается непременно къ кому нибудь изъ присутствовавшихъ и приглашаетъ его выступить, въ свою очередь, на арену. Отъ этой повинности освобождался одинъ только „Сардаръ“ (\*); за тѣмъ рѣшительно не было пощады никому: никакія возраженія и объясненія не принимались въ уваженіе; не обращалось вниманіе ни на званіе, ни на лѣта, ни на искусство по этой части. Самые важные и почтенные люди, а въ томъ числѣ кроткій, солидный, ученый М—ъ, зная, что никакія словопренія не помогутъ, хладнокровно шли на арену и обходили ее кругомъ, что не только считалось достаточнымъ, но по обычаю покрывалось шумными рукоплесканіями. Но я не буду исчислять всѣхъ подробностей этого праздника; достаточно сказать, что веселье постоянно возрастало и достигло степени, для многихъ гибельной!...

Съ наступленіемъ вечера мы опять размѣстились въ экипажахъ и помчались къ дому, который горѣлъ множествомъ огней и издали походилъ на огромный фонарь. Первый, котораго я встрѣтилъ при входѣ въ освѣщенную залу, былъ князь Александръ Ивановичъ. Князь весело подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Вы не знаете,

(\*) Т. е. Князь-Намѣстникъ Кавкаскій.

сколько у насъ мертвыхъ тѣлъ?" Сначала я не понялъ этого вопроса, но потомъ оказалось, что значительная часть молодежи была въ такомъ положеніи, что никакими средствами нельзя было ни собрать ее при возвращеніи изъ сада, ни разбудить тѣхъ, кого находили. Одинъ спалъ гдѣ нибудь въ кручѣ; другой въ какой нибудь чащѣ, кто-то ухитрился помѣститься, какъ птица, на древесныхъ вѣтвяхъ. Этихъ-то неотысканныхъ и оставшихся на мѣстѣ господъ Князь и называлъ „мертвыми тѣлами“.

Когда значительно разбитыя остатки общества собрались въ домъ, составили партіи преферанса, виста и т. п. Впрочемъ остатокъ вечера, не смотря на любезныя старанія хозяевъ, шель довольно вяло въ слѣдствіе общаго утомленія. Скоро всѣ разошлись по отведеннымъ для каждаго ночлегамъ.

Именно здѣсь за картами, я познакомился впервые съ Мирзоевымъ, личностью не только въ высшей степени замѣчательною, о которой съ самаго пріѣзда на Кавказъ я слышалъ постоянные и разнородные рассказы, но почти не вѣроятною. Мирзоевъ былъ нѣчто въ родѣ Тифлискаго Монте-кристо. Относительно обогащенія его рассказывали, что оно совершилось преимущественно поставкою спирта для Кавказскихъ войскъ. Въ заключеніе расчетовъ, которыми опредѣляли выгоды его отъ этой операціи, всѣ утверждали, что онъ нажилъ милліоны. Но не въ томъ дѣло, что онъ былъ богатъ, мало-ли кто богатъ? а въ томъ, какъ онъ распоряжался этимъ богатствомъ, и эту-то баснословную сторону я считаю нужнымъ обрисовать здѣсь по возможности. Начну съ отношеній его къ туземному управленію. Когда какое нибудь дѣло не двигалось, какая нибудь оброчная статья не шла съ рукъ, призывался Мирзоевъ, и ему говорили: „дѣлай или возьми!“ Мирзоевъ дѣлалъ и

бралъ, считая за особенное счастье угодить начальству. Когда по дѣламъ Мирзоева возникалъ какой нибудь громадный расчетъ съ казною, и дѣло наклонялось въ его сторону, его опять призывали: „Любезный Иванъ Минаевичъ, говорили ему, если бы можно прекратить это дѣло!“ Мирзоевъ тотчасъ прекращалъ процессъ. Такимъ образомъ Мирзоевъ, по предложенію начальства, взялъ громадный рыбный откупъ и вносилъ одной откупной суммы до 360 т. руб. въ годъ; такимъ образомъ онъ, по предложенію начальства, отказывался отъ громадныхъ претензій по расчетамъ съ казною. Когда приготавлилось въ городѣ какое нибудь большое торжество по случаю того или другаго событія, Мирзоевъ опять благосклонно приглашался къ участію въ устройствѣ этого торжества и не останавливался ни предъ какими жертвами и расходами. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ былъ просто опасенъ неукротимымъ своимъ стремленіемъ надѣлать васъ чѣмъ нибудь. Отъ этого не оберегались даже самыя высшія лица; до сихъ поръ рассказываютъ странную наивность М—ва, съ которою онъ хвалился дешевизною различныхъ предметовъ, доставляемыхъ ему Мирзоевымъ, тогда какъ этихъ предметовъ въ дѣйствительности нельзя было достать и за тройную цѣну. Когда кто нибудь пріѣзжалъ или уѣзжалъ изъ значительныхъ лицъ, Мирзоевъ дѣлалъ торжественные встрѣчи и проводы. Будучи самъ Грегорианскаго исповѣданія, онъ точно также встрѣчалъ и провожалъ высшихъ духовныхъ особъ нашихъ. Этого мало. У отъѣзжающихъ онъ покупалъ, за какую хотите цѣну, мебель, экипажи, лошадей; пріѣзжающаго онъ снабжалъ всѣмъ этимъ за самую ничтожную цѣну, назначаемую только для приличія. Отъ этого въ его сараяхъ, конюшняхъ, подвалахъ всегда находилась бездна экипажей, лошадей, мебели и всякаго хозяйст-

веннаго добра. Кто увѣзжалъ изъ Тифлиса на время въ Петербургъ напр. или куда нибудь—бралъ у Мирзоева, бездано безошлинно, экипажъ, какой ему нравился и, отдѣлавъ его во время пути, преблагополучно возвращалъ. Будучи хозяиномъ рыбнаго промысла, онъ отдѣлялъ лучшіе сорта икры, шамай, осетровъ въ свои подвалы и надѣлялъ ими всю Тифлискую знать. Купить такой икры и рыбы въ Тифлисъ было невозможно, и кто обращался по этой части къ Мирзоеву, вынужденъ былъ брать ее даромъ, потому что за деньги онъ не давалъ рѣшительно ничего. Тоже было и съ кахетинскимъ виномъ. Извѣстно, что мѣстное вино при самой выдѣлкѣ дѣлится на три сорта, первый, средній и послѣдній. Мирзоевъ скупалъ первые сорта почти во всѣхъ садахъ и распорядился съ нимъ такимъ же образомъ: даромъ сколько хотите, за деньги ничего. Отъ этого происходило, что Мирзоевъ самъ не занимался винодѣліемъ, а такъ называемое „Мирзоевское“ вино считалось роскошью. Общее мнѣніе было таково, что Мирзоевъ такимъ образомъ разсылалъ, раздавалъ вина, рыбы и другихъ предметовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ.

Щедрость его была просто изумительна. Напримѣръ, вновь прибывшему адъютанту какому нибудь понадобилась лошадь. По произведеннымъ розыскамъ оказывается, что у Мирзоева есть чудо-лошадь. Адъютантъ лезетъ къ нему и спрашиваетъ: „не уступите-ли такую-то лошадь?“—„Съ величайшимъ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ тотъ. — „Позвольте узнать цѣну?“ спрашиваетъ адъютантъ. „Цѣны ей нѣтъ никакой“, отвѣчаетъ Мирзоевъ, „позвольте предложить вамъ ее въ знакъ моего уваженія“. Ошеломленный адъютантъ начинаетъ восклицать: „какъ можно, помилуйте“ и тому подобное; но ничто не беретъ: за деньги ни за что, такъ берите! Та-

кая именно исторія была, между прочимъ, съ Свѣчинимъ. Самолюбивый и самъ богатый, онъ никакъ не рѣшался брать у Мирзоева лошадь даромъ, а между тѣмъ лошадь нравилась ему чрезвычайно; наконецъ онъ послѣдовалъ нашему совѣту, взялъ лошадь безъ денегъ и потомъ сдѣлалъ Мирзоеву равноцѣнный подарокъ. Подарить что нибудь—было страстью Мирзоева, точно также, какъ и дѣлать роскошные обѣды или ужины, при малѣйшемъ намегѣ съ чьей либо стороны, если не было случаевъ, самостоятельно такъ сказать указывающихъ на это. Я помню, когда пріѣхалъ на Кавказъ князь Владимиръ Ивановичъ Барятинскій и выразилъ желаніе, почти неизбѣжное у всѣхъ заѣзжающихъ туда, пріобрѣсти хорошую бирюзу, Мирзоевъ не замедлилъ приподнести ему камень, въ родѣ скалы. За обѣдомъ, который Мирзоевъ тоже не замедлилъ устроить для князя, камень этотъ переходилъ изъ руки въ руки и вызывалъ общее удивленіе къ громадности и цѣнности его. Послѣ обѣда князь обратился ко мнѣ: „Согласитесь, что я не могу принять такой цѣнный камень въ подарокъ; нельзя ли узнать, что онъ стоитъ, и тогда надо будетъ или заплатить за него, или отдарить.“—„Заплатить во всякомъ случаѣ невозможно, отвѣчалъ я, это глубоко оскорбитъ Мирзоева, да онъ и не возьметъ денегъ, а отдарить, я полагаю, можно и должно. Подождите, я вамъ узнаю цѣну камня.“ Отведя Мирзова въ сторону, я спросилъ его: „Скажите, любезный Иванъ Минаевичъ, какой цѣны камень князя?“—„Совершенные пустяки, и говорить не стоитъ“, отвѣчалъ онъ. „Нѣтъ! скажите положительно,“ возразилъ я нетерпѣливо, „это необходимо.“—„Ну извольте, если вамъ угодно: онъ достался мнѣ по особенному случаю, кажется за 50 или 75 рублей, хорошенько, право, не упомяну.“ На этомъ

отвѣтъ онъ остановился упорно, и я долженъ былъ передать его князю, прибавивъ, что это, разумѣется, вздоръ.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ моемъ съ этимъ страннымъ человѣкомъ (тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ принадлежалъ къ Армянскому народу, который, по общему убѣжденію любить больше брата, чѣмъ давать) оказалось, что Мирзовыхъ было два брата: этотъ Иванъ Минаевичъ, о которомъ я говорилъ, и Гавріиль Минаевичъ. Оба они были женаты, имѣли красивыхъ женъ и значительное количество дѣтей; но жили вмѣстѣ и вели всѣ дѣла вмѣстѣ. Дѣятельность ихъ была разделена такимъ образомъ, что Иванъ Минаевичъ постоянно находился въ обществѣ и поддерживалъ сношенія съ разными высшими лицами; Гавріиль Минаевичъ сидѣлъ дома и велъ всѣ письменныя дѣла, изрѣдка, только въ торжественныхъ случаяхъ, показываясь въ свѣтѣ, и большею частію проводя вечера въ клубѣ, гдѣ и игралъ по копейкѣ въ ералашъ. Иванъ Минаевичъ былъ губернскимъ секретаремъ и чрезвычайно эффектно раскладывалъ на груди громаднѣйшаго Станислава, котораго правительство даровало ему за многочисленныя заслуги. Гавріиль Минаевичъ за такія же заслуги возведенъ былъ въ потомственное дворянство. Нестолько по этимъ званіямъ, сколько по огромному богатству, которое на всѣхъ точкахъ земнаго шара имѣетъ одинаковую силу и обаяніе, Мирзоевы сохраняли въ Тифлисѣ необъятное значеніе; дѣла громадныхъ размѣровъ, которыя они вели, заставили ихъ учредить свои конторы и имѣть своихъ агентовъ чуть-ли не на всѣхъ концахъ міра. Отъ этого происходило, что куда-бы ни ѣхалъ Кавказецъ, вездѣ были повѣренныя и уполномоченныя Мирзоевыхъ, которые, вслѣдствіе ихъ инструкцій, и оказывали заѣзжему всевозможныя услуги; отъ этого же происходило, что Тифлисскій жи-

тель, и находясь на мѣстѣ и отправляясь куда нибудь, вѣчно находился въ необходимости прибѣгать къ помощи и содѣйствию Мирзоевыхъ.

Возвращаясь къ Вышлованскому празднику. На другой день утромъ всѣ собрались въ залѣ дома, гдѣ приготовленъ былъ двойной завтракъ: Грузинскій и Европейскій. Тутъ я познакомился съ „шашлыкомъ“, знаменитостью Грузинской кухни, о которомъ много слышалъ, но котораго вкушать еще не имѣлъ случая. Почтенный, всѣми любимый и уважаемый князь Димитрій Орбеліани, старшій всѣхъ и лѣтами и чинами, сидѣлъ во главѣ стола, какъ хозяинъ. Я замѣтилъ, что ему по временамъ приносили длинныя желѣзныя прутья, на прутьяхъ также длинными полосами находилось мясо, которое князь рѣзалъ тонкими лентами и одѣлывалъ ими толпу желающихъ. Когда я спросилъ, что это?—мнѣ отвѣчали: „шашлыкъ!“ Тогда и я потянулся за одною изъ лентъ. Я долженъ безъ преувеличенія сказать, что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Я сдѣлался самымъ нахальнымъ требователемъ этихъ дивныхъ лентъ и не отходилъ отъ князя до тѣхъ поръ, когда ему доложили, что „суки“ нѣтъ больше. Шашлыкъ готовится изъ различныхъ матеріаловъ и различными способами. Самый обыкновенный состоитъ въ томъ, что небольшіе куски баранины насаживаютъ на длинный желѣзный прутъ, вертелъ, и жарятъ надъ огнемъ. Самый роскошный шашлыкъ дѣлается именно изъ „суки“ т. е. филейнаго мяса. Этимъ именно шашлыкомъ и угощалъ насъ князь Димитрій. Шашлыкъ сдѣлался тотчасъ самымъ любимымъ моимъ блюдомъ, предъ которымъ, по моему вкусу, меркнутъ всѣ другія произведенія Грузинскаго кулинарнаго искусства. Крузенштернъ напр. приходилъ въ восторгъ отъ рыбы, приготовленной по грузински, тогда какъ я въ ней не находилъ рѣшительно ничего

особеннаго. Говорили, что курица, приготовленная по имеретински, блюдо боговъ! Говорили, что торжество Грузинскаго искусства—цѣлый быкъ, изжаренный на вертелѣ; такого быка я не видалъ, но слышалъ, что опыты, произведенные по этой части княземъ А. И. Барятинскимъ въ Боржомѣ, были рѣшительно неудачны. Прибавляли, что еще знаменитѣе такая штука, когда въ быкѣ находится теленокъ, въ теленкѣ баранъ, въ баранѣ барашекъ, въ барашкѣ гусь и т. д. Подобной штуки я тоже не видалъ и полагаю, что здѣсь туземцевъ плѣняетъ скорѣе обиліе мяса, нежели вкусъ приготовления, котораго здѣсь и предполагать не возможно. Само собою разумѣется, что конецъ завтрака облить былъ обильно шампанскимъ. Князь послѣ завтрака уѣхалъ, а съ нимъ и нѣкоторые дѣловые люди; большая же часть общества осталась до обѣда, задержавъ полковую музыку и всѣхъ туземныхъ артистовъ. Обѣдъ также долженъ былъ явиться въ двухъ экземплярахъ: Грузинскомъ и Европейскомъ. Очарованный шашлыкомъ, я обязался ѣсть всѣ Грузинскія блюда, которые заранѣе мнѣ перечислили; но съ перваго же блюда я долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Это первое блюдо, нѣчто въ родѣ нашего супа, была просто тарелка сплошнаго жиру, который не только ѣсть, но на который даже смотрѣть было тошно. Къ довершенію ужаса, прелестныя барыни Грузинскаго происхожденія ѣли этотъ ужасный супъ какъ-то руками и пачкались такъ сказать въ жиру. Названіе этого блюда я уже не помню, а между тѣмъ оно считается у туземцевъ превосходнымъ именно по обилію жира, которымъ сопровождаются почти и всѣ другія Грузинскія яства.

Когда окончился этотъ неудачный для меня обѣдъ, начался общій отъѣздъ. Я отправился по уговору съ княгиней Марьею Ивановною, и съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, продол-

жительность которой увеличилась значительно вслѣдствіе плутанья кучеровъ: они потеряли настоящую дорогу и никакъ не могли добраться до Каджоръ. Во время этой длинной поѣздки, умная, веселая и любезная княгиня повѣствовала мнѣ о своемъ прошедшемъ, рассказывала, между прочимъ, какъ, бывало, вмѣстѣ съ княгиней Екатериною Александровною Дадьянъ и Ниною Александровною Грибоѣдовою, они втроемъ встрѣчали и полонили каждаго пріѣзжающаго въ Грузію, и замѣчала, что теперь нѣтъ уже такихъ женщинъ; какъ она была выслана въ Воронежъ или Ярославль вслѣдствіе какого-то заговора Грузинъ противу Русскихъ и прожила тамъ нѣсколько лѣтъ. Я зналъ, что у княгини есть дочь, которая вышла замужъ за N N; но ея именно въ это лѣто почему-то не было въ Тифлисѣ, такъ что я вовсе еще ея не видалъ. Когда по поводу сожалѣнія княгини, что нынче нѣтъ уже въ Грузіи великолѣпныхъ женщинъ, я замѣтилъ, что дочь ея, несомнѣнно, будетъ достойною ея наслѣдницей, она сказала: „О! нѣтъ! Это очень милое, доброе, кроткое существо, но вы удивитесь, когда ее увидите: маленькая, смугленькая и не имѣющая ничего блестящаго!“ Слова эти, разумѣется, я принялъ, какъ проявленіе скромности матери, но впоследствии, осеню, увидѣвъ дочь ея въ первый разъ на балѣ у Князя, я дѣйствительно былъ удивленъ. Въ этой скромной, симпатичной дамѣ я никакъ не ожидалъ встрѣтить дочери блестящей въ полномъ смыслѣ княгини Марьи Ивановны. Еще менѣе можно было ожидать, что эта скромная дама будетъ имѣть ту замѣчательную судьбу, которая ей предстояла....

Выше, на стр. 475—477, сказано нѣсколько словъ о характерѣ и значеніи Записокъ Василія Антоновича Инсарскаго, и вслѣдъ за тѣмъ помѣщена одна глава изъ нихъ: «Поѣздка въ Баку». По убѣдительной нашей просьбѣ, многоуважаемый авторъ предоставилъ Русскому Архиву еще нѣсколько тетрадей своего мастерскаго повѣ-

ствования. Изъ напечатанной теперь главы читатели еще ближе познакомились съ своеобразными сторонами Кавказскаго быта, а въ слѣдующей главѣ «Походъ 1859 г.» авторъ поведетъ насъ въ самую внутренность этого удивительнаго края.

П. Б.

## ЗАМѢТКИ.

### I.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1867 г. напечатана слѣд. статейка, присланная изъ Варшавы отъ  $\frac{2}{14}$  мая:

„Вчера утромъ скончался сенаторъ Феньшау, бывший адъютантъ великаго князя Константина Павловича. Говорятъ, ему было за 80 лѣтъ, но онъ смотрѣлъ свѣжо, еще недавно, можно сказать, бѣгалъ по улицамъ Варшавы, всѣмъ извѣстный, переизвѣстный. Онъ любилъ рассказывать про свое время. Между прочимъ мы лично слышали рассказъ, что во время революціонной вспышки 1830 г. Великій Князь послалъ его за какимъ-то полкомъ въ Немировскія казармы: полкъ этотъ былъ приведенъ къ Великому Князю цѣлкомъ. Феньшау нашелъ около Великаго Князя еще нѣсколько полковъ, вполнѣ оставшихся ему вѣрными, которые пошли бы, по его приказанію, куда угодно. Который разъ приходится слышать, что революція 1830 г. была у насъ въ рукахъ?“

Прибавимъ и мы: въ который разъ приходится слышать подобныя мнѣнія! Въ 5 — 6 №№ Русскаго Архива 1867 года представили мы соображенія обстоятельство въ доказательство несостоятельности подобныя мнѣнія. Выписанныя строки всего менѣ способны измѣнить наши убѣжденія. Авторъ ихъ, замѣтно, не считалъ нужнымъ тратить вниманіе, слушая рассказы 80 лѣтняго старика Феньшау и даже, по видимому, не познакомился съ Исторіею Польскаго возстанія и войны 1830—1831 г. Ф. Смита: иначе онъ и услышалъ бы отъ рассказчика, и узналъ бы изъ исторіи — 1-е, что прибывшій изъ Немировскихъ казармъ полкъ былъ Польскій

гвардейскій конно-егерскій <sup>(1)</sup>, дѣйствительно сохранившій вѣрность Великому Князю болѣе сутокъ до времени, когда началось отложеніе другихъ Польскихъ полковъ, не участвовавшихъ въ первыхъ дѣйствіяхъ возстанія, и 2-е, что „Фельшау нашелъ около Великаго Князя еще нѣсколько полковъ“, не Польскихъ, какъ даетъ разумѣть статейка словомъ „еще“ и оговоркою о ихъ вѣрности и готовности идти куда угодно, а три Русскихъ конныхъ полка, т. е. Подольскій кирасирскій, уланскій Цесаревича и Гродненскій гусарскій.

Что касается личности рассказчика, то при В. К. Константинѣ Павловичѣ дѣйствительно служилъ сначала адъютантомъ, а по производствѣ въ генералы, по особымъ порученіямъ, нѣто носившій офиціальное и частное прозваніе Феньша. Генералъ Феньшь пользовался почетомъ добраго, благороднаго человѣка — и только. Пишущій эти строки зналъ много лѣтъ Феньша, а однажды, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, бывалъ ежедневно у него съ докладами служебныхъ бумагъ, и то же не замѣтилъ ничего, что измѣняло бы ходячее о немъ мнѣніе. Изъ Исторіи Смита въ Русскомъ переводѣ видно, что въ первый вечеръ мятежа, при названномъ нами конно-егерскомъ полку, въ развѣздѣ къ Замку, вмѣстѣ съ генераломъ Даненбергомъ былъ генералъ Феньшь (вмѣсто небывалаго Фансаве). Раздѣлялъ ли Феньшь мнѣніе автора статейки, что революція была у насъ въ рукахъ или нѣтъ, это не имѣетъ никакого значенія по отсутствію доказательствъ; а то, что сообщаетъ статейка, лишено само, какъ мы видѣли, всякой основательности. Одно только несомнѣнно, что толки о возможности легкаго подавленія мятежа не прекращаются и, значить, не пере-

(1) При составленіи прежнихъ Замѣтокъ моихъ не было извѣстно о посылкѣ Великимъ Княземъ за конно-егерскимъ полкомъ; но это нисколько не измѣняетъ тѣхъ соображеній, по поводу которыхъ было упомянуто о прибытіи въ Бельведеръ конныхъ егерей.

стаетъ оскорблять память В. К. Константина Павловича обвиненіе, что онъ не умѣлъ или—что и того хуже—по пристрастію къ Полякамъ не хотѣлъ усмирять ихъ оружіемъ. Еще послѣ перваго Польскаго возстанія можно было до нѣкоторой степени извинять обвинителей недоразумѣніями и неизвѣстностью многихъ обстоятельствъ, въ чемъ нуждался даже самъ историкъ Смитъ (какъ мы имѣли случай указать на то въ первыхъ нашихъ замѣткахъ); но, намъ кажется, не слѣдуетъ повторять подобныя обвиненія теперь, послѣ втораго мятежа, который совершился уже безъ устроенныхъ какъ прежде Польскихъ войскъ, безъ общественныхъ запасовъ оружія и боевыхъ снарядовъ, безъ государственныхъ казначействъ, наполненныхъ милліонами русскихъ денегъ, совершился послѣ даннаго урока, въ виду грозныхъ военныхъ средствъ нашихъ и показалъ, что брать въ руки событія такого рода не такъ удобно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ или на словахъ.

По моему мнѣнію, разъясненіе обстоятельствъ, подающихъ поводъ къ подобнымъ произвольнымъ толкамъ, составляетъ прямой долгъ тѣхъ, которымъ дорога память о службѣ подъ начальствомъ В. К. Константина Павловича и которые были не чужды ходу тогдашнихъ дѣлъ. Напечатанными въ Русскомъ Архивѣ замѣтками желалъ я исполнить съ своей стороны такую обязанность. Съ тою же цѣлью считаю не лишнимъ передать здѣсь то, что случай доставилъ мнѣ узнать объ отношеніяхъ Великаго Князя къ извѣстному декабристу Лунину, отношеніяхъ, служившихъ не разъ причиною толковъ своего рода, равномерно не отличавшихся большею разборчивостію. Сдѣлаю это выпискою слѣдующаго отрывка изъ моихъ воспоминаній.

Любя страстно службу, Цесаревичъ искренно любилъ и лучшихъ дѣятелей ея, зналъ всѣхъ подкомандныхъ офицеровъ, а изъ старшихъ до капитана включительно рѣдкаго не зналъ по име-

ли и отчеству. Кошелекъ его всегда открытъ былъ для нуждающихся, и многіе получали отъ него другое жалованье. Подчиненные отъ генерала до солдата были ему преданы. При всей строгости тогдашнихъ военныхъ порядковъ, Цесаревичу нравились смѣлыя выходки, и онъ никогда не забывалъ ихъ. Этимъ объясняется покровительство, которое оказывалъ Великій Князь Лунину въ послѣднее время службы его. Мнѣ нигдѣ не случилось читать въ печати о случаѣ, познакомившемъ ихъ, и я перескажу здѣсь то, что слышалъ отъ бывшаго на Дону съ 1835 г. начальникомъ штаба генерала Бердяева и что самъ зналъ.

Въ Отечественную войну, по вступленіи нашихъ войскъ за границу, Цесаревичъ отдалъ приказаніе по своему гвардейскому отряду, чтобы офицеры во время похода не отступали ни въ чемъ отъ установленнаго для того порядка. Однажды, когда Бердяевъ былъ на ординарцахъ у Великаго Князя, Цесаревичъ догналъ на походѣ полкъ, въ которомъ служилъ Лунинъ (кажется, кавалергардскій). Великій Князь, ѣхавшій передъ тѣмъ спокойно, вдругъ поскакалъ налетомъ (въ галопъ) къ полку, сорвалъ съ полковника и бросилъ на землю шапку, наговорилъ разныхъ разностей и ускакалъ. Полковникъ ѣхалъ въ шапкѣ по нездоровью, и потому, считая себя обиженнымъ, объявилъ офицерамъ, что не можетъ долѣ оставаться въ службѣ. Офицеры всего полка признали поступокъ съ полковникомъ оскорбительнымъ для всѣхъ и подали къ Депрерадовичу общую просьбу объ отставкѣ; Депрерадовичъ тоже присталъ къ нимъ. Когда донесено было о томъ Цесаревичу, онъ назначилъ на днѣвкѣ смотрѣ полку, лично объявилъ при томъ офицерамъ, что отставка въ такое время не возможна и была бы преступленіемъ, но что онъ, воплію сознавая себя виноватымъ въ напрасной, по своей горячности, обидѣ достойнаго полковника, просить у него и у всѣхъ офи-

церовъ извиненія; а если, прибавилъ, кто остается этимъ недоволенъ, то готовъ дать личное удовлетвореніе. Обиженный полковникъ и офицеры стали выражать, что они удовлетворены и оставляютъ намѣреніе свое объ отставкѣ. Въ это время выходитъ въ передъ офицеръ лѣтъ 19—20 и говоритъ: „Ваше Высочество изволили сейчасъ предложить личное удовлетвореніе. Позвольте мнѣ воспользоваться такою высокою честью“. — Ну, ты братъ, для этого слишкомъ еще молодъ! — отвѣтилъ съ улыбкою Великій Князь Лунину (это былъ онъ). Лунинъ потомъ непрерывно школьничалъ; рѣдкій день проходилъ безъ его проказъ. Неразлучнымъ сподвижникомъ у него былъ офицеръ, отличавшійся только большимъ ростомъ и силою; товарищи называли его въ шутку Санчо-Пансо. Молодежь потѣшалась, а Лунинъ часъ-отъ часу все болѣе входилъ въ роль искателя приключеній. Само-собою разумѣется, не всегда онъ держалъ себя въ предѣлахъ умѣренности, и ему приходилось за это лично раздѣлываться; Лунинъ и такіе случаи включилъ въ репертуаръ своихъ проказъ. Когда кончилась въ Парижѣ война, Лунинъ (1) подалъ просьбу Государю такого смысла, что такъ какъ заключенъ миръ и въ Россіи нельзя ожидать скоро войны, то онъ проситъ разрѣшенія вступить въ иностранную службу, гдѣ случится война, особенно съ Французами. Государь остался очень недоволенъ выходкою, и я забылъ рассказъ Бердяева на этомъ мѣстѣ, чѣмъ она кончилась. Впрочемъ изъ Воспоминаній Вигеля (Рус. Вѣст. февр. 1865 г.) видно, что Лунинъ возвратился съ гвардіею въ Россію и здѣсь уже вышелъ въ отставку. Когда же, впоследствии, вспыхнула была война между Испаніею и Франціею, Лунинъ поступилъ въ

(1) Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, по матери своей (Федосья Никитична) былъ родной племянникъ Михаила Никитича Муравьева, одного изъ любимыхъ наставниковъ императора Александра Павловича. П. Б.

войска первой волонтеромъ, но ему объявлено отъ Русскаго правительства, что если онъ не вернется въ Россію, то имѣніе у него будетъ взято въ опеку. — Далѣе извѣстно мнѣ, что при формированіи въ Варшавѣ, въ двадцатыхъ годахъ, Гродненскаго гусарскаго полка, въ число зачисленныхъ въ него офицеровъ Великій Князь включилъ и армейскаго ротмистра Лунина, между тѣмъ какъ сверстникъ его по времени поступленія на службу, Албрехтъ, былъ уже старымъ генераломъ. „Ну что понулся теперь отъ проказъ?“ спросилъ Цесаревичъ представлявшагося къ нему лейбъ-гусара Лунина. — Тогда мы, Ваше Высочество, молоды были — отвѣчалъ послѣдній, намекая не на одно свое прошлое. Скоро по ходатайству Великаго Князя, Лунинъ произведенъ за отличіе въ подполковники. Общихъ рассказовъ о Лунинѣ послѣ было не много; слышалъ я только, что у него большая бібліотека и еще болѣе свора собакъ, что онъ человѣкъ богатый и велъ разгульную жизнь, что старшимъ никогда не успѣвалъ рапортовать о своей части, за то угощалъ по-гусарски. Въ замѣтовую церковь Лунинъ чаще всего прѣзжалъ что называется къ шапошному разбору, и приходъ его не рѣдко вызывалъ замѣчаніе, что онъ уже послѣ завтрака, къ чему подавало поводъ и самое выраженіе лица, невольно возбуждавшее мысль, что Лунинъ не чуждался удобствъ жизни. Наружность Лунина не представляла ничего особеннаго. Это былъ мужчина высокаго росту, русый, стригъ голову довольно коротко, на лицѣ волосы сбривалъ и имѣлъ привычку кусать нижнюю губу. Впрочемъ выраженіе глазъ давало разумѣть, что у него голова поставлена на своемъ мѣстѣ. Въ обращеніи съ старшими Лунинъ, замѣтно, не стѣснялся.

Извѣстно, что Лунинъ обвиненъ въ участіи съ декабристами. Какъ-то не вѣрится, чтобы онъ способенъ былъ привести въ исполненіе то, на что вызывался. Чуть ли тутъ не играло глав-



ную роль повѣтріе времени, товарищество, мода на демонизмъ страстей, расходившаяся привычка къ приключеніямъ—если не дѣйствительнымъ, то хоть разгорѣвшимся въ воображеніи. Когда въ Петербургѣ производилось слѣдствіе о заговорѣ и открылось въ немъ участіе Лунина, Великій Князь долго защищалъ его. Говорятъ, Луиниъ убѣдилъ къ тому Князя, давъ честное слово въ своей будто бы невинности. Этимъ дѣло нисколько не уясняется — потому вопервыхъ, что неизвѣстно, какими доказательствами Луиниъ вызвалъ покровительство Великаго Князя въ виду такого важнаго дѣла. Повторныхъ надобно признать заранѣе безчестнымъ и вмѣстѣ глупымъ Лунина, допуская, что онъ, дѣлаясь лицомъ историческимъ, добровольно отказался отъ послѣдняго нравственнаго чувства своего и далъ ложно честное слово для того только, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не имѣя ничего въ виду къ улучшенію своей участи. Человѣкъ, способный на такой поступокъ, скорѣе сдѣлалъ бы это тогда, когда онъ отпросился, въ то же время, на охоту въ Пруссію, подъ однимъ ручательствомъ честнаго слова возвратиться—и дѣйствительно возвратился. Всего вѣроятнѣе, Луиниъ объяснилъ откровенно какъ было дѣло, т. е. что въ немъ всего болѣе дѣйствовали временное настроеніе, увлеченія, хвастовство, ложный стыдъ отстать отъ другихъ и затѣмъ—слова, слова. Великій Князь, по добротѣ сердца, могъ простить заблужденіе и защищать его отъ обвиненія въ преступленіи. Въ Петербургѣ сочли опаснымъ щадить и самое заблужденіе въ подобномъ дѣлѣ и поставили Лунина въ третій разрядъ преступниковъ. Слышно было послѣ, что въ Сибири участь Лунина облегчена сравнительно съ другими. Это бы подтвердило только, что Цесаревичъ не былъ обманутъ. Считаю также нелѣпою выдумкою распространенныя нѣкогда слова, будто бы сказанныя Великимъ Княземъ: „Я бы никогда не легъ

спать въ одной комнатѣ съ Луинимъ, но честному слову его всегда повѣрю.“ Послѣ ареста и по отправленіи въ Петербургъ Лунина, онъ пробылъ нѣсколько часовъ во второй комнатѣ главнаго штаба. Къ нему приходилъ дежурный генералъ Кривцовъ, и они, разговаривая громко по французски, смѣялись, а оставаясь одинъ, Луиниъ ходилъ по комнатѣ и посвистывалъ — какъ будто арестъ его былъ за какую нибудь служебную провинку.... Въ это время Луиниъ былъ въ своемъ гусарскомъ вице-мундирѣ....

И. Ульяновъ.

## II. (\*)

Въ изданныхъ Н. В. Сушковымъ *Записокъ о жизни и времени Митрополита Филарета* приведена между прочимъ (стр. 199) слѣдующая выдержка изъ Записокъ гр. Е. О. Комаровскаго (Рус. Архивъ 1867 года, № 10): „Прежде нежели приступить къ присягѣ (въ 1825 г.) М. Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громкогласно сказалъ: *разрѣшаю и благословляю*. Это неожиданное изрѣченіе Архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности когда оно разнеслось между народомъ.“ Г. Сушковъ говоритъ, что М. Филаретъ, прочитавъ приведенныя строки, написалъ 8 ноября 1867 г. къ нему г. Сушкову, что будто бы гр. Комаровскій сказалъ не то, что было и уклонился отъ истины, присовокупивъ, что „слова *разрѣшаю и благословляю* не могли быть имъ сказаны, потому что въ словахъ сихъ нѣтъ опредѣленнаго понятія и смысла. Архипископъ не принималъ на себя — разрѣшать отъ присяги, да и не было въ семъ нужды; нужно было только объявить,

(\*) Эта замѣтка доставлена для напечатанія въ Русскомъ Архивѣ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ, зятемъ графа Евграфа Федотовича Комаровскаго (автора Записокъ). П. Б.

„что присяга уничтожилась сама собою... *Правда должна быть выше всего!*“

Соображаясь съ симъ послѣднимъ собственнымъ изрѣченіемъ Митрополита, мы считаемъ священной обязанностію возстановить истину вышеприведенныхъ словъ, которыя занесъ въ свои Записки графъ Е. Ѡ. Комаровскій.

Записки не дневникъ, и въ нихъ конечно могутъ невольно вкрасться, по забывчивости или за дальностію времени, какія нибудь неточности въ подробностяхъ излагаемаго событія. Но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло. Событіе было слишкомъ важно для всей Россіи вообще и для графа Е. Ѡ. въ частности: онъ былъ нарочно посланъ въ Москву Государемъ Императоромъ, который внимательно слѣдилъ за всѣми обстоятельствами Московской присяги. Возможно ли, чтобы, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ передалъ не точно исполненныя великаго смысла и важнаго значенія слова Московскаго Архипастыря? При томъ же слова эти произнесены были во всеулышаніе, при огромномъ стеченіи всѣхъ сословій древней столицы. Рѣшительный образъ дѣйствія въ тогдашніе дни недоумѣнія тотчасъ сдѣлался извѣстенъ повсюду и оцѣненъ всѣми. И теперь еще есть живыя лица, которыя слышали слова эти; такъ напр. бывшій

оберъ-прокуроръ Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ <sup>(1)</sup> или тогдашній адъютантъ Московскаго генераль-губернатора Петръ Петровичъ Новосильцовъ <sup>(2)</sup>, оба находившіеся въ Успенскомъ Соборѣ и въ самой близости отъ мѣста дѣйствія, конечно могутъ припомнить слова эти и подтвердить полнѣйшую истину разказа, находящагося въ Запискахъ гр. Комаровскаго, писанныхъ всего лѣтъ черезъ пять послѣ самаго событія. И такъ слѣдуетъ скорѣе предположить, что въ этомъ случаѣ естественно слабѣющая съ лѣтами память высокопреосвященнѣйшаго Митрополита могла невольно измѣнить ему: досточтимый Архипастырь писалъ свое письмо Н. В. Сушкову за 10 дней до кончины своей и притомъ писалъ о томъ, что происходило 42 года назадъ. Дорожа памятью обоихъ усопшихъ, воздадимъ каждому свое.

*С. Комовскій.*

С.-Петербургъ.  
Мая 9-го дня, 1868 года.

(Сообщено).

(1) Нынѣ Предсѣдатель Комитета Министровъ.

(2) Нынѣ тайный совѣтникъ.

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕДѢЛОКЪ ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЗАКРЫТА ДЛЯ ЧТЕНІЯ  
ВПРЕДЪ ДО ОБЪЯВЛЕНІЯ.

- в) Переписка Фридриха Великаго съ гр. Сольмсомъ.—  
Письма Императора Иосифа и Маріи Терезіи и  
другихъ лицъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Поль-  
ши. [203 стр.].
5. Философъ Дидро въ его сношеніяхъ съ Россіею. Біо-  
графическій очеркъ, соч. *М. Θ. Шукурова*. 257—365
6. Обрядъ при Высочайш. шествіи Ея Императорскаго  
Величества чрезъ Харьковское намѣстничество (1787)  
сочиненіе *В. А. Черткова*. 306—313
7. Изъ Записокъ гр. *Е. Θ. Комаровскаго* (Времена Ека-  
терины). 314—351
8. Два письма *графа Эстергази* изъ Петербурга къ женѣ  
своей (о Екатеринѣ II-й). 352—360
9. Изъ бумагъ *А. П. Мельгунова*: 361—364
- а) Рескриптъ Императрицы Екатерины II-й. [361 стр.].
- б) Письмо *П. В. Завадовскаго* къ Мельгунову. [362 стр.].
- в) Замѣтки о могилѣ *А. П. Мельгунова*. [363 стр.].
- Л. Н. Трехолева*.
10. Выписки изъ Архива Канцеляріи Прибалтійскаго  
Генерала-Губернатора: 367
- Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю, распо-  
ряженія касательно возстановленія Гирона въ  
Курляндіи, о новомъ самозванцѣ (лже-Іоаннѣ  
Антоновичѣ) и пр. и пр. [367 стр.].
11. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ. [стр. 425].
12. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохрани-  
мости церковныхъ древностей (между, прочимъ въ  
XVIII вѣкѣ).

Цѣна первой книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка“ въ Москвѣ и С.-Петер-  
бургѣ 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 руб. Получать можно въ Москвѣ у  
*П. И. Бартенева*, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца *А. Θ. Базунова*.

#### ВТОРАЯ КНИГА „ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА“ ПЕЧАТАЕТСЯ.

Тамъ же продается вышедшая вторымъ изданіемъ книга *Ю. Θ. Самарина*: **ЛЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ** (изданіе Рус-  
скаго Архива). Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к. Къ  
этому второму изданію прибавлено: 1) статья о найденныхъ авторомъ  
въ Пражской университетской библіотекѣ „Тайныхъ Наставленіяхъ  
Общества Іисусова“, 2) „Тайныя Наставленія“ въ Латинскомъ под-  
линникѣ и Русскомъ переводѣ, 3) Польскій Катихизисъ, 4) Подроб-  
ное оглавленіе всей книги.

# РУССКІЙ АРХИВЪ

1868

(ГОДЪ ШЕСТЫЙ)

Подписка принимается въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С.-Петербургѣ у А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной и въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива (заключающее въ себѣ неменѣе 60 печатныхъ листовъ сжатаго, но четкаго набора, въ два столбца) съ пересылкою и доставкою въ дома **шесть** рублей.

Подписка безъ пересылки и доставки не принимается.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библиотечку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ (отдѣльныя тетради собранныя въ томѣ) 1863 и 1864 по 4 р., 1865, 1866 и 1867 по 5 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желаящіе получить *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* высылаютъ съ пересылкою 23 рубля, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ, — платятъ съ пересылкою 28 рублей.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библиотечку, и высылать на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Анлію* 8 р.; *въ Швейцарію и Італію* 9 р.

Тамъ же можно получать изданіе Русскаго Архива:

## ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. (8°. VIII, 240 и VIII стр.)

Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартепьевъ.**